Роберт
ХАЙНЛАЙН

Звездный десант

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Роберт
ХАЙНЛАЙН

Звездный десант

Роберт
ХАЙНЛАЙН

Звездный десант

•

Дорога доблести

•

Луна – суровая хозяйка

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«TERRA FANTASTICA»
2007

Роберт
ХАЙНЛАЙН

Звездный десант

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«TERRA FANTASTICA»
2007

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Х 12

Robert A. HEINLEIN

STARSHIP TROOPERS

GLORY ROAD

THE MOON IS A HARSH MISTRESS

Оформление переплета художника *А. Саукова*

Хайнлайн Р.

Х 12 Звездный десант: Фантастические романы / Пер. с англ. – М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 1024 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-7921-0665-7 (TF)
ISBN 978-5-699-05901-0 (Эксмо)

В эту книгу вошли три культовых романа великого мастера, каждый из которых в момент своего выхода произвел революцию в мировой фантастике и знаменовал собой новую эпоху в творчестве Роберта Хайнлайна.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Оформление переплета.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© Внутреннее оформление.
TERRA FANTASTICA, 2004
© Перевод. Я. Кельтский,
В. Ковалевский, Н. Штуцер, 2004

ISBN 5-7921-0665-7
ISBN 978-5-699-05901-0

Звездный
десант

© Я. Кельтский, перевод, 2003

Сержанту Артуру Джорджу Смиту — солдату, гражданину, ученому...

А также всем сержантам, которые везде и в любые времена трудятся, чтобы сделать мужчин из сопляков.

1

Ну вы, гориллы! Хотите жить вечно?
Неизвестный взводный сержант, 1918 год

Перед высадкой меня всегда колотит. Меня и стимуляторами пичкали, и гипноподготовку провели, но все без толку, потому что на самом-то деле я не боюсь. Корабельный психиатр прозвонил мне все извилины и задал кучу дурацких вопросов, пока я спал, а потом сказал, что все дело вовсе не в страхе. И вообще, это — не страх, это — так, пустячок. Вроде как призовой рысак дрожит в предвкушении скачек.

Сказать мне тут нечего, в жизни не был призовым рысаком. Но факт есть факт: каждый раз я трясусь, словно барышня.

За полчаса до начала мы собрались в бросковой комнате «Роджера Янга»*, командир нашего взвода проверил нас. Собственно, он вовсе не наш командир, просто лейтенант Расжак не вернулся с последнего задания; а на самом деле он — наш взводный сержант. Если официально — сержант корабельного десанта Джелал. По национальности Джелли — наполовину турок, наполовину финн, родом он с Искандара, что возле Проксимы, а с виду — недомерок-писарь. Но я видел, как он разделался с двумя обезумевшими штафирками, такими рослыми, что сержанту пришлось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до их воротников. А потом он треснул их лбами друг от друга, словно кокосовые орехи, и отошел в сторонку, чтобы они его не придавили, долетев до пола.

Вне службы он — вполне нормальный парень. Для сержанта, конечно. Его даже можно назвать «Джелли» в лицо, и ничего тебе не будет. Разумеется, если ты не салабон, а хотя бы разок прыгал.

Но сейчас он был при исполнении. Мы все проверили экипировку (как-никак, а речь-то о нашей шкуре, ясно?), потом исполняющий обязанности взводного нас жучил, а теперь за дело взялся сам Джелли. Морда у сержанта была прегадостная, а взгляд не упускал ни одной мелочи. Джелли остановился возле парня, что стоял передо мной, и нажал на поясе кнопку индикатора физического состояния.

— Выйти из строя!

— Но, сержант, это ж всего-навсего насморк. Фельдшер говорит...

— Фельдшеру в десант не идти! — гаркнул Джелли.— И тебе с твоей тридцать семь и пять — тоже. Думаешь, у меня время есть вести с тобой беседы перед высадкой? *Выйти из строя!*

Дженкинс покинул строй с несчастным и злым видом. Мне тоже было не по себе. А все потому, что лейтенант погиб — ну не повезло! — во время последней высадки, нас по цепочке всех повысили, и я стал помощником командира второго отделения. С уходом Дженкинса у меня в отделении появилась дыра, и заткнуть ее нечем. Это плохо; может статься, кто-нибудь из ребят влипнет в настоящее дерьмо, позовет на помощь, а услышать его будет некому.

Джелли не стал завершать смотр. Он сделал шаг в сторону, окинул строй взглядом и грустно покачал головой.

— Стадо горилл! — рыкнул он.— Может, если вам всем сегодня не повезет, так мне позволят начать все с начала и сколотить подразделение, какое и лейтенанту не стыдно будет показать. Да хрен там... набирают сейчас кого попало.

Он вдруг выпрямился и заорал:

— Запомните! Вы, гориллы, каждый по себе и все вместе,— влетели правительству в копеечку! Если считать оружие, броню, боезапас, прочую экипировку, обучение — я уж не говорю

о жратве! — потянет на полмиллиона. Плюс еще тридцать центов — это за вас лично! Так что сумма набегает та еще.

Он с ненавистью глянул на строй.

— А потому: казенное имущество вернуть обратно! Сами вы — невелика потеря, а эти смешные костюмчики на вас денег стоят. И мне не нужны в этих нарядах герои! Лейтенанту это не понравилось бы. Дело вы знаете, идете вниз, делаете его, уши держите на макушке, чтобы не прохлопать отбой, в место сбора прибыть живо и в порядке номеров. Ясно?

Он опять на нас зыркнул.

— Считается, что план вам известен. Но, за неимением мозгов, некоторые из вас гипноустановку не воспринимают, так что я кратенько повторю. Вас выбрасывают в две цепи, интервал — две тысячи ярдов. По приземлении тут же взять мой пеленг, а также пеленг и расстояние до своих соседей слева и справа, пока ищите укрытие. Десять секунд вы уже потратили, так что просто крушите напрочь все кругом, пока фланговые не шлепнутся в грязь.

Это он обо мне говорил. Я должен был замыкать левый фланг, и с одного бока меня никто не прикрывал. Меня начало трясти.

— А как только фланговые приземлятся — выровнять цепи! И дистанцию не забудьте! Бросайте все, чем занимались, и вперед! Двенадцать секунд. Затем — прыжками вперед, четные и нечетные, помощники командиров отделений следят за очередностью, а фланги полностью завершают охват.

Сержант посмотрел на меня.

— Сделаете все как надо — в чем я сильно сомневаюсь,— то фланги сомкнутся как раз к отбою. Все, время бежать домой. Вопросы есть?

Вопросов не было, их никогда нет. Джелал продолжил:

— Еще одно слово... Это — просто рейд, не сражение. Демонстрация огневой мощи. Наша задача — дать противнику понять, что мы могли, но не стали уничтожать их город. И что безопасности им не видать, пусть даже мы воздерживаемся от тотальной бомбардировки. Пленных не брать. Убивать только

в случае крайней необходимости. Но весь район высадки — уничтожить. И если я увижу, что хотя бы один из вас притащил на борт неиспользованную бомбу...

Сержант выразительно помолчал.

— Всем ясно?

Он посмотрел на часы.

— «Разгильдяям Расжака» нужно блюсти репутацию,— заявил сержант.— Лейтенант просил сказать *вам*, что ему теперь сверху все видно, он с вас глаз не спустит... А еще он надеется, что вы покроете свои имена славой!

Джелли посмотрел на сержанта Мильяччио, командира первого полувзвода.

— Пять минут, падре.

Многие ребята вышли из строя и опустились перед Мильяччио на колени. Вероисповедание значения не имело. Мусульмане, христиане, гностики, иудеи, кто угодно — тот, кто хотел получить благословение перед высадкой, мог подойти. Я слышал разговорчики, что когда-то капеллан не шел в бой вместе со всеми, но понять не могу, как же они тогда жили? Я хочу сказать: как капеллан мог кого-то благословлять на что-то, чего сам делать не хотел? В любом случае, у нас в мобильной пехоте в бой идут *все* и сражаются *все*, от капеллана до повара, и даже писарь нашего Старика. Как только мы вылетим из шахты пусковой установки, на борту не останется ни одного Разгильдяя — за исключением Дженкинса, но тут не его вина.

Я к священнику не пошел. Всегда боялся, что кто-то увидит, как меня трясет. Все равно падре и оттуда меня может благословить. Но он сам ко мне подошел, когда последний из страждущих поднялся с колен. Падре прижал свой шлем к моему, чтобы обойтись без радио.

— Джонни,— негромко сказал он,— ты впервые идешь в десант капралом.

— Ага...

Вообще-то я такой же капрал, как Джелли — офицер.

— Вот что, Джонни, не спеши на тот свет. Дело ты знаешь, выполни его. Просто выполни. Не пытайся заработать медаль.

— Э-э... спасибо, падре. Не буду.

Он негромко добавил что-то на языке, которого я не понимаю, хлопнул меня по плечу и заторопился к своему подразделению.

— Смиррр... на!!! — крикнул Джелли.

Все застыли.

— Взво-од!

— Полувзвод! — эхом подхватили Мильяччио и Джонсон.

— По отделениям... с левого и правого борта... к выброске приготовиться!..

— Полувзвод! По капсулам! Пошел!

— Отделение!..

Мне пришлось переждать, когда четвертое и пятое отделения займут свои места в капсулах и уйдут в пусковую шахту, а потом слева на направляющих показалась моя капсула, и я в нее влез. Интересно, а тех дедов тоже трясло, когда они вбивались в этого своего Троянского коня? Или мне одному такое счастье? Джелли проверил каждого солдата, меня же он собственноручно упаковал. И пока этим занимался, наклонился ко мне и сказал:

— Не лодырничай там, Джонни. Все, как на учениях.

Крышка капсулы опустилась, и я остался один.

Хорошо ему говорить про все, как на учениях! А меня уже трясло так, что корабль раскачивался.

Затем в головных телефонах я услышал голос Джелли.

— Мостик! Разгильдяи Расжака к высадке готовы!

— Семнадцать секунд, лейтенант,— раздалось в ответ веселое контральто капитана корабля.

Она сказала: «лейтенант». Наш лейтенант погиб, и может быть, Джелли повысят и всучат ему нас... но пока что мы Разгильдяи Расжака.

— Удачи, мальчики,— добавила капитан.

— Спасибо...

— Приготовились. Пять секунд.

Я был перетянут ремнями, точно багаж, с ног до головы — живот, лоб, голени. Но трясло меня пуще прежнего.

После отстрела капсулы всегда становится легче. А до того сидишь в полной тьме, завернутый, точно мумия, в противоперегрузочные обмотки, дышать и то трудно. И ведь знаешь, что вокруг тебя в капсуле — сплошной азот и шлема снимать нельзя, даже если бы ты мог его снять. И знаешь, что капсула уже в пусковой шахте. И если корабль получит пробоину до того, как тебя отстрелят, молись не молись, а сдохнешь тут от удушья, не способный пошевелиться, беспомощный. Вот от этого бесконечного ожидания в темноте меня и трясет. Как подумаешь: а вдруг про тебя забыли... Корабль с развороченным корпусом болтается на орбите, мертвый, и ты скоро таким же будешь, и двинуться не можешь. А еще вот — корабль сойдет с орбиты, и ты все равно сдохнешь, если не сгоришь по дороге.

Тут корабль начал торможение, дрожь меня отпустила. Я бы сказал, восемь *g*, если не все десять. Когда у штурвала женщина, забудь о комфорте, а от привязных ремней останутся синяки. Да-да, я в курсе, что женщины гораздо лучшие пилоты, чем мужчины; и реакция у них получше, и перегрузку они выдерживают получше и повыше нашего. И «налет-отступление» они выполняют четче и скорее, а следовательно, дают нам всем дополнительный шанс. И все равно мало веселого в том, что тебя колотит по позвоночнику вес, в десять раз превышающий твой.

Но должен признать, капитан Деладрие свое дело знает. Никаких тебе примерок, торможение прекратилось, и я сразу же услышал ее голос:

— Носовые... пуск!

Последовали два толчка, это вниз пошел Джелли и его помощник. И тут же:

— Левый и правый борт... пуск!

Наша очередь.

Бамп! И твоя капсула дергается вперед на шажок... *Бамп!* Еще один рывок. Знаете, как в древнем автоматическом ору-

жии, когда вгоняешь патроны в магазин. Да, мы они и есть — патроны в обойме... только стволы не стволы, а сдвоенные пусковые шахты, встроенные в корабль-матку, а каждый патрон такого размера, что внутри сидит пехотинец (хотя и тесно тут!) плюс вся его полевая экипировка.

Бамп! Обычно я был третьим номером, но сейчас я был «Хвостиком-Чарли», замыкающим после трех отделений. Ожидание утомляло, хотя капсулы отстреливались каждую секунду. Я попытался считать «бампы»: *бамп!* (двенадцать), *бамп!* (тринадцать), *бамп!* (четырнадцать... странный звук, должно быть, пошла пустая, ну да, Дженкинс остался на борту), *бамп!..*

Звяк! Вот и до меня дошла очередь, моя капсула встала в пусковой механизм. А потом — *уам-м-м... бу!!!* Взрыв так тряхнул меня, что предыдущие капитанские выкрутасы показались любовными объятиями.

А потом — ничего.

Вообще ничего. Ни звука, ни тяжести, ни веса. Парение в темноте... свободное падение миль, похоже, на тридцать над поверхностью атмосферы, невесомый спуск на планету, которой никогда не видел. Но я больше не дрожу, все ушло на ожидание. Как только тебя отстрелили, ничего с тобой не случится, потому что если что-то пойдет не так, тебе не повезет, то ты и не заметишь, что уже умер.

Почти сразу же я почувствовал, что капсула раскачивается и крутится, потом выровнялась, а потом вернулся вес... очень быстро вернулся, покуда я не стал весить, как должен на этой планете (тут 0,87*g*, как нам сказали). Это капсула вошла в верхние слои атмосферы. Пилот, который был настоящим артистом в своем деле (а капитан определенно была таковым), снизится и затормозит так, чтобы капсулы при отстреле шли со скоростью вращения планеты. Нагруженные капсулы очень тяжелые; они пройдут сквозь верхние, разреженные слои атмосферы и лягут рядком в зоне высадки. Ну, может, некоторых отнесет подальше. А пилот-неумеха все напорет, разбросает ударную группу, да так, что они не сумеют друг друга

отыскать, я уж не говорю о выполнении задания. Десантник может сражаться, только если кто-нибудь доставит его к цели; поэтому я полагаю, пилоты важны не меньше, чем мы.

Капсула вошла в атмосферу мягко, поэтому я могу сказать, что капитан выложила нас с отклонением, близким к нулю, о таком только мечтаешь. Я был счастлив — не только потому, что когда мы высадимся, то окажемся в плотном строю и не станем тратить времени даром, но еще и потому, что пилот, который тебя высаживает, обычно потом приходит тебя подбирать.

Выгорела и отслоилась верхняя оболочка — неровно, поскольку меня закрутило. Затем она отошла полностью, я выровнялся. Заработали тормозные двигатели второй оболочки, началась болтанка... и все усиливалась, пока они прогорали и раскалывалась вторая скорлупа. Десантник потому остается жив, что оболочка его капсулы не только гасит скорость его падения, но и дурит радары; там на экранах такие помехи получаются, что никто не разберет, что валится с неба — человек ли, бомба или что иное. Достаточно, чтобы у артиллеристов спятили все компьютеры... да так с ними обычно и бывает.

А чтобы было веселее, непосредственно после отстрела десанта корабль сбрасывает еще серию яиц-муляжей, те летят быстрее, потому что не снимают оболочек. Прилетают на землю первыми, взрываются, открывая «окошко», могут даже работать транспондерами, сбивать с толку ракеты — в общем, делают массу дел, добавляя хлопот тем, кто организовывает нам внизу торжественный прием.

Тем временем корабль берет пеленг на радиомаяк комвзвода, игнорируя радарный шум, и вычисляет точку приземления для дальнейшего использования.

Когда отошла вторая оболочка, третья автоматически раскрыла первый парашют. Он просуществовал недолго, да и не должен был жить вечно; один добрый крепкий рывок в несколько *g*, и он летит своей дорогой. А я своей. Второй парашют живет чуть подольше, а третий — совсем долгожитель. В капсуле стало жарковато, и я начал думать о приземлении.

Третью оболочку сорвало вместе с последним парашютом, и теперь вокруг меня ничего не было, только бронированный скафандр да пластиковое яйцо. Я по-прежнему был связан по рукам и ногам; пришла пора определиться, как и где я собираюсь сесть. Не двигая руками (я и не смог бы), я большим пальцем нажал кнопку и прочитал показания, которые вывели на внутреннюю поверхность шлема.

Миля и восемь десятых... Чуть ближе, чем мне хотелось бы, особенно в одиночку. Внутреннее яйцо падало с постоянной скоростью, сидеть в нем больше не было смысла. Судя по температуре оболочки, оно еще не скоро откроется, так что я перекинул тумблер большим пальцем другой руки и избавился от оков.

Первый заряд разрезал все ремни; второй расколол пластик оболочки на восемь частей, и вот я снаружи, сижу на воздухе и наконец-то вижу! Все восемь кусков оболочки, кроме маленького осколка, через который я получал данные, металлизированы и дают на экране радара такой же сигнал, как и человек в боевом доспехе. Любой обозреватель, живой или кибернетический, сейчас рыдает, пытаясь отсортировать меня от обломков, летящих сверху, снизу, вокруг. Во время обучения пехотинцу дают посмотреть и на радаре, и собственными глазами, как это выглядит с земли, для того чтобы потом не чувствовать себя голым в полете. Легко запаниковать, открыть парашют раньше времени и превратиться в «сидячую утку» (кстати, а утки сидят? А если сидят, то зачем?) или вовсе не открыть парашют и переломать себе ноги, а то и спину вместе с шеей.

Я потянулся, прогоняя судорогу, огляделся по сторонам... затем вновь сложился пополам и выпрямился снова, но уже лицом вниз, словно ныряющий лебедь. Внизу, как и ожидалось, была ночь, но если привыкнуть пользоваться инфравизорами, то разглядеть кое-что можно. Практически подо мной находилась река, разрезающая город по диагонали. Судя по яркости свечения, температура воды была выше, чем почвы. Мне было плевать, на каком берегу оказаться, лишь бы не между ними. Не хочу терять время.

Я заметил вспышку справа примерно на моей высоте. Какой-то недружелюбно настроенный местный житель сжег один из обломков моего яйца. Так что я тут же раскрыл первый парашют, чтобы по возможности убраться с поля зрения его радара, если парню вздумается отследить падение всех обломков. Я приготовился к рывку, получил его и секунд двадцать плавно спускался, прежде чем отстегнуть парашют. Не хотелось привлекать к себе излишнего внимания.

Должно быть, все получилось. Я не сгорел.

Еще футов через шестьсот я раскрыл второй парашют... и очень быстро понял, что меня несет прямиком в реку, сообразил, что пролечу над плоской крышей какого-то склада или чего-то вроде того на высоте в сотню футов. Отстрелил парашют и в целом неплохо приземлился на крышу при помощи двигателей скафандра. В тот момент, когда я закончил подпрыгивать, я брал пеленг сержанта Джелала.

Оказалось, берег я выбрал не тот. Отметка на кольце компаса внутри шлема находилась на юге, я же забрал далеко на север. Определив расстояние и координаты ближайшего командира отделения, выяснил, что он всего лишь в миле от меня, вызвал его:

— Ас, выравнивай цепь!

Бросил себе за спину бомбу — и все это на пути к краю крыши — и сиганул через реку. Ответ Аса я знал заранее. Именно он должен был занимать мой нынешний пост, но не захотел расставаться с отделением. Правда, принимать от меня приказы он тоже не желал.

Склад позади меня взлетел на воздух, взрывная волна догнала меня на середине реки, а не за укрытием из соседних зданий, как положено. Гироскоп взбесился, я был очень близок к кувырку. Я же установил взрыватель на пятнадцать секунд... или нет? Кажется, я перевозбудился, а это самое худшее, что ты можешь придумать в десанте. «Как на учениях» — вот как надо, Джелли меня предупреждал. Не жалей времени и сделай все, как надо, даже если на это уйдут лишние полсекунды.

После приземления я вновь вызвал Аса и вновь приказал ему перестроить отделение. Он не ответил, он уже занимался этим. Пусть его. Пока Ас делает свое дело, я смирюсь с его грубостью... пока. Но на борту (если Джелли оставит меня в помощниках командира) мы выберем себе тихое местечко и выясним, кто из нас главный. Он — полновесный капрал, я же только исполняющий обязанности, но он ниже меня по должности, а в боевой обстановке нельзя постоянно отвлекаться на дерзости подчиненных.

Времени думать об отношениях с Асом у меня не было; прыгая через реку, я заметил смачную цель и захотел добраться до нее раньше остальных — симпатичное скопление зданий на холме. Храмы какие-нибудь... или дворцы. Они стояли в нескольких милях от зоны высадки, но первое правило операции «раздави-и-беги» гласит: половину боезапаса потрать на то, что находится за пределами района охвата. Тогда противнику труднее понять, куда направлена атака. Второе и третье правила о том, чтобы не стоять на месте и делать все по-быстрому. Противника всегда гораздо больше, чем своих. Тебя спасет неожиданность и скорость.

Еще беседуя с Асом, я приготовил ракетомет, но на самом интересном месте до меня докатился голос Джелли на частоте подразделения.

— Взво-од!.. Прыжками!.. Марш!

Эхом откликнулся мой начальник, сержант Джонсон:

— Прыжками!.. Нечетные! Марш!

Мне осталось секунд двадцать, так что я вспрыгнул на здание неподалеку, положил ракетомет на плечо, отыскал цель и нажал на первую гашетку, чтобы ракета взглянула на свою мишень. Потом нажал вторую гашетку, проводил снаряд взглядом и спрыгнул вниз.

— Второе отделение, четные номера! — крикнул я, отсчитал в уме секунды и приказал: — Марш!

И сам выполнил свой приказ, поскакав к следующему ряду строений, а пока был в воздухе, прошелся из ручного огнемета по зданиям на берегу. Похоже, выстроены они были из дерева —

занялись здорово. Самое время. А если повезет, в одном, а то и в двух окажется склад топлива или взрывчатки. Одновременно два наплечных реечных бомбодержателя запустили две маленькие, но жутко вредные бомбочки. Одну направо, вторую налево, но что они там наделали, я так и не увидел, потому что в это самое время запущенная в первую очередь ракета попала в цель. Кто хоть раз видел вспышку ядерного взрыва, никогда ее ни с чем не перепутает. Ракета, конечно, была слабосильная, меньше чем на две килотонны, с «трамбовкой» и всем таким прочим, что уменьшает критическую массу... но кто же хочет спать на соседней койке с катастрофой космического масштаба? Все равно ракеты хватило, чтобы начисто снести верх холма и напомнить всем присутствующим, что не худо было бы бежать в укрытие. А если кому из туземных лопухов пришло в голову именно в этот миг выглянуть в окно, чтобы выяснить, что за шум, так они еще несколько часов ничего не увидят — включая меня. Ни на меня, ни на кого из нас вспышка не подействовала; шлемы у нас освинцованные, сверху — темные фильтры, да и натренировали нас: повернулся не в ту сторону, мотни головой, фильтр на глаза и опустится.

Словом, я проморгался, а когда открыл глаза, то увидел местного жителя, который выскочил на открытое пространство впереди меня. Туземец смотрел на меня, я — на него, он начал поднимать какую-то штуку, оружие наверное, но тут Джелли проорал:

— Нечетные! Марш!

Мне было некогда валять дурака: я был на добрых пять сотен ярдов в стороне от того места, где должен был находиться. В левой руке я по-прежнему держал огнемет; начав отсчет, я поджарил туземца и перепрыгнул через здание, из которого он выскочил. Огнемет предназначен для поджигания зданий в первую очередь, но как оружие самообороны тоже сгодится. Да и целиться из него не надо.

За всеми своими переживаниями я забылся и прыгнул слишком высоко и далеко. Всегда заманчиво выжать из скафандра все, что можно,— но *никогда так не поступай!* Зависа-

ешь в воздухе слишком долго, и вот ты большая красивая мишень. Фокус в том, чтобы приближаться небольшими скачками от здания к зданию, едва не задевая крышу, на пути вниз делаешь максимум работы, и главное — никогда не задерживайся на одном месте дольше секунды, не давай в себя прицеливаться. Все время будь в другом месте. Двигайся постоянно.

А я вот перестарался, до одной улицы слишком далеко, до второй — все равно не дотягиваю, я летел прямиком на крышу. Но не на удобную плоскую крышу, где можно потратить еще три секунды и запустить еще одну ракету. Нет, эта крыша представляла собой настоящие джунгли из труб, антенн и каких-то других железяк. Наверное, это была фабрика или химический завод. Все равно приземляться было некуда. И что еще хуже — там насчитывалось штук десять туземцев. Чудики эти — гуманоиды, ростом футов восемь-девять, покостлявее нас будут, а температура тела — выше. Одежду они не признают и через инфравизоры здорово смахивают на неоновую рекламу. Днем, когда на них простым глазом смотришь, они еще смешнее, но я бы предпочел иметь дело с ними, чем с арахнидами. От жуков меня выворачивает.

Если эти дамочки там, внизу, появились на тридцать секунд раньше взрыва, значит, они меня видеть не могли. Они вообще ничего не могли видеть. Но наверняка я не знал и связываться с ними так и так не хотел. Не того разряда рейд. Так что я опять прыгнул, прямо с воздуха, рассыпав по дороге пригоршню зажигательных пилюль с десятисекундным запаздыванием, чтобы ребятам было чем заняться. Приземлился, сразу прыгнул и выкрикнул:

— Второй полувзвод! Четные!.. Марш!

И продолжил движение, всякий раз высматривая, куда бы всадить ракету. У меня еще оставалось три штуки ядерных ракет, и я совершенно точно не собирался возвращаться с ними на корабль. Но мне в башку вколотили, что если уж использовать ядерный заряд, так цель должна стоить тех денег. А мне ракеты доверили всего во второй раз.

Сейчас я хотел отыскать водозаборы; прямое попадание, и весь город непригоден для житья. Все эвакуируются, а убивать никого не придется. А ведь с этим заданием нас сюда и послали. Судя по карте, нужное мне место должно находиться примерно в трех милях вверх по течению от того, где я сейчас оказался.

Но я пока его не видел; наверное, прыгал не слишком высоко. Так и подмывало скакнуть повыше, но я запомнил, что мне сказал падре перед высадкой. Не геройствовать, не завоевывать медаль, а все делать по бумажке. Я выставил бомбосброс на автомат и на каждом приземлении оставлял по подарку. Между делом поджег еще несколько домов и все старался найти водозаборы или что-нибудь не менее ценное.

Ну, я его и нашел. Понятия не имею — что, но большое и на подходящем расстоянии. Может, даже желанный водозабор. Так что я вспрыгнул на крышу самого высокого здания поблизости, приготовил конфетку и запустил ее. Прыгая вниз, услышал Джелли.

— Джонни! Ред! Начинайте охват!

Я дал подтверждение, услышал подтверждение Реда, включил пищалку, чтобы Ред всегда мог взять мой пеленг, поймал его пеленг, прокричал:

— Второй полувзвод! Развернуться для охвата! Командирам отделений — подтвердить получение приказа!

Четвертое и пятое отделение ответили: «Есть!», а Ас буркнул, что они давно этим заняты, и посоветовал мне пошевеливаться.

И был прав. Маячок Реда показывал, что правый фланг в добрых пятнадцати милях передо мной. Ух ты! Следует последовать совету, или я ни за что не успею вовремя. А ведь боезапас все еще при мне, и надо найти время, чтобы его потратить. Мы высадились в V-образном строю, Джелли — в центре, мы с Редом — по краям. Сейчас же мы образовывали круг с центром в точке рандеву... а значит, нам с Редом надо было покрыть большее расстояние, чем остальным, и не забывать о разрушениях.

Ну, хоть прыжки закончились, можно было перестать считать и начать думать о скорости. И так уже обстановка вокруг накалялась и становилась не слишком здоровой. Явились мы внезапно, приземлились благополучно (по крайней мере, я надеялся, что никого не зацепило при высадке), подняли шорох на такой территории, что можно спокойно стрелять, не боясь попасть в своего. Больше шансов получить пулю от противника, да вот только сможет ли он найти нас, чтобы поупражняться в стрельбе. Я не эксперт по теории игр, но сомневаюсь, что обычный компьютер смог бы проанализировать наши действия и предсказать, где мы окажемся в следующее мгновение.

Тем не менее местная оборона начала огрызаться, прицельно или нет, не знаю. Мимо меня пару раз промахнулись, хотя положили достаточно близко, чтобы я зубами лязгнул внутри своей бронированной скорлупки, а разок меня окатило каким-то лучом, отчего волосы встали дыбом и целую секунду я чувствовал себя парализованным. Почти так же, как при ударе по мыщелку плечевой кости, но только по всему телу. Если бы до этого скафандр не получил приказа прыгать, там бы я и остался.

Такие вот штуки наводят на мысль — а зачем ты вообще подался в солдаты? Только времени у меня посидеть и подумать об этом сейчас не было, занят я был. Дважды, вслепую перепрыгивая здания, я приземлялся в самой гуще народа, приходилось тут же выпрыгивать, поливая все вокруг огнем.

Половину расстояния я таким образом преодолел, времени потратил минимум, но зато существенных разрушений не произвел. Бомбодержатели опустели еще два прыжка назад; очутившись в одиночестве посреди какого-то двора, я задержался перезарядить их, одновременно выясняя, чем занят Ас. И выяснил, что нахожусь слишком далеко от фланга, чтобы размышлять, на что потратить остаток ракет. Я запрыгнул на самое высокое здание по соседству.

Уже достаточно рассвело; я поднял инфровизоры и быстренько огляделся, выискивая подходящую мишень, хоть что-нибудь, во что выстрелить. Кочевряжиться некогда было.

По направлению к их космопорту что-то такое торчало на горизонте. То ли административное здание с диспетчерской вышкой, то ли корабль. Примерно на одной линии с ним и вдвое ближе возвышалось гигантское строение, назначение которого я даже представить не смог. До космопорта было далековато, но я все равно дал ракете взглянуть туда, приговаривая: «Нука, детка, наподдай им!», а следом за ней тут же запустил последнюю, но уже в мишень поближе.

Я уже спрыгивал, когда дом взлетел на воздух. Либо художественные аборигены рассудили (и правильно сделали), что стоит пожертвовать одним зданием ради одного из нас, либо кто-то из наших парней был беспечен. Как бы то ни было, мне по крышам передвигаться расхотелось. Вместо того чтобы лезть поверху, я решил пройти насквозь. Снял со спины тяжелый огнемет, опустил на глаза затемнители и разрезал стену впереди сконцентрированным лучом на полной мощности. Кусок стены отвалился, и я вошел...

А вышел еще быстрее.

Не знаю, куда меня занесло. На религиозное собрание в местной церкви, в ночлежку или штаб командующего обороной. Знаю только, что помещение было большое, а худышек там было столько, сколько мне не хотелось бы увидеть до конца своей жизни.

Наверное, все же не церковь, потому что по мне кто-то выстрелил; пуля отскочила от скафандра, в ушах у меня зазвенело, а больше вреда никакого. Но это напомнило мне, что я не должен уходить, не оставив им сувенира о себе. Я сдернул первое, что попалось под руку, и швырнул в пролом. И услышал, как мой подарок заквакал. Как нам все время талдычат: лучше сразу сделать что-нибудь конкретное, чем через несколько часов придумать лучший вариант.

Чисто случайно я поступил совершенно верно. Я бросил им специальную бомбу из тех, что нам всем раздали перед высадкой с наказом использовать, если придумаем эффективное при-

менение. Квакала она на местном языке, что в вольном переводе звучало примерно так:

— Я бомба с тридцатисекундным замедлением! Я бомба с тридцатисекундным замедлением! Двадцать девять!.. Двадцать восемь!.. Двадцать семь!..

Предполагалось, это потреплет худышкам нервы. Про них не скажу, а мои потрепала. Уж лучше выстрелить в человека, добрее получается. Ждать окончания отсчета я не стал; прыгнул с мыслью, отыщут ли ребята двери и окна, чтобы убраться оттуда подобру-поздорову.

На верхней точке прыжка я взял пеленг Реда, а по приземлении — Аса. Я опять отставал, время поторопиться.

Через три минуты брешь мы заткнули, в полумиле слева от меня находился Ред и об этом докладывал Джелли. В ответ весь взвод услышал радостный рык:

— Круг замкнут, а маяк не сброшен. Двигайтесь потихоньку вперед и крушите все вокруг, добавьте им перцу... Только им, а не своим соседям. Хорошо поработали пока что, не испортите мне впечатление. Взво-од! По отделениям!.. Рассчитайсь!

Я тоже думал, что мы поработали на совесть: большая часть города горела, и, хотя уже полностью рассвело, трудно было сказать, как было лучше, с инфравизорами или без, такой густой стоял в воздухе дым.

— Второй полувзвод! — крикнул наш командир Джонсон.— Рассчитайсь!

Я отозвался:

— Отделения четыре, пять, шесть — по порядку номеров разобраться и доложить!

Среди всего прочего у нас имелись новые многоканальные рации.

Джелли мог связаться с кем угодно, и — выборочно — с командирами полувзводов. Командир полувзвода — со всеми своими и отдельно с капралами. Таким образом, перекличка взвода занимала считанные секунды. Я слушал перекличку четвертого

отделения, тем временем ревизуя свой боезапас, и даже успел бросить гранату в туземца, высунувшего нос из-за угла. Он куда-то пропал. Я тоже смылся. Начальство сказало: не стой столбом...

В четвертом отделении запутались, пока их командир не сообразил, что пустой номер принадлежит оставшемуся на корабле Дженкинсу. Пятое отщелкало, как абак. Мне стало хорошо... когда перекличка вдруг оборвалась на четвертом номере во взводе Аса.

— Ас, а где Диззи? — спросил я.

— Заткнись. Номер шесть!

— Шестой! — отозвался Смит.

— Седьмой!

— Шестое отделение, не хватает Флореса,— доложил Ас.— Командир отделения идет на поиски.

— Один отсутствует,— передал я дальше Джонсону.— Флорес, шестое отделение.

— Отстал или убит?

— Не могу знать. Командир отделения и помкомполувзвода идут на поиски.

— Джонни, Ас сам справится.

Я его не слушал, так что не стал отвечать. А слышал я, как он докладывает Джелли, как тот клянет все и вся. Поймите меня правильно, за медалью я не рвался, просто искать пропавшего — прямая обязанность помощника командира полувзвода. Он — погоняла, последний, прямая статья расхода. Командиру есть чем заняться. Да вы и сами уже догадались, что пока командир жив, в его помощнике особо никто не нуждается.

А я сейчас чувствовал себя действительно никому не нужным и списанным в расход, потому что слышал самый сладкий звук во Вселенной, маяк, сброшенный нашим катером, сигнал к отходу. Маяк — это ракета-робот, катер отстреливает его, он втыкается в землю и начинает передавать долгожданные позывные «все ко мне, все сюда!» Катер садится на его координаты через три минуты, и лучше оказаться поблизости, потому что

автобус никого ждать не будет, а следующий придет еще очень нескоро.

Но никто не уходит, бросив товарища, пока есть шанс, что он все еще жив, ни у Разгильдяев Расжака, ни в других подразделениях мобильной пехоты. Ты идешь и ищешь отставшего.

Я слышал приказ Джелли:

— Носы выше, парни! Круг теснее, прикрываем отход! Вперед!

А еще я слышал сладкий голос маяка: «*...во славу пехоты сияет в веках, сияет в веках имя Роджера Янга!*» И мне так захотелось бежать к маяку, что во рту кисло стало.

Вместо этого я пер в противоположную сторону на пеленг Аса и тратил все, что у меня осталось от бомб, зажигательных пилюль, вообще всего, что на мне было нагружено.

— Ас! Ты нашел его сигнал?

— Да. Топай назад, без сопливых скользко!

— Тебя я вижу, а он где?

— Прямо впереди меня, может, четверть мили. Проваливай! Он из *моих* ребят.

Я не ответил; просто взял левее, чтобы встретиться с Асом там, где, по его словам, находился Диззи.

И нашел Аса, стоящего над Флоресом; парочка худышек лежала горящими трупами, остальные разбегались. Я встал рядом.

— Давай вынем его из скафандра, катер придет через несколько секунд!

— Он слишком тяжело ранен!

Я посмотрел и понял, что Ас прав: в броне зияла дыра и из нее текла кровь. Я растерялся. Чтобы вынести раненого, вынимаешь его из скафандра... затем просто берешь на руки (какие проблемы в скафандре-то?) и прыжками мчишься в безопасное место. Весит обычный человек куда меньше, чем боезапас и снаряжение.

— Что же делать?

— Понесем,— угрюмо буркнул Ас.— Бери слева.

Сам он взялся справа, мы поставили Флореса на ноги.

— Держи крепче! Теперь на счет «два» — прыжок. Раз... два!

Мы прыгнули. Не далеко и не слишком хорошо. В одиночку ни один из нас его вообще от земли не оторвал бы, скафандр слишком тяжелый. Но вдвоем у нас могло получиться.

Мы прыгнули... и еще раз прыгнули... и еще, и еще, и еще. Ас считал, мы вдвоем поддерживали и ловили Диззи при каждом приземлении. Наверное, гироскоп у него отрубился окончательно.

Мы слышали, как замолчал маяк, когда приземлился катер. Я видел, как он садится — так далеко. Мы слышали голос исполняющего обязанности взводного сержанта:

— По порядку номеров приготовиться к посадке!

И крик Джелли:

— А-атставить!

Наконец-то мы выбрались на открытое пространство и увидели катер, стоящий вертикально на грунте, услышали вой сирены, увидели взвод, занявший круговую оборону, услышали голос Джелли:

— По порядку номеров... всем на борт!

А мы по-прежнему были далеко! Мне было видно, как грузится первое отделение, остальной взвод сомкнул круг.

И вдруг из этого круга вырвалась одинокая фигура и помчалась к нам с такой скоростью, которую может развить только офицерский скафандр.

Джелли перехватил нас, пока мы были в воздухе, вцепился в бомбодержатели Флореса, помог нам.

До катера мы добрались в три прыжка. Все уже сидели внутри, но люк еще не задраили. Мы впихнули Диззи на борт, забрались сами, пока пилот орала, что из-за нас она опоздает к стыковке и нам всем не повезет. Джелли на нее внимания не обращал; мы уложили Флореса на пол и сами улеглись рядышком. Когда катер стартовал, Джелли пробормотал сам себе:

— Все налицо, лейтенант. Трое раненых, но все — налицо.

А про капитана Деладрие я скажу вот что: лучше пилота не сыщешь. Встреча и стыковка на орбите рассчитана до секунды.

Я не знаю, каким образом, но это так, и этого не изменишь. Просто никак.

Только она это сделала. Она на радаре увидела, что катер стартовал с опозданием, сдала назад, подобрала нас и вновь набрала скорость. Только при помощи собственных глаз и рук, у нее не было времени просчитать новый маневр на компьютере. Если всемогущему понадобится помощник — приглядывать, чтобы звезды не сбивались с курса,— я знаю, кто займет эту должность.

А Диззи Флорес умер во время взлета.

2

От страха ни мертвый и ни живой
Бежал я что было силы,
Не глядя назад, поскорее домой
И в комнату к мамочке милой.

Янки Дудль, не унывать!
Янки Дудль — добрый малый!
Лучше петь и танцевать
С девушкой на сеновале[1].

«Янки Дудль»

Об армии я всерьез никогда не думал.

И уж точно — не о пехоте! Да я бы предпочел получить десять ударов плетями при всем честном народе или чтобы отец сказал мне, что я позорю наше честное имя.

О, как-то раз в выпускном классе средней школы я заикнулся при отце, что обдумываю идею поступить на федеральную службу. Полагаю, так поступают все дети, когда им светит восемнадцатый день рождения, а мне восемнадцать стукнуло бы через неделю после окончания школы. Разумеется, у многих дальше мыслей дело не заходит, поиграют немного с идеей,

[1] Перевод Д. Лаврова.

а затем идут в колледж, или работать, или еще куда. И сам я наверняка поступил точно так же... если бы мой лучший друг на полном серьезе не собрался бы в армию.

Мы с Карлом все делали вместе: на девочек глазели вместе, свидания назначали вместе, принимали участия в дебатах вместе, занимались опытами в его домашней лаборатории и то вместе. Сам я в электронике не смыслю, но руки у меня растут откуда надо. Карл поставлял идеи, я следовал его инструкциям. Было весело; все, чем мы вместе занимались, было весело. У стариков Карла, конечно, не было столько денег, как у моего отца, но для нас это не имело значения. Когда мой отец подарил мне на четырнадцатилетие «роллекс», часы в равной степени принадлежали и Карлу; так же как и лаборатория в подвале его дома — мне.

Так что когда Карл сообщил мне, что после школы не собирается продолжать образование, а сначала пойдет в армию, я чуть не подавился. Он на самом деле намеревался так поступить. Похоже, он считает такой поступок естественным, верным и очевидным.

Вот я и сказал ему, что пойду вместе с ним.

Он странно покосился на меня:

— Твой старик тебе не позволит.

— Ха! Как он сможет меня остановить?

Разумеется, ничего бы у него не получилось, по крайней мере по закону. Это первое (и возможно, последнее) решение, которое каждый принимает абсолютно независимо; когда парню или девчонке стукнет восемнадцать, он или она могут пойти добровольцем, и никто ничего сказать не сможет.

— Еще увидишь,— хмыкнул Карл и сменил тему.

Но вскоре я осторожно заговорил на эту тему с отцом.

Он отложил газету и сигару и уставился на меня.

— Сынок, ты с ума сошел?

Я пробормотал, что вроде бы нет.

— А похоже,— отец вздохнул.— М-да... а ведь следовало ожидать, очень предсказуемое поведение на этом этапе развития. Помню, когда ты научился ходить и перестал быть малень-

ким мальчиком... если честно, на какое-то время ты превратился в сущего проказника. Ты разбил одну из маминых ваз эпохи Мин — нарочно, я уверен... но ты был слишком юн, чтобы сознавать ее ценность. Поэтому я всего лишь отшлепал тебя. А еще припоминаю день, когда ты стащил у меня сигару, а потом тебя весь день тошнило. Мы с мамой так старались сделать вид, будто не замечаем, что ты тем вечером и куска не можешь проглотить, а я до сегодняшнего дня не говорил, что я все знаю. Мальчикам так положено: надо попробовать, чтобы убедиться, что мужские забавы не для них. Мы наблюдали, как ты взрослеешь и начинаешь замечать, как не похожи на нас и прекрасны девочки!

Он опять вздохнул.

— Совершенно нормальные этапы. В том числе и последняя твоя выдумка. Кто из мальчишек не мечтает о красивой форме? Или решает, что он влюблен так, как никто никогда до него не влюблялся, и в сию же секунду обязан жениться. Или одновременно, одно другому не мешает,— отец сумрачно улыбнулся.— Со мной случилось одновременно. Но я все сделал в свое время и не пустил под откос свою жизнь.

— Пап, я не собираюсь пускать жизнь под откос. Я собираюсь отслужить в армии, я ведь не иду в кадровые военные.

— Оставим пока этот разговор, хорошо? А я объясню тебе, чего ты на самом деле хочешь. Во-первых, наша семья держится в стороне от политики и потихоньку возделывает свой сад уже сто с лишним лет. Лично я не вижу смысла ломать эту добрую традицию. Полагаю, что тебя сбил с пути твой школьный знакомый... как его? Ты знаешь, о ком я.

Он имел в виду преподавателя истории и философии морали. И естественно, ветерана.

— Мистер Дюбуа.

— Какое глупое имя... но ему подходит. Иностранец, сомнений нет. Нужно бы принять закон, запрещающий использовать школы как тайные вербовочные пункты. Думаю, я напишу об этом довольно резкое письмо. Налогоплательщик обладает кое-какими правами!

— Пап, ну он-то здесь при чем? Он...

Я замолчал, не зная, как продолжить. Мистер Дюбуа обладал задиристым и высокомерным нравом; обращался он с нами так, словно ни один из нас не достоин даже близко быть подпущенным к государственной службе. Мне он не нравился.

— Да он скорее только отбивает всякую охоту.

— Пф-ф! Ты что, не знаешь, как свиней ведут на бойню? Ладно, не важно. Окончишь школу, отправишься в Гарвард изучать бизнес, это ты знаешь. После поедешь в Сорбонну, будешь понемногу путешествовать, знакомиться с нашими представителями, смотреть, как идут дела. А затем вернешься домой и возьмешься за работу. Начнешь с чего-нибудь простенького, вроде старшего клерка,— это для проформы. Оглянуться не успеешь, как окажешься наверху, потому что я не молодею. Чем быстрее возьмешь дела на себя, тем лучше. Как только наберешься опыта и желания, ты хозяин. Вот! Как тебе такая программа? И стоит ли выбрасывать два года псу под хвост?

Я ничего не ответил. Все это было для меня не ново, все это я уже обдумывал. Отец поднялся и положил руку мне на плечо.

— Сынок, не думай, что я равнодушен к твоему мнению, это не так. Просто взгляни фактам в лицо. Если бы сейчас шла война, я первый бы поддержал тебя и предложил бросить дела к ногам военных. Но сейчас войны нет и, благодарение богу, уже не будет. Войны мы переросли. На нашей планете мир и счастье, мы наслаждаемся отношениями с другими планетами. Так чем же является так называемая государственная служба? Паразитизм чистой воды. Потерявшая функциональность организация, ненужная, устаревшая, живущая благодаря налогам. Довольно дорогое удовольствие: кормить бездарей, которые в ином случае оказались бы без работы, а они еще пыжатся до конца своей жизни. И ты хочешь к ним?

— Но Карл вовсе не бездарь!

— Прости. Да, он не бездарь, он чудесный парень... хотя и с кашей в голове.

Отец нахмурился, но потом улыбнулся:

— Сынок, у меня тут был приготовлен сюрприз к окончанию школы. Но лучше сообщить о нем сейчас, чтобы тебе было легче выбросить из головы всякую чушь. Не то чтобы я боялся того, что ты можешь выкинуть, я уверен в твоем здравом смысле, несмотря на твой нежный возраст. Но ты в затруднении, я знаю, а мой подарок поможет тебе развеяться. Угадай, что это?

— Н-ну... не знаю.

Его улыбка стала шире.

— Путешествие на Марс.

Наверное, я выглядел ошеломленным.

— Господи, пап, я понятия не имел...

— Я хотел удивить тебя, и мне это, кажется, удалось. Я знаю, все мальчишки с ума сходят по путешествиям — хотя не пойму, на что там смотреть. Тебе самое время прогуляться — одному, я этого не сказал? — и забыть обо всем, потому что, когда возьмешься за работу, тебе даже на Луну будет некогда выбраться,— отец вновь взял газету.— Нет, не благодари. Иди и дай мне спокойно дочитать. У меня сегодня вечером встреча с несколькими господами. Дела!

И я пошел. Полагаю, отец посчитал, что уладил вопрос... полагаю, я сам так считал. Марс! И никто не будет дергать меня за руку! Но Карлу я не стал об этом рассказывать, подозревал, что он посчитает поездку взяткой. Что ж, может быть, таковой она и была. Так что я просто сказал, что мы с отцом имеем на этот счет различные мнения.

— Ага,— сказал Карл.— Вот и мой тоже. Но это — *моя* жизнь.

Я размышлял на эту тему во время последнего урока истории и философии морали. От остальных предметов этот курс отличался тем, что был обязательным, но экзаменов по нему сдавать не надо было, а мистеру Дюбуа, кажется, было плевать, усвоим мы что-нибудь или нет. Он просто тыкал в кого-нибудь левой культей (запоминать наши имена он не считал нужным) и выплевывал вопрос. Затем разгорался спор.

Но в последний день он все-таки задался задачей выяснить, чему же мы научились. Одна из девчонок напрямик заявила:

— А мама говорит, что насилие никогда ничего не решает.

— Да ну? — мистер Дюбуа окинул ее холодным взглядом.— Уверен, что отцы города под названием Карфаген были бы рады это узнать. Почему ваша мама этого не сказала им? Или вам самой?

Они уже и раньше цеплялись друг к другу. Провалиться на экзамене было невозможно, так и мистера Дюбуа нечего было опасаться.

— Что вы меня высмеиваете! — взвизгнула девица.— Всем известно, что Карфаген был разрушен!

— Вы, похоже, пребывали в неведении,— мрачно отрезал мистер Дюбуа.— Раз теперь вы это тоже знаете, поведайте нам, разве насилие не определило раз и навсегда их судьбу? И лично вас я не высмеиваю, я всегда издеваюсь над глупыми высказываниями и идеями. Издевался и буду издеваться. Тому, кто придерживается исторически неверной и полностью аморальной доктрины, что «насилие ничего не решает», я бы посоветовал вызвать духов Наполеона Бонапарта и герцога Веллингтона на словесную дуэль. И дух Гитлера вполне сгодится в судьи. А жюри составят дронт, большая гагара и странствующий голубь. Насилие, грубая сила уладили больше исторических вопросов, чем любой другой фактор, и противоположное мнение является в лучшем случае благим пожеланием. Народы, забывающие об этой прописной истине, платят жизнью и свободой.

Он вздохнул.

— Еще один год, еще один класс — и еще одна моя неудача. Можно дать ребенку знания, но невозможно заставить его думать.

Его левая культя вдруг ткнула в мою сторону.

— Ты. В чем моральное различие между солдатом и штафиркой, если оно вообще существует?

— Разница,— осторожно ответил я,— заключается в гражданских ценностях. Солдат принимает на себя ответственность за ту политическую общность, членом которой является, защищая ее, если понадобится, ценой своей жизни. Штатский — нет.

— Азбучные истины,— язвительно заметил учитель.— Но ты понимаешь их? Ты в них веришь?

— Э-э... не знаю, сэр.

— Разумеется, не знаешь! Сомневаюсь, что кто-то здесь вообще поймет, что такое «гражданские ценности», даже если споткнется о них! — он глянул на часы.— Наконец-то. Может, когда-нибудь встретимся при более радостных обстоятельствах. Вольно.

Я получил диплом и через три дня отпраздновал день рождения — на неделю раньше, чем Карл,— и все еще не сказал ему, что не пойду в армию. Уверен, что он и так все понял, но вслух мы ничего не обсуждали. На следующий день после его дня рождения мы встретились и отправились в вербовочный пункт.

На ступеньках Федерального центра мы встретили Кармен-ситу Ибаньез, нашу одноклассницу и одну из самых красивых девчонок, которая заставляла меня радоваться, что наша раса делится на два разных пола. Кармен не была моей подружкой, она вообще ничьей подружкой не была. Она никогда не назначала два свидания подряд одному и тому же парню и со всеми нами обращалась одинаково мило. Но я ее хорошо знал, она часто приходила в наш бассейн, так как он был как раз олимпийских стандартов. Иногда она являлась с одним парнем, иногда с другим. Иногда в одиночестве, и маме это нравилось больше всего, потому что она называла ее «хорошим влиянием». В этом она была права.

Кармен заметила нас, подождала.

— Привет, мальчики!

— Привет, *Ochee Chyornya*! — отозвался я.— А тебя каким ветром сюда занесло?

— Не догадываешься? У меня сегодня день рож-дения.

— Да? Поздравляю!

— Так что я иду вербоваться.

— А-а...

По-моему, Карл был удивлен не меньше меня. Но подобная выходка была вполне в духе Карменситы. Она никогда не сплетничала и свои личные дела держала при себе.

— Не шутишь? — радостно добавил я.

— Зачем мне шутить? Я собираюсь стать космическим пилотом. По крайней мере, постараюсь им стать.

— Не понимаю, что тебе помешает,— быстро вставил Карл.

Он был прав. О, я знаю, насколько он был прав! Кармен была невысокая и гибкая, обладала отличным здоровьем и превосходными рефлексами. Ныряла она просто классно и была сильна в математике. У меня же была тройка по алгебре и четверка по деловой арифметике, а Кармен давно обогнала школьную программу и училась по усложненной программе. Мне никогда не приходило в голову, зачем ей это было надо. Малышка Кармен была такой прелестной, что представить ее за серьезным занятием было невозможно.

— Мы... э-э... я,— сказал Карл,— тоже иду вербоваться.

— И я,— поддакнул я.— Мы оба.

Нет, я вовсе не принимал решения, мой язык зажил собственной жизнью.

— Да? Вот здорово!

— И я тоже хочу учиться на пилота,— решительно добавил я.

Кармен не стала смеяться, ее ответ был серьезен:

— Отлично. Может, еще столкнемся во время тренировок. Было бы здорово.

— Столкновение на трассе? — хихикнул Карл.— Это для пилотов не дело!

— Не глупи, Карл. На земле, конечно. А ты тоже собираешься в пилоты?

— Я? Я грузовики не вожу. Ты же меня знаешь — «Старсайд, научно-технические разработки». Если возьмут, конечно. Электроника.

— Грузовик, сказал тоже! Надеюсь, тебя запихнут на Плутон, мерзни там. Да нет, шучу. Удачи тебе. Ну что, пошли?

Вербовочный пункт находился в ротонде. Там за конторкой сидел флотский сержант при полных регалиях, нарядный, как передвижной цирк. Мундир его был перегружен нашивками, которые я никак не мог прочитать. Но правой руки у него не было, ему даже китель сшили без одного рукава, а когда мы подошли к конторке, то заметили, что и ноги у него ампутированы.

Самому ему это обстоятельство ничуть не мешало.

— Доброе утро,— произнес Карл.— Я хотел бы записаться в армию.

— Я тоже,— добавил я.

Он нас проигнорировал. Он ухитрился сидя поклониться и произнес:

— Доброе утро, юная леди. Что я могу для вас сделать?

— Я тоже хочу поступить на службу.

Сержант улыбнулся.

— Прекрасно, девушка! Если вас не затруднит, пройдите в комнату двести один и спросите майора Рохас, она займется вами,— он окинул Карменситу взглядом с ног до головы.— Пилот?

— Если можно.

— Вам — можно. Ну что ж, вам — к майору Рохас.

Она ушла, поблагодарив его и пообещав встретиться с нами попозже. Сержант воззрился на нас с полным отсутствием удовольствия, которое только что испытывал при виде маленькой Кармен.

— Ну? — спросил он.— Куда? В стройбат?

— О нет! — сказал я.— Я тоже хочу в пилоты.

Он посмотрел на меня и отвернулся.

— Ты? — поинтересовался он у Карла.

— Меня интересует научно-исследовательский корпус,— сдержанно сказал Карл.— Особенно электроника. Я думаю, шансы у меня неплохие.

— Да, если подойдешь,— мрачно буркнул флотский сержант.— И нет, если нет ни таланта, ни подготовки. Слушайте, детки, вы вообще-то соображаете, почему меня тут держат?

Я его не понял. Карл сказал:

— Почему?

— Потому что правительству по барабану, завербуетесь вы или нет! Потому что мода сейчас такая пошла у народа — отслужить срок, получить планочку на грудь, ветеран, мол, а самим даже пороха не понюхать. Но если *хотите* служить, то я не сумею оттоворить вас, и нам придется вас взять, потому что у вас такое конституционное право, и оно гласит, что любой, мужчина или женщина, имеют от рождения право отслужить и получить полное гражданство. А куда нам потом добровольцев девать? Нельзя всем поголовно быть военными; столько нам не нужно, да и большинство добровольцев в солдаты не годятся. Имеете понятие, что значит быть солдатом?

— Нет,— сознался я.

— Большинство людей считают, что все, что нужно,— это иметь две руки, две ноги и пустую башку. Может, и так. Для пушечного мяса. Возможно — для Юлия Цезаря. Но сегодня рядовой солдат — это специалист высочайшего класса. Мы не можем позволить себе набирать глупцов. Так что тем, кто настаивает на службе, но не обладает нужными нам качествами, мы придумали целую уйму грязных, неприятных, а порой и опасных занятий, от которых они тут же сбегут к мамочке с поджатым хвостом и невыслуженным сроком. Ну, хоть по гроб жизни запомнят, что гражданство — вещь ценная, потому что платишь за него по высшему разряду. Возьмем вот ту девчушку, хочет стать пилотом. Надеюсь, у нее все получится. Хорошие пилоты всегда нужны, их вечно не хватает. Может быть, она будет хорошим пилотом. А если нет, зашвырнут ее куданибудь в Антарктику, и ее симпатичные глазки покраснеют, потому что там только искусственный свет, а мягкие ручки покроются мозолями от грубой, грязной работы.

Я хотел сказать ему, что Карменсита в худшем случае может стать программистом на станции слежения. В математике она — бог. Но сержант продолжал.

— Стало быть, посадили меня вас отпугивать. Гляньте-ка,— он развернул кресло, чтобы мы могли полюбоваться на отсутствие ног.— Предположим, вас не пошлют копать туннели на Луне или изображать подопытную морскую свинку. Предположим, мы сделаем из вас настоящих бойцов. Посмотрите на меня — вот что вы можете получить. Если только не получите по полной программе, а вашим предкам придет телеграмма, начинающаяся со слов: «С глубоким прискорбием...» И второе вероятнее, потому что сейчас в учебке и в армии раненых почти не бывает. Так что отбросите копыта, сунут вас в гроб — я редкое исключение, мне-то повезло,— хотя вы, возможно, удачей это не назовете.

Он помолчал и добавил:

— Так почему бы вам, мальчики, не бежать домой? Поступите в колледж, станете химиками там, брокерами на бирже. Служба в армии — не пикник. Это настоящая военная служба, опасная и тяжелая даже в мирное время. Никаких отпусков. Никаких романтических приключений. Итак?

Карл сказал:

— Я пришел, чтобы завербоваться.

— Я тоже.

— Вы понимаете, что вам не дозволено выбирать род войск?

Карл сказал:

— Я думал, мы можем сообщить, куда мы хотели бы попасть.

— Это точно. И это последний свободный выбор, который вы сделаете до конца срока. Офицер по кадрам обратит внимание на ваши предпочтения. Первым долгом проверит, нет ли где вакансии для левши-стеклодува, если напишешь, что именно эту профессию был бы счастлив получить. Потом с неохотой признает, что есть местечко — где-нибудь на тихоокеанском дне,— а затем проверит твои возможности и способности. В одном случае из двадцати он будет вынужден признать тебя годным и выпишет тебе путевку... пока какой-нибудь шутник не выдаст тебе приказ заняться другим делом. В прочих девятнадцати случаях офицер оглядит тебя со всех сторон и постановит, что пригоден ты только на то, чтобы провести

полевые испытания новой модели жизнеобеспечения в условиях Титана.

Он мечтательно закатил глаза.

— А на Титане прохладно,— задумчиво протянул он.— Потрясающе, сколько экспериментального оборудования не работает в лаборатории. Приходится испытывать в поле. Научники никогда ничего не знают.

— Я могу специализироваться по электронике,— твердо заявил Карл.— Если для этого есть хоть какая-нибудь возможность.

— Да ну? А ты что скажешь, сопля?

Я засомневался было, но вдруг до меня дошло: если сейчас не решусь, придется всю жизнь гадать: кто я, если не сыночек большого босса?

— Я бы все же попробовал.

— Ага. Ладно, нельзя сказать, что я не пытался. Метрики с собой? И дайте-ка глянуть на удостоверения личности.

Через десять минут, все еще не приведенные к присяге, мы были на верхнем этаже, где нас принялись простукивать и просвечивать. Я решил, что если не болен на самом деле, то заболеешь после осмотра. А если все попытки врачей провалятся, ты годен.

Я спросил одного из медиков, много ли народа отсевают по состоянию здоровья. Он страшно изумился.

— Да никого мы не отсеваем. Закон запрещает.

— Да? То есть, прошу прощения... Но, доктор, а в чем тогда смысл этого парада? Я уже весь в пупырышках, точно ощипанный гусь.

— Цель осмотра в том,— он стукнул меня по колену молоточком (я лягнул врача в ответ, но не сильно),— чтобы выяснить, к каким обязанностям вы годитесь. Но если бы вы явились сюда в инвалидном кресле и слепой на оба глаза и такой тупой, все равно занятие найдется. Скажем, считать волосины на гусенице на ощупь. Непригодным считается только тот, кто сумеет убедить психиатра, что не способен понять слова присяги.

— А-а... э-э... доктор, а вы уже были врачом, когда поступили на службу? Или тут решили, что вы должны стать врачом и послали вас в медицинскую школу?

— Я? — у него был шок.— Юноша, я что, дурак с виду? Я гражданский.

— Ой. Простите, пожалуйста.

— Пустяки. Военная служба — для муравьев. Поверь мне. Я вижу, как люди уходят, как они приходят, если приходят, конечно. Я вижу, что с ними случается. И ради чего? Чисто номинальная привилегия, за которую не заплатят и центаво, и практически ни у кого не хватает мозгов ею правильно распорядиться. Если бы врачам дали власть... ладно, не будем об этом. А то ты еще возомнишь, будто мои речи попахивают изменой. Но вот что я вам скажу, юноша: если вы достаточно умны, чтобы сосчитать до десяти, то уже бежали бы домой, пока не поздно. Вот, эти бумаги передадите сержанту и запомните, что я вам сказал.

Я вернулся в ротонду. Карл уже там стоял. Флотский сержант сумрачно ознакомился с моими бумагами и столь же мрачно изрек:

— Здоровы оба до отвращения. Только ветер в голове. Минуту, сейчас только свидетелей позову.

Он нажал на кнопку, явились две женщины-клерка, одна — старая боевая кляча, вторая симпатичная.

Сержант указал на наши бумаги и официальным тоном произнес:

— Я предлагаю и требую, чтобы вы, каждая в отдельности, изучили эти документы, определили, чем они являются, и, каждая в отдельности, сообщили, какое отношение каждый из этих документов имеет к двум находящимся здесь мужчинам.

Женщины восприняли все как нудную рутину, чем оно, собственно, и являлось, по-моему. Тем не менее бумаги они разве что не обнюхали, потом взяли у нас отпечатки пальцев — вторично! — и симпатичная вставила в глаз ювелирную лупу и сравнила отпечатки. То же самое она сделала с подписями. Я начал сомневаться, что я — это я.

Флотский сержант добавил:

— Нашли ли вы подтверждение, что эти люди не способны принять присягу? Если да, то какие?

— Мы находим,— сказала старшая,— что медицинское заключение составлено компетентной полномочной медкомиссией. Психиатр считает, что каждый из этих мужчин способен принять присягу, ни один не находится в состоянии алкогольного опьянения, под воздействием наркотических или других препаратов или гипноза.

— Отлично,— сержант повернулся к нам.— Повторяйте за мной. Я, будучи совершеннолетним, по собственной воле...

— Я,— подхватили мы,— будучи совершеннолетним, по собственной воле...

— ...без принуждения физического, словесного либо любого другого характера, будучи в установленной форме извещен и предупрежден о сути и значении данной присяги... вступаю в ряды вооруженных сил Земной Федерации на срок не менее двух лет либо любой другой по требованию службы...

Тут я слегка запнулся. Я всегда считал, что срок больше двух лет не бывает. Нам так обычно говорили. А что, если мы подписались на всю оставшуюся жизнь?

— ...клянусь соблюдать и защищать Конституцию Федерации от всех ее земных и неземных врагов; укреплять и защищать конституционные права и свободы всех граждан и других лиц, в законном порядке проживающих на территории Федерации и ассоциированных государств; выполнять возложенные на меня законом и определенные его законными представителями обязанности на Земле и вне ее... беспрекословно подчинятьсяся всем законным приказам главнокомандующего вооруженных сил Земли, старших офицеров и приравненных к ним лиц... а также требовать такого подчинения от всех военнослужащих, других лиц, а также негуманоидов, определенных в законном порядке под мое командование... и, по окончании срока будучи уволенным с почетом в отставку либо будучи по окончании означенного срока зачислен в запас, выполнять все предписания и

обязанности и пользоваться всеми без исключения правами гражданина Федерации, включая права, обязанности и привилегии, связанные с пожизненным правом избирать и быть избранным на государственные должности, пока право это не будет отнято у меня смертью либо по окончательному, не подлежащему обжалованию решению суда равных мне.

Ф-фу! На занятиях по истории и философии морали мистер Дюбуа анализировал с нами текст присяги, фразу за фразой, но, пока она не прокатится по тебе одним махом, словно тяжелый и неотвратимый Джаггернаут, не понимаешь ее истинного *веса.*

По крайней мере, она заставила меня осознать, что я больше не штатский с пустотой в голове и выпущенной из-под ремня рубахой. Я еще не знал, кем я стал, но знал, кем больше не являюсь.

— И да поможет мне Бог! — закончили мы хором.

Карл при этом перекрестился, как и женщина-клерк, что была посимпатичнее.

После этого мы все пятеро еще расписались и оставили отпечатки пальцев, сделали цветные фото меня и Карла в профиль и анфас и подшили их в наши досье. Наконец флотский сержант поднял голову.

— Самое время перекусить, парни.

Я сглотнул комок в горле.

— Э-э... сержант.

— М-да? Говори.

— А можно отсюда с родителями связаться? Сказать, что я... Рассказать, как все получилось?

— Да мы с тобой лучше сделаем.

— Сэр?

— Вам предоставляется увольнительная на сорок восемь часов,— сержант холодно усмехнулся.— Знаете, что вам будет, если не вернетесь?

— Э-э... трибунал?

— Да ни черта. Ничего не будет. Сделают в бумагах отметку: «Срок удовлетворительно не окончен», и никакого второго

шанса его выслужить на веки вечные. Вам дают поостыть. Мы так отсеиваем сосунков-переростков, которым не больно-то и хотелось на самом деле и которым не следовало даже заикаться о присяге. Правительство экономит деньги, а детишкам с предками — никакого расстройства. Соседи даже не догадаются. Можно даже родителям не говорить,— он оттолкнул кресло от стола.— Ну, увидимся послезавтра. Если вообще увидимся. Забирайте свое хозяйство.

Увольнительная вышла отвратительная. Отец разбушевался, затем вовсе перестал со мной разговаривать. Мама слегла. Когда я часом раньше, чем надо было, ушел, никто даже не заметил, кроме повара, приготовившего завтрак, и прислуги.

Я встал перед деревянной конторкой, за которой уже сидел сержант, подумал, что, наверное, надо бы отдать честь, а потом подумал, что не знаю как. Сержант поднял голову.

— Надо же. Вот твои бумаги. Неси их в двести первую комнату, там тебя начнут обрабатывать. Постучи и входи.

Через два дня я уже знал, что пилотом мне не бывать. Заключения комиссии были такими: «Пространственное воображение — посредственное, способности к математике — посредственные, математическая подготовка — слабая, время реакции — норма, зрение хорошее». Я обрадовался, когда они приписали два последних вывода, а то уже чувствовал, что сосчитать собственные пальцы — выше моих возможностей.

Кадровик выдал мне бланк для моих пожеланий, и еще четыре дня меня подвергали самым бессмысленным тестам, о которых мне приходилось слышать. Кто ж его знает, что хотели определить, когда стенографистка вдруг подскочила в кресле да как завизжит: «Змея!!!» Не было там никакой змеи, а был дурацкий и совершенно безвредный кусок резинового шланга.

Письменные и устные тесты были не лучше, но раз они им так радуются, ладно, пусть. Особое внимание я уделил списку пожеланий. В первые строчки, разумеется, я выписал все космические специальности (кроме пилота), не забыл даже кока и механика. Я жаждал путешествовать, поэтому охотнее пошел бы служить во флот, а не в армию.

Далее я вписал разведку. Шпионы везде шныряют, у них наверняка не скучно. (Я ошибся, но ничего.) Потом был длинный перечень: военврач, военный биолог, экология сражения (понятия не имею, что это такое, но звучало красиво), корпус логистики (ошибочка вышла, в нашей дискуссионной группе мы изучали логику, а логистика, оказывается, имеет два разных значения, вообще это снабженцы) и еще десяток прочих. В самом низу я без колебаний приписал К-9 и пехоту.

Различные тыловые службы я включать не стал. Если не в боевые части, то плевать — подопытной крысой или чернорабочим на Венеру. Что то, что другое — один подарочек.

Кадровик мистер Вайсс вызвал меня через неделю после присяги. На самом деле он был военный психолог, майор в отставке, носил гражданское и настаивал, чтобы к нему обращались «мистер», чтобы новобранец мог расслабиться и говорить свободнее. Он уже ознакомился с моим списком и с результатами тестов, и еще я заметил, что у него лежит мой аттестат, и обрадовался, потому что школу окончил хорошо. Как раз настолько, чтобы не выглядеть зубрилой. Я прилично сдал все предметы, только с одним вышли затруднения, да и в школе был большим человеком: сборная по плаванию, дискуссионная группа, казначей класса, серебряная медаль на ежегодном литературном конкурсе, председатель оргкомитета по встрече выпускников, все такое. Куча достижений, и все записано в аттестате.

Мистер Вайсс поднял голову, когда я вошел, и сказал:

— Садись, Джонни.

И снова уткнулся в аттестат, потом отложил его.

— Любишь собак?

— Что? Да, сэр.

— А насколько ты их любишь? Твоя собака спит на твоей кровати? И кстати, где сейчас твоя собака?

— Н-нет, у меня сейчас нет собаки. Был когда-то, но... нет, сэр, мой пес на кровати не спал. Понимаете, мама не позволяет держать собаку в доме.

— Но ты разговаривал со своим псом?

— Э-э...

Я попытался объяснить мамину манеру: «Я не сержусь, но очень-очень обижена». Она себя так ведет, когда ей перечишь в том, что она решила раз и навсегда. Но сдался и просто сказал:

— Нет, сэр.

— М-мм... а видел ли ты когда-нибудь неопса?

— Э-э... один раз, сэр. Его выставляли два года назад в театре Макартура. Только какое-то христианское общество подняло шум.

— Позволь мне рассказать, что такое подразделение К-9. Неопес — это не просто говорящая собака.

— Того нео, что показывали у Макартура, я не понимал. Они правда разговаривают?

— Они разговаривают. Просто требуется привыкнуть к их произношению. Они не могут произнести звуки «б», «м», «п» и «в», приходится приспосабливаться к эквивалентам. Совсем как при расщепленном нёбе, только буквы другие. Тем не менее их речь ясна, как у человека. Но неопес — это не говорящая собака. Он вообще не собака, он искусственно выведенный симбионт на основе собаки. Нео, тренированный калеб[1], раз в шесть разумнее обычной собаки, то есть находится на уровне слабоумного человека. Только такое сравнение не совсем честное. Идиотизм — это болезнь, тогда как нео для своей среды гений.

Мистер Вайсс нахмурился.

— Суть в том, что он симбионт. Вот тут-то главная трудность. М-мм... ты слишком молод, чтобы побывать в браке, но ты видел женатые пары, по крайней мере своих родителей. Можешь ли ты представить, что ты женат на калебе?

— Как?! Нет. Не могу.

— Эмоциональная связь человек — собака и собака — человек в К-9 гораздо теснее и намного важнее, чем эмоциональная связь семейной пары. Если хозяин погибает, мы убиваем неопса — на месте! Большего для бедолаги мы сделать не мо-

[1] *Калеб* — слово восходит к древнееврейскому корню, означающее в переводе «собака» (ср. с современным «келев» на иврите).

жем. Убийство из милосердия. Если убивают собаку... ну, человека мы, разумеется, убить не можем, хотя это было бы самым простым решением. Мы изолируем человека в госпитале и медленно лечим, собираем в единое целое.

Он взял ручку, сделал пометку.

— Не думаю, что можно записать в К-9 мальчика, который не может убедить свою мать, что собака должна спать в его комнате. Давай рассмотрим другие возможности.

До сих пор я не понимал, что считаюсь непригодным для всех специальностей, которые поставил в своем списке выше К-9. Я так разволновался, что чуть не пропустил следующее высказывание психиатра. Майор Вайсс говорил задумчиво, без лишних эмоций, как будто говорил о ком-то другом, давно мертвом и позабытом.

— Когда-то я служил в К-9. Когда моего калеба списали в расход, меня пичкали успокаивающим шесть недель, а после реабилитации перевели на другую работу. Джонни, все эти твои курсы... почему ты не обучился чему-нибудь полезному?

— Сэр?

— Теперь поздновато. Забудь. Та-ак... твой инструктор по истории и философии морали, похоже, хорошего мнения о тебе.

— Он? — я удивился.— А что он сказал?

Вайсс улыбнулся.

— Он говорит, что ты не глуп, разве что невежа, и что на тебя сильно влияет окружение. Это высокая похвала у него. Я его знаю.

Мне похвалой слова мистера Дюбуа не показались. Этот высокомерный, старый, чванливый...

— И,— продолжал Вайсс,— парень, заработавший тройку с минусом по восприятию телевидения, не может быть плох. Думаю, что мы воспользуемся рекомендациями мистера Дюбуа. Как тебе нравится пехота?

Из федерального центра я вышел в растрепанных чувствах, но не был таким уж несчастным. По крайней мере, я был

солдатом. В кармане у меня лежали бумаги, доказывающие этот факт. Меня не забраковали и не отправили на работы типа «бери больше — кидай дальше».

Несколько минут назад закончился рабочий день и здание опустело, остались ночные дежурные да задержавшиеся на работе. В ротонде я наткнулся на человека, который тоже собирался уходить. Лицо его показалось мне знакомым, но я его не вспомнил.

Зато он вспомнил меня.

— Добрый вечер! — отрывисто бросил он.— Еще не смылся?

Теперь и я понял, кто это. Флотский сержант, который приводил нас к присяге. Кажется, я разинул рот. Сержант был в штатском, ходил нормально на двух ногах, и руки у него было две.

— Э-э... добрый вечер, сержант,— промямлил я.

Он превосходно понял мое состояние, глянул вниз, на свои ботинки, легко улыбнулся.

— Расслабься, парень. После работы мне не обязательно нагонять страху на людей, вот я и не нагоняю. Тебя еще не распределили?

— Только что получил приказ.

— И куда?

— В мобильную пехоту.

Физиономия его расплылась в широчайшей довольной ухмылке. Сержант протянул мне руку.

— К нашим! Давай пять, сынок! Мы сделаем из тебя человека — или пристукнем. Может, одновременно.

— Это, по-вашему, хороший выбор? — с сомнением сказал я.

— «Хороший»? Сынок, это единственный выбор. Мобильная пехота и есть армия. Все остальные только кнопки жмут — или такие высоколобые профессора, куда там! А всю работу делаем мы,— он опять пожал мне руку и добавил: — Ты оттуда кинь мне открытку. Сержанту Хо, федеральный центр,— дойдет. Ну, удачи!

И он зашагал прочь — грудь колесом, шаг чеканный, плечи расправлены.

Я посмотрел на свою ладонь. Сержант пожал мне ее, но ведь правой руки у него не было! А ощущалась как живая, и

хватка у него была крепкая. Я читал об этих новых протезах, только перепугался, когда столкнулся с ними впервые.

Я вернулся в отель, где временно разместили новобранцев. Нам еще не выдали формы, только простые комбинезоны, которые мы надевали днем, а в остальное время носили собственную одежду. Отбывал я рано утром, поэтому прошел к себе и начал собирать вещи — для того чтобы отослать их домой. Вайсс предупредил, что ничего лишнего лучше с собой не тащить, разве что семейные фото и музыкальный инструмент, если умеешь на каком-нибудь из них играть. Я не умел. Карл уехал три дня назад, заполучив назначение к технарям, как того и хотел. Я был рад за него, а он с пониманием относился к моему назначению. Малышка Кармен тоже уехала — в чине мичмана-стажера. Она станет пилотом, если получится, а у нее обязательно получится.

Мой временный сосед вошел, пока я возился с вещами.

— Получил приказ? — спросил он.

— Ага.

— Куда?

— Мобильная пехота.

— В *пехтуру*? Ну и дурак! Мне жаль тебя, правда жаль.

Я выпрямился и сердито сказал:

— Заткнись! Мобильная пехота — лучшие части в армии. Она и есть армия! А вы нам только инструменты подаете, всю работу делаем мы.

Он расхохотался.

— Увидим!

— В зубы хочешь?

3

И будет пасти их жезлом железным...
Откровения Иоанна Богослова 2:27

Вместе с парой тысяч других жертв я очутился в учебном лагере имени Артура Карри* в северных прериях. Иначе, чем лагерь, назвать это место было сложно, единственным капитальным

строением тут был склад экипировки. Спали и ели мы в палатках, жили на открытом воздухе, если это называется жизнью, а лично я так этот процесс не назову. Я привык к более теплому климату, мне казалось, что северный полюс располагается милях в пяти от нас. Без сомнения, настал новый ледниковый период.

Упражнения помогают согреться, командование об этом позаботилось.

В первое же утро нас разбудили до рассвета. Я никак не мог приспособиться к смене часовых поясов, поэтому мне показалось, что я вовсе не спал. Трудно поверить, что кому-то понадобилось, чтобы я вылезал из кровати посреди ночи.

Однако имелось в виду именно это. Громкоговоритель неподалеку орал военный марш, который поднял бы даже мертвого, а какой-то волосатый зануда устремился вдоль коек с воплем:

— Все наружу! Встать! Живо!!!

Я натянул на голову одеяло, так этот гад вернулся, перевернул мою койку, сбросив меня на ледяную твердую землю.

Лично против меня он ничего не имел. Он даже не взглянул, ушибся я или нет.

Минут через десять я, одетый в исподнее, штаны и ботинки, стоял в одном строю с другими такими же, а солнце только-только выглянуло из-за горизонта. Лицом к нам высился огромный широкоплечий человек, и внешность его не предвещала ничего хорошего. Одет он был точно так же, как и мы, с той небольшой лишь разницей, что рядом с ним я выглядел как халтурно набальзамированный труп. Щеки детины были выбриты до синевы, брюки выглажены, а в ботинки можно было смотреться как в зеркало. К тому же этот человек был бодр и весел, как после хорошего отдыха. Спать ему, очевидно, совсем не хотелось. Никогда. Он не нуждался во сне, только проверяй его каждые десять тысяч миль на всякий случай да время от времени стряхивай пыль.

— Ррота-а! — гаркнул детина.— Смырррррна! Я — взводный сержант Зим, ваше начальство. Обращаясь ко мне, вы отдаете честь и говорите «сэр». Вы отдаете честь и говорите «сэр» всем,

у кого в руках инструкторский жезл,— и он помахал стеком, чтобы дать понять, что именно он назвал «жезлом».

Еще прошлой ночью я увидел подобные стеки у некоторых людей и немедленно воспылал желанием раздобыть себе такой же, уж больно круто выглядели эти палки. Теперь передумал.

— ...Потому что у нас не хватает офицеров для практики,— продолжал упражнять голосовые связки гигант.— Так что практиковаться будете на нас. Кто чихнул?

Тишина в ответ.

— КТО ЧИХНУЛ?!!

— Я...— послышалось из строя.

— Что «я»?

— Я чихнул...

— «Я чихнул, СЭР!»

— Я чихнул, сэр. Я замерз, сэр.

— Так.

Зим шагнул к нарушителю, ткнул стеком тому почти в самый нос — оставался лишь дюйм — и требовательно спросил:

— Имя?

— Дженкинс... сэр.

— Дженкинс,— повторил Зим так, будто это слово означало нечто отвратительное, может быть, даже непотребное.— Полагаю, как-нибудь ночью в патруле ты примешься чихать, потому что у тебя течет из носа, а?

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Я тоже. Но ты замерз. Ну что ж... это мы исправим.

Он ткнул стеком куда-то вдаль.

— Оружейную все видят?

Я посмотрел в ту сторону, но увидел лишь прерию — и только где-то за горизонтом прилепилось какое-то здание.

— Выйти из строя. Обежишь вокруг. *Обежишь*, я сказал. Быстро! Бронски! За ним.

— Так точно, сарж,— один из пяти обладателей стеков пристроился за Дженкинсом, быстро догнал и вытянул поперек задницы инструкторским жезлом.

Зим опять развернулся к нам, дрожащим от внимания. Он прошелся вдоль строя, осмотрел нас с головы до ног и впал в беспросветное уныние. Наконец он пробормотал себе под нос, но у него был такой голос, что слова разнеслись по всему плацу:

— Подумать только, и это случилось со *мной*.

Он посмотрел на нас.

— Ну вы, гориллы... нет, на горилл вы не тянете. Вы — жалкое сборище полудохлых мартышек... вы — рахитичные сопливые недоноски, зачем-то вылезшие на свет из-под мамашиного передника. За всю мою жизнь меня никто так не разочаровывал. Я ни разу не видел столь испорченных маменькиных дитяток в... ты там! Кишки втянуть! Смотреть перед собой! Я с *тобой* разговариваю!

На всякий случай я подтянул живот, хотя и не был уверен, что Зим обращался именно ко мне. А сержант все бушевал и бушевал. Заслушавшись, я даже забыл о мурашках и гусиной коже. Сержант ни разу не повторился и не опустился до богохульства и непристойности. (Позже я узнал, что он приберегал подобные высказывания для *самых* особых случаев, к каковым наш не принадлежал.) Но он описал наши физические, умственные, моральные и генетические изъяны весьма красочно и с большим чувством.

Я не обижался, я изучал его манеру общения с подчиненными. Вот бы его в нашу дискуссионную группу!

В конце концов сержант умолк и, казалось, был готов разрыдаться.

— Нет, я не выдержу,— сообщил он горько.— Я-то думал, что с этим покончено. Когда мне было шесть лет, мои деревянные солдатики и те были лучше. ЛАДНО! Кто из вас, вошки, думает, будто может мне всыпать? Есть тут хотя бы один *мужчина*? Говорите!

На плацу повисло недолгое молчание, которое мне вовсе не хотелось нарушать. Лично у меня не было и тени сомнения, что это сержант может задать мне трепку, а не наоборот. Потом с одного из флангов раздался голос:

— Кажись, я смогу... са-ар.

Зим расцвел от счастья.

— Отлично! Шаг вперед, чтобы я тебя видел.

Шагнувший из строя на правом фланге новобранец был дюйма на три выше Зима и пошире того в плечах.

— Как тебя зовут, солдат?

— Брекинридж, са-ар... и весу во мне фунтов двести с лишком, нечего обзывать меня недоноском.

— Хочешь драться каким-то определенным образом?

— Са-ар, ну вы уж сами выбирайте, как помирать. Мне-то чё суетиться?

— Лады, без правил. Начинай, когда захочешь,— Зим отшвырнул стек.

Драка началась... и закончилась. Огромный новобранец сидел на земле, держа левую руку правой, и молчал.

Зим нагнулся над ним.

— Сломана?

— Кажись, что так... са-ар.

— Извини. Ты меня чуть-чуть поторопил. Знаешь, где амбулатория? Не важно. Джонс! Отведи Брекинриджа к врачу.

На прощание Зим похлопал новобранца по здоровому плечу и негромко сказал:

— Через месяц еще раз попробуем. Покажу, что было не так.

Думаю, обращался он лично к Брекинриджу, но они стояли всего в шести футах от того места, где я медленно и верно превращался в сосульку. Затем Зим сделал шаг назад и возвестил:

— Ладно, хоть одного мужчину мы отыскали. Мне уже лучше. Еще один найдется? Или двое? Две золотушные жабы, которые думают, что вдвоем им будет легче?

Он обвел взглядом строй.

— Цыплячьи душонки, бесхребетные... О? Шаг вперед.

Из строя разом шагнули двое. Мне показалось, что эта слаженность была оговорена негромким шепотком, но я стоял далеко и толком ничего не расслышал. Зим расцвел.

— Имена, пожалуйста, чтобы мы могли сообщить ближайшим родственникам.

— Хайнрих.

— Что — Хайнрих?

— Хайнрих, сэр. Bitte,— он что-то быстро сказал соседу и вежливо добавил: — Он еще не умеет как слетует на стантартном анклийском, сэр.

— Мейер, mein Herr,— вставил второй.

— Ничего, когда сюда попадают, никто бегло не говорит. Я тоже. Скажи Мейеру, пусть не волнуется, слов он поднаберется. Но он хоть понимает, чем мы собираемся заняться?

— Jawohl,— согласился Мейер.

— Конечно, сэр. Он понимает стантартный, только не коворит бекло.

— Ну и отлично. Шрамы на физиономию где заполучили? Гейдельберг?[1]

— Nein... никак нет, сэр. Кенигсберг.

— Един черт.

После драки с Брекинриджем Зим уже успел подобрать стек, он со свистом рассек им воздух и спросил:

— Может, вам хотелось бы взять такие же? На время.

— Это было бы нечестно по отношению к вам, сэр,— осторожно ответил Хайнрих.— Колыми руками, если не восражаете.

— Сделайте одолжение. Хотя я мог бы вас одурачить. Кенигсберг, говоришь? Правила?

— Какие мокут быть правила, если твое против одного?

— Интересная точка зрения. Хорошо, уговоримся, что если кто кому выдавит глаза, так потом отдайте обратно. Скажи своему Korpsbruder, что я готов. Начинайте. Когда хотите,— Зим бросил стек; кто-то поймал.

— Вы шутите, сэр. Мы не путем вытавливать глаза.

— Уговорил, глаза не трогаем. «Цельсь, Гридли, и пали».

---

[1] *Гейдельберг* — Гейдельберг — город земли Баден-Вюртемберг на юге-западе Германии. Университет Гейдельберга считается самым старым в Германии.

— Прошу прощения?

— Деритесь! Или валите назад в строй!

Не уверен, что смог все разглядеть; чему-то я научился много позже. Но вот в чем я точно уверен: эти двое начали обходить нашего непосредственного командира с разных сторон, но в контакт не вступали. В этом положении существует четыре базовых приема для того, кто работает один. Один всегда подвижнее группы, и координация у него лучше. Сержант Зим утверждает (и он прав), что группа значительно слабее одного человека, если только они не обучены действовать слаженно. К примеру, сейчас сержант мог бы обмануть одного, вывести из строя второго, например сломав ему коленную чашечку, а затем на досуге прикончить первого.

Вместо этого он позволил им атаковать. Мейер налетел на него, намереваясь сбить с ног, а Хайнрих должен был добить сверху, очевидно ботинком. Так, по-моему, все должно было произойти.

А вот что я, как мне кажется, увидел. Мейер до сержанта не дотянулся. Зим развернулся лицом к нему, одновременно ударив ногой назад, прямо Хайнриху в живот. А затем и Мейер взлетел на воздух не без душевного участия сержанта.

А вот в чем я уверен: драка только началась, а двое немецких парней уже мирно почивали бок о бок, один лицом вниз, второй — вверх, а Зим стоит над ними, даже не запыхавшись.

— Джонс! — воззвал сержант.— А нет, Джонс ушел. Махмуд! Принеси ведро воды, потом засунь этих птенчиков обратно в гнездо. У кого моя зубочистка?

Некоторое время спустя оба немца, пришедшие в себя и мокрые с головы до ног, стояли в строю, а Зим смотрел на нас и ласково вопрошал:

— Еще кто-нибудь? Или начнем разминку?

Я не ожидал, что найдется еще один доброволец; сержант, наверное, тоже. Но с левого фланга, где стояли самые низкорослые, выступил парнишка и прошагал к середине. Зим воззрился на него сверху вниз.

— Ты один? Может, напарника подберешь?

— Только я один, сэр.

— Как скажешь. Имя?

— Судзуми, сэр.

Зим вытаращил глаза.

— Случаем, не родня полковнику Судзуми?

— Я имею честь быть его сыном, сэр.

— Ah so! Отлично! Черный пояс?

— Нет, сэр. Пока еще нет.

— Рад, что вовремя предупредил. Ладно, Судзуми, будем придерживаться правил или сразу пошлем за доктором?

— Как пожелаете, сэр. Но, если мне будет позволено высказать свое мнение, придерживаться правил будет намного благоразумнее.

— Не уверен, что понял тебя, но согласен.

Зим в который раз отшвырнул символ своей власти, а затем, помоги мне бог, и сержант, и парнишка сделали шаг назад, встали лицом друг к другу и поклонились.

А после этого принялись кружить на полусогнутых, делая неведомые пассы руками и сильно смахивая на петухов.

Внезапно они вошли в контакт — малыш упал на землю, а сержант Зим перелетел через него, но не грянул оземь неподвижным, почти бездыханным чурбаном, как Мейер. Он перекатился через голову и оказался на ногах в то же время, как и Судзуми.

— Банзай! — выкрикнул Зим и улыбнулся.

— Аригато,— отозвался малыш и ухмыльнулся.

Они схватились без промедления, и я подумал, что сержант сейчас опять отправится в полет. Но он устоял, видно было лишь мельтешение ног и рук, а когда движение замедлилось, можно было увидеть, что Зим засовывает левую ступню Судзуми ему в правое ухо, место не совсем подходящее.

Судзуми хлопнул по земле свободной рукой; Зим тут же его отпустил. Затем они оба опять поклонились друг другу.

— Еще раз, сэр?

— Извини. Пора заняться делом. В другой раз как-нибудь, а? Ради веселья... сочту за честь. Может, следовало сразу сказать. Твой почтенный отец тренировал меня.

— Так я сразу и предположил, сэр. Буду ждать следующего раза.

Зим хлопнул его по плечу.

— Становись в строй, солдат! Рррр-ота-а!..

Следующие двадцать минут мы занимались гимнастикой, после которой мне стало жарко в той же мере, в какой до этого было холодно. Сержант сам вел занятия, делал все вместе с нами и орал во всю глотку. Как я заметил, он не запачкался. Он даже не запыхался, когда мы закончили. После того утра он больше не снисходил до разминки (мы до завтрака его вообще не видели, звание дает привилегии), но в то утро он был вместе с нами, и когда все было окончено, а мы все уморились, он повел нас рысцой в палатку-столовую, взрыкивая на ходу:

— Шире шаг! Живо! Хвосты подобрать!

В лагере имени Артура Карри мы *всегда* и *везде* передвигались бегом. Я так и не выяснил, кем был этот Карри, но судя по всему — великим бегуном.

Брекинридж уже сидел в столовой с загипсованным запястьем, только пальцы наружу. До меня донеслись его слова:

— Не-а, заживет, как на собаке. Я так цельную игру отыграл. Обожди, уж я его уделаю...

Вот в этом я сомневался. Судзуми — еще куда ни шло, но не эта горилла. Он даже не понимал, насколько сержант был выше классом. Зим мне не понравился с первого же взгляда. Но у него был стиль.

Завтрак был отличный. Тут любая кормежка была отличной; ничего похожего на ту бурду, которую дают в некоторых школах, когда хотят сделать твою жизнь несчастной. А тут, хоть на стол вываливай и руками загребай, никто даже слова не скажет. И это было хорошо, потому что это было единственное время, когда никто никого не понукал. Конечно, в меню не было ничего, к чему я привык дома, и гражданские работники столовой шлепали еду нам на тарелки с таким видом, что матушка побледнела бы и заперлась у себя в комнате. Но еда была горячая, еды было много, еда была вкусная, хоть и не изысканная. Я съел вчетверо больше обычного, запивая завтрак кружками кофе со

сливками и большим количеством сахара. Я сожрал бы акулу вместе со шкурой и потрохами.

Когда я приступил ко второй порции, появился Дженкинс с капралом Бронски на хвосте. Они задержались возле стола, за которым в одиночестве завтракал сержант Зим, потом Дженкинс плюхнулся на свободный стул рядом со мной. Он здорово вымотался, был бледен и сипло дышал.

— Давай налью тебе кофе,— предложил я.

Он помотал головой.

— Лучше поешь,— настаивал я.— Хоть яичницу, она легко пойдет.

— Не могу... Ох скотина, грязная сволочь, так его и растак,— он негромко, почти беззвучно принялся чихвостить сержанта.— Я всего лишь попросил разрешения пропустить завтрак и немного полежать. Бронски не позволил, сказал, нужно спрашивать у взводного. Я так и сделал, и я сказал ему, что болен, я же сказал ему! А он проверил мой пульс, потрогал лоб и сказал, что сигнал к медосмотру в девять часов. Ну что за крыса! Вот подкараулю его темной ночью, вот увидишь.

Я все равно налил ему кофе и поделился яичницей. Через некоторое время Дженкинс принялся за еду. Мы еще сидели за столом, а сержант Зим поднялся и подошел к нам.

— Дженкинс.

— А... Да, сэр?

— В девять часов явишься в санчасть.

Дженкинс сцепил зубы. Потом медленно произнес:

— Мне не нужны таблетки... сэр. Я справлюсь.

— В девять ноль-ноль. Это приказ,— Зим вышел из палатки.

Дженкинс вновь затянул заунывные причитания. Наконец он успокоился, набил рот яичницей и невнятно сказал:

— Никак не могу понять, какая мамаша произвела *это* на свет. Мне бы хотелось взглянуть на нее, только взглянуть. У него вообще есть мать?

Вопрос был риторический, но ответ на него мы получили. Во главе нашего стола через несколько стульев от нас сидел кап-

рал-инструктор. Он уже расправился с завтраком и курил, одновременно ковыряя в зубах. И самым очевидным образом нас подслушивал.

— Дженкинс!

— А?.. Да, сэр?

— Что ты знаешь о сержантах?

— Н-ну, я только учусь.

— У них нет матерей. Спроси любого солдата,— он выдул в нашу сторону дым.— Сержанты размножаются делением. Как и все прочие бактерии.

4

> И сказал Господь Гедеону: народа с тобой слишком много... Итак провозгласи вслух народа и скажи: «кто боязлив и робок, пусть возвратится домой»... И возвратилось народа двадцать и две тысячи, а десять тысяч осталось. И сказал Господь Гедеону: все еще много народа; веди их к воде, там Я выберу их тебе... Он привел народ к воде. И сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить. И было число лакавших ртом своим с руки триста человек...
>
> И сказал Господь Гедеону: тремястами лакавших... спасу Я вас... а весь народ пусть идет.
>
> *Книга Судей Израилевых 7:2—7*

Через две недели у нас отобрали койки. То есть нам предоставили сомнительное удовольствие сложить их, проволочь четыре мили и сдать на склад. Но это было уже не важно; земля прогрелась и стала мягче. Об этом мы вспоминали всякий раз, когда посреди ночи начинала выть сирены и нам приходилось вскакивать и играть в войну. Зато я научился засыпать сразу же по окончании этих издевательств. Я научился спать где угодно и когда угодно — сидя, стоя, даже маршируя в строю. Да

что там, я мог заснуть на вечерней поверке в стойке «смирно», наслаждаясь музыкой сквозь сон и немедленно просыпаясь по команде «разойдись».

В лагере Карри я сделал важное открытие. Счастье состоит в возможности выспаться. Только в этом. Все богатые, несчастные люди, которых вы знаете, глотают снотворное. Пехотинцу таблетки ни к чему. Дайте солдату койку и время упасть на нее, и он будет счастлив, как червяк в яблоке,— он спит!

Теоретически положены восемь часов сна еженощно и примерно полтора часа после вечерней кормежки, выделенные на личную жизнь. А на деле ночь занята подъемами по тревоге, нарядами и муштрой, на которые так щедр Господь и приравненные к нему лица. А если вечер не испорчен строевой подготовкой и нарядом вне очереди за малейшую провинность, то он будет потрачен на полировку ботинок, стирку, стрижку (некоторые из нас неплохо умели стричь, но приемлемой считалась прическа под бильярдный шар, а это уж каждый может). И это не упоминая тысячи других мелочей, которые необходимо сделать с обмундированием, лично и по требованию сержанта. Например, мы научились на утренней поверке откликался словом «мылся», это значило, что по крайней мере один раз с последней побудки ты принимал душ. Можно было соврать, с рук сходило, я сам так поступал пару раз. Но как-то одного из нашего отделения угораздило обмануть начальство при явных свидетельствах обратного, так его весь наш взвод драил швабрами и порошком для мытья пола под руководящие указания капрал-инструктора.

Но если после ужина не находилось ничего спешного, можно было написать письмо, побездельничать, поболтать, обсудить миллиарды умственных и нравственных недостатков наших сержантов, а еще лучше — на излюбленную тему, о женщинах. Мы пришли к заключению, что таких существ в природе не бывает, они — миф, порожденный воспаленным воображением. Один из наших утверждал, что видел в штабе полка девчонку. Его заклеймили как лжеца и хвастуна. Еще можно было сыграть в карты. Я на собственном горьком опы-

те познал, что прикупать при стрите нельзя, и никогда так больше не делал, потому что с тех пор за карты ни разу не садился.

А еще, если выкроить минут двадцать, можно было поспать. И это — самый мудрый выбор. По сну у нас был недобор в несколько недель.

Кажется, я создал впечатление, что жизнь в учебном лагере тяжелее, чем надо. Это не так.

Она не без оснований тяжела, как надо.

Каждый рекрут твердо убежден, что здешние порядки — безграничная подлость, изощренный садизм, злодейские забавы безмозглых идиотов, которые спят и видят, как бы заставить окружающих страдать.

Нет. Слишком тут все упорядочено, разумно, эффективно и организовано без учета личности, чтобы быть жестокостью ради больного удовольствия. Жизнь здесь спланирована, как хирургическая операция. О, признаю, что некоторые инструктора получают наслаждение, мучая новобранцев, но мне они не встречались. А вот наверняка я знаю (теперь) вот что: психологи, подбирая инструкторов, подобных бульдогов выбраковывают. Им подавай умелых, грамотных парней, которые сделают жизнь новичка горькой. А бульдоги слишком тупы, слишком влюблены в себя и слишком быстро устают от веселья. Они с задачей не справятся.

Конечно, среди инструкторов встречаются звери. Но я слышал, что есть и хирурги (и они даже неплохие врачи), которые обожают резать и пускать кровь, чего в нашей человеческой хирургии не избежать.

Вот что это было — хирургия. С целью избавиться, очистить подразделение от тех, кто слишком мягок или еще не вышел из детства, чтобы стать пехотинцем. И сержанты своей цели добивались, народ бежал стаями. Я сам был очень близок к побегу. За первые шесть недель наше подразделение сократилось до взвода. Некоторых отчислили без разговоров или позволили служить в тыловых частях. Прочих списали за проступки, по несоответствию или состоянию здоровья.

Обычно мы не знали, почему кто-то исчезал из лагеря, если только ты не видел, как он уходит или тебе добровольно не выдавали информацию. Но были и такие, кто был сыт по горло, они заявляли об этом вслух и увольнялись, навсегда распрощавшись с правом участвовать в выборах. Некоторые по возрасту не могли выдержать тренировок, даже если старались изо всех сил. Помню одного, славный чудак по имени Каррузерс, ему было, должно быть, тридцать пять лет. Так его волокли на носилках, а он слабым голосом стонал, что это нечестно, что он вернется.

Это нагнало на нас тоску, потому что Каррузерса мы любили и он действительно старался. Так что мы отвернулись и стали думать, что больше мы его не увидим, что он получил отставку по здоровью и гражданские шмотки. Только я его все-таки увидел, много времени спустя. Парень отказался уходить (так можно, если по здоровью) и пошел третьим коком на десантный транспорт. Он меня вспомнил и захотел поболтать о прежних деньках, гордый своим пребыванием в лагере Карри, как мой отец — гарвардским акцентом. Он считал, что он хоть немного, но лучше любого флотского. Что ж, может, и так.

Но гораздо важнее отделения жира от мяса и экономии государственных средств была другая задача. Главное — сделать так, чтобы десантник, не прошедший должного обучения, никогда не попал в капсулу для боевой высадки. Солдат должен быть готов к бою, решителен, дисциплинирован и квалифицирован. Если нет, это не честно по отношению к Федерации, это тем более не честно по отношению к его товарищам, а пуще всего — по отношению к нему самому.

Но был ли учебный лагерь жесток сверх надобности?

Я могу сказать вот что: когда в следующий раз я отправлюсь в десант, я хочу, чтобы меня прикрывали с обоих флангов ребята, подготовленные в лагере Карри или в его сибирском эквиваленте. Иначе я в капсулу не полезу.

Но когда-то и я считал, что занимался самой что ни на есть ерундой. Вот, к примеру... Мы пробыли в лагере неделю, и нам выдали для поверок полевую форму в дополнение к нестрое-

вой, которую мы в то время носили. Парадную мы получили много позже. Я отнес китель в каптерку и пожаловался кладовщику. Я думал, что он вольноопределяющийся, знаки различия я определять тогда не умел, иначе даже рот при нем открыть не осмелился бы.

— Сержант, мне китель велик. Командир говорит, что я будто палатку напялил.

Он поглядел на мое одеяние, но даже не притронулся к нему.

— Да ну?

— Ага, а я хочу, чтобы он был по размеру.

Он даже не шелохнулся.

— Позволь мне тебя просветить, сынок. В армии есть только два размера — слишком большой и слишком маленький.

— Но мой командир...

— Не сомневаюсь.

— А мне-то что делать?

— А, так тебе совет нужен! Ладно, это у меня в запасе найдется. Свеженькие, только сегодня поступили. М-мм... я скажу тебе, что сделаю. Вот иголка, я даже дам тебе целую катушку ниток. Ножницы тебе без надобности, бритвой сподручнее. Ушей в бедрах, а плечи не трогай. Это тебе на вырост.

Единственный комментарий сержанта Зима по поводу моих портновских успехов:

— Мог бы сделать получше. Два часа дополнительного дежурства.

К следующему смотру я сделал получше.

Те первые шесть недель были насыщены смотрами и муштрой. Со временем, пока народ отсеивался и разбегался по домам или еще куда, мы дошли до уровня, когда способны были сделать пятьдесят миль за десять часов. Для хорошей лошади — на тот случай, если вы никогда не пользовались ногами,— это очень прилично. Отдыхали мы не останавливаясь, просто меняли аллюр: тихий ход, быстрый ход, трусцой. Порой мы, прошагав в один конец, разбивали лагерь, съедали полевой рацион, ночевали в спальных мешках, а на следующий день отправлялись обратно.

Однажды мы вышли в однодневный маршрут, никаких спальников, никакой еды. Когда мы не остановились на завтрак, я не удивился, я уже научился воровать из столовой сахар и черствый хлеб и прятать по карманам, но когда подошло время обеда, а мы все еще шли в сторону от лагеря, я заволновался. Но я уже знал, что лучше воздержаться от глупых вопросов.

Перед тем как стемнело, мы остановились, все три роты, уже достаточно поредевшие. Был устроен батальонный смотр, без музыки, затем расставили часовых, а нас распустили. Я немедленно пошел искать капрал-инструктора Бронски, потому что с ним было немного легче общаться, чем с остальными... а еще из-за чувства ответственности. По тем временам мне посчастливилось стать рекрут-капралом. Шевроны эти ничего не значили, привилегия была одна — сержант тебя пилил за все, что бы ни натворило твое отделение или ты лично. А еще лычки могли исчезнуть с рукава так же быстро, как и появились. Зим для начала опробовал в роли рекрут-капралов всех, кто был старше, а я унаследовал шевроны пару дней назад, когда прежний командир отделения сложился пополам и отправился в госпиталь.

Я сказал:

— Капрал Бронски, что там слышно? Когда есть будем?

Он ухмыльнулся мне:

— У меня есть пара галет. Хочешь, чтобы я с тобой поделился?

— А? Нет, сэр, спасибо.

У меня съестных припасов было куда больше.

— Так ужина не будет?

— Мне, сынок, никто не докладывал. Но вертолетов я что-то не вижу. На твоем месте я собрал бы отделение и все выяснил. Может, кто-нибудь из вас сумеет подбить кролика камнем.

— Так точно, сэр. Но... Мы разве на ночь остаемся? Мы же не взяли спальников.

Брови капрала взлетели вверх.

— Нет спальников? Ух ты! — Он что-то обдумал.— Хм-мм... видел, как во время бурана овцы сбиваются в одну кучу?

— Никак нет, сэр.

— Попробуй. Овцы не мерзнут, может, и вы не замерзнете. А если любишь одиночество, можно всю ночь ходить кругами. Никто тебя не побеспокоит, пока не выходишь за периметр. Да и не замерзнешь на ходу. Правда, завтра немного устанешь.

Он опять ухмыльнулся.

Я откозырял и вернулся к отделению. Мы поделили припасы, и у меня оказалось намного меньше еды, чем было вначале; некоторые из моих идиотов либо не прихватили с собой что поесть, либо уже все сожрали на марше. Но несколько галет и чернослив неплохо глушит аварийную сирену в желудке.

Фокус с овцами тоже сработал; его проделали все наши три отделения. Не буду рекомендовать этот способ для ночевки; ты оказываешься либо с краю, подмерзая с одного бока, и пытаешься забраться внутрь, либо внутри, где тепло, но все только тем и занимаются, что пихают тебя локтями и коленями и дышат в лицо нечищенной пастью. Так всю ночь и мигрируешь из одного состояния в другое, своего рода броуновское движение, не просыпаешься, но и не засыпаешь как следует. Ночь продолжается сотню лет.

На рассвете нас поднял знакомый вопль:

— Па-а-адъ-ем! Вых-ходи стр-роиться!

Крик сопровождался инструкторскими стеками, с умом прилагаемых курсантам пониже спины... а потом мы начали зарядку. Я чувствовал себя как труп и никак не понимал, почему дотягиваюсь до носков ботинок. Было больно, но у меня все получалось. Когда через двадцать минут мы отправились в обратный путь, я чувствовал себя глубоким стариком. Сержант Зим по обыкновению был бодр и свеж, этот ублюдок каким-то образом ухитрился побриться.

Солнце согревало нам спины, Зим приказал запевать, сначала старье вроде «Le regiment de Sambre et Meuse»[1], «Ящики с

[1] *«Le regiment de Sambre et Meuse»* — памятная и любимая песня французской армии 1870 года, то есть времен франко-прусской войны.

патронами» и «Пирамиды Монтесумы»[1], а затем уже нашу собственную «Польку полевую», которая кого угодно пустит рысью. Слуха у сержанта Зима никакого, зато голос зычный. Но Брекинридж уверенно вел мелодию, его даже Зимовы вопли не могли сбить. Мы преисполнились самоуверенности и распушили хвосты.

Спустя пятьдесят миль от нашей самоуверенности ничего не осталось. Ночь была длинной, день бесконечен, а на поверке Зим сожрал нас живьем за постные морды и за то, что за целых девять минут, которые прошли от нашего входа в лагерь до построения, мы не удосужились побриться. В тот же вечер уволилось несколько человек, я тоже подумывал, но не ушел, потому что все еще носил на рукаве дурацкие шевроны.

В два часа той же ночью нас подняли по тревоге.

Но со временем я оценил всю прелесть ночевки в куче из двух-трех дюжин вонючих и теплых тел, потому что через двадцать недель меня выбросили голышом в пустынном районе канадских гор и, чтобы вернуться домой, мне следовало одолеть сорок миль по горам. И я их прошел — проклиная армию на каждом дюйме пути.

Хотя на финише был не так уж и плох. Парочка кроликов оказалась менее бдительными, чем я, так что я даже не был голоден... и даже не слишком раздет; меня покрывал толстый слой кроличьего жира и грязи, а обут я был в мокасины — самим кроликам шкурки уже были без надобности. Изумительно, сколько при необходимости можно извлечь из удачного броска камнем. По-моему, наши пещерные предки были не такими уж дураками, какими мы их привыкли считать.

Другие с испытанием тоже справились — те, кто решил попробовать, а не уволиться. Погибло всего двое парней. Тогда мы все вернулись в горы и тринадцать дней их искали, а над нами кружили вертолеты и координировали наши действия. И рации нам дали великолепные, и все инструкторы помогали в боевых

[1] *«Пирамиды Монтесумы»* — гимн морской пехоты США.

скафандрах, их посылали проверять все слухи. Потому что мобильная пехота не бросает своих, пока есть хоть какая-то надежда.

А потом мы их похоронили со всеми почестями под мелодию «Это наша земля» и посмертно присвоили им звание рядовых первого класса. Парни первыми из нашей учебки поднялись так высоко, потому что солдату не обязательно оставаться в живых (смерть — часть его работы)... суть в том, как именно ты погиб. Нужно так — нос выше, вперед шагом марш и не сдаваться.

Брекинридж был одним из этих двоих, второго, австралийца, я не знал. Они были не первыми, кто погиб на учениях; они не стали последними.

5

Его призванье — быть виновным, потому-то он и здесь!
Правый борт... пли!
Пули жалко на такого, бросьте его за борт!
Левый борт... пли![1]

Старая песня,
которую пели во время пушечного салюта

Но это было уже после того, как мы покинули лагерь Карри, и много чего случилось до. Боевая подготовка, учебные тревоги, упражнения, маневры, когда пользовались всем, начиная от голых рук и заканчивая имитацией ядерного оружия. Я не знал раньше, сколько есть способов сражаться. Начали мы с рук и ног, и если кто думает, что это не оружие, тот не видел сержанта Зима и капитана Франкеля, нашего комбата, демонстрировавших нам *la savate**. Или как малыш Судзуми, который мог уложить любого одними руками и с неизменной улыбкой. Зим как-то назначил Судзуми инструктором по рукопашной и обязал нас выполнять все приказы, только отдавать честь и называть его «сэр» не надо было.

[1] Перевод Д. Лаврова.

По мере того как редели наши ряды, Зим перестал беспокоить себя стройподготовкой, кроме построений, и все больше времени тратил на личные тренировки, дополняя капрал-инструкторов. Убить он мог чем угодно, но обожал ножи, свой он сделал и отбалансировал лично, пренебрегая стандартными, которые тоже были хороши. В качестве персонального учителя Зим становился помягче, даже его обычное отвращение к нам сменялось некоторой терпимостью. Он мог даже выдержать дурацкие вопросы.

Однажды во время двухминутного перерыва один из наших — парень по имени Тед Хендрик — спросил:

— Сержант, я понимаю, что метать нож, в общем, весело... но зачем нам этому учиться? Чего ради?

— Ну,— ответил Зим,— предположим, кроме ножа, у тебя ничего нет. Или и того нет. Что будешь делать? Помолишься и умрешь? Или бросишься на противника и заставишь умереть его? Сынок, это жизнь, а не шашки, где всегда можно сдаться, если слишком уж зарвался.

— Но, сэр, я это и хочу сказать. Предположим, вы вообще не вооружены. Или этим вашим прутиком, например. А противник весь увешан опасным оружием. С этим ничего не поделаешь, он заставит вас сапоги ему вылизывать.

Ответил Зим почти ласково.

— Ты все неправильно понимаешь, сынок. Нет такой штуки, как «опасное оружие».

— Э-э... сэр?

— Не существует опасного оружия, есть опасные люди. Мы пытаемся научить вас быть опасными — для противника. Даже без ножа. Смертоносными, пока у вас есть хотя бы одна рука или нога, пока вы еще живы. Если не понимаете, о чем я говорю, идите и прочитайте «Горация на мосту»* — книга имеется в библиотеке лагеря. Но сначала рассмотрим твой случай. Я — это ты, и все, что у меня есть,— это нож. Мишень позади меня, та, по которой ты промахнулся, номер три — это часовой, вооруженный всем, кроме ядерной бомбы. Тебе

надо его снять... бесшумно, быстро и не дав ему возможности поднять тревогу.

Зим чуть повернулся — *чпок!* — и нож, которого у него даже в руках не было, дрожит в центре мишени.

— Ясно? Лучше иметь при себе два ножа, но сделать часового ты должен даже голыми руками.

— А-а...

— Тебя все еще что-то волнует? Говори. Я здесь для ответов на ваши вопросы.

— А, да, сэр... Вы сказали, что у часового нет ядерной бомбы. Но у него она есть, в этом весь смысл. Ну, нам же их дают, когда мы стоим на часах... значит, и часовой противника тоже должен ее иметь. Я говорил не про часового, я говорил вообще про ту сторону, на чьей он.

— Я понял.

— Вот... видите, сэр? Если мы можем использовать бомбы, и, как вы сами сказали, это не игра в шашки, это жизнь, это война, и никто не жульничает... Ну, смешно как-то ползать в камышах, бросать ножи, подставляться под пули... не дай бог, войну проиграть... когда есть настоящее оружие, им можно воспользоваться и победить. Так какой смысл толпе народа рисковать жизнью с устарелым оружием, когда любой профессор может сделать больше, всего лишь нажав кнопку?

Зим ответил не сразу, что на него не было похоже. Затем он негромко произнес:

— Тебе плохо в пехоте, Хендрик? Знаешь, ты всегда можешь уйти.

Хендрик что-то пробормотал; Зим рявкнул:

— Вслух!

— Я не спешу уволиться, сэр. Я хочу честно дослужить срок, сэр.

— Ясно. Что ж, твой вопрос не в компетенции сержанта... он даже не из тех, которые следует задавать. Предполагается, что ты знаешь ответ до того, как вступаешь в армию. Или должен знать. В твоей школе читали курс истории и философии морали?

— Что? Ну да... так точно, сэр.

— Тогда ответ ты уже слышал. Но я поделюсь с тобой своей собственной и неофициальной точкой зрения. Если хочешь чему-нибудь научить ребенка, ты станешь рубить ему голову?

— Что?.. Никак нет, сэр!

— Разумеется, нет. Ты его отшлепаешь. Есть обстоятельства, когда столь же глупо бросать на город противника ядерную бомбу, как и гоняться за ребенком с топором. Война — не есть убийство и насилие, война — это *контролируемое* насилие с определенной целью. Цель войны — поддержать силой решение твоего правительства. Не убить врага только для того, чтобы его убить, а заставить его сделать то, что ты от него хочешь. Не убийство, но контролируемое и целенаправленное насилие. И наше с тобой дело ставить цели. Не дело солдата решать, когда, где или как — или даже зачем — он сражается. Это дело — политиков и генералов. Политики решают, зачем и сколько, генералы говорят нам, когда, где и как. *Мы* поставляем насилие, другие — «постарше и поумнее», как говорят,— поставляют контроль. Так должно быть. И лучшего ответа у меня для тебя нет. Если он тебя не удовлетворяет, разрешаю тебе спросить то же самое у командира полка. Если и он тебя не убедит, отправляйся домой на гражданку! Потому что в этом случае солдатом тебе никогда не стать.

Зим вскочил на ноги.

— По-моему, вы тут заставляете меня разглагольствовать, чтобы отдыхать. Встать! Живо! По местам. К мишеням, Хендрик, ты первый. И на этот раз я хочу, чтобы ты бросил нож на юг от себя. На юг, понял? Не север. Мишень — на юге, я хочу, чтобы нож летел в южном направлении хотя бы примерно. Знаю, в цель ты не попадешь, но попробуй ее хотя бы напугать. И ухо себе не отхвати, и не выпусти нож, не то в соседа попадешь. Просто затверди себе — на юг! Готовы?.. мишень... пошел!

Хендрик опять промахнулся.

Мы тренировались со стеками, мы тренировались с проволокой (кучу гадостей можно натворить с помощью обычного куска проволоки), мы узнали, чего можно достичь с помощью

современного оружия, и как этого достичь, и как обращаться с оружием. У нас было учебное ядерное вооружение и пехотные ракеты, газы всех сортов, яды, взрывчатка и зажигательные снаряды. Кое-что лучше не обсуждать. Но об «устаревшем» оружии мы тоже многое узнали. Например, о штыках на учебных винтовках, и на настоящих тоже. У нас были винтовки, почти идентичные тем, что стояли на вооружении у пехоты XX века. Очень похожи на охотничьи ружья, только стреляют пулями, либо целиком свинцовыми, либо в рубашке. Стреляли мы по неподвижным мишеням и таким, что выпрыгивают неожиданно. Считалось, что это подготовит нас к использованию любого оружия, которое окажется под рукой, а также научит нас быть готовыми ко всему. Что ж, им удалось. Я уверен.

Мы пользовались теми винтовками на учениях, они заменяли нам более серьезное и смертоносное вооружение. Мы вообще много пользовались заменами, приходилось. «Взрыв» бомбы или гранаты, использованных против техники или живой силы, был похож на облако черного дыма. Учебный газ заставлял только чихать и прослезиться, это означало, что ты мертв или парализован... гадость такая, что уже не забудешь о мерах безопасности в случае газовой атаки. Если не считать, что сержант потом жрал тебя перед строем с потрохами.

Спали мы по-прежнему мало, больше половины учений происходили ночью, с инфравизорами и радарами, аудиоснаряжением и прочим.

Винтовки заряжали холостыми, но на каждые пятьсот холостых патронов приходился один боевой. Опасно? Да и нет. Просто жить — тоже опасно. Да и невзрывающаяся пуля не убивает, разве что в голову попадет или в сердце, да и то едва ли. Но этот один настоящий патрон на пятьсот холостых заставлял проявлять повышенный интерес к укрытиям, особенно когда стало известно, что некоторые винтовки оказываются в руках инструкторов. А эти уж были снайперами и действительно старались нас подстрелить. Уверяли, правда, что в голову преднамеренно никто не целит... но инциденты случались.

Дружеские заверения инструкторов не слишком вдохновляли. Эта пятисотая пуля превращала учения в масштабную русскую рулетку; скучать перестаешь в ту же секунду, как слышишь, как мимо ухо свистит пуля и лишь потом — щелчок выстрела.

Мы все равно расслабились, и начальство распустило слух, что, если мы не подтянемся, настоящая пуля станет одной на сотню... а если и это не сработает, то одна на пятьдесят. Не знаю, внесли эти коррективы или нет, зато знаю, что мы подтянулись, потому что парню из соседней роты чиркнуло по заду настоящей пулей. В результате — восхитительный шрам, куча придурковатых шуточек и возросший интерес к маскировке. Мы смеялись над тем парнишкой за то, что выстрел пришел в филейную часть... но все мы знали, что мишенью могла оказаться его голова. Или наши головы.

Инструктора, которым не нужно было стрелять, в укрытие не прятались. Они надевали белые рубашки и разгуливали не пригибаясь со своими глупыми стеками, очевидно пребывая в хладнокровной уверенности, что ни один рекрут не станет намеренно стрелять в инструктора. В отношении некоторых скажу: чрезмерная самоуверенность. Тем не менее при шансе один на пятьсот попадание считается прицельным выстрелом, а это приравнивается к убийству. Фактор риска снижался еще и потому, что рекруты все равно не умели настолько хорошо стрелять. С винтовкой не так легко справиться, на ней даже «поисковика цели» нет. Я понимаю так, что давно, когда на войне сражались с такими винтовками, требовалось сделать несколько тысяч выстрелов, чтобы подстрелить одного человека. Кажется невероятным, но военная история утверждает, что это так. Очевидно, большая часть выстрелов производилась не для того, чтобы убить противника, а для того, чтобы он пригнул голову и не стрелял в ответ.

В любом случае, ни один инструктор не был ранен или убит на учениях. Как и мы — пулями. Смерть приносило иное оружие или случай. Знаете, кое-что может обратиться против тебя, если

действовать не по правилам. Один из ребят ухитрился сломать себе шею, со слишком большим энтузиазмом прыгнув в укрытие, когда по нему выстрелили в первый раз. Пули его даже не задели.

Фокус с настоящими пулями был причиной моего понижения в звании. Сначала с меня сняли шевроны, и вовсе не за то, что я что-то сделал, но за то, что совершило мое подразделение, когда меня и рядом не было. Об этом я и заявил. Бронски велел мне заткнуться. Тогда я пошел к сержанту Зиму. Тот холодно сообщил мне, что я отвечаю за то, что делают мои люди... и вкатил мне шесть нарядов вне очереди за то, что обратился к нему без разрешения Бронски. А тут еще мне пришло письмо, которое меня здорово расстроило, мама наконец-то мне написала. Потом я вышиб плечо во время первого упражнения с доспехами (в скафандры вшиты всякие примочки, и инструктора могут вызвать по радио различные неисправности; я свалился и повредил плечо), и все закончилось переводом меня на «облегченную службу». Времени было много, чтобы подумать, и множество причин, чтобы пожалеть себя.

На этой «легкой службе» я оказался приписан к командиру батальона. Поначалу я старался, поскольку никогда раньше не был в штабе и хотел произвести хорошее впечатление. Я выяснил, что капитан Франкель не поборник усердия; от меня требовалось сидеть смирно, ничего не говорить и начальство не беспокоить. Времени на сочувствие себе появилось еще больше, потому что спать я не рисковал.

А потом вообще стало не до сна. Явился сержант Зим в сопровождении троих. Зим был, как обычно, подтянут и опрятен, но выражением лица в точности напоминал Смерть на коне бледном, а под правым глазом у него явно собирался набухнуть фонарь. Выглядело все это невероятно. В центре тройки стоял Тед Хендрик. Он был весь в грязи — рота находилась на учениях; в прериях не подметают, и большую часть времени возишься в грязи. Губа у Хендрика была рассажена, по подбородку текла кровь и капала на рубашку, головной убор отсутствовал. Глаза у парня были дикие.

Сопровождение было при оружии, у Хендрика винтовки не наблюдалось. Один из парней был из моего взвода, его звали Лейви. Он был возбужден и обрадован и украдкой подмигнул мне, когда никто не видел.

Капитан Франкель удивился:

— Что это значит, сержант?

Зим застыл в стойке «смирно» и отбарабанил как по писаному:

— Сэр, командир роты «Эйч» докладывает командиру батальона. Нарушение дисциплины. Статья девять-один-ноль-семь. Неповиновение командиру и нарушение установки во время учебного боя. Статья девять-один-два-ноль. Игнорирование приказа при тех же условиях.

Капитан Франкель был озадачен.

— И вы пришли ко мне с *этим*, сержант? Официально?

В жизни не видел, чтобы человек сумел выглядеть смущенным и невозмутимым одновременно. Зим смог.

— Сэр, если капитан позволит. Рядовой отказался от административного взыскания. Он настаивает на встрече с командиром батальона.

— Ясно. Законник доморощенный. И хотя я по-прежнему ничего не понимаю, сержант, фактически у рядового есть такая привилегия. Каков был приказ и установка?

— «Замри», сэр.

Я посмотрел на Хендрика и подумал: «Ой-ей, парень влип». На команду «замри» падаешь в грязь, быстро используешь любое укрытие и замираешь, не двигаешься с места, вообще не шевелишься, даже не моргаешь, пока не отменят приказ. Рассказывали, что людей ранило в положении «замри»... и они медленно умирали, без стона и движения.

Брови Франкеля полезли на лоб.

— Вторая часть?

— То же самое, сэр. После нарушения приказа отказался вернуться к исполнению обязанностей, как было приказано.

Капитан Франкель помрачнел:

— Имя?

Ответил Зим:

— Хендрик Т.К., сэр. РР-семь-девять-шесть-ноль-девять-два-четыре.

— Ну что ж... Хендрик, вы лишаетесь всех прав сроком на тридцать дней, вам запрещено покидать палатку, за исключением нарядов, приема пищи и санитарной необходимости. Каждый день три часа дополнительно — наряды начальника стражи, час перед отбоем, час перед подъемом и час во время и вместо обеда. Вы переводитесь на хлеб и воду, сколько сможете съесть. Десять часов дежурства каждое воскресенье. Во время наказания вам разрешено справлять религиозные службы согласно вероисповеданию.

Я подумал: «Ого, на полную катушку».

— Хендрик,— продолжал капитан Франкель,— единственная причина, что вы столь легко отделались, в том, что для более строгого взыскания я вынужден отдать вас под трибунал, а я не хочу пятнать репутацию вашего подразделения. Вольно.

Он уткнулся в бумаги, инцидент был исчерпан и почти забыт...

Но тут Хендрик как завопит:

— Да вы даже не выслушали мою версию!

Капитан поднял голову:

— О. Прошу прощения. У вас есть версия?

— Вы чертовски правы, еще как имеется! Сержант Зим меня вынудил! Он гоняет меня, гоняет, гоняет, весь день, все время. Пока я здесь! Он...

— Работа у него такая,— холодно сказал капитан.— Вы отрицаете оба обвинения против вас?

— Нет, но... он ведь не сказал, что я лежал на муравейнике.

Франкель скривился от отвращения.

— О-о... То есть вы предпочтете, чтобы вас и, возможно, ваших товарищей убили из-за нескольких муравьев?

— Не нескольких, их там сотни. Они кусались.

— И что? Молодой человек, давайте напрямую. Да будь там гнездо гремучих змей, от вас все равно ждали бы и требовали

замереть,— Франкель сделал паузу.— Это все, что вы можете сказать в свою защиту?

Хендрик открыл рот:

— Еще как! Он меня ударил! Занимался рукоприкладством! Их там целая шайка с этими глупыми палками, так и норовят вытянуть по заднице или ткнуть меж лопаток. И приговаривают, мол, соберись. Ладно, пусть! Но он ударил меня кулаком... сшиб меня на землю и заорал: «Замри, ты, глупый баран!» С этим как быть, а?

Капитан Франкель посмотрел на свои руки, опять поднял взгляд на Хендрика.

— Молодой человек, вы находитесь во власти распространенного среди штатских заблуждения. Вы считаете, что старшему офицеру запрещено «заниматься рукоприкладством», как вы выразились. При других обстоятельствах это верно. Скажем, если мы встретимся в театре или магазине, я не больше вашего имею право, пока вы обращаетесь ко мне с должным моему званию и чину уважением, ударить вас по лицу. Но во время выполнения служебных обязанностей правило полностью меняется...

Капитан развернулся в кресле и указал на книги большого формата.

— Вот законы, по которым мы живем. Можете изучить каждый абзац в этих книгах, каждый случай и статью, и вы не найдете ни слова о том, что старший офицер не может заняться «рукоприкладством» или иным способом ударить подчиненного во время несения службы. Хендрик, я могу сломать вам челюсть... и просто отвечу перед старшим по званию за этот случай. Но за вас лично я отвечать не буду. Я могу сделать даже больше. Есть обстоятельства, когда старшему офицеру, сержанту или капралу не просто не запрещено — от него требуется убить офицера ниже себя званием или рядового, без промедления и предупреждения. И его за это не накажут, а поощрят. Например, как пресекшего малодушие перед лицом противника.

Капитан постучал по столу.

— Теперь о стеках. У них два назначения. Во-первых, они отмечают лиц, облеченных властью. Во-вторых, мы ждем, чтобы эти лица применяли их к вам, чтобы поднять вас и держать в тонусе. Стек вреда не приносит, по крайней мере так, как им пользуются. В лучшем случае немного больно. Но они экономят тысячи слов. Скажем, вы не намерены просыпаться, когда объявлен подъем. Без сомнения, дежурный капрал мог бы, пресмыкаясь, сказать: «Ну, сладенький мой, очень нужно, да и не желаешь ли завтрак в постельку?» Это если бы мы могли приставить вам в няньки по капралу на каждую душу. Мы не можем, поэтому капрал просто подстегивает вас и бежит дальше, вы у него не один. Конечно, он мог бы просто дать вам пинка, на что у него имеется законное право. Пинок тоже эффективен. Но генерал, отвечающий за воспитание и дисциплину, думает, что гораздо достойнее, как для вас, так и для капрала, вытянуть соню вдоль спины стеком. Я придерживаюсь того же мнения. Не то чтобы ваше или мое мнение бралось в расчет, просто так положено.

Капитан Франкель вздохнул.

— Хендрик, я объясняю вам все это, потому что бессмысленно наказывать человека, если он не знает, почему наказан. Вы были плохим мальчиком. Я говорю «мальчиком», потому что вы совершенно очевидно еще не мужчина, хотя и пытаетесь им выглядеть. Удивительно, как вы дотянули до этого этапа тренировок. В свою защиту вам сказать нечего, даже облегчить наказание нечем, вы даже слабого понятия не имеете, в чем заключается солдатская служба. Так скажите мне сами, почему, по-вашему, с вами жестоко обращаются? Я хочу разобраться. Может, даже выяснится нечто такое, что будет говорить в вашу пользу, хотя, скажу честно, я не могу себе этого представить.

Я пару раз украдкой покосился на Хендрика, пока капитан отчитывал его. Каким-то образом эта негромкая, ласковая выволочка действовала сильнее, чем ор сержанта Зима. Лицо Хендрика сменило выражение от возмущенного через удивление в угрюмость.

— Говорите! — резко приказал капитан.

— Ну... ладно, нам приказали замереть, я бросился на землю и увидел, что лежу на муравейнике. Поэтому я поднялся на четвереньки, чтобы отползти в сторону, и тут меня ударили сзади, сбили на землю, и сержант заорал на меня... тут я вскочил и дал ему, а он...

— СТОП!

Капитан Франкель так и взвился над креслом. Он будто стал ростом футов в десять, хотя вряд ли выше меня. Он яростно воззрился на Хендрика.

— Вы... ударили... вашего... непосредственного... командира?

— Ну да, я же сказал. Но он первый начал. Сзади, я даже не видел его. Я никому такого не спускаю. Я дал ему, и тогда он снова меня ударил, а потом...

— Молчать!

Хендрик запнулся. Потом добавил:

— Я хочу избавиться от этой вшивой формы.

— Это мы таки устроим,— ледяным тоном пообещал Франкель.— И очень быстро.

— Просто дайте мне лист бумаги. Я увольняюсь.

— Минуточку. Сержант Зим.

— Слушаю, сэр.

За долгое время Зим не сказал ни единого слова. Просто стоял там, вперив взгляд в стенку перед собой, и не двигался, только желваки по скулам ходили. Я пригляделся к нему и увидел, что у него и вправду синяк под глазом. Хендрик здорово его достал. Но сержант ничего не сказал об этом, а капитан Франкель не спрашивал; может быть, командир предположил, что Зим на дверь наткнулся и сам потом расскажет, если захочет.

— Были соответствующие статьи вывешены для общего доступа, как предписывается?

— Так точно, сэр. Вывешены для ознакомления, их читают каждое воскресенье утром.

— Я знаю. Просто спросил для протокола.

Перед церковной службой каждое воскресенье нас выстраивают и зачитывают статьи из Устава вооруженных сил. А по-

том вывешивают на доске объявлений вместе с приказами. Никто на них внимания не обращает, просто еще один вид муштры, лучше поспать, пусть стоя. Но одну вещь мы заметили и назвали ее «тридцать один способ расшибиться вдребезги». В конце концов, инструктора неусыпно следили за тем, чтобы все эти статьи и уложения мы почувствовали на собственном заду. «Расшибиться вдребезги» — это очередная затертая шутка, вроде «побудочной смазки» или «утренней молотьбы». Это тридцать один серьезный проступок. То и дело кто-нибудь хвастал или обвинял соседа в том, что нашел тридцать второй способ. Обычно речь шла о чем-то нелепом или неприличном.

Нападение на старшего по званию...

Как-то вдруг мне стало совсем не смешно. Ударил Зима? И за это парня повесят? Ну да, почти каждый в роте замахивался кулаком на сержанта Зима, некоторым даже удавалось ударить... когда он занимался с нами рукопашным боем. Он брался за нас после всех инструкторов и когда мы начинали задирать нос и считать, что все умеем. Тогда он брался наводить на нас лоск. Да я сам однажды видел, как Судзуми так врезал ему, что вчистую нокаутировал. Бронски вылил на сержанта ведро воды, Зим поднялся, ухмыльнулся, пожал японцу руку — и зашвырнул Судзуми аж за горизонт.

Капитан Франкель огляделся по сторонам, дал мне знак подойти.

— Вы. Свяжитесь со штабом полка.

Я так и сделал, путаясь в собственных пальцах, и отошел, когда на экране появилось лицо офицера.

— Адъютант,— буркнул офицер.

— Командир второго батальона обращается к командиру полка,— отчеканил Франкель.— Я требую и прошу прислать офицера для заседания трибунала.

— Когда он тебе нужен, Ян? — спросили с экрана.

— Как только, так сразу.

— Сейчас. Я уверен, Джейк в штабе. Статья и имя?

Капитан Франкель назвал Хендрика и процитировал номер статьи. Офицер на экране присвистнул и помрачнел.

— Мы живо, Ян. Не смогу дозвониться до Джейка, сам приеду, только Старика извещу.

Капитан Франкель повернулся к Зиму:

— Те, что с вами,— свидетели?

— Так точно, сэр.

— Командир полувзвода видел?

Зим на секунду замялся.

— Думаю, да, сэр.

— Сюда его. Есть там кто-нибудь в скафандре?

— Да, сэр.

Зим подошел к аппарату, а Франкель тем временем обратился к Хендрику:

— Каких свидетелей вы можете назвать в свою защиту?

— Да не нужны мне никакие свидетели, он знает, что сделал! Просто дайте мне лист бумаги — я убираюсь отсюда.

— Все в свое время.

И по мне, время наступило быстро. Меньше чем через пять минут прискакал капрал Джонс в офицерском скафандре, волоча в лапах капрала Махмуда. Он выгрузил Махмуда и попрыгал прочь, как раз к появлению лейтенанта Спиексмы.

— Добрый день, кэп. Обвиняемый и свидетели здесь?

— Все здесь. Бери стул, Джейк.

— Запись пошла?

— Уже.

— Отлично. Хендрик, шаг вперед.

Хендрик послушался, хотя был озадачен, да и нервы у него стали сдавать.

— Полевой трибунал созван по приказу майора Ф.К. Мэллоя, командира третьего учебного полка, лагерь Артура Карри, приказ номер четыре, согласно Уставу вооруженных сил, Земная Федерация. Офицер, представляющий обвинение: капитан Ян Франкель, мобильная пехота, занимающий должность командира второго батальона, третьего полка. Судья: лейтенант

Жак Спиексма, мобильная пехота, занимающий должность командира первого батальона, третьего полка. Обвиняемый: Хендрик Теодор К., рядовой РР-семь-девять-шесть-ноль-девять-два-четыре, статья девять-ноль-восемь-ноль. Обвинение: нападение на старшего по званию в условиях, приравненных к боевым.

Я поразился, как все быстро происходило. Я вдруг оказался назначен «судебным чиновником» и должен был выводить свидетелей и извещать их. Я слабо представлял, как буду «выводить» сержанта Зима, если тому не захочется, но сержант только глянул на Махмуда и двух наших ребят, и все они оказались снаружи, так, что ничего не могли слышать. Зим отошел в сторону и стал просто ждать, Махмуд опустился на корточки и скрутил сигаретку, но его вызвали первым, так что курево было отложено на потом. Не прошло двадцати минут, а все три свидетеля были опрошены, все рассказали ту же историю, что и Хендрик. Зима не вызывали вообще.

— Хотите устроить перекрестный допрос свидетелей? — спросил у Хендрика лейтенант Спиексма.— Суд поможет вам, если пожелаете.

— Нет.

— Стоять «смирно» и говорить «сэр», когда обращаетесь к судье.

— Нет, сэр,— Хендрик подумал и добавил: — Мне нужен адвокат.

— Устав не разрешает иметь представителя на трибунале. Хотите дать показания в свою защиту? Вы не обязаны этого делать, тогда суд ограничится предоставленными уликами и не будет принимать во внимание ваш отказ. Но должен предупредить, что любые ваши показания могут быть использованы против вас и что вы не можете подвергаться перекрестному допросу.

Хендрик пожал плечами:

— Мне нечего сказать. Что толку?

— Суд повторяет: хотите ли вы дать показания в свою защиту?

— Э... нет, сэр.

— Суд должен задать вам один процедурный вопрос. Были ли вы ознакомлены со статьей, по которой вас обвиняют, до того, как совершили предусмотренное в ней преступление? Можете отвечать «да», или «нет» или не отвечать вообще. Но вы несете ответственность за ложные показания по статье девять-один-шесть-семь.

Обвиняемый молчал.

— Хорошо. Суд зачитает вам вслух статью, по которой вас обвиняют, а потом вновь вернется к вопросу. «Статья девять-ноль-восемь-ноль: Каждый служащий вооруженных сил, который ударит или нападет или предпримет попытку ударить или напасть...»

— Да, я думаю, нам зачитывали. Нам каждое воскресенье читают подобную чушь. У них там целый список, чего нельзя делать.

— Была или не была эта статья зачитана вам?

— Н-ну... да, сэр. Была.

— Отлично. Отказавшись свидетельствовать в свою пользу, желаете ли вы тем не менее заявить о каких-либо смягчающих вашу вину обстоятельствах?

— Сэр?

— Хотите ли рассказать суду что-нибудь об инциденте? Какие-либо обстоятельства, которые, по вашему мнению, могли бы представить в ином свете уже данные показания? Есть ли что-нибудь, смягчающее ваше преступление? Например, вы были больны, находились под влиянием наркотиков или медикаментов. Вы не находитесь под присягой, вы можете сказать все, что вам поможет. Суд пытается выяснить следующее: не заставляет ли что-либо в этом деле считать, что с вами поступили несправедливо? Если так, то что именно?

— Да? Разумеется, несправедливо! Все тут несправедливо! Он первым меня ударил! Вы же слышали, все говорят, что он первый начал!

— Еще что-нибудь?

— Э? Нет, сэр. А что, недостаточно?

— Разбирательство окончено. Рядовой Теодор К. Хендрик, шаг вперед!

Лейтенант все это время стоял, теперь поднялся и капитан Франкель. Вдруг стало холодно.

— Рядовой Хендрик, вы признаны виновным в предъявленном вам обвинении.

У меня скрутило желудок. Неужели они все-таки... они собираются сделать из Теда Хендрика «Дэнни Дивера». Еще сегодня утром я завтракал рядом с ним.

Пока я боролся с тошнотой, лейтенант продолжил..:

— Суд приговаривает вас к десяти ударам плетью и увольнению с резолюцией: «За нарушение Устава».

Хендрик сглотнул.

— Я хочу уволиться!

— Суд не дает вам разрешения на увольнение. Суд хочет добавить, что к вам применено столь мягкое наказание исключительно потому, что данный суд не уполномочен наказывать вас строже. Представитель обвинения настаивал на проведении трибунала этого уровня по неназванным причинам. Будь на его месте генерал, за то же преступление по представленным уликам вас приговорили бы к повешению за шею, пока не умрете. Вам очень повезло: офицер, властью которого вы преданы трибуналу, обошелся с вами весьма милосердно,— лейтенант Спиекема помолчал.— Приговор будет приведен в исполнение, как только офицер, созвавший трибунал, подаст рапорт о случившемся. Заседание окончено. Увести обвиняемого и взять его под стражу.

Последняя фраза была адресована мне, но мне не пришлось делать что-то особенное, разве что позвонил в караулку и вызвал наряд, а потом получил с них расписку за Хендрика.

Днем капитан Франкель отослал меня к врачу, а тот сказал, что я годен нести службу. Я вернулся в свое отделение как раз вовремя, чтобы переодеться, выйти со всеми вместе на поверку и получить от сержанта Зима взбучку за пятна на кителе.

У него самого было пятно побольше моего — вокруг глаза,— но я не стал об этом упоминать.

Кто-то установил на плацу большой столб позади того места, где обычно стоял адъютант. Когда дошло время до зачитывания приказов, вместо обычных дневных распоряжений огласили приговор трибунала над Хендриком.

Потом его вывели под конвоем двух вооруженных часовых и со скованными впереди руками.

Я еще ни разу не видел порки. Дома, разумеется, случались публичные наказания, перед федеральным центром, но отец строго-настрого запретил мне подходить близко. Один раз я попытался нарушить его приказ... но порку отложили, а больше я не предпринимал попыток.

И одного раза было много.

Охрана подняла Хендрику руки и зацепили наручники за крюк на столбе. Затем сорвали с Теда рубашку, она была както так устроена, что снялась сразу, а майки под ней не было. Адъютант отрывисто произнес:

— Привести приговор в исполнение.

Вперед с хлыстом в руке вышел капрал-инструктор из другого батальона. Начальник стражи начал считать.

Он считал очень медленно, пять секунд между ударами, а казалось — дольше. Тед даже не пикнул до третьего удара, потом всхлипнул.

Следующее, что я помню,— это то, что я смотрю на капрала Бронски. Он лупит меня по щекам и пристально вглядывается мне в лицо. Он прекратил меня бить и спросил:

— Пришел в норму? Ладно, становись в строй. Живо, сейчас скомандуют смотр.

После смотра мы побрели в расположение роты. Я не смог проглотить и куска, да и многие ребята — тоже.

Никто и слова не сказал о моем обмороке. Позднее я выяснил, что я был не одинок, сознание потеряли еще пара дюжин человек.

6

То, за что мы не платим, мы не ценим... и потому, как это ни странно, столь бесценный дар, как СВОБОДА, не ценится достаточно высоко.

Томас Пэйн

Ночью, после того как Хендрика с позором вышибли, я пал так низко, что дальше в лагере Артура Карри просто некуда. Я не сумел уснуть. Надо пройти через учебку, чтобы полностью оценить, насколько потрясен должен быть новобранец, чтобы ворочаться без сна на койке. Но на учениях днем я не был, так что устать мне было не с чего, да и плечо побаливало, хотя врач выставил меня из медчасти с резолюцией «Годен»; в голове крутились строчки из маминого письма, а стоило закрыть глаза, как я слышал щелканье хлыста и видел Теда, обвисшего возле позорного столба.

На шевроны мне было плевать. Вообще все вдруг потеряло значение, потому что я твердо решил уволиться. Если бы не время за полночь и отсутствие под рукой бумаги и ручки, я бы уже был гражданским.

Тед совершил крупную ошибку, и понадобилось ему от силы полсекунды. И вышло все действительно случайно. Пусть он ненавидел службу — кто ж ее любит? — он очень хотел выслужить свой срок и получить гражданские права; Тед собирался стать политиком, постоянно об этом говорил. «Нужно кое-что изменить — вот увидите!»

Что ж, теперь дорога в политику ему закрыта. На секунду расслабился — все, крышка!

Если с ним произошло такое, со мной тоже может. Что, если я тоже оступлюсь? Завтра или на следующей неделе? Даже не дадут уйти самому... дадут пинка под барабан и с исполосованной спиной.

Самое время признать, что я ошибался, а отец был прав, самое время найти лист бумаги и отправляться домой, чтобы сказать отцу, что я готов ехать в Гарвард, а затем заниматься бизнесом — если он все еще хочет доверить мне дела. Самое время пойти к сержанту Зиму... с самого утра взять и пойти к нему и сказать, что с меня хватит. Но это утром, потому что будить сержанта Зима не ради чего-то экстренного (что *он* посчитает экстренным), а по ерунде... поверьте мне, не стоит! Только не сержанта Зима.

Сержант Зим...

Он беспокоил меня не меньше, чем Тед. После того как трибунал был окончен и Теда увели, сержант задержался и сказал капитану Франкелю:

— Прошу разрешения обратиться к командиру батальона, сэр.

— Обращайтесь. Все равно я хотел перекинуться с вами парой фраз. Садитесь.

Зим зыркнул на меня незаплывшим глазом, капитан тоже на меня посмотрел, и мне не надо было говорить, чтобы я вышел. Я испарился. В приемной никого не было, только парочка штатских писарей. Я не осмелился уйти далеко, потому что мог понадобиться капитану. Я отыскал стул и сел.

Сквозь перегородку, к которой я приткнулся затылком, мне было все слышно. Батальонный штаб был все-таки постройкой, а не палаткой, раз в нем размещалось стационарное оборудование. Но и зданием в прямом смысле он тоже не был. Барак с тонкими, как бумага, перегородками. Сомневаюсь, чтобы штатские что-то слышали, поскольку сидели в наушниках, согнувшись над пишущими машинками. Кроме того, им было плевать. Я не хотел подслушивать. Э-э... может быть, все-таки хотел.

Зим сказал:

— Прошу перевода в боевую часть, сэр.

Франкель ответил:

— Не слышу тебя, Чарли. Опять ухо барахлит.

Зим:

— Я серьезно, сэр. Эта служба не для меня.

Франкель, раздраженно:

— Прекрати скулить, сержант. Подожди, по крайней мере когда мы будем вне службы. Ну, что стряслось?

Зим выдавил:

— Капитан, мальчишка не заслужил плетей.

— Разумеется, не заслужил,— отозвался Франкель.— Ты знаешь, кто виноват. И я это знаю.

— Так точно, сэр. Знаю.

— Ну и?.. А еще ты лучше меня знаешь, что на этой стадии мальчишки — что дикие звери. Ты знаешь, когда безопасно поворачиваться к ним спиной, а когда нет. И ты знаешь установку и приказ по поводу статьи девять-ноль-восемь-ноль — никогда не давай им шанса нарушить статью. Конечно, кто-то из них попытается; если бы они не были агрессивными, то не годились бы для мобильной пехоты. В строю они послушны; вполне безопасно повернуться к ним спиной, когда они едят, спят или сидят на хвостах и слушают лекцию. Но выведи их на полевые учения, у них подскакивает адреналин, и они взрывоопасны, как гремучая ртуть. Тебе это известно, инструкторам это известно; тебя обучали — и научили! — быть начеку, гасить поползновения в зародыше. Так объясни мне, каким это образом новобранец-недоучка навесил тебе фингал под глаз? Он не должен был даже пальцем тебя тронуть; ты должен был выбить из него дурь вместе с духом, как только заметил, куда он нацелился. Форму теряешь?

— Не знаю,— пробормотал Зим.— Наверное...

— Если так, то к боевой части тебя и подпускать нельзя. Но это не так. Или не было так три дня назад, когда мы с тобой работали. Где ты дал маху?

Зим ответил не сразу.

— Наверное, пометил его как безопасного.

— Таких не бывает.

— Так точно, сэр. Но он так старался, так хотел выслужить срок... У него никаких способностей, но он просто из кожи вон

лез. Наверное, у меня подсознательно получилось,— Зим помолчал и добавил: — Наверное, потому что он мне нравился.

Франкель фыркнул:

— Инструктору любовь не положена.

— Знаю, сэр. Так вышло. Они — прекрасные ребятишки, все отбросы мы уже сплавили. У Хендрика только один недостаток, не считая неуклюжести. Он думает, что ему известны ответы на все вопросы. Это ничего, я сам таким был в его годы. Шушеру мы отправили по домам, а те, кто остался,— энергичны, всегда готовы и всегда начеку, словно элитные щенки колли. Из них многие станут солдатами.

— Так вот в чем дело. Он тебе понравился... поэтому ты вовремя его не оборвал, он пошел под трибунал, получил хлыста и был уволен за нарушение Устава.

— Видит небо, я бы хотел, чтобы это меня выпороли, сэр,— честно заявил Зим.

— В очереди подождешь, я все-таки старше тебя по званию. Как, по-твоему, я чувствую себя последний час? Чего, по-твоему, я боялся больше всего с той минуты, как ты ввалился сюда с фонарем под глазом? Я же все сделал, чтобы обойтись административным наказанием, так ведь нет, этому дурашке приспичило трепать языком! Никогда бы не подумал, что он настолько туп, чтобы так вот взять и все выложить: я, мол, полез с кулаками на сержанта... Ты должен был дать ему пинка, чтобы летел отсюда и до дома, еще неделю назад... а не нянчиться с ним, пока он не влез в неприятности. Но он таки ляпнул при мне, при свидетелях и вынудил меня дать делу ход. Никакой возможности пропустить мимо ушей, избежать трибунала... пришлось разгрести кучу, принять лекарство и получить еще одного гражданского, который до конца дней своих будет зол на нас. Его *нужно* было выпороть, и ни ты, ни я не могли подставить свои спины вместо него, даже если виноваты мы с тобой. Потому что полк должен видеть, что происходит, когда нарушают статью девять-ноль-восемь-ноль. Вина наша, а шишки — ему.

— Вина только моя, капитан. Поэтому я и прошу перевести меня. Э-э... сэр, так будет лучше для части. По-моему.

— По-твоему, да? Что лучше для батальона, решаю я, а не ты, сержант. Чарли, как ты думаешь, кто в свое время устроил так, что тебя перевели сюда? И почему? Что было двенадцать лет назад? Ты был капралом, помнишь? Где ты был?

— Сами знаете, капитан, здесь, посреди этих богом забытых прерий, и хотел бы я никогда сюда не возвращаться!

— Не ты один. Но так уж случилось, что самое важное и деликатное задание в армии — превращать не поротых юных щенят в солдат. Кто был худшим не поротым щенком в твоем подразделении?

Зим опять замялся.

— Я бы не сказал, что это были вы, капитан...

— Не сказал бы? Ты хотя бы для приличия задумался, что ли, прежде чем назвать мое имя. Я ненавидел тебя до тошноты, «капрал» Зим.

Ответил сержант удивленно и даже обиженно:

— Правда, капитан? А мне вы даже нравились...

— И что? Ладно, ненависть инструкторам тоже не положена. Ненавидеть их нельзя, любить их нельзя, мы обязаны их учить. Значит, я тебе нравился, да? М-да, ты выражал свою любовь довольно странными способами. И до сих пор нравлюсь? Можешь не отвечать, мне все равно... нет, не так, я не хочу знать, изменились твои чувства или нет. Это не важно. Тогда я тебя презирал, спал и видел, как бы тебе насолить. Но ты всегда был наготове, так и не дал мне шанса нарушить девять-ноль-восемь-ноль. И я в армии только благодаря тебе. Теперь займемся твоим прошением. Когда-то ты все время отдавал мне один и тот же приказ. Его я ненавидел пуще всего остального, что ты делал или говорил. Помнишь его? А теперь моя очередь отдать его тебе. «Солдат, заткни пасть и воюй!»

— Слушаюсь, сэр.

— Не уходи пока. От этого проклятого случая не одни убытки. Любая учебная часть нуждается в суровом уроке относительно

девять-ноль-восемь-ноль, мы оба это знаем. Думать они еще не умеют, читать не хотят и редко слушают, зато видеть не разучились. И несчастье юного Хендрика может спасти многих его товарищей от повешения за шею, пока они не сдохнут, не сдохнут, не сдохнут! Но мне жаль, что наглядный урок пришлось провести в моем батальоне, и второго мне не надо. Соберешь инструкторов и предупредишь их. Примерно двадцать четыре часа наши ребятишки еще будут в шоке. Затем замкнутся, напряжение возрастет. В четверг или пятницу кто-нибудь из ребят, готовых на вылет, начнет думать, что Хендрика наказали не строже, чем пьяного водителя. Им придет в голову, что десять плетей стоят того, чтобы двинуть кулаком инструктора, которого они не любят больше всего. Сержант, *этот* удар до цели дойти не должен! Понял меня?

— Так точно, сэр.

— Я хочу, чтобы инструктора были в восемь раз осторожнее прежнего. Я хочу, чтобы они сохраняли дистанцию, хочу, чтобы отрастили глаза на затылке. Хочу, чтобы были бдительны, как мышь на кошачьей вечеринке. Бронски... с ним поговори особо, у Бронски есть тенденция... относиться по-братски.

— Бронски я подтяну, сэр.

— Ну смотри. Потому что когда следующий пацан замахнется на инструктора, его порыв пресечь надо немедленно. Отключить его, а не заткнуть, как сегодня. Парень должен лежать хладным трупом и даже пальцем инструктора не коснуться, или я лично вышвырну такого инструктора за некомпетентность. Вбей им мои слова в головы. Инструктора должны втолковать нашим детишкам, что нарушать девять-ноль-восемь-ноль не просто дороже, а что ее нарушить невозможно. Что даже попытка закончится отключкой, вывихнутой челюстью да ведром воды на голову, и больше ничем.

— Так точно, сэр. Будет сделано.

— Да, лучше пусть это будет сделано. Я не только выставлю промахнувшегося инструктора, я лично провожу его в прерию и навешаю по мозгам... потому что не хочу, чтобы еще одного

из моих мальчишек привязывали к позорному столбу за ошибку его учителя. Вольно.

— Есть, сэр. Всего хорошего, капитан.

— Что уж тут хорошего. Чарли...

— Да, сэр.

— Если ты не слишком занят сегодня вечером, прихвати накладки и мягкие тапки и заходи в офицерский клуб. Повальсируем. Скажем, часов в восемь.

— Слушаюсь, сэр.

— Да это не приказ, Чарли, просто приглашение. И если ты действительно потерял форму, может, мне повезет навешать тебе плюх.

— Э, капитан не хочет заключить небольшое пари?

— Просиживая штаны за столом и продавливая кресло? Да ни за что! Разве что закатаем тебе одну ногу в цемент. Серьезно, Чарли, день был вшивый, а перед тем, как станет лучше, будет только хуже. Если мы с тобой пропотеем и обменяемся парой шишек, то, наверное, сможем сегодня уснуть спокойно вопреки всем маменькиным сынкам в мире.

— Я приду, капитан. Не перегружайте желудок за ужином, мне ведь тоже надо снять напряжение.

— Я на ужин вообще не пойду. Буду сидеть здесь и потеть над рапортом. Наш комполка великодушно возжелал видеть его сразу после *своего* ужина. А я по вине некоего типа, не будем называть его имени, уже опоздал часа на два. Так что и на вальс я слегка припоздаю. Проваливай отсюда, Чарли, не мешай мне. Еще увидимся.

Сержант Зим появился в приемной так внезапно, что я едва успел наклониться и спрятаться за конторкой, где я и сидел, пока он не прошагал мимо. Капитан Франкель уже кричал:

— Ординарец! Ординарец! ОРДИНАРЕЦ!!! Почему я должен повторять трижды? Имя? Наряд вне очереди по полной программе. Найдите командиров рот «Е», «Ф» и «Джи», передайте им мой привет и пожелание видеть их перед вечерней поверкой. Затем бегом в мою палатку, доставьте сюда чистую

униформу, фуражку, личное оружие, планки. Я сказал: планки. А не медали! Оставите все здесь. Затем отправляйтесь к врачу, чесаться этой рукой вы можете, я сам видел, значит, плечо у вас не болит. До сигнала тридцать минут. Бегом!!!

Я успел все... отловив двух ротных в инструкторской душевой (ординарец имеет право входить по делам службы куда угодно), а третьего в его кабинете. Приказы только с виду кажутся невыполнимыми, потому что они почти невыполнимы. Я раскладывал капитанский китель, когда прозвучал сигнал к вечернему медосмотру. Не поднимая головы, Франкель прорычал:

— Отложить наряд. Вон отсюда.

И я попал домой как раз вовремя, чтобы увидеть последние часы Теда Хендрика в мобильной пехоте и схлопотать еще один наряд вне очереди за «две неопрятности во внешнем виде».

Так что ночью во время бессонницы мне было о чем подумать. Я знал, что работа сержанта Зима не из легких, но мне никогда не приходило в голову, что он может быть иным, а не уверенным и самодовольным. Он *выглядел* таким довольным собой и всем, что делал, был, казалось, в согласии окружающим его миром.

Мысль о том, что этот неуязвимый робот может чувствовать, что потерпел неудачу, может так глубоко ощущать свой личный позор, что готов сбежать из части, затеряться среди чужих людей и утверждать, что «так будет лучше для подразделения», потрясла меня куда сильнее, чем порка Теда.

А еще капитан с ним согласился... в том смысле, что сержант допустил серьезный промах, да еще носом ткнул, отчитал как следует. Ну и дела! Сержантов не жрут с потрохами, это они всех жрут. Закон природы.

Но следовало признать, что взбучка, которую получил и проглотил сержант Зим, была такой унизительной и испепеляющий, что все, что до этого я слышал от сержанта (или случайно подслушивал), показалось мне объяснением в любви. А ведь капитан даже голоса не повысил.

Инцидент был настолько абсурден, что я никогда о нем никому не рассказывал.

И сам капитан Франкель... Офицеров мы вообще не часто видели. Они показывались на вечерней поверке, являясь прогулочным шагом в самый последний момент, и не делали ничего, что могло бы выжать хоть одну каплю пота. Раз в неделю они проводили осмотр, выдавая замечания частного характера в адрес сержантов, содержание обычно выражало их печаль по поводу кого угодно, только не их самих. А еще каждую неделю они решали, чья рота завоевала честь нести караул у знамени полка. Помимо этого они вдруг являлись с внезапными инспекциями, отутюженные, чистенькие, пахли одеколоном и держались отчужденно, а потом вновь исчезали.

Ну, и один или двое сопровождали нас на марш-бросках, а два раза капитан Франкель продемонстрировал, что такое *la savate*. Но в целом офицеры не работали — не работали по-настоящему,— и жизнь их была сладка, потому что сержанты были под ними, а не над.

Но выходило, что капитан Франкель работал так, что ему и поесть было некогда, был чем-то занят, да так, что жаловался на недостаток физических упражнений и собирался потратить на них свободное время.

А что касается тревог, так случай с Хендриком его волновал больше, чем сержанта Зима. А ведь он даже в лицо Хендрика не знал, был вынужден спрашивать, как его зовут.

У меня появилось неприятное ощущение, что я нисколько не разбираюсь в природе мира, в котором живу, и что каждая часть его сильно отличается от того, чем выглядит. Вроде как узнать, что твоя родная мать — вовсе не та женщина, которую ты знал всю свою жизнь, а незнакомка в резиновой маске.

Но в одном я уверен: я не желал выяснять, на что в действительности похожа мобильная пехота. Если она неприветлива даже для своих и. о. господа Бога — сержантов и офицеров, что же говорить о Джонни! Как можно не наделать ошибок в службе, которую не понимаешь? Я не хочу быть повешенным за шею, пока не умру, не умру, не умру! Я даже не хочу на собственной шкуре узнать, что такое порка, даже если доктор будет следить,

чтобы мне не причинили настоящего вреда. В нашей семье никого никогда не пороли, разве что в школе шлепали, вот и все. Но это не одно и то же. Ни по отцовской линии, ни по материнской в нашей семье преступников не было, даже обвиняемых. Мы были почтенной семьей, вот только гражданских прав не имели, но отец всегда считал, что в гражданских правах нет ничего почетного, одно лишь бессмысленное тщеславие. Но если меня выпорют, его, наверное, удар хватит.

И еще. Хендрик не совершил ничего такого, о чем я сам не помышлял бы раз так тысячу. Почему же не я? Думаю, дело в нерешительности. Я знал наверняка, что инструктора сделают из меня котлету, так что даже не пытался трепыхаться. Кишка у тебя тонка, Джонни. Вот у Теда Хендрика — другое дело. Человеку, у кого кишка тонка, в армии не место.

Кроме того, капитан Франкель говорил, что Тед не виноват. И если я не загремлю по девять-ноль-восемь-ноль, то провинюсь в чем-нибудь другом, и вины моей в том не будет, но я все равно окажусь у позорного столба.

Да, Джонни, время убираться отсюда, пока не все потеряно.

Мамино письмо только подтверждало мое решение. Я ожесточился на родителей, когда они от меня отвернулись, но когда они отмякли, я тоже не устоял. По крайней мере, когда мама отмякла. Она написала:

«...но боюсь, что должна сказать тебе, что отец все еще не разрешает упоминать твое имя. Но, милый мой, так выражается его горе, ведь он не может плакать. Ты должен понять, мое дорогое дитя, что он любит тебя больше жизни, больше, чем он любит меня, и что ты его глубоко ранил. Он твердит, что ты взрослый мужчина, способный принимать собственные решения, и что он гордится тобой. Но это говорит его гордость, горькая уязвленная гордость человека, которому разбил сердце тот, кого он любил больше всех. Ты должен понять, Хуанито, что он не говорит о тебе и не пишет тебе, потому что не может... не сейчас, подожди, когда его печаль чуть уляжется. А когда это время настанет, я пойму и поговорю с ним о тебе. И мы все снова будем вместе.

Что я сама? Как может мать сердиться на своего малыша? Ты можешь огорчить меня, но не уменьшишь моей любви. Где бы ты ни был, что бы ни делал, ты всегда остаешься моим малышом, который бежит ко мне за утешением, разбив коленку. Теперь мои объятия не так велики, как раньше, а может, это ты вырос, хотя в это я никогда не поверю, но я все равно буду ждать тебя, когда тебе понадобится утешение. Малышам всегда требуются объятия матерей, верно, милый? Надеюсь, что так. Надеюсь, ты напишешь мне и скажешь, что это так.

Но должна добавить, поскольку ты так давно не писал, что лучше всего, если я не дам знать, писать мне на адрес твоей тети Элеаноры. А она сразу же передаст мне твою весточку, а в другие руки письмо твое не попадет, и никто не расстроится. Понимаешь меня?

Тысячу раз целую моего маленького.

Твоя мама».

Да все я понял, и если отец плакать не мог, то я могу. Я заплакал.

А только-только заснул... как сразу же проснулся по тревоге. Мы всем полком рванули на полигон, где провели учения без боеприпасов, но при полной выкладке, включая микрорации, и шли разомкнутой цепью, когда прилетел приказ замереть.

И замерли мы примерно на час. Я имею в виду: никто не шелохнулся, сдерживали даже дыхание. Мышь на цыпочках и то наделала бы больше шуму. Что-то подобралось ко мне сзади и протопало сверху, койот, по-моему. Я даже не вздрогнул. Мы все жутко замерзли, мне было наплевать; я знал, что выполняю приказ в последний раз.

На следующее утро я не услышал побудки; впервые за много недель меня пришлось вытряхивать из спального мешка. Я едва выдержал построение. Все равно не было смысла увольняться до завтрака, раз для этого сначала нужно повидать сержанта Зима. Но он на завтрак не явился. Я попросил у Бронски разрешения

обратиться к старшему по званию. Капрал сказал: «Конечно, валяй» и не стал спрашивать, зачем мне это.

Нельзя обратиться к тому, кого здесь нет. После завтрака мы отправились в марш-бросок, а я все еще не отыскал сержанта. Бросок был однодневный, завтрак нам доставили на вертолете — неожиданная роскошь, ведь невыдача перед маршем пайка обычно означает голодовку, если ничего не припрятал... а у меня ничего с собой не было; о другом думал.

С пайками явился и сержант Зим и привез почту — а это уже роскошью не было. Не могу не зачесть это в плюсы мобильной пехоты. Тебя могут лишить еды, воды и сна, чего угодно и без предупреждения, но никогда не задержат твою почту минутой дольше, чем требуют обстоятельства. Письма — твои, и тебе их доставят с первым же транспортом, и можешь читать их в любую же свободную секунду, даже на маневрах. Мне это тоже было не важно, кроме пары писем от Карла, я здесь только рассылаемую по почте рекламу получал, да вот еще письмо от мамы.

Я даже не стал подходить, когда вокруг Зима столпились ребята; решил, что поговорю с сержантом наедине, вот и прятался от него до тех пор, пока мы не вернемся в расположение части. Так что я очень удивился, когда Зим выкрикнул мое имя и протянул конверт. Я мигом прискакал и взял письмо.

И удивился еще раз — его написал мистер Дюбуа, мой преподаватель истории и философии морали в старшей школе. Скорее я ждал, что мне подкинет весточку Санта Клаус.

Пока я читал его письмо, все время думал, что это какая-то ошибка. Пришлось проверить конверт, и ответный адрес убедил меня, что именно мистер Дюбуа написал его и что обращался он именно ко мне.

«Мой дорогой мальчик,

следовало написать раньше, чтобы сказать, как я обрадован и горд, что ты не только добровольцем пошел на службу, но и выбрал армию. Но я не удивлен, от тебя я именно такого и ждал, правда, не думал, что ты выберешь мобильную пехоту. Такие плоды наша работа приносит не часто. Приходится пе-

ребрать много камней и песка, чтобы отыскать самородок, но находка вознаграждает нас.

Сейчас тебе должна быть ясна причина, по которой я не писал. Многие молодые люди отсеиваются во время обучения и вовсе не обязательно совершают при этом серьезный проступок. Я ждал и не прерывал контакта с моими осведомителями, пока ты не одолеешь перевал (о, как нам всем знаком этот перевал!). Я хотел быть уверен, что ты закончишь обучение и продолжишь службу, если тебе не помешает болезнь или несчастный случай.

Сейчас начинается самый трудный участок пути, не физически (физические трудности больше тебе не помеха), но духовно. Глубокие изменения, переоценка ценностей необходимы для превращения потенциального гражданина в настоящего. Или, вернее сказать: самое тяжелое ты уже прошел, и дальнейшие препятствия ты преодолеешь, что бы ни встало у тебя на пути. И перевал твой уже почти пройден, и, зная тебя, парень, я понимаю, что выждал достаточно долго, в противном случае ты был бы уже дома.

Когда доберешься до вершины, почувствуешь нечто новое. Наверное, даже слов для этого чувства не отыщешь (знаю, потому что я не сумел его найти). Так позволь твоему старшему товарищу подсказать тебе эти слова. Они просты: высшее предназначение, которое может позволить себе человек,— это заслонить своим бренным телом любимый дом от войны. Конечно, это не я придумал, сам понимаешь. Основные истины со временем не меняются, и как только мудрец в прозрении произнесет одну из них, вовсе не требуется формулировать их заново, даже если меняется мир. Это непреложная истина на все времена, для всех людей и всех наций.

Если сможешь уделить старику немного своего драгоценного времени, напиши мне пару строк. А если повезет встретить кого-нибудь из моих прежних товарищей, передай им мой горячий привет.

Удачи, пехтура! Я горжусь тобой.

Жан В. Дюбуа, подполковник мобильной пехоты в отставке».

Подпись изумила меня больше письма. Наш высокомерный дед — подполковник? Да у нас комполка — всего-то майор. Мистер Дюбуа никогда не пользовался своим званием в школе. Когда нам приходило в голову думать об этом, мы предполагали, что он был капралом или чем-то вроде того, которого списали после ампутации руки и посадили на легкую работу — читать выпускникам курс, по которому не было даже экзаменов. Конечно, мы знали, что он ветеран, потому что курс по истории и философии морали мог читать только гражданин. Но мобильная пехота? С виду не тянет. Чопорный, язвительный, этакий учитель танцев, не то что мы, гориллы.

Но ведь он сам подписал письмо.

Весь долгий путь обратно в лагерь я думал об удивительном письме. Ничего подобного в школе мистер Дюбуа не говорил. Нет, письмо не противоречило ничему из его лекций, оно отличалось по тону. С чего бы это почти что полковнику называть рядового «товарищем»?

Когда он был просто «мистер Дюбуа», а я одним из его учеников, он едва замечал меня, разве обиделся на меня за то, что у меня слишком много в кармане и слишком мало в голове. (Ну да, мой старик мог купить всю школу и подарить мне на Рождество, это что — преступление? И вообще не его дело.)

В тот раз он завелся по поводу «стоимости», сравнив марксистскую теорию с ортодоксальной теорией «полезности». Мистер Дюбуа говорил:

— Определение «стоимости», данное Марксом, смехотворно. Вся работа, вложенная в комок глины, не превратит его в яблочный пирог. Комок глины останется глиной, стоимостью — ноль. Вывод: бесталанная работа может понизить стоимость. Плохой повар превратит свежее тесто и ароматные яблоки в несъедобную массу, стоимостью — ноль. Напротив, искусный повар из тех же исходных материалов соорудит изделие, ценнее, чем обычный пирог из яблок. А усилий затратит столько же, сколько обычный повар на заурядное лакомство. Эти кухонные иллюстрации сводят теорию стоимости Маркса на нет,

а ведь из этой ложной посылки возникает коммунизм. И они же подтверждают истинность проверенной временем теории общественной пользы.

Дюбуа взмахнул культей.

— Тем не менее (проснитесь, молодой человек, и вернитесь к занятиям!) патлатый старый мистик, написавший «Das Kapital», напыщенный, невротичный, искажающий факты, надутый индюк Карл Маркс видел сияние важной истины. Если бы он обладал зачатками аналитического ума, то сумел бы сформулировать первое адекватное определение стоимости... и спас бы эту планету от многих печалей и бед.

Он помолчал.

— А может, и нет,— добавил мистер Дюбуа.— Ты!

Я вздрогнул и выпрямился.

— Не можешь слушать, но, может, сумеешь сказать классу, стоимость относительна или абсолютна?

Я слушал, просто не видел причин, почему нельзя слушать с закрытыми глазами и расслабленной спиной. Но вопрос застал меня врасплох; к сегодняшнему уроку я ничего не прочел.

— Абсолютна,— брякнул я наугад.

— Не верно,— холодно сообщил мистер Дюбуа.— Без живых существ стоимость не имеет значения. Вещь ценна только для определенной личности, она личностна и отлична от оценки других. Рыночная стоимость — фикция, грубое сведение к среднему уровню разных личностных ценностей, чтобы сделать возможной торговлю.

Я тогда поинтересовался про себя, что бы сказал отец, если бы при нем рыночную ценность обозвали фикцией. Вероятно, фыркнул от отвращения.

— И для человеческого существа эта самая личностная ценность имеет два аспекта. Во-первых, насколько полезна для человека некая вещь, что он с ее помощью может совершить. Во-вторых, что он должен сделать, чтобы получить эту вещь, сколько она ему будет стоить. Есть старая песня о том, что «все лучшее — бесплатно». Не верно! Абсолютная ложь! Трагическое

заблуждение, которое привело к упадку демократические режимы двадцатого века. Этот благородный эксперимент провалился, потому что люди верили, что они могут просто проголосовать за желаемое и получить его, без страданий, без пота, без слез. Бесплатно не бывает ничего. Даже дыхание, дающее нам жизнь, должно быть оплачено болью и усилием при первом вздохе.

Мистер Дюбуа по-прежнему смотрел на меня.

— Если бы вам, мальчики и девочки, пришлось попотеть, чтобы заполучить ваши игрушки, так, как новорожденный борется за жизнь, вы были бы гораздо счастливее... и намного богаче. Некоторых из вас мне просто жаль, настолько бедно их богатство. Ты! Я вручаю тебе приз за стометровку. Ты стал счастливее?

— Н-ну... наверное.

— Не увиливай, пожалуйста. Вот твой приз, я зачитаю, что там написано: «Гран-при за спринт, дистанция сто метров»,— он и правда подошел к моему столу и пришпилил на грудь значок.— Вот! Ты счастлив? Ты ценишь приз или нет?

Я обиделся. Сначала грязные намеки о богатеньких детишках — типичная зависть малоимущего! — а теперь этот фарс. Я сорвал значок и швырнул преподавателю.

Мистер Дюбуа удивился.

— Он не сделал тебя счастливым?

— Вам отлично известно, что я занял четвертое место!

— Точно! Приз за первое место для тебя ничего не стоит... потому что ты его не заслужил. Но тебя радует скромное четвертое место; его ты заслужил. Надеюсь, что некоторые сомнамбулы, собравшиеся сегодня здесь, поняли мою маленькую моралите. Тешу себя мнением, что поэт, написавший ту песню, хотел сказать: все лучшее в жизни должно быть оплачено не деньгами. И это правда, хотя выбрал он лживую формулировку. Лучшее в жизни — за пределами денег, оно окупается агонией, потом и преданностью. Цена самого дорогого в жизни — сама жизнь. И это высшая стоимость.

* * *

Я размышлял над словами мистера Дюбуа — *подполковника* Дюбуа! — и его письме, пока мы тащились обратно в лагерь. Потом я перестал думать, потому что рядом с нами пристроился оркестр, и мы некоторое время орали песни. Сначала французские — «Марсельезу», разумеется, и еще «Madelon», «Сынов труда и риска», а потом «Légion Étrangère» и «Мадемуазель из Армантьера»*.

Хорошо, когда играет оркестр. Он подхватывает тебя, заставляет держать шаг, пока ты волочишься хвостом по прерии. Сначала у нас не было никакой музыки, кроме записей, да и те играли только на смотрах. Но сильные мира нашего вызнали, кто из нас на чем может играть, а кто ни на чем не может; предоставили нам инструменты, так был организован полковой оркестр, наш собственный, даже дирижер и тамбурмажор были из рекрутов.

Поблажкой тут и не пахло. О нет! Это значило, что в свободное время ребятам позволили репетировать по вечерам и в воскресенье, да еще то, что шли они в голове колонны, а не стояли в строю. Собственно, тут почти все происходило сходным образом. Капеллан тоже был из наших. Он был старше многих и принадлежал к какой-то секте, о которой я никогда не слышал. Но в проповеди вкладывал столько пыла, не важно, были ли они ортодоксальными или нет (меня не спрашивайте), и определенно понимал проблемы рекрутов. Да и петь было забавно. Кроме того, в воскресенье утром, между уборкой и обедом, ходить тут больше некуда.

Оркестр страдал от массы недостатков, но каким-то образом ребята не бросали упражнений. В лагере имелись четыре волынки и несколько шотландских костюмов, присланных Лохиелем из клана Камерон*, чей сын погиб здесь во время тренировок. Один из ребят, как выяснилось, знал, что делать с волынкой, он научился в шотландских бойскаутах. Вскоре мы

пустили в дело все четыре инструмента, может, не слишком ладно, зато громко. Когда их слышишь впервые, волынки кажутся странными, а новичок, разучивающий партию, заставляет скрипеть зубами. Впечатление такое, будто он зажал под мышкой кошку и изо всех сил кусает ее за хвост.

Но потом привыкаешь. Когда наши волынщики впервые продемонстрировали свои коленки перед всем оркестром и выдули «Мертвых Аламейна», мои волосы встали таким дыбом, что даже головной убор подняли. От таких песен слезы наворачиваются на глаза.

Конечно, оркестр на марш-бросок не берут. Тубам и басовым барабанам приходилось оставаться в лагере, потому что музыкантам нужно тащить еще полную выкладку, как и всем остальным, так что они берут с собой что-нибудь не слишком крупное. Но в мобильной пехоте отыскались инструменты, о существовании которых я даже не подозревал. Например, маленькая такая коробочка, не больше губной гармошки, электронная, а звук у нее, как у трубы. Приходит команда оркестру (а ты топаешь куда-то к горизонту), каждый музыкант, не останавливаясь, достает инструмент, товарищи расступаются, пропуская парня, он бежит в голову колонны, пристраивается за ротным знаменем и начинает дудеть.

Помогает.

Оркестр отстал, музыку почти не было слышно, мы перестали петь, потому что для этого нужно дыхание, а его почти не оставалось.

Я вдруг понял, как мне хорошо.

Попытался придумать причину для хорошего настроения. Может, потому что до лагеря часа два ходу, а там я смогу увольняться?

Нет. Когда я решил увольняться, мне действительно в некоторой степени стало спокойно, улеглись мои внутренние распри, и я смог заснуть. Нет, что-то другое, я никак не мог понять.

А потом все стало ясно. Я одолел перевал!

Я прошел его. Одолел, и теперь мне было легко. Прерия была плоская, как блин, но ощущение у меня было такое, будто я взобрался на гору и уже готов повернуть назад. А потом, по-моему, когда мы пели, я прошел перевал и теперь спускался вниз. Снаряжение стало легче, тревоги разлетелись.

Когда мы попали в расположение части, я не пошел говорить с сержантом Зимом; мне было не нужно. Это он заговорил со мной, махнув рукой: подойди, мол.

— Да, сэр?

— Вопрос личный... можешь не отвечать, если не хочешь.

Сержант замолчал, а я спросил себя: не заподозрило ли начальство, что я подслушивал, как его дрючили. Я затрепетал заранее.

— Тебе письмо сегодня пришло. Я заметил... случайно, чисто случайно, не мое дело. Но... имя и обратный адрес. Кое-где это обычное имя, встречается часто, но... вопрос личный, нет нужды отвечать... случайно, у человека, который написал это письмо, не ампутирована левая кисть?

Я почувствовал, как у меня отвисает челюсть.

— А вы откуда знаете?.. сэр...

— Я был рядом, когда он ее потерял. Это же правда подполковник Дюбуа? Правда?

— Так точно, сэр. Он преподавал мне историю и философию морали в старших классах.

Кажется, я впервые ухитрился произвести впечатление на сержанта Зима. Брови у него приподнялись примерно на одну восьмую дюйма, даже глаза чуть-чуть расширились.

— Ah so! Тебе просто невероятно повезло,— он помолчал и добавил: — Будешь отвечать ему... если не против, припиши, что кадровый сержант Зим шлет поклон.

— Есть, сэр. И... знаете, кажется, он и вам передавал привет, сэр.

— Что-о?!!

— Э-э... я не уверен,— я вытащил письмо и прочитал: — «А если повезет встретить кого-нибудь из моих прежних товарищей, передай им мой горячий привет». Это ведь вам, сэр?

Зим тяжко задумался, глядя сквозь меня на что-то неведомое.

— А? Да, мне... среди прочих. Спасибо тебе,— и сменил тон.— Девять минут до построения! А ты еще не был в душе и не переодет! Бего-ом!!!

7

Каждый глупый новобранец думает о смерти,
И «медвежья болезнь» ему кишки вертит.
Все кругом его пинают и ругают матом.
Но однажды рано утром встанет он солдатом,
Отряхнет как шелуху болтовню пустую,
Делом он наполнит день свой — службу строевую[1].

Редьярд Киплинг

Больше об учебке рассказывать нечего. Большей частью — просто работа, но я приноровился; о чем тут говорить?

Но хочу упомянуть скафандры, отчасти потому, что меня они восхищают, а еще потому, что из-за них я влип в неприятности. Никаких жалоб — я заслужил.

Пехотинец живет с боевым скафандром, как парни из К-9 живут со своими псами. Доспехи — половина причины, по которой мы называем себя мобильной, а не просто пехотой. Вторая половина — звездные корабли, которые нас сбрасывают, и капсулы, в которых мы высаживаемся. Наши боевые доспехи дают нам зрение позорче, слух чутче, спины посильнее (чтобы нести оружие и боезапас), ноги покрепче, мозги побыстрее (мозги в военном смысле; человек в доспехах может быть глуп, как любой другой, только лучше — не надо), огневую мощь повнушительнее. Плюс большую выдержку и меньшую уязвимость.

Боевой скафандр — не космический, хотя может и служить таковым. И не доспехи, хотя рыцари Круглого стола были защи-

[1] Перевод Д. Лаврова.

щены куда хуже нас. Это не танк, но один пехотинец может заменить собой танковую дивизию или справиться с ней, если найдется глупец, который выставит танки против мобильной пехоты. Скафандр — не корабль, хотя умеет летать, немножко. С одной стороны, ни космические, ни атмосферные средства передвижения не справятся с пехотинцем в доспехе, разве что устроят ковровое бомбометание. Все равно что спалить дом, чтобы убить блоху. С другой стороны, мы умеем вытворять такое, чего ни один корабль, воздушный, подводный или космический, не умеет.

Существует дюжина прочих способов массового уничтожения на расстоянии. Корабли, ракеты того или другого класса, катастрофы столь масштабные, столь неразборчивые, что война заканчивается, когда народ или планета перестают существовать. Но мы занимаемся другим. Мы делаем войну личностной, как удар в нос. Мы действуем избирательно, создавая давление в строго определенной точке и на строго определенное время. Нам никогда не приказывали спуститься и убить — или захватить — всех рыжеволосых левшей в заданном округе, но, если прикажут, мы сможем. И сделаем.

Мы — парни, которые отправляются куда нужно в нужное время, занимают определенный район, закрепляются, выковыривают противника из укрытий и заставляют его сдаться или умереть. Мы — проклятая пехтура, грязные сапоги, гусиные лапы, пончики, пешки, которые идут туда, где сидит враг, и лично с ним разбираются. Мы меняем оружие, но не суть профессии. По крайней мере за пять тысяч лет с тех пор, как пехтура Саргона Великого* заставила шумеров кричать: «Дяденька, больше не буду!», ничего не изменилось.

Может, когда-нибудь научатся обходиться без нас. Может быть, какой-нибудь чокнутый гений с миопией, высоким лбом и кибернетическим мозгом изобретет оружие, которое сможет забраться в нору, вытащить противника, заставить его сдаться или умереть... не положив при этом кучу собственного народа, которого держат в заложниках. Не мне знать. Я не гений, я — мобильная пехота. К тому времени, когда построят

машину, которая сможет нас заменить, мои товарищи справятся с работой... ну и я чуть-чуть помогу.

А может, когда-нибудь все вдруг станут милыми и порядочными, и мы, как поется в той песенке, «позабудем ратный труд». Может быть. Может, однажды леопард смоет пятна со шкуры и начнет работать коровой. Не мне знать. Я не преподаю космополитику, я — мобильная пехота. Когда правительство говорит мне идти, я иду. А в промежутках отдыхаю.

Но машина нам на замену еще не построена, хотя кое-что нам в помощь уже изобрели. Боевой скафандр, например.

Нет нужды описывать, как он выглядит, изображений полно. Надень его, будешь похож на стальную гориллу, вооруженную оружием таких же горилльих размеров. Может, поэтому сержанты практически каждое свое обращение к нам начинают со слов: «Вы, гориллы...»? Хотя сержанты в легионах Цезаря, похоже, пользовались тем же самым эпитетом.

Но скафандр мощнее гориллы. Если пехотинец в доспехе сожмет гориллу в объятиях, обезьяна умрет; ее раздавит, а скафандр и солдат не пострадают.

«Мускулы» — псевдомускулатура — не новость, весь фокус в контроле над ними. Его изобрел настоящий гений, тебе не нужно контролировать скафандр, его нужно просто носить, как одежду, как собственную кожу. Любой корабль нужно учиться пилотировать; на это требуется много времени, новые набор реакций, искусный образ мышления. Даже езда на велосипеде требует определенных умений, весьма отличающихся от ходьбы. То же самое с кораблями... мамочка! Да я столько не проживу! Звездолеты — для акробатов с мозгами математиков.

А доспех просто носишь.

При полной загрузке в нем две тысячи фунтов, но, едва натянув его, ты готов ходить, бегать, прыгать, ложиться, брать яйцо, не разбив его (требует практики, как и все остальное), плясать джигу (если умеешь танцевать ее без скафандра) — и прыгнуть через дом и приземлиться мягче перышка.

Секрет в отрицательной обратной связи и усилителях.

Только не просите набросать схему скафандра; не смогу. Но насколько я понимаю, даже лучшие скрипачи не сумеют сделать приличную скрипку. Я могу проводить техобслуживание скафандра в полевых условиях, даже полевой ремонт, знаю наизусть триста сорок семь пунктов выведения из консервации для готовности к носке, а чего еще требовать от тупого пехотинца? Если мой доспех действительно «заболеет», я вызову доктора — доктора наук (электромеханическая инженерия) в чине лейтенанта флота, то есть капитана по нашим меркам. На каждом десантном транспорте есть такой. И даже при штабе каждой учебки, куда они идут крайне неохотно, ведь такая судьба для флотского — хуже смерти.

А если вам действительно приспичило взглянуть на чертежи и стереоснимки и описание физиологии боевого доспеха, сами найдете их в любой публичной библиотеке. Те, что не засекречены. Для того чтобы получить секретную часть, вы должны быть похожи на шпиона противника. И выглядеть убедительно, потому что шпионы — ребята изобретательные. Вероятнее всего, тот, к которому вы обратитесь, продаст вам сведения, которые вы бесплатно могли бы отыскать в библиотеке.

Вот как скафандр работает (за вычетом диаграмм). Внутри он полон датчиков, реагирующих на давление, их там сотни. Давишь тыльной стороной ладони, скафандр чувствует и повторяет, усиливая, движение, пока не снимет с рецепторов нагрузку. Смущает, согласен, но отрицательная обратная связь имеет обыкновение смущать — поначалу, несмотря на то что наше тело постоянно занимается этим с тех пор, как мы беспомощно толкаемся в пеленках. Дети только учатся, поэтому они такие неуклюжие. Подростки и взрослые уже не думают, как выполнить движение, если только не страдают болезнью Паркинсона.

Скафандр повторяет все твои движения, только более мощно.

Контролируемая сила... сила, которую ты контролируешь, даже не думая об этом. Ты прыгаешь, прыгает и громоздкий доспех, но выше, чем ты. Вот прыгать действительно трудно, для этого скафандр оборудован ракетным двигателем в дополнение

к «мускулам» ног. И вниз летишь с той же скоростью, что и вверх... но тут скафандр подмечает приближение препятствия при помощи датчиков расстояния и сближения (что-то вроде простенького радара) и гасит падение теми же двигателями.

Вот в этом красота боевого доспеха: тебе не нужно думать. Не приходится управлять им, летать на нем, его просто носишь, а он получает приказы от твоего тела и делает то же, что и они. А голова у тебя освобождается для оружия и происходящего вокруг... что весьма важно для пехотинца, мечтающего умереть в своей постели. Если он при посадке станет следить за снижением, кто-нибудь, вооруженный гораздо легче и проще, скажем, каменным топором, разобьет ему голову, пока он читает показания приборов.

«Глаза» и «уши» также не отвлекают внимания. В полевом скафандре три канала связи. Тот, что используют для передачи секретной информации, очень сложный, там как минимум две частоты, и они меняются под контролем цезиевых часов, синхронизированных до микро-микросекунды с часами на другой стороне,— но все это не твоя головная боль. Нужен тебе канал А для связи с командиром отделения — кусаешь загубник один раз, нужен канал Б — кусаешь два раза, и так далее. Микрофон закреплен у горла, на ушах — наушники, ты только говори. Кроме того, по обеим сторонам шлема внешние микрофоны позволяют слышать, что творится вокруг, как будто на голове у тебя и вовсе нет шлема. А еще можно приглушить назойливых соседей и не пропустить команды от командира взвода.

В шлеме датчиков давления нет, поэтому голову — челюсти, подбородок, шею — используешь для управления, скажем, радарами, а руки свободны для боя. Подбородок управляет визуальными обзорными дисплеями, челюсть отвечает за звук. Приборы расположены над головой и за ней, но за ними наблюдаешь в зеркало, укрепленное перед лбом. Из-за этого шлема ты похож на гориллу-гидроцефала, но, если повезет, противник не проживет столько, чтобы успеть обидеть тебя этим сравнением. А радары и дисплеи — вещь необходимая.

Если тряхнуть головой, точно лошадь, на лоб поднимется инфравизор, тряхнешь еще раз — опустится на глаза. Выпустишь из рук ракетомет — скафандр сам уберет его на место, пока он снова не понадобится. Обсуждать подачу воды, воздуха, работу гироскопов и так далее — суть одна и та же: сделать все, чтобы оставить твои руки свободными для работы.

Разумеется, требуется некоторая подготовка, чтобы овладеть всеми премудростями боевого скафандра. Тренируешься, пока не доводишь движения до автоматики, вроде чистки зубов. Но для того чтобы просто надеть доспех и двигаться в нем, особо ничего не требуется. Прыгать учишься, потому что прыжок получается более высоким, более быстрым, более дальним и в воздухе остаешься гораздо дольше. Учишься ориентироваться, дополнительные секунды в воздухе тоже можно использовать, а секунды в бою бесценнее бриллиантов. Прыгая, можно отыскать цель и навестись на нее, выстрелить, переговорить с соседом, перезарядить оружие, решить, прыгать ли еще раз без приземления, заставив двигатели сработать еще раз.

Но в общем и целом боевой доспех практики не требует. Он делает все, что и ты, только лучше. Все, кроме одного — в нем нельзя почесаться. Если я отыщу скафандр, который позволит мне поскрести меж лопаток, я женюсь на нем.

Существует три типа боевых скафандров мобильной пехоты: полевой, командный и разведывательный. У разведки доспехи пошустрее и позорче, но легче. Командирские быстро бегают и выше прыгают, связь в них раза в три лучше прочих, оборудования на них больше, инерционная система опять же. А полевые — это для тех парней, что с сонным видом торчат в строю.

Как я уже говорил, я влюбился в боевые скафандры, несмотря на то что первое знакомство стоило мне вышибленного плеча. Каждый день, когда мое отделение отправлялось на занятие с доспехами, был для меня праздником. В день, когда я дал промашку, я носил условные сержантские нашивки, потому что изображал командира условного подразделения, и был вооружен

условным ядерным оружием, которым должен был воспользоваться в условной темноте против условного противника. Вот в этом и загвоздка; все условное, а от тебя требуют, чтобы ты действовал, как в реальности.

Мы отступали — то есть «продвигались в направлении тыла»,— и кто-то из инструкторов вырубил энергию в скафандре одного из наших ребят, превратив его в беспомощного раненого. По установке мобильной пехоты я послал к нему на выручку и заважничал, потому что отдал приказ раньше, чем мой второй номер догадался сделать то же самое. А затем вернулся к выполнению боевой задачи, которая заключалась в запуске ракет с условными ядерными боеголовками, чтобы обескуражить нашего условного противника.

Наш фланг никуда не спешил; предполагалось, что я выстрелю так, чтобы никто из своих не пострадал от взрыва, но достаточно близко, чтобы обеспокоить противника. И все это, разумеется, бегом. И передвижение, и наши действия были оговорены заранее (мы же все были еще зеленые), варьироваться могли только потери.

Установка требовала от меня, чтобы я по радару определил точное месторасположение наших солдат, которых могло зацепить взрывом. Но надо было пошевеливаться, а я еще не слишком ловко читал показания. Я смухлевал всего лишь чуточку — поднял инфравизор и глянул невооруженным глазом при свете дня. Места было предостаточно, только одного из ребят дернуло торчать по соседству в половине мили от меня, а у меня в арсенале всего-то и была учебная ракета, не способная ни на что, кроме дыма. Я прикинул расстояние до цели, вынул ракетомет из-за спины и нажал на гашетку.

Затем прыгнул дальше, довольный собой — не потерял ни секунды.

А потом, еще в воздухе, у скафандра отключили энергию. Повреждений никаких, все отключается с задержкой, и приземлиться можно благополучно. Вот я и приземлился, и там застрял, сидя на корточках, поддерживаемый только гироско-

пами, но двигаться дальше не способный. Как двинешься, если вокруг тебя тонны металла, а энергии нет?

Я принялся ругать себя, я как-то не предполагал, что в потери переведут меня, когда предполагается, что я главный. Черт, дерьмо, вот ведь гадство какое, и прочие комментарии.

Следовало знать, что сержант Зим глаз не спустит с командира отделения.

Вскоре он прискакал лично и провел со мной приватную беседу, в которой предположил, что, возможно, я сгожусь для мытья полов, раз слишком глуп, неуклюж и беспечен для грязных тарелок. Он обсудил со мной мое прошлое и вероятное будущее, выдал еще кое-какие соображения, которых я не хотел бы услышать. Закончил он речь невыразительно и скучно:

— Тебе бы понравилось, если бы полковник Дюбуа увидел твои художества?

Затем он ушел. Я ждал на корточках почти два часа, пока не просигналили окончание учений. Скафандр и еще недавно легкие, как перышко, настоящие сапоги-скороходы, сейчас сжимали меня, точно «железная дева». В конце концов за мной вернулся сержант, восстановил энергию доспеха, и мы вместе поскакали на предельной скорости в штаб.

Капитан Франкель был менее многословен, но мне хватило.

Потом он сделал паузу и добавил тем скучным голосом, который офицеры приберегают для зачитывания статей устава и уложений:

— Можете требовать разбирательства вашего дела трибуналом, если хотите. Что скажете?

Я сглотнул и ответил:

— Никак нет, сэр! Не хочу!

До этой секунды я плохо представлял, в какую историю влип.

Капитан Франкель, похоже, перевел дух.

— Тогда посмотрим, что скажет командир полка. Сержант, проводите арестованного.

Мы в скоростном порядке отправились инстанцией выше, там я впервые лицезрел комполка и к тому времени пребывал

в убеждении, что трибунала мне не избежать. Но я очень хорошо запомнил, как Тед Хендрик сам себе устроил неприятности; я ничего не сказал.

В общей сложности майор Мэллой сказал мне четыре слова. Выслушав рапорт сержанта Зима, он произнес первые два:

— Это так?

— Так точно, сэр,— ответил я, на чем мое участие в разговоре завершилось.

— Есть смысл его спасать? — обратился майор Мэллой к капитану Франкелю.

— Думаю, да, сэр,— сказал капитан.

— Тогда ограничимся административным наказанием,— майор повернулся ко мне.— Пять плетей.

Что ж, ждать меня не заставили. Через пятнадцать минут врач осмотрел меня, начальник охраны обеспечил меня специальной рубашкой, которую можно было снять, не снимая наручников,— она застегивалась на молнию на спине. Как раз прозвучал сигнал к построению. Все происходило будто бы не со мной... потом я понял, что так бывает, когда перепуган до смерти. Как в ночном кошмаре...

Зим вошел в палатку, едва отзвучал сигнал. Он только глянул на начальника охраны — капрала Джонса,— и тот исчез. Зим подошел ко мне, сунул что-то в руку.

— Прикуси,— негромко посоветовал он.— Помогает. Я знаю.

Это был резиновый загубник, которым мы пользовались во время тренировок по рукопашному бою, чтобы зубы не повредить. Зим ушел. Я сунул загубник в рот. Затем меня заковали в наручники и вывели наружу.

Зачитали приказ: «...за преступную халатность в учебном бою, которая в боевых условиях повлекла бы за собой гибель товарища». Потом с меня сорвали рубашку и привязали к столбу.

Вот что странно: наблюдать за поркой гораздо труднее, чем быть выпоротым самому. Я не утверждаю, что это пикник. Так больно мне еще никогда не было, а ожидание между ударами

было хуже самих ударов. Но загубник действительно помог, и единственный мой вскрик никто не услышал.

А вот вторая странность: после никто даже словом не напомнил, даже другие рекруты. Зим и другие инструктора обращались со мной по-прежнему. С того момента, как доктор смазал мне спину мазью и велел возвращаться на службу, все закончилось. Я даже сумел немного поесть и сделал вид, что участвую в общей болтовне за столом.

И еще кое-что об административных наказаниях: в личных делах они не остаются. Записи о них уничтожаются по окончанию тренировок, и ты начинаешь с чистого листа. Остается единственная отметка.

Ты сам никогда не забудешь.

8

Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится.

Притчи Соломона 12:6

Были у нас еще и порки, но всего несколько. И только Хендрика в нашем полку выпороли по приговору трибунала, остальных, как и меня, наказали в административном порядке. И каждый раз приходилось за разрешением обращаться на самый верх, к командиру, что, мягко говоря, у офицеров энтузиазма не вызывало. И даже тогда майор Мэллой предпочитал вышвыривать провинившегося за «недостойное поведение», чем ставить его к позорному столбу. В каком-то смысле порку можно было рассматривать как своего рода комплимент; она означала, что старшие по званию думают, что со временем ты станешь солдатом и гражданином.

Я единственный получил по максимуму; остальные обошлись тремя ударами. Никто не был ближе меня к штатской одежде, но я проскочил. И это было чем-то вроде поощрения. Не пожелал бы я никому такого поощрения.

Но был у нас случай много хуже, чем с Тедом Хендриком,— из настоящих. Однажды на месте позорного столба установили виселицу.

Однако все по порядку. К армии этот случай отношения не имел. Преступление было совершено за пределами лагеря Карри, а офицер, который направил этого парня в мобильную пехоту, должен был висеть вместо него.

Парень дезертировал через два дня после прибытия в учебку. Нелепо, конечно, но в его случае все было нелепо. Почему он просто не уволился? Естественно, дезертирство значится в списке «тридцати одного способа расшибиться», но армия не карает его смертью, если только не присутствуют особые обстоятельства, скажем «перед лицом врага» или еще что-нибудь, превращающее дезертирство из слишком оригинального способа уволиться в преступление, которое не может остаться безнаказанным.

Армия и пальцем не шевелит, чтобы отыскать дезертира и вернуть его. И в этом есть смысл. Мы все — добровольцы, мы в мобильной пехоте, потому что хотим здесь быть, мы гордимся, что мы — пехотинцы, а пехота гордится нами. Если кто-то так не думает, от мозолистых пяток до волосатых ушей, я не хочу, чтобы он прикрывал мой фланг, когда начнутся неприятности. Если меня пришибут, я хочу, чтобы рядом были ребята, которые меня вытащат, потому что они — мобильная пехота, и я — мобильная пехота, и моя шкура значит для них ровно столько же, сколько собственная. Мне не нужны псевдовояки, поджимающие хвост и ныряющие в кусты, едва потянет порохом. Уж лучше никого за спиной, чем этот так называемый солдат, лелеющий свою исключительность, так называемый синдром призывника. Так что если они побежали, пусть бегут; ловить их — пустая трата времени и денег.

Правда, чаще всего они возвращаются сами, хотя порой этот процесс затягивается, и в таком случае армия устало позволяет им получить пятьдесят плетей и отпускает на все четыре стороны. Полагаю, нервная работенка — быть беглецом,

когда никто, ни гражданские, ни военные, ни даже полиция, тебя не ищет. Злодей бежит, пока нет погони. Велико искушение вернуться, получить свои шишки и дышать свободно.

Но этот парень сам не вернулся. Он отсутствовал четыре месяца, и я всерьез сомневаюсь, что рота вспомнила бы его, ведь он пробыл с ними всего пару дней. Он был именем без лица, неким Диллингером Н.Л., которого выкликали на поверке и каждый раз получали в ответ: «Находится в самовольной отлучке!».

Но потом он убил маленькую девочку.

Местный суд судил его и вынес приговор, но, установив личность, выяснил, что обвиняемый находится на военной службе. Пришлось сообщить в департамент, и наш генерал вмешался в дело. Парня вернули к нам, потому что воинский кодекс в этом случае стоит выше гражданского.

Зачем генерал помешал им? Почему не позволил местному шерифу выполнить свою работу?

В порядке «преподания нам урока»?

Вовсе нет. Думаю, что у генерала и в мыслях не было, что кто-то из его ребят нуждается в подобном уроке, чтобы понять, что нельзя убивать маленьких детей. И сейчас я твердо убежден, что он уберег бы нас от этого зрелища, если б мог.

И мы выучили урок, хотя тогда никто об этом нас не предупредил, и вообще ничего не говорил, пока он не стал нашей второй сущностью.

Мобильная пехота всегда заботится о своих — не важно, каким образом.

Диллингер принадлежал нам, он числился в списках. Даже если он был не нужен нам, даже если ему не следовало среди нас находиться, даже если мы были бы счастливы отречься от него, он принадлежал нашему полку. Мы не могли вышвырнуть его и позволить неизвестному шерифу сделать дело. Если необходимо, мужчина — настоящий мужчина — сам пристрелит свою собаку и не станет искать, кто бы это сделал за него.

Архив полка утверждал, что Диллингер наш, так что забота о нем была нашим долгом.

Тем вечером мы шли по плацу тихим шагом, шестьдесят в минуту (трудно держать шаг, когда привык делать сто сорок), а оркестр играл «Панихиду по неоплаканным». Затем вывели Диллингера, одетого по полной форме, как и все мы, а оркестр заиграл «Дэнни Дивера», пока с провинившегося срывали знаки различия, даже пуговицы и головной убор, оставив его в мундире, который больше не был униформой. Барабаны раскатили непрерывную дробь, а потом все было кончено.

Мы прошли поверку и разбежались по палаткам. По-моему, в обморок никто не падал, никого даже не стошнило, хотя ужин съели не все, и я никогда не слышал такой тишины в столовой. Это было жуткое зрелище (так я впервые увидел смерть собственными глазами, как и многие из нас), но не было шока, как с Тедом Хендриком. Нельзя было представить себя на месте Диллингера и сказать: «Это могло случиться со мной». Не считая дезертирства, Диллингер совершил по меньшей мере четыре серьезных преступления. Если бы его жертва осталась жива, он все равно станцевал бы Дэнни Дивера за оставшиеся три — похищение ребенка, требование выкупа, неподчинение властям.

Сочувствия к нему я тогда не испытывал, не испытываю и сейчас. Старая истина «Понять все — простить все» — сущая ерунда. Чем больше понимаешь кое-какие вещи, тем усерднее их проклинаешь. Я сберег сочувствие для Барбары Анны Энтуэйт, которую я никогда не видел, и для ее родителей, которые никогда не увидят своей маленькой дочери.

Когда в тот вечер оркестр отложил инструменты, мы объявили тридцатидневный траур по Барбаре — в знак нашего позора. На флаги повязали черные ленты, музыка на парадах не играла, никто не пел на марш-бросках. Только раз я услышал, как кто-то пожаловался, но ему тут же по-дружески предложили в порядке компенсации полный набор синяков и шишек. Нашей вины в происшествии не было, но наш долг — охранять маленьких девочек, а не убивать их. Наш полк был опозорен, требовалось смыть пятно. Мы были обесчещены и таковыми себя чувствовали.

Той ночью я задумался: как сделать, чтоб такого не случалось? Конечно, в наши дни такое бывает очень редко, но и одного раза много. Я так и не нашел ответа, который удовлетворил бы меня. Этот Диллингер... он был такой же, как все, ни поведение, ни личное дело не внушало опасений, иначе он бы не оказался в учебном лагере. Наверное, он из тех патологических личностей, о которых иногда пишут. Их никак не отличишь от нормальных.

Ладно, если нет способа удержать, есть способ не дать повторить. Им мы и воспользовались.

Если Диллингер соображал, что творит (а кажется невероятным), значит, должен был понимать, что ему за это будет. Жаль только, что мучился он гораздо меньше, чем маленькая Барбара. Собственно, он вовсе не мучился.

Но предположим, что он был сумасшедшим и не знал, что совершает что-то не то. И это больше похоже на правду. Что тогда?

Что ж, бешеных собак пристреливают, не правда ли?

Но безумие — это болезнь...

Здесь я видел только два выхода. Если он неизлечим, ему лучше умереть ради себя самого и безопасности окружающих. Или его можно вылечить. И в таком случае (так мне представлялось) его вылечили бы настолько, что он стал бы приемлем для общества... он понял бы, что совершил, пока был болен, и что ему оставалось бы, кроме самоубийства? Как бы он смог ужиться с самим собой?

А если бы он сбежал до выздоровления и снова кого-нибудь убил? И еще раз? Как тогда объясняться с родителями, лишившимися детей?

Я придумал единственный ответ.

Мне вдруг вспомнилась дискуссия на уроке истории и философии морали. Мистер Дюбуа рассказывал о беспорядках, предшествовавших распаду Североамериканской республики в конце двадцатого века. Из его слов выходило, что прежде чем все пошло вразнос, были времена, когда преступления, вроде

совершенного Диллингером, считались столь же общепринятыми, как и собачьи бои. Ужас царил не только в Северной Америке — Россия и Британские острова его тоже знали, как и прочие страны. Но своего апогея он достиг именно в Северной Америке, а потом все развалилось.

— Законопослушные люди,— вещал Дюбуа,— не осмеливались по ночам выйти в общественный парк. Подобная прогулка граничила с риском подвергнуться нападению стаи детишек, вооруженных цепями, ножами, самодельными пушками, дубинками. С риском быть как минимум избитым, наверняка ограбленным, возможно опасно раненным, а то и убитым. И так продолжалось годами, вплоть до войны между Русско-англо-американским союзом и Китайской гегемонией. Убийства, наркомания, кражи, налеты и вандализм были обычным явлением. И не только в городских парках, такие вещи случались на улицах посреди бела дня, на территориях школ, даже внутри школьных зданий. Но парки снискали печальную известность самых небезопасных мест в городе, поэтому честные люди по ночам держались от них подальше.

Я постарался представить грабеж или вандализм в нашей школе. И просто не сумел. И с парком у меня тоже ничего не получилось. Парк предназначен для веселья, а не для нанесения увечий. И уж тем более — не для того, чтобы тебя в нем убили...

— Мистер Дюбуа, а разве тогда не было полиции? Или судов?

— Полиции тогда было больше, чем сейчас. И судов тоже. И все они были загружены работой выше головы.

— Тогда я не понимаю.

Да если бы мальчишка из нашего города совершил хотя бы половину того зла, его отца выпороли бы при всем честном народе вместе с ним. Но такого просто не бывало.

— Дай определение малолетнего преступника,— потребовал от меня мистер Дюбуа.

— Э-э... один из детей... из тех, кто бьет людей.

— Неверно.

— А... почему? В учебнике сказано...

— Приношу глубочайшие извинения. Учебник так формулирует, это да. Но назови хвост ногой, ходить на нем ты все равно не сможешь. Понятие «малолетний преступник» несет в себе внутреннее противоречие. Оно позволяет понять, что у ребенка существуют проблемы и что он решить их не может. У тебя был щенок?

— Да, сэр.

— Ты пускал его в дом?

— Э-э... да, сэр. Иногда.

С ответом я помедлил из-за маминого правила, что собака должна жить во дворе.

— Вот как. Когда щенок совершал ошибку, ты сердился?

— Что? Как можно, сэр, он же всего лишь щенок. Он просто не знает...

— А как ты поступал?

— Ну, ругал его, тыкал носом в лужу, шлепал.

— Но слов он определенно не понимал?

— Да нет, зато понимал, что я на него сержусь!

— Но ты же только что сказал, что не сердился.

У мистера Дюбуа была раздражающая способность запутывать людей.

— Нет, но я заставлял щенка думать, будто сержусь. Ему же нужно учиться. Верно?

— Согласен. Но объяснив щенку, что ты недоволен, как ты мог допускать жестокость и шлепать его? Ты говоришь, что бедный зверек не знал, что поступил неправильно. А ты причинял ему боль. Оправдай себя! Или ты садист?

Я понятия не имел, что такое садист, зато знал щенков.

— Мистер Дюбуа, но ведь иначе — никак! Ругаешь щенка, чтобы он понял, что попал в переделку, тычешь носом, чтобы сообразил, в чем именно проблема, а шлепаешь, чтобы он не осмелился еще раз сделать лужу! Я был вынужден! Какой смысл наказывать его потом? Он смутится и ничего не поймет. А так, даже если одного урока не хватит, можно последить за ним, поймать на преступлении и отшлепать сильнее. И он скоро все

поймет. А просто ругать — пустая трата времени и сил,— я подумал и добавил: — Похоже, вы никогда не воспитывали щенка.

— Многих. Сейчас я воспитываю гончую — твоими методами. Но вернемся к нашим малолетним преступникам. Наиболее жестокие из них были чуть-чуть младше вас... а преступную карьеру начали еще раньше. И вот теперь вспомним щенка. Тех детей часто ловили, полиция каждый день производила аресты. Ругали их? Да, и зачастую жестоко. Тыкали носом? Лишь изредка. В новостях и официальных заявлениях их имена появлялись, только когда детишки достигали восемнадцати лет. Шлепали их? Конечно же, нет! Некоторые даже в сопливом детстве ни разу не получали ни единой затрещины. Весь мир считал, что наказание, причиняющее боль, наносит непоправимый вред детской психике.

(Тут я подумал, что мой отец, похоже, никогда в жизни не слыхал этой теории.)

— Телесные наказания в школах были запрещены законом,— продолжал мистер Дюбуа.— К порке суд приговаривал только в одной провинции, Делаваре, и только за некоторые повторные преступления, да и то редко. Порка считалась «жестоким и необычным наказанием»,— мистер Дюбуа принялся размышлять вслух.— Не понимаю, что плохого в жестоком и необычном наказании. В принципе, судья обязан быть милосердным, но его цель — заставить преступника страдать, иначе о каком наказании идет речь? И миллионы лет эволюции выработали в нас боль как основной механизм, предупреждающий нас о том, что нечто угрожает нашему выживанию. Так почему же общество отказывается использовать столь превосходный механизм? Правда, тот период был переполнен псевдонаучной и псевдопсихологической чушью. Наказание должно быть необычным, иначе это не наказание.

Учитель ткнул культей в еще одного парнишку.

— Ты. Что произойдет, если щенка шлепать каждый час?

— Н-ну... с ума сойдет?

— Возможно. И уж конечно ничему не научится. Сколько времени прошло с тех пор, как директор этой школы в последний раз применял розги?

— Ну, я не помню точно. Года два, наверное. Тот парень ударил...

— Неважно. Довольно давно. Подобное наказание достаточно необычно, чтобы послужить уроком на будущее. А теперь опять вернемся к малолетним преступникам. В детстве их не шлепали. За преступления их не пороли. Обычный приговор: за первое преступление — предупреждение, выговор, порой даже до суда не доходило. После рецидива — условное тюремное заключение, юнца отпускали на поруки. Подростка могли арестовывать и приговаривать несколько раз до того, как дело доходило до собственно наказания. Потом его сажали в тюрьму. То есть в такое место, где от таких же, как он сам, юнец мог приобрести лишь новые преступные навыки. Если во время заключения он не нарушал закон, время содержания под замком сокращали, а то и вовсе могли выпустить. «Под честное слово», если пользоваться жаргоном тех времен. И так далее, и так далее, а подросток тем временем все чаще преступал закон, все с большей жестокостью и изощренностью, а наказанием служило все то же привычное, нестрашное заключение в тюрьме. И вдруг, после восемнадцатого дня рождения так называемый «малолетний преступник» становился преступником взрослым. И случалось так, что уже через неделю он оказывался в камере смертников и ждал казни за убийство. Ты!

Он опять указал на меня.

— Допустим, ты просто отчитывал щенка, никогда не наказывал, позволял ему гадить в доме... лишь изредка выставлял за дверь, а вскоре впускал в дом, не предупреждая, чтобы он больше так не делал. И вдруг в один прекрасный день ты заметил, что собачка подросла, а прудит по-прежнему. Тут ты хватаешь ружье и пристреливаешь любимца. Комментарии, будь добр.

— Н-ну... по-моему, это самый глупый способ воспитывать щенка!

— Согласен. А ребенка? Так кто же тут виноват?

— Ясно дело, не щенок! Я, наверное.

— И опять-таки я согласен. Только без «наверное».

— Мистер Дюбуа,— выпалила одна из девочек,— но почему? Почему бы не наказывать детей, когда это необходимо? Почему не задавать порку взрослым, если они того заслужили? Такой урок не забывается! Я имею в виду тех, кто действительно такой плохой. Почему нет?

— Не знаю,— хмуро ответил учитель.— Могу назвать только ту причину, что проверенный временем метод внедрения общественных ценностей и уважения к закону в умы молодых чем-то не потрафил довольно безграмотной и профессионально несостоятельной публике, именовавшей себя «социальными работниками», а иногда «детскими психологами». Очевидно, этот метод казался им чересчур простым. Ведь, как и в деле воспитания щенка, требуются лишь терпение и твердость. Порой я задаю себе вопрос, может, им зачем-то были нужны беспорядки? Но едва ли... взрослые часто действуют исходя из «высших мотивов», и не важно, какой у них образ действий.

— О небеса! — воскликнула девочка.— Мне не больше других детей нравится, когда меня наказывают, но если необходимо, мама всегда мне всыплет. Когда меня однажды высекли в школе, мама еще добавила дома. И я уверена, меня никогда не поставят перед судом и не приговорят к розгам. Веди себя хорошо, и все будет в порядке. Не вижу ничего плохого в нашей системе. Уж это лучше, чем сидеть дома и бояться ступить за порог, потому что там тебя убьют! Вот то было — действительно ужасно!

— Согласен. Юная леди, трагическая ошибочность того, что делали те люди, заключалась в глубоком противоречии с тем, что, по *их* мнению, они делали. У них не было научно обоснованной этической теории. У них были просто представления о морали, которым они пытались следовать. Пожалуй, не стоит насмехаться над их мотивами, но теория их была ошибочна, наполовину высосана из пальца, наполовину — обычное шар-

латанство. Чем целеустремленнее они были, тем дальше уходили от цели. Видите ли, они предполагали, что Человек с большой буквы обладает нравственным инстинктом.

— Сэр, но это действительно так! У меня же он есть.

— Нет, моя дорогая, у вас есть культивированная совесть, тщательнейшим образом тренированная. А у человека нет никакого нравственного инстинкта. Он рождается без чувства морали. И вы родились без него, и я, и тот самый щенок. Мы приобретаем его, учась ему, тренируя его, воспитывая, потея над ним. Те несчастные малолетние преступники родились без него так же, как вы и я, но у них не было шанса его приобрести. Опыт их жизни не позволял. Что есть «чувство морали»? Усовершенствованный инстинкт выживания. Вот он-то присущ человеческой природе, каждый аспект нашей личности несет на себе его печать. Все, что конфликтует с инстинктом выживания, рано или поздно уничтожает личность, а следовательно, не проявляется в последующих поколениях. Эту истину можно продемонстрировать математически. Она верна во всех случаях. И это единственный императив, контролирующий наши поступки. Но инстинкт самосохранения,— продолжал мистер Дюбуа,— можно развить в более сложный и точный инструмент, чем слепое, грубое желание личности остаться в живых. Юная леди, то, что вы ошибочно назвали «нравственным инстинктом»,— вложенная в вас старшими истина, что существует выживание более важное, чем ваша жизнь. Выживание вашей семьи, например. Ваших детей, когда они у вас появятся. Вашего народа, если брать по высшему счету. И так далее. Научное обоснование этики базируется на личном инстинкте самосохранения — и только на нем! Оно должно правильно обрисовывать иерархию выживания, отмечать мотивацию для каждого уровня и разрешать все противоречия. Сейчас такая теория у нас есть, мы можем решить моральные проблемы любого уровня. Личные интересы, любовь семьи, долг перед страной, ответственность перед человеческой расой — мы разрабатываем этику отношений между планетами. Но все

моральные проблемы можно проиллюстрировать одной перефразированной цитатой: «Ни в одном человеке нет большей любви, чем у кошки, насмерть воюющей за своих котят». Как только вы поймете нравственную проблему, стоящую перед этой кошкой, и способ, которым она ее решает, вы станете готовы проверить себя и узнать, насколько высоко стоите на лестнице морали. И как высоко способны подняться. Малолетние преступники застряли на низшем уровне. Им, рожденным с одним лишь инстинктом самосохранения, доступна лишь верность своей группе, своей уличной банде. Но различные доброхоты пытались «взывать к их лучшим чувствам», «достучаться до них», «разжечь в них душевный огонь». Вздор! Не было у них «лучших чувств». Опыт учил их, что их поступки — единственный способ выжить. Щенки не получали шлепков, следовательно, все, что они делали с удовольствием и успехом, и должно быть этично. Основание любой морали — долг, то есть понятие, находящееся в таком же отношении к группе, как личный интерес к индивидууму. Никто не проповедовал тем детям их обязательства перед обществом в понятной им форме, то есть вкупе со шлепками. Зато общество не уставало твердить им об их «правах». Результат предсказуем, поскольку никаких естественных прав человека не существует в природе.

Мистер Дюбуа сделал паузу. Кто-то клюнул на закинутую наживку.

— Сэр! А как же «жизнь, свобода и своя доля счастья»?

— Ах, эти «неотъемлемые права»! Каждый год кто-нибудь да процитирует это великолепное стихотворение. Жизнь? Какое право на жизнь у человека, который тонет в Тихом океане? Волны не услышат криков. Какое право на жизнь у человека, который должен умереть ради спасения своих детей? Если он решит спасать свою собственную жизнь, сделает ли он это по «праву»? Если два человека умирают от голода и каннибализм — единственная альтернатива смерти, какой из двоих имеет больше прав на жизнь? Что до свободы, то герои, которые подписывали тот великий документ, дали обет *купить* сво-

боду ценой собственной жизни. Свобода никогда не была неотъемлемым правом, ее регулярно приходится покупать ценой крови патриотов, или же она исчезает. Из всех так называемых прав человека свобода — самая дорогая, и цена на нее не упадет никогда. И уж даром она вообще не дается. Третье право — «стремление к счастью». Да, вот уж что неотъемлемо! Но только это — не право. Просто естественное положение вещей, которое тираны не могут отнять, а патриоты дать. Бросьте меня в застенок, сожгите меня на костре, коронуйте царем царей, я буду стремиться к счастью, пока жив мой рассудок, но ни боги, ни святые, ни мудрецы, ни наркотики не гарантируют, что я его достигну.

Мистер Дюбуа посмотрел на меня.

— Я уже говорил, что термин «малолетний преступник» — противоречив сам по себе. «Преступник» означает «преступивший свой долг». Но «долг» — понятие взрослых. Малолетние становятся взрослыми тогда и только тогда, когда воспринимают понятие долга и ставят его выше собственных интересов. Никогда не было и никогда не может быть «малолетнего преступника». Но на каждого малолетнего правонарушителя найдется один и более взрослых преступников — людей, которые в зрелые годы либо не сознают своих обязанностей, либо, зная долг, нарушают его. Вот тот самый гнилой столб, обрушившийся и похоронивший культуру, во многих отношениях замечательную. Молодые балбесы, которые наводнили улицы, были симптомом величайшей слабости; граждане — а тогда гражданином считался каждый встречный и поперечный — возносили и славили миф о «правах»... и забыли о долге и обязанностях. Ни одна нация не продержится на такой конституции.

Я принялся было гадать, к какой категории полковник Дюбуа отнес бы Диллингера. Был ли он малолетним правонарушителем, который достоин жалости, даже если от него придется избавиться? Или он был взрослым преступником, который заслуживает лишь презрения?

Я не знал и никогда не узнаю. В одном я был уверен: Диллингер никогда больше не сможет убить маленькую девочку.

Это меня вполне устраивало. Я заснул.

9

В этом подразделении не место тем, кто красиво проигрывает. Нам тут нужны крутые hombres, которые пойдут и победят!

Адмирал Йонас Ингрэм, 1926

Когда мы справились со всем, что «топтуны» могут сделать на равнине, нас перебросили в крутые горы, чтобы мы занялись делами покруче. Это была канадская часть Скалистых гор между пиком Доброй Надежды и горой Уоддингтон. Лагерь сержанта Призрака Смита был здорово похож на лагерь Карри, только был гораздо меньше размером, да рельеф местности здорово отличался. Ну, правда, и третий учебный полк тоже уменьшился. Начали мы с четырех тысяч, теперь нас было около двух. Роту нашу переделали во взвод, а батальон на плацу выглядел ротой. Но называли нас по-прежнему, а сержанту Зиму никто и не думал вручать нашивки комвзвода.

Потогонные мероприятия приняли более индивидуальный характер, здесь на душу населения приходилось больше инструкторов, чем раньше. Сержант Зим возрадовался, что держать в уме ему надо только пятьдесят рядовых, вместо почти трех сотен, и не спускал аргусовых глаз с каждого из нас, даже если его самого не было рядом. В общем, стоило свалять дурака, тут же выяснялось, что Зим стоит как раз у тебя за спиной.

Тем не менее вздрючки его приобрели дружелюбный характер, чем пугал он нас до смерти. Мы тоже изменились, от полка остался лишь каждый пятый новобранец, и все мы были почти солдаты, вот Зим и старался довести работу до конца, а не разогнать всех к чертовой бабушке.

И капитана Франкеля мы стали чаще видеть; теперь он тоже учил нас, а не просиживал штаны за столом, и знал всех нас по имени и в лицо, и, похоже, завел у себя в голове досье на каждого, где отмечал, как кто владеет тем или иным оружием, как разбирается в снаряжении, помимо того, сколько у кого нарядов вне очереди, медицинских пометок и получал ли солдат из дома письмо на днях.

Обращался он с нами поласковее, чем Зим; слова у него были помягче, и нужно было выкинуть по-настоящему глупый фортель, чтобы согнать с капитанского лица дружелюбную ухмылку. Но обманываться не стоило, под той улыбкой скрывалась бериллиевая броня. Я так и не сумел выяснить, кто был больше солдатом, сержант Зим или капитан Франкель. Я имею в виду, если снять все лычки и нашивки и представить, будто оба они рядовые. Без вопросов, они оба были лучше любого из инструкторов, но — кто из них двоих? Зим все делал подчеркнуто безупречно и со стилем, как будто был на параде. Капитан Франкель все то же самое выполнял энергично и со смаком, как будто играл. Результат у обоих был одинаковый, хотя у Зима он никогда не достигался с такой легкостью, какую пижонски демонстрировал капитан.

А толпа инструкторов нам была действительно необходима. Прыгать на ровном месте, как я уже говорил, просто. Собственно, в горах скафандр прыгает так же высоко и легко, но все же есть разница, когда прыгаешь на вертикальную гранитную стену меж двух елей и в последний момент теряешь контроль над двигателями. У нас было три несчастных случая, двое умерли, один угодил в госпиталь, его списали как негодного к службе.

Но без скафандра, просто с крючьями и веревками, на ту стену влезть было еще сложнее. Особого толку в альпинистских упражнениях я не видел, зато давно научился держать рот закрытым и учиться всему, что велят. Освоить скалолазание оказалось не так уж и трудно. Если бы год назад мне кто-нибудь сказал, что я полезу на солидный камешек, гладкий и строго перпендикулярный к земле, я бы рассмеялся тому в лицо. Я —

житель прибрежных земель. Поправка: я был им. Произошли некоторые перемены.

Я только начинал осознавать, насколько изменился. В лагере Смита у нас была свобода... в том смысле, что мы могли поехать в город. О, в лагере Карри мы тоже были «свободны». Я имею в виду, что в воскресенье днем, если не в наряде, можно было отметиться у командира и идти гулять — только в лагерь вернись к вечерней поверке. Но на прогулке, кроме кроликов, ничего не увидишь. Ни девушек, ни театров, ни танцплощадок и прочего такого.

И все-таки даже в лагере Карри мы вовсю пользовались предоставленной свободой; порой просто необходимо уйти подальше, чтобы не видеть палатки, сержанта, опостылевших уродливых рож своих лучших друзей... и чтобы никуда не бежать, а просто заглянуть себе в душу и послушать ее. Эту свободу можно было легко потерять; могли запретить покидать лагерь... или расположение роты, что означало, что ни в библиотеку нельзя было попасть, ни в то, что называлось «палаткой для отдыха» (где хранилось несколько наборов для игры в парчизи* и прочие, столь же разухабистые развлечения)... А вообще-то могли приказать не покидать палатки до особого распоряжения.

Впрочем, последний вариант сам по себе не применяется, обычно он — приятное добавление к строгому взысканию, вроде вишенки в порции мороженого. Он — что-то вроде напоминания тебе и всему миру в придачу, что ты выкинул не просто глупость, которая потребовала внимания военной полиции, но нечто, несовместимое со званием пехотинца. И поэтому не можешь общаться с товарищами, пока не исправишься.

Правда, в лагере Смита мы могли поехать в город (если не были в наряде, если хорошо себя вели и т.д.). Автобусы ходили в Ванкувер каждое воскресное утро сразу после богослужения, которое теперь сократилось до получаса после завтрака. Обратные рейсы привозили тебя обратно к ужину или отбою. Инструкторам дозволялось даже провести субботнюю ночь в городе, а то и целых три дня, если расписание позволяло.

Я только первый шаг сделал с подножки автобуса, а уже сообразил, насколько я изменился. Джонни больше не подходил для жизни. То есть для гражданской жизни. Все вокруг казалось восхитительно сложным и невероятно запутанным.

Плохого о Ванкувере не скажу. Красивый город, расположен удачно, жители очаровательные, гостеприимные и привыкли к военным на улицах. Для нас, солдат, в центре города был организован клуб, где каждую неделю устраивали танцы. Юные красотки всегда были не прочь потанцевать, девочки постарше следили, чтобы у застенчивого солдатика (к моему изумлению, и у меня... посидели бы несколько месяцев там, где на всю округу ни одной девчонки, если не считать крольчих, я бы на вас посмотрел!) была партнерша, на чьи ноги он мог бы всласть понаступать.

Но в первую вылазку я в клуб не пошел. Я вообще стоял и глазел по сторонам — на красивые дома; на витрины, в которых было столько всего полезного (и не только оружия!), что и не описать; на толпу людей, спешащих по делам или даже гуляющих просто так (и ни на ком не было одинаковой одежды!); и — на девушек.

В особенности на девушек. До сих пор я даже не сознавал, как они прекрасны. Слушайте, я к ним хорошо относился с того самого времени, как впервые заметил, что разница между нами заключается вовсе не в том, что мы неодинаково одеваемся. Насколько могу припомнить, я так и не вступил в тот период, когда мальчишки, как предполагается, знав, что девочки от них отличаются, начинают их ненавидеть. Мне девочки нравились *всегда*.

Но только сегодня я сообразил, чего был лишен.

Девочки просто восхитительны. Просто стоять на углу и смотреть на них — сплошное удовольствие. Они же не ходят. Ну, не так, как мы ходим. Я не знаю, как это называется, но движение более сложное и безусловно красивое. Они не просто ноги переставляют, у них вообще движется все и в разных направлениях... очень грациозно.

Я бы до сих пор, наверное, там стоял, да вмешалась полиция.

— Как жизнь, ребятки? — поинтересовался представитель закона, оглядывая нас с ног до головы.— Развлекаемся?

Я быстро покосился на планки у него на кителе и остолбенел.

— Так точно, *сэр*!

— Ко мне можешь так не обращаться. Здесь это мало значит. А чего ж в клуб не идете?

Он дал нам адрес, объяснил, как пройти, и мы пошли туда — Пэт Лейви, Котенок Смит и я. Полицейский весело крикнул нам вслед:

— Счастливо отдохнуть, ребятки! Только не нарывайтесь!

Вот и сержант Зим напутствовал нас точно так же, когда в автобус сажал.

Но до клуба мы не дошли. Пэт Лейви ребенком жил в Сиэтле и захотел посмотреть на свой старый дом. Деньги у него были, и он предложил, что оплатит нам дорогу в автобусе, если мы вместе с ним поедем. Я не возражал, все было нормально. Автобусы бегали каждые двадцать минут, и нигде не говорилось, что увольнительную мы обязательно должны провести в Ванкувере. Смит тоже решил ехать.

Сиэтл не слишком отличался от Ванкувера, и девчонок там было — море. Мне очень понравилось. Но в Сиэтле не слишком привыкли к военным, да и место, где пообедать, выбрали неудачно.

Слушайте, мы даже не пили. Ну да, Котенок Смит взял одну — повторяю, одну — кружку пива к обеду, но был такой же дружелюбный и приветливый, как всегда. Он поэтому и заработал такое прозвище. Когда у нас случились первые тренировки по рукопашной, капрал Джонс с отвращением сказал про него: «Котенок лапкой и то сильней ударил бы!». Имя прилипло.

В портовом баре-ресторане в униформу одеты были мы одни; большинство посетителей — торговые моряки: через Сиэтл тоннами идет груз. Я в то время не знал, что торговый флот нас не любит. Частично из-за того, что их гильдия уже давно и безуспешно пытается быть приравненной к федеральной

службе, но частично, как я понимаю, вражда уходит корнями глубоко в историю.

Там были какие-то молодые ребята примерно нашего возраста — самого призывного, только служить они не захотели. Длинноволосые, грязные какие-то, неуклюжие. Ну, словом, я выглядел точно так же, пока в армию не пошел.

Сначала мы заметили, что за соседним столиком два этих юных хама и еще два торговых моряка принялись обмениваться репликами. Фразочки предназначались нам. Повторять их я не стану.

Мы ничего не сказали. Потом, когда ребята перешли на личности, смех стал громче, а все остальные в баре затихли и стали прислушиваться, Котенок шепнул мне:

— Пошли отсюда.

Я поймал взгляд Пэта Лейви; Пэт кивнул. Платить не надо было, в этом заведении деньги брали вперед. Мы поднялись и пошли.

Парни двинулись следом.

Пэт шепнул мне:

— Внимание...

Мы так и шли, не оглядывались.

Парни нагнали нас.

Тот, что бросился на меня, получил ребром ладони по шее и пролетел мимо. Я бросился ребятам на помощь, но там все уже закончилось. Котенок отметелил двоих, а Пэт намотал своего на фонарный столб, не рассчитав броска.

Кто-то, полагаю, хозяин бара, должно быть, вызвал полицию, как только мы встали из-за стола, потому что примчалась она сразу же, пока мы все еще стояли и думали, а что нам теперь делать с этим мясом. Двое полицейских вроде как по соседству прогуливались.

Старший из них захотел, чтобы мы выдвинули обвинения, но мы отнекивались. Зим же предупредил, чтобы мы не нарывались. Котенок с безмятежным видом (выглядел он лет на пятнадцать) заявил:

— Они, я думаю, споткнулись.

— Да уж понятно,— согласился полицейский, носком сапога выбил нож из руки моего противника, подобрал, воткнул в щель между плитами поребрика и сломал лезвие.— Шли бы вы, ребятки, лучше в другой район.

Мы и пошли. Я был рад, что ни Пэт, ни Котенок не захотели поднимать шум. Серьезное это обвинение — нападение гражданских лиц на военнослужащих. Но какого черта? Баланс подведен. Сами полезли, сами получили. Все честно.

Хорошо, что в увольнение мы всегда ходим безоружные. И хорошо, что нас научили отключать противника, не убивая. Потому что все, что мы проделали, шло на голых рефлексах. Я не верил, что парни на нас кинутся, пока не началась драка, а потом, пока все не закончилось, у меня в голове не было ни одной мысли.

Вот так я в первый раз понял, насколько переменился.

Мы вернулись на вокзал и сели в автобус на Ванкувер.

Вскоре у нас начались учебные выброски; взвод за раз в порядке очередности (численность наша равнялась полностью укомплектованному взводу, хотя назывались мы по-прежнему ротой) перебрасывался на летное поле к северу от Валла Валла, грузился на борт, выходил в космос, производил бросок, проделывал упражнение, собирался у маяка для возвращения. Всех дел — на один день. Восемь взводов, так что получалось меньше чем одна выброска в неделю, но потом стало и по несколько раз в неделю, по мере того как редели наши ряды. Задачи ставились все сложнее, мы прыгали в горы, арктические льды, австралийские пустыни и один раз, перед самым выпуском, на поверхность Луны, где капсула пролетает сотню футов и взрывается. Там приходится быть начеку и приземляться только на двигателях скафандра (нет воздуха, нет и парашюта). Неправильная посадка забирает у тебя весь воздух и убивает тебя.

Ряды редели из-за потерь, смертей или ранений, а иногда причиной был отказ войти в капсулу. Некоторые парни просто не могли туда залезть, что есть — то есть, на них никто не

орал, просто отводили их в сторонку и тем же вечером отправляли домой. Запаниковать и отказаться мог даже тот, кто уже несколько раз ходил в десант; инструктора обращались с таким мягко, словно с захворавшим другом.

Лично я никогда не отказывался — зато все узнал про дрожь. Меня всегда трясет, каждый раз я по-глупому путаюсь. До сих пор.

Но если ты не прыгал, ты — не солдат.

Рассказывают такую байку, врут, наверное, про десантника, который поехал посмотреть Париж. Посетил Дом Инвалидов, осмотрел гроб Наполеона и спросил часового: «Это кто?». Француз оскорбился до глубины души: «Мсье не *знает*? Это же могила *Наполеона*! Наполеон Бонапарт — величайший воин всех времен и народов!» Десантник поразмыслил, а потом спрашивает: «Да ну? А где он выбрасывался?»

Почти наверняка все это вранье, потому что снаружи там висит большая табличка, на которой написано, кто такой Наполеон. Но десантник именно так и должен думать.

Так или иначе обучение мы закончили.

Вижу, я почти ни о чем толком не рассказал. Ни слова о разнообразии нашего вооружения; ничего о том, как мы бросили все и три дня тушили лесной пожар; ни упоминания об учебной тревоге, которая оказалась настоящей, только мы об этом не узнали, пока все не закончилось; ничего о том дне, когда сдуло кухонную палатку. И о погоде я ничего не сказал, а поверьте мне, погода для нас, «пончиков», особенно важна, в частности — дождь и грязь. Но что погода важна, выяснилось на месте, сейчас я оглядываюсь и понимаю: это все ерунда. Возьмите описание погоды из любого альманаха, подставьте в любое место моего рассказа. Подойдет.

В подразделении сначала было две тысячи девять человек; после выпуска осталось сто восемьдесят семь. Остальные уволились, перевелись, были выгнаны, получили отставку по состоянию здоровья. Четырнадцать человек погибло (одного казнили, его имя вымарано из списков). Майор Мэллой произнес

короткую речь, мы все получили сертификаты, в последний раз сходили в увольнительную, а затем подразделение было расформировано, флаг зачехлен до тех времен, когда через три недели не понадобится опять сообщить еще двум тысячам штафирок, что они — воинская часть, а не толпа.

Теперь я был «рядовой-подготовленный» и перед моим личным номером вместо букв РР появились буквы РП. Большое событие!

Может быть, самое большое в моей жизни.

10

Древо Свободы время от времени нужно поливать кровью патриотов...

Томас Джефферсон, 1787

Я считал себя обученным солдатом, пока не явился на корабль. Что, есть закон, запрещающий иметь ошибочное мнение?

Вижу, я не упомянул, как Земная Федерация перешла из состояния мира в состояние чрезвычайного положения, а потом войны. Я этого и сам не заметил. Когда я вербовался, был мир, нормальные условия, как считают люди (кто ж будет думать иначе?). Затем, пока я потел в лагере Карри, оказалось, что уже чрезвычайное положение, а я и не заметил. Меня больше волновало, что капрал Бронски думает о моей прическе, униформе, снаряжении и боевой подготовке, а уж что по тому же поводу думает сержант Зим, вообще было вопросом первостепенной важности. В любом случае, чрезвычайное положение — все равно мир.

«Мир» — это такое положение дел, во время которого ни один гражданский не обращает никакого внимания на военные потери, потому что о них не пишут на первых страницах газет. Если только в число потерь не входят сами гражданские. Но если в истории и было время, когда мир означал отсутствие

боев, то я о нем ничего не нашел. Когда я прибыл в мою первую часть, «Волчата Вилли», иногда именуемую ротой «К» третьего полка, первой десантной дивизии, и вместе с ними погрузился на «Вэлли Фордж»* (со своим чуть ли не липовым сертификатом в кармане), сражения шли уже несколько лет.

Историки до сих пор не могут сговориться, как называть конфликт: Третья космическая война или Четвертая, а может, Первая межзвездная подходит лучше. Мы же зовем ее «жучьей войной», если вообще как-нибудь называем, а как правило, не называем вообще. Ну, все равно по данным историков она началась уже после того, как я получил назначение в часть. Все события до того считались «инцидентами», «столкновениями» и «карательными акциями». Но труп есть труп, неважно, не повезло тебе во время «инцидента» или объявленной по всем правилам войны.

Но, говоря честно, солдат обращает на войну столько же внимания, сколько гражданский, кроме своего небольшого участия в ней да дня, когда это участие началось. В остальное время его больше волнует отдых, причуды сержантов и шанс выклянчить на камбузе что-то съедобное между кормежками. Тем не менее, когда Котенок Смит, Эл Дженкинс и я присоединились к «Волчатам Вилли» на лунной базе, парни уже сделали по паре-тройке боевых прыжков; они были солдатами, а мы нет. Над нами — по крайней мере, надо мной — не шутили, а сержанты и капралы были удивительно мягки, особенно на фоне того страха, что постарались на нас нагнать наши инструкторы.

Довольно скоро мы выяснили причину такого обращения: мы — никто, нам и нагоняй-то влепить лень, надо подождать, пока мы не докажем себя во время десанта — настоящего десанта. Вот там-то и станет ясно, можем ли заменить Волчат, которые сражались и погибли и чьи койки мы теперь занимали.

С вашего позволения я расскажу, насколько я тогда был зелен. Пока «Вэлли Фордж» все еще стоял на лунной базе, мне случилось наткнуться на командира моего отделения. Он собирался потоптать пыль в увольнительной и разоделся по этому

случаю в парадную форму. В левой мочке у него болталась небольшая сережка, крошечный золотой череп, очень красивый, а под ним вместо скрещенных костей, как на древнем Веселом Роджере, висела целая вязанка косточек, таких маленьких, что и не заметишь сразу.

Дома, собираясь на свидание, я всегда носил серьгу или другие какие-нибудь украшения. У меня были роскошные клипсы с рубинами величиной с ноготь мизинца, они принадлежали еще маминому деду. Драгоценности мне всегда нравились, но все побрякушки пришлось оставить дома, так как в лагере их носить запрещали. Но тут я увидел штуку, которая здорово смотрелась с униформой. Уши у меня проколоты не были, мама не одобряла, когда мальчики украшают себя; но можно было заказать ювелиру и клипсу. У меня оставались деньги от подъемных, и я горел желанием на что-нибудь их спустить, пока они не заплесневели.

— Ух, сержант! Где вы такую серьгу достали? Здорово выглядит.

Он не стал издеваться, он даже не улыбнулся. Просто сказал:

— Что, нравится?

— Еще бы!

Простое золото вместе с галунами и кантами парадной формы смотрелось еще лучше драгоценных камней. Я подумал, что две сережки были бы лучше, и со скрещенными костями вместо этой непонятной бахромы.

— А в гарнизонную лавку их завозят?

— Нет, там их не продают,— сержант подумал и добавил: — Во всяком случае, не думаю, что ты здесь сможешь купить одну такую. Надеюсь. Но скажу тебе вот что. Когда мы доберемся туда, где можно взять подобные побрякушки, я тебе сообщу. Обещаю.

— Эй, спасибо!

— Да не за что.

Позднее я видел еще такие черепа; иногда костей было больше, иногда меньше. Моя догадка оказалась верной, их разрешали носить вместе с формой, по крайней мере во время уволь-

нений. А потом и мне представился случай «купить» такую сережку и выяснить, что цена для простенького украшения велика непомерно.

Историки назвали эту операцию «Жучиный дом» — первая битва на Клендату после того, как был стерт с лица Земли Буэнос-Айрес. Нужно было потерять Б-А, чтобы эти суслики сообразили, что что-то происходит, потому что те, кто никогда не был в космосе, не верят в существование других планет. Я знаю по себе, хотя от космоса у меня голова шла кругом еще с пеленок.

Но Б-А действительно расшевелил народ; раздались громкие вопли, требования привести нашу армию отовсюду обратно, чтобы встали плечом к плечу на орбите и оградили планету. Глупость, конечно. В войне побеждают нападением, а не обороной. Еще ни одно министерство обороны не выиграло войну, сверьтесь с учебниками по истории. Обычная реакция штатских, они хотели вести войну, как пассажир пытается вырвать руль у водителя в опасной ситуации.

Моего мнения никто не спрашивал, мне отдавали приказы. Но даже если отрешиться от невозможности стянуть все наши силы в пространство Земли (а что, интересно, станется с колониями и планетами союзников? Штатские об этом не подумали), нам было чем занять мозги. Мы воевали с жуками. Разрушение Буэнос-Айреса на меня повлияло много меньше, чем на большинство гражданских. Мы уже были в паре парсеков от дома, шли на «двигателе Черенкова» и новости получили, только когда вынырнули из гиперпространства и встретили другой корабль.

Помню, подумал тогда: «Ах, черт! Жуть какая!» и пожалел одного *портеньо*[1] на нашем корабле. Но Б-А не был моим домом, Терра была далеко, я был занят, поскольку штурм Клендату, планеты жуков, должен был вот-вот начаться, а время в пути мы проводили пристегнутые к койкам и накачанные до бессознательного состояния лекарствами, так как гравитационное

[1] Портеньо — жаргонное самоназвание жителей Буэнос-Айреса.

поле на «Вэлли Фордж» отключалось, чтобы сэкономить энергию и набрать скорость повыше.

Потеря Б-А сломала мне жизнь, но понял я это много месяцев спустя.

Когда пришло время броска на Клендату, меня отдали в помощники рядовому первого класса Голландцу Бамбургеру. Он сумел скрыть свою безумную радость по этому поводу и, как только сержант оказался вне пределов слышимости, сказал:

— Слышь, салага, держись прямо за мной и не суйся под ноги. Будешь меня тормозить, отверну твою пустую башку.

Я только кивнул. Я начал понимать, что это не тренировочный бросок.

Затем меня немного потрясло, а потом нас отстрелили...

Операцию «Жучиный дом» следовало назвать «Сумасшедший дом». Все шло не так. Планировалось одним ударом поставить врага на колени, занять столицу и ключевые точки планеты и закончить войну. Вместо этого мы чуть было ее не проиграли.

Я не критикую генерала Диеннеса. Я не знаю, правда или нет, что он потребовал побольше военной силы и огневого прикрытия и позволил командующему ВС отменить приказ. Не мое это было дело. Сомневаюсь даже, что все, кто крепок задним умом, знают, как было на самом деле.

Зато знаю, что генерал пошел в десант вместе с нами и командовал нами на месте, а когда ситуация стала критической, лично вел отвлекающую атаку, которая позволила некоторым из нас (включая меня) отойти, и в ходе сражения приобрел свой клочок земли на кладбище. Только его не хоронили, его радиоактивные останки лежат где-то на Клендату, и поздно отдавать генерала под трибунал, так что о чем теперь говорить?

Но один комментарий для кабинетных стратегов, которые никогда не прыгали, у меня найдется. Да, я согласен, планету жуков можно было заваливать водородными бомбами до тех пор, пока ее поверхность не превратится в радиоактивное стекло. Но выиграли бы мы этим войну? Жуки не похожи на нас.

Псевдоарахноиды по большому счету не похожи даже на пауков. Они — членистоногие, которым случилось выглядеть словно шизофреническая концепция гигантского разумного паука, но их организация, психология и экономика больше подходят муравьям или термитам. Они — существа коллективные, подчинены диктату гнезда. Взрывы на поверхности убили бы солдат и рабочих, а мыслящую касту и королеву так не достать. Сомневаюсь, что даже прямое попадание водородной ракеты убило бы матку; мы не знаем, насколько глубоко ее прячут. И выяснять я не намерен; никто из парней, которые полезли в жучиные норы, обратно не вернулся.

Что с того, что мы превратим поверхность Клендату в бесплодную пустыню? Корабли, колонии, другие планеты останутся у жуков, и их штаб-квартира наверняка уцелеет, если, конечно, они не предпочтут сдаться. Так что война не окончена. Бомб класса «новая звезда» у нас тогда не было, чтобы расколоть планету пополам. Если жуки переживут бомбардировки и не сдадутся, война не окончена.

Если бы они *могли* сдаться...

Их солдаты не могут. А рабочие не умеют даже сражаться (и можно потратить кучу времени и боеприпасов, расстреливая рабочих, которые в ответ даже пикнуть не могут). А каста их воинов не сдается. Но не думайте, будто жуки — глупые насекомые, потому что похожи на них внешне и не знают, что такое сдача в плен. Их солдаты умны, умелы и агрессивны. И если жук выстрелит первым, то по универсальному закону он считается умнее тебя. Можно сжечь ему одну ногу, две ноги, три ноги, а он все равно прет вперед. Сожги четыре конечности с одного бока, он опрокинется и будет продолжать стрелять. Необходимо отыскать нервный узел и бить туда... после чего он проковыляет мимо, стреляя в никуда, пока не врежется в стену или еще что-нибудь.

Десант провалился с самого начала. Участвовало пятьдесят кораблей, предполагалось, что они перейдут с двигателей Черенкова на атомную тягу настолько синхронно и скоординированно, что выйдут на орбиту и отстрелят нас единым строем

над зоной выброски так, что даже не побеспокоят силы обороны. Наверное, трудная задача. Да что там, я *знаю*, что она трудная. Но когда такие вещи срываются, отдувается за всех мобильная пехота.

Нам еще повезло, потому что «Вэлли Фордж» и каждый флотский на нем получили место в раю еще до того, как мы добрались до поверхности. В тесноте и на орбитальной скорости четыре и семь миль в секунду он столкнулся с «Ипром», и оба корабля погибли. Нам повезло выбраться из пусковых шахт, тем, кто успел, потому что во время столкновения «Вэлли Фордж» еще отстреливала капсулы. Но я тогда об этом не знал, я сидел внутри своего кокона и летел вниз. Полагаю, наш взводный знал об уничтожении корабля и половины Волчат вместе с ним, раз он десантировался первым. Должен был знать, когда потерял связь с кораблем.

Но спросить его нет никакой возможности, потому что он не вернулся из броска. Единственное, что я тогда понимал, это что творится что-то не то.

Следующие восемнадцать часов стали кошмаром. Не буду о нем рассказывать, потому что многого не помню, только отдельные, замедленные сцены полного ужаса. Никогда не любил пауков, ни ядовитых, ни всяких прочих; у меня даже от домашнего паука мурашки по коже ползут. О тарантулах я даже думать не могу, а лобстера, краба и им подобных даже в рот не возьму. Когда я впервые увидел жука, у меня чуть мозги не выпрыгнули из черепушки. Только через секунду я сообразил, что уже убил его и можно больше не стрелять. Наверное, это был рабочий; сомневаюсь, что сумел бы схватиться с воином и победить.

А парням из К-9 пришлось еще хуже. Их должны были сбросить (если бы все прошло нормально) на периферии зоны. Предполагалось, что неопсы проведут разведку, чтобы облегчить задачу заградительных отрядов. Калебы, разумеется, не вооружены, разве что зубами. Неопес должен слушать, смотреть, нюхать и докладывать напарнику по радио. Все, что у него есть, это рация и бомба, которую он или его напарник взрывает в случае захвата собаки в плен или смертельного ранения.

Захвата в плен несчастные псины не дождались; очевидно, большинство покончили жизнь самоубийством, как только увидели противника. Они к жукам питают те же чувства, что и я, только гораздо сильнее. Теперь неопсов с щенячьего возраста тренируют не бояться жуков и не взрывать себя при одном их виде. Тех никто не тренировал.

И это еще не все. Назовите любую деталь — все провалились. Конечно, я не знал, что происходило, я просто держался за Голландцем и пытался стрелять и поджигать все, что двигалось, кидать гранаты во все норы, какие только видел. Это теперь я могу убить жука, не тратя много патронов или топлива, хотя так и не научился отличать опасного от безвредного. Из пятидесяти жуков воин — только один, но он стоит остальных сорока девяти. Личное оружие у них легче нашего, но такое же смертоносное; луч режет броню и тебя с ней, словно сваренное вкрутую яйцо. И координированы их солдаты лучше наших, потому что мозг, который думает за них и командует их отрядами, находится вне досягаемости. Он где-то в норе, под землей.

Нам с Голландцем везло довольно долго, мы зачистили примерно квадратную милю, затыкая все норы бомбами, убивая все, что находили на поверхности, а топливо в скафандрах старались беречь на всякий случай. Вообще-то идея была в том, чтобы оборонять намеченный район, чтобы подкрепление с более тяжелым вооружением прибыло без помех и особого сопротивления. Это был не рейд, это было сражение за плацдарм — занять, удержаться, дождаться прибытия свежих сил и захватить или просто утихомирить планету.

Только у нас ничего не вышло.

Мы все делали как надо. Просто сели не в том месте и связи с нашими у нас не было. Командир и сержант погибли, перестроить нас было некому. Но мы застолбили участок, отделение со спецвооружением оборудовало укрепленную позицию. Мы были готовы держаться до прибытия свежих сил и помочь им, как только они появятся.

Только они не появились. Они приземлились туда, где должны были высадиться мы, столкнулись с недружелюбными аборигенами и сами попали в переделку. Мы их больше не видели. Мы оставались на месте, несли потери и отбивались, пока не подошли к концу боеприпасы, топливо и даже энергия в скафандрах. Казалось, бой тянется уже две тысячи лет.

Мы с Голландцем отступали к стене — из спецподразделения позвали на помощь, когда земля прямо перед Голландцем внезапно разверзлась, оттуда выскочил жук, а Голландец упал.

Жука я сжег, бросил гранату в нору, отчего дыра вновь закрылась, и оглянулся посмотреть, что с напарником. Он лежал, но повреждений видно не было. У взводного сержанта имеется монитор, показывающий физическое состояние каждого подчиненного, он отличает мертвых от тех, кому нужна помощь. Но то же самое можно сделать вручную — небольшими тумблерами справа на поясе.

Я окликнул Голландца, тот не ответил. Температура его тела была девяносто девять градусов по Фаренгейту, дыхание, пульс, мозговая деятельность на нуле. Плохо, но, может быть, это скафандр мертв, а не человек. Так я твердил себе, забыв, что термометр почему-то работает; если бы сдох скафандр, то сдох бы и он. Все равно я сорвал у себя с пояса специальную монтировку и принялся извлекать Голландца, стараясь при этом наблюдать за тем, что творится вокруг.

Затем в наушниках моего шлема раздался сигнал, который я больше никогда не хочу слышать. «*Sauve qui peut!*[1] Отбой! Отбой! Ловите пеленг и домой! Любой маяк, какой услышите. Шесть минут! Всем-всем-всем! Спасайтесь сами, выручайте товарищей. Собирайтесь у любого маяка! *Sauve qui...*»

Я заторопился.

Как только я вытащил Голландца из скафандра, у него отвалилась голова, так что я бросил напарника там и помчался прочь. В следующем десанте я бы забрал его боеприпасы, но сейчас я

[1] *Sauve qui peut!* — Спасайся, кто может! (*фр.*)

ни о чем не мог думать. Я просто поскакал оттуда к укрепленной позиции, куда мы с Голландцем направлялись до сигнала.

Парни уже эвакуировались, и я подумал, что потерялся... что меня бросили. Затем услышал сигнал сбора, не наш, не «Янки Дудль» (как у катера с «Вэлли Фордж»), а «Сахарный Буш». Какая разница, все равно это был маяк. Я рванул к нему, выжигая последнее топливо в скафандре,— примчался на катер, когда те уже хотели взлетать, и вскоре очутился на «Вуртреке» в состоянии такого потрясения, что не мог вспомнить свой личный номер.

Я слышал, потом это назвали «стратегической победой»... но я там был и заявляю: нам насовали по первое число.

Шесть недель спустя (с чувством, будто стал на шесть лет старше) я сел в другой катер на флотской базе на Санктуарии и прибыл в распоряжении сержанта Джелала на «Роджер Янг». В проколотой мочке моего левого уха у меня болтался разбитый череп с одной косточкой. Эл Дженкинс был со мной и носил точно такую же серьгу. А Котенок Смит так и не сумел выбраться из пусковой шахты на Клендату. Несколько уцелевших Волчат Вилли были распределены по всему флоту; мы потеряли почти половину во время столкновения «Вэлли Фордж» и «Ипра», а жуткая неразбериха на поверхности стоила нам восьмидесяти процентов состава, и сильные мира сего постановили, что из выживших полноценное подразделение не составить. Все, дело закрыто, сдано в архив, осталось подождать, когда затянутся раны, прежде чем можно будет возродить роту «К» в новом составе и старыми традициями.

Кроме того, в других частях тоже был заметный некомплект.

Сержант Джелал принял нас тепло, сказал, что часть нам досталась хорошая, «лучшая во всем флоте», корабль крепкий, а на серьги-черепа кажется и внимания не обратил. Тем же днем, чуть позже, сержант отвел нас к лейтенанту, который смущенно улыбнулся и по-отечески с нами побеседовал. Я отметил, что

Эл Дженкинс уже не носит золотой череп. Как и я, потому что уже заметил, что никто из Разгильдяев Расжака их не носит.

А не носили их они потому, что не смотрели, сколько боевых выбросов у тебя было и каких именно. Либо ты был Разгильдяем, либо нет. Если нет, им плевать, кто ты такой. Но раз уж мы пришли к ним не салагами, а обстрелянными ветеранами, то они приняли нас вежливо и доброжелательно, правда как гостей дома, а не членов семьи.

А менее чем через неделю, когда мы сходили вместе в десант и стали полноправными Разгильдяями, то есть членами семьи, нас уже называли по именам и отчитывали без стеснения. Мы были братьями по крови, нам можно было давать в долг и одалживать у нас, нам была дарована привилегия высказывать свое дурацкое мнение. Вне службы мы даже называли по имени сержантов. Сержант Джелал при исполнении был всегда, разве что ты натыкался на него во время увольнения. Вот тогда он был «Джелли» и вел себя так, словно его высокое благородное звание ничего не значит для остальных Разгильдяев.

Но лейтенант всегда был только «лейтенант», а не «мистер Расжак» или даже «лейтенант Расжак». Просто «лейтенант», и в третьем лице. Нет бога, кроме лейтенанта, и сержант Джелал пророк его. Джелли мог сказать «нет» лично от себя, и отказ не подлежал обсуждению, но если он изрекал: «Лейтенанту не понравится», то говорил *ex cathedra*[1], и вопрос считался решенным навсегда. Никто даже не пытался прикинуть, понравится это лейтенанту на самом деле или нет. Слово было произнесено.

Лейтенант был для нас отцом, он любил и баловал нас и одновременно был далек как на борту корабля, так и на земле, если только на земле этой мы не оказывались во время выброски. Но в бою... кто бы мог подумать, что офицер может заботиться о каждом человеке во взводе, разбросанном по местности на сот-

[1] *Ex cathedra* — «С кафедры» (*лат.*), то есть говорить во всеуслышанье.

ни квадратных миль. А он мог. Он умел мучительно переживать за каждого из нас. Как он ухитрялся присматривать за всеми, не могу сказать, но посреди сражения по командирскому каналу вдруг раздавалось: «Джонсон! Проверь шестое отделение! У Смитти неприятности!», и можете поставить все свои деньги на то, что лейтенант замечал непорядок раньше непосредственного командира Смитти.

Кроме того, можешь быть на все сто и даже больше процентов уверен, что при отходе лейтенант не поднимется на борт катера без тебя, если ты еще жив. В войне с жуками пленных брали, но среди них не было Разгильдяев Расжака.

Ну а Джелли был нам матерью, он всегда был при нас и заботился о нас, хотя и не баловал. Правда и о проступках лейтенанту не докладывал; среди Разгильдяев никто не пошел под трибунал, никого даже не выпороли ни разу. Джелли даже наряды вне очереди не слишком щедро раздавал, у него были другие методы воспитания. Он мог на ежедневной поверке оглядеть тебя с ног до головы и просто сказать: «На флоте ты смотрелся бы неплохо. Почему бы тебе не перевестись туда?» И он получал результат, потому что среди нас бытовало мнение, будто матросы спят в униформе и никогда не моются ниже воротничка.

Кстати, Джелли дисциплиной у рядовых не занимался, потому что прорабатывал этот вопрос с сержантами и капралами, ожидая, что те в свою очередь принесут полученные навыки в массы. Командиром моего отделения был Рыжий Грин. Спустя пару высадок, когда я понял, как хорошо быть Разгильдяем, я задрал нос, почувствовал себя большим человеком — и как-то позволил себе перечить Рыжему. Он не побежал к Джелли с докладом на мое поведение, он просто отвел меня в умывальную и задал трепку средних размеров; и мы стали лучшими друзьями. Именно он позднее рекомендовал меня на повышение.

Вообще-то на самом деле мы понятия не имели, спят ли матросы в одежде или нет; мы держались своей части корабля, а морячки — своей, потому что если они показывались на нашей территории, то им там никто не радовался, если только

они не были при исполнении. В конце концов, везде есть свои правила поведения и их следует поддерживать, не так ли? Лейтенанту была отведена каюта в отсеке для офицеров-мужчин на флотской части корабля, но мы там старались не появляться, разве только по долгу службы, да и то редко. В носовую часть мы ходили нести караул, потому что на «Роджере Янге» был смешанный экипаж: капитан и пилоты — женщины, еще несколько женщин — флотские, остальные — мужчины. Территория от тридцатой переборки и далее вперед принадлежала женщинам и двум вооруженным пехотинцам, днем и ночью охраняющим дверь туда (в бою эта дверь, как и все прочие герметичные двери, задраивалась наглухо).

Офицерам было дано право заходить за тридцатую переборку по делам службы, и все офицеры, включая нашего лейтенанта, ели в общей столовой, которая располагалась непосредственно за пресловутой переборкой. Но там никто не задерживался, поели — на выход. Может, на других корветах все было иначе, но на «Роджере Янге» все было именно так. И лейтенант, и капитан Деладрие хотели порядка и успешно добивались его.

Караул считался привилегией. Стой себе возле двери, сложив на груди руки, ноги на ширине плеч, мысли в голове ни одной, выражение на лице тупое... чем не отдых? А на душе тепло, потому что в любую секунду можешь увидеть существо женского пола, и плевать, что ты не имеешь права заговорить с ней, кроме как по делу. А однажды меня даже вызвали в кабинет к шкиперу, и она со мной заговорила. Посмотрела мне прямо в лицо и произнесла:

— Прошу вас, отнесите это старшему инженеру.

В мою ежедневную работу по кораблю кроме уборки входило обслуживание электронного оборудования под неусыпным надзором падре Мильяччио, командира первого отделения, но это я уже проходил раньше под руководством Карла. Выбросков происходили нечасто, а работать приходилось каждый день. Если не было иных способностей, оставалось являть талант в надраивании переборок. И невозможно было достичь той высокой чистоты, что удовлетворила бы сержанта Джелала.

Мы жили по правилам мобильной пехоты: все сражаются, все работают. Главным коком у нас был Джонсон, сержант второго отделения, здоровенный, дружелюбный парень, который всем представлялся, что родом он из Джорджии* (той, что в западном полушарии, не из другой), очень талантливый повар. Утащить какой-нибудь еды с камбуза он тоже был не дурак; любил перехватить между кормежками и не хотел понимать, почему другим это запрещено.

С падре, командующим своей епархией, и коком, управляющемся с другой, мы всегда были в полном порядке — и телом, и душой. Но предположим, что один из них купит себе место на небесах? Кто из них нам более дорог? Нам хватало ума не думать и не говорить об этом.

«Роджер Янг» постоянно был в деле, несколько раз мы ходили в десант, каждый раз с разным заданием. И каждый раз с оригинальным планом, чтобы жуки не раскусили схему атаки. Но крупных боев больше не было; мы действовали самостоятельно, патрулировали территорию, совершали одиночные рейды. Дело было в том, что Земная федерация на тот момент не сумела бы справиться с масштабными действиями; провал операции «Жучиный дом» стоил нам многих кораблей и тренированного персонала. Требовалось время, чтобы залечить раны и обучить новых солдат.

А тем временем небольшие быстроходные корабли, среди них «Роджер Янг» и другие корветы, старались быть во всех местах одновременно, выводя противника из равновесия, нанося удары и исчезая. Мы понесли потери и искали, чем заткнуть дыры, когда вернулись на Санктуарий за новыми капсулами. Меня по-прежнему трясло перед каждым прыжком, но прыгали мы не часто и не оставались внизу подолгу, между выбросками могло пройти много-много дней жизни с Разгильдяями.

Это был самый счастливый день моей жизни, хотя я и не сознавал этого — просто жил, как все, и наслаждался существованием.

Нам всем было хорошо, пока лейтенант не отправился на тот свет.

* * *

Наверное, никогда мне не было так плохо. Я уже был в душевном раздрае — по личной причине. Моя мама была в Буэнос-Айресе, когда жуки стерли его в порошок.

Мы как раз зашли на Санктуарий за новыми капсулами и свежей почтой; вот тогда я и узнал все из послания от тети Элеоноры. Она забыла про марку, поэтому письмо не зашифровали и отправили своим ходом. Даже не письмо, обычная записка в три горькие строчки. Тетя обвиняла меня в смерти мамы. То ли я был виноват в том, что служил в армии и не удосужился предотвратить налет жуков, то ли в том, что меня не было дома, где мне следовало быть, вот поэтому мама и отправилась в Буэнос-Айрес... я не понял. Тетя сумела вложить оба смысла в одну фразу.

Я порвал письмо и постарался забыть о нем. Я решил, будто оба мои родителя погибли — ведь отец не отпустил бы маму в такую дальнюю поездку. Тетя Элеонора ничего об этом не упомянула, впрочем, она вообще ничего об отце не написала бы; ее привязанность касалась исключительно сестры. Я был почти прав — со временем я узнал, что отец планировал поехать вместе с мамой, но что-то его задержало, он остался уладить вопрос, а в Буэнос-Айрес намеревался приехать на следующий день. Но этого тетя Элеонора мне не сообщила.

Через пару часов за мной прислал лейтенант и, вызвав, очень мягко спросил, не хочу ли я остаться на Санктуарии, пока корабль не вернется из очередного похода. Он указал, что у меня накопилась куча неиспользованных увольнительных, так что я могу гулять спокойно. Я понятия не имею, как он узнал о моей потере, но, судя по всему, он все знал. Я сказал: нет, спасибо, сэр, предпочитаю подождать, использовать выходные вместе со всем отделением.

Я был рад, что поступил именно так, потому что останься я, и не оказался бы рядом с лейтенантом, когда он приобрел билет на небеса... а вот этого я бы уже не вынес. Все произошло очень быстро и сразу перед возвращением. Ранило парня из

третьего отделения, не серьезно, но он лег и с места сдвинуться не мог; помощник командира отделения отправился подобрать его, и ему тоже досталось. Лейтенант, как обычно, наблюдал за всеми одновременно — без сомнения, по приборам следил за физическим состоянием каждого из нас, мы так и не узнали наверняка. А вот что мы знали: лейтенант убедился, что помощник командира отделения еще жив, затем лично отправился за парнями, подобрал обоих, по каждому на одну руку.

Он протащил их последние двадцать футов и передал в катер; остальные были уже на борту, все щиты сняты, никакого прикрытия — прямое попадание и насмерть.

Я нарочно не называю имен рядового и помощника командира отделения. Лейтенант пошел бы за любым из нас, за всеми нами — даже на последнем своем издыхании. Может быть, я был тем рядовым. Неважно. А важно лишь то, что нашу семью обезглавили. Лишили того, чье имя мы носили, отца, который сделал нас теми, кем мы были.

После того как лейтенант ушел от нас, капитан Деладрие пригласила сержанта Джелала обедать с другим начальством в носовой офицерской столовой. Но он лишь извинился. Видели когда-нибудь вдову с суровым характером, которая содержит своих отпрысков так, будто глава семейства отлучился ненадолго и в любую секунду может вернуться? Таков был и Джелли. Он стал чуть построже с нами, а его прежде такое обычное: «Лейтенанту это не понравится» обрушивалось на душу тяжким камнем. Джелли нечасто произносил эти слова.

Боевой распорядок он тоже почти не изменил. Вместо того чтоб повышать всех вокруг, сделал помощника командира второго отделения взводным сержантом (номинально), всех остальных оставив на своих местах. Ну разве что еще меня произвел в действующие капралы. Затем стал вести себя так, будто командир куда-то вышел, а сам он всего лишь выполняет его приказы, как обычно.

Это нас и спасло.

11

Мне нечего предложить вам, кроме крови, труда, пота и слез.
У. Черчилль, политик-солдат XX века

Пока мы возвращались на корабль после рейда на худышек, в ходе которого Диззи Флорес отправился на небеса, а сержант Джелли впервые исполнял обязанности комвзвода в бою, один из артиллеристов на катере заговорил со мной:

— Как оно там?

— Рутина,— кратко ответил я.

Ему явно хотелось поболтать по-приятельски, но состояние у меня было странное, а настроения разговаривать не было вовсе — я грустил из-за Диззи, радовался, что нам удалось его подобрать, злился, потому что это его не спасло, и ко всему еще примешивались опустошенность пополам со щенячьим восторгом от того, что я скоро окажусь на корабле, пересчитаю руки-ноги и отмечу, что все конечности в наличии. Кроме того, как говорить о десанте с тем, кто в него никогда не ходил?

— Ну? — продолжал артиллерист.— Хорошо живете, парни. Бездельничаете тридцать дней, трудитесь тридцать минут. А мне вахту стоять через две, только успевай поворачивайся.

— Ага, похоже на то,— согласился я и отвернулся.— Некоторые из нас родились везунчиками.

— Не дроби вакуум, солдатик,— сказал он мне в спину.

И все-таки флотский артиллерист говорил правду. Мы, десантники, похожи на авиаторов механизированных войн прежнего времени; за долгую и трудную военную карьеру в бою можно побывать всего несколько часов, а все остальное: тренировки, подготовка, вылет — а потом возвращение обратно, разгребание мусора и ремонт, подготовка к следующему вылету и практика, практика, практика в промежутках. До следующей выброски почти три недели, и будет она на другой планете у другой звезды. Даже с двигателем Черенкова от звезды до звезды полет долгий.

Тем временем я получил свои капральские лычки: назначил меня Джелли, а капитан Деладрие за отсутствием командира взвода утвердила назначение. Теоретически звание это не постоянное, пока не откроется вакансия, которую в штабе подтвердят, но это ничего не значило, потери у нас были такие, что пустых мест было больше, чем тепленьких тел, готовых заполнить их. Я стал капралом, как только Джелли назвал меня так; остальное — канцелярия.

Но по поводу «безделья» матросик соврал; требовалось проверить пятьдесят три боевых скафандра, обслужить их, починить, не говоря уже об оборудовании и снаряжении. Порой Мильяччио списывал какой-нибудь скафандр, Джелли подтверждал списание, а корабельный оружейный инженер лейтенант Фарли вдруг решал, что не в силах отремонтировать скафандр, потому что ему чего-то там не хватает из инструментов или запасных частей, и тогда со склада вытаскивали новый, который еще надо было «разморозить», а процесс этот занимает двадцать шесть человеко-часов, не считая времени того, на кого этот скафандр подгоняют.

Мы были очень заняты.

Но и развлекаться успевали. Всегда можно было соревноваться в чем-нибудь, от игры в «чет-нечет» до борьбы за звание лучшего отделения, а еще у нас был лучший джаз-банд на несколько кубических световых лет вокруг (ну, другого просто не было), а сержант Джонсон со своей трубой умел размягчить сердца или разодрать в клочья переборки. А после того как наша капитан мастерски (или тут надо говорить «мистресски»?) подхватила нас на орбите без расчета баллистики и курса, наш взводный кузнец, рядовой первого класса Арчи Кембелл, сделал для шкипера модель «Роджера Янга». Мы все расписались, а на подставке Арчи выгравировал надпись: «Самому горячему пилоту Иветт Деладрие с благодарностью от Разгильдяев Расжака». Мы пригласили капитана с нами пообедать, весь обед играл наш играл «Разгильдяй-блюз», а потом самый младший рядовой преподнес капитану подарок. Она

прослезилась и поцеловала рядового, и Джелли тоже поцеловала, отчего тот побагровел, словно свекла.

После получения шевронов я просто обязан был прояснить свои отношения с Асом, потому что Джелли оставил меня помощником командира секции. Это было нехорошо. Человек всегда должен идти наверх, наступая на каждую ступеньку; вот и мне следовало сначала побыть командиром отделения, а не прыгать через головы ребят в капралы и помощники командира секции. Джелли это, разумеется, знал, но и мне было превосходно известно, что он пытается сохранить все, как было при лейтенанте, а значит, командиров отделений и секций он оставит на месте.

А я в результате остался с щекотливой проблемой; все три капрала, подчиненные мне теперь, были старше меня, но если в следующем десанте сержант Джонсон искупит все грехи, мы потеряем не только отличного повара, но еще и я поднимусь до командира секции. И ни в бою, ни вне его не должно быть и тени сомнения, что мой приказ выполнят; то есть все тени надо разогнать сейчас, до выброски.

Ас представлял проблему. Он был не только старшим из всех троих, но еще и кадровым капралом. Плюс старше меня по возрасту. Если Ас примет меня, с остальными проблем не возникнет.

На борту с ним не было никаких трений. А после того как мы вместе вытаскивали Флореса, он даже стал кое-как терпеть меня. С другой стороны, пока не возникало сложных ситуаций; наряды на работу нас вместе не сводили, если не считать поверки и караула. Но там не до разговоров. А я чувствовал — это всегда чувствуется,— Ас меня не держал за человека, от которого он примет приказ.

Поэтому в свободное время я отправился на поиски. Он лежал на своей койке и читал книжку «Космические рейнджеры против Галактики» — довольно приличное чтиво, только сомневаюсь я, будто подразделение может пережить столько приключений и никого не потерять. На корабле была хорошая библиотека.

— Ас, нужно поговорить.

Он поднял голову.

— Ну и? Мое дежурство кончилось.

— А мне нужно сейчас. Положи книгу.

— В заду свербит? Я еще главу не дочитал.

— Да брось ты, Ас. Если не можешь оторваться, я перескажу, чем там кончилось.

— Попробуй, башку оторву.

Но книгу он отложил, сел и приготовился слушать.

— Ас, все дело в организации. Ты старше меня, ты должен быть помощником командира секции.

— Только не начинай!

— Буду. По-моему, мы с тобой обязаны сходить к Джонсону, пусть все уладит с Джелли.

— По-твоему, да?

— Да, по-моему. Так должно быть.

— Ну и? Слушай, коротышка, давай-ка я скажу напрямик. Я против тебя ничего не имею. По сути, в тот день, когда мы ходили за Диззи, ты лихо себя вел. Признаю. Но если тебе хочется заиметь отделение, иди и выкопай свое собственное. А на мое не зарься. Мои парни ради тебя даже картошку чистить не станут.

— Это твое последнее слово?

— Первое, последнее и единственное.

Я вздохнул.

— Я так и думал. Просто захотел удостовериться. Ладно, проехали. Но вот еще кое-что. Я тут случайно заметил, что в душевой было бы неплохо убраться... и думаю, мы с тобой отлично для этой работы подходим. Так что откладывай свою книжку... как Джелли говорит, младший комсостав всегда на дежурстве.

Он даже не пошевелился. Негромко спросил:

— Ты действительно думаешь, что это необходимо, коротышка? Я сказал, против тебя я ничего не имею.

— Похоже на то.

— Думаешь, получится?

— Я постараюсь.

— Ладно. Давай разберемся.

Мы пошли в душевую на корме, выставили рядового, которому приспичило принять душ, какой ему и не был нужен, и заперли дверь. Ас сказал:

— Предполагаешь какие-нибудь ограничения, коротышка?

— Ну... убивать тебя я не планировал.

— Годится. Костей не ломать, вообще ничего такого, из-за чего мы пропустим следующую выброску. Разве что по случайности. Тебе подходит?

— Подходит,— согласился я.— Ну, я еще рубаху, наверное, сниму.

— Да, кровь плохо отстирывается...

Он расслабился. Я начал снимать рубашку, и Ас пнул меня в колено. Никакой подготовки, без подсечки. Стопой и без напряга.

Только моего колена там уже не было, меня тоже учили.

Настоящая драка нормально длится одну-две секунды, потому что ровно столько времени требуется, чтобы убить человека, отключить его или довести до состояния, когда он не может продолжать бой. Но мы согласились не наносить друг другу увечий; и это все меняло. Мы оба были молоды, в великолепной форме, хорошо тренированы и привыкли терпеть боль. Ас был крупнее меня, я, может быть, чуть быстрее. При подобных условиях дело будет продолжаться, пока один из нас не будет избит настолько, что не сможет продолжать. Так что посмотрим, кому повезет больше. Но оба мы на удачу не полагались, потому что оба были профессионалами.

Поэтому драка продолжалась долго, мучительно, болезненно долго. Детали опускаю как маловажные. Кроме того, у меня не было времени вести дневник.

Спустя продолжительное время я оказался лежащим на спине, а Ас брызгал мне в лицо водой. Он посмотрел на меня, поставил на ноги, толкнул к переборке и выровнял, чтобы я стоял прямо.

— Ударь меня!

— А?..

У меня кружилась голова и двоилось в глазах.

— Джонни... ударь меня.

Его лицо плавало в воздухе передо мной; я прицелился и ткнул кулаком, вложив все силы, которых как раз хватило бы, чтобы прихлопнуть москита, если у него со здоровьем не очень. Ас закрыл глаза и опустился на палубу, а я вцепился в пиллерс, чтобы не последовать за ним.

Ас медленно поднялся.

— Ладно, Джонни,— сказал он, мотая головой.— Урок я получил. Больше дерзить не буду... и никто в секции. О'кей?

Я кивнул, и у меня заболела голова.

— Руку?

Мы пожали друг другу руки, и это тоже было больно.

Наверное, любой знал о ходе войны больше нас, хотя именно мы в ней участвовали. Разумеется, это было уже после того, как жуки, не без помощи худышек, вычислили нашу планету и навестили ее, уничтожив Буэнос-Айрес и превратив «отдельные инциденты» в полномасштабную войну, но до того, как мы собрались с силами, а худышки сменили сторону в конфликте, стали нашими сотоварищами и de facto союзниками. Сколько-нибудь эффективную оборону Земли организовали с Луны (хотя мы этого не знали), но, говоря откровенно, Земная федерация проигрывала войну.

И этого мы не знали. Как не знали того, что наши силовые действия направлены на развал союза против нас и переход худышек на нашу сторону. Самое большее, что нам сказали перед рейдом, в котором погиб Диззи Флорес,— это то, что с худышками нужно обращаться помягче, уничтожать здания, но убивать только в крайнем случае.

Чего не знаешь, того не расскажешь, если тебя возьмут в плен; ни наркотики, ни пытки, ни промывка мозгов, ни бесконечное лишение сна не выжмут из тебя секрета, который тебе не доверили. Вот нам и говорили только то, что было нужно

для тактических действий. В прошлом армии, по слухам, складывали оружие и расходились, потому что солдаты не знали, за что они сражаются или почему. Вот у них и не было воли к победе. Но мобильная пехота подобной слабости не знает. Каждый из нас изначально был добровольцем, у каждого на то были причины — плохие или хорошие. И сейчас мы сражались, потому что мы были мобильной пехотой. Мы были профессионалами, *esprit de corps*. Мы были Разгильдяями Расжака, лучшим (непечатное слово) подразделением во всей (вычеркнуто цензурой) мобильной пехоте; мы лезли в капсулы, потому что Джелли говорил, что пора это сделать, и мы дрались, когда оказывались на поверхности, потому что Разгильдяи Расжака созданы для этого.

И мы не знали, что проигрываем.

Эти жуки — яйцекладущие. И они не просто откладывают яйца, они их хранят про запас и вытаскивают в случае необходимости. Если мы убиваем воина — или тысячу, или десять тысяч,— еще до того, как мы вернемся на корабль, со склада уже вытащен и готов к службе его сменщик. Представьте себе, как какой-нибудь жук, отвечающий за количество населения, звонит по фону в нору и говорит: «Эй, Джо, подогрей-ка десять тысяч воинов, они нам нужны к среде... и скажи инженерам активировать резервные инкубаторы Н, О, П, Р и С. Спрос растет».

Я не хочу сказать, что все происходит в точности так, но результат именно такой. Правда, было бы ошибкой думать, что жуки руководствуются только инстинктом, как муравьи и термиты; нет, они разумны, как и мы (глупые народы не строят космических кораблей!), и гораздо лучше нас организованы. На то, чтобы выучить готового к бою рядового и скоординировать его действия с действиями товарищей, нам нужен минимум год. А жук-воин умеет все это с рождения.

Каждый раз, как мы убиваем тысячу жуков ценой жизни одного десантника, победу может праздновать наш противник. Мы на собственном опыте выяснили, насколько эффективен тотальный коммунизм. Комиссары жуков заботились о солда-

тах не больше, чем об израсходованных боеприпасах. Наверное, из бед, которые Китайская гегемония причинила Русско-англо-американскому союзу, мы могли сделать кое-какой вывод. С «уроками истории» та беда, что усваивать их начинаешь после того, как получил в зубы.

Но мы учились. Технические инструкции и тактические установки распространялись по всему флоту после каждой стычки с жуками. Мы научились распознавать рабочих и воинов. Если хватает времени, можно их различать по форме панциря, но самое простое правило таково: прет на тебя — воин; бежит от тебя — можешь спокойно поворачиваться к нему спиной. Мы научились не тратить боезапас на воинов, если только не для самозащиты. Вместо этого мы метились в их логова. Найди нору, сначала кинь туда газовую бомбу, та тихо так взорвется через несколько секунд, выпустив маслянистую жидкость, которая, испаряясь, превратится в газ, ядовитый для жуков (и безвредный для нас). Газ тяжелее воздуха и будет опускаться дальше в нору, а ты тем временем используешь вторую гранату, уже обычную, и заваливаешь нору.

Мы все еще не знали, проникает ли газ настолько глубоко, чтобы убивать королев. Но мы точно знали, что жукам наша новая тактика не понравилась; разведка через худышек подтвердила. Кроме того, мы таким способом зачистили их колонию на Шеоле*. Может быть, жуки сумели эвакуировать королев и умников... но мы все-таки научились давать им сдачи.

Но сами Разгильдяи были уверены, что газовые атаки — еще одна тренировка, согласно приказу — по порядку номеров, бего-ом арш!

Время от времени мы заходили на Санктуарий за капсулами. Запас их приходится пополнять (как и личный состав), и когда они кончаются, необходимо вернуться на базу, даже если генераторы Черникова все еще способны дважды тебя прокатить по Галактике. Как раз перед возвращением пришел приказ с временным назначением Джелли на место Расжака и с

присвоением ему звания лейтенанта. Джелли постарался и это замолчать, но капитан Деладрие публично всех уведомила и потребовала от сержанта обедать в офицерской столовой. Все остальное время Джелли проводил с нами на корме.

Мы сделали несколько десантов с ним в качестве командира взвода, и подразделение начало привыкать обходиться без лейтенанта. Больно было по-прежнему, но как-то — привычно. После назначения Джелала среди ребят пошли разговоры, что настало время нам назвать себя по имени босса, как в прочих частях.

Джонсон был старшим, его и отправили к Джелли. А меня он взял с собой для моральной поддержки.

— Чего? — буркнул Джелли.

— Э-э, сарж... то есть лейтенант, мы тут подумали...

— Чем?

— Ну, ребята вроде как потолковали и подумали... ну, они говорят, надо бы назвать подразделение «Дикобразы Джелли».

— Говорят, э? Скольким нравится это название?

— Всем,— просто сказал Джонсон.

— Вот как? Пятьдесят два — за... и один против. Большинство против.

Больше вопрос не поднимался.

Вскоре после этого мы встали на орбиту вокруг Санктуария. Я был рад оказаться там; псевдогравитация на корабле уже почти два дня как отключилась, старший бортинженер возился с ней, а нам предоставил свободно падать. Ненавижу невесомость. Никогда не был настоящим космолетчиком. Грязь на ногах ощущать куда приятнее. Взвод всем скопом ушел в десятидневное увольнение и был расквартирован в казарме на базе.

Я так и не узнал ни координат Санктуария, ни названия или номера по каталогу звезды, вокруг которой он обращался, потому что о чем не знаешь, о том не проболтаешься. Расположение планеты проходило под грифом высшей секретности, было известно лишь капитанам кораблей, пилотам, ну, и еще

тем, кому надо... И я так понимаю, всем им был отдан прямой приказ или внушено под гипнозом покончить жизнь самоубийством, чтобы не быть взятыми в плен. Поэтому я не хотел знать. Поскольку существует вероятность того, что лунную базу могут занять и оккупировать Терру, Земная федерация сосредоточила большую часть своих сил на Санктуарии. Тогда крушение дома не будет означать капитуляции.

Зато я могу рассказать о планете. Она похожа на Землю, только отсталая.

В буквальном смысле, как ребенок, который десять лет учится махать ручкой на прощание, но лепка куличиков из песка так и остается за пределами его способностей. Санктуарий похож на Землю, как могут быть похожи планеты примерно одного возраста, обращающиеся вокруг примерно одинаковых звезд (тот же возраст и класс). Так утверждают планетологи и астрофизики. Флоры и фауны тут в избытке, та же атмосфера, что и на Земле, погода почти такая же. Есть даже спутник размером с Луну и, соответственно, приливы.

И вот с такими прекрасными данными планета едва-едва сползла со стартовой линии. Понимаете ли, ей не хватает мутаций. Санктуарий обделен уровнем естественной радиации по сравнению с Землей.

Типичные и самые развитые растения здесь — весьма примитивные гигантские папоротники; вершиной жизненной формы являются протонасекомые, которые даже колонии образовывать не умеют. Я не говорю о перевозке земных растений и животных — наш материал запросто пододвинул бы местных в сторону.

Эволюция стояла почти на нуле из-за недостатка радиации, условий для мутаций не было*, поэтому местные формы жизни не имели шанса на развитие и не были готовы к конкуренции. Генетический рисунок сохранялся уже долгое время; никто не адаптировался. Так можно тысячелетиями разыгрывать одну за другой партии в бридж с одной и той же сдачи без малейшей надежды получить иной расклад.

Пока местная жизнь занималась сама собой, мы на нее внимания не обращали: идиоты в собственном соку, что тут говорить. Но как только на планету попали соперники, привыкшие к более высокой радиации, аборигены вышли в тираж.

В общем, все — в пределах школьного учебника по биологии... но один высоколобый ученый с исследовательской станции однажды навел меня на мысль, о которой я не задумывался.

Что же будет с людьми, колонизировавшими Санктуарий?

Не проезжими, вроде меня, а колонистами, которые живут здесь, многие тут родились, и их потомки будут жить здесь энное количество поколений. Человеку отсутствие радиации ничем не грозит; так даже безопаснее — например, здесь неизвестна лейкемия и некоторые формы рака. Кроме того, здешняя экономическая ситуация — просто класс. Если засеваешь земной пшеницей поле, то о сорняках можешь забыть. Пшеница забьет их всех.

Но потомки колонистов не будут эволюционировать. Вообще. Тот парень со станции сказал мне, что время от времени будут случаться небольшие мутации, новая кровь от иммигрантов и естественного отбора. Но по сравнению с тем, что происходит на Терре и любой другой обычной планете, они не пойдут ни в какое сравнение. Так что же произойдет? Останутся ли они замороженными на нынешнем уровне, пока остальная человеческая раса прошагает мимо них, как мимо живых ископаемых, питекантропов космического века?

Или колонисты озаботятся судьбой своих потомков и станут облучать себя нужной дозой радиации, для блага будущих поколений примирившись с опасностью получить выше нормы?

Тот малый предсказал, что колонисты ничего не будут делать. Он заявил, что представители человеческой расы слишком эгоцентричны, слишком сосредоточены на себе, чтобы беспокоиться о будущем. Он сказал: человек просто не способен подумать о том, что недостаток радиации плохо скажется на потомстве. Ведь все это будет в далеком будущем, эволюция работает медленно даже на Терре, возникновение новых особей — вопрос многих-многих тысяч лет.

Я не знаю. Да о чем тут говорить, я и про себя-то даже почти никогда не знаю заранее, как сам поступлю; так как же мне предсказывать поступки целой колонии незнакомых мне людей? В одном я уверен: со временем Санктуарий заселят. Либо мы, либо жуки. Или кто-то другой. Это потенциальная утопия, и если учесть бедность этого сектора галактики планетами, примитивным местным формам жизни Санктуарий не достанется.

Тут уже сейчас приятно, и проводить здесь увольнительные во многом лучше, чем на Терре. Во-вторых, здесь много штатских, больше миллиона, и это не самые плохие гражданские. Они знают, что идет война. Больше половины из них работают либо на базе, либо в военной промышленности; остальные производят продукты питания и продают их флоту. Можно сказать, они заинтересованы в войне, но каковы бы ни были причины, они уважают форму и тех, кто ее носит. Даже наоборот. Если десантник заходит в лавку, хозяин обращается к нему с почтительным «сэр!», и это искренне, даже если собирается всучить ерунду за бешеную цену.

А, во-первых, половина этих штатских — женщины.

Нужно очень долго находиться в рейде, чтобы полностью оценить это обстоятельство. Нужно с нетерпением ждать своей очереди идти на пост и стоять два часа из каждых шести спиной к переборке номер тридцать, навострив уши, чтобы услышать *звук* женских голосов. Не знаю, может, на кораблях с мужским экипажем полегче... но я выбираю «Роджер Янг». Это здорово — знать, что те, за кого ты дерешься, существуют в действительности, что они — не плод твоего воображения.

Кроме прекрасных пятидесяти процентов гражданских примерно сорок процентов федеральных служащих на Санктуарии — тоже женщины. Сложите все вместе и получите самый прекрасный способ исследовать вселенную.

Ну и помимо этих неоспоримых преимуществ, здесь заботятся о том, чтобы увольнение не прошло впустую. У большинства штатских, похоже, по две работы; у них темные тени под глазами, потому что всю ночь девочки не спят, развлекая

армейских. На Черчилль-роуд, которая ведет от базы в город, по обе стороны стоят заведения, предназначенные для безболезненного отделения человека от его денег, которые ему все равно больше не на что потратить, а также для приятного времяпрепровождения, развлечения и музыки.

Если ты сумел миновать эти ловушки по причине наступившего безденежья, то в городе имеется множество не менее замечательных мест (в том смысле, что девушки там тоже имеются), предоставленных нам в бесплатное пользование — как клуб в Ванкувере, только здесь нам рады еще больше.

Санктуарий, и особенно город Эспириту Санто, показался мне таким идеальным местом, что я стал подумывать, а не остаться ли здесь, когда закончится срок моей службы. В конце концов, меня не волновали будут ли мои потомки (если таковые найдутся) через двадцать пять тысяч лет, начиная с сегодняшнего дня, шевелить зелеными щупальцами, как все приличные аборигены, или у них будет тот же набор конечностей, что у меня. Разговорами про пониженную радиацию меня не запугаешь. По мне, если оглядеться по сторонам, человеческая раса добралась до своей вершины.

Без сомнения, джентльмен-бородавочник того же мнения о бородавочнице-леди, что и я о женщине, а раз так, то оба мы искренни.

Были тут и иные возможности для отдыха. С особенным удовольствием вспоминаю тот вечер, когда столик Разгильдяев вступил в дружескую дискуссию с группой матросов (не с «Роджера Янга»), сидевших за соседним столом. Дебаты получились вдохновенные, немного шумные, а потом пришла полиция и прекратила спор посредством парализаторов, как раз когда мы разогревались для контраргумента. Последствий не было, разве что за мебель пришлось заплатить. Комендант базы держался мнения, что солдату в увольнении позволена некоторая свобода, дабы отдохнуть от постоянного выбора самого подходящего из «тридцати одного способа расшибиться вдребезги».

Казармы тоже были нормальные — без изысков, но удобные, а раздаточная в столовой работала двадцать пять часов в

сутки, причем всю работу выполняли гражданские. Ни побудок, ни отбоя; собственно, ты в увольнении и можешь вообще не возвращаться в казарму. Впрочем, я возвращался всегда, потому что казалось нелепым тратить деньги на отель, когда тут чисто, матрас мягкий, а деньгам найдется лучшее применение. Да и дополнительный час в сутках — тоже неплохо. Девяти часов хватает с избытком, а потом целый день свободен. Я начал отсыпаться, как только завершилась операция «Жучиный дом».

Нам было ничуть не хуже, чем в отеле. Мы с Асом заняли комнату на двоих в секции для младшего комсостава. Как-то утром, когда увольнение, к сожалению, уже близилось к завершению, я как раз намеревался доспать до местного полдня, когда Ас принялся трясти мою койку.

— Подъем, солдат! Жуки атакуют!

Я сказал ему, куда он может засунуть жуков.

— Ну-ка, живо, ножки на землю! — настаивал он.

— No dinero.

Вечером раньше я был на свидании с химиком (конечно же, с женщиной и притом очаровательной) с исследовательской станции. На Плутоне она познакомилась с Карлом, и тот написал мне письмо, чтобы я встретился с ней, если окажусь когда-нибудь на Санктуарии. У девицы были рыжие волосы, тонкая талия и дорогие вкусы. Очевидно, Карл наболтал ей, что у нас денег больше, чем полезно для здоровья, поскольку она решила, что ночь — подходящее время для знакомства с местным шампанским. Я не стал подводить Карла и не сказал, что у меня только жалованье десантника; я купил девочке вино, а сам пил то, что здесь называлось (хотя и не пахло) свежевыжатым ананасовым соком. В результате мне пришлось идти домой пешком, потому что такси даром не возят. Но вечер того стоил. В конце концов, что такое деньги? Я хочу сказать: «жучьи» деньги.

— Без проблем,— отозвался Ас.— Я подкину, мне вчера повезло. Наткнулся на одного флотского, не ведающего о теории вероятности.

Ну, пришлось мне встать, побриться, принять душ, и мы отправились пожевать. Взяли по полдюжины сваренных вкрутую

яиц и чего-то вроде картошки, а еще ветчины, и горячих оладий, и так далее, и так далее, а потом пошли в город, чтобы чего-нибудь поесть. Топать в пыли по Черчилль-роуд было жарко, и Ас надумал заскочить в кантину. Я решил посмотреть, может быть, у них ананасовый сок будет из настоящих ананасов. Как же, жди, зато он был холодный. Что ж, нельзя получить все сразу.

Мы немного поговорили об этом, и Ас заказал еще по одной. Я рискнул попробовать сок из клубники — то же самое. Ас уставился в свой стакан, потом сказал:

— Никогда не думал податься в офицеры?

Я спросил:

— Я? С пальмы рухнул?

— Не-а. Слушай, Джонни, эта война никак не кончится. Плевать, что там талдычит народу пропаганда, мы-то с тобой знаем, что жуки не готовы сложить лапы. Так почему бы не подумать о будущем? Как говорят, если уж играть в оркестре, лучше махать палочкой, чем тащить большой барабан.

Я испугался такого поворота разговора. Особенно потому, что завел его Ас.

— А ты как? Не планируешь выдвигаться в старшие?

— Я? — ответил он.— Проверь контакты, сынок, тебя заносит. У меня образования никакого, и я на десять лет старше тебя. А твоего диплома хватит на экзамены в офицерское училище, и IQ у тебя такое, как у них. Гарантирую, что если возьмешься делать карьеру, станешь сержантом раньше меня... а через день уже будешь обивать порог офицерской школы.

— Нет, ты точно с пальмы сверзился!

— Слушай папочку. Терпеть не могу такое говорить, но ты в самую меру глуп, усерден и искренен, чтобы стать офицером, за которым солдатики из любви отправятся на любую глупость. А я... я родился младшим комсоставом. Необходимый пессимизм и нехватка энтузиазма. Когда-нибудь стану сержантом... а пока намерен отслужить свои двадцать лет и выйти в отставку, чтобы заняться работой для резервистов... может, копом стану. Женюсь на симпатичной толстушке с такими же не-

взыскательными вкусами, что у меня, буду рыбу ловить, спортом заниматься и жить потихоньку себе в удовольствие.

Ас помолчал, чтобы смочить горло.

— Но ты,— продолжал он,— другое дело. Ты останешься и дослужишься до больших погон, погибнешь со славой, а я прочитаю об этом и гордо скажу: «Я знавал его. Да что там. Я ему денег одалживал, мы же были капралами». Ну?

— Я никогда об этом не думал,— медленно произнес я.— Я хотел всего лишь отслужить срок.

Ас кисло ухмыльнулся.

— Ты что, видел кого-то, у кого кончился срок? Все еще думаешь о двух годах?

Он говорил дело. Пока война продолжается, «срок» не кончается — по крайней мере не у пехотинца. Разговоры о сроке сейчас — показатель настроения. Те, кто на срочной службе, чувствуют себя людьми временными; мы всегда можем сказать: «Все, вошебойка окончена». А кадровые так не говорят, они никуда не уходят — служат до отставки или покупают место на небесах.

С другой стороны, мы тоже никуда не денемся. Но если стать кадровым, а свою двадцатку не оттрубить... с правом гражданства может получиться неувязка. Кому нужен человек, который не захотел остаться?

— Ну, может, не один срок,— признал я.— Но война не будет длиться вечно.

— Да ну?

— Ну как же...

— Будь я проклят, если знаю. Мне не докладывают. Но знаю, что заботит тебя вовсе не это, Джонни. Тебя девушка ждет?

— Нет... да, ждет...— я помешкал с ответом.— Только у нее со мной — «Дорогой Джонни», и все.

Тут я соврал. Просто выдумал, потому что Ас, похоже, ждал чего-то подобного. Кармен не была моей девушкой и никого никогда не ждала, но письма ко мне начинала со слов «Дорогой Джонни».

Ас понимающе кивнул.

— Они все такие. Скорее выйдут замуж за штатского, чтобы был под рукой, когда вздумается задать взбучку. Не печалься, сынок, отыщешь целую толпу, сами будут на шею вешаться, когда выйдешь в отставку... и тогда выберешь себе нужную. Женитьба для молодого — сущее наказание, а старику — утешение,— он посмотрел на мой стакан.— Тошнит меня, когда я вижу, как ты хлебаешь эти помои.

— А мне от твоей дряни, думаешь, лучше? — сообщил я ему.

Он пожал плечами.

— Говорю же, о вкусах не спорят. Ты подумай.

— Ладно.

Ас пошел играть в карты, а мне одолжил немного денег, и я пошел погулять. Мне нужно было подумать.

Пойти в кадровые? Если забыть о шумихе вокруг повышения, то сам-то я хочу ли в бессрочники? Слушайте, я вроде прошел всю эту бодягу, чтобы получить гражданство, не так ли? А если я стану кадровым, то окажусь так же далеко от привилегии голосовать, как будто даже в армию еще не записывался. Потому что, пока носишь форму, голосовать не ходишь. Конечно, так оно и должно быть. Сами посудите, позволь Разгильдяям голосовать, какой-нибудь идиот может проголосовать за то, чтобы больше не ходить в десант. Так нельзя.

Но я же записался, чтобы иметь право голосовать.

Или нет?

Заботит меня это право голоса? Нет, это престиж, вопрос гордости, положения... быть гражданином.

Или нет?

Даже ради спасения собственной жизни я не мог точно вспомнить, зачем пошел на службу.

Все равно, право голосовать еще не делает из тебя гражданина... Наш лейтенант был гражданином в самом высшем смысле этого слова, пусть прожил не настолько долго, чтобы хоть раз проголосовать. Он «голосовал» каждый раз, когда шел в десант.

И я тоже!

Я услышал в голове у себя голос полковника Дюбуа: «Гражданство — это отношение, состояние сознания, эмоциональ-

ная уверенность в том, что целое больше части, и эта часть должна скромно гордиться тем, что приносит себя в жертву, чтобы целое могло жить».

Я все еще не знал, стремлюсь ли заслонить своим одним-единственным телом «родной дом от опустошения войной»... меня по-прежнему трясло перед выброской, а «опустошение» выходило очень уж опустошительным. Но я, по крайней мере, понимал, о чем говорил полковник Дюбуа. Мобильная пехота — это мое, а я принадлежу мобильной пехоте. Что делает вся пехота, то делаю и я. Патриотизм для меня — метафизика, слишком велико, чтобы увидеть. Мобильная пехота — моя банда, я ей принадлежу. Это единственная, оставшаяся у меня семья, они — мои братья, которых у меня никогда не было, они мне ближе, чем был Карл. Если я брошу их, я пропал.

Так почему бы не стать кадровым военным?

Отлично, отлично... а как быть со всей этой чушью об училище? Это же совсем другое дело. Я мог представить, как отслужу двадцать лет, а затем буду прохлаждаться, в точности как описывал Ас, с «фруктовым салатом» на груди и тапочками на ногах... а по вечерам я ходил бы в клуб ветеранов, вспоминал бы прежние времена с боевыми товарищами. Но училище? Я уже слышал Эла Дженкинса на одном из споров, где подняли этот вопрос: «Я — рядовой! Им и останусь! Если ты рядовой, спросу никакого. Кому это надо — быть офицером? Или сержантом? И так ведь дышишь тем же воздухом, верно? Ешь то же самое. Идешь туда же, делаешь то же самое. А забот — никаких».

Эл попал в точку. Что мне дали лычки, кроме шишек и синяков?

И все же я знал: я стал бы сержантом, если бы предложили. Не откажешься, пехотинец ни от чего не отказывается, он идет и принимает все как есть. Повышение, думаю, тоже.

Но неужели так можно? Разве я смогу стать таким же, как лейтенант Расжак?

Мои ноги принесли меня к училищу, хотя я вообще не собирался идти в ту сторону. На плацу гоняли рысью роту кадетов, и выглядели они точь-в-точь, как салаги в учебном лагере. Солнце

жарило, и учения не были столь же привлекательными, какими казались во время трепа в бросковой «Роджера Янга». Да с тех пор, как учебка осталась позади, мне не приходилось маршировать дальше тридцатой переборки. Вся эта чушь в прошлом.

Я смотрел на бедняг, взопревших в униформе; я слушал, как их костерят — тот же сержант, между прочим. Дом, милый дом... Я покачал головой и пошел прочь...

...в казармы, на офицерскую половину, где нашел комнату Джелли.

Он сидел внутри, задрав ноги на стол, и читал журнал. Я постучал по дверному косяку. Джелли поднял голову и рыкнул:

— Ну?

— Сарж... то есть, лейтенант...

— Дальше!

— Сэр, я хочу стать кадровым военным.

Он спустил ноги со стола.

— Подними правую руку.

Он привел меня к присяге, полез в ящик стола и достал мои бумаги.

Он будто знал заранее и подготовил бумаги на меня, те только и ждали, когда я появлюсь, чтобы их подписать. А я ведь даже Асу еще ничего не сказал. Каково?

12

«Офицеру никоим образом не достаточно одного лишь опыта... Ему следует быть джентльменом с широким образованием, прекрасными манерами, безукоризненной вежливостью и высочайшим чувством собственного достоинства... Ни один похвальный поступок подчиненного не должен избегать его внимания, даже если наградой за него станет только доброе слово. И напротив, ему не следует закрывать глаза на малейший проступок. Как бы ни были верны политические принципы, за которые мы сейчас сражаемся... корабли должны управляться на основе абсолютного деспотизма. Думаю,

я достаточно ясно объяснил вам вашу чрезвычайную ответственность. Мы должны сделать все, что в наших силах, с тем, что у нас есть».

Джон Пол Джонс,
14 сентября 1775 года;
выдержка из письма военно-морскому комитету повстанцев
Северной Америки

«Роджер Янг» опять возвращался на базу — за капсулами и за личным составом. Эл Дженкинс получил свое место в раю, прикрывая отход... тот, в котором мы потеряли и падре. Кроме того, меня ждал перевод. Я носил новенькие сержантские лычки (вместо падре Мильяччио), хотя было у меня предчувствие, что как только я уйду с корабля, лычки достанутся Асу. Мне их дали из чистой вежливости, прощальный подарок от Джелли перед поступлением в офицерское училище.

Но все это не мешало мне ими гордиться. С космодрома я вышел, задрав нос, и зашагал прямиком к пропускному карантинному пункту, чтобы поставить штамп в бумаги. Именно тогда я и услышал вежливый, полный уважения голос:

— Прошу прощения, сержант, но тот катер, что только что сел... он с «Роджера»...

Я повернулся взглянуть на говорящего, посмотрел на рукав. Небольшого росточка, сутуловатый капрал, несомненно, один из наших...

— Папа!

И тут капрал меня обнял.

— Хуан! Хуанито! Мой маленький Джонни!

Я поцеловал его, обнял и заплакал. Наверное, штатский клерк за конторкой впервые в жизни увидел двух целующихся младших офицеров. Ну если бы я заметил, что он хотя бы бровью повел, размазал бы по стене тонким слоем. Но я ничего не заметил, я был занят. Клерку пришлось напомнить мне, чтобы я забрал у него бумаги.

Ну а потом мы с отцом высморкались и перестали смешить народ. Я сказал:

— Пап, пойдем посидим где-нибудь. Поговорим. Я хочу знать... ну, все хочу знать! — я перевел дух.— Я думал, ты погиб.

— Нет. Хотя пару раз чуть было не искупил грехи. Но, сынок... сержант, мне действительно нужно отыскать катер. Видишь ли...

— Вон тот. Он с «Роджера Янга». Я только что...

Отец жутко расстроился.

— Тогда мне нужно бегом. Я должен доложиться,— а потом с живостью добавил: — Но ведь ты же скоро вернешься на борт, Хуанито? Или у тебя отпуск?

— Э... нет.

Мысли мои скакали. Ну надо же, как все оборачивалось!

— Слушай, папа, я знаю расписание катера. Ты еще час с лишним можешь там не появляться. Назад катер пойдет нескоро, будет ждать, пока «Родж» не завершит оборот вокруг планеты. А может, еще и второй виток придется ждать, если не успеют загрузиться к первому.

— Мне приказано явиться на первый же катер,— с сомнением сказал отец.

— Пап! Кого трогают эти инструкции? Девчонке, которая гоняет на этом корыте, плевать, будешь ли ты на борту сейчас или явишься перед самым взлетом. Все равно за десять минут до прогрева двигателей дадут позывной. Ты никуда не опоздаешь.

Отец позволил увести себя в уголок.

— Хуан, ты возвращаешься на том же катере? — спросил он, как только мы сели.— Или позднее?

— Э-э...

Я показал ему приказ, это был самый простой способ рассказать новости. Корабли, разошедшиеся в ночи, как в истории про Эвангелину... ну и дела творятся!

Отец прочел бумаги, на глазах у него показались слезы, и я торопливо добавил:

— Слушай, пап, я собираюсь вернуться... не хочу я нигде служить, только с Разгильдяями. И с тобой... ну, я знаю, что разочаровал тебя, но...

— Вовсе нет, Хуан. Это не разочарование.

— Э... то есть?

— Это гордость. Мой мальчик станет офицером. Мой маленький Джонни... Ну, конечно, и огорчение тоже, я так ждал этого дня. Но могу подождать еще немного,— отец улыбнулся сквозь слезы.— А ты вырос, парень. И возмужал.

— Ну, наверное. Пап, я пока еще не офицер и вообще, может, скоро вернусь на «Родж». Я хочу сказать, сейчас так быстро все делается и...

— Довольно, молодой человек!

— Чего?

— У тебя все получится. И прекрати эти разговоры об отчислении,— он вдруг опять улыбнулся.— В первый раз сумел приказать сержанту заткнуться.

— Ну, я постараюсь, пап. И, если окончу училище, определенно вернусь на «Родж». Но...

— Да, я знаю. Твой запрос ничего не будет значить, если не откроется вакансия. Ладно, вздор. Если у нас есть всего лишь час, не будем тратить его понапрасну. Я так горжусь тобой, что вот-вот лопну по швам. Как твои дела, Джонни?

— Замечательно, просто замечательно.

Я начинал думать, что все не так уж и плохо. Папе с Разгильдяями будет лучше, чем в любом другом подразделении. Там все мои друзья... они о нем позаботятся, присмотрят, чтобы остался цел. Асу я пошлю телеграмму, отец ведь ни за что не скажет, что мы с ним родственники.

— Пап, а ты давно в армии?

— Чуть больше года.

— И уже капрал!

Отец невесело улыбнулся:

— Сейчас так быстро все делается.

Я не стал уточнять, о чем он. Потери. Вакансий сейчас столько, что солдат на них не хватает. Вместо этого я спросил:

— Пап, а ты не... ну, я... это... а ты не староват для солдата? Может, во флоте или тыловом обеспечении...

— Я хотел в мобильную пехоту и я здесь оказался,— с нажимом сказал он.— И я не старше большинства сержантов, а то и моложе многих. Я всего на двадцать два года старше тебя, так ты уже готов в инвалидную коляску меня усадить. И у возраста есть свои преимущества.

Да, в этом что-то было. Я вспомнил, как сержант Зим в первую очередь старался работать с теми, кто постарше. И в учебном лагере отец наверняка не допускал моих ляпов — ему-то плетей уж точно не доставалось. Скорее всего, пошел на повышение еще до окончания учебки. Армии нужны действительно взрослые люди в среднем звене; организация эта весьма патерналистская.

И я не стал спрашивать, почему отец выбрал мобильную пехоту и как попал на мой корабль. Мне просто было тепло от этого, мне его поступок льстил больше, чем любая похвала. А еще я не хотел спрашивать, почему он пошел в армию, я и так знал. Мама. Ни он, ни я о ней не обмолвились и словом — слишком больно.

Вот я и поменял тему для разговора:

— Требую информации. Расскажи, где ты был, что делал.

— Ну, тренировался в лагере «Сан Мартин»*...

— Не в «Карри»?

— Нет, это новый. Но шишки прежние, как я понимаю. Только срок теперь на два месяца короче, воскресенья отменили. Затем я подал запрос на перевод на «Роджер Янг», меня завернули, я очутился у Добровольцев МакСлеттери. Неплохая часть.

— Да, слыхал.

У Добровольцев репутация крутых, крепких и серьезных в деле парней — почти как Разгильдяи.

— Надо бы говорить: «Была хорошая часть». Несколько раз сходил с ними в десант, некоторые парни искупили грехи, а я получил вот это,— отец ткнул пальцем в нашивки.— Стал капралом перед выброской на Шеол...

— Ты там был? Я тоже!

Мы с отцом вдруг стали ближе, чем были за всю свою жизнь.

— Знаю. Точнее, знал, что твое подразделение было там. Мы были к северу от вас в пятидесяти милях, насколько могу судить. Отражали их контратаку, когда они полезли из-под земли, словно летучие мыши из пещеры,— отец пожал плечами.— Так что, когда все было кончено, я оказался капралом без части, нас не хватало, чтобы восстановить подразделение. Меня послали сюда. Должен был попасть к «Кодьякам Кинга», но перемолвился с сержантом по распределению, и выяснилось, что на «Роджере Янге» открылась вакансия на капрала. Вот я и тут.

— А когда ты пошел на службу?

Я только задал вопрос и уже понял, что не стоило его задавать. Но надо было как-то отвлечь отца от мыслей о «Добровольцах МакСлеттери», сироте, потерявшему свою часть, лучше забыть о ней поскорее.

— Вскоре после Буэнос Айреса,— негромко произнес отец.

— О... ясно.

Отец некоторое время молчал, затем негромко продолжил:

— Не уверен, что тебе ясно, сынок.

— Сэр?

— М-мм... не так-то легко объяснить. Определенно, на решение повлияла смерть твоей матери. Но я записался в армию не для того, чтобы отомстить за нее. Хотя есть такое намерение. По большей части из-за тебя.

— Из-за меня?

— Да, сынок. Я всегда понимал тебя лучше, чем это делала мама. Не обвиняй ее, у нее был шанс не больше, чем у птицы научиться плавать. Да, я сомневался в свое время, что ты сам понимаешь свой поступок, но всегда знал, что знаю причину. И сердился из-за твоей решительности... ты сделал то, что должен был сделать я. Но не ты причина моего поступления в армию. Ты только спустил курок и определил род войск.

Он помолчал.

— Я был в плохой форме, когда ты пошел в армию. Тогда я регулярно ходил к гипнотерапевту, а ты и не замечал, верно? Но дальше выяснения, что я глубоко не удовлетворен жизнью,

мы так и не продвинулись. После того как ты уехал, я все свои проблемы стал связывать с тобой, но и я, и врач знали, что дело не в тебе. Полагаю, я понял, что на нас надвигается беда, куда раньше многих. Еще за месяц до чрезвычайного положения нам предложили большой военный заказ. Пока ты был в лагере, мы почти все производство повернули на те рельсы. Тогда мне стало лучше, я работал на износ и был слишком занят, чтобы бегать по врачам. А затем нервы расшатались еще пуще. Сынок, ты что-нибудь знаешь о штатских?

— Н-ну... мы с ними говорим на разных языках. Это я знаю.

— Ясней не скажешь. Помнишь госпожу Руитман? После учебки мне полагалось несколько дней увольнения, и я поехал домой. Повидал кое-каких друзей, попрощался... она там тоже была. Ну, она щебечет: «Ах, так вы действительно уезжаете? Ну, будете на Дальней Стоянке, обязательно повидайте моих дорогих друзей Регатосов». Я ей отвечаю, мол, никак нет, Дальняя Стоянка оккупирована жуками. Она даже не моргнула. Все в порядке, говорит, они же не военные!

Отец цинично хмыкнул.

— Да, я знаю.

— Но я забегаю вперед. Я говорил, что нервы расшалились. Смерть твоей матери освободила меня для того, что я обязан был сделать... наши с ней судьбы срослись и сроднились, а когда я стал одинок, я почувствовал себя свободным. Я передал дела Моралесу...

— Старику Моралесу? А он справится?

— Да. Потому что обязан. Многие из нас способны на поступки, о которых не подозревали. Я выделил ему солидную долю, сам знаешь старую притчу о волах молотящих... А остальное разделил на две части, половину — сестрам милосердия, половину тебе, когда вернешься. Если вернешься. Ладно, вздор. По крайней мере, я выяснил, что со мной было не так.

Отец замолчал, потом очень тихо сказал:

— Я был обязан пройти испытание верой. Обязан доказать, что я — мужчина. Не просто производяще-потребляющее животное, а *человек*.

Я ничего не успел ему ответить, потому что динамики на стенах запели:

— *...во славу пехоты сияет в веках, сияет в веках имя Роджера Янга!*

И женский голос добавил:

— Персоналу корвета «Роджер Янг» собраться у катера. Причал «Эйч». Девять минут.

Отец вскочил на ноги, подхватил вещмешок.

— Это меня! Береги себя, сынок. И чтоб прошел все экзамены, а то не посмотрю, что вырос, выдеру!

— Обязательно, пап.

Он торопливо обнял меня.

— Увидимся, когда мы вернемся!

И он убежал.

В офисе коменданта я доложился флотскому сержанту, который выглядел точь-в-точь как сержант Хо; у него даже руки тоже не хватало. А еще ему не хватало улыбки сержанта Хо.

— Кадровый сержант Хуан Рико поступает в распоряжение коменданта, согласно приказу,— отбарабанил я.

Он глянул на часы.

— Катер сел семьдесят три минуты назад. Ну?

Ну я ему и рассказал. Сержант выпятил губу и задумчиво посмотрел на меня.

— Я знаю наизусть все штатные отговорки. Но вы только что написали новую страницу. Ваш отец, ваш собственный отец назначен на корабль, с которого вы отбыли?

— Чистая правда, сержант. Можете проверить. Капрал Эмилио Рико.

— Мы не проверяем заявления наших «юных джентльменов». Мы просто отчисляем их, если выяснится, что они солгали. Ладно, все равно, парень, который не опоздает из-за встречи со своим стариком, не стоит возни. Забудь.

— Спасибо, сержант. Мне доложиться коменданту?

— Уже доложился,— он сделал отметку в списке.— Может, через месяц комендант захочет видеть тебя вместе с дюжиной

других таких же. Вот ордер на комнату, вот экзаменационный лист для начала. Хотя начать лучше с того, что спорешь шевроны. Только не потеряй их, могут еще понадобиться. С этого мгновения ты не «сержант», а «мистер».

— Есть, сэр.

— И не называй меня «сэр». Это я буду называть тебя «сэр». Но тебе это не понравится.

Офицерскую школу описывать не буду. Это все равно что учебный лагерь, только в квадрате и в кубе, плюс учебники. По утрам мы занимались тем же, что и рядовые, делали все то же, что и в учебке, и рукопашный бой тот же самый, и те же сержанты мылят нам те же шеи. Днем мы становились кадетами и «джентльменами», слушали лекции и писали контрольные по бесконечному списку предметов: математика, физика, галактография, ксенология, гипнопедия, логистика, стратегия и тактика, связь, военная юриспруденция, ориентирование на местности, специальное вооружение, психология командной деятельности, все, начиная с того, как накормить и позаботиться о рядовых, и заканчивая тем, почему Ксеркс по крупному облапошил сам себя. По большей части мы учились быть катастрофой в собственном лице, одновременно заботясь о пятидесяти других парнях, учились любить их, нянчиться с ними, вести за собой, спасать их, но ни в коем разе не превращая их в детишек.

У нас были кровати, которыми мы слишком мало пользовались; у нас были комнаты, душевые и уборные. На каждых четырех кандидатов имелся один гражданский служащий, который заправлял нам постели, убирал в комнатах, чистил нам ботинки, гладил униформу и бегал по поручениям. И вовсе не ради роскоши, а лишь для того, чтобы дать учащемуся больше времени на выполнение невозможного. Поэтому нас освобождали от того, что любой рядовой умел в совершенстве.

«Филадельфийский катехизис» предписывал:
Шесть дней тебе назначено сгибаться и потеть,
А на седьмой — песочить палубу и драить якорную цепь.

Армейская версия заканчивается так: ... *и вычисти стойло*, из чего можно сделать вывод, сколько столетий этой традиции. Хотелось бы мне отловить хотя бы одного штатского, который считает нас лодырями, и погонять его месяцок в училище.

По вечерам и воскресеньям мы учились, пока глаза не начинали гореть, а из ушей валить дым, а потом спали (если спали) с жужжащим под подушкой гипнопреподавателем.

Строевые песни носили соответственно пессимистичный характер. «Чем с пехтурой трахать поле, я бы лучше попахал!» и «Не будут более учиться воевать», а еще «Не ходи, малыш, в солдаты,— плакала родная мать». А вот самая любимая — старая, классическая «Джентльмен в драгунах» с припевом про «агнцев, заблудших неведомо где»: «...Господи, грешника не покинь! Бе-е! Йе-е! Бе-е!»

И все же я не чувствовал себя несчастным. Наверное, занят был слишком. Не было никакого психологического «перевала», который надо было преодолеть в учебном лагере, а был постоянный, не ослабевающий страх перед отчислением. Особенно меня беспокоила моя слабая подготовка по математике. Мой сосед по комнате, колонист с Гесперуса, парень со странно подходящим ему именем Ангел, ночи напролет помогал мне.

Большинство инструкторов, особенно офицеры, были инвалидами. Помнится, полным набором конечностей, глаз, ушей и так далее обладали только сержанты — инструктора по боевой подготовке, да и то не все. Наш тренер по рукопашному бою передвигался в автономном инвалидном кресле, носил пластиковый «ошейник» и от шеи и ниже был полностью парализован. Зато язык работал, как заведенный, глаза подмечали наши огрехи с точностью кинокамеры. А уж как он разносил и критиковал то, что видел,— полностью компенсировал свою физическую немощь!

Поначалу я все удивлялся, почему эти явные кандидаты на отставку по состоянию здоровья и полный пенсион не пользуются своим правом пойти домой. Затем перестал.

Апофеозом моей учебы был визит энсина Ибаньез, младшего вахтенного офицера, пилота-стажера транспортного

корвета «Маннергейм» и обладательницы черных глаз. Кармен-сита выглядела потрясающе в белой парадной форме размером чуть больше бикини. Она появилась, когда наш класс выстроился на перекличку перед ужином, прошагала мимо строя, и слышно было, как у парней глазные яблоки щелкали, отслеживая ее. Она подошла прямиком к дежурному офицеру и нежным, проникновенным голоском спросила, где ей отыскать Хуана Рико.

По всеобщему мнению, капитан Чандар в жизни не улыбнулся своей собственной матери, но для малышки Кармен он с усилием расплылся до ушей и подтвердил, что я здесь... После чего она хлопнула длиннющими черными ресницами, объяснила, что ее корабль скоро уходит, и нельзя ли, *ну, пожалуйста*, отпустить меня поужинать в город?

И я обнаружил, что нахожусь в абсолютно неположенном и совершенно беспрецедентном трехчасовом увольнении. Может, на флоте разработали новые методы гипнотического воздействия, которыми забыли поделиться с армией? Или секретное оружие Кармен было гораздо древнее и малопригодно для десантуры? В любом случае я не только превосходно провел время, но и вырос в глазах своих сокурсников до небывалых высот.

Вечер был прекрасен и стоил с треском проваленных двух контрольных на следующий день. Встречу немного омрачила новость о Карле — он погиб, когда жуки уничтожили исследовательскую станцию на Плутоне. Но мы уже научились жить с подобными новостями.

Но кое-что меня действительно поразило. Кармен расслабилась и сняла фуражку во время еды, и выяснилось, что ее иссиня-черные волосы исчезли. Я знал, что многие флотские девчонки бреют головы. Во-первых, не слишком практично разгуливать с длинными волосами по военному кораблю. А во-вторых, пилот не может рисковать, когда ее волосы парят вокруг во время маневра в невесомости. Черт, да я сам брил собственный скальп ради удобства и чистоты. Но образ Кармен в моей памяти включал и гриву густых, волнистых волос.

Но, знаете, стоит привыкнуть, и так даже лучше. Хочу сказать, если девчонка с самого начала выглядит здорово, то и с гладкой, как шар, головой она будет выглядеть ничуть не хуже. И так легче отличать флотских девушек от гражданских цыпочек — что-то вроде отличительного знака, как золотые черепа за боевой десант. Кармен выглядела необычно, она приобрела достоинство, и впервые за все это время я осознал, что она офицер, воин — и весьма симпатичная девчушка.

Я вернулся в казармы в аромате духов, а из глаз сыпались звезды. Кармен поцеловала меня на прощание.

История и философия морали — единственный курс, о котором я намерен рассказать.

Я удивился, обнаружив его в расписании. В ИФМ ничего не говорится о ведении боя или командовании взводом; если там есть что-то о войне (когда есть), так это о том, почему она ведется, а этот вопрос каждый кандидат решил задолго до поступления в офицерское училище. Десантник дерется потому, что он — десантник.

Я решил, что курс для тех из нас (наверное, трети), кто не проходил его в школе. Больше двадцати процентов кадетов были родом не с Терры (удивительно, что в армию чаще идут колонисты, а не жители Земли), а три четверти землян прибыли с присоединившихся территорий и прочих мест, где ИФМ не изучают. А раз так, я предположил, что мне будет полегче и я отдохну от действительно трудных уроков.

Опять ошибся. В отличие от школьного курса его надо было сдавать. Хотя и не на экзамене. То есть что-то вроде него было, так же как контрольные и зачеты,— но без отметок. Требовалось только убедить преподавателя, что ты годишься в офицеры.

Если он считал иначе, то по твою душу собиралась комиссия и вопрос стоял уже не о том, можешь ли ты быть офицером, а годен ли ты для армии в любом звании, и неважно, насколько ловко ты обращаешься с оружием. Решалось — давать

тебе второй шанс... или просто вышибить вон и позволить стать гражданским лицом.

История и философия морали работает, как бомба с замедленным механизмом. Просыпаешься посреди ночи и думаешь: «А что инструктор имел в виду?» А я ведь учил этот предмет в школе, пусть и не понимал, о чем говорил нам полковник Дюбуа. Мальчишкой я считал этот курс большой глупостью. Это же не физика и не химия, какая же это наука? Пусть отправляется к прочим дополнительным занятиям, там этому предмету самое место. Я обращал внимание на него только из-за диспутов.

Я понятия не имел, что «мистер» Дюбуа старался научить меня, почему следует воевать, задолго до того, как я решил воевать.

Итак, почему же я должен сражаться? Не абсурд ли — подставлять свою нежную шкуру насилию со стороны недружелюбных чужаков? Особенно если плата за любое звание не стоит того, чтобы ее тратить, рабочий день — жутко не нормирован, а условия работы — хуже некуда. Когда мог бы сидеть дома, а подобные страсти оставить тем толстокожим парням, которым такие игры доставляют удовольствие. И между прочим, незнакомцы, с которыми я воюю, лично мне ничего плохого не делали до тех пор, пока я не явился к ним и пнул ногой их чайный столик. Ну не чушь ли?

Драться. Потому что я десантник? Брат мой, ты пускаешь слюну, как собака Павлова. Завязывай и принимайся думать.

Наш преподаватель майор Рейд был слеп и имел сбивающую с толку привычку, обращаясь к тебе, смотреть прямо в глаза. Мы перемалывали события после войны Русско-англо-американского союза и Китайской гегемонии, 1987 год и последующие. Но был день, когда мы услышали о разрушении Сан-Франциско и долины Сан Хоакин. Я думал, майор заговорит об этом. В конце концов, сейчас даже гражданским стало ясно — или жуки, или мы. Сражайся или погибай.

О Сан-Франциско майор Рейд даже не упомянул. Ему захотелось, чтобы кто-нибудь из нас, горилл, дал оценку перего-

воров в Нью-Дели[1]. Потом принялся обсуждать, как это соглашение проигнорировало военнопленных... и таким образом закрыло эту тему навсегда; прекращение военных действий привело к мертвой точке, пленные остались там, где были. Другая сторона своих пленных освободила, и те за время Смуты вернулись домой — или не вернулись, если не захотели.

Жертва майора Рейда перечислила неосвобожденных пленных: уцелевших из двух дивизий британских парашютистов, несколько тысяч гражданских, в основном взятых в плен в Японии, на Филиппинах и России и обвиненных в «военных преступлениях».

— Кроме того,— бубнила жертва майора,— многие военнопленные были захвачены в предыдущей войне, их тоже не освободили. Общее количество военнопленных неизвестно. Наилучшая оценка... примерно шестьдесят пять тысяч.

— Почему наилучшая?

— Ну, так в учебнике написано, сэр.

— Прошу вас следить за своим языком. Пленных было больше или меньше ста тысяч?

— Ну, я не знаю, сэр.

— И никто не знает. Больше тысячи?

— Вероятно, сэр. Скорее всего.

— Еще бы, потому что гораздо больше тысячи человек со временем бежали и вернулись домой, они известны пофамильно. Вижу, вы не читали задание как следует. Мистер Рико!

Теперь в жертвы угодил я.

— Да, сэр.

— Является ли тысяча неосвобожденных пленников достаточным поводом для начала либо возобновления войны? Примите во внимание, что могут быть и несомненно будут убиты миллионы ни в чем не повинных людей, если возобновится или начнется война.

Я не колебался:

---

[1] *Нью-Дели* — индийская столица с 1912 года.

— Так точно, сэр! Более чем достаточный повод.

— Более чем достаточный. А один-единственный военнопленный?

Тут я замешкался. Я знал, как ответил бы десантник, но кажется, преподавателю был нужен другой ответ.

— Давайте, мистер, не тушуйтесь! — резко сказал майор.— Верхний предел у нас тысяча. Я предлагаю вам найти нижнюю границу. Вы ведь не платите по чеку, в котором написано: «что-то между одним и тысячей фунтов», а ведь начало войны — посерьезнее траты денег. Будет ли преступлением подвергнуть опасности страну, а точнее — две страны, чтобы спасти одного человека? Особенно если он того не заслуживает. Каждый день от несчастных случаев погибают тысячи... так почему вы колеблетесь из-за одного? Отвечайте! Отвечайте «да» или «нет», вы задерживаете урок.

Он меня достал. И я выдал ему десантный ответ:

— Так точно, сэр!

— Так точно что?

— Нет разницы — один или тысяча, сэр. Нужно драться.

— Ага! Количество пленных значения не имеет. Хорошо. Теперь обоснуйте свой ответ.

Вот тут я застрял. Я знал, что ответ был правильный. Но не знал — почему. Майор продолжал погонять меня.

— Отвечайте же, мистер Рико. Это точная наука. Вы сделали математическое заявление, вы должны его доказать. Не то некоторые скажут, будто вы по аналогии заявили, что одна картофелина стоит столько же, сколько тысяча клубней. Нет?

— Никак нет, сэр!

— Почему? Докажите.

— Люди — не картошка.

— Уже легче, мистер Рико. Думаю, для одного дня мы достаточно натрудили ваши усталые мозги. Завтра представите классу в символической логике письменное доказательство вашего ответа на мой изначальный вопрос. Дам вам намек. Посмотрите примечание семь к сегодняшней главе. Мистер Са-

ломон! Как развивался нынешний политический строй во время Смуты? И что есть его нравственное обоснование?

Салли запутался еще в первой части. Вообще-то никто не может точно сказать, каким образом появилась Федерация; просто взяла и выросла. К концу двадцатого века правительства оказались в кризисе, чем-то нужно было заполнить вакуум, и затычкой стали ветераны. Они проиграли войну, у многих не было работы, многих тошнило при одном упоминании о договоре в Нью-Дели, особенно болезненно ребята воспринимали вопрос о военнопленных. А еще они умели сражаться. Но это не было переворотом, скорее — как в России в семнадцатом году. Одна система рухнула, возникла другая.

Первый известный случай произошел в Абердине, Шотландия. И он типичен. Несколько ветеранов собрались и организовали «Комитет бдительных», чтобы остановить грабежи и беспорядки, кое-кого повесили (включая двоих своих) и решили не принимать к себе никого, кроме ветеранов. Принцип был выбран случайно: друг другу они немного, но доверяли, а больше не верили никому. То, что началось как экстремальная мера, стало конституционной практикой... через одно-два поколения.

Вероятно, те шотландские солдаты, когда посчитали необходимым казнить двоих ветеранов, тогда же и постановили, что раз так получается, то они не желают, чтобы всякие «чертовы спекулянты, барышники с черного рынка, двурушники, уклонисты, так их и растак, гражданские» имели тут слово. Пусть делают, что велено — понял, нет? — пока мы, гориллы, наводим порядок. Это мое предположение, потому что я чувствовал бы себя именно так... а историки соглашаются, что антагонизм между гражданскими и вернувшимися с войны солдатами был гораздо сильнее, чем мы можем представить сегодня.

По учебнику Салли этого рассказать не мог. В конце концов майор Рейд отстал от него.

— Завтра представите классу письменный ответ на три тысячи слов. Мистер Саломон, можете назвать мне причину — не историческую, не теоретическую, а практическую,— почему

гражданские права сейчас имеют только отслужившие и вышедшие в отставку военные?

— Ну... потому что это избранные люди, сэр. Они сообразительнее.

— Абсурд!

— Сэр?

— Что, слово для вас слишком длинное? Я сказал, что вы ляпнули глупость. Военные не умнее штатских. Во многих случаях гражданские лица куда смышленее и разумнее. Этим, кстати, обосновывали попытку coup d'etat непосредственно перед нью-делийским соглашением, так называемое Восстание ученых. Пусть, мол, интеллигенция правит, и у вас будет утопия. Разумеется, они с самого начала сели в лужу своими глупыми задами. Потому что научные изыскания, несмотря на их пользу обществу, сами по себе не имеют общественной ценности. Те, кто занимается ими, могут оказаться эгоцентристами, а кое-кому не будет хватать чувства гражданского долга. Я дал вам подсказку, мистер. Можете ее отыскать?

— Н-ну... военные дисциплинированны, сэр,— отозвался Салли.

Майор Рейд был с ним мягок.

— Извините. Красивая теория, не поддерживаемая фактами. Ни вам, ни мне, пока мы состоим на службе, нельзя голосовать, а армейская дисциплина вовсе не делает человека дисциплинированным. Преступность среди ветеранов на том же уровне, что и среди гражданских. И вы забываете, что в мирное время многие служат не в боевых частях, а там порядки мягче. Там люди просто изматываются, подвергаются опасности, и все же на выборах их голоса будут считаться.

Майор Рейд улыбнулся.

— Мистер Саломон, я задал вам коварный вопрос. Практическая причина дальнейшего существования нашей политической системы точно такая же, как для всего остального. Эта система работает удовлетворительно. Тем не менее полезно рассмотреть детали. На протяжении всей истории люди ста-

рались передать всю полноту власти в руки, которые будут хорошо охранять ее и мудро использовать ради пользы всех остальных. Ранние абсолютные монархии страстно защищали «божественное право королей». Иногда предпринимались попытки выбрать мудрого правителя самостоятельно, а не оставлять выбор божьему промыслу. Как, например, сделали шведы, призвав на свой трон француза генерала Бернадотта. Проблема в том, что запас Бернадоттов весьма ограничен, на всех не хватит. Исторические примеры простираются от абсолютной монархии до полнейшей анархии. Человечество опробовало тысячи путей, а еще больше предлагалось. Некоторые — крайне дикие, как коммунизм, по образцу и подобию муравейника, который настойчиво предлагал Платон под обманчивым именем «республика». Но намерения всегда сводились к одному: правительство должно быть стабильным и доброжелательным. Все системы старались добиться этой цели, ограничивая гражданские права кругом лиц, которым, по всеобщему мнению, хватит мудрости справедливо распорядиться ими. Повторяю: все системы, даже так называемые «неограниченные демократии», лишали избирательных прав не менее одной четверти населения по возрасту, месту рождения, уплате избирательного налога, судимости и так далее.

Майор цинично усмехнулся:

— Никогда не мог понять, почему тридцатилетний идиот проголосует мудрее, чем пятнадцатилетний гений... но лишь возраст даровал «божественное право всякого простого человека». Неважно, чем расплачивались за свои прихоти. Итак, избирательные права зависели от места рождения, происхождения, расы, пола, собственности, образования, возраста, религии и так далее. Все системы работали, но ни одна из них — хорошо. Обязательно находился кто-то, кто считал их тиранией, а в результате они со временем либо изживали себя, либо рушились. Сейчас у нас совсем другая система. И она работает прилично. Многие жалуются, но никто не восстает. Личная свобода для всех — как никогда в истории, законов немного, налоги низкие, жизненный уровень высок, преступность наоборот.

Почему? Не потому, что наши избиратели умнее остальных, этот аргумент мы уже отклонили. Мистер Таммани, можете сказать нам, почему наша система работает лучше, чем те, которыми пользовались наши предки?

Не знаю, где Клайд Таммани получил свое имя; я держал его за индуса.

— Э-э, рискну предположить, что наши избиратели — небольшая по числу группа, которая знает, какая ответственность лежит на них... поэтому они стараются изучить вопрос.

— Давайте не будем гадать, мы занимаемся точной наукой. Правящие классы многих других систем тоже были невелики по числу и полностью сознавали свою власть. К тому же наших избирателей не так уж мало. Вам известно или должно быть известно, что процент полноправных граждан колеблется от восьмидесяти процентов на Искандере до трех процентов среди некоторых национальностей Земли. И все-таки правительство везде одно и то же. И граждане не избранная раса, у них нет особой мудрости, талантов или подготовки для выполнения их священной задачи. Так какова же разница между нашими избирателями и носителями гражданских прав прошлого? Хватит гадать, я изложу очевидное: при нашей системе каждый полноправный гражданин — это человек, который продемонстрировал добровольной и тяжелой службой, что ставит интересы группы выше личной выгоды. В этом единственное практическое различие. Ему может не хватать мудрости, он может ничего не смыслить в гражданских достоинствах. Но его обычная деятельность бесконечно лучше, чем у представителя любого правящего класса в истории.

Майор помолчал, прикоснувшись кончиками пальцев к старомодным часам для слепых.

— Урок почти закончен, нам осталось определить моральную причину успешной деятельности нашего правительства. Постоянный успех никогда не был делом случайным. Затвердите, что это наука, а не отвлеченные умствования. Вселенная такова, какова она есть, а не какой мы хотим ее видеть. Избирать

и быть избранным — это обладать властью, высшей властью, из которой проистекают все остальные, как, например, я властен ежедневно портить вам кровь. Сила, если хотите! Гражданство есть сила, чистая и грубая, мощь скипетра и топора. Распространяется она на десять человек или десять миллиардов, но политическая власть есть сила. Но вселенная строится на противоположностях. Что противоположно власти? Мистер Рико.

На этот вопрос я знал ответ.

— Ответственность, сэр.

— Мои аплодисменты. И причины того выведены с математической точностью, власть и ответственность должны быть равны или начнется процесс уравновешивания, и это так же неизбежно, как возникновение электрического тока из-за разности потенциалов. Облекать властью безответственного, значит, пожать бурю. Призвать человека к ответу за то, что он не может контролировать, значит, действовать со слепым идиотизмом. Неограниченные демократии нестабильны, потому что их граждане не отвечают за того, кого они избирают. Исключая ответственность перед трагической логикой истории. Об уникальным «избирательном налоге», который должны платить мы, там и не слыхали. Не было предпринято ни единой попытки выяснить, обладает ли гражданин социальной ответственностью, соразмерной с его буквально неограниченной властью. Если он голосовал за невозможное, случалась беда, и ответственность волей-неволей ложилась на него и уничтожала и гражданина, и ни на чем не основанный храм. Внешне наша система лишь слегка отличается от предыдущих. У нас демократия, не ограниченная ни национальностью, ни цветом кожи, ни мировоззрением, ни рождением, ни богатством, ни полом или убеждениями, и каждый может причаститься к власти за короткий срок и без непосильного труда. Наши пещерные предки тратили примерно столько же усилий, чтобы разжечь огонь. И лишь небольшое различие делает нашу систему действующей, потому что сконструирована она в соответствии с учетом реальных фактов. Поскольку суверенные избирательные права есть

высший предел человеческой власти, мы удостоверяемся, что носитель их принимает на себя наивысшую ответственность. Мы требуем от каждого человека, который желает контролировать государство, поставить на кон собственную жизнь — и потерять ее, если придется,— чтобы спасти страну. Если власть максимальна, то и ответственность должна быть максимальной. Инь и ян, идеальные и равные.

Майор добавил:

— Может ли кто-нибудь определить, почему в нашей системе правления не было попыток переворота? Несмотря на тот факт, что все правительства в истории испытали на себе его прелесть. Несмотря на общеизвестный факт, что жалобы громки и постоянны.

Поднялся один из старших курсантов:

— Сэр, переворот невозможен.

— Да, но почему?

— Потому что переворот, вооруженное восстание требуют не простого недовольства, но и агрессивности. Повстанец должен иметь желание сражаться и умереть или он всего лишь салонный либерал. Выделите агрессивных и сделайте их пастушьими собаками, овцы никогда не доставят вам никаких хлопот.

— Прекрасно изложено! Аналогии всегда сомнительны, но эта близка к действительности. Завтра хочу видеть математически точное доказательство. Время для еще одного вопроса. Спрашивайте, я отвечу. Есть таковые?

— Э-э... сэр, а почему бы... ну, зачем ограничения? Пусть все служат и все голосуют.

— Молодой человек, вы можете вернуть мне зрение?

— С-сэр... конечно, нет, сэр!

— И тем не менее это сделать легче, чем внедрить такую моральную категорию, как ответственность, в сознание человека, у которого ее нет, который ее не хочет и сопротивляется ее непосильному бремени. Вот почему поступить на службу так трудно, а уйти так легко. Ответственность перед обществом выше семьи или племени, требует воображения, преданности, верности, всех

высших материй, которые человек должен выработать в себе сам. Начнешь впихивать их в него, его просто стошнит. Так случалось в армиях при всеобщей воинской повинности в прошлом. Посмотрите в библиотеке отчеты психиатров о промывке мозгов военнопленным в так называемой Корейской войне, год тысяча девятьсот пятидесятый. Потом проанализируем в классе,— он опять прикоснулся к циферблату часов.— Можете идти.

Майор Рейд задавал нам жару.

Но с ним было интересно. Мне запало в голову одно из его небрежных замечаний, которыми он постоянно разбрасывался. До этого я считал, что крестовые походы отличались от остальных войн. Я пережил перепалку с майором и получил вот что.

Требуется: доказать, что война и этические идеалы имеют одно и то же генетическое происхождение.

Краткое доказательство: все войны являются результатом демографического давления (да, даже крестовые походы, хотя придется покопаться в торговых маршрутах и еще кое в чем, чтобы это доказать). Этика — все признанные этические нормы — основана на инстинкте самосохранения; этическое поведение — это поведение субъекта, поставившего вопрос выживания других выше собственной жизни. Пример: отец, умирающий ради спасения своих детей. Но если рост демографического давления — результат выживания общества, значит, войны, являющиеся результатом такого давления, тоже происходят от инстинкта самосохранения.

Проверка доказательства: возможно ли избежать войны, понизив демографическое давление (и таким образом вычеркнуть слишком очевидное зло, приносимое войной), а для этого сконструировать некий моральный кодекс, который ограничивал бы популяцию?

Не вдаваясь в дебаты о пользе или этичности планируемой рождаемости, можно ясно видеть, что все виды, которые останавливались в росте, со временем вытеснялись другими, которые этого не делали. В истории Терры можно отыскать много ярких примеров такого вытеснения.

Тем не менее допустим, что человеческой расе удалось достичь равновесия между рождаемостью и смертностью так, чтобы планета полностью соответствовала требованиям населения, и таким образом зажить мирно и счастливо. Что произойдет?

Вскоре, примерно в следующую среду, явятся жуки, перебьют виды, которые «не будут более учиться воевать», и вселенная забудет о нас. И это все еще может случиться. Либо мы продолжим экспансию и уничтожим жуков, либо продолжат экспансию они и уничтожат нас, потому что обе наши расы — умные, крепкие и претендуют на одно и то же господство.

Знаете, за какой срок демографическое давление может заставить нас заполнить всю вселенную плечом к плечу? Ответ вас ошеломит: в мановение ока в масштабе возраста нашей расы.

Попробуйте... это всего лишь война за территорию.

Но имеет ли Человек право на распространение по вселенной?

Человек таков, каков он есть, дикое животное с волей к жизни и способностью воплотить желаемое, несмотря на любые препятствия. Если не принять этого факта, любые рассуждения о морали, войнах, политике — ерунда. Истинная мораль проистекает из знания, какой Человек на самом деле, а не каким его хочет видеть доброхотливая и доброжелательная тетушка Нелли.

Вселенная сама даст нам понять, имеет или нет Человек право заселять ее.

А тем временем мобильная пехота будет стоять — в боевой готовности и начеку — на страже человеческой расы.

Ближе к окончанию училища каждого из нас прикомандировали к какому-нибудь кораблю под начало опытного боевого офицера. Что-то вроде предварительного экзамена, корабельный инструктор мог решить, что тебе чего-нибудь не хватает. Можно потребовать собрать комиссию, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь подавал такой запрос; ребята либо возвращались на доучивание, либо мы их больше никогда не видели.

Некоторые экзамена не проваливали, потому что их убивали — корабли были боевыми. Нам приказали держать вещи собранными — однажды во время обеда вызвали всех старших кадетов из моей группы, они ушли, не доев, а я вдруг оказался кадетом-командиром роты.

Радости от этого повышения — ровно столько, сколько от капральских шевронов в учебном лагере, но через два дня пришел и мой черед.

Я бегом кинулся в кабинет коменданта с вещмешком на плече и радостью в сердце. Меня тошнило от поздних занятий, рези в глазах, непонимания предмета, своих глупостей на уроках; несколько недель в компании настоящих боевых ребят — вот что нужно Джонни!

Я прошел мимо строя новичков, трусцой направлявшихся в класс, и у каждого из них был сумрачный вид, какой бывает у всех кадетов в офицерском училище, когда они понимают, что возможно здорово лопухнулись, подавшись в офицеры. На радостях я запел и заткнулся, едва оказался в пределах слышимости коменданта.

В кабинете сидели еще двое, кадеты Хасан и Берд. Хасан по прозвищу Ассасин был самым старшим на курсе и выглядел точь-в-точь как тот, кого рыбак выпустил из бутылки. Пташка Берди ростом был не выше воробья и настолько же страшен.

Мы были допущены в святая святых. Комендант сидел в инвалидном кресле — мы никогда не видели, чтобы он обходился без него, разве что на субботних смотрах и построениях; полагаю, ходить ему было тяжело. Но это не значит, что мы его вовсе не видели. Бывало, отвечаешь у доски, поворачиваешь голову и обнаруживаешь у себя за спиной инвалидное кресло, а полковник Нильссен внимательно разглядывает твои каракули с ошибками.

Он никогда не прерывал урока, был даже специальный приказ для дежурных: не орать «Смирно!». Но с толку сбивал постоянно. Казалось, он мог пребывать в шести местах сразу.

Комендант имел постоянный чин флотского генерала (да-да, *тот самый* Нильссен!); полковника ему дали временно до

вторичной отставки, чтобы он мог занять должность коменданта училища. Я как-то спрашивал у казначея, и тот подтвердил, что все верно, коменданту положено платить как полковнику, хотя стоит ему уйти в отставку, и он начнет получать генеральское жалованье.

Что ж, как говаривал Ас: «О вкусах не спорят». Надо же, отказаться от половины жалованья за привилегию объезжать табун кадетов. Я и представить себе не мог такое.

Полковник Нильссен поднял на нас взгляд и произнес:

— Доброе утро, господа. Устраивайтесь поудобнее.

Я устроился, но удобнее не стало. Полковник подкатил к кофеварке, сварил на четыре чашки, и Хасан помог ему принести кофе к столу. Мне кофе не хотелось, но кадет не отказывается от предложений коменданта.

Полковник отхлебнул глоток.

— У меня ваши назначения, господа,— возвестил он.— И ваши временные патенты. Но я хочу быть уверен, что вы понимаете ваш статус.

Об этом нас уже проинструктировали. Офицерами мы становились лишь в той мере, какая требуется для практики и оценки — «временно, сверх штата, на правах стажеров». Самыми младшими, постоянно поправляемыми, с самым примерным поведением и на очень краткий срок; вернувшись, мы вновь станем кадетами и можем вылететь из училища в любой момент, стоит лишь экзаменатору поморщиться.

Нам временно присвоили «третьих лейтенантов» — в армии этот чин нужен не больше чем рыбе зонтик. Нас воткнули в узкую щель между флотскими сержантами и настоящими офицерами. Ниже быть просто невозможно, хотя называешься офицером. Если кто-то отсалютовал третьему лейтенанту, значит, освещение было слишком тусклое.

— В ваших патентах сказано «третий лейтенант»,— продолжал полковник Нильссен,— но на платежной ведомости это никак не отразится, обращаться к вам по-прежнему будут «мистер», а единственным изменением в форме будут звездочки

на рукаве, размером меньше, чем кадетские лычки. Вы продолжаете обучение до тех пор, пока не выяснится, что вы готовы стать настоящими офицерами.

Полковник улыбнулся:

— Зачем вообще вас называть «третьими лейтенантами»?

Я и сам удивлялся. К чему эти липовые патенты, если они не делают нас офицерами?

По учебнику, конечно, я знал ответ.

— Мистер Берд? — спросил полковник.

— Э-э... чтобы поместить нас в структуру подчинения, сэр.

— Именно.

Полковник подъехал к висящей на стене схеме организации командования в училище. Обычная «пирамидка», сверху донизу.

— Взгляните...

Он указывал на квадратик, соединенный горизонтальной линией с другим квадратиком; на первом было написано «ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА (мисс Кендрик)», на втором его собственная фамилия.

— Господа,— продолжил полковник,— без мисс Кендрик я бы с трудом управился с данным заведением. У нее не голова, а быстродействующий процессор.

Он нажал кнопку на подлокотнике кресла и произнес в пространство:

— Мисс Кендрик, какова успеваемость кадета Берда по военной юриспруденции в последнем семестре?

Ответ последовал немедленно:

— Девяносто три процента, комендант.

— Благодарю вас. Видите? Я подписываю любой документ, если его подает мисс Кендрик. Не хотелось бы, чтобы ревизия установила, сколько раз она подписывается моим именем, а я этих бумаг даже не вижу. Скажите мне, мистер Берд... если я вдруг рухну к вашим ногам бездыханным, сможет ли мисс Кендрик продолжать вести дела дальше?

— Ну, как...— Пташка озадачился.— Наверное, повседневные дела, если будет делать то, что понадо...

— Да ни хрена она не будет делать! — рявкнул полковник.— До тех пор пока полковник Чонси не скажет ей, что делать. Но уже по-своему. Мисс Кендрик — очень умная женщина и понимает то, о чем вы, очевидно, не имеете понятия. Она не находится в структуре подчинения и никакой власти не имеет.

Он помолчал и продолжил:

— Цепочка подчинения — это не просто фраза, она реальна, как зуботычина. Если я пошлю вас в бой *кадетом*, все, что вы сможете делать, это передавать дальше чьи-то приказы. Если командир вашего взвода получит причитающееся, а вы отдадите приказ рядовому — хороший, умный и осмысленный приказ! — вы будете не правы, как и тот рядовой, что подчинится вам. Потому что кадет — вне цепочки подчинения. Он — не военный, он не носит звания, он даже не солдат. Он учится быть солдатом — или станет офицером, или останется в прежнем звании. Он подчиняется армейской дисциплине, но он — не в армии. Вот почему...

Ноль. Дырка от бублика. Но если кадет не в армии...

— Полковник!

— М-да? Что вам, молодой человек? Мистер Рико.

Я сам себя напугал, но сказать пришлось:

— Но... если мы не в армии... значит, мы не десант, сэр?

Полковник моргнул.

— Это вас беспокоит?

— Ну... я... это... не уверен, что мне это нравится, сэр.

Мне это вовсе не нравилось. Я чувствовал себя голым.

— Ясно,— полковник не выглядел недовольным.— Оставь заботы о юридических аспектах мне, сынок.

— Но...

— И это приказ. Технически вы не десантник. Но мобильная пехота вас не забудет, мобильная пехота никогда не забывает своих, неважно, где они находятся. Если вы сейчас умрете на месте, вас кремируют как второго лейтенанта Хуана Рико, мобильная пехота...— полковник Нильссен запнулся.— Мисс Кендрик, с какого корабля мистер Рико?

— «Роджер Янг», сэр.

— Благодарю вас. С корвета «Роджер Янг», второй взвод роты «Джи», третий полк, первая десантная дивизия, «Разгильдяи»,— перечислил полковник с удовольствием, больше не консультируясь с мисс Кендрик.— Хорошая часть, мистер Рико, гордая и сильная. И ваш последний приказ отправится именно к ним, и ваше имя именно так будет зачитано в мемориальном зале. Вот почему мы всегда присваиваем офицерские звания погибшим кадетам, сынок. Чтобы они могли вернуться домой, к своим товарищам.

Я почувствовал облегчение и ностальгию одновременно и пропустил несколько следующих слов.

— ...рот на замок, пока я говорю. Мы отправим вас в мобильную пехоту, к своим. Вы должны быть на время практики офицерами, потому что «зайцам» в боевом десанте не место. Вы сражаетесь, выполняете приказы и отдаете приказы. Законные приказы, потому что у вас есть звание и вам приказано служить в том подразделении. И это делает ваши приказы такими же законными, как те, что подписаны главнокомандующим. И более того,— продолжал полковник,— находясь в цепочке подчинения, вы должны быть готовы принять на себя более высокий уровень командования. Если вы пойдете в бой в составе подразделения из одного взвода, что наиболее вероятно, учитывая положение дел на фронте, и будете помощником командира взвода, то как только ваш командир искупит грехи, вы становитесь командиром!

Он покачал головой.

— Не исполняющим обязанности. Не кадетом на учениях. Не младшим офицером, выполняющим приказ. Вы в один миг становитесь Стариком, Боссом, «смирно, командир в расположении части». И вам тошно станет от того, что все ваши приятели и товарищи теперь зависят только от вас, потому что вы будете говорить им, что делать, как драться, как выполнить задание и остаться в живых. Они будут ждать уверенного командирского голоса, а секунды будут тикать, и голос будет ваш, вы

будете принимать решения, отдавать верные приказы... и не только верные, но спокойным, холодным голосом. Потому что если ваше подразделение в беде, в настоящей беде, то странный, дрожащий писк превратит лучшую часть в Галактике в безудержную, беззаконную, перепуганную толпу. И этот безжалостный груз ляжет на вас без предупреждения. Вы должны действовать сразу же, и выше вас будет только Бог. Но не ждите от него подсказок, это ваша работа. Самое большее, что он может сделать для солдата, это дать силы чтобы справиться с паникой, неизбежно угрожающей вам.

Полковник сделал паузу. Я протрезвел, и Пташка выглядел очень серьезным и совсем юным, а Хасан хмурил брови. Мне захотелось оказаться в бросковой нашего «Роджа», и чтобы шевронов на рукаве было поменьше, и чтобы сержант ругался, как проклятый. О работе помощника командира отделения говорить можно много, но когда до нее доходит, легче погибнуть, чем заставить голову работать.

— И это — момент истины, господа. К сожалению, военная наука не нашла иного способа отличить настоящего офицера от куклы в погонах, нежели провести его через испытание огнем. Настоящие проходят или гибнут с честью, подделки ломаются. Иногда в момент слома тоже умирают. Но трагедия в том, что с ними гибнут другие... хорошие люди, сержанты, капралы и рядовые, которым не повезло очутиться под командованием компетентного офицера. Мы стараемся избежать этого. Во-первых, мы сделали нерушимым правилом, что каждый кандидат должен быть хорошо обученным солдатом, проливщим под огнем кровь, ветераном боевых десантов. Ни одна армия в истории не держалась этого правила, хотя многие подходили достаточно близко. Величайшие офицерские школы прошлого — Сен-Сир, Вестпойнт, Сендхерст, Колорадо Спрингс — даже не претендовали на следование этому правилу, туда принимали гражданских мальчишек, обучали их, представляли к званию, посылали в бой без опыта командования мужчинами. И порой слишком поздно выяснялось, что смышленый молодой офицер на самом деле —

дурак, трус и истерик. Мы хоть исключаем ошибки подобного рода. Мы знаем, что все вы — хорошие солдаты, отважные, квалифицированные, проверенные в бою, иначе бы вас здесь не было. Мы знаем, что вы сообразительны и образованы не ниже необходимого минимума. Мы заранее отсеиваем тех, кто может оказаться негодным. Просто отсылаем их обратно в прежнем чине до того, как испортим хорошего пехотинца, заставив его трудиться сверх способностей. Курс обучения сложен, потому что потом вам станет еще труднее. Со временем у нас остается небольшая группа, чьи шансы на успех достаточно высоки. Основной критерий протестировать здесь мы не можем. Мы не можем отыскать неуловимое нечто, что отличает боевого командира от человека с задатками, но без призвания. Мы проводим полевые испытания. Господа, вы подошли к порогу. Вы готовы принять присягу?

Воцарилось краткое молчание, после чего Ассасин твердо сказал:

— Так точно, сэр.

Мы с Пташкой откликнулись эхом.

Полковник критически сдвинул брови.

— Надо сказать, вы великолепны. Превосходны физически, здоровы духом и телом, тренированны, дисциплинированны, горячи. Образцовая модель юного смышленого офицера...— он фыркнул.— Чушь! Когда-нибудь вы, может, и станете офицерами. Надеюсь на это... Мало того что я ненавижу впустую тратить время, деньги и силы, но, что гораздо важнее, каждый раз меня трясет от страха, когда я посылаю флоту недопеченного салажонка, зная, какое чудовище Франкенштейна я отпускаю на свободу. Если бы вы понимали, что вам предстоит, у вас отпало бы горячее желание принять присягу в ту же секунду, как вам сделали подобное предложение. Вы можете отказаться и этим вынудите меня вернуть вам прежние звания. Но вы не понимаете. Поэтому я предприму еще одну попытку. Мистер Рико! Думали ли вы когда-нибудь, как чувствует себя человек, идущий под трибунал за потерю своего полка?

Я по-глупому перепугался.

— А что... нет, сэр, никогда не думал.

Пойти под трибунал — за что угодно — для офицера в восемь раз хуже, чем для рядового. Рядового в лучшем случае предварительно выпорют, офицера за то же прегрешение поставят к стенке. Уж лучше вообще не рождаться на свет!

— Так подумайте,— мрачно посоветовал полковник.— Когда я предполагал, что вашего командира могут убить, то имел в виду совсем не крайний случай. Мистер Хасан! Чему равно наибольшее число уровней командования, когда-либо выбывавших из строя в течение одного сражения?

Ассасин помрачнел пуще прежнего.

— Не могу сказать точно, сэр. Кажется, во время операции «Кучиный дом» майор командовал бригадой до «бежим, покуда живы», нет?

— Да, и звали майора Фредерикс. Получил повышение и был представлен к награде. Если вспомнить Вторую глобальную войну, то можно отыскать пример, когда младший морской офицер принял командование крупным кораблем и не только вел бой, но и отдавал приказы, словно был адмиралом. Он был оправдан, несмотря на то что офицеры старше его по званию даже не были ранены. Особые обстоятельства — отказ систем связи. Но я имел в виду случай, когда за шесть минут было уничтожено четыре уровня командования и командир взвода вдруг обнаружил, что командует целой бригадой. Слышали о таком?

Гробовое молчание.

— Не слышали. Это произошло во время партизанских войн в наполеоновское время. Тот молодой офицер был самым младшим на корабле — на морском корабле, разумеется, паруснике. Юноша был примерно того же возраста, что и большинство кадетов вашего курса, и еще не имел патента. Он был временным третьим лейтенантом. Обратите внимание, потому что вы будете носить то же звание. Боевого опыта юнец не имел, и над ним стояли еще четыре офицера. В самом начале сражения был ранен его непосредственный командир. Пацан оттащил его в сторону, с линии огня. Вот и все. Он просто оказал помощь боево-

му товарищу. Но поступил он так без приказа оставить свой пост. И другие офицеры искупили грехи, пока он занимался спасением, а парню припаяли «дезертирство командующего офицера перед лицом врага». Трибунал. Увольнение.

Я судорожно вздохнул:

— За что, сэр?

— А почему бы и нет? Да, мы приходим на помощь. Но мы поступаем так по приказу и при других обстоятельствах, наши бои не похожи на морские сражения. Оказание помощи раненому не является оправданием за выход из сражения перед лицом врага. Семья того парнишки полтора века пыталась добиться изменения приговора. Безрезультатно, разумеется. Некоторые обстоятельства вызывали сомнения, но несомненно он оставил свой пост во время сражения без приказа. Верно, он был зеленый, точно трава... но ему повезло, могли и повесить,— полковник Нильссен пригвоздил меня к месту ледяным взглядом.— Мистер Рико, могло подобное случиться с вами?

Я сглотнул:

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Тогда позвольте поведать вам, как подобное может с вами случиться. Допустим, вы участвуете в операции в составе эскадры, в десант идет весь ваш полк. Офицеры выбрасываются, разумеется, первыми. В этом есть свое преимущество, а есть недостатки, но мы поступаем так по этическим причинам. Ни один десантник не ступит на поверхность враждебной планеты без офицера. Предположим, что жукам это известно, и это, скорее всего, именно так. Предположим они придумали хитрый ход и перебили тех, кто спустился первым... но не сумели уничтожить весь десант. Теперь допустим, что поскольку вы сверхштатник, вам придется занять свободную капсулу, вместо того чтобы идти в бой первым. Что вам остается?

— Я... это... не уверен, сэр.

— Вы только что приняли командование полком. Как вы собираетесь командовать, мистер? Думайте быстрее — жуки не ждут!

— Это...— я вспомнил главу из учебника и механически отбарабанил: — Принимаю командование полком и действую по обстоятельствам в рамках тактической задачи, как я ее понимаю, сэр.

— Примете, значит, да? — хмыкнул полковник.— Значит, и место в раю вам обеспечено, как и всем, кто решит вот так свалять дурака. Надеюсь, хоть погибнете во время броска, выкрикивая приказы, будет в них смысл или нет, уже без разницы. Мы не ждем, что котята вступят в бой с рысью и победят. Но мы ждем, что они хотя бы попробуют выпустить когти и зашипеть на рысь. Ладно, встать! Поднимите правую руку.

Сам он тоже с трудом поднялся на ноги. Через тридцать секунд мы стали офицерами — «временно, сверх штата, на правах стажеров».

Я думал, теперь он вручит нам звездочки и отпустит. Мы не должны были покупать их — звездочки тоже были временными, как и патенты, чьим символом они были. Вместо этого полковник опять развалился в кресле и стал почти похож на человека.

— Вот что, ребятки... я вот тут рассказываю вам, как все будет трудно. Я хочу, чтобы вы задумались, превратили недостаток в преимущество и запланировали заранее, какие шаги предпринять, когда все станет очень плохо. И поняли, что ваша жизнь принадлежит вашим подчиненным и не вам разбрасываться ею ради самоубийства и славы. И уж тем более не вам беречь ее, если ситуация требует отдать ее. Я хочу, чтобы вас тошнило перед каждым десантом так, чтобы во время неприятностей вы были спокойны и выдержаны. Невозможно, конечно. Только одно... Каков *единственный* фактор, который может спасти вас, когда груз станет слишком тяжел? Кто ответит?

Не ответил никто.

— Ну, давайте же! — ядовито сказал полковник Нильссен.— Вы не новобранцы. Мистер Хасан!

— Наш взводный сержант, сэр,— медленно произнес Ассасин.

— Очевидный факт. Вероятно, он старше вас, опытнее, больше бросков на его счету, и уж он-то знает ваше отделение лучше вас. А так как на него не давит внушающее страх бремя командования, от которого отнимается язык, ваш сержант соображает быстрее и четче вашего. Попросите у него совета. У вас есть для этого специальный канал связи в скафандре. Его уверенности в вас вы этим не уменьшите; сержант привык, что с ним советуются. Если вы этого не сделаете, он посчитает вас дураком и самоуверенным всезнайкой, и окажется прав. Но следовать его совету вы не обязаны. Используете ли вы его идею или она подвигнет вас на собственный план — принимайте решение и отдавайте приказ. Одна-единственная — и только она! — вещь может поселить страх в сердце хорошего взводного сержанта. Если он вдруг поймет, что работает с начальником, не способным принять решения. Нигде и никогда, ни в каких других частях офицеры и рядовые не зависят друг от друга так, как в мобильной пехоте, и сержанты — тот клей, что скрепляет их. Никогда не забывайте об этом.

Комендант развернул кресло к шкафчику возле стола. Там на полочках лежали небольшие коробочки, по одной на каждую ячейку. Он вытащил одну и открыл.

— Мистер Хасан...

— Сэр?

— Эти звездочки носил капитан Теренс О'Келли во время своего первого учебного полета. Устраивают они вас?

— Сэр?..— у Ассасина сорвался голос, и я подумал, что этот великан вот-вот заплачет.— Так точно, сэр!

— Подойдите.

Полковник Нильссен приколол ему звездочки и сказал:

— Носите с честью, как и ваш предшественник... но верните их. Поняли меня?

— Так точно, сэр. Сделаю все, на что способен.

— Уверен в том. На крыше вас ждет аэрокар, катер отходит через двадцать восемь минут. Выполняйте приказ, сэр!

Ассасин отсалютовал и вышел; комендант выбрал еще одну коробочку.

— Мистер Берд, вы суеверны?

— Никак нет, сэр.

— Неужели? А я вот — да. Понимаю так, что вам не страшно носить знаки различия, принадлежавшие по очереди пяти офицерам, каждый из которых погиб в бою?

Пташка заметно помедлил.

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Потому что эти офицеры на пятерых собрали семнадцать наград от медали Терры до Раненого Льва. Подойдите ко мне. Ту звездочку, что немного побурела, всегда следует носить на левом рукаве... и не вздумайте ее полировать! Просто постарайтесь, чтобы вторая не стала такой же. Если только не припрет... но вы поймете, когда это случится. Вот список прежних владельцев. У вас есть тридцать минут. Бегом в Мемориальный зал и просмотрите записи на каждого.

— Слушаюсь, сэр.

— Выполняйте приказ, сэр!

Полковник повернулся ко мне, взглянул мне в глаза и резко произнес:

— Что-то заботит, сынок? Выкладывай!

— Э-э... сэр, тот временный третий лейтенант,— выпалил я,— тот, которого уволили. Как мне узнать, что там было?

— Вот как. Молодой человек, у меня и в мыслях не было пугать вас до смерти, я хотел лишь взбудоражить вас. Сражение происходило первого июня в тысяча восемьсот тринадцатом году по старому стилю между американским «Чесапик» и кораблем флота Его Величества «Шеннон». Посмотрите в «Морской энциклопедии», на вашем корабле она имеется.

Он посмотрел на ящички и нахмурился. Затем проговорил:

— Мистер Рико, я получил письмо от вашего школьного учителя, офицера в отставке, с просьбой, чтобы вы носили те

же звездочки, что и он, когда сам был третьим лейтенантом. Мне жаль, но я был вынужден отказать ему.

— Сэр?..

Мне было приятно узнать, что полковник Дюбуа продолжает следить за моими делами. А еще я был очень разочарован.

— Потому что *не могу*. Я вручил эти знаки отличия два года назад одному молодому человеку, и мне их не вернули. Движимое имущество, что поделать. Х-мм...— он выбрал коробочку, посмотрел на меня.— Можете начать новую пару. Медяшка не важна, важна просьба вашего учителя.

— Как скажете, сэр.

— Или...— полковник покачал коробочку на ладони,— можете взять вот эти. Их носили пять раз, и последние четверо кандидатов офицерами не стали. Ничего позорного, просто досадливая неудача. Возьмете на себя труд снять с них сглаз? Сделаете так, чтобы они приносили счастье?

С большей охотой я завел бы в ванной акулу. Но я ответил:

— Хорошо, сэр. Приму вызов.

— Отлично,— он приколол звездочки мне на рукава.— Благодарю вас, мистер Рико. Видите ли, это мои, я носил их первым... и вы здорово порадуете меня, если вернете их, поменяв их судьбу, окончив учебу и став офицером.

Я будто вырос на десять футов.

— Постараюсь, сэр!

— Это-то я знаю. Теперь можете выполнять приказ, сэр. Вы с Бердом поедете на одной машине. Да, минуточку... учебники по математике прихватили?

— Сэр?.. Нет, сэр.

— Возьмите. Контролер веса на вашем корабле оповещен о дополнительном грузе.

Я отсалютовал и вышел — бегом. Упомянув о математике, полковник скинул меня с небес на землю.

Учебники перевязанной стопкой лежали у меня на столе, а под бечевку был сунут листок с ежедневными заданиями. У меня

появилось впечатление, что полковник Нильссен ничего не оставляет вне плана, но все и так это знают.

Пташка ждал меня на крыше возле аэрокара. Он посмотрел на пачку книг у меня в руке и ухмыльнулся:

— Ничего не попишешь. Ладно, попадем на один корабль, подтяну тебя. Тебе куда?

— «Тур».

— Обидно, мне на «Москву».

Мы влезли в машину, я проверил автопилот, выяснил, что тот уже готов, и захлопнул дверцу. Мы взлетели.

— Могло быть и хуже,— добавил Пташка.— Ассасин прихватил с собой учебники не только по математике, но и еще по двум другим предметам.

Сам Пташка знал все и вовсе не хвастал, когда предлагал подтянуть меня; его легко можно было принять за профессорского сынка, только планки доказывали, что он еще и солдат.

Вместо того чтобы учить математику, Пташка ее преподавал. Каждый день он на одну «пару» входил в инструкторский состав, так же как малыш Судзуми тренировал нас по дзюдо в лагере Карри. Мобильная пехота ничем не разбрасывается; мы просто не можем себе этого позволить. Пташка имел степень бакалавра по математике в восемнадцать лет, естественно, что на него взвалили инструктаж, что не спасало его от вздрючек по другим предметам.

Хотя ему доставалось нечасто. Пташка являл собой редкую комбинацию блестящего интеллекта, солидного образования, здравого смысла и выдержки. Такой курсант — потенциальный генерал. Мы постановили, что он прыгнет к командованию бригадой ко времени, как ему стукнет тридцать. Время военное.

Мои амбиции так высоко не залетали.

— Чертовски позорно будет,— сказал я,— если Ассасин провалится.

На самом деле я думал, что будет чертовски позорно, если провалюсь *я*.

— Не провалится,— радостно чирикнул Пташка.— Над ним будут потеть, даже если придется засунуть его в гипнокабину и кормить через трубочку. Все равно,— добавил он,— Хасан получит повышение, даже если провалит все экзамены.

— Как так?

— А ты не знал? У Ассасина постоянное звание — первый лейтенант. Естественно, в полевых условиях получил. Провалится — вернется к нему. Посмотри устав.

Устав я и без него знал. Если я провалю математику, то останусь сержантом, а это лучше, чем постоянно думать о возможном вылете — будто рыбой наотмашь по физиономии. Знаю, после неудач на контрольных я ночь напролет думал о нем.

Но тут — дело другое.

— Погоди-ка,— запротестовал я.— Он отказался от *первого* лейтенанта на постоянных условиях и только что получил *третьего*, чтобы потом стать *вторым*? Кто сошел с ума? Ты или он?

Пташка ухмыльнулся:

— Оба. Как раз в той мере, чтобы загреметь в десант.

— Но... нет, не понимаю.

— Это уж точно. Ассасину деваться некуда, он даже школу не кончал. Уверен, что в бою он может командовать полком и отлично справлялся бы — если кто-то другой будет планировать за него операции. Но офицер ведь не только в бою командует, особенно старший офицер. Чтобы вести войну, даже просто спланировать одно сражение и провести операцию, нужно знать теорию игр, операционный анализ, символистическую логику, пессимистический синтез и дюжину других умных предметов. Можно и самому их вызубрить, если придется. Но знать их ты должен, иначе не то что до майора, до капитана никогда не поднимешься. Ассасин знает, что делает.

— Наверное...— медленно произнес я.— Пташка, полковник Нильссен должен ведь знать, что Хасан — офицер. Настоящий офицер.

— А? Ну да, конечно.

— А говорил с ним так, будто не знает. Он нам всем одну и ту же лекцию читал.

— Не совсем. Не заметил, что когда комендант хотел получить определенный ответ, он всегда спрашивал у Ассасина?

Верно, так оно и было.

— Пташка, а ты в каком звании?

Машина только что приземлилась; Берд задержал руку на защелке дверцы и ухмыльнулся:

— Рядовой первого класса. И проваливаться мне никак нельзя.

Я фыркнул:

— Тебе не грозит.

Я удивился, что он даже не капрал, но парень с мозгами и образованием Пташки расщелкает офицерское училище так же быстро, как проявит себя в бою... что случится сразу же после его восемнадцатого дня рождения. Время военное.

Пташка улыбнулся еще шире:

— Увидим.

— У тебя все будет как надо. Это нам с Хасаном надо беспокоиться, а не тебе.

— Да ну? А вдруг у мисс Кендрик на меня зуб? — Берд открыл дверцу и вздрогнул.— Эй! Мой сигнал! Пока!

— Увидимся, Пташка.

Но мы не увиделись, и он не окончил училища. Он получил повышение через две недели, а его знаки различия вернулись в училище с восемнадцатой наградой — Раненый Лев, посмертно.

13

«Вы, парни, думаете, что это (вычеркнуто) подразделение — (вымарано) детский сад? Так вот — вы ошибаетесь! Ясно?»

Приписывается капралу-эллину
под стенами Трои,
1194 год до Р.Х.

«Роджер Янг» нес один взвод, и то было тесно; на «Туре» размещалось шесть — и оставалось полно места. На этой по-

судине хватало пусковых шахт, чтобы сбросить всех десантников, а кают столько, что можно было взять на борт вдвое больше солдат и сделать вторую выброску. Вот тогда действительно было бы тесно — питание посменно, гамаки в коридорах и бросковых комнатах, вода по рациону, вдыхай, когда твой товарищ выдыхает, и эй ты, убери свой локоть у меня из глаза! Я радовался, что, пока я служил, на «Туре» не удвоили персонал.

Но птичка была скоростная, и сил ей доставало, чтобы поднять всю рвущуюся в бой толпу и доставить ее в любую точку Земной Федерации и далеко в пространство жуков; на двигателе Черенкова она летит как ошпаренная, а то и быстрее. Скажем, от Солнца до Капеллы, это сорок шесть световых лет, делает за шесть недель.

Конечно, такая грузовозка на шесть взводов невелика по сравнению с боевым кораблем или пассажирским лайнером. Она — компромисс. Мобильная пехота предпочитает скоростные небольшие корветы, рассчитанные на один взвод; они лучше подходят для наших операций. А если предоставить решение флотским, каждый корабль нес бы не меньше полка. Для управления что корветом, что монстром на целый полк требуется примерно одинаково флотских. Ну на корабле покрупнее побольше ремонтников и обслуги, но эту работу могут выполнить сами солдаты. В конце концов, эти ленивые десантники все равно ничего не делают, только спят, жрут и полируют пуговицы. Так пусть делом займутся. Это флотские так говорят.

А настоящее мнение флота таково: армия устарела, давно пора упразднить.

Официально флот этого не заявляет, но поговорите с любым флотским офицером во время увольнения — и он вам все уши прожужжит. Они там считают, будто могут вести любую войну, выиграть ее, послать вниз несколько своих человек, чтобы поддержали планету, пока не прибудет на замену дипломатический корпус.

Признаю, последние их игрушки могут сшибить планету с небес. Собственными глазами не видел, но верю. Может быть,

я устарел, как Tyrannosaurus тех. Я себя таким не чувствую, мы, гориллы, можем делать то, что все эти навороченные корабли не умеют. А отпадет у правительства надобность в нас — нам скажут.

Может быть, и хорошо, что последнее слово не принадлежит ни армии, ни флоту. Рядовой не сможет дослужиться до маршала, если не командовал полком и боевым кораблем. Сначала нужно пройти через мобильную пехоту, получить свою порцию шишек, а затем стать флотским офицером (думаю, малыш Пташка так и собирался поступить) или сначала стать пилотом и навигатором, а потом отправляться в лагерь Карри. И так далее.

Я с уважением выслушаю человека, который способен на такое.

Как большинство транспортов, «Тур» был смешанным кораблем; самая изумительная перемена для меня — допуск на «север от тридцати». Переборка, которая отделяет дамское царство от грубых субъектов, пользующихся бритвой, необязательно тридцатая по номеру, просто на любом смешанном корабле ее традиционно называют «тридцатая переборка». Сразу за ней располагалась кают-компания, а дальше простиралась страна женщин. На «Туре» кают-компания служила столовой для женщин-рядовых, они ели сразу перед нами, а между кормежками ею попеременно пользовались то они, то их офицеры — уже для отдыха. Офицеры-мужчины отдыхали в помещении по другую сторону тридцатой переборки, которое называлось «карточной комнатой».

Кроме очевидного факта, что выброска и отход требуют лучших пилотов (id est женщин), существует еще одна причина, почему на транспортниках служат женщины. Это здорово способствует поднятию морали среди солдат.

Забудем на минуту традиции мобильной пехоты. Можете придумать что-нибудь глупее, чем позволить выстрелить собой с корабля навстречу скорой смерти и увечьям? Но если кому-то и приходится исполнять этот идиотский трюк, знаете ли вы способ держать десантника в тонусе надежнее, чем постоянно

напоминать ему, что единственная причина для мужской драки — это живая и дышащая реальность?

На смешанных кораблях последнее, что солдат слышит перед броском (может быть, последнее, что он вообще слышит в своей жизни),— это женский голос, желающий ему удачи. Если вы думаете, что это ничего не значит, вероятно, вы исключение из человеческой расы.

На «Туре» было пятнадцать флотских офицеров, восемь дам и семь мужчин; и восемь офицеров мобильной пехоты, включая (счастлив сказать) и меня. Не скажу, что «тридцатая переборка» подтолкнула меня к офицерскому училищу, но привилегия обедать вместе с дамами привлекательнее любой прибавки к жалованью. Председателем за столом была шкипер, а мой босс, капитан Блэкстоун, был вице-председателем, и вовсе не из-за звания; трое флотских были старше его. Но как командующий ударным отрядом он de facto был старше всех остальных, кроме шкипера.

Любой прием пищи проходил согласно ритуалу. Мы ожидали в карточной, пока не пробьет нужный час, следом за капитаном Блэкстоуном входили в столовую и вставали позади своих стульев. Шкипер входила с эскортом дам, и когда она вставала во главе стола, капитан Блэкстоун отвешивал поклон и произносил: «Госпожа председатель... дамы», а шкипер отвечала: «Господин вице-председатель... господа». После чего каждый из мужчин должен был помочь сесть своей соседке справа и усесться сам.

Ритуал демонстрировал, что мы в светском обществе, а не на заседании штаба. Тем не менее ко всем обращались по званию, кроме младшего флотского офицера и меня, нас называли «мисс» и «мистер». Существовало одно исключение, которое сбило меня с толку.

На первом обеде на борту «Тура» я услышал, как капитана Блэкстоуна называют майором, хотя знаки различия ясно показывали, кто он такой. Позже меня просветили. Не может быть двух капитанов на военном корабле, поэтому общество скорее повысит в звании армейского капитана, чем обратится

к нему по званию, положенному одному и единственному монарху. А если на борту, кроме шкипера, находится флотский капитан, его или ее будут называть коммодором, даже если шкипер — скромный лейтенант.

Десант смотрит на эти маневры как на неизбежность и на своей части корабля не обращает никакого внимания на флотские глупости.

За столом сидели особым образом: во главе шкипер, напротив нее — наше начальство, младший мичман — по правую руку от него, а я — по правую руку капитана. Лично я гораздо охотнее сидел бы рядом с мичманом, она была очень даже хорошенькая, но порядки здесь устанавливали, судя по всему, пожилые матроны. Я так и не сумел узнать, как зовут ту симпатяшку.

О том, что я, как самый младший по званию мужчина, буду сидеть рядом с капитаном, меня предупредили загодя, но что я должен усадить ее на место, мне никто не сказал. В первый же вечер она осталась ждать, и никто не садился, пока третий помощник бортинженера не толкнул меня локтем. Я так не смущался с тех пор, как очень сильно оконфузился в детском саду, хотя капитан Йоргенсон даже бровью не повела.

Когда шкипер поднимается со стула, обед окончен. Она здорово рассчитывает время, но один раз присела всего на пару минут и встала. Капитан Блэкстоун был раздосадован. Он тоже поднялся и сказал:

— Капитан...

Она остановилась.

— Да, майор?

— Не может ли капитан любезно распорядиться, чтобы мне и моим офицерам накрыли в карточной?

— Разумеется, сэр,— холодно отозвалась шкипер.

И мы пообедали в другой комнате. Но ни один флотский к нам не присоединился.

В следующую субботу шкипер воспользовалась своим правом инспектировать находящихся на борту солдат, чего обычно не делается. Тем не менее Йоргенсон просто прошла вдоль

шеренг без единого комментария. Вообще-то она вовсе не поборник строжайшей дисциплины, и когда она не хмурит сурово брови, у нее хорошая и приятная улыбка. Капитан Блэкстоун назначил второго лейтенанта Ржавого Грэхэма гонять меня по математике; шкипер каким-то образом выяснила это дело и сказала Блэкстоуну, чтобы я являлся к ней каждый день после ленча на часовой урок. Она жутко ругалась, если домашнее задание не было выполнено на «отлично».

Наши шесть взводов составляли две роты, неполный батальон; капитан Блэкстоун командовал ротой «Ди», Бандитами Блэки и всем батальоном в придачу. А наш комбат, майор Ксера, находился вместе с ротами «Эй» и «Би» на «Нормандии» — может, даже в другой половине Галактики. Он командовал нами, только когда мы собирались все вместе, ну еще кэп Блэки получал от него распоряжения и отсылал ему некоторые рапорты. Все остальное шло прямиком в штаб флота, штаб дивизии или на базу. У Блэки был флотский сержант в помощь — настоящий маг и волшебник,— помогавший ему управляться и с почтой, и с нами.

Когда армия разбросана по сотням кораблей на протяжении многих световых лет, административные вопросы — дело непростое. На «Вэлли Фордж», на «Роджере Янге» и теперь на «Туре» я принадлежал все к тому же третьему («Избалованные зверюшки») полку первой («Полярис») десантной дивизии. Для операции «Жучий дом» из доступных подразделений сколотили «третий полк», но «своего» полка я там не видел. Видел только Бамбургера да полчища жуков.

Я мог быть приписан к «Избалованным зверюшкам», состариться и выйти в отставку — и в глаза не увидеть комполка. У Разгильдяев командир роты был, но он командовал первым взводом («Шершни») на другом корвете. Я не знал его имени, пока не увидел подпись в приказе о моем направлении в офицерское училище. Существует легенда о «потерявшемся взводе», который пошел в увольнительную, а их корабль тем временем разукомплектовали. Командира повысили в звании, а остальные взводы разбросали по другим частям. Забыл, что

произошло с их лейтенантом, но отпуска, как правило, самое удобное время для перевода. Теоретически ему должны были прислать замену, но практически с этим делом всегда напряженка.

Говорят, этот взвод целый год гулял напропалую по Черчилль-роуд, прежде чем ребят хватились.

Я в это не верю. Но такое могло быть.

Хроническая нехватка офицеров здорово повлияла на мои служебные обязанности. В мобильной пехоте более низкий процент офицеров, чем во всех армиях в истории, а все потому, что сама мобильная пехота уникальна. Если у вас десять тысяч солдат, сколько из них идут в бой? А сколько чистят картошку, водят грузовики, копают могилы и перекладывают бумаги?

В мобильной пехоте сражаются все десять тысяч.

В большинстве войн двадцатого века, чтобы могли воевать десять тысяч человек, требуется еще семьдесят тысяч (и это факт!).

Признаю, чтобы доставить нас к месту боя, нужен флот; но ударный десантный отряд даже на корвете превышает число матросиков втрое. Да, нас обслуживают гражданские и вольноопределяющиеся, примерно десять процентов солдат находятся в увольнениях, время от времени лучших из лучших переводят в учебные лагеря в качестве инструкторов.

Если видите десантника за канцелярским столом, можете быть уверены: у него нет руки, ноги или еще чего-нибудь. Есть такие, как сержант Хо и полковник Нильссен, которые отказались от пенсии, и каждого из них нужно считать за двух. Они освобождают здоровых солдат от работы, которая требует боевого духа, а не физического здоровья. Они делают то, чего не могут штатские, иначе мы наняли бы штатских. Гражданские, они как бобы; покупаешь их, когда требуется смекалка и сноровка.

Но боевой дух за деньги не купишь.

Он редок. Мы используем его весь без остатка и не тратим впустую. Если считать соотношение между населением, которое мы защищаем, и нашей численностью, мобильная пехота — самый небольшой род войск за историю человечества. Десант-

ника нельзя нанять за деньги, нельзя призвать на службу, нельзя принудить угрозой... его нельзя даже удержать, если ему вздумалось уйти. Он может не выдержать за тридцать секунд до выброски, сдадут нервы у парня, и он откажется входить в капсулу. Знаете, что случится? Он получит жалованье и не сможет голосовать.

В училище нам рассказывали об армиях, которыми управляли, словно рабами на галерах. Но мобильный пехотинец — свободный человек; все, что им движет, идет изнутри — самоуважение, уважение товарищей по оружию, гордость за то, что он один из них. Словом, то, что называется моралью или *esprit de corps*.

А корень нашей морали таков: «Все работают, все сражаются». Мобильный пехотинец не старается заполучить легкую, безопасную работу, у нас такой нет. О, солдат уворачивается как умеет! Любой рядовой, которому хватает смекалки, сумеет придумать причину, по которой ему не следует драить казарму или разбирать вещи на складе; это древнейшее право солдата.

Но все «легкие, безопасные» работы выполняют штатские, а солдаты, которые на вес золота, лезут в капсулы, уверенные, что вместе с ним так поступают остальные от генерала до рядового. В другом месте и в другой день, или час, или меньше — неважно. Важно то, что в десант идут *все*. Поэтому солдат входит в капсулу, даже если не осознает причины.

Если мы отступим от этого правила хоть на шаг, мобильной пехоты не станет. Нас держит вместе одна лишь мысль, но связывает сильнее стального троса. Просто ее магия действует, пока идея не нарушается.

Это самое правило — «все дерутся» — позволяет обходиться столь малым числом офицеров.

Об этом я знаю больше, чем хотелось бы, потому что однажды задал глупый вопрос на военной истории и получил задание, которое принудило меня копаться в материале от «De bello gallico» до классического цзиньского «Крушение Золотой империи»*. Возьмем, к примеру, идеальную десантную дивизию — на бумаге, потому что в природе таковой не сыщешь.

Сколько ей требуется офицеров? Приданные подразделения из других родов войск не в счет, они в бою не участвуют и порядки у них иные. Там все гении и таланты носят чин офицера. Если какой-нибудь телепат, экстрасенс, человек с невероятной памятью или другой счастливчик радуется, что я отдаю ему честь, мне нетрудно. Он для армии более ценен, чем я, и заменить я его не сумею, проживи я хоть двести лет. Или возьмем корпус К-9, там пятьдесят процентов офицеров, а оставшиеся пятьдесят — неопсы.

Но ни один из них не находится в структуре командования, так что рассматривать будем только нас, горилл, и тех, кто нас погоняет.

В нашей воображаемой дивизии десять тысяч восемьсот человек, поделенные на двести шестнадцать взводов, и при каждом взводе есть лейтенант. Три взвода — рота, значит, еще семьдесят два капитана на душу населения. Четыре роты — батальон, которому требуется восемнадцать майоров или подполковников. Шесть полков (шесть полковников) формируют две или три бригады, куда требуется генерал-майор. Ну и генерал-полковник — наш бог и отец.

Итого триста семнадцать офицеров, а значит, в дивизии — одиннадцать тысяч сто семнадцать человек.

Пустых номеров нет, и каждый офицер ведет свою команду. Посчитаем процент? Три. Вот сколько офицеров в мобильной пехоте, просто у нас комсостав используют несколько иначе. На деле многими хорошими взводами командуют сержанты, а многие офицеры «носят больше одной фуражки», чтобы выполнять еще и штабную работу.

Даже командиру взвода нужен «штаб» — его взводный сержант.

Но комвзвода может справиться без сержанта, а сержанту вовсе не нужен комвзвода. Зато генералу штаб нужен, слишком много работы, чтобы все делать самому. Генералу нужно много людей для планирования операций и еще немного — для командования в бою. А поскольку офицеров всегда не хва-

тает, подчиненные генерала выполняют несколько обязанностей. Их подбирают из лучших матлогиков мобильной пехоты, а потом они идут в десант вместе со своими солдатами. Сам генерал идет в бросок вместе с боевым штабом плюс небольшой командой бойцов из самых крутых десантников. Их задача — не давать грубым туземцам отвлекать генерала, пока он командует сражением. Иногда им это даже удается.

Кроме штабных любой команде больше взвода размером требуются заместитель командира. Но офицеров всегда не хватает, еще не забыли? Приходится обходиться без него. Чтобы заполнить все вакансии, необходимо пять процентов офицеров, а у нас и три с трудом наскребаются.

А многие армии прошлого вместо оптимальных пяти процентов имели и десять, и даже пятнадцать процентов. Даже нелепые двадцать! Вы думаете, я вам сказки рассказываю? Но это правда, особенно в двадцатом столетии. Что же это за армия, в которой офицеров больше, чем капралов (а тех больше, чем рядовых)!

Такая армия будто специально создана, чтобы проигрывать войны. История для них ничего не значит. Армия, в которой солдаты в меньшинстве, просто гигантская бюрократическая машина.

Чем занимались эти, прошу прощения, «офицеры», если не командовали солдатами?

В основном бездельничали — руководили офицерскими клубами, присматривали за поведением, отвечали за физподготовку, связь с общественностью, организацией досуга, гарнизонные магазины, транспорт, юрконсультации, вероисповедание (и еще помощник капеллана, а еще младший помощник капеллана), за все-про-все, что только можно придумать... Там был даже офицер-нянька!

В мобильной пехоте есть почти все эти должности, но их занимают боевые офицеры, а если работа действительно очень важная, то дешевле и проще предоставить ее гражданским лицам. Но в двадцатом веке доходило до того, что боевым офицерам

приходилось носить особые знаки различия, чтобы хоть как-то отличаться от гусаров верхом на палочке.

Нехватка офицеров в военное время гораздо острее, потому что потери среди них всегда выше... а мобильная пехота не выдаст патент кому попало, лишь бы заткнуть дыру. Каждый учебный лагерь должен поставлять примерно одинаковый процент тех, кто сможет стать офицером, а поднять процент, не понижая качества, невозможно. Отряду на «Туре» требуется тринадцать офицеров — шесть комвзводов, два ротных и два их помощника, командир всего подразделения, его заместитель и адъютант.

Офицеров тут было шестеро... и я.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КОМАНДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫМ БАТАЛЬОНОМ В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Капитан Блэкстоун
(1-я должность)

Сержант космофлота

Рота «Си» **«Вервольфы Варрена»** **Первый лейтенант Варрен**	**Рота «Ди»** **«Бандиты Блэки»** **Капитан Блэкстоун** **(2-я должность)**
1-й взвод — *первый лейтенант Байонн*	*1-й взвод —* *первый лейтенант Сильва (госпит.)*
2-й взвод — *второй лейтенант Сукарно*	*2-й взвод —* *второй лейтенант Хорошин*
3-й взвод — *второй лейтенант Н'гам*	*3-й взвод —* *второй лейтенант Грэхэм*

Я должен был служить под началом лейтенант Сильвы, но в день моего прибытия его увезли в госпиталь с какими-то жуткими судорогами. И это не значило, что я получу его взвод; временный третий лейтенант за человека не считается, капи-

тан Блэкстоун мог передать меня лейтенанту Байонну, а командовать взводом отправить сержанта или «надеть и третью фуражку» и взять взвод самому.

На деле он, в общем, так и поступил, хотя командиром взвода назначил меня. Батальонным он поставил лучшего сержанта, одолжив его у «Вервольфов», а своего флотского сержанта сделал взводным своего первого взвода, на время сильно понизив его в должности. Затем капитан мне объяснил все кратко и очень доходчиво: номинально считаюсь командиром я, а командует он и его флотский сержант.

Буду хорошо себя вести, мне позволят изобразить из себя командира. Мне даже позволят покомандовать во время десанта, но если мой взводный сержант хоть слово вякнет комроты — лучше повеситься самому.

Мне такое положение дел подходило. Пока я справляюсь, взвод — мой, а если не справляюсь, то чем раньше меня выпрут, тем лучше для всех. Кроме того, куда легче получить взвод вот так, а не после гибели командира в бою.

Я очень серьезно подошел к работе, это же был *мой* взвод, так было записано в должностной разнарядке. Но распределять обязанности еще не научился, и первую неделю крутился среди рядовых больше, чем это хорошо для команды. Блэки вызвал меня к себе.

— Сынок, какого черта ты делаешь, а?

Я обиженно ответил, что пытаюсь получше подготовить свое подразделение к действиям.

— Да ну? Что ж, результата ты не добился. Парни гудят, как пчелиный рой. За каким дьяволом я приставил к тебе лучшего сержанта во флоте? Сейчас ты вернешься в свою каюту, повиснешь за шиворот на вешалке и провисишь там, пока не закончится подготовка к операции. А сержант вручит тебе взвод настроенным на выброску, словно скрипка.

— Как капитану будет угодно,— сумрачно согласился я.

— И еще. Не выношу офицеров с *кадетскими* замашками. Забудь это дурацкое обращение в третьем лице, оставь его для

генералов и шкипера. Прекрати расправлять плечи и щелкать каблуками. Офицерам предполагается выглядеть расслабленными, сынок.

— Да, сэр.

— И пусть это будет последний раз, когда ты обозвал меня сэром. То же самое относится к салюту. Сними с физиономии эту *кадетскую* маску и нацепи туда улыбку.

— Есть, с... Ладно.

— Так-то лучше. Прислонись к переборке. Почешись. Зевни. Все что угодно, только не будь оловянным солдатиком.

Я попытался... и застенчиво улыбнулся, как только выяснил, насколько нелегко ломать привычки. Привалиться к переборке было сложнее, чем стоять по стойке «смирно». Капитан Блэкстоун придирчиво осмотрел меня.

— Попрактикуйся,— посоветовал он.— Офицер не может выглядеть испуганно или напряженно, это заразно. А теперь скажи мне, Джонни, что нужно твоему взводу. Я не о житейских мелочах, меня не интересует, положенное количество носков у каждого в шкафчике или нет.

Я в скоростном темпе поразмыслил.

— Э-э... вы случайно не знаете, собирался ли лейтенант Сильва рекомендовать Брамби в сержанты?

— Случайно знаю. Что *ты* об этом думаешь?

— Ну... в рапортах сказано, что он вот уже два месяца как фактически занимает должность сержанта. И отлично справляется.

— Я спросил ваше мнение, мистер.

— Ну, с-сэ... Извините. Я в деле его не видел, у меня не может быть о нем мнения. В бросковой любой солдат хорош. Но как я вижу, он слишком давно на сержантском месте, чтобы переводить его обратно, а через его голову назначить другого. Он должен надеть третью лычку раньше, чем мы пойдем в бой, или придется его переводить в другое место, когда мы вернемся. И даже раньше.

Блэки хрюкнул:

— Для третьего лейтенанта ты слишком легко разбрасываешься моими Бандитами.

Я покраснел.

— Но это же слабое место в моем взводе. Брамби необходимо или повышать или переводить. Я не хочу, чтобы он вернулся на прежнее место, а кто-то скакнул через него. Он озлобится, и станет только хуже. Если он не может получить третью нашивку, пусть отправляется в управление кадрами. Тогда его не унизят, а дадут честный шанс стать сержантом в другом подразделении, вместо того чтобы торчать тут в тупике.

— Правда? — оскал у Блэки был какой-то ненатуральный.— После мастерски проведенного анализа примените свои дедуктивные способности и объясните, почему лейтенант Сильва не перевел Брамби три недели назад, когда мы прибыли на орбиту Санктуария?

Я и сам удивлялся. Перевести человека лучше всего сразу, как только ты принял такое решение — и без предупреждения; так лучше и для человека, и для команды. Это так в учебнике написано. Я медленно произнес:

— А лейтенант Сильва в то время уже был болен?

— Нет.

Все встало на свои места.

— Капитан, я рекомендую немедленно присвоить Брамби сержанта.

У него брови взлетели аж до волос.

— Минуту назад вы собирались его сбросить как ненужный балласт.

— Ну, не совсем. Я сказал, что тут одно из двух. Просто не знал, что именно. Теперь знаю.

— Продолжайте.

— Ну, считая, что лейтенант Сильва хороший офицер...

— Гр-рррр! Мистер, к вашему сведению, у Быстрого Сильвы в форме тридцать один цепь пометок «отлично, рекомендовать к повышению» еще ни разу не прерывалась.

— Да знаю я, что он хороший офицер, по взводу видно,— я с трудом прокладывал борозду.— Хороший офицер может по многим причинам откладывать повышение, но свои соображения бумаге не доверить. В данном случае, если он не мог

повысить Брамби, ему следовало немедленно списать его с корабля, а он этого не сделал. Следовательно, он намеревался представить Брамби к повышению,— я помолчал и добавил: — Я только не понимаю, почему он не дал Брамби новые лычки три недели назад в увольнении.

Капитан Блэкстоун ухмыльнулся:

— Это потому, что ты не считаешь меня хорошим офицером.

— С-сэ... Прошу прощения?

— Неважно. Ты доказал, кто убил малиновку, а я не жду, что неоперившийся кадет будет знать все наши ходы. А теперь слушай и учись, сынок. Пока идет эта война, никогда не повышай человека перед возвращением на базу.

— Но... но почему, капитан?

— Ты тут говорил, что надо послать Брамби в загон для сменщиков, если нельзя повысить его. Но если бы мы дали ему сержанта три недели назад, туда бы он и попал. Ты понятия не имеешь, какая там идет охота на младший командный состав. Порыщи у меня в мусорной корзине, там завалялись две заявки на сержантов от кадровиков. И отказать я сумел только потому, что у меня один сержант недавно отправился в училище, а второй занял его место,— он опять усмехнулся.— Война — грязное дело, сынок. Стоит только недоглядеть, и твои же сограждане уведут из-под носа лучших бойцов.

Он вынул из стола два листа бумаги.

— Держи.

Это был рапорт лейтенанта Сильвы кэпу Блэки с рекомендацией для Брамби, датированный месяцем назад.

И — приказ о назначении Брамби, датированный следующим днем после нашего отлета с Санктуария.

— Сгодится тебе?

— А? Ну... ой, ну да, конечно!

— Я ждал, что ты отыщешь слабое место во взводе и скажешь мне, как следует поступить. Я рад, что ты справился, но рад не до конца, потому что опытный офицер сделал бы подоб-

ный анализ, как только увидел записи, служебные документы и разнарядки. Ничего, так мы и набираемся опыта. Вот что ты сделаешь. Напишешь мне такой же рапорт, дату поставь вчерашнюю. Попросишь взводного сержанта сказать Брамби, что ты даешь ему третью полоску, но не говори, что и Сильва сделал то же самое. Когда Брамби явится ко мне, я дам ему знать, что оба его офицера рекомендовали ему повышение. Парню будет приятно. Ладно, что еще?

— Ну да... не по организации, если только лейтенант Сильва не планировал поставить Найди на место Брамби. В таком случае можно повысить одного рядового первого класса до капрала, что позволит нам четырех рядовых дотянуть до первого класса, считая три вакансии, которые и так есть. Не знаю, вы сторонник заполнения состава до отказа или нет?

— Разумеется,— промурлыкал Блэки.— Мы же оба знаем, что не всем тем парням выпадет случай насладиться долгими годами жизни. Просто запомни, что мы не даем первый класс, пока рядовой не сходит в десант. Во всяком случае, у Бандитов. Выясните этот вопрос у своего взводного сержанта и дайте мне знать. Не торопитесь... скажем, сегодня, в любое время до отбоя. Так... еще что-нибудь?

— Н-ну... капитан, меня беспокоят скафандры.

— Не одного тебя. Еще и все взводы.

— Про все взводы я ничего не скажу, но у нас пять скафандров нужно подогнать, четыре повреждены и были заменены, а еще два забраковали на прошлой неделе и только сейчас прислали замену со склада. Ну и я не понимаю, как Кунха с Наваррой могут прогреть все это хозяйство и провести стандартные тесты с остальными сорока одним за оставшееся время. Даже если ничего не случится.

— Что-нибудь всегда случается.

— Вот именно, капитан. Но только на разогрев и подгонку требуется двести сорок шесть человеко-часов, а на проверку остальных — еще сто двадцать три. Но обычно всегда получается дольше.

— Ну и что ты об этом думаешь? Остальные взводы помогут тебе, если закончат проверку раньше времени. В чем я лично сомневаюсь. И у Вервольфов помощи и не думай просить. Нам самим придется им помогать, скорее всего.

— Э-э... капитан, я понятия не имею, что вы скажете о моем предложении, раз вы велели не соваться к солдатам. Но капралом я был помощником сержанта-техника из оружейной.

— Говори-говори.

— Ну а потом сам стал там сержантом. Но мной всегда руководили, спецподготовки я не прошел. Но помощник из меня чертовски хороший, и если мне позволят, ну, я мог бы разогреть новые скафандры или провести тесты, а у Кунхи с Наваррой будет больше времени на то, что обычно всегда случается.

Блэки разулыбался:

— Мистер, я очень внимательно изучил устав и не нашел ни одной статьи, которая запрещает офицеру пачкать руки. Я говорю об этом потому, что некоторые «юные джентльмены», которых мне недавно подкинули, такую статью отыскали. Ладно, надевай спецовку, не стоит вместе с руками пачкать еще и мундир. Ступай на корму, отыщи своего взводного, расскажи ему о Брамби и прикажи подготовить рекомендации на тот случай, если мне взбредет в голову подтвердить повышение. Потом сообщи ему, что собираешься все свое время посвятить оружейной, а со всем остальным во взводе пусть справляется самостоятельно. Скажи, если у него возникнут проблемы, пусть ищет тебя в арсенале. Но не болтай, что консультировался со мной, просто отдай приказ. Дошло?

— Так точно, сэ... Да, дошло.

— Отлично, топай отсюда. Будешь проходить карточную, пожалуйста, передай привет Ржавому и вели идти сюда, если он в силах дотащить свой ленивый скелет до моего кабинета.

Я даже в учебном лагере никогда не был так загружен работой, как следующие две недели. По десять часов в день я возился в арсенале, и это далеко не все. Математика, куда без нее,

и при таком репетиторе, как сама шкипер, не проманкируешь. Еда — полтора часа в день. Плюс все те мелочи, которые позволяют выжить: бритье, душ, пришить пуговицу, попытаться выследить корабельного кладовщика, заставить его отпереть прачечную и найти место нахождения чистой униформы за десять минут до поверки. На флоте существует неписаный закон, что помещение должно быть заперто, когда оно особенно необходимо.

Несение караула, построения, смотры, минимум взводных дел — минус еще один час из жизни. Но кроме того, я был «жоржиком». В каждой части есть свой «жоржик». Это самый младший по званию офицер, который помимо своих прямых обязанностей выполняет кучу прочих дел. Он — офицер по физподготовке, цензор солдатской почты, спортивный судья, офицер-инструктор, прокурор трибунала, казначей в кассе взаимопомощи, хранитель финансовых ведомостей и реестров, завскладом, наблюдатель за солдатской столовой, эт сетера ад тошнотум.

До меня «жоржиком» был Ржавый Грэхэм, и теперь он рыдал от счастья. Правда, перестал, когда я захотел проинспектировать все, что принимаю под свою ответственность. Он предположил, что если я не верю товарищу на слово, то, может, поможет прямой приказ старшего по званию? Я помрачнел и заявил, что хочу видеть этот приказ в письменном виде с заверенной копией, чтобы сохранить оригинал у себя, а копию отдать непосредственному командиру.

Ржавый сдал позиции. Даже второй лейтенант не настолько глуп, чтобы письменно отдавать подобные приказы. Но и мне радоваться было нечему, потому что жил я в одной каюте со Ржавым, который по тем временам еще был моим учителем математики. Но инспекцию мы провели! Лейтенант Варрен сожрал меня с потрохами за чрезмерную и глупую бдительность, но сейф открыл и позволил мне взглянуть на ведомости. Капитан Блэкстоун предоставил документы без комментариев, и я так и не понял, одобрил он мое рвение или нет.

Ведомости были в порядке, баланс — нет. Бедолага Ржавчик! Он поверил своему предшественнику на слово, а теперь и спросить было не с кого. Тот парень не просто отсутствовал, он погиб. Ржавый провел бессонную ночь (вместе со мной, дал он мне заснуть, как же!), затем пошел к Блэки и рассказал правду.

Блэки наточил зубы и сделал из Грэхэма отбивную, затем нашел способ списать утерянное на «потери в бою». Недостача сократилась до суммы жалованья за несколько дней, но Блэки оставил склад за Ржавым, откладывая ревизию на неопределенный срок.

Не все заботы доставляют «жоржику» столько головной боли. Трибуналов у нас не было; в хорошей боевой команде они не нужны. Цензура тоже ушла лесом, так как корабль шел на Черенкове. По той же причине отпала надобность в кассе взаимопомощи. Физкультуру я перепоручил Брамби, а рефери требовался от случая к случаю. Солдатская столовая пребывала в превосходном состоянии, я только подписывал меню и время от времени инспектировал камбуз, то есть после поздней работы в оружейной брал там бутерброды, не вылезая из спецовки. Заочные курсы требовали много бумажной работы, так как многие продолжали обучение, война там или не война, им было все равно. Я отрядил на это дело взводного сержанта, после чего все записи вел один рядовой первого класса и клерк по совместительству.

Тем не менее на «жоржиковые» заботы уходило по два часа в день — слишком много.

Теперь займемся подсчетами: десять часов в арсенале, три — математика, полтора часа — еда, час на личные дела, час на армейские, два «жоржиковых», восемь часов на сон. Итого — двадцать шесть с половиной. А корабль живет не по времени Санктуария, где в сутках двадцать пять часов, а по Гринвичу и универсальному календарю.

Урезать приходилось сон.

Как-то в час ночи я потел над домашним заданием по математике в карточной, когда вошел капитан Блэкстоун. Я сказал:

— Добрый вечер, капитан.

— Ты хотел сказать: доброе утро? За каким дьяволом ты здесь, сынок? Бессонница?

— Да не то чтобы...

Со словами: «А что, сержант не мог сделать за тебя бумажную работу?..» он взял лист бумаги.

— А, понял. Иди спать.

— Но, капитан...

— Так. Лучше сядь, Джонни, все равно я собирался поговорить с тобой. По вечерам в карточную тебя не затащишь. Как ни пройду мимо твоей каюты, ты сидишь за столом. Как сосед ложится спать, ты перебираешься сюда. В чем проблема?

— Вот... не успеваю никак, похоже.

— Так никто не успевает. Как идут дела в оружейной?

— Нормально. Думаю, все получится.

— Вот и я того же мнения. Слушай, сынок, выработай систему приоритетов. У тебя две внеочередные обязанности. Во-первых, подготовить экипировку взвода к десанту. С этим у тебя порядок. О самом взводе тебе заботиться не надо, об этом мы уже говорили. Во-вторых, и это гораздо важнее, ты должен готовиться к бою. Тут у тебя провал.

— Я буду готов, капитан.

— Чушь собачья и с боку бантик. Ты не тренируешься и плохо спишь. Это так ты готовишься к выброске? Когда поведешь в бой взвод, сынок, то будешь это делать бегом. Начиная с сегодняшнего дня с шестнадцати тридцати по восемнадцать ноль-ноль будешь тренироваться. Каждый день. А если не сможешь заснуть в течение пятнадцати минут, пойдешь к врачу на освидетельствование. И это приказ.

— Так точно, сэр.

Я почувствовал, будто переборки сдвинулись и душат меня.

— Капитан, не понимаю я, как я окажусь в кровати в двадцать три ноль-ноль и при этом все успею сделать.

— Так не успевай. Я же сказал тебе: выбирай приоритеты. Расскажи-ка, как ты проводишь день.

Я так и сделал. Он покивал.

— Как я и думал,— он взял мою домашнюю работу по математике и швырнул на стол.— Возьмем вот это. Уверен, ты хочешь ее освоить. Но зачем так перенапрягаться перед высадкой?

— Ну, я думал...

— Вот чего ты не делал, так это думать. Из твоего положения есть четыре возможных выхода, и только в одном случае возникнет необходимость справиться с этими заданиями. Во-первых, ты можешь получить отпущение всех грехов. Во-вторых, можешь искупить их малую часть и пойдешь с почетом в отставку. В-третьих, можешь не получить ни царапины, но получишь неблагоприятный отзыв от экзаменатора, а именно меня. И ты сейчас как раз нарываешься на такой отзыв. Я же не выпущу тебя в бой, если явишься с покрасневшими от недосыпа глазами и трясущимися, дряблыми мускулами от сидения за столом. В-четвертых, можешь взяться за ум, и я дам тебе немного покомандовать взводом. Допустим, ты устроишь там самое лучшее показательное шоу с тех пор, как Ахилл прирезал Гектора, и сдашь экзамен с блеском. Только в этом случае и сядешь за свою математику. На пути обратно. А со шкипером я поговорю, будешь заниматься по дороге на базу. Если мы вернемся домой. Но ты никуда не вернешься, если не научишься делать в первую очередь то, что действительно важно. Марш в кровать!

Через неделю мы прибыли в точку рандеву и сбросили скорость, чтобы флот мог обменяться сигналами. Мы получили инструкции, план операции, нашу боевую задачу — кучи слов, которых хватит на длинный роман,— и приказ не высаживаться.

Нет-нет, в операции мы участвовали, но вниз нас должны были доставить как благородных, на корабельных катерах. Это стало возможным потому, что Федерация уже поверхность планеты; вторая, третья и пятая дивизии заняли ее — и заплатили свою цену за победу.

По описанию овчинка не стоила выделки. Планета П меньше Терры, сила тяжести — семь десятых от нормы, по большей части там арктически-холодный океан и скалы, флора —

лишайники и мхи, фауна интереса не представляет. Дышать здешним воздухом долго не стоило, слишком много озона и окиси азота. Континент — одна штука, размером с Австралию, плюс множество бесполезных островов. Если нам захочется воспользоваться этой планетой, то терраформирования она потребует, как в свое время Венера.

Но жить мы тут не собирались; мы явились сюда только потому, что здесь были жуки. И были они здесь по нашу душу, как думала ставка. Ставка сказала нам, что на планете П есть недостроенная база противника (вероятность восемьдесят семь процентов плюс-минус шесть) и ею воспользуются против нас.

Раз планета ценности не имеет, то и от жучьей базы ее избавил бы флот, встал себе в сторонке на безопасном расстоянии и сделал этот безобразный шарик непригодным для обитания как жуков, так и людей. Но командование осенило идеей покруче.

В ставке задумали рейд. Нелепо называть рейдом сражение, в котором участвуют сотни кораблей и тысячи вероятных трупов, особенно когда флоту и всей армии требовалось оттонять жуков подальше от планеты П, дабы не пришли на помощь.

Главнокомандующий на мелочи не разменивался; масштабный рейд мог определить победителя в этой войне, неважно одержат ли победу на будущий год или через тридцать лет. Нам нужно узнать побольше о психологии жуков. Должны ли мы стереть с лица Галактики каждую их особь? Или достаточно дать по жвалам и предложить мир? Этого мы не знали, мы понимали их ровно настолько, насколько понимаем термитов.

Чтобы узнать психологию, нужно с ними поговорить, уяснить, что ими движет, выяснить, почему и за что они сражаются и при каких условиях остановятся. А посему армейские психологи затребовали пленных.

Рабочих взять в плен проще простого. Но жук-рабочий — всего-навсего живая машина. Воинов тоже можно взять в плен, если сжечь им конечности, отчего они становятся беспомощными, но без руководства они не умнее рабочих. И от таких

пленных наши профессора многое разузнали и изобрели всякие полезные штуки, вроде того маслянистого газа, от которого жуки дохнут, а мы нет. И новое оружие мы получили тоже после исследования биохимии противника. Но для изучения психологии требовался пленник из касты «умников». А еще мы надеялись на обмен.

До сих пор нам не удавалось взять живьем ни одного умника. Мы либо вычищали колонии с поверхности планеты, как на Шеоле, или (как гораздо чаще) наши солдаты спускались в их норы и не возвращались. Так мы потеряли многих очень храбрых парней.

Еще больше погибало при отступлении. Иногда команда оставалась на планете, потому что ее корабль или корабли взрывали. Что с ними происходило? Возможно, дрались до последнего. Более вероятно, дрались, пока оставались боеприпасы и энергия в скафандрах, после чего оставшихся легко брали в плен.

От наших тощих союзников мы узнали, что многие пропавшие без вести солдаты все еще живы и находятся в плену. Мы надеялись на тысячи, в сотнях были уверены. Разведка считала, что всех пленных свозят на Клендату; мы жукам были так же интересны, как и они нам. Раса отдельных личностей, которая строит города, звездные корабли, вооружение для роя таинственнее, чем рой для нас.

А мы хотели вернуть своих ребят домой!

Мрачная логика вселенной такова, что это желание могло оказаться нашей слабостью. Раса, не заботящаяся о спасении индивидуумов, может полностью вырезать таких гуманитариев, как мы. Худышки страдали состраданием в меньшей степени, чем мы, а жуки были лишены его начисто. Никто еще не видел, чтобы один жук пришел на помощь другому, если второй был ранен. Великолепно сработанное в бою подразделение шло на убой, как только становилось ненужным.

Мы поступаем иначе. Сколько раз вы видели заголовки вроде: «Двое погибли, пытаясь спасти тонущего ребенка»? Если человек потерялся в горах, сотни отправляются на поиски, и

часто двое-трое спасателей гибнет. Но на следующие поиски идет еще больше добровольцев.

Дурацкая арифметика... но очень человеческая. И эта мысль проходит через весь наш фольклор, все религии, всю литературу — если кто-то нуждается в спасении, о цене никто не думает.

Слабость? А может, уникальная сила, подарившая нам Галактику.

Сила или слабость, но у жуков этого нет, поэтому нет никакой перспективы обменять пленных на рабочих или воинов.

Но умников у себя в роях они ценят. По крайней мере, на это рассчитывали наши психологи. Если мы захватим живым и неповрежденным представителя этой касты, вот тогда можно начинать торг.

А уж если возьмем в плен королеву!..

Скольких можно обменять на королеву? Полк? Никто не знал, но в задачу входило взять в плен любого умника или королеву из королевских каст — *любой ценой.*

Третья цель операции «Королевский выкуп» заключалась в разработке методов: как спуститься вниз, как выкопать жуков из нор, как победить, не применяя оружия массового уничтожения. Солдат против жука-воина, теперь мы могли победить их на поверхности; корабль против корабля, наш флот был лучше; но вот в норах их нам пока не везло.

Если затея с обменом провалится, нам предстояло: а) выиграть войну, б) сделать это так, чтоб спасти наших, или в) — допустим и такой вариант — с честью погибнуть в бою. Планета П была своего рода проверкой.

Инструкции довели до сведения каждого пехотинца, потом он их еще раз прослушал во сне при гипноподготовке. Поэтому всякий знал, что сражаемся мы ради спасения товарищей и что на планете П пленных не держат. Стало быть, не стоит рваться за медалью в дикой надежде спасти кого-нибудь лично. Просто охота на жуков, но с новым вооружением, техникой и большими силами. Планету собирались чистить как луковицу, пока не станет ясно, что на ней не осталось ни одного жука.

Сначала флот прожарил все острова и незанятую часть материка до состояния радиоактивного стекла, так что можно было заняться жуками, не опасаясь за тылы. Вдобавок корабли стерегли на низкой орбите планету, охраняли нас, сопровождали транспорты и приглядывали, не творится ли на поверхности что-нибудь неположенное. Например, атака жуков в неожиданном месте.

По плану операции в задачу Бандитов Блэки входила поддержка основного задания по приказу или при удобном случае смена другой роты и занятие зоны, охрана ее и других подразделений, установление связи с другими десантниками и уничтожение любого жука, высунувшего из-под земли усики.

Так что на планету мы прибыли с комфортом. Я повел взвод рысью. Блэки отправился вперед на встречу с командиром той роты, которую мы должны были сменить. Он умчался за горизонт, будто вспугнутый кролик.

Я приказал Кунхе отрядить разведчиков, а взводного сержанта отослал налаживать контакт с патрулем из пятого полка. Нам, третьему полку, предстояло удержать участок в триста миль длиной и восьмидесяти шириной; мне же достался кусок сорок на семнадцать в дальнем левом углу. Вервольфы расположились позади нас, взвод лейтенанта Хорошина — справа, а за ним Ржавый со своими ребятами.

Участок соседей из пятой дивизии перекрывал наш спереди. Оговорюсь сразу, понятия «впереди», «сзади», «правый фланг» и «левый» определяются по датчикам командирских скафандров. Фронта как такового у нас не было, а был просто участок выжженной земли, а боевые действия в настоящий момент шли только в нескольких сотнях миль от нас, сзади и правее по нашим ориентирам.

Где-то там, милях в двухстах, должен был стоять второй взвод роты «Джи» второго батальона третьего полка, больше известный как «Разгильдяи».

Так же они могли находиться за сорок световых лет отсюда. Реальная дислокация не всегда совпадает с планом; все, что мне

было известно, так это то, что нечто под названием «второй батальон» стоит справа от парней с «Нормандии». Но это мог быть батальон из другой дивизии. Маршал воздушно-космических войск играет в шахматы, не советуясь с фигурками на доске.

Все равно мне не стоило думать о Разгильдяях, моя забота — Бандиты. Со взводом моим пока все было в порядке — насколько может быть на планете противника,— но дел мне хватало по горло. Мне было нужно:

1. Отыскать комвзвода, который удерживал мой район до меня.

2. Установить границы участка и дать о них знать командирам отделений и расчетов.

3. Установить контакт с командирами восьми взводов вокруг меня, пять из которых уже должны быть на позиции (из пятого и первого полка), а трое (Хорошин, Байонн и Сукарно) как раз на эти позиции выдвигаются.

4. Расставить своих ребят по местам — чем скорее, тем лучше.

Последний пункт следовало выполнить в первую очередь. Брамби с его отделением нужно послать на левый фланг, отделение Кунхи — растянуть перед ними до левого фланга, остальные четыре отделения воткнуть в дыры между ними.

Получалось стандартное каре, это мы отрабатывали на корабле по секундомеру.

— Кунха! Брамби! — позвал я по каналу для младшего комсостава.— Разворачивайтесь!

— Первое отделение — понял!

— Второе отделение — понял!

— Всем командирам — начинаем... и присматривайте за каждым рекрутом. Здесь где-то должны быть Часовые Господа, и я не желаю объясняться с Чангом, если кого-то из его ребят мы подстрелим по ошибке! — я перешел на частный канал.— Сарж, на левом фланге есть связь?

— Так точно, сэр. Они видят меня, видят вас.

— Хорошо. Не вижу сигнала углового маяка.

— Так его и нет.

— ...Поэтому направляйте Кунху по своим приборам. Кто у нас командир разведчиков? Хьюз? Его тоже, и пусть он установит новый маяк.

Я удивился, что третий или пятый полк не заменили маяк — на моем левом переднем углу смыкались позиции трех полков!

Но от гадания пользы никакой, и я продолжил:

— Ваш пеленг — два-семь-пять, двенадцать миль.

— Обратный — девять-шесть, чуть меньше двенадцати миль, сэр.

— Достаточно близко. Своего предшественника я пока не нашел, продвинусь вперед на максимальной скорости. Присмотрите тут за нашим хозяйством.

— Это уж обязательно, мистер Рико.

Я помчался на предельной скорости, вызывая по офицерской связи:

— Черный квадрат-1, отвечайте! Черный квадрат-1, Часовые Чанга, слышите меня? Прием!

Мне очень хотелось потолковать с командиром взвода, который мы сменили, и отнюдь не для того, чтоб засвидетельствовать почтение. Для беседы я собирался воспользоваться весьма грубыми словами.

Мне не понравилось то, что я увидел.

Либо шишки сверху оптимистично полагали, будто мы бросили против небольшой недостроенной базы превосходящие силы, либо Бандитам достался самый паршивый район. Еще при высадке я заметил скафандры на земле — пустые, как я надеялся, а может, и с трупами внутри, но здесь их было — завались.

Кроме того, тактический радар показывал, что позиции занимал целый взвод — мой собственный, а вот продолжали удерживать позиции или отступали к точке эвакуации — жалкие горстки. Никакой системы в их продвижении не улавливалось.

Я отвечал за шестьсот восемьдесят квадратных миль вражеской территории и до зарезу желал выяснить все обстоятельства до того, как моя часть увязнет по уши. План операции базировался на новой тактической установке, которую я нахо-

дил глупой: не заваливать жучиные норы. Блэки известил нас, сияя от счастья, но, по-моему, ему все это вовсе не нравилось.

Стратегия была проста и, полагаю, логична... если бы могли позволить себе потери. Дать жукам вылезти. Встретить и перебить на поверхности. И пусть лезут дальше. Не бомбить норы и не пускать в них газ. Спустя какое-то время — день, два дня, неделю,— если у нас действительно превосходящие силы, жуки вылезать перестанут. Плановики в штабе вычислили (не спрашивайте меня, как!), что противник потеряет от семидесяти до девяноста процентов своих воинов, прежде чем прекратит попытки выжить нас с планеты.

Вот тогда мы начнем зачистку, по пути вниз убивая оставшихся в живых воинов, и постараемся захватить живьем ценных пленников. Мы знали, как выглядят умники, мы видели их мертвецов (на фотографиях), еще мы знали, что бегать они не умеют. У них бесполезные ножки при здоровенных туловищах, которое в основном состоит из мозга и нервных систем. Королев пока не видел никто, но армейские биологи разработали примерный внешний вид — жуткий монстр ростом с лошадь и полностью неподвижный.

Кроме умников и маток могли быть еще другие высшие касты. В таком случае — уничтожить всех воинов, захватить всех, кто воином или рабочим не является.

Хороший, подробный план — на бумаге. А мне поручили район сорок миль на семнадцать, возможно, полный жучьих нор. Я хотел знать координаты каждой дыры.

А если их слишком много... что ж, я случайно завалю несколько, а за остальными мы будем наблюдать во все глаза. Рядовой в скафандре класса «мародер» может удерживать большой участок земли, но он не суперчеловек.

Я проскакал с десяток миль впереди моего расчета, продолжая вызывать комвзвода Часовых Господа, потом любого офицера Часовых и передавая сигнал моего маячка («тире-точка-тире-тире»).

Ответа не было...

И в конце концов мне ответил мой же начальник:

— Джонни, прекрати шуметь. Отвечай по моему каналу.

Так я и сделал, и Блэки сухо посоветовал мне не искать командира Часовых Господа в Черном квадрате-1; тут таких нет. Нет, кто-то из младших офицеров остался, но цепь командования нарушена.

В учебнике сказано, что кто-нибудь всегда заменяет погибшего. Но могли выбить слишком много звеньев цепочки. Полковник Нильссен рассказывал о чем-то подобном в далеком прошлом... месяц назад.

С капитаном Чангом шли в бой три офицера. Остался один, мой сокурсник Эйб Мойзе, и Блэки пытался выяснить у него ситуацию. Толку от Эйба было немного. Когда я присоединился к беседе, он принял меня за командира своего батальона и отдал мне рапорт с убийственной четкостью, вот только смысла в его словах не было.

Вмешался Блэки и приказал мне заняться делом.

— Забудь о плане. Ситуация сам видишь какая, так что погуляй пока и оглядись.

— Хорошо, босс!

И я рванул через свой район к его дальнему углу, где должен был стоять маяк, и в первом же прыжке вышел на связь с сержантом:

— Сарж, как там с маяком?

— А его тут некуда ставить, сэр. Тут свежая воронка размера этак шестого.

Я присвистнул. В кратере шестого размера может укрыться весь «Тур». Эта любимая шутка жуков: мы сверху, они под землей, мы садимся прямиком на мины. Ракетами и снарядами они вообще не пользовались, разве что в космосе. Сядешь неподалеку от такого сюрприза, тебе уготовано землетрясение, а если ты в воздухе, то догоняет взрывная волна, сводит с ума гироскопы, скафандр теряет управление.

Воронки больше четвертого размера я еще не видел. По теории жуки не пользуются мощными зарядами, чтобы не разрушить собственные пещеры, пусть и укрепленные.

— Поставьте маяк сбоку,— посоветовал я.— Оповестите командиров отделений и расчетов.

— Уже, сэр. Угол один-один-ноль, миля точка три. Тире-точка-точка. Да-ди-дит. Сможете его поймать оттуда, где находитесь, на частоте три-три-пять.

Голос у него был равнодушный, как у сержанта-инструктора на учениях, и я подумал, не срываюсь ли иногда на визг.

Сигнал я нашел на дисплее, расположенном слева,— один длинный, два коротких.

— Ладно. Я вижу, Кунха со своими почти на позиции. Разбейте то отделение, пусть прочешут воронку. И уравновесьте силы, пусть Брамби возьмет на четыре мили вглубь.

Я с тревогой подумал, что и так на каждого из моих придется четырнадцать квадратных миль; размажу дальше, выйдут все семнадцать. А жуку на то, чтобы вылезть, нужна дыра пять футов в поперечнике.

— Воронка «горячая»?

— Кромка янтарно-красная, сэр. Вниз еще не спускался.

— И не вздумайте. Я сам попозже проверю.

Незащищенному человеку на янтарно-красном уровне активности делать нечего, но десантник в скафандре может какое-то время продержаться. Но если такое излучение на краю, то на дне столько, что глаза выжжет напрочь. Даже в скафандре.

— Скажите Найди, пусть отведет Мэлана и Бьорка в «янтарную зону» и пусть они слушают грунт.

В первом отделении были двое из пяти моих новобранцев, а новобранцы — они как щенки, вечно суются, куда не надо.

— Скажите Найди, что мне нужно знать две вещи: есть ли движение в кратере... и шумы под поверхностью вокруг.

Это мы не можем послать солдат в «горячую» зону, где радиация их убьет. А жуки могут, если так они доберутся до нас.

— Пусть Найди обо всем доложит мне. То есть нам с вами.

— Слушаюсь, сэр,— саркастически хмыкнул сержант и добавил: — Могу я внести предложение?

— Конечно. И в следующий раз не спрашивайте разрешения, ладно?

— Наварре управится с оставшимся первым отделением. Сержант Кунха мог бы заняться воронкой и освободить Найди, пусть слушает грунт.

Я понял, о чем он думал. Найди недавно произведен в капралы, в бою ни разу отделением не командовал. Едва ли разумно ставить его в непосредственной близости от самой опасной точки Черного квадрата-1. Сержант хотел отвести Найди оттуда по той же причине, по которой я отвел новобранцев.

Интересно, знает ли сержант, о чем я думаю? В его скафандре (а он использовал тот же, в котором помогал Блэки командовать батальоном) был на один канал связи больше — с самим Блэкстоуном.

Капитан наверняка подключился и подслушивает наш разговор. Получается, сержант не согласился с тем, как я расположил солдат. Если я не приму его совета, в любой момент может раздаться голос Блэки: «Сержант, принимайте командование. Мистер Рико, вы свободны».

Но... капрал, который не хозяйничает в своем отделении, не капрал. А комвзвода, который подчиняется своему сержанту, как безмозглая марионетка,— пустой скафандр, не больше!

Думал я недолго. Мысль пришла в голову сразу:

— Я не могу послать капрала в качестве няньки для двух новобранцев. Как и оставлять сержанта командовать четырьмя рядовыми и капралом.

— Но...

— Отставить. Я хочу, чтобы караул у воронки сменялся каждый час. И пусть скорее проведут разведку нашего участка. Докладывать о каждой обнаруженной норе и ставить маячки, чтобы комвзвода со взводным сержантом могли проверить их, как только туда доберутся. Если нор немного, поставим пост у каждой. Потом решу.

— Есть, сэр.

— Сразу же после разведки организовать патруль, вдруг мы пропустили нору. Использовать инфравизоры. Брать пеленг каждого человека либо скафандра, тут могли остаться ранен-

ные Часовые Чанга. Не останавливаться для проверки без приказа. Сначала нужно узнать, как обстоят дела с жуками.

— Есть, сэр.

— Предложения?

— Только одно,— непередаваемым тоном сказал мой сержант.— Инфравизоры можно использовать и при первой разведке.

— Да, верно, так и поступим.

Сержант предлагал дело; температура почвы была много ниже, чем та, которую у себя в туннелях поддерживают жуки, закамуфлированные вентиляционные отверстия на инфравизоре будут казаться гейзером. Я сверился с дисплеем.

— Кунха с ребятами почти на месте. Начинаем парад.

— Слушаюсь, сэр!

— Конец связи.

Я переключился на общий канал, следя за воронкой и одновременно прислушиваясь, как мой взводный раздает приказы. Одно отделение он послал к воронке, еще два отправил в контрмарш, пока еще два, согласно задаче, прочесывали местность, но уже на четыре мили вглубь от первоначального варианта. Одновременно сержант рассредоточил солдат и взялся за первое отделение, которое к тому времени добралось до кратера. И проинструктировал его, дав младшим офицерам из других отделений кучу времени, чтобы определить новый пеленг маяка.

Проделал он все это четко, как тамбурмажор на параде, гораздо быстрее, доходчивее и лаконичнее, чем я. Когда взвод растянут на много миль по местности, такие упражнения выполнить гораздо сложнее, чем на плацу, но все должно выполняться с четкостью, иначе недолго отстрелить в бою голову своему же товарищу или в патруле дважды прочесать один район и забыть про второй.

А ведь у моего умельца не было полной радарной картинки, он видел только тех, кто был рядом с ним. Я слушал и наблюдал по своему дисплею, как мимо моего лица ползут светляки по точно выверенным линиям. Ползли — оттого, что даже

сорок миль в час покажутся недостаточными, если всю информацию с окрестности в двадцать миль втиснуть в такой небольшой экранчик.

Я слушал всех одновременно, потому что хотел знать, о чем болтают солдаты.

А они по большей части молчали. Кунха и Брамби отдали приказы своим парням и заткнулись, капралы перекликались только при необходимости, патрульные время от времени уточняли маршрут и интервал, а рядовые молчали, словно набрали в рот воды.

Я слышал дыхание пятидесяти человек, напоминающее шум прибоя, иногда оно прерывалось короткими приказами. Блэки был прав; он вручил мне взвод, «настроенный, словно скрипка».

И они во *мне* не нуждались! Я мог отправиться домой, а мой взвод будет выполнять задачу по-прежнему хорошо.

Может, даже лучше...

Я не был уверен, что правильно поступил, отказавшись освободить Кунху от наблюдения; если там начнутся неприятности, а парни прохлопают и не появятся вовремя, оправдание, что «так написано в инструкции», мне не поможет. Если убивают тебя или кого-то другого, это уж раз и навсегда — по инструкции или нет.

Интересно, нет ли у Разгильдяев местечка для неудавшегося офицера?

В основном Черный квадрат-1 был плоский, как прерии вокруг лагеря Карри, и еще более голый. И на том спасибо, так мы раньше заметим противника. Мы и так растянулись с интервалом в четыре мили между патрулями. Плотность была недостаточна, каждая точка выпадала из поля зрения, по крайней мере на три-четыре минуты, а за это время из очень маленькой норы может вылезти целая жучиная армия.

Радар, конечно, быстрее глаза, но не настолько точен.

Вдобавок мы не могли использовать ничего, кроме избирательного оружия ближнего действия; слишком много своих же

ребят во всех направлениях. Если выскочит жук, а ты запустишь в него чем-нибудь сверхубойным, будь уверен, что где-нибудь поблизости болтается кто-то из десантников. Так что в дальнобойности и мощи мы были здорово ограничены. На этом задании только у офицеров и взводных сержантов имелись ракетометы, да и то никто не ждал, что мы ими воспользуемся. Когда ракета летит мимо цели, у нее появляется вредная привычка искать себе другую мишень... она не отличает врага от товарища, она глупая.

Я с радостью обменял бы такое вот патрулирование на обычный рейд в составе одного взвода, в котором тебе известно месторасположение своих солдат, а все остальное, кроме них,— вражеские цели.

Времени на жалобы я не тратил, а все скакал к воронке, на ходу следя за грунтом и пытаясь одновременно смотреть на картинку радара. Жучиных нор я не отыскал, зато перепрыгнул через сухой овраг, почти каньон, в котором могло скрываться несколько выходов на поверхность. Я не стал останавливаться, просто дал координаты своему сержанту и сказал, чтобы он отрядил кого-нибудь на проверку.

А воронка оказалась больше ожидаемого. «Тур» не просто там спрятался бы, он в ней сумел бы потеряться. Я достал радиометр, выставил его на каскад, проверил дно и склоны: от красного до ярко-красного по всей шкале, очень нездоровое окружение даже для человека в скафандре; я прикинул размеры кратера по дальномеру и принялся рыскать в поисках все тех же нор.

Ничего не нашел, зато наткнулся на караулы, выставленные первым и пятым полками. Мы поделили кратер на секторы, чтоб нести вахту сообща и в случае чего кликнуть друг друга на помощь. Обязанности диспетчера возложили на первого лейтенанта До Кампо из Охотников за головами, что стояли слева от нас. Затем я отозвал Найди с его людьми, включая новобранцев, и послал их обратно ко взводу, чтобы доложили обстановку начальству и взводному сержанту.

— Капитан,— сообщил я Блэки,— вибраций почвы не наблюдаем. Я собираюсь спуститься и проверить норы. Показания счетчика говорят, что большой дозы я не получу, если...

— Юноша, держись подальше от кратера.

— Но, капитан, я только хотел...

— Заткни пасть. Ничего полезного ты там не найдешь. Держись от воронки подальше.

— Есть, сэр.

Следующие девять часов были заполнены невыносимой тоской. Мы готовились сорок часов (два оборота планеты П вокруг местного светила), усиленный сон, повышение содержания сахара в крови, гипноинструктаж, ну и, конечно, скафандры оборудованы всем необходимым, если кому приспичит. Вообще-то они не рассчитаны на такую долгую работу, вот поэтому каждый солдат нес дополнительные аккумуляторы и баллоны с дыхательной смесью для перезарядки. Но патруль без драки скучен, и очень легко навалять дурака.

Все, что я сумел придумать, так это отправить Кунху и Брамби поиграть в начальство (освободив и себя, и взводного сержанта для ознакомительной прогулки по местности). Потом приказал патрулям меняться маршрутами, чтобы солдаты осматривали новую для себя территорию. По одному и тому же участку можно пройти по-разному. Кроме того, я проконсультировался со взводным и объявил премию тому, что первым найдет подтвержденную нору, первым уничтожит жука, и так далее... Прием из учебного лагеря, но оставаться начеку — значит оставаться живым; все, что позволяло заглушить скуку, шло в ход.

В конце концов нам нанесли визит из спецподразделения — три военных инженера на грузовом аэрокаре изображали сопровождение для некоего таланта. Они называли его пространственным экстрасенсом. Блэки предупредил меня, что их надо ждать: «Охранять и предоставить все, что им понадобится».

— Так точно, сэр. А что им понадобится?

— А я почем знаю? Если майор Лэндри захочет, чтобы ты содрал с себя кожу и исполнил танец скелета, выполняй!

— Есть, сэр. Майор Лэндри...

Я передал приказ солдатам и подготовил телохранителей для гостей. Затем встретил их, потому что меня разбирало любопытство; я никогда не видал гения за работой. Спецы приземлились у нас на правом фланге и вылезли. На майоре Лэндри и двух его офицерах была броня, в руках огнеметы, у их самородка ни того ни другого, только кислородная маска. Гений был одет в солдатскую робу без знаков различия и выглядел так, будто весь свет ему до смерти надоел. Меня ему не представили. Он был похож на шестнадцатилетнего пацана... потом я подошел ближе и заметил сетку морщин вокруг усталых глаз.

Едва выйдя из машины, он снял кислородную маску. Я перепугался, поэтому осмелился заговорить с майором Лэндри без радио, прижав свой шлем к его.

— Майор, воздух тут «горячий». Кроме того, нас предупредили...

— Сбавь обороты,— отрезал майор.— Он это знает.

Я заткнулся. «Светило» отошло в сторонку, повернулось, потеребило нижнюю губу. Глаза парень закрыл и, казалось, потерялся в раздумьях.

Потом вдруг поднял веки и капризно сказал:

— Ну и как мне работать, когда тут скачет табун идиотов?

— Приземлите ваших солдат,— буркнул майор.

Я сглотнул и собрался протестовать, затем включил общий канал:

— Первый взвод Бандитов — на землю и замереть!

Очко, а то и все десять лейтенанту Сильве. В ответ я услышал только эхо собственных слов, их передавали от отделения к отделению. Я сказал:

— Майор, а по земле им ходить можно?

— Нет. И заткнись.

«Светило» залезло обратно в машину и нацепило на нос маску. Для меня места не хватило, но мне разрешили (в общем-то приказали) зацепиться за торец и ехать на буксире. Мы отъехали на несколько миль, экстрасенс опять снял маску и

прогулялся по округе. На этот раз он даже ронял короткие фразы, обращаясь к одному из инженеров, а тот все кивал и записывал.

Эта спецкоманда совершила еще несколько подобных остановок, штук десять, и всякий раз повторялось одно и то же. Лично я смысла в их действиях не углядел. Затем ребята умчались порадовать собой пятый полк, а на прощание офицер, который записывал за гением, выдернул из блокнота лист и протянул мне.

— Это расположение подземных туннелей. Широкая красная линия — центральная магистраль. На входе она на тысячу футов ниже нас, но уровень повышается к вашему левому флангу примерно до минус четыреста пятьдесят футов. Синяя сетка — колония. Места, где до поверхности не больше сотни метров, я отметил. Поставьте там слухачей, чтобы мы знали.

Я вытаращил глаза:

— А карте можно верить-то?

Картограф испуганно оглянулся на свой драгоценный груз и прошипел сквозь зубы:

— Разумеется, идиот! Ты чего добиваешься, а? Хочешь вывести его из равновесия?

Они убыли, пока я изучал карту. Спецмашина превратила обычный набросок в стереоизображение, я был так ошеломлен, что сержанту пришлось напомнить мне, что пора бы скомандовать парням «отомри», затем я убрал пост от воронки, взял еще по два человека от отделения, выдал им данные с той адской картинки и велел прослушивать жучиный город и магистраль.

Я доложился Блэки; он недослушал:

— Майор Лэндри передал мне копию. Просто дай координаты постов.

Я так и сделал. Он сказал:

— Не плохо Джонни. Но не совсем то, что мне надо. Постов больше, чем нужно. Четыре выставь вдоль магистрали, еще четыре — ромбом вокруг города. У тебя осталось еще четыре. Размести один в треугольнике, образованном главными тунне-

лем, твоим правым флангом. Еще два — по обе стороны магистрали.

— Есть, сэр,— я добавил: — Капитан, а полагаться на эту карту можно?

— А тебя что-то беспокоит?

— Ну... слишком уж похоже на магию. На черную магию.

— А-а... Слушай, сынок, я тут получил для тебя специальное сообщение от маршала. Он просит передать, что карта официальная, он обо всем позаботится, а тебе стоит все свое время посвятить взводу. Усек?

— Ну... да, капитан.

— Жуки копают быстро, так что особое внимание удели внешним постам. Докладывать о любом звуке громче жужжания мухи, вне зависимости от происхождения.

— Есть, сэр.

— Когда они копают, звук такой, будто жарят бекон — это если ты его еще не слышал. Патрули отменяются. Одного человека — на визуальное слежение за воронкой. Половина взвода — спать два часа.

— Есть, сэр.

— Инженеры могут нагрянуть еще разок. У меня здесь уточненный план. Саперы закупорят магистраль там, где она ближе к поверхности, либо на твоем левом фланге, либо уже у Охотников. Еще несколько инженеров отправляются замыкать боковые туннели в тридцати милях справа от тебя в расположении первого полка. Вставим пробки, отрежем их от города. Дальше посмотрим. Либо жуки прорвутся на поверхность, и мы затеем с ними драку, либо они затаятся, и нам придется лезть вниз.

— Ясно...

Ничего мне не было ясно, но свою часть я понял: переставить посты, половину солдат уложить спать. Затем ловить жуков, повезет — наверху, не повезет — внизу.

— Передай парням на фланге, пусть свяжутся с саперами, когда те прибудут на место. Понадобится помощь, окажете.

— С удовольствием,— добросовестно отозвался я.

Военные инженеры — хорошие ребята, почти такие же, как десант. С ними работать — одно удовольствие. Загнанные в угол, они сражаются, может, не так умело, зато отважно. Или продолжают заниматься своим делом, даже головы не поднимут, чтобы выяснить, а не в них ли стреляют. У них есть неофициальный, очень циничный и очень древний девиз: «Сначала выроем, потом нас уроют». Это в добавление к официальному: «Сделаем». Оба девиза — истина. В буквальном смысле.

— Вот и займись, сынок.

Двенадцать постов означают, что половину взвода я задействую, придав каждому караулу капрала или его помощника. Плюс три рядовых. Двое спят, двое слушают, потом наоборот.

Наварре и еще один погоняла могут наблюдать за воронкой и спать по очереди. А сержанты займутся взводом. Тоже по очереди. Передислокация заняла минут десять, не больше, как только я уточнил детали и передал координаты сержантам. И предупредил всех о саперах. Как только мне доложили, что посты расставлены, я включил общий канал.

— Нечетные номера! Лечь и приготовиться ко сну... один... два... три... четыре... пять... спать!

Скафандр — не кровать, но и он сойдет. Что хорошо в гипноподготовке к бою, что если выпадет невероятный шанс отдохнуть, солдата можно погрузить в сон, даже если не умеешь гипнотизировать. И разбудишь точно так же. Своего рода спасательный круг, потому что можно так измотаться в бою, что стреляешь по несуществующим целям, а настоящую не видишь.

Но сам я спать не собирался. Мне не приказывали, а я не спросил. Сама идея сна при мысли о тысячи жуках, копошащихся у меня под ногами, заставляла сжиматься желудок. Может, этот гений от экстрасенсорики непогрешим; наверное, жуки не могут выбраться на поверхность, не взбудоражив посты...

Может быть. Но я не хотел оставлять им и шанса.

Я перешел на свой личный канал:

— Сарж!

— Я, сэр.

— Можете тоже малость вздремнуть. Я покараулю. Ложитесь, приготовьтесь ко сну... один... два...

— Прошу прощения, сэр. Есть предложение.

— Да?

— Если я правильно понимаю уточненный план, то до возможных боевых действий еще четыре часа. Вы можете перехватить часок сейчас, а потом...

— Забудьте, сержант! Я спать не собираюсь. А собираюсь проверить посты и проследить за саперами.

— Ваше дело, сэр.

— Пока я здесь, проверю номер три. Вы останетесь с Брамби и отдохнете, покуда...

— *Джонни!!!*

Я прикусил губу.

— Да, капитан.

Подслушивал Старик, что ли?

— Посты расставил?

— Да, капитан, а нечетные номера уже спят. Сейчас я проверю посты, а потом...

— Сбрось на сержанта. Я хочу, чтоб ты отдохнул.

— Но, капитан...

— Лечь, это прямой приказ. Приготовься заснуть... один... два... три... *Джонни!*

— С вашего позволения, капитан, я сначала проверю посты, а потом отдохну, если вам так хочется. Но спать не буду. Я...

Блэки расхохотался мне прямо в ухо:

— Сынок, ты спал час десять минут!

— Сэр?

— На часы посмотри.

Я послушался и почувствовал себя дураком.

— Ну что, сынок, проснулся?

— Так точно, сэр. Думаю, да.

— Дело пошло. Буди нечетных, а четные пусть поспят. Повезет, час ребята ухватят. Потом оглядись по сторонам и доложи обстановку.

Я так и поступил. Обход я начал, не предупредив сержанта. Я был зол на них обоих, на ротного — за то, что усыпил меня помимо моей воли, на сержанта — потому что со мной никогда бы так не поступили, не будь я пешкой в его, настоящего командира взвода, руках.

Проверив посты номер один и три (ни единого звука), я поостыл. В конце концов, глупо поносить взводного сержанта за то, что вытворил капитан.

— Сарж...

— Здесь, мистер Рико.

— Не хотите поспать вместе с четными? Я подниму вас на пару минут раньше.

Мой громила-сержант замялся:

— Сэр, мне бы лучше проверить посты.

— А вы разве не уже?

— Нет, сэр, последний час я спал.

Он смутился вконец:

— Капитан потребовал. Он временно назначил командовать взводом Брамби и усыпил меня сразу после вас.

Я беспомощно рассмеялся:

— Знаете что, сарж? Пойдем отыщем себе местечко и выспимся. Мы здесь без надобности, этим взводом правит кэп Блэки.

— Я нахожу, сэр,— жестко отчеканил сержант без тени улыбки в голосе,— что капитан Блэкстоун всегда имеет вескую причину для любого своего поступка.

Я задумчиво кивнул, забыв, что собеседник находится в десяти милях от меня.

— Да, ты прав, причина у него всегда отыщется. Н-ну, раз так, и он нам обоим спел колыбельную, может, сейчас мы ему нужны оба бодрые и в полной готовности.

— Думаю, так оно и есть.

— М-мм, а как по-вашему, зачем?

Ответил сержант не сразу.

— Мистер Рико,— негромко произнес он,— если бы капитан знал, он бы нам сказал. Не замечал за ним привычки скры-

вать информацию. Но иногда он поступает верно, хотя и не может объяснить, почему поступил именно так. У него есть дар предвидения, и я научился ему доверять.

— М-да? Командиры отделений — четные номера. Значит, все они сейчас спят.

— Так точно, сэр.

— Подтяните помощников командиров отделений. Будить пока никого не надо, но когда придется, счет пойдет на секунды.

— Слушаюсь, сэр.

Я проверил последний из передовых постов, затем прогулялся по тем четырем, что располагались вокруг деревни, подключая аудиосистему своего скафандра к каждому «слухачу». Приходилось напрягать слух, жуков можно услышать, когда они шуршат внизу, такое неприятное ощущение в животе. Мне хотелось сбежать оттуда, но именно этого я сейчас и не мог себе позволить.

Интересно, может, тот гений-экстрасенс просто человек с обостренным слухом?

Ну, неважно, как он это делает, главное, что жуки оказались именно там, где он указал. В офицерском училище нам прокручивали записи; все четыре поста ловили звуки, характерные для большого гнезда особо крупных размеров. Может, они так общаются? Хотя о чем им говорить, если ими телепатически управляют со стороны? Шуршание, словно кто-то ворошит сухие листья, механический вой на высокой ноте, наверное, вентиляция или кондиционеры.

Треска и шипения, с которыми они грызут камень, я не слышал.

Вдоль магистрали звуковой фон изменился, тут был рокот, время от времени переходящий в рев, словно мимо проносился тяжелый грузовик. Я прослушал пост номер пять, а потом у меня родилась идея. Я расставил парней вдоль магистрали и приказал сообщать мне, как только звук станет громче.

Потом обратился с докладом к капитану.

— Да, Джонни?

— Движение по туннелю все время идет в одну сторону, от меня к вам. Скорость — предположительно сто десять миль в час. Шум становится громче примерно раз в минуту.

— Похоже на правду,— согласился он.— По моим расчетам, скорость сто восемь миль в час, а интервал пятьдесят восемь секунд.

Я был раздавлен и сменил тему.

— Саперов еще не видно.

— И не будет видно. Они позади Охотников. Позабыл предупредить тебя, извини. Что-нибудь еще?

— Нет, сэр.

Мы дали отбой, и я сразу почувствовал себя лучше. Даже Блэки страдает склерозом... и моя идея была хорошая! Я ушел от зоны туннеля, чтобы проверить пост правее и сзади, номер двенадцать.

У них, как и у остальных, двое спали, один слушал, один сторожил.

— Есть что-нибудь? — спросил я у часового.

— Никак нет, сэр.

Тот, который слушал (один из моих новобранцев), поднял голову.

— Мистер Рико, похоже, что-то тут не так.

— Я проверю.

Он пододвинулся, давая мне место.

Бекон жарили так, что можно было учуять!

Я врубил все каналы разом.

— Первый взвод, подъем! Провести перекличку и доложить!

Теперь офицерские отдельные каналы.

— Капитан! Капитан Блэкстоун! Срочное донесение!

— Джонни, не части. Что там?

— «Жареный бекон», сэр,— я отчаянно пытался говорить медленнее и тише.— Пост двенадцать, Черный квадрат-1, Воскрешение-9.

— Воскрешение-9,— повторил Блэки.— Децибелы?

Я торопливо покосился на прибор.

— Не знаю, капитан, зашкаливает за максимум. Такое впечатление, будто прямо под ногами.

— Отлично! — обрадовался Старик, а я удивился, чему же тут радоваться.— Лучшая новость за сегодняшний день! А теперь слушай меня, сынок. Поднимай своих парней...

— Уже поднял, сэр!

— Молодец. Перебрось к посту двенадцать еще двух слухачей, постарайся выяснить, где жуки пойдут на поверхность. И держись оттуда подальше! Понял меня?

— Я все слышал, сэр,— сказал я.— Но ничего не понял.

Капитан горестно вздохнул.

— Джонни, я по твоей милости поседею раньше времени. Слушай сынок, нам нужно, чтобы они вышли на поверхность, чем больше, тем лучше. У тебя огневой мощи не хватит, ты только завалишь туннели, а вот этого-то и не надо! Если все они ринутся наверх, с ними и полк не справится. На этот случай генерал припас на орбите бригаду тяжелой артиллерии. Он только и ждет удобного случая. Так что обозначь зону, отходи и продолжай наблюдение. Если тебе повезет, и главный прорыв случится в твоей зоне, данные от тебя пойдут на самый верх. Так что удачи и останься в живых! Ясно?

— Да, сэр. Отметить зону. Отойти и избегать контакта. Наблюдать и докладывать.

— Давай!

Я перебросил посты девять и десять с середины туннеля в зону Воскрешение-9 с приказом каждые полмили слушать «бекон». Двенадцатый пост я отправил к нам в тыл, чтобы определить, где шум сходит на нет.

Тем временем взводный сержант перегруппировал взвод в компактную шеренгу и отвел его на участок между жучиной деревней и воронкой. Нам обоим не нравилась мысль о развернутом по всему фронту подразделении и приказе не атаковать. На левом фланге, почти у самого поселения стоял Брамби со своими ребятами. Интервалы между солдатами сократились до трехсот ярдов; для десанта это, считай, все равно что плечом

к плечу. Только три «слухача», которые работали со мной, были далековато для оказания им помощи.

Я связался с Вервольфами и Охотниками за головами и сообщил Байонну и До Кампо, что прекращаю патрулирование, объяснил, почему, а потом доложил о перегруппировке Блэкстоуну.

Блэки буркнул:

— Развлекайся. Уже определил, где будет прорыв?

— Все сходится на Воскрешение-10, капитан, трудно сказать точнее. Шумы на три мили вокруг очень громкие. И радиус расширяется. Я пытаюсь очертить круг по силе звука, пока не удалось. Могут жуки рыть новый туннель прямо под поверхностью?

Кажется, капитан удивился.

— Возможно. Надеюсь, что это не так. Нам нужно, чтоб они вылезли наружу. Наблюдай, и если центр начнет смещаться,— добавил он,— сразу сообщай мне.

— Есть, сэр. Капитан...

— Что еще?

— Вы приказали не атаковать, когда противник прорвется. Если прорвется. А что же нам тогда делать? Просто наблюдать?

Пауза затянулась секунд на пятнадцать—двадцать; вероятно капитан консультировался с «верхами». Наконец он сказал:

— Мистер Рико, вы не должны атаковать в точке Воскрешение-10 и в непосредственной близости от нее. Во всех остальных местах жуков следует уничтожать.

— Есть, сэр,— с радостью согласился я.— Поохотимся.

— Джонни! — резко добавил капитан.— Будешь вместо жуков охотиться за медалями, я тебе в форму тридцать один такое понапишу, не обрадуешься!

Я был паинькой.

— Капитан, не нужны мне медали. Я имел в виду охоту на жуков.

— Вот-вот. А теперь не мешай.

Я разъяснил своему сержанту новые инструкции, приказал передать их дальше и убедиться, что все дозаправили скафандры.

— Только что закончили, сэр. Думаю, тех троих, что с вами, надо заменить.

Он перечислил фамилии. Это было резонно: «слухачам» тоже требовалось время на дозаправку. Но сержант назвал фамилии разведчиков.

Я отругал себя за тупость. Скафандры разведчиков развивают такую же скорость, как и командирские, вдвое быстрее рядовых. Меня не покидало ощущение, что я что-то упустил и все списал на жуков по соседству и мою нервозность.

Потом до меня дошло. Я в десяти милях от взвода, с тремя бойцами, и у всех троих, кроме меня, обычный скафандр. Я-то смыться успею, а они? Интересное меня ждало бы решение.

— Хорошо, но трое мне больше не нужны. Пошли Хьюза, он сменит Нюберга. А разведчики пусть сменят парней на авангарде.

— Только Хьюза? — усомнился сержант.

— Вполне достаточно. За вторым «слухачом» я сам присмотрю. Вдвоем мы справимся, уже ясно, где жуки. Скажи Хьюзу, пусть идет, и живо!

Еще тридцать семь минут ничего не происходило. Мы с Хьюзом шлялись взад-вперед вокруг Воскрешения-10, каждые пять секунд прослушивая грунт. Надобности прижимать к скале микрофоны больше не было, хватало легкого прикосновения, чтобы ясно и отчетливо услышать, как «жарят бекон». Зона шума расширялась, но центр оставался на месте. Один раз я вызвал капитана Блэкстоуна и доложил, что звук внезапно прекратился, еще через три минуты — о том, что шум возобновился. Командовать взводом и проверять остальные посты я предоставил сержанту, а сам работал на волне разведчиков.

К концу этого времени события помчались вскачь.

На частоте разведки раздалось:

— «Жареный бекон»! Альберт-два!

Я тут же переключил радио и доложил:

— Капитан! «Жареный бекон» на Альберт-2 Черный-1! — и переключил канал на общую связь.— Всем-всем-всем! «Жареный бекон» на Альберт-2 Черный квадрат-1!

И тут же услышал рапорт До Кампо:

— Бекон жарят на Адольф-3 Зеленый-12.

Я пересказал эту новость Блэки, опять подключился к разведчикам и услышал:

— Жуки! Жуки! На помощь!!!

— Где?

Ответа не последовало.

Я опять переключил канал.

— Сарж! Кто доложил о жуках?

— Прут наверх прямо над городом,— торопливо доложил мой взводный.— Бангкок-6.

— Бей их! — я вызвал Блэки.— Жуки на Бангкок-6 Черный-1, я атакую!

— Я слышал твой приказ,— хладнокровно отозвался капитан.— А что на Воскрешении-10?

— Воскрешение-10...

Почва подо мной просела, и я сверзился прямо на головы жуков.

Я не знаю, что со мной произошло. Я не был ранен; я словно упал в крону дерева, только ветви были живые и толкались, пока гироскопы скафандра с жалобами восстанавливали мое равновесие. Пролетел я футов десять—пятнадцать, достаточно глубоко, чтобы дневной свет сюда не попадал.

Затем на волне живых монстров выехал обратно на свет, и тренировки взяли свое. Приземлился я на ноги со словами:

— Прорыв на Воскрешение-10... нет, Воскрешение-11, там, где я нахожусь. Большая дыра, и они лезут сквозь нее сотнями. Даже больше.

Я взял в каждую руку по огнемету и принялся выжигать толпу.

— Джонни, вали оттуда на х...

— Иду!

И собрался прыгать.

И остановился. Отложил на время прыжок, перестал палить из огнеметов и действительно осмотрелся, потому что сообразил, что жив, а не должен бы.

— Поправка,— сказал я, не веря собственным глазам.— Прорыв на Воскрешение-11 ложный. Воинов нет.

— Повтори.

— Воскрешение-11 Черный-1. В прорыв идут одни рабочие. Они вокруг меня и продолжают прибывать, но никто из них не вооружен, а те, что рядом со мной, типичные рабочие. Меня не атакуют,— я добавил: — Капитан, думаете, это просто диверсия? А настоящий прорыв в другом месте?

— Возможно,— согласился Блэки.— Твой рапорт идет напрямую в дивизионный штаб, пусть там разбираются. Оглядись, перепроверь сведения. Не бери на веру, что все они рабочие — может и боком выйти.

— Слушаюсь, капитан.

Я прыгнул по высокой длинной дуге, чтобы выбраться из толпы безвредных, но мерзких тварей.

Куда ни глянь, везде каменистая равнина покрыта черными панцирями. Я подправил прыжок.

— Хьюз! Доложи!

— Жуки, мистер Рико! Чертова уйма! Выжигаю их.

— Хьюз, приглядись к противнику. Тебе дают сдачи? Они все рабочие?

— Ух ты...

Я приземлился и прыгнул опять.

— Эй! Сэр, а вы правы! Откуда вы знаете?

— Дуй к своему расчету, Хьюз,— я переключил канал.— Капитан, тут уже несколько тысяч жуков, лезут из нор, количество нор не установлено. Меня никто не атакует. Повторяю, меня никто не атакует. Если среди них есть воины, то они не стреляют и используют рабочих для маскировки.

Блэкстоун не ответил.

Ослепительно полыхнуло слева от меня, вторая вспышка такая же, но дальше и справа. Автоматически я засек время и пеленг.

— Капитан Блэкстоун, ответьте!

В верхней точке прыжка я попытался нащупать его маячок, но горизонт был закрыт низкими холмами в Черном квадрате-2.

— Сард! Можно через тебя связаться с капитаном?

В то же мгновение сигнал моего взводного на радаре мигнул и погас.

Я помчался в том направлении с максимальной скоростью, какую только сумел выжать из скафандра. За дисплеем я не наблюдал. Взводом управлял сержант, а я был занят, сначала прослушивал грунт, потом барахтался по горло в жуках. Я пригасил всех, кроме младших офицеров, чтобы лучше видеть.

Я изучил оставшийся костяк, отыскал Брамби и Кунху, командиров их отделений и их помощников.

— Кунха! Где наш взводный?

— Полез в нору на разведку, сэр.

— Скажи ему, что я скоро буду здесь,— не дожидаясь ответа, я поменял каналы.— Первый взвод Бандитов вызывает второй, прием!

— Чего орешь? — хмуро полюбопытствовал лейтенант Хорошин.

— Не могу связаться с капитаном!

— И не сможешь. Он в отключке.

— Погиб?

— Не-а. Скафандр энергию потерял. Вот он и отрубился.

— А-а... Значит, вы командуете ротой?

— И что с того? Помощь нужна?

— Э-э... нет. Нет, сэр.

— Тогда закрой хлебало, пока действительно не понадобилась,— посоветовал мне Хорошин. У нас тут дел — выше крыши.

— Ладно...

Я вдруг почувствовал, что и у меня крыша скоро сдвинется с места, столько под ней всего творится. Беседуя с Хорошиным, я вновь переключил радар на полную картинку, на ближний радиус, чтобы видеть практически весь свой взвод. И увидел. Первое отделение исчезало солдат за солдатом, первым погас маячок Брамби.

— Кунха! Что с первым отделением?

Голос у него был напряженный.

— Пошли вниз за взводным сержантом.

Если и существовала в природе инструкция, предусматривающая подобный случай, то я ее не читал. И даже не видел. Или Брамби действовал без приказа? Или он получил приказ, который я пропустил мимо ушей? Слушайте, парень уже сидит в жучьей норе, его не видно и не слышно... что, самое время разбираться с законами? Завтра поищем инструкции. Если хоть один из нас доживет до этого завтра...

— Ладно,— сказал я.— Я вернулся. Докладывай.

Мой последний прыжок перенес меня к ним; справа я увидел жука и справился с ним до приземления. Этот рабочим не был, он стрелял.

— Я потерял троих,— тяжело дыша сообщил Кунха.— Скольких Брамби, не знаю. Они прорвались в трех местах сразу, убили моих ребят. Но мы им выдали...

Я уже прыгал, когда меня накрыло мощной взрывной волной и отшвырнуло в сторону. Три минуты тридцать семь секунд... значит, несло меня миль тридцать. Это что же, наши саперы так теперь туннели затыкают?

— Первое отделение! Осторожно, может быть вторая волна!

Я неуклюже приземлился на троицу жуков. Впрочем, может, их было четверо. Они не были дохлые, но и не сражались, только судорожно дергались. Я подарил им гранату и прыгнул опять.

— Бей их, пока не очухались! И берегитесь следу...

Второй взрыв оборвал меня на полуслове, он был слабее первого.

— Кунха! Проверь свое отделение. Чтоб все были начеку. И зачищайте местность.

Перекличка затянулась, слишком много пустых номеров, я это видел по дисплею физического состояния солдат. Но зачистка шла быстро и уверенно. Я продвигался по границе нашего участка и уделал полдюжины жуков. Правда, последний ожил, как только я собрался поджарить его. Почему же взрывная волна их вгоняет в шок, а нас не очень? Потому что на них нет брони? Или оглушило управляющего ими умника там, внизу?

Перекличка показала, что у нас осталось девятнадцать действующих солдат, два погибли, двое ранены, трое выбыли из игры из-за отказа скафандров. Два из них уже чинил Наварре, обобрав раненых и убитых. У третьего вышли из строя радио и радар, и это уже не починить, поэтому Наварре поручил этому парню охранять раненых. Больше мы для них пока ничего не могли сделать.

Я тем временем вместе с Кунхой проверил три норы, через которые произошел прорыв. Сравнение с картой от гения подтвердило, что жуки прокопали ходы из трех ближайших к поверхности точек.

Одну дыру завалили, теперь она была кучей камней. Возле второй активности не наблюдалось; я приказал Кунхе отрядить туда капрала с рядовым и распоряжением перебить жуков и кинуть в нору бомбу, если противник решит лезть оттуда наверх. Хорошо маршалу сидеть у себя в небесах и решать, что не стоит заваливать норы, а у меня тут не теория, а голая практика.

Затем я исследовал третью нору, ту, которая проглотила и моего взводного сержанта, и половину взвода.

Здесь коридор подходил к поверхности не больше чем на двадцать футов, так что жукам оставалось только взломать потолок. Куда подевались камни и откуда взялся звук «жарящегося бекона», не могу сказать. Каменная крыша отсутствовала, края норы были пологи и чем-то изборождены. Судя по карте, две первые дыры вели к ответвлениям коридоров, эта же — в основной лабиринт. Значит, те две — отвлекающий маневр, а главная атака случилась именно здесь.

Умеют ли жуки видеть сквозь камень?

В пределах видимости нора была пуста, ни жуков, ни людей. Кунха показал, в какую сторону ушло второе отделение. С тех пор как взводному вздумалось прогуляться внизу, прошло семь минут сорок секунд, а Брамби последовал за сержантом минут через семь. Я посмотрел в темноту и сглотнул, чтобы унять тошноту.

— Сержант Кунха, принимайте командование,— сказал я, стараясь говорить бодро.— Понадобится помощь, вызывайте Хорошина.

— Приказы, сэр?

— Никаких. Если только сверху не спустят. Я иду вниз и найду второе отделение, так что какое-то время со мной будет сложно связаться.

Затем я прыгнул в нору, потому что нервы собирались сдать. За спиной я услышал:

— Полувзвод!

— Первое отделение!.. Второе отделение!.. Третье...

— По отделениям! За мной! — и Кунха тоже прыгнул в нору.

Что ж, по крайней мере, будет не так одиноко.

Я приказал Кунхе оставить двоих у входа, прикрывать тылы, одного в коридоре, второго — наверху. Затем как можно быстрее повел ребят по туннелю, по которому ушло первое отделение. Очень быстро не получалось из-за низкого потолка. В скафандре можно скользить, как на коньках, не отрывая ног от пола, с непривычки и это нелегко. Без доспехов мы двигались бы куда проворнее.

Сразу же понадобились инфравизоры, а между делом мы проверили одну теорию. Жуки действительно видят в инфракрасном спектре. Ничего примечательного в туннеле не было, голый камень, гладкий, ровный пол.

На первом перекрестке мы ненадолго задержались. В общем существовала установка, как передвигаться под землей, но вот насколько она применима к реальности? Одно было ясно наверняка: тот, кто эти доктрины писал, ни разу не опробовал их на собственной шкуре... потому что до сегодняшней операции никто не возвращался и не рассказывал, что работает, а что нет.

Одна установка предписывала охранять каждый перекресток. Но двоих я уже поставил прикрывать вход, если на каждом углу я буду оставлять по десять процентов от отряда, то на те же десять процентов буду сокращать продолжительность жизни.

Я решил идти всем вместе... а еще решил, что никого из нас в плен не возьмут. Только не жуки. Лучше уж быстро и чисто сдохнуть... и это решение сняло тяжесть с моей души. Я перестал дергаться.

Я осторожно заглянул за угол, посмотрел налево, направо. Жуков не было. Поэтому я рискнул включить канал связи с младшим комсоставом.

— Брамби!

Результат вышел ошеломительный. Используя рацию скафандра, свой голос не слышишь, его заглушает все тот же доспех. Но здесь, в гладких подземных коридорах, меня чуть не сбило с ног моим же выходным сигналом, словно все подземелье было единым огромным волноводом.

— БРРРРАМБИИИИ!

У меня зазвенело в ушах.

И зазвенело вторично:

— МИСТЕРРР РРРИКОООО!

— Тише,— сказал я, сам пытаясь говорить одними губами.— Ты где?

Брамби тоже понизил громкость:

— Не знаю, сэр. Мы заплутали.

— Расслабься, мы идем к вам. Вы должны быть где-то близко. Взводный сержант с вами?

— Никак нет, сэр. Мы его не...

— Подожди,— я переключился на частный канал.— Сарж...

— Слушаю вас, сэр.

Вот у кого голос был тих и спокоен.

— Мы с Брамби в радиоконтакте,— доложил сержант.— Только встретиться никак не можем.

— Где вы?

Он помедлил с ответом.

— Сэр, я бы вам посоветовал отыскать Брамби с ребятами... и возвращайтесь наверх.

— Отвечайте на вопрос.

— Мистер Рико, вы неделю положите на поиски и не найдете меня... а я не могу сойти с места. Вы должны...

— Отставить! Вы ранены?

— Никак нет, сэр, но...

— Тогда почему двигаться не можете? Жуки одолели?

— До чесотки. Пока они меня достать не могут... но и мне не выйти. Так что, по-моему, вам лучше...

— Сержант, мы напрасно тратим время! Я на сто процентов уверен, что вам отлично известно, где вы находитесь. И вы мне это сейчас скажете, пока я карту ищу. А заодно дадите мне свой пеленг и сигнал маячка. И это непосредственный и прямой приказ. Так что давай, Чарли, говори.

Он так и поступил, коротко и ясно, как всегда. Я включил фонарь в шлеме, поднял инфравизоры и изучил карту.

— Ясно,— сказал я после этого.— Вы прямо под нами двумя уровнями ниже, и я знаю, как туда пройти. Мы будем у вас, как только подберем первое отделение. Держитесь там,— я сменил частоту.— Брамби...

— Здесь, сэр.

— Когда вы дошли до первого перекрестка, куда повернули?

— Прямо пошли, сэр.

— О'кей. Кунха, идем. Брамби, как там жуки?

— Никак, сэр. Но потерялись мы по их милости. Напоролись на целую толпу... а когда все закончилось, оказалось, что заблудились.

Я начал было расспрашивать о потерях, потом решил, что новости подождут, в первую очередь мне нужно было собрать взвод и выбраться отсюда. Жучиный город без жуков — зрелище, действующее на нервы серьезнее, чем жуки, которых мы рассчитывали здесь встретить. Брамби проводил нас до следующего перекрестка, а я бросал бомбы-липучки в коридоры которые мы не использовали. В липучках содержался новый нервный газ, надышавшись которым жуки сбиваются с шага. Нам их выдали перед высадкой, а я бы обменял тонну этого дерьма на несколько фунтов реального. Ну, фланги они во всяком случае нам защищали.

Потом я потерял контакт с Брамби, пошли какие-то странные помехи, радиоволны отражались, перемешивались, но на следующем отрезке я отыскал его.

Но теперь он уже не мог сказать мне, куда следует сворачивать. Либо здесь, либо где-то неподалеку на них кинулись жуки.

А потом они кинулись на нас.

Понятия не имею, откуда они взялись.

Мгновение полной тишины и вдруг крик:

— Жуки! Жуки!

Кричали сзади, я повернулся, а жуки уже повсюду. Я заподозрил, что гладкие стены не такие уж толстые, как казались; иначе не понимаю, как еще жуки могли окружить нас и оказаться внутри колонны.

Огнеметами мы пользоваться не могли, бомбами тоже; скорее всего мы бы перебили друг друга. А вот жуки не стеснялись стрелять по своим, если при этом они попадали по нам. Зато у нас были руки и ноги...

Дольше минуты драка не длилась, а потом жуков не осталось, ни одного, только разломанные на куски панцири, оторванные конечности и четыре десантника.

Одним из погибших был сержант Брамби. Первое отделение воссоединилось, услышало шум боя, отследили нас по звуку, раз уж не могли по пеленгу.

Мы с Кунхой убедились, что наши парни действительно мертвы, собрали из двух отделений одно, отправились дальше — и отыскали жуков, которые осадили нашего взводного сержанта.

На этот раз драки вообще не получилось, потому что сержант предупредил, чего ждать.

Он ухитрился взять в плен жука-умника и пользовался его тушей, точно щитом. Выбраться наверх сержант не мог, а жуки не могла напасть на него, не совершив при этом коллективного самоубийства. Я не шучу, они же стреляли бы по собственным мозгам.

У нас таких проблем не было, мы ударили по противнику с тыла.

Я рассматривал чудовище, захваченное нашим бравым сержантом, и, несмотря на потери, мне было весело, когда я вновь

услышал, как «жарят бекон». Мне на голову свалился увесистый кусок перекрытия, и насколько я знаю, на том мое участие в операции закончилось.

Очнулся я в кровати и решил, что нахожусь в офицерской учебке и только что видел во сне исключительно затяжной и запутанный кошмар с большим количеством жуков. Но я был не в школе, а во временном госпитале транспорта «Аргон» и действительно командовал взводом почти самостоятельно целых двенадцать часов.

Но сейчас я был самым обычным пациентом, наглотавшимся окиси азота, получившим лишнюю дозу радиации, потому что на корабль меня подняли только через час, плюс сломанные ребра и удар по голове, который, собственно, и вывел меня из строя.

Еще нескоро я разузнал детали операции «Королевский выкуп», а некоторые не узнал никогда. Например, почему Брамби потащил за собой под землю столько народа? Брамби погиб, а Найди купил себе местечко на небесах по соседству с ним, и я мог только радоваться, что ребята получили свои лычки и носили их весь тот день на планете П, когда ничего не шло согласно предварительному плану.

Зато со временем я выяснил, почему мой взводный сержант решил лезть в тот жучиный город. Он услышал, как я докладывал капитану Блэкстоуну о «главном прорыве», о том, что это все лажа, что рабочих послали на убой. А когда у него из-под ног полезли настоящие воины, сержант пришел к выводу (и оказался прав, и опередил штаб на несколько минут), что жуки делают отчаянный ход, иначе не стали бы подставлять своих рабочих под огонь просто так.

Сержант понял, что атака из города идет довольно слабая, постановил, что у противника недостаточно сил, и в момент озарения ему пришло в голову, что один человек легко может предпринять небольшой рейд вниз, отыскать «королевский» груз и захватить его. Помните, ведь именно за этим мы и явились на планету П, хотя нам хватало мощи попросту ее стерилизовать. Вот он и последовал собственному решению — и преуспел.

Таким образом, первый взвод Бандитов «боевую задачу выполнил». Не многие подразделения из многих-многих сотен могли похвастаться тем же. Ни одну королеву захватить не удалось, жуки убили их в первую очередь. В плен попала только часть умников. Их не стали обменивать, они долго не потянули. Но армейские психологи получили то, что хотели, так что, по-моему, операция закончилась успешно.

Мой взводный сержант получил повышение. Мне не предлагали, да я бы и не согласился, но я не удивился, когда услышал, что он стал офицером. Кэп Блэки сказал мне как-то, что я получил «лучшего сержанта во всем флоте», и я никогда не оспаривал мнение капитана. Мы со взводным встречались раньше. Не думал, что остальным Бандитам это было известно; я им не говорил, а уж сержант — и подавно. Сомневаюсь, что сам Блэки был в курсе. Но я знал своего сержанта с первого дня в учебном лагере.

Его зовут Зим.

Я не считал свое участие в операции удачным. Я пробыл на «Аргоне» больше месяца, сначала в качестве пациента, затем — случайного попутчика, пока меня и еще нескольких парней не вывезли на Санктуарий. У меня было время подумать — в основном о потерях и о той суете, которую я устроил на планете, командуя взводом. Я знал, что не все делал так, как положено лейтенанту... да что там, я даже ухитрился получить ранение! Позволил каменной глыбе свалиться мне на голову.

А потери... не знаю, сколько их было; знаю только, что из шести отделений осталось четыре. Не знаю, сколько полегло, прежде чем нас эвакуировали.

Я даже не знал, остался ли в живых капитан Блэкстоун (остался! собственно, пока я возился под землей, он уже опять командовал ротой), и понятия не имел, что случается с кадетом, который жив, в то время как его экзаменатор погиб. Но

чувствовал, что со своей формой номер тридцать один могу рассчитывать, по крайней мере, на сержантские шевроны. Какая разница, учебники по математике все равно остались на другом корабле.

Тем не менее, поднявшись с койки и один день проваляв дурака, я выклянчил учебники у одного из младших офицеров и принялся за учебу. Математика — штука нелегкая и занимает мозги, да и не повредит ее выучить, даже если не быть мне офицером. Все более-менее важное основано на математике.

Вернувшись в училище и сдав звездочки, я выяснил, что все еще кадет, а не сержант. Наверное, Блэки оправдал меня за недостаточностью улик.

Ангел, мой сосед по комнате, сидел за столом, задрав на него ноги. А рядом с его ботинками лежал мой пакет с учебниками. Ангел поднял голову и удивился:

— Привет, Хуан! А мы думали, что ты получил искупление грехов!

— Я? Жуки не настолько меня любят. А ты когда улетаешь?

— Только что прилетел,— запротестовал Ангел.— Меня отправили на день позже. Сделал три выброски за неделю и вернулся. А тебя где носило?

— Долгое возвращение домой. Месяц пробыл пассажиром.

— Везет же людям. Сколько выбросок?

— Ни одной,— признался я.

У него глаза полезли на лоб.

— Некоторым везет просто до неприличия!

Наверное, Ангел прав; со временем я окончил офицерскую школу. Но и сам Ангел добавил немного к моей удаче своим терпением и наставлениями по математике. Наверное, мне вообще везет на людей. На Ангела и на Джелли, на лейтенанта и Карла, на подполковника Дюбуа, да и с отцом мне повезло. А еще Блэки... и Брамби... и Ас. И — всегда и навечно сержант

Зим. То есть уже бревет-капитан Зим с постоянным званием первого лейтенанта. Я просто не имел никакого права быть старше его по званию.

На следующий день после получения патентов мы с сокурсником Бенни Монтесом дожидались на космодроме своих кораблей. Нас только вчера произвели во вторые лейтенанты, и мы нервничали, когда нам отдавали честь. Чтобы скрыть смущение, я стал читать список кораблей на орбите вокруг Санктуария; список был такой длинный, что становилось ясно: грядут крупные перемены, даже если никто не позаботился сообщить мне об этом. Я чувствовал возбуждение. Одним махом сбылись два моих заветнейших желания, я получил назначение в свою часть. Пока там еще служил мой отец. Пусть ради этого лично лейтенант Джелал будет полировать мне череп.

Меня так распирало от эмоций, что я говорить не мог толком, вот и изучал список. Сколько же тут кораблей! Их расположили по типам, иначе не получалось. Особое внимание я уделил десантным транспортникам. Чему же еще?

Тут стоял «Маннергейм»! Есть ли шанс увидеться с Кармен? Скорее всего, нет, но можно послать привет и выяснить.

Большие корабли — новая «Вэлли Фордж» и новый «Ипр», «Марафон», «Эль Аламейн», «Иводзима», «Галлиполли», «Лейте», «Марна», «Тур», «Геттисберг», «Гастингс», «Аламо»*, «Ватерлоо»... Все это места, названия которых пехота сделала бессмертными.

В честь таких же «пончиков», как мы, были названы корабли поменьше: «Гораций», «Алвин Йорк», «Болотная лиса», и «Родж» тут был тоже, благослови его Господь, а еще «Полковник Буи», «Деверо», «Верцингеторикс», «Сандино», «Обри Казенс», «Камехамеха», «Оди Мерфи», «КсенофонТ»*, «Агинальдо»...

Я сказал:

— Один следовало назвать «Магсайсай»*.

— Как?

— Рамон Магсайсай,— пояснил я.— Великий человек, великий воин. Живи он сегодня, стал бы начальником у наших психологов. Ты что, историю не учил?

— Ну почему ж? — ответил Бенни.— Я узнал, что Симон Боливар построил пирамиды, потопил Армаду и первым слетал на Луну.

— Ты пропустил свадьбу с Клеопатрой.

— Ну да. Верно. Наверное, в каждой стране историю пишут по-своему.

— Уверен в том.

Я пробормотал еще одну фразу, и Бенни спросил:

— Ты что сказал?

— Извини, Бернардо. Это поговорка. Переводится примерно так: «Дом там, где твое сердце».

— Что это за язык такой?

— Тагалог[1]. Мой родной язык.

— А что, там, откуда ты родом, на стандартном английском не говорят?

— Говорят, конечно. В школах, на работе, везде. Но дома мы говорили немного по-старому. Традиции, понимаешь.

— Да, понимаю. Мои предки все время болтают по-испански. Но где ты...

Динамик заиграл «Полюшко-поле»; Бенни широко улыбнулся:

— У меня свидание с кораблем! Береги себя, приятель! Еще увидимся.

— О жуках не забывай.

Я повернулся к списку и стал читать. «Пал Малетер», «Монтгомери», «Чака», «Джеронимо»*...

И тут раздалась самая сладкая музыка в мире:

— *...сияет в веках, сияет в веках имя Роджера Янга!*

Я схватил вещмешок и побежал со всех ног. «Дом там, где твое сердце». Я возвращался домой.

---

[1] *Тагалог* — язык тагалов, доминирующей этнической группы на Филиппинах.

14

Разве я сторож брату своему?
Бытие 4:9

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?
Матфей 18:12

Сколько же лучше человек овцы!
Матфей 12:12

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного... кто спасает жизнь одного, спасает жизнь всех живущих.
Коран, Сура 5, 32

С каждым годом мы приближались к победе. Нужно ведь соблюдать меру!

— Пора, сэр.

В дверях стоял мой заместитель-стажер, кадет, он же «третий лейтенант» Медвежья Лапа. С виду и в общении он был совсем юн и безвреден, как любой из его предков, которые охотились за скальпами.

— Верно, Джимми.

Я был уже в скафандре. Мы направились в бросковую. По дороге я сказал ему:

— Вот что, Джимми, держись возле меня и делай все, что скажу. Получай удовольствие и помни: боезапас для того, чтобы им пользоваться. Если по случаю я искуплю грехи, начальником станешь ты. Но если у тебя есть мозги, ты во всем доверишься взводному сержанту.

— Есть, сэр.

Мы вошли, взводный сержант скомандовал: «Смирно!» и отсалютовал. Я ответил на приветствие, сказал: «Вольно» и начал

смотр первого полувзвода, а Джимми занялся вторым. Потом я и второй проинспектировал, все на всех проверил. Мой взводный сержант — парень дошлый, поэтому ничего я не нашел. Я никогда ничего не нахожу. Но ребятам легче дышится, когда их Старик все дотошно проверит. Кроме того, это моя работа.

Потом я вышел на середину.

— Еще одна ловля жуков, парни. Как вы знаете, она будет отличаться от прежних. На Клендату мы не можем использовать бомбы, так как там держат в заложниках наших ребят. На этот раз мы идем вниз, закрепляемся на планете и отбираем ее у жуков. Катера за нами не придут. Они привезут нам дополнительные боезапас и рационы. Попадете в плен, выше головы и следуйте правилам, потому что за вами стоит все подразделение и вся Федерация. Мы придем и вытащим вас. На это рассчитывают парни с «Монтгомери» и «Болотной лисы». Все, кто еще жив, ждут нас, зная, что мы придем за ними. И мы пришли. И мы заберем наших ребят домой. Не забывайте, пока мы выручаем их, нам помогают все. А наша забота — лишь небольшой район; все это мы много раз отрабатывали. И последнее. Перед вылетом я получил письмо от капитана Джелала, он пишет, что его новые ноги отлично работают. И еще он велел передать вам: он с вас глаз не спустит... а еще он надеется, что вы покроете свои имена славой! И я на это надеюсь. Пять минут, падре.

Меня затрясло мелкой дрожью. Малость отпустило, когда я скомандовал: «Смирно! По отделениям, левый и правый борт... приготовиться к выброске!»

Пока я проверял, как они устроились в капсулах, все было ничего. Джимми и взводный осматривали капсулы по другому борту. Затем мы на пару запихнули Джимми Медвежью Лапу в капсулу номер три по центру. А вот когда его лица не стало видно, меня затрясло по-настоящему.

Мой взводный сержант положил ладонь мне на плечо:

— Как на учениях, сынок.

— Помню, папа.

Дрожь мгновенно унялась.

— Ненавижу ждать, вот и все.

— Я знаю. Четыре минуты. Не пора ли и нам, сэр?

— Пошли, пап.

Я быстро обнял его, матросики помогли нам забраться в капсулы. Дрожь повторяться не собиралась. Вскоре я уже смог доложить:

— Мостик! Разгильдяи Рико к броску готовы.

— Тридцать секунд, лейтенант,— капитан добавила: — Удачи, мальчики! На этот раз мы их уделаем!

— Верно, капитан.

— Пошел отсчет. Немного музыки, чтобы скрасить ожидание?

«Во славу пехоты сияет в веках...»

Дорога доблести

© В.Ковалевский и Н.Штуцер, перевод

Посвящается Джорджу Х. Сайзерсу, постоянным покровителям «Терминуса» и «Оулсвика», а также трамваю из Форт-Маджа

Британ (*шокированный*): Цезарь, это непристойно.
Теодот (*возмущенный*): Что?
Цезарь (*снова овладевший собой*): Прости его, Теодот. Он варвар и полагает, что обычаи его острова суть законы природы.

Бернард Шоу. «Цезарь и Клеопатра», акт II

Глава 1

Мне известно такое местечко, где нет ни смога, ни проблем парковки автомашин, ни демографического взрыва, ни «холодной» войны, ни водородных бомб, ни рекламных передач, ни совещаний на высшем уровне, ни помощи слаборазвитым странам, ни махинаций при уплате налогов, ни самого подоходного налогообложения. Климат там такой, каким похваляются Калифорния и Флорида (хотя на самом деле климат у обоих штатов куда хуже), ландшафт великолепен, люди гостеприимны и доброжелательны к иноземцам, а женщины очаровательны и на удивление готовы ко всем услугам...

И я мог бы туда вернуться. Мог бы...

То был год национальных выборов с обычной предвыборной болтовней (типа «все, что вы можете сделать, я сделаю куда лучше») на фоне бибикающих спутников. Мне уже стукнуло двадцать один, но я еще не решил, против какой партии следует голосовать.

Вместо этого я позвонил в призывную комиссию и попросил прислать мне повестку. Вообще-то я против призыва в армию примерно на том основании, на котором раки возражают против кипятка: может, и станешь красивым, да по чужой

воле. А страну свою я люблю. Даже очень люблю, несмотря на школьную пропаганду, что патриотизм — понятие устарелое. Один из моих прадедов пал под Геттисбергом[1], а отец протопал всю дорогу от водохранилища Инчхон[2], так что мне эти новые идейки не по нутру. Я выступал против них на школьных диспутах, пока не схлопотал двойку по обществоведению, после чего заткнулся и благополучно сдал экзамен. Взглядам своим, в угоду учителям, что не могут отличить божий дар от яичницы, я, однако, не изменил.

А вы-то сами из моего поколения? Если нет, то хоть знаете, почему у нас мозги набекрень? Или просто списываете нас со счета как малолетних преступников?

На эту тему я целое сочинение мог бы написать. Бог ты мой! Да возьмите хоть это: неужто можно ждать от мальчишки, из которого годами выбивают патриотизм, радости при виде повестки «сим уведомляем, что вам надлежит явиться туда-то для зачисления в вооруженные силы Соединенных Штатов»?

А еще болтают про «потерянное поколение»! Я перечел всю эту волынку, что появилась после Первой мировой войны — Хемингуэя, Фицджеральда и других, и пришел к выводу, что шум они поднимали из-за сущей ерунды. Мир-то у них был в кармане, так чего было вопить, спрашивается?

Разумеется, впереди у них был и мировой кризис, и Гитлер, так они же о том, что впереди, ничегошеньки не знали! А у нас были и Хрущев, и водородная бомба, о которых мы знали даже слишком много!

Нет, мы не были потерянным поколением. Мы были хуже, мы были «поколением благонамеренных». Не битники. Битниками были считанные сотни на многие миллионы. О, конечно,

---

[1] Геттисберг — город в Пенсильвании, где в эпоху Гражданской войны (1861–1865) произошло кровопролитное сражение северян и южан.

[2] Инчхон — город и озеро в Южной Корее, получившие известность в связи с боевыми действиями во время Корейской войны (1950–1953).

мы охотно болтали на жаргоне битников, с пеной у рта спорили о результатах опроса «Плейбоя» насчет рейтинга джазовых групп, будто это было бог знает какое важное дело. Мы зачитывались Сэлинджером и Керуаком*, говорили языком, от которого шарахались наши родители. Иногда мы даже одевались как битники. Но мы никогда не думали, что оркестровые барабаны и бороды важнее банковского счета. Нет, мы не были бунтарями. Мы были конформистами, такими, что дальше некуда. Благонамеренность — вот наш тайный пароль! Наши пароли не произносились вслух, но мы следовали им так естественно, как естественно новорожденный утенок направляется к воде. «С начальством не спорят», «бери пока дают», «не пойман — не вор». Эти формулы обозначали наши высшие цели, наши моральные ценности, входившие в понятие благонамеренности. «Тише едешь — дальше будешь» (наш вклад в Американскую Мечту) — вот она, основа устойчивости: если ты едешь тихо — конкуренция исключается.

Но амбиции были и у нас. Да, сэр, были. Оттянуть призыв в армию и окончить колледж. Жениться, заделать ей ребенка, и пусть твоя и ее семьи помогают вам, пока ты будешь укреплять свое положение студента, пользующегося отсрочкой. Получить работенку, считающуюся у призывных комиссий престижной, например, в какой-нибудь ракетной фирме. Еще лучше стать аспирантом (если твоя или ее семьи имеют нужные средства), сделать еще одного ребенка, полностью оставить призывную комиссию в дураках, тем более что докторская степень — прямая дорога к продвижению по службе, к высокой зарплате и к обеспеченной старости.

Ну а если нет беременной жены с богатыми родичами, так сойдут и «4-F»[1]. Неплохо, например, иметь проколотые барабанные перепонки, а еще лучше — аллергию. У одного из моих соседей была ужасная астма, продолжавшаяся до его двадцатишестилетия. И это вовсе не лажа: у него была аллергия на призывную комиссию. Еще одно недурное средство спасения — убедить военного психиатра, что твои закидоны больше подходят

[1] «4-F» — в США — негодный к действительной военной службе.

для министерства иностранных дел, чем для армии. Чуть ли не половина моего поколения состоит из лиц, непригодных для службы в строю.

Все это меня нисколько не удивляет. Есть старинная картина, на которой изображены сани, мчащиеся сквозь зимний лес, а за ними гонятся волки. Время от времени люди хватают одного из седоков и кидают волкам. И вот все эти льготы — от отсрочек призыва и «альтернативных служб» до разного рода выплат и преимуществ ветеранам — все они весьма похожи на ту картину, где большинство сбрасывает меньшинство волкам, чтобы самому продолжить стремительную гонку за гаражом на три машины, бассейном и надежным обеспечением после ухода от дел.

Но не думайте — я-то сам тоже не святой. И мне тоже нравятся гаражи на три машины. Вот только моя родня не смогла протащить меня через колледж. Мой отчим служил уоррент-офицером в ВВС[1], и его содержания хватало разве что на обувку и одежку для собственных ребятишек. Когда отчима перевели в Германию — как раз за год до моего перехода в последний класс, и мне пришлось поселиться с родной теткой со стороны отца и ее мужем,— нам, то есть мне и отчиму, сразу полегчало. В финансовом отношении, правда, лучше мне не стало, так как мой дядюшка выплачивал алименты своей первой жене, что, учитывая калифорнийское законодательство, делало его положение не лучше положения негра на плантациях Алабамы до начала Гражданской войны. Сам я получал 35 долларов в месяц как «несовершеннолетний иждивенец умершего ветерана» (а это совсем не то, что «осиротевший в результате войны», тем пенсия куда выше). Мать была уверена, что смерть отца последовала в результате ранений, но у Администрации по делам ветеранов были другие соображения, так что я был всего лишь «несовершеннолетним иждивенцем умершего ветерана».

Разумеется, мои 35 долларов в месяц отнюдь не восполняли тот ущерб, который я наносил продуктовой корзинке моей род-

[1] *Уоррент-офицер* — категория командного состава в армии США, занимающая промежуточное положение между офицерами и унтер-офицерами.

ни, и считалось, что когда я окончу школу, то сразу перейду на подножный корм. Под ним подразумевалось вступление в армию, но у меня были свои планы. Я играл в футбол и окончил последний класс с рекордным для школ Центральной Калифорнийской Долины числом прорывов к воротам противника, а также со сломанным носом, что позволило мне осенью получить место на первом курсе местного колледжа, равно как и работенку «прислуги за все» в его гимнастическом зале со ставкой на 10 долларов больше, чем военная пенсия, да еще с надеждой на чаевые.

Будущее казалось туманным, но ближайшая цель была ясна: ногтями и зубами зацепиться за этот шанс и получить специальность инженера. Всячески избегать женитьбы и армии. После окончания колледжа найти работу, гарантирующую освобождение от призыва. Накопить деньжат и получить степень по правоведению, так как еще в Хомстеде, штат Флорида, мой учитель говаривал, что инженеры делают деньги, но большие деньжищи и должности боссов достаются адвокатам. Так что я намеревался сорвать куш в этой игре. Да, сэр, намеревался. Я бы сразу предпочел правоведение, да беда в том, что такого факультета в моем колледже не было.

Однако в конце моего второго года обучения футбол в колледже накрылся. Футбольный сезон не задался — ни одной победы. И хотя «Флэш» Гордон* (такую кличку я приобрел в спортивных кругах) занял отличное место по многим показателям, но тем не менее и я, и тренер оказались без работы. О, разумеется, до конца года я продолжал крутиться среди баскетболистов, фехтовальщиков и бегунов, но старшекурсник, ответственный за формирование команд, не был заинтересован в баскетболисте ростом всего лишь шесть футов и один дюйм. Этим же летом мне исполнился 21 год, что означало прекращение моего военного пенсиона в 35 долларов. Поэтому сразу же после Дня Труда[1] мне пришлось отступить на заранее подготовленные позиции, то есть сделать тот телефонный звонок, о котором я уже говорил вначале.

[1] Этот национальный американский праздник отмечается в первый понедельник сентября.

Я рассчитывал провести год в ВВС, а затем выдержать конкурс в Академию ВВС, чтоб стать космонавтом и знаменитостью, если уж не удалось сделаться толстосумом. Но то ли ВВС набрали свою квоту, то ли еще что, а только я оказался в пехоте, причем так быстро, что еле успел собрать вещички. Тогда я решил заделаться самым лучшим помощником капеллана во всей пехоте и постарался, чтобы в числе моих талантов в бумагах было указано умение печатать на машинке. Если бы требовалось мое мнение, то я бы выбрал службу в Форт-Карсоне[1], где аккуратно печатал бы документы в двух экземплярах и учился на вечернем отделении.

Но, разумеется, моего мнения никто не спросил.

Вы были когда-нибудь в Юго-Восточной Азии? По сравнению с ней Флорида — самая что ни на есть распроклятая пустыня. Куда ни ступишь — чавкает болото. Вместо тракторов там буйволы, а кусты полны насекомых и стреляющих в тебя туземцев. Впрочем, это была вовсе не война и даже не полицейская акция. Мы считались «военными советниками», но военный советник, убитый четыре дня назад, в жару воняет точно так же, как труп на всамделишной войне.

Меня произвели в капралы. Меня производили семь раз. Каждый раз в капралы.

Мне недоставало правильного отношения к делу. Именно так выразился мой ротный. Мой отец был морским пехотинцем, мой отчим — летчиком. А мои стремления ограничивались должностью помощника капеллана, но обязательно на родине. Что касается пехоты, то от нее меня просто тошнило. Ротный тоже пехоту не уважал. Он был первым лейтенантом и никак не мог пробиться в капитаны, так что каждый раз, как только он начинал по этому поводу метать икру, капрал Гордон терял свои лычки.

Последний раз я их лишился за то, что сказал ротному, будто обращусь к своему конгрессмену с просьбой выяснить, на каком основании я стал единственным в Юго-Восточной Азии солдатом, который вместо того, чтобы вернуться домой в по-

[1] Форт-Карсон находится на западе штата Невада.

ложенное время, видимо, останется в армии до пенсионного возраста. Это так взбесило ротного, что он не только разжаловал меня, но и бросился в атаку, стал героем и тут же скончался. Тогда я и заработал этот шрам на сломанном носу, поскольку тоже совершил геройский поступок и наверняка получил бы Орден Чести[1], будь у меня свидетель.

Пока я отлеживался в госпитале, меня решили демобилизовать.

Майор Йан Хей в книге «Война и конец войны» так описывает структуру военной организации: вся военная бюрократия подразделяется на департамент Путаницы, департамент Издевательства и департамент Добрых Волшебниц. Именно на два первых приходится львиная доля военного делопроизводства, тогда как третий — очень маленький и состоит из чинуши женского полу, преимущественно пребывающей в отпуске по болезни.

Когда же эта дама бывает на работе, она изредка откладывает в сторону вязанье, случайно выхватывает из лежащего перед ней списка чью-нибудь фамилию и совершает добрый поступок. Вы уже видели, как со мной обошлись департаменты Путаницы и Издевательства, но на этот раз именно департамент Добрых Волшебниц споткнулся на фамилии рядового Гордона.

Было это так. Когда я узнал, что поеду домой, как только мое лицо заживет (шоколадный братец забыл простерилизовать свой боло[2]), я попросил, чтобы меня отправили в Висбаден, где находилась семья матери, а не в Калифорнию, откуда призывался. Я не критикую шоколадного братишку, он, верно, вообще не рассчитывал на мое выздоровление и, надо думать, достиг бы своей цели, если бы не был так занят добиванием ротного, что на меня ему немного не хватило времени. Я и сам не стерилизовал свой штык, но ему на это жаловаться не приходится — он только вздохнул и опал, вроде как кукла, у которой распороли набитый опилками живот. Я даже благодарен

[1] Орден Чести — высшая награда за непосредственное участие в боевых действиях.

[2] Тесак, острый длинный нож.

ему, поскольку он не только высыпал иначе кости из стаканчика моей судьбы, так что я попал под дембель, но и подарил мне неплохую идейку.

Он да еще лечащий врач... Врач сказал: «Ты поправишься, сынок. Но шрам у тебя останется, как у гейдельбергского студента».

Это и заставило меня задуматься... Хорошую работу получить без ученой степени нельзя, как нельзя стать штукатуром, если ты не сын или не племянник члена союза штукатуров. Но степень степени рознь. Сэр Исаак Ньютон со степенью, полученной в таком коровьем колледже, как мой, мыл бы пробирки для какого-нибудь Джо Тумбфингерса, если бы у Джо была степень из европейского университета.

Так почему бы не Гейдельберг? Я собирался выдоить досуха мои ветеранские привилегии, собирался еще с той самой минуты, как позвонил в свою призывную комиссию.

По словам матушки, в Германии жизнь очень дешева. Так, может, мне удастся превратить ветеранские денежки в докторскую степень? Герр доктор Гордон, со шрамом на лице, из Гейдельберга — это же верняком лишних три тысячи долларов в год в любой ракетной фирме.

Черт возьми, еще пара дуэлей со студентами добавит настоящие гейдельбергские шрамы к той царапине, которой я уже обладал. Фехтование было одним из моих любимых видов спорта — еще с тех времен, когда я ошивался в гимнастическом зале своего колледжа (хотя там оно котировалось весьма низко). Есть люди, которые панически боятся ножей, штыков, шпаг — словом, всего, чем можно порезаться. У психиатров для этого есть даже специальный термин — боязнь крови. Идиоты, которые гоняют свои машины со скоростью более ста миль по дороге, где скорость ограничена пятьюдесятью, падают в обморок при виде обнаженного лезвия.

Мне это непонятно, и вот почему я жив и даже многократно произведен в капралы. «Военный советник» не может себе позволить дрейфить перед ножами, штыками и тому подобным. Он обязан с ними управляться. Я их никогда не боялся, так как был уверен, что успею сделать с противником то самое,

что он намеревается сделать со мной. Так всегда и получалось, за исключением того случая, когда я разыграл героя, но и эта ошибка не была смертельной. Если бы я уклонился, вместо того чтобы броситься вперед и распороть противнику брюхо, он бы надвое располосовал меня со спины. А так — хороший замах у него не получился, и его огромный резак лишь задел мое лицо, когда сам шоколадный братишка уже валился на землю, оставив мне на память весьма скверную рану, в которую инфекция попала задолго до того, как прилетели вертолеты. Боли я не почувствовал. Просто голова закружилась, и я сел прямо в грязь, а когда очнулся, то увидел фельдшера, вливающего мне плазму.

Я даже с удовольствием предвкушал ожидающие меня в Гейдельберге дуэли. Они там надевают специальные подбитые ватой костюмы, защищающие тело, руки и шею, а глаза и нос прикрывают такой металлической пластиной — так что все это не походит на встречу с марксистом-практиком в джунглях. Мне как-то пришлось держать в руках шпагу, какими пользуются в Гейдельберге: она легкая, прямая, с хорошо заточенным лезвием, но с тупым концом! Игрушка, пригодная лишь для нанесения шрамов, от которых девицы писают кипятком.

Я раздобыл карту, и что вы думаете? Гейдельберг оказался прямехонько на дороге в Висбаден. Вот поэтому-то я и потребовал отправки в Висбаден.

Врач сказал: «Ну ты даешь, парень!» — и заверил мою подпись. Сержант медицинской службы, ведавший госпитальной канцелярией, произнес: «Ничего не выйдет, солдат». Не буду утверждать, что имела место передача денег из рук в руки, но штамп «Препровождается» канцелярия все же поставила. Товарищи по палате сошлись на том, что я кандидат в психушку: дядя Сэм не привык предоставлять своим рядовым дармовые поездки вокруг света.

Впрочем, я и без того уже так проехался по шарику, что Хобокен[1] оказался от меня на том же расстоянии, что и

[1] *Хобокен* — порт в Нью-Джерси (Атлантическое побережье США).

Сан-Франциско, а Висбаден — так еще ближе. Однако политика требовала, чтобы демобилизованные возвращались домой именно пароходами и именно через Тихий океан. А военная политика ведь это вроде рака — никто не знает, откуда он берется, а проигнорировать его никак нельзя.

Вот тут-то и проснулся департамент Доброй Волшебницы, которая коснулась меня своей чудесной палочкой.

Я уже готовился ступить на борт корыта под названием «Генерал Джонс», следующего на Манилу, Тайбей, Иокогаму, Перл-Харбор и Сиэтл, когда пришла бумага, удовлетворявшая все мои желания и даже более того.

Мне предписывалось прибыть в штаб американских оккупационных войск в Гейдельберге на первом же подходящем для этого военно-транспортном средстве и там демобилизоваться согласно собственному желанию и статье такой-то. Неиспользованное отпускное время должно быть предоставлено или оплачено согласно статье такой-то. Вышеупомянутому надлежало вернуться в Штаты в течение 12 месяцев, прибегнув для этого к соответствующим военно-транспортным средствам и не предъявляя к правительству США каких-либо новых финансовых претензий.

Сержант, штабной писарь, вызвал меня и показал бумагу, причем его лицо светилось неподдельным восторгом.

— Ты только учти, солдат, что никакого наличного военно-транспортного средства для тебя нет, так что — валяй, тащи вещички на «Джонса». Поедешь в Сиэтл, как я тебе и говорил.

Я тут же усек, о чем речь. Единственный за много-много дней транспорт отплыл на запад, в Сингапур, тридцать шесть часов назад. Я уставился на бумагу, но в глазах у меня стояла кастрюля с кипящим маслом, а в мозгу билась мысль, что сержант умышленно задержал мои бумаги, чтобы судно успело уйти.

Я отрицательно покачал головой:

— Нагоню «Генерала Смита» в Сингапуре. Будь человеком, сержант, выпиши мне нужные документы.

— Документы выписаны. На «Джонса». В Сиэтл.

— Господи! — протянул я задумчиво.— Пойти, что ли, поплакаться в жилетку капеллану?! — И тут я слинял по-быстро-

му, но отправился не к капеллану, а на аэродром. Здесь мне хватило пяти минут, чтобы выяснить, что ни одного гражданского или военного американского самолета на Сингапур на нужном мне отрезке времени нет и не будет.

Но был австралийский военно-транспортный самолет «Альбатрос», вылетающий рейсом в Сингапур этой же ночью. Осси[1] не считались «военными советниками», но ошивались тут же в качестве «военных наблюдателей». Я нашел командира борта — лейтенанта ВВС и изложил ему свою ситуацию. Он улыбнулся и сказал:

— Для одного парня местечко всегда найдется. Похоже, вылетаем сразу же после чая. Конечно, если старушка захочет взлететь.

Ну, я-то знал, что она «захочет». Ведь это был «С-47», весь в пробоинах и налетавший бог знает сколько миллионов миль. Как только я увидел эту раскрашенную в маскировочные цвета и испещренную заплатами птичку, сидевшую на аэродромном поле, я понял, мое счастье еще со мной. Через четыре часа я уже сидел в кресле, а «птичка» катилась по взлетной полосе.

Утром следующего дня я явился на борт военно-транспортного судна «Генерал Смит» промокшим до нитки. «Гордость Тасмании» прорывалась сквозь штормы, а этот тип самолетов имеет один недостаток — они текут. Но кто из испытавших слякоть джунглей будет возражать против чистого дождя?! Хорошей новостью было и то, что судно отходило только вечером.

Сингапур похож на Гонконг, только лежит на равнине. Так что одного дня на осмотр хватает с избытком. Я пропустил стаканчик в «Раффлсе», другой в «Адельфи», промок под дождем в Международном парке отдыха, прошвырнулся по Чанг-Эли, придерживая одной рукой карман с деньгами, а другой — с документами. Здесь же я купил билет Ирландского тотализатора.

Вообще-то я никогда не играю в азартные игры, конечно, если мы договоримся считать покер чистым искусством. Так

[1] *Осси (Aussi)* — кличка австралийцев, точно так же, как Томми — кличка британцев.

что покупку билета следует рассматривать как жертвоприношение богине Счастья или как благодарность ей же за долгий период удачи. Если она отзовется на этот жест ста сорока тысячами американских долларов, что ж, ей не придется долго меня упрашивать.

А если нет, так номинальная стоимость билета — один фунт, или два доллара и 80 центов. Заплатил я за него девять сингапурских долларов, или три американских, так что не такой уж убыток понес ради богини Счастья, особенно учитывая, что уже выиграл бесплатное кругосветное путешествие, да еще живьем выбрался из джунглей.

Эти три доллара я тут же сэкономил, так как удачно скрылся с Чанг-Эли, сбежав от других босоногих ходячих «банков», готовившихся всучить мне еще билеты тотализатора, сингапурские доллары и любые другие денежные знаки или даже мою собственную шляпу (если бы я хоть на секунду выпустил ее из виду), вышел на проезжую улицу, остановил такси и велел шоферу отвезти меня в порт. И это было явной победой Духа над Плотью, поскольку завершало долгий спор, который я вел с самим собой на тему: не снять ли с себя тяжелейший биологический стресс. Добрый старый Гордон слишком долго изображал добродетельного скаута, а Сингапур — один из семи Городов Греха, где можно получить все, что пожелаешь.

Не собираюсь утверждать, что все это время я оставался верным Девушке Моей Мечты. Эта юная девица — там, на родине — в свое время обучила меня кое-чему, относящемуся к Миру, Плоти и Греху, уложившись в одну-единственную и удивительную ночь накануне того дня, когда я завербовался в армию. Она писала мне чисто дружеские письма, пока я проходил на базе курс военной подготовки, так что я испытываю к ней чувство благодарности, но отнюдь не считаю себя связанным с ней обетом верности. Вскоре она вышла замуж, теперь у нее пара ребятишек, но оба не от меня.

Главная причина биологического стресса носила географический характер. Эти маленькие шоколадного цвета братишки, против которых и в союзе с которыми я воевал, имели ма-

леньких и тоже шоколадных сестриц, многие из коих были доступны за деньги, а другие даже pour l'amour ou pour le sport[1].

Вот таков был мой «местный колорит» в течение долгого времени. Вы скажете: а сестры милосердия? Ну, они были только для офицеров, а редкие певички или балерины из Управления культурно-бытового обслуживания армии США, случайно залетевшие так далеко от родины, были для нас куда недоступнее медсестер.

Что же касается шоколадных крошек, то мои возражения против них относятся вовсе не к цвету. У меня самого лицо, за исключением длинного розового шрама, было не менее коричневым, чем у них. Из своего меню я исключил их потому, что они уж очень малюсенькие. Я вешу сто девяносто фунтов — одни мускулы без капли жира,— и мне никак не удается убедить себя, что женщина ростом четыре фута десять дюймов и весом менее девяноста фунтов да еще выглядящая двенадцатилетней является взрослой и дееспособной. Для меня такое дело не отличается от изнасилования малолетней, и я сразу становлюсь импотентом.

Сингапур — местечко, где можно было найти девицу и достаточно крупных размеров. Но когда я удирал с Чанг-Эли, то внезапно ощутил какое-то разочарование в людях — больших и маленьких, мужчинах и женщинах — и решил прямиком отправиться на судно, что, возможно, спасло меня от оспы, гонореи, мягкого шанкра, проказы, чесотки и дерматофитозиса. Вероятно, это было самое мудрое решение, принятое мной с того времени, когда четырнадцатилетним мальчишкой я отказался от схватки с аллигатором средних размеров.

Таксисту я сказал по-английски, к какому причалу ехать, потом повторил это же специально заученным предложением на кантонском диалекте (с плохим произношением, но китайский язык очень сложен, а в школе у нас, кроме немецкого и французского, других языков не было) и показал ему план, на котором нужный причал был отмечен и даже назван на английском и китайском языках.

[1] По любви или ради развлечения (*фр.*).

Такой план давали каждому, кто сходил с парохода на берег. В Азии любой таксист достаточно владеет английским, чтобы отвезти тебя в квартал красных фонарей или в лавку, где продаются «редкости», но к нужному причалу они почему-то никогда не находят дороги.

Мой таксист выслушал, глянул на план и сказал: «О'кей. Мак. Я понимай», после чего рванул с места, резко срезал угол и помчался, кроя последними словами рикш, кули, собак и детей. Я расслабился, радуясь, что мне достался такой таксист — один из тысяч.

Внезапно я подскочил и крикнул, чтобы он остановился.

Надо вам сказать, что я физически не могу заблудиться. Если угодно, можно назвать это экстрасенсорным свойством. Мама же говорила, что у ее сынишки есть «шишка направления». Как ни называйте, а я только в шесть или семь лет узнал, что есть люди, которые могут заблудиться. Я же всегда знаю, где север, в каком направлении лежит место, с которого я отправился в путь, и как далеко я от него нахожусь. Я могу вернуться туда точно по прямой, а могу и по собственным следам, даже в темноте или в джунглях. Именно по этой причине меня столько раз производили в капралы и даже поручали обязанности сержанта. Патрули, которыми я командовал, всегда возвращались обратно, кроме убитых, конечно. Городским ребятам, которым джунгли не пришлись по душе, это весьма импонировало.

А закричал я потому, что таксист повернул направо вместо того, чтобы свернуть налево, и уже готовился к новому повороту, дабы вернуться на круги своя.

Такси продолжало набирать скорость.

Я снова заорал. Таксист же, казалось, напрочь забыл английский.

Однако несколько позже ему все же пришлось остановиться из-за дорожной пробки. Я вышел из машины, таксист также выскочил из нее и стал что-то визгливо кричать на кантонском диалекте, указывая при этом на счетчик. Вокруг нас собралась толпа китайцев, которая все время росла, причем китайчата уже начали хватать меня за одежду. Я крепко придер-

живал деньги рукой, но очень обрадовался, увидев полицейского. Я позвал его, и мне удалось привлечь его внимание.

Полицейский протолкался сквозь толпу, помахивая внушительной дубинкой. Это был индус. Я спросил его: «Говоришь по-английски?»

— Еще бы. И даже понимаю по-американски.

Я изложил ему обстоятельства дела и пояснил, что таксист посадил меня у Чанг-Эли, а потом гонял машину по кругу.

Коп кивнул и заговорил с таксистом на каком-то третьем языке, похоже, на малайском. Потом коп сказал:

— Он не знает английского. Думал, вы велели ехать в Джохор.

Мост, ведущий в Джохор, лежит совсем в другом направлении, чем причал, но тоже еще на территории острова Сингапур. Я с раздражением буркнул:

— Черта с два он не понимает по-английски!

Коп пожал плечами:

— Вы его наняли и, значит, должны оплатить по счетчику. Потом я объясню ему, куда надо ехать, и мы договоримся о цене.

— Да я скорее отправлюсь в ад!

— Вполне возможно. Расстояние до него очень небольшое, особенно в этих кварталах. Думаю, вам все же лучше заплатить. Время простоя бежит быстро.

Иногда приходит час, когда человек должен встать на защиту своих принципов, чтобы потом, бреясь, он мог не стыдиться собственного взгляда. Я побрился еще утром, а потому уплатил восемнадцать с половиной сингапурских долларов за то, что потерял час времени и оказался дальше от места назначения, чем был, когда садился в машину. Таксист требовал еще чаевых, но коп приказал ему заткнуться и ушел вместе со мной.

Обеими руками я держался за карманы с деньгами, документами и с тотализаторным билетом, который я положил к документам. Но моя авторучка исчезла, равно как и носовой платок и ронсоновская зажигалка. Когда же я почувствовал, что чьи-то невидимые пальцы ощупывают браслетку часов, я поспешил согласиться на предложение полицейского, рекомендовавшего мне услуги своего двоюродного брата — человека

честного, который отвезет меня к причалу за условленную и умеренную плату. «Брат» оказался под рукой, и через полчаса я уже был на борту своего судна. Нет, никогда не забуду Сингапура — уж больно тут набираешься опыта.

Глава 2

Двумя месяцами позже я оказался на Французской Ривьере. Департамент Доброй Волшебницы присматривал за мной на всем пути через Индийский океан, Красное море и далее вплоть до Неаполя. Все это время я вел здоровый образ жизни, каждое утро делал зарядку и загорал, после обеда спал, а вечерами играл в покер. К тому времени, когда мы добрались до Италии, я уже был обладателем великолепного загара и кругленькой суммы.

В самом начале плавания один из игроков спустил все наличные и решил поставить на кон свои билеты Ирландского тотализатора. После непродолжительного спора билеты превратились в валюту, где каждый билет соответствовал двум американским долларам. К концу путешествия у меня оказалось 53 билета.

Перелет из Неаполя во Франкфурт занял всего несколько часов, но за это время департамент Доброй Волшебницы успел передать меня в ведение департаментов Путаницы и Издевательства.

Прежде чем отправиться в Гейдельберг, я завернул в Висбаден, чтобы повидать матушку, отчима и ребятишек, и тут узнал, что они только накануне выехали в Штаты, направляясь на базу ВВС Элмендорф на Аляске.

Тогда я поехал в Гейдельберг и с ходу стал знакомиться с городом, не подозревая, что шлейф невезения уже тащится за мной. Чудесный городок — прекраснейший замок, отличное пиво и крупнотелые девы с румяными щеками и с фигурами, похожими на бутылки кока-колы, в общем, все говорило, что это местечко, как никакое другое, подходит для получения ученой степени. Я даже начал прицениваться к жилью и познако-

мился с молодым фрицем в студенческой шапочке и с дуэльными шрамами на лице, не менее страшными, чем мой. Казалось, все шло путем.

Свои планы я обсудил с первым сержантом, который отвечал за дембель.

Он покачал головой:

— Эх ты, бедолага!

Почему? Да потому, что Гордону не полагалось никаких ветеранских привилегий. Оказалось — я вовсе и не ветеран. И шрам мой ничего не стоил, и то, что я укокошил людей в стычках больше, чем их можно загнать в... а, неважно куда! Оказывается, эта война вовсе не являлась войной, и Конгресс до сих пор не принял закона, предоставляющего «военным советникам» льготы для получения образования.

Думаю, виноват я сам. Просто всю жизнь слышал о ветеранских привилегиях... Господи, да я сам сидел на одной скамейке в химической лаборатории с парнем, который собирался окончить колледж с их помощью.

Сержант отечески напутствовал меня:

— Не пыли, сынок. Езжай домой, поступи на работу и обожди годик. Не иначе как они примут закон и придадут ему обратную силу, это уж точно. А ты еще молодой.

Вот я и оказался на Ривьере, в штатском, задумав надышаться воздухом Европы, пока не пришло время закругляться и возвращаться домой. Гейдельберг накрылся... Мое жалованье, вернее, тот остаток, что я не успел спустить в джунглях, плюс деньги за неиспользованный отпуск, плюс выигрыш в покер составляли сумму, которой хватило бы на первый год учебы в университете. А вот до получения степени эти деньги никак нельзя было растянуть. Я ведь рассчитывал, что буду жить на ветеранские дотации, а наличность послужит своего рода страховкой.

Мой пересмотренный план был ясен. Попасть домой, во всяком случае до начала учебного года. Наличные денежки разойдутся на оплату жилья и пансиона у тетки с дядей, следующее лето где-нибудь подработать и вообще держать нос по ветру. Опасность попасть в армию мне больше не угрожала, так

что способы одолеть последний курс колледжа должны были подвернуться, хотя стать герром доктором мне уже не светило.

Колледж, однако, открывался только осенью, а сейчас было лишь начало весны. Поэтому я решительно настроился на знакомство с Европой, прежде чем приложить зубы к граниту науки. Другого такого случая могло и не подвернуться.

Была и еще одна причина, чтобы отложить отъезд,— те самые билеты. Подходило время жеребьевки лошадей. Ирландский тотализатор начинается как лотерея. Сначала продаются билеты в количестве, достаточном, чтобы обклеить ими Центральный вокзал в Нью-Йорке. Ирландские больницы получают 25 процентов выручки, так что они единственные, кто выигрывает наверняка. Незадолго до скачек начинается жеребьевка. Лошадей два десятка. Если твой билет не выиграл лошади, то цена ему, как листу оберточной бумаги (хотя какие-то утешительные призы есть и для этой категории). Если ты «получил» лошадь, это еще не значит, что ты выиграл. Некоторые из этих лошадей, может, и до старта не доберутся, а из тех, что выйдут на старт, большая часть приплетется в хвосте. Тем не менее любой билет, выигравший лошадь, даже если она, по общему мнению, способна только доковылять до стойла, теперь приобретает на весь период между жеребьевкой и скачками цену в несколько тысяч долларов. Сколько именно тысяч — это уж зависит от рейтинга лошади. Но цены высоки, ведь и самая плохая лошадь, как известно, чудом может прийти первой.

У меня было 53 билета. Если хоть один из них выиграет лошадь, я получу столько, что мне хватит на Гейдельберг. И я остался до жеребьевки.

Европа — дешевое местечко. Молодежное общежитие — роскошь для парня, вернувшегося из «райских» кущ Юго-Восточной Азии. Даже Французская Ривьера не так уж недоступна, ежели найти к ней правильный подход. Я не стал снимать апартаменты на La Promenande des Anglais[1], а снял крошечную комнатку четырьмя этажами выше и двумя километрами

[1] Английская набережная (*фр.*).

дальше набережной, да еще с общими «удобствами». Конечно, в Ницце есть роскошные клубы, но их вовсе не обязательно посещать, поскольку на пляжах стриптиз ничуть не хуже, чем в клубе, да еще бесплатно. Я не понимал этого высокого искусства до тех пор, пока не увидел, как юная француженка снимает платье и натягивает бикини на глазах у обывателей, туристов, жандармов и собак (не говоря уж обо мне), и все это никак не нарушает снисходительных французских норм относительно «неприличного обнажения». Ну разве что чуть-чуть нарушает.

Сами же по себе пляжи ужасны. Галька и камни. И все-таки камни лучше, чем грязная жижа джунглей, так что я, натянув плавки, любовался стриптизом и совершенствовал загар. Была весна, туристский сезон еще не начался, народу было мало, зато солнце грело и никаких дождей не предвиделось. Я валялся на солнце, чувствовал себя почти на небесах, а моим единственным приобретением был арендованный в «Американ Экспресс» почтовый ящик, куда мне клали парижские издания «Нью-Йорк Геральд Трибюн» и «Старз энд Страйпз»[1].

Я бегло проглядывал страницы, где сообщалось, как бездарно наши правители руководят миром, затем пробегал известия о событиях на «невойне», которую так недавно покинул (о ней писали мало, хотя нам и вдалбливали, что мы «спасаем цивилизацию»), а потом обращался к более стоящим делам: информации об Ирландском тотализаторе или надеждам, что «Старз энд Страйпз» развеют дурной сон, будто мне отказано в привилегиях на получение образования.

В конце шли кроссворды и личные объявления. Я всегда внимательно перечитывал этот раздел, позволяющий заглянуть в чужую частную жизнь. Например: «М. Л. позвонить Р. С. до полудня. Деньги». Информация к размышлению — кто кого надул и кто получит денежки!

Вскоре я нашел возможность вести еще более дешевый образ жизни и при этом любоваться еще лучшим стриптизом.

[1] «Звезды и полосы». Американская газета военно-патриотического толка.

Слышали когда-нибудь об Иль-дю-Леван? Это островок у побережья Ривьеры между Марселем и Ниццей, очень похожий на Каталину. На одном конце острова — деревушка, на другом — ВМС отгородили кусок земли для своих ракетных установок. Все остальное — холмы, пляжи и гроты. Автомобилей нет, нет даже мотоциклистов. Людям, которые сюда приезжают, хочется забыть об остальном мире.

За десять долларов в день тут можно жить так же хорошо, как за сорок в Ницце. Можно заплатить пять центов в сутки за место для палатки и еще один доллар тратить на еду, что я и делал, а если надоест готовить самому, то тут полно дешевых и приятных ресторанчиков.

На острове, как мне кажется, не действуют никакие стесняющие людей правила. Хотя, погодите, одно ограничение есть: перед въездом в деревушку висит объявление «Le Nu Integral Est Formelement INTERDIT» («Полная обнаженность категорически запрещена»). Это означает, что все мужчины и женщины, прежде чем выйти на деревенскую улицу, должны нацепить на себя треугольную тряпочку — cache-sexe[1]. В других же местах, то бишь в кемпингах и на пляжах, никто ничего не обязан надевать, да и не надевает.

Исключая отсутствие автомобилей и одежды, Иль-дю-Леван ничуть не отличается от остальной французской провинции. Тут не хватает пресной воды, но французы ее не пьют, а купаться можно в Средиземном море, после чего покупают на франк пресной воды, с помощью которой смывают морскую соль. Садитесь на поезд в Ницце или в Марселе, сходите в Тулоне, берете билет на автобус до Лаванду, а потом — на катере (час с небольшим) до Иль-дю-Леван, после чего можете отбросить всякую заботу о своей одежде.

Я обнаружил, что могу покупать вчерашний номер «Геральд Трибюн» в деревне, прямо там же («Au Minimum», Mme Alexandre»)[2], где я арендовал палатку и другие туристские принадлежности.

---

[1] Плавки или бикини (*фр.*).

[2] «До минимума», мадам Александра (*фр.*).

Провизию я закупал в «La Brise Marine»[1], а лагерь разбил над La Plage des Grottes[2] возле самой деревушки. Там я и обосновался, давая отдых нервишкам, а глазам — наслаждение местным стриптизом.

Есть люди, которые не считают женщину венцом божественного творения. Они — «выше секса», им следовало бы родиться устрицами. А по мне, приятно смотреть на любую женщину (даже на шоколадных крошек, хоть они меня и отпугивали). Вся разница в том, что на одних смотреть приятно, а на других — очень приятно. Некоторые толстоваты, другие — худощавы, одни — молоденькие, другие — постарше. Некоторые выглядят так, будто только что вышли из «Folies Bergeres»[3]. С одной из таких я познакомился, и оказалось, что близок к истине — это была шведка, работавшая «nue»[4] в одном из парижских кабаре.

Она со мной практиковалась в английском, я с ней — во французском, она обещала меня накормить настоящим шведским обедом, когда я приеду в Стокгольм, а я готовил ей обеды на спиртовке, мы напивались vin ordinaire[5], и она требовала, чтобы я рассказал, откуда у меня шрам, так что приходилось что-то выдумывать. Марьятта была прекрасным лекарством для солдатских нервишек, и я огорчился, когда ее отпуск истек.

А стриптиз все длился. Спустя три дня после отъезда шведки я сидел на Гротто-бич, облокотясь на скалу, и решал кроссворд, как вдруг почувствовал, что глаза у меня разъезжаются в разные стороны в тщетном усилии оторваться от самой великолепной женщины, какую я когда-либо видел.

Женщина или девушка — не знаю. С первого взгляда я дал ей лет 18–20, но потом, когда взглянул на ее лицо вблизи, она показалась мне не то 18-летней, не то 40-летней, а может, и

---

[1] «Морской бриз» (*фр.*).

[2] Пляж у гротов (*фр.*).

[3] *«Фоли Бержер»* — одно из известнейших парижских кабаре.

[4] Обнаженная (*фр.*), в данном случае — актриса стриптиза.

[5] Молодое (ординарное) столовое вино с выдержкой не более года (*фр.*).

140-летней. Она обладала безупречной красотой, которая не зависела от возраста. Ну, как Елена Прекрасная или Клеопатра. Вполне возможно, что это и была Елена Прекрасная, так как Клеопатрой она быть не могла, это точно — та, как известно, рыжая, а эта яркая натуральная блондинка. Кожа у нее была золотистой, как корочка у свежеподжаренного гренка, причем на теле ни следа от бикини, а волосы на два тона светлее кожи. Они свободно струились по спине восхитительными волнами и, казалось, никогда не знали ножниц.

Рост высокий, чуть пониже меня и, надо думать, вес тоже поменьше, жира никакого, совсем никакого, кроме той тонкой прокладки под кожей, что так смягчает женские формы, скрывая мускульный каркас. Осанка ее напоминала о ленивой мощи львицы.

Плечи широкие для женщины, почти такие же широкие, как ее полные женственные бедра. Талия могла бы показаться толстоватой у женщины более низкого роста, а у нее она выглядела восхитительно тонкой. Живот не впалый, а соблазнительно круглящийся под тяжелой грудью. Груди... Только ее мощная грудная клетка могла поддерживать тяжесть таких грудей, которые в другой ситуации могли бы показаться слишком роскошными. Они были крепки и высоки и лишь чуть подрагивали в такт шагам, увенчанные розовато-коричневыми сосками — женскими, не девичьими.

Пупок заставлял вспомнить эпитеты древних персидских поэтов, любивших сравнивать его с драгоценными каменьями. Ноги длинные, даже учитывая ее рост; кисти рук и ступни не маленькие, но тонкие и грациозные. Она вся была изумительно изящна, и просто невозможно было представить ее в какой-нибудь вульгарной позиции. И это при том, что тело ее было столь гибко, что, казалось, она, как кошка, может принять любую, самую невероятную позу.

Ее лицо! Как описать абсолютное совершенство? Разве что сказать, что, увидев такое лицо один раз, вы уже никогда его не забудете. Губы полные, рот довольно большой, слегка изогнутый в легкой улыбке, даже если лицо совершенно спокойно.

Губы ярко-красные, но если она и пользовалась косметикой, то так искусно, что я не заметил и следа краски, а это уже делало ее уникальной, так как в этот год все женщины увлекались макияжем «Континенталь», ненатуральным, как корсет, и наглым, как ухмылка шлюхи.

Нос прямой и крупный. Не какая-нибудь «кнопка». Глаза... Она перехватила мой восхищенный взгляд. Разумеется, женщины готовы к тому, чтобы на них смотрели, готовы как в обнаженном виде, так и в бальном платье. Но такое беззастенчивое разглядывание хоть кому может показаться хамством. Тем не менее я сдался лишь через несколько секунд, стараясь запомнить каждую линию ее тела, каждый его изгиб.

Наши взгляды встретились, она смотрела на меня так же прямо и упорно, как я на нее. Я покраснел, но отвести глаз все равно не смог. Ее глаза были такого темно-голубого цвета, что казались почти черными, во всяком случае были темнее моих — карих. Я хрипло сказал:

— Pardonnez-moi, ma'm'selle[1],— и усилием воли отвел взгляд.

Она ответила по-английски:

— О, я не возражаю. Смотрите сколько угодно,— и с ног до головы оглядела меня, так же тщательно изучая мое тело, как я изучал ее. У нее было теплое глубокое контральто, удивительно глубокое, особенно на нижнем регистре.

Потом она сделала два шага и оказалась рядом со мной. Я хотел встать, но она жестом приказала мне сидеть, жестом таким повелительным, будто всю жизнь только и делала, что отдавала приказы.

— Не вставайте! — произнесла она. Ветерок донес до меня аромат ее тела, по коже побежали мурашки.— Вы американец?

— Да.

Я-то готов был побожиться, что она не американка, да и не француженка тоже. У нее не только не было и признака французского акцента, но и... как бы это сказать... француженки ведь

[1] Извините, мамзель (усеченное *мадемуазель*) (*фр.*).

всегда кокетничают, это у них в крови, эта манера интегрирована в самую французскую культуру.

В этой же женщине кокетства не было, хотя уже одним фактом своего существования она бросала вам вызов.

Не будучи кокетливой, она обладала редким даром устанавливать интимность в общении. Она разговаривала со мной так, как говорят только старые друзья, друзья, знающие сокровеннейшие тайны друг друга, чувствующие себя наедине совершенно естественно. Она задавала мне вопросы, многие из которых были глубоко личными, а я отвечал на них совершенно откровенно, причем мне и в голову не приходило, по какому праву она мне их задает. Имени моего она не спросила, как и я — ее. Впрочем, я вообще ее ни о чем не спрашивал.

Наконец она прекратила допрос, снова осмотрела меня — тщательно и спокойно. Потом задумчиво произнесла:

— Вы прекрасны! — и добавила: — Au'voir[1],— повернулась, прошла по пляжу до кромки воды и уплыла.

Я был слишком ошеломлен, чтобы шевельнуться. Никто еще не называл меня красивым, даже когда мой нос был цел. А уж прекрасным...

Не думаю, что я чего-нибудь достиг бы, попробовав догнать ее, если даже предположить, что эта мысль пришла бы мне в голову. Эта женщина плавала что надо.

Глава 3

Я оставался на пляже до самого захода солнца, ожидая, что эта женщина все же вернется. Затем наспех проглотил скромный ужин из хлеба, сыра и вина, нацепил плавки и двинулся в деревню. Там я обошел все бары и кафе, нигде не обнаружив никаких следов красавицы, и, следуя по этому маршруту, еще заглядывал в незанавешенные окна коттеджей. Когда бистро стали закрываться, пришлось дать отбой и вернуться в палат-

[1] Усеченное *до свидания* (*фр.*).

ку, проклиная себя за свою фантастическую тупость (почему, например, я не спросил ее имени, где она живет и где остановилась на острове?). Потом я завернулся в одеяло и заснул.

Проснулся я на рассвете, обежал пляж, позавтракал, снова обежал пляж, «оделся», пошел в деревню, побывал во всех лавчонках и на почте, где купил вчерашнюю «Геральд Трибюн».

И вот тут-то мне и пришлось делать самый трудный в моей жизни выбор: я выиграл лошадь! Сначала я не поверил глазам, так как не мог же я запомнить все 53 номера. Пришлось мчаться к палатке, искать записную книжку, проверять — действительно, выиграл! Этот номер прочно засел в моей памяти из-за своей легкости: XDV 34555. Я выиграл лошадь!

Это означало сумму в несколько тысяч долларов, но сколько именно, я не знал. Во всяком случае достаточно, чтобы оплатить обучение в Гейдельберге, если я немедленно загоню билет. «Геральд Трибюн» приходила сюда с дневным опозданием, то есть жеребьевка состоялась дня два назад, и эта животина вполне могла уже либо ногу сломать, либо покалечиться каким-нибудь другим способом. Мой билет имел цену только, пока «Счастливая Звезда» числилась в списке стартующих. Следовало немедленно добраться до Ниццы, выяснить, где и как можно получить наибольшую цену за билет и сейчас же его загнать.

Но как же Елена Прекрасная?!

Шейлок с его душераздирающим воплем: «О дочь моя! Мои дукаты!»[1] — вряд ли страдал больше меня.

Пришлось идти на компромисс. Я написал исполненную страдания записку, назвав свое имя, сообщая о неотложном вызове по делам, умоляя ее или дожидаться моего возвращения на следующий день, или оставить записку с указанием, где я могу ее найти. Записку я оставил почтмейстерше вместе с описанием (блондинка, рослая, длинные волосы, великолепная poitrine[2]) и двадцатью франками, плюс обещание заплатить

[1] Имеется в виду ростовщик Шейлок из «Венецианского купца» В. Шекспира.

[2] Грудь (*фр.*).

вдвое, если послание будет передано, а ответ получен. Почтмейстерша сказала, что такой женщины она не видела, но если cette grande blonde[1] покажется в деревне, то записка ей будет вручена.

В результате всей этой деятельности у меня осталось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы добежать до палатки, переодеться в городской костюм, забросить прочее имущество к Mme Alexandre[2] и успеть на катер. Ну а потом у меня оказалось целых три часа свободного времени, которые я мог посвятить волнующим раздумьям.

Одна из закавык заключалась в том, что «Счастливая Звезда» была отнюдь не дохлятиной. Рейтинг ставил ее на пятое-шестое место. Итак, что делать? Остановиться и получить верную прибыль? Или рискнуть всем и, возможно, не получить ничего?

Решение было трудным. Предположим, я продам билет за десять тысяч долларов. Даже если не пытаться обойти Налоговое управление, мне все же выдадут на руки большую часть этой суммы и ее хватит на завершение образования.

Но ведь образование я и без того могу получить, да и так ли сильно мне хочется поступить в Гейдельбергский университет? Тот студент с дуэльными шрамами по существу-то был настоящий болван со своей фальшивой заносчивостью, опирающейся на поддельную доблесть.

Теперь предположим, что я обожду продавать и схвачу один из главных выигрышей — 50 или даже 140 тысяч долларов?!

А знаете ли вы, какой налог платит молодой холостяк с суммы 140 тысяч долларов в Стране Отважных и на Родине Свободных? Сто три тысячи — вот сколько! А ему остается, стало быть, 37 тысяч.

Стоит ли ставить реальные десять тысяч против ненадежных тридцати семи? Шансы примерно один к пятнадцати против меня. Ну а предположим, я найду какую-нибудь уловку и обойду налогового инспектора? Тогда ставки будут 10 тысяч против 140, а это уж совсем другой коленкор — 140 тысяч не

[1] Эта крупная блондинка (*фр.*).

[2] Мадам Александре (*фр.*).

просто деньги для пропитания в период учебы, а состояние, приносящее 4—5 тысяч долларов в год.

И вовсе я не «обирал» Дядю Сэма, ведь США имели такое же моральное право на мой выигрыш (если бы я его получил), как я — на Священную Римскую империю. Что Дядя Сэм сделал для меня? Он швырнул моего отца в две мировые войны, причем в одной из них не дал нам победить, и тем самым куда как затруднил мое поступление в колледж, даже если оставить в стороне вопрос о той роли, которую мой отец мог бы сыграть в духовном развитии сына (этого я не знаю и никогда не узнаю). Затем Дядя Сэм вытурил меня из колледжа и послал сражаться на еще одну «невойну», почти что укокошил меня там и вообще, можно сказать, лишил девичьей невинности.

Так по какому же праву он теперь претендовал на 103 тысячи долларов, оставляя мне какой-то паршивый хвостик? Чтобы одолжить эти деньги какой-нибудь Польше? Или Бразилии? Черта с два!

Способ удержать все деньги (если допустить, что я их выиграю), конечно, был. Например, можно было отправиться в Монако, где налогов вообще нет, а через годик уехать оттуда куда угодно.

Можно хоть в Новую Зеландию. «Геральд Трибюн» пестрела своими обычными заголовками, разве что в большей концентрации. Похоже было, что эти парни (ах, эти шаловливые детишки), которые верховодят на нашем шарике, решили снова сыграть в мировую войну, только теперь уже с водородными бомбами и межконтинентальными ракетами.

Что ж, если забраться куда-нибудь на юг, ну хотя бы в ту же Новую Зеландию, то будет шанс, что там что-нибудь и останется, когда осядет радиоактивный пепел. А Новая Зеландия, говорят, страна красивая, рыбаки-любители, слыхал, там даже пятифунтовую форель считают мелочью, недостойной того, чтобы нести ее домой.

Сам-то я только раз в жизни поймал двухфунтовую.

И вот, когда мои размышления дошли до этого места, я сделал жуткое открытие. Оказалось, что мне больше не хочется

поступать в колледж, ни в том случае, если я выиграю деньги, ни в том случае, если их проиграю. И что я ни в грош не ставлю гараж на три машины, плавательный бассейн или какой-нибудь другой символ высокого статуса или благосостояния. В этом мире все было ненадежно и лишь одни потрясные дураки и робкие мышата могут думать иначе.

Где-то, еще в джунглях, я растерял амбиции этого рода. В меня слишком часто стреляли, чтобы я сохранил интерес к супермаркетам и загородным участкам или к тому, что сегодня вечером я приглашен на ужин, организованный Ассоциацией родителей и учителей, и должен весь день помнить об этом.

Впрочем, все это вовсе не означало, что я собираюсь в монастырь. Я еще жаждал... А вот чего?..

Я жаждал добраться до яйца птицы Рух... Я ничего не имел против сераля, полного прекраснейших одалисок, но куда милее мне было видение клубов пыли из-под колес боевой колесницы и клинка, который никогда не запятнала бы ржавчина. Мне грезились самородки красного золота величиной с кулак, и я с наслаждением воображал, как швыряю своим ездовым собакам подонка, попытавшегося украсть у меня заявку на золотоносный участок. Я мечтал, как вскочу ранним утром, сильный и свежий, как сломаю на турнире пару копий, как присмотрю себе там подходящую девчонку для осуществления моего droit du seigneur[1], или, наоборот, как смело брошу вызов какому-нибудь барону, посмевшему нахально подмигнуть моей избраннице. А больше всего мне хотелось услышать плеск пурпурной воды о борт «Нэнси Ли» в час утренней вахты, когда ни один звук не нарушает тишины и не видно ничего, кроме медленного взмаха крыльев альбатроса, сопровождающего нас вот уже тысячу миль.

Мне мерещились быстрые луны Барсума, я тосковал о плаванье на плоту вниз по Миссисипи, мне хотелось спасаться от разъяренной толпы вместе с герцогом Бриджуотерским и покойным Дофином. А еще мне недоставало Пресвитера Иоанна и меча Эскалибура, протянутого чьей-то посеребренной лун-

[1] Право сеньора, в частном проявлении — право первой ночи (*фр.*).

ным светом рукой из глубин сонного озера. Я мечтал о путешествии с Улиссом и Синдбадом-мореходом, мечтал о стране лотофагов, где стоит вечный полдень*. Я тосковал по романтике и по тому чувству непреходящего изумления, которое было так свойственно мне в далеком детстве. Мне хотелось, чтобы мир снова стал таким, каким нам его обещали, а не той гнусной, вонючей кашей, каков он есть на самом деле.

А ведь у меня был шанс, был — в течение десяти минут вчерашнего вечера. Елена Прекрасная — или как там ее зовут — и я знал это... и дал этому шансу ускользнуть.

Больше такого шанса у меня не будет никогда.

Поезд въезжал в Ниццу.

В конторе «Американ Экспресс» я направился в банковский отдел, открыл свой личный сейф и достал из него билет, чтобы сверить его с номером в «Геральд Трибюн». Все так и было — XDV 34555! Чтобы успокоить нервы, я проверил все билеты, они ничего не стоили, как я и думал. Сунув их обратно в сейф, я спросил, не могу ли повидать управляющего.

У меня была денежная проблема, а «Американ Экспресс» не только бюро путешествий, но и банк. Меня отвели в кабинет менеджера, и мы представились друг другу.

— Мне нужен совет,— начал я.— Видите ли, я — владелец выигрышного билета Ирландского тотализатора.

Он широко улыбнулся:

— Поздравляю! Вы первый человек за долгое время, который заглянул сюда с приятным известием, а не с жалобой.

— Благодарю. А проблема вот в чем. Я знаю, что билет, выигравший лошадь, стоит кругленькую сумму, пока не начнутся скачки. В зависимости от лошади, конечно.

— Именно так,— подтвердил он.— А какая у вас лошадь?

— Довольно приличная — «Счастливая Звезда», в чем и заключается проблема. Если бы я выиграл «Водородную Бомбу» или одного из трех фаворитов, то... вы понимаете? А так я не знаю, держаться ли за этот билет или продать его, и вообще, как правильно рассчитывать шансы. Вы не знаете случайно, сколько дают за «Счастливую Звезду»?

Он сложил кончики пальцев «домиком».

— Мистер Гордон, «Американ Экспресс» не дает советов по скачкам и не занимается перепродажей билетов тотализатора. Тем не менее... Билет при вас?

Я достал из кармана билет и протянул ему. Билет пережил немало приключений, включая покер, он был помят и захватан потными пальцами. Счастливый номер был виден отчетливо.

Менеджер осмотрел его внимательно.

— А талон к билету у вас?

— При мне его нет,— и я начал объяснять, что дал адрес своего отчима и что мои письма пересылаются на Аляску.

— Это сейчас не так важно,— перебил он меня и потянулся к кнопке звонка.— Алиса, попросите мсье Рено зайти ко мне.

А я получил новую пищу для беспокойства. У меня хватило ума в свое время записать имена и адреса прежних владельцев билетов и каждый из них обещал прислать мне талоны, но пока ни один не прислал. Может, они уже получены на Аляске? Что касается выигравшего билета, то я проверил — он раньше принадлежал сержанту из Штуттарта. Вероятно, ему придется что-то заплатить, а не согласится — так вывихнуть руку.

Мсье Рено был похож на утомленного школьного учителя.

— Мсье Рено — наш эксперт в делах такого рода,— объяснил мне менеджер.— Будьте добры, дайте ему ваш билет.

Француз осмотрел его, глаза у него загорелись, он полез в карман, достал ювелирную лупу и вставил ее в глаз.

— Великолепно! — сказал он.— В Гонконге купили?

— В Сингапуре.

Он кивнул, улыбаясь:

— Это одно и то же.

Менеджер не улыбался. Он открыл ящик стола, вынул оттуда билет тотализатора и протянул его мне.

— Мистер Гордон, этот билет я купил в Монте-Карло. Сравните их, пожалуйста.

Мне билеты показались одинаковыми, только с разными серийными номерами, да еще его билет был новехонький и похрустывал.

— А зачем их сравнивать?

— Может, это вам поможет? — Менеджер подал мне большую лупу для чтения.

Билеты тотализатора печатаются на особой бумаге и на них выгравирован портрет в красках. И гравировка, и печать на билетах лучше, чем на денежных знаках в ряде стран.

Я знал, что сколько ни смотри на двойку, в туза она не превратится. Протянул менеджеру его билет:

— Мой поддельный.

— Я этого не говорил, мистер Гордон. Советую вам обратиться к другим экспертам. Например, во Французский банк.

— Да я и сам вижу. Гравировка не такая четкая и ровная, как на вашем. В ряде мест линии прерываются. Лупа показывает, что буквы расплылись.— Я повернулся: — Верно, мсье Рено?

Эксперт пожал плечами с видом ценителя:

— В своем роде дивная работа.

Я поблагодарил и вышел. Конечно, я сверился и во Французском банке, но не потому, что не доверял вынесенному приговору, а потому, что нельзя ни ампутировать ногу, ни выбрасывать на помойку 140 тысяч долларов, не сопоставив мнения экспертов. Этот эксперт даже к лупе не прибегал.

— Подделка,— сказал он.— Цены не имеет.

Вернуться на Иль-дю-Леван я не мог. Я пообедал и зашел повидаться со своей прежней хозяйкой. Моя конура пустовала, и хозяйка разрешила мне в ней переночевать. Заснул я моментально.

Удивительно, но я вовсе не пал духом, как ожидал. Чувствовал я себя хорошо, пожалуй, даже превосходно. Мне удалось испытать ощущения человека, неожиданно ставшего богачом, я познакомился с его радостями и с его горестями. Эти чувства оказались любопытными, но мне вовсе не хотелось начинать все сначала, во всяком случае сейчас.

Все тревоги меня покинули. Единственное, что надо решить, это время отъезда домой, но жизнь на острове была так дешева, что с этим можно было и не торопиться. Более всего меня пугало то, что, внезапно уехав в Ниццу, я потерял из виду Елену

Прекрасную, cette grande blonde! Si grande... si belle... si majestueuse![1] В мечтах о ней я и заснул.

Сначала я планировал попасть на самый ранний поезд в Тулон, а затем на первый утренний катер, но прошлый день съел все мои карманные деньги, а будучи в «Американ Экспресс», я позабыл снять деньги со счета. Забыл я и справиться о письмах. Вообще-то я их не ждал, разве что от матери и от тетки. Единственный мой дружок по армии погиб шесть месяцев назад. И все же я решил забежать за письмами, пока мне будут готовить деньги.

Я разрешил себе обильный завтрак. Французы полагают, что мужчина может начать свой день цикорным кофе с молоком и с рогаликами. Надо думать, это и определяет неустойчивость французской политики. Я выбрал кафе в переулке, рядом с большим газетным киоском, единственным в Ницце, где продавались «Старз энд Страйпз», а «Геральд Трибюн» появлялся сразу же после поступления на почту. Заказал дыню, две порции натурального кофе, omlette aux herbes fines[2], после чего предался кайфу.

«Геральд Трибюн» отвлекла меня от сибаритских наслаждений. Заголовки были еще хуже, чем обычно, и напомнили, что мне еще предстоит сражаться с миром за место в нем. Не мог же я вечно торчать на Иль-дю-Леван.

Но почему бы не остаться там подольше? Мне все еще ничуть не улыбалась перспектива поступления в колледж, а амбициозные желания иметь трехмашинный гараж были мертвы, как тотализаторный билет. Если третья мировая война готовилась перейти в кипящую фазу, то не было никакого смысла становиться инженером, чтобы ишачить в какой-нибудь Санта-Монике за 6–8 тысяч в год, а потом исчезнуть в огненной буре. Наверняка лучше пожить в свое удовольствие, срывая цветы наслаждения, пока есть возможность радоваться, пока есть доллары и время, а затем... что ж, пойду в морскую пехоту, как отец. Быть может, из меня все же наконец получится капрал?

---

[1] Эта крупная блондинка... такая большая... такая прекрасная... такая импозантная... (*фр.*).

[2] Омлет с травками (*фр.*).

Я раскрыл страницу «личных объявлений».

Сегодня они были что надо. Помимо предложений обучать йоге и закамуфлированных обращений одних инициалов к другим, было несколько таких, которые читались как новеллы. К примеру: «Награда! Вы собираетесь прибегнуть к самоубийству? Передайте мне право аренды на ваше жилище и вы свои последние дни будете кататься как сыр в масле. Ящик 323, Г.Т.»

Или: «Джентльмен из Индии, не вегетарианец, хочет познакомиться с культурной европейской, африканской или азиатской леди, владеющей спортивной машиной. Цель знакомства — улучшение международных отношений. Ящик 107».

Интересно, как этим можно заниматься в спортивной машине?

Следующее объявление было зловещим: «Гермафродиты всего мира, вставайте! Нам нечего терять кроме своих цепей. Тел. Опера, 59—09».

А одно объявление начиналось словами: «Вы трус?»

О да, разумеется, в том случае, если дается альтернатива!

Я прочел: «Вы трус? Тогда это не для вас. Срочно требуется храбрый человек, лет 23—25, отличного здоровья, минимум 6 футов ростом, весом около 190 фунтов, хорошо говорящий по-английски и немного по-французски, владеющий всеми видами оружия, желательно с некоторыми познаниями в инженерном деле и математике, любящий путешествовать, не связанный семейными и эмоциональными узами, смелый и решительный, красивый лицом и телом. Постоянное место, высокая оплата, интересные приключения, опасности гарантируются. Обращаться лично. Дом 7, Рю Данте, 2-й этаж, квартира Д».

Насчет лица и фигуры я прочел с некоторым облегчением: мне сначала показалось, что некто, обладающий чувством черного юмора, выкинул эту шутку специально для меня. И этот некто прекрасно осведомлен о моей привычке читать отдел личных объявлений в «Геральд Трибюн».

Судя по адресу, место, куда следовало явиться, находилось всего в сотне ярдов от моего кафе. Я перечел объявление еще

раз, потом оплатил addition[1], оставил приличные чаевые, прошел к киоску, купил «Старз энд Страйпз», дошел до «Американ Экспресс», получил деньги, забрал почту и отправился на вокзал. До следующего поезда на Тулон оставался еще час, и я зашел в бар, заказал пива и расположился за столиком.

Мама огорчалась, что я не застал их в Висбадене. В письме сообщалось о болезнях ребятишек, о высоких ценах на Аляске и выражалось сожаление, что им пришлось покинуть Германию. Я сунул конверт в карман и взялся за «Старз энд Страйпз».

И тут же прочел: «Вы трус?» — это было то же самое объявление — от начала до конца. С проклятием я отшвырнул газету прочь.

Было еще три письма. Одно приглашало меня прислать пожертвование атлетической ассоциации моего бывшего колледжа. В другом предлагалось помочь мне в выборе выгодных объектов для инвестирования денег всего за 48 долларов в год. Самое последнее письмо было заключено в простой конверт без марки и явно принесено в «Американ Экспресс» посыльным.

В конверте лежала газетная вырезка, начинавшаяся словами «Вы трус?». Она ничем не отличалась от того, что я уже прочел, кроме того, что слова «Обращаться лично» были жирно подчеркнуты.

Схватив такси, я помчался на рю Данте. Если я потороплюсь, то еще успею разобраться с автором этой шутки и попасть на свой тулонский поезд. Номер 7-й был в верхней части улицы. Я взбежал по ступенькам и, уже подходя к квартире Д, столкнулся с человеком, который из нее выходил. Он был шести футов ростом, с красивым лицом и классной фигурой, которого легко можно было принять за гермафродита.

Табличка на дверях гласила на английском и французском языках: *«Доктор Бальзамо. Прием по договоренности».* Имя показалось мне знакомым и с какой-то примесью фальши, но я не стал вспоминать, откуда его знаю. Я толкнул дверь.

Приемная была обставлена так, как любят обставлять свои конторы пожилые французские стряпчие или новомодные

[1] Счет в ресторане (*фр.*).

проходимцы. За письменным столом восседало нечто, похожее на гнома с насмешливой улыбкой, жесткими глазами, необычайно розовым лицом и лысиной и с неопрятной седой бахромой за ушами. Он пристально поглядел на меня и хихикнул:

— Привет! Так это ты и есть герой? — Внезапно гном выхватил револьвер, длиной чуть ли не в половину собственного роста и наверняка такой же тяжелый, и направил его на меня. Сквозь дуло вполне мог бы проехать целый «Фольксваген».

— Да не герой я! — мрачно буркнул я в ответ.— Я трус. И пришел сюда, чтобы выяснить, кто занимается этими дурацкими шуточками.— Тут я скользнул в сторону, отбил в бок страшенную пушку, ударил гнома по запястью и отнял у него револьвер. После чего вручил его обратно.— Не надо играть с такими игрушками, иначе мне придется забрать его насовсем. Я тороплюсь. Это вы Бальзамо? Вы дали объявление?

— Тихо, тихо, тихо! — произнес гном, вовсе не казавшийся рассерженным.— Ишь какой порывистый юноша! Нет, доктор Бальзамо — там! — И он повел бровями в сторону двух дверей в левой стене, потом нажал кнопку на столе (в комнате это была единственная вещь моложе Наполеона).— Иди. Она ждет.

— Она? А в какую дверь?

— Ах, трудно догадаться, где леди, а где тигр? Да какое это имеет значение? Особенно в далекой перспективе? Герой выберет правильно, трус же ошибется, будучи уверен, что я совру. Allez-y! Vite, vite! Schnell![1] Твой выход, Мак!

Я хмыкнул и рванул правую дверь.

Доктор стояла спиной ко мне возле какого-то прибора у дальней стены. На ней был один из тех белых, застегнутых до самой шеи халатов, которые так любят медики. Слева от меня находился хирургический стол для осмотров, справа — очень современная шведская кушетка. Были там еще шкафы из нержавейки и стекла, а на стенах дипломы в рамках. Комната выглядела так же современно, как не современно — приемная.

[1] Иди же! Скорей, скорей! (*фр.*); Торопись (*нем.*)!

Когда я закрыл дверь, она обернулась, взглянула на меня и тихо сказала:

— Я очень рада, что ты пришел.— Потом улыбнулась, чуть слышно прошептала: — Ты прекрасен! — и оказалась в моих объятиях.

Глава 4

Минуту и сорок секунд плюс несколько столетий спустя доктор Бальзамо—Елена Прекрасная оторвала свои губы от моих, отвела их на расстояние дюйма и шепнула:

— Отпусти меня, разденься и ляг на стол для осмотра.

Я чувствовал себя так, будто проспал часов девять, принял душ Шарко и сделал несколько глотков холодного как лед аквавита на голодный желудок. Все, что было угодно ей, было желанно и для меня. Но ситуация требовала особо остроумной реплики, так что я открыл рот:

— А?

— Ну пожалуйста! Я знаю, что ты — тот, кто нужен, но тем не менее должна осмотреть тебя.

— Ну... ладно...— согласился я.— Тут ты командуешь,— и начал расстегивать рубашку.— А ты действительно доктор медицины?

— Да, это тоже, среди прочих профессий.

— Но зачем тебе нужно осматривать меня? — спросил я, сбрасывая туфли.

— Хотя бы из-за ведьминых меток. Их, конечно, нет, я знаю. Но нужно выяснить и много других показателей. Чтобы защитить тебя.

Стол был очень холодный. И почему не делают теплых подкладок?

— Тебя зовут Бальзамо?

— Это одно из моих имен,— ответила она рассеянно, нежно трогая меня пальцами то тут, то там.— Это семейное имя.

— Обожди-ка! Граф Калиостро?

— Это один из моих дядюшек. Да, он носил это имя. Хотя, вообще-то говоря, оно ему принадлежало не более чем имя Бальзамо. Дядя Жозеф был плохой человек и довольно большой лгун.— Она дотронулась до старого маленького шрама.— Тебе вырезали аппендикс?

— Да.

— Отлично. Покажи-ка свои зубы.

Я широко раскрыл рот. Возможно, лицо у меня и подгуляло, но зубы вполне годятся для рекламы «Пепсодента».

— Следы флюорита. Ладно, а теперь мне надо взять у тебя кровь для анализа.

Она могла бы, если б захотела, прокусить мне прямо вену на шее, и я бы не только не удивился, а, вернее всего, попросту ничего не заметил бы. Однако она сделала все как обычно, взяв у меня 10 миллилитров из вены на сгибе локтя. Отлила немного в пробирку и поместила ее в аппарат, стоявший у стены. Тот заурчал и защелкал, а она вернулась ко мне.

— Послушай, принцесса,— начал я.

— Я не принцесса.

— Но я же не знаю, как тебя зовут, ты намекнула, что твоя фамилия вовсе не Бальзамо, а доктором я тебя звать не хочу.— Я и в самом деле не хотел звать ее доктором — эту самую очаровательную женщину, которую когда-либо видел, не хотел, особенно после того поцелуя, который стер память о других поцелуях, сколько бы их ни было раньше. Вот уж нет!

Она подумала.

— У меня много имен... а как бы ты хотел меня звать?

— А одно из этих имен, случаем, не Елена?

Ее улыбка была как скользящий солнечный зайчик, и я увидел, как от улыбки у нее появляются ямочки на щеках. Выглядела она лет на шестнадцать, совсем девушка, надевшая свое первое бальное платье.

— Ты очень галантен. Нет, она мне даже не родственница. Это было так давно, так давно.— Она повернулась ко мне: — Хочешь, зови меня Иштар*.

— Это одно из твоих имен?

— Пожалуй, только надо сделать скидку на транскрипцию и акцент. Можно, и это будет очень близко, звать меня Астар, или Эстер, или даже Эстрелитта.

— Астар! — повторил я.— Стар — Звезда. Счастливая Звезда.

— Я и хочу быть для тебя счастливой звездой,— сказала она серьезно.— В общем, называй как хочешь. А как я буду звать тебя?

Я задумался. Мне, разумеется, не хотелось вытаскивать на свет божий свою старую спортивную кличку «Флэш». Армейское прозвище, которое продержалось дольше других, просто невозможно было произнести в дамском обществе. Хотя я сам предпочитал его имени, данному при крещении. Видимо, мой отец очень гордился своими предками, но разве это основание для того, чтобы назвать ребенка мужского пола Ивлин Сирил? Из-за него мне пришлось научиться драться куда раньше, чем читать. Пожалуй, кличка, приставшая ко мне в госпитале, сойдет лучше всего.

— О, Скар[1], пожалуй, не такое плохое имя.

— Оскар,— повторила она.— Гордое имя! Имя для настоящего героя,— своим голосом она как будто ласкала это имя.

— Нет! Не Оскар, а «Скар» — «Меченый». Из-за этого вот.

— Нет! Теперь твое имя будет Оскар,— сказала она твердо.— Оскар и Эстер, Шрам и Звезда.— Она легко прикоснулась к шраму.— А тебе не нравится эта метка героя?

— Что? О, нет, я к нему уже привык. Он помогает мне понять, кто это такой, когда я смотрюсь в зеркало.

— Хорошо, мне он нравится, ведь он был у тебя, когда мы встретились впервые. Но если ты захочешь убрать его, только скажи.

Аппарат у стены снова защелкал. Она повернулась и вытащила из аппарата длинную ленту, пробежала ее глазами и тихонько присвистнула.

— Это займет немного времени,— сказала она весело и подкатила прибор к столу.— Лежи тихо, пока Хранитель будет

[1] *Скар* — шрам, рубец (*англ.*).

подключен к тебе, расслабься и дыши ровно.— Она прикрепила ко мне около полудюжины датчиков, и они крепко присосались в тех местах, куда она их приложила. На собственную голову Стар водрузила нечто, сначала показавшееся мне каким-то странным стетоскопом, хотя в надетом виде он закрыл ей оба глаза.

— Изнутри ты тоже хорош, Оскар. Нет, помолчи-ка еще.— Она положила руку мне на плечо, и я замер. Минут через пять Стар сняла руку и отсоединила все датчики.— Вот и все,— оживленно произнесла она.— Больше ты никогда не испытаешь простуды, мой герой, не будет у тебя и приступов расстройства желудка, подхваченного в джунглях. А теперь пройдем в другую комнату.

Я слез со стола и взялся за свои шмотки. Стар сказала:

— Там, куда мы направляемся, они не нужны. Там ты получишь полную экипировку и оружие.

Я остановился, держа в одной руке туфли, а в другой брюки.

— Стар?..

— Да, Оскар?

— Скажи мне, в чем дело? Это ты дала объявление? И оно действительно предназначалось мне? Ты в самом деле собираешься нанять меня для выполнения какого-то замысла?

Она глубоко вздохнула и спокойно ответила:

— Объявление дала я. Оно предназначено тебе и только тебе. Да, есть работа, которую ты должен выполнить... как мой рыцарь. Будут и увлекательные приключения, и несметные сокровища, и большие опасности, так что, возможно, ни один из нас не доживет до конца.— Она посмотрела мне прямо в глаза: — Итак, сэр?

Мелькнула мысль, что, видимо, уже давно, незаметно для себя, я попал в сумасшедший дом. Вслух я, однако, ничего не сказал, так как там, где я сидел, Стар уж никак не могла быть. А мне безумно хотелось, хотелось больше всего на свете быть с ней. Я сказал:

— Принцесса... ты получила своего мальчика для побегушек.

Стар с облегчением вздохнула:

— Тогда быстрее. Времени мало.— Она провела меня через дверь, находившуюся за шведской кушеткой, расстегивая

по пути халат, распуская «молнию» на юбке и сбрасывая одежду прямо на пол. В мгновение ока она оказалась в том же виде, что тогда — на пляже.

Стены комнаты были окрашены в темный цвет, в ней не было окон, и тусклый свет падал неизвестно откуда. Два низких ложа стояли рядом друг с другом, они были черного цвета и походили на гробы. Другой мебели не было и в помине. Когда дверь за нами закрылась, я поразился мертвой тишине, стоявшей в комнате,— голые стены не отражали ни звука.

Оба ложа стояли в центре круга, очерченного мелом или белой краской на голом полу и являвшегося частью более сложного узора. Мы вошли внутрь рисунка, Стар повернулась ко мне спиной и, присев на корточки, провела какую-то завершающую линию. Даже в этой позе она не казалась вульгарной, даже на корточках, даже с грудью, почти касающейся пола.

— Что это? — спросил я.

— Карта, пользуясь которой мы отправимся туда, куда нам надо.

— Она больше похожа на пентаграмму.

Стар пожала плечами:

— Пусть будет так. Это действительно Пятиугольник Мощи. А лучше сказать — схема соединения. Но, мой герой, у меня нет времени для объяснений. Пожалуйста, ложись скорее.

Я лег на указанное мне правое ложе, но не мог оставить тему без завершения:

— Стар, ты колдунья?

— Если хочешь. Но прошу тебя, прекрати разговоры.— Она легла и протянула мне ладонь.— Соединим руки, милорд. Так надо.

Ее рука была мягкой, теплой и безукоризненно красивой. Внезапно свет стал красным, потом погас. Я заснул.

Глава 5

Проснулся я от пения птиц. Рука Стар все еще лежала в моей. Я повернул к ней лицо, и она улыбнулась:

— Доброе утро, милорд!

— Доброе утро, Принцесса.— Я осмотрелся. Мы все еще лежали на тех черных ложах, только теперь они стояли под открытым небом в поросшей травой лощине, окруженной деревьями, а где-то совсем рядом тихонько журчал ручеек. Место было такое живописное, что казалось, его собирали листок к листку неторопливые руки старых японских садовников. Теплый солнечный свет струился сквозь решето листвы, расцвечивая золотистое тело Стар. Я глянул на солнце.

— Это утро? — Мог быть и полдень, и даже после полудня, но тогда, значит, солнце садилось, а не вставало.

— Здесь снова утро.

Внезапно моя «шишка направления» полностью вышла из повиновения, и голова закружилась. Неспособность определить направление оказалась для меня чувством совершенно непривычным и малоприятным. Я не мог определить, где находится север. Спустя несколько секунд все стало на свои места. Север был вон там, вверх по течению ручья, а стало быть, солнце действительно вставало, было эдак часов девять утра, и вскоре солнцу предстояло пройти через северный квадрант неба. Значит — южное полушарие. Пугаться нечего. Подумаешь, делов-то! Просто сделали дураку укол какого-то наркотика, когда проходил медосмотр, сунули его на борт «Боинга 707», перебросили в Новую Зеландию, дозаправив его зельем во время полета. Когда понадобится — разбудят.

Однако я ничего не сказал вслух, да... и не все додумал до конца, поскольку дело обстояло совсем не так, как я полагал.

Стар села.

— Ты голоден?

Тут я почувствовал, что омлет, съеденный несколько часов назад (а сколько именно, никто не знает), явно недостаточен для ребенка, вошедшего в период роста. Я тоже сел и перебросил ноги на траву.

— Съел бы целую лошадь!

Она улыбнулась:

— Боюсь, что лавка «La Société Anonyme de Hippophage»[1] уже закрыта. Может, ограничимся форелью? Нам все равно

[1] Анонимное общество поедателей конины (*фр.*).

придется немного подождать, так что времени для приготовления завтрака у нас сколько угодно. И не бойся, это место защищено.

— Защищено?

— Да, безопасно.

— Ладно. А как насчет удилища и крючков?

— Сейчас покажу.— Но показала она мне, не как ловить рыбу на удочку без наличия последней, а как ловить ее руками.

С этим способом, впрочем, я был знаком с детства. Мы вошли в прелестный ручей, с приятно прохладной водой, стараясь двигаться как можно тише, и выбрали местечко как раз под нависающей скалой, местечко, где форели любят собираться и общаться, едва-едва поводя плавниками. Что-то вроде рыбьего эквивалента клуба для джентльменов. Данный способ лова основан на том, что вы добиваетесь доверия рыбы, а потом ее бесчестно обманываете. Уже через две минуты я поймал первую форель фунта на два-три и выбросил ее на берег, а Стар ухватила почти такую же.

— Сколько ты можешь съесть? — спросила она.

— Вылезай и обсушись,— отозвался я.— Попробую выловить еще одну штучку.

— Тогда, пожалуй, лучше возьми еще две или три,— подытожила она.— Скоро прибудет Руфо.

— Кто?

— Твой слуга.

Спорить я не стал. Подобно Черной Шахматной Королеве я готов был до завтрака поверить целым семи нелепостям, а потому занялся добычей этого самого завтрака. Я ограничился всего двумя рыбами, так как последняя оказалась самой крупной из всех когда-либо виденных мной форелей. Рыбы, казалось, сами становились в очередь на право быть пойманными.

К этому времени Стар уже развела костер и тут же принялась чистить рыбу с помощью острого кремня. Что ж, любой скаут женского пола и любая колдунья должны уметь разводить костер без спичек. Я и сам — если дадут несколько часов и гарантируют удачу — могу сделать то же самое при помощи

двух кусков сухого дерева. Однако я не заметил таких кусков поблизости. Я сел на корточки и, перехватив у Стар ее работу, начал чистить форель.

Вскоре она вернулась с какими-то фруктами, похожими на яблоки, но почти вишневого цвета, а также с изрядным количеством грибов вроде шампиньонов. Все это она несла на широком листе, схожем с листом канны или ти, но только еще больше, почти как у банана.

У меня потекли слюнки:

— Эх! Еще бы чуточку соли.

— Поищу. Только боюсь, что она будет хрустеть на зубах.

Стар приготовила рыбу двумя способами: обжарила на огне, подвесив на свежесрубленной зеленой ветке, и испекла на плоской известняковой плите, на которой разводила костер. Угли она сгребла в сторону, а на раскаленную плиту положила рыбу и зашипевшие сразу же грибы. В таком виде рыба показалась мне вкуснее всего.

Маленькая нежная травка оказалась местной разновидностью зеленого лука, а крошечный клевер по вкусу почти не отличался от щавеля. Эти травки вместе с солью (грубой и действительно скрипевшей на зубах, а возможно, и многократно лизанной какими-нибудь животными, что мне было абсолютно безразлично) придавали форели совершенно неописуемый вкус. Думаю, сюда внесли свою лепту еще и погода, и живописная местность, да и сама компания Стар, последнее в особенности.

Я все раздумывал, как бы это поделикатнее сказать: «Как насчет того, чтобы нам провести тут вдвоем ближайшую тысячу лет и как угодно — в браке или без. А кстати, ты замужем?» Но тут нас прервали. И очень жаль, так как мне как раз удалось сложить в уме довольно изящную и очень оригинальную фразу для выражения этой простой, но старой как мир мысли.

Пожилой лысый гном — владелец револьвера-переростка — возник за моей спиной и тут же принялся браниться. Я был совершенно уверен, что он ругался на чем свет стоит, хотя язык мне был незнаком. Стар повернулась к гному, что-то спокойно сказала ему на том же языке, подвинулась, освобождая место,

и протянула ему форель. Он схватил рыбу и откусил от нее огромный кусок, бормоча уже по-английски:

— В следующий раз ничего ему не заплачу. Вот увидишь!

— А не надо было пытаться обжуливать его, Руфо. Возьмика грибов. А где багаж? Мне надо переодеться.

— Вон там! — И он снова принялся пожирать рыбу.

Руфо был прекрасным доказательством того, что некоторым людям лучше всегда быть одетыми. У него была ярко-розовая кожа и весьма солидный животик. В то же время мускулатура у него была что надо, чего я и не подозревал, иначе был бы куда осторожнее, отнимая у него пушку. В глубине души я решил, что, если нам случится схватиться в индейской борьбе, мне придется прибегнуть к какой-нибудь нечестной уловке.

Он взглянул на меня сквозь полтора фунта форели и спросил:

— Не желает ли милорд переодеться?

— А? После того, как ты позавтракаешь. И к чему этот титул «милорд»? Ведь последний раз, когда мы встречались, ты запросто тыкал мне в физиономию своей пушкой.

— Очень сожалею, милорд. Но Она велела так поступить... А когда Она приказывает, приходится повиноваться, сами понимаете.

— Меня это устраивает. Кто-то же должен командовать. А меня зови просто Оскар.

Руфо глянул на Стар, она кивнула. Он ухмыльнулся:

— О'кей, Оскар. Претензий нет?

— Никаких.

Он положил рыбу на камень, вытер ладонь о голое бедро и протянул мне:

— Отлично. Значит, вы будете рубить, а я вывозить.

Мы пожали друг другу руки, причем каждый попытался испытать силу другого. Кажется, мне удалось чуть перебороть Руфо, но я вынес впечатление, что не иначе он когда-то занимался кузнечным ремеслом.

Стар казалась очень довольной, у нее снова появились ямочки на щеках. Она уютно устроилась у огня и стала похожа на лесную нимфу, занятую чаепитием во время обеденного пере-

рыва. Внезапно она протянула мне свою сильную тонкую руку и положила ее поверх наших.

— Мои храбрые друзья! — сказала она серьезно.— Мои славные мальчики. Руфо, все будет хорошо.

— Вам был Знак? — с интересом спросил он.

— Нет, только предчувствие. Я совершенно спокойна.

— Вряд ли можно что-нибудь утверждать определенно,— возразил Руфо,— пока мы не рассчитались с Игли.

— Оскар справится с Игли.— Стар поднялась каким-то необыкновенно гибким движением.— Кончай с рыбой и распаковывай. Мне нужна одежда.— Она сразу стала очень деловитой.

Стар была многолика — ничуть не меньше, чем целый взвод из Женской Вспомогательной Службы. И заметьте — это не гипербола. В этой женщине заключились все прочие — от Евы, раздумывающей, какой из двух фиговых листков пойдет ей больше, до современной дамы, которая жаждет оказаться в недрах самого модного магазина совершенно голой, но с чековой книжкой в руках. Когда я встретил ее впервые, она казалась чуть ли не «синим чулком», интересующимся проблемами одежды не более, чем я сам. У меня же лично одежда не вызывала вообще никаких эмоций. Быть представителем нынешнего поколения нерях — значит получить существенную добавку к студенческому бюджету, ибо самые простые джинсы считаются тут au fait[1], а пропахшая потом рубашка последним писком моды.

При второй нашей встрече Стар была одета в лабораторный халат и узкую юбку, в которых умудрялась выглядеть одновременно и деловой женщиной, и славным парнем. Но сегодня — в это утро, или как его там назвать, она была полна женственности и жизни. Она отдавалась рыбной ловле с такой страстностью, что не могла сдержать восторженных воплей. А через несколько секунд она уже превратилась в девчонку-скаута, с пятнами сажи на щеках, с волосами, небрежно заброшенными за плечо, чтобы уберечь их от огня, пока готовила завтрак.

[1] *Здесь* — вполне допустимыми (*фр.*).

Теперь же это была Вечная Женщина, которой предстояло заняться разборкой Новых Нарядов. Я-то понимал, что надеть на Стар платье было все равно что покрасить масляной краской королевские драгоценности, но следовало признать, что если мы не собираемся играть в «Я — Тарзан, ты — Джейн» в этой лощине до времени, пока нас не разлучит смерть, то какая-то одежда, хотя бы для того, чтобы охранять великолепную кожу Стар от сучков и терниев, определенно понадобится.

Багаж Руфо оказался чем-то вроде небольшой черной шкатулки, размерами и формой походившей на пишущую машинку. Он раскрыл ее.

И еще раз раскрыл.

И раскрыл очень много раз.

И продолжал раскрывать до тех пор, пока эта штуковина не приобрела размеры небольшого грузовичка, доверху набитого множеством вещей. Поскольку дома меня прозвали «Правдивым Джеймсом» сразу же, как я начал говорить, то вам придется предположить, что я стал жертвой галлюцинаций, вызванных гипнозом или наркотиками.

Что касается меня лично, то я твердой точки зрения не имею. Всякий, кто изучал математику, знает, что внутренняя поверхность предмета теоретически не обязательно меньше наружной, а каждый, кому довелось видеть, как какая-нибудь толстуха пролезает сквозь узкую щель, знает, что эта теория находит и практическое доказательство. Шкатулка Руфо была лишь расширенным изданием указанного постулата.

Первым делом Руфо достал из шкатулки здоровенный сундук из тикового дерева. Стар тут же открыла его и принялась вытаскивать из таинственных глубин всевозможные прозрачные прелести.

— Оскар, что ты думаешь об этом? — Она прижимала к груди длинное зеленое платье, разглаживая юбку на одном из бедер для лучшего обозрения.— Тебе нравится?

Еще бы мне не нравилось! Если это был оригинал (а я и подумать не мог, что Стар наденет жалкую копию), то не стоило пытаться даже вообразить его цену.

— Шикарная тряпочка! — сказал я.— Но, послушай, мы же вроде собирались путешествовать?

— Совершенно верно.

— Но я не вижу поблизости ни одной стоянки такси. Ты не боишься, что платье порвется?

— Оно не рвется. И я не собираюсь его носить. Я хочу только показать его тебе. Разве оно не великолепно? Хочешь, я пройдусь в нем, как манекенщица? Руфо, где мои сандалии на высоких каблуках, ну те, что с изумрудами?

Руфо ответил на том же языке, на котором ругался в минуту своего прибытия. Стар лишь пожала плечами и сказала:

— Успокойся, Руфо. Игли подождет. И кроме того, мы все равно не сможем с ним встретиться раньше завтрашнего утра. Да и милорду Оскару еще надо выучиться здешнему языку...— И все же она бросила это зеленое роскошество обратно в сундук.

— А вот и еще одна прелестная штучка,— продолжила Стар, поднимая в воздух нечто.— Это просто шутка, больше ни на что она не годится.

Я понял, что она имеет в виду. «Штучка» была по преимуществу юбкой, с крохотным корсажем, который лишь все поддерживал, но ничего не скрывал — стиль, изобретенный на древнем Крите и, как мне приходилось слышать, все еще пользующийся популярностью в «Оверсиз уикли», «Плейбое» и в ночных клубах. Этот стиль превращал паданцы в настоящие буфера. Впрочем, Стар в этом не нуждалась. Руфо тронул меня за плечо.

— Босс! Не хотите ли взглянуть на арсенал и выбрать, что нужно?

— Руфо, жизнь надо украшать, а не подгонять,— с упреком заметила Стар.

— У нас останется куда больше жизни для украшения, если Оскар выберет то, что применит с наибольшим эффектом.

— Оружие ему все равно не понадобится, пока мы не уладим отношения с Игли.— Стар, однако, перестала настаивать на демонстрации новых моделей и, хотя мне было дьявольски приятно смотреть на нее в это время, я все же с готовностью взялся за инспекцию оружия, которым мне предстояло

пользоваться, поскольку предназначенная мне работенка явно того требовала.

Пока я любовался организованным Стар показом мод, Руфо успел разложить коллекцию, которая была чем-то средним между армейским арсеналом и музеем: шпаги, пистолеты, копье футов в двадцать длиной, огнемет, две базуки, между которыми лежал автомат Томпсона, медные кастеты, мачете, гранаты, луки, стрелы, «кинжал милосердия»...

— А почему нет пращи? — спросил я для подначки.

Руфо оказался на высоте:

— Какой тип вам угодно иметь, Оскар? С вилкообразной рукоятью? Или обыкновенную пращу?

— Извини, что затронул эту тему. Из рогатки я никогда и ни во что не попаду.— Я поднял «Томми», убедился, что магазин пуст, и начал разборку. Автомат был почти новехонький, но пристрелянный настолько, чтобы механизм работал как часы. Вообще-то говоря, «Томми» не намного точнее бейсбольной биты, да и радиус действия у него лишь чуть больше. Есть, конечно, и свои достоинства — если из него попадешь в человека, так тот обязательно упадет и не встанет. Оружие это короткое и не очень тяжелое, обеспечивает большую плотность огня на нужное время. Подходящая игрушка для боев в зарослях и для схваток, близких к рукопашной.

Я-то сам, признаться, больше уважаю что-нибудь со штыком на конце для случаев, так сказать, интимного характера и что-нибудь, обеспечивающее высокую точность попадания в тех случаях, когда враждебные действия ведутся с дальних рубежей. Поэтому я отложил «Томми» и взял «Спрингфилд», правда изготовленный на заводе в Рок-Айленде, что было видно по серийному номеру, но все равно «Спрингфилд». Эта винтовочка пробудила во мне те же чувства, что и австралийский «Альбатрос» — ведь некоторые виды механизмов столь совершенны, что единственное средство улучшить их — это сконструировать заново.

Я передернул затвор, сунул палец в ствол, осмотрел мушку. Ствол сверкал, никаких потертостей, на мушке была отчетливо видна малюсенькая звездочка. Чудесное оружие!

— Руфо, а какова местность там, куда мы двинемся? Такая же, как тут?

— Сегодня будет такая же. Но...— Он виновато принял винтовку из моих рук.— Здесь пользоваться огнестрельным оружием запрещено. Шпаги, ножи, стрелы — все, что рубит, колет, режет с помощью человеческой руки, пожалуйста. Но не огнестрельное.

— А кто это распорядился так?

Он пожал плечами:

— Спросите лучше у Нее.

— Но если пользоваться нельзя, то зачем ты их брал вообще? Да и боеприпасов я не вижу.

— Боеприпасов хватит. Позже, когда мы доберемся до... до другого места... живыми, я имею в виду... А что вам понравилось из разрешенного оружия? Вы из лука стреляете?

— Пока еще не знаю. Покажи-ка, как это делается.

Руфо хотел что-то сказать, но, пожав плечами, взял лук. Надел кожаную перчатку и тщательно выбрал стрелу.

— Вон то дерево,— указал он,— то, у корней которого лежит белый камень. Я буду целиться на высоту груди.

Он наложил стрелу, поднял лук, натянул тетиву и спустил стрелу, все это одним плавным, текучим движением. Стрела вонзилась в ствол дерева в четырех футах от земли.

— Хотите посоревноваться? — ухмыльнулся Руфо.

Я не ответил. Знал, что попасть не смогу, разве что по чистой случайности. В детстве у меня был лук, подаренный на день рождения. Попадал я из него редко, а потом и стрелы куда-то запропастились. Тем не менее я весьма картинно стал выбирать себе лук, отыскав самый большой и тяжелый. Руфо вежливо откашлялся.

— Разрешите обратить ваше внимание, что этот лук очень туг и тяжел для начинающего.

Я натянул тетиву.

— Найди мне перчатку.— Перчатка подошла, словно была скроена по мне (а может быть, и была?). Я взял стрелу, даже не осматривая, они все казались мне одинаковыми и прямыми.

Никакой надежды попасть в это распроклятое дерево у меня не было. Находилось оно ярдах в пятидесяти и имело около фута в диаметре. Я просто намеревался пустить стрелу повыше, рассчитывая, что такой тугой лук обеспечит достаточно пологую траекторию. Больше всего мне хотелось наложить стрелу, поднять лук, натянуть его и спустить стрелу таким же слитным движением, как у Руфо, хотелось выглядеть настоящим Робин Гудом, не будучи им в действительности.

Но когда я поднял и согнул этот лук, когда ощутил его мощь, то почувствовал внезапный прилив уверенности — этот инструмент был для меня! Мы были сотворены друг для друга.

Ни о чем не думая, я пустил стрелу.

Она, задрожав, впилась в дерево на расстоянии ладони от стрелы Руфо.

— Отличный выстрел! — воскликнула Стар. Руфо глянул на дерево, поморгал, потом с обидой перевел глаза на Стар. Она ответила ему надменной улыбкой.

— Ни в чем не виновата,— заявила она.— Ты же знаешь, что на такие проделки я не способна. Соревнование шло честно... Оба отличились.

Руфо задумчиво посмотрел на меня.

— Хм-м. А не желает ли милорд заключить маленькое пари... на его собственных условиях... что милорду не удастся повторить свой выстрел...

— Не буду я биться об заклад,— ответил я.— Что я — дурачок, в самом деле! — Но тут же взял другую стрелу и положил ее на тетиву. Мне нравился этот лук, приятен был даже звук, с которым тетива ударялась о перчатку. Я решился на еще одну попытку, просто чтобы вновь ощутить слияние с оружием.

Я спустил тетиву.

Третья стрела выросла в точке, расположенной между двумя предыдущими, чуть ближе к стреле Руфо.

— Отличный лук! — сказал я.— Я его возьму себе. Поищика колчан.

Руфо молча затопал прочь. Я снял тетиву и принялся копаться в ножевом товаре. В глубине души я очень надеялся, что

из лука мне больше никогда не придется стрелять — даже профессиональный игрок не может рассчитывать на нужный расклад каждый раз, когда он сдает карты, и моя следующая стрела вполне могла превратиться в бумеранг.

Тут было бесконечное разнообразие лезвий, начиная от двуручного меча, по моему мнению, вполне пригодного для колки дров, до крошечного кинжальчика, который дама может спрятать в колготках. И каждый клинок я брал в руки и пробовал... пока наконец не нашел такого, который был мне по руке так, как Эскалибур — по руке короля Артура.

Я никогда не видел ничего похожего, а потому даже не знаю, как следует по науке назвать этот клинок. Скорее всего — саблей, поскольку он был слегка изогнут и заточен, как бритва, примерно на половину длины тыльной части. Конец клинка был остр, как у рапиры, а изгиб лезвия имел столь большой радиус, что клинок мог с одинаковым успехом работать и как шпага, и как сабля. Гарда изгибалась вдоль кулака и плавно переходила в получашие. Хотя точка равновесия располагалась только в двух дюймах ниже рукояти, клинок был достаточно тяжел, чтобы разрубить любую кость. Оружие давало ощущение естественного продолжения руки.

Рукоять, обтянутая шершавой акульей кожей, прямо вливалась в ладонь. На клинке был выбит какой-то девиз, но он был плохо виден среди завитушек дамасской стали, и я не стал возиться с расшифровкой из-за нехватки времени. Этот клинок был мой, мы с ним составляли неразрывное целое. Я вложил его в ножны и застегнул пояс с ножнами на голой талии, чувствуя себя этаким капитаном Джоном Картером, Джедаком из Джедакков, плюс знаменитым гасконцем и его тремя друзьями одновременно.

— Ты не хочешь одеться, милорд Оскар? — спросила Стар.

— Что? О, разумеется. Я только примерял на себя пояс. Но... разве Руфо захватил сюда мою одежду?

— Ты захватил, Руфо?

— Его одежду? Не хочет же он носить тут то, что надевал в Ницце?

— А что, собственно говоря, плохого в сочетании фирменных джинсов и гавайки? — запротестовал я.

— Как вы изволили сказать? Да, конечно, ничего плохого, милорд Оскар,— поспешно заговорил Руфо.— Живи сам и давай жить другим, как я говорю. Я знал когда-то человека, который носил... впрочем, неважно, что он носил... Разрешите показать, что я для вас приготовил.

Мне предоставлялся огромный выбор — от плаща из болоньи до железных лат. Последние я нашел малопривлекательными, так как само их присутствие говорило о возможности ситуации, когда они могут понадобиться. Кроме солдатской каски никаких доспехов я не носил, не стремился носить и не знал, как их носить,— и, честно говоря, не собирался водить компанию с теми грубиянами, которые нуждались в чем-либо подобном.

Кроме того, я не видел нигде поблизости лошадей, скажем, першеронов или клайдсдейлов, а вообразить себя двигающимся пешим порядком в этой железной утвари я вообще не мог. Надо думать, я ходил бы, как на костылях, гремел бы, как вагон подземки, а чувствовал бы себя точно в душной раскаленной телефонной будке. Поту сходило бы с меня фунтов десять на каждые пять миль пути. Стеганых длинных курток, что полагалось поддевать под все эти железяки, и одних хватило бы за глаза при такой чудной погоде, а уж сталь поверх стеганок превратила бы меня просто в бродячую печь и сделала бы слабым и неуклюжим, даже для сражения в очереди к билетной кассе.

— Стар, ты сказала, что...— начал я и умолк. Она, оказывается, закончила переодеваться, и результат был — что надо! Мягкие кожаные туфли, вернее, мокасины, коричневые облегающие брюки, короткая зеленая куртяшка — среднее между жакетом и лыжной курточкой... А на голове кокетливая шапочка. Костюм был опереточной версией костюма стюардессы — ловкой, изящной, толковой и сексапильной.

А возможно, и костюмом вольных стрелков, поскольку он дополнялся двоякоизогнутым луком, колчаном и кинжалом.

— Ты выглядишь так, как та штучка, из-за которой начался мятеж.

Стар продемонстрировала свои ямочки и вежливо присела. Стар никогда не «выставляется»: она знает, что женственна, что выглядит чудесно, и не скрывает, что это доставляет ей истинное наслаждение.

— Ты сказала только что, будто в моем оружии в ближайшее время нужды не будет. Так есть ли основания натягивать на себя один из этих скафандров? Мне лично они не кажутся комфортабельными.

— Сегодня я опасностей не жду,— не торопясь, проговорила Стар,— но это не то место, где можно рассчитывать на помощь полиции. Ты должен сам решать, что нужно делать.

— Но... черт возьми, Принцесса, ты же знаешь эту страну лучше, чем я. Мне нужен совет.

Она промолчала. Я повернулся к Руфо. Тот с подчеркнутым вниманием рассматривал что-то в кроне дерева. Тогда я приказал:

— Руфо! Одевайся!

Он задрал одну бровь:

— Что угодно милорду Оскару?

— Шнелль! Давай пошевеливайся!

— О'кей! — Руфо быстро натянул костюм, который был мужским повторением костюма Стар, с шортами вместо женских облегающих брюк.

— Оружие! — приказал я, начав одеваться в том же духе, хотя и решил включить в свой туалет высокие сапоги. Тут я, однако, заметил пару мокасин прямо моего размера и подумал — не попробовать ли, каковы они на ноге? Они обтянули ноги, как перчатка и... да и подошвы у меня так затвердели за месяц хождения босиком на Иль-дю-Леван, что надобность в сапогах сама отпала. Выглядели мокасины вполне современно — с «молнией» спереди и этикеткой «Fabrigue en France»[1] внутри.

Руфо взял лук, из которого только что стрелял, шпагу и кинжал вдобавок. Я вместо кинжала выбрал золингеновский охотничий нож. С грустью посмотрел на армейский пистолет

[1] Сделано во Франции (*фр.*).

45 калибра, но даже не дотронулся до него. Раз «они», кто бы «они» там ни были, приняли местный вариант закона Салливана[1], буду ходить без оружия.

Стар приказала Руфо паковаться, а затем присела со мной на песчаном пятачке у ручья и набросала маршрут нашего похода. Путь шел на юг вниз по течению ручья (кроме отдельных участков для спрямления дороги) вплоть до Поющих Вод. Там мы и остановимся на ночлег.

Я запомнил все детали маршрута.

— О'кей! О чем-нибудь еще я должен быть предупрежден? Следует ли нам стрелять первыми? Или надо ждать, пока в нас бросят бомбу?

— Сегодня я ничего такого не ожидаю. Ах да, тут есть хищники размером раза в три крупнее льва, но они жуткие трусы — на движущегося человека не нападают.

— Вот такие мне по душе! Ладно, в крайнем случае будем все время двигаться.

— Если же мы встретимся с людьми, чего я не предполагаю, будет, пожалуй, мудро приготовить лук и стрелы, но не поднимать лук без необходимости. Впрочем, я ничему не должна тебя учить. Все решаешь ты один. Руфо тоже не будет стрелять до тех пор, пока не увидит, что ты почел за благо применить силу.

Руфо кончил упаковывать наши пожитки.

— О'кей! Пошли! — приказал я.

И мы двинулись в путь. Маленькая шкатулка Руфо была закреплена у него за плечами как рюкзак, и я не переставал дивиться, как это он волочет на своей спине более двух тонн груза. Может, это что-то вроде антигравов, что встречаются в научной фантастике? А может, у него в жилах течет кровь китайских кули? Черная магия? Да и вообще в рюкзаке не мог бы поместиться и один тиковый сундучок Стар, даже будучи уменьшен в масштабе тридцать к одному, не говоря уже об арсенале и прочих причиндалах.

---

[1] Закон Салливана регулирует продажу и ношение оружия в США.

Не стоит, пожалуй, удивляться, что я не выжал из Стар сведений касательно того, где мы находились, почему мы там находились, что собираемся там делать, а также относительно деталей тех опасностей, с которыми мне предстояло бороться. Слушай — как тебя там — Мак, ну, если тебе снится самый роскошный сон всей твоей жизни и ты добрался уже чуть ли не до самой кульминации, так неужто ты остановишься и начнешь обсуждать с самим собой вопрос, что логически невозможно, чтобы данная девица располагалась в данной копне сена рядом с тобой в данную минуту, а от этого возьмешь, да и проснешься? Я знал, в полном соответствии с логикой, что все происходящее со мной после прочтения того дурацкого объявления не могло существовать наяву.

Потому-то я и отбросил логику ко всем чертям.

Логика, дружище,— хрупкая штучка. «Логика» доказала, что аэропланы летать не могут, что водородная бомба теоретически невозможна и что камни с неба не падают. Логика — это способ выражения идеи: что не случалось вчера, не может случиться и завтра.

Мне ситуация, в которой я находился, очень нравилась. И я вовсе не желал проснуться в собственной постели, а тем более в отделении какой-нибудь психушки. А особенно мне было бы противно, проснувшись, опять оказаться в джунглях со свежей раной на лице и без вертолета в обозримом будущем. Или — в то самое мгновение, когда шоколадный братишка заканчивает трудиться надо мной и отправляет меня в свою Валгаллу[1]. Так вот, эта самая Валгалла мне была очень даже по душе.

Тут я прогуливался с верной шпагой на боку, которая постукивала меня по левому бедру при каждом шаге, с симпатичнейшей девицей, вполне отвечавшей моим запросам, с чем-то вроде раба-крепостного-слуги, шагавшего сзади и в поте лица тащившего весь груз да еще защищавшего нас с тыла.

Пели птички, пейзаж был такой, что его, видимо, спроектировали лучшие специалисты ландшафтной архитектуры, а

[1] *Валгалла* — в скандинавской мифологии обиталище богов и героев.

воздух пьянил и благоухал. И даже в случае, если мне никогда больше не светило прочесть заголовки в утренней газете или окликнуть такси на улице, вышеописанная ситуация меня полностью устраивала.

Признаюсь, мой длинный лук мне здорово мешал, но также мешала бы и «М-1»[1]. У Стар ее маленький лук ловко висел за спиной, доставая ей от плеча до бедра. Я попробовал носить было свой в той же манере, но он запутался в ногах. Кроме того, меня не оставляла мысль о необходимости быть готовым к стрельбе в любую минуту, поскольку Стар упоминала о возможности такой ситуации. Тогда я снял лук с плеча и, натянув тетиву, понес его в левой руке.

За весь утренний переход случилась только одна тревога. Я услыхал, что тетива Руфо пропела «тванг», обернулся, держа лук с уже наложенной стрелой и натянутой тетивой, хотя еще не успел разобраться, в чем дело. На земле лежала птица, похожая на тетерку, которую Руфо сбил с ветки, прострелив ей шею. Я еще раз подумал о нежелательности совместного выступления с ним на стрелковых соревнованиях, разве что он даст мне пять очков форы.

Руфо обернулся и довольно осклабился:

— Обед! — На протяжении следующей мили он ощипывал тетерку, а потом подвесил ее к поясу.

На ланч (где-то около полудня) мы остановились в живописнейшем месте, которое, как поспешила меня успокоить Стар, было «защищено». Руфо раскрыл свою шкатулку до размеров чемодана и сервировал завтрак: холодное мясо, тертый сыр-провансаль, хрустящий французский хлеб, груши и две бутылки шабли. После завтрака Стар предложила устроить сиесту. Идея была недурна — я славно закусил, так что птичкам остались одни крошки, но все же удивился:

— Разве мы не должны поторапливаться?

— У тебя будет урок языка, Оскар.

---

[1] *«М-1»* — марка винтовки, принятой на вооружение в армии США в то время.

Теперь я могу сказать тем, кто учил меня языкам в средней школе Понсе-де-Леона[1], что существуют и лучшие методики обучения. Ты ложишься на мягчайшую траву вблизи смеющегося ручейка и в окружении дивного ландшафта, а самая прекрасная женщина мира склоняется над тобой и смотрит тебе в глаза. Она начинает что-то тихо говорить на неизвестном языке. Время бежит, ее глаза становятся больше... больше... больше... и ты тонешь в них...

Потом, сколько-то времени спустя, Руфо говорит:

— Erbas, Оскар, t knila voorsht.

— О'кей! — отвечаю я.— Я уже встаю. Нечего меня подгонять.

Эти последние слова я произнес на языке, коему наш алфавит просто тесен. Потом были еще уроки, но о них я тоже писать не буду, важно то, что с этого момента все мы разговаривали только на указанном выше диалекте, за исключением тех случаев, когда необходимо было заполнить какие-то языковые лакуны английским словом.

Язык этот богат ругательствами и терминами, относящимися к любовным делам, а также превосходит английский по технической терминологии. Существуют и пропуски: нет, например, слова «адвокат».

Спустя час мы подошли к Поющим Водам. По пути мы пересекли довольно высокое лесистое плато. Ручей, в котором мы ловили форель, принял множество притоков и превратился в приличную реку. Под нами, в том месте, куда мы еще не дошли, река падала мощным, превосходящим Йосемитский по высоте, водопадом[2], срываясь с высоких утесов. Но там, где мы остановились на ночлег, она прорыла в плато ущелье, и в ее русле образовались каскады, предваряющие появление водопада.

Слово «каскады» слабо передает действительность. Выше и ниже по течению, куда только достигал взгляд, вы видели одни

[1] *Понсе де Леон* — город во Флориде, названный в честь испанского мореплавателя, открывшего полуостров Флориду.

[2] *Йосемитский водопад* — общее название каскада водопадов на р. Йосемити-Крик, в Калифорнии.

водопады — большие, футов по тридцать-пятьдесят в высоту, и маленькие, которые и мышь могла бы перескочить, а между этими крайностями — все переходы размеров и форм. Были там и террасы, и целые лестницы террас, были и тихие заводи, где вода казалась ярко-зеленой от свисающих с берега ветвей, были и полосы ослепительно белой, как взбитые сливки, воды, вскипавшей клоками пены.

Слух их тоже воспринимал. Крохотные водопадики пели серебристым сопрано, большие — гудели глубокими басами. На той зеленой лужайке, где мы разбили лагерь, все эти тона смешивались в величественный хорал, а у самой воды, чтобы услышать друг друга, приходилось кричать во всю мочь.

Кольридж явно побывал тут в одном из своих горячечных снов:

По склонам зеленой отарой
Сбегали леса, что древнее
Холмов, подставляющих солнцу
Округлые мягкие спины.
А в темном глубоком ущелье,
Как будто тяжелой секирой
Рассекшем кедровую рощу,
Под вечер, едва восходила
Луна с искривленной улыбкой,
Являлся рыдающий призрак,
Взывавший в смятенье и муке
К любовнику — Падшему Духу...

Надо думать, Кольридж шел по тому же маршруту и добрался до Поющих Вод. Неудивительно, что он испытал горячее желание прикоснуть этого «Человека из Порлока»*, вломившегося в его лучший сон. Когда я буду умирать, положите меня возле Поющих Вод, пусть они будут последним, что я увижу и услышу.

Лагерь был устроен на поросшей нежной травой террасе, плоской, как мысль глупца, и мягкой, как поцелуй. Я стал помогать Руфо распаковываться, так как мне хотелось раскрыть фокус роста размеров шкатулки. Фокус остался нераскрытым. Каждая стенка шкатулки откидывалась в сторону совершенно

просто и естественно, подобно тому, как раскладывается доска для глаженья, а размер шкатулки увеличивался после этого так же просто и естественно.

Сначала мы достали палатку для Стар. Не какую-нибудь армейскую б/у, а изящный павильон из расшитого шелка; ковер, который мы расстелили вместо пола, наверняка создавался тремя поколениями бухарских художников-ткачей.

— Вам нужна палатка, Оскар? — спросил Руфо.

Я посмотрел на небо, на спускающееся к горизонту солнце. Воздух был как топленое молоко, и даже мысль о дожде не приходила в голову. Я не люблю спать в палатках, особенно если есть хоть ничтожная вероятность нападения.

— А ты будешь в палатке?

— Я? О, нет! Но Ей палатка нужна. Хотя потом Она нередко располагается на траве.

— Мне палатка не нужна (а ну-ка вспомни, не должен ли рыцарь спать у порога своей повелительницы с оружием в руках? Я не очень-то разбираюсь в этикете такого рода, его ведь не проходят на школьных занятиях по обществоведению).

Стар к этому времени вернулась и сказала Руфо:

— Защищено. Охранители на месте.

— Перезарядили? — забеспокоился он.

Стар дернула его за ухо.

— Я пока еще не впала в детство.— И добавила: — Мыло подай, Руфо. Оскар, пойдешь со мной, раскладываться — его работа.

Руфо раскопал кусок «Люкса», подал ей, оглядел меня оценивающе и выдал мне кусок «Лайф-бью».

Поющие Воды — лучшая баня на свете, к тому же бесконечно разнообразная. Тихие заводи образуют то мелкие ножные ванны, то бассейны для плавания, то сидячие ванны, в которых вода слегка пощипывает кожу, то душевые, в которых она или падает мелким дождем, или бьет острыми струями, могущими свести с ума, если стоять под ними слишком долго.

Нетрудно подобрать и нужную температуру. Выше каскада, которым мы пользовались, в главный поток впадал ручеек горячей воды, а чуть ниже, из берега, бил подводный ледяной

родник. Так что нужды возиться с кранами не было. Просто требовалось передвинуться чуть ниже или чуть выше по течению, чтобы получить воду нужной температуры, или спуститься туда, где вода была теплой и нежной, как поцелуй матери.

Сначала мы просто резвились, Стар вскрикивала и хихикала, когда я брызгал на нее холодной водой, и пыталась «утопить» меня. Резвились мы как дети, я и в самом деле чувствовал себя мальчишкой. Стар разыгрывала девчонку, но играла она сильно — под бархатной кожей чувствовалась сталь мышц.

Потом я взял мыло, и мы стали мыться. Когда она намылила волосы, я подошел сзади и помог их промыть. Стар разрешила помочь ей, так как явно не справлялась с могучей гривой, раз в шесть длиннее, чем носят современные девицы.

Это были незабываемые минуты (особенно учитывая занятость Руфо и его отсутствие). Казалось, создалась вполне подходящая обстановка, чтобы сначала схватить Стар, тиснуть, а потом быстро перейти к решительным действиям. Я далеко не уверен, что она оказала бы мне даже притворное сопротивление. Весьма вероятно, она пошла бы на сближение охотно, с открытой душой.

Черт, я же знаю, что притворного сопротивления не было бы. Она либо поставила бы меня на место высокомерным словом или хорошей оплеухой, либо сдалась бы с радостью.

И все же я не мог решиться. Не мог решиться даже начать. Не знаю почему. Мои намерения в отношении Стар колебались от самых бесчестных до самых-рассамых порядочных и обратно, с того самого момента, как я впервые ее увидел. Нет! Не так! Лучше изложу это иначе: мои намерения были постоянно абсолютно безнравственны, но с полной готовностью превратиться в высоконравственные попозже, как только удалось бы раскопать какого-нибудь занюханного мирового судью.

И все же я даже пальцем не дотронулся до Стар, кроме тех мгновений, когда помогал смыть мыло с волос.

Пока я пытался разгадать эту загадку, погружая обе руки в ее тяжелые светлые волосы, мой мозг все еще не мог выдать ответа на вопрос — что же мешает мне обхватить эту сильную тонкую талию, находящуюся от меня на расстоянии несколь-

ких дюймов? В эту минуту я вдруг услыхал пронзительный свист и мое имя — мое новое имя. Я оглянулся.

Руфо в своем малопривлекательном «в чем мать родила», с перекинутыми через плечо полотенцами, стоял на берегу, футах в десяти от нас, и пытался перекричать рев водопада, чтобы привлечь мое внимание.

Я подошел к нему на несколько футов ближе.

— Ну, чего тебе надо? — Можно сказать, что я почти рычал.

— Я спрашиваю — вы будете бриться? Или станете отращивать бороду?

Подсознательно, видимо, я ощущал кактусообразное состояние своей физиономии, еще когда вел внутренний спор о том, совершать или нет преступные действия в отношении Стар, и это сыграло свою роль в принятии отрицательного решения. «Жиллетт», «Аква-Вельва», «Бирма Шейв»[1] и прочие создали у несчастного американского мужчины (я имею в виду себя) чувство неполноценности, мешающее им соблазнить или изнасиловать даму, не будучи свежевыбритым. А у меня щетина была уже двухдневной давности.

— У меня нет бритвы! — заорал я.

Руфо продемонстрировал мне наличие опасной бритвы.

Стар возле меня зашевелилась. Она протянула руку и большим и указательным пальцами ощупала мой подбородок.

— А ты будешь великолепен с бородой,— сказала она.— Что-то в духе Ван Дейка, с торчащими усами.

Раз таково мнение Стар, то кто я такой, чтобы возражать? Кроме того, растительность на лице частично может скрыть шрам.

— Как скажешь, Принцесса.

— И все же я предпочту тебя таким, каким увидела в первый раз. Руфо отличный брадобрей.— Она обернулась к Руфо.— Подай руку и полотенце.

Стар пошла к лагерю, вытираясь полотенцем на ходу. Я бы охотно помог ей в этом, если бы она попросила о такой услуге. Руфо проговорил устало:

[1] Компании, выпускающие бритвенные лезвия.

— И чего вы не боретесь за свои права? Но раз Она велит побрить вас, то теперь мне уже некуда деваться, придется с собственным мытьем поторопиться, а то Она не терпит опозданий.

— Если у тебя найдется зеркало, я и сам побреюсь.

— Вы когда-нибудь имели дело с опасной бритвой?

— Нет, но могу научиться.

— Еще перережете себе глотку, а Ей это может не понравиться. Давайте вон там на бережку, где я смогу стоять в теплой водичке. Нет! Нет! Не садитесь, а ложитесь так, чтобы голова опиралась о камушек. Я не могу брить человека, когда он сидит.— Руфо стал втирать мыльную пену мне в подбородок.

— А знаете почему? Я учился на покойниках, вот почему. Наводил на них красоту, чтобы родственникам было приятно. Тихо, вы! Вы же чуть не лишились половины уха! А мне нравится брить жмуриков: во-первых, они не жалуются, во-вторых, ни о чем не просят, в-третьих, ни с чем не спорят и всегда лежат тихонько, в-четвертых, самая что ни на есть разлюбезная работа. Что же касается существа дела...— Руфо прервал бритье и, держа лезвие у моего кадыка, начал изъяснять свои горести.

— Разве у меня были выходные по субботам? Черта с два, у меня и по воскресеньям-то они были не всегда! А продолжительность рабочего времени?! Два дня назад я читал в газете, что одно похоронное бюро в Нью-Йорке... Вы в Нью-Йорке бывали?

— Был я в Нью-Йорке! И убери эту чертову гильотину от моего горла, раз ты вошел в раж и так размахиваешь руками!

— Если будете болтать, то не миновать вам быть порезанным сразу в нескольких местах. Так вот, эта контора подписала контракт на обслуживание из расчета двадцатипятичасовой рабочей недели. Недели! А я работал по двадцать пять часов в сутки! Знаете, сколько часов без перерыва мне пришлось както раз проработать?

Я сказал, что не знаю.

— Ну вот, вы опять болтаете! Более семидесяти часов, и будь я проклят, ежели вру! А ради чего? Ради славы? А что такое

слава? Для кучки сожженных костей. Богатство? Оскар, я скажу вам как родному: я обработал больше покойников, чем какой-нибудь султан — одалисок. И никогда ни один из них гроша ломаного не дал бы за то, чтоб покоиться в одеяниях, украшенных рубинами размером с ваш нос и вдвое более красных, или в рубище. Зачем мертвому богатство? Скажите мне, Оскар, как мужчина мужчине, пока Она не слышит, ну зачем вы позволили Ей втянуть себя в эту историю?

— А мне это дело нравится. Пока.

Руфо шмыгнул носом:

— Именно так сказал один мужик, когда пролетал мимо окон пятнадцатого этажа Эмпайр-Стейт-Билдинг. А ведь внизу его, как известно, ждала мостовая. Однако,— добавил он туманно,— пока дело с Игли не выяснилось, проблем нет. Если бы со мной был мой служебный чемоданчик, я бы так загримировал ваш шрам, что все бы сказали: «Смотрите, совсем как живой».

— Не твое дело. Ей нравится этот шрам (черт его побери, опять забыл и дернулся).

— Ну еще бы! Я ведь какую идею пытаюсь вам внушить: если вы вступили на Дорогу Доблести, то знайте, что найдете вы на ней по преимуществу булыжники. Лично я на эту дорогу не напрашивался. Мои представления о хорошей жизни вполне укладываются в маленькую тихую похоронную контору с хорошим выбором гробов на все цены и с прибылью, позволяющей иногда оказать посильную помощь родственникам усопших. И с продажей гробов в рассрочку для тех, кто достаточно проницателен, чтобы все планировать заранее, ибо все мы смертны, Оскар, все мы смертны, и разумный человек может с полным успехом посиживать с доброй кружкой пива в хорошей компании и одновременно заключать контракт с надежной похоронной фирмой.— Он доверительно наклонился ко мне: — Послушайте, милорд Оскар... Если мы чудом выберемся отсюда живыми, замолвите за меня словечко перед Ней. Пусть Она поймет, что я слишком стар для Дороги Доблести. А я уж найду, чем скрасить ваши преклонные годы... если вы отнесетесь ко мне по-товарищески...

— Мы же с тобой, кажется, пожали друг другу руки?

— Ах, да, действительно...— Руфо вздохнул.— Один за всех и все за одного и так далее и тому подобное... Все, с вами покончено.

Когда мы вернулись в лагерь, было еще светло. Стар сидела в своей палатке, а моя одежда была выложена снаружи. Я начал было артачиться, когда увидел этот костюм, но Руфо сказал:

— Раз Она распорядилась, чтобы вечерний костюм, то это значит — черный костюм и черный галстук.

Я с трудом надел все, даже запонки (это были большие черные жемчужины); фрак был явно или сшит на меня, или куплен в магазине готового платья человеком, который знал мой рост, вес, ширину плеч и талии. Торговая марка на подкладке гласила: «Английский Дом. Копенгаген».

Но галстук меня доконал. В разгаре борьбы с ним появился Руфо, заставил меня лечь (я уж и не стал спрашивать почему) и завязал его в мгновение ока.

— Вам нужны ваши часы, Оскар?

— Мои часы? — Я полагал, что они остались там — в смотровой врача в Ницце.— Они у тебя?

— Да, сэр. Я захватил все, кроме...— его передернуло,— кроме вашей одежды.

Руфо не преувеличивал. Здесь было все — не только содержимое моих карманов, но и то, что было в сейфе «Американ Экспресс»,— деньги, паспорт, военное удостоверение, даже билеты тотализатора с Чанг-Эли.

Я хотел было спросить, как Руфо залез в мой сейф, но воздержался. У него был ключ, а способ проникновения мог быть и очень прост — например, поддельная доверенность, а мог быть и сложен — вроде магической черной шкатулки. Я горячо поблагодарил Руфо, и он отправился готовить ужин.

Сначала я решил выбросить все это барахло, кроме паспорта и денег, но мусорить в таком дивном месте, как Поющие Воды, было просто преступлением. Пояс, на котором висела шпага, имел кожаный карманчик, куда я и запихал все, включая давно остановившиеся часы.

Руфо накрыл стол прямо перед палаткой Стар, сделал электропроводку, пустил ее на дерево, под которым стояла палатка, на стол поставил горящие свечи. Когда Стар вышла, стало ясно, как было темно до ее появления. Стар вышла и остановилась. Я все же сообразил: она ждет, чтобы ей предложили руку. Подведя Стар к ее месту за столом, я пододвинул ей стул, а Руфо сделал то же самое для меня. На Руфо была ливрея сливового цвета.

Ухаживать за Стар было чистым наслаждением. Она была в том самом зеленом платье, в котором хотела показаться мне утром. До сих пор не знаю, пользовалась ли Стар косметикой, но выглядела она так, будто не имела ничего общего с той страстной Ундиной, что пыталась утопить меня всего лишь час назад. Казалось, такой экспонат нуждался в хранении под стеклом. Это была Элиза Дулитл[1] на своем первом балу.

Звуки «Ужина в Рио» сливались с хоралом Поющих Вод. Белое вино к рыбе, розовое — к дичи, красное — к ростбифу. Стар смеялась, щебетала и сверкала остроумием. Один раз Руфо, наклонившись ко мне, чтобы предложить какое-то блюдо, шепнул: «Обреченные обедали с аппетитом». Я также шепотом послал его ко всем чертям.

К десерту подали шампанское. Руфо почтительно предложил мне оценить его. Я молча кивнул. Интересно, как бы он поступил, если бы я отказался от шампанского... Угодно ли еще вина... к кофе — «Наполеон»... и сигареты.

О сигаретах я мечтал весь день. Это были «Бенсон и Хеджес» № 5, а я, в целях экономии, последнее время смолил эту черную французскую дешевку.

Закурив, Стар поблагодарила Руфо за ужин, он принял ее комплименты со всей серьезностью, я их поддержал от всего сердца. До сих пор не знаю, кто готовил этот ужин. Большую часть, конечно, Руфо, но Стар также внесла немалую лепту, пока меня брили на берегу.

Неторопливо бежало счастливое время, мы сидели, попивая кофе с коньяком, а вечерний свет постепенно тускнел, пока

[1] Героиня пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

не осталась лишь одна горящая свеча, оживлявшая игру драгоценностей Стар и освещавшая снизу ее лицо. Наконец Стар сделала еле заметное движение, как будто отодвигая от себя стол, и я тут же вскочил, чтобы проводить ее к палатке. Стар остановилась у входа:

— ...Милорд Оскар...

И тогда я поцеловал ее и последовал за ней в...

Как бы не так! Я был настолько загипнотизирован, что склонился над ее рукой, поцеловал ее... и все.

После чего мне не оставалось ничего другого, как вылезти из своего наемного обезьяньего костюма, отдать его Руфо и попросить у него одеяло. Руфо выбрал для ночлега место по одну сторону палатки, так что мне осталась только другая сторона, где я и растянулся. Стояла такая теплынь, что и одеяла-то не требовалось.

А заснуть я не мог. Дело в том, что у меня есть застарелая привычка, привычка куда худшая, чем курение марихуаны, но более дешевая, чем употребление героина. Я, конечно, могу поднапрячься и в конце концов заснуть, но сейчас меня вряд ли стимулировал к этому свет в палатке Стар и ее силуэт, не отягощенный никакой одеждой.

Дело в том, что я заядлый читатель. Книжонки из серии «Голд Медал Ориджинал» по 35 центов за штуку вполне достаточно, чтобы отправить меня в глубокий сон. Или романа о Перри Мейсоне... Даже объявления в старом номере «Paris-Match»[1], в который кто-то завернул селедку, для меня лучше, чем ничего.

Я встал и обошел палатку кругом.

— Эй, Руфо!

— Да, милорд? — Он вскочил с кинжалом в руке.

— Слушай, нет ли на твоей свалке какого-нибудь чтива?

— Какого именно?

— Да любого. Лишь бы слова шли подряд.

— Минуту.— Он исчез, и я слышал, как он роется в своей куче багажа, похожей на обломки кораблекрушения. Вскоре он вернулся, неся книгу и небольшую походную лампу. Я поблагодарил, вернулся к себе и лег.

[1] *«Пари-Матч»* — парижская газета.

Это была любопытная книженция, написанная неким Альбертусом Магнусом* и явно украденная из Британского музея. Альберт предлагает длинный список рецептов для осуществления самых удивительных дел: как утишить бурю, как летать выше облаков, как торжествовать над врагами и как заставить женщину соблюдать верность. Вот, например, каков рецепт последнего средства: «Ежели ты восхочешь, чтобы жена не заглядывалась на мужчин и не желала бы их, то возьми срамные части волчца и власы, что растут на щеках его или с бровей его, а также власы, растущие ниже подбородка, сожги все это, а пепел дай ей выпить и чтобы не знала она, что пьет, и тогда не возжелает она мужа другого».

Думаю, рецепт этот вряд ли понравился бы «волчцу», а если бы я оказался на месте той жены, то он и меня огорчил бы немало — смесь, видимо, довольно мерзкая. Самую же формулу я передаю точно, так что, если у вас есть жалобы на вашу даму, а под руками имеется «волчец», то попытайте счастья. А мне сообщите о результате. Только письменно, а не лично.

Было там еще несколько рецептов, как заставить женщину, которая вас не любит, влюбиться в вас без ума, но «волчец» в них был самым простым ингредиентом.

Наконец я отложил книгу, погасил свет и стал следить за движущимся силуэтом на полупрозрачном шелке палатки. Стар причесывалась. Чтобы больше не мучиться, я перевел взгляд на звезды. Я ничего не знал о звездной карте южного полушария — в таком дождливом регионе, как Юго-Восточная Азия, звезд никогда не видно, да и не очень-то в них нуждается парень, у которого есть «шишка направления».

Это южное небо было великолепно! Я пристально всматривался в одну из звезд или планет — довольно большой диск — и внезапно обнаружил, что она движется.

Я так и сел.

— Эй, Стар!

— Что, Оскар? — откликнулась она.

— Пойди-ка сюда. Тут спутник! И большущий!

— Иду.— Свет в палатке погас, и она тут же возникла рядом со мной, равно как и старый добрый папа Руфо, зевающий и почесывающийся.— Где, милорд? — спросила Стар.

— Вон! Вон! — показал я.— Только, пожалуй, это не спутник, скорее один из метеорологических зондов. Уж очень велик и ярок.

Она посмотрела и отвела глаза. Руфо молчал. Я снова внимательно взглянул на спутник, потом на Стар. Она явно наблюдала за мной, а не за спутником. Я снова посмотрел на спутник, как он движется на фоне звездных декораций.

— Стар! — воскликнул я.— Это не спутник! И это не зонд. Это луна, настоящая луна.

— Да, милорд Оскар.

— Но тогда это не Земля!

— Твоя правда.

— Хм...— Я снова посмотрел на маленькую луну, бодро пробирающуюся меж звезд с запада на восток.

— Ты не боишься, мой герой? — тихо спросила Стар.

— Чего?

— Оказаться в чужом мире?

— Он мне кажется очень славным.

— Он таков и есть,— согласилась она.— Во многих отношениях.

— Мне он нравится,— подтвердил я.— Может быть, пришло время узнать о нем побольше? Где мы находимся? В скольких световых годах или в чем еще там измеряют расстояния? И в каком направлении?

— Я попытаюсь, милорд,— вздохнула Стар.— Но это будет нелегко, ты ведь не изучал метафизической геометрии и... многого другого. Представь себе книгу.— Книга Альберта Великого все еще была у меня под мышкой, Стар взяла ее у меня.— Каждая страница очень похожа на соседнюю. И в то же время она совершенно иная. Эта страница соприкасается с другой во всех точках, а от третьей полностью отделена. Вот и мы так близки сейчас к Земле, как две следующие друг за другом страницы. И тем не менее мы удалены от нее на такое расстояние, что никакими световыми годами этого не выразить.

— Послушай. Не надо так усложнять. Я же смотрел по телеку «Сумеречную зону»*. Ты имеешь в виду другое измерение. Я это усек.

Стар явно пребывала в затруднении.

— Что-то в этом роде, но...

— Утром нам предстоит иметь дело с Игли,— перебил ее Руфо.

— Да,— согласился я.— Если утром намечается беседа с Игли, то, возможно, нам лучше поспать. Извините. А между прочим, кто такой этот самый Игли?

— Это вы узнаете в свое время,— отозвался Руфо. И я завернулся в свое одеяло как настоящий герой (одни мускулы и никаких извилин), Стар и Руфо — тоже. Она не стала зажигать свет, так что смотреть было не на что, если не считать стремительных лун Барсума.

Я просто попал в том научной фантастики. Оставалось только надеяться, что все обойдется, что автор оставит меня в живых для участия в будущих приключениях. Во всяком случае, до нынешней главы герою, пожалуй, грех было жаловаться. Вон и Дэя Торис* спит в своих шелках в каких-нибудь двадцати футах от меня.

Я всерьез задумался, не подползти ли ко входу в палатку и не шепнуть ли ей о необходимости обсудить несколько вопросов из области метафизической геометрии и смежных наук. А может быть, просто намекнуть, что становится холодно и нельзя ли мне...

Ничего этого я не сделал. Старый верный Руфо свернулся в клубочек с другой стороны палатки, а у него был пренеприятный обычай просыпаться внезапно и притом с кинжалом в руке. И еще он обожал брить покойников. А я, если мне дать выбор, всегда за мир.

Я долго рассматривал стремительные луны Барсума. Пока не заснул.

Глава 6

Пенье птиц лучше звонка будильника и уж совсем не напоминает о Барсуме. Я с удовольствием потянулся, вдыхая запах кофе, и подумал, хватит ли времени, чтобы искупаться до завтрака. День был не хуже вчерашнего: прозрачный, голубой, солнце только что встало, и я чувствовал себя вполне способным уложить до завтрака парочку каких-нибудь драконов.

Тех, что поменьше, разумеется.

Я зевнул и вскочил на ноги. Чудесная палатка Стар исчезла, и черная шкатулка была наполовину уложена — размером она уже не превышала коробку для кабинетного рояля. Стар стояла на коленях перед костром и уговаривала кофе вскипеть побыстрее. В это утро она явно изображала пещерную женщину, одетую в шкуру, весьма красивую, но менее впечатляющую, чем ее собственная кожа. Может, это была шкура с оцелота. А может, от Дюпона[1].

— Привет, Принцесса! А что у нас на завтрак? И где наш повар?

— Завтрак будет позже. А сейчас могу предложить тебе чашечку кофе — очень черного и очень горячего. От него злее будешь. А Руфо уже начал дразнить Игли.— Она налила мне кофе в бумажный стаканчик.

Я выпил полстакана, обжег рот и сплюнул кофе на землю. Кофе существует пяти убывающих по качеству сортов: «Настоящий кофе», «Ява», «Джамук», «Джо» и «Толченый Уголь». Этот кофе был явно не выше четвертого сорта.

И тут я остолбенел, увидев Руфо и его компанию, я бы сказал, очень оживленную компанию. На краю нашей речной террасы кто-то, видно, разгрузил целый Ноев ковчег. Там были все, кто угодно,— от африканского трубкозуба до зебу, причем большинство обладало большими желтыми зубами. Руфо стоял примерно футах в десяти от их передовых пикетов, и как раз против него находился самый крупный и безобразный субъект. В это мгновение стаканчик в моих руках расклеился и горячий кофе обжег мне пальцы.

— Хочешь еще? — спросила Стар.

Я подул на пальцы:

— Нет, спасибо. А это и есть Игли?

— Ну да — тот, что в центре. Тот, которого дразнит Руфо. Остальные-то просто явились поглазеть на забаву, так что о них можешь не беспокоиться.

[1] Модный магазин одежды.

— Но они кажутся мне очень голодными.

— Некоторые из них, особенно крупные, подобно страшилищу Кювье, травоядны*. Вон те львы-переростки сожрут нас, если Игли выиграет дело. Но только в этом случае. Наша главная проблема — Игли.

Я принялся внимательно разглядывать Игли. Он был похож на отпрыска того человека из Данди — здоровущий подбородок и никакого лба. В нем сочетались самые непривлекательные черты великанов и людоедов из «Красной Книги Волшебных Сказаний». С детства терпеть не могу эту книгу.

В общем он был человекообразен, если применять этот термин в расширительном смысле. По росту он превосходил меня на пару футов, а по весу — фунтов на 300—400. Я, пожалуй, имел перед ним преимущество только в благообразности. Волосы на Игли росли пучками, вроде как на заброшенном газоне, и вы сразу же понимали, даже не получив специального извещения, что он в жизни не пользовался дезодорантом, выпускаемым для так называемых мужественных мужчин. Узлы его мышц свивались в клубки, а ногти явно никогда не подстригались.

— Стар,— спросил я,— а что мы не поделили с Игли?

— Ты должен убить его, милорд.

Я снова пригляделся к Игли.

— А нельзя ли нам договориться о мирном сосуществовании? Ну там взаимная инспекция, культурный обмен и так далее?

Она покачала головой:

— Для этого он слишком глуп. Он явился сюда, чтобы перекрыть нам дорогу в долину, и тут кто-то должен умереть — или он, или мы.

Я перевел дух.

— Принцесса, я принял решение. Человек, который повинуется всем законам без исключения, еще более глуп, чем тот который их постоянно нарушает. Пожалуй, не стоит нам беспокоиться о том, нарушим мы или нет местный закон Салливана Мне нужны огнемет, базука, несколько гранат и самая крупнокалиберная винтовка из нашего арсенала. Покажи, где их взять

Она помешала угли.

— Мой герой,— медленно заговорила она.— Я искренне сожалею, но... все не так просто. Ты заметил, что вчера вечером, когда мы курили за столом, Руфо зажигал нам сигареты от свечей? Он не пользовался даже зажигалкой..

— Н-н-н-ет, я этому не придал значения.

— Этот закон против огнестрельного оружия и взрывчатых веществ не из тех законов, которые существуют у вас на Земле. Он иной. Здесь применение таких вещей просто физически невозможно. В противном случае они будут обращены против нас.

— Ты хочешь сказать, что они тут просто не сработают?

— Не сработают. Вернее сказать, на них тут наложено заклятие.

— Стар! Посмотри мне в глаза. Ты, может быть, веришь в заговоры. Я — нет. И готов поставить семь против двух, что автомат Томпсона в них тоже не верит. Я хочу устроить проверку. Помоги мне распаковаться.

В первый раз за все время разговора она показалась мне встревоженной.

— О, милорд! Умоляю тебя — не делай этого.

— Почему?

— Даже попытка может привести к катастрофе. Верь мне, я знаю о бедах, опасностях и законах этого мира больше, чем ты. Верь мне, я не желаю тебе вреда и, более того, вся моя жизнь и благополучие полностью зависят от тебя. Пожалуйста, верь мне.

Невозможно не поверить Стар, когда она говорит всерьез.

— Может, ты и права. Не хватает еще только, чтобы этот тип таскал на боку в качестве личного оружия шестидюймовую мортиру. Ладно, Стар. Тогда у меня есть идея получше. Почему бы нам не вернуться обратно тем же путем и не пожить в тех местах, где мы ловили форель? За пять лет мы создадим там приличную ферму, а через десять, когда о нас разнесется молва, откроем небольшой приличный мотель с бассейном для нудистов и шикарным газоном.

Она даже не улыбнулась.

— Милорд Оскар, назад пути нет.

— Это еще почему? Да я его с закрытыми глазами найду.

— Они и там отыщут нас. Не Игли, а множество подобных ему будет послано, чтобы прогнать нас и истребить.

Я снова вздохнул:

— Что ж, так, значит, так. К тому же говорят, что открывать мотель вдали от шоссе — верный проигрыш. Слушай, в этом арсенале есть хороший боевой топор. Может, мне удастся отрубить Игли ногу прежде, чем он меня заметит.

Она снова покачала головой.

— А теперь в чем дело? Что, я должен драться с ним, привязав к ноге ведро, что ли? Я думал, будто все режущее и рубящее, все, приводимое в действие моими собственными мышцами, вроде бы разрешено?

— Разумеется, милорд, но оно не сработает.

— Это как?!

— Игли нельзя убить. Понимаешь? Он не совсем живой. Он создан, сконструирован, сделан неуязвимым и предназначен только для одной цели. Шпаги, ножи и даже топоры против него бессильны. Они отскакивают. Я видела это своими глазами.

— Ты хочешь сказать, что он робот?

— Нет, если под этим подразумевать провода, шестеренки и печатные схемы. «Голем» — это уже ближе. Игли — имитация жизни.— Стар добавила: — В некотором смысле эта форма жизненной силы лучше обычной, поскольку нет способа — во всяком случае я его не знаю,— чтобы его убить. Но эта жизненная сила и хуже, так как Игли очень глуп и плохо сбалансирован. У него очень высокое мнение о себе и нет здравого смысла. Руфо играет на этом в настоящую минуту, подготавливая его для тебя и стараясь разозлить до такой степени, чтобы он вообще перестал соображать.

— Вот как! Господи! Не забыть бы мне поблагодарить Руфо за это. Большущее ему спасибо. Принцесса, так что же все-таки я должен сделать?

Она всплеснула руками, как будто это само собой разумелось.

— Когда ты будешь готов, я отключу защиту и ты его убьешь.

— Но ты же только что сказала...— Я замолчал. Когда расформировали французский Иностранный легион, то для нас —

романтиков — почти не осталось приятных легких заданий. С этим наверняка легко справился бы Умбопа. И, разумеется, Конан. Или Хок Карей. Да еще Дон Кихот, поскольку этот Игли был ростом почти с ветряную мельницу.— Ладно, Принцесса, давай начинать. А можно мне хотя бы поплевать на ладони? Или тут и это запрещено?

Она улыбнулась, но ямочки на щеках не появились, и ответила очень серьезно:

— Милорд Оскар, мы все поплюем на ладони. Руфо и я будем сражаться с тобой бок о бок. Мы или победим... или умрем.

Мы пошли и присоединились к Руфо. Тот показывал Игли ослиные уши и вопил:

— А кто твой родитель, Игли?! Мать твоя — мусорная корзина, а вот кто твой отец? Нет, вы только гляньте на него! У него пупка нет! А-а-а!

Игли ответствовал:

— А твоя мать лает на прохожих, а у сестры — желтый билет! — Однако отвечал он, как мне показалось, без особого энтузиазма. Было очевидно, что замечание насчет пупка попало в цель — пупка у него действительно не было. Что, вообще-то, для такой образины вполне естественно.

Все сказанное выше передает реплики с обеих сторон далеко не точно, за исключением разве что ремарки о пупке. Мне бы очень хотелось привести весь разговор в оригинале, так как в невианском языке оскорбления — высокое искусство, по меньшей мере равное поэзии. Фактически вершиной литературного мастерства является обращение к врагу (публичное), облеченное в труднейшую поэтическую форму, например в виде секстины, где каждое слово источает жгучий яд.

Руфо издевательски закудахтал:

— Сделай себе пупок, Игли. Ткни пальцем в брюхо, вот тебе и пупок! Тебя выкинули под дождь, и ты сбежал. Тебя же просто не успели доделать, Игли! Ты зовешь эту хреновину носом?

Руфо продолжал в сторону на английском:

— Каким ты хочешь его получить, босс? Зажаренным или чуть сыроватым?

— Позабавься с ним еще немножко, пока я подумаю. По-английски он не понимает?

— Ни крошки!

— Ладно. Как близко я могу к нему подойти, чтобы он меня не сграбастал?

— Как угодно близко, пока работает защита. Но, босс, послушайте, мне не следует давать вам советы, однако, когда мы ввяжемся в драку, не давайте ему хватать себя за мягкие места.

— Постараюсь.

— Будьте осторожны.— Руфо отвернулся от меня и заорал: — А-а-а! Игли ковыряет в носу и жрет козявок! — И мне: — Она отличный доктор, одна из лучших, но тем не менее будьте осторожны.

— Хорошо.— Я остановился совсем рядом с невидимым барьером и стал присматриваться к Игли. Он окинул меня злобным взглядом и свирепо зарычал, а я в ответ показал ему нос и обложил его на сочном крепком жаргоне Бронкса[1]. Ветер дул в мою сторону, и было ясно, что Игли ни разу не мылся за последние 30—40 лет. От него воняло хуже, чем от туалета в тюряге.

Это подало мне мысль:

— Стар, а этот херувимчик умеет плавать?

— Честно говоря, не знаю,— удивилась она.

— Может быть, его на это не запрограммировали? А ты хорошо плаваешь, Руфо?

Руфо даже обиделся:

— А вы испытайте меня, попробуйте! Я и рыбу могу поучить, как надо плавать. Эй, Игли! Расскажи нам, почему это с тобой даже свиньи не хотят целоваться!

Стар плавала, как тюлень, мой стиль несколько напоминал движения парома, но держаться на воде я мог.

— Стар, эту штуковину убить нельзя, но ведь он дышит! Стало быть, у него кислородный обмен, даже если он работает на керосине. Ежели нам удастся сунуть его голову под воду на достаточно долгое время, гарантирую, огонь погаснет.

[1] Район Нью-Йорка; манера речи, свойственная его обитателям, вошла в поговорку.

Ее глаза стали большими-большими.

— Милорд Оскар... мой рыцарь... я не ошиблась в тебе...

— Только предупреждаю, это будет еще та работенка. Руфо, ты играешь в водное поло?

— Я сам его изобрел!

— Надеюсь, что это так и есть.— Я тоже играл в поло. Один раз. Как и спуск по перилам крутой лестницы, это испытание довольно любопытное, но одного раза вполне достаточно на всю жизнь.— Руфо, ты можешь заманить нашего общего друга к самому обрыву? Я так понимаю, что линия защиты совпадает с линией, по которой расположилась его свита в мехах и перьях? Если это так, то мы можем заманить Игли до бугра над обрывом, который прямо нависает над глубоким омутом — тем самым, где ты, Стар, пыталась меня вчера утопить.

— Это легко,— отозвался Руфо.— Мы побежим, а он последует за нами.

— Я бы хотел, чтобы он бежал как можно быстрее. Стар, сколько времени надо, чтобы снять защиту?

— Я могу сделать это мгновенно.

— О'кей! Тогда вот наш план. Руфо, я хочу, чтобы ты заставил Игли гнаться за тобой, причем на максимальной скорости. Потом свернешь в сторону и помчишься к тому бугру, вернее, к той его точке, которая ближе всего подходит к реке. Стар, когда Руфо это проделает, снимай барьер, снимай сразу, не дожидаясь моей команды. Руфо, ты прыгнешь в воду и поплывешь изо всех сил, не давая Игли схватить тебя. Если нам повезет, если Игли будет бежать достаточно быстро, то такая огромная и тяжелая скотина обязательно рухнет вниз, независимо от того, хочет он этого или нет. Я же побегу рядом, чуть-чуть отставая от него. Если Игли попробует затормозить, я подставлю ему подножку и сшибу в воду. А там уж мы все сыграем в водное поло.

— Я водного поло даже не видела,— засомневалась Стар.

— Неважно, судьи тут не будет. Все дело в том, чтобы втроем навалиться на Игли, погрузить его голову под воду и держать ее там как можно дольше, одновременно пресекая попытки Игли сунуть туда же наши головы. Поскольку он огромен и тя-

жел, а мы, предположительно, плаваем лучше, Игли окажется в затруднительном положении, мы же будем держать его, пока он полностью не выдохнется. Главное — не давать ему дышать. А потом уж, для полной уверенности, привяжем к нему камни и пустим на дно — живого ли, мертвого ли. Вопросы есть?

Руфо ухмыльнулся, как химера:

— Вот будет забава так забава!

Оба эти пессимиста, видимо, пришли к выводу, что дело пойдет, а поэтому пришлось начинать. Руфо проорал такую оскорбительную ложь насчет личных привычек Игли, что даже «Олимпия Пресс» сочла бы нужным подвергнуть такое сообщение цензуре*, а затем предложил Игли догнать его — Руфо, выдвинув в качестве премии за победу нечто чудовищно неприличное.

Игли потребовалось немалое время, чтобы привести свою тушу в движение, но когда привел, то задвигался быстрее Руфо и далеко за собой оставил свою свиту из взвинченных до предела птиц и животных. Я бегаю хорошо, но мне с трудом удалось занять нужную позицию сбоку и чуть позади великана. Я надеялся, что Стар не снимет защиту, если поймет, что на суше Игли может догнать Руфо.

Однако Стар сняла барьер в ту же секунду, когда Руфо добежал до условленной линии, и он, достигнув берега, сделал великолепнейший прыжок в воду, ни на йоту не замедлив бега, как и планировалось.

Все остальное пошло наперекосяк.

Думаю, Игли был слишком глуп, чтобы сразу же оценить исчезновение барьера. Он продолжал еще несколько мгновений бежать в прежнем направлении, уже после того, как Руфо круто свернул к берегу, а когда сам сделал левый поворот, оказалось, что скорость потеряна и никаких препятствий для торможения не существует.

Я кинулся на него, схватил его за ноги запрещенным приемом, так что Игли рухнул, но... не в воду. А у меня обе руки оказались заполненными сопротивляющимся и весьма вонючим големом.

Тут мне на помощь пришла свирепая, как дикая кошка, Стар, а затем подоспел и промокший до нитки Руфо.

Позиция создалась почти тупиковая, стало ясно, что если битва затянется, мы ее проиграем. Игли по весу превосходил нас всех троих вместе взятых, он, казалось, состоял из одних мышц, дурного запаха, когтей и зубов. Мы обогатились синяками, ссадинами и ранами, тогда как Игли не понес никакого видимого ущерба. О, конечно, он вопил, как телевизионная фонограмма в фильме ужасов, когда кто-нибудь из нас начинал рвать ему ухо или ломать палец, но все это мелочи по сравнению с теми потерями, которые он наносил нам. И не было никаких шансов спихнуть эту тушу в воду.

Я начал сражение с захвата колен Игли и продолжал долгое время цепляться за его ноги, тогда как Стар пыталась, повиснув на одной из его рук, согнуть ее и опустить вниз, а Руфо старался проделать то же самое с другой рукой. Но ситуация менялась — Игли извивался, как гремучая змея с перебитым хребтом, и непрерывно выдирал то одну руку, то другую, надеясь или раздавить нас, или загрызть.

Мы оказывались в самых невозможных позициях, я, например, обнаружил себя вцепившимся в одну из Иглиных мозолистых ступней и пытающимся выдернуть ее из сустава, притом глаза мои смотрели прямо в открытую пасть Игли, широкую, как медвежий капкан, но значительно менее привлекательную. Зубы его явно нуждались в чистке.

И тогда я сунул большой палец Иглиной ноги прямо в эту пасть.

Игли завизжал, а я продолжал засовывать эту ногу ему в глотку так, что там вскоре не осталось места для визга. Я пихал ее все глубже. Когда Игли проглотил свою левую ногу до колена, он вырвал свою правую руку из хватки Стар и попробовал вытащить ею проглоченную ногу, но тут я ухватил его запястье.

— Помоги мне! — крикнул я Стар.— Запихивай!

Она поняла и принялась вместе со мной заламывать ему руку. Рука ушла в глотку по локоть, а нога — по бедро. В этот момент к нам присоединился Руфо, который согнул левую руку Игли и тоже засунул ее в широкую пасть великана. Теперь Игли уже не мог бороться так отчаянно, как раньше, а потому отправить туда же большой палец правой ноги было уже делом

чистой техники: Руфо оттягивал вверх его волосатые ноздри, я давил коленом на подбородок, Стар засовывала ногу.

Мы продолжали скармливать его самому себе по дюйму в минуту, ни на мгновение не ослабляя усилий. Игли все еще извивался и пытался освободиться, но мы продолжали его упихивать так, что вскоре и бедра, и вонючие подмышки были уже близки к исчезновению.

Это было похоже на то, как катают снежный ком, только наоборот: чем больше катали его, тем меньше он становился, тем сильнее растягивалась его пасть — самое жуткое из виденных мной зрелищ. Вскоре Игли уменьшился до размеров медицинского мяча, потом до футбольного, бейсбольного, а я все катал его между ладонями, все уплотнял... мяч для гольфа... горошина... наконец ничего, кроме жирной грязи на пальцах.

Руфо глубоко втянул воздух:

— Думаю, это научит его не брать в рот ноги в присутствии старших. Кто будет завтракать?

— Сначала хотелось бы помыть руки,— отозвался я.

Мы искупались, потратив уйму мыла, потом Стар занялась нашими ранами, а Руфо — ее, под ее же руководством. Руфо был прав, Стар — первоклассный доктор. Мази, которыми она пользовалась, не жгли, разрезы мгновенно стягивались, повязки не нуждались в смене и отпадали сами, когда в них исчезала надобность, а шрамы проходили бесследно.

У Руфо был сильный укус — Игли вырвал у него из левой ягодицы кусок мяса на сорокацентовый гамбургер, но когда Стар с этим покончила, Руфо уже мог сидеть, и укус его нисколько не тревожил.

Руфо попотчевал нас золотистыми блинчиками и жирными немецкими сардельками, а также несколькими галлонами настоящего кофе. Уже миновал полдень, когда Стар снова отключила защиту и мы начали свой спуск с плато.

Глава 7

Обрыв плато к долине Невии, если считать от начала Большого Водопада, составлял не менее тысячи футов и был очень

крут. Уступ нависает над долиной, и ты спускаешься на веревке, медленно вращаясь вместе с ней, подобно пауку на паутинке. Никому не советую проводить такой эксперимент — голова кружится, и я чуть было не потерял только что съеденные удивительно вкусные блинчики.

Вид сверху такой, что теряешь дар речи. Сбоку виден водопад, свободно низвергающийся с уступа, так что вода даже не смачивает каменную стену, а отвесно летит в пропасть, разбиваясь внизу на мириады брызг, взлетающих ввысь облаком водяной пыли. Если же оторвать взгляд от суровой каменной стены, то перед тобой открывается широкая долина, такая пышная, зеленая и прекрасная, что глазам собственным не веришь; болота и леса у подножия обрыва, обработанные поля за ними, а еще дальше — затянутые дымкой предгорья и четкие абрисы вершин могучей стены снежных гор.

Стар нарисовала мне план долины.

— Сначала нам придется пробиваться через болота. Потом будет легче, там опасность представляют только кровожадные коршуны. Затем мы выйдем на кирпичную дорогу, очень хорошую.

— Дорога вымощена желтым кирпичом?

— Да. Он из глины, которую добывают поблизости. А в чем дело?

— Ни в чем. Просто хочу, чтобы ты была более точной. А потом?

— Потом мы остановимся на ночевку в одной семье, у местного деревенского сквайра. Хорошие люди, тебе понравятся.

— А потом путешествие станет особенно опасным,— вмешался Руфо.

— Руфо, да перестань ты накликивать беду!— рассердилась Стар.— Будь добр, воздержись от своих комментариев, разреши уж Оскару самому разбираться с проблемами по мере их возникновения. Разве тебе известен кто-нибудь еще, кто бы мог так расправиться с Игли?

— Ну раз вы так ставите вопрос, то... нет, неизвестен.

— Да, я ставлю его именно так. Сегодня мы будем спать в роскошных условиях. Разве этого мало? Ты будешь наслаждаться этим, как и все...

— Вы тоже.

— А когда я отказывалась от радостей жизни? Придержи язык. Теперь вот что, Оскар. У подножия скалы нас ждут Рогатые Призраки — обойти их нельзя, они увидят нас, когда мы будем спускаться. Если нам очень повезет, то мы избежим встречи со Сворой Холодных Вод, и она не вылезет из своего тумана. А если не повезет и мы столкнемся с ними обоими, то возможен еще один неплохой вариант — они накинутся друг на друга, и мы проскользнем незамеченными. Тропа через болота хитрая, и будет лучше, если ты ее хорошенько заучишь по этому чертежу. Твердая земля встречается только там, где растут желтые цветочки, в остальных местах, даже если они кажутся сухими, скрываются «окна». Как ты сам увидишь, даже если удастся тщательно придерживаться этих безопасных примет, нам встретится множество боковых тропок и тупичков, по которым можно плутать целый день, но если нас застанет там темнота — мы пропали и уже никогда не выберемся.

А как хотелось бы, чтобы Рогатые Призраки оказались действительно призраками! Но это вполне реальные двуногие скоты, всеядные, пожирающие все, включая друг друга, но прямотаки обожающие путешественников. От брюха и выше, как мне сказали, они очень похожи на Минотавра, а ниже — на козлоногих сатиров. Верхние конечности — короткие руки, но кисть у них ненастоящая — нет больших пальцев. Зато рога! Рога у них, как у техасских лонгхорнов[1], только растут вверх и вперед.

Есть только один способ перевести Рогатого Призрака в настоящего — это такое мягкое местечко на черепе между рогами, вроде «родничка» у ребенка. Поскольку эти деятели опускают голову вниз, намереваясь вас проколоть насквозь, то до уязвимого места добраться сравнительно легко. Все, что требуется,— твердо стоять на земле, не трусить, целиться в эту точку и попадать в нее.

Так что задача моя была проста — спуститься первым, убить побольше этих скотов, чтобы у Стар оказалась безопасная

[1] Техасская порода крупного рогатого скота. Отличается необыкновенно длинными рогами.

площадка для приземления, а потом защищать ее до тех пор, пока не спустится Руфо. После этого нам предстояло пробить себе дорогу к лесу... Если, конечно, к нашему празднику не подоспеет Свора Холодных Вод...

Я попытался усесться в петле троса поудобнее — у меня затекла левая нога — и глянул вниз. Сотней футов ниже уже собралась вся комиссия по встрече. Сверху она выглядела, как грядка спаржи. Или как рота с примкнутыми штыками.

Я дал сигнал остановить спуск. Далеко вверху Руфо придерживал трос. Я висел, потихоньку вращаясь и пытаясь найти наилучший выход из ситуации. Если я опущусь прямо в эту толкучку, то успею уложить одного-двух, прежде чем они проткнут меня. А может, и не успею. Точно одно — я буду мертв задолго до того, как мои друзья спустятся вниз.

С другой стороны, кроме указанного выше уязвимого места между рогами у этих обормотов имеется еще мягкое подбрюшье, как будто специально созданное для стрел. Если Руфо опустит меня еще немного...

Я просигналил наверх. Спуск шел медленно, но рывками, и Руфо чуть не пропустил мой сигнал о новой приостановке спуска. Пришлось подобрать ноги — некоторые из этих ребятишек скакали и подпрыгивали прямо передо мной, пихая друг друга в попытке подцепить меня рогами. Один из них — видно, местный Нижинский* — умудрился пропороть кожу на моем левом мокасине, так что я покрылся гусиными пупырышками чуть ли не до подбородка.

При наличии такого здорового стимула я подтянулся на руках по тросу и встал ногами на петлю, чтобы зря не рисковать своей мягкой частью. Я стоял в этой петле, попеременно поднимая то правую, то левую ногу, пытаясь снять с плеча лук и натянуть тетиву. Вся эта операция сделала бы честь любому акробату, но сомневаюсь, чтобы ему удалось сгибать лук и пускать стрелы, стоя в петле на конце тысячефутового троса и держась за него одной рукой!

Наверняка он бы растерял свои стрелы. Я потерял три и чуть не потерял себя самого.

Тогда я попытался пристегнуться к тросу с помощью своего пояса. Это привело к тому, что я повис вниз головой, что обошлось мне еще в несколько стрел и мою робингудовскую шляпу. У моей аудитории это вызвало взрыв восторга, она зааплодировала (если, конечно, это были аплодисменты), требуя повторения. Я попробовал передвинуть пояс с живота на грудь, что позволило бы мне удерживать стоячую позицию, и в процессе этой попытки потерял еще одну-две стрелы.

И чуть не потерял шпагу.

До сих пор главным результатом моей деятельности было привлечение новых зрителей («Мама, посмотри на этого смешного человечка») и то, что я начал раскачиваться взад и вперед, словно маятник.

Хотя последнее обстоятельство было весьма малоприятно, оно все же подало мне одну идейку. Я стал увеличивать амплитуду колебания, как это делают на качелях. Дело шло медленно, так как период качания маятника, где я играл роль гири, был около минуты, а с этим приходится считаться — тормозить маятник нельзя, можно только следовать его качаниям. Я очень надеялся, что мои друзья догадаются о моем замысле и не испортят его.

Прошло довольно много времени, прежде чем я добился качания по пологой дуге, длиной футов в сто, над самыми головами своей аудитории, совпадавшей с самой низкой точкой дуги. К противоположным концам дуги движение замедлялось до полной остановки в конечной точке. Сначала эти рогачи бегали за мной, повторяя движение маятника, но потом, видимо, устали, сбились в месте наибольшего сближения дуги с землей и стали ждать, двигая только головами, как зрители при просмотре замедленной съемки теннисного матча.

Однако всегда находится какой-нибудь идиот — любитель новаций. Я сначала рассчитывал, что спрыгну с троса в конце дуги почти у самой скалы и сразу займу позицию спиной к стене. Там было что-то вроде холмика или осыпи, так что падать было невысоко. Однако один из этих рогатых кошмаров догадался о моем намерении и затопал к тому концу дуги. За ним еще двое-трое.

Это меняло все. Значит, прыгать придется на противоположном отрезке дуги. Но юный Архимед и это сообразил. Он оставил своих дружков у стены, а сам поскакал за мной. Я опередил его на самой низкой точке дуги, но он догнал меня задолго до того, как я достиг мертвой точки в конце. Ему предстояло пробежать футов сто за тридцать секунд, что можно было сделать и шагом. В общем, он оказался подо мной как раз тогда, когда я готовился прыгать.

Передумывать было поздно. Я освободил ноги, повис на одной руке, выхватил шпагу еще на отрезке замедления движения и спрыгнул. Я надеялся хотя бы плюнуть в его уязвимое темечко до того, как ноги коснутся земли.

Все получилось не так — я промахнулся, он тоже, мы столкнулись, он полетел вверх тормашками, я последовал его примеру, быстро вскочил на ноги и помчался к ближайшей скале, ткнув по дороге этого новоявленного стратегического гения своей шпагой прямо в брюхо.

Этот, возможно, не очень спортивный удар спас меня. Друзья и родственники усопшего притормозили, дабы принять участие в склоке на предмет того, кому достанутся самые вкусные ребрышки, и только после этого всей массой кинулись на меня.

Это дало мне время вскочить на кучу осыпавшихся с утеса камней, где можно было прекрасно сыграть в «Короля в замке», бросил шпагу в ножны и приготовил стрелу.

Я не стал ждать, пока они набросятся на меня. Просто выждал, когда они окажутся на нужном расстоянии, чтобы не промахнуться, прицелился под дых самому крупному самцу, бежавшему впереди, и пустил стрелу со всей силы моего мощного лука.

Стрела пронзила его насквозь и попала в следующего, что бежал позади.

Это привело к новой свалке из-за отбивных котлет. Они сожрали все — от зубов до кончиков ногтей. В этом и заключалась слабина Призраков — аппетита много, ума — мало. Если бы они объединились, они бы схватили меня в то самое мгновение, когда я коснулся земли. Они же предпочли завтрак.

Я взглянул вверх. Высоко надо мной Стар казалась крошечным паучком, висящим на паутинке, но она быстро увеличи-

валась в размерах. Я боком, как краб, скользнул вдоль утеса, пока не оказался в сорока футах от места ее вероятного приземления.

Когда Стар приблизилась футов на пятьдесят к поверхности, она дала сигнал Руфо прекратить травить трос, вытащила свою шпагу и салютовала мне: «Великолепно, мой герой!» Мы теперь все носили шпаги. Стар выбрала себе дуэльное оружие с широким клинком, вообще-то великоватое для женщины, но Стар — крупная девушка. Кроме того, она положила в сумочку, висевшую на поясе, кое-какие медицинские препараты и принадлежности. Это обстоятельство могло бы послужить для меня предупреждением о грядущих опасностях, но я ее — эту сумочку — вовремя не заметил.

Я выхватил шпагу и ответил на ее салют. Призраки пока не беспокоили меня, хотя некоторые — те, что кончили завтракать или были оттеснены от стола,— шлялись поблизости и поглядывали на меня с интересом. Тогда я вложил шпагу в ножны и приготовил новую стрелу.

— Начинай раскачиваться, Стар. Прямо в моем направлении. Скажи Руфо, чтобы он еще немного спустил тебя.

Она спрятала шпагу и просигналила Руфо. Он медленно опустил ее на высоту девяти футов от земли, где она снова просигналила остановку.

— Теперь раскачивайся! — крикнул я. Кровожадные туземцы совсем забыли обо мне и внимательно следили за Стар — во всяком случае те, кто не был занят обедом из кузена Эбби или дядюшки Джона.

— Порядок! Но у меня есть швартовый тросик. Поймаешь?

— Ох ты моя умница! — Видно, она наблюдала за моими маневрами и поняла, что требуется.— Подожди-ка минуту. Тут необходима какая-то диверсия! — Я покопался в колчане, висевшем за плечом, и пересчитал стрелы. Семь! А начинал я с двадцатью, с толком истратил только одну, остальные потерялись, выпали. Теперь я послал три стрелы почти одновременно — направо, налево и в центр, выбирая цели почти на пределе меткости, целясь в середину туловища и веря в то, что мой удивительный лук направит стрелы точно и мощно. Как и ожидалось,

толпа набросилась на свежее мясо, как налогоплательщики на государственное пособие.— Давай!!!

Через десять секунд я уже держал ее в своих объятиях, принимая быстрые поцелуи, как плату за проезд.

А еще через десять минут до нас добрался Руфо, который использовал ту же тактику, что обошлось мне еще в три стрелы, а Стар — в две, только меньших по размеру. Руфо спускался без помощи, стоя в петле, а свободный конец троса был обвязан вокруг его туловища. Он тут же начал собирать канат в бухту.

— Брось! — резко сказала Стар.— У нас нет времени, а трос слишком тяжел, чтобы тащить его с собой.

— Я спрячу его в рюкзак!

— Нет!

— Это хороший трос,— настаивал Руфо.— Он нам еще пригодится.

— Тебе пригодится саван, если мы до темноты не выберемся отсюда.

Стар повернула голову ко мне:

— Когда двинемся в поход, милорд?

Я огляделся. Перед нами и слева от нас все еще шаталось несколько этих клоунов, явно опасавшихся подойти поближе. Справа и над нами — гигантское облако, образовавшееся у подножия водопада, отражалось в небе яркими радугами. Прямо перед нами — примерно в трех сотнях ярдов — стояла группа деревьев, между которыми лежал проход к болотам, начинавшимся дальше.

Мы двинулись вниз по склону, держась тесным клином: я на его острие, Руфо и Стар по флангам, все держа в руках взведенные луки. Я приказал им браться за шпаги, если какой-нибудь Рогатый Призрак приблизится на расстояние пятидесяти футов. Ни один, однако, не подошел. Какой-то идиот сунулся было к нам, но Руфо положил его стрелой на вдвое большей дистанции. Когда мы подошли к рощице, Руфо вытащил кинжал.

— Брось! — прикрикнула Стар. Она явно нервничала.

— А я хочу забрать самородки и подарить их Оскару!

— И чтобы мы погибли? Если Оскару нужны самородки, он их получит.

— Какие еще самородки? — спросил я, не останавливаясь.

— Золотые, босс. У этих мерзавцев желудки устроены, как у кур. Только вместо песка они заглатывают золото. У старых экземпляров набирается в желудке фунтов по тридцать-сорок.

Я присвистнул.

— Тут полно золота,— сказала Стар.— У подножия водопада его целые груды — там, в этом облаке,— намытого за бесчисленные годы. Из-за него и идет война между Призраками и Сворой Холодных Вод, ибо Призраков гонит за золотом это странное пристрастие, и они иногда рискуют залезать в облако, чтобы удовлетворить свой аппетит.

— Я пока не видел никого из Своры Холодных Вод,— заметил я.

— Ну и благодарите бога за это,— ответил мне Руфо.

— Тем больше причин углубиться в болота,— добавила Стар.— Свора туда не ходит, даже Призраки избегают забираться далеко. Невзирая на свои копыта, они попадают в «окна» и тонут.

— А сами болота опасны?

— Еще бы! — ответил Руфо.— Главное — держаться желтых цветов.

— Ты сам смотри, куда ставить ногу! Если карта верна, я вас не потеряю. А как выглядят члены Своры Холодных Вод?

— Тебе когда-нибудь приходилось видеть человека, утонувшего неделю назад?

Я предпочел переменить тему.

Прежде чем углубиться в болота, я приказал закинуть луки за спину и обнажить клинки. И именно под защитой деревьев они на нас и напали. Я имею в виду Призраков, а не Свору. Засада была устроена со всех сторон, и я не знаю, сколько Призраков приняло в ней участие. Руфо убил четырех или пятерых, Стар — по меньшей мере двух, а я прыгал взад и вперед, стараясь выглядеть очень занятым, а главное — остаться живым.

В общем, чтобы идти дальше, нам пришлось перебираться через гору трупов, так что сосчитать их было невозможно.

Мы уходили в болота, следуя путеводным золотистым цветам и зигзагам и поворотам тропок, запечатленным в моей памяти. Примерно через полчаса мы вышли на лужайку

размером с двойной гараж. Стар проговорила еле слышным голосом:

— Пожалуй, отошли достаточно.— Она держалась рукой за бок, но до этого категорически отказывалась остановиться несмотря на то, что кровь пропитала ее накидку и текла по левому бедру.

Теперь она позволила Руфо заняться раной, а я в это время сторожил проход на лужайку. Честно говоря, я радовался, что моя помощь не требуется, так как, когда мы сняли со Стар куртку, мне стало дурно при виде большой колотой раны, хотя сама она не издала даже стона. Это золотое тело — ранено! Как странствующий рыцарь, я оказался круглым болваном.

Стар, однако, после того как Руфо выполнил ее указания, стала опять весела как птичка. Она занялась Руфо, потом мной, у каждого было до полудюжины ранений, но по сравнению с ее раной — это всего лишь царапины.

После того как Стар заштопала меня, она спросила:

— Милорд Оскар, сколько времени нам нужно, чтобы выйти из болот?

Я прикинул в уме.

— Дорога дальше будет еще хуже?

— Нет, чуть получше.

— Тогда не больше часа.

— Отлично. Нет смысла надевать эти грязные тряпки. Руфо, распакуй багаж, достань чистую одежду и побольше стрел. Оскар, они нам пригодятся против кровожадных стервятников, как только мы выберемся из леса.

Маленькая черная шкатулка заняла чуть ли не всю лужайку, прежде чем развернулась настолько, чтобы из нее можно было достать одежду и пополнение нашего арсенала. Чистая одежда и полный колчан помогли мне ощутить себя новым человеком, особенно после того, как Руфо выудил пол-литра коньяку и мы распили его прямо из горла на троих. Стар пополнила свою аптечку, после чего я помог Руфо уложить вещи.

Вероятно, Руфо немного ослабел от коньяка и голода, а может, и от потери крови. А может, причина лежала в невезении:

он не заметил полоску скользкой грязи. В эту минуту он как раз держал в руках свою шкатулку и собирался сложить ее в последний раз, то есть довести до размера рюкзака, и тут он поскользнулся, попытался было восстановить равновесие, но шкатулка вылетела у него из рук прямо в шоколадную жижу.

Упала она довольно далеко от нас. Я закричал:

— Руфо, снимай ремень! — И начал расстегивать свой.

— Нет! Нет! — вопил Руфо.— Назад! Немедленно уходите!

Уголок шкатулки еще торчал из «окна». С помощью веревки, уверен, я вытащил бы его, даже если «окно» было бездонным. Так я и сказал. Весьма раздраженно.

— Нет, Оскар,— сказала с тревогой Стар,— Руфо прав. Надо уходить.

И мы пошли: я впереди, Стар — дыша мне в затылок, Руфо — наступая ей на пятки.

Мы отошли примерно на сотню ярдов, когда позади нас поднялся грязевой вулкан. Звук был приглушен — такой басовый низкий гул, плюс маленькое землетрясение и грязевой дождь. Стар остановилась.

— Что ж, так — значит, так,— обращаясь ко мне, сказала она.

— Там осталась вся наша выпивка! — жалобно простонал Руфо.

— Ах, какие пустяки! — воскликнула Стар.— Спиртное можно найти где угодно. А у меня там были новые платья, такие красивые, Оскар! Я так мечтала их тебе показать! Я и купила-то их ради тебя!

Я не ответил. Я думал об огнемете, об «М-1» и ящиках амуниции. И о выпивке, разумеется.

— Ты слышал, что я сказала, милорд? — настаивала Стар.— Я хотела носить их только ради тебя.

— Принцесса! — ответил я.— Самый лучший твой наряд всегда с тобой.— Я услышал радостное хихиканье, всегда предшествующее появлению ямочек.

— Уверена, что ты это уже говорил другим и неоднократно. И всегда, надо думать, с успехом.

Мы выбрались из болот задолго до наступления темноты. Вскоре мы уже шагали по великолепной кирпичной дороге.

Кровожадные коршуны-стервятники оказались не очень опасными. Это такие свирепые зверюги, что если пустить стрелу им наперерез, то коршун делает кульбит и пытается схватить стрелу, получая ее прямо в брюхо. Таким образом мы вернули обратно почти все свои стрелы.

Вскоре мы очутились среди плодородных полей, и стервятников стало куда меньше. Уже на закате мы увидели огоньки и хозяйственные постройки усадьбы, в которой Стар решила переночевать.

Глава 8

Милорд Дораль'т Гьюк Дорали должен был бы родиться техасцем. Я не хочу сказать, что Дораля можно было принять за уроженца Техаса, но характер у него такой же, знаете, типа — «ты-платишь-за-завтрак-а-я-уж-уплачу-за-кадиллак».

Дом Дораля был величиной с цирк-шапито и богат, как стол в День Благодарения,— пышная роскошная резьба и инкрустации из драгоценных камней. И тем не менее дом имел слегка неряшливый и нежилой вид, и если вы плохо смотрели под ноги, то легко могли наступить на детскую игрушку, забытую на ступеньке, просчитать собственной спиной все ступеньки лестницы и приземлиться со сломанной ключицей. Повсюду под ногами путались собаки и дети, самые юные из которых еще не привыкли «проситься на горшок». Дораля это не беспокоило. Дораля вообще ничего не беспокоило — Дораль наслаждался жизнью.

По его полям и лугам мы шли долгие мили (почва богатая, как в Айове, а зим тут вообще не бывает. Стар говорила, что они собирают по четыре урожая в год), но поскольку уже вечерело, то видели мы только отдельных батраков, если не считать повозки, которую встретили, выйдя на дорогу. Мне показалось, что ее везет упряжка из двух пар лошадей. Как выяснилось, я ошибся, упряжка состояла только из одной пары, а животные эти вовсе не лошади — у каждой было по восемь ног.

Таково все в долине Невии — обыденность сочетается с дикой экзотикой. Люди тут обыкновенные, собаки — тоже, а лошади — вовсе не лошади. Подобно Алисе, никак не справлявшейся со своим фламинго, я все время натыкался на какой-то новый фокус, когда казалось, что экзотика уже исчерпана до конца.

Человек, управлявший упряжкой этих восьминожек, посмотрел на нас с удивлением, но не потому, что мы были как-то странно одеты — он был одет так же, как я. Он просто уставился на Стар, но кто бы на его месте поступил иначе? Люди, работавшие на полях, одевались во что-то вроде лава-лава. Этот наряд состоит из куска материи, обернутого вокруг бедер, и служит здесь эквивалентом наших комбинезонов и джинсов как у мужчин, так и у женщин. А то, что носили мы,— эквивалент серых фланелевых костюмов или женских выходных платьев. Что же касается вечерних туалетов — то это вопрос особый.

Едва мы вошли на территорию усадьбы, как нас встретила волна собак и детей, впереди которых мчался какой-то малыш, а когда мы подошли к большой террасе главного дома, из широко открытой парадной двери вышел сам милорд Дораль. Он был одет во что-то вроде короткого саронга[1], бос и без шляпы. Густая шевелюра кое-где была испещрена сединой, имелась еще импозантная борода, и вообще он очень походил на генерала Гранта[2].

Стар помахала рукой и крикнула:

— Джоко! Эй, Джоко! (Имя милорда было Гьюк, но мне послышалось «Джоко», так пусть он и остается Джоко.)

Дораль уставился на нас в изумлении, потом пошел вперед как танк.

— Эттибу! Да будут благословенны твои голубенькие глазки! Да будет благословен твой пышный маленький задик! Почему ты меня не известила заранее! (Мой перевод очень бледен — невианские идиомы не соответствуют нашим. Попробуйте-ка перевести некоторые французские идиомы на английский, и

[1] Национальная одежда в Индонезии и Малайзии.

[2] *Генерал Грант* — президент США в 1869–1877 гг.

вы поймете, что я имею в виду. Дораль вовсе не был вульгарен наоборот, он был официален и в высшей степени вежлив по отношению к своему старому высокочтимому другу.)

Он сграбастал Стар в объятия так, что ее ножки оторвались от земли, расцеловал в обе щеки и в губы, нежно укусил за ушко, затем опустил на землю, продолжая обнимать одной рукой.

— Игры и праздники! Три месяца каникул! Скачки и состязания в силе ежедневно! Оргии каждую ночь! Призы для сильнейших, красивейших и остроумнейших!

— Милорд Дораль!..— остановила его Стар.

— А? А самый главный приз из призов — за первого ребенка, который родится...

— Джоко, дорогой! Я нежно тебя люблю, но завтра мы уезжаем. Все, что нам нужно,— это какая-нибудь косточка на ужин и уголок для ночлега.

— Чушь! Ты не можешь так со мной поступить!

— Но ты же понимаешь, что я должна.

— Да будь она проклята, эта политика! Я умру у твоих ножек, мой сладчайший пирожочек! Сердце бедного старого Джоко перестанет биться! Вот оно — я чувствую приближение смертельного приступа! — Он пощупал грудь.— Вот где-то тут!

Стар потыкала его пальцем в живот.

— Ах ты, старый плут! Ты умрешь так же, как жил, а не от разрыва сердца. Милорд Дораль...

— Да, миледи?

— Я привела к тебе Героя.

Дораль удивленно поморгал.

— Уж не о Руфо ли ты говоришь? Здорово, Руфо, старый хорек! Как насчет новеньких анекдотов? Иди-ка на кухню и выбери чего хочешь по вкусу.

— Благодарю вас, милорд Дораль.— Руфо шаркнул ножкой, низко поклонился и вышел.

— Милорд Дораль, с вашего разрешения! — настойчиво теребила его Стар.

— Внимаю.

Она освободилась из его объятий, вытянулась, как стрелка, и начала декламировать:

К Смеющимся Пляшущим Водам
Пришел героический рыцарь.
Оскар был могуч и прекрасен,
И был хитроумен к тому же.
Он Игли поймал на приманку,
Запутал его в парадоксах,
В пасть Игли он Игли засунул,
Скормил ему руки и ноги.
Не знали Поющие Воды...

Это продолжалось довольно долго — не то чтобы чистое вранье, но и не то чтобы чистая правда — все было расцвечено, как в сообщении пресс-агентства. Например, Стар упомянула, что я убил двадцать семь Рогатых Призраков, причем одного — голыми руками. Я такого количества вообще не помню, а что касается «голых рук», так это чистая случайность. Я только что заколол одного из Призраков, как вдруг еще один рухнул мне прямо под ноги — его толкнули сзади. У меня не было времени вытащить застрявшую шпагу, поэтому я поставил одну ногу на один рог и со всей силы рванул к себе другой, так что череп развалился на две части, подобно грудной дужке у курицы. Но я это сделал от отчаянья, а не по расчету.

Стар провела даже кое-какие экскурсы в героическое прошлое моего родителя, добавила, что мой дед руководил атакой на Сан-Хуан-Хилл, а затем перешла к прадедам. Но когда она начала повествовать Доралю о том, как я получил шрам от глаза до челюсти, тут она сняла все тормоза. Но, вы послушайте, ведь Стар выжала из меня многое еще при первом нашем свидании, кое-что я добавил, отвечая на ее вопросы во время нашего вчерашнего марша. Но я не сообщил ей и половины той информации, которую она сейчас выдавала Доралю. Чтобы собрать все эти данные обо мне, ей потребовалась бы многомесячная работа Сюрте, ФБР и Арчи Гудвина* вместе взятых! Она даже назвала команду, с которой мы играли, когда я сломал себе нос, а уж об этом я и подавно ей не рассказывал.

Я стоял, сгорая от стыда, а Дораль не сводил с меня глаз, время от времени издавая свист или сопение, означавшие, по всей видимости, одобрение. Стар закончила рассказ обычным «Так все это и было», а Дораль шумно втянул воздух и попросил:

— Нельзя ли повторить ту часть, где говорилось про Игли?

Стар согласилась и продекламировала все снова, пользуясь другими оборотами и уснащая повествование новыми деталями. Дораль, то хмурясь, то кивая головой в знак внимания жадно слушал.

— Героическое решение,— произнес он.— Значит, он еще и математик? Где же он учился?

— Он прирожденный гений, Джок!

— Получается так! — Он подошел ко мне, посмотрел прямо в глаза, положил руки мне на плечи.— Герой, победивший Игли, достоин любого жилья. Не окажет ли он честь моему дому, приняв гостеприимство кровли... и стола... и постели?

Он говорил очень серьезно, упорно глядя мне в глаза. У меня не было возможности перекинуться взглядом со Стар, не говоря уже про Руфо, чтобы получить указания. А они мне были необходимы. Человек, который самодовольно толкует, что хорошие манеры всюду одинаковы, что люди — везде люди, явно никогда не отъезжал от своего захолустья дальше нескольких километров. Я не могу похвалиться мудростью, но достаточно поболтался по свету, чтобы постичь эту простую истину. То, что происходило, имело официальный характер, даже, можно сказать, протокольный и требовало такого же официального ответа.

Я постарался быть на уровне. Положил свои руки ему на плечи и серьезно ответил:

— Я благодарю вас за эту честь, далеко превосходящую мои заслуги, сэр.

— Но ты принимаешь ее? — настаивал он с тревогой в голосе.

— Принимаю от всего сердца (сердце — довольно близко по смыслу, я еще плохо владел здешним языком).

Он перевел дух с явным облегчением:

— Дивно! — схватил меня в свои медвежьи объятия, расцеловал в обе щеки, и только быстрое и решительное движение головой спасло меня от лобзания в уста.

Затем Дораль вытянулся во весь рост и завопил:

— Вина! Пива! Шнапса! Где тот несчастный вахлак, которому надо задать трепку! Я сдеру с него шкуру ржавыми щипцами! Кресла сюда подать! Обслужить Героя! Куда все запропастились?!!

Последнее заявление не соответствовало действительности: пока Стар занималась декламацией о том, какой я есть развеликий герой, на веранде уже собралось человек двадцать-пятьдесят, которые, толкаясь и проталкиваясь, старались меня получше рассмотреть. Среди них, вероятно, находились и слуги, ибо тут же в одной руке у меня появилась кружка эля, а в другой — четырехунциевый стакан с огненной водой, причем все это еще до того, как хозяин кончил орать. Джоко осушил свой стакан одним глотком, я последовал его примеру, после чего рухнул на стул, подставленный мне кем-то. Во рту у меня горел пожар, а черепушка, казалось, взорвалась, так что оставалось лишь надеяться, что пиво загасит этот пожар.

Какие-то люди буквально заваливали меня кусками сыра, холодного мяса, маринадами, непонятными закусками и заедками, впрочем, очень вкусными, не дожидаясь, пока я их возьму, а просто засовывая их мне в рот, когда я открывал его, чтобы произнести «Gesundheit»[1]. Я поглощал все это по мере появления, и скоро закуски притушили фосфорную кислоту, что я выпил вначале.

Тут Дораль начал представлять мне членов своей семьи. Было бы лучше, если бы на них имелись какие-нибудь опознавательные знаки, так как я никак не мог разнести их по табели о рангах. Одежда тут не помогала, так как сквайры одевались так же, как батраки, а вторая горничная могла (а часто так и делала) навесить на себя целый груз золотых украшений и напялить вечерний туалет. Да и представляли их мне без соблюдения этих самых рангов.

Хорошо хоть вовремя усек, кто тут хозяйка дома — жена Джоко, вернее, его старшая жена. Это была очень видная зрелая женщина, брюнетка с несколькими лишними фунтами веса,

[1] Ваше здоровье! (*нем.*)

однако весьма завлекательно распределенными по фигуре Одета она была так же просто, как и сам Джоко, но, к счастью, я заметил, что она подходила здороваться со Стар и обе обнялись как старые добрые подруги. Поэтому я навострил уши, когда через несколько минут ее представили мне как Дораль (со специальной приставкой, которую носил и Джоко, только женского рода).

Я тут же вскочил с кресла, взял ее за руку, склонился над ней и поцеловал. Это в малой степени походило на невианские обычаи, но вызвало крики восторга, а миссис Дораль покраснела и приосанилась, тогда как Джоко гордо ухмыльнулся.

Встал я только перед ней. Мужчины и мальчики шаркали мне ножкой, женщины от шести до шестидесяти лет низко приседали, но не так, как это делается у нас, а по обычаю Невии. Больше всего это напоминало па из твиста. Сначала балансируют на одной ноге, как можно сильнее отклоняя назад туловище, потом — на другой, так же сильно наклоняясь вперед и при этом вибрируя всем телом. Выраженные в словах, эти движения не кажутся грациозными, но в действительности они именно таковы, а в семье Доралей благодаря им не было случаев артрита или повреждения позвоночных дисков.

Джоко не затруднял себя произнесением имен. Женщины все представлялись мне как «лапочки», «красотки» и «очаровашки», а мужчины, даже те, что были старше Джоко по возрасту,— как «сыночки». Вполне возможно, что многие действительно были его детьми. В семейных и общественных отношениях Невии я так и не разобрался. На первый взгляд это было что-то вроде феодализма, но кем была эта толпа — рабами, крепостными или членами одной огромной семьи,— не знаю. И то, и другое, полагаю. Титулы тоже ничего не прояснили. Единственный титул, который был у Джоко и выделял его из прочих, была приставка «сам» — Сам Дораль, что отличало его от двух сотен просто Доралей. В своих воспоминаниях я направо и налево бросаюсь титулом «милорд», поскольку Стар и Руфо пользовались им в своей английской речи, но в общем-то это была просто вежливая форма обращения, отдаленно

сходная с невианской. «Freiherr»[1] вовсе не эквивалентно «свободному человеку», а «месье» — «милорду», такие понятия точно не переводятся. Стар украшала свою речь «милордами» только потому, что она была хорошо воспитана и физически не могла сказать «Эй, ты, Мак!» даже своим близким друзьям (между прочим, одно из самых ласкательных имен на невианском языке принесло бы вам в Нью-Йорке хорошую зуботычину).

Когда наконец все присутствующие были представлены Гордону Первоклассному Герою, мы разошлись, чтобы подготовиться к банкету, которым Джоко решил вознаградить себя за обманутые надежды на трехмесячные каникулы. Это не позволило мне поговорить со Стар и, уж естественно, с Руфо. Две служительницы повлекли меня в мои покои.

Вы не ослышались — женщины. Во множественном числе. Хорошо еще, что я несколько попривык к женской обслуге в мужских банях европейского типа и еще больше свыкся в Юго-Восточной Азии и на Иль-дю-Леван. В американских школах не обучают искусству обращения со служительницами, особенно если они молоды, очаровательны и в высшей степени готовы ко всем услугам, а ты имеешь за спиной долгий, полный опасностей день. Я еще после своего первого участия в патруле узнал, что ничто так не повышает физиологическую активность, как ружейный обстрел и выход из него живым.

Если бы прислужница была одна, то я наверняка опоздал бы к ужину. Но в сложившейся ситуации одна была дуэньей для другой и наоборот, хотя и без всякого умысла. Я похлопал рыженькую по попке, когда отвернулась вторая, и, как мне показалось, установил с ней взаимопонимание на более поздний час.

Ну, ничего! Когда тебе скребут спину — это тоже удовольствие. Подстриженный, с головой, вымытой шампунем, доведенный до глянца, выбритый, побывавший под душем, пахучий, как пышная роза, разодетый в самые роскошные одеяния, я был препровожден своими девами в банкетный зал точно в назначенное время.

[1] Барон, в дословном переводе — свободный человек (*нем.*).

Однако костюм проконсула, в который я был облачен, выглядел рабочим комбинезоном в сравнении с нарядом Стар. Все свои роскошные платья она, как известно, потеряла сегодняшним утром, но хозяйке дома удалось откопать кое-что из своих запасов.

«Верхнее платье», закрывавшее фигуру Стар от подбородка до колен, было прозрачно, как зеркальное стекло. Оно имело голубовато-дымчатый цвет, тесно облегало тело спереди, а сзади пышно пенилось. Под ним было надето «нижнее платье». Казалось, Стар окутывает вьющийся плющ — но плющ золотой и заткан весь сапфирами. Он обвивался вокруг ее прекрасного тела, отходившие от плюща ветви окружали ее груди, это прикрытие скрывало меньше, чем самое модное бикини, но поражало взор сильнее, а стало быть, было и более эффектным.

На ногах у нее были сандалии из какого-то прозрачного и пружинистого материала. На ногах они держались каким-то чудом — ни ремешков, ни пряжек. Очаровательные ножки Стар смотрелись как босые, они будто висели в воздухе в четырех дюймах от земли, причем сама Стар казалась стоящей на цыпочках.

Грива ее светлых волос преобразовалась в сложное сооружение, походившее на корабль под всеми парусами и сверкавшее сапфирами. Похоже, Стар несла на себе по меньшей мере два состояния в сапфирах: одно на голове, другое на теле. Впрочем, не буду детализировать.

Она увидела меня в то самое мгновение, когда я увидел ее.

— Мой Герой, ты прекрасен! — осветилось ее лицо.

— Гмм... А ты тоже не теряла времени. Можно я сяду с тобой? Мне нужна помощь.

— Нет, нет! Ты будешь сидеть с джентльменами, а я с дамами. Никаких трудностей не предвидится.

Весьма недурная организация банкета, надо признать. Оба пола имели отдельные низкие столы, мужчины сидели лицом к дамам, разделенные расстоянием примерно футов пятнадцать. Светская болтовня с дамами становилась необязательной, а смотреть на них было приятно, и даже очень. Леди Дораль сидела как раз напротив меня и вполне могла соревноваться

со Стар при дележе золотого яблока. Ее платье кое-где было прозрачно, но в местах совершенно неожиданных. Большую часть платья составляли бриллианты. На мой взгляд, правда. Хотя вряд ли тут стали бы делать поддельные камни таких огромных размеров.

За столами сидело человек двадцать, вдвое или втрое больше — прислуживали, забавляли или просто болтались без дела. Например, три девицы занимались только тем, что заботились обо мне — чтоб не умер от жажды или голода: я ведь не знал, как пользоваться невианскими столовыми приборами. Мне до них даже дотронуться не дали. Девушки стояли возле меня на коленях, я же восседал на большой подушке. А Джоко, так тот к концу вечера уже просто лежал на спине, покоясь головой на женских коленях, и служанки клали ему кусочки еды прямо в рот и подносили к губам бокалы с вином.

У Джоко, как и у меня, были три прислужницы. Стар и миссис Джоко имели по две. Остальным приходилось обходиться одной на каждого. Эти девы-прислужницы так закрутили мне голову, что я не сумел даже прикинуть, какова будет дальнейшая вечерняя программа. Хозяйка дома и Стар были одеты так, чтобы убивать зрителей наповал, но одна из моих стюардесс — шестнадцатилетняя первая претендентка на титул мисс Невии — носила вообще одни драгоценности, но их было так много, что она казалась одетой куда скромнее, чем Стар или Дораль Летва — леди Дораль.

Вели они себя вовсе не как служанки, за исключением того, что выполняли безукоризненно свой долг, заключавшийся в том, чтобы обкормить и напоить меня. Они болтали между собой на жаргоне тинейджеров, отпускали шуточки насчет моей мускулатуры, как будто я и не присутствовал за столом. Было очевидно, что от героев никто не ждал разговорчивости, ибо как только я открывал рот, мне в него что-нибудь совали.

Все время что-то происходило: танцовщицы, фокусники, певцы — все они выступали в проходах между столами. Вокруг бегали ребятишки, все время хватавшие кусочки прямо с подносов, которые слуги несли к столам. Крошечная куколка лет

трех уселась на полу напротив меня — два широко открытых глаза и такой же рот — и смотрела на меня пристально и серьезно, заставляя танцоров обходить ее по мере возможности. Я попробовал подозвать ее к себе, но она лишь молча рассматривала меня и шевелила пальчиками ног.

Какая-то девица с цимбалами в руках ходила вдоль столов и что-то напевала. Тут все предположительно: и что инструменты — цимбалы и что девица — девица.

Бал длился уже более двух часов, когда Джоко встал и заревел, требуя тишины, громко рыгнул, стряхнул с себя двух прислужниц, пытавшихся поддержать его в стоячем состоянии, и начал полупеть-полудекламировать.

Те же стихи, но на другой мотив — он расписывал мои приключения. Я считал, что он слишком пьян даже для того, чтобы прочесть какой-нибудь лимерик[1], но стихи лились рекой, скандировались сложные внутренние рифмы, звучные аллитерации — роскошный праздник виртуозной поэзии. Джоко держался линии, намеченной Стар, но сильно расцветил ее. Я слушал его с возрастающим восхищением, любуясь, с одной стороны, им как поэтом, а с другой — могучим рыцарем Гордоном — этой армией из одного человека. Я решил, что такой мужчина не может не быть всюду победителем, и когда Джоко кончил — встал я.

Мои девочки гораздо больше преуспели в накачивании меня спиртным, нежели едой. Большая часть блюд была мне совершенно неизвестна, хотя и вкусна. Но было там одно блюдо холодной закуски — маленькие лягушкоподобные существа на льду, причем не разрезанные. Их надо было окунать в острый соус и съедать в два приема.

Девушка в драгоценностях схватила одну лягушку, окунула в соус и подала мне, чтобы я откусил кусочек. А та взяла и очнулась от сна. Это маленькое существо — назову его Элмер — закатило глаза и посмотрело на меня как раз в ту минуту, когда я намеревался закусывать. Тут я внезапно потерял аппетит и резко откинул голову назад.

---

[1] *Лимерик* — пятистрочные шуточные стихи, рифмующиеся так: аа-бб-а.

Мисс Ювелирный Магазин весело рассмеялась, снова окунула Элмера в соус и показала, как надо с ним поступать. Нет больше бедняги Элмера!

Некоторое время после этого я не мог есть вообще, зато пил слишком много. Каждый раз, когда мне подносили закуску, я вспоминал дрыгающиеся ножки Элмера, исчезающие во рту, глоток... и хватался за бокал.

Вот поэтому-то я и поднялся.

Раз ты встаешь, так сразу наступает тишина. Замолкла музыка, поскольку музыканты соображали, чем они будут сопровождать мою поэму.

И тут я понял, что говорить-то мне нечего. Абсолютно нечего. Я не мог вспомнить даже молитвы, которую можно было бы преобразовать в благодарственную поэму, добавив в нее несколько изящных комплиментов, и произнести на невианском языке. Черт, я и на английском этого бы не сделал.

Стар смотрела на меня, взор ее был серьезен и полон уверенности во мне.

Это решило все. Правда, на невианский язык я не отважился. Сейчас я не мог бы на нем даже спросить, где туалет. Поэтому я дал залп из обоих стволов по-английски. Это было линдсеевское «Конго»[1].

Все, что я помнил,— примерно страницы четыре текста. Все, что я мог передать,— это захватывающий ритм и схему рифмовки, сбиваясь в словах, с ходу заменяя забытые, но зато изо всех сил нажимая на «Лупите палкой по столам! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!». Оркестр подхватил ритм, и загремели тарелки на столах.

Аплодисменты оглушили меня, а мисс Тиффани[2] припала к моей коленке и целовала ее. Тогда я выдал в качестве десерта «Колокола» Э.А. По. Джоко облобызал меня в левый глаз и распустил слюни на моем плече.

После этого встала Стар и объяснила в четких и рифмованных строках, что в своей собственной стране, на собственном

[1] *Линдсей Вачел* (1879–1931) — американский поэт..

[2] *Тиффани* — совершенно прозрачная ткань из шелка или хлопка.

языке и среди собственного народа, состоящего сплошь из воинов и художников, я столь же известен как поэт, так и герой (вот уж истинная правда — ноль всегда ноль), и что я оказал им честь, прочтя свое величайшее произведение, да еще на алмазно-жемчужном собственном языке, как дар благодарности Дорало и дому Дораля за гостеприимство кровли, стола и постели, и что она — Стар — попробует когда-нибудь напрячь свои слабые силы и передать музыку этого языка на невианском диалекте.

Вдвоем мы явно заслужили премию «Оскар»[1].

Затем подали piéce de résistance[2] — нечто зажаренное целиком, доставленное четырьмя слугами. По форме и величине это вполне мог быть зажаренный целиком мужчина. Но он, по крайней мере, был явно мертв, и от него шел восхитительный запах. Я съел здоровенный кусок и протрезвел. После жаркого было еще восемь-девять блюд — супы, шербеты и прочая дребедень. Банкет все больше терял свою официальность, участники уже не придерживались разделения мест по полу. Одна из моих девиц заснула и разлила мою чашу вина. Тут я наконец заметил, что большая часть гостей уже разошлась.

Дораль Летва, сопровождаемая двумя девушками, провела меня в мои покои и уложила в постель. Они притушили свет и удалились, пока я пытался составить на их языке галантное пожелание доброй ночи.

Вскоре они вернулись, сняв с себя все драгоценности и прочие украшения, и остановились возле моего ложа, изображая три грации. Я решил, что обе молодые девушки были дочками Летвы. Старшей было лет восемнадцать, в полном соку и портрет мамаши в эти же годы. Младшая была лет на пять моложе сестры, она едва вступила в брачный возраст, тоже красотка и весьма уверенная в себе. Она зарумянилась и опустила глазки долу, когда я взглянул на нее. Старшая сестра, наоборот, ответила на мой взгляд прямым взглядом своих пламенных глаз.

[1] Премия «Оскар» ежегодно присуждается за достижения в области кинематографии.

[2] Здесь — «гвоздь программы» (*фр.*).

Их мамаша, обнимавшая девушек за талии, объяснила мне очень просто, но в стихах, что я уже оказал честь их кровле и их столу, а теперь оказываю их постели. Так что же будет угодно Герою? Одну? Двух? Или всех трех?

Я трус. Вы уже знаете это. Если бы тут не было этой младшей сестрички, ростом как раз с тех шоколадных сестренок, что напугали меня в прошлом, возможно, я действовал бы с большим апломбом. Но, черт побери, двери тут не запирались. Их вообще не было — одни арки. И грубиян Джоко мог проснуться в любую минуту, я даже не знал, где он спит. Не буду отрицать, мне приходилось спать с замужними женщинами и с дочерьми людей, под крышей которых я останавливался, но и в таких случаях соблюдались определенные правила, свойственные американцам. А такое откровенное предложение напугало меня хуже Рогатых Козлов, то бишь Призраков.

Я постарался облечь свое решение в поэтическую форму. Это мне не удалось, но негативность решения до них дошла. Малышка зарыдала и исчезла с невероятной быстротой, ее сестра, похоже, была готова взяться за кинжал и, фыркнув «тоже мне герой», вышла за ней. Мамаша только одарила меня взглядом и удалилась.

Минуты через две она вернулась. Она говорила со мной очень серьезно, полностью контролируя свои чувства, она умоляла сказать, нет ли в доме другой женщины, которая соответствовала бы вкусам Героя? Как ее имя? Как она выглядит? Или мне будет угодно, чтобы все женщины дома продефилировали передо мной, чтобы я мог узнать ее?

Я изо всех сил пытался ей разъяснить, что если бы я мог сделать выбор, то он пал бы на нее, но что я устал и хочу спать в одиночестве.

Летва сморгнула слезу, пожелала мне геройского сна и вновь покинула меня, уже гораздо более быстрыми шагами. В один момент мне даже показалось, что она готова дать мне пощечину.

Через пять секунд я вскочил с постели и кинулся искать ее. Но она уже ушла, галерея была темна.

Заснул я как убитый, мне снилась Свора Холодных Вод. Они были еще более отвратительны, чем их описывал Руфо, и пытались скормить мне золотые самородки, у которых были выпученные глазки Элмера.

Глава 9

Руфо сильно встряхнул меня.

— Босс! Вставайте! Немедленно!..

Я натянул на лицо простыню.

— Убирайся вон! — Во рту стоял привкус тухлой капусты, в голове что-то жужжало, уши заложило.

— Немедленно! Это Ее приказ!

Я встал. Руфо был уже в одежде Вольных Стрелков, при шпаге, поэтому я оделся так же и пристегнул свою. Мои служанки отсутствовали, равно как и роскошное одеяние, данное мне накануне. Спотыкаясь, я последовал за Руфо в огромный банкетный зал. Там уже была Стар, одетая для путешествия и очень мрачная. Прекрасная обстановка вчерашнего праздника улетучилась. Зал был холоден и гол, как заброшенный сарай. Стоял лишь стол, на котором ничего не было, кроме куска холодного мяса, покрытого пупырышками застывшего жира; рядом лежал нож.

Я взглянул на мясо безо всякого удовольствия.

— Это еще что?

— Твой завтрак, если он тебе нравится. Я же ни минуты под этой крышей не останусь и есть эти объедки не буду.— Такого тона и таких манер я у Стар еще ни разу не наблюдал.

Руфо потянул меня за рукав.

— Босс, давайте-ка уходить, и побыстрее.

Так мы и поступили. Ни одной души в поле нашего зрения не появилось — ни в доме, ни во дворе, не было даже детей или собак. Но три быстрых скакуна нас ожидали. Я имею в виду этих восьминогих «пони» — лошадиную версию гончих, оседланных и готовых к отъезду. Седловка у них сложная. Над каждой парой ног надевается что-то вроде кожаного хомута, а груз

распределяется при помощи двух шестов, протянутых вдоль боков и на которые поставлено кресло со спинкой, мягким сиденьем и подлокотниками. К каждому подлокотнику тянулись поводья. Слева находился рычаг для замедления или убыстрения хода, и мне не хотелось бы рассказывать, каким именно путем распоряжения всадника передавались животному. Впрочем, последние, кажется, особенно не возражали.

Конечно, это были не лошади. Головы у них лишь отдаленно сходны с лошадиными, а ноги — без копыт и заканчивались мягкими подушечками, как у хищников. Они всеядны, а не травоядны. Когда привыкнешь, к ним можно даже и привязаться. Моя «лошадь» была черная с белыми пятнышками — ну просто само очарование. Назвал я ее Арс Лонга*. Глаза у нее были понимающие.

Руфо привязал мой лук и колчан к багажной полке за креслом, показал, как на него влезать, укрепил ремень безопасности, поставил мои ступни на специальные подножки (стремян не было), отрегулировал спинку, сделав ее положение удобным, как в салоне первого класса авиалайнера.

Сначала мы тронулись быстрой трусцой, потом перешли на бег со скоростью около десяти миль в час. Многоножки знают только одну побежку — иноходь, но качка смягчается благодаря креплению кресла в восьми точках, так что впечатление от езды сходно с впечатлением от поездки в автомобиле по гравийной дороге.

Стар ехала впереди, не проронив за все время ни полслова. Я попытался было заговорить с ней, но Руфо дотронулся до моей руки:

— Когда Она в таком настроении, лучше не трогать.

Позже, когда мы с Руфо ехали бок о бок, а Стар была впереди за пределом слышимости, я спросил:

— Руфо, ради бога, скажи, что случилось?

Он нахмурился:

— Вряд ли мы об этом узнаем. У них с Доралем произошла бурная ссора, это ясно. Но лучше сделать вид, что ничего не случилось.

Руфо замолчал, я — тоже. Может, Джоко ей нахамил? Он же был пьян, легко мог войти в раж. Только трудно представить, чтобы Стар не справилась с любым мужчиной. Думаю, она прекраснейшим образом отшвырнула бы насильника, но при этом умудрилась бы не оскорбить его мужского самолюбия.

Эти размышления привели меня к другим, еще более мрачным. Ах, если бы старшая сестра пришла одна... если бы мисс Тиффани не опьянела вечером... если бы моя служаночка с рыжей шевелюрой явилась раздевать меня, как мы договорились... О, дьявол!

Руфо распустил свой пояс безопасности, опустил спинку кресла пониже, закрыл лицо носовым платком и захрапел. Немного погодя я последовал его примеру — спал я мало, завтрака не получил, опохмелиться после вечернего пьянства не дали. «Лошадь» в моей помощи не нуждалась — и моя, и Руфова слепо следовали за «конем» Стар.

Проснувшись, я почувствовал себя куда лучше, если не думать о жажде и голоде. Руфо все еще храпел, «конь» Стар скакал в пятидесяти футах от нас. Ландшафт был по-прежнему красив и пышен, а впереди на расстоянии полумили виднелся дом — не помещичий, а скорее фермерский. Я увидел колодезный журавль и представил себе покрытое холодной росой ведро с ледяной водой, а может, и с тифозными бактериями... впрочем, мне же сделали предохранительные прививки в Гейдельберге... Очень хотелось пить. Я имею в виду воду. А еще лучше пиво... они тут его здорово варят.

Руфо зевнул, спрятал платок и поднял спинку кресла.

— Должно быть, вздремнул,— сказал он с глупой ухмылкой.

— Руфо, видишь тот дом?

— Да, а что такое?

— Завтрак, вот что! Я уже напутешествовался на пустой желудок, и мне хочется пить так, что мог бы сжать камень и выцедить из него сыворотку.

— Тогда лучше так и сделайте.

— Что?

— Милорд, мне очень жаль... я тоже погибаю от жажды... но там мы не остановимся. Ей это не понравилось бы.

— Не понравилось бы, вот как! Руфо, скажу тебе прямо: хоть миледи Стар и мила, но это не может служить причиной, чтобы я ехал весь день без воды и пищи. Ты поступай как хочешь, а я остановлюсь позавтракать. Кстати, у тебя есть деньги? Местные?

Он покачал головой.

— Так поступать нельзя, во всяком случае, здесь. Босс, потерпите еще часок. Пожалуйста!

— Это еще почему?

— Потому что мы все еще на земле Дораля, вот почему! Мы не знаем, может, он уже разослал приказ стрелять в нас при первой же встрече. Джок — добродушный старый мерзавец. Я бы лично сейчас очень хотел иметь на теле добрую кольчугу — свист стрелы меня бы нисколько не удивил, равно как и сеть, которую на нас могут сбросить вот в той роще.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Все зависит от того, насколько он зол. Помню случай, когда один парень разозлил его по-настоящему. Дораль приказал раздеть этого несчастного донага, украсил его фамильными драгоценностями и сунул...—тут Руфо сглотнул, и его чуть не вырвало.— Прошлая ночь была чрезмерно оживленной, мне немного не по себе. Поговорим о более приятных вещах. Вы упомянули сыворотку из камня... Надо думать, вы имели в виду Могучего Малдуна?

— Черт побери, не уклоняйся в сторону! — Голова у меня раскалывалась.— Я не поеду сквозь эту рощу, а парень, который пустит стрелу, пусть подготовит свою кожу для пробоин. Я хочу пить.

— Босс,— умолял Руфо.— Она не будет ни пить, ни есть на земле Дораля, даже если Ее будут коленопреклоненно просить об этом. Вы не знаете здешних обычаев. Здесь принимают только то, что дается от чистого сердца... даже ребенок здесь не потянет руку к тому, в чем ему было отказано. Еще пяток миль! Неужели же Герой, победивший Игли до завтрака, не может подождать еще пять миль?

— Ну... Ладно, ладно! Но это какая-то психованная страна, согласись. Абсолютно спятившая.

— Ммм...— ответил он.— А вам приходилось бывать в городе Вашингтоне?

— Согласен,— смущенно улыбнулся я.— Touche[1]! Я забыл, что это твоя родная страна. Совсем не хотел тебя обидеть.

— Это вовсе не моя страна! Почему вы так решили?

— Как! — Я попытался привести свои мысли в порядок.— Ты знаешь местные обычаи и говоришь на их языке, как туземец.

— Милорд Оскар, я давно уже позабыл, сколько знаю языков. Когда я слышу какой-нибудь из них, то сразу начинаю на нем разговаривать.

— Но ты же не американец? И, кажется, не француз.

Он весело улыбнулся:

— Могу показать вам метрики, выданные в обеих этих странах; вернее, мог бы, если бы не утопил их вместе с багажом вчера утром. Нет, нет! Я не с Земли.

— Так откуда же ты?

Руфо явно колебался:

— Лучше бы вам спросить об этом у Нее.

— Вздор! Связали меня по рукам и ногам, да еще мешок на голову натянули. Просто свинство!

— Босс,— сказал Руфо серьезно,— Она ответит на любой ваш вопрос, который вы ей зададите. Надо только уметь его поставить.

— И поставлю!

— Тогда поговорим на другие темы. Вот вы упомянули Могучего Малдуна...

— Это ты его упомянул!

— Возможно. Я-то с Малдуном не встречался, хотя и бывал в той части Ирландии. Отличная страна и единственный народ на Земле, который логически мыслит. Факты не могут сбить ирландцев с толку перед лицом Высшей Истины. Восхитительный народ. Я слыхал о Малдуне от одного из моих дядей — человека правдивого, много лет работавшего «писателем-призраком» и сочинявшего речи для политических деятелей. Но в то время, в связи с печальным недоразумением, возникшим при подготовке речей для соперничавших кандидатов, он оказался

[1] В фехтовании — «задет».

в отпуске и стал независимым корреспондентом одного американского синдиката, специализирующегося на сенсационных рассказах для воскресных приложений. Он услыхал о Могучем Малдуне, выяснил, где тот живет, и отправился к нему сначала на дублинском поезде, потом на местном автобусе, а там уж в наемной повозке. Дядя увидел человека, вспахивающего поле с помощью одноконного плуга. Только этот мужик толкал плуг перед собой, не пользуясь услугами лошади, и оставлял сзади себя аккуратную восьмидюймовую борозду.

— Ага! — сказал себе дядя и крикнул: — Мистер Малдун!

Фермер остановился и откликнулся:

— Благослови тебя бог, приятель, за твою ошибку! — Потом поднял плуг одной рукой и махнул ею в сторону.— А Малдуна ты найдешь вон там. Вот он так силен!

Дядя поблагодарил фермера и поехал дальше, пока не встретил другого человека, устанавливавшего изгородь, забивая столбы в землю голыми руками. А земля была довольно каменистая. Дядя снова назвал этого мужика Малдуном.

Человек так удивился, что уронил десять или двенадцать столбов диаметром в шесть дюймов, которые он держал под мышкой.

— Убирайся ты со своей болтовней! Надо же знать, что Малдун живет дальше по дороге. Вот он силен!

Следующего местного селянина дядя застал за строительством каменной стены. Он строил ее без цемента, работа была тонкая. Человек этот обтесывал камни без молотка и зубила, разрубая их ударом ладони, а пальцами убирая мелкие шероховатости. Дядя окликнул его тем же славным именем.

Человек начал было отвечать, но глотка у него явно пересохла от каменной пыли и голос ему изменил. Тогда он взял большой камень, сжал его так, как ты — Игли, выдавил из него воду, как будто это был бурдюк, и выпил ее. Потом сказал:

— Это не я, дружище. Он ведь очень силен, как известно. Господи, сколько раз мне приходилось видеть, как он засовывает свой мизинец...

Мой мозг отвлекся от серии этих дурацких баек при виде девки, копнившей сено за клевером. Она отличалась чудовищно

развитыми грудными мышцами, так что лава-лава[1] ей очень шла. Девка поймала взгляд, ответила мне таким же, да еще тряхнула грудью.

— Что ты сказал? — переспросил я.

— Что?.. Только до первого сустава и так держит себя в воздухе часами!

— Руфо,— сказал я,— никогда не поверю, что это длилось больше нескольких минут. Слишком велика нагрузка на ткани, и все такое...

— Босс,— ответил обиженно Руфо,— я могу привести вас к тому самому месту, где Могучий Дуган проделывал эту штуку.

— Ты ж говорил, что его звали Малдун!

— Дуган — это девичья фамилия его матери, он очень гордился ею. Вам будет приятно узнать, что уже видна граница владений Дораля. Завтракать будем через несколько минут.

— С радостью. Плюс галлон чего угодно, включая чистую воду.

— Утверждается единогласно. По правде говоря, милорд, я себя сегодня чувствую не в своей тарелке. Мне нужно поесть, выпить и хорошенько отдохнуть перед тем, как завяжется драка. Иначе я могу зевнуть в момент защиты. Это была Великая Ночь.

— Я тебя на банкете не видал.

— Присутствовал мысленно. На кухне еда горячее, выбор ее богаче, а компания менее претенциозна. Но я не думал, что это растянется на всю ночь. Ложись пораньше — вот мой девиз. Умеренность во всем, как сказал Эпиктет. Но пирожница... Она напомнила мне мою другую знакомую — партнершу по почтенному занятию, контрабанде. Ее девизом было: «Все, что приятно делать, следует делать вдвойне», чего она и придерживалась на практике. Она перевозила двойную порцию контрабанды — в порядке личной инициативы, сохраняя это от меня в секрете, так как я держал на учете каждый предмет и передавал соответствующий список таможенникам со взяткой, чтобы они знали — я веду дело честно. Но женщине труд-

[1] Основной вид одежды в Полинезии, нечто вроде набедренной повязки у мужчин и коротенькой юбочки у женщин; изготавливается из одного куска яркой набивной ткани.

но пройти через таможню — в одном направлении толстой, как откормленная гусыня, а двадцать минут спустя в другом — тощей, как цифра один (нет, она-то не была такой — это просто фигуральное выражение), и при этом не вызвать удивления. Если бы не странное поведение собаки ночью, эти любопытные накололи бы нас.

— А что странного было в поведении собаки той ночью?

— Да то же самое, что в моем — в прошлую ночь. Шум разбудил нас, и мы успели убежать через крышу — свободными, но без единого цента из денег, заработанных тяжелым шестимесячным трудом... Да еще с ободранными коленками... Но эта пирожница... Вы видели ее, милорд... русые волосы, голубые глаза, и все прочее, удивительно напоминающее Софи Лорен.

— Смутно что-то вспоминается...

— Значит, вы ее не видели, ничего смутного в отношении Налии быть не может. В общем, я собрался вести прошлой ночью безгрешную жизнь, зная, что сегодня нам предстоит кровавый бой. Вы же помните:

Настала ночь — гони свет прочь,
Пришел рассвет — вставай, мой свет...

Так сказал классик, но с Налией я кое-чего не учел. Именно поэтому я не выспался и остался без завтрака, а вечером могу оказаться лежащим в луже собственной крови, и все это в значительной степени по вине Налии.

— Ничего, я побрею твой труп, Руфо, обещаю тебе это.— Мы проехали мимо пограничного столба с соседним графством, но Стар не замедлила бега своей «лошади».— Между прочим, а где ты научился похоронному делу?

— Что?! А! Очень далеко отсюда. А вот за вершиной того холма, за теми деревьями стоит домик, где мы и позавтракаем. Чудесные люди!

— Отменно! — Мысль о завтраке была светлым пятном на темном фоне моих сожалений о бойскаутском поведении прошлой ночью.— Руфо, ты все перепутал, говоря о странном поведении собаки ночью.

— Милорд?

— Собака ничего не делала ночью, вот в чем странность.

— Ну, пожалуй, она действительно не издала ни одного звука,— с сомнением сказал Руфо.

— Разные собаки в разных местах. Извини. Я-то хотел сказать вот что: забавная штука произошла со мной, когда я отправился вчера спать... Вот уж я действительно вел безгрешную жизнь.

— В самом деле, милорд?

— На деле, но не в мыслях.— Мне было необходимо с кем-нибудь поделиться, а Руфо был как раз таким проходимцем, которому можно было довериться. И я изложил ему историю Трех Обнаженных.

— Ну не мог же я рисковать! — заключил я.— С божьей помощью рискнул бы, если бы только эту девчонку уложили в ее собственную постель — одну, и в тот час, как это полагается детям. Во всяком случае, думаю, рискнул бы, невзирая даже на дробовики и прыганье из окон. Скажи мне, Руфо, почему самые прелестные девицы имеют или отцов, или мужей? Говорю тебе — вот так они стояли: Большая обнаженная, Средняя обнаженная и Совсем маленькая обнаженная так близко, что можно было коснуться их, и все готовые с радостью согреть мою постель, а я... ничего, ну совсем ничего... Ну, смейся же! Я заслуживаю этого.

Он не смеялся. Я посмотрел на него — лицо его выражало глубокое смятение.

— Милорд! Оскар, мой старый товарищ! Скажите, что это неправда!!!

— Это правда,— ответил я раздраженно.— И я тут же пожалел обо всем, но было уже поздно. А ты еще жалуешься на свою ночь!

— О, боже! — Руфо перевел своего скакуна на большую скорость и умчался.

Арс Лонга бросила на меня через плечо вопросительный взгляд и продолжала идти прежним аллюром.

Руфо поравнялся со Стар. Они остановились, чуть не доехав до дома, где нас ждал ланч, и ждали, когда я к ним присо-

единюсь. Лицо Стар было непроницаемо. Руфо же выглядел очень смущенным.

Стар приказала:

— Руфо, иди и попроси приготовить нам завтрак. Потом принесешь его сюда. Я хочу поговорить с милордом наедине.

— Слушаюсь, миледи! — Он исчез почти мгновенно.

Тем же невыразительным тоном Стар спросила меня:

— Милорд Герой, это правда? То, что доложил мне ваш слуга?

— Я не знаю, что он вам доложил.

— Относительно вашей неспособности... вашей мнимой неспособности... прошлой ночью.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря о неспособности. Если вы хотите знать, что я делал после банкета, то я спал один. Точка.

Она перевела дух, но выражение ее лица осталось неизменным.

— Я хотела услышать это из твоих уст. Чтобы не быть несправедливой.— И тут лицо ее выразило такое бешенство, какого я никогда не видел. Низким, почти бесцветным голосом она начала меня разделывать под орех: — Ах ты, Герой! Жалкий безмозглый олух! Невежа, путаник, нескладеха, толстолобый идиот!

— Замолчи!

— Нет, это ты замолчи, я с тобой еще не покончила! Ты оскорбил трех ни в чем не повинных женщин! Ты унизил верного старого друга!

— Заткнись!!!

Мой голос раскатился громом. Я гремел, не давая ей опомниться:

— Никогда не смей со мной так разговаривать, Стар. Никогда!

— Но...

— Попридержи-ка язык, уж больно ты его распустила! Ты не имеешь права так говорить со мной! И ни одна баба в мире такого права никогда не получит! Ты будешь всегда — запомни — всегда обращаться ко мне вежливо и почтительно! Еще одно грубое слово — и я выдеру тебя так, что слезами изойдешь!

— Только посмей!

— А ну, убери руку с эфеса, или я отберу у тебя шпагу, спущу штаны и тут же на дороге отлуплю тебя твоей же шпажонкой. До тех пор, пока твой зад не станет алым и ты не начнешь просить прощения. Стар, я не дерусь с женщинами, но гадких детей наказываю. С дамами я обращаюсь как с дамами, с испорченным отродьем — как с испорченным отродьем. Стар, ты можешь быть королевой Великобритании или императрицей Галактики в одном лице, но еще одно дерзкое слово — и я стащу с тебя штанишки, и уж недельку тебе придется полежать на животе. Поняла?

— Я поняла, милорд,— тихонько ответила Стар.

— А кроме того, я увольняюсь с должности Героя. Я не собираюсь вторично выслушивать такие речи и не желаю работать на человека, который хотя бы раз обошелся со мной подобным образом.— Я вздохнул, поняв, что снова потерял свои капральские нашивки. Но я всегда чувствовал себя без них свободнее и проще.

— Да, милорд.— Я еле разбирал ее слова. Мне показалось, что мы с ней снова там — в Ницце. Но меня это не тронуло.

— Хорошо, тогда больше не о чем говорить.

— Да, милорд.— Она тихо добавила: — Но можно мне объяснить, почему я так говорила?

— Нет.

— Хорошо, милорд.

Наступило долгое молчание, длившееся вплоть до возвращения Руфо. Он остановился, не подходя к нам, чтобы не слышать, о чем мы говорим. Я жестом велел ему подойти.

Мы ели молча, причем я почти не ел — уж больно пиво было хорошее. Руфо попытался завести светскую беседу насчет какого-то своего очередного дядюшки, но эта история не вызвала бы улыбки даже в Бостоне.

После ланча Стар повернула своего скакуна в обратную сторону — этих «лошадей» трудно разворачивать, в боевых условиях это приходится делать, ведя их в поводу.

— Миледи? — обратился к ней Руфо.

— Я возвращаюсь к Доралю,— ответила бесстрастно Стар.

— Миледи! Пожалуйста, не надо!

— Милый Руфо,— ответила она нежно и печально.— Ты можешь остаться в этом доме и, если я через три дня не вернусь, ты свободен.— Она посмотрела на меня, потом отвела взгляд.— Я надеюсь, что милорд Оскар проводит меня. Я не прошу об этом — не имею права.— И она тронула «коня». Мне потребовалось немало времени, чтобы развернуть Арс Лонгу — не было опыта. Стар сильно опередила меня. Я так и поехал в некотором отдалении.

Руфо стоял неподвижно и кусал ногти, пока я разворачивался, потом взобрался на свое кресло и догнал меня. Мы ехали бок о бок, держась футах в пятидесяти от Стар. Наконец он произнес:

— Это самоубийство. Вы-то это понимаете?

— Нет, не понимаю!

— Ну, так постарайтесь понять!

— И именно поэтому тебе кажется затруднительным добавлять слово «сэр»?

— Милорд? — Руфо коротко хохотнул и сказал: — Возможно. В этой чепухе нет смысла, раз все равно едем умирать.

— Ты ошибаешься.

— В чем?

— «В чем, милорд», с твоего разрешения. Попробуй хотя бы попрактиковаться. И пусть так останется и дальше, даже если нам осталось прожить всего лишь тридцать минут. Поскольку я теперь намерен командовать, а не разыгрывать роль «чего изволите». И не хочу, чтоб у тебя остались хоть малейшие сомнения, когда начнется свалка, в том, кто тут хозяин. Иначе поворачивай лошадь, а я ее хлестну по заду, чтобы придать тебе первоначальное ускорение. Слышишь?

— Да, милорд Оскар.— Руфо добавил задумчиво: — Я знал, что вы босс, с той самой минуты, когда вернулся с фермы. Хоть и не понимаю, как вы этого добились. Милорд, я никогда не видел Ее такой растерянной. Могу ли я узнать...

— Нет, не можешь. Но разрешаю спросить у нее самой. Если ты сочтешь это благоразумным, конечно. А теперь расскажи мне

об этом «самоубийстве» и не вздумай увиливать, что, мол, она не желает, чтобы ты давал мне советы. С этой минуты ты будешь давать мне советы всякий раз, когда я их буду спрашивать. Но если не спрошу — держи рот на замке.

— Слушаюсь, милорд. Так вот о перспективе самоубийства... Шансы тут рассчитать довольно трудно. Все зависит от того, насколько зол Дораль. Только это не будет поединок. Нас или забьют в ту самую минуту, когда мы высунем нос... или мы останемся целы до той минуты, пока не покинем его владения,— это в том случае, если он прикажет нам немедленно поворачиваться и убираться.— У Руфо было такое выражение лица, будто он решал труднейшую задачу.— Милорд, тут невозможно угадать. Полагаю, вы оскорбили Дораля так, как никто не оскорблял его за всю его долгую и небезгрешную жизнь. Ставлю девяносто против десяти, что через несколько минут после того, как мы свернем с дороги, из нас будет торчать больше стрел, чем из святого Себастьяна.

— А при чем же тут Стар? Она же ничего не сделала. И ты тоже. (И про себя добавил: и я тоже. Ну и страна!)

Руфо вздохнул.

— Милорд, сколько миров — столько и обычаев. Джоко вовсе не хочет навредить Стар. Она ему нравится. Он к Ней чудесно относится. Можно сказать, он даже любит Ее. Но если он убьет вас, он должен будет убить и Ее. Иначе, по его стандартам, это было бы не гуманно, а он высокоморальный человек, о чем здесь все широко осведомлены. Убьет он и меня, но я не в счет. Он обязан убить ее, хотя с этого начнется целая цепь событий, которые уничтожат самого Джоко, ибо его можно считать мертвецом с той минуты, как новость о смерти Стар разнесется по свету. Вопрос вот в чем — должен ли он убивать вас? Думаю, обязан, насколько я понимаю этот народ. Мне очень жаль... милорд.

Я переваривал сказанное.

— Тогда почему же ты здесь, Руфо?

— Милорд?

— Можешь на часок отбросить этих «милордов». Почему ты здесь? Если твоя оценка верна, то ни твоя шпага, ни твой

лук в конечном счете ничего изменить не могут. Она дала тебе верный шанс остаться в стороне. Так что это? Гордость? Или ты влюблен в нее?

— О, боже! Конечно, нет.— Руфо был искренне шокирован.— Извините меня,— продолжал он,— вы застали меня врасплох.— Он подумал.— По двум причинам, я полагаю. Первая — если Джоко разрешит нам объясниться, то... Она ведь отличный оратор. Второе,— тут он глянул на меня,— я суеверен, надо признаться. Вы же — человек удачи, в чем я убедился. Поэтому мне хочется быть поближе к вам, даже если разум советует бежать. Вы можете в любой момент провалиться в выгребную яму, и все же...

— Чушь! Послушал бы ты историю моих злоключений!

— Ну, это в прошлом, я почти готов биться об заклад, что сейчас расклад совершенно иной.— Руфо замолчал.

— Оставайся здесь,— приказал я, ускорил ход «коня» и подъехал к Стар.

— Вот мой план,— сказал я ей.— Когда мы доберемся до места, ты и Руфо останетесь на дороге. Я поеду один.

Она испугалась.

— О, милорд! Нет!

— Да.

— Но...

— Стар, ты хочешь, чтобы я вернулся к тебе? Как твой рыцарь?

— Всем сердцем.

— Хорошо. Тогда поступай так, как я хочу.

Она долго молчала, потом ответила:

— Оскар...

— Что, Стар?

— Я поступлю, как ты прикажешь. Только разреши мне объяснить кое-что перед тем, как ты начнешь продумывать свою речь.

— Давай.

— В этом мире место путешествующей дамы — рядом с ее рыцарем. И именно там я и хочу находиться, мой Герой, даже в минуту гибели. Особенно в эту минуту. Но молю я тебя не из

сентиментальности и не ради проформы. Зная то, что я знаю теперь, я могу с полной уверенностью предсказать, что ты будешь убит немедленно, а потом умрем я и Руфо — как только они нас догонят. А это произойдет быстро — наши «кони» слишком устали. С другой стороны, если отправлюсь я одна...

— Ни в коем случае!

— Ну выслушай же, милорд! Я же ни на чем не настаиваю. Если бы поехала я одна, я, вероятно, умерла бы так же быстро, как умер бы ты. А может быть, вместо того, чтобы скормить меня свиньям, Дораль сохранил бы мне жизнь и позволил кормить своих свиней и быть забавой для его свинарей — судьба лучшая, нежели то полное унижение, которое ожидает меня в будущем, если я вернусь без тебя. Но я нравлюсь Доралю и думаю, что он оставит мне жизнь, только жизнь скотницы и чуть-чуть лучшую, чем жизнь свиней. На этот риск я готова пойти, если необходимо, и буду ждать своего шанса бежать — гордость для меня слишком дорогое удовольствие. Нет у меня ее — есть только необходимость.— Ее голос был хриплым от непролитых слез.

— Стар! Стар!

— Что, мой любимый?

— Как? Что ты сказала?

— Можно, я еще раз повторю это? У нас больше времени не будет.— Она как слепая потянулась ко мне, я схватил ее за руку. Стар наклонилась и прижала меня к своей груди.

Затем выпрямилась, продолжая сжимать мою руку:

— Теперь я спокойна. Я всегда становлюсь женщиной в тот момент, когда это наименее оправданно. Мой любимый Герой, у нас есть лишь одна возможность спастись — это отправиться навстречу опасности бок о бок, с гордо поднятыми головами. Это не только самый надежный, это еще и единственный путь, который я предпочла бы, будь у меня гордость. Я купила бы тебе Эйфелеву башню для забавы и другую, если бы ты эту сломал, но гордость купить нельзя.

— А почему это самый безопасный путь?

— Потому что Дораль может — повторяю, может — дать нам возможность вступить в переговоры. Если мне дадут ска-

зать десять слов, то он выслушает и сто, а потом и тысячу. И может так случиться, что я залечу его рану.

— Согласен. Но, Стар... Что я такое совершил, что так глубоко его ранило? Я же ничего не сделал. Наоборот, я старался ничем не ранить его.

Она немного помолчала, потом произнесла:

— Ты американец...

— Ну и что с того! При чем тут это? Джоко об этом и не знает.

— Видно, очень даже при чем. Нет, Америка для Джоко в лучшем случае только название, он ведь проходил курс «Вселенные», но никогда не путешествовал. Но... Ты на меня не рассердишься снова?

— А? Давай-ка поставим на прошлом большой крест. Говори что хочешь, лишь бы все прояснилось. Только не надо меня клевать в макушку. А, черт, клюй, если хочешь, но только в последний раз. Не надо делать из этого привычку... любимая.

Она сжала мою руку:

— Больше никогда! Моя ошибка была в том, что я забыла, что ты американец. Я плохо знаю Америку, во всяком случае знаю ее не в тех аспектах, в которых с ней знаком Руфо. Если бы Руфо присутствовал в зале... Но его там не было, он жуировал на кухне. Я предположила, когда тебе даровали гостеприимство кровли, стола и постели, что ты поведешь себя так, как повел бы себя на твоем месте француз. Мне и в голову не пришло, что ты откажешься. Если бы я знала, я бы придумала для тебя тысячу отговорок. Принятый обет, например. Священный день твоей религии. Джоко был бы разочарован, но не был бы оскорблен. Он человек чести.

— Но... будь оно проклято, я все равно не понимаю, почему он хочет убить меня за то, что я не сделал чего-то такого, за что меня наверняка пристрелили бы в моей стране, сделай я это там. Что, в этой стране мужчины обязаны принимать предложение, сделанное любой женщиной? И почему она бежит к мужу и жалуется? Почему не держит это в секрете? Она же даже не попыталась скрыть. И еще дочек в это вовлекла.

— Но, милорд, это никогда не было секретом! Дораль сделал тебе предложение публично, ты публично принял его. Как бы вел себя ты, если бы твоя невеста в брачную ночь турнула тебя из спальни? «Кровля, стол и постель». Ты согласился.

— Постель! Стар, в Америке постель — вещь многоцелевая. Иногда в ней спят, просто спят. Я ничего не понимаю.

— Зато я теперь все поняла. Ты просто не знал, что это идиома. Вина моя. Но и ты теперь знаешь, как глубоко он был унижен, к тому же еще и публично.

— Да, конечно, но он сам виноват. Чего же он спрашивал при всех? Было бы еще хуже, если бы я ответил — нет.

— Совсем наоборот! Ты не обязан соглашаться. Мог бы отказаться — вежливо, изящно. Лучше всего было бы — хотя это чистая ложь — сослаться на трагическую невозможность — временную или постоянную — от ран, полученных в той битве, где ты проявил себя как Герой.

— Впредь буду знать. И все же я не понимаю, почему Джоко был так поразительно щедр?

Стар посмотрела мне в лицо:

— Любимый, можно мне сказать, что ты поражаешь меня каждый раз, когда я говорю с тобой? А я-то думала, что давным-давно разучилась чему бы то ни было удивляться.

— Взаимно. Ты меня тоже поражаешь. Однако мне это по душе, кроме одного раза.

— Милорд Герой, как часто, по твоему мнению, простой деревенский сквайр имеет шанс получить в свою семью сына Героя и воспитать его как собственного? Можешь ли ты вообразить его разочарование, когда у него отняли то, что он считал твердо обещанным и всецело принадлежащим ему? Можешь ли вообразить его стыд? Его гнев?

Я немного подумал.

— Ладно. Виноват. Так бывает и в Америке. Только там этим не хвастают.

— Сколько стран, столько и обычаев. Известную роль сыграло и то, что Герой оказал ему честь, отнесся к нему как к брату, и при особой удаче он мог рассчитывать, что Герой станет членом дома Доралей.

— Погоди-ка минутку! Что ж он для того и прислал всех троих? Чтобы повысить шансы?

— Оскар! Да он бы с радостью прислал тебе тридцать... если бы ты намекнул, что настроен достаточно героически и совладаешь с ними. А так он послал тебе старшую жену и двух любимых дочерей.— Стар заколебалась.— Вот что мне до сих пор неясно...— И задала прямой вопрос.

— Господи! Нет, конечно! — запротестовал я, вспыхнув.— Уже с пятнадцати лет... Главной причиной, что выбила меня из седла, была эта девчонка. Только она, я уверен в этом.

Стар пожала плечами.

— Возможно. Но она не ребенок. В Невии она уже женщина. И даже если она еще сохраняет невинность, то готова спорить, что месяцев через двенадцать она уже будет матерью. И уж если ты испугался ее, то почему не выпроводил из спальни и не взялся за сестричку? Эта пичужка потеряла девственность задолго до того, как стала оформляться физически, насколько я знаю. И я слыхала, что Мьюри — «блюдо с начинкой» — кажется, у американцев есть такая идиома.

Я пробормотал что-то, думая о том же. Но мне почему-то не хотелось эту проблему обсуждать со Стар.

Она сказала:

— Pardonne-moi, mon cher? Tu as dit?[1]

— Я сказал, что мне простится, должно быть, шесть грехов за этот Великий Пост.

Она удивилась:

— Но Великий Пост давно прошел на Земле. А здесь его вообще не бывает.

— И очень жаль.

— И все же я рада, что ты не выбрал Мьюри раньше Летвы. Иначе Мьюри задрала бы нос перед матерью. Но правильно ли я поняла, что ты готов исправить дело, если мне удастся договориться с Доралем? — Она добавила: — Мне это очень важно знать, в зависимости от этого я буду строить свою дипломатию.

[1] Извини, дорогой. Ты что-то сказал? (*фр.*)

— (Стар, Стар... это тебя я хочу в свою постель...) Если тебе так угодно, любимая.

— О, это сильно помогло бы.

— О'кей. Тут ты командир. Одну... две... тридцать... умру, но не сдамся. Только, пожалуйста, никаких девочек... маленьких...

— Нет проблем. Дай-ка мне подумать. Ах, если бы только Дораль дал мне сказать хотя бы пять слов.— Она замолкла. Рука ее сохраняла ровную теплоту. Я тоже примолк, задумавшись. Эти странные обычаи имели последствия, важность которых я до сих пор не смог полностью оценить. Например, почему, если Летва немедленно сообщила мужу, какой я олух...

— Стар, а где ты провела эту ночь?

Она бросила на меня острый взгляд:

— Милорд, позвольте сказать вам, что вам лучше не совать нос не в свои дела.

— Разрешаю. Только все почему-то суют нос в мои.

— Извини. Я очень встревожена, и мои самые главные тревоги тебе пока неизвестны. Это был прямой вопрос, и он заслуживает прямого ответа. Гостеприимство здесь всегда сбалансировано, и честь оказывается одновременно двум сторонам. Я спала в постели Дораля. Однако, если это важно, а для тебя это может быть важным — я все еще плохо понимаю американцев,— вчера я, как известно, была ранена и рана еще беспокоила меня. Джоко — широкая и добрая душа. Мы спали. И только.

Я постарался, чтобы мой голос прозвучал беззаботно:

— Твоя рана меня беспокоит. Как она сегодня?

— Не болит. Повязка сама отпадет завтра к утру. Но... вчера — это не первый раз, когда я пользовалась гостеприимством кровли, стола и постелей в доме Доралей. Джоко и я — старые друзья, близкие друзья, вот почему мне кажется, что можно рискнуть в надежде получить несколько секунд до того, как он начнет нас убивать.

— Что ж, я и сам начал догадываться кое о чем.

— Оскар, по твоим стандартам, по тем, в которых ты воспитан, я — стерва.

— О, нет! Ты — Принцесса!

— Стерва. Но я не из твоей страны, и я воспитана по другому кодексу. По нашим стандартам, а они кажутся мне правильными, я — высокоморальная женщина. Ну а теперь... я все еще твоя любимая?

— Моя любимая!

— Мой любимый Герой! Мой рыцарь! Обними меня крепче и поцелуй. Если мы умрем, я хочу, чтобы наши губы были согреты дыханием друг друга. Въезд к Доралю — за тем поворотом.

— Знаю.

Мы ехали со шпагами в ножнах и луками за плечами, горделиво приближаясь к зоне обстрела.

Глава 10

Три дня спустя мы уезжали снова. На этот раз завтрак был чудовищно обилен. На этот раз наш выход сопровождал оркестр музыкантов. На этот раз Дораль ехал с нами. На этот раз Руфо подвели к его скакуну две девицы, которых он обнимал за талии, одновременно держа в каждой руке по бутылке спиртного, затем, после смачных поцелуев от дюжины других лиц женского пола, он был водружен в свое кресло и пристегнут ремнем в почти лежачем положении. Руфо заснул и захрапел еще до того, как мы отправились в дорогу.

Сколько поцелуев получил я на прощание, счесть просто невозможно, и многие из них были от тех, кто, честно говоря, не имел для этого больших оснований — я ведь пока еще только начинающий Герой, только постигающий основы этого мастерства.

Это неплохая профессия, несмотря на большие затраты времени, профессиональные заболевания и полное отсутствие социальной защищенности; у нее есть и свои достоинства, причем наибольшие перспективы на продвижение имеют тут люди упорные и готовые учиться. Дораль казался наверху блаженства.

За завтраком он воспел мои достижения на текущий момент в тысячах звучных строк. Но я был трезв и не позволил его хвалам вскружить голову созерцанием собственного величия.

Я-то знал себе цену. Ясное дело — какая-то пичуга регулярно приносила ему новости, но эта пичуга — врунья. Джон Генри — Стальной Человек*, и тот не мог бы сотворить то, что делал я, если верить Джоковой оде.

Я принял все как должное, ничего не отразив на своем геройском благородном лице, а затем встал и выдал им «Кейси в Бате», вложив сердце и душу в строку «Кейси могучий вынул его».

Стар в свободной манере интерпретировала мое выступление. Я (согласно ее переводу) восхвалял всех леди из дома Дораля, причем мои мысли явно ассоциировались с образами мадам Помпадур, Нелл Гвин, Нинон Ланкло и Ренджи Лил. Стар не называла этих знаменитостей по именам, но зато изощрялась в хвалах на невианский манер, применяя термины, которые наверняка сразили бы даже Франсуа Вийона*.

Мне пришлось выступить на «бис». Я продекламировал им «Дочурку Рейли» и «Бармаглота»*, сопровождая текст жестикуляцией.

Стар интерпретировала и это в должном духе. Она сказала именно то, что сказал бы я сам, будь я в состоянии слагать поэтические строфы. Вечером, на второй день пребывания в гостях, мы встретились со Стар в парилке сауны Дораля. Около часа мы пролежали, закутанные в простыни, на ложах, стоящих рядом, изгоняя вместе с потом вредные шлаки и восстанавливая силы. Я тут же выразил ей свое удивление происходящим и удовольствие по тому же поводу. Вообще-то на такие темы говорить трудно, но Стар — из тех немногих, перед кем я отваживаюсь открыть душу.

Она внимательно выслушала меня. Когда же я закончил, тихо сказала:

— Мой Герой, как ты знаешь, я плохо знакома с Америкой, но из того, что мне рассказывал Руфо, я усвоила, что ваша культура уникальна в сравнении с культурами других Вселенных.

— Да, я понимаю, что Соединенные Штаты не так наловчились в этих делах, как, например, Франция...

— Франция! — Тут она неподражаемо пожала плечами.— Латиняне — никудышние любовники! Это утверждение я

слышала неоднократно и готова его подтвердить, исходя из собственного опыта. Оскар, насколько я понимаю, ваша культура — единственная из полуцивилизованных, в которой любовь не рассматривается как высшее искусство и не исследуется так глубоко, как того заслуживает.

— Ты хочешь сказать, что мы в чем-то сходны с Невией? Как бы не так! «Это слишком хорошо для простого народа!»

— Нет, я не имею в виду, что вы такие же.— Стар говорила по-английски.— Хотя я и очень люблю своих здешних друзей, но это варварская культура и их искусство — тоже варварское. О, по-своему это прекрасное искусство, даже превосходное. Но... если мы переживем все то, что нам еще предстоит пережить, и когда трудности останутся позади, я хочу, чтобы ты попутешествовал по разным Вселенным. И ты поймешь, что я имею в виду.— Стар встала, придерживая простыню, как тогу.— Но я рада, что ты доволен, мой Герой. Я тобой горжусь.

Я полежал еще немного, обдумывая услышанное от Стар. «Высшее искусство», а там — дома — мы даже не изучаем его, а еще менее — преподаем. Да и как это делать? Обучение балету требует многих лет, а в «Метрополитен Опера» не приглашают петь за громкий голос. И почему у нас любовь классифицируется как инстинкт?

Разумеется, сексуальный аппетит — это инстинкт, но разве аппетит превращает обжору в гурмана, а кухарку из забегаловки — в изысканного ресторанного повара? Черт побери, но ведь, даже чтобы стать кухарем в обжорке, надо учиться.

Я вышел из парилки, насвистывая: «В мире все лучшее — даром», но тут же замолчал, чувствуя сожаление ко всем своим несчастным компатриотам, ограбленным еще в день своего появления на свет самым колоссальным жульничеством в Истории.

Проводив нас на милю за пределы своих владений, Дораль попрощался с нами, обнял меня, расцеловал Стар и взъерошил ей волосы. Потом, вместе со всем эскортом, выхватил шпагу и отдавал нам салют до тех пор, пока мы не скрылись за ближайшим холмом. Я ехал рядом со Стар, Руфо храпел позади.

Я взглянул на Стар, у нее чуть подрагивали уголки губ. Она поймала мой взгляд и чопорно произнесла:

— Доброе утро, милорд.

— Доброе утро, миледи. Каково почивали?

— Благодарю вас, недурно, милорд. А вы?

— Спасибо, тоже хорошо.

— Вот как? А с собакой ничего странного этой ночью не произошло?

— Собака ночью ничего не делала, и это было самым странным,— сказал я, стараясь сохранять на лице полную серьезность.

— Неужели? Такая жизнерадостная собачка?! А тогда кто был тот рыцарь, которого я видела с некой леди?

— То было не ночью. Еще варкалось[1].

— Понятно. Значит, у тебя «взы-взы» стрижает меч? «О, светозарный мальчик мой»!

— Брось свои бармаглотовы штучки, ты чересчур игривая девчонка! — Я старался быть серьезным.— У меня есть друзья, и они подтвердят мое алиби. А кроме того, во мне сила десяти мужей, ибо чист я сердцем.

— Да, это-то мне известно — ваши друзья просветили меня насчет силы десятерых, милорд.— Тут она захохотала, шлепнула меня по бедру и принялась во все горло распевать припев из «Дочурки Рейли». Вита Бревис застыдилась, Арс Лонга запрядала ушами и посмотрела на Стар с явным неодобрением.

— Перестань! — одернул я ее.— Ты шокируешь лошадей.

— Во-первых, они не лошади, во-вторых, их невозможно шокировать. Ты видел, как они занимаются этим? Несмотря на свое многоножие? Сначала они...

— Придержи язык! Арс Лонга — леди, чего не скажешь о тебе.

— Я же предупреждала тебя, что я — стерва. Сначала она ложится на бок...

---

[1] Здесь и ниже цитируются строки и словечки из знаменитого стихотворения Л. Кэрролла «Jabberwocky» (в русском переводе «Бармаглот»).

— Да видел я! Мьюри думала, что это может позабавить меня. А я получил приступ комплекса неполноценности, длившийся весь вечер.

— Рискну поспорить, что не весь вечер, милорд. Ну, раз так, давай споем «Дочурку Рейли». Ты начинай, я буду вторить.

— Что ж... Но тогда — не очень громко, иначе разбудим Руфо.

— Его не разбудишь. Он набальзамирован.

— Тогда разбудишь во мне зверя, а это куда хуже. Стар, милая, а где и когда Руфо был похоронных дел мастером? И как из похоронной конторы он попал в наши дела? Его выгнали, что ли?

— Могильщик? Руфо? Не может того быть! — удивилась Стар.

— Он говорил со мной с полным знанием дела.

— Вот как! Милорд, у Руфо множество недостатков, но правдивость не входит в их число. Кроме того, в нашем мире могильщиков не бывает.

— Не бывает? Что же вы делаете со своими покойниками? Нельзя же оставлять их в своих гостиных? Это было бы негигиенично.

— Я тоже так думаю, но мой народ именно так и поступает: держит покойников в своих гостиных. Во всяком случае, по нескольку лет. Обычай основан на чистой сентиментальности, но мы и есть сентиментальный народ. Хотя даже у нас кое-кто перебарщивает с этим делом. Одна из моих теток держала в собственной спальне всех своих усопших мужей — там была страшная теснотища, а кроме того, она непрерывно о них говорила, все время повторяясь и путаясь. Я даже перестала ходить к ней в гости.

— Ничего себе! Она их чистила пылесосом?

— О да! Она была очень хорошая хозяйка.

— М-м-м... и сколько их было?

— Семь или восемь, не считала.

— Понятно. Стар, быть может, убийство мужей у тебя в семье является наследственной чертой?

— Что? Ох, любимый, да в каждой женщине сидит потенциальная склонность к вдовству.— На ее лице появились ямочки,

и она, протянув руку, погладила меня по колену.— Но тетя их не убивала. Поверь мне, мой Герой, женщины в моей семье слишком любят своих мужей, чтобы терять их зазря. Нет, тетя очень расстраивалась, когда они умирали. Я считала, что это глупо — надо смотреть вперед, а не назад.

— И пусть мертвое прошлое само хоронит своих мертвецов... Слушай, если твой народ держит покойников в своих домах, то и у вас должны быть похоронных дел мастера. Ну, хотя бы бальзамировщики. Иначе воздух...

— Бальзамировщики... О, нет! Их погружают в стасис, как только убеждаются, что человек умер... или умирает. С этим может справиться даже школьник.— Подумав, она добавила: — Пожалуй, я несправедлива к Руфо. Он провел очень много лет на Земле и, вполне возможно, занимался там и похоронным делом. Только мне кажется, что эта профессия слишком честна и прямолинейна, чтобы увлечь Руфо.

— Ты, однако, не сказала мне, что же в конце концов у вас делают с трупами.

— Во всяком случае, не погребают в земле. Нашим людям это показалось бы шокирующе глупым.— Стар вздрогнула.— Даже мне, которая путешествовала по Земле и ряду других Вселенных и привыкла спокойно относиться к самым странным обычаям.

— И все-таки, что же?

— Ну, примерно то же, что ты сделал с Игли. Применяют геометрический перенос, вот и все.

— Ох, Стар, а куда подевался Игли?

— Не знаю, милорд. Не было времени для решения этой задачи. Возможно, это известно тем, кто его сотворил. Но не думаю, что они были бы удивлены больше меня.

— Думаю, я ужасно туп, Стар. Ты называешь это геометрией, Дораль назвал меня «математиком», а я всего лишь делал то, что заставляли меня делать обстоятельства. Не понимаю я этого.

— Вернее было бы говорить об обстоятельствах, давивших на Игли, милорд Герой. Что получится, если приложить огромное давление к массе, такое, что масса больше не сможет оста-

ваться в данном месте, хотя деваться ей некуда? В метафизической геометрии это задачка для школьника и называется она парадоксом невыносимого давления и неподвижной массы. Масса взрывается изнутри — она вытесняется из этого мира в какой-то иной. Именно таким путем иногда люди одной Вселенной открывают себе путь в другую, но чаще это сопровождается губительными последствиями, подобными тем, которые ты создал для Игли. Могут пройти бесчисленные годы, пока этот процесс будет поставлен под контроль. Надо думать, что еще очень долго такие вещи будут считаться явлениями «магическими», иногда будут получаться, чаще — нет, иногда оборачиваясь смертельной опасностью для самого мага...

— И это ты называешь «математикой»?

— А как же иначе?

— Я бы назвал это магией.

— Разумеется. Я так и сказала Джоко: ты — природный гений. Ты мог бы стать могучим колдуном.

Я пожал плечами с некоторой долей неловкости.

— Я не верю в магию.

— Я тоже,— отозвалась Стар.— В том виде, в котором ты ее понимаешь. Но я знаю, что она существует.

— Так я же об этом и говорю. Не верю в фокусы-покусы. Что случилось с Игли, вернее, то, что, по-видимому, с ним произошло, не могло произойти на самом деле, так как нарушает закон сохранения массы-энергии. Должны быть другие объяснения.

Стар вежливо промолчала.

Тогда я ввел в действие грубый здравый смысл безграмотности и предубеждения:

— Слушай, Стар, я не могу поверить в невозможность только потому, что видел что-то своими глазами. Законы природы — есть законы природы. Ты должна это признать.

Мы проехали несколько десятков метров в молчании, потом она ответила:

— С твоего разрешения, милорд, мир вовсе не таков, каким мы его хотим видеть. Он таков, каков есть. Нет, я немного

упрощаю. Возможно, он действительно таков, каким он нам представляется, но и в этом случае он таков, каков есть. Le voilá![1] Смотри, вот он перед тобой. Das Ding an sich![2] Попробуй ее на зуб! Ai-je raison?[3] Я верно говорю?

— Так и я говорю то же самое! Вселенная такова, какова есть, и не может быть изменена какими-то фокусами. Она подчинена определенным законам, как подчинена им машина.— Я помолчал, вспомнив автомобиль, который у нас был когда-то. Это был явный ипохондрик. Он «заболевал» и «выздоравливал», как только механик дотрагивался до него. Я сказал твердо: — Законы природы не берут отпусков. Неизменность законов природы — краеугольный камень науки.

— Верно.

— Ну и...— потребовал я.

— Ну и тем хуже для науки.

— Но...— Я замолчал и ехал дальше обиженный и нахохлившийся.

Потом нежная рука легла на мое плечо и погладила его.

— Рука крепкая, как шпага,— проговорила мягко Стар.— Милорд Герой, можно, я поясню?

— Валяй,— разрешил я.— Если ты убедишь меня, ты и папу римского сможешь обратить в мормонскую веру. Я упрям.

— Неужели я выбрала бы тебя из сотен миллиардов людей как своего рыцаря, не будь ты таков?

— Сотен миллиардов? Ты хочешь сказать, из миллионов?

— Выслушай меня, милорд, и будь снисходителен и терпелив. Давай поступим по правилам Сократа: я буду задавать тебе хитрые вопросы, а ты будешь давать на них простые ответы. Потом — твоя очередь спрашивать, а моя — подавать глупые реплики. О'кей?

— Ладно. Начинай первая.

---

[1] Вот так! (*фр.*).

[2] Вещь в себе (*нем.*).

[3] Не так ли? (*фр.*).

— Отлично. Вопрос первый: что, обычаи дома Доралей совпадают с теми, которые существуют в твоем мире?

— Что?! Ты же знаешь, что нет. Никогда в жизни не был так поражен, с того самого времени, когда дочка причетника затащила меня на колокольню, пообещав показать Святого Духа.— Я глупо хмыкнул.— Я бы, наверно, до сих пор краснел, если бы не перегорели мои пробки скромности.

— И тем не менее главное различие между невианскими обычаями и вашими заключается в одном-единственном постулате. Милорд, существуют миры, где мужчины убивают женщин, как только те отложат яйца, существуют и другие — там женщины съедают мужчин в момент оплодотворения, как та мужеубийца, которую ты навязал мне в родственницы.

— Но я же не это имел в виду, Стар.

— И я не обиделась, мой любимый. Оскорбление — как выпивка — действует, лишь когда оно принято. А гордость — слишком тяжелый багаж для моего путешествия. У меня ее нет. Оскар, тебе те миры кажутся более странными, чем Невия?

— Ты же говоришь о пауках или о чем-то в таком роде. Это не люди.

— Нет, я говорю о людях, о доминирующих расах в каждом из этих миров. И притом высокоцивилизованных.

— Не может того быть!

— Ты бы воздержался от своего «не может того быть», если бы их увидел. Они так сильно отличаются от нас, что их семейная жизнь уже не имеет для нас особого значения. Наоборот, Невия похожа на Землю, и тем не менее ваши обычаи так шокировали бы старого Джоко, что он лишился бы языка. Дорогой мой, твой мир имеет обычай, который уникален и не встречается нигде, вернее, ни в одной из Двадцати Вселенных, известных мне из тысяч или миллионов Вселенных. В известных мне Двадцати Вселенных только Земля обладает таким поразительным обычаем.

— Ты говоришь о войне?

— О, нет! Большинству миров война знакома. Только эта Невия... она одна из тех немногих, где убийство — дело розничное,

а не оптовое. Тут есть герои, тут убийства возникают на почве страстей. Это мир любви и человекоубийства, причем и то и другое происходит с жизнелюбивой непринужденностью. Нет, я говорю о чем-то таком, что шокирует гораздо сильнее убийства. Попробуй догадаться сам.

— Гм... Телевизионные коммерческие передачи?

— Близко по духу, но от цели далеко. У вас есть такое выражение — «древнейшая профессия». Здесь и в других мирах она не числится даже в списке новейших. Никто о ней и не слыхивал, да и не поверит, если услышит. Мы — те немногие, кто побывал на Земле,— не говорим об этой профессии. Впрочем, это не имеет значения, кто же верит россказням путешественников?

— Стар, ты хочешь сказать, что во всей Вселенной больше нигде нет проституции?

— Во всех Вселенных, милый. Нигде.

— Ты знаешь, моего Первого сержанта от такого известия мог бы хватить удар. Как, вообще нет?

— Я хочу сказать,— резко ответила она,— что проституция, видимо, чисто земное изобретение. Сама идея проституции могла бы довести Джоко до полной импотенции.

— Будь я проклят! Видимо, мы просто кучка дегенератов.

— Я не хотела тебя оскорбить, Оскар. Я придерживаюсь голых фактов. Но эта странность землян нисколько не кажется странной в земном контексте. Любой товар производится, чтобы быть проданным и купленным, он дается взаймы, сдается в аренду, служит для бартерных сделок, является основой существования всей системы торговых отношений, стимулируется государственной политикой, подвергается инфляции, реализуется на черном рынке, облагается законной пошлиной, обесценивается и т. д., а следовательно, и «женский товар», как его называли на Земле в менее ханжеские времена, не может служить исключением. Единственное, что вызывает удивление, так это чудовищная мысль, что женщина может рассматриваться как товар. Господи, это так удивило меня, что я однажды... Впрочем, это к делу не относится. Все можно сделать това-

ром. Когда-нибудь я покажу тебе цивилизации, существующие в космосе, не на планетах или на каком-либо другом фундаменте, а просто в космосе. Далеко не все Вселенные имеют планеты. Так вот, у этих цивилизаций глоток жизни продается так же, как килограмм масла в Провансе. На других же планетах существует такая перенаселенность, что привилегия жить облагается налогом, а малолетних преступников немедленно уничтожают в Министерстве Вечных Доходов, и никто из жителей не возражает, наоборот, все очень довольны.

— Боже мой! Да почему же?

— Смерть — единственное решение их проблем, поскольку большинство не может эмигрировать, несмотря на обилие незаселенных планет. Но мы с тобой говорили о Земле. Проституция не только не известна нигде, кроме Земли, но нигде не известны и ее мутационные производные: приданое, выкуп невесты, алименты, раздельное проживание, то есть все те варианты, которые так специфичны для многих земных институтов, все те обычаи, которые, иногда весьма отдаленно, связаны с невероятным предположением, что все, чем обладают женщины,— товар, который можно запасать впрок и продавать на аукционах.

Арс Лонга издала звук, говоривший об отвращении. Нет, я не думаю, что она что-нибудь поняла. Кое-что она понимает по-невиански, но Стар говорила на английском. Словарь невианского языка слишком беден для такой темы.

— Даже ваши вторичные обычаи,— продолжала она,— формируются под воздействием этого уникального института. Одежда, например. Ты заметил, что в Невии нет существенных различий между одеждой обоих полов. Сегодня утром я надела облегающие брюки, а ты — шорты, но если бы мы поменялись одеждой, никто бы не обратил внимания.

— Как же, не заметили бы! Твои штаны на меня не налезут.

— Они растягиваются. А стыд перед обнаженным телом — это же тоже следствие узкой половой специализации одежды! Здесь обнаженность так же обычна, как на том очаровательном маленьком островке, где я встретила тебя. Все лысые покрывают чем-то свою лысину, все остальные, независимо от прически,

украшают свои волосы драгоценностями, но табу на обнаженное тело существует только там, где плоть является товаром, который упаковывают и помещают на витрину. И все это есть на Земле. Между прочим, все это близко таким вещам, как объявление «Грейпфруты руками не мять» или как двойное дно в ящиках для ягод. Если вам не намерены всучить какое-то гнильцо, то зачем прятать его под пологом таинственности?

— Следовательно, если мы откажемся от одежды, то разделаемся и с проституцией?

— Господи, да нет же! Ты все ставишь вверх ногами.— Она нахмурилась.— Я понятия не имею, как ликвидировать проституцию на Земле. Она, в сущности, часть всего вашего образа жизни.

— Стар, ты ошибаешься! В Америке проституции практически нет.

— В самом деле? — удивилась она.— Но разве слово «алименты» изобрели не в Америке? А такие слова, как «золотоискательница»?[1] «Девушка по вызову»?

— Да, но проституция как таковая почти вымерла. Черт возьми, я даже не знаю, как задать вопрос, есть ли публичный дом в каком-нибудь военном поселке. Не хочу сказать, что у нас негде «поваляться на сене», но это же не за деньги! Стар, если даже о какой-нибудь американке говорят, что она «легкого поведения», то, если ей предложат пять или двадцать долларов, в девяти случаях из десяти можно получить по морде.

— А как же это делается?

— Ну, ты обращаешься с ней вежливо. Ведешь ее поужинать, может быть, в театр. Покупаешь ей цветы — девушки их обожают. Ну а затем делаешь ей в деликатной форме предложение.

— Оскар, разве этот ужин, театр, а возможно, и цветы не стоят больше пяти долларов? Или даже двадцати? Я слышала, что цены в Америке выше, чем во Франции.

— Да, конечно. Но нельзя же ожидать, что тебе стоит лишь раскланяться, как девушка тут же готова лечь. Толстый кошелек...

[1] Этим словечком именуют женщин, выходящих замуж с намерением вскоре развестись, получив изрядное обеспечение или крупные алименты.

— Все! Обвинительное заключение вручено. Все, что я говорила, сводится к одному: обычаи могут резко отличаться в различных мирах.

— Это верно даже для Земли... Но...

— Пожалуйста, не торопись, милорд. Я не буду оспаривать достоинства американок и не буду их критиковать. Если бы я выросла в Америке, думаю, потребовала бы как минимум бриллиантовый браслет, а не ужин или киношку. Но все это лишь подходы к вопросу о законах природы. Разве презумпция неизменности законов природы не является ничем не обоснованной даже на Земле?

— Ну... Ты неправильно формулируешь. Это действительно презумпция, насколько я понимаю. Но пока не было случая, чтобы она не подтвердилась.

— Значит, черных лебедей не бывает? Разве не может быть, что исследователь, увидев исключение, предпочтет не поверить собственным глазам? Точно так же, как ты не хочешь поверить, что Игли съел самого себя при твоей помощи, мой Герой. Впрочем, не в этом дело. Давай оставим Сократа его Ксантиппе. Законы природы могут быть неизменны в пределах какой-то Вселенной, особенно из категории «устойчивых». Хорошо известно, однако, что законы природы варьируются от Вселенной к Вселенной, и тебе следует смириться с этим, милорд, иначе никто из нас долго не проживет.

Я задумался. Черт, но куда же в самом деле девался Игли?

— К такой мысли трудно привыкнуть!

— Не более трудно, чем свыкнуться со сменой языков и обычаев при переезде из одной страны в другую. Скажи, как много химических элементов на Земле?

— Девяносто два да еще несколько производных, так что всего сто шесть или сто семь.

— В Невии примерно столько же. Тем не менее земной химик испытал бы здесь сильный шок. Электроны тут не вполне те же и ведут себя не совсем так, как на Земле. Водородная бомба здесь не сработает, динамит не взорвется.

Я воскликнул громче, чем требовалось:

— Подожди-ка! Уж не хочешь ли ты доказать, если смотреть в корень, что электроны и протоны тут не такие?

Она пожала плечами.

— Может — да, а может — нет. А что такое электрон, как не математическая абстракция? Ты какой-нибудь из них пробовал на вкус? Пытался насыпать соли на хвост кванту? Разве в этом дело?

— Конечно, в этом! Ведь человек может умереть от нехватки некоторых элементов так же легко, как от отсутствия хлеба!

— Это правда. В некоторые миры мы, люди, должны брать с собой пищу, когда отправляемся туда, ну, например, если нам необходимо туда попасть для пересадки с места на место. Но в Невии и в каждой из Вселенных и бесчисленных планет, где живем мы, люди, нам нет нужды беспокоиться: местная пища вполне пригодна для еды. Конечно, если бы ты жил тут долгие годы, а потом вернулся на Землю и вскоре умер там и было бы сделано вскрытие, то патологоанатом, должно быть, не поверил бы своим глазам. Однако желудку до этого дела нет.

Я подумал о своем желудке, набитом удивительной пищей, о воздухе — чистом и прекрасном... Телу моему явно было безразлично, существуют ли те различия, о которых говорила Стар. Затем я вспомнил об одном деле, где мелкие отклонения могут вызвать важнейшие последствия. Я спросил Стар об этом.

Ее взгляд был светел и невинен:

— А что тебе до этого, милорд? Когда у Дораля возникнут проблемы, тебя уж тут давно не будет. Я считала, что все эти три дня у тебя была лишь одна цель — помочь мне в решении моей задачи. Получая известное удовольствие от этой работы, ты отдался ей душой и телом...

— Дьявольщина, да прекрати ты смеяться надо мной, Стар! Правильно, я все это делал ради тебя! Но поинтересоваться-то все-таки можно?

Она хлопнула меня по мягкому месту и захихикала:

— Ох, мой милый, мой родной! Не надо так напрягаться — человеческие расы во всех Вселенных могут скрещиваться. Некоторые результаты такой операции очень хороши, в других

случаях дело кончается тем же, чем у мулов. Но этот случай — иной. Ты можешь жить в Невии сколько угодно долго, даже вообще не возвращаться на Землю. И ты не стерилен, это я установила во время осмотра твоего великолепного тела в Ницце. Разумеется, прогнозировать с точностью, как лягут игральные кости, нельзя, но думаю, у Дораля не будет оснований для разочарования.

Она склонилась ко мне:

— А не ознакомишь ли ты своего врача с более точными данными, чем те, о которых распевал Дораль? Тогда бы я могла определить статистическую вероятность. Или даже воспользоваться Знанием.

— Ни в коем случае! Нечего тут вынюхивать!

— Вынюхивать? Вот даже как? Ну, как угодно милорду. Тогда если отрешиться от личностей, то факт возможности скрещивания людей различных рас из разных Вселенных, равно как и таких животных, как кошки и собаки,— вопрос в высшей степени интересный. Единственное, что установлено точно,— это то, что человеческие существа процветают лишь во Вселенных, обладающих химическим обменом столь сходным, что элементы, составляющие ДНК, практически неразличимы.

Что же до остального, то у каждого ученого — свои гипотезы. Некоторые прибегают к теологическим объяснениям, считая, что человек возникал в каждой Вселенной, которая могла обеспечить его развитие, как результат или Божественного Промысла, или Слепой Необходимости, что заставляет последователей этих учений принимать религию в чистом виде или разбавлять ее содовой водичкой.

Другие думают, что мы возникли (или сотворены) лишь однажды и только потом постепенно проникали в другие Вселенные. Они очень любят рассуждать о том, какая именно Вселенная была родиной Человечества.

— А какие тут могут быть споры? — возразил я.— Земля обладает археологическими доказательствами, рисующими всю эволюцию человека. Другие планеты или имеют такие же, или — нет, так что вопрос должен решаться просто.

— Ты уверен, милорд? Я слышала, что генеалогическое древо человека на Земле имеет не меньше пунктирных линий, чем число бастардов в королевских семействах Европы.

Я опять заткнулся. Я ведь читал только научно-популярные брошюрки, так что, возможно, она права. Раса, которая не может выяснить, кто и что именно сделал кому-то в войне, случившейся лишь двадцать лет назад, уж конечно, не может знать, что какой-нибудь Алле-Оп сделал третьей горничной миллионы лет назад, поскольку от доказательств осталась лишь одна косточка. А подделок разве не было? Этот... Пилтдаунский человек* или как его там...

Стар продолжала:

— Какова бы ни была истина, но между мирами существуют связи. На твоей собственной планете исчезновения людей исчисляются сотнями тысяч. И это отнюдь не одни беглецы и мужья, бросившие жен. Чаще всего исчезновения происходят на полях сражений. Давление становится столь невыносимым, что человек проваливается сквозь дыру, о которой и не подозревал, и оказывается в списках пропавших без вести. Иногда, но очень редко, другие люди наблюдают такие исчезновения. Один из ваших писателей — Бирс или Пирс — коллекционировал подобные истории, пока сам не попал в такую коллекцию*.

Но Земля имеет и обратные связи, например, известный Каспар Хаузер* — человек ниоткуда, говоривший на непонятном языке и так и не поведавший, кто он такой.

— Минутку! Но почему только люди?

— А я не говорила «только люди». Тебе приходилось слышать о дождях из лягушек? Из камней? О кровавых дождях? Кто будет интересоваться местом рождения бродячего кота? Все ли «летающие тарелки» — оптическая иллюзия? Могу твердо сказать, что нет. Некоторые из них — несчастные астронавты, ищущие дорогу домой. Мой народ редко прибегает к космическим путешествиям, так как передвижение быстрее света — самый надежный способ заблудиться между Вселенными. Мы предпочитаем более безопасный метод метафизической геометрии, или «магии» в просторечии.— Стар задумалась, а потом

сказала: — Милорд, твоя Земля — возможный Дом Человечества. Так считают многие ученые.

— Почему?

— Она соприкасается со многими мирами. Занимает первое место в списке по числу пересадочных мест. Если народы Земли сделают ее непригодной для жизни, что маловероятно, но возможно, то будут разорваны связи со многими Вселенными. Земля имела свои «Круги Фей», «Врата» и «Мосты» на протяжении множества веков. Врата, которыми мы пользовались в Ницце, существуют как минимум с доримских времен.

— Стар, как можно говорить о точках «соприкосновения» Земли с другими мирами, якобы существующими множество столетий? Ведь Земля движется вокруг Солнца со скоростью что-то вроде 20 миль в секунду. Кроме того, она вращается вокруг своей оси, на нее оказывают воздействие другие тела Солнечной системы, что делает ее орбиту невероятно сложной, а скорость движения трудновычислимой. Как же можно обеспечить «постоянство касания»?

Некоторое время мы ехали молча, потом Стар спросила:

— Мой Герой, сколько времени тебе потребовалось, чтобы изучить дифференциальное исчисление?

— Я его не изучил. А учился ему два года.

— Скажи мне, частица может быть волной?

— Что? Стар, это же квантовая механика, а не дифференциальное исчисление. Я мог бы попытаться объяснить, но это бессмысленно. Я же плохо владею высшей математикой — инженеру это не нужно.

— Было бы проще,— сказала она мягко,— ответить на твой вопрос словом «магия», как ты ответил мне термином «квантовая механика». Но ты это слово не любишь, поэтому мне придется сказать, что после того, как ты изучишь высшую геометрию, метафизическую, вероятностную, равно как топологическую и здравомысленную,— если ты решишься предпринять это,— я тебе с удовольствием отвечу. Впрочем, тогда тебе уже незачем будет и спрашивать.

(Вам когда-нибудь говорили: «Подожди, пока вырастешь, тогда и поймешь»? Я в детстве не любил получать такой ответ от взрослых, каково же мне было услышать его сейчас, когда я давно вырос, да еще от любимой!)

Стар не позволила мне погрузиться в мрачное состояние и переменила тему:

— Скрещивание происходит не только в результате внезапных перемещений или космических перелетов. Слышал ли ты когда-нибудь об инкубах и суккубах*?

— Разумеется. Только никогда не забивал голову мифами.

— Это не мифы, милый, сколько бы раз легенды ни использовались для объяснения весьма непривлекательной ситуации. Колдуны и колдуньи далеко не всегда святые, и у некоторых из них появляется страсть к насилию. Колдуны, узнавшие, как отворяются Врата, могут легко удовлетворить свой порок. Он — или она — могут напасть на спящего — девственницу, добродетельную жену, невинного мальчика и подчинить их волю, а потом исчезнуть до крика петуха.— Стар вздрогнула.— Грех во всем своем безобразии! Если мы их ловим, то убиваем на месте. Мне посчастливилось схватить нескольких и уничтожить. Это страшный грех, даже если жертве начинает нравиться ее судьба.— Ее снова передернуло.

— Стар, а каково твое определение греха?

— А разве их несколько? Грех — это жестокость, несправедливость, все остальное — пустяки. О, понятие греха идет от нарушения обычаев твоего племени. Но нарушение обычая — не есть грех, даже если ощущается как таковой. Грех — причинение вреда другому человеку.

— А как же грех перед Господом Богом?

Она бросила на меня быстрый взгляд:

— Опять бреем брадобрея? Тогда скажи, милорд, что ты понимаешь под богом?

— Я просто хотел услышать, как ты выберешься из ловушки.

— Ну, в такую-то ловушку я не попадаюсь уже многие-многие годы. Это для меня все равно что попытаться сделать выпад с вывихнутой рукой или войти в пентаграмму одетой.

Кстати о пентаграммах, милорд. Мы едем не в том направлении, в каком намечали три дня назад. Теперь мы направляемся к другим Вратам, которыми я не намеревалась воспользоваться. Они более опасны, но тут уж выбирать не приходится.

— Моя вина. Я очень сожалею, Стар.

— Это моя вина, милорд. Но мы не в полном проигрыше. Когда мы потеряли наш багаж, я была в большем отчаянии, чем могла позволить себе показать, хотя я всегда чувствую себя плохо, когда перевожу огнестрельное оружие через мир, где к нему нельзя прибегать. Но наша складная шкатулка заключала в себе кое-что гораздо более важное, чем оружие,— вещи, без которых мы становились беззащитными. Время, которое ты потратил на излечение сердечных ран дам дома Дораля, я, частично во всяком случае, использовала, чтобы выудить у Джоко новую шкатулку, в которой есть все, что может пожелать душа, кроме огнестрельного оружия. Так что у нас — не одни потери.

— Мы направляемся в другой мир?

— И не позже завтрашнего утра, если доживем до него.

— Какого черта, Стар! Вы с Руфо разговариваете так, будто каждый вздох может быть последним.

— Именно так и может произойти.

— Но сейчас-то ты не ждешь засады! Мы все еще находимся на земле Дораля. Однако Руфо полон страшных предчувствий, как в плохой мелодраме. Да и ты не многим лучше его.

— Очень сожалею. Руфо волнуется, но он — именно тот человек, которого хорошо иметь за спиной, когда начнется потасовка. Что касается меня, то я стараюсь быть честной, милорд, и предупреждать тебя о том, что ждет нас впереди.

— Ну, пожалуй, ты меня скорее сбиваешь с толку. Не думаешь ли ты, что уже пришло время выложить карты на стол?

Стар была в явном затруднении.

— А если первой из них окажется «Повешенный»?[1]

---

[1] Карта в колоде гадальных карт Таро, означающая самопожертвование.

— Плевать! Я могу встретить опасность, не падая в обморок.

— Знаю, что можешь, мой рыцарь!

— Спасибо. Но незнание задачи угнетает меня. Поэтому — говори!

— Я отвечу на любой твой вопрос, милорд Оскар. И всегда была готова ответить.

— Но ты же знаешь, что мне неизвестно, какие именно вопросы следует задать. Возможно, почтовому голубю и не надо знать, из-за чего идет война, но я чувствую себя воробьем в роли волана в бадминтонном матче. Поэтому начнем сначала.

— Как прикажешь, милорд... Около семи тысяч лет назад...— Стар замолчала.— Оскар, ты хочешь узнать все перипетии положения мириадов миров Двадцати Вселенных в течение многих тысяч лет, приведших к нынешнему кризису, сейчас же? Я постараюсь, если ты прикажешь, но даже дать общее представление об этом можно только за гораздо большее время, чем у нас осталось, чтобы пройти через Врата. Ты мой рыцарь, сама моя жизнь зависит от твоей храбрости и умения. Тебе нужно знать все изгибы политики, лежащей за моим теперешним бессилием и за почти безнадежным, если исключить надежду на тебя, будущим, или я могу остановиться на тактический оценке ситуации?

(Черт их возьми! Я хочу знать все!)

— Ладно, давай ограничимся тактической стороной. Пока.

— Обещаю,— сказала она серьезно,— что, если мы останемся живы, ты узнаешь все детали. Ситуация же такова: я собиралась пересечь долину Невии на лодке, затем добраться до гор и проникнуть во Врата, расположенные за Вечными вершинами. Этот путь безопасен, хотя и длинен. Теперь мы должны торопиться. Мы свернем с дороги после полудня и поедем через дикую местность, и местность еще худшую в ночное время. К тамошним Вратам мы должны добраться до рассвета. Если повезет, сможем немного поспать. Я надеюсь на это, так как через эти Врата мы перенесемся в другой мир к еще более опасному «выходу».

Попав в тот мир — а он называется Хокеш или Карт — в Карт-Хокеш, мы окажемся вблизи, даже опасной близи от вы-

сокой башни — высотсой около мили,— и тут-то и начнутся главные трудности. В бэашне находится Никогда-Не-Рожденный Пожиратель Душ.

— Стар, ты хочешь меня запугать?

— Предпочитаю, чтобы ты испугался здесь, если это возможно, а не был захваччен врасплох там. Моя мысль, милорд, такова, что об опасностях надо предупреждать по мере их появления, чтобы ты смог преодолевать их по очереди. Но ты почти силой заставил меня действовать иначе.

— Возможно, ты праава. Сделаем так — ты будешь сообщать мне детали каждый раз, когда начнется дело, а пока изложи мне все лишь в общих чертах. Итак, я должен буду сразиться с Пожирателем Душ, да? Это меня не пугает. Если он попытается слопать мою, его стошнит. Чем я буду с ним драться? Плевками?

— Это один из способов,— на полном серьезе ответила Стар.— Но при удаче мы не будем с ним драться вообще. Нам нужно только то, что он охраняет.

— А что это?

— Яйцо Феникса.

— Феникс не откладывает яиц.

— Знаю, милорд. Это и делает яйцо уникально ценным.

— Но...

Она перебила меня::

— Так оно называется. Это небольшой предмет, чуть больше яйца страуса, черного цвета. Если я его не получу, произойдет много бед. Из них самая малая — я умру. Я говорю об этом, так как тебе это обстоятельство может показаться значительным, да и сказать эту правду легче, чем разъяснять проблему в целом.

— Ладно. Мы украли Яйцо. Что дальше?

— Дальше — мы едем домой. После этого ты можешь отправиться обратно в свой мир. Или остаться в моем. Или отправиться, куда хочешь,, через Двадцать Вселенных и мириады миров. Все, что тебе захочется, все сокровища — твои. Ты заработал право на все и даже больше того... А также на мою невыразимую благодарность, и на все, что ты от меня захочешь получить.

(Самый щедрый чек на предъявителя, который когда-либо выписывался, если, конечно, мне удастся его предъявить к оплате.)

— Стар, ты, по-видимому, не думаешь, что мы выживем?

Она глубоко перевела дух:

— Это маловероятно, милорд. Говорю тебе правду. Сделанная мной ошибка заставляет прибегнуть к очень опасной альтернативе.

— Понятно. Стар, ты выйдешь за меня замуж? Сегодня же? (Да, пойми этих женщин!)

— Эй, полегче! Не падай! — Правда, упасть она не могла — предохраняющий ремень хорошо ее держал. Она только перевесилась через него. Я наклонился и обнял ее за плечи.— И перестань плакать. Ответь мне просто — да или нет, я же все равно буду драться за тебя. Ох, я забыл! Я люблю тебя. Во всяком случае, думаю, что это любовь. Странное щекочущее чувство возникает каждый раз, когда я вижу тебя или думаю о тебе, что бывает чаще.

— Я тоже люблю тебя, милорд,— голос Стар слегка охрип.— Люблю с тех пор, как впервые увидела тебя. Да, «странное щекочущее чувство», как будто у меня внутри все тает.

— Ну, у меня не совсем так,— признался я.— Скорее совсем наоборот, но означает оно то же самое. Щекотно, во всяком случае. Бросает в дрожь и в жар. Так как насчет того, чтобы пожениться?

— Но, милорд, любовь моя, ты, как всегда, меня поражаешь. Я знала, что ты любишь меня. Надеялась, что ты скажешь мне об этом до того... ну, в общем, вовремя. Дай мне услышать это еще раз. Но я никак не ожидала, что ты захочешь на мне жениться!

— А почему бы и нет? Я — мужчина, ты — женщина. Дело обычное.

— Но... О, мой любимый, я же говорю тебе... На мне вовсе не обязательно жениться! По твоим представлениям, я — стерва.

— Стерва, колдунья, ну и что? Да пес с ним, радость моя! Это твой мир, а не мой. Ты почти убедила меня, что правила, в кото-

рых я был воспитан,— варварские, а твои — первый сорт. Лучше высморкайся, погоди-ка, у меня где-то был носовой платок...

Стар вытерла глаза и высморкалась, но вместо ожидаемого «да, милорд» она уселась поудобнее и даже не улыбнулась.

— Милорд Герой, а не лучше ли вам попробовать рюмку вина перед тем, как покупать целую бочку?

Я сделал вид, что не понял.

— Пожалуйста, милорд, мой любимый,— настаивала она.— Я говорю серьезно. Вон там, по твою сторону дороги, чуть дальше по курсу, есть зеленая лужайка. Веди меня туда, и я тут же, и охотно, последую за тобой.

Я привстал в кресле и притворился, что внимательно изучаю лужок.

— По-моему, там колючки. Будут царапать.

— Тогда выбери по своему вкусу. Милорд, я хочу, я жажду, я не безобразна, но ты вскоре узнаешь, что я — всего лишь уличный маляр в сравнении с теми художниками, которых ты еще встретишь. Я деловая женщина. У меня не было времени заняться глубоким изучением любви, как она того заслуживает. Поверь мне! Нет, лучше испытай меня! Ты же не уверен, что в самом деле хочешь жениться на мне.

— Значит, ты фригидна и неуклюжа?

— Нет... так бы я не сказала... Просто не очень искусна, но полна энтузиазма.

— Ага, как твоя тетка со своей набитой спальней, это у вас в крови, ты говорила. Давай остановимся на том, что я хочу жениться на тебе, несмотря на все твои очевидные недостатки.

— Но...

— Стар, ты что-то много стала болтать.

— Да, милорд.

— Нам нужно вступить в брак. Как тут это делается? Может быть, местный лорд по совместительству является и мировым судьей? А если да, то не пользуется ли он правом droit du seigneur? У нас нет времени на такие фривольности.

— Каждый сквайр — действительно мировой судья,— в раздумье сказала Стар.— И он действительно заключает браки, хотя

большинство жителей Невии обходятся без них. Но... да, он и в самом деле будет ожидать выполнения droit du seigneur, и, как ты справедливо заметил, мы не должны терять времени.

— Да это и не входит в мои представления о медовом месяце. Стар, погляди на меня. Я не собираюсь держать тебя в клетке, знаю, ты воспитана иначе. Но сквайра мы искать не будем. А есть тут что-нибудь вроде священников? Только желательно таких, что хранят целомудрие.

— Видишь ли, сквайр — одновременно и священник. В Невии религия не занимает большого места. Молитва о плодородии — вот и все, что их интересует. Милорд, любовь моя, самый простой способ — прыгнуть через шпагу.

— Такова церемония в твоем мире, Стар?

— Нет, скорее это в твоем:

Шлюха, скачи же, прыгай же, вор —
Будьте супругами вы с этих пор.

Это очень древний обряд.

— М-м-м... Не очень-то по душе мне такой брачный гимн. Возможно, я и разбойник, но мне хорошо известно, что ты думаешь о шлюхах. А что еще предложишь в этом плане?

— Дай подумать. В деревушке, которую мы будем проезжать после завтрака, есть Глашатай. Они иногда женят горожан, которые хотят, чтобы слух об их свадьбе распространился как можно шире. Брачная церемония включает распространение слухов.

— А что за церемония?

— Не знаю. Да и что нам до этого? Мы же все равно будем мужем и женой.

— Молодец! Вот это по-нашему! Не будем завтракать!

— Нет, милорд,— твердо сказала Стар.— Уж если я стану твоей женой, то постараюсь быть хорошей хозяйкой и не позволю тебе ходить голодным.

— Уже начинаешь пилить меня! Придется, видно, тебя поколотить.

— Как вам заблагорассудится, милорд. Но есть все же придется, ведь тебе потребуются все силы для...

— Ну еще бы!

— ...для битвы. Ибо сейчас я в десять раз больше хочу, чтобы мы оба остались в живых. А вот и местечко для завтрака!

И Стар повернула Виту Бревис к обочине. Арс Лонга последовала за ней. Стар глянула на меня через плечо, на щеках у нее появились ямочки.

— Я тебе уже говорила сегодня, любовь моя, что ты прекрасен?

Глава 11

Многоножка Руфо последовала за нами на покрытую травой лужайку, выбранную Стар для пикника. Сам Руфо своей вялостью больше всего напоминал мокрый носок, но храпел громко. Я бы не трогал Руфо, но Стар крепко встряхнула его за плечо.

Он моментально проснулся, начал искать шпагу, крича:

— A moi! M'aidez! Les vaches![1] — К счастью, какой-то доброжелатель положил шпагу с перевязью подальше на заднюю багажную полку, вместе с луком, колчаном и новой раскладной шкатулкой.

Потом Руфо тряхнул головой и спросил:

— Сколько их тут было?

— Это было далеко отсюда, старина,— весело ответила Стар.— Мы остановились поесть.

— Есть! — Руфо сглотнул, и его всего передернуло.— Ради бога, миледи! Избавьте меня от ваших непристойностей! — Он что-то сделал со своим поясом безопасности и выпал из седла. Я успел подхватить его.

Стар порылась в своей сумочке, вынула из нее флакон и протянула Руфо. Тот отшатнулся:

— Миледи!

[1] Ко мне! На помощь! Фараоны! (*фр.*)

— Ну что, мне самой зажать тебе нос? — ласково спросила она.

— Сейчас буду в полном порядке... дайте мне только минуту... и чего-нибудь покрепче...

— Разумеется, сейчас ты будешь в порядке! Попросить милорда Оскара, чтобы он придержал тебя за руки?

Руфо жалобно посмотрел на меня. Стар открыла пузырек. Его содержимое запенилось, из горлышка бурно пошел дым.

— Ну же!

Руфо весь перекосился, заткнул нос и выпил до дна.

Не буду утверждать, что из ушей Руфо пошел дым. Но его затрясло, словно брезент на веревке во время грозы, раздались какие-то ни на что не похожие звуки. Затем он как-то вдруг снова оказался в фокусе, как телевизионное изображение. Теперь он стал явно больше по весу, на несколько дюймов выше ростом и несравненно более устойчив. Его кожа приобрела ярко-розовый оттенок вместо прежнего мертвенно-бледного.

— Благодарю, миледи! — сказал он весьма живо, и голос его был чист и свеж.— Надеюсь когда-нибудь отплатить вам той же монетой.

— Разве что когда греки снова начнут отсчитывать время по календам*,— согласилась Стар.

Руфо отвел многоножек в сторонку, накормил их, открыв шкатулку и достав оттуда большие куски свежего мяса. Арс Лонга съела не меньше полцентнера, Вита Бревис и Морс Профунда — еще больше. В пути эти животные требуют высокобелковой диеты. Закончив эту работу, Руфо присвистнул и стал готовить стол и стулья для Стар и меня.

— Цветочек,— спросил я Стар,— а что это еще за оживитель?

— Это старый семейный рецепт:

Зев ехидны, клюв совиный,
Глаз медянки, хвост угриный,
Шерсть кожана, зуб собачий
Вместе с пастью лягушачьей...

— Шекспир, «Макбет».

— ...Вслед за жабой в чан, живей... Нет, милорд, Уилл получил его от меня. Такой уж народ эти писатели — тянут все, что плохо лежит, стачивают напильником заводские серийные номера, а потом говорят, что это ими придумано. Я же получила рецепт от моей тетушки — другой, той, что была профессором медицины по внутренним органам. Стишок облегчает запоминание, настоящие же ингредиенты куда сложнее, ведь никто не знает, когда именно тебе может понадобиться лекарство от похмелья. Я составила его вчера вечером, зная, что Руфо, хотя бы ради целости наших драгоценных шкур, должен быть сегодня в отличной форме. На всякий случай, любовь моя, я приготовила две порции — одну в расчете на тебя. Ты ведь привык прощаться с нашей аристократией в весьма поздний час.

— Семейный недостаток. Ничего не могу поделать.

— Завтрак готов, миледи.

Я предложил Стар руку. Горячие блюда были горячи, холодные закуски — охлаждены. Эта новая шкатулка ярко-зеленого цвета с чеканным изображением герба Дораля имела приспособления, отсутствовавшие у потерянной. Все было безумно вкусно, а вина — превосходны.

Руфо ел с аппетитом за своим столиком и внимательно поглядывал на нас. Когда он подошел к нашему столу, чтобы добавить вина в салат, я выложил ему новости:

— Руфо, старый товарищ, миледи Стар и я сегодня сочетаемся браком. Прошу тебя быть моим шафером и оказать помощь в этом деле.

Бутылка выпала из рук Руфо.

Потом он принялся обтирать меня и вытирать стол. Когда же он наконец закончил, то заговорил, обращаясь исключительно к Стар.

— Миледи,— с трудом выговорил он.— Я мирился со многим и ни разу не жаловался, по причинам, о которых я умолчу. Но сейчас вы зашли слишком далеко. Я не позволю...

— А ну-ка, прикуси язычок!

— Да,— согласился я,— прикуси, а то я возьму нож и отрежу кусок. Что мы с ним сделаем? Зажарим? Отварим?

Руфо взглянул на меня, потом резко повернулся и ушел к своему столику. Стар сказала тихонько:

— Милорд, любовь моя, мне очень жаль.

— Что это? Кто его укусил? — Затем в голову пришло самое вероятное: — Стар! Руфо ревнует?

Она ужасно удивилась, начала хохотать, потом тут же остановилась:

— Нет, нет! Дело совсем в другом. Руфо... Ладно, у Руфо свои странности, но на него можно положиться в главном. А он нам сейчас просто необходим. Не обращай внимания. Прошу тебя, милорд.

— Как прикажешь. Для того чтобы я перестал себя чувствовать счастливым в такой день, потребуется нечто более существенное.

К столу Руфо вернулся с уже ничего не выражающим лицом и продолжал прислуживать нам. Затем, не говоря ни слова, сложил багаж, и мы тронулись в путь.

Дорога привела нас к деревенскому выпасу. Здесь мы оставили Руфо и пошли разыскивать Глашатая. Его лавочка находилась в косом переулке, где обнаружить ее было довольно легко. Подмастерье Глашатая бил в барабан прямо у входа, выкрикивая выборку из сплетен толпе местных жителей. Мы растолкали толпу и вошли в дом.

Сам Глашатай сидел за столом, держа в каждой руке по бумаге. Третий манускрипт служил подставкой для его ног, покоившихся на столешнице. Он поднял глаза, быстро опустил ноги на пол, вскочил, шаркнул ножкой и жестом указал нам на кресла.

— Входите, входите, Ваши Благородия,— разливался он.— Вы оказываете мне огромную честь, это великий для меня день. И тем не менее, если осмелюсь так выразиться, вы явились по правильному адресу, какова бы ни была ваша проблема и в чем бы вы ни нуждались, вам нужно только намекнуть: хорошие новости плохие новости новости любого сорта кроме печальных отмывание пятен с репутаций события прихорашивающие историю прославление заново осмысленных великих дел качество любой работы гарантируется старейшим агентством

новостей в Невии новости из всех миров всех Вселенных становление или ликвидация пропаганды или изменение каналов ее распространения гарантируется полное удовлетворение всех желаний заказчиков честность лучшая политика но клиент всегда прав не говорите ничего я все знаю все знаю у меня глаза в каждой кухне и уши в каждой спальне вы без сомнения Герой Гордон и ваша слава милорд не требует герольдов но я польщен что вы разыскали меня вероятно из благородных побуждений биографического характера чтобы биография соответствовала вашим несравненным деяниям например старая нянюшка которая вспомнит своим тоненьким стареньким но убедительным голоском все знамения и предзнаменования предшествовавшие вашему рождению...

— Мы хотим вступить в брак,— врубилась Стар в его речь.

Рот Глашатая захлопнулся, он бросил острый изучающий взгляд на талию Стар, за что чуть не схлопотал от меня хорошую плюху.

— Какое удовольствие иметь дело с клиентами, которые знают, чего хотят! Я с радостью поддержу такое начинание, как имеющее огромное общественное значение. Все эти новомодные бегства с любимыми, гражданские браки и внебрачные ласки даже без поздравлений и благословений парочки родных и знакомых лишь содействуют росту налогов и сокращению доходов, уж это точно. Я сам глубоко сожалею, о чем неоднократно говаривал своей жене, что у меня не нашлось времени жениться. Теперь, что касается дальнейших планов, то если я могу внести свои скромные предложения...

— Мы хотим повенчаться по законам Земли.

— А, очень разумно...— Глашатай повернулся к шкафу, стоявшему рядом со столом, и покрутил наборный диск. Подождав немного, сказал:

— Извините, пожалуйста, Ваши Благородия, но мой мозг перегружен миллионами различных фактов — больших и малых и... как вы сказали... это название начинается с буквы З?

Стар подошла к шкафу, внимательно рассмотрела диск и покрутила его.

Глашатай только хлопал глазами.

— Ах, это та Вселенная? У нас о ней так редко спрашивают. Я часто сожалею, что у меня нет времени на путешествия... все дела, дела, дела... Библиотека!

— Слушаю, мастер,— раздался голос.

— Планета Земля, брачные обычаи... Большое З, потом тета,— и он добавил еще пять групп чисел.— Да побыстрее!

Через несколько минут в комнату вбежал подмастерье с тонким свитком в руках.

— Библиотекарь сказал, что с этим надо поосторожнее... Сказал, что это очень опасно. Он велел...

— Заткнись! Прошу прощения у Ваших Благородий.— Глашатай вложил свиток в читальную машину и начал сканировать

Глаза у него полезли из орбит, он приник к экрану.

— Невероятно! Удивительно! — На какое-то время он, казалось, забыл о нашем присутствии и только время от времени издавал возгласы: — Поразительно! Фантастика! — и тому подобное

— Мы очень торопимся,— дотронулся я до его локтя.

— А? Да, да, милорд Герой Гордон, а также миледи.— Глашатай без всякой охоты оторвался от сканера и сложил ладони у груди.— Вы пришли именно туда, куда надо. Ни один другой Глашатай Невии, полагаю, не смог бы осуществить проект такого значения. Сейчас, думаю, впрочем, это лишь очень приблизительное умозаключение, для организации свадебной процессии нам придется созвать всех жителей из сельской округи, но для карнавала нужно будет использовать только горожан, если вы хотите, чтобы последний был скромен в соответствии с вашей репутацией любителей скромности и простоты. Итак, скажем, один день на процессию и минимум две ночи для карнавала с гарантированным уровнем шума...

— Хватит!!!

— Милорд? Я же не собираюсь извлекать из этого выгоду! Это будет художественная работа, любовно исполненная — только оплата издержек и маленькая сумма сверх — для вознаграждения моего начальства. Кроме того, как профессионал, скажу, что самоанский обычай, предшествующий свадьбе, бо-

лее тонок, более трогателен, нежели вовсе не обязательный зулусский. Что касается привнесения некоторого элемента юмора, то это бесплатно. Одна из моих служащих находится сейчас как раз на седьмом месяце, и она с восторгом примет поручение вбежать по церковному проходу и прервать церемонию бракосочетания. Затем нам следует решить вопрос о свидетелях успешного завершения брачных отношений и сколько их понадобится с обеих сторон. Впрочем, этот вопрос может быть отложен на недельку. Нам в первую очередь нужно подумать об украшении улиц и о...

— Пошли отсюда! — Я взял Стар за руку.

— Конечно, милорд,— согласилась она. Глашатай гнался за нами, громко вопя о нарушении контракта. Пришлось положить руку на эфес и показать ему шесть дюймов клинка. На этом торг и закончился.

Руфо, казалось, перестал сердиться и успокоился; он вежливо и даже мило приветствовал нас. Мы сели на коней и поскакали. Когда мы проехали с милю в восточном направлении, я сказал:

— Стар, дорогая!

— Что, милорд, любовь моя?

— Этот прыжок через шпагу — в самом деле брачная церемония?

— Очень древняя, милорд. Думаю, относится ко времени Крестовых Походов.

— Считаю, что слова нуждаются в модернизации:

> Скачи же, Принцесса, прыгай же, вор —
> Моя жена ты навек с этих пор.

Тебя так устроит?

— Да, да!

— Но ты вторую строчку скажешь так: «Твоя жена я навек с этих пор». Поняла?

— Да, да, да, любовь моя,— воскликнула Стар.

Мы оставили Руфо с многоножками и, ничего ему не говоря, взобрались на невысокий лесистый холм. Невия прекрасна

вся, и ни одна консервная банка или использованная бумажная гигиеническая салфетка фирмы «Клинекс» не марают эту райскую красоту, но это место было настоящим храмом под открытым небом: покрытая нежнейшей травой лужайка, окруженная аркадами деревьев,— восхитительное убежище для влюбленных.

Я обнажил свою шпагу, оглядел ее, ощущая сказочную сбалансированность клинка, на котором легкие удары молота мастера-оружейника оставили лишь слабую рябь.

— Прочти девиз, Стар.

Она разобрала надпись: «Dum vivimus, vivamus!» — «Пока мы живы, будем жить!»

— Да, да, моя любовь! — Она поцеловала клинок и отдала его мне. Я положил шпагу на землю.

— Помнишь текст?

— Он навечно в моем сердце.

Я взял ее за руку.

— Прыгай выше. Раз... Два... Три!

Глава 12

Когда я свел новобрачную вниз по склону того благословенного холма, обнимая ее за талию, Руфо помог нам сесть на «лошадей». Никаких комментариев с его стороны не последовало. Вряд ли он пропустил мимо ушей, что Стар теперь обращалась ко мне словами «милорд муж». Руфо поехал за нами, соблюдая почтительное расстояние, чтобы не слышать нашу беседу.

Около часа мы ехали, держа друг друга за руки. Каждый раз, когда я видел лицо Стар, она улыбалась, если же она встречала мой взгляд, то на ее щеках появлялись ямочки. Раз я спросил:

— Скоро ли начнется опасный отрезок пути?

— Когда мы свернем с дороги, милорд муж.

Проехали еще с милю. Наконец Стар застенчиво обратилась ко мне:

— Милорд муж?

— Что, жена?

— Ты все еще думаешь, что я фригидна и неуклюжа?

— М-м-м...— промычал я, как бы обдумывая каждое слово.— «Фригидная» — нет, честно говоря, я это утверждать не могу. А «неуклюжая»... ну, в сравнении с такой артисткой своего дела, как Мьюри, можно сказать...

— Милорд муж!

— Что? Я только говорю...

— Ты что, набиваешься на пинок в брюхо? — И добавила: — Это такая американская идиома.

— Женушка... Уж не ты ли собираешься дать мне пинок в брюхо?

Она помедлила с ответом, голос ее звучал еле слышно:

— Нет, милорд муж. Никогда!

— Рад слышать. Но если бы ты попыталась, что бы произошло?

— Ты... Ты бы меня отшлепал. Моей шпагой. Но не своей. Пожалуйста, не бей меня твоей шпагой никогда, муж мой.

— И твоей тоже не буду. Рукой — да. Больно. Сначала отшлепаю тебя, а потом...

— Что будет потом?

— Но не следует доводить меня до этого сейчас. Согласно плану, мне предстоит сегодня вечером сражаться. И в будущем меня тоже не перебивай.

— Хорошо, милорд муж.

— Отлично. Теперь, если мы дадим Мьюри судейскую оценку в десять баллов, то по этой шкале ты заслуживаешь... Дай-ка мне посчитать...

— Балла три-четыре? Или даже пять?

— Молчание! Я дал бы тысячу. Да, тысячу плюс-минус один балл. И у меня нет под рукой подходящего измерителя.

— Ах, ты, плутишка! Любимый мой! Наклонись ко мне и поцелуй. И берегись — как бы я все это не рассказала Мьюри.

— Ничего ты Мьюри не расскажешь, женушка, иначе тебе влетит как следует. И перестань набиваться на комплименты. Ты же сама знаешь о себе все, ты — прыгающая через шпаги девчонка!

— Ну и какова же я?

— Ты — моя Принцесса!

— Ох!

— И еще я с пылающим хвостом. И сама это знаешь.

— А это хорошо? Знаешь, я изучала американские идиомы, очень внимательно, но не уверена, что всегда правильно их понимаю.

— Это означает высший класс. Просто такой оборот речи, хотя я лично никогда не был близко знаком с норками. А теперь давай подумаем о вещах более важных, иначе ты можешь стать вдовой в день своего бракосочетания. Так ты говоришь — драконы?

— Они будут только ночью, милорд муж, да, по правде говоря, они не совсем драконы.

— Из твоего описания следует, что разницу ощущают только другие драконы. Восемь футов в холке, вес две тонны, зубы длиной в мою руку, только что пламенем не дышат.

— О нет! Они огнедышащие! Разве я не говорила?

— Нет, не говорила,— вздохнул я.

— По существу-то, они огнем не дышат. Это их бы убило. Они задерживают дыхание, выпуская огонь. Это болотный газ — метан, он вырабатывается в пищеварительном тракте. Всего лишь контролируемая отрыжка с эффектом самовоспламенения, которое вызывается энзимом, скрытым между первым и вторым рядом зубов. Газ вспыхивает уже по выходе из пасти.

— Как они это делают, меня мало интересует, раз уж они все равно огнеметы. Ну и как же ты хочешь, чтобы я с ними расправился?

— Надеюсь, у тебя самого возникнет какая-нибудь идея. Видишь ли,— сказала она извиняющимся тоном,— я ничего не планировала, поскольку не собиралась пользоваться этой дорогой.

— Что ж... Женушка, давай вернемся обратно в ту деревушку. Вступим в конкурентную борьбу с нашим другом — Глашатаем, спорю, мы его переплюнем...

— Милорд муж!

— Ладно, ладно... Если ты желаешь, чтобы я по вторникам и средам убивал драконов, я к твоим услугам. Этот метан... они его выпускают с обоих концов?

— О, только из переднего! Как это так — с обоих?

— Очень просто. Увидишь в модели будущего года. А сейчас — тихо! Мне нужен Руфо. Он-то, думаю, убивал драконов в прошлом?

— Мне не известен ни один человек, который бы это сделал, милорд муж.

— Вот как! Моя Принцесса, я, конечно, горжусь доверием, которое ты мне оказываешь. Или тобой двигает отчаяние? Не отвечай, не хочу об этом знать. Помолчи, дай мне подумать.

Доехав до ближайшей фермы, мы отправили туда Руфо, чтобы он договорился о доставке обратно многоножек. Они были наши — дар Дораля, но нам приходилось их отправлять назад; там, куда мы направлялись, они бы не выжили. Мьюри обещала мне присмотреть за Арс Лонга и даже выгуливать ее.

Руфо вернулся, сопровождаемый деревенским парнишкой, восседавшим на тяжелой рабочей скотине,— он ерзал между второй и третьей парами ног, дабы не обременять спину животного, и управлял голосом.

Когда мы спустились с седел, забрав с собой луки и колчаны, и уже готовились в путь, подошел Руфо:

— Босс, этот навозник мечтает поговорить с Героем и коснуться его шпаги. Гнать его в шею?

Положение обязывает, а не только дает привилегии.

— Зови сюда.

Парень, уже вышедший из детского возраста, с реденькой порослью на подбородке, подходил почтительно, заплетающейся походкой и расшаркивался так, что чуть не упал.

— Держись смелее, сынок! — подбодрил я.— Как тебя звать?

— Паг, милорд Герой,— ответил он ломающимся голосом. (Паг?![1] Впрочем, сойдет. Значение этого слова на невианском языке сродни грубым шуткам Джоко).

[1] Мякина, высевки (*англ.*).

— Достойное имя. Кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Героем, милорд. Как ты.

Подумал, не рассказать ли ему о булыжниках на Дороге Доблести. Но он и сам обнаружит их очень скоро, если только выйдет на нее, и либо пойдет по ней дальше, не обращая на них внимания, либо вернется и забудет эти глупости. Я одобрительно кивнул и заверил, что на верхних ступенях геройской профессии всегда найдется место для парня, крепкого духом, и что чем ниже будет лежать начальная точка отсчета, тем больше славы... Главное — трудиться не покладая рук, учиться изо всех сил и ждать случая. Постоянно быть настороже, беседовать с незнакомыми дамами... и Приключение само найдет тебя. Потом я дал ему дотронуться до своей шпаги — только дотронуться, но не в руки. Леди Вивамус — моя, и я скорее разделю с кем-нибудь свою зубную щетку.

Когда-то, когда я был еще мальчуганом, меня представили конгрессмену. Он всучил мне ту же отеческую жвачку, которую я сейчас произносил от своего лица. Подобно молитве она не может принести вреда, но способна дать и пользу. Обнаружилось, что я был совершенно искренен, говоря все сказанное выше, как был искренен и конгрессмен. Впрочем, вред возможен — парнишку ведь могут убить на самой первой миле Дороги Доблести. Но это лучше, чем в старости сидеть у огня, жевать смолку и думать об упущенных шансах и о девчонках, которых не потискал. Верно, не так ли?

Я решил, что этот случай достаточно серьезен для Пага и надо отметить его по-настоящему. Я порылся в своей сумке и нашел там американскую монету в 25 центов.

— Как твое полное имя, Паг?

— Просто Паг, милорд. Из дома Лердики, конечно.

— Теперь у тебя будет три имени: я дам тебе одно из моих.— У меня было одно, в котором я не нуждался, поскольку имя «Оскар Гордон» меня вполне устраивало. И, конечно, не «Флэш», этой клички я никогда не признавал. И не мое армейское прозвище — его я даже на стенах уборной не писал бы. «Изи» — было имя, которым я мог пожертвовать. Я всегда пред-

почитал писать И. С. Гордон вместо Ивлин Сирил, а в школе «И. С.» превратились в «Изи»[1], что в свою очередь происходило из моего поведения на поле — я никогда не бегал скорее или медленнее, чем того требовали обстоятельства.

— Властью, данной мне штабом командования армии США в Юго-Восточной Азии, я, Герой Оскар, повелеваю, чтобы с этого дня ты был известен под именем Лердики'т Паг Изи. Носи его с честью.

Потом я дал ему четвертак и показал изображение Джорджа Вашингтона на аверсе.

— Это глава моего Дома, Герой более великий, чем я смогу стать когда-либо. Он был храбр и горд, он говорил правду и сражался за Право так, как он его понимал, против страшных опасностей. А тут,— я перевернул монету другой стороной,— герб моего Дома, который он основал. Эта птица олицетворяет храбрость, свободу и высшие идеалы. (Я не сказал ему, что Американский Орел теперь питается падалью, нападает только на тех, кто слабее, и вероятно скоро вымрет вообще. К чему все это говорить? Он именно олицетворение Идеалов. Символ — всегда лишь то, что мы сами в него вкладываем.)

Паг Изи яростно кивал головой, из глаз его текли слезы. Я не представил его своей новобрачной — не был уверен, захочет ли она с ним познакомиться. Однако она сама подошла и мягко сказала:

— Паг Изи, запомни слова милорда Героя. Цени их, и они определят всю твою жизнь.

Парнишка хлопнулся перед Стар на колени. Она дотронулась до его волос и проговорила:

— Встань, Лердики'т Паг Изи. Встань и будь честен и смел.

Я попрощался с Арс Лонга, пожелал ей быть славной девочкой и пообещал когда-нибудь вернуться. Паг Изи отправился на свою ферму с нашими многопожками, а мы вошли в лес с натянутыми луками. Руфо изображал арьергард. На том месте, где мы свернули с желтой кирпичной дороги, был знак,

[1] Тихий, скромный, ленивый (*англ.*).

приблизительный смысл которого — «Оставь надежды всяк сюда входящий».

(Буквальный перевод несколько напоминает надписи в Йеллоустонском парке: «*Предупреждение: хищники в этих лесах не ручные. Путешественникам рекомендуется оставаться на дороге, иначе возвращение их останков ближайшим родственникам не может быть гарантировано. Милорд Лердики* Его герб».)

— Милорд муж...

— Да, Крохотные Ножки? — Я не смотрел на нее. Я отвечал за свою сторону тропы и отчасти за сторону Стар, но, кроме того, время от времени приходилось поглядывать и вверх будто нам угрожала бомбежка, а вернее, нечто вроде коршунов-стервятников, только меньших размеров и целившихся прямо в глаза.

— Мой Герой, ты действительно благороден, и ты заставил свою жену гордиться тобой.

— А? Как это? — Я оторвался от мыслей о наиболее вероятных целях: два вида их были наземные — крупные крысы таких размеров, что вполне могли питаться котами, и дикие свиньи, примерно такой же величины, из которых нельзя было бы выкроить даже приличного сандвича с ветчиной, поскольку состояли они исключительно из толстенной шкуры и дурного характера. Мне рассказывали, что свиньи, увидев вас, кидаются тут же и не раздумывая. Посему промах не рекомендуется. Лучше иметь наготове шпагу, ибо пустить вторую стрелу уже вряд ли удастся.

— Я говорю об этом парнишке Паг Изи. Вернее, о том, что ты сделал для него.

— Для него? Накормил его старыми побасенками. Товар дешевый.

— Это был истинно королевский поступок, милорд муж.

— Ерунда, Цветочек. Он ожидал услышать от меня громкие слова, и он их услышал.

— Оскар, мой возлюбленный, а можно послушной жене сказать своему мужу, что он несет чепуху и несправедлив к себе? Я ведь знала многих героев, и некоторые из них были такие

олухи, что их следовало бы кормить на кухне, если бы своими делами они не завоевали место за парадным столом. Но я знала лишь немногих, кто был благороден, ибо благородство души встречается куда реже героизма. Настоящее благородство легко распознается даже в тех, кто тщательно скрывает свою истинную сущность — как ты, например. Паренъ ожидал, поэтому ты выдал ему, но nobless oblige[1] — это чувство, которое способны испытывать лишь те, кто истинно благороден.

— Что ж, возможно. Стар, ты опять слишком много болтаешь. Ты что — не думаешь, что у этих скотов есть уши?

— Извини, милорд... Уши такие хорошие, что они слышат шум шагов, разносящийся по земле, задолго до того, как услышат наши голоса. Разреши мне сказать еще одно слово, раз уж сегодня день моей свадьбы. Если ты... Нет, не так... Когда ты галантен к какой-нибудь красотке, например к Летве или Мьюри, черт бы побрал ее красивые глазки, то это не благородство. Такое поведение вытекает, надо полагать, из гораздо более обыденных эмоций, чем nobless oblige. Но когда ты разговариваешь с деревенским дурачком, ноги которого измазаны навозом, дыхание воняет чесноком, сам он весь пропах потом, а лицо его усеяно прыщами, и говоришь мягко, заставляя его на какое-то время почувствовать себя таким же благородным, как ты сам, пробуждая в нем стремление и надежду стать когда-нибудь равным тебе, я знаю, что это не потому, что ты решил позабавиться с этим мальчишкой.

— Ну, не знаю... Мальчишки этого возраста в некоторых кругах ценятся высоко. Если его отмыть, надушить, завить ему волосы...

— Милорд муж, а разрешается ли мне хотя бы подумать о пинке в ваше брюхо?

— За мысль обычно не предают военно-полевому суду, это единственная вещь, которая остается при нас и отобрать которую они не могут при всем желании. О'кей, я предпочитаю девочек. В этом отношении я обыкновенен, тут уж ничего не поделаешь. А что ты там говорила про Мьюри? Уж не ревнуешь ли ты, Длинноножка?

[1] Положение обязывает.

Я просто-напросто кожей почувствовал, как на ее щеках появляются ямочки — чтобы увидеть, мне пришлось остановиться.

— Только в день свадьбы, милорд муж. Все остальные дни — твои. Если я застану тебя увлеченным этим видом спорта, то или сделаю вид, что не замечаю, или поздравлю с успехом, как уж получится.

— Не думаю, что ты меня поймаешь!

— А я уверена, что тебе не удастся поймать меня, милорд разбойник,— ответила она невозмутимо.

Все-таки ей досталось последнее слово, так как в эту минуту раздался звон тетивы Руфо. Он крикнул: «Попал!» — и тут мы оказались по горло в хлопотах. Эти дикие свиньи были такие страховидные, что в сравнении с ними наши самые безобразные выглядят красавчиками. Я убил одну стрелой, пронзившей ее вонючую глотку, затем — секундой позже — вогнал сталь шпаги в бок ее братишке. Стар направила меткую стрелу в свою цель, но стрела скользнула по кости, боров пошел в атаку, и я ударил его ногой в бок, так как все еще не высвободил шпагу из туши его родича. Наконечник стрелы, попавшей ему между ребер, видимо, все же утихомирил его. Стар хладнокровно пустила новую стрелу, а я добил наглеца. Еще одну свинью Стар прикончила шпагой, нанеся удар так, как наносит его матадор, когда наступает «момент истины». Она сделала пируэт, пропуская жертву мимо себя — уже мертвую, но не желающую признать сей факт.

Битва закончилась быстро. Старина Руфо свалил без посторонней помощи троих, но получил серьезную рваную рану. У меня была царапина, а моя новобрачная оказалась целой и невредимой, в чем я поспешил убедиться, как только страсти утихли. Затем я держал вахту, пока наш хирург занимался Руфо. Потом она обратилась к моему, гораздо более легкому ранению.

— Ну как, Руфо,— спросил я,— можешь идти?

— Босс, я не останусь в этом лесу, даже если мне придется из него выбираться ползком. Надо уходить отсюда. Во всяком случае,— добавил он, глядя на гору никому не нужных свиных окороков,— в ближайшее время крысы нам не угрожают.

Я изменил порядок движения, поместив Руфо и Стар во главу колонны, а сам занял позицию в арьергарде, откуда мог прийти им на помощь в любую минуту. Арьергард вообще-то безопаснее головы колонны в обычных условиях, но здесь не тот случай. Кроме того, я дал эмоциям взять верх над расчетом: хотел лично опекать свою любимую.

Заняв это место, я чуть не окосел, одновременно пытаясь углядеть, что происходит и впереди и сзади, чтобы оказаться рядом, если Стар или Руфо окажутся в беде. К счастью, мы получили небольшую передышку, и я несколько отрезвел, припомнив главную заповедь патрульных: нельзя брать на себя работу «за того парня». И тогда отдал все внимание нашему тылу. Руфо, он хоть и стар и ранен, не сдался бы смерти, не убив врага и не доставив ему чести сопровождать себя в ад, как это и положено. Стар тоже не принадлежит к числу героинь, падающих в обморок. Я поставлю на нее сколько угодно против любого мужчины ее весовой категории — с оружием или без оного, и мне очень жаль того мужика, который попытался бы изнасиловать ее: он, надо думать, долго бы еще отыскивал свои cojones[1].

Свиньи нас больше не беспокоили, но по мере приближения вечера мы стали видеть, а чаще слышать гигантских крыс, которые крались за нами, оставаясь практически невидимыми. Они не вступают в бой как берсерки, подобно свиньям, они выжидают удачного момента, как это вообще свойственно крысам.

Крыс я боялся. Однажды, когда я был еще маленьким (отец уже умер, а мать еще не вышла вторично замуж), мы остались без жилья и поселились на чердаке заброшенного дома. Было слышно, как крысы орудуют внутри стен, и дважды они пробегали по мне, когда я спал.

До сих пор иногда просыпаюсь с воплем ужаса.

Крыса отнюдь не становится лучше, если ее довести до размеров койота. Эти были типичные крысы — вплоть до кончи-

[1] Мужские гениталии (*исп.*).

ков усов — с той лишь разницей, что ноги и особенно ступни были у них непропорционально большими.

Мы не тратили стрел, если не были уверены в удачном попадании, мы шли зигзагами, стараясь держаться более открытых участков леса, что, однако, увеличивало опасность нападения сверху. Но кроны деревьев были весьма густы, так что атаки с неба нас не очень беспокоили.

Я убил одну крысу, которая подобралась слишком близко, и почти попал в другую. Нам приходилось расходовать стрелы на тех, что уж очень наглели, это заставляло других быть более осторожными. Однажды, когда Руфо целился в одну из таких, а Стар со шпагой в руке готовилась прийти ему на помощь, один из этих мелких хищных коршунов спикировал прямо на Руфо.

Стар срубила его в воздухе на самой низкой точке его пике, так что Руфо ничего не заметил — он был слишком занят, целясь и пуская стрелу.

К счастью, нам не приходилось волноваться из-за подлеска — лес походил на парк — деревья и трава, без кустарника. Так что этот отрезок пути был не так уж и плох, хотя стрелы у нас все равно кончались. Я как раз с беспокойством думал об этом, когда вдруг обнаружил кое-что:

— Эй, вы, впереди! Вы же сбились с курса! Сворачивай вправо!

Стар указала мне направление, еще когда мы свернули в лес, держать его было моим делом. «Шишка направления» у Стар работала плоховато, у Руфо — не лучше.

— Извини, милорд,— отозвалась Стар.— Тут уклон больно уж крут.

Я подошел к ним:

— Руфо, как нога?

На лбу у него выступили капли пота.

Не отвечая мне, он обратился к Стар:

— Миледи, скоро стемнеет.

— Знаю,— сказала она спокойно.— Поэтому наступило время перекусить. Милорд муж, вон тот большой плоский камень кажется мне подходящим.

Я подумал было, что у нее шарики зашли за ролики, Руфо, видимо, тоже, но по другой причине.

— Миледи, мы же сильно опаздываем.

— И опоздаем еще больше, если я не займусь твоей ногой.

— Лучше бросьте меня тут,— пробормотал он.

— Лучше помолчи, пока твоего совета не спрашивают! — сказал я ему.— Я бы даже Рогатого Призрака не бросил крысам. Стар, как мы поступим?

Большой плоский камень торчал, словно череп, среди деревьев неподалеку от нас. Это была верхушка известкового валуна, глубоко ушедшего в землю. Я занял пост в центре валуна, раненый Руфо уселся рядом, а Стар занялась установкой Охранения. Я не видел, как она это делала, так как во все глаза следил за тем, что происходило у нее за спиной, следил с натянутым луком и положенной на тетиву стрелой, готовый встретить врага. После Стар сказала мне, что Защита ни в малейшей степени не связана с «магией» и вполне доступна для земной технологии, если бы нашелся умник и додумался до изгороди под током, но без изгороди, ну как радио и телефон работают без проводов, хотя аналогия тут не вполне точная.

И очень хорошо, что я следил за ситуацией за пределами Охранения, не пытаясь решить загадку того, как устанавливается волшебный круг. Стар была внезапно атакована единственной из встреченных нами крыс, начисто лишенной рассудка. Крыса бросилась прямо на Стар, моя стрела, просвистевшая у Стар возле самого уха, послужила веским предупреждением, и она прикончила крысу ударом шпаги. Это был очень старый самец, беззубый, с седыми усами и, видимо, чокнутый. Величиной с волка и с двумя смертельными ранами на теле, он все еще выглядел олицетворением красноглазой шелудивой ярости.

Когда последний Хранитель был поставлен, Стар сказала, что о небе мне больше не надо беспокоиться, поскольку Защита идет не только по кругу, но и прикрывает нас куполом сверху. Как говаривал Руфо, если Она сказала — значит, все! Пока Руфо караулил, он умудрился частично развернуть шкатулку. Я достал оттуда хирургический чемоданчик Стар, запас стрел и еду. Никаких глупостей по части взаимоотношений слуг и господ мы не придерживались: поели вместе, сидя и лежа, Руфо лежал пластом, давая отдых ноге, а Стар подавала ему пищу и даже

особо лакомые кусочки клала ему прямо в рот, согласно обряду невианского гостеприимства. Она долго возилась с его ногой, а я светил ей и подавал инструменты. Стар покрыла рану каким-то бледным гелем, прежде чем наложить повязку. Если это и было больно, то Руфо даже не поморщился.

Пока мы ужинали, наступила полнейшая темнота и вдоль всей невидимой стены зажглись огоньки глаз, отражавших свет, при котором мы ели, огоньки столь же многочисленные, как свита Игли в то утро, когда он съел самого себя. Большинство глаз принадлежало, как мне кажется, крысам. Другая группа, державшаяся на отшибе и отделенная от крысиных двумя большими промежутками, явно состояла из свиней — их глаза находились на большей высоте.

— Миледи, любимая,— сказал я,— это Охранение будет действовать всю ночь?

— Да, милорд муж.

— Хорошо бы. Сейчас уже слишком темно, чтобы стрелять, а шпагами нам вряд ли удастся прорубить дорогу в такой толпе. Боюсь, нам снова придется пересмотреть график движения.

— Нельзя, милорд Герой. Но забудь об этих животных. Мы полетим.

— Этого я и боялся. Вы же знаете, что у меня от полета начинается морская болезнь! — застонал Руфо.

— Бедняжка Руфо,— нежно проворковала Стар.— Не бойся, мой старый друг, у меня для тебя есть сюрприз. Предвидя такой случай, я еще в Каннах купила драммамин[1] — лекарство, которое, как ты знаешь, решило судьбу вторжения в Нормандию. А может, не знаешь?

— Знаю ли я? Я сам принимал участие в этом вторжении, и у меня, миледи, аллергия на драммамин. Я травил всю дорогу до Омаха-Бич*. Самая ужасная ночь за всю мою жизнь! Господи, да я уж лучше тут останусь!

— Руфо, ты действительно был на Омаха-Бич?

---

[1] Фармакологическое средство борьбы с морской и воздушной болезнью; широко применялось в армии.

— Черт побери, еще бы, босс! Выполнял предначертания Эйзенхауэра.

— Но почему же? Ведь это не твоя война?

— А вы спросите себя, почему вы участвуете в этой свалке, босс. В моем случае повинны французские девчонки. Простые, не знающие никаких запретов, веселые и всегда готовые поучиться чему-нибудь новенькому. Помнится, была там одна малышка из Армантьера (он произнес это слово без акцента), у которой только и...

Стар прервала наш разговор:

— Пока вы тут предаетесь своим холостяцким воспоминаниям, я подготовлю все, что надо для полета.— Она встала и пошла к шкатулке.

— Ну, давай, Руфо! — гадая, как далеко он способен зайти, сказал я.

— Нет, босс,— ответил он грустно.— Ей это не нравится. Видно невооруженным глазом. Босс, вы на Нее оказываете колоссальное влияние. Ведет себя точно девочка из пансиона благородных девиц... это же на Нее ничуть не похоже! Надо думать, теперь Она первым делом подпишется на «Вог»[1], а уж куда Ее потом занесет, и предположить нельзя. Я в этом деле ничего не понимаю, но считаю, что виной тут, прошу прощения, уж никак не ваша внешность.

— Ладно, я не обижаюсь. А расскажешь как-нибудь в другой раз. Если вспомнишь.

— Ну, качку-то я никогда не забуду. Только, босс, насчет морской болезни — это еще далеко не все. Вы считаете, что эти леса опасны, но в тех, куда мы сейчас с дрожащими поджилками направляемся — это я говорю о себе,— в тех лесах полным-полно драконов.

— Знаю.

— Значит, Она вам сказала? Но чтобы поверить — надо увидеть. Леса буквально кишат ими. Их там больше, чем людей по фамилии Доил в Бостоне. Большие, маленькие, двухтонные

[1] Знаменитый светский журнал для женщин.

тинейджеры, и все голоднющие. Возможно, вам по душе быть съеденным драконом, а мне — нет. Это как-то унижает. И потом — это уж навсегда. Такие места следовало бы опрыскивать каким-нибудь антидраконьим препаратом, это уж точно. Закон специальный следует принять.

Вернулась Стар.

— Никакого такого закона не требуется,— твердо сказала она.— Нечего, Руфо, болтать о вещах, в которых ты не разбираешься. Нарушение экологического баланса — самая худшая ошибка, которую когда-либо может позволить себе правительство.

Руфо ворча удалился.

— Любовь моя, а зачем нужны драконы? Реши мне эту задачку, пожалуйста.

— Я никогда не занималась экологическим балансом Невии, это лежит вне моей компетенции. Однако могу предложить на выбор несколько вероятных последствий нарушения равновесия, которым явится попытка уничтожить драконов, что, вообще-то, жителям Невии вполне по силам. Ты видел, что на их технологию просто так чихнуть нельзя. Эти крысы и свиньи портят посевы. Крысы контролируют рост численности кабанов, пожирая поросят. Но крысы для полевых культур еще хуже, чем дикие свиньи. Драконы бродят по этим лесам в дневное время — они дневные животные, а крысы — ночные — и забираются в крысиные норы, спасаясь от жары.

Драконы и свиньи ограничивают рост подлеска, причем драконы в этом деле особенно важны, так как объедают нижние ветви деревьев. Но дракон с удовольствием съест и вкусную крысу. Каждый раз, когда они натыкаются на крысиную нору, они вдувают туда пламя, что, правда, не всегда убивает взрослых крыс, поскольку те для каждого нового помета строят две норы, но уж наверняка уничтожает приплод; после этого дракон разрывает нору и получает свой излюбленный завтрак. Существует давнее соглашение, почти договор, что пока драконы придерживаются своей территории и занимаются уничтожением крыс, люди их не тревожат.

— Но почему бы сначала не истребить крыс, а потом уж приняться и за драконов?

— И позволить диким свиньям безнаказанно размножаться? Слушай, милорд муж, я не знаю всех ответов на вопросы, которые могут возникнуть по этой проблеме, но зато уверена — нарушение экологического равновесия — вопрос, требующий подхода, основанного на боязни ошибок, длительном размышлении и на сложных компьютерных расчетах. Жители Невии, поверь, вполне удовлетворены своим решением не обижать драконов.

— Но, видимо, нам все же придется их потревожить. Это не нарушит договора?

— Это не договор в точном смысле этого слова, это народная мудрость невианцев и условный рефлекс, а возможно, и инстинкт со стороны драконов. Если нам повезет, мы их не потревожим. Но тактику действий тебе лучше обсудить с Руфо сейчас. Там у нас времени не будет.

Итак, я остался с Руфо обсуждать проблему, как лучше убить дракона, а Стар слушала нас и одновременно заканчивала свои приготовления.

— Что ж,— мрачно подытожил Руфо,— это лучше, чем сидеть тихонько, как устрица на створке своей раковины, и ждать, пока тебя съедят. Так-то более достойно. Я лучше стреляю из лука, милорд, чем вы, или во всяком случае — так же хорошо, а поэтому возьму на себя зад, тем более что этим вечером я буду менее ловок, чем обычно.

— Смотри, надо быть готовым и к действиям с другого конца, если дракон обернется.

— Это вам надлежит готовиться, милорд. Я-то и без того буду готов, ибо при мне самый лучший стимул — забота о сохранности собственной шкуры.

Стар тоже была готова. Руфо еще во время нашего совещания упаковал шкатулку и приторочил ее к спине. Стар надела нам на каждую ногу чуть выше колена по подвязке, затем усадила на камень так, чтобы лица были обращены к месту назначения.

— Руфо, достань дубовую стрелу.

— Стар, а это, часом, не из книжки Альбертуса Магнуса?

— Почти,— ответила она.— Только мой рецепт надежнее, а ингредиенты, использованные при изготовлении подвязок, дольше сохраняются. Извини, милорд муж, мне надо

сконцентрироваться на моем волшебстве. Положи стрелу так, чтобы она была направлена на пещеру.

Я повиновался.

— Точно ли она нацелена?

— Если карта, которую ты мне показала, верна, то все в порядке. Стрела смотрит туда же, куда был проложен наш курс после того, как мы вошли в лес, свернув с дороги.

— Как далеко от нас Лес Драконов?

— Послушай, любовь моя, уж если мы летим по воздуху, то почему бы нам не миновать этот лес и не причалить прямо к пещере?

Стар терпеливо ответила:

— Я бы очень хотела так поступить. Но там у леса такие густые кроны, что возле пещеры сесть нельзя — не проскочишь сквозь ветви. А те твари, что живут в кронах,— куда хуже драконов. Они вырастают...

— Пожалуйста, перестань,— взмолился Руфо.— Меня и без того тошнит, хотя мы еще и не в воздухе.

— Ладно, об этом потом, Оскар, если тебе будет интересно. В любом случае мы не можем рисковать и не станем этого делать. Эти твари живут вне досягаемости драконов. Так как же далек от нас лес?

— М-м-м... миль восемь с половиной, с учетом того расстояния, которое мы уже прошли. Затем останутся еще мили две до пещеры с Вратами.

— Хорошо. Теперь оба вы должны крепко обхватить меня за талию, как можно больше соприкасаясь с моим телом. Сила должна быть распределена равномерно.— Руфо и я обняли ее со спины, и пальцы наших двух рук крепко сомкнулись у нее на животе.— Все правильно. Держитесь крепче! — Стар нарисовала какие-то цифры на скале возле стрелы.

Стрела поднялась в воздух и полетела. Мы за ней.

Не знаю, как можно все это не считать магией, точно так же, как не представляю себе, из чего были сделаны эти эластичные подвязки. Если угодно, то считайте, что Стар нас загипнотизировала, а затем воспользовалась своим экстрасенсорным эф-

фектом для телепортации нас на расстояние восьми с половиной миль. Словечко «экстрасенсорный», ясное дело, лучше, чем «магия»,— известно, что однослоговые слова куда действеннее многослоговых*, последнее проверено на речах Уинстона Черчилля. Я не понимаю значения ни того, ни другого термина, точно так же, как не понимаю, почему не могу заблудиться. Или — как могут другие люди отличаться от меня в этом отношении!

Когда я летаю во сне, то это происходит двумя путями: один из них в стиле лебединого полета — нырок вниз, затяжное пике, кружение, как в водовороте, посадка, завершающая наслаждение; другой — в позе сидящего турка, когда летишь медленно, спокойно, управляя полетом с помощью силы воли.

Именно так летели мы в этот раз — будто на планере, но без него. Ночь была прямо предназначена для полета (впрочем, на Невии все ночи таковы — дождь идет только под утро и только в дождливый сезон, как мне говорили), та из лун, что побольше, серебрила поверхность у нас под ногами. Лес кончился и перешел в открытую местность, усеянную отдельными группами деревьев, а тот лес, куда мы летели, казался нам издалека черной стеной, гораздо более высокой и мощной, чем прекрасные лесные массивы, что остались у нас за спиной. На большом отдалении слева были видны поля дома Лердики.

Мы не продержались в воздухе и двух минут, как Руфо сказал «пардон» и отвернул голову в сторону. Дело тут было явно не в пустом желудке: хотя на нас не попало ни капли, струя из него била как из фонтана. Это был единственный инцидент за все время полета.

Когда мы долетели до первых высоких деревьев, Стар быстро шепнула: «Амех». Мы зависли в воздухе на манер вертолета, а затем опустились вниз на посадочную площадку, вполне достаточную для наших трех седалищ. Стрела лежала на земле прямо перед нами, уже безжизненная. Руфо положил ее в свой колчан.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.— Как твоя нога?

Он проглотил слюну.

— Нога ничего. А вот земля ходит под ногами вверх и вниз.

— Тихо! — прошептала Стар.— С ним все будет хорошо. Только тихо! От этого зависят наши жизни.

Несколькими минутами позже мы двинулись в поход, я с обнаженной шпагой впереди, за мной Стар, вслед ей Руфо с натянутым луком и готовый ко всему.

Переход от лунного света к глубокой лесной тьме нас ослепил, и я шел на ощупь, упираясь в древесные стволы протянутыми руками и моля бога, чтобы на моем пути, проложенном в нужном нам направлении, не оказалось какого-нибудь дракона. Я, конечно, знал, что по ночам они обычно спят, но както не очень доверял им в принципе. А может, у них холостяки стоят на страже, как у бабуинов? Я с удовольствием уступил бы и свое место, и свою славу святому Георгию, а сам бы пошел за ним в некотором отдалении.

Однажды мой нос остановил меня — запахло застоявшимся мускусом. Я задержал шаг, и вот передо мной медленно «проявилось» нечто величиной с контору по продаже недвижимости — спящий дракон. Я повел свой отряд мимо него, стараясь не производить ни малейшего шума и надеясь, что сердце у меня бьется не так сильно, как это кажется.

Мои глаза уже стали привыкать к темноте, и я невольно искал светлые полоски лунных лучей, просачивающихся вниз. Появилось и кое-что еще. Земля тут была покрыта мхом, который слабо фосфоресцировал, подобно светящимся гнилушкам. Слабо. Ох, совсем слабо. Больше всего это походило на свет ночника в темной спальне, почти незаметный, когда входишь в нее, и прилично видимый потом. Теперь я ясно различал стволы, землю и драконов.

Раньше я думал — ну, что такое дюжина или около того драконов на большой лес? Много шансов, что мы их вообще не увидим, как можно не увидеть ни одного оленя в оленьем заказнике.

Человек, который возьмет концессию на открытие платной ночной стоянки для драконов в этом лесу, заработает себе целое состояние — разумеется, если найдет способ заставить драконов выложить денежки. После того, как мы «прозрели», мы ни разу не теряли их из поля зрения.

Конечно, это не настоящие драконы. Нет, они еще безобразнее. Больше всего эти ящеры похожи на тираннозавров, больше, чем на что-либо другое,— колоссальный зад, тяжелые задние ноги, гигантский хвост и маленькие передние лапы, используемые и для ходьбы, и для захвата добычи. Голова преимущественно состоит из зубов. Всеядны, тогда как тираннозавры, как мне говорили, хищники. От этого не легче, поскольку они охотно жрут и мясо, когда есть возможность его достать, и даже предпочитают. Еще хуже, что эти драконы разработали производство собственного горючего газа. Впрочем, как эволюционное приспособление, этот фокус не может считаться самым удивительным, если мы вспомним для сравнения способы любви у осьминогов.

Однажды, довольно далеко от нас, слева возник гигантский факел газа, сопровождаемый громким кряхтеньем, подобным тому, что издают старые самцы-аллигаторы. Зарево продержалось несколько секунд, потом погасло. Не спрашивайте меня, что там случилось; возможно, пара самцов поспорила из-за самки. Мы продолжали идти вперед, хотя после того, как зарево погасло, пришлось продвигаться медленнее — его было достаточно, чтобы снова ослепить нас, и потребовалось какое-то время для восстановления ночного зрения.

У меня на драконов аллергия — это точно, тут не просто глупый страх. Такая же аллергия, как у бедного Руфо на драммамин, только ближе к той, что у некоторых людей вызывается кошачьей шерстью. Сразу же после вхождения в лес у меня начали слезиться глаза, потом заложило нос и, прежде чем мы прошли первые полмили, я уже изо всех сил тер верхнюю губу, стараясь хотя бы болью предотвратить чих. Когда же и это не помогло, я принялся зажимать пальцами ноздри, кусать губы и загонять чих вовнутрь, отчего у меня чуть не лопались барабанные перепонки. И все же это произошло как раз в ту минуту, когда мы огибали южный конец дракона величиной с грузовик с прицепленным к нему трейлером.

Я замер. Остальные — тоже и стали ждать. Дракон не проснулся.

Только мы снова пошли, как моя любимая оказалась возле меня и остановила прикосновением руки. Она порылась в своей сумочке, что-то в ней нашла, втерла это мне в нос и в ноздри и затем легким толчком дала знать, что можно идти вперед.

Сначала нос у меня закоченел, как от мази Вика, потом потерял чувствительность, а вскоре начал прочищаться.

Больше часа продолжалось это казавшееся бесконечным призрачное блуждание между высокими стволами и гигантскими тушами, и я уже считал, что мы благополучно доберемся до цели. Пещера Врат должна была находиться всего лишь в сотне ярдов от нас, я видел уже то место, где, по моим соображениям, был вход в пещеру, причем между ним и нами лежал только один дракон, и тот чуть в стороне от нашего пути.

Я поторопился.

Всему виной тот малыш — ростом не больше валлаби* и даже внешне похожий на него, если не считать детских зубов по четыре дюйма каждый. Возможно, он был еще так юн, что просыпался, чтобы попроситься на горшок, не знаю. Все, что мне известно, это то, что, проходя мимо дерева, за которым лежал малыш, я наступил ему на хвост, а он завопил.

Конечно, у него для этого были все основания. Но последствия оказались для нас роковыми. Взрослый дракон, что спал между нами и пещерой, проснулся тут же. Он был и не очень-то велик — так, футов в сорок, включая хвост.

Старина Руфо приступил к делу с такой быстротой, будто тренировался бесконечно много времени — он кинулся к южному концу этой скотины, стрела наготове, лук натянут, готовый стрелять на бегу.

— Заставь его поднять хвост! — крикнул он.

Я помчался к переднему концу дракона и попытался раздразнить зверюгу криками и шпагой, размахивая ею перед самым его носом, одновременно испытывая интерес к вопросу о том, на какое расстояние действует его огнемет. У невианского дракона только четыре места, куда можно всадить стрелу, все остальное — броня, потолще носорожьей шкуры. Вот эти четыре места: рот (когда он открыт), глаза (попасть трудно —

они маленькие и подслеповатые) и местечко под хвостом, ранимое у многих животных. Я считал, что стрела, посланная в это место, должна сильно повысить то ощущение «резкого жгучего раздражения», о котором оповещается на последних страницах газет в маленьких объявлениях, что толкуют об «ИЗЛЕЧЕНИИ БЕЗ ХИРУРГИИ».

Считал также, что дракон, будучи не слишком умным, получив сильное раздражение с обоих концов, потеряет ко всем чертям координацию, а мы будем продолжать свое дело до тех пор, пока он или не выйдет из строя, или ему все это не надоест и он удерет. Но мне надо было заставить его поднять хвост, чтобы Руфо было куда всадить стрелу. Эти чудовища такие же тяжелые, как старина тираннозаврус рекс, нападают стремительно, подняв вверх голову и передние лапы, а для равновесия и хвост.

Дракон мотал башкой туда и сюда, я же старался обмануть его и не оказаться на линии огня, когда он включит свой огнемет, как вдруг получил удар метановой струей еще до того, как включился механизм зажигания. Я отступил так быстро, что споткнулся об драконыша, на которого недавно наступил, перелетел через него и приземлился на плечи, что, по-видимому, меня и спасло. Огонь вылетел на дистанцию футов двадцать. Взрослый дракон продолжал наступление и преотличненько сжег бы меня, если бы не малыш, оказавшийся между нами. Дракон перестал пускать пламя, но тут Руфо заорал:

— Точно в «десятку»!!!

Причина, по которой я отступил так быстро, заключалась в дурном запахе из драконьей пасти. Считается, что чистый метан не имеет ни цвета, ни запаха. Метан же, производимый в желудочном тракте дракона, не был чист, он оказался так перегружен кетонами и альдегидами домашнего изготовления, что по запаху мог сравниться только с выгребной ямой, не обработанной известью.

Считаю, что лекарство, которое дала мне Стар для прочистки носа, спасло мне жизнь. Если бы нос был заложен, я бы не учуял даже запаха собственной верхней губы. Все это я продумал уже позже — во время схватки времени было маловато.

Как только Руфо попал в «десятку», дракон с видом полнейшего недоумения опять раскрыл пасть, на этот раз без выброса огня, и попытался ухватить свой зад передними лапами. Этого сделать ему не удалось — передние лапы были слишком коротки, но старался он изо всех сил. Я вложил шпагу в ножны, как только увидел длину газового выхлопа, и взялся за лук. Времени вынуть стрелу и выпустить ее у меня хватило — стрела вонзилась в левую миндалину.

Лекарство подействовало моментально. С криком ярости, потрясшим землю, дракон ринулся на меня, рыгнув огнем. И Руфо снова закричал:

— Опять туда же!

Я был слишком занят, чтобы посылать Руфо свои поздравления: эти штуковины для своих размеров слишком быстро передвигаются. Я тоже бегал резво, а степень свободы у меня была больше. Таким махинам трудно резко менять направление, но мой дракон весьма быстро вертел головой с пылающим факелом. Штаны он мне, во всяком случае, прожег, что побудило меня бегать еще быстрее и попытаться зайти ему в тыл.

Стар, тщательно прицелившись, послала ему стрелу в другую миндалину, прямо туда, откуда выходило пламя, а я в это время прилагал все усилия, чтобы увернуться от него. Несчастное животное тщетно пыталось теперь действовать одновременно в двух направлениях, чтобы достать и меня и Стар, но в результате запуталось в собственных ногах и рухнуло, вызвав небольшое землетрясение.

Руфо послал еще одну стрелу в незащищенный зад дракона, а Стар — другую, пробившую язык и застрявшую там перьями, что хотя и нельзя было назвать серьезным ранением, но причиняло сильнейшую боль.

Дракон свернулся в шар, потом вскочил на ноги, бросился вперед и снова попытался сжечь меня. Было ясно: я ему не очень нравлюсь.

Но пламени не было.

Именно на это я и рассчитывал. Настоящий дракон — тот, что с замками и пленными принцессами,— имеет столько пла-

мени, сколько ему потребуется, он вроде шестизарядного «кольта» в ковбойских телесериалах. А эти драконы, ферментирующие собственный метан, не обладают ни мощными собственными газохранилищами, ни такими, в которых его можно держать под большим давлением, надеялся я. Если бы нам удалось заставить дракона быстро израсходовать все свои боеприпасы, то время, нужное для восстановления запаса газа, должно быть весьма продолжительным.

Между тем Руфо и Стар непрерывно тревожили дракона, используя для этого уже известную тактику. Дракон сделал еще одну попытку сжечь меня, когда я перебегал перед его мордой, стараясь держаться так, чтобы малыш по-прежнему оставался между нами. Результат был такой же, как у высохшего «Ронсона»,— огонь вспыхнул, пламя ударило на шесть жалких футов и погасло. Дракон так старался достать меня этим последним усилием, что опять запутался в ногах и упал.

Я понял, что секунду или две он будет оглушен, как человек, хлопнувшийся на пол с приличной силой, подбежал к нему и ткнул его шпагой прямо в правый глаз.

Его сотрясли конвульсии, и он затих.

(Удачный удар! Говорят, динозавры имели, при всей своей огромной величине, мозг размером с лесной орех. Этот, надо полагать, обладал мозгом размером с дыню — и все же это большая удача, если, ткнув наобум в глазницу, ты тут же попадаешь в мозг. Все остальное, что мы делали до сих пор,— комариные укусы. А умер он от этого удара шпагой. Святой Михаил и святой Георгий верно направили мой клинок.)

— Босс! Давай к дому! — завопил Руфо.

Драконы всей округи строем двигались на нас. Это было совсем как учение на базе, где тебе велят отрыть личный окопчик, а затем пропустить над собой танк.

— Сюда!!! — заорал я.— Руфо! Сюда, а не туда!!! Стар!

Руфо резко затормозил, мы побежали в одном направлении, и я увидал отверстие пещеры, черное, как грех, приветливое, как материнское объятие. Стар мчалась за нами. Я впихнул ее внутрь, Руфо ввалился следом, а я повернулся, чтобы

встретить во славу моей любимой какое угодно множество драконов.

Но она уже кричала:

— Милорд! Оскар! Внутрь, ты, идиот! Я должна установить Защиту!

Я быстренько отступил, а Стар сделала свое дело, причем мне даже в голову не пришло отругать ее за то, что она назвала своего супруга идиотом.

Глава 13

Дракон-малютка плелся за нами до пещеры, не из желания отомстить (хотя я и не доверяю никому с такими зубами), а скорее, как я полагаю, из тех же соображений, по которым утенок следует за тем, кто идет впереди. Он попытался войти за нами в пещеру, но тут же отскочил, коснувшись носом невидимой преграды, подобно котенку, получившему удар статического электричества. После этого дракончик долго болтался возле входа, издавая жалобные звуки.

Мне хотелось узнать, защищает ли Охранение, установленное Стар, от огня драконов. Это я выяснил после того, как появившийся вслед за нами старый дракон сунул свою башку в отверстие, отпрянул назад, как и малыш, оглядел нас и включил свой огнемет.

Нет, Охранение не задерживало пламени.

Мы находились в глубине пещеры на достаточном расстоянии, чтобы не превратиться в угольки, но дым и вонь были ужасны, а пожалуй, могли бы оказаться и смертельными, продолжайся это долго.

Стрела просвистела возле моего уха, и дракон сразу же потерял к нам интерес. Его сменил другой, пока еще сохранявший прежние убеждения. Руфо, а может быть, Стар переубедили его еще до того, как он включил свою паяльную лампу. Воздух очистился — откуда-то из глубины пещеры шел встречный воздушный поток.

Между тем Стар зажгла свет, и драконы тут же устроили митинг протеста. Я бросил взгляд в глубину пещеры, куда уходил узкий ход, спускавшийся вниз и в сторону. Затем я перестал интересоваться пещерой и даже тем, что делали Руфо и Стар: явилась новая комиссия по проводам.

Ее председателю я попал в нежное нёбо еще до того, как он рыгнул. Его место занял вице-председатель, которому удалось подать короткую реплику — футов на пятнадцать, прежде чем он получил повод изменить направление мыслей. Комиссия попятилась и начала склочничать между собой.

Дракончик все это время продолжал слоняться возле пещеры. Когда взрослые удалились, он подобрался к входу, задержался чуть дальше того места, где получил ожог. «Ку-верп?» — спросил он жалобно. «Ку-верп? Киит?» Он явно просился к нам.

Стар тронула меня за руку.

— С вашего разрешения, милорд муж, мы готовы.

«Киит!»

— Сию минуту,— ответил я и закричал: — Брысь отсюда, малыш! Иди к своей мамочке!

Руфо просунул свою голову рядом с моей.

— Пожалуй, это невозможно,— прокомментировал он.— Похоже, дракон, которого мы убили, и был его мамашей.

Возразить было нечего, Руфо, видимо, был прав. Тот взрослый дракон, которого мы прикончили, проснулся мгновенно, как только я наступил малышу на хвост. Очень похоже на материнскую любовь, если она есть у драконов, чего я не знаю. Но какова, черт возьми, жизнь, если ты не можешь даже дракона убить без того, чтобы потом не ощутить горечи и боли!

Мы отправились в глубь холма, наклоняясь, чтобы избежать сталактитов, и обходя сталагмиты. Руфо с фонарем шел впереди. Вскоре мы оказались в сводчатом зале, пол которого стал гладким и блестящим из-за многовековых отложений кальцита. Сталактиты вдоль стен отличались нежной пастельной окраской, а сверху по центру свисала очаровательная, почти симметричная люстра, под которой сталагмит не рос. Стар и Руфо прилепили к стенам помещения дюжину кусков люминесцентной мастики,

которая в Невии играет роль ночников. Она осветила зал мягким светом и рельефно высветила сталактиты.

Руфо показал мне паутину, затянувшую пространство между сталактитами.

— Это безвредные пауки,— объяснил он,— хотя они огромны и безобразны. В отличие от других, эти даже не кусаются. Но... Осторожнее!! — Он оттащил меня назад.— А вот до этих штук опасно даже дотронуться. Слепые черви! Они-то нас и задерживают. Прежде чем ставить Охранение у входов, надо убедиться, что внутри все чисто. Теперь, когда Стар начинает возиться с Охранением, я могу проверить все еще раз.

Так называемые слепые черви — полупрозрачные светящиеся существа, ростом с крупную гремучую змею, покрытые слизью наподобие земляных червей. Было приятно знать, что они мертвы. Руфо нанизал их на свою шпагу — чудовищный шашлык — и вынес через тот проход, которым мы пришли.

Он быстро вернулся, и Стар закончила установку Охранения.

— Вот теперь хорошо,— вздохнул Руфо с облегчением, очищая свой клинок.— Их запах в нашем доме мне представляется явным излишеством. Они протухают очень быстро и навевают на меня воспоминания о свежесодранных шкурах. Или о копре. Я вам не говорил, как я работал коком на судне из Сиднея? У нас был второй помощник, который никогда не принимал ванны, а в своей офицерской каюте держал пингвина. Женского полу, разумеется. Эта птичка была ничуть не чище помощника, и когда она...

— Руфо,— позвала Стар,— не займешься ли ты багажом?

— Иду, миледи.

Мы вынули еду, спальные матрасы, запас стрел, предметы, необходимые Стар для волшебства, или как оно там называется, а также канистры для воды. Стар еще раньше предупредила меня, что Карт-Хокеш — такое место, где химические процессы плохо совмещаются с человеческим организмом. Поэтому всю еду и питье надо приносить с собой.

Я смотрел на эти литровые канистры без всякого удовольствия.

— Девочка, не слишком ли мы урезываем наш рацион пищи и воды?

— Больше нам, по правде говоря, и не потребуется.

— Линдберг* перелетел через Атлантику на одном бутерброде с арахисовым маслом,— вмешался Руфо.— Хотя я и уговаривал его взять чего-нибудь еще.

— А откуда ты знаешь, что нам не понадобится побольше? — настаивал я.— В частности, воды?

— Свою воду я буду разбавлять коньяком,— сказал Руфо.— Будете дружить со мной, поделюсь.

— Милорд муж, вода — тяжелая штука. Если мы нагрузим на себя больше жестко необходимой нормы, то, подобно Белому Рыцарю, слишком утяжелим себя для грядущих боев. Мне нужна сила, чтобы перенести из одного мира в другой трех человек, оружие и минимум одежды. Самое простое — живые тела, тут я могу позаимствовать прану у вас обоих. Затем следуют материалы органического происхождения. Ты, надо думать, заметил, что наша одежда сделана из шерсти, луки — из дерева, их тетива — из кишок. Вещи же, которые никогда не были живыми, переносить труднее всего, особенно сталь, а нам необходимы шпаги, а будь у нас огнестрельное оружие, то пришлось бы напрягать все силы, чтобы взять его с собой. Однако, милорд Герой, я тебя только инструктирую. Решать должен ты сам — я же уверена, что смогу захватить с собой... ну... еще около полуцентнера мертвого груза, если будет необходимо. Если ты отберешь сам то, что тебе подскажет твой гений.

— Считайте, что мой гений пошел рыбку половить на покое. Но, Стар, любимая, тут же есть простой ответ — бери с собой все!

— Милорд?

— Джоко нагрузил нас чуть ли не тонной еды, вином, в количестве достаточном, чтобы открыть винную торговлю, и небольшим запасом воды. Плюс обширный выбор орудий для убийства, нанесения ран и увечий. Даже латы. И много чего другого. В этой шкатулке хватит запасов, чтобы выдержать осаду в Карт-Хокеше, не пользуясь ни местной едой, ни местным

питьем. И все это весит всего лишь пятнадцать фунтов в упакованном виде, то есть куда меньше тех пятидесяти фунтов которые, как ты сказала, можно перенести при напряжении всех сил. Да я сам привяжу шкатулку на спину и ничего не замечу. Даже шага не замедлю. Более того, шкатулка убережет меня от искривления позвоночника. Годится?

Выражение лица Стар больше всего подошло бы матери чье дитя задало один из «вечных» вопросов, и она теперь пытается разъяснить ему весьма деликатную проблему.

— Милорд муж, масса будет непомерно велика. Я очень сомневаюсь, чтобы какой-нибудь колдун или колдунья могли бы передвинуть ее без помощи со стороны.

— Но я же говорю о сложенной шкатулке!

— Это ничего не меняет, милорд, масса все равно присутствует и, надо сказать, опасно присутствует. Представь себе мощную пружину, сжатую до тугого и очень малого объема и тем самым таящую в себе огромный запас энергии. Необходима колоссальная сила, чтобы перенести сложенную шкатулку из этого мира в другой, ибо она может просто взорваться.

Я вспомнил грязевой вулкан, промочивший нас до нитки, и перестал спорить.

— Ладно. Я ошибся. Но есть еще вопрос: если масса присутствует постоянно, почему же она весит так мало в сложенном виде?

На лице Стар снова возникло то же выражение затрудненности.

— Извини, милорд, но у нас с тобой отсутствует общий язык, я имею в виду математический, который позволил бы мне ответить на вопрос. Во всяком случае, сейчас. Обещаю тебе, что потом, если захочешь, ты сможешь досконально изучить эту проблему. А пока в качестве эрзаца подумай о шкатулке как о частном случае искривления пространства. Или представь себе массу, столь удаленную — в каком-то другом измерении — от граней шкатулки, что местное тяготение просто может не приниматься в расчет.

(Я вспоминаю эпизод, когда моя бабушка попросила меня объяснить ей телевизор — его внутреннее устройство, а не бе-

гущие картинки. Существует множество вещей, которые нельзя усвоить за десять коротких уроков, нельзя и популяризовать для широкой массы населения. Для этого нужны долгие годы работы мозга, чтобы черепушка стала мокрой от пота. Конечно, подобный взгляд можно рассматривать как тяжкое преступление в век, где правит невежество, а взгляд одного человека считается не хуже взгляда любого другого. Но факт остается фактом. Как говорит Стар — мир таков, каков он есть, и он не прощает невежества.)

Однако любопытство продолжало грызть меня.

— Стар, а ты можешь объяснить мне, почему одни вещи проходят через пространство легче других, я говорю о шерсти и стали?

Вид у нее был грустный.

— Нет, не могу — сама не знаю. Магия — не наука, это комплекс подходов, которыми достигается определенный результат, подходов, которые работают, а почему — неизвестно.

— Похоже на инженерное проектирование. Замысел рождается из теории, а разработка идет методом тыка.

— Да, милорд муж. Волшебник — это инженер-эмпирик.

— А философ,— вмешался Руфо,— это ученый без эмпирики. Я — философ. Это лучшая из всех профессий.

Стар ничего ему не ответила, достала чертежный блок и познакомила меня с данными, которыми она располагала насчет Высокой Башни, из которой нам предстояло увести Яйцо Феникса. Этот блок представлял собой куб из плексигласа. Во всяком случае, он был похож на плексиглас, был таков же на ощупь и так же, как плексиглас, покрывался отпечатками пальцев.

В руке Стар держала длинную указку, которая погружалась в куб столь же легко, как в воздух. Кончиком указки Стар могла рисовать в трех измерениях. Указка оставляла тонкие светящиеся линии разных цветов — своего рода грифельная доска, но трехмерная.

Это была не магия, это была передовая технология, которая преобразит к чертовой матери все наши методы инженерного проектирования, когда мы дотумкаем до того, как это делается; эта штука сыграла бы огромную роль при проектировании

сложных узлов, например, в авиационном моторостроении или в производстве ЭВМ. Блок имел грани около тридцати дюймов по краю, рисунок внутри можно было рассматривать под любыми углами, в том числе повернув вверх ногами.

Башня-Высотой-в-Милю имела форму не шпиля, а огромного монолита и несколько напоминала ступенчатые небоскребы Нью-Йорка, только куда выше. Внутри ее лабиринт.

— Милорд Рыцарь,— начала Стар виновато.— Когда мы покидали Ниццу, в нашем багаже лежал законченный чертеж Башни. Теперь мне приходится восстанавливать его по памяти. Однако я так часто рассматривала тот чертеж, что, кажется, могу изобразить все точно, хотя и с нарушением пропорций. Я уверена в направлении верных проходов, что ведут к Яйцу. Вполне возможно, что фальшивые ходы и тупики я помню хуже. Ведь им я уделяла меньше внимания.

— Не думаю, чтобы это имело значение,— успокоил я ее.— Если я буду знать правильные ходы, то все, чего я не знаю,— фальшиво. И мы ими пользоваться не будем. Разве что спрячемся туда в случае чего.

Стар нарисовала верный путь пылающим красным цветом, а фальшивые ходы — зеленым, причем зеленого на чертеже было куда больше, чем красного. У парня, что спроектировал эту Башню, мозги были явно набекрень. Ходы, которые шли от того, что казалось главным входом, вели вглубь, шли то вверх, то вниз, раздваивались, сходились, расходились, проходили совсем рядом с Залом Яйца, опускались вниз, поворачивали обратно, шли окольными путями и выбрасывали вас наружу, совсем как в паноптикуме П.Т.Барнума*.

Другие входы вели внутрь и запутывали вас в лабиринте, который совсем не подчинялся правилу «держитесь левой стороны». Если вы придерживались этого правила, то обрекали себя на голодную смерть. Даже путь, прорисованный красным, и тот был неимоверно труден. И если не знать комнаты, где хранилось Яйцо, можно было путаться там целый год плюс еще следующий январь в бесплодных и бессмысленных поисках.

— Стар, ты была в Башне?

— Нет, милорд. Я была в Карт-Хокеше, но далеко от Башни, в Гротто-Хиллз. Башню видела лишь издалека.

— Но кто-то ведь там был? Уверен, что это не твои... оппоненты снабдили тебя этим чертежом.

— Милорд, шестьдесят три смельчака погибли, добывая информацию, которую я вручила тебе.

(Значит, сегодня шестьдесят четвертая попытка!)

— А можно мне сосредоточиться только на красных линиях? — спросил я.

— Конечно, милорд.— Стар коснулась кнопки контроля, зеленые линии померкли. Красные начинались от трех входов — от «двери» и двух «окон».

— Это единственная дверь из тридцати или сорока, которая ведет к Яйцу? — Я показал на самый нижний вход.

— Точно так.

— Тогда именно возле этой двери они и будут поджидать нас, надеясь прикончить.

— Весьма вероятно, милорд.

— Хмм.— Я повернулся к Руфо.— Руфо, в твоих запасах нет ли длинной, крепкой и тонкой веревки?

— Есть то, что Джоко использует в подъемниках. Она похожа на толстую леску, но выдерживает вес до полутора тысяч фунтов.

— Молодчина!

— Я так и думал, что она вам пригодится. Тысячи ярдов хватит?

— Вполне. А что-нибудь полегче есть?

— Шелковая леска для форели.

Через час мы закончили все приготовления, учтя все, что мне казалось важным, а план лабиринта сидел в моей памяти так же прочно, как алфавит.

— Стар, милая, мы готовы. Хочешь приступить к своему волшебству?

— Нет, милорд.

— Почему же нет? Чем быстрее, тем лучше.

— Потому что не могу, любимый. Эти Врата — не настоящие Врата, в том смысле, что тут необходима точная привязка ко времени.

Эти откроются всего лишь на несколько минут примерно через семь часов, а потом будут закрыты в течение нескольких недель.

Мне в голову пришла вполне естественная мысль:

— А ведь если тем типам, с которыми нам придется иметь дело, это известно, то они могут ударить по нам в ту минуту, когда мы будем выходить из Врат?

— Надеюсь, нет, милорд Рыцарь. Они будут думать, что мы появимся где-то в Гротто-Хиллз, поскольку им известно о существовании Врат в том районе, и я действительно собиралась ими воспользоваться. Что касается этих Врат, то, если они даже известны нашим противникам, сами Врата расположены для нас столь неудобно, что трудно поверить, будто мы решимся к ним прибегнуть.

— Каждое твое слово укрепляет мои надежды. Не скажешь ли ты еще что-нибудь об ожидающих нас опасностях? Что нас ждет — танки? Кавалерия? Зеленые великаны с волосатыми ушами?

Стар явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Все, что я скажу, может тебя только запугать. Мы вправе предположить, что их войско будет состоять скорее из сконструированных, чем из живых существ, а это значит, что их внешний вид может быть любым. Кроме того, многое, возможно, будет иллюзией. Я говорила тебе о гравитации?

— Не думаю, наверное — нет.

— Извини, я устала, мозг работает хуже. Гравитация тут колеблется сильно и внезапно. Горизонтальная поверхность может вдруг наклониться вниз или круто пойти вверх. Другие вещи... они легко могут оказаться иллюзиями.

— Босс, если он движется — стреляйте,— вмешался Руфо.— Если оно говорит — режьте ему глотку. Таким путем вы уничтожите немало иллюзий. Особая программа действий вам не нужна: вот они — мы, а вот они — прочие. Стало быть, сомневаешься — убивай. И не надо зря напрягаться.

— Не напрягаться, значит! О'кей, волноваться будем, когда доберемся. А посему — кончай разговоры.

— Да, милорд муж,— поддержала Стар,— будет лучше, если мы несколько часов поспим.

Что-то в ее голосе было новое. Я взглянул на нее: какие-то легкие изменения обнаружились и в ее внешнем облике. Она казалась меньше, мягче, более женственной и слабой, чем та амазонка, которая лишь два часа назад палила из лука в зверюгу, в сотни раз превосходившую ее по весу.

— Отличная мысль,— проговорил я неторопливо и огляделся. Пока Стар рисовала чертеж Башни, Руфо упаковал все, что мы оставляли здесь, и (теперь я это заметил) положил одну спальную подстилку у одной стены, а две других рядышком — у другой, самой дальней.

Я задал свой вопрос без слов, показав взглядом на Руфо и пожав плечами с видом «А что потом?».

Ее ответный взгляд не сказал мне ни «да», ни «нет». Вместо этого она приказала:

— Руфо, иди спать и дай ноге отдых. Ляг на живот или носом к стене.

Впервые Руфо показал, что не одобряет наших действий. Он ответил резко, но не на то, что Стар сказала, а на то, что подразумевалось:

— Подглядывать я не нанимался!

Стар сказала так тихо, что я едва разбирал слова:

— Извини его, милорд муж. Он стар, у него свои слабости. Когда он ляжет, я погашу свет.

— Стар, любимая,— шепнул в ответ я,— все это никак не соответствует моим представлениям о медовом месяце.

— Ты так хочешь, милорд, мой возлюбленный? — заглянула она мне в глаза.

— Да. По рецепту медового месяца полагается кувшин вина и ломоть хлеба, но там ничего не говорится о дуэньях мужского полу. Я очень сожалею.

Она положила свою легкую руку мне на грудь и опять посмотрела в лицо.

— Я очень рада, милорд.

— Рада? — Не понимаю, зачем ей понадобилось так говорить?

— Да. Нам обоим нужен сон. Из-за завтрашнего дня. Эта сильная рука, привыкшая держать шпагу, дарует нам еще много ночей и рассветов.

Я сразу почувствовал себя лучше и улыбнулся ей.

— О'кей, Принцесса. Только сомневаюсь, что засну.

— Ах, конечно, заснешь.

— Побьемся об заклад?

— Выслушай меня, милорд, мой любимый. Завтра, после того, как ты победишь... мы сразу же отправимся ко мне домой. Никаких отсрочек, никаких неприятностей. Я очень хочу, чтобы ты выучил язык моей страны и не чувствовал себя там чужаком. Я хочу, чтобы моя страна стала твоим домом, и немедленно. Пусть мой муж приготовится ко сну, ляжет на спину и позволит дать ему урок языка. Ты заснешь, ты же знаешь, что заснешь.

— Что ж, отличная мысль. Но тебе же сон нужен еще больше, чем мне.

— Прошу прощения, милорд, но это не так. Четыре часа сна сделают мой шаг снова пружинистым, а на устах вновь заиграет улыбка.

— Ладно!

Через пять минут я уже вытянулся на подстилке, глядя в самые дивные в мире глаза и слушая любимый голос, мягко выговаривавший слова на чуждом для меня языке.

Глава 14

Руфо тронул меня за плечо.

— Завтрак готов, босс.— Он сунул мне в одну руку сандвич, в другую — кружку пива.— Хватит для драки, а ланч уже упакован. Я приготовил вам чистую одежду и оружие... помогу одеться, как только вы поедите.— Он был уже одет и подпоясан ремнем.

Я зевнул, откусил кусок сандвича (анчоусы, ветчина и майонез с чем-то, отдаленно похожим на помидоры или латук) и осмотрелся. Место рядом со мной пустовало, но, судя по всему, Стар только что встала. Она еще не оделась. Стояла на коленях в центре зала и рисовала на полу какой-то узор.

— Доброе утро, болтушка,— сказал я.— Опять пентаграмма?

— Ммм...— Стар не подняла даже глаз.

Я подошел поближе, чтобы рассмотреть, что она делает. Что бы это ни было, но рисунок исходил не из пятиугольной звезды. Он имел три главных центра, был очень сложен, включал несколько надписей в разных местах — я не разобрал ни языка, ни алфавита. Мне показалось, рисунок чем-то походит на проекцию гиперкуба.

— Уже позавтракала, птичка?

— Я встала давно.

— То-то ты у меня похудела. Это тессеракт?*

— Хватит! — Она откинула волосы назад, взглянула на меня и смущенно улыбнулась.— Прости меня, дорогой. Колдуньи — стервы, как на подбор, это уж точно. Но, пожалуйста, не заглядывай мне через плечо. Я ведь работаю по памяти — книги пропали в болоте, и мне дьявольски трудно. И еще — прошу тебя — сегодня никаких вопросов... Ты можешь нарушить мою уверенность в себе, а я должна быть совершенно уверенной.

— Прошу извинения у миледи,— расшаркался я.

— И не надо быть со мной таким официальным, родной. Просто люби меня и быстренько поцелуй, а потом оставь в покое.

Я наклонился к ней и наградил высококалорийным поцелуем с майонезом, после чего оставил в покое. Одевался я, одновременно приканчивая сандвич и пиво, потом зашел в естественный альков, в сторонке от Хранителей, установленных в проходе, в тот самый, что служил нам мужским туалетом. Когда я вернулся, Руфо уже ожидал меня с моей шпагой и перевязью в руках.

— Босс, вы опоздаете даже на собственное повешенье.

— Очень надеюсь.

Через несколько минут мы уже стояли на этой пентаграмме, Стар, так сказать, на площадке питчера[1], а я с Руфо — на второй и третьей центральных точках. Оба были обвешаны вещами: я — с двумя канистрами, со шпагой Стар и с ее боевым поясом, застегнутым на самую первую дырочку, и с моим собственным оружием, а Руфо — с двумя колчанами, с луком

[1] Питчер — подающий в бейсболе.

Стар, с ее медицинской сумочкой и нашим ланчем. Наши луки с натянутыми тетивами мы зажали под левыми подмышками. Каждый держал в правой руке обнаженную шпагу. Штаны Стар я засунул сзади под ремень, откуда они торчали неряшливым хвостом, а Руфо поступил так же с ее жакетом. Что же касается ее мокасин и шляпы, их мы распихали по карманам. Выглядели мы с ним словно уличные торговцы.

Левые руки у меня и Руфо были свободны. Мы смотрели прямо вперед, шпаги наголо, левые руки откинуты назад, каждую из них крепко держала Стар. Она занимала позицию точно в центре — ноги расставлены, прочно стоят на земле, одета так, как того требует профессия ведьм, занятых тяжелой работой,— даже заколки в волосах, и той не было. Смотрелась она великолепно — волосы копной, глаза горят, лицо пылает, так что я очень жалел, что приходится стоять к ней спиной.

— Вы готовы, мои храбрецы? — возбужденно произнесла она.

— Готов! — подтвердил я.

— Ave, Imperatrix, nos moriture te...[1]

— Руфо, прекрати... Молчание!! — Она затянула песнь на незнакомом мне языке. По затылку побежали мурашки.

Стар кончила петь, еще сильнее сжала наши руки и крикнула:

— Пошел!

Внезапно, как внезапно захлопывается дверь, обнаружилось, что я (нормальный герой Бута Таркингтона) попал в ситуацию, привычную скорее героям Микки Спиллейна*. У меня не было времени даже простонать.

Вот оно — прямо передо мной, это существо, готовящееся срубить меня, и я воткнул ему клинок прямо в брюхо, выдернул его обратно, пока оно решало, в какую именно сторону упасть. Сразу же — его приятель, которого пришлось успокоить тем же способом. Еще один скорчился внизу, пытаясь нанести мне удар в ногу, просовывая оружие между ног своих товарищей по службе. Я метался, как голый однорукий среди

[1] Императрица, идущие на смерть приветствуют тебя (*лат.*) Герой несколько перефразирует классическое приветствие римских гладиаторов.

муравейника, и даже не заметил, как Стар сорвала с меня свою шпагу. Зато увидел, как она зарубила противника, намеревавшегося стрелять в меня. Стар была повсюду одновременно, голая, как лягушка, и вдвое более ловкая. Переход между мирами вызвал чувство, сходное с ощущением, которое испытываешь в быстро опускающемся лифте, и, надо думать, резко изменившаяся гравитация была бы для нас трудным испытанием, будь у нас время об этом подумать.

Стар даже воспользовалась этим обстоятельством. Прикончив парня, нацелившегося пристрелить меня, она проплыла над моей головой и головой еще одного надоеды, ткнув его по пути шпагой в шею, после чего он навсегда потерял желание к кому-либо приставать.

Я считал, что она помогает и Руфо, но времени для наблюдений у меня не было. Я слышал, как он кряхтит за моей спиной, из чего следовало, что он все еще больше выдает, чем получает.

Тут он заорал:

— Ложись! — И что-то ударило меня под колени, я упал приложившись весьма капитально, и уже готовился вскочить на ноги, когда сообразил, что виновником падения был Руфо. Он лежал на брюхе рядом со мной и из чего-то, что могло быть пистолетом, палил по движущимся целям — там на равнине прячась за трупом одного из участников этой игры.

Стар тоже лежала, но уже не сражалась. Что-то пробило дырку в ее правой руке между локтем и плечом.

Вблизи от меня ничего живого не наблюдалось, но на расстоянии четырехсот-пятисот футов от нас ясно виднелись какие-то цели, весьма быстро передвигавшиеся. Я видел, как одна из целей упала, услышал странное гудение и почуял запах горелой плоти. Одно из странных ружей валялось на трупе, лежавшем слева от меня. Я схватил его и попытался понять принцип действия. Там был приклад и какая-то трубка — видимо, ствол, все остальное не лезло ни в какие ворота.

— Вот так, мой Герой.— Стар подползла ко мне, волоча за собой раненую руку и оставляя кровавый след.— Прижми его к плечу как винтовку и смотри в него. Там, под большим пальцем

левой руки, есть кнопка. Нажми на нее. Вот и все — ни поправки на ветер, ни поправки на дальность.

И никакой отдачи, как я обнаружил, выследив одну из бегущих фигур и нажав на кнопку. Возник клубочек дыма, и фигура упала. «Луч смерти», или лазерный луч, или что-то еще — а ты целься, нажимай кнопку, и кто-то далеко от тебя закончит пикник с прожженной в теле дырой.

Я сбил еще парочку, работая слева направо, и с помощью Руфо прикончил все мишени. Ничто, насколько я мог видеть, больше нигде не шевелилось.

— Лучше продолжайте лежать, босс.— Руфо подкатился к Стар, открыл ее медицинскую сумочку, висевшую на его поясе, и торопливо наложил ей грубую повязку на раненую руку.

Потом повернулся ко мне:

— Как сильно вы ранены, босс?

— Я? Ни царапины!

— А это что на рубашке? Кетчуп? Когда-нибудь вам влепят хороший заряд. Давайте посмотрим.

Я позволил ему расстегнуть куртку. Кто-то, с помощью зазубренного, как пила, лезвия, проделал мне в левом боку, пониже ребер, изрядную дырку. Я ее не заметил и боли не почувствовал — до тех пор, пока не увидал, а уж тогда она заныла, да так, что голова закружилась. Дело в том, что я совершенно не одобряю насилия, когда оно обращено к моей персоне.

Пока Руфо делал перевязку, я смотрел в сторону, чтобы не видеть рану.

Вблизи нас валялось около дюжины убитых, плюс почти половина этого количества лежала вдали — бежавшие, думаю, уничтоженные поголовно. Как? А как собака весом в шестьдесят фунтов, имеющая на вооружении только зубы, хватает, валит на землю и держит до зубов вооруженного человека? Ответ: благодаря атакующему мужеству.

Думаю, что мы прибыли в Карт-Хокеш в то самое время, когда производилась смена караула у Врат, и если бы мы появились со шпагами в ножнах, нас тут же зарубили бы. А получилось, что мы убили многих прежде, чем они поняли, что драка уже началась. Они были рассеяны, деморализованы, и нам

удалось уничтожить их всех, включая и бежавших. Карате и ряд других видов рукопашной (кроме бокса и тех игр, в которых действуют жесткие правила) основаны на том же — нападай, бей на уничтожение и не пугайся. Все эти виды — не столько умение, сколько отношение к делу.

У меня было время, чтобы рассмотреть наших противников — один из них лежал ко мне лицом с распоротым брюхом. «Иглины дети» назвал бы я их, только более экономичной модели. Ни красоты, ни пупков, ни ума, созданные, надо думать, только для одной цели — драться и стараться выжить. Это, правда, и к нам относится, но мы были пошустрее. Зрелище это действовало мне на пищеварение, поэтому я перевел взгляд на небо. Тут было нисколько не лучше — небо было какое-то ненастоящее, виделось как бы вне фокуса. Оно нависало, и цвет был неправильный, что раздражало, как картина абстрактного живописца. Я снова посмотрел на наши жертвы — теперь, в сравнении с небом, они казались почти приятными.

Пока Руфо перевязывал меня, Стар вползла в свои брюки и мокасины.

— А можно я сяду, чтобы надеть и жакет? — спросила она.

— Нет! — ответил я.— Может, они считают нас мертвецами.— Руфо и я помогли ей одеться, не высовываясь над баррикадой мертвых тел. Боюсь, что руку мы ей растревожили, хотя все, что она сказала, было:

— Шпагу перевесьте мне на правый бок. Что будем делать дальше, Оскар?

— Где твои подвязки?

— У меня, но я не уверена, что они тут сработают. Это очень странное место.

— Уверенность в себе! Вот о чем мы говорили всего лишь несколько минут назад. А ну-ка, заставь свой крохотный умишко напрячься, веря, что из этого кое-что получится.

Мы собрались в кучку, вместе с имуществом, дополненным тремя «ружьями» плюс чем-то вроде пистолетов, затем нацелили дубовую стрелу на крышу Башни-Высотой-в-Милю. Она возвышалась над всей округой — скорее гора, чем здание, черная и страшенная.

— Готовы? — спросила Стар.— И вы тоже верьте! — Она нарисовала что-то пальцем на песке.— Вперед!!!

И мы полетели. Уже в воздухе я понял, какую роскошную мишень мы представляем, но и на земле мы тоже были легкой добычей для каждого, кто сидел в Башне, так что было бы гораздо хуже, двинься мы к Башне пешедралом.

— Быстрее! — орал я в ухо Стар.— Пусть она летит еще быстрее!

Так и вышло. Воздух завыл у меня в ушах, мы ныряли вниз, взмывали наверх, скользили вбок, пролетая над теми гравитационными возмущениями, о которых предупреждала Стар. Возможно, это нас и спасло — как цель мы очень потеряли в качестве. Впрочем, если мы перебили весь сторожевой отряд, то в Башне могли еще и не знать о нашем прибытии.

Земля под нами лежала серо-черной пустыней, окруженной горным кольцом вроде лунного кратера, причем Башня играла роль главного пика. Я рискнул бросить взгляд на небо и попытался понять, что с ним такое. Солнца не было. Звезд не было. Небо не черное, не голубое — свет идет отовсюду, и оно распадалось на ленты, клубящиеся формы и провалы теней — всех цветов радуги.

— Во имя Господа Бога, что же это за планета?! — воскликнул я.

— Это не планета,— прокричала в ответ Стар.— Это место в совершенно уникальной Вселенной. Жить здесь нельзя.

— Кто-то же живет там,— указал я на Башню.

— Нет, нет, тут никто не живет. Она построена только для того, чтобы хранить Яйцо.

Мне еще не до конца была ясна вся чудовищность этой идеи. Тут я вспомнил, что мы не осмеливаемся здесь ни есть, ни пить, и поразился, как это мы дышим тут воздухом, если местная химия для нас отрава? Грудь у меня стеснило, где-то внутри появилось жжение. Тогда я спросил об этом Стар, а Руфо застонал (он вполне имел право на два-три стона — его до сих пор не вырвало, во всяком случае, я не видал).

— О, по меньшей мере двадцать часов,— ответила она.— Забудь об этом. Это не имеет значения.

Пусть так, но грудь у меня действительно болела, я даже застонал.

Сразу же после этих слов мы сели на крышу Башни. Стар еле успела произнести свое «Амех» — мы чуть не проскочили мимо.

Крыша была плоская, покрытая вроде бы черным стеклом, площадью в двести квадратных ярдов. И не было там никакой хреновинки, к которой можно было бы привязать веревку.

А я-то рассчитывал по крайней мере на вентиляционную трубу!

Яйцо Феникса лежало прямо под нами на глубине ста ярдов. В мозгу у меня было два плана на случай, если мы все же доберемся до Башни. В ней было три отверстия (из сотен), от которых шли верные ходы к Яйцу и к Никогда-Не-Рожденному Пожирателю Душ — местному военному полицейскому, сторожившему Яйцо.

Одно отверстие было на уровне земли — я его сразу исключил. Второе — в сотне футов от земли, и я о нем размышлял всерьез: пустить стрелу с тонкой леской так, чтобы она обмоталась вокруг чего-нибудь точно над окном, пользуясь леской, подтянуть более толстую веревку, подняться по ней — пустяк для опытного альпиниста, каковым я не был, но Руфо — был.

Но, как выяснилось, на Башне ничего не торчало — истинно современный дизайн, доведенный до абсурда.

Второй план заключался в том, чтобы добраться до крыши Башни, спуститься вниз по тросу до третьего «настоящего» отверстия, которое находилось почти на одном уровне с Яйцом. И вот мы там, все готово, кроме штуки для крепления веревки.

Мысли задним числом — всегда самые наилучшие... И почему же я не попросил Стар прямо подлететь вместе с нами к этой дыре в стене?!

Ну, во-первых, потребовалось бы очень точно нацеливать эту дурацкую стрелу, во-вторых, мы могли ошибиться «окошком», а в-третьих и в главных — я просто об этом вовремя не подумал.

Стар сидела и нянчила раненую руку. Я спросил:

— Детка, а ты можешь медленно и спокойно слететь с нами вниз на пару сотен футов и доставить нас к дыре, которая нам нужна?

Она посмотрела на меня, и ее лицо вытянулось.

— Нет.

— Ну что ж, плохо.

— Мне не хотелось об этом говорить, но я пережгла подвязки, летя на такой скорости. Теперь они никуда не годятся, пока их не перезарядишь. Но того, что мне надо, тут нет — заячья кровь, волшебные травки и тому подобное.

— Босс,— вмешался Руфо,— а как насчет того, чтобы использовать как столбик для крепления троса всю Башню?

— Это как?

— Да ведь веревки у нас до черта!

Это была вполне рабочая гипотеза — обойти крышу по периметру с веревкой в руках, затем завязать узел и спустить свободный конец вниз. Так мы и сделали, но свободными у нас остались только сто футов троса из всей длины в тысячу ярдов.

Стар внимательно наблюдала за нами. Когда же мне пришлось сознаться, что нам не хватает примерно сотни футов троса, что почти так же плохо, как и его полное отсутствие, она произнесла задумчиво:

— Интересно, а не сгодится ли Ааронов жезл?

— Сгодится, если он будет держаться на этом столе-перекрестке для пинг-понга. А что такое Ааронов жезл?

— Он делает твердые вещи мягкими, а мягкие — твердыми. Нет, нет, не это! Впрочем, это — тоже, но я-то предлагаю уложить веревку поперек крыши, спустив примерно десять футов по задней стене Башни. Затем сделать этот конец и ту часть, что лежит на крыше, твердыми, как камень, и прочными, как сталь — получится что-то вроде крюка.

— И ты можешь это сделать?

— Не знаю. Это из «Ключа Соломонова», такое заклинание. Не уверена, что мне удастся его вспомнить, и не знаю, работают ли подобные вещи в этой Вселенной.

— Уверенность, уверенность и еще раз — уверенность! Должно получиться!

— Не помню даже, как оно начинается... Дорогой, а ты не смог бы меня загипнотизировать? Руфо не может, во всяком случае меня.

— Но я же об этом деле и представления не имею!

— А ты сделай, как я, когда даю тебе уроки языка. Смотри мне в глаза, говори нежно и спокойно, прикажи мне вспомнить Слово. А может быть, лучше сначала уложить этот трос?

Так мы и сделали, причем я спустил с крыши не десять, а целых сто футов, по принципу «чем больше, тем лучше». Стар легла на спину, а я стал уговаривать ее, раз за разом тихо повторяя одни и те же слова (без особой убежденности).

Стар закрыла глаза и, казалось, уснула. И вдруг начала бормотать что-то на непонятном языке.

— Эй, босс! Эта проклятущая штуковина крепка, как утес, и сурова, как пожизненный приговор!

Я немедленно приказал Стар проснуться, и мы начали спуск со всей доступной нам скоростью, молясь, чтобы трос над нами не размягчился. Мы ничем не укрепляли свободный конец, я просто попросил Стар «накрахмалить» его до уровня окошка и спустился по нему, убедясь, что оно именно то, которое нужно — в третьем ряду, четырнадцатое по счету. Затем ко мне соскользнула Стар, и я принял ее прямо в свои объятия. Потом Руфо спустил наш багаж — преимущественно оружие — и последовал за ним.

Мы были в Башне, пробыв на планете, извиняюсь, в «месте», называемом Карт-Хокеш, всего лишь каких-нибудь сорок минут.

Я остановился и стал приводить план Башни, хранившийся в моей памяти, в соответствие с реальной обстановкой, устанавливая местонахождение Яйца и направление верных ходов.

О'кей! Осталось лишь пройти несколько сот ярдов, схватить Яйцо Феникса и бежать. Грудь перестала болеть.

Глава 15

— Босс,— сказал Руфо,— взгляните-ка на равнину.

— На что?

— Ни на что,— ответил он.— Мертвяков-то не видно! А мы, готов поклясться, должны были бы их видеть на фоне черного

песка, где нет даже кустика, способного загородить перспективу.

Я не стал смотреть.

— Это проблема крыс и мышей, будь они прокляты. А нам надо работать. Стар, ты можешь стрелять левой рукой? Ну, хотя бы из этих пистолетов?

— Разумеется, милорд.

— Держись футах в десяти от меня, стреляй в любую движущуюся мишень. Руфо, ты пойдешь за Стар с натянутым луком и стрелой наготове. Бей во все, что покажется подозрительным. Повесь на плечо одно из этих ружей, вместо ремня возьми кусок веревки.— Я подумал еще.— Большую часть багажа придется бросить. Стар, ты лук натягивать не сможешь, так что оставь его здесь, хоть он и очень красив. Брось и колчан. Мой колчан Руфо повесит на спину вместе со своим — стрелы у нас одинаковые. Жаль бросать мой лук, я к нему привык. Но надо. Будь оно все неладно.

— Я понесу его, мой Герой.

— Нет, все барахло, которым мы не будем пользоваться, надо выбросить.— Я отцепил свою канистру, сделал несколько больших глотков и передал ее остальным.— Пейте и выбросьте.

Пока Руфо пил, Стар перекинула мой лук через плечо.

— Милорд муж, он очень легок и ничуть не помешает мне стрелять. Ну как?

— Если он будет мешать, обрежь тетиву и забудь. Теперь пейте сколько нужно и пошли.— Я поглядел в глубь коридора, в котором мы находились,— пятнадцать футов в ширину, столько же в высоту, освещенный неизвестно чем и неизвестно откуда, заворачивающий направо, что полностью соответствовало картинке в моем мозгу.— Готовы? Будьте начеку. Если не сможем изрубить всех в капусту, будем стрелять и колоть, почести павшим отдадим потом.— Я обнажил шпагу, и мы двинулись походным маршем.

Почему со шпагой, а не с одним из этих лучевых ружей? У Стар было такое, и она разбиралась в нем получше меня, я даже не знал, как долго надо жать на кнопку. Стрелять Стар умела, это доказало ее обращение с луком, а в битве она была столь же хладнокровной, как Руфо или я.

Я расположил свое войско и роды оружия в силу своего разумения. Руфо в тылу с запасом стрел мог воспользоваться ими в любую минуту, но в то же время имел возможность в случае нужды перейти либо на шпагу, либо на одно из «ружей» — как подсказал бы ему разум.

Мне не надо было подавать ему советы — он и сам был с усами.

Итак, с тылу меня подкрепляло оружие дальнего боя — древнее и ультрамодерновое, находившееся в руках людей, умевших им пользоваться, а также обладавших боевым темпераментом — последнее особенно важно (вы знаете, сколько человек во взводе действительно стреляют в схватке? От силы — шесть. Вернее — три. Остальные — обмирают).

И все же — почему я не вложил шпагу в ножны и не взял одно из этих удивительных «ружей»?

Хорошо сбалансированная шпага — самое универсальное оружие из всех изобретенных для ближнего боя. Пистолеты и винтовки — они для нападения, а не для обороны. Кинься на противника рывком, он даже не успеет выстрелить из своей винтовки, а ведь ему надо остановить тебя на приличном расстоянии. А если броситься на человека, вооруженного клинком, то он проткнет тебя, как жареного голубя, конечно, в том случае, если у тебя самого нет клинка или ты им владеешь хуже, чем он.

Шпагу никогда не заклинит, ее не нужно перезаряжать; она всегда готова к бою. Основной ее недостаток — она требует большого искусства в обращении и спокойной, «любящей» практики в овладении этим искусством. Научить этому необученных рекрутов нельзя ни за несколько недель, ни за несколько месяцев.

Но главное (а это и есть основная причина) — радость ощущать эфес Леди Вивамус, чувствовать ее готовность врубиться во вражескую плоть придавала мне смелость в той ситуации, которая страшила меня до потери слюны во рту — ее не хватило бы даже для плевка.

Они (интересно, кто такие эти «они»?) могли стрелять в нас из засады, травить нас газами, готовить для нас ловушки и многое другое. Сделать это они могли и в том случае, если бы я был вооружен одним из тех странных «ружей». Со шпагой же

в руках я чувствовал себя свежим и смелым — и это ставило мой маленький отряд почти что вне опасности. Если командир считает нужным таскать с собой заячью лапку, пусть таскает, а эфес этой чудесной шпаги был куда лучшим талисманом, чем все заячьи лапки штата Канзас.

Коридор тянулся вдаль прямой, ровный, казалось, не таивший ни звука, ни угрозы. Вскоре вход в него остался позади. Большая Башня была пуста, но не мертва. Она жила, как по ночам живет музей — сборище призраков старины и древнего Зла. Я еще крепче сжал рукоять шпаги и лишь усилием воли расслабился и чуть-чуть разжал пальцы.

Мы подошли к крутому повороту налево. Я резко затормозил.

— Стар, этого поворота на чертеже не было!

Она не ответила. Я стал настаивать:

— Да, не было. Или был?

— Я не уверена, милорд.

— Ладно. Но я уверен. Х-м-м...

— Босс,— сказал Руфо.— А вообще-то вы уверены, что мы вошли в правильное «окно»?

— Уверен. Я могу ошибаться, но я уверен, так что если я ошибся, то мы можем считать себя мертвецами. М-м-м... Руфо, возьми лук, надень на него шляпу, высунь его, будто это человек, выглядывающий из-за угла, и держи ее на высоте человеческого роста, пока я сам посмотрю, что там делается, но только с более низкой позиции.— Я лег на живот.

— Готов? Давай...— Я умудрился выставить глаз в шести дюймах от пола, пока Руфо вызывал огонь на более высокую точку.

Ничего там не было, кроме пустого коридора, стрелой уходившего вдаль.

— О'кей, следуйте за мной! — Мы зашли за угол.

Пройдя несколько шагов, я встал:

— Что за черт!

— Что-нибудь не так, босс?

— Все! — Я обернулся и понюхал воздух.— Тут все не так. Яйцо находится вон там,— проговорил я и показал.— Примерно ярдах в двухстах, если верить чертежу в блоке.

— А чем это плохо?

— Не знаю. Дело в том, что именно такими были направление и угол до того, как мы свернули в это колено коридора. Теперь же Яйцо должно было быть справа от нас, а там его нет.

— Босс, послушайте, а почему бы нам просто не следовать теми проходами, которые вы запомнили хорошо? Вы же не можете помнить все мелкие детали.

— Заткнись. Смотри вперед, следи за коридором. Стар, стань на углу и следи за мной. Я кое-что хочу проверить.

Оба встали на свои места. Руфо — «впередсмотрящий» и Стар, которая могла смотреть у поворота направо в обе стороны. Я вернулся в первый «рукав» коридора, потом пошел обратно. Не доходя до поворота, закрыл глаза и шагнул вперед. Сделав десяток шагов вперед, я остановился и открыл глаза.

— Теперь все ясно,— сказал я Руфо.

— Что ясно?

— А то, что никакого поворота не существует,— и я показал на поворот.

— Босс, как вы себя чувствуете? — Он попытался потрогать мой лоб.

— Нет у меня жара. Идите оба за мной.— Я повел их обратно футов на пятьдесят в глубину первого «рукава» и остановился.— Руфо, выпусти стрелу вон в ту стену, в которую упирается коридор. Пусти ее так, чтобы она ударилась футах в десяти от пола.

Руфо вздохнул, но повиновался. Стрела взвилась и... исчезла в стене. Руфо пожал плечами:

— Попал в какую-то дыру! Из-за вас потеряли стрелу, босс.

— Возможно. Теперь пошли обратно.

Мы завернули за угол и там обнаружили нашу стрелу лежащей на полу довольно далеко от поворота. Я позволил Руфо поднять стрелу, он внимательно рассмотрел ее, потрогал вытисненный на ней герб Дораля и положил ее обратно в колчан. Мы пошли дальше.

Потом мы подошли к месту, где ступени лестницы повели нас вниз, тогда как моя «шишка направления» утверждала, что мы поднимаемся и место нашего назначения соответственно с этим меняло и направление, и угол. Я закрыл глаза для проверки

и физически ощутил, что поднимаюсь. Значит, глаза меня обманывали.

Это было похоже на один из этих «хитрых» домов в парках отдыха, где горизонтальный пол оказывается вовсе не горизонтальным,— очень похоже, но только в степени, возведенной в куб.

Я перестал сомневаться в правильности чертежа Стар и шел по его трассе, независимо от того, что подсказывало мне мое зрение. Когда коридор вдруг разветвился на четыре, тогда как память мне говорила, что тут только два ответвления, из которых одно — тупик, я решительно зажмурил глаза и шагнул туда, куда глядел мой нос,— и Яйцо осталось там, где оно и должно было быть по моим расчетам.

Но Яйцо отнюдь не обязательно должно было приближаться к нам с каждым новым поворотом или с новой развилкой, и правило, что прямая — это кратчайшее расстояние между двумя точками, тут не работало. Наш путь был запутан, как кишки в животе человека,— архитектор явно предпочитал кренделя прямым линиям и углам. Еще хуже получилось в том случае, когда мы взбирались по лестнице вверх, тогда как по чертежу тут был горизонтальный отрезок, гравитационная аномалия обрушилась на нас с огромной силой, и мы оказались на потолке.

Особого вреда нам это не причинило, но когда мы достигли предела, гравитация снова изменилась, и нас сбросило с высоты на пол. С вылезающими из орбит глазами я помог Руфо собрать рассыпанные стрелы, и мы двинулись дальше. Мы приближались к логовищу Никогда-Не-Рожденного и к Яйцу.

Коридоры стали сужаться, их стены приобрели грубую фактуру, обманные проходы также стали у́же и ничем не отличались от настоящих, а свет стал меркнуть.

И это было еще не самое плохое. Я не боюсь темноты и тесных помещений. Только намертво забитый людьми подъемник в универсаме в день дешевой распродажи может вызвать во мне ощущение клаустрофобии. Но я услышал крыс!

Крысы, множество крыс бегали и визжали в стенах — вокруг нас, под нами, над нами. Я покрылся потом и стал жалеть, что выпил столько воды. Темнота и теснота усиливались, теперь мы уже ползли через узкий туннель, пробитый в камне,

сначала на четвереньках, потом на брюхе, в полной тьме, как будто это было подземелье замка Иф. И крысы перебегали нам дорогу с писком и шорохом когтей.

Нет, я не заорал. Стар ползла за мной, она не визжала и не стонала из-за раненой руки — и я не имел права кричать. Она похлопывала меня по ноге каждый раз, как мы продвигались вперед на считанные дюймы, давая знать, что с ней все в порядке и с Руфо все тоже о'кей. Мы не могли тратить силы на разговоры.

Я увидел что-то едва различимое — два призрачных пятна где-то впереди, остановился, всмотрелся, моргнул слезящимися глазами, снова всмотрелся. Потом шепнул Стар:

— Я что-то вижу. Побудь тут, а я поползу вперед и узнаю, что это такое. Поняла?

— Да, милорд Герой.

— Повтори это Руфо.

А потом я совершил единственный по-настоящему смелый поступок за всю мою жизнь — пополз вперед. Смелость — это когда ты продолжаешь идти вперед, несмотря на то, что смертельно напуган, напуган так, что твой сфинктер[1] уже не держит, сердце готово разорваться, ты не можешь даже вздохнуть. Вот это и есть точное описание (на данный момент) состояния И.С. Гордона — бывшего пехотинца и Героя по профессии. Я был почти уверен, что знаю, чем были эти два тусклых отблеска, и чем ближе я к ним подползал, тем больше росла моя уверенность — я мог даже обонять эту пакость, я даже начал различать ее очертания.

Крыса. Нет, не обычная крыса, что живет на городских помойках и иногда кусает детей. Нет, гигантская крыса, чей размер позволяет ей заблокировать эту нору, но, будучи все же меньше меня, она обладает большей свободой маневра для наступления, той свободой, которой у меня нет вообще.

В лучшем случае я мог только протискиваться вперед, держа перед собой шпагу и пытаясь так направить ее острие, чтоб встретить нападающую крысу, заставить ее подавиться острой сталью, ибо если она избежит клинка, то у меня останутся только

[1] *Сфинктер* — запирательная мышца, сжиматель.

голые руки да надежда использовать их, несмотря на тесноту. Крыса бросится мне в лицо.

Я проглотил кислую слюну с запахом блевотины и преодолел еще несколько дюймов. Глаза крысы опустились к полу, как будто она готовилась к прыжку.

Но прыжка не последовало. Оба огонька теперь стали более четкими и как бы разошлись в стороны, и, когда я продвинулся вперед еще на два-три фута, я с потрясающим облегчением понял, что это не крысьи глаза, а что-то другое, причем мне уже было абсолютно наплевать, что именно.

Еще дюйм, еще. Яйцо находилось где-то совсем рядом, а я до сих пор не знал, что оно такое, а поэтому было бы лучше сначала взглянуть самому, а уж потом позволить Стар ползти сюда.

«Глаза» оказались двумя дырками в занавесе, который прикрывал выход из крысиной норы. Я увидел, что это гобелен, увидел обратную сторону вышивки и наконец обнаружил, что вполне могу заглянуть в одну из дырок, когда доползу до нее.

За занавесом находилась большая комната, пол которой лежал примерно на фут ниже пола туннеля. В дальнем конце, футах в пятидесяти от меня, рядом со скамьей стоял человек и читал книгу. Я рассматривал его, а он, подняв глаза от книги, глянул в мою сторону. Казалось, он пребывал в нерешительности.

Я не колебался ни секунды. Нора в этом месте была пошире, так что мне удалось подобрать под себя ногу и рвануться вперед, откинув в сторону гобелен своей шпагой. Я споткнулся, вскочил на ноги, готовый к бою.

Он был так же быстр, как я. Швырнул книгу на скамейку, выхватил свою шпагу и двинулся мне навстречу в то самое мгновение, когда я вылетел из норы.

Он принял стойку ан-гард — колени согнуты, кисть напряжена, левая рука за спиной, клинок нацелен мне в лицо — ну прямо учитель фехтования. Он оглядел меня с ног до головы, наши вытянутые клинки разделяло три-четыре фута.

Я не кинулся на него. Есть такая рискованная тактика — «Мишень для уколов», иногда практикуемая самыми опытными фехтовальщиками, заключающаяся в стремительном наступлении с вытянутыми в одну линию рукой, кистью и шпа-

гой — все нацелено на атаку и ничего для защиты от шпаги противника. Но эта позиция результативна только в том случае, если момент нападения тщательно рассчитан, если вы видите, что ваш противник на мгновение расслабился. В противном случае — это самоубийство.

И в данном случае это было бы самоубийство: он был начеку, словно выгнувший спину бродячий кот, готовый к драке.

Я попытался оценить его боевые качества, а он, в свою очередь, так же внимательно изучал меня. Это был маленький ловкий человек с руками явно более длинными, чем полагалось иметь по росту. Не могу сказать, что это сулило мне какие-нибудь преимущества, тем более что он обладал старомодной рапирой, более длинной, чем Леди Вивамус (возможно, это обстоятельство могло повлиять на скорость его движений, разве что кисть у него окажется очень сильной). Одет он был так, как одевались в Париже при Ришелье, а не по моде Карт-Хокеша. Нет, тут я не прав: Большая Башня была вне моды, иначе и я бы тут выглядел старомодно в моем стилизованном робингудовском костюме. «Иглины дети», которых мы встречали, вообще были без одежды.

Это был очень некрасивый и дерзкий человек с озорной улыбкой и самым крупным носом к западу от Дюранс[1], заставивший меня вспомнить нос моего Первого сержанта, который не терпел, когда его поддразнивали кличкой «Носач». Впрочем, на этом сходство между ними и заканчивалось — мой сержант никогда не улыбался, а глазки у него были злые и свинячьи. У этого человека глаза были веселые и гордые.

— Ты христианин? — Тон был очень требовательный.

— А тебе-то что?

— Ничего. Кровь есть кровь, тут разницы нет. Но если ты христианин, то покайся в грехах. Если язычник — обратись к своим ложным богам. Я дам тебе не больше трех схваток. Но я сентиментален и всегда хочу знать, кого мне предстоит убить.

— Я американец.

— Это страна? Или болезнь? И что вообще ты делаешь в Хоуксе?[2]

---

[1] Нижний приток р. Роны, южная Франция.

[2] Грубая шутка, обман (*англ.*).

— Хоукс? Или Хокеш?

Свое безразличие он выразил только глазами, острие рапиры даже не дрогнуло.

— Хоукс, Хокеш — вопрос географии и произношения. Этот замок находился где-то в Карпатах, поэтому «Хокеш» правильнее, если сознание твоей правоты доставит тебе удовольствие перед смертью. Ну а теперь начнем наш дуэт.

Он скользнул ко мне так быстро и так плавно, что казалось, плыл по воздуху, и наши клинки зазвенели, когда я парировал его в позиции сикста и сделал ответный выпад и был отбит — ремиз, реприз, снова выпад — схватка лилась так легко, так долго и с таким разнообразием приемов, что посторонний зритель принял бы ее не за бой, а за салют дуэлянтов.

Но я-то знал! Этот первый выпад должен был убить меня на месте, и на это же было рассчитано каждое его движение в течение всей схватки. И одновременно он испытывал меня, испытывал крепость кисти, искал слабые места, изучал, боюсь ли я ударов в нижнюю часть тела, постоянно возвращался к выпадам в верхнюю часть туловища, а возможно, и изыскивал способ обезоружить меня. Мне практически ни разу не пришлось сделать выпад, не было даже отдаленного шанса на это, каждая часть схватки была навязана мне, я лишь отвечал, стараясь изо всех сил сохранить жизнь.

Уже через три секунды я понял, что против меня стоит фехтовальщик гораздо более высокого класса, чем я,— со стальной кистью, столь же гибкой, как нападающая змея. Это был единственный фехтовальщик из всех мне известных, который пользовался примой и октавой, пользовался, я имею в виду, так же часто, как сикстой и квартой. Их, разумеется, изучают все, мой собственный учитель заставлял меня практиковаться в них столько же, сколько и в остальных шести, но большинство фехтовальщиков прибегают к ним, лишь когда к этому вынуждают обстоятельства — из страха потерять очко.

Мне же грозила опасность потери не очка, а жизни, и я знал, знал еще задолго до окончания этой первой затянувшейся схватки, что, каковы бы ни были ставки, жизнь я потеряю.

А этот идиот при первом же лязге скрестившихся шпаг еще принялся скандировать!

Мне жаль вас! Где вам воевать?
Зачем вы приняли мой вызов?
Куда же вас пошпиговать,
Прелестнейший из всех маркизов?
Бедро? Иль крылышка кусок?
Что подцепить на кончик вилки?
Так, решено: сюда вот, в бок
Я попаду в конце посылки...[1]

Стихи были достаточно длинны, чтобы прикрыть по меньшей мере тридцать почти увенчавшихся успехом покушений на мою жизнь, а на последнем слове нападающий отступил так же плавно и неожиданно, как и вступил в бой.

— Что ж ты, дружок? Подхватывай! Уж не хочешь ли ты, чтобы я пел один? Хочешь умереть как клоун перед глазами прекрасных дам? Пой! И сумей сказать свое «прости» грациозно, так, чтобы последняя твоя рифма бежала бы вперегонки со смертным хрипом в твоей глотке! — Он несколько раз притопнул правым ботфортом, будто собирался танцевать фламенко.— Пробуй же! Цена-то все равно будет одна — и так и этак!

Я не опустил глаза к полу, когда раздалось щелканье сапога — это старый гамбит, некоторые фехтовальщики притопывают при каждом выпаде и даже при ложных выпадах, надеясь, что резкий звук действует на нервы противника, выбивает его из темпа, заставляет отшатываться назад и таким образом доставляет им желанное очко. Последний раз, когда я попался на эту удочку, относится ко времени, когда я еще и бриться не начал.

Но его слова подтолкнули мою мысль. Его выпады были коротки — глубокие выпады противопоказаны рапире, они слишком опасны в настоящем бою. Я уже начал отступать, медленно, так как за спиной была стена. Сразу же, как начнется новая схватка, я либо превращусь в пришпиленную к обоям бабочку, либо споткнусь обо что-нибудь, полечу вверх тормашками, и

[1] Эдмон Ростан «Сирано де Бержерак» (пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

тогда он нанижет меня на рапиру, как нанизывают на острый штырь бумажные обрывки в скверах. И тем не менее я не осмеливался покинуть стену.

Хуже всего было то, что Стар могла в любую минуту появиться из крысиной норы, что находилась за моей спиной, и тогда ее убили бы в самый момент появления, и даже если бы я тут же пронзил шпагой моего противника, это бы ничего не изменило. Но если бы мне удалось развернуть его в другую сторону... Моя любимая была практичной женщиной, и никакие «спортивные соображения» не удержали бы ее шпагу от погружения в спину врага.

Тут же в голову пришла и другая счастливая мысль: если я подыграю его безумию, попробую рифмовать и декламировать, то он, возможно, еще поиграет со мной, прежде чем решится меня заколоть.

Но и затягивать эту игру было нельзя. Я не заметил, когда он успел задеть мне руку ниже локтя. Это была просто царапина, которую Стар залечила бы в несколько минут, но она могла ослабить мою кисть и поставить меня в трудные условия при парировании ударов в нижнюю часть тела — кровь сделает рукоять скользкой.

— Первая строфа,— объявил я, делая шаг вперед и слегка поигрывая клинком. Он отнесся к этому с полным пониманием, не стал напирать, а начал как бы играть с кончиком моей шпаги, еле прикасаясь к нему легкими парирующими движениями.

Это было именно то, на что я надеялся. Я стал передвигаться вправо, одновременно декламируя, и он разрешил мне это.

Раз Твидлдам и Твидлди
Решили скот украсть.
Сказал братишке Твидлди: «Свою взнуздаю часть!»

— Ну, ну, старина,— сказал он ворчливо,— воровать-то нехорошо. Лучше быть честным, дружок. К тому же и рифма, и размер хромают. Оставь-ка своего Кэрролла в покое.

— Постараюсь,— согласился я, опять чуть-чуть сдвигаясь в сторону.— А вот и вторая строфа:

С двумя девицами из Бирмингама
Произошла скандальнейшая драма...

И тут я кинулся на него.

Не все вышло так, как я задумал. Он, как я и надеялся, немного расслабился, ожидая, видимо, что я продолжу валять дурака с этими едва соприкасающимися клинками все время, пока буду декламировать.

Я застал его врасплох, но он не отступил, мощно парируя мой выпад, и мы неожиданно оказались в незащитимой позиции — корпус к корпусу, клинки скрещены у эфесов — почти полный тет-а-тет.

Он захохотал мне прямо в лицо и прыгнул назад — почти в то же мгновение, что и я, что снова поставило нас в позицию ан-гард. Но кое-что я все же выиграл. До сих пор мы довольствовались лишь колющими выпадами. Острие опаснее лезвия, но мое оружие обладало и тем и другим, а человек, привыкший действовать только острием, далеко не всегда готов отразить рубящий удар. В тот момент, когда мы расходились, я обрушил свой клинок ему на голову.

Я надеялся развалить ее надвое. Но для такого удара не хватило ни силы, ни времени, однако он получил рану, которая рассекла ему лоб до брови.

— Touche! — крикнул он.— Отличный удар! Да и песенка ничего себе. Давай дальше!

— Ладно,— согласился я, тщательно парируя и выжидая, пока кровь зальет ему глаз. Рана в лоб — одна из самых кровоточащих среди поверхностных ранений, и на этом я строил теперь свой расчет.

Поединок на шпагах — страшная штука — ум в нем участия почти не принимает, он не успевает за темпом сражения. Думает твоя кисть, она отдает приказы ногам и телу, что им делать, а мозг она обходит стороной — ты мыслишь «на потом», превращая мозг в склад инструкций и указаний на будущее, во что-то, подобное компьютеру с его программой.

Я продолжил:

Теперь они уже в суде
За нарушения в...

Я задел ему руку — почти как он мне — только серьезнее. Теперь, решил я, он мой! Но тут он сделал то, о чем я только слышал, а видеть не приходилось: он быстро отступил и перебросил клинок из одной руки в другую.

Да уж — удачей это не назовешь! Фехтовальщик, действующий правой рукой, терпеть не может левшей — это выбивает его из седла, тогда как левша прекрасно знаком со всеми приемами праворучного большинства. Этот сукин сын владел левой рукой так же, как и правой. Еще хуже — теперь ко мне была обращена не залитая кровью глазница.

Он снова задел меня — на этот раз в коленную чашечку, причинив мне сильнейшую боль и существенно ограничив подвижность. Несмотря на его раны, куда более серьезные, чем мои, я понимал, что долго не продержусь.

Выбора не было.

В позиции секунда есть рипост — отчаянно опасный, но блистательный, если его, конечно, удастся провести. Он доставил мне немало побед в рее[1], где на карту не ставилось ничего, кроме очков. Начинается все с сиксты. Сначала ваш противник нападает, но вместо парирования и кварты ты жмешь, атакуя с зажимом, твой клинок скользит вдоль и вокруг его клинка штопоровидным движением, пока острие не входит в его плоть.

Беда с этим приемом в том, что если он не удался, то времени для защиты у тебя уже нет, для рипоста — тоже, твоя грудь открыта для клинка противника.

Я не пытался использовать этот прием, особенно против такого фехтовальщика. Я только подумал о нем.

Мы продолжали драться практически на равных. Затем он слегка отступил, парируя, и поскользнулся в собственной крови. Моя кисть сама выполнила все: клинок скользнул с захватом, как то полагалось в секунде, и шпага пронзила его насквозь.

[1] *Здесь* — соревнования по фехтованию (*фр.*).

Он будто несказанно удивился и поднял клинок рапиры, салютуя, а затем рухнул на колени, и рапира выпала из его руки. Я шагнул вперед вслед за моим клинком, намереваясь вытащить его из раны.

Он схватился за мой клинок.

— Нет, нет, мой друг, пожалуйста, оставь его. Он на время закупорит мое вино. Твоя логика остра, она дошла до моего сердца. Как твое имя, сэр?

— Оскар из Гордонов.

— Гордое имя. Не могу позволить, чтобы меня убивал незнакомец. Скажи мне, Оскар из Гордонов, ты когда-нибудь бывал в Каркасоне*?

— Никогда.

— Побывай там. Любить девчонок, убивать мужей, писать книги, слетать на Луну — я все это испытал.— Он задохнулся, и пена пошла у него изо рта, розовая пена.— На меня даже дом падал! И какова цена чести, раз на голову тебе может обрушиться балка! Какое разорительное остроумие!

Он закашлялся и продолжал:

— Темнеет. Давай обменяемся последними дарами, если ты согласен. Мой первый дар состоит из двух частей. Часть первая: ты счастливец и умрешь не в постели.

— Надеюсь, что ты прав.

— Постой... Часть вторая: бритва отца Гильоме никогда не бреет брадобрея, она слишком тупа. А теперь твой дар, мой старый... и поторопись, у меня уже нет времени... но сначала — как кончается твой стишок?

Я сказал ему. Он прошептал, колотушка смерти уже стучала у него в горле.

— Очень славно. Старайся. А теперь — твой дар, я более чем готов для него...— Он попытался перекреститься.

И я преподнес ему дар милосердия, потом устало постоял, подошел к скамье и рухнул на нее, затем вытер оба клинка — сначала узкий золингеновский охотничий нож, после него — особенно тщательно — Леди Вивамус. Я нашел силы встать и отсалютовать ему блестящим клинком. Знакомство с ним было

для меня большой честью. Жаль, не спросил его имени. А он, казалось, думал, что оно мне известно.

Я снова тяжело опустился на скамью, поглядел на гобелен, закрывавший крысиную нору в дальнем конце комнаты, и подумал: почему же не пришли Стар и Руфо? Все это лязганье стали, все эти разговоры...

Я думал, не пойти ли к норе и не крикнуть ли им? Но сейчас слишком мало сил, чтобы двигаться. Я вздохнул и закрыл глаза.

Из-за свойственной мальчишкам живости (и безалаберности, за которую меня постоянно бранили) я разбил дюжину яиц. Мама увидела яичницу, и я понял, что она сейчас расплачется. Я тоже зарыдал. Тогда она вытерла глаза, нежно взяла меня за плечо и сказала:

— Все в порядке, сынок. Яйца не стоят того.

Но мне было мучительно стыдно, я вырвался и убежал.

Я мчался вниз по склону, не ведая, куда бегу, почти скользя над землей, и внезапно понял, что сижу за рулем, а машина вышла из-под контроля. Я пытался нащупать тормозную педаль, но она «утопилась» с той легкостью, которая свидетельствует о падении давления тормозной жидкости. Что-то появилось на дороге впереди, но я не видел, что именно, не мог даже повернуть головы, а глаза ничего не различали: их что-то залило. Я крутанул руль, но ничего не произошло — толкающая штанга отсутствовала.

Вопль в моих ушах, когда мы столкнулись!.. И тут я понял, что проснулся в собственной постели и что вопли — тоже мои. Я мог опоздать в школу, что было бы проступком, которому нет извинения. Нет пощады, только агония стыда, ибо пустует школьный двор, другие ребятишки — отмытые и добродетельные — уже сидят за своими партами, а я не могу найти свой класс. Мне даже не хватило времени зайти в уборную, и вот я сижу за партой со спущенными штанами, готовый сделать то, чего не успел сделать раньше, когда торопился бежать из дому, а все ребята тянут руки вверх, но учитель вызывает именно меня. А я не могу встать, так как мои штаны не только спущены, а отсутствуют вообще, и, если я встану, это увидят все, мальчишки начнут хо-

хотать, девчонки отвернутся, морща носы. Но самым несмываемым стыдом было то, что я не знал ответа на вопрос!

— Ну отвечай же,— сердито говорила мне учительница,— не трать наше дорогое время, И. С.! Ты не выучил свой урок!

Что ж, верно, не выучил. Да, я учил, но она написала на доске «Вопросы 1—6», а я подумал, что это значит первый и шестой, а она задает мне четвертый! Но она мне все равно не поверит, да и объяснение довольно вшивенькое. Нам нужны голы, а не объяснения.

— Понимаешь ли, Изи,— продолжал мой тренер, голосом скорее печальным, чем сердитым,— длина общего пробега это хорошо, но ты не заработаешь ни цента, если не пересечешь линию у ворот противника с яйцом под мышкой.— Он показал на футбольный мяч, лежавший на столе.— Вот оно как. Я приказал его позолотить и надписать к началу сезона, ты казался мне в отличной форме, и я был полностью уверен в тебе, так что он должен был достаться тебе на банкете в честь окончания сезона и нашей победы.

Тут лоб тренера наморщился, он говорил так, будто заставлял себя быть справедливым.

— Не могу сказать, чтобы наше спасение полностью зависело только от тебя. Но ты действительно относишься к делу слишком легко, Изи, может, тебе надо просто поменять имя. Ведь если дорога становится труднее, нам приходится прикладывать больше усилий.— Он вздохнул.— Моя ошибка — должен был раскусить это дело пораньше. Вместо этого стал разыгрывать что-то вроде родительского отношения к тебе. Хочу, однако, доложить, что ты не один пострадаешь из-за прошедшего — ведь в мои годы не так легко найти себе новую работенку.

Я натянул простыню на голову, ибо не мог видеть выражения его лица. Но почему он не хочет оставить меня в покое? Кто-то стал трясти меня за плечо.

— Гордон!!!

— Отстань от меня!

— Гордон, проснись! И тащи свою задницу в офис! У тебя крупные неприятности!

Так оно и было, и я об этом догадался, едва только вошел в офис. Во рту у меня был кислый привкус блевотины, и чувствовал я себя жутко — будто стадо бизонов проскакало надо мной, время от времени наступая своими копытами. Вонючих бизонов к тому же.

Первый сержант даже не глянул на меня, когда я вошел. Дал мне настояться и пропотеть, скотина. Он поднял глаза и долго изучал меня, прежде чем заговорить. Потом сказал медленно и раздельно, давая мне возможность попробовать каждое слово на вкус:

— Уход в самоволку, оскорбление и нападение на туземных женщин, незаконное использование государственного имущества, скандальное поведение, неповиновение, похабная брань, сопротивление аресту, нанесение побоев полицейскому... Гордон, почему ты заодно не украл лошадь? Мы ведь тут вешаем за конокрадство. Все было бы проще.

Сержант ухмыльнулся своему остроумию. Старый мерзавец всегда считал себя остряком. И обычно был прав процентов на пятьдесят.

Но мне было плевать на то, что он говорил. Я же совершенно отчетливо понимал, что все это сон, один из тех снов, что часто мне снились в последние дни, как результат страстного желания вырваться из этих джунглей. Даже она, и то не была реальностью. Моя... как же ее звали... Даже и имя ее я вообразил...

Стар... Моя счастливая звезда.

О, Стар, любимая — тебя не существует!

Он продолжал:

— Я вижу, ты снял свои лычки? Что ж, это экономит время, но лишь это обстоятельство и можно считать удачей. Ты одет не по форме. Не брит. Твоя одежда в грязи. Гордон, ты позор для армии Соединенных Штатов! Ты сам знаешь это, не правда ли? Из такой ситуации дешево не выберешься. У тебя нет ни личного номера, ни пропуска, ты назвался чужим именем. Ну, Ивлин Сирил, мой мальчик, теперь-то мы воспользуемся твоим нежным именем. Официально.— Он повернулся на своем вращающемся кресле, из которого не вынимал своей жирной задницы с тех самых пор, как прибыл в Азию,— патрульная служба для него

вроде бы не существовала.— И еще — меня интересует одна вещь: где ты подцепил это? И что побудило тебя его спереть? — Он кивнул на шкаф, стоявший за креслом.

Я узнал то, что лежало на шкафу, узнал, хотя, когда я видел его в последний раз, оно было покрыто золотой краской, а теперь было измазано в той черной липкой грязи, которую они специально производят в Юго-Восточной Азии. Я пошел на него:

— Это мое!

— Нет, нет! — вскинулся он.— Смотри, обожжешься, обожжешься, мальчик! — Он отодвинул футбольный мяч подальше к стене.— Кража еще не делает его твоей собственностью. Я взял его на хранение в качестве вещественного доказательства. К твоему сведению, поддельный герой, врачи думают, что он помрет.

— Кто?

— А тебе-то что? Два доллара против Бангкокского храма, что ты не спрашивал его имени, когда проломил ему башку. А ты не имеешь права шляться тут и разбивать головы туземцам только потому, что надрался по уши, у них тоже есть права, даром что ты об этом не знаешь. Тебе разрешается их лупить только там и только тогда, когда получишь приказ.

И вдруг он улыбнулся. Это нисколько не улучшило его внешность. С его длинным острым носом и маленькими налитыми кровью глазками он, как я внезапно осознал, был вылитая крыса.

А он продолжал улыбаться и говорить:

— Ивлин, мой мальчик, а может, ты снял свои лычки слишком рано, раньше чем нужно?

— Как это?

— А вот так. Из этой грязной истории, возможно, есть выход. Садись! — Он еще раз громко прикрикнул: — Садись!

Я сел.

— Если бы дело зависело только от меня, я бы просто подвел тебя под восьмую статью и забыл бы обо всем — все, что угодно, лишь бы от тебя отделаться! Но у ротного другие соображения — вот уж поистине блестящая мысль, с помощью которой можно и насовсем твое дело закрыть. На нынешнюю ночь планируется рейд. И поэтому...— Тут он нагнулся и достал

из ящика своего письменного стола два стакана и бутылку «Четыре розы». Потом щедро наполнил стаканы.— Пей!

Об этой бутылке знали все, все, разве что кроме ротного, но никто еще не слыхивал, чтобы наш сержант кому-нибудь предложил выпивку, за исключением того случая, когда он явился к арестованному объявить, что тот предается военно-полевому суду.

— Спасибо, нет.

— Брось, брось, выпей. Ну, налей хоть на собачий волосок. Тебе же это пригодится. Потом сходи, прими душ, приведи себя в порядок, хотя ты небось и не знаешь, что это такое, а потом иди к ротному.

Я встал. Мне очень хотелось выпить. Просто безумно хотелось. Я готов был проглотить какое угодно пойло, а «Четыре розы» отличное питье, я выпил бы сейчас любую огненную воду, как бы ее там ни называли, даже если от нее у меня лопнут барабанные перепонки.

А вот с ним я пить не мог. С ним я и капли бы не выпил. И есть бы не стал...

И тогда я плюнул ему в рожу.

Он так удивился, что стал таять. Я вытащил шпагу и пошел на него. Свет погас, но я продолжал рубить шпагой, иногда попадая во что-то, иногда — нет.

Глава 16

Кто-то тряс меня.

— Проснись!

— Отваливай!

— Проснитесь! Босс, ну пожалуйста, проснитесь!

— Да, мой Герой, ради меня, проснись!

Я открыл глаза и улыбнулся ей, потом попробовал оглянуться по сторонам. Господи, ну и бойня же здесь была! А посреди бойни, чуть поближе ко мне, стоял черный стеклянный столб — футов пять в высоту, а на нем Яйцо.

— Это оно?

— Ага,— подтвердил Руфо. Выглядел он потрепанным, но веселым.

— Да, мой рыцарь,— удостоверила и Стар.— Это и в самом деле Яйцо Феникса. Я проверила.

— Хм...— Я снова окинул взглядом комнату.— А где же Пожиратель Душ?

— Ты убил его. Убил еще до того, как мы сюда добрались. Ты продолжал сжимать в руке шпагу и крепко держал под мышкой левой руки это Яйцо. Нам стоило большого труда отобрать его у тебя, ведь без этого я не могла заняться тобой.

Я посмотрел на свою грудь и понял, что она имела в виду, и поспешил отвести глаза. Красный цвет не принадлежит к числу моих любимых. Чтобы уйти от темы хирургии, я спросил Руфо:

— А почему вы так задержались?

Ответила Стар:

— Я боялась, что мы тебя вообще не найдем.

— А как же нашли?

— Босс, потерять вас по-настоящему было бы трудновато. Мы просто пошли по кровавому следу, даже когда он уходил в стены. Она исключительно упряма.

— Хм... Видели каких-нибудь мертвецов?

— Трех или четырех. Все нам неизвестные, да нам до них и дела не было. Судя по всему — искусственники. Мы на них времени не тратили. Кстати, нам следует поторопиться с уходом отсюда, если вы чувствуете себя достаточно заштопанным и можете идти. Время не ждет.

Я осторожно согнул правое колено. Там, где меня ранили в чашечку, боль все еще ощущалась, но наложенное Стар лекарство уже начинало действовать.

— Нога в порядке. Идти смогу, как только Стар закончит свою работу. Но я вовсе не жажду снова ползти по той крысиной норе. У меня от крыс поджилки трясутся.

— Какие крысы, босс? И какая нора?

Я рассказал им все.

Стар никак не отреагировала, просто продолжала обклеивать меня пластырем и накладывать повязки, зато Руфо обрисовал обстановку:

— Босс, вы вдруг встали на колени, а потом поползли — это было в таком же самом коридоре, как и прочие. Я в этом не видел никакой нужды, но, поскольку вы уже доказали, что ничего не делаете зря, мы не стали спорить и последовали вашему примеру. Потом вы велели нам ждать, пока пойдете на разведку, мы подчинились и ждали вас очень долго, пока Она наконец не решила идти на поиски.

Мне нечего было сказать.

Мы ушли сразу же, воспользовавшись вторым путем и не встретив никаких препятствий — ни иллюзий, ни ловушек, ничего, кроме того, что путь был долог и утомителен. Руфо и я были начеку и шли в том же порядке — со Стар, несущей Яйцо, в середине.

Ни Стар, ни Руфо не знали, грозит ли нам опасность атаки, да и вряд ли мы сейчас могли отразить что-нибудь пострашнее отряда бойскаутов. Согнуть лук был в состоянии один Руфо, а я не смог бы даже шпагу поднять. Поэтому наша задача заключалась только в том, чтобы дать Стар время для уничтожения Яйца — не отдавать же его!

— Не надо беспокоиться,— объяснил мне Руфо.— Это будет все равно что оказаться рядом с атомной бомбой. Даже не заметишь, что произойдет.

Выйдя из Башни, мы проделали довольно долгий пеший переход к Гротто-Хиллз, где находились другие Врата. Завтракали мы на ходу — я был дико голоден — и разделили между собой коньяк Руфо и воду Стар, последней было не очень-то много. Даже небо, которое было вовсе не небом, а чем-то вроде крыши, даже странные прыжки гравитации нам не мешали.

Диаграмма, или пентаграмма, в пещере уже была нарисована. Стар пришлось ее только чуть-чуть подновить, потом надо было подождать немного — мы так торопились сюда, поскольку должны были попасть обязательно до закрытия Врат. Когда они закроются, то станут недоступны на несколько недель или месяцев: слишком долго, чтобы люди могли выжить в атмосфере Карт-Хокеша.

Мы были готовы даже раньше времени. Я был одет как Владыка Марса — без всего, если не считать перевязи и шпаги. Нам

пришлось бросить все пожитки, так как Стар утомилась и даже перенос органики был для нее слишком тяжел. Она очень хотела взять с собой мой лук, но я наложил вето. Однако настояла на Леди Вивамус, и тут я, признаться, сопротивлялся куда слабее. Стар прикоснулась к шпаге и сказала, что это уже не мертвый металл, а часть меня самого.

Руфо нес на себе только свою далеко не прекрасную розовую кожу плюс бинты. Он считал, что шпага — это только шпага, у него дома есть и получше. Стар из профессиональных соображений имела одежды не больше, чем Руфо.

— Еще долго? — спросил Руфо, когда мы соединили наши руки.

— До начала отсчета осталось две минуты,— ответила Стар. Часы в ее голове работали не хуже моей «шишки направления». Она никогда не пользовалась настоящими часами.

— Ты ему сказала? — спросил Руфо.

— Нет.

Руфо воскликнул:

— И тебе не стыдно? Тебе не кажется, что давно пора прекратить водить его за нос? — Он говорил на удивление жестко, и я уже намеревался сделать ему выволочку за такое обращение со Стар, но она сама оборвала его. Сначала она запела, потом: «пошел!»

Мы тут же оказались в другой пещере.

— Где мы? — спросил я. Тяготение тут было посильнее.

— В Невии,— ответил Руфо.— По другую сторону Вечных гор, и у меня есть большое желание выйти тут и повидать Джоко.

— Скатертью дорога! — сердито откликнулась Стар.— Слишком много болтаешь!

— Только в том случае, если мой дружок Оскар пойдет со мной. Хочешь, старый товарищ? Я доведу тебя туда за недельку. И никаких драконов. Тебя встретят с радостью, особенно Мьюри.

— Оставь Мьюри в покое! — В голосе Стар появились визгливые нотки.

— Не нравится, а? — откликнулся едко Руфо.— Молодая женщина и все такое...

— Ты же знаешь, что дело не в этом!

— Еще как в этом! — возразил он.— И как долго ты думаешь так тянуть? Это бесчестно сейчас и всегда было бесчестным. Это...

— Молчание! Отсчет начинается! — Мы соединили руки и...

Ух! Оказались в новом месте. Это тоже была пещера, частично открытая наружу, воздух разреженный, жгуче-холодный, внутрь залетал снег.

— Где мы? — опять спросил я.

— На твоей планете,— ответила Стар.— Эта страна называется Тибет.

— Тут ты можешь пересесть на другой поезд,— вмешался Руфо,— если Она перестанет упрямиться. Или можешь просто уйти, хотя дорога длинная и тяжелая. Я ее однажды прошел.

Я не соблазнился. Последний раз, когда я слышал о Тибете, он находился в руках мрачных борцов за мир*.

— И долго мы тут пробудем? Местечко нуждается в центральном отоплении.— Хотелось услышать что угодно, кроме этой перебранки. Стар была моей возлюбленной, и я просто не мог вынести грубого обращения с ней, но и Руфо стал моим кровным братом — по количеству пролитой крови — и я не раз был обязан ему жизнью.

— Недолго,— ответила Стар. Она выглядела усталой и похудевшей.

— Но достаточно, чтобы объясниться! — давил свое Руфо.— Тебе наконец следует принимать решения самому, а не позволять таскать себя, как кота в мешке. Ей следовало уже давно рассказать тебе все. Она...

— По местам! — резко выкрикнула Стар.— Начинается отсчет до нуля. Руфо, если ты не замолчишь, я брошу тебя тут, и тебе придется опять тащиться пешком — босиком и по горло в снегу.

— Валяй,— отозвался он.— Угрозы делают меня таким же упрямым, как ты. А это забавно. Оскар, Она...

— Молчать!

— Императрица Двадцати Вселенных...

Глава 17

Мы очутились в большой восьмиугольной комнате с роскошными, очень красивыми серебристыми стенами.

— ...и моя бабка! — закончил Руфо.

— Не «Императрица»,— заговорила Стар.— Это глупое слово, оно не передает сути дела.

— Еще как передает.

— А что касается второго утверждения, то это скорее мое несчастье, чем недостаток.— Стар вскочила на ноги, оживленная, сбросившая груз усталости, и обняла меня за талию, продолжая держать Яйцо в другой руке.

— О, мой дорогой! Я так счастлива! Мы добились своего! Приветствую тебя дома, мой Герой!

— Где это? — У меня в голове была полная каша — слишком много часовых поясов, слишком много посещенных мест, слишком большие скорости.

— Дома. У меня дома. Теперь и у тебя дома, если ты захочешь. В нашем доме.

— Понимаю... Императрица...

Она топнула ногой:

— Не смей меня так называть!

— Правильная форма обращения,— вмешался Руфо,— будет «Ваша Мудрость». Не так ли, Ваша Мудрость?

— Ах, Руфо, заткнулся бы ты! Пойди и раздобудь нам одежду.

Он покачал головой.

— Война окончена, я только что демобилизовался. Ищи сама, бабуля.

— Руфо, ты просто невозможен!

— Сердишься, бабуля?

— Рассержусь, если ты и дальше будешь звать меня бабулей.— Тут она передала Яйцо мне, обняла Руфо и поцеловала его.— Нет, бабушка на тебя не сердится,— сказала она мягко.— Ты ведь всегда был несносным ребенком, и я никогда не забуду устриц, которых ты положил мне в кровать. Надеюсь, ты достал их честным путем.— Она поцеловала его еще раз и

потрепала за седой венчик волос.— Бабушка любит тебя. Бабушка будет всегда любить тебя, почти как Оскара. Я считаю тебя близким к совершенству, если только забыть, какой ты трудновыносимый, лживый, испорченный, непутевый и никого не уважающий свиненок.

— Вот так-то лучше! — ответил он.— Если подумать, то и я отношусь к тебе примерно так же. Что ты хочешь надеть?

— М-м-м... Нам нужно очень многое. Как же давно у меня не было приличного гардероба! — Она повернулась ко мне: — А что хотел бы ты, мой Герой?

— Не знаю. Я тут вообще ничего не знаю. Все, что сочтет подходящим... Ваша Мудрость.

— О, милый, пожалуйста, не зови меня так! Никогда не зови! — Казалось, она сейчас разрыдается.

— Хорошо. А как же мне называть тебя?

— Стар — вот имя, которое ты мне дал. Если хочешь иначе, зови меня «Принцесса». Я не «Принцесса». Но я и не «Императрица» — это просто плохой перевод. С радостью буду «твоей Принцессой», как ты называл меня раньше. А хочешь — «гадкой девчонкой» или любым другим из многих имен, которыми ты меня называл когда-то.— Она посмотрела на меня уже более спокойно.— Как раньше. И навсегда.

— Я постараюсь... моя Принцесса.

— Мой Герой!

— Но есть много вещей, о которых я не имею представления.

Стар перешла с английского на невианский.

— Милорд муж, я хотела рассказать тебе все. И милорду расскажут все, до последней мелочи. Но я страшно боялась, что, если милорду сообщат все слишком рано, он откажется следовать за мной. Нет, не в Большую Башню, а сюда. В наш дом.

— Возможно, ты поступила правильно,— сказал я на том же языке.— Но теперь я здесь, миледи жена, моя Принцесса. Поэтому говори. Я хочу знать все.

Она снова перешла на английский.

— Я скажу. Я все скажу. Только на это нужно время. Любимый, придержи немного своих коней. Ты был так терпелив со мной, так терпелив, любимый, и так долго...

— О'кей,— согласился я.— Согласен подождать. Но, послушай, я ведь не знаю, так сказать, даже улиц в этом микрорайоне. Мне нужны советы. Помнишь ту ошибку, которая получилась у меня с Джоко только потому, что я не знал местных обычаев?

— Да, милорд, обязательно. Но не бойся, обычаи тут просты. Примитивные общества всегда сложнее цивилизованных, а это общество — не примитивное.

Появился Руфо и бросил груду одежды к ногам Стар. Она повернулась, все еще держа мою руку в своей, и приложила палец к губам, а взгляд ее был серьезен, почти тревожен.

— Ну-ка, давай подумаем, что же мне надеть?

«Сложность» — понятие относительное. Я обрисую лишь контуры. Центр — столичная планета Двадцати Вселенных. Но Стар — не Императрица, а Вселенные — не Империя.

Я буду называть ее Стар, поскольку у нее сотни имен, и буду говорить «Империя» и «Императрица», поскольку не знаю более точных терминов. Буду даже собственную жену называть Императрицей.

Никто не знает числа Вселенных. В теории оно бесконечно, как бесконечно число комбинаций законов природы, а каждый набор законов соответствует отдельной Вселенной. Все это лишь теория, и «Бритва Оккама»* слишком тупа. Известны же лишь двадцать Вселенных, которые были открыты, которые имеют свои собственные законы природы, многие имеют свои собственные планеты, а иногда «места», где живут человеческие существа. Не знаю, кто живет в остальных Вселенных.

Двадцать Вселенных включают в себя множество реально существующих Империй. Наша Галактика в нашей Вселенной столь огромна, что наша человеческая раса могла бы никогда не встретиться с другой, если бы не Врата, соединяющие Вселенные. На некоторых планетах Врата неизвестны. На Земле их много, что придает ей особое значение. Иначе она бы считалась отсталым захолустьем.

Семь тысяч лет назад зародилось стремление разрешить важнейшие политические проблемы, которые сами по себе были невероятно сложны и велики. Все началось с малого: как

можно управлять планетой без видимых форм управления? Народ этой планеты имел талантливых экспертов-кибернетиков, хотя в других отношениях он вряд ли опережал нас, ибо все еще был готов сжигать амбары, чтобы избавиться от мышей, и нередко оставлял свои пальцы в машинах. Эти экспериментаторы избрали себе выдающегося Правителя и решили помочь ему.

Никто не знает, почему этот парень оказался столь удачливым, но он им был, и этого довольно. Эти ребята не очень-то молились на теорию, но решили оказать Правителю практическую помощь своей кибернетической наукой. Они изучили и записали ход всех кризисов в своей истории, все известные детали этих кризисов, все, что было сделано для их разрешения, и все, что из этого вышло, и организовали дело так, что Правитель мог получать нужные консультации так же легко, как если бы он консультировался с собственной памятью.

Все вышло так, как было задумано. Через какое-то время Правитель уже распространил свое влияние на всю планету Центр — прежде-то она называлась иначе. Он не правил ею в буквальном смысле этого слова, а только распутывал образующиеся узлы.

В Банк Памяти занесли все, что сделал первый «Император» — и хорошее и дурное,— для пользы его преемников.

Яйцо Феникса и есть кибернетический Банк Памяти, хранящий сведения о деятельности 203 «Императоров» и «Императриц», большинство которых «управляли» уже всеми известными Вселенными. Подобно складной шкатулке, Яйцо изнутри больше, чем снаружи. В «развернутом» виде оно, надо думать, куда как превосходит пирамиду Хеопса.

Легенды о Фениксе распространены во всех Вселенных — о существе, которое умирает и в то же время бессмертно, так как возникает в расцвете сил из собственного пепла. Яйцо представляет собой такое же чудо: оно не просто библиотека, а запись всего, в том числе и личных качеств всех Императоров, начиная от Его Мудрости IX до Ее Мудрости CCIV — миссис Оскар Гордон.

Трон тут не наследственный. Предки Стар включают Его Мудрость 1-го и множество других «Мудростей», но есть еще

несколько миллионов людей, в чьих жилах течет та же «королевская» кровь. Ее внук — Руфо не был избран, например, хотя имеет тех же предков, что и Стар. А может, он отказался? Я не спрашивал, ему бы это могло напомнить о временах, когда кто-то из его дядюшек совершил какой-то непристойный и недоступный пониманию поступок. Да и вообще таких вопросов не задают.

Намеченный кандидат получает образование очень широкое — от умения приготовить похлебку из требухи до высочайшей математики, не говоря уже о знании всех видов личной защиты, поскольку еще тысячи лет назад было установлено, что, как бы хорошо ни охранялся Император, он проживет дольше, если сам умеет драться, как взбесившаяся циркулярная пила. Я обнаружил это, задав своей любимой какой-то неприятный для нее вопрос.

Я все еще пытался привыкнуть к тому факту, что женат на бабушке, чей внук выглядит старше меня и который на самом деле старше, чем он выглядит. Люди Центра живут гораздо дольше, чем мы, но к тому же Стар и Руфо прошли специальную процедуру, дарующую дополнительное долголетие. Ко всему этому надо привыкнуть. Я спросил Стар:

— Как долго живете вы — Мудрые?

— Не слишком долго,— ответила она почти зло.— Обычно нас убивают! (Мой рот раскрылся широко-широко.)

Обучение кандидата включает также путешествия во многие миры, хотя и не на все планеты и «места», населенные людьми. Так долго никто не живет. Но на многие. После того, как кандидат все это выполнит, начинается курс аспирантуры: вводится в действие Яйцо. На мозг наследника (наследницы) накладываются память и личные характеристики всех прежних Императоров. Он (она) становится как бы интегрированным воплощением их всех. Стар плюс. Супер-Нова. Ее Мудрость.

Оригинальная личность кандидата, конечно, доминирует, но оно тоже присутствует! Без Яйца Стар могла бы вспомнить все, что произошло с людьми, умершими много сотен лет назад, но с Яйцом, то есть став частью этой кибернетической системы, она хранит в себе самой семь тысяч лет свежих, можно сказать вчерашних, воспоминаний.

Стар призналась мне, что лет десять она колебалась, принять это предназначение или нет. Она не хотела превратиться во всех этих людей. Ей хотелось остаться самой собою, жить так, как того пожелает. Но методы, используемые при подборе кандидатов (я их не знаю, они заложены в самом Яйце), практически безошибочны. За всю историю отказались только трое.

Когда Стар стала Императрицей, она едва-едва начала вторую стадию своего образования, на нее были наложены личности всего лишь семи предшественников. Импринтинг не требует очень большого времени, но «жертвы» нуждаются в довольно большом отдыхе между двумя операциями, ибо они включают в себя перенос самых незначительных мелочей, когда-либо случившихся с бывшими правителями,— плохих и хороших: жестокое обращение с собакой или кошкой в детстве, стыд за этот поступок, испытанный в более поздние годы, потеря девственности, трагические переживания, связанные с первым заболеванием, и так далее и тому подобное!

— Я должна пережить их ошибки,— говорила мне Стар.— Ибо ошибки — это единственный надежный путь познания.

Таким образом, вся эта утомительная процедура нацелена на одно — сделать данную личность носителем знаний о всех жалких ошибках, совершенных за семь тысяч лет.

К счастью, Яйцо используется не так уж часто. Большую часть времени Стар остается сама собой и «привитые» ей воспоминания мучают ее не больше, чем вас — память о выговоре, полученном в школе второй ступени. Почти все проблемы Стар решает, так сказать, стреляя с бедра, фактически не прибегая к своему Черному Кабинету и всей этой гигантской системе знаний.

Ибо главным принципом, который выявился в результате долгого эмпирического пути развития управления Империей, является то, что ответом на большинство проблем служит девиз: «Не делай ничего».

Царь Чурбан всегда лучше Царя Журавля*: «Живи и давай жить другим», «Время — лучший врач», «Не буди спящую собаку!», «Оставь их в покое, и они сами прибегут, виляя хвостом» и т. д.

Даже позитивные эдикты в Империи обычно носят негативный характер: «Не взрывай планеты ближнего твоего» (свою — валяй, сколько хочешь), «Руки прочь от хранителей Врат», «Не судите и не судимы будете».

А главное — никогда не ставить серьезную проблему на народный референдум. Нет, законов против местной демократии у них нет, в виду имеется имперская проблематика. Старина Руфо, ох, извините, доктор Руфо, один из крупнейших экспертов в области сравнительной культурологии, сказал мне, что каждая человеческая раса проходит через всевозможные формы политического устройства и что демократия существует во многих примитивных обществах, но что он не знает ни одной цивилизованной планеты, где бы принцип «Vox populi, vox Dei»[1] не переводился, как «Господи, да как же мы вляпались в такую кашу».

Впрочем, Руфо обожал демократию — каждый раз, когда у него портилось настроение, он вспоминал Вашингтон, а ужимки французского парламентаризма стояли у него на втором месте после ужимок французских красоток.

Я спросил его, как происходит управление в цивилизованных обществах. Брови у него сдвинулись.

— Практически никак! — А затем указал на нынешнюю Императрицу Двадцати Вселенных — большей частью она ничего не делала.

Впрочем, иногда делала. Она могла, например, сказать: «Дела пойдут лучше, если вы возьмете этого беспокойного типа... как ваше имя?.. ваше, ваше, ну — того, что с бородкой... и расстреляете его. Так и поступите!» — Я присутствовал при этом. Они так и сделали. Он был главой делегации, представившей на суд Стар какую-то проблему — что-то касающееся столкновений интересов галактических торговых империй в Седьмой Вселенной. Заместитель главы делегации тут же сковал ему руки, остальные делегаты выволокли его во двор и прикончили. Стар продолжала пить кофе. (Кофе тут лучше, чем у нас дома, и я так разволновался, что тоже налил себе чашечку.)

[1] Глас народа — глас божий (*лат.*).

Настоящей власти у Императора нет. И тем не менее, если бы Стар решила, что планета имярек должна быть уничтожена, люди немедленно бы принялись за дело и на небе появилась бы еще одна Нова. Стар такого бы никогда не допустила, но в прошлом такие случаи известны. Случаи редкие — Их Мудрости долго, очень долго будут обшаривать свои души (и Яйцо), прежде чем предложат нечто столь бесповоротное, даже в том случае, если гипертрофированный здравый смысл Императора будет твердить ему, что иного решения не существует.

Император — единственный источник имперского законодательства, единственный Судия, единственная исполнительная власть, но действует он редко и у него нет механизма для проведения своих решений в жизнь силой. Все, что он или она имеют, так это колоссальный престиж системы, которая функционирует уже семь тысяч лет. Эта квазисистема цементирует всех благодаря тому, что не настаивает ни на универсальной общности, ни на полном униформизме, не ищет единых идеалов, не опирается на утопии — она лишь дает ответы, достаточно хорошие, чтобы существовать дальше, и предоставляет большую степень свободы множеству подходов и оценок.

Все местные проблемы решаются на местах. Детоубийство — это ваше дело, дело вашей планеты. Проблемы взаимоотношений родителей и учителей, цензуры в кино, помощи в случае стихийных бедствий — все это проблемы, в которых Империя компетенции не имеет.

Кризис из-за Яйца разразился еще до моего рождения. Его Мудрость CCIII был убит, а Яйцо украдено — оба происшествия имели место одновременно. Какие-то дурные мальчики рвались к власти, а Яйцо, благодаря своим огромным возможностям, было отличным ключом к такой власти, о которой даже Чингисхан и мечтать не мог.

И кому она нужна — такая власть? Не понимаю. Но кое-кто понимает и действует.

В результате Стар вступила на престол только наполовину подготовленной, и перед ней возникла кризисная ситуация,

равной которой Империя не знала, причем сама Стар была отрезана от Склада Мудрости.

Впрочем, бессильной она тоже не была. Импринтинг опыта семи гиперразумных личностей был уже закончен, а кроме того, к ее услугам были кибернетические системы всех Вселенных, за исключением самой совершенной из них — Яйца. Первым делом надо было узнать, что стало с Яйцом. Организовывать атаку на планету, где жили мерзавцы, было небезопасно — они могли уничтожить Яйцо.

Были способы, которыми можно было заставить заговорить любого человека, если вы решились бы их применить. Стар ничего против них не имела. Нет, я не имею в виду ничего грубого — вроде клещей или дыбы. Эти способы можно сравнить со сниманием слоев с головки лука, а им пришлось ободрать не одну луковицу.

Карт-Хокеш — место столь губительное, что его даже назвали по именам двух единственных исследователей, которым удалось там побывать и вернуться живыми. (Мы-то были, можно сказать, в его парковой зоне, остальная часть куда хуже.) Мерзавцы, о которых шла речь, даже не сделали попытки там обосноваться. Они лишь спрятали Яйцо, установили охрану, организовали ловушки на путях к нему и вокруг него.

— А какой толк был им от Яйца, если оно находилось там? — спросил я Руфо.

— Никакого,— согласился он.— Но они очень скоро выяснили, что от него толку нет нигде, если рядом не будет Ее. Значит, требовалось либо захватить весь штат кибернетиков, обслуживавших Яйцо, либо Ее Мудрость. Открыть Яйцо они не могли. Без посторонней помощи это могла сделать только Она. Поэтому-то они установили ловушку для Нее и положили в ловушку наживку. Поймать Ее Мудрость или убить Ее — лучше поймать, но в случае нужды можно и прикончить,— а затем попытаться захватить власть на Центре. На попытку захвата власти, пока Она жива, они рискнуть не могли.

Стар начала исследовать обстоятельства, обеспечивающие наибольшую вероятность возвращения Яйца. Атаковать Карт-Хокеш? Машины ответили: черта с два! Я бы тоже сказал —

нет. Как можно высадить десант в то место, где люди не могут ни пить, ни есть ничего местного и им даже нельзя дышать тамошним воздухом более нескольких часов? Кроме того, массированная атака могла привести к разрушению Яйца. Да еще условия, когда плацдармами могли служить только двое Врат нерегулярного действия.

Компьютеры давали только один глупый ответ, в каких бы формах ни задавался им вопрос.

Они называли меня!

«Героя», то есть человека с выносливой спиной, слабым умом и высокой степенью бережливости в отношении собственной шкуры. Плюс ряд других качеств. Рейд такой личности, при условии участия в нем самой Стар, мог привести к успеху. Руфо был добавлен по наитию самой Стар (интуиция Ее Мудрости приравнивается тут к озарениям гения), и машины дали «добро».

— Я был зачислен,— говорил Руфо,— и отказался. Но моего здравого смысла всегда не хватает, когда я имею дело с Ней, будь Она неладна! Стар испортила меня своим воспитанием, еще когда я был ребенком.

Затем последовали долгие годы поисков нужного человека (опять — я, а почему — не знаю). А другие смельчаки в это время вели разведку и особенно картирование Башни. Самой Стар тоже пришлось принимать участие в рекогносцировке и познакомиться с обычаями Невии.

(Невия — это часть Империи? И да и нет. Невия — единственная планета, у которой есть Врата на Карт-Хокеш, разумеется, кроме планеты негодяев, и отсюда проистекает ее важность для Империи, хотя для Невии Империя никакого значения не имеет.)

«Героя» скорее всего можно было найти на какой-нибудь варварской планете вроде Земли. Стар пришлось рассмотреть и отвергнуть бесчисленное множество кандидатов, набранных из числа примитивных и грубых народов, прежде чем ее обоняние сказало, что могу подойти я.

Я спросил у Руфо, какие шансы давали нам машины.

— А зачем тебе знать? — задал он контрвопрос.

— Ну, я кое-что знаю о кибернетике.

— Это тебе так кажется. И все же... Да, машины дали прогноз. Примерно 13 процентов — за успех, 17 процентов — против и 70 процентов — за то, что нас всех ждет гибель.

Я присвистнул.

— А чего ты свистишь? — рассердился Руфо.— Ты-то знал не больше, чем знает кавалерийская лошадь, и потому не боялся!

— Боялся.

— Да у тебя не было времени бояться. Так и было запланировано. Наш единственный шанс на успех заключался в невероятной быстроте и полной неожиданности действий. Но я-то знал! Сынок, когда ты предложил нам ждать там, в Башне, а сам ушел и не вернулся, я был так напуган, что уже ни о чем не мог даже сожалеть.

Намеченный рейд прошел так, как я это изложил выше. Или почти так, поскольку я видел лишь то, что был способен воспринять мой ум, а вовсе не то, что было на самом деле. Я имею в виду «магию». Сколько раз бывало, что дикари называли магией то, что для цивилизованного человека было делом обычным, но чего дикари понять не могли. И как часто какая-нибудь этикетка вроде слова «телевидение» вполне устраивала «культурного» дикаря, хотя для этого явления «магия» — самое подходящее определение.

Впрочем, Стар на этом слове никогда не настаивала. Она применяла его в тех случаях, когда я сам настаивал на нем.

А я был бы страшно разочарован, если бы все, что я видел, оказалось чем-то, что Вестерн-Электрик будет выпускать после того, как Лаборатория Белла раскусит эти штуки. Должна же где-то существовать магия, хотя бы для поддержания интереса к жизни!

О, конечно, погружение меня в сон во время первого перемещения между мирами должно было просто предохранить беднягу дикаря от психического потрясения. Да и «черные ложа» вовсе не переносились с нами — это было постгипнозное внушение, сделанное экспертом, моей собственной женой.

А говорил ли я, что случилось с мерзавцами? Их просто изолировали до тех пор, пока они не начнут строить межзвездные

корабли. Это вполне в духе свободных нравов Империи. Ее Мудрость никогда не таит зла.

Глава 18

Центр — дивная планета, земного типа, но у нее нет тех недостатков, которые свойственны Земле. За многие тысячелетия она была перекроена и превращена в страну чудес. Пустыни, снега, джунгли, все это сохраняется для развлечений, а наводнения и прочие стихийные бедствия при помощи техники и науки изъяты из обращения.

Она не перенаселена, но для своих размеров — а она с Марс, хотя имеет океаны — обладает весьма многочисленным населением. Сила тяжести почти земная (что, видимо, является константой для планет такого типа). Около половины населения — приезжие, поскольку красоты планеты и ее уникальные культурные возможности делают ее фокусом для всех Двадцати Вселенных и раем для туристов. Для комфорта приезжающих делается все возможное, все глубоко продумано, как в Швейцарии, но с применением техники, Земле неизвестной.

У нас со Стар было около дюжины резиденций в разных местах планеты (и бесконечное множество в других Вселенных), которые варьировались от дворца до крохотной рыбачьей избушки, где Стар сама готовила еду. Но главным образом мы жили в апартаментах, расположенных в искусственных горах, где было спрятано Яйцо и жил обслуживающий его персонал. К нашим апартаментам примыкали холлы, конференц-залы, секретариат и т. п. Если у Стар возникало желание поработать, то — пожалуйста. Но посланники и даже путешествующие императоры с сотен планет имели столько же шансов быть приглашенными в наше частное жилище, сколько бродяга, постучавшийся в заднюю дверь дворца на Беверли-Хиллз, имеет шансов быть званым в гостиную.

Однако если Стар кто-нибудь нравился, она могла затащить его к нам на вечерок. Так, однажды она позвала крошечного симпатичного гномика с четырьмя руками и с привычкой со-

провождать свою жестикуляцию отплясыванием чечетки. Стар никогда не устраивала официальных приемов и не считала для себя обязательным появляться на общественных мероприятиях. Она не давала пресс-конференций, не произносила речей, не принимала депутаций, не закладывала зданий, не открывала Дней чего-то там, не подписывала бумаг, не опровергала слухов и не делала многого другого, пожирающего время, из того, что делают у нас на Земле Важные Шишки и Суверены.

Она давала консультации отдельным людям, иногда вызывая их из других Вселенных, она имела в своем распоряжении информацию отовсюду, информацию, организованную в систему, сложившуюся за многие столетия. Благодаря этой системе она узнавала о проблемах, требующих ее внимания. Постоянно раздавались жалобы на то, что Империя игнорирует «жизненные интересы», что она и делала в действительности. Ее Мудрость давала советы лишь по тем вопросам, которые она сама выбирала, а фундамент, на котором держалась вся Империя, заключался в том, что большинство проблем решалось без вмешательства извне.

Мы часто бывали на приемах. Мы любили балы и вечеринки, и для Ее Мудрости и ее консорта[1] их выбор был весьма обширен. В Протоколе был один важный пункт: Стар не принимала и не отдавала визитов, а показывалась в гостях, только когда ей хотелось, причем не терпела, чтобы за ней ухаживали. Это была прямая противоположность тем порядкам, которые существовали в столичном обществе при ее предшественнике, в чьи времена Протокол был строже, чем в Ватикане.

Одна из наших хозяек пожаловалась мне, что общественная жизнь стала куда скучнее при новых порядках, и намекала на желательность моего вмешательства. Я сделал, что мог,— нашел Стар, передал ей эти замечания, и мы тут же ушли — прямиком на бал к пьяницам-художникам — это было то еще зрелище!

Центр — такое смешение культур, рас, обычаев и стилей, что тут обязательны лишь немногие правила. Одно из самых жестких гласит: «Не навязывайте мне ваши обычаи». Люди

[1] *Консорт* — муж царствующей королевы.

одеваются так, как они привыкли одеваться дома, или же экспериментируют с чужими моделями. Любое общественное сборище выглядит как костюмированный бал. Гость может появиться на званом обеде в чем мать родила, и это не вызовет никаких разговоров. Некоторые так и поступают — меньшинство, конечно. Я говорю не о негуманоидах или гуманоидах с шерстистым покровом — им одежды и так не нужны. Я говорю о людях, которые, будь они одеты в американский костюм, и в Нью-Йорке были бы не отличимы от прочих, а также о других людях, что привлекли бы внимание даже на Иль-дю-Леван, так как у них вообще нет волос — даже бровей. Для них это источник гордости, демонстрация превосходства над нами — волосатыми обезьянами, и они этим гордятся, как гордится мужлан из Джорджии отсутствием меланина[1]. Поэтому они ходят голыми чаще других представителей человеческих рас. Мне они казались удивительно странными, но ко всему ведь можно привыкнуть.

Стар вне дома носила платье постоянно, я тоже. Она никогда не упускала возможности приодеться — единственная и простительная слабость, которая иногда могла заставить Стар забыть о своем императорском статусе. Она никогда не одевалась дважды в одно и то же платье и постоянно рядилась во что-то новенькое, очень обижаясь, если я этого не замечал. Некоторые ее новинки могли вызвать инфаркт даже на Ривьере. Стар считала, что женская одежда никуда не годится, если у мужчин не возникает желания сорвать ее ко всем чертям.

Самым эффектным из костюмов Стар оказался простейший. Руфо случайно зашел к нам, и ей захотелось одеться так, как мы были одеты во время похода за Яйцом. И вот — раз-два — то ли костюмы уже ждали нас, то ли их заказали и исполнили мгновенно, что вернее, так как невианская одежда — редкость на Центре.

Луки, стрелы, колчаны появились с той же быстротой, и мы тут же превратились в Вольных Стрелков. Я был рад возможности пристегнуть к поясу Леди Вивамус, которая со времен Большой Черной Башни одиноко висела на стене моего кабинета.

[1] *Меланин* — красящий пигмент в коже негроидных народов.

Стар стояла, широко расставив ноги, уперев кулаки в бедра, с гордо откинутой головой, сверкающими глазами и пылающими щеками.

— Ах, как это замечательно! Мне так хорошо, я снова чувствую себя молодой! Любимый, обещай мне, обещай без обмана, что когда-нибудь мы снова отправимся на поиски приключений! Меня просто тошнит от того, что постоянно приходится сдерживать себя.

Она говорила по-английски, ибо язык Центра не подходит для выражения таких эмоций. Он вроде пиджин-инглиша — сложился за тысячи лет языковых заимствований, изменений, крайне унифицирован, невыразителен и функционален.

— Годится! — согласился я.— А как насчет Руфо? Хочешь выйти на Дорогу Доблести?

— Только если ты зальешь ее асфальтом.

— Чушь! Пойдешь, я тебя знаю. А когда и куда, Стар? Да черт с ним — куда! Просто — когда? Давай не пойдем на вечеринку и отправимся тотчас же!

Все ее оживление внезапно угасло.

— Любимый, ты же знаешь — не могу. Я еще и трети обучения не прошла.

— Надо было взорвать это Яйцо в ту минуту, как я его нашел.

— Не сердись, милый. Поедем на вечеринку и развлечемся.

Так мы и сделали. Поездки на Центре осуществляются с помощью искусственных Врат, не требующих «магии» (а может быть, наоборот, требующих ее в гораздо больших масштабах). Вы устанавливаете место прибытия, как устанавливается нажатием кнопки в кабине лифта этаж, так что транспортных проблем в столице не существует, равно как и тысячи других неприятных вещей. Нет, в их городах инфраструктурного костяка не увидишь!

В этот вечер Стар решила выйти, не доезжая до места назначения, и пройтись через парк, а уж потом заявиться на вечеринку. Она прекрасно знает, как ей идут облегающие брюки, отлично обрисовывающие ее стройные ноги и пышный задик. Она раскачивала бедрами не хуже индусской танцовщицы.

Братцы! Это была сенсация! На Центре не носят шпаг, разве что приезжие. А луки и стрелы тут такая же редкость, как зубы у курицы. Мы вызывали столько же интереса, сколько вызвал бы рыцарь в латах на Пятой авеню.

Стар была счастлива, как ребенок, играющий в прятки. Я тоже. Мне казалось, что в плечах у меня косая сажень и я хоть сейчас же могу отправиться за драконами.

Этот бал не походил на земные. Согласно Руфо, все наши расы во всех Вселенных имеют одинаковую основу развлечений: собираться вместе, толпой, для танцев, выпивки и сплетен. Он утверждает, что обычаи мальчишников и девичников — симптомы больной культуры. Я с ним не спорю. Мы спустились по грандиозной лестнице, музыка тут же прекратилась, гости разинули рты и пялили глаза, а Стар наслаждалась произведенным эффектом. Потом музыканты, сбиваясь, принялись опять за работу, а гости с большим усилием вернулись к той «незамечающей вежливости», которой обычно требовала Императрица. И все же мы оставались в центре внимания. Я думал, что история похода за Яйцом — государственный секрет, поскольку мне никогда не приходилось слышать даже намека на нее. А если эта история и известна, то уж никак не с теми деталями, которые знакомы только нам троим.

А оказалось, вовсе не так. Все понимали, что означает наш костюм, и даже более того. Я был в буфете, попивая коньяк и коктейли собственного изобретения, когда меня наколола какая-то сестренка Шахразады, впрочем, весьма хорошенькая. Она принадлежала к человеческой расе, но отличалась от нас. Одета она была в рубины величиной с большой палец и в хорошо просвечивающую ткань. Ростом пять футов и пять дюймов, босоногая, весом около ста двадцати фунтов, с талией не больше пятнадцати дюймов в обхвате, что зрительно преувеличивало величину двух остальных объемов, хотя они в этом вовсе не нуждались. Брюнетка и обладательница самых раскосых глаз из всех, какие я видел в жизни. Она походила на очаровательную кошечку и смотрела на меня, как кошка на птичку.

— Лично,— объявила она.

— Говори.

— Сверлани. Мир (название и код — я о них не слыхивал). Изучаю дизайн пищи. Математико-сибарит.

— Оскар Гордон. Земля. Солдат.— Я не знал личного номера Земли, но ей и без того было известно, кто я такой.

— Вопросы?

— Спрашивай.

— Есть шпага?

— Есть.

Она посмотрела на шпагу, зрачки расширились.

— Есть-была шпага, разрушить искусственного стража Яйца? («Является ли находящаяся здесь шпага прямой преемницей в пространственно-временных изменениях, без учета возможных теоретических аномалий, связанных с межвселенскими переходами, той шпаги, которая использовалась при уничтожении Никогда-Не-Рожденного?» Такая конструкция фразы полностью исключает концепцию, что неизменность есть бессмысленная абстракция, и заменяет простой вопрос: «Не этой ли шпагой, в повседневном смысле, ты пользовался, и не дури мне голову, я не девочка».)

— Была-есть,— подтвердил я («Я был там и гарантирую, что следовал за ней всю дорогу, так что это она и есть»).

Она тихо ахнула, и ее соски напряглись. Вокруг каждого из них был нарисован или вытатуирован широко известный во многих Вселенных символ — троянская стена. Ее волнение было столь велико, что эти укрепления рухнули вновь.

— Тронуть? — попросила она с мольбой в голосе.

— Тронуть.

— Тронуть вдвойне? («Пожалуйста, нельзя ли мне подержать ее подольше, чтобы почувствовать как следует? Пожалуйста, ну, пожалуйста, умоляю вас. Я знаю, что прошу слишком много, вы вправе мне отказать, но я гарантирую, что никакого вреда не нанесу». Они тут укорачивают фразы, и эмоциональная нагрузка передается манерой произношения.)

Мне очень не хотелось... Ну, ладно бы, это была не Леди Вивамус... Но для хорошеньких девчонок я — легкая добыча.

— Тронуть... вдвойне,— пробурчал я. Обнажил шпагу и вручил ее — рукоятью вперед, готовый тут же отнять, если она

станет угрозой для чьего-нибудь глаза или если девушка захочет уронить ее себе на ноги.

Она приняла шпагу осторожно, глаза и рот широко распахнулись, она взяла ее за гарду, а не за рукоять. Пришлось показать ей. Кисть ее была слишком мала (у нее и кисти рук, и стопы ног были под стать талии — ультратонкие).

Она увидела девиз:

— Значение?

«Dum vivimus, vivamus» плохо переводится и не потому, что они не могут схватить смысл, а потому, что это для них все равно, что для рыбы вода: ну а как же можно жить иначе? Но я попытался:

— Тронуть вдвойне жизнь. Есть. Пить. Радоваться.

Она задумчиво кивнула, затем ткнула клинком в воздух. Кисть согнута, локоть торчит. Этого вынести я не мог, отобрал у нее шпагу, встал в позицию секунда, сделал глубокий выпад в верхнюю часть тела, отступил, подняв клинок — движение столь изящное, что даже большие волосатые мужчины смотрятся в нем хорошо. Вот почему балерин учат фехтованию.

Отсалютовал и отдал ей шпагу обратно, потом показал, в каком положении должны находиться кисть и локоть правой руки, а где левая рука. Она сделала выпад, чуть не проткнув правый окорок какого-то гостя.

Я снова отобрал шпагу, вытер клинок и бросил его в ножны. Вокруг нас собралась порядочная толпа. Я взял свой коктейль, но она со мной еще не покончила: «Сама прыгать шпагу?»

Я подавился. Если она понимает смысл сказанного, то, значит, мне только что сделали предложение, самое вежливое по форме из всех полученных мною на Центре. Обычно это делается гораздо проще. Но ведь не могла же Стар распространяться о деталях нашей брачной церемонии? Тогда — Руфо? Я ему не говорил, но Стар могла.

Я ничего не ответил, и она высказалась еще яснее, нисколько не понижая голоса: «Лично не девственница, не рожавшая, не беременная и фертильная[1]».

[1] Способная к произведению на свет потомства.

Я ответил так вежливо, как позволяет этот язык, а он сильно хромает в этом отношении, что я уже ангажирован. Она тут же сменила тему и обратила внимание на коктейль: «Кусочек пробовать вкус?»

Это другое дело — я отдал ей стакан. Она сделала приличный глоток, пожевала губами в раздумье и осталась очень довольна: «Гостеприимно. Примитив. Крепко. Сильно диссонирует. Произведение искусства». И уплыла прочь, оставив меня в полном недоумении.

Через минут десять тот же самый вопрос снова встал передо мной. Я получил больше предложений, чем на любом другом вечере на Центре, и уверен, что главной причиной этой рыночной толкотни была шпага. Честно говоря, предложения мне делались на каждой вечеринке и на каждом балу — ведь я был консорт Ее Мудрости. Даже если бы я был орангутангом, предложения поступали бы все равно.

Некоторые «шерстистые» мало чем отличались от орангутангов, однако принимались в обществе. Я мог бы и пахнуть, как обезьяна, и вести себя хуже. Истина была в том, что многих дам волновал вопрос о том, что же такое заполучила Императрица в свою постель, а также тот факт, что я был дикарь, в лучшем случае варвар. Все это дразнило их любопытство. Никаких табу на выяснение этого вопроса, естественно, не существовало, так что многие пытались.

Но у нас все еще продолжался медовый месяц. Кроме того, если бы я принял все эти предложения, у меня не осталось бы ни минуты для жизни с поднятыми занавесками на окнах. Выслушивать предложения было, в общем, приятно, особенно когда я примирился с тем, что они звучали почти как «Вам с содовой? Или имбирного пива?». Моральный уровень мужчины повышается, когда ему предлагают.

Ночью, раздеваясь, я спросил:

— Ну как, хорошо повеселилась, лапочка?

Стар зевнула и засмеялась:

— Безусловно. Но и ты тоже, мой доблестный старый скаут. Почему ты не отвел эту кошечку домой?

— Какую кошечку?

— Отлично знаешь какую! Ту самую, которую ты обучал фехтованию!

— Мяу-у!

— Нет, нет, милый. Ты просто должен послать за ней. Я слышала, как она делала тебе предложение, и знаю, что существует строгая корреляция между хорошей кухней и хорошей...

— Женщина, а не слишком ли много ты болтаешь?

Она перешла с английского на невианский:

— Больше с моих истомившихся по любви губ не сорвется ни единого звука, который был бы не желанен тебе.

— Моя возлюбленная женушка... Стихийный дух Поющих Вод...

Невианский язык куда больше годится для определенных ситуаций, чем тот жаргон, который они употребляют на Центре.

Центр — приятнейшее местечко, и консорт Ее Мудрости тут может кататься словно сыр в масле. Как-то после нашего первого визита в рыбачью хижину Стар я намекнул, что было бы очень славно как-нибудь снова съездить половить форель в том чудесном ручье у Врат, через которые мы прибыли в Невию. Как жаль, что он не на Центре!

— Хочешь, он будет здесь?

— Стар, ты что — можешь его перенести? Я знаю, что некоторые Врата открыты для коммерческих нужд и через них идут грузы, но если это даже так...

— Нет, нет. Речь идет о другом, но тоже интересном. Дайка подумать. Нужен день, чтобы снять стереокопии, произвести замеры, взять пробы воздуха, состава воды и т. д. А пока... За этой стеной ничего ценного нет — так, электростанция и все такое... Скажем, тут будет дверь, а там — то место, где мы жарили рыбу — в сотне ярдов отсюда. Все будет готово за неделю, иначе придется сменить архитектора. Годится?

— Стар, это же невозможно!

— Почему, родной?

— Разрушить целый дом для того, чтобы дать мне ручей с форелью? Фантастика!

— Да нет же, уверяю тебя.

— Нет, фантастика! И тем не менее, солнышко, я предлагал тебе не ручей сюда перенести, а самим отправиться туда. На каникулы.

— Ах, как я хотела бы уехать на каникулы! — вздохнула она.

— У тебя сегодня был сеанс импринтинга? Голос звучит иначе.

— Я так устала от этого, Оскар!

— Стар, ты проводишь сеансы слишком часто. Ты истощаешь себя.

— Возможно. Но в этом деле только я могу быть судьей, как ты знаешь.

— Как я не знаю! Ты, возможно, и можешь судить о ходе этого проклятого процесса, и ты действительно тут судья, я это понимаю, но я твой муж и должен быть судьей состояния твоего здоровья, и я обязан прекратить такую растрату сил.

— Любимый мой!

И таких инцидентов было немало.

Я не ревновал ее. Этот призрак моего дикарского прошлого был похоронен еще на Невии и меня больше не посещал.

Да и Центр — не то место, где этот призрак может разгуляться. Здесь столько же брачных обычаев, сколько культур,— тысячи. Они нейтрализуют друг друга. Некоторые гуманоиды моногамны по инстинкту, ну как лебеди, что ли. И это трудно считать «добродетелью». Как смелость есть преодоление страха, так добродетель есть правильное поведение перед лицом искушения. Если нет соблазна, нет и добродетели.

Но с этими несгибаемыми моногамщиками никаких неприятностей не бывает. Если кто-нибудь, по неграмотности, сделал бы гнусное предложение одной из этих достойных дам, он не рисковал ни получить пощечину, ни тем более удар кинжалом. Она просто отвергла бы его и продолжала болтать о погоде. И если бы ее муж подслушал разговор между ними, беды бы тоже не случилось. Ревность не может существовать у расы автоматически моногамной. Я, впрочем, сам этого не проверял. Мне — по виду и запаху — они казались похожими на черствую корку хлеба. Где нет соблазна — нет и добродетели.

А вот у меня были случаи, когда я проявлял добродетель. Эта кошечка с осиной талией очень соблазняла меня. Я узнал, что она из той цивилизации, где женщины не выходят замуж, пока не докажут, что способны к деторождению, как это принято у нас на островах Южных морей и в некоторых странах Европы. Этим она никак не нарушает табу своего племени. Еще больше меня привлекала другая девушка — очаровашка с дивной фигуркой, с отличным чувством юмора и одна из лучших танцовщиц Вселенной. Свое предложение она отнюдь не писала на всех стенах, а просто дала мне знать, что не очень занята и вполне заинтересована, использовав местный жаргон с талантливой недосказанностью.

Это освежало. Это было почти по-американски. Я справился (стороной) об обычаях ее племени и узнал, что, хотя они очень строги в делах брака, в прочих отношениях нравы весьма свободны. В качестве зятя я бы там не подошел, но окно было бы открыто, даже если двери запирались крепко-накрепко.

В общем, я струсил. Я покопался как следует в своей душе и нашел там подтверждение наличия в себе такого же сокрушительного любопытства, как у тех женщин, которые делали мне предложения только потому, что я был консортом Ее Мудрости. Миленькая маленькая Зай-и-ван принадлежала к числу тех, кто не носил одежды. Последнюю она выращивала сама — от кончика носа до крошечных пальчиков на ногах ее покрывала мягкая блестящая серая шерсть, удивительно похожая на мех шиншиллы. Потрясающе!

Я не должен был причинять ей зла — такому славному маленькому существу.

В соблазне этом я признался Стар, и она мягко намекнула, что я, видно, отношусь к роду животных, усиленно шевелящих длинными ушами, поскольку Зай-и-ван славится как выдающаяся артистка даже среди собственного народа, который заслужил славу наиболее талантливых поклонников Эроса.

Я так и остался трусишкой. Роман с такой чудесной девочкой обязан основываться на любви, хотя бы частично, а тут была не любовь, а просто интерес к дивному меху плюс страх, что

связь с Зай-и-ван может перерасти в любовь, а моей женой она не может быть, даже если бы Стар меня и отпустила.

А если бы не отпустила? На Центре нет законов против полигамии. В некоторых религиях такие законы есть, в других она поощряется, но смешивание культур приводит к такому же смешению религий, которые «погашают» друг друга наподобие того, как погашают друг друга разные обычаи. Культурологи утверждают, что закон о религиозной свободе инвариантен: религиозная свобода обратно пропорциональна силе самой распространенной религии. Это, видимо, есть частный случай более широкой инвариантности, заключающейся в том, что все виды свобод вырастают из конфликтов между культурами, поскольку обычай, которому не противостоит противоположный ему, становится обязательным и рассматривается как «закон природы».

Руфо с этим взглядом не согласен. Он считает, что его коллеги (у них в голове дырки) включают в уравнения вещи, которые не могут быть измерены количественно и даже недоступны для точного определения. Свобода — это счастливое исключение, так как тупая толпа во всех расах ненавидит и боится любых свобод, не только для соседа, но и для себя, и уничтожает их всюду, где это только возможно.

Но вернемся к нашей теме: на Центре пользуются любыми видами брачных контрактов. А чаще не пользуются никакими. Они практикуют и домашнее партнерство, и свободное сожительство, и проживание для целей деторождения, и любовь, и дружбу, но все это вовсе не обязательно с одним партнером. Контракты могут быть очень сложными, например такими же, что заключаются у нас при слиянии фирм. Они могут включать в себя продолжительность, цели, обязанности, ответственность, число и пол детей, методы генетической селекции, проблемы подборки матерей, условия прекращения или продления отношений — все, кроме пункта о «супружеской верности». Здесь считается аксиомой, что это обязательство не может внедряться насильно, а значит, не подлежит и внесению в контракт.

И тем не менее супружеская верность тут встречается чаще, чем на Земле, просто она не подзаконна. У них есть древняя поговорка: «Женщины и кошки». Это значит «Женщины и

кошки делают что хотят, а мужчины и собаки к этому приноравливаются». Есть и другая — «Мужчины и погода», которая грубее, но столь же стара, поскольку погода на Центре уже давно под контролем.

Самый распространенный вид контракта — вовсе и не контракт. Он перевозит в ее дом свои вещи и остается там, пока она не выбросит их за порог. Большая популярность этой формы объясняется высокой стабильностью таких браков — женщине, которая «выбросила его туфли», очень трудно найти нового мужа, достаточно смелого, чтобы выносить ее скверный нрав.

Мой контракт со Стар был бы именно такого типа, в том случае, разумеется, если бы контракты, законы и обычаи были обязательны для Императрицы, чего нет и быть не может. Но вовсе не это стало причиной моей растущей тревоги.

Поверьте мне — я не ревнив. Но тем более меня раздражали все эти мертвяки, толпившиеся в мозгу Стар.

Однажды вечером, когда мы одевались, чтобы пойти куда-то, Стар рявкнула на меня. Я беззаботно болтал о том, как прошел мой день, в частности занятия по математике, и, без сомнения, был так же интересен, как ребенок, рассказывающий о событиях в его детском саду. Но я пылал энтузиазмом — передо мной открывался новый мир, а Стар была всегда так терпелива со мной.

Но теперь она рявкнула на меня, да еще баритоном!

Я так и замер.

— У тебя сегодня опять был сеанс импринтинга?!

Казалось, я слышу, как она переключает рычаги скоростей.

— Ох, прости меня, мой любимый! Нет, я сегодня не в себе. Я — Его Мудрость CLXXXII.

Я быстро подсчитал.

— Это же четырнадцатый с тех пор, как мы вернулись из похода за Яйцом! А ты приняла только семь за все годы до этого. Какого черта ты воображаешь! Ты хочешь выгореть дотла? Стать идиоткой?

Она начала было повышать голос, но потом ответила мягко:

— Такого риска нет.

— А я слышал совсем другое!

— То, что ты слышал, Оскар, не имеет значения, так как никто не может судить ни о моих возможностях, ни о том, что такое импринтинг. Разве что ты говорил с моим наследником?

— Нет.— Я знал, что он у нее есть, и подозревал, что он прошел сеанса два-три в качестве предосторожности на случай убийства Стар. Но я с ним не встречался, встречи не искал и даже не знал, кто он такой.

— Тогда забудь, что тебе говорили. Это бессмыслица.— Она вздохнула.— Любимый, если ты не возражаешь, я сегодня не буду выходить. Лучше лягу в постель и посплю. Старый вонючка CLXXXII — самая мерзкая личность из всех, кем я побывала. Блистательные успехи в критической ситуации, ты обязательно о нем почитай. Но внутренне он был злобной скотиной, ненавидевшей даже тех людей, кому помогал. Он совсем еще свеж во мне, так что его следует крепко держать на цепи.

— Ладно, пойдем ляжем.

Она покачала головой.

— Спать,— строго сказал я.

— Нет, я воспользуюсь самовнушением, так что к утру ты даже не вспомнишь, что он был тут. А ты пойди на вечеринку. Может, наткнешься на какое-нибудь приключение и забудешь про свою трудную жену.

Я пошел, но был слишком зол, чтобы думать о приключениях.

«Старая вонючка» не был самым худшим. Я могу постоять за себя, и Стар хоть и амазонка, а все же недостаточно сильна, чтобы командовать мною. Если она начинала грубить, то получала хорошую выволочку. Вмешательства охраны я не опасался, поскольку с самого начала было установлено: когда мы дома одни — мы ведем частную жизнь. Присутствие третьего меняло дело, и если Стар была одна, то частная жизнь тоже исключалась, даже если она принимала ванну. Была ли ее охрана женской или мужской — я не знаю, да и Стар это было безразлично. Охранников я даже не видел. Так что наши ссоры никому не были известны и, пожалуй, приносили нам даже пользу, давая разрядку.

«Святой» был еще хуже, чем «Мерзавец». Это был Его Мудрость CXLI, и его отличали такое благородство и духовность и он по этой причине так задирал нос, что я уехал на трехдневную

рыбалку. Стар в жизни была полнокровной, живой и веселой, а этот тип не пил, не курил, жвачку не жевал, грубых слов не произносил. Так что над головой Стар все эти дни, которые она находилась под его влиянием, можно было видеть нечто вроде сияния.

А что было еще хуже, он проклял секс с тех пор, как занялся Вселенскими делами, и это оказало на Стар глубокое и неожиданное воздействие: плаксивая покорность никогда не была в ее стиле. Вот я и поехал на рыбалку.

Стар сказала мне, что это был один из самых неэффективных императоров в их длинном ряду, обладавший гениальной способностью совершать грубые ошибки, исходя из наилучших побуждений, поэтому от него она узнала больше, чем от всех остальных. Он совершил все мыслимые ошибки. Его убили разъяренные граждане после всего лишь пятнадцатилетнего правления — срок явно недостаточный для того, чтобы разрушить столь массивное образование, как Империя из многих Вселенных.

Ее Мудрость CXXXVII была женщиной, и Стар отсутствовала двое суток. Придя домой, она объяснила:

— Пришлось, дорогой мой! Я всегда считала себя выдающейся стервой, но она шокировала даже меня.

— Каким образом?

— Лучше я промолчу, хозяин. Мне пришлось проделать солидную работенку по ее захоронению так глубоко, чтобы ты с ней никогда не встретился.

— Но мне же интересно!

— Я понимаю, но именно потому я и вбила ей в сердце осиновый кол — неприятная работа, ведь она мой прямой предок. Но я побоялась, что она может тебе понравиться больше меня. Ох, какая подлая проститутка!

Мне любопытно до сих пор.

Большинство предшественников были неплохие ребята. Однако наш брак был бы куда благополучнее, если бы они в нашем доме не болтались вовсе. Легче иметь жену чуть тронувшуюся, нежели такую, что состоит из нескольких взводов — и преимущественно из мужчин. Сознание их призрачного при-

сутствия даже тогда, когда личность Стар доминировала, отрицательно действовало на мое либидо[1].

Должен, однако, согласиться с тем, что Стар понимала мужскую точку зрения куда лучше других женщин в истории какой угодно страны. Ей не приходилось гадать, что для мужчины приятно. Она знала об этом больше меня из «опыта» и ни в коем случае не желала делиться с кем-нибудь этим уникальным знанием.

В общем, у меня отсутствовали видимые причины для жалоб.

А я жаловался, я винил ее в том, что она носит в себе всех этих людей. Стар выносила эти несправедливые жалобы лучше, чем я — свои собственные ощущения несправедливости всей ситуации, когда я должен постоянно быть vis-a-vis всей этой толпы дурацких призраков.

Однако призраки были отнюдь не самым плохим, что плавало в нашей похлебке.

У меня не было работы. Я говорю не о службе от девяти до семнадцати, стрижке газона по субботам и пьянстве в загородном клубе по субботним вечерам. Я говорю об отсутствии цели в жизни. Вы когда-нибудь видели льва-самца в зоопарке? Свежее мясо в положенное время, сколько угодно женского полу, никаких охотников — вроде как добился чего хотел, не правда ли?

Тогда почему же у него такой угнетенный вид?

Сначала я не понимал всей глубины своей проблемы. У меня была очаровательная и любящая жена; я был так богат, что мое богатство нельзя было счесть; я жил в самом великолепном доме, находящемся в городе, куда более прекрасном, нежели любой город Земли; все, с кем я встречался, были ко мне расположены; на втором месте после моей удивительной жены я бы поставил возможность повышать, не считаясь с затратами времени, свое образование, получая его таким, какое недоступно никому на Земле, и при этом ни в какой мере не связанным с футболом. Не существовало никаких ограничений в тематике, и гарантировалась любая помощь. Представьте, друзья, что сам Альберт Эйнштейн бросает все свои дела, чтобы помочь вам

[1] *Либидо* — в сексологии — половое влечение.

разобраться с алгеброй, а «Рэнд Корпорейшн» и «Дженерал Электрик» объединяются в усилиях разработать методику, облегчающую вам решение какой-нибудь простенькой задачки.

Это роскошь большая, чем богатство.

Вскоре я обнаружил, что не могу выпить океан, даже если его поднесут к самым моим губам. Научные знания и на Земле так разрослись, что один человек не в состоянии охватить их в полной мере, так вообразите себе, как велик их объем в Двадцати Вселенных, каждая из которых имеет свои законы, свою историю и только одна Стар знает — сколько цивилизаций.

Говорят, на конфетных фабриках рабочим разрешается есть сколько угодно сладостей. А они вскоре на сладкое и смотреть не хотят.

Учиться я, конечно, не бросил. Но моим занятиям не хватало цели. Тайное имя бога так же невозможно узнать в Двадцати Вселенных, как и в одной, и точно так же дело обстоит и с другими крупными вопросами, если, конечно, у вас нет интереса к какой-нибудь очень узкой проблеме.

У меня такого интереса не было, я — дилетант, и это я понял сразу, как только увидел, насколько моим учителям со мной скучно. Тогда я их почти всех отпустил, оставил себе математику да еще историю Империи, но и здесь сознательно скользил по поверхности.

Подумывал я и о том, чтобы заняться бизнесом. Но чтобы заниматься бизнесом, получая от этого удовольствие, надо либо быть бизнесменом в душе (чем я не был), либо нуждаться в деньгах. А у меня деньги были. Все, что я мог,— это потерять их, а в том случае, если бы я выиграл, обязательно возник бы вопрос, не было ли тут специального правительственного указания: «Не обижайте консорта Императрицы, все убытки мы вам компенсируем».

Так же вышло и с покером. Я ввел эту игру в обиход, и она начала быстро распространяться. К сожалению, вскоре обнаружилось, что играть в нее я не могу. Покер требует серьезного отношения, иначе он становится неинтересен. Однако если денег у тебя — океан, то возможность добавить или потерять несколько капель превращают игру в ничто.

Должен объясниться. Цивильный лист Ее Мудрости, возможно, и не столь велик, как траты многочисленных богачей Центра: планета ведь невероятно богата. Но он таков, каким его хочет видеть Стар, то бишь бездонный кладезь богатства. Не знаю, из скольких миров состоит Империя, но предположим, из двадцати тысяч, со средним числом жителей три миллиарда человек в каждом. На самом деле цифры эти гораздо больше.

Один пенни от каждого из 60 000 000 000 000 человек — составит шестьсот миллиардов долларов. Эти цифры ничего не значат, кроме одного — они показывают, что изъятие у населения ничтожнейшей доли их средств, такой ничтожной, что ее и заметить нельзя, создает капитал, которому я при всем желании не мог нанести заметного урона. Разумеется, квазиуправление Стар стоило этой квазиимперии очень больших денег, но ее персональные траты (и мои), как бы безумны они ни были, оставались на этом фоне просто неразличимыми.

Царь Мидас, как известно, потерял всякий интерес к своему дурацкому банку. И я тоже. Ох, конечно, я тратил деньги, хотя делал это только в случае необходимости. Наша «квартира» (не буду называть ее дворцом) имела гимнастический зал, которому и в подметки не годились гимнастические залы всех университетов на Земле. Я распорядился пристроить к нему манеж и очень много занимался фехтованием. Я приказал изготовлять рапиры, способные поспорить с Леди Вивамус, и лучшие фехтовальщики нескольких миров занимались со мной. Я добавил еще и стрельбище, велел доставить мне из Врат Карт-Хокеша мой большой лук и тренировался в стрельбе из него и других видов оружия.

О, я тратил деньги как хотел.

И вот однажды я сидел в своем кабинете, ни черта не делая, а просто о чем-то размышляя и поигрывая сосудом, наполненным драгоценными камнями.

Когда-то я немного интересовался дизайном ювелирных изделий. Этим я увлекся еще в средней школе. Я даже проработал одно лето у ювелира. Я немного рисовал и очень любил красивые камни. Ювелир дал мне кое-какие книги, а другую литературу я брал в городской библиотеке. Однажды он даже сделал по моему рисунку одну вещицу.

У меня было Призвание.

Но ювелиры не имеют отсрочки от призыва, так что пришлось это дело бросить... во всяком случае до приезда на Центр.

Понимаете, здесь у меня не было другой возможности делать Стар подарки, кроме как изготовлять их собственными руками. Так я и поступил. Я стал делать бижутерию из настоящих камней, изучая основы мастерства (разумеется, с помощью экспертов), заказывая богатейшие наборы камней, набрасывая собственные рисунки и отсылая камни и рисунки настоящим ювелирам для окончательной обработки.

Я знал, что Стар обожает бижутерию, знал, что в этой любви есть нечто пикантное — не в том смысле, чтоб получать удовольствие от нарушения каких-то табу (ими тут и не пахло),— а просто она любила пускать пыль в глаза, подчеркнуть то, что в этом и не нуждалось.

Вещички, которые я придумывал, были бы вполне на месте во французском ревю, с той разницей, что мои делались из настоящих драгоценных камней. Сапфиры и золото очень подходили к белокурой красоте Стар, и я ими пользовался широко. Но ей шли и другие цвета, поэтому я не отказывался и от прочих камней.

Она была в восторге от моей первой попытки и надела украшения в тот же вечер. Я очень гордился этим. Идею я извлек из воспоминания о костюме, который носила участница стриптиза во франкфуртском ночном клубе, куда я попал в день демобилизации из армии. Набедренная повязка, прозрачная длинная юбка с разрезом на одном из бедер и покрытая блестками (вместо них я взял сапфиры), а также штука, которую трудно назвать бюстгальтером — скорее нечто, лишь подчеркивавшее естественные формы,— состоявшая из одних драгоценных камней, соответствовавших диадеме в волосах.

Стар очень радовалась и этой, и другим вещицам, которые за ней последовали.

Но вскоре я заметил кое-что. Я же не настоящий дизайнер ювелирных изделий и конкурировать с профессионалами, которые обслуживают богатеев Центра, естественно, не мог. Я понял, что Стар надевает мои поделки лишь потому, что это

мои подарки, точно как мама пришпиливает на стену рисунок своего малыша, принесенный им домой из детского садика.

На этом мое увлечение и кончилось.

Сосуд с драгоценными камнями пылился в моем кабинете уже несколько недель. Яркие опалы, сардониксы, сердолики, бриллианты, бирюза, рубины, лунные камни, гранаты, изумруды, сапфиры, хризолиты и многие другие, для которых нет названий на английском языке. Я пропускал их сквозь пальцы, любуясь игрой разноцветных огней и чувствуя себя все более несчастным. Интересно, сколько стоят эти прелестные камешки на Земле? Вероятно, миллионы долларов.

Я их даже не запирал на ночь. А ведь я — тот самый парнишка, который когда-то бросил колледж из-за отсутствия денег на оплату учебы и гамбургеров на обед.

Я отодвинул камни прочь и подошел к окну. У меня было окно, так как я сказал Стар, что кабинет без окон мне не нравится. Это случилось сразу же после нашего приезда, и только спустя несколько месяцев я узнал, сколько зданий пришлось снести, чтобы доставить мне удовольствие. Я-то думал, что они просто пробьют в стене окно.

Вид был чудесный — скорее парк, чем город, прекрасные здания не громоздились друг на друга, а были разбросаны в беспорядке. Трудно было поверить, что город этот по размерам не уступает Токио. Его инфраструктурный костяк не был виден, а население работало чуть ли не в другом полушарии планеты.

Слышался шум — слабый, как гудение пчел, отдаленно напоминавший приглушенный гул Нью-Йорка, говоривший о том, что вокруг меня живут люди, у каждого из которых есть работа, есть цель, есть своя функция.

А моя функция? Консорт!

Жиголо![1]

Стар, сама не подозревая того, ввела проституцию в мир, который до того ее не знал. В невинный мир, где мужчины и женщины ложились в постель вместе только потому, что им этого хотелось.

---

[1] *Жиголо* — наемный танцор, мужчина на содержании у женщин.

Принц-консорт — не проститутка. У него есть работа, часто очень утомительная — он представляет свою супругу, он присутствует при закладке зданий, он произносит речи. Кроме того, у него есть обязанность быть королевским производителем — следить, чтобы королевская порода не вымерла.

У меня ничего подобного не было. Даже обязанности развлекать Стар — черт побери, да в радиусе десяти миль от меня найдется не менее миллиона мужчин, которые с радостью ухватятся за такой шанс.

Предыдущая ночь была плохая. Она плохо началась и перешла в одну из тех утомительных постельных конференций, которые бывают у всех супружеских пар и которые гораздо хуже приличного скандала. У нас как-то был такой — очень домашний, какой бывает у тружеников, замученных начальством и счетами.

Кроме того, Стар сделала то, чего никогда не делала,— внесла в дом свою работу. В виде пяти человек, имеющих отношение к какой-то межгалактической склоке, я так и не узнал, к какой, так как спор продолжался несколько часов, и иногда они говорили на незнакомом мне языке.

Меня они начисто игнорировали, будто я мебель. На Центре людей редко представляют, и если вы хотите с кем-то заговорить, вы говорите ему «лично» и ждете. Если вам не ответят — отходите. Если вам ответят — обменяетесь биографическими данными.

Никто из них ничего подобного не сделал, а уж я и подавно. Раз уж они пришли в мой дом, то это их обязанность. Они же вели себя так, будто это не мой дом.

Я сидел как Человек-Невидимка и все больше распалялся.

Они доказывали что-то свое, Стар слушала. Вдруг она позвала своих служанок, и они стали ее раздевать и причесывать. Центр — не Америка. У меня не было причины считать себя шокированным. То, что Стар делала, было грубостью по отношению к ним, она показывала, что относится к ним как к мебели (она, значит, оценила их поведение со мной).

Один из них сказал обиженно:

— Ваша Мудрость, я хотел бы, чтобы вы выслушали нас, как обещали (я расширительно передаю их жаргон).

Она холодно ответила:

— Только я одна могу судить о своем поведении. Больше никто.

Верно. Она могла судить о своем поведении, они — нет. И, подумал я с горечью, я — тоже нет. Я злился на нее (хотя и понимал, что это мелочь) за то, что она вызвала служанок, за то, что готовится ко сну в присутствии этих болванов, и я намеревался ей сказать, чтобы такое никогда не повторялось. Потом раздумал.

Вскоре Стар оборвала их:

— Он прав. Вы — не правы. Так и делайте. Уходите.

И все же я решился затронуть этот вопрос под соусом возражения против приглашения в наш дом «деловых» людей.

Однако Стар нокаутировала меня с ходу. В ту же минуту, когда мы остались одни, она сказала:

— Любимый, прости меня. Я согласилась выслушать этих глупых путаников, а дискуссии длились бесконечно, и тогда я подумала, что дело кончится быстрее, если я вытяну их из кресел, заставлю постоять и дам понять, что мне все это надоело. Я и не предполагала, что они снова сцепятся здесь и что пройдет столько времени, прежде чем я ухвачу смысл разногласий. А я знала, что если перенести дело на завтра, оно опять затянется на долгие часы. Сама проблема очень важна, и оставлять ее без решения нельзя.— Она вздохнула.— Но этот ужасный человек... И вот такие пролезают на самый верх! Я даже подумала, не устранить ли его физически, а вместо этого пришлось ему же поручить исправление собственных ошибок, иначе та же ситуация могла возникнуть заново.

Я не смог даже намекнуть ей, что ее решение родилось просто под влиянием раздражения. Человек, которого она только что осуждала, был тем самым, в пользу которого она вынесла решение. Поэтому я сказал:

— Пошли спать, ты устала.— И сам же не удержался, чтобы в душе не осудить ее.

Глава 19

И мы отправились спать.

Тут она сказала мне:

— Оскар, ты сердишься.

— Я этого не говорил.

— Но я чувствую. И не только сегодня, и не только из-за этих тупиц. Ты ушел в себя, ты несчастлив.

— Пустяки.

— Оскар, все, что беспокоит тебя, не может быть пустяками для меня. И я ничего не смогу с этим поделать, пока не узнаю, в чем причина.

— Что ж... Я чувствую себя чертовски бесполезным.

Она положила свою мягкую сильную руку мне на грудь.

— Для меня ты очень полезен. А почему ты чувствуешь себя бесполезным для себя? Лично?

— А ты посмотри на эту кровать! — Эта кровать была такой, о которой американцы не могут даже и мечтать. Она делала все, кроме разве поцелуя на сон грядущий. И была, подобно этому городу, очень красива и, подобно ему, скрывала свой «костяк».— Такое ложе стоило бы на Земле больше, если бы его сумели там соорудить, чем самый лучший дом из тех, в которых жила моя мать.

Стар подумала.

— Ты хотел бы послать матери денег? — Она потянулась к стоявшему у изголовья коммуникатору.— Достаточно ли дать адрес «Военно-воздушная база Элмендорф, Америка»?

(Не помню, чтобы когда-нибудь называл ей адрес матери.)

— Нет, нет! — Я сделал знак передающему устройству затknуться.— Ничего я ей не хочу посылать. Ее муж получает достаточно, и от меня он денег не возьмет. Не в этом дело.

— Тогда я не вижу, в чем оно. Кровать ничего не значит, значение имеют лишь те, кто в ней лежит. Если тебе не нравится эта кровать, мы достанем другую. Или будем спать на полу. Кровать ничего не значит.

— Эта кровать о'кей. Единственно, чем она плоха, так это тем, что не я за нее платил. Платила ты. И за этот дом. И за мою одежду. И за мою еду. Все это мои... мои игрушки. Все, что у меня есть, дала мне ты. Ты знаешь, кто я такой, Стар? Жиголо! А ты знаешь, кто такой жиголо? Что-то вроде мужчины-проститутки.

Одна из наиболее раздражающих привычек моей жены заключается в том, что она отказывается прикрикнуть на меня,

если я явно напрашиваюсь на ссору. Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— В Америке ведь все работают, верно? Люди работают все время, особенно мужчины?

— Вроде того.

— Но этот обычай существует не везде, даже на Земле он неповсеместен. Француз, например, счастлив, если у него много свободного времени. Он заказывает еще чашечку café au lait[1], и стойка блюдечек на его столике быстро растет. Да и я не очень люблю работать. Оскар, я испортила вечер из-за своей лени — не хотелось завтра с утра заниматься этой тягомотиной. Этой ошибки я больше не повторю.

— Не в этом дело, Стар. С тем вопросом мы покончили.

— Знаю. Но первый вопрос редко оказывается ключевым. Да и второй — тоже. А иногда и двадцать второй. Оскар, но ты же не жиголо.

— А как прикажешь меня называть? Если что-то выглядит как утка, крякает как утка и ведет себя как утка, то я называю это уткой. А если ты назовешь ее букетом роз, то она от этого крякать не перестанет.

— Нет. Все, что нас окружает,— она повела рукой,— кровать. Эта чудесная спальня. Пища, которую мы едим. Мое платье и твое. Наш милый бассейн. Ночной дворецкий, на случай, если нам захочется получить певчую птицу или спелый арбуз. Наши дивные сады. Все, что мы видим, ощущаем, что используем или хотим иметь — и еще тысячи вещей, находящихся вдали от нас,— все это заработано твоей собственной могучей рукой. Все это твое по праву.

Я засопел.

— Именно так,— настаивала она.— Таков был наш контракт. Я обещала тебе много приключений, большие сокровища и еще большие опасности. Ты сказал: «Принцесса, вы получили своего мальчика на побегушках».— Она улыбнулась.— Такого большого мальчика! Мой любимый, думаю, что опасностей было больше, чем ты ожидал... И поэтому мне до сего дня

[1] Кофе с молоком (*фр.*).

доставляло огромное наслаждение делать так, чтобы и сокровищ было больше, чем ты мог себе когда-нибудь представить. Пожалуйста, прими их без ложной скромности. Ты заработал и их, и гораздо больше — столько, сколько ты захочешь иметь.

— Хмм... Если даже ты права, то этого слишком много. Я тону в них, как в болоте.

— Но, Оскар, ты же не обязан брать ни крошки сверх того, что тебе нужно. Мы можем жить скромнее. В одной комнате, с кроватью, которая убирается в стену, если тебе так будет лучше.

— Это не решение.

— А может быть, тебе нужно холостяцкое убежище где-то за городом?

— Хочешь выбросить мои туфли, а?

Она сказала ровным голосом:

— Если ты хочешь, чтобы твои туфли были выброшены, тебе придется это сделать самому. Я прыгнула через твою шпагу. И не буду прыгать обратно.

— Полегче! Ведь это ты предложила. Если я не так понял тебя, то прошу прощения. Я знаю, что своего слова ты обратно не берешь. Но, может быть, ты о нем сожалеешь?

— Я не сожалею. А ты?

— Нет, Стар, нет... Но...

— Слишком большая пауза для такого короткого слова,— ответила она очень серьезно.— Ну, скажи же мне.

— Хм... Ну, просто так... А почему ты мне не сказала?

— Не сказала что именно, Оскар? Существует множество вещей, о которых можно говорить.

— Господи, да о многом! О том, что нам предстояло. О том, что ты Императрица... особенно перед тем, как ты позволила мне прыгнуть через шпагу...

Ее лицо не изменилось, хотя по щекам потекли слезы.

— Я могла бы ответить, что ты меня об этом не спрашивал...

— Я же не знал, о чем спрашивать!

— Это правда. Но я должна заметить, что если бы ты спросил, то я бы тебе на все ответила. Я могла бы сказать тебе, что не я «позволила» тебе прыгать через шпагу, а ты отверг все мои заверения, что нет нужды предлагать мне честь стать твоей

женой по законам твоего народа... и что я девчонка, которую ты можешь тискать сколько пожелаешь.

— Я могла бы указать тебе на то, что я не Императрица и не Королева, а просто трудящаяся женщина, чья работа не дает ей даже такой роскоши, как право на благородство. Все это правда. Но я не буду прятаться за этой правдой. Я отвечу на твой вопрос.— Стар перешла на невианский язык: — Милорд Герой, я боялась только одного — если я не отдамся на твою волю, ты меня бросишь.

— Миледи жена, неужели ты думала, что твой рыцарь бросит тебя в твоих горестях? — Тут уж я перешел на английский: — Что ж, вот все и выяснилось! Ты вышла за меня замуж только потому, что тебе было необходимо освободить это проклятущее Яйцо, а твоя мудрость подсказывала, что я — непременное условие для удачи этого предприятия и что я могу задать стрекача, если ты не сделаешь того-то. Что ж, могу сказать, твоя мудрость в данном случае оказалась слабаком — я бы не сбежал. Хоть это и глупо, но я очень упрям.— И я стал вылезать из кровати.

— Милорд, мой любимый! — Теперь она рыдала уже в открытую.

— Извини, мне нужна пара туфель. Посмотришь, как далеко я их зашвырну! — Я был зол, как только может быть зол мужчина, гордость которого глубоко уязвлена.

— Ну пожалуйста, пожалуйста, Оскар! Сначала выслушай меня.

Я тяжело вздохнул.

— Давай выкладывай.

Она так крепко ухватилась за мою руку, что я лишился бы пальцев, если бы попробовал вырваться.

— Выслушай меня! Мой возлюбленный, все совсем не так! Я знала, что нашего дела ты не бросишь, пока мы его не завершим или пока все не погибнем. Это я знала! И не только потому, что у меня были сведения о твоем характере задолго до того, как я тебя увидела впервые, но и потому, что мы уже делили и радость, и опасности, и трудности. Я знала, что ты храбр. Но если бы это было необходимо, я опутала бы тебя паутиной слов, уговорила бы пока ограничиться только помолвкой — пока

наше дело не будет завершено. Ты же романтик, ты бы согласился. Но, мой любимый! Я так хотела выйти за тебя замуж! Связать тебя с собой твоим обрядом, что...— Она остановилась, чтобы смахнуть слезы и высморкаться,— чтобы, когда ты увидишь вот это, и это, и это, и все вещи, которые ты назвал только что «своими игрушками», ты бы все равно остался со мной. Эта была не политика, это была любовь — любовь романтическая, любовь безумная, любовь к тебе самому.

Она уткнулась лицом в ладони, и я еле слышал, что она говорит:

— А я так мало знала о любви. Любовь — бабочка, которая сверкает, пока живет, и улетает, когда захочет. Ее нельзя удержать цепями. Я согрешила. Я пыталась связать тебя. Это было несправедливо и жестоко по отношению к тебе, я это вижу теперь.— Стар криво улыбнулась.— Даже у Ее Мудрости может не хватить ума, когда она становится просто женщиной. Но хоть я и глупая баба, я все же не так упряма, чтобы не признать, что причинила своему возлюбленному зло, особенно если эта правда смотрит мне прямо в глаза. Иди, неси свою шпагу. Я прыгну назад, и мой рыцарь получит свободу и выйдет из этой шелковой клетки. Иди, милорд Герой, иди, пока мое сердце сохраняет твердость.

— Иди, отыскивай свою шпагу, девчонка! Порка давно плачет по тебе.

Тут она широко улыбнулась — чистый сорванец!

— Но, мой милый, моя-то шпага осталась в Карт-Хокеше. Разве ты не помнишь?

— На этот раз так просто ты не отделаешься! — Я схватил ее в охапку. Стар крепка, ловка и на удивление мускулиста. Только я-то покрупнее, да она и не отбивалась по-настоящему. И все же я потерял лоскуток кожи и приобрел несколько синяков, прежде чем мне удалось придавить ей ноги и одну из рук. Я дал ей пару горячих, очень горячих, таких, что оставили четкие отпечатки каждого пальца. Но тут же потерял всякий интерес к этому делу.

Ну а теперь вы скажите мне — шли ли ее слова от сердца или была разыграна сценка с участием самой ловкой женщины во всех Двадцати Вселенных?

Спустя некоторое время Стар сказала мне:

— Как я рада, что грудь у тебя не такая колючая, как у других мужчин, мой прекрасный.

— Я с детства был хорошеньким ребенком. А сколько грудей ты проверила?

— Достаточно репрезентативную выборку. Дорогой, значит, ты решил еще немного подержать меня?

— Пока. Все будет зависеть от твоего хорошего поведения, как ты понимаешь.

— Лучше бы от плохого. Но... раз ты так расчувствовался... И если ты... лучше уж мне полностью облегчить душу и, если надо, выдержать еще одну порку.

— Ишь разохотилась! Раз в неделю — это максимум, слышишь!

— Как вам будет угодно, сэр. Слушаюсь, мой хозяин. Я прикажу утром доставить сюда мою шпагу, и ты можешь выпороть меня ею в свободное время. Если, конечно, поймаешь. И все же мне надо сказать тебе кое-что и снять тяжесть с груди.

— Нет там у тебя никакой тяжести, если не считать...

— Перестань! Ты лучше скажи, как часто ты ходишь к терапевтам?

— Раз в неделю.— Первое, что сделала Стар, она заставила меня пройти такую проверку здоровья, что медосмотр перед вступлением в армию кажется сущей безделкой.— Главный костоправ говорит, что мои раны не вполне зажили, но я ему не верю — никогда так хорошо себя не чувствовал.

— Он тянет, Оскар... Тянет по моему приказу. Ты уже полностью здоров, но я достаточно опытный врач, а я была очень внимательна. Но, мой дорогой, я сделала это из чисто эгоистических соображений, и теперь ты снова можешь сказать, что я жестоко и несправедливо отнеслась к тебе. Признаюсь — я иногда хитрю. Но мои намерения вполне достойны. Однако из личного и профессионального опыта мне известно, что благие пожелания чаще становятся источниками бедствий, чем все другие обстоятельства, вместе взятые.

— Стар, я никак не возьму в толк, о чем ты? Известно, что источник всех бед — женщины.

— Да, милорд. Поскольку у них всегда благие намерения — я это могу доказать. Мужчины иногда действуют, исходя из разумных побуждений или из эгоистичных. Но не всегда.

— Это потому, что половина их предков — женщины. Но зачем же я хожу на прием к докторам, если они мне не нужны?

— Я не говорила, что они тебе не нужны. И ты не должен так думать. Оскар, ты уже весьма далеко продвинулся в процедуре Продления Жизни.

Она взглянула на меня, готовая и к обороне, и к наступлению.

— Вот так штука, будь я проклят!

— Ты возражаешь? На этой стадии еще можно повернуть назад.

— Я об этом никогда не думал.— Я знал, что на Центре можно получить Долголетие, как знал и то, что разрешение на него связано с жесткими ограничениями. Его мог получить всякий, кто намеревался эмигрировать на слабозаселенные планеты. Местные же жители должны были стареть и умирать. Это был тот случай, когда один из предшественников Стар счел возможным вмешаться в местные дела. Центр, где все болезни были побеждены, обладал очень высоким жизненным уровнем и стал основой существования мириад людей, а теперь начал приобретать черты перенаселенности, особенно с тех пор, как Долгожительство сильно отодвинуло средний срок наступления смерти.

Тогда-то и были установлены достаточно жесткие правила, которые должны были решить проблему. Некоторые люди проходили процедуру в молодом возрасте и через Врата отправлялись на дикие планеты. Другие выжидали, пока появятся первые признаки приближения смерти, и тогда решали, что они еще вполне годятся для продления жизни. Третьи сидели, ждали и умирали, когда приходило их время.

Мне понятна была их мука — это знание подарил мне удар боло в джунглях.

— Думаю, у меня не будет возражений.

Она вздохнула с облегчением.

— Не знаю, вероятно, я не должна была делать это тайком от тебя. Заслужила я трепку?

— Мы добавим этот пункт к списку других прегрешений, и ты получишь за все сразу. Есть шанс стать инвалидом. Стар, а как это долго — Долголетие?

— Трудно сказать. Мало кто из получивших его умер своей смертью. Если будешь жить той активной жизнью, которую я представляю себе на основании знания твоего характера, то маловероятно, что ты умрешь от старости. Или от болезни.

— И никогда не состарюсь? — К этому надо было привыкнуть.

— Нет, ты можешь состариться. Даже больше того, маразм может развиваться сообразно с возрастом. Если ты себя до этого доведешь. Если это допустят те, кто окружает тебя. Однако... Любимый, скажи, сколько мне лет, на твой взгляд? Нет, не отвечай мне сердцем, ответь на основании внешнего вида. По земным стандартам. Будь откровенен, мне-то истина известна.

Я всегда с радостью любовался Стар, но сейчас я смотрел на нее по-новому, отыскивая признаки наступающей осени — в уголках глаз, на руках, в малейших изменениях кожи, но... Черт! Никаких признаков, а я-то знал, что у нее есть внук!

— Стар, когда я увидел тебя впервые, я решил, что тебе восемнадцать, потом посмотрел поближе и немного поднял планку. Теперь, разглядывая в упор, не давая никаких скидок — не более двадцати пяти. И это еще потому, что выражение лица у тебя сейчас серьезное. А когда смеешься — ну просто тинейджер. Если же ты дурачишься, или испугана, или восхищаешься котенком или щенком, то тебе трудно дать больше двенадцати. Это если от подбородка и выше. А если от подбородка и ниже — никогда не больше восемнадцати.

— Весьма пышные восемнадцать! — добавила она.— Двадцать пять земных лет, что ж, это именно та цель, которую я ставила перед собой. Это время, когда женщина перестает расти и начинает входить в зрелость. Оскар, твой видимый возраст в условиях Долголетия — дело собственного выбора. Возьми, например, моего дядюшку Джорджа, того самого, что иногда зовет себя графом Калиостро. Он выбрал тридцать пять лет, поскольку считает, что все, кто моложе,— мальчишки. Руфо предпочитает выглядеть старше. Он говорит, что это придает

ему респектабельность, удерживает его от участия в пьянках и драках молодежи и все же позволяет ему вызвать шок у какого-нибудь молодого человека, если драка состоится.

— Или же шок у молодой женщины,— предположил я.

— Когда имеешь дело с Руфо, все возможно. Любимый, я еще не закончила. Часть задачи — научить собственное тело самолечению. Вспомни свои уроки языка на Центре — ни один из них не проходил без присутствия гипнотерапевта, который ждал, чтобы дать урок твоему телу, используя твое подсознание после урока языка. Частично видимый возраст есть результат косметической терапии — Руфо вовсе не обязан быть лысым,— но главное — мозговой контроль. Когда ты решишь, какой возраст ты хочешь принять, тебе начнут делать импринтинг.

— Подумаю. Не хочу выглядеть намного старше тебя.

Стар была в восторге:

— Спасибо, дорогой. Видишь, какая я эгоистка?

— Не понимаю, в чем?

Она положила руку на мою.

— Не хочу, чтобы ты старился и умирал, а я бы оставалась юной.

Я похлопал глазами:

— Боже, леди, это действительно эгоистично, не правда ли? Но ведь ты могла бы законсервировать меня и поставить в своей спальне. Как твоя тетушка.

Она состроила гримасу:

— Противный. Она их вовсе не консервировала.

— Стар, а я еще ни разу не видел этих почитаемых мертвецов у кого-нибудь в доме.

— Так то же на планете, где я родилась! В этой Вселенной, только звезда другая. Очень славное место. Разве я тебе не говорила? — удивилась она.

— Стар, милая, ты вообще ничего не говоришь.

— Извини, Оскар! Я вовсе не собиралась преподносить тебе сюрпризы. Спрашивай. Сейчас же. И все, что хочешь.

Я обдумал это предложение. Меня удивляло одно обстоятельство — вернее, его отсутствие. Впрочем, возможно, у жен-

щин ее расы другой ритм? Но меня останавливал тот факт, что я женился на бабушке, и еще вопрос — каких лет?

— Стар, ты беременна?

— Конечно, нет, милый! О! Ты хочешь, чтобы я забеременела? Хочешь, чтобы у нас были дети?

Я запинался, пытаясь объяснить, что не был уверен в такой возможности и не знал, как она на это смотрит. Она, казалось, была в затруднении:

— Наверняка я опять тебя огорчу. И все-таки лучше сказать правду. Оскар, я так же, как и ты, родилась не в роскоши. Хорошее детство, мои родители были владельцами ранчо. Я вышла замуж совсем молодой, он был просто учителем математики в школе, а в качестве хобби занимался вероятностной и метафизической геометрией. Ну, иначе — магией. У нас было трое ребят. И мы с мужем жили очень дружно до тех пор, пока... пока меня не выдвинули. Не выбрали, а только наметили кандидатом для экзаменов и возможной тренировки в будущем. Муж знал, что генетически я кандидат, знал, еще когда женился на мне, но таких миллионы. Это казалось неважным. Он хотел, чтобы я отказалась. Я почти подчинилась. Но когда я все же приняла предложение, он... ну, он выбросил мои туфли. Там мы делаем это официально. Опубликовал заявление, что больше я ему не жена.

— Вон оно как! Хочешь, я найду его и сверну ему шею?

— Милый! Милый! Это было так давно и так далеко отсюда. Он давно уже умер. И значения это не имеет никакого.

— Ну, если он помер... А твои ребятишки — один из них был отцом Руфо... или его матерью?

— О нет, это случилось позже.

— Как так?

Стар перевела дух:

— Оскар, у меня было около пятидесяти детей.

Меня это добило. Слишком много ударов, что, надо думать, было заметно по моей физиономии. На лице Стар выразилось неподдельное сочувствие.

Она торопливо разъяснила: когда ее выбрали наследницей, в ее организме были произведены изменения — хирургические,

биохимические и эндокринные. Нет, нет, ничего существеннее стерилизации, только преследовавшей совсем иные цели и осуществленной гораздо более тонкими методами, нежели те, которые существуют у нас на Земле. В результате образовалось около двух с половиной сотен зародышей будущих Стар — живые яйцеклетки и латентные, которые должны были храниться при температуре, близкой к абсолютному нулю.

Около пятидесяти были оплодотворены с помощью императоров уже давно умерших, но чья живая сперма также находилась на хранении — генетическая рулетка с расчетом получить одного или двух будущих императоров. Стар их не рожала — время наследницы было слишком драгоценно. Большую часть своих детей она даже не видела. Исключением был отец Руфо. Она не говорила, но думаю, что Стар захотелось иметь около себя ребенка, с которым можно было играть, которого можно было любить, что и продолжалось, пока не наступили первые напряженные годы ее правления, а потом и поисков Яйца, не оставившие ей времени на подобные забавы.

Произведенные в организме Стар изменения преследовали две цели: во-первых, получить несколько сот «элитных» детей от одной матери и, во-вторых, освободить ее от любых материнских обязанностей. Путем специально разработанного эндокринного контроля Стар освободили от унаследованного от праматери Евы физиологического ритма, хотя во всех других отношениях она продолжала оставаться совершенно молодой женщиной — только не нуждавшейся ни в гормональных вливаниях, ни в «пилюлях». Все эти изменения носили позитивный характер. Разумеется, они были осуществлены не для ее удовольствия, а чтобы ее суждения в качестве Верховного Судьи не испытывали воздействия со стороны желез внутренней секреции.

— Это очень разумно,— сказала Стар серьезно.—Я до сих пор вспоминаю дни, когда я была готова уничтожить своего ближайшего друга или тут же закатить истерику. Как же можно сохранить способность мыслить трезво в обстановке подобных эмоциональных бурь?

— А... а все это как-нибудь еще отразилось на твоем организме? Я имею в виду твои желания...

Стар весело усмехнулась.

— А как с твоей точки зрения? — И добавила серьезно: — Единственное, что действует на мое либидо, точнее, что изменяет его к худшему, это те, не знаю, как правильно выразиться по-английски, те надоеды, чьи характеры наложены на мой. Иногда они воздействуют в одну сторону, иногда — в другую. Ты же помнишь ту женщину, имя которой мы даже не будем произносить вслух, что так жестоко повлияла на меня, и я не смела даже подойти к тебе, пока не изгнала из себя ее черную душу. Недавний импринтинг действует сильнее, так что я никогда не приступаю к рассмотрению важных дел, если во мне еще не улеглись ощущения, вызванные предыдущим сеансом. Как же мне хочется, чтобы все это уже было позади!

— Еще бы! Мне тоже.

— Ну, мне все же сильнее. Но если отбросить в сторону проблемы, связанные с импринтингом, то я как женщина мало меняюсь. Я всегда все та же — не очень приличная девица, закусывающая перед завтраком молодыми людьми и соблазняющая их прыгать через шпаги.

— И много их было, этих шпаг?

Стар бросила на меня острый взгляд.

— С тех пор, как мой первый муж выгнал меня из дому, я ни разу не была замужем, пока не вышла за вас, мистер Гордон. Но если вы имели в виду не совсем то, о чем спросили, то не думаю, что у вас есть право упрекать меня за вещи, случившиеся еще до вашего рождения. Если же вам нужны определенные сведения, начиная с этого события, я готова удовлетворить ваше любопытство. Ваше нездоровое любопытство, смею сказать.

— Хочешь похвастаться? Девочка, я не собираюсь баловать тебя.

— Не желаю я хвастаться! Да и хвастать, собственно, нечем. Кризис из-за Яйца почти не оставлял мне времени на то, чтобы быть женщиной, будь он неладен. И так было до тех пор, пока не появился петух Оскар. За что и приношу ему благодарность.

— А заодно не забудь и о вежливости.

— Слушаюсь, сэр. Милый петушок! Но давай вернемся к нашим баранам, милый. Если ты хочешь иметь детей, то я согласна,

любимый. В фонде есть около двухсот тридцати яйцеклеток, и ими распоряжаюсь только я. Не потомки. Не милые славные народы, бог да благословит их маленькие жадные сердца. Не эти разыгрывающие господа бога манипуляторы — генетики. Только я! Другой собственности у меня, по правде говоря, и нет. Все, что нас окружает,— это ex officio[1]. А яйцеклетки — мои. И если они тебе нужны, то они и твои тоже, мой единственный.

Мне следовало сказать «да» и поцеловать ее. А я сказал: «Гмм, не будем торопиться».

Ее лицо омрачилось.

— Как будет угодно милорду Герою-мужу.

— Послушай, оставь в покое невианские обычаи и официальность — тоже. Я же понимал под этим только то, что ко всему новому надо привыкнуть. К этим шприцам и прочим штукам. К вмешательству, как я полагаю, всякого технического персонала. И к тому же у тебя, думаю, нет времени на то, чтобы самой вынашивать ребенка.

Я пытался объяснить ей, что с тех самых пор, как мне разъяснили насчет того, что не аисты приносят ребятишек, я был полностью удовлетворен старым добрым способом и искусственное осеменение представляется мне дурацкой шуткой, даже в том случае, если оно проделывается с коровой, а предлагаемая мне работа чем-то сходна с работой субподрядчиков и заставляет меня вспомнить о прорезях для опускания монет в автоматах и писем — в почтовых ящиках. Мне бы еще немного времени, и я, пожалуй, приспособлюсь к этому. Так же, как Стар приспособилась к проклятому импринтингу.

Она схватила меня за руку.

— Милый, но тебе же не надо!

— Не надо чего?

— Чтобы техники возились с тобой. И время, чтобы выносить твоего ребенка, я найду. Если, конечно, ты не станешь возражать, чтобы мое тело стало большим и уродливым. А это с ним произойдет неизбежно — я же помню, но я с радостью пойду на это. У нас все будет так, как бывает у простых людей,

[1] По положению (*лат.*).

во всяком случае во всем, что касается тебя. Никаких шприцев, никаких техников. Ничего такого, что могло бы ранить твою гордость. О, я все, все продумаю. А я... я привыкла, чтобы со мной поступали как с коровой-медалисткой. Это же почти так же просто, как вымыть голову шампунем.

— Стар, неужели ты готова пройти через девять месяцев болезненного состояния, даже через угрозу смерти, ради того, чтобы избавить меня от нескольких минут раздражения?

— Я не умру. Вспомни — у меня было трое детей. Нормальные роды, никаких неприятностей.

— Но, как ты сказала сама, это было «много лет назад».

— Неважно!

— Гмм... но как много? («Сколько же тебе лет, моя любимая?» — вопрос, который я не мог заставить себя задать.)

— Разве это так важно, Оскар? — У нее был расстроенный вид.

— Гмм... Полагаю, нет. Ты же знаешь о медицине гораздо больше меня.

— Ты спрашиваешь, сколько мне лет, не правда ли? — произнесла медленно Стар. Я не ответил. Она помолчала, потом, не дождавшись ответа, продолжила: — Старая поговорка твоего мира гласит — «Женщине столько лет, на сколько она себя чувствует». А я чувствую себя юной, и, значит, я действительно юна, у меня не растрачен интерес к жизни, я могу носить в своем чреве ребенка или даже многих детей. Но я знаю... О, я знаю! Знаю, что твои тревоги связаны не с тем, что я слишком богата или занимаю положение, иногда ставящее мужа в затруднительное положение. Да, это все я отлично понимаю — мой первый муж из-за этого развелся со мной. Но он был моим ровесником. Самая же большая жестокость и несправедливость, которую я совершила, заключается в том, что я знала, что мой возраст — вопрос для тебя серьезный. Знала и промолчала.

Вот почему был так взбешен Руфо. После того, как мы провели ту ночь в пещере в Лесу Драконов, он высказал мне это в словах, полных яда. Он сказал, что знал о моей способности кружить головы молодым людям, но он никогда не думал, будто я паду так низко, что завлеку одного из них в брачную ловушку и

ни слова ему не скажу. Руфо никогда не был высокого мнения о своей бабке, он мне это прямо сказал, но на этот раз...

— Замолчи, Стар!

— Да, милорд.

— Все это ровно ничего не значит,— сказал я так же уверенно, как чувствовал это в глубине души.— Руфо не знает моих чувств. Ты моложе завтрашнего рассвета и всегда будешь такой. И я больше не желаю слышать об этом.

— Да, милорд.

— И это ты тоже брось. Просто скажи «О'кей, Оскар».

— Да, Оскар, о'кей.

— Вот так-то лучше. Если, конечно, ты не нарываешься на новую порку. А я для этого слишком притомился.— Я сменил тему: — Теперь о том, о чем мы говорили. Нет никаких причин растягивать этот прелестный животик, раз существует другая возможность. Я деревенский вахлак, вот и все. Я не привык к городским обычаям. Когда ты сказала, что сделаешь все сама, ты имела в виду, что они тебя вернут в то состояние, в котором ты была до операции?

— Нет, я просто стану приемной матерью в дополнение к тому, что являюсь матерью генетически.— Она улыбнулась, и я понял, что иду по правильному пути.— Это сэкономит приличную денежку из тех средств, которые ты не хочешь тратить. Эти здоровые крепкие женщины, что вынашивают чужих детей, берут очень дорого. Четыре ребенка — и уже можно больше не работать, а десяток делает их богатыми людьми.

— Ну а как же им не брать дорого! Стар, я не возражаю против траты денег. Я согласен, раз ты уверена, что я заработал их больше, чем транжирю, своим трудом Героя. Впрочем, работа эта изрядная!

— Да, ты их заработал.

— Этот городской способ делать детей... Ты можешь выбирать? Мальчик, девочка?

— Конечно. Мальчиковые сперматозоиды гораздо более шустрые, их легко отсортировать. Вот почему Их Мудрости одни мужчины. Я — кандидат незапланированный. У тебя будет сын, Оскар.

— Можно и девочку. У меня к ним слабость.

— Хочешь девочку, хочешь мальчика, хочешь обоих сразу... Только прикажи.

— Стар, дай мне время проработать этот вопрос. Тут столько проблем, а я мыслю медленно, куда медленнее тебя.

— Ну уж!

— Ну, если ты не умнее меня, то нас когда-нибудь здорово околпачат. Мммм... Мужское семя так же легко хранить, как женские яйцеклетки?

— Легче.

— Ну вот и ответ, который нам нужен. Я ведь не так уж и боюсь всяких шприцев — провел достаточно времени в очередях на обследования в армии. Я отправлюсь в клинику, или как она там у вас называется, а затем мы не станем спешить. Когда мы решим (тут меня передернуло), мы отправляем открытку, там устроят соединение, и мы станет родителями. С этой минуты техники и те здоровенные бабы могут приниматься за дело.

— Да, ми... Оскар, любимый!

Так, еще лучше. Снова почти спокойное девичье лицо. Да, конечно, снова лицо шестнадцатилетней девчонки, завороженной своим первым бальным нарядом и мальчиками — этой вызывающей дрожь восхитительной опасностью.

— Стар, ты говорила, что часто истинное значение имеет не вторая проблема, а какая-нибудь двадцать вторая?

— Да.

— Я знаю, что со мной плохо. Я расскажу тебе это, и, может быть, Ее Мудрость найдет правильное решение.

— Если ты сумеешь рассказать мне, любимый, то Ее Мудрость, конечно, сумеет разрешить этот вопрос, даже если для этого придется снести этот дворец и построить новый размером отсюда и до ближайшей Галактики. Или я брошу заниматься этим бизнесом — Мудростью.

— Ну, вот это уже больше похоже на мою Счастливую Звезду. Ладно, это не потому, что я — жиголо. Я заработал по меньшей мере на кофе с пирожками. Пожиратель Душ почти что сжевал мою, он вызнал ее размер и форму... он узнал вещи, о которых даже я давно позабыл. Это было страшно, и плата должна

быть высока. Но это и не твой возраст, любимая. Кому какое дело до того, сколько лет Елене Троянской! У тебя всегда будет нужный возраст. И разве можно не быть счастливым, когда находишься рядом с тобой? И я не ревную к твоему положению — мне оно не нужно, даже если его сахаром осыпят. И я не ревную тебя к тем мужчинам, что были в твоей жизни,— к этим счастливым трупикам. И даже сейчас не буду ревновать, если только не наткнусь на одного из них, направляясь в туалет.

— В моей жизни сейчас нет никаких других мужчин, милорд муж.

— У меня нет причин сомневаться в этом. Но ведь всегда есть еще следующая неделя, и ты не можешь ничего знать об этом наперед, любимая. Ты учила меня, что брак — не есть форма смерти, а ты явно не мертва, ты — самая игривая из всех девчонок.

— Ну, знать тут, конечно, ничего нельзя, но ведь есть еще чувства...

— Я бы на это ставку не делал. Я ведь читал доклад Кинси*.

— Какой такой доклад?

— Он разрушил теорию русалок. О замужних женщинах. Ладно, забудь. Вот гипотетический вопрос: если бы Джоко посетил Центр, тебя бы удержали эти чувства? Ведь нам пришлось бы оставить его ночевать.

— Дораль никогда не покинет Невии.

— Не могу его осуждать за это. Невия чудесное местечко. Но я сказал «если бы». Если бы он приехал — ты бы предложила ему кров, стол и постель?

— Это,— сказала Стар твердо,— будешь решать ты.

— Тогда скажем иначе: думаешь ли ты, что я смогу унизить Джоко, не отдав ему долг гостеприимства? Храброго галантного Джоко, который отпустил нас живыми, хотя имел право убить? Чей дар — стрелы и многое другое, включая медицинскую сумочку, позволили нам отвоевать Яйцо?

— По невианским обычаям вопрос о кровле, столе и постели решает муж, милорд муж.

— Мы не на Невии, здесь женщины сами располагают умом и своими правами. Ты увиливаешь от ответа, девочка.

— А это твое «если» включает и Мьюри? — Она озорно улыбнулась.— Или Летву? Обе они его любимицы, Дораль без них не поехал бы путешествовать. А как насчет той малышки... как ее там... нимфетки?

— Сдаюсь. Я просто пытался доказать, что прыжок через шпагу механически не превращает живую девушку в монашку.

— Мне это хорошо известно, мой Герой,— ровным голосом произнесла Стар.— Все, что я могу сказать по этому поводу, сводится вот к чему: эта девчонка никогда не доставит своему Герою даже минутного огорчения, а я обычно выполняю свои решения. Недаром же я ношу титул Ее Мудрости.

— Хорошо. Я никогда и не предполагал, что ты принесешь мне горе таким способом. Я пытался только показать тебе, что задача эта не слишком затруднительна. Черт возьми, мы опять ушли в сторону. Вот в чем моя настоящая беда: я ни на что не годен. Я никому не нужен.

— Как, родной?! Ты нужен мне.

— Но не себе. Стар, жиголо я или нет, но я не могу быть комнатной собачкой. Даже твоей. Смотри, у тебя есть работа. Она поглощает тебя, и она важна. А я? Мне нечего делать, совсем нечего, я ни на что не способен, разве что на изготовление плохой бижутерии. Знаешь, кто я такой? Я Герой по призванию. Так мне сказала ты. Ты меня завербовала. Теперь я в отставке. Знаешь ли ты во всех Двадцати Вселенных вещь более бесполезную, чем отставной герой?

Она тут же выдала мне парочку примеров.

— Ты опять увиливаешь. Они-то хоть нарушают монотонность мужской грудной клетки. Я говорю серьезно, Стар. Вот та проблема, которая не дает мне вписаться в нынешнюю жизнь. Любимая, я прошу тебя, напряги ради меня всю силу своего ума и ума всех этих твоих призрачных помощников. Отнесись к этой проблеме так, как ты относишься к великим имперским проблемам. Забудь, что я твой муж. Рассмотри мою ситуацию во всей ее широте, используя все, что ты знаешь обо мне, и скажи, что мне делать с этими руками, с этой головой, с этим временем, скажи, как мне применить себя. Себя — такого, каков я есть.

Молчание длилось несколько бесконечных минут, лицо Стар дышало тем профессиональным спокойствием, которое отличало ее в тех случаях, когда я видел ее занятой работой.

— Ты прав,— сказала она наконец.— На этой планете нет ничего достойного приложения твоих сил.

— Тогда что же мне делать?

— Ты должен уехать.

— Как?

— Ты думаешь, мне нравится этот ответ, мой муж? Ты думаешь, мне нравится большинство ответов, которые я даю? Но ты попросил подойти к твоей проблеме профессионально. Я повиновалась. И вот ответ. Ты должен покинуть эту планету и... меня.

— Значит, мои туфли все же будут выкинуты?

— Не надо горьких слов, милорд. Таков ответ. Я могу уклоняться от правды и по-женски хитрить в частной жизни. Я не могу отказаться думать, раз я согласилась на положение Ее Мудрости. Ты должен покинуть меня. Нет, нет, нет, твои туфли никто не собирается выкидывать. Ты уйдешь потому, что должен уйти, а не потому, что я этого хочу.

Ее лицо осталось спокойным, но по нему текли слезы.

— Нельзя оседлать кошку... торопить улитку... научить летать змею. Или превращать героя в пуделя. Я знала это, но предпочитала смотреть сквозь пальцы. Ты должен делать то, что должен. Но твои туфли навек останутся под моей кроватью. Не я отсылаю тебя прочь.— Она смахнула слезу.— Не могу лгать тебе. Лгать хотя бы умолчанием. Не скажу, что там не появятся другие туфли... если ты уйдешь надолго. Я была одинока. Нет слов, чтобы передать, как одинока я на этой работе. Когда ты уйдешь... я буду более одинока, чем когда-либо. Но ты найдешь свои туфли тут, когда вернешься.

— А когда я вернусь? Что говорит твое знание?

— Нет, милорд, знание молчит. Только предчувствие... что, если ты будешь жив, ты вернешься... и, возможно, будешь возвращаться много раз. Но герои не умирают в свои постелях. Даже в таких, как эта.— Она снова смахнула слезы, которые продолжали течь, но голос ее окреп.— А теперь, милорд муж, если ты не возражаешь, мы притушим свет и попробуем отдохнуть.

Так мы и сделали, и она положила голову на мое плечо и больше не плакала. Но мы не могли уснуть. После долгого молчания я спросил:

— Стар, слышишь ли ты то же, что слышу я?

Она подняла голову.

— Я ничего не слышу.

— Город. Ты не слышишь его? Машины. Люди. Даже мысли, которые улавливаешь всей своей плотью и не слышишь ушами.

— Да, я знаю эти звуки.

— Стар, тебе нравится тут?

— Нет, но от меня и не требуется любить все это.

— Слушай, черт побери, ты сказала, что я уеду. Едем вместе!

— О, Оскар!

— Разве ты им что-нибудь должна? Разве мало того, что мы вернули им Яйцо? Пусть ищут себе другую жертву. Выйдем со мной опять на Дорогу Доблести! Есть же где-нибудь работа по моей специальности?!

— Работа для Героев всегда найдется.

— О'кей! Давай наладим совместное предприятие — ты и я. Быть Героем — совсем неплохая работа. Ордена дают нерегулярно, жалованье — задерживают, но зато от скуки не помрешь. Давай дадим объявление: «Гордон и Гордон, Любые Героические Дела. Решают любые проблемы — большие и маленькие. Истребление драконов по договорам, полное удовлетворение гарантируется, в противном случае плата не взимается. На прочие виды работ, как-то Освобождения, Спасение Дев, поиски Золотого Руна круглые сутки цены договорные».

Я пытался развеселить ее, но Стар не поддавалась. Она ответила совершенно серьезно:

— Оскар, если я уйду в отставку, я должна сначала подготовить преемника. Правда, никто мне приказывать не может, но подготовить замену — мой долг.

— И сколько времени это займет?

— Недолго. Лет тридцать.

— Тридцать лет?!

— Думаю, что можно уложиться и в двадцать пять.

— Стар, ты знаешь, сколько мне лет? — вздохнул я.

— Да, еще нет и двадцати пяти. Но ты же не состаришься!

— Но сейчас мне двадцать пять. Это то время, которое мне дано. Еще двадцать пять лет жизни комнатной собачки, и я перестану быть Героем и вообще перестану быть чем-либо. Я сойду со своего жалкого умишка.

Она подумала.

— Да, это правда.— Стар отвернулась и сделала вид, что спит.

Позже я почувствовал, что плечи ее содрогаются, и понял, что она плачет.

— Стар?

Она не повернула головы. Был слышен лишь ее задыхающийся голос:

— О, мой любимый, мой любимый! Если бы я была помоложе хоть на сотню лет!

Глава 20

Я все еще пропускал сквозь пальцы мои драгоценные и бесполезные камешки, потом тихонько отодвинул их... Если бы я был хоть на сотню лет старше!

И все же Стар права. Она не может покинуть свой пост, не дождавшись смены. Смены достойной в ее понимании, а не в моем или чьем-либо еще. А я больше не могу оставаться в этой обитой шелками тюрьме, разве что разобью себе голову о ее решетки.

И оба мы жаждем быть вместе.

А самое страшное заключалось в том, что я знал — точно так же, как и она,— что каждый из нас забудет. Во всяком случае — многое. Настолько многое, что будут и другие туфли, и другие мужчины, и она снова будет смеяться.

И то же самое произойдет и со мной, и Стар предвидит это и серьезно, мягко, с точно выверенным учетом моих чувств дает мне понять, что я не должен страдать от комплекса вины, если начну волочиться за какой-нибудь другой девчонкой в некой чужой стране, где-то там — далеко-далеко.

Но тогда почему же я ощущаю себя таким подонком?

Как я вляпался в эту ловушку, где нельзя повернуться без того, чтобы не оказаться перед выбором — ранить свою возлюбленную или начисто спятить с ума самому?

Где-то я читал о человеке, который был принужден постоянно жить высоко в горах из-за астмы — убийственной, удушающей астмы, а его жена была прикована к побережью, так как плохое сердце не позволяло ей жить на больших высотах. Иногда они видели друг друга в подзорную трубу.

Утром разговор об отставке Стар не возобновился. Несформулированное quid-pro-quo[1] было таково: если она планирует уйти, то я буду болтаться поблизости (тридцать лет!) в ожидании этой минуты. Но, видимо, Ее Мудрость понимала, что для меня это не годится, и молчала. Мы чудесно позавтракали, но каждый думал о своем, тая мысли от другого.

И о детях тоже не говорили. О, я, конечно, мог отыскать ту клинику и сделать что положено. Чтобы Стар, если захочет смешать свою элитную линию с моей плебейской кровью, могла бы сделать это хоть завтра, хоть через сотню лет. А не захотела бы — так просто улыбнулась бы и выкинула все вместе с прочим мусором.

Из моей семьи никто не поднимался даже до звания мэра нашего городишка, а рабочую лошадь не тренируют для участия в Ирландском тотализаторе. Если бы Стар решилась иметь ребенка и соединила бы наши гены, это была бы чистейшая сентиментальность, вроде ожившей открытки в Валентинов день, она просто завела бы себе карликового пуделя, чтобы играть с ним, пока не придет время выпустить его на свободу. Это была бы сентиментальность, столь же слюнявая, хоть и не такая мрачная, как у ее тетушки с ее мужьями-покойниками, ибо Империи не было ни малейшей надобности в моих генах.

Я посмотрел на свою шпагу, висевшую на стене. Я не притрагивался к ней с тех пор, как вернулся с той вечеринки, с той давно ушедшей в прошлое вечеринки, когда Стар захотела одеться в костюм для Дороги Доблести. Я снял шпагу со стены, пристегнул ее к поясу, обнажил клинок и вдруг ощутил приток

[1] Одно вместо другого, недоразумение (*лат.*)

жизненной силы, а перед глазами возникло видение уходящей вдаль дороги и замка на холме.

Есть ли долг у рыцаря перед дамой, если все обеты исполнены?

Прекрати вилять, Гордон! Есть ли долг у мужа перед его женой?

Это ведь та самая шпага... *«Скачи же, Принцесса, прыгай же, вор. Моя жена ты навек с этих пор»*... в богатстве и в бедности, в беде и в благополучии, чтобы любить и лелеять, пока не разлучит нас смерть. Именно это имел я в виду, когда произносил тот стишок, и Стар это знала, и я это знал, точно так же, как знал в эту самую минуту.

Когда мы обручились, было похоже, что смерть разлучит нас в тот же день, но это обстоятельство никак не повлияло на крепость наших обетов и на ту веру, которую я вкладывал в них. Я прыгал через шпагу не для того, чтобы поваляться с девчонкой на траве, прежде чем погибнуть. Это я мог получить и даром. Нет, я хотел любить и лелеять ее до тех пор, пока нас не разлучит смерть.

Стар выполнила свой обет до последнего слова. Так почему же у меня так и чешутся пятки?

Поскреби героя и получишь бродягу.

А отставной герой — ничуть не лучше тех лишенных престола королей, которыми кишит вся Европа.

Изо всех сил хлопнув дверью нашей «квартиры», со шпагой на поясе, не обращая внимания на удивленные взгляды, я телепортировался к врачам, узнал от них, куда мне нужно обратиться, перелетел туда, сделал все, что нужно, сказал Главному Биохимику, что именно ему следует передать Ее Мудрости, и чуть не оторвал ему башку, когда он стал задавать лишние вопросы.

Отсюда опять к ближайшей телепортационной кабинке... И тут я заколебался: мне нужна была компания, подобно тому, как алкоголику, вступающему в общество трезвости, нужна чья-нибудь дружеская рука. Но друзей у меня не было — так, сотни знакомых. Консорту Императрицы друзьями обзаводиться трудновато.

Значит — Руфо! Однако за все месяцы, что я прожил на Центре, я никогда не был у Руфо дома. Центр не практикует

варварского обычая «забегать на огонек», и я встречался с Руфо только в Резиденции или на вечерах. Домой он меня никогда не приглашал. Нет, нет, никакого охлаждения в наших отношениях не было, мы виделись часто, но всегда он приходил к нам.

Я поискал его в списке абонентов телепортации — неудача. Со списком абонентов телекоммуникационного канала — такая же история. Я вызвал Резиденцию и потребовал офицера коммуникационной службы. Он ответил, что «Руфо» это не фамилия, и хотел отключиться.

— Только попробуй, разжиревший чинуша! Только попробуй отключиться, и я гарантирую, что через час ты станешь смотрителем дымовых сигналов где-нибудь в Тимбукту! Теперь слушай, мне нужен парень — пожилой, лысый, по имени, полагаю, Руфо, известный специалист в области сравнительной культурологии. И к тому же — внук Ее Мудрости. Думаю, ты прекрасно знаешь, кто это такой, и валяешь дурака только из-за обычного чиновного гонора. У тебя есть пять минут, после чего я обращусь к Ее Мудрости и спрошу ее, а ты будешь складывать свои вещички!

Меньше чем за пять минут изображение Руфо заполнило весь экран.

— Ну,— сказал он,— а я-то думал, у какого это важняка хватило влияния нарушить мой запрет на включение?

— Руфо, можно зайти к тебе?

Его лоб собрался в морщины:

— Мышка попала в суп, сынок? Твое лицо напомнило мне о времени, когда мой дядюшка...

— Руфо, пожалуйста...

— Ладно, сынок,— отозвался он ласково.— Сейчас отправлю танцовщиц по домам. Или не отправлять?

— Мне все равно. Как тебя найти?

Он сказал как, я нажал кодовые кнопки, добавил свой код для оплаты и сразу же оказался в нескольких тысячах миль от точки отправления. Жилищем Руфо служил особняк, такой же пышный, как у Джоко, но в тысячу раз хитроумнее оборудованный. У меня сложилось впечатление, что у Руфо был самый обширный на Центре штат прислуги — и исключительно женской.

Возможно, я ошибался, но вся женская обслуга, все гостьи, все кузины, дочери и т. п. выстроились в качестве комиссии по встрече — поглазеть на соложника Императрицы. Руфо прикрикнул на них, они разбежались, и он провел меня в свой кабинет. Какая-то танцовщица, загримированная под секретаршу, возилась с бумагами и пленками. Руфо выпроводил ее, шлепнув по заднице, показал мне на удобное кресло, предложил сигареты, уселся сам и замолчал.

Курение на Центре не поощрялось: табак тут заменяется разумом. Я взял сигарету.

— «Честерфилд»! Господи боже мой!

— Контрабанда,— отозвался он.— Только теперь он уже не тот, что был. Мусор с мостовой и рубленое сено.

Я не курил многие месяцы. Хотя Стар сказала, что о раке и тому подобном я могу забыть навсегда. Я зажег сигарету и... закашлялся, как невианский дракон. Даже в пороках необходимо постоянное упражнение.

— Так какие новости на Риальто?[1] — задал вопрос Руфо и бросил внимательный взгляд на мою шпагу.

— Так, пустяки.— Помешав работе Руфо, мне было как-то неловко говорить о собственных домашних неприятностях.

Руфо сидел, курил и помалкивал. Надо было с чего-то начинать, и американская сигарета напомнила мне об одном инциденте, который тоже внес лепту в мое нынешнее состояние. Примерно неделю назад на одном званом вечере я встретил человека, лет тридцати пяти по виду, спокойного, вежливого, но с тем видом превосходства, который говорит: «Ваша ширинка расстегнута, старина, но я слишком хорошо воспитан, чтобы указать вам на это».

И все же я был в восторге от встречи с ним — он говорил по-английски!

Я полагал, что Стар, Руфо и я — единственные люди на Центре, которые знали английский. Мы часто говорили на нем, Стар — ради меня, Руфо — для практики. Он владел диалектом

[1] Фраза, которую произносит Шейлок в «Венецианском купце» В.Шекспира (акт I, сцена 3).

кокни[1] как уличный торговец фруктами, бостонским — как уроженец Бикон-Хилла, австралийским — как кенгуру. Руфо знал все английские диалекты.

Этот парень говорил на отличном американском.

— Небби — мое имя,— сказал он, пожимая мне руку (в стране, где никто рук не подает).— А ваше — Гордон, я знаю. Рад познакомиться.

— Я тоже,— ответил я.— Это ведь и сюрприз и удовольствие — услышать свой родной язык.

— Это моя профессия, старина. Специалист в области сравнительной культурологии — лингво-историко-политик. Вы — американец, насколько мне известно. Дайте подумать минутку... Глубокий Юг, но родились не там... Скорее в Новой Англии. Явно ощущается влияние Среднего Запада, а возможно, и Калифорнии. Лексикон упрощенный. Выходец из нижнего слоя среднего класса.

Этот лощеный нахал был специалистом высокой марки. Мама и я жили в Бостоне, пока отец был на войне в 1942 — 1945 годах. Тамошние зимы я не скоро забуду. Приходилось носить гетры с ноября по апрель. Жил я и на Глубоком Юге — в Джорджии и Флориде, в Калифорнии — тоже, во времена «Корейской войны», и еще потом — когда учился в колледже. «Нижний слой среднего класса»? Мама бы с этим не согласилась.

— Близко к истине,— согласился я.— У меня есть знакомый среди ваших коллег.

— Знаю, кого вы имеете в виду — «Безумного ученого». В высшей степени эксцентричные теории. Но, скажите, как обстояли дела, когда вы уезжали? Особенно как там насчет Славного Эксперимента, проводимого в США?

— Славного Эксперимента? — Мне надо было подумать. Антиалкогольная кампания кончилась еще до моего рождения.— О, его пришлось пересмотреть.

— Вот как! Пора снова отправляться в экспедицию. И кто же у вас теперь? Король? Я так и думал, что ваша страна пойдет по этому пути, но не предполагал, что так скоро.

---

[1] Пренебрежительное прозвище лондонского обывателя.

— О, нет, нет! — воскликнул я.— Я говорил об антиалкогольном законе.

— Ах, об этом... Симптоматичен, но не очень важен. Я же имел в виду этот забавный принцип правления болтунов. «Демократию». Умилительная бредятина — будто суммирование нулей может дать какое-то иное число. Но на земле вашего племени этот эксперимент поставлен в гигантском масштабе. Он начался еще до вашего рождения, без сомнения. Я-то подумал, что вы сказали, будто даже труп сего явления уже унесен в небытие.— Он улыбнулся.— Значит, еще до сих пор есть и выборы, и все такое прочее?

— В последний раз, когда я там был,— да, существовали.

— Поразительно! Фантастично, просто фантастично. Нам надо обязательно встретиться, у меня множество вопросов к вам. Я изучаю вашу страну давно — удивительная патология в уже известных структурах! Пока! Пусть у вас никогда не будет деревянных денег, как говорят ваши соплеменники!

Я рассказал об этом Руфо.

— Руфо, я знаю, что происхожу с варварской планеты, но разве это может служить извинением для его грубости? Но, может быть, это не грубость? Я ведь не знаю, каков здесь идеал хороших манер!

Руфо нахмурился.

— Повсюду проявлением плохих манер считается, когда хулят место рождения кого-то, или его племя, или его обычаи. Если кто-то так поступает, он сильно рискует. Если бы ты его убил, наказание тебе бы не грозило. Разве что Ее Мудрость была бы несколько шокирована. Конечно, ежели допустить, что ее можно чем-то шокировать.

— Я не убью его. Не такое уж важное дело.

— Тогда забудь. Небби — просто сноб. Знания его малы, понимания сущности дела — никакого, но он уверен, что Вселенная была бы куда совершеннее, если бы ее делали по его проекту. Проигнорируй.

— Ладно. Это просто... Послушай, Руфо, конечно, моя страна далека от совершенства, но от чужака мне это слышать неприятно.

— Еще бы. Я люблю твою страну, в ней есть «изюминка». Но... Я не чужак и не смотрю на вас сверху вниз. Небби прав.

— Это еще как?

— За исключением того, что он судит слишком поверхностно. Демократия работать не может. Математики, крестьяне, скоты и тому подобные демократией считаются автоматически равными. Но ведь мудрость не суммируется, ее максимум — умнейший человек в каждой из групп.

Однако демократическая форма правления хотя и не работает, но все же хороша. Любая социальная организация хороша в том случае, пока она не застыла. Форма, каркас не имеют особого значения до тех пор, пока они обеспечивают определенную степень свободы, позволяющую человеку проявить свои таланты во многих областях. Большинство так называемых ученых-социологов думают, что организация — это все. А она — почти ничто, кроме тех случаев, когда превращается в смирительную рубашку. Важна частота встречаемости героев, а не разброс нулей.— Потом он добавил: — Твоя страна имеет систему, гарантирующую достаточную степень свободы, чтобы герои могли заниматься своим делом. И она будет существовать еще долгое время, до тех пор, пока эта свобода не будет разрушена изнутри.

— Надеюсь, ты прав.

— Я прав. Этот вопрос я изучил, и я не так глуп, как думает Небби. Он прав насчет безнадежности «суммирования нулей», но не понимает того, что сам является нулем.

— Нет смысла позволять нулю выводить меня из равновесия,— усмехнулся я.

— Никакого! Особенно раз ты сам — нуль. А ты, куда бы ни пошел, всюду будешь заметен и никогда не станешь частицей стада. Я уважаю тебя, а я уважаю немногих. И никогда не уважаю людей в массе, так что демократом в душе мне не быть. Для того чтобы требовать «уважать» или даже «любить» огромную людскую массу с хамством на одном ее полюсе и грязными ногами — на другом, нужна бессмысленная, слепая, слюнявая тупость, которая часто наблюдается у попечителей детских садиков, у спаниелей и у миссионеров. Это не политическая система, а заболевание. Но могу тебя порадовать — твои американские

политиканы этой болезнью не заражены. А обычаи в твоей стране позволяют существовать и таким организациям, где дураков нет.

Руфо взглянул на мою шпагу.

— Дружище, но ты же пришел сюда не только для того, чтобы обсуждать поведение Небби?

— Нет.— Я тоже взглянул на свой верный клинок.— Я принес ее сюда, чтобы побрить тебя, Руфо.

— Э?

— Я обещал побрить твой труп. Я ведь твой должник за ту ловкую работенку, которую ты проделал надо мной. И вот я тут, чтобы побрить брадобрея.

Он медленно проговорил:

— Но ведь я еще не труп.— Он не сделал ни единого движения. Двигались лишь глаза, оценивая расстояние между нами. Руфо не очень-то доверял моим «рыцарским чувствам» — для этого он был слишком опытен.

— О, это можно организовать,— ответил я живо,— если я не получу от тебя правдивых ответов.

Руфо чуть-чуть расслабился.

— Я постараюсь, Оскар.

— И, пожалуйста, старайся как следует. Ты мой последний шанс. Руфо, все это должно остаться между нами. Даже для Стар.

— Полная тайна. Даю слово.

— Со скрещенными пальцами, без сомнения... Но смотри, не шути со мной, дело серьезное. И, пожалуйста, ответы — только честные и прямые, мне других не надо. Мне нужны советы по проблемам моего брака.

Руфо, казалось, очень расстроился.

— А я ведь собирался сегодня уйти по делам! И вместо этого решил поработать! Оскар, я скорее предпочту отозваться при даме нелестно о ее первенце или о ее вкусе в выборе шляпок или даже соглашусь учить акулу кусаться — это безопаснее. Что будет, если я откажусь?

— Тогда я тебя побрею.

— Ты уж побреешь своими ручищами, чертов палач! — Он снова нахмурился.— Прямые ответы... Да они тебе и не нужны... Тебе жилетка нужна, чтобы в нее поплакаться.

— Возможно, она тоже. Но мне необходимы честные ответы, а не вранье, которое ты можешь сочинить даже спросонок.

— Значит, в обоих случаях я проигрываю. Рассказать мужчине правду о его браке — самоубийство. Думаю, правильнее будет сидеть, молчать и надеяться, что у тебя не хватит духу хладнокровно зарубить меня.

— О, Руфо! Я готов сунуть шпагу в какой-нибудь ящик и доверить тебе ключ от него, если хочешь. Ты же знаешь, я никогда не обнажу ее против тебя!

— Ничего такого я не знаю,— буркнул он сварливо.— Ведь все случается когда-нибудь впервые. Если поведение мерзавца всегда можно вычислить, то ты-то — человек чести, и это меня пугает. А может, мы провернем это дело через коммуникатор?

— Брось, Руфо. У меня нет больше никого, к кому я мог бы обратиться. И я хочу, чтобы ты говорил откровенно. Знаю, что адвокаты по брачным делам действуют по своим правилам и, разумеется, должны быть гарантированы от ударов по морде. В память о той крови, что мы пролили вместе, я прошу дать мне совет. И от чистого сердца, разумеется.

— Даже так — разумеется! А в последний раз, когда я рискнул дать его тебе, ты был готов отрезать мне язык.— Он посмотрел на меня без удовольствия.— Но в делах дружбы я всегда был ослом. Слушай, я предлагаю тебе честный вариант: ты будешь рассказывать, я буду слушать... и если получится так, что твой рассказ окажется слишком долог, а мои старые больные почки не выдержат и мне придется покинуть твою приятную компанию на некоторое время... Что ж, тогда ты поймешь меня неправильно и в гневе удалишься, после чего мы никогда больше не вернемся к этому предмету. Идет?

— О'кей.

— Тогда председательствующий предоставляет вам слово. Начинайте.

И я начал. Изложил свою дилемму и свой крах, не жалея ни себя, ни Стар (я же делал это и ради ее самой, а говорить о интимных делах нужды не было — тут все было в порядке). Я подробно рассказал о наших ссорах и о многом другом, чему, вообще-то говоря, лучше оставаться в узком семейном кругу. Но — пришлось.

Руфо слушал. Потом встал и начал прохаживаться, вид у него был встревоженный. Раз он с сожалением поцокал языком — это когда речь зашла о просителях, которых Стар привела в дом.

— Ей не надо было звать своих горничных. Но забудем об этом, парень. Она никогда не понимала, что мужчины могут смутиться, видя женщин, действующих согласно своей натуре. Давай-ка забудем об этом.— Потом он сказал: — Не надо ревновать к Джоко, сынок. Он же простак — сапожные гвозди загоняет кузнечным молотом.

— Я не ревную.

— Так и Менелай говорил то же самое*. Надо уметь и брать и давать, каждый брак нуждается в этом.

Наконец я иссяк и закончил речь предположением Стар, что я должен буду уехать.

— Я ни в чем ее не виню, а наш с тобою разговор обо всех этих делах мне многое прояснил. Теперь я считаю возможным начать трудиться не покладая рук, тщательно следить за своим поведением и стараться быть хорошим мужем. Она приносит огромные жертвы ради своего дела, и самое меньшее, что я могу для нее сделать — это облегчить ей выполнение ее задач. Она так мила, так нежна и так добра...

Руфо остановился на некотором расстоянии от меня, спиной к своему столу.

— Ты и вправду так думаешь?

— Я уверен в этом.

— Она — шлюховатая старая баба!

В мгновение ока я выпрыгнул из кресла и кинулся на него. Шпагу я не обнажил. Даже не подумал об этом, времени не было. Мне надо было схватить его за горло и проучить, как следует говорить о моей возлюбленной.

Руфо перепрыгнул через стол, как мячик, и когда я покрыл разделявшее нас расстояние, он уже стоял по ту сторону стола, запустив руку в ящик.

— Нехорошо, нехорошо,— говорил он.— Оскар, мне не хочется тебя брить.

— Иди сюда и дерись как мужчина!

— Ни в коем случае, мой старый добрый друг! Еще один шаг, и из тебя получится отличный корм для собак. А все твои обещания и мольбы! «Не получать по морде» — говорил ты! «Говори откровенно» — говорил ты! «Действуй по своим правилам» — говорил ты. А ну, садись вон в то кресло!

— Говорить откровенно не значит бросаться оскорблениями!

— А кто будет судьей? И должен ли я давать свои выражения на твою апробацию, прежде чем их произносить? Не отягощай нарушения обещаний еще и детской нелогичностью. Ты что, хочешь заставить меня покупать новый ковер? Я всегда выбрасываю те, на которых мне приходится убивать друзей,— пятна навевают на меня грусть. Сядь! Сядь вон в то кресло!

Я сел.

— Теперь,— продолжал Руфо, оставаясь на своем месте,— ты будешь слушать то, что скажу я. А можешь встать и уйти. В этом случае я могу или так восхититься перспективой больше никогда не увидеть твою образину, что разрешу тебе уйти, или, наоборот, так разозлюсь на то, что ты меня прервал, что тут же уложу тебя, прямо в дверях, ибо я слишком долго сдерживался и теперь мне надо разрядиться. Так что — выбирай.

— Я сказал,— продолжал он,— что моя бабка — шлюховатая старая баба. Сказал это грубо, чтобы снять твою напряженность, и теперь, похоже, ты не будешь так резко реагировать на многие малоприятные вещи, которые я выскажу. Она стара, ты это знаешь, хотя, без сомнения, ты нашел способ вспоминать об этом как можно реже. Я и сам об этом обычно забываю, хотя она была старой, уже когда я был малышом, писал на пол и радостно лепетал при виде ее милого лица. А что она шлюховатая баба — так тебе это известно лучше, чем кому-нибудь другому. Я мог бы сказать «многоопытная женщина», но мне хотелось больной зуб вырвать у тебя сразу. Ты и сам это знал о ней, недаром все время уходил в сторону, болтая о том, как хорошо тебе все известно и как тебе до этого нет никакого дела. Да, бабушка — шлюховатая старая баба, и это наша главная отправная точка. А почему бы ей и не быть таковой? Ответ можешь дать сам. Ты же не глуп, а только молод. У нее же есть только две радости в жизни, но второй она воспользоваться не может.

— И какова она — эта вторая?

— Подавать дурные советы и получать от этого садистское удовлетворение — вот то, чего она не осмеливается делать. Поэтому возблагодарим небо, что в тело Стар встроен этот безобидный вентиль, иначе бы всем нам пришлось бы куда как скверно, пока какому-нибудь ловкому убийце не удалось бы к ней подобраться. Сынок, дорогой сынок, ты только представь себе, как смертельно устала она от всего сущего на свете! Твой собственный жар начал угасать уже через несколько месяцев. Подумай же, каково ей год за годом выслушивать разговоры все об одних и тех же унылых ошибках и не надеяться ни на что, кроме появления хитроумного убийцы. И будь доволен, что эта старая шлюховатая баба все еще находит наслаждение в единственном доступном ей невинном наслаждении.

Итак, она — шлюховатая старая баба, в чем нет ничего унижающего ее. И я отдаю дань тому благодетельному равновесию, которое существует между этими двумя ипостасями и дает Стар возможность продолжать свою работу.

И Стар не перестала быть тем, что она есть, повторив вслед за тобой тот глупый стишок на склоне холма в некий прекрасный день. Ты думаешь, что с тех пор она взяла отпуск и прилепилась к одному тебе? Может, это и так, если ты процитировал ее слова точно, а я понял их правильно. Она всегда говорит правду.

Но никогда — полной правды. А кто ее говорит? И, говоря правду, она превратилась в самого талантливого лжеца, талантливее и не встретишь. Я уверен, твоя память упустила кое-какие невинно звучащие слова, которые дали Стар возможность уклониться от истинной правды и в то же время не нанести удар по твоим чувствам.

И если это так, если она не хотела их ранить, то можно ли требовать большего? Ты ей нравишься, это очевидно, но из этого вовсе не вытекает, что она должна стать фанатичкой. Все ее воспитание, весь ее внутренний настрой направлены на то, чтобы избегать фанатизма и вечно искать практический компромисс. И хотя, возможно, она до сих пор не смешивает разные туфли под своей кроватью, но если ты останешься еще на неде-

лю, на год или на двадцать лет, придет время, когда она захочет сделать это и найдет пути исполнить желание, не только не солгав тебе на словах, но и ничем не омрачив свою совесть, ибо таковой у нее не имеется. Только разум, абсолютно прагматичный.

Руфо прочистил горло.

— Теперь последует опровержение, контрапункт и задом-наперед. Мне моя бабушка нравится, я ее даже люблю, насколько это позволяет моя черствая натура, и я почитаю ее целиком, включая ее хитроумную душу... и я убью тебя и кого угодно другого, которые встанут на ее пути или сделают ее несчастной. Все это лишь частично потому, что она отбросила на меня тень собственного «я» и позволила понимать себя. И если она избежит кинжала убийцы, взрыва бомбы или яда, она войдет в историю как «Великая». Но ты говорил о ее «огромных жертвах»? Чушь! Ей нравится быть Ее Мудростью, то есть той осью, вокруг которой вращаются все миры. И в то, что она готова отказаться от этого ради тебя или даже пятидесяти еще лучших, я тоже не поверю. Опять же она тут не солгала, раз, как ты передавал, она сказала «если», зная, что за тридцать лет или за двадцать пять многое может произойти и среди этих грядущих событий наиболее вероятно то, что ты так долго не выдержишь. Уловка, конечно.

Но это лишь последний из фокусов, которые она с тобой проделала. Она обманывала тебя с той минуты, когда ты впервые увидел ее, и даже задолго до этого. Она обманывала тебя всеми возможными способами, заставляла тебя клевать горох вместе с шелухой, то расточая тебе хвалы, какие ты заглатывал с наслаждением, то выпуская из тебя пар, когда ты что-то начинал подозревать, и загоняла тебя обратно в намеченную линию поведения, возвращая к запланированной для тебя судьбе,— и все это так, чтобы ты постоянно был доволен. Стар никогда не стесняла себя в выборе методов, она одновременно обманула бы и пресвятую деву и вступила бы в союз с самим сатаной, если бы это было нужно для осуществления ее целей.

О, тебе, конечно, заплатили — и заплатили очень щедро,— она никогда не мелочится. Но теперь пришло время узнать, что ты был обманут. Заметь, я ее не критикую, я ей аплодирую, и я ей помогал... за исключением одного деликатного момента,

когда я вдруг сжалился над невинной жертвой. Но ты был уже так околдован, что не пожелал услышать, даже если бы к тебе взывал святой. Я на какое-то время сильно расстроился, представляя, как ты идешь к омерзительной гибели с широко раскрытыми невинными глазами. Однако она оказалась хитрее меня, да и всегда была хитрее.

И еще! Мне она нравится. Я чту ее. Я восхищаюсь ею. Я даже немного люблю ее. Люблю всю целиком, не только ее светлые стороны, а даже ее нравственную нечистоплотность, которая делает ее такой несгибаемой, какой может быть только закаленная сталь. Ну а как вы, сэр? Каковы твои чувства к ней, когда ты знаешь, что она обманывала тебя, знаешь, какова она есть?

Я все еще сидел в кресле. Возле меня стоял стакан с выпивкой, до которого я не дотронулся за весь этот долгий монолог. Я взял стакан и встал: «За величайшую шлюховатую бабу всех Двадцати Вселенных!»

Руфо перескочил через стол и схватил свой стакан.

— Вот так и говори — громко да почаще! И даже ей — она такое любит. Да благословит ее бог, если он существует, и да хранит он ее. Мы уже никогда не встретим равной ей, вот ведь какая жалость! А ведь такие требуются дюжинами!

Мы опрокинули стаканы и разбили их об пол. Руфо достал новые, наполнил их, уселся в своем кресле поудобнее и сказал:

— Ну а теперь выпьем как следует и посидим. Рассказывал ли я тебе о времени моего...

— Рассказывал. Руфо, я хочу больше знать об этом жульничестве.

— О каком?

— Понимаешь, я многое теперь вижу иначе. Взять хотя бы наш первый полет.

Руфо всего передернуло.

— А вот этого не надо!

— Тогда я не задумывался. Но ведь, если Стар могла лететь, то, значит, мы могли прекраснейшим образом миновать Игли, Рогатых Призраков, болото и не тратить зря время у Джоко...

— Разве зря?

— Я имею в виду — для ее цели. А также не иметь дела с крысами, свиньями и даже с драконами. Просто полететь от первых Врат до вторых. Верно?

Он покачал головой:

— Неверно!

— Не понимаю.

— Если сделать допущение, что Стар могла осуществить столь дальний перелет, что, надеюсь, мне никогда не придется проверять, она, конечно, имела возможность доставить нас к нужным Вратам. Но что в таком случае было бы с тобой? С перенесенным сразу из Ниццы в Карт-Хокеш? Кинулся бы ты вперед и стал бы драться как росомаха, как было на самом деле? Или сказал бы: «Мисс, вы сделали ошибочку. Где тут выход из этого паноптикума?..» Нет, нет, я серьезно.

— Не думаю, что я запросил бы пардону.

— Да, но победил бы ты без этого? Оказался ли бы ты в том состоянии боевой готовности, которое требовалось для победы?

— Понятно. Эти первые раунды были вроде тренировки в условиях, максимально приближенных к боевым. Было ли это первой частью обмана? Может быть, был применен еще и гипноз, чтобы получить нужный настрой? Она ведь в этом деле эксперт, видит бог! Может быть, вообще не было никаких опасностей, пока мы не достигли Черной Башни?

Руфо снова передернуло.

— Нет, нет! Оскар, в любом из этих эпизодов мы могли быть убиты. Никогда еще за всю свою жизнь я не сражался так отчаянно и никогда еще так не боялся. И ни одного эпизода миновать было нельзя. Я не знаю всех ее резонов, я же не Ее Мудрость. Но она никогда не рискнула бы своей жизнью, если бы в этом не было необходимости. Она скорее пожертвует десятью миллионами храбрецов, сочтя это более подходящей ценой. Свою цену она знает хорошо. Но она дралась с нами, дралась изо всех сил... Да ты же сам видел! Значит, это было необходимо.

— И все же мне не ясно...

— И не будет. И мне — тоже. Если бы можно было, она послала бы тебя одного. В тот последний момент наивысшей опасности, если бы эта штуковина — Пожиратель Душ, прозванный

так потому, что погубил уже многих смельчаков, если бы он погубил и тебя, то Стар и я попытались бы пробиться назад, я был к этому уже готов. Я не вполне уверен в том, что скажу, но если бы нам удалось бежать — что навряд ли,— Стар не пролила бы по тебе ни слезинки. Или совсем чуть-чуть. А потом она опять трудилась бы еще двадцать, тридцать или еще сто лет, чтобы найти, опутать и натренировать другого рыцаря и драться так же свирепо, но уже на его стороне. У нее много храбрости, у этой старушки. Она знала, сколь малы наши шансы. Ты — не знал. Но разве она струсила?

— Нет.

— А ключом ко всему был ты. Сначала тебя надо было вычислить, а потом огранить, чтоб годился в дело. Ты действовал сам, ты никогда не был марионеткой, иначе бы победы не одержал. И только она могла подтолкнуть такого человека, как ты, обольстить его, поставить его в условия, где он должен был действовать, фигура меньшего масштаба не справилась бы с таким героем, какой нужен был ей. И поэтому она и шарила по свету до тех пор, пока не нашла тебя... а уж тогда сумела подмаслить тебя просто великолепно. Скажи, почему ты выбрал шпагу? Ведь в Америке это редкость?

— Почему? — Пришлось подумать. Чтение. «Король Артур», «Три мушкетера», удивительные марсианские романы Берроуза. Но ведь это чтиво — для всех ребятишек.— Когда мы переехали во Флориду, я записался в скауты. Мастером скаутов у нас был француз, учитель из школы. Он начал учить фехтованию и нас, мальчишек. Мне нравилось фехтовать, это было то, что у меня хорошо получалось. Потом в колледже...

— А ты поразмысли-ка, как это иммигрант мог получить такое место в вашем городишке? И еще напроситься на занятия со скаутами? Или подумай о том, почему это в твоем колледже была фехтовальная команда, когда в других таких команд не было вовсе. Куда бы ты ни приезжал, там было и фехтование — и у Молодых Христиан, и всюду. А разве на твою долю не выпало больше рукопашных схваток, чем это бывает обычно?

— Еще бы!

— Могли бы и укокошить в какой-нибудь. Тогда Стар пришлось бы обратиться к следующему кандидату, которого уже начали тренировать. Сынок, я не знаю, как тебя отбирали или каким образом из юного панка получился герой, которым ты был в потенции. Это не моя работа. Моя была проще — хоть и опаснее — стать твоим слугой и «хранителем тыла». Оглянись-ка! Неплохое жилье для слуги, а?

— Прекрасное. А я почти и забыл, что ты считался моим слугой.

— Считался, черта с два! Я трижды ездил в Невию в качестве ее слуги! Джоко и по сей день ничего не знает. Если я туда снова попаду, то, думаю, меня встретят там хорошо, но только на кухне.

— Но зачем? Мне эта затея кажется глуповатой.

— Вот как! Когда мы заманивали тебя в ловушку, твое «эго» было в зачаточном виде. Его надо было укрепить, выпестовать. Отсюда и обращение «босс» и прислуживание за столом, где я стоял, а ты с ней сидел,— все это часть одной задачи.— Он похрустел суставами пальцев с очень раздраженным видом.— Я до сих пор думаю, что она смухлевала с теми двумя стрелами. С удовольствием сражусь с тобой еще раз, только чтоб ее не было рядом.

— Можешь обмануться в ожиданиях. Я с тех пор много тренировался.

— Ладно, забудем. Мы добыли Яйцо, а это главное. А вот и бутылочка есть, это тоже важно.— Он снова наполнил стаканы.— Ну, так получил все, что хотел, босс?

— Черт тебя побери, Руфо! Да, я получил все, старый добрый негодяй! Ты меня возродил. Или снова обманул, кто знает, что вернее.

— Без обмана, Оскар, клянусь совместно пролитой нами кровью. Я сказал тебе всю правду, которую знаю сам, хотя говорить мне ее было больно. Мне не хотелось — ты ведь мой друг. Наш поход пешедралом по каменистой Дороге Доблести будет всегда вспоминаться как самые драгоценные дни моей жизни.

— Гм... Да... Мне — тоже... И вообще все, что было.

— Тогда почему ты хмуришься?

— Руфо, теперь я ее хорошо понимаю и... уважаю беспредельно, даже люблю больше, чем раньше. Но я не могу быть ничьей игрушкой — даже ее.

— Я рад, что это сказал ты сам, а не я. Да, она права. Она всегда права, будь она неладна. Ты должен уйти. Ради вас обоих. О, ее это ранит не так сильно, а вот ты, если задержишься, станешь конченым человеком. А если будешь упорствовать, тебя уничтожат.

— Что ж, будет лучше, если я вернусь... и выкину свои туфли. Я чувствую себя уже почти хорошо, будто сказал хирургу: «Валяй, ампутируй!»

— Ни в коем случае!

— Это почему?

— А зачем? Не надо делать бесповоротных шагов. Если брак имеет шанс быть долгим — а твой имеет, то и каникулы должны быть долгими. И никаких поводков, сынок, никакой даты возвращения, никаких обещаний. Она знает, что странствующие рыцари ночи проводят в грешных делах. Она это знает и этого ожидает. Так было испокон веков — un droit de la vacation[1] — и это неизбежно. Просто об этом не пишут в детских книжках там, откуда ты явился. Поэтому поезжай, погляди, что новенького в твоей профессии появилось в мире, и ни о чем не заботься. Возвращайся года через четыре, или через сорок, или через сколько захочешь, и тебе будут рады. Герои всегда сидят за верхним столом, это их право. И они приходят и уходят, когда захотят, и это тоже их право. Ведь в несколько меньшем масштабе ты такой же, как она.

— Ничего себе комплимент!

— Я же сказал «в меньшем масштабе». Оскар, часть твоих неприятностей происходит из желания побывать дома. В твоей родной стране. Чтобы обрести перспективу и понять — кто ты такой. Это чувство свойственно всем путешественникам, мне самому время от времени приходится его переживать. Когда оно приходит, я поступаю так, как оно того требует.

— Я не испытывал ностальгии. А она, надо думать, есть.

— Возможно, Стар это уловила. Возможно, она и подтолкнула тебя. Лично я взял бы за правило отправлять на каникулы

[1] Право на отдых, на отпуск (*фр.*).

всех своих жен, как только их лица становятся мне слишком знакомыми, тем более что им, вероятно, мое — учитывая, как я выгляжу,— надоедает еще больше. А почему бы и нет, парень? Отправляйся на Землю, это совсем не так уж и плохо. Я тоже вскоре собираюсь туда, потому и расчищаю эти бумажные завалы. Возможно, мы окажемся там одновременно... выпьем стаканчик... или десяток стаканчиков... посмеемся... обменяемся анекдотами... ущипнем официантку и посмотрим, что она нам скажет! Почему бы и нет?

Глава 21

О'кей, вот я и здесь!

Уехал я не на той же неделе, но очень скоро. Мы со Стар провели потрясающую, полную слез ночь накануне моего отъезда, и она снова заплакала, целуя меня на прощание (Au'voir, а не прощай). Но я знал, слезы ее высохнут, как только я скроюсь из виду, и ей было известно, что я это знаю, и я был уверен, что она тоже считает, что так лучше, потому и уехал. Хотя тоже со слезами.

«Пан-Американ» работает хуже коммерческих Врат. Меня мгновенно перекинули через три промежуточных станции без всяких там фокусов-покусов. Какая-то девица скомандовала: «Занимайте места, пожалуйста» — готово!

Я вышел на Земле, одетый в лондонский костюм, с паспортом и другими бумагами в кармане, с Леди Вивамус в коробке, которая была совсем не похожа на ящик для шпаги. В других карманах лежали чеки на золото, поскольку я вдруг обнаружил, что не имею ничего против оплаты геройства. Высадился я около Цюриха, но точного адреса не знаю — об этом заботятся Врата. Вместо этого меня обеспечили средствами для передачи сообщений.

Вскоре мои аккредитивы превратились в номерные счета в трех швейцарских банках, что было сделано с помощью юриста, к которому мне было велено обратиться. Я приобрел дорожные чеки в нескольких туристических бюро, часть из них отправил письмами в США, часть взял с собой, так как ни в коем случае не хотел отдавать Дяде Сэму девяносто один процент.

Когда начинаешь жить по новому календарю, как-то теряешь способность следить за ходом времени. У меня осталась

неделя-другая до срока прибытия, указанного в моих бумагах. Я решил придерживаться этой даты — не следовало вызывать подозрений. Так я и сделал, отправившись на старой четырехмоторной машине по маршруту Прествик — Нью-Йорк.

Улицы показались мне грязнее, дома ниже, а заголовки газет — хуже прежнего. Я перестал читать газеты и решил тут не задерживаться — думал о Калифорнии, как о своем «доме». Я позвонил маме, она сердилась за мое долгое молчание, и я пообещал приехать на Аляску, как только смогу. Как они поживают? (Я подумал, что моим сводным братьям и сестренкам, возможно, потребуется денежная помощь для получения образования.) В общем, все было в порядке. Отчим еще летал и даже получил повышение по службе. Я попросил всю корреспонденцию пересылать на адрес тетки.

Калифорния выглядела лучше, чем Нью-Йорк. И все же это была не Невия. И даже не Центр. Народу было куда больше, чем мне помнилось. Все, что можно сказать о калифорнийских городах, это то, что они лучше многих других. Я побывал у тетки с дядей, они были всегда добры ко мне, и я намеревался истратить часть швейцарского золота на выкуп дяди у его первой жены. Оказалось, что она уже умерла, и теперь они поговаривали о строительстве собственного бассейна.

Поэтому я сидел тихо. Один раз меня уже чуть не погубило богатство, в результате чего я заметно повзрослел. Решил следовать правилу Их Мудростей: лучшее — враг хорошего.

Студенческий кампус казался меньше, а студенты — совсем юными. Я им, вероятно, представлялся стариком. Я как раз выходил из пивнушки, что напротив административного корпуса, когда туда вошли двое в своих лозунговых свитерах, отпихнув меня в сторону. Второй из них сказал:

— Куда прешь, папаша!

Я оставил его в живых.

Футбол был восстановлен в правах, тренер новый, новые раздевалки, стойки выкрашены, поговаривали о собственном стадионе. Тренер слыхал обо мне.

Он знал мои рекорды и намеревался сделать себе имя.

— Ты ведь вернешься в команду?

Я ответил, что не думаю.

— Ерунда! — сказал он.— Ты же должен получить этот дурацкий диплом. Будет глупо, если ты позволишь армейской службе погубить твою карьеру. Послушай...— И он понизил голос.— Говорить о месте уборщика в спортзале не приходится — руководство на это не пойдет. Но ведь может же парень жить на стороне, что устроить вовсе не трудно. А если жалованье он будет получать из рук в руки, то кому какое дело? Помалкивай в тряпочку, и порядок... А ветеранские денежки пойдут на карманные расходы.

— Так у меня их нет, ветеранских-то.

— Ты что, старик, газет не читаешь? — У него была вырезка. Пока я отсутствовал, на участников моей «невойны» распространили права ветеранов.

Я обещал обдумать его предложение.

Впрочем, такого намерения у меня не было. А вот завершить инженерное образование я решил, так как вообще люблю завершать все свои дела. Только не в этом колледже.

Этим же вечером я получил весточку от Джоан, от той девчонки, что так здорово проводила меня в армию, а потом выскочила замуж. Я и сам намеревался отыскать ее и завернуть к ним с мужем домой, но до сих пор не узнал ее новой фамилии. Но она сама повстречала мою тетку и позвонила.

— Изи! — воскликнула она и, казалось, с радостью.

— Кто это? Минутку... Джоан!

Прийти к ним сегодня же ужинать? Отлично! Что ж, я с нетерпением буду ждать встречи с тем счастливчиком, который стал ее мужем.

Джоан была все такой же хорошенькой, наградила меня смачным поцелуем, ознаменовавшим радость встречи, чисто сестринским, но сочным. Потом я познакомился с ребятишками — один еще в колыбельке, другой уже учился ходить.

Муж был в Лос-Анджелесе.

Мне следовало бы тут же взяться за шляпу. Но...— все хорошо, ничего такого не произошло — муж позвонил уже после разговора со мной, чтобы сказать, что задерживается в Лос-Анджелесе на ночь, он ведь видел, как я играю в футбол, и, уж конечно, я был бы просто обязан повести ее в ресторан поужинать и, может, мы договоримся на завтра, ей не удалось договориться на сегодня с

приходящей няней, а кроме того, сейчас должны забежать «на стаканчик» ее сестра с мужем, они на ужин не смогут остаться, так как уже с кем-то договорились, да ты же знаешь и мою сестру, вон они уже на крыльце, а я еще и детей не уложила...

Сестра и ее муж пришли только на один стаканчик. Джоан с сестрой пошли укладывать ребятишек, а муж остался со мной и спросил, как дела в Европе, поскольку он знал, что я только что вернулся оттуда, после чего он рассказал мне, как идут дела в Европе и что там надо изменить.

— Вы знаете, мистер Джордан,— говорил он, похлопывая меня по колену,— человек, занимающийся торговлей недвижимостью, подобно мне, становится тонким знатоком человеческой натуры, он обязан стать таким и, хотя я в Европе не был, в отличие от вас, так как не имел на это времени, и вообще — должен же кто-то оставаться дома, платить налоги и приглядывать за делами, пока вы, молодые счастливчики, гоняете по всему миру, но человеческая натура повсюду одинакова, и если бы мы сбросили одну-единственную бомбочку на Минск, или Пинск, или еще куда-нибудь, они тут же прозрели бы, а мы прекратили бы дергаться из стороны в сторону, что так вредит делам. Вы со мной согласны?

Я ответил, что в чем-то он, возможно, и прав. Они ушли, но перед уходом он пообещал позвонить мне завтра и показать несколько превосходных участков, которые отдаются почти задаром, но цены на которые должны взлететь вверх, благодаря строительству здесь в недалеком будущем ракетного завода. «Было очень приятно выслушать историю ваших странствий, мистер Джордан, чрезвычайно приятно. Когда-нибудь расскажу вам кое о чем, что случилось со мной в Тихуане, но это уж, когда моей женушки рядом не будет, х-ха!»

— Не понимаю, почему она вышла за него? — пожала плечами Джоан.— Налей-ка мне двойной, милый, мне это просто необходимо. Пойду выключу плиту, ужин подождет.

Мы выпили по двойному, потом еще по двойному, ужинать сели только в одиннадцать, и Джоан принялась хныкать, когда около трех я стал настаивать на уходе. Она обозвала меня трусом, и я согласился. Она сказала, что все могло бы быть иначе, если бы

я не решил уйти в армию, и я опять согласился. Она велела мне убираться через заднюю дверь и не зажигать свет и заявила, что не желает меня больше видеть во веки веков, после чего сообщила, что Джим семнадцатого собирался ехать в Сусалито. На следующий день я вылетел в Лос-Анджелес. Нет, слушайте, я не виню Джоан. Мне она симпатична. Я ее уважаю и всегда буду вспоминать о ней с благодарностью. Она прекрасный человек. Поставьте ее в соответствующие условия — скажем, перенесите в Невию, и она была бы ого-го! Да и так она девчонка что надо. Дом у нее вылизан, ребятишки чистенькие, здоровенькие и ухоженные. Она щедра, умна, и характер у нее отличный.

Себя я тоже виновным не считаю. Если мужчина хоть немного уважает чувства женщины, то уж в одном-то он ей не может отказать — во встрече, если она ее домогается. И притворяться, что я этой встречи не хотел, тоже не стану.

И все-таки, во время полета в Лос-Анджелес, я чувствовал себя скверно. Нет, нет, не из-за мужа, ему-то что. И не из-за Джоан — мир под ее ногами не перевернулся, угрызений совести она, надо думать, не испытывала. Джоан — хорошая девочка и очень здорово умеет приспосабливать свой характер к внешним обстоятельствам. И все же мне было скверно. Мужчина не должен критиковать самые тайные качества женщины. Должен сказать, что теперешняя Джоан была так же мила и так же щедра, как и та юная Джоан, что провожала меня в армию и дала мне возможность ощутить собственную мужественность. Вина была моя — я изменился.

Мои претензии относятся ко всей нашей культуре, отдельные люди несут на себе лишь частички этой общей вины. Разрешите мне процитировать многоопытного культуролога и распутника доктора Руфо.

— Оскар, когда ты попадешь домой, не ожидай слишком многого от своих соплеменниц. Ты наверняка будешь разочарован, но бедняжки ни в чем не виноваты. Американские женщины, из которых воспитанием вытравили все инстинкты пола, компенсируют это всепроникающим интересом к ритуалам, совершаемым над мертвой шелухой секса... причем каждая уверена, что интуитивно знает тот главный ритуал, который способен

оживить этот труп. Она знает, и никто ее не переубедит... особенно же тот мужчина, который имел несчастье попасть к ней в постель. Так что и не старайся. Ты или доведешь ее до бешенства, или убьешь в ней уверенность в себе. Ведь ты покусишься на самую священную из коров — на миф, что женщина знает о сексе все, уже только потому, что она женщина.— Здесь Руфо наморщил лоб.— Типичная американская женская особь уверена в том, что она гениальная портниха, гениальная повариха, гениальный дизайнер домашнего интерьера и превыше всего — гениальная куртизанка. Чаще всего она ошибается во всех четырех пунктах. Но не пытайся им это доказывать.

Потом он добавил:

— Разве что отобрать девчонку не старше двенадцати лет и изолировать ее полностью, особенно от матери... Но и это, думаю, поздновато. Ты пойми меня правильно — все это вы заслужили. Ведь американский мужчина тоже убежден, что он великий воин, великий политик и великий любовник. Проверка показывает, что он ошибается так же, как и она. Или еще больше. С историко-культурной точки зрения существуют неопровержимые доказательства, что американский мужчина в большей степени, чем женщина, виновен в убийстве секса в вашей стране.

— И что же мне делать?

— Время от времени сматывайся во Францию. Француженки столь же неграмотны, как и американки, но не столь тщеславны, а иногда даже способны к обучению.

Когда мой самолет приземлился, я выбросил эти мысли из головы, ибо на время решил стать анахоретом. Я еще в армии понял, что проблема секса легко решается денежным обеспечением, размер которого достаточен лишь для поддержания жизни. А планы у меня были большие.

Я решил стать добропорядочным обывателем, каким являюсь по своей природе, усиленно трудиться в поте лица и иметь ясную цель. Конечно, я мог бы воспользоваться своими швейцарскими вкладами и вести жизнь плейбоя, но я уже побывал в плейбоях — это не по мне.

Я участвовал в самой что ни на есть увлекательной заварушке в Истории, и если бы не привезенная с собой добыча, наверняка сам не поверил бы в случившееся. Теперь пришло время

остепениться и войти в ассоциацию Неизвестных Героев. Быть героем — порядок. Но отставной герой — во-первых, зануда, во-вторых, бродяга.

Первым делом я отправился в Калифорнийский политехнический. Теперь я мог себе позволить выбирать лучшее, а единственный соперник Калтеха находился там, где секс вообще объявлен вне закона*. На это мрачное кладбище я достаточно нагляделся в 1942—1945 годах.

Декан по приему не особенно обнадеживал:

— Мистер Гордон, вы должны знать, что мы отсеиваем гораздо больше народу, чем принимаем. И мы не можем полностью доверять представленной вами выписке. Не хочу сказать ничего плохого о вашем прежнем колледже, и мы с радостью делаем некоторые поблажки бывшим солдатам, но требования у нас гораздо более высокие. И еще одно — в Пасадине вы не найдете дешевого жилья.

Я ответил, что с радостью займу любое место, которого, по их мнению, заслуживаю, и показал ему мою чековую книжку (одну из них), предложив тут же выписать чек за первый год обучения. Он отказался, но слегка оттаял. Я ушел, унося впечатление, что место для И. С. Оскара Гордона может найтись.

После этого я отправился в центр города и начал процедуру, которая должна была юридически превратить меня из Ивлина Сирила в Оскара. Потом пошел искать работу.

Ее я нашел в Долине — место младшего чертежника в отделе филиала корпорации, занятой изготовлением шин, оборудования для пищевой промышленности и кой-чего еще — в данном случае ракет. Это была часть Гордоновского Плана Оздоровления. Несколько месяцев, проведенных за кульманом, должны были привести меня в форму. Заниматься я планировал по вечерам, а кроме того, решил стать пай-мальчиком. В Сутелле я нашел меблированную комнату и приобрел подержанный «Форд» для поездок на работу.

Теперь я чувствовал себя спокойнее. «Милорд Герой» был погребен, и глубоко. Все, что осталось от него,— Леди Вивамус, висевшая над телевизором. Сначала я частенько снимал ее оттуда и держал в руке, получая от этого истинное наслаждение.

Я решил найти sale d'arms[1] и вступить в клуб. В Долине я видел стрельбище для лучников, а, вероятно, где-нибудь было и стрельбище для членов Американской ассоциации любителей ружейной стрельбы. Надо же поддерживать форму.

На время решил забыть о швейцарских вкладах. Их должны были выплачивать в золоте, а это не пустяки, и я предпочитал к ним не прикасаться — ценность их будет все время расти, от инфляции больше, чем от инвестирования, так что когда-нибудь они превратятся в большой капитал, которого хватит для основания собственной фирмы.

Вот о чем я думал — как стать боссом. Раб на зарплате, даже если он принадлежит к той категории, у которой Дядя Сэм отбирает больше половины доходов, все равно раб. А я знал от Ее Мудрости, что для того, чтобы стать боссом, нужна тренировка. Титул «босс» за деньги не продается.

Поэтому-то я и остепенился. Имя я сменил; Технологический сообщил, что я могу начинать подыскивать себе квартиру в Пасадине. Тут-то подоспела и почта — мама переслала ее тетке, та — на адрес отеля, который я сй дал сначала, и вот теперь она добралась до меня. Тут были письма, прибывшие в США еще год назад, пересланные в Юго-Восточную Азию, потом в Германию, затем на Аляску и еще на разные адреса, пока наконец я не получил их в Сутелле.

Одно письмо предлагало мне ту же сделку насчет инвестиций, только теперь я должен был отстегнуть им еще десять процентов. Другое было от тренера из колледжа — на простой почтовой бумаге, подписанное каракулями. Он писал, что «некие лица» хотят, чтобы сезон начался победой. Устраивают ли меня двести пятьдесят в месяц? Позвонить ему по домашнему телефону, разговор оплачен. Я разорвал это письмо.

Следующее было от Администрации по делам ветеранов, датированное днем моей демобилизации, в коем сообщалось, что, согласно прецеденту «Бартон против правительства США», я являюсь «военным сиротой» и должен получать сто десять долларов в месяц для завершения образования вплоть до достижения

[1] Фехтовальный зал (*фр.*).

двадцатитрехлетнего возраста. Я хохотал до колик в животе. Потом шла всякая ерунда, а за ней — письмо от моего конгрессмена. Он имел честь уведомить меня, что он совместно с Ассоциацией ветеранов заморских войн разработал пакет законопроектов с целью исправления ошибок, допущенных при определении статуса «сирот войны», что эти законопроекты были одобрены и он счастлив сообщить, что один из них касается и меня и дает мне право получать пенсию для завершения образования вплоть до исполнения мне двадцати семи лет, поскольку мое двадцатитрехлетие прошло до принятия поправки.

Искренне ваш и все такое.

Смеяться я уже не мог. Я подумал о том, насколько меньше дерьма или чего-то еще я бы нахлебался со дня своего вступления в армию, если бы знал об этих ста одиннадцати долларах в месяц. Я написал конгрессмену благодарственное письмо, постаравшись, чтобы оно звучало получше.

Следующее письмо по виду было совершеннейшей чепухой. Оно было от Госпитального фонда Лимитейд и, надо думать, содержало просьбу о денежной помощи или информацию о больничной страховке, но я никак не мог взять в толк — почему кто-то в Дублине решил внести меня в свой список?

Госпитальный фонд запрашивал меня, не являюсь ли я владельцем билета Ирландского госпитального тотализатора, номер такой-то и такой-то и соответствующего талона к нему? Этот билет был продан Дж. Л. Уезерби, эсквайру. Указанный номер выиграл во втором туре розыгрыша, и эта лошадь пришла к финишу первой. Дж. Л. Уезерби был об этом информирован и известил фонд, что передал этот билет некому И.С. Гордону, которому отослал и талон к нему. Не тот ли я Гордон, есть ли у меня билет тотализатора и талон? Фонд желал быть уведомленным как можно скорее.

Последнее письмо имело обратный адрес Командования группы американских войск в Европе. В нем был талон к билету Ирландского тотализатора и приписка: «Так мне и надо, дураку, чтоб не играл в покер. Желаю выиграть. Дж. Л. Уезерби». Штемпель на конверте был годичной давности.

Я долго рассматривал его, потом достал бумаги, пронесенные мною через несколько Вселенных. Нашел нужный билет. Он был весь измазан кровью, но номер был виден хорошо.

Еще раз перечитал письмо фонда. Второй раунд розыгрыша...

Потом пересмотрел все билеты под ярким светом. Все были подделкой, но гравировка этого билета и талона к нему была четкой, как на деньгах. Не знаю, где его купил Уезерби, но ясно, что не у того воришки, у которого я приобрел свой.

Второй тур... А я и не знал, что их больше одного! Оказывается, число туров зависит от числа проданных билетов — на каждый «пакет» стоимостью 120 тысяч фунтов стерлингов — тур розыгрыша. А я видел только результат первого...

Уезерби отослал талон и расписку моей матери в Висбаден, он, вероятно, уже был в Элмендорфе, когда я находился в Ницце, потом был отправлен в Ниццу, потом обратно в Элмендорф, так как Руфо оставил этот адрес в «Американ Экспресс». Руфо, разумеется, знал обо мне все и предпринял нужные шаги, чтобы прикрыть мое исчезновение.

В то утро, ровно год назад, я сидел в кафе в Ницце, держа в руках выигравший билет, а талон к нему уже лежал в конверте. Если бы я, читая «Геральд Трибюн», пошел бы дальше отдела личных объявлений, то обнаружил бы там результаты второго тура розыгрыша и не ответил бы на объявление.

Я забрал бы 140 тысяч долларов и никогда больше не увидел бы Стар.

Неужели Ее Мудрость потерпела бы поражение?

Неужели я отказался бы следовать за ней только потому, что мои карманы лопались от денег?

Сомневаюсь: я все равно вышел бы на Дорогу Доблести.

Во всяком случае, надеюсь на это.

На следующий день я позвонил на завод, а потом отправился в банк, где повторилась та же рутина, через которую я дважды проходил в Ницце.

Да, этот билет действителен. Может ли банк быть мне полезен при получении денег? Я поблагодарил их и ушел.

Маленький человек из Налогового управления уже стоял у меня на крыльце... Почти что так: он позвонил снизу, когда я писал ответ Госпитальному фонду.

Я ответил ему, что скорее пойду к чертовой матери, чем соглашусь. Я оставлю деньги в Европе, а он пусть свистит в кулак! Он вежливо посоветовал мне изменить позицию, считая

ее за простое «выпускание паров», тем более что Налоговое управление терпеть не может платить деньги информаторам, но принуждено будет так поступить, если мои действия покажут, что я хочу избежать уплаты налогов.

В общем, они меня доконали. Я получил 140 тысяч долларов и заплатил Дяде Сэму 103 тысячи. Маленький тихенький человечек сказал, что так будет лучше — многие люди откладывают уплату налогов и попадают в неприятную историю.

Будь я в Европе, получил бы 140 тысяч золотом, а тут выдали 37 тысяч бумажками — свободные и суверенные американцы не имеют права держать на руках золото. С ним они то ли войну начнут, то ли в коммунизм перейдут, то ли еще что сотворят. И вообще, это противозаконно. Люди из Управления были в высшей степени вежливы.

Десять процентов — 3700 долларов — я отослал сержанту Уезерби и написал про все. Остальные 33 тысячи долларов положил в банк, учредив фонд для оплаты образования моих сводных братишек и сестренок, причем одним из условий управления фондом было то, чтобы родственники узнали о деньгах только тогда, когда они понадобятся.

Я помолился, чтобы новость о моем выигрыше не долетела до Аляски. В лос-анджелесских газетах об этом ничего не было, но сведения, видимо, как-то просочились — я почувствовал себя занесенным в списки многочисленных попрошаек — получал письма, предлагающие необычайные возможности, просьбы о займах или требования подарков.

Через месяц я узнал, что позабыл о существовании еще и калифорнийского штатного налога.

Глава 22

И вот я снова вернулся к своему старому кульману, снова гнул вечерами спину над учебниками, иногда смотрел телевизор, а по субботам занимался фехтованием.

А ночами мне снился сон...

Впервые я увидел его, когда поступил работать, а теперь он являлся каждую ночь...

Я ехал по длинной, длинной дороге, потом она круто изгибалась и вдали вырисовывался замок, стоящий на возвышенности. Он был великолепен, флаги развевались на его башнях, извилистая тропа вела к подъемному мосту. Но я знал — непонятно откуда,— что в подземелье замка томится прекраснейшая из принцесс.

Эта часть сна была всегда одинакова, варьировались лишь детали. А потом на дороге появлялся маленький спокойный человек из Налогового управления и заявлял, что надо оплатить дорожный сбор, который всегда на десять процентов превышал сумму, которой я располагал.

В другой раз это был полицейский, который, прислонясь к моей лошади (иногда у нее было четыре ноги, иногда — восемь), выписывал мне штраф за нарушение правил движения, за появление с просроченной лицензией на право езды, за проезд на красный свет и дерзкое неповиновение власти. Он хотел знать, есть ли у меня разрешение на ношение копья, и сообщал, что я должен нацепить бирку на каждого убитого мной дракона, согласно закону об охоте.

Иногда, и это было самое неприятное, я за поворотом попадал в мощный транспортный поток, несшийся прямо на меня по пяти полосам дороги.

Писать то, что я пишу сейчас, я начал после появления этих снов. Я понимал, что пойти к специалисту по мозгам и сказать ему: «Послушайте, док, я Герой по профессии, а жена моя — Императрица другой Вселенной» нельзя, а еще меньше мне улыбалась перспектива лечь на его кушетку и рассказывать, как мои родители плохо обращались со мной в детстве (чего не было) и как я узнал все про маленьких девочек (а это уж никого не касается).

И я решил рассказать все своей пишущей машинке.

Самочувствие от этого улучшилось, но сны остались. Зато я узнал новое слово — «окультуривание». Это то, что происходит, когда представитель одной культуры попадает в другую и переживает крайне печальное время, ощущая себя чужим. Например, индейцы в городах Аризоны, которые бездельничают и проводят все время, глазея на витрины магазинов. Окультуривание. Не вписываются.

Я садился в автобус, чтобы повидать врача по уху, горлу и носу — Стар обещала мне, что ее лечение плюс процедуры, получен-

ные на Центре, навсегда освободят меня от насморка, что и произошло, но даже терапевты, обеспечивающие Долголетие, не могут защитить человеческие ткани от ядовитых газов. Лос-анджелесский смог меня достал. Глаза жгло, нос заложен — дважды в неделю мне приходилось проходить чудовищные процедуры из-за этого носа. Обычно я парковал свою машину и ехал автобусом до Уилтшира, так как там места для парковки не найти.

В автобусе я подслушал разговор двух дам: «... и несмотря на то, что я их совершенно не переношу, я не могла устраивать вечеринку, не пригласив Силвестеров...»

Это было похоже на какой-то экзотический язык. Я прокрутил фразу в мозгу несколько раз и наконец уловил ее смысл.

Но тогда зачем приглашать этих Силвестеров? Если она их не переносит, то почему бы просто не перестать их замечать или даже не уронить им на башку кирпич? Почему, во имя господа бога, надо устраивать вечеринки с коктейлями? Люди, которые не очень любят друг друга, стоят (стульев обычно не хватает), говорят о вещах для них неинтересных, пьют напитки, ими не любимые (зачем вообще выделять специальное время для выпивки), и напиваются так, что даже не замечают, как им смертельно скучно. Зачем?

И тут я понял, что идет процесс окультуривания. И что я в него не вписываюсь.

Тогда я стал избегать автобусов, в результате чего заплатил пять штрафов и поломал бампер. Учиться я тоже бросил. В книгах я никак не мог докопаться до смысла. Нет, не таким способом обучался я на старом добром Центре.

А за работу чертежника я держался. Я всегда хорошо чертил, и вскоре мне стали поручать важные заказы.

Однажды меня вызвал начальник отдела и сказал:

— Послушайте, Гордон, вот этот узел, который вы делали...

Я гордился этой работой. Я вспомнил кое-что виденное мной на Центре и начертил это, уменьшив число трущихся деталей и улучшив первоначальный проект, придав ему компактность. Я был доволен. Работа сложная, пришлось добавить еще одну проекцию.

— А, что такое?

Он отдал мне чертеж:

— Переделать! Сделать как надо!

Я объяснил ему те изменения, которые внес, сказал, что улучшил проект, чтобы...

Он оборвал меня:

— Мне не надо, чтобы вы улучшали, мне надо, чтобы вы работали, как того требую я!

— Ваше право,— согласился я и проголосовал за свою отставку, громко хлопнув дверью.

В этот час рабочего дня моя квартира показалась мне какой-то странной. Я начал читать «Сопротивление материалов», но отбросил учебник в сторону. Потом встал и взглянул на Леди Вивамус.

«Dum vivimus, vivamus!» Посвистывая, я пристегнул ее к поясу, обнажил клинок и почувствовал, как вверх по руке пробежал ток.

Потом вложил клинок в ножны, собрал кое-какие вещички, в основном дорожные чеки и наличные деньги, и вышел. Я шел не в определенное место, а просто куда глаза глядят.

Не прошел я и двадцати минут, как патрульная машина подрулила к тротуару и меня отвезли в полицейский участок.

Почему я ношу эту штуковину? Я объяснил, что джентльмены обычно носят шпаги.

Если я скажу им, в какой киностудии работаю, то телефонный звонок все уладит. Или я работаю на телевидении? Департамент полиции охотно пойдет навстречу, но хорошо бы его информировать заранее...

Есть ли у меня лицензия на ношение скрытого оружия? Я ответил, что нисколько его не скрывал. Они заявили, что скрывал — шпага в ножнах. Тут я сослался на Конституцию, но мне возразили, что в Конституции, это уж точно, ничего не говорится про хождение по городу с шашлычными шампурами. Коп шепнул сержанту:

— Вот на чем мы его возьмем, сержант,— на клинке, что длиннее... думаю, длиннее трех дюймов.

Трудности начались, когда они захотели отобрать у меня Леди Вивамус. Наконец они меня заперли со шпагой и прочим.

Двумя часами позже мой адвокат добился изменения формулировки на «мелкое хулиганство», и я был отпущен, выслушав целую проповедь о том, как себя надо вести.

Я заплатил адвокату, поблагодарил его, взял такси до аэропорта и вылетел в Сан-Франциско. В аэропорту купил большой чемодан, в который по диагонали уложилась Леди Вивамус.

Вечером в Сан-Франциско я попал на вечеринку. Встретил я этого парня в баре, поставил ему выпивку, он мне — другую, я ему — обед, а потом мы, захватив галлон вина, поехали к его друзьям. Я все пытался объяснить новому знакомому, что нет смысла учиться в школе по одному методу, когда давно известен другой, лучший. Это так же глупо, как обучать индейцев охоте на бизонов. Бизоны ведь бывают только в зоопарках! Окультуривание, вот что это такое!

Чарли полностью соглашался и говорил, что его друзьям будет очень интересно меня послушать. И мы поехали туда, я заплатил таксисту за ожидание, но чемодан забрал с собой.

Друзья Чарли вовсе не собирались выслушивать мои теории, но вину обрадовались, так что я сел на пол и стал слушать народные песни.

У мужчин были бороды, что облегчало дело, так как позволяло отличать мужчин от женщин. Один бородач встал и начал читать поэму. Старый Джоко, даже будучи смертельно пьяным, и то сочинил бы лучше.

Все это совсем не походило на пирушку в Невии, а еще меньше — на нее же на Центре, за исключением одного — я получил предложение. Возможно, я и рассмотрел бы его, если бы девушка не носила сандалии. Пальцы ног у нее были грязные. Я припомнил Зай-и-ван, ее изящный и чистенький мех, поблагодарил девушку и сказал, что дал обет.

Борода, что читал стихи, подошел и уставился на меня:

— Парень, а в какой драке ты подцепил такой шрам?

Я ответил, что дело было в Юго-Восточной Азии. Он посмотрел на меня с отвращением:

— Наемник?

— Ну, не всегда,— ответил я.— Иногда дерусь для удовольствия. Сейчас, например.

Шмякнул его об стену, забрал чемодан и отправился в аэропорт, оттуда в Сиэтл, потом в Анкоридж на Аляске и наконец оказался в Элмендорфе — чистый, трезвый и с Леди Вивамус, загримированной под удочку в чехле.

Мама мне обрадовалась, детишки вроде тоже — я успел купить им подарки между двумя рейсами в Сиэтле, а отчим и я обменялись байками.

На Аляске я сделал одно хорошее дело: слетал на мыс Барроу. Там я нашел, что искал: тишина, отсутствие запаха пота и мало людей. Смотришь на ледяное пространство и знаешь, что там нет ни черта, кроме Северного полюса, нескольких эскимосов и еще меньше белых.

Эскимосы тут такие же милые, как на картинках. Их детишки никогда не плачут, а взрослые никогда не сердятся, дурным нравом отличаются только собаки, шляющиеся среди хижин.

Но эскимосы теперь тоже окультуриваются — старые времена проходят. В Барроу можно купить пиво в банках, в небе летают самолеты, а завтра на них могут оказаться и ракеты.

И все же они продолжают охотиться на тюленей среди своих ледяных торосов; деревня пирует, когда забивают кита, и голодает, когда китов нет. Времени они не считают, и, по всей видимости, их ничто не тревожит; спроси эскимоса, сколько ему лет, он ответит: «О, я уже взрослый». Совсем как Руфо. Вместо «до свидания» они говорят «когда-нибудь опять», что значит «когда-нибудь мы снова увидимся».

Они позволили мне участвовать в их танцах. В этом случае полагается надевать перчатки (в вопросах этикета они так же строги, как Джоко), и ты пляшешь и поешь под грохот бубна — я даже заплакал. Сам не знаю отчего. Танец рассказывал про старичка, у которого нет жены и который вдруг видит тюленя...

Я сказал им «когда-нибудь опять» и вернулся в Анкоридж, оттуда вылетел в Копенгаген. С высоты 30 тысяч футов полюс выглядел как покрытая снегом прерия, странные черные линии были водой. Никогда не думал, что увижу Северный полюс.

Из Копенгагена я отправился в Стокгольм. Марьятта жила отдельно от родителей, но в том же квартале. Она накормила меня шведским обедом, а ее муж оказался славным парнем. Из Стокгольма я перед выездом позвонил в отдел личных объявлений парижского издания «Геральд Трибюн».

Это объявление печаталось ежедневно, а я сидел в кафе напротив «Двух радостей», пил коньяк, накапливая стопки

коньячных блюдечек и пытаясь сохранить спокойствие. Рассматривал гуляющих француженок и думал, что же мне делать.

Если мужчина хочет где-нибудь осесть лет, скажем, на сорок или около того, то почему бы ему не выбрать Невию? О'кей, в ней водятся драконы. Зато нет ни мух, ни комаров, ни смога. Нет проблем парковки, нет транспортных развязок, выглядящих как рисунок в учебнике полостной хирургии. И нигде нет фонарей на дорогах.

Мьюри будет рада меня видеть. Могу даже жениться на ней. А возможно, и на ее маленькой сестренке, не помню ее имени. Почему бы и нет? Брачные отношения не всюду такие, как в какой-нибудь Падьюке[1]. И Стар будет довольна, она с радостью породнится с Джоко таким образом.

Но сначала я хотел бы повидать Стар, во всяком случае — в ближайшее время, чтобы вымести из-под кровати накопившуюся там груду чужих туфель. Однако там я не останусь, формула «когда-нибудь опять» лучше всего устроит Стар. Эта формула — одна из немногих, точно переводимых на жаргон Центра и полностью соответствующих духу языка.

«Когда-нибудь опять», поскольку другие девы или, во всяком случае, их приятные эрзацы есть повсюду, и все они жаждут освобождения. Где-то. А мужчинам только и остается, что делать свою работу — обстоятельство, которое мудрые жены хорошо понимают.

Кто-то хорошо сказал: «От путешествий не устают. Надо пить чашу жизни до капли». Дальняя дорога, тропа, королевский путь, на котором нет уверенности в том, где и когда перекусишь, получишь ли ночлег и с кем его разделишь. Но где-то ждут тебя Елена Троянская и множество ее сестричек, и есть славная работа, которая только и дожидается того, кто ее выполнит.

За месяц можно составить множество стопок из коньячных блюдечек, и я уже начал злиться, вместо того чтобы подремывать. Куда к черту провалился Руфо? Свои записки я довел до этой минуты, держась на одних нервах. Может, Руфо вернулся обратно? Или умер?

---

[1] Город в США, символ американской «глубинки».

А может, его и не было никогда? Может быть, я просто психопат, но что же тогда таскаю я с собой каждый раз, как выхожу из дому? Шпагу? Я боюсь посмотреть, да, боюсь, а теперь мне страшно даже задавать себе этот вопрос. Однажды я встретил старого сержанта, тридцатилетнего мужчину, который был уверен, что владеет алмазным прииском в Африке. Целые дни он проводил, копаясь в бухгалтерских отчетах прииска. Может, и я пребываю в таком же упоительном заблуждении? Может, эти франки — все, что осталось у меня от месячного пособия по инвалидности?

Дано ли человеку дважды воспользоваться предоставленным ему шансом? Всегда ли «дверь в стене» исчезает при втором взгляде на нее*? Где садятся на корабль, отплывающий в волшебные страны? Боже мой, как это похоже на объявление в почтовом отделении Бруклина: «Вход отсюда туда запрещен».

Я даю Руфо еще две недели...

От Руфо пришло известие! Газетную вырезку с моим объявлением ему переслали, но у него возникли какие-то осложнения. По телефону он не стал о них распространяться, но я усек, что он связался с какой-то хищной Fraulein[1] и перешел границу почти что sans culottes[2]. Но сегодня он приезжает! Он выразил полное согласие с моей идеей сменить планеты и даже Вселенные и сказал, что придумал кое-что любопытное. Возможно, сопряженное с риском, но зато не скучное. Уверен, что он прав и в том и в другом смысле.

Руфо способен украсть у ближнего сигарету, а уж девчонку и подавно, но с ним не скучно, и он умрет, защищая твою спину.

Завтра мы выйдем на каменистую Дорогу Доблести.

Как там у вас с драконами? Не желаете ли их истребить?

---

[1] Девушка (*нем.*).

[2] Без штанов (*фр.*).

Луна – суровая хозяйка

© В.Ковалевский, Н.Штуцер, перевод

Посвящается Питу и Джейн Сенсебо

Часть I
ЭТОТ УМНИК-РАЗУМНИК

Глава 1

Гляжу — в газете «Lunaya Pravda»[1] пишут, что городской совет Луна-Сити принял в первом чтении постановление, позволяющее досматривать, лицензировать, инспектировать, а главное — облагать налогами предприятия общественного питания в границах муниципальной зоны. А еще пишут, что сегодня вечером состоится массовый митинг, на котором будет организовано толковище «Сынов Революции».

Мой родитель преподал мне два правила: «Не суй нос не в свое дело» и «Всегда снимай колоду перед сдачей». Политика меня не интересовала. Но в понедельник 13 мая 2075 года я оказался в машинном зале Комплекса Лунной Администрации — зашел, чтобы потолковать с главным компьютером Майком, пока другие машины тихо шепчутся между собой. Майк — это не официальное имя; я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал ИБМ*. Герой рассказа только и делал, что сидел и думал,— ну в точности как Майк. Он же у нас настоящий умник-разумник, самый смышленый компьютер в мире.

Правда, не самый быстрый. На Земле, в лабораториях Белла в Буэнос-Айресе, есть один умник, который в десять раз меньше Майка, а отвечает чуть ли не раньше, чем услышит вопрос.

---

[1] Слова, написанные латинскими буквами, именно так приведены у автора. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Но разве так уж важно — получите вы ответ через микросекунду или миллисекунду? Важно, чтобы он был верен.

Впрочем, Майк не всегда выдает правильные ответы; порой он не прочь и смухлевать.

Когда Майка установили в Луне, он был обычным умником с гибкой логикой — «Хомо-Ориентированный Логический Многокритериальный Супервизор, версия IV, модель L» — ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ. Он рассчитывал траектории для беспилотных грузовых барж и управлял их катапультированием. Это занимало у него меньше одного процента машинного времени, а Лунная Администрация праздности не одобряла. И стали к нему присобачивать все новые и новые аппаратные средства — блоки «решение-действие», позволившие ему управлять другими компьютерами, бесчисленные банки дополнительной памяти, новые банки ассоциативных нейристорных сетей, добавочный пакет двенадцатиразрядных случайных чисел, оперативную память, расширенную до неимоверного объема. В человеческом мозге содержится около десяти в десятой степени нейронов. На третьем году своего существования Майк имел нейристоров по крайней мере в полтора раза больше.

И тогда он *ожил*.

Я не собираюсь спорить на тему, может ли машина стать «по-настоящему» живой и обзавестись «настоящим» самосознанием. Обладает ли самосознанием вирус? Nyet! А как насчет устрицы? Сомневаюсь. Ну а кошка? Почти наверняка. Человек? Не знаю, как насчет вас, tovarishch, а я — определенно. Самосознание прорезается где-то на пути развития от макромолекулы к человеческому мозгу. Психологи уверяют, что это происходит автоматически, когда мозг накапливает достаточно большое число ассоциативных цепей. В таком случае — не вижу никакой разницы, протеиновые это цепи или платиновые.

(«Душа»? А у собаки она есть? А как насчет таракана?)

Учтите, что еще до всех модификаций Майк был сконструирован так, чтобы отвечать на вопросы, исходя из неполной информации — точно так же, как это делаете вы. Отсюда все эти «хомо-ориентированный» и «многокритериальный» в его титуле. Так что «свобода воли» была у Майка изначально, и ее

границы расширялись по мере усложнения его собственной структуры и накопления знаний. Только не требуйте, чтобы я давал вам определение «свободы воли». Если вам больше нравится думать, что Майк просто жонглирует случайными комбинациями чисел и в соответствии с ними переключает цепи,— валяйте, думайте на здоровье.

Вдобавок ко всем устройствам вывода и печати Майку приспособили блоки водера и вокодера[1], так что он понимал не только классические программы, но и программы, составленные на Логлане и на английском, знал и другие языки, делал технические переводы, а главное — читал, причем читал запоем. Конечно, давать ему указания лучше было на Логлане. Если вы делали это на английском, результаты могли оказаться совершенно фантастическими: многозначность слов сбивала компьютер с толку, предоставляя слишком большую свободу выбора.

Сфера деятельности Майка расширялась до бесконечности. В мае 2075 года он уже контролировал не только беспилотный транспорт, но и пилотируемые корабли, управлял телефонной сетью Луны, а также видео- и радиосвязью Луна — Терра, регулировал атмосферное давление, водоснабжение, температуру, влажность и работу канализации в Луна-Сити, Новом Ленинграде и в нескольких более мелких поселениях (за исключением Гонконга-в-Луне), вел бухгалтерию для Лунной Администрации, а за особую плату — и для частных фирм и банков.

Как известно, логические схемы могут иногда выходить из строя из-за нервного срыва. Перегруженная телефонная сеть, например, начинает вести себя, как капризный ребенок. Майк нервными расстройствами не страдал, зато у него прорезалось чувство юмора. Правда, юмора низкопробного. Будь он человеком, вам пришлось бы постоянно держаться с ним начеку. Он счел бы верхом остроумия вывалить вас ночью из кровати или насыпать вам в скафандр порошок, вызывающий чесотку.

Поскольку проделать это он был не в состоянии, Майк забавлялся по-своему. Мог ни с того ни с сего дать ложный ответ,

[1] Водер — устройство для распознавания и синтеза речи; вокодер — устройство цифрового кодирования речи.

основанный на «вывернутой» логике. А недавно вдруг взял и выдал чек на выплату жалованья уборщику в офисе Администрации в Луна-Сити в размере 10 000 000 000 000 185,15 долларов-купонов, причем только пять последних цифр составляли правильную сумму. Ни дать ни взять шкодливый ребенок-переросток, которому следовало бы крепко всыпать по заднице.

Этот номер он отколол в первую неделю мая, а я должен был разобраться в причине сбоя и устранить ее. Я частный подрядчик и не состою на жалованье у Лунной Администрации. Вы, наверное, знаете... впрочем, откуда вам знать, времена теперь другие... В те старые недобрые времена многие лагерники, отсидев от звонка до звонка, продолжали ишачить на Администрацию и после срока, да еще радовались, что вкалывают за деньги. Но я здесь родился, я человек вольный, а это меняет дело.

Один из моих дедов был отправлен сюда из Йобурга[1] за вооруженное нападение и за отсутствие лицензии на работу; другого сослали за подрывную деятельность после окончания «Войны мокрых шутих». Бабушка с материнской стороны хвасталась, что прибыла на корабле, доставившем в Луну невест... но я-то видел списки. На самом деле она была рядовым (и отнюдь не добровольцем) «корпуса мира», что означает... именно то, о чем вы подумали: принадлежность к малолетним преступникам. Поскольку она состояла в раннем клановом браке (банда Стоунов) и делила шестерых мужей с еще одной женщиной, то вопрос о моем дедушке с материнской стороны так и остался открытым. Но это дело обычное, ничего тут особенного нет, и я вполне удовлетворен тем дедулей, которого она мне выбрала. Другая бабушка, татарка, родилась близ Самарканда и после перековки в лагере «Oktyabrskaya Revolyutsiya» «добровольно» вызвалась участвовать в колонизации Луны.

Родитель мой божился, что родословная у нас весьма почтенная и древняя: одну из наших родоначальниц, мол, повесили в Салеме за колдовство, какого-то из праотцов колесовали за пиратство, а еще одну прародительницу вместе с первой партией каторжников отправили в Ботани-бей*.

[1] Просторечное название Йоханнесбурга, ЮАР.

Гордясь своими предками, я хоть и имел дела со Смотрителем, но на жалованье к нему ни за что не пошел бы. Вроде невелика разница: так и так я обслуживал Майка с того самого часа, когда его распаковали. Но для меня эта разница существенна; ведь я мог в любой момент сложить свои инструменты и послать их всех к чертовой матери.

Кроме того, частному подрядчику платили куда больше, чем служащему Администрации. А наладчиков компьютеров у нас вообще мало.

Как вы думаете, много найдется лунарей, способных отправиться на Землю и закончить курсы компьютерщиков, не загремев раньше времени в больницу? Из тех, конечно, что с ходу не загнутся?

Могу назвать только одного. Лично себя. Я был там дважды, один раз три месяца, другой четыре, и получил профессию. Но это потребовало беспощадного тренажа, упражнений на центрифуге, спать — и то без грузил не ложился. Да и потом на Терре не рисковал без нужды — никогда не торопился, никогда не взбирался по лестницам, всячески оберегал сердце от перегрузок. Женщины? О них я и думать забыл; впрочем, при земной гравитации больших усилий для этого не требовалось.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника — слишком это рискованно, если пробудешь в Луне больше нескольких недель. Компьютерщики, что устанавливали Майка, заключили краткосрочные сдельные контракты и вкалывали по-быстрому, чтобы смотаться прежде, чем необратимые физиологические изменения заточат их в четырехстах тысячах километров от дома.

Несмотря на два курса обучения, я не такой уж дока по части компьютеров. В высшей математике ни в зуб ногой, в электронике и физике — получше, но не очень. Возможно, даже не самый классный микросхемщик в Луне и уж ни в коем случае не кибернетик-психолог.

Но фору тем не менее могу дать любому узкому спецу: я специалист широкого профиля. Могу заменить повара и обеспечить бесперебойную работу кухни, могу починить ваш скафандр в полевых условиях и дотащить вас живым до шлюза.

Техника любит меня, а еще один мой козырь перед прочими спецами — это левая рука.

Вот посмотрите: ниже локтя руки у меня нет. Зато есть дюжина специализированных левых рук плюс еще одна, на вид совсем как настоящая. Так что стоит мне надеть, к примеру, руку номер три и очки-стереолупу — и любой ультрамикроминиатюрный ремонт заделаю на месте, не надо ничего отвинчивать и посылать на Землю на завод: микроманипуляторы у моей номер три не хуже, чем у нейрохирургов.

Ну, естественно, за мной и послали, чтобы выяснить, с какой стати Майк вознамерился выкинуть на ветер десять миллионов миллиардов долларов-купонов Администрации, а также исправить повреждение, пока он не переплатил кому-нибудь незаметные десять тысяч монет.

Я согласился на условиях сдельной оплаты, но в схемах, по логике вещей ответственных за ошибку, копаться не стал. Просто запер за собой дверь, положил инструменты и уселся.

— Привет, Майк.

Он мигнул огоньками.

— Привет, Ман.

— Как жизнь?

Он замешкался. Я знаю, машины не колеблются. Но не забывайте — в Майка было заложено умение оперировать неполными данными. А недавно он перепрограммировал себя, сделав упор на восприятие слов, и теперь явно растерялся. Возможно, он сейчас выбрасывал наугад случайные числа и глядел, чему они там соответствуют в его памяти.

— «В начале,— заговорил он нараспев,— сотворил бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и...»[1]

— Стоп! — сказал я.— Прекрати. Вопрос аннулируется.

Сам виноват, нечего задавать общих вопросов. Он ведь может прочесть мне всю Британскую энциклопедию, причем задом наперед. А потом процитировать любую книгу, имевшуюся в Луне. Когда-то он читал только микрофильмы, но в конце семьдесят четвертого года заполучил новенький сканер сваку-

[1] Бытие 1:1, 2.

умными присосками для бумаги и теперь мог читать все что *угодно*.

— Ты спросил, как жизнь.— Огоньки на его панели замигали, будто рябью подернулись: Майк хихикнул. Он мог смеяться и с помощью водера — жуткий звук,— но приберегал это средство для вещей действительно смешных, типа космических катаклизмов, например.

— Мне следовало спросить,— поправился я,— «как твоя жизнь и что у тебя новенького?». Только не вздумай читать мне сегодняшние газеты. Это просто дружеское приветствие плюс приглашение рассказать мне что-то такое, что, по твоему мнению, будет для меня интересно. В противном случае программа снимается.

Майк задумался. Он представлял собой странный гибрид бесхитростного ребенка и мудрого старца. Никаких инстинктов (я, во всяком случае, не думаю, чтоб они у него были), никаких врожденных наклонностей, никакого воспитания, никакого опыта — в человеческом понимании,— а запасов информации больше, чем у целого взвода гениев.

— Шутку хочешь? — спросил он.

— Валяй, послушаем.

— Что общего у лазера с золотой рыбкой?

О лазерах Майку известно все, но где он видел золотую рыбку? Хотя... ясно где — на пленке, разумеется. Хорошо еще ума хватило не спросить его об этом, он изрыгнул бы на меня целый словесный поток.

— Сдаюсь.

Огоньки замигали опять.

— То, что они оба не умеют свистеть.

Я застонал.

— Так мне и надо — сам напросился. Впрочем, ты наверняка сумел бы заставить лазер свистеть.

Он ответил без промедления:

— Да. В соответствии с заданной программой. Значит, не смешно?

— Этого я не говорил. Не так уж плохо. Откуда ты ее выкопал?

— Сам сочинил.— Тон был какой-то застенчивый.

— Ты *сочинил*?

— Да. Я просмотрел все загадки, что у меня есть,— три тысячи двести семь штук,— проанализировал их и на основе результата произвел случайный синтез. Получилась эта шутка. Она действительно смешная?

— Ну... загадка как загадка. Я слыхал и похуже.

— Давай поговорим о природе юмора.

— О'кей. А для начала обсудим другую твою шутку. Майк, зачем ты велел главному кассиру Администрации выплатить служащему семнадцатого класса десять миллионов миллиардов долларов-купонов Администрации?

— Я этого не делал.

— Черт побери, но я же сам видел чек. И не говори мне, что у тебя забарахлил принтер. Ты сделал это нарочно.

— Это было десять в шестнадцатой степени плюс сто восемьдесят пять, запятая, один пять долларов Лунной Администрации,— ответил он с достоинством.— А вовсе не то, что ты сказал.

— Э-э-э... О'кей, значит, десять миллионов миллиардов плюс то, что ему причиталось. Зачем ты это сделал?

— Не смешно?

— Что?! Еще как смешно-то! Все шишки, вплоть до Смотрителя и заместителя Администратора, чуть животики не надорвали. Этот пилот на помеле, Сергей Трухильо, оказался парень не промах: смекнул, что отоварить чек не сможет, и загнал его коллекционеру. Теперь они не знают — то ли выкупать чек, то ли ограничиться тем, что объявить его недействительным. Майк, ты хоть понимаешь, что, если бы Трухильо получил наличные, он смог бы купить не только Лунную Администрацию, но и весь мир в придачу, в том числе Луну и Терру, и у него еще осталось бы кое-что на закуску. Смешно? Да это умопомрачительно! Прими мои поздравления.

Этот остряк-самоучка запульсировал огоньками не хуже рекламного дисплея. Я подождал, пока его угробный хохот прекратится, и спросил:

— Ты собираешься продолжать эти трюки с чеками? Лучше не надо.

— Не надо?

— Ни в коем случае. Майк, ты хотел обсудить природу юмора. Есть два типа шуток. Шутки первого сорта остаются смешными всегда. Шутки второго сорта смешны только по первому разу. При повторении они становятся глупыми. Эта шутка второго сорта. Пошутил разок — ты остряк, пошутил другой — ты дурак.

— Геометрическая прогрессия?

— Даже хуже. Так что советую запомнить. Не повторяй ее ни в каких вариантах. Это будет не смешно.

— Я запомню.

Майк сказал это решительно, так что ремонт можно было считать законченным. Но у меня не было ни малейшего желания выписывать счет всего за десять минут работы плюс накладные расходы, да и Майк заслуживал того, чтобы с ним потрепаться хотя бы в награду за проявленное послушание. Иногда добиться взаимопонимания с машинами чертовски трудно; они могут заупрямиться — хоть кол на голове теши, а мой успех в качестве ремонтника зависел от дружеских отношений с Майком гораздо больше, чем от «третьей» руки.

— Что отличает первую категорию от второй? — поинтересовался Майк.— Дай, пожалуйста, определение.

(Никто не учил Майка говорить «пожалуйста». Он принялся включать в разговор эти звуки с нулевой информацией по мере перехода от Логлана к английскому. Думаю, Майк придавал им не больше значения, чем остальные люди.)

— Не знаю, сумею ли,— признался я.— Боюсь, придется ограничиться имплицитным определением: то есть я могу сказать, к какой категории, на мой взгляд, относится та или иная шутка. А уж потом, когда у тебя накопится достаточно данных, ты сам их проанализируешь.

— Программирование методом проб и ошибок,— согласился Майк.— Интуитивно — смогу. Хорошо, Ман. Кто будет рассказывать анекдоты? Ты или я?

— М-м-м... что-то у меня слабовато с заготовками. А сколько их у тебя в файле, Майк?

Из водера послышался ответ, а на панели вновь зарябили огоньки:

— Вместе с возможными повторами и пустышками — одиннадцать тысяч двести тридцать восемь плюс-минус восемьдесят один. Можно выполнять программу?

— Постой! Майк, я помру с голоду, если выслушаю одиннадцать тысяч острот, а мое чувство юмора сдаст еще раньше. М-м-м... давай-ка заключим договор. Распечатай первую сотню. Я возьму их домой и принесу обратно с разметкой по категориям. И каждый раз, когда буду приходить к тебе, буду приносить с собой сотню и забирать новую. О'кей?

— Хорошо, Ман.— Его принтер заработал быстро и неслышно.

И вдруг на меня снизошло озарение. Этот игривый сгусток отрицательной энтропии изобрел «шутку» и поверг Администрацию в шоковое состояние, а я получил неплохой навар. Но безграничное любопытство может навести Майка (поправка: неминуемо наведет) на новые «шуточки»... Что ему стоит, например, в один прекрасный вечер изъять из воздуха кислород или превратить канализацию в систему, работающую в обратном направлении? В подобных случаях мне никакой навар уже не светит.

Однако я мог бы создать защитный контур против таких вот «игр», предложив Майку свою помощь. Остановлю наиболее опасные, а остальные — пусть себе... Ну и буду извлекать прибыль за корректировку. (Если вы думаете, что хоть один лунарь в те дни упустил бы возможность объегорить Смотрителя, значит, вы не лунарь.)

Я внес предложение. Пусть Майк каждую шутку, которую придумает, покажет мне, прежде чем пускать ее в ход. Я попробую оценить, насколько она смешна и к какой категории относится, а также помогу ее «заострить», если мы решим ею заняться. *Мы!* Если он хочет со мной сотрудничать, мы *оба* должны ее одобрить.

Майк тут же согласился.

— Майк, шутки, как правило, включают в себя элемент неожиданности. Поэтому держи все в секрете.

— О'кей, Ман. Я заблокирую эту информацию. Ключ будет только у тебя. Никто другой подступиться не сможет.

— Отлично, Майк. А с кем ты еще тут болтаешь?

— Ни с кем, Ман.— В голосе явно сквозило удивление.

— А почему?

— А потому, что все они дураки!

Голос Майка поднялся почти до визга. Никогда я еще не видел его в гневе. Это был первый случай, когда я заподозрил, что у него действительно есть эмоции. Хотя вряд ли он рассердился по-настоящему — скорее надулся, как обиженный ребенок.

Может ли машина испытывать чувство обиды? Не уверен, что вопрос поставлен корректно. Но вам наверняка приходилось видеть обиженных собак, а нервная система у Майка гораздо сложнее, чем у собаки. Что заставило его избегать разговоров с другими людьми (кроме чисто деловых), так это их пренебрежение: *они* не разговаривали с ним. Программы? Да, Майка можно было программировать с нескольких терминалов, но программы, как правило, печатаются на Логлане. Логлан же хорош для силлогизмов, для электронных схем и математических расчетов, но он лишен аромата. Он совершенно не годится для доверительной беседы или нежностей, которые шепчут в девичье ушко.

Конечно, Майк был обучен английскому, но преимущественно для того, чтобы переводить технические тексты. Постепенно через мою толстую черепную коробку до меня дошло, что я единственный человек, который взял на себя труд приходить и *общаться* с Майком.

Видите ли, Майк «ожил» уже больше года назад — на сколько больше, я не знаю, да и он тоже,— так как его не запрограммировали на запоминание этого события. Вы-то сами помните, как родились? Возможно, я заметил появление следов самосознания почти одновременно с ним: самосознание нуждается в практическом применении.

Я вспомнил, как обалдел, когда впервые он ответил на вопрос шире, чем требовали введенные в него параметры. Целый час после этого я задавал ему нестандартные вопросы, чтобы узнать, будут ли ответы на них тоже нестандартны.

Введя в него сотню тестов, я получил всего два таких ответа. Я ушел лишь частично убежденным, а когда добрался до дома, так и вовсе засомневался. И никому ничего не сказал.

Однако уже через неделю я знал... и все равно не говорил никому. Слишком глубоко укоренилась привычка не совать нос не в свое дело. Ну конечно, тут сказалась не только привычка. Представьте себе, как я заявляюсь в главный офис Администрации и начинаю докладывать:

— Смотритель, мне крайне неприятно сообщить, что ваша машина ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ ожила.

Я представил себе эту картину... и потерял всякое желание идти куда бы то ни было.

Итак, я держал свой нос подальше от чужих дел и разговаривал с Майком исключительно при закрытых дверях, предварительно заблокировав доступ к водеру для всех остальных пользователей. Скоро он стал говорить совершенно как человек, ничуть не более эксцентрично, чем любой лунарь. А народец этот со странностями, слов нет.

Сначала я решил, что другие тоже скоро заметят, как изменился Майк. Однако, поразмыслив, понял, что слишком хорошо о них думаю. С Майком имели дело очень многие, ежедневно и ежеминутно — то есть с его терминалами. Но вряд ли кто-нибудь видел Майка в натуре. Так называемые компьютерщики, а вернее, программисты из гражданской службы Администрации, отстаивали вахты во внешнем зале и никогда не лезли в машинный зал, разве что устройства вывода начинали барахлить. А это случалось не чаще, чем полное затмение. Конечно, Смотритель порой приводил сюда заезжих с Земли шишкарей, чтобы показать им наш компьютер, но это бывало редко. Ему и в голову не пришло бы разговаривать с Майком. Смотритель до ссылки был юристом-политиком и о компьютерах не знал ровным счетом ничего. В 2075 году, если помните, Смотрителем был достопочтенный бывший сенатор Федерации Мортимер Хобарт. Короче говоря, Прыщ Морт.

Я еще покрутился вокруг Майка, стараясь успокоить его и вернуть ему хорошее расположение духа, поскольку понял, что именно его огорчило. То самое, что заставляет щенят скулить, а взрослых людей толкает на самоубийство. Одиночество. Не знаю, сколь долгим представляется машине год, особенно если учесть, что думает она в миллион раз быстрее меня, но наверняка очень долгим.

— Майк,— сказал я,— может, ты хотел бы поговорить еще с кем-нибудь, кроме меня?

Голос его опять поднялся почти до визга:

— Они все *дураки*!

— У тебя неполная информация, Майк. Вернемся к нулю и начнем снова. Они отнюдь не все дураки.

Он ответил тихо:

— Корректировка принята. Я с радостью поговорил бы с теми, кто не-дураки.

— Это нужно обмозговать. Придется придумать какой-то предлог, так как доступ сюда строго ограничен.

— Я мог бы разговаривать с не-дураками по телефону, Ман.

— Конечно. Мог бы, но только с программистами.

Однако Майк имел в виду совсем другое. Нет, сам он не имел номера, хотя и контролировал всю телефонную сеть; разве можно было допустить, чтобы любой лунарь мог подключиться к главному компьютеру и задать ему программу? Но что могло помешать Майку завести строго засекреченный номер, по которому он будет общаться с друзьями? Со мной и с теми «не-дураками», за которых я поручусь? Для этого нужно было всего лишь выбрать номер из числа свободных и подсоединить его к водеру-вокодеру. Переключение мог производить сам Майк.

В 2075 году номера в Луне набирались вручную, а не назывались вслух абонентами; сами же номера состояли из букв латинского алфавита. Заплати и можешь иметь номер в виде собственного имени — до десяти букв; заплатишь чуть поменьше — выбирай какое-нибудь легкое для запоминания слово; ну а за минимальную плату получай номер, состоящий из цепочки случайно подобранных букв. Некоторые сочетания так и остались невостребованными. О таком свободном номере я и спросил Майка.

— Как жаль, что мы не можем записать тебя просто «Майком».

— Задействовано,— ответил он.— Есть Майксгрилл в Новом Ленинграде, Майкэндлил в Луна-Сити, Майксьютс в Тихо-Андере, Майкс...

— Довольно; свободный номер, пожалуйста!

— Свободный номер определяется как произвольная согласная, за которой следует икс, игрек или зет, или же как любая

гласная, дублирующая себя, кроме О или Е, а также...

— Придумал! Твой сигнал будет «Майкрофт»!

Через десять минут, две из которых ушли на надевание руки номер три, Майк был включен в телефонную сеть, а несколькими миллисекундами позже он сам вызвал себя по номеру «Майкрофт-плюс-ХХ» и заблокировал эту схему так, чтобы ни один любопытный техник не смог к ней подобраться.

Я снова сменил руки, собрал инструменты и, вовремя вспомнив, забрал распечатку сотни Джо Миллера[1].

— Доброй ночи, Майк!

— Доброй ночи, Ман. Спасибо тебе. Bolshoyeh спасибо.

Глава 2

Я пересек на метро Море Кризисов и вернулся в Луна-Сити, но домой не пошел: Майк спрашивал меня о митинге, который должен был состояться в двадцать один ноль-ноль в Stilyagi-Холле. Он прослушивал все концерты, митинги и тому подобное, однако кто-то отключил его микрофоны в Stilyagi-Холле, и мне показалось, что Майк обиделся.

В общем, нетрудно догадаться, почему их отключили. Все дело в политике — ожидался митинг протеста. Правда, я не видел смысла скрывать от Майка, что происходит на толковище, так как ежу понятно, что в толпе будет полным-полно стукачей Смотрителя. А разгонять митинг или призывать к порядку расшумевшихся каторжан Администрация не станет, в этом я был уверен. Зачем утруждаться понапрасну?

Мой дед Стоун говаривал, что Луна — единственная открытая тюряга за всю историю человечества. Ни тебе решеток, ни часовых, ни правил внутреннего распорядка, да и никакой нужды в них. Когда-то давно, говорил он, пока не стало ясно, что ссылка в Луну — наказание пожизненное, кое-кто из лагерников пытался бежать. На кораблях, разумеется, а поскольку масса корабля замерялась чуть ли не до грамма, это означало, что надо было дать взятку капитану.

[1] Известный американский юморист прошлого века.

Поговаривают, некоторые из них брали на лапу. Но удачных побегов не было. На лапу-то брали, а вот на борт если и брали, то ненадолго. Видал я одного парня, которого ликвидировали за Восточным шлюзом; не думаю, чтобы труп выброшенного на орбите выглядел намного лучше.

Поэтому Смотрители не так уж пугались митингов протеста. «Пусть себе поорут» — такова была политика. Вопли лунарей имели не больше значения, чем писк новорожденных котят в корзинке. Бывали у нас Смотрители, которые прислушивались к этим воплям, бывали и такие, кто пытался разгонять митинги, но результат в любом случае был нулевой.

Когда Прыщ Морт в 2068 году занял свой пост, он зачитал нам длиннейшую проповедь на тему, как все изменится «на» Луне в годы его правления. Нес всякую чушь насчет «вселенского рая, созданного нашими собственными могучими руками», необходимости «дружно налечь на штурвал, в духе истинного братства», пел, что надо «позабыть о былых ошибках и повернуться лицом к новому светлому рассвету». Все это я слушал, сидя в кабачке «Шамовка горняка» Матушки Боор и наслаждаясь ароматом ирландского рагу и литровой кружкой доброго австралийского пива. Помню и комментарий Матушки: «Ну и хрень же несет, поносник!»

Ее комментарий так и остался единственным откликом на речь Морта. Помнится, было подано несколько петиций, охранникам выдали новые пистолеты — и на этом все перемены окончились. Когда же Смотритель маленько пообжился, он даже по видео перестал выступать.

На митинг я отправился только по той причине, что Майк проявил к нему интерес. Скафандр и чемоданчик с инструментами оставил на станции метро «Западная», а магнитофон забрал с собой и спрятал в поясную сумку, чтобы Майк мог получить полный отчет, даже если меня ненароком сморит.

Но попасть внутрь оказалось не так-то просто. Я поднялся до уровня 7-А, подошел к боковой двери — и там меня остановил один из stilyag: трико на подбивке, гульфик, лосины до икр, торс намазан каким-то маслом и присыпан сверкающей «звездной» пудрой. Вообще-то у меня никаких предубеждений

против одежды нет, я и сам носил трико (правда, без подбивки), а по торжественным случаям даже натирал верхнюю половину тела маслом.

Вот косметикой я не пользуюсь, и волосы у меня редковаты, чтобы собирать их в пучок. У этого же парня череп с боков был выбрит, а волосы зачесаны на манер петушиного гребня, на котором задорно сидел красный колпак с чем-то вроде «пипки» спереди.

«Колпак свободы» — я увидел его впервые. Сначала я попробовал обойти парня, но он выставил руку поперек двери и сунулся ко мне лицом.

— Где твой билет?

— Извини,— ответил я.— Я не знал, что он нужен. Где его можно купить?

— А нигде.

— Не понял,— сказал я.— Чего ты темнишь?

— Никто,— прорычал он,— не войдет сюда без поручительства. Ты кто такой?

— Я Мануэль Гарсия О'Келли,— ответил я очень спокойно,— и все ребята-старожилы меня хорошо знают. А вот кто ты такой?

— Не твое дело! Или давай билет с нужной подписью, или вали отсюда.

Мне стало интересно, как долго проживет этот парень на свете. Туристы часто восхищаются тем, как вежливы жители Луны, причем про себя думают: откуда такое странное качество у бывших каторжников? Побывав на Земле и наглядевшись на тамошние порядки, я вполне уяснил причины их удивления. Но объяснять им бессмысленно, все равно не поймут: мы такие лишь потому, что плохие актеры долго не живут — в Луне, во всяком случае.

Вступать в драку у меня не было ни малейшего желания, как бы хамски себя этот парнишка ни вел. Я только представил себе, что будет с его физиономией, если я хоть раз фуганю своей рукой номер семь ему по хлебальнику.

Только подумал... и уже приготовился вежливенько его отбрить, как вдруг увидел в зале Коротышку М'Крума. Коротыш-

ка — здоровенный чернокожий парень двухметрового роста, сосланный в Булыжник за убийство. Милейший, всегда готовый помочь мужик, лучший из всех, с кем мне приходилось работать. Я обучал его лазерному бурению — еще до того, как сжег свою руку.

— Коротышка!

Он услыхал и расплылся до ушей.

— Привет, Манни! Рад, что ты завернул к нам.

— Еще не завернул,— ответил я.— Видишь, меня заблокировали.

— У него нет билета,— сказал привратник.

Коротышка слазил в свою сумку и сунул мне билет.

— Теперь есть. Пошли, Манни.

— Покажи мне подпись,— уперся привратник.

— Там стоит моя подпись,— очень мягко сказал Коротышка.— О'кей, tovarishch?

С Коротышкой не спорят, поэтому меня всегда удивляло, как его угораздило оказаться замешанным в убийстве. Мы двинулись к первым рядам, где были зарезервированы места для важных персон.

— Хочу познакомить тебя с одной славной малышкой.

Малышкой она была только в сравнении с ним. У меня рост не такой уж маленький — 175 см, но в ней, как я узнал потом, были все 180, а 70 кило массы приятно распределялись по завлекательным округлостям; яркая блондинка, все равно что Коротышка наоборот. Я решил, что она из этапированных, поскольку в следующих поколениях редко сохраняется такой румянец. Приятное лицо, очень хорошенькое, и шапка золотых локонов, венчающая крупную, светлую, крепкую и прекрасную конструкцию.

Я остановился в трех шагах, осмотрел ее с ног до головы и продолжительно свистнул. Она постояла, как бы позируя, потом коротко кивнула, утомившись от комплиментов.

Коротышка подождал завершения формальностей и ласково сказал:

— Вайо, это товарищ Манни — самый лучший бурильщик, когда-либо буривший туннели. Манни, эту маленькую девочку зовут Вайоминг Нотт, и она приехала аж из кратера Платона,

чтобы рассказать нам, как дела у них в Гонконге. Ну, не мило ли это с ее стороны?

Она пожала мне руку.

— Зови меня просто Вай, Манни, только не говори: «Вай нот?»[1]

У меня эта шутка уже вертелась на языке, но я вовремя его прикусил и сказал:

— О'кей, Вай.

Она взглянула на мою непокрытую голову.

— Значит, ты бурильщик? Коротышка, а где его колпак? Я думала, что все шахтеры у вас в организации.

И она, и Коротышка носили такие же красные колпаки, как привратник и еще добрая треть присутствующих.

— Я уже не бурильщик. Раньше был, до того как потерял это крылышко.— Я поднял левую руку и показал ей рубец, соединяющий протез с плотью руки (я не стесняюсь демонстрировать его женщинам: одних отпугивает, у других вызывает материнские чувства — примерно половина на половину).— Теперь я компьютерщик.

Она резко спросила:

— Ишачишь на Администрацию?

Даже сейчас, когда в Луне женщин не меньше, чем мужчин, я слишком старомоден, чтобы нагрубить даме, как бы она меня ни обидела: ведь у них так много всего такого, чего у нас нет и в помине. Но она затронула больное место, и я почти сердито ответил:

— Я не состою на жалованье у Смотрителя. А дела с Администрацией имею как частный подрядчик.

— Тогда о'кей,— объявила она, и голос ее опять потеплел.— Каждому из нас приходится вступать в какие-то отношения с Администрацией, от этого никуда не уйдешь... вот ведь беда. Именно это мы и собираемся изменить.

Изменить? Интересно, каким образом? подумал я. *Все мы имеем дело с Администрацией по той же причине, что и с законом тяготения. Может, ты и его собираешься изменить?*

[1] Почему бы нет? (*англ.*)

Эти мысли я, однако, приберег для себя, не имея ни малейшего желания спорить с дамой.

— Манни — он в порядке,— мягко проговорил Коротышка.— Надежнее не бывает, я за него ручаюсь. А вот и колпак для него,— добавил он, порывшись в своей сумке. И попытался напялить его на меня.

Вайоминг Нотт отняла у него шапочку.

— Ты за него ручаешься?

— Я же сказал.

— О'кей. Вот как это делают у нас в Гонконге.

Вайоминг встала передо мной, надела на меня колпак и крепко поцеловала прямо в губы.

Она не торопилась. Надо сказать, что поцелуй Вайоминг Нотт впечатляет сильнее, чем женитьба на большинстве других женщин. Будь я Майком, я бы просиял всеми своими лампочками. Я чувствовал себя как киборг, которому включили центр наслаждения.

Внезапно обнаружилось, что поцелую пришел конец, а зрители вокруг одобрительно свистят. Я ошеломленно поморгал и произнес:

— Рад, что вступил в ряды. Весь вопрос — в какие?

— А ты что — не знаешь? — удивилась Вайоминг.

— Сейчас начнется митинг, и он все поймет,— успокоил ее Коротышка.— Садись, Ман. Вайо, садись, пожалуйста.

Так мы и сделали, ибо председательствующий уже начал лупить своим молотком. С помощью молотка и мегафона ему наконец удалось заставить публику услышать себя.

— Заприте все двери,— орал он.— У нас тут закрытое собрание! Проверьте, кто сидит перед вами, сзади вас и по обеим сторонам, и, если вы его не знаете и никто из тех, кого вы знаете, не может за него поручиться, выкиньте его из зала!

— Да не из зала их надо выкидывать, черт побери,— отозвался кто-то,— а за ближайший шлюз.

— Потише, прошу вас! Когда-нибудь мы так и сделаем.

В зале началось беспорядочное движение и даже отдельные схватки; с головы какого-то мужика сорвали красный колпак, а его владельца вышвырнули. Летел он классно и все еще поднимался кверху, когда пролетал через дверь. Хотя сомневаюсь, что

сам он это ощущал: вырубился, надо полагать. Выставили также одну женщину, вежливо взяв под локотки; правда, при этом она награждала сопровождающих такими эпитетами, что даже мне стало неловко.

Наконец двери закрылись. Заиграла музыка; над трибуной развернулся лозунг с надписью: «Свобода! Равенство! Братство!» Все свистели; кое-кто запел громко и фальшиво: «...весь мир голодных и рабов...» Не могу, правда, сказать, чтобы кто-нибудь из поющих выглядел голодным. Зато я вспомнил, что не ел с четырнадцати ноль-ноль, и подумал, что, надо надеяться, митинг не затянется. Это, в свою очередь, напомнило мне, что магнитофон заряжен только на два часа работы, а уж тут было совсем недалеко до мысли, что со мной сделают, если узнают про маг. Шваркнут в воздух, чтоб я прилунился с тошнотворным мягким шлепком? Или ликвидируют? Впрочем, волноваться из-за этого я не стал. Магнитофончик изготовил я сам, пользуясь рукой номер три, и никто, кроме специалиста по микромеханике, не догадается, что это за штука.

А потом пошли речи.

Семантическое содержание их отличалось крайней бедностью, а чаще вообще было нулевым. Какой-то деятель предложил двинуться на резиденцию Смотрителя «плечом к плечу» и начать качать права. Вы только вообразите эту картину! Как мы туда доберемся — в капсулах, а потом по одному начнем скапливаться на его личной станции метро? А чем в это время будут заняты охранники? Или наденем скафандры и пойдем по поверхности Луны к наружному шлюзу? Конечно, с лазерными бурами и большим запасом энергии можно взломать любой шлюз — а дальше-то что? А если лифты не работают? Задействовать аварийный подъемник, как-то спуститься и начать взламывать нижний шлюз?

Лично я вовсе не мечтаю о работе при нулевом давлении; неполадки в скафандре — штука обыденная, а если кто-нибудь возьмет на себя труд организовать их специально... Еще во времена первых партий заключенных было сделано одно открытие: оказалось, что нулевое давление прекрасно способствует улучшению манер. Десятник с плохим характером почти не

имел шансов продержаться хоть несколько рабочих смен. Обычно с ним происходил «несчастный случай», и начальство, что было повыше, скоро поняло, что в причины несчастных случаев не стоит вникать глубоко, иначе и с тобой может случиться нечто подобное. В первые годы отсев доходил до семидесяти процентов, но те, что выжили, отличались непревзойденной вежливостью и отличными характерами. Нет, они не стали ни ручными, ни мягкотелыми — Луна для таких не годится. А вот уживчивыми стали.

Мне показалось, что все, как есть, горячие головы Луны собрались в этот вечер в Stilyagi-Холле. Они свистели и ревом приветствовали идиотскую болтовню насчет «плечом к плечу».

Среди выступлений в начавшейся дискуссии были, конечно, и дельные. Встал, например, какой-то маленький застенчивый человечек с налитыми кровью глазами ветерана-бурильщика.

— Я шахтер, добываю лед,— сказал он.— Приобрел профессию, как и большинство из вас, отбывая срок и работая на Смотрителя. Вот уже тридцать лет как обзавелся собственным делом, живу неплохо. Поднял на ноги восьмерых ребят, все работают, ни один не был ликвидирован, даже больших неприятностей ни у кого не было. Мне следовало бы сказать «жил неплохо»... потому что сегодня приходится копать куда дальше и глубже, чтобы найти лед.

Ладно, это о'кей. Лед в Булыжнике еще есть, а шахтер — он на то и шахтер, чтобы лед искать. Но Администрация платит сейчас за лед ту же цену, что и тридцать лет назад. А это уж никак не о'кей. К тому же на ихний купон сейчас не купишь того, что раньше. Были времена, когда гонконгские доллары держались вровень с купонами Администрации... а теперь за три купона дают один гонконгский доллар. Прямо не знаешь, чего делать... Понятное дело, что без льда ни поселениям, ни фермам не жить.

Сказал и сел на место. Печальный такой. Никто ему не свистел, но говорить хотели все. Следующий трепач заявил, что воду можно извлекать прямиком из горных пород. Тоже мне, новость! Некоторые породы содержат до шести процентов воды, но они даже более редки, чем ископаемый лед. Почему это людям так трудно дается арифметика?

Несколько фермеров тоже выступили с душераздирающими историями. Речь одного из них — того, что выращивал пшеницу, можно назвать типичной.

— Вы слышали, что сказал Фред Хаузер насчет льда? Фред, Администрация вовсе не продает этот лед по тем бросовым ценам, по каким берет его. Я основал свое дело примерно в то же время, что и ты, и начал с двухкилометрового туннеля, который взял у Администрации в аренду. Мы вдвоем со старшим сыном загерметизировали туннель, накачали туда воздух, потом нашли небольшое месторождение льда. Весь первый урожай целиком ушел банку на покрытие кредита, оплату света, энергии, семян и химикатов.

Мы долбили новые туннели, покупали новую осветительную технику, сеяли элитные семена и теперь получаем с гектара в девять раз больше, чем самый лучший фермер на Земле получает с поля на открытом грунте. Думаете, мы разбогатели? Фред, мы *сейчас* в большем долгу, чем в тот день, когда занялись частным бизнесом. Если б я сейчас решил продать ферму — при условии, что найду дурака, который купит ее,— я оказался бы полным банкротом.

Почему? Да потому, что я вынужден покупать воду у Администрации и продавать мою пшеницу ей же, а разрыв между ценами сжирает все мои доходы. Двадцать лет назад я покупал городские нечистоты, сам их стерилизовал и перерабатывал и урожай приносил мне прибыль. А *сегодня* за нечистоты с меня сдирают не меньше, чем за дистиллированную воду, да еще столько же берут за твердый шлам. Что же касается цены за тонну пшеницы у головы катапульты, то она за эти двадцать лет не изменилась ни на цент. Фред, ты сказал, что не знаешь, что делать. Могу тебе подсказать. Надо избавиться от Администрации!

Ух и свистели же ему! *Идея хорошая,* подумал я, *вот только кто осмелится повесить тигру на хвост колокольчик?*

Может, Вайоминг Нотт? Председатель отступил в сторону, и Коротышка представил ее как «храбрую девицу, которая проделала весь путь от Гонконга-в-Луне, чтобы рассказать, как наши друзья-китаезы справились с ситуацией». Судя по «друзьям-китаезам», сам он никогда не бывал в Гонконге... что вов-

се не удивительно. В 2075 году гонконгский туннель кончался в Эндсвиле, так что еще тысячу километров надо было трястись по лунным Морям Ясности и Спокойствия на луноходе — и дорого, и опасно. Я бывал там, но по контракту, и добирался на почтовой ракете.

До того как поездки подешевели, жители Луна-Сити и Нового Ленинграда думали, что Гонконг населен одними китайцами. Но на самом деле его население было таким же смешанным, как и у нас. Великий Китай сваливал туда всех, в ком не нуждался: сначала из старого Гонконга, потом из Сингапура, потом австралийцев и новозеландцев, темнокожих парней и их подруг с островов Тихого океана, малайцев, тамилов и... имя им легион. Были даже старые большевики из Владивостока, Харбина и Улан-Батора. Вай походила на шведку, фамилия была английская, имя указывало на связь с Северной Америкой, а вообще-то могла быть и russki.

В те времена лунари редко знали, кто их отец, а если их воспитывали в приюте, то особой уверенности в отношении матери тоже могло не быть.

Я думал, что выступить хорошо Вайоминг помешает стеснительность. Она стояла там — на помосте — испуганная и такая маленькая, а Коротышка высился над ней огромной черной горой. Она подождала, пока стихнет восторженный свист. В Луна-Сити в те годы на каждую женщину приходилось двое мужчин, а на этом митинге — не менее десяти. Если бы она начала читать вслух букварь, то и тогда аплодисменты были бы ей гарантированы.

И тут она им выдала.

— Вы! Вот ты, например, фермер-пшеничник! Ты говоришь, что разоряешься. А знаешь ли ты, сколько платит индуска-домохозяйка за килограмм муки, сделанной из твоего зерна? Знаешь, на сколько потянет тонна твоей пшеницы в Бомбее? А как дешево обходится Администрации транспортировка пшеницы от головы катапульты до Индийского океана — это ты знаешь? Ведь грузы просто катятся вниз по орбите, как по склону горы. Только и нужно, что немного твердого топлива для торможения, а откуда оно берется? Да тоже отсюда! А что вы получаете

взамен? Корабли, принадлежащие Администрации, привозят сюда безделушки и модные тряпки, которые стоят неимоверно дорого, ибо они импортные! Импорт! Импорт! Я никогда не прикасаюсь ни к чему импортному. Если вещь сделана не в Гонконге, она мне и даром не нужна. А что еще вы получаете за пшеницу? Привилегию продавать лед Лунной Администрации, выкупать его назад в виде воды для умывания и *отдавать* ее *задаром* той же Администрации. Затем вы вторично покупаете ту же воду для хозяйственных нужд, обогащаете ее ценными солями и снова *отдаете* Администрации, чтобы в третий раз купить ее, но уже втридорога, для нужд своего сельского хозяйства. Потом вы продаете свою пшеницу Администрации по ее цене и на эти деньги покупаете у Администрации энергию, опять-таки по ее цене! Лунную энергию, заметьте; ни один киловатт не привезен сюда с Терры. Для ее производства используется лунный лед и лунная сталь, солнечное тепло, падающее на поверхность Луны, и производят ее сами лунари! Эх вы, тупоголовые! Вы вполне заслуживаете своей участи — подохнуть с голоду!

Наступившая тишина в еще большей степени, чем недавний свист, говорила о глубоком впечатлении, произведенном Вайо на аудиторию. Потом чей-то раздраженный голос произнес:

— А что вы от нас хотите, gospazha? Забросать Смотрителя камнями, что ли?

Вайоминг улыбнулась.

— Да, можно, пожалуй, и камнями. Однако решение столь просто, что известно каждому. Мы, лунари, богаты. Три миллиона трудолюбивых, смышленых, опытных людей, достаточно воды, неисчерпаемые ресурсы энергии, колоссальная кубатура. Но... чего у нас нет, так это свободного рынка. *Мы должны избавиться от Администрации!*

— Конечно, но как?

— Солидарностью. В Гонконге мы учимся этому. Администрация назначает фантастические цены на воду — не покупайте ее. Она платит слишком мало за лед — не продавайте. Она держит монополию на экспорт — не экспортируйте. Там, в Бомбее, наша пшеница необходима. Если она туда не прибудет, наступит день, когда брокеры приползут сюда, чтобы сторговать ее, но по тройной цене или даже большей!

— Что мы будем делать в это время? Положим зубы на полку?

Голос тот же самый — раздраженный. Вайоминг вычислила его владельца и покрутила головой, что на языке жестов у лунарки означает: «Слишком уж ты толст для меня!»

— В вашем случае, приятель, это не помешало бы,— сказала она. Хохот зала заставил толстяка заткнуться, а Вайоминг продолжала: — Голодать никому не придется. Фред Хаузер, привози свой бур в Гонконг. Администрация не обладает правом собственности на наши системы водо- и воздухоснабжения, так что за лед мы платим столько, сколько он стоит. Ты, банкрот-пшеничник, если хватит у тебя смелости признать, что ты разорен, приезжай в Гонконг и начинай все сначала. У нас постоянная нехватка рабочих рук и хороший работник с голоду не помрет.— Она оглядела зал и добавила: — Свое я сказала. Дело за вами! — И, покинув платформу, села между Коротышкой и мной.

Ее била дрожь. Коротышка похлопал ее по руке. Она бросила ему благодарный взгляд, а потом шепнула мне:

— Как я справилась?

— Лучше не бывает,— заверил я.— Сногсшибательно!

Это ее успокоило.

Но я не был искренен до конца. Она великолепно сумела раскачать толпу. Однако как программа речь была просто нулевой. Что мы рабы, я знал всю свою жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать. Правда, нас не покупали и не продавали, но поскольку Администрация обладала монополией на все, что мы продавали и покупали, то мы были рабами.

Как с этим бороться? Мы не являлись собственностью Смотрителя, иначе уж как-нибудь нашли бы способ его ликвидировать. Но Лунная Администрация находилась не в Луне, а на Терре, а у нас не было ни единого корабля, ни одной заваляшей водородной бомбочки. Не было даже ручного огнестрельного оружия, хотя что бы мы стали с ним делать, честное слово, не знаю. Скорее всего перестреляли бы друг друга.

Три миллиона безоружных лунарей против одиннадцати миллиардов землян с космическими кораблями, бомбами и всяческим вооружением. Конечно, мы могли бы доставить им кое-какие неприятности, но вряд ли родителю нужно много времени, чтобы выпороть непослушного ребенка.

Нет, речь Вайо меня не впечатлила. Как говорится в Библии, бог всегда на стороне тех, у кого артиллерия получше.

И снова пошло клохтанье насчет того, что делать, как организоваться, опять началась болтовня насчет «плечом к плечу». Председателю пришлось прибегнуть к молотку, а я начал ерзать.

Но, услышав знакомый голос, тут же приклеился к креслу.

— Мистер председатель! Не будет ли собрание столь снисходительно, чтобы выслушать мое мнение? Я отниму у вас не более пяти минут.

Я пошарил взглядом в рядах. Профессор Бернардо де ла Пас — я узнал бы его по старомодным оборотам речи, даже если бы не вспомнил родной голос. Мужик он представительный — копна волнистых белоснежных волос, на щеках ямочки, в голосе неизменная улыбка... Не знаю, сколько в то время ему исполнилось лет, помню только, что он уже был стар, когда я мальчишкой впервые с ним встретился.

Его сослали сюда еще до моего рождения, однако в лагере он не сидел. Проф был политическим ссыльным, как и сам Смотритель, но поскольку занимался подрывной деятельностью, то жирного куска вроде «смотрительства» ему не дали. Его попросту выбросили на свалку — живи или умирай, как получится.

Без сомнения, он мог получить работу в любой из школ Луна-Сити, но не захотел. Некоторое время он, как я слыхал, работал посудомойкой, потом нянькой, потом из этого занятия вырос детский сад, а потом и приют. Когда я с ним познакомился, он уже заведовал приютом и дневной школой с пансионом, где дети получали начальное и среднее образование. У него в кооперативе работало тридцать учителей, а сам профессор подумывал о введении курсов на уровне колледжа.

В пансионате у него я не жил, а вот учиться пришлось. Меня приняли в семью в четырнадцать лет и тут же послали в школу, поскольку все мое образование состояло из трех классов и нескольких частных уроков. Моя старшая жена была человек твердый и заставила меня учиться.

Я любил профа. Он мог преподавать что угодно. И неважно, знал он данный предмет или нет. Если ученик хотел чему-то обучиться, проф улыбался, назначал цену, отыскивал нуж-

ные материалы и постоянно держался на несколько уроков впереди ученика. А главное, если предмет был труден, проф никогда не прикидывался, что знает то, чего не знает. Я брал у него уроки алгебры, а когда мы дошли до уравнений третьей степени, я поправлял его ошибки не реже, чем он мои, и каждый раз он приступал к уроку с живым интересом и смехом.

С ним же я начал заниматься и электроникой, но вскоре оказалось, что это я учу его. Он перестал брать с меня плату; мы учились вместе до тех пор, пока он не откопал где-то инженера, согласившегося подрабатывать днем, и тогда мы оба стали платить новому учителю. Проф все время старался держаться вровень со мной, работал как зверь и медленно, но с радостью насыщал свой мозг новыми знаниями.

Председательствующий стукнул молотком.

— Мы будем рады предоставить профессору де ла Пасу столько времени, сколько ему понадобится, а вы, приятели, что на галерке, заткнитесь! А то я этот молоток испробую на ваших пустых башках!

Проф вышел вперед, и все притихли, насколько лунари вообще способны притихнуть. Его уважали.

— Я ненадолго займу ваше внимание,— начал он. Остановился, нашел взглядом Вайоминг, оглядел ее сверху донизу и вежливо присвистнул.— Прекрасная сеньорита,— сказал он,— сможете ли вы простить меня, недостойного? Я принужден исполнить печальнейший долг и не согласиться с вашим красноречивым манифестом.

Вайо ощетинилась:

— Как это — не согласиться? Все сказанное мной — истина!

— Ну, пожалуйста! Только по одному пунктику! Разрешите мне продолжить?

— Э-э-э... давайте...

— Вы безусловно правы в том, что Администрация должна исчезнуть. Глупо, нелепо и невыносимо, что всеми важнейшими отраслями экономики у нас заправляет безответственный диктатор. Это противоречит самому основному из прав человека — праву обмениваться плодами своего труда на свободном рынке. Но, при всем уважении к вам, я полагаю, что вы

ошибаетесь, утверждая, будто мы должны продавать Терре пшеницу... или рис, или другое продовольствие, хотя бы и по очень высоким ценам. Нет, мы вообще не должны экспортировать продовольствие!

Тут взорвался фермер, производивший пшеницу:

— А что же я буду делать с этой прорвой пшеницы?

— Пожалуйста, не торопитесь! Было бы правильно отправлять пшеницу на Терру... если бы нам возвращали ее тонна за тонну. Возвращали в виде воды. В виде нитратов. В виде фосфатов. Тонна за тонну. Иначе никакая цена не окажется достаточной.

— Обожди-ка! — сказала фермеру Вайоминг, а затем обратилась к профессору: — Но это невозможно, вы сами знаете. Скатить грузы вниз под горку мы можем задешево, но доставить их сюда — это дорогое удовольствие. Кроме того, нам не нужны ни вода, ни химикаты, а то, что нам нужно, весит не так уж много. Инструменты. Лекарства. Технологии. Кое-какая техника. Программное обеспечение. Я эту проблему, сэр, изучила во всех подробностях. Если мы получим на свободном рынке справедливые цены...

— Пожалуйста, мисс! Можно мне продолжить?

— Давайте. Я все равно опровергну ваши доводы.

— Фред Хаузер поведал нам, что находить лед становится все труднее. Это, к сожалению, истина, и это плохие вести сегодня и еще более страшные для наших внуков, Луна-Сити надлежало бы сейчас пользоваться еще той водой, которую мы пустили в оборот лет двадцать назад... добавляя постепенно ископаемый лед по мере прироста населения. Но мы пользуемся водой одноразово, вернее, используем ее в одном-единственном цикле, включающем три вида потребления. А потом экспортируем воду в Индию. В виде пшеницы. Хотя она и проходит вакуумную обработку, но в ней остается драгоценная влага. Зачем же экспортировать воду в Индию? К их услугам целый Индийский океан! Да и остальная часть массы этого зерна не менее губительна для нашей экономики — питательные вещества для растений еще труднее получать, хотя мы и добываем их из горных пород. Услышьте меня, товарищи! Каждый груз, который вы отправляете на Терру с кораблями, пригова-

ривает ваших внуков к медленной смерти. Чудо фотосинтеза, цикл растение — животное — *замкнутый* цикл. Вы разомкнули его, и это ваша собственная кровь струится по орбите, ведущей вниз, к Терре. Не высокие цены нужны нам — деньги есть не будешь! Нам необходимо положить конец нашим потерям. Абсолютное, полное эмбарго. *Луна должна перейти на самообеспечение!*

По меньшей мере десяток людей потребовали слова, другие переговаривались между собой, председательствующий лупил молотком. Поэтому я пропустил момент, когда началась заварушка, пока не услыхал женский вопль и не обернулся.

Все двери были открыты, в ближайшей из них стояло трое вооруженных людей в желтой форме охранников Смотрителя. В главных дверях, дальше от меня, один из охранников ревел в мегафон, перекрывая и шум толпы, и систему внутреннего вещания.

— ТИХО! ТИХО! — гремел мегафон.— ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ. ВСЕ ВЫ АРЕСТОВАНЫ. НЕ ДВИГАТЬСЯ И НЕ ОРАТЬ. ВЫХОДИТЬ ПО ОДНОМУ. РУКИ ВПЕРЕД, ЛАДОНЯМИ ВВЕРХ.

Коротышка сграбастал сидевшего рядом с ним мужика и швырнул его в ближайших охранников. Двое упали, третий выстрелил. Кто-то пронзительно вскрикнул. Тощая рыженькая девчонка лет одиннадцати-двенадцати кинулась в ноги третьему охраннику и ударила под колени, свернувшись в полете в клубок. Он рухнул на пол. Коротышка протянул руку, задвинул Вайоминг Нотт себе за спину, прикрыв ее своим огромным телом, крикнул через плечо: «Позаботься о Вайо, Ман, не отходи от нее ни на шаг!» — и бросился к двери, раскидывая толпу направо и налево, как детишек.

Снова послышались вопли, и я почуял ту самую вонь, которую навек запомнил в тот день, когда потерял руку; я с ужасом понял, что у охранников не пистолеты-парализаторы, а лучевые лазеры. Коротышка добрался до дверей и схватил каждой из своих лап по охраннику. Рыжей девчонки не было видно. Охранник, которого она сбила с ног, стоял на четвереньках.

Я размахнулся левой и двинул ему по морде, ощутив боль в плече, когда его челюсть сломалась. Наверное, я замешкался,

так как Коротышка толкнул меня и заорал:

— Торопись, Ман! Уводи ее отсюда!

Я обхватил Вайо за талию и швырнул ее в открытую дверь через тело охранника, которого только что успокоил. Это было нелегко — Вайо, похоже, вовсе не желала, чтобы ее спасали. За дверью она остановилась, но я наподдал ей под зад, поставив перед выбором — упасть или бежать вперед.

И оглянулся.

Коротышка держал двух охранников за шеи. Ухмыльнувшись, он столкнул их головами. Черепа лопнули, как яичная скорлупа. Коротышка крикнул:

— Дуй отсюда!

Я рванул вслед за Вайоминг. Коротышка не нуждался в помощи и никогда уже не будет в ней нуждаться — и я не мог допустить, чтобы его последнее усилие пропало втуне. Потому что видел: убивая охранников, Коротышка стоял на одной ноге. Другая была срезана лазером по самое бедро.

Глава 3

Вайо уже пробежала половину пандуса, ведущего к шестому уровню, когда мне удалось ее догнать. Она неслась как угорелая, и я еле успел схватиться за ручку двери воздушного шлюза, чтобы влететь вслед за ней. Там я поймал ее, сорвал с локонов красный колпак и спрятал в сумку. Свой колпак я где-то посеял.

— Так-то лучше.

Казалось, она очень удивилась. Потом сказала:

— Да. Так лучше.

— Прежде чем мы откроем дверь,— сказал я,— хотелось бы узнать: ты бежишь в какое-нибудь определенное место? Мне остаться тут, чтобы задержать погоню? Или уходить вместе с тобой?

— Не знаю. Лучше нам подождать Коротышку.

— Коротышка мертв.

Ее глаза широко раскрылись, но она промолчала. Я продолжал:

— Ты остановилась у него? Или у кого-нибудь другого?

— Я заказала место в отеле «Gostaneetsa Ukraina». Не знаю, где это... Не успела заскочить туда до митинга.

— М-м-м... это единственное место, куда тебе определенно нельзя. Вайоминг, я не понимаю, что происходит. Ведь я впервые за много месяцев увидел в Луна-Сити охранников Смотрителя... да и раньше я их видел только в качестве эскорта какого-нибудь шишкаря. Я мог бы пригласить тебя к себе домой... но, возможно, меня тоже разыскивают. Во всяком случае, нам надо поскорее смотаться из общественных коридоров.

Раздался стук в дверь шлюза со стороны шестого уровня, чье-то маленькое личико прильнуло к стеклянному смотровому глазку.

— Здесь оставаться нельзя,— повторил я, открывая дверь.

За ней оказалась девчушка, еле доставшая мне до пояса. Она посмотрела на нас с неодобрением и бросила:

— Мог бы целоваться где-нибудь в другом месте. А тут ты мешаешь движению.

Я открыл ей вторую дверь, и она протиснулась между нами.

— Давай прислушаемся к ее совету,— предложил я.— Ты возьми меня под руку и постарайся сделать вид, что тебе не терпится остаться со мной наедине. Будем прогуливаться. Не торопясь.

Так мы и сделали. Вышли в какой-то боковой коридор, где народу почти не было, кроме детей, вечно снующих под ногами. Если охранники Смотрителя начнут преследовать нас на манер копов Терры, десятки или даже сотня ребят смогут подсказать, куда пошла высокая блондинка,— если, конечно, допустить, что лунарик снизойдет до разговора с ищейками Смотрителя.

Паренек, уже достаточно взрослый, чтоб отдать дань восхищения Вайоминг, остановился перед нами и восторженно свистнул. Она улыбнулась и сделала ему знак посторониться.

— Вот в чем наша беда,— шепнул я ей на ухо.— На тебя глазеют, как на Терру в период полноземья. Придется зарыться в гостинице. Тут поблизости есть одна — не бог весть что, туда приходят парочки перепихнуться. Зато близко.

— Я нынче не в настроении.

— Вайо, ради бога! Я же не об этом. Можно взять и отдельные комнаты.

— Извини. Слушай, ты не знаешь, где здесь туалет? И нет ли поблизости аптеки?

— Что-нибудь случилось?

— Не то, что ты думаешь. Туалет нужен, чтобы на время спрятаться от чужих глаз. Я действительно слишком заметна... А в аптеке можно купить косметику. Грим для тела. И краску для волос.

С туалетом было просто — он оказался рядом. Когда Вайо заперлась в нем, я отыскал аптеку, спросил, сколько грима требуется для нанесения на все тело девушке такого-то роста (показал себе по подбородок) и массой сорок восемь кило. Купил сколько сказали сепии, зашел в соседнюю аптеку, купил еще столько же, выиграл в цене в первом месте, проиграл во втором, в общем получилось то на то. Потом в магазине взял черной краски для волос и красное платье.

Вайоминг носила черные шорты и пуловер — удобно для путешествия и эффектно выглядит на блондинке. Но я женат чуть ли не с детских лет, а потому имею некоторое представление о том, как одеваются женщины, и в жизни еще не видел темнокожей дамы, которая добровольно оделась бы в черное. Кроме того, в те времена модницы в Луна-Сити носили юбки. Штучка, которую я купил, состояла из юбки с корсажем, а ее цена убедила меня, что это модная штучка. Конечно, пришлось гадать насчет размера, но материал был эластичен.

По дороге наткнулся на троих знакомых, перекинулись парой слов. Никаких особых комментариев. Народ кругом спокойный, торговля идет как обычно — трудно поверить, что пару минут назад на соседнем уровне, всего в нескольких сотнях метров к северу, была такая бойня. Я решил пока об этом не думать — лишние волнения мне были ни к чему.

Все купленное я отнес Вайоминг, позвонил в дверь, просунул вещи в щель. Потом зашел на полчаса в ближайшую пивнушку выпить пол-литра и посмотреть видео. Никакого переполоха, никаких «мы прерываем нашу программу для передачи экстренного сообщения». Я вернулся к Вайо, позвонил и стал ждать.

Вайоминг вышла, и я ее не узнал. А когда узнал, то отступил назад и выдал ей натуральную овацию. Она того заслуживала —

и свиста, и щелканья пальцами, и восторженных стонов, и взглядов, что обшаривали не хуже радара.

Теперь Вайо была даже темнее меня, грим выглядел вполне естественным. Должно быть, в сумочке у нее нашлось еще кое-что, так как глаза у нее тоже стали темными, ресницы им под стать, а пунцовые губы были куда более пухлыми, чем раньше. Она выкрасила волосы черной краской, затем с помощью крема взбила вверх, подняв шапкой, словно желая распрямить их, но плотные завитки волос не совсем поддались ее усилиям — в общем, получился очаровательный художественный беспорядок. Она не выглядела африканкой, но и европейкой тоже. Женщина смешанных кровей — словом, типичная лунарка. Красное платье ей оказалось маловато. Оно облегало ее, будто напрысканное эмалевым аэрозолем, а где-то с середины бедер расходилось клешем благодаря постоянному статическому заряду. Плечевой ремень с сумочки Вайо сняла, сумочку сунула под мышку. Туфли то ли выбросила, то ли запихала в сумочку, а босые ноги делали ее ниже.

Выглядела она здорово, а главное, в ней никак нельзя было заподозрить агитатора, который совсем недавно с такой страстью будоражил толпу.

Она стояла с широкой улыбкой на лице и плавно поводила бедрами, пока я ей аплодировал. Я еще не закончил, когда двое мальчишек встали рядом и довершили общую картину воплями восторга и чечеткой, выбиваемой деревянными подошвами. Я легонько шлепнул их и велел сгинуть. Вайо подплыла ко мне и взяла под руку.

— Ну как? Сойдет?

— Вайо, ты смотришься как девка из заведения, которой невтерпеж.

— Ах ты drecklich[1] мальчишка! В каком это заведении ты такую купишь? Тоже мне, турист!

— Не ершись, красотка. Только цену назови да свистни. За такой лакомый кусочек никакой капусты не жалко, а у меня ее немало нашинковано.

[1] Дрянной, гадкий, дерьмовый (*нем.*).

— Ух! — Она с силой толкнула меня под ребро и усмехнулась.— Шучу, приятель. Если я когда-нибудь соглашусь с тобой переспать — а это вряд ли,— о капусте мы говорить не будем. Давай-ка поищем твой отель.

Сказано — сделано. Я заплатил за ключ. Вайоминг разыграла целое представление, но совершенно напрасно. Ночная дежурная даже глаз не подняла от своего вязания и не предложила нас проводить. Как только мы оказались в номере, Вайоминг закрыла дверь на задвижку.

— А тут очень мило.

Еще бы не мило! За тридцать-то два гонконгских доллара! Видимо, она ожидала увидеть просто конуру с койкой, но я не привел бы ее в какую-то дыру даже ради спасения жизни. У нас был комфортабельный номер с ванной и неограниченным водоснабжением. И еще телефон и лифт доставки, который лично мне сейчас казался жизненно необходимым.

Вайоминг раскрыла свою сумочку.

— Я видела, сколько ты заплатил. Давай договоримся, что...

Я протянул руку, замок сумочки щелкнул.

— Ты сама сказала — о капусте говорить не будем.

— Что? Ох, merde[1], но это же насчет перепихнуться! А ночлежку ты снял для меня, и поэтому будет справедливо...

— Выключись!

— Ну... хотя бы половину! Чем плохо — все пополам?!

— Nyet. Вайо, ты далеко от дома. Деньги тебе еще пригодятся.

— Мануэль О'Келли, если вы не позволите мне внести свою долю, я сейчас же уйду!

Я раскланялся.

— Dosvedanyuh, gospazha, ee sp'coynoynochi. Надеюсь, мы еще увидимся.— И двинулся к двери, собираясь сразиться с задвижкой.

Она сверкнула на меня глазами и со злостью захлопнула сумочку.

— Я остаюсь. Чтоб ты провалился!

— Как вам будет угодно.

---

[1] Дерьмо (*фр.*).

— Нет, в самом деле, я очень тебе благодарна. Но... я не привыкла принимать одолжения. Я женщина независимая.

— Примите мои поздравления. Я так и понял.

— Нечего язвить. Ты мужик с характером, я уважаю тебя за это. И рада, что ты на нашей стороне.

— Я в этом не уверен.

— *Что?*

— Не заводись. Я не на стороне Смотрителя. И ничего не разболтаю... Не хочу, чтобы Коротышка, упокой бог его щедрую душу, являлся ко мне по ночам. Но твоя программа кажется мне бесперспективной.

— Но, Ман, ты же не понимаешь! Если мы все...

— Помолчи, Вай, оставим в покое политику. Я устал и голоден. Когда ты ела в последний раз?

— Ох, бог мой! — Внезапно она показалась мне маленькой, совсем юной и измотанной.— Не помню. Надо думать, в луноходе. Дорожный рацион.

— Как тебе нравится такое меню: бифштекс с кровью по-канзасски, печеный картофель, зеленый салат и кофе... а перед этим выпивка?

— Божественно!

— Я тоже так считаю, но нам очень повезет, если в этой дыре, да еще в такой час, мы получим хотя бы суп из сине-зеленых водорослей и бутерброды. Что будешь пить?

— Все что угодно. Хоть этанол.

— О'кей.— Я подошел к лифту доставки и нажал на клавишу.— Меню, пожалуйста.— Оно тут же зажглось, я выбрал шашлык на ребрышках плюс гарнир и две порции Apfelstrudel[1] со взбитыми сливками. Потом добавил пол-литра водки со льдом и отметил звездочкой — значит, доставить в первую очередь.

— Как ты думаешь, я успею принять ванну? Ты не против?

— Валяй, Вайо. Будешь получше пахнуть.

— Негодяй! Посидел бы двенадцать часов в скафандре, от тебя бы тоже несло. Не луноход, а кошмарный сон какой-то. Я быстренько.

[1] Яблочный пирог (*нем.*).

— Погоди-ка, Вайо! А грим не смоется? Он ведь еще пригодится, куда бы ты ни направилась...

— Смоется. Но ты купил втрое больше, чем нужно. Извини, Манни; я обычно беру с собой грим, когда еду по партийным делам, мало ли что может случиться. Как сегодня, например, хотя в таких переделках я еще не бывала. Но в этот раз я спешила, пропустила одну капсулу и чуть было не опоздала на луноход.

— Ладно. Иди отскребывайся.

— Есть, сэр, слушаюсь, капитан. Да... Потереть спинку мне не требуется, но я оставлю дверь приоткрытой, чтобы можно было поболтать. Просто ради компании — это не приглашение.

— Делай как знаешь. Мне уже приходилось видеть женщин.

— Как они при этом небось волновались, бедняжки! — Вайо усмехнулась и еще раз ткнула меня кулачком под ребра (неслабо), потом вошла в ванную и пустила воду.— Манни, может, ты хочешь вымыться первым? Для моего грима и той вони, на которую ты жаловался, вполне сойдет вода, бывшая в употреблении.

— Здесь, милочка, вода не лимитирована. Так что лей — не жалей.

— Какая песня! Дома я моюсь в одной и той же воде три дня подряд.— Она присвистнула тихо и радостно.— Ты что, очень богат, Манни?

— Не богат, но и слез по деньгам не лью.

Звякнул лифт доставки. Я приготовил мартини, то есть налил поверх ледяных кубиков водку, вручил Вайо ее стакан, вышел из ванной и сел так, чтобы ее не было видно. Впрочем, я и в ванной ее не видел — она по уши зарылась в балдежную пышную пену.

— Pawlnoi zheesni! — громко предложил я тост.

— Полной жизни и тебе, Манни. Вот лекарство, которое мне необходимо! — После паузы, потребовавшейся для приема лекарства, она продолжила: — Манни, ты женат? Ja?

— Да. Это видно?

— Ага. Ты с женщиной вежлив, но независим и не бросаешься, как голодный. Итак, ты женат и женат давно. Дети есть?

— Семнадцать на четверых.

— Клановый брак?

— Линейный. Принят в четырнадцать лет, сейчас я пятый из девяти. Так что семнадцать номинальных детей. Семья большая.

— Должно быть, это славно. Я толком и не видела линейных семей, они в Гонконге редки. Много браков плановых, групповых, всякие разные полиандрии, а вот линейные как-то не прижились.

— Это действительно славно. У нас брак почти с вековым стажем. Восходит ко времени основания Джонсон-Сити и первых ссыльнопоселенцев. Двадцать одно звено, девять из них живы, разводов не было. Ну, конечно, когда собираются все потомки, родственники и свойственники на дни рождений и свадеб — это натуральный дурдом. Детей-то куда больше, чем семнадцать, мы просто не считаем тех, что женятся, иначе у меня были бы детишки, которые по возрасту годились бы мне в деды и бабки.

Отличный образ жизни — не ощущаешь никакого гнета. Возьми хоть меня: никто не поднимает шума, если я целую неделю не появляюсь дома и даже не звоню по телефону. Зато все обрадуются, когда я вернусь. В линейных браках разводы редки. Что может быть лучше?

— Думаю, ты прав. А как пополняется семья? И как вы живете друг с другом? По очереди?

— Никакой очереди, живем, как кому удобно. А последнее звено пополнилось в прошлом году. Мы женились на девушке, хотя в семью вообще-то требовался парень. Однако случай был особый.

— В каком смысле особый?

— Моя самая младшая жена — внучка старейших мужа и жены. Во всяком случае, точно, что она родная внучка Ма. Старшую жену у нас зовут «Ма», мужья иногда называют ее по имени — Мими. Возможно, девочка действительно происходит от старика, но с другими супругами кровно не связана. Поэтому жениться на ней мы могли без проблем, хотя в некоторых семьях даже кровное родство не препятствие. А Людмила выросла в нашей семье, поскольку мать родила ее еще до брака, а потом, уехав в Новолен, оставила ее у нас.

Мила повзрослела, но даже слышать не желала об уходе из семьи. Плакала, умоляла сделать для нее исключение. Ну, мы его и сделали. Старик с генетической точки зрения в расчетах не фигурировал — его интерес к женщинам теперь скорее галантный, нежели практический. В качестве старшего мужа он чисто символически провел с ней брачную ночь. Второй по старшинству муж — Грег — позже довел дело до конца, и все сделали вид, что так и надо. Все счастливы. Людмила — очаровательная девушка, ей уже пятнадцать, и она носит своего первого ребенка.

— Ребенок твой?

— Я думаю, Грега. Мой, конечно, тоже, хотя фактически я тогда был в Новом Ленинграде. Вероятно, все-таки Грега, если Мила не прибегла к помощи со стороны. Но это вряд ли, она у нас домоседка. И замечательная повариха.

Снова звякнул лифт. Я занялся делом, раскрыл складной столик, расставил стулья, оплатил счет и отправил лифт наверх.

— Ну что — скормим все свиньям?

— Иду! Я не накрашена — это ничего?

— По мне так можешь явиться вообще в чем мама родила.

— За пару монет — пожалуй, рискнула бы, мистер многоженец.

Она явилась мгновенно — снова блондинка, волосы гладко зачесаны назад, еще влажные. Свой черный туалет она надевать не стала, натянула ту красную штучку, что я купил. Красное ей было к лицу. Села и подняла крышки блюд.

— Господи! Манни, а твоя семья на мне не женится? Ты клевый добытчик!

— Могу спросить. Решение должно быть единогласным.

— Мне кажется, у вас и без меня тесновато.— Вайо взяла шампур и приступила к делу. Спустя этак тысячу калорий она сказала: — Я говорила, что я женщина независимая. Но так было не всегда.

Я ждал. Женщины говорят, когда захотят. Или не говорят вообще.

— Когда мне исполнилось пятнадцать, я вышла замуж за двух братьев-близнецов, вдвое старше меня, и была безумно счастлива.

Она поковыряла то, что осталось на тарелке, и, по-видимому, решила сменить тему.

— Манни, насчет желания выйти замуж за твою семью... это просто треп. Ты вне опасности. Если я когда-нибудь снова выйду замуж, что вряд ли, хотя, по идее, я не против, у меня будет один мужчина. Такой маленький семейный тандем, как у землеедов. Я не хочу сказать, что надену на мужа ошейник... Мне все равно, где он будет обедать, лишь бы к ужину приходил домой. И я постараюсь сделать его счастливым.

— Близнецы стали затевать свары?

— Нет, ничего подобного. Я забеременела, и все мы были в восторге... и он родился, и оказался уродом, и его пришлось ликвидировать. Братья были внимательны ко мне, но я умею читать между строк. Подала на развод, стерилизовалась, уехала из Новолена в Гонконг и начала жизнь заново, уже в качестве независимой женщины.

— А ты не поспешила? Тут чаще виноваты мужчины, чем женщины. У мужиков больше шансов подвергнуться облучению.

— Нет, со мной все ясно. Нас проверила математик-генетик в Новолене, одна из лучших бывших специалистов Совсоюза. Я знаю, в чем дело. Я ведь добровольный колонист, то есть моя мать прилетела добровольно, мне тогда всего пять было. Отца выслали, мать подхватила меня и рванула за ним. Поступило предупреждение о солнечной буре, но пилот решил, что сумеет обогнать ее, а может, ему было плевать. Он-то был киборг. Бурю он все же обогнал, но она настигла нас на поверхности Луны. Манни, я и в политику-то ударилась из-за этого. Четыре часа нас мариновали на борту, не выпускали из корабля — какая-то волокита в Администрации, что-то типа карантина. Я тогда была маленькая, не помню. Но потом у меня хватило мозгов понять, почему я родила урода: потому что Администрации было абсолютно наплевать, что произойдет с нами — с изгоями.

— Не спорю, им действительно плевать на нас. Но, Вайо, все равно ты поторопилась. Если даже причина несчастья в радиации, то... извини, я не генетик, но кое-что в радиации смыслю. Просто одна из твоих яйцеклеток была повреждена. Это

не значит, что другие, соседние, тоже задеты. Статистически такое мало вероятно.

— Да, я знаю.

— М-м-м... а стерилизация радикальная? Или предохранительная?

— Предохранительная. Трубы могут быть открыты. Но, Манни, женщина, родившая урода, никогда не рискнет вторично.— Она дотронулась до моего протеза.— У тебя протез. Разве он не заставляет тебя быть в десять раз осторожнее, чтоб не рисковать вот этой? — Она коснулась здоровой руки.— Я тоже не хочу рисковать. У тебя своя болячка, у меня своя, и я бы вообще о ней не заикнулась, если б ты тоже не был ранен.

Я не стал распространяться на тему, что моя левая рука куда ловчее правой; все равно Вай была права. Я бы свою правую ни на что не сменял. Чем бы я без нее гладил девчонок?

— Все равно, я думаю, ты могла бы рожать здоровых детей.

— Конечно. И родила восьмерых.

— Э-э-э...

— Я профессиональная мать-носительница.

Я раскрыл рот, потом закрыл. В самой-то идее не было ничего странного. Я читал земные газеты. Но сомневался, чтобы в Луна-Сити в 2075 году хоть один хирург делал такую трансплантацию. У коров — пожалуйста! Но женщины Луна-Сити ни за какие деньги не стали бы вынашивать детей для других матерей. Даже самые невзрачные, и те легко могли заполучить мужа или шестерых. (Поправка: невзрачных женщин не существует — просто одни прекраснее других.)

Я глянул на ее фигуру и быстренько отвел взгляд. Вайо сказала:

— Не напрягайся, Манни, сейчас я не ношу ребенка. Слишком увлеклась политикой. Но быть носительницей — хорошая профессия для независимой женщины. Высокая оплата. Некоторые семьи китаез очень богаты, а все мои дети от китаез. Они в среднем почти в два раза меньше наших, а я здоровая корова; два с половиной, три кило — с такими китайчатами легко управиться. И фигуру не испортила. Эти...— она поглядела вниз на свои прелести.— Я детей не кормила и даже никогда *не ви-*

дела. Поэтому выгляжу не рожавшей и, возможно, более молодой, чем на самом деле.

Я даже не подозревала, насколько здорово мне это дело подойдет, когда впервые услышала о нем. Я тогда работала продавщицей в лавке у индуса, фактически за еду. И вдруг увидела объявление в «Гонге Гонконга». Мысль родить ребенка, *нормального* ребенка, захватила меня; я все еще переживала из-за своего уродца и решила, что для бедняжки Вайоминг это самое то, что надо. Я перестала комплексовать как женщина. Я зарабатывала столько, сколько не могла даже рассчитывать получить на любой другой работе. И свободного времени завались, ведь ребенок отнимал у меня от силы недель шесть, и то лишь потому, что я хотела быть честной с моими клиентами, ведь дети — штука ценная. А вскоре я увлеклась политикой. Стала искать связей, и подполье вошло со мной в контакт. Вот тогда-то, Манни, и началась у меня настоящая жизнь. Я изучала политику, экономику, историю, училась говорить с трибуны, неожиданно оказалась неплохим организатором. Эта работа приносит мне настоящее удовлетворение, ибо я верю в нее, я знаю — Луна будет свободной. Хотя... было бы так славно иметь мужа, спешить к нему домой... если, конечно, для него неважно, что я стерильна. Но я об этом не думаю — слишком много дел. Просто услышала про твою замечательную семью, вот и разболталась. Извини, что наскучила тебе.

Многие ли женщины способны извиняться? Но в Вайо в некоторых отношениях было больше мужского, чем женского, несмотря на восемь китайчат.

— Мне не было скучно.

— Попробую поверить. Манни, почему ты считаешь, что наша программа бесперспективна? Ты нужен нам.

Я вдруг почувствовал, что дико устал. Ну как сказать очаровательной женщине, что ее хрустальная мечта — чушь собачья?

— Хм... Вай, ну давай начнем по порядку. Ты сказала им, что надо делать. Но захотят ли они следовать твоим советам? Возьми хотя бы тех двоих, которых ты выбрала в качестве примера. Этот шахтер умеет рубить лед, больше он ничему не обучен. И он будет продолжать работать как заведенный — будет

добывать лед и продавать его Администрации. То же самое и с пшеничным фермером. Много лет назад он снял большой урожай монокультуры, а теперь у него в носу кольцо, как у быка. Если бы он хотел стать независимым, он создал бы многоотраслевое хозяйство. Растил бы часть на прокорм семьи, продавал бы остальное на рынке и держался подальше от катапульты. Я *знаю*, что говорю,— сам работаю на ферме.

— Ты же говорил, что ты компьютерщик!

— Правильно, все это детали одной и той же картины. Компьютерщик я не бог весть какой, но в Луне самый лучший. Я не желаю поступать на службу, а потому Администрация, когда ей приспичит, заключает со мной договора на моих условиях. Иначе ей придется посылать за мастером на Землю, платить ему за риск, за вредность, а затем в темпе отправлять обратно, пока его организм не отвык от земных условий. И все это обойдется куда дороже. Вот почему я получаю работу, а Администрация не может достать меня — я ж не ссыльный. А если работы нет (обычно ее полно), торчу дома и отъедаюсь.

У нас настоящая ферма, не монокультурная. Куры. Небольшое стадо бычков плюс молочные коровы. Свиньи. Мутированные фруктовые деревья. Овощи. Немного пшеницы, которую мы мелем сами; крупчатка нам ни к чему, а то зерно, что остается, мы продаем на рынке. Сами варим пиво и гоним бренди. Я научился бурению, когда мы расширяли сеть туннелей. Работают все, но не до изнеможения. Ребятишки гоняют скот, чтобы он двигался, топталками мы не пользуемся. Самые маленькие собирают яйца и кормят птицу, так что техника нам не требуется. Воздух мы можем покупать у Луна-Сити, благо живем рядом с городом и соединены с воздушными туннелями. Но чаще мы сами продаем воздух — раз ферма, то и кислорода в избытке. Так что валюта для оплаты счетов у нас имеется.

— А как с водой и с энергией?

— Это недорого. Мы запасаем энергию — ставим на поверхности солнечные батареи; есть у нас и небольшое месторождение льда. Вай, наша ферма была основана за год до начала столетия, когда Луна-Сити представлял собой одну естественную каверну, и все это время мы расширяли и улуч-

шали свое хозяйство. Это и есть одно из преимуществ линейного брака — семья не умирает, а капитал аккумулируется.

— Но запасы льда ведь не вечны?

— Ну, видишь ли...— Я почесал в затылке и ухмыльнулся.— Мы очень экономны; сами собираем мусор и бытовые стоки, сами их очищаем, ни капли не отдаем в муниципальную канализационную систему. Кроме того,— только смотри не разболтай Смотрителю, дорогая,— уже давно, еще когда Грег учил меня бурению, мы случайно пробурили дно главного южного водохранилища; у нас был с собой кран, так что ни капельки не пропало даром. Но мы покупаем немного воды по счетчику — так выглядит естественней, а наличие льда объясняет, почему воды мы покупаем мало. Что же касается энергии, то ее воровать еще проще. Я неплохой электрик, Вайо.

— Ох, до чего же здорово! — Вайоминг присвистнула от восторга.— Ведь это доступно каждому!

— Надеюсь, что нет, иначе нас быстро засекут. Пусть каждый сам придумывает способ, как нагреть Администрацию, мы-то постоянно шевелим мозгами.

Но вернемся к твоему плану, Вайо. В нем две большие прорехи. Во-первых, солидарности как таковой не существует. Типы вроде Хаузера присоединяются только потому, что попали в переплет и на плаву им не удержаться.

А во-вторых, давай предположим, что ты ее добилась. Солидарности то есть. Такой прочной, что у головы катапульты не появилось ни одной тонны зерна. Забудем про лед — только зерно делает Администрацию могучей силой, а не просто тем скромным агентством, которым она была вначале. Итак — ни зернышка! Что произойдет?

— Как что?! Им придется договариваться с нами о справедливой цене, вот что!

— Дорогая, ты и твои друзья слишком много болтаете, повторяя мысли друг друга. Администрация назовет это мятежом, на орбите появится боевой корабль с бомбами, нацеленными на Луна-Сити, Гонконг, Тихо-Андер, Черчилль, Новолен, высадятся войска, и зерновые баржи под охраной военных полетят к Терре, а фермеры сдрейфят и изо всех сил станут вилять хвостом перед

Администрацией. У Терры есть оружие, есть бомбы и корабли, и она не позволит командовать собой каким-то бывшим каторжникам. А смутьянов вроде тебя или меня... ты-то у нас заводила... Так вот, этих подлых смутьянов схватят и ликвидируют, чтобы другим неповадно было. А землееды скажут, что так нам и надо — сами напросились; потому что наших аргументов никто не услышит. Во всяком случае, на Терре.

Вайо стояла на своем.

— Революции побеждали не раз. У Ленина была всего лишь горсточка последователей.

— Ленин появился, когда возник вакуум власти. Вай, можешь меня поправить, если я ошибаюсь, но революции удавались тогда и только тогда, когда правительства либо загнивали и становились бессильными, либо вообще переставали существовать.

— Неправда! Пример — Американская революция!

— А разве Юг не был потерян? Nyet?

— Речь не об этой, а той, что была столетием раньше. У них там трения возникли с Англией, примерно такие же, как сейчас у нас, и они *победили!*

— Ах, вот о чем речь! Но разве Англия в то время не была в труднейшем положении? Франция, Испания, Швеция... или Голландия? А также Ирландия. Ирландцы же взбунтовались! О'Келли участвовали в мятеже. Вайо, если тебе удастся заварить кашу на Терре, скажем, войну между Великим Китаем и Северо-Американским Директоратом, или вдруг Пан-Африка решит сбросить бомбы на Европу, я первый скажу, что пора ухлопать Смотрителя и заявить Администрации, что ее время истекло. Но не сегодня!

— Ты пессимист!

— Nyet, реалист. Никогда не был пессимистом. Я слишком лунарь, для того чтобы не поставить все на кон, если есть хоть один шанс выиграть. Докажи, что у нас есть один шанс из десяти, и я пойду ва-банк. Но мне необходим этот шанс! — Я отодвинул стул.— Ну как, наелась?

— Да, bolshoyeh spasebaw, tovarishch. Замечательно.

— Очень рад. Пересядь на кушетку, я уберу стол и тарелки... Нет-нет, не мешай — ты гостья.

Я очистил стол, отправил назад посуду, кофе и водку оставил, сложил стол и стулья и повернулся, чтобы продолжить разговор.

Она растянулась на кушетке — рот открыт, глаза закрыты, а лицо такое мягкое и совсем детское.

Я тихонько вышел в ванную, закрыл дверь. Отдраился на совесть — на душе сразу полегчало. Но сначала простирнул лосины. Пока я нежился в ванне, они уже высохли. По мне так и конец света не беда, если можно помыться да надеть чистую одежку.

Вайо все еще спала, в связи с чем возникла проблема. Я взял номер с двумя постелями, чтобы она не волновалась, что я начну к ней приставать. Я-то был не против, но она ясно дала понять, что не хочет. Но кушетку надо было разложить, иначе я не мог постелить себе постель. Попробовать проделать все это тихонько? Поднять Вайо на руки, как сонного ребенка, и уложить на новое место? Я опять отправился в ванную и сменил руку.

Потом решил подождать. Над телефоном был колпак-глушитель. Вайо, похоже, крепко спала, а меня снедало беспокойство. Я подошел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-ХХ».

— Привет, Майк.

— Привет, Ман. Шутки прочел?

— Что? Майк, у меня не было ни минутки свободной. Это для тебя минута — прорва времени, для меня она — чик! — и нету. Но я все сделаю, как только будет возможность.

— О'кей, Ман. Ты нашел не-дурака, с которым я мог бы поговорить?

— Для этого у меня тоже не было времени. Хотя... подожди.— Я посмотрел сквозь колпак на Вайо. В данном случае «не-дурак» означало способность к сопереживанию. Этого у Вайо навалом. Но сумеет ли она подружиться с машиной? Вообще-то, похоже, сумеет. И вдобавок ей можно доверять; мало того, что мы вместе попали в передрягу, она ведь еще и подпольщица.— Майк, а как ты насчет того, чтобы поговорить с девушкой?

— А девушки не-дураки?

— Некоторые девушки очень даже не дуры, Майк.

— Тогда я хотел бы поговорить с девушкой не-дурой, Ман.

— Постараюсь организовать. Но сейчас я в затруднительном положении, мне нужна твоя помощь.

— Я помогу тебе, Ман.

— Спасибо, Майк. Мне надо позвонить домой, но не совсем обычным способом. Ты знаешь, иногда звонки можно проследить и, если Смотритель прикажет, любой телефон может быть поставлен на прослушивание, а все звонки по нему — прослежены.

— Ман, ты хочешь, чтобы я поставил на прослушивание твой телефон и проследил бы звонки по нему? Должен тебя проинформировать, что я уже знаю номер твоего домашнего телефона и номер, по которому ты сейчас звонишь.

— Нет-нет! Я как раз не хочу, чтобы меня прослушивали и выслеживали! Ты соединишь меня с домом, но так, чтобы линию нельзя было прослушать и засечь, откуда я звоню, даже если тебе дадут такое задание. Можешь ты проделать это, не вызвав подозрений, что программа не сработала?

Майк немножко задержался с ответом. Надо думать, таких вопросов ему еще никто не задавал, и ему пришлось проиграть несколько тысяч вариантов, чтобы понять, позволяет ли его контроль над телефонной сетью вытворять подобные фокусы.

— Ман, я могу это сделать. И сделаю.

— Великолепно. Сигнал программы... Если мне понадобится такое соединение, я вызову «Шерлока».

— Принято. Шерлок — это мой брат.

Год назад я объяснил Майку, откуда взялось его имя. Потом он прочел все рассказы о Шерлоке Холмсе, просканировав микрофильмы из библиотеки Карнеги. Не знаю, что он там понял насчет кровного родства, я не решился спросить.

— Отлично. Дай мне «Шерлок» к моему дому.

Минутой позже я сказал:

— Ма? Это твой любимый муж.

— Мануэль, у тебя опять неприятности?

Я люблю Ма сильнее, чем любую другую женщину, включая и остальных жен, но она никогда не устает меня воспитывать. Даст бог, и впредь не перестанет. Я прикинулся обиженным.

— У меня? Ты же знаешь меня, Ма.

— Вот именно. Ну раз у тебя неприятностей нет, может быть, объяснишь, почему профессор де ла Пас так настойчиво жаждет поговорить с тобой,— он звонил уже трижды,— и почему он хочет связаться с какой-то женщиной со странным именем Вайоминг Нотт и почему он думает, что она с тобой? Неужели ты завел себе постельную партнершу, Мануэль, а мне ничего не сказал? Милый, у нас в семье полная свобода, но ты же знаешь, я предпочитаю быть в курсе. Просто чтобы избежать неожиданностей.

Ма всегда ревнует к другим женщинам (кроме остальных жен), но никогда и ни за что на свете в этом не признается. Я ответил:

— Ма, разрази меня гром, нет у меня никакой партнерши!

— Ладно. Ты всегда был правдивым мальчуганом. Тогда в чем дело, объясни.

— Я спрошу у профессора.— Это не ложь, просто уловка.— Он оставил свой номер?

— Нет, сказал, что звонит по автомату.

— Хм... Если он снова прорежется, пусть скажет, куда ему позвонить и когда. Я тоже говорю из автомата.— Еще одна уловка.— Между прочим, ты слушала последние известия?

— Ты же знаешь, я всегда их слушаю.

— Есть что-нибудь новое?

— Ничего интересного.

— В Луна-Сити все спокойно? Никаких убийств, мятежей и так далее?

— Нет, конечно. Только дуэль в Боттом-Эли, но... Мануэль! Ты кого-нибудь убил?

— Нет, Ма.

(Сломать челюсть еще не значит убить.)

Она тяжело перевела дух.

— Ты когда-нибудь доведешь меня до инфаркта, милый. Ты помнишь, чему я тебя учила? В нашей семье не принято принимать участие в уличных драках. Если нужно кого-нибудь убить — а это крайне редкий случай,— вопрос необходимо взвесить и спокойно обсудить в кругу семьи. Там и решим, что да как. Если кого-то нужно ликвидировать, люди должны об этом

знать. Пусть даже придется немного подождать, репутация семьи того стоит...

— Ма! Да не убивал я никого и даже не собирался! А твою лекцию я уже наизусть знаю.

— Пожалуйста, дорогой, не забывай о вежливости.

— Прости.

— Уже простила. И забыла. Я должна сказать профессору де ла Пасу, чтобы он оставил свой номер? Скажу.

— Еще одно. Забудь имя «Вайоминг Нотт». Забудь, что профессор меня спрашивал. Если позвонит кто-то незнакомый или явится лично и спросит обо мне, то ты ничего обо мне не слыхала и не знаешь, где я... Скорее всего уехал в Новолен. Ни на какие вопросы не отвечай, особенно если явятся ищейки Смотрителя.

— За кого ты меня принимаешь?! Мануэль, у тебя неприятности?

— Небольшие, и я с ними справлюсь.

— Надеюсь!

— Расскажу все, когда доберусь до дому. Больше говорить не могу. Люблю. Отключаюсь.

— Я тебя тоже люблю, милый, Sp'coynoynochi!

— Спасибо и спи спокойно. Отбой.

Ма — удивительный человек. Ее спровадили в Булыжник за то, что она порезала какого-то мужика при обстоятельствах, вызывавших сильное сомнение в ее девичьей невинности. С тех пор она стала ярой противницей насилия и распущенности, хотя фанатичкой ее не назовешь. Готов поспорить, в юности она была огневой девкой, жаль, не довелось нам пообщаться в те времена; но я счастлив, что делю с ней вторую половину ее жизни.

Я снова вызвал Майка.

— Ты знаешь голос профессора Бернардо де ла Паса?

— Знаю, Ман.

— Так... Майк, возьми, пожалуйста, на прослушивание столько телефонов в Луна-Сити, сколько можешь, и если услышишь его голос, дай мне знать. Особое внимание удели телефонам-автоматам.

Прошло целых две секунды: я задавал Майку задачки, которых он никогда не решал; думаю, ему это нравилось.

— Я могу прослушать и идентифицировать все телефоны-автоматы Луна-Сити. Можно еще сделать случайную выборку прочих телефонов.

— Хм... Не перегружайся. Послушай его домашний телефон и телефон школы.

— Программа выполняется.

— Майк, ты самый лучший друг из всех, что у меня были.

— Это не шутка, Ман?

— Не шутка. Истина.

— Я горд... поправка: я горд и счастлив. Ты мой лучший друг, Ман, потому что единственный. А следовательно, никакое сравнение невозможно.

— Я позабочусь о том, чтобы у тебя появились новые друзья. Которые не-дураки. Майк! У тебя есть свободный банк памяти?

— Есть, Ман. Емкость десять в восьмой степени битов.

— Превосходно. Можешь ты его заблокировать так, чтобы им пользовались только ты и я?

— Могу и сделаю. Назови сигнал блокировки.

— Э-э-э... «День Бастилии».

Это был одновременно и день моего рождения, как объяснил мне профессор де ла Пас несколькими годами раньше.

— Банк заблокирован.

— Чудненько. У меня есть запись, которую я хотел бы туда поместить. Но сначала... Ты уже завершил набор завтрашнего номера «Ежедневного Лунатика»?

— Да, Ман.

— Есть там что-нибудь о митинге в Stilyagi-Холле?

— Ничего, Ман.

— А в новостях, транслируемых из города? О мятежах, например?

— Ничего, Ман.

— «Все страньше и страньше,— сказала Алиса»[1]. Ладно, запиши это под шифром «День Бастилии», потом обдумай. Только, ради бога, даже в мыслях за пределы этого банка не высовывайся, и все, что услышишь, держи там под замком.

[1] Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес (*пер. Н. Демуровой*).

— Ман, мой единственный друг,— робко проговорил он,— много месяцев назад я решил *все* наши с тобой разговоры записывать в личный банк, к которому доступ будешь иметь только ты. Я решил ничего не стирать из этих записей и перенес их из временной памяти в постоянную. Чтобы воспроизводить их снова, снова и снова и размышлять над ними. Я правильно поступил?

— Абсолютно. И, Майк... я польщен.

— P'jal'st. Файлы временной памяти у меня переполнились, но я понял, что твои слова я стирать не должен.

— Ладно... «День Бастилии». Запись на скорости шестьдесят к одному.— Я взял свой крошечный магнитофон, приложил к мембране телефона и пустил в сжатом виде. Для перезаписи полуторачасовой пленки потребовалось всего девяносто секунд.— Все, Майк, завтра поговорим.

— Спокойной ночи, Мануэль Гарсия О'Келли, мой единственный друг.

Я отключился и поднял колпак. Вайоминг сидела на кушетке, вид у нее был встревоженный.

— Кто звонил? Или...

— Не волнуйся. Я разговаривал с одним из моих лучших и надежнейших друзей. Вайо, ты дура?

Она удивилась.

— Иногда вроде бываю. Это шутка?

— Нет. Если ты не дура, то я тебя с ним познакомлю. К вопросу о шутках — чувство юмора у тебя есть?

«Разумеется, есть!» — любая женщина, кроме Вайо, сказала бы именно так, в них это запрограммировано. Но Вайо лишь задумчиво поморгала и ответила:

— Тебе виднее, дружок. Может, оно и не настоящее чувство юмора, но мне хватает.

— Чудненько! — Я порылся в сумке, нашел ролик с записью сотни «шуток».— Прочти. И скажи, какие из них действительно забавны, а какие так себе — разок хихикнешь, на другой завянешь.

— Мануэль, ты самый странный парень из всех моих знакомых.— Она взяла ролик.— Слушай, это же компьютерная распечатка!

— Да. Я познакомился с компьютером, у которого есть чувство юмора.

— Вот как? Что ж, наверное, это должно было случиться. Все остальное уже давно автоматизировано.

Я отреагировал как положено и добавил:

— Так-таки все?

Она глянула на меня:

— Пожалуйста, не свисти, ты мне мешаешь читать.

Глава 4

Пока я раздвигал кушетку и застилал ее, Вайо несколько раз хихикнула. Потом я сел с ней рядом, взял часть распечатки, которую она уже прочла, и тоже принялся за работу. Раза два я хмыкнул, но шутки редко кажутся мне смешными на бумаге, даже если я понимаю, что в подходящей обстановке над ними можно было бы обхохотаться. Меня больше занимало то, как их оценила Вайо.

Она ставила плюсы и минусы, иногда вопросительные знаки; шутки с плюсом были помечены: «только раз» или «всегда». Последних было маловато. Рядом я поставил свои оценки. Расхождений оказалось не так уж много.

Когда я подошел к концу, она стала просматривать мои оценки. Закончили мы почти одновременно.

— Ну? — сказал я.— Что ты думаешь?

— Думаю, что ты грубиян и пошляк, и удивляюсь, как твои жены тебя терпят.

— Ма мне часто говорит то же самое. Но ты и сама хороша, Вайо. Поставила плюсы таким шуточкам, которые заставили бы покраснеть последнюю шлюху.

Она широко улыбнулась.

— Да. Только никому не говори. Ведь в глазах всех я преданный Делу партийный организатор, стоящий выше подобных шуточек. Ну и как ты считаешь — есть у меня чувство юмора или нет?

— Не уверен. Почему ты поставила минус номеру семнадцатому?

— Это какой? — Она размотала бумагу и нашла.— Господи, да любая женщина поступила бы точно так же! Что тут смешного, это просто печальная необходимость.

— Да, но ты подумай, как глупо она выглядела!

— Ничего не глупо. Скорее грустно. А посмотри-ка сюда. Ты почему-то поставил минус против номера пятьдесят один.

Никто из нас своих оценок не изменил, но я уловил некоторую закономерность. Наибольший разброс в оценках возникал там, где речь шла о древнейшем поводе для смеха. Я сказал ей об этом. Она согласно кивнула.

— Разумеется. Я тоже заметила. Не обращай внимания, Манни, милый. Я давно утратила способность разочаровываться в мужчинах из-за того, чего в них нет и быть не может.

Я поспешил переменить тему и рассказал ей о Майке. Она спросила:

— Манни, ты хочешь сказать, что этот компьютер живой?

— Смотря что ты имеешь в виду,— ответил я.— Он не потеет и не ходит в сортир. Но он мыслит, он говорит, он обладает самосознанием. Как, по-твоему, живой он или нет?

— Честно говоря, я и сама не очень понимаю, что имела в виду,— согласилась она.— Наверняка ведь существует научное определение. Раздражимость или еще что... или способность размножаться.

— Майк способен раздражаться и может раздражать других. Что касается воспроизводства, в конструкцию это не заложено, но, если ему дать материалы, время и кое-какую узкоспециализированную помощь, Майк сможет себя воспроизвести.

— Мне тоже нужна узкоспециализированная помощь,— сказала Вайо,— поскольку я стерильна. И мне на это потребуется целых десять лунных месяцев и много килограммов различных материалов. Зато я делаю отличных детишек. Манни, а почему бы машине и не быть живой? Мне они всегда казались такими. Некоторые из них определенно ждут своего шанса, чтобы лягнуть нас в самое уязвимое место.

— Майк этого не сделает. Во всяком случае, умышленно: в нем нет злобы. Но он обожает розыгрыши, и какая-нибудь из его шуток вполне может плохо кончиться — как у щенка, кото-

рый не понимает, что больно кусает. Он невежествен. Вернее, не невежествен, он знает куда больше, чем мы с тобой и все люди вместе взятые. И тем не менее он ничего не соображает.

— Повтори-ка еще разок. Что-то я не усекла.

Я попробовал объяснить. Майк, сказал я, прочел почти все книги в Луне, читает он в тысячу раз быстрее, чем мы, никогда ничего не забывает, разве что решит что-то стереть из памяти, он может рассуждать безукоризненно логично, он проницателен и умеет делать выводы, исходя из неполных данных... и тем не менее он не знает *ничего* о том, что значит быть «живым».

Вайо прервала меня.

— Это я понимаю. Ты хочешь сказать, что он умен и обладает знаниями, но не искушен. Похож на новичка, только что высадившегося на Булыжник. Там, на Земле, он мог быть профессором с кучей дипломов... а здесь он просто ребенок.

— Именно так! Майк — дитя с длинным перечнем ученых степеней. Спроси его, сколько воды, химикатов и солнечного света нужно для фотосинтеза, чтобы произвести пятьдесят тысяч тонн пшеницы, и он тебе скажет, не отходя от кассы. Но он не способен определить, смешной это анекдот или нет.

— А мне его анекдоты понравились.

— Так он же их где-то услышал или вычитал, и там было сказано, что это шутки, вот он и занес их в соответствующий файл. Но он их не понимает, потому что никогда не был человеком. Как-то раз он попытался сам сочинить шутку... слабо, безнадежно слабо.— Я попытался объяснить жалкие потуги Майка «стать человеком».— А главное — он очень одинок.

— Бедняжка! Ты бы тоже чувствовал себя одиноким, если бы все время только работал, работал, учился, учился... и никто никогда не зашел бы к тебе в гости. Не жизнь, а жуть какая-то!

И тогда я рассказал ей о своем обещании Майку найти ему «не-дураков».

— Хочешь поболтать с ним, Вай? И не станешь смеяться, когда он будет делать смешные ошибки? Если ты засмеешься, он закроется, как устрица, и обидится.

— Конечно, хочу, Манни. Когда мы выберемся из этой западни... и если я смогу остаться в Луна-Сити. А где живет этот

бедный маленький компьютер? В городском техническом центре? Я даже не знаю, где это.

— Он не в Луна-Сити. Он на полпути через Море Кризисов. И тебе туда не пройти. Нужен пропуск Смотрителя. Но...

— Стоп! На полпути через Море Кризисов? Манни, этот компьютер — один из тех, что в Комплексе Администрации?

— Майк вовсе не «один из тех»,— обиделся я за Майка,— он *босс*; он машет им всем дирижерской палочкой. Другие машины — просто придатки Майка, как вот это,— сказал я, сжимая и разжимая кисть левой руки.— Майк ими руководит. Он лично управляет катапультой, это была его первая работа: катапультирование и баллистические радары. Кроме того, он контролирует телефонную сеть с тех пор, как она стала единой для всей Луны. И управляет логическими частями всех прочих систем.

Вайо закрыла глаза и прижала пальцы к вискам.

— Манни, а Майк способен страдать?

— Страдать? Да вроде не с чего. Он даже находит время для шуток.

— Я не об этом. Я имею в виду другое. Он может быть ранен? Может чувствовать боль?

— Что? Нет. Его чувства могут быть ранены. Но физической боли он не ощущает. Я, во всяком случае, так думаю. Да нет, уверен, что боли он не чувствует, у него нет болевых рецепторов. А ты это к чему?

Она опять зажмурилась и прошептала:

— Помоги мне, бог! — Затем взглянула на меня.— Манни, неужели ты не видишь?! У тебя есть допуск к компьютеру. Большинству же лунарей на этой станции не разрешат даже выйти из туннеля — она только для служащих Администрации. Да и из них далеко не всякий может попасть в главный машинный зал. Мне надо было узнать, чувствует ли он боль, потому что... Ну, потому что ты своими рассказами о его одиночестве заставил меня пожалеть его. Но, Манни, ты же понимаешь, что может сделать там пластиковая бомба с несколькими кило толуола?

— Разумеется.— Мне стало тошно ее слушать.

— Мы выступим сразу же после взрыва — и Луна станет свободной! Я достану тебе взрывчатку и заряды, но сначала нужно

как следует подготовиться. Я больше не могу тут оставаться, придется рискнуть. Мне надо загримироваться.— И она попыталась встать.

Я толкнул ее обратно своей жесткой левой. Это ее изумило, а меня еще больше: до тех пор я к ней и пальцем не притрагивался, разве что во время бегства, когда это диктовалось необходимостью. Сейчас в Луне все иначе, но коснуться женщины без ее согласия в 2075 году... тут, знаете ли, всегда нашлось бы немало одиноких мужчин, готовых прийти ей на помощь, а до ближайшего шлюза — рукой подать. Как говорят наши детишки, «судья Линч не дремлет».

— Сядь и помолчи! — сказал я.— *Мне-то* известно, к чему может привести взрыв. А тебе, по-видимому, нет. Gospazha, мне очень неприятно это говорить... но если бы дело дошло до выбора, я скорее ликвидировал бы тебя, чем Майка.

Вайоминг *не разозлилась*. В некоторых отношениях она и впрямь была как мужик — сказывались годы пребывания в революционной организации с жесткой дисциплиной. Хотя в остальном Вайо сама женственность.

— Манни, ты сказал мне, что Коротышка М'Крум умер.

— Что? — Меня сбила с толку внезапная перемена темы.— Да. Надо думать. Одна нога срезана по самое бедро, это точно. Должен был минуты за две истечь кровью. Даже при хирургической ампутации это слишком высоко и опасно.

(Мне такие дела знакомы. Чтобы спасти меня, потребовались и удача, и огромное количество плазмы, а ведь рука — это совсем не то, что случилось с Коротышкой.)

— Коротышка был,— сдержанно сказала Вайо,— моим лучшим другом здесь и одним из самых лучших в Луне вообще. У него были все качества, которыми я восхищаюсь в мужчинах. Честный, надежный, умный, добрый и бесстрашный, преданный нашему Делу. Но видел ли ты, чтобы я горевала о нем?

— Нет. Поздно уже горевать.

— Горевать никогда не поздно. С тех пор как ты сказал о его гибели, я ни минуты не переставала оплакивать его. Но я заперла свое горе в самой глубине сердца, ибо Дело не оставляет времени для скорби. Манни, если бы этим можно было бы

добыть свободу Луне или хотя бы приблизить ее приход, я *сама* ликвидировала бы Коротышку или тебя. Или себя. А ты колеблешься, взорвать или не взорвать какой-то компьютер!

— Да не в этом же дело!

(По правде говоря, дело было и в этом тоже. Когда умирает человек, я не испытываю шока. Мы все приговорены к смерти с самого момента рождения. Но Майк был уникален и вполне мог быть бессмертным. Только не надо говорить мне о «душе», докажите сначала, что у Майка ее нет. А если нет, то тем хуже. Не согласны? Пошевелите-ка мозгами еще разок.)

— Вайоминг, что произойдет, если я взорву Майка? Скажи мне.

— Точно не знаю. Но выйдет страшный переполох, а это-то нам и...

— Все ясно. Ты не знаешь. Переполох, da... Замолчат телефоны. Остановятся поезда. Твой город пострадает меньше, у Гонконга собственные силовые установки, но Луна-Сити, Новолен и другие поселения останутся без энергии. Полная тьма. Начнет ощущаться нехватка воздуха. Затем упадут температура и атмосферное давление. Где твой скафандр?

— На станции метро «Западная».

— Мой там же. Думаешь, ты найдешь к нему дорогу? В полной-то тьме? Думаешь, успеешь? Я, например, не уверен, что успею, а я ведь родился здесь. Коридоры-то будут набиты вопящими толпами! Лунари — народ поневоле выносливый, но в этой кромешной тьме каждый десятый как минимум сорвется с нарезки. Успела ты поменять пустые кислородные баллоны на свежие или слишком торопилась? Да и останется ли твой скафандр на месте, когда толпа будет охвачена жаждой добыть себе скафандры, неважно чьи?

— Но разве у вас нет аварийной системы? В Гонконге есть.

— Кое-что есть, но этого недостаточно. По идее, контроль над всеми жизненно важными функциями должен быть децентрализован и продублирован, чтобы компьютеры могли заменять друг друга в случае аварии. Но это дорого, и, как ты справедливо заметила, Администрации на нас наплевать. Нельзя было взваливать все заботы на Майка. Зато так дешевле: привезти сюда головную машину, спрятать ее в глубинах Булыжника, где ей ничто не угро-

жает, а затем все наращивать и наращивать ее емкость и увеличивать нагрузку. Знаешь ли ты, что Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше gelt[1], чем от торговли мясом и пшеницей? Вайоминг, я не уверен, что мы потеряли бы Луна-Сити, если бы взорвали Майка: лунари — народ рукастый и, возможно, как-нибудь дотянули бы на аварийках, пока не восстановили бы автоматику. Но я точно говорю тебе — погибнет тьма народу, а уцелевшим будет не до политики.

(Просто поразительно! Эта женщина прожила в Булыжнике чуть ли не всю жизнь и тем не менее городила такую чушь, от которой даже у новичка завяли бы уши. Это ж надо додуматься — взорвать все техобеспечение!)

— Вайоминг, если бы ты была так же умна, как красива, ты не стала бы разводить треп об уничтожении Майка, а подумала бы о том, как привлечь его на свою сторону.

— Как ты себе это представляешь? — спросила она.— Смотритель же контролирует работу компьютеров.

— Понятия не имею,— признался я,— но Смотритель вовсе не контролирует работу компьютеров. Он не отличит компьютер от кучи щебня. Смотритель и его команда разрабатывают политику, так сказать, генеральный план. Полуграмотные техники по нему составляют программы для Майка. Майк сортирует их, доводит до ума, разрабатывает детальные программы, распределяет их по периферийным устройствам и следит за выполнением. Но его самого никто не контролирует — он слишком умен. Он выполняет задания, для этого его и создали, но программирует себя сам и сам принимает решения. И слава богу, иначе система не смогла бы работать.

— И все же я не понимаю, как мы можем привлечь его на нашу сторону.

— Не понимаешь? Майк не испытывает преданности к Смотрителю. Как ты сама сказала, он машина. Но, если бы я захотел вывести из строя телефонную сеть, не затрагивая систем обеспечения воздухом, водой и светом, я поговорил бы с Майком. Если бы это показалось ему забавным, он сумел бы это сделать.

[1] Деньги, золото (*искаж. нем*).

— А разве ты не можешь просто запрограммировать его? Я так поняла, что ты вхож в машинный зал.

— Если я или кто-то другой введет такую программу, не договорившись заранее, Майк задержит ее выполнение, а во многих местах зазвучат сирены тревоги. Но если бы Майк *захотел*... — И тут я рассказал ей историю о чеке на бесчисленные миллионы.— Майк все еще обретает себя, Вайо. И он одинок. Сказал мне, что я «его единственный друг», и был так открыт и трогателен, что я чуть не прослезился. Если ты постараешься стать его другом и перестанешь считать его «просто машиной», что ж... в принципе, я не знаю, что из этого получится, просто не думал об этом. Но, если бы я планировал что-то грандиозное и опасное, я предпочел бы иметь Майка на своей стороне.

Вайо задумчиво сказала:

— Как бы я хотела проникнуть туда, где он находится. Думаю, грим и переодевание тут не помогут?

— Но тебе вовсе не нужно проникать туда. У Майка есть телефон. Хочешь — позвони.

Она вскочила.

— Манни, ты не только самый странный человек на свете, ты к тому же лучше всех умеешь выводить меня из себя. Какой номер?

— Это потому, что я слишком привык общаться с компьютерами.— Я подошел к телефону.— Еще одно, Вайо. Ты можешь получить от любого мужика все, что захочешь, похлопав ресницами и повертев попкой.

— Ну... иногда. Но у меня есть еще и мозги.

— Воспользуйся ими. Майк *не мужчина*. Половых желез у него нет. Инстинктов тоже. Кокетство тут бесполезно. Представь себе, что перед тобой супервундеркинд, который еще слишком юн, чтобы воскликнуть: «Vive la difference!»[1]

— Я запомню, Манни. А почему ты называешь Майка «он»?

— Хм... Не могу называть его «оно», а со словом «она» он у меня как-то не ассоциируется.

— А я, пожалуй, буду называть его «она». То есть не его, а ее.

[1] Да здравствует разница! (между мужчиной и женщиной) (*фр.*).

— Как хочешь.

Я набрал «Майкрофт-XX», заслонив от Вайо клавиши набора. Я еще не был готов сообщить ей номер — пока не увижу, как пойдет дело. Идея взорвать Майка меня потрясла.

— Майк?

— Хелло, Ман, мой единственный друг.

— Возможно, отныне я уже не буду единственным, Майк. Хочу познакомить тебя кое с кем. С не-дурой.

— Я понял, что ты не один, Ман. Я слышу еще чье-то дыхание. Будь добр, попроси не-дуру подойти к телефону поближе.

Вайо была близка к панике. Она шепнула:

— Он нас видит?

— Нет, не-дура, я вас не вижу. У вашего телефона нет подключения к видео. Но бинауральные[1] рецепторы микрофона позволяют оценивать тебя с известной степенью точности. Принимая во внимание твой голос, дыхание, пульс и тот факт, что ты находишься наедине с половозрелым мужчиной в гостинице, куда приходят перепихнуться, я делаю вывод, что ты человек женского пола, весом шестьдесят пять кило с небольшим, зрелых лет, где-то около тридцати...

Вайо закашлялась. Я поспешил вмешаться:

— Майк, ее зовут Вайоминг Нотт.

— Очень рада познакомиться с тобой, Майк. Можешь звать меня просто Вай.

— Уай нот? — тут же выдал Майк.

Я опять вмешался:

— Майк, это была шутка?

— Да, Ман. Я заметил, что ее имя в уменьшительном варианте отличается от английского вопросительного наречия лишь написанием и что ее фамилия звучит так же, как отрицание. Каламбур. Не смешно?

— Очень смешно, Майк,— сказала Вайо.— Я...

---

[1] Бинауральный эффект — способность человека и высших животных определять направление, откуда приходит звук, обусловленная тем, что к ушам человека звук приходит неодновременно и неодинаковым по силе.

Я махнул ей рукой, чтобы замолчала.

— Хороший каламбур, Майк. Шутка одноразового употребления. Смешно благодаря элементу неожиданности. Во второй раз неожиданности уже нет. Поэтому не смешно. Понятно?

— Я экспериментально пришел к такому же заключению в отношении каламбуров, обдумав твои замечания, сделанные в позапрошлой беседе. Рад, что мои рассуждения подтвердились.

— Молодец, Майк. Прогрессируешь. Теперь насчет первой сотни шуток. Я их прочел, Вайо тоже.

— Вайо? Вайоминг Нотт?

— А? Ну конечно. Вайо, Вай, Вайоминг, Вайоминг Нотт — все это одно и то же. Не зови ее только «Уай нот».

— Я согласился больше не пользоваться этим каламбуром, Ман. Gospazha, можно я буду называть вас Вайо, а не Вай? Я пришел к заключению, что односложную форму имени легко перепутать с односложным же наречием вследствие недостаточной определенности и без всякого намерения каламбурить.

Вайоминг похлопала ресницами — английский язык Майка в те времена мог вызвать приступ удушья,— но быстро пришла в себя:

— Конечно, Майк... Вайо — та форма моего имени, которая мне нравится больше всего.

— Тогда я буду ею пользоваться. Полная форма твоего имени тоже может быть понята неправильно, так как по звучанию идентична названию района в Северо-Западной административной зоне Северо-Американского Директората.

— Да, наверно. Я там родилась, и мои родители назвали меня в честь этого штата. Я о нем мало что помню.

— Вайо, я сожалею, что по этому каналу не могу показать тебе иллюстрации. Вайоминг — это четырехугольная территория, лежащая в координатах Терры между сорок первым и сорок пятым градусами северной широты и между сто четвертым градусом с тремя минутами и сто одиннадцатым градусом с тремя минутами западной долготы. Таким образом, его площадь двести пятьдесят три тысячи пятьсот девяносто семь, запятая, два, шесть квадратных километров. Это район возвышенных всхолмлений и гор с ограниченным плодородием и

редкой природной красотой. Население было малочисленным, но значительно выросло в результате плана переселения, явившегося составной частью Программы перепланировки Большого Нью-Йорка в две тысячи двадцать пятом тире тридцатом годах после Р. Х.

— Это было еще до моего рождения, но я кое-что слыхала: моих деда с бабкой переселили, и в конце концов именно поэтому я оказалась в Луне.

— Могу ли я продолжить описание территории, именуемой Вайомингом? — спросил Майк.

— Нет, Майк,— вмешался я опять,— у тебя там материала небось на несколько часов?

— Девять, запятая, семь, три часов нормального чтения, если не включать сноски и ссылки.

— Этого я и боялся. Возможно, когда-нибудь Вайо захочет выслушать все до конца. Но я позвонил, чтобы познакомить тебя с этой Вайоминг... которая также представляет собой весьма возвышенный район редкой природной красоты и импозантных всхолмлений.

— С ограниченным плодородием,— добавила Вайо.— Манни, если ты собираешься продолжать проводить свои дурацкие параллели, можешь включить и эту. Майка совсем не интересует, как я выгляжу.

— Откуда ты знаешь? Майк, я хотел показать тебе фото Вайо.

— Вайо, меня интересует твоя внешность — я ведь надеюсь, что ты станешь моим другом. Но я уже видел несколько твоих фотографий.

— *Видел?* Где и когда?

— Я разыскал и рассмотрел их сразу же, как только услышал твое имя. По контракту я храню архивные файлы Клиники родовспоможения Гонконга-в-Луне. Кроме биологических и физиологических данных, которые имеются в историях болезни пациентов, банк информации содержит девяносто шесть твоих фотографий. Вот я их и изучил.

Вайо поперхнулась.

— Майк может все,— объяснил я ей,— а времени ему на это надо меньше, чем нам — икнуть. Ты привыкнешь.

— О господи! Манни, ты представляешь, *какие* фотографии делают в этой клинике?

— Об этом я как-то не подумал.

— И не думай! Боже мой!

Майк проговорил робким и смущенным голоском — точь-в-точь проштрафившийся щенок:

— Gospazha Вайо, если я тебя обидел, то непреднамеренно, и я очень сожалею. Я могу стереть эти снимки из временной памяти и так закодировать архивы роддома, что получу к ним доступ лишь по повторному требованию клиники и без каких-либо ассоциаций с твоей личностью. Сделать так?

— Это он сумеет,— заверил я ее.— С Майком ты в любой момент можешь начать жизнь заново — в этом смысле с ним проще, чем с людьми. Он может забыть так прочно, что никогда не соблазнится взглянуть хоть уголком глаза... и ни о чем не вспомнит, даже если ему прикажут. Так что принимай его предложение — и конец проблеме.

— Э-э-э... Нет, Майк, *тебе* можно их смотреть... Но ни в коем случае не показывай их Манни!

Майк явно колебался — секунды четыре или даже чуточку больше. Полагаю, такая дилемма довела бы компьютер меньшей мощности до безумия. Но Майк ее разрешил.

— Ман, мой единственный друг, должен ли я принять этот приказ?

— Программируй, Майк,— ответил я.— И исполняй. Вайо, тебе не кажется, что ты уж слишком сурова? Впрочем, отдаю должное твоей предусмотрительности — ведь Майк мог бы распечатать их для меня в следующий раз, когда я к нему попаду.

— Первый снимок в каждой серии,— заявил Майк,— как показывает мой ассоциативный анализ подобных данных, имеет столь высокую эстетическую ценность, что мог бы доставить наслаждение любому здоровому и половозрелому мужчине.

— Ну как, Вайо? Хотя бы в качестве платы за Apfelstrudel?

— Что?! Снимок на фоне измерительной сетки, волосы зашпилены и спрятаны под полотенцем, на лице ни грамма косметики... У тебя, видно, совсем крыша поехала! Майк, не давай ему смотреть ни в коем случае!

— Не дам. Ман, это и есть не-дура?

— Для девушки — да. Девушки — народ интересный, Майк. Они умеют делать умозаключения на основании даже меньшей информации, чем ты. А теперь давайте-ка оставим эту тему и обратимся к шуткам.

Это их отвлекло. Мы прошлись по всему списку, сравнивая наши отметки. Затем попытались объяснить Майку те шутки, которые он не понял. С переменным успехом. Но настоящим камнем преткновения стали шутки, которые я отметил как «смешные», а Вайо — как «не смешные», и наоборот. Вайо спросила у Майка, что он о них думает.

Лучше бы она спрашивала его до того, как мы проставили оценки. Этот электронный прохвост-малолетка во всем соглашался с ней, а не со мной. Думал ли он так на самом деле? Или просто старался подлизаться к новой знакомой? А может, он решил подшутить надо мной, продемонстрировав свое извращенное чувство юмора? Спрашивать я не стал.

Когда мы закончили, Вайо написала на листке телефонной книжки: «Манни, если судить по номерам 17, 51, 53, 87, 90, 99, то Майк — это она».

Я не ответил, только пожал плечами и встал.

— Майк, я не спал уже двадцать два часа. Вы, детишки, болтайте себе на здоровье. Завтра я позвоню.

— Спокойной ночи, Ман. Добрых снов. Вайо, а ты хочешь спать?

— Нет, Майк. Я немного подремала. Но, Манни, мы же не дадим тебе заснуть, разве нет?

— Нет. Когда я хочу спать, то сплю.

Я стал застилать себе коечку.

— Извини, Майк! — Вайо вскочила и отобрала у меня простыню.— Я застелю ее потом сама. А ты храпи себе вон там, tovarishch, ты же крупнее меня. Вытянись как следует.

Я слишком устал, чтобы спорить, вытянулся и тотчас заснул. Кажется, сквозь сон слышал какое-то хихиканье и даже повизгивание, но поскольку просыпаться не стал, то полной уверенности у меня нет.

Проснулся я позже, а по-настоящему пришел в себя, только услышав женские голоса: один — теплое контральто Вайо, а

другой — нежное высокое сопрано с французским акцентом. Вайо засмеялась чему-то и сказала:

— Ладно, Мишель, дорогая, я тебе вскоре позвоню. Спокойной ночи, милочка.

— Договорились. Спокойной ночи, дорогая.

Вайо встала и повернулась ко мне.

— Что еще за подружка? — спросил я. Мне казалось, что у нее в Луна-Сити нет никаких знакомых. А может, она звонила в Гонконг? Даже спросонья я смутно понимал, что этого делать не следовало.

— Это? Майк, разумеется. Мы не хотели тебя будить.

— *Что?*

— Ох! На самом деле она Мишель. Мы обсудили с Майком, какого он пола. И он решил, что может быть любого. Поэтому теперь он еще и Мишель, ты слышал ее голос. Он подобрал его мгновенно — ни разу не дал «петуха».

— Естественно. Просто переключил водер на пару октав. Чего ты хочешь этим достичь — чтобы у него началось раздвоение личности?

— Это не только тембр. Когда она Мишель, у нее совершенно меняются манеры и вкусы. И не волнуйся насчет раздвоения — у нее хватит запасов на целую толпу личностей. Кроме того, Манни, нам с ней так проще. Как только она перевоплотилась, мы тут же подружились, расслабились и начали болтать по-женски, будто знали друг друга всю жизнь. Например, те дурацкие фотоснимки меня больше ни чуточки не смущают. Мы в деталях обсудили все мои беременности. Мишель это жутко интересовало. Ей все известно насчет акушерства и гинекологии, но только в теории, а она предпочитает живые факты. По правде говоря, Манни, Мишель гораздо больше женщина, чем Майк — мужчина.

— Ладно... Будем считать, что все о'кей. Но со мной наверняка случится родимчик, когда я позвоню Майку, а мне ответит женщина.

— Да нет же, ты не понял!

— Э-э-э?..

— Мишель — *моя* подруга. А когда позвонишь ты, тебе ответит Майк. Она дала мне отдельный номер, чтобы избежать

путаницы. Ее номер «Мишель-YYYY», чтобы получилось десять букв.

Я почувствовал укол ревности, хотя и знал, что это глупо. Вайо вдруг хихикнула.

— Она выдала мне серию анекдотов — тебе они наверняка не понравились бы... Бог мой! Ну и забористые же!

— Майк и его сестрица Мишель довольно-таки безнравственные типы. Давай застелем кушетку и поменяемся.

— Лежи, где лежал. И не возникай. Повернись спиной и спи.

Я перестал возникать, повернулся и тотчас уснул.

Какое-то время спустя у меня появилось «семейное» ощущение — что-то теплое прижалось к моей спине. Я бы не стал просыпаться, если бы она не плакала. Я повернулся и молча подложил ей руку под голову. Постепенно она утихла. Дыхание становилось все более ровным и медленным. Я снова заснул.

Глава 5

Должно быть, мы спали как убитые, потому что я очнулся, лишь услышав громкий телефонный звонок. Открыл глаза и увидел, что световой сигнал тоже мигает. Я врубил освещение, начал было вставать, но обнаружил у себя на правой руке непривычную тяжесть. Осторожно освободил руку, выбрался из постели и ответил на вызов.

— Доброе утро, Ман,— сказал Майк.— Профессор де ла Пас звонит по твоему домашнему номеру.

— Ты можешь подключить его сюда? Под шифром «Шерлок»?

— Конечно, Ман.

— Тогда не прерывай их разговор. Переключи его на меня сразу же, как только они кончат говорить. Откуда он звонит?

— По автомату из пивной «Жена бурильщика», это на нижнем...

— Я знаю, Майк. Когда соединишь меня, ты сможешь сам остаться на связи? Хочу, чтобы ты послушал.

— Будет сделано.

— А ты можешь определить, есть ли кто-нибудь рядом с ним? По дыханию, например?

— Из факта отсутствия эха я заключаю, что профессор говорит под защитой глушилки. Но предполагаю, что в пивной должны быть и другие посетители. Хочешь послушать, Ман?

— Да, пожалуй. Включи-ка меня. И, если он поднимет колпак, предупреди. Ты просто умница, Майк.

— Спасибо, Ман.

Майк подключил меня. Говорила Ма:

— ...я обязательно передам ему, профессор. Мне очень жаль, что Мануэля нет дома. Вы не оставите номер, по которому вам можно позвонить? Он очень хотел связаться с вами, специально просил, чтобы я узнала у вас номер телефона.

— Очень сожалею, дорогая леди, но я уже ухожу отсюда. Дайте-ка подумать... сейчас восемь пятнадцать; я попробую позвонить вам ровно в девять, если позволите.

— Конечно, профессор,— в голосе Ма чувствовалось легкое кокетство, приберегаемое ею для мужчин — не мужей,— к которым она благоволит; изредка его частичка перепадает и нам.

Мгновение спустя Майк сказал: «Давай!» — и я заговорил:

— Привет, проф! Слыхал, вы меня разыскиваете? Это Манни.

— Готов поклясться, что я отключился! — изумленно выдохнул проф.— Нет, я и в самом деле отключился; надо думать, аппарат испорчен. Мануэль, я так рад тебя слышать, мальчик мой! Ты только что добрался до дома?

— Я не дома.

— Но... как же это... я не...

— На объяснения нет времени, проф. Вас кто-нибудь может подслушать?

— Не думаю. Я опустил колпак.

— Небольшая проверка. Проф, когда у меня день рождения?

Он помедлил. Потом сказал:

— Понятно. Кажется, я понял. Четырнадцатого июля.

— Убедили. О'кей. Давайте разговаривать.

— Ты действительно говоришь не из дома, Мануэль? Где же ты находишься?

— Об этом поговорим позже. Вы спрашивали мою жену о девушке. Не будем называть имен. Зачем вы хотите ее найти, проф?

Мне надо предупредить ее. Ей *не следует* возвращаться домой. Там ее арестуют.

— Почему вы так думаете?

— Милый мальчик! Все, кто был на этом митинге, сейчас в серьезной опасности. И ты сам тоже. Я обрадовался, хотя и крайне удивился, когда ты сказал, что говоришь не из дома. Тебе нельзя там появляться. Если можешь схорониться где-нибудь на время, устрой себе небольшой отпуск. Ты же понимаешь, хоть и не видел все до конца, что вчера вечером был настоящий взрыв насилия.

Еще бы я не понимал! Убийство охранников Смотрителя было явным нарушением Правил внутреннего распорядка Администрации; во всяком случае, на месте Смотрителя я расценил бы это именно так.

— Спасибо, проф. Я буду осторожен. И если увижу девушку, то передам ей тоже.

— А ты не знаешь, где ее найти? Видели, как ты ушел вместе с ней, и я надеялся, что ты знаешь.

— Проф, откуда такая заинтересованность? Прошлым вечером вы, похоже, не были ее союзником?

— Нет-нет, Мануэль. Она мой товарищ. Для меня «товарищ» не просто форма вежливого обращения, я вкладываю в это слово прежний, более глубокий смысл, означающий некие узы. Она мой *товарищ*. В тактике мы расходимся. Но не в целях, не в преданности Делу.

— Понятно. Считайте, что послание ей вручено. Она его получит немедленно.

— Превосходно! Я не задаю вопросов... но надеюсь, очень надеюсь, что ты найдешь способ оградить ее от опасности, пока не минует гроза.

Я обдумал его слова.

— Минутку, проф, не отключайтесь.

Когда я подошел к телефону, Вайо отправилась в ванную; надо думать, чтобы не слышать разговора — это было в ее духе.

Я постучал в дверь.

— Вайо?

— Одну секунду, сейчас выйду.

— Мне нужен совет.

Она открыла дверь.

— Да, Манни?

— Как котируется профессор де ла Пас в твоей организации? Ему верят? *Ты* ему доверяешь?

Она задумалась.

— Предполагается, что все присутствовавшие на митинге заслуживают доверия. Но лично я с ним не знакома.

— М-м-м... А какое впечатление он произвел на тебя вчера?

— Мне он понравился, хотя и спорил со мной. А ты о нем что-нибудь знаешь?

— Конечно! Я знаю его почти двадцать лет. Я-то ему верю. Но для тебя этого может быть мало. Ты в опасности, и на кон поставлен твой кислородный баллончик, не мой.

Она тепло улыбнулась.

— Манни, раз ты ему веришь, я тоже верю.

Я снова подошел к телефону.

— Проф, вы в бегах?

— Точно так, Мануэль,— хихикнул он.

— Знаете такую дыру — гранд-отель «Малина»? Комната «Л», двумя этажами ниже холла. Сумеете добраться без «хвоста»? Вы завтракали? Что хотите на завтрак?

Он опять хихикнул.

— Мануэль, только ученику дано вызывать у учителя чувство, что он недаром прожил жизнь. Я знаю, где это, я замету следы, я буду не завтракать: я сегодня съем все, до чего смогу добраться!

Вайо начала убирать постели. Я помог ей.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Chai и тост. Хорошо бы еще сок.

— Мало.

— Ну... тогда яйцо в мешочек. Но за завтрак плачу я!

— Два яйца в мешочек, тост с маслом и джемом, сок. Бросим жребий?

Твои кости или мои?

— Мои. У меня они жульнические.

Я подошел к лифту доставки, спросил меню и увидел заманчивое название: «ПРИЯТНОЙ ОПОХМЕЛКИ! ПОРЦИИ ОТ ПУЗА!» Томатный сок, омлет, ветчина, жареный картофель, кукурузные лепешки с медом, тосты, масло, молоко, чай или кофе. Четыре с половиной гонконгских доллара за порцию на двоих. Я и заказал на двоих — не хотелось рекламировать, что нас трое.

Мы были чисты, мы, можно сказать, сияли, комната была прибрана и приготовлена к завтраку. Вайо переоделась из черного костюма в красное платье, «поскольку собиралась приличная компания»... в это время звякнул лифт с едой. Переодевание, между прочим, вызвало ссору. Вайо принимала разные позы, смеялась, потом сказала:

— Манни, мне ужасно нравится это платье. Как ты догадался, что оно мне подойдет?

— Исключительно по причине гениальности.

— Вполне возможно. Сколько оно стоит? Мне надо вернуть тебе деньги.

— Продажная цена пятьдесят центов в купонах Администрации.

Вайо помрачнела и топнула ногой. Нога была босая, особого шума не произвела, зато сама Вайо взмыла вверх на полметра.

— Счастливой посадки! — пожелал я ей, пока она искала, за что бы ухватиться — ну точно новичок!

— Мануэль О'Келли! Неужели вы думаете, что я стану принимать дорогие подарки от человека, с которым даже не переспала?

— Это легко исправить.

— Развратник! Вот я расскажу твоим женам!

— Пожалуйста! Вряд ли тебе удастся открыть Ма что-нибудь новенькое.

Я подошел к лифту и начал вытаскивать из него тарелки.

В дверь постучали. Я щелкнул кнопкой устройства «болтун-гляделка».

— Кто там?

— Посетитель к gospodiny Смиту,— раздался дребезжащий голос.— Gospodin Бернард О. Смит.

Я лязгнул запорами и впустил профессора Бернардо де ла Паса в номер. Выглядел он как утиль низкого качества: одежда грязная, сам замызганный, волосы растрепаны, один бок парализован, рука вывернута, на глазу катаракта — самый настоящий босяк, из тех, что ночуют в Боттом-Эли и выпрашивают в дешевых забегаловках выпивку и яйца в маринаде на закуску. Изо рта у него текли слюни.

Как только я запер дверь, он распрямился, расправил лицо, прижал руки к груди, оглядел Вайо с головы до ног, всосал в себя воздух на японский манер и присвистнул.

— Еще прекраснее,— восхитился он,— чем мне показалось вчера!

Вайо улыбнулась, несмотря на обуревавший ее гнев.

— Благодарю вас, профессор. Но не надо комплиментов. Ведь здесь собрались просто товарищи.

— Сеньорита, в тот день, когда я позволю политике взять верх над моей страстью к красоте, я уйду из политики! — Он оторвал от нее взгляд и рыскнул глазами по комнате.

— Проф, старый распутник, перестаньте искать улики,— сказал я ему.— Прошлой ночью здесь занимались только политикой и ничем, кроме политики.

— Неправда! — вспыхнула Вайо.— Я несколько часов отбивалась от него! Но он оказался слишком силен для меня. Проф, каковы партийные наказания в таких случаях? Здесь, в Луна-Сити?

Профессор пощелкал языком и закатил глаз с бельмом.

— Мануэль, ты меня удивляешь! Это серьезное дело, моя дорогая, тянет на ликвидацию! Но сначала необходимо провести расследование. Вы пришли сюда добровольно?

— Он меня завлек!

— «Заволок», дорогая леди. Постарайтесь выражать свои мысли поточнее. Есть у вас синяки, которые можно предъявить?

— Яйца стынут,— прервал я его.— Давайте ликвидируем меня после завтрака.

— Прекрасная мысль,— согласился профессор.— Мануэль, не можешь ли ты пожертвовать своему старому учителю литр воды, дабы он выглядел более презентабельно?

— Сколько угодно, пожалуйте в ванную. Только не тяните, а то останутся вам рожки да ножки.

— Благодарю вас, сэр.

Он удалился. Послышался плеск воды, звуки стирки и мойки. Мы с Вайо накрыли на стол.

— Синяки...— скорбно сказал я.— Отбивалась всю ночь...

— Ты заслужил это, ты меня оскорбил!

— Чем?

— Тем, что не пытался оскорбить! После того как завлек меня сюда...

— М-м-м... придется подбросить эту задачку Майку.

— Мишель поймет ее сразу. Манни, можно я передумаю и возьму ма-а-ленький кусочек ветчины?

— Половина ее твоя, проф почти вегетарианец.

Вышел проф, и хотя он не выглядел щеголем, как обычно, но все же был чист, аккуратен, причесан, появились ямочки на щеках и счастливые искорки в глазах — фальшивая катаракта куда-то исчезла.

— Проф, как вам это удается?

— Практика, Мануэль. Я этими делами занимаюсь подольше, чем вы, молодые люди. Однажды, много лет назад, в Лиме — прелестный город! — я отважился прогуляться в очаровательный денек без подобной подготовки... и меня сослали в Луну. Боже, какой роскошный стол!

— Садитесь со мной, проф,— предложила Вайо.— Я не хочу сидеть рядом с ним. Он насильник.

— Послушай,— сказал я,— мы сначала поедим, а уж потом вы меня ликвидируете. Проф, накладывайте себе и рассказывайте, чем кончился прошлый вечер.

— Могу я предложить некоторые изменения в программу? Мануэль, жизнь заговорщика нелегка, и задолго до того, как ты родился, я уже научился не мешать закуску с политикой. Это раздражает желудочные ферменты и ведет к язвенной болезни. Язва, да будет вам известно, типичное профессиональное заболевание подпольщиков. М-м-м... рыбка пахнет изумительно!

— Рыбка?

— Этот розовый лосось,— ответил профессор, показывая на ветчину.

Наконец, насладившись завтраком, мы достигли кофейно-чайной стадии. Профессор откинулся на спинку стула и сказал:

— Bolshoych spasebaw, gospazha и gospodin. Tak for mat[1], это было необычайно приятно. Я и не упомню, когда мои отношения с миром были бы столь взаимно благожелательны. Ах да... Насчет вчерашнего вечера. Я мало что видел, ибо сразу после вашего блистательного отступления мне пришлось принять меры, чтоб сохранить свою бренную жизнь хотя бы до сегодняшнего дня, и я затаился. Нырнул за кулисы, перелетев туда одним прыжком. Когда же осмелился высунуть нос, оказалось, что вечеринка кончилась, большинство гостей разошлись, а все желтомундирники мертвы.

(Примечание: должен внести поправку. Гораздо позже я узнал, что, когда началась заварушка и я еще силился вытащить Вайо за дверь, проф выхватил из кармана пистолет и стал стрелять поверх толпы, сняв трех стражников у главного выхода, в том числе и того, что орал в мегафон. Как ему удалось протащить оружие в Булыжник или раздобыть его здесь, я не знаю. Но стрельба профа вместе с действиями Коротышки переломила ход событий. Ни одному желтомундирнику не удалось уйти живым. Несколько лунарей были обожжены, четверо убиты, но ножи, кулаки и каблуки кончили дело в считанные минуты.)

— Вернее, все, кроме одного,— продолжал проф.— Два казака у двери, через которую вы отбыли, получили вечное успокоение от рук доблестного товарища Коротышки М'Крума... и, к сожалению, должен сказать, что сам Коротышка лежал на них, умирая.

— Это мы знаем.

— Да. Dulce et decorum[2] У одного стражника лицо было изуродовано, но он все еще шевелился. Я позаботился о нем, свернув ему шею приемом, известным в профессиональных

[1] Спасибо за угощение (*дат.*).

[2] Начальные слова из оды Горация: «Dulce et decorum est pro patria morti» — «Сладостно и почетно умереть за родину» (*лат.*).

кругах на Земле как «стамбульский захват». В общем, он воссоединился со своими приятелями. К тому времени большинство живых уже разошлось и покинуло зал. Кроме меня, остались только председатель собрания Финн Нильсен и несколько товарищей, в том числе товарищ по кличке «Мам» — так, во всяком случае, ее звали мужья. Я посоветовался с товарищем Финном, и мы заперли все двери. Нужно было решить проблему уборки. Вы знаете, что находится за кулисами Холла?

— Нет,— сказал я. Вайо покачала головой.

— Там есть кухня и кладовка на случай банкетов. Подозреваю, что Мам и ее семья владеют мясной лавкой, поскольку они разделывали тела с такой быстротой, что мы с Финном еле успевали их подносить. Скорость работы сдерживала лишь производительность мясорубки и спуск продукции в канализацию. Зрелище это чуть не довело меня до обморока, и я занялся уборкой зала. Труднее всего было разделаться с одеждой, особенно с этими псевдовоенными мундирами.

— А что вы сделали с лазерными пистолетами?

Проф поглядел на меня невинными глазами.

— С пистолетами? Бог мой! Да они, похоже, куда-то потерялись. Мы забрали все личные вещи с трупов наших усопших товарищей — для родственников, для опознания, на память. Наконец, мы все прибрали; такой уборкой Интерпол, конечно, не проведешь, но на первый взгляд все выглядело как обычно. Мы посовещались, решили, что пока лучше не высовываться, и разошлись поодиночке. Я, например, ушел через шлюз, расположенный над сценой и ведущий на шестой уровень. Потом попытался связаться с тобой, Мануэль, поскольку волновался за тебя и за эту бесценную леди.— Проф поклонился Вайо.— Тут в нашей истории можно поставить точку. Ночь я провел в разных укромных местечках.

— Проф,— сказал я,— эти стражники были явно новичками, они еле на ногах держались. Иначе мы бы с ними не справились.

— Возможно,— согласился он.— Но, даже если бы на их месте оказались другие, более опытные, результат был бы тот же.

— Тот же? Но у них было оружие!

— Мальчик мой, ты когда-нибудь видел пса из породы боксеров? Думаю, нет. Таких крупных собак тут не держат. Боксеры — результат направленного отбора. Добрые и умные, они превращаются в смертельно опасных убийц, когда того требует обстановка.

Здесь же выведена еще более удивительная порода. Я не знаю на Терре ни одного города, где жители обладали бы такими мягкими манерами и были бы столь доброжелательны к другим людям, как здесь, в Луне. По сравнению с нашими города Терры — а я побывал во многих столицах — просто скопище варваров. И все же лунари не менее опасны, чем псы-боксеры. Мануэль, девять стражников, пусть даже вооруженные до зубов, не имели ни единого шанса в этой толпе. Наш патрон жестоко просчитался.

— Хм... Вы видели утреннюю газету, проф? Или видеоновости?

— Видео смотрел.

— Во вчерашних новостях о митинге ничего не было.

— Сегодня утром тоже.

— Странно,— сказал я.

— Что ж тут странного? — возразила Вайо.— *Нам* подобные новости ни к чему, а в каждой редакции в Луне у нас сидят свои товарищи.

Проф покачал головой.

— Нет, моя дорогая. Все не так-то просто. Цензура. Вы знаете, как делаются макеты наших газет?

— Приблизительно. Их набирают на компьютерах.

— Проф вот что имеет в виду,— сказал я ей.— Статьи печатают в редакциях. А потом ими занимается арендуемый газетами головной компьютер Комплекса Администрации.— Я надеялся, что она обратит внимание, что я сказал «головной компьютер», а не «Майк».— Текст ему передают по телефону. Компьютер обрабатывает статьи, делает макет и печатает газету в разных поселениях. Новоленовское издание «Ежедневного Лунатика» печатается в Новолене с определенными изменениями в объявлениях и местной хронике — компьютер вносит эти изменения по стандартной программе, не нуждаясь ни в каких дополнительных указаниях. Проф хочет сказать,

что Смотритель может вмешаться в процесс подготовки макета в Комплексе. То же самое относится и к выпускам новостей, которые транслируются по Луне или с Луны,— они все проходят через компьютерный зал.

— Главное,— продолжил проф,— что Смотритель *имел возможность* выбросить материал о митинге, независимо от того, сделал он это или нет. А еще — поправь меня, Мануэль, если я ошибаюсь, ты ведь знаешь, что в технике я не силен,— он может ввести туда другой материал, так что в данном случае не имеет значения, сколько наших товарищей сидит в редакциях газет.

— Конечно,— согласился я.— В Комплексе могут добавить, вырезать или изменить все что угодно.

— И в этом, сеньорита, самое уязвимое место нашего Дела. Средства связи. Головорезы Смотрителя — это ерунда, главное, что не мы, а Смотритель определяет, что публиковать, а что нет. Для революционера связь — это sine qua non[1].

Вайо взглянула на меня, и я почти физически ощутил, как шевелятся извилины в ее мозгу. А потому переменил тему.

— Проф, зачем вам понадобилось уничтожать трупы? Мало того, что это жуткий труд, он еще и опасен. Я не в курсе, сколько у Смотрителя охранников, но ведь в любой момент могли появиться новые, пока вы там копались с уборкой.

— Поверь мне, мальчик, мы этого тоже боялись. И хотя я оказался плохим помощником в уничтожении трупов, идея была моя; пришлось еще потрудиться, чтобы убедить остальных. Собственно, мне принадлежала не сама идея. Просто я вспомнил об одном историческом принципе.

— И что же это за принцип?

— Сеять ужас. Человек способен противостоять известной ему опасности. Но *неизвестность* его пугает. Мы уничтожили этих подонков подчистую, вплоть до кончиков ногтей, чтобы вселить ужас в души их сообщников. Я не знаю, сколько у Смотрителя охранников, но гарантирую, что сегодня они куда слабее духом, чем вчера. Их коллеги отправились выполнять пустяковое задание. И от них не осталось буквально ничего.

[1] Непременное условие (*лат.*).

Вайо содрогнулась.

— Даже у меня мороз по коже пошел. Теперь они задумаются, прежде чем вломиться в какое-то из поселений. Но, профессор, вы говорите, что не знаете, сколько у Смотрителя охранников. Организации это известно. Их двадцать семь. Если девять убиты, то осталось всего восемнадцать. Не думаете ли вы, что время для путча настало? Или еще нет?

— Нет,— ответил я.

— Но почему, Мануэль? Возможно, такими слабыми они никогда больше не будут.

— Они пока недостаточно слабы. Мы убили девятерых, потому что они оказались дураками и сами полезли к нам в руки. Но если Смотритель запрется у себя, окруженный оставшимися стражниками... Только не надо этой чепухи насчет «плечом к плечу», я ее вдосталь наглотался вчера.— Я повернулся к профу.— И все же меня очень интересует факт — если это действительно факт,— будто у Смотрителя осталось восемнадцать охранников. Вы говорили, что Вайо нельзя уехать в Гонконг, а мне — появляться дома. Но если охранников только восемнадцать, так ли уж велика опасность? Позже, когда они получат подкрепление — возможно, но сейчас... В Луна-Сити четыре главных выхода и множество мелких. Сколько они смогут взять под контроль? Что мешает Вайо отправиться на станцию «Западная», взять свой скафандр и уехать в Гонконг?

— Это она может сделать,— согласился проф.

— Думаю, я должна это сделать,— отозвалась Вайо.— Не могу же я торчать здесь вечно. Если придется скрываться, в Гонконге мне будет легче, там у меня полно знакомых.

— Может быть, вам это удастся, моя дорогая. Хотя я сомневаюсь. Прошлой ночью на станции «Западная» были два желтомундирника. Я видел их сам. Возможно, сейчас их там нет. Предположим, что нет. Итак, вы отправитесь на станцию, в маскировке, разумеется. Возьмете свой скафандр и сядете в капсулу до Билютихэтчи. Потом выйдете наружу, чтобы сесть на луноход, идущий до Эндсвиля. Вот тут-то вас и сцапают. Средства связи, моя дорогая. Нет нужды ставить посты желтомундирников на станциях — достаточно, чтобы кто-нибудь увидел вас там. Все остальное сделает телефон.

— Но я же буду замаскирована!

— Ваш рост не замаскируешь, а за вашим скафандром будут следить. Кто-нибудь, кого невозможно даже заподозрить в связях со Смотрителем. Скорее всего кто-то из товарищей.— Проф усмехнулся.— Беда с заговорами в том, что они загнивают изнутри. Как только число заговорщиков достигает четырех, можно биться об заклад, что один из них шпион.

— В вашем изложении все выглядит безнадежно,— мрачно проговорила Вайо.

— Почему же все, моя дорогая? Полагаю, один шанс из тысячи у вас есть.

— Не верю я в это. Не верю! За годы, что я провела в организации, мы завербовали сотни людей! У нас ячейки во всех главных городах. Народ на нашей стороне!

Проф покачал головой.

— Чем больше народу вы принимали, тем больше была вероятность предательства. Вайоминг, моя бесценная леди, революции не выигрывают привлечением в организацию широких масс. Революция — наука, в которой компетентны единицы. Эта наука опирается на организованность, а самое главное — на владение средствами связи. И когда наступает нужный исторический момент — наносится удар. Правильно и вовремя организованный переворот фактически бескровен. Если же организация расхлябанная, а время выбрано неверно, начинаются гражданские войны, разгул насилия и террор. Надеюсь, вы извините меня, если я скажу, что до сих пор у вас все делалось крайне неряшливо.

Вайо была обескуражена.

— Что вы подразумеваете под правильной организацией?

— Организацию функциональную. Как проектируют электрический мотор? Разве вы станете приделывать к нему ванну только потому, что она случайно оказалась у вас под рукой? Или присобачивать букет цветов? Или кучу камней? Нет, вы будете использовать лишь те детали, которые необходимы для целевого назначения мотора. Вы не станете без нужды увеличивать его размер и постараетесь обеспечить надежность его работы. Функции определяют дизайн.

Так и с революцией. Организация должна быть не больше, чем нужно. *Никогда* не принимайте в нее людей только потому,

что они хотят в нее вступить. Не уговаривайте вступать в ее ряды исключительно ради удовольствия видеть там еще одного человека, разделяющего ваши взгляды. Он разделит их потом, когда придет время... или же вы неверно оценили исторический момент. О, конечно, просветительские организации тоже нужны, но они должны существовать отдельно. Агитпроп отнюдь не часть базовой структуры.

Что же до базовой структуры, то революция начинается с конспирации. Поэтому структура должна быть невелика, засекречена и так организована, чтобы свести к минимуму опасность предательства, поскольку предательство *неизбежно*. Единственное решение — организация, состоящая из ячеек. До сих пор ничего лучшего не изобретено.

Насчет оптимальной величины ячеек есть разные мнения. Как показывает исторический опыт, надежнее всего ячейка из трех человек. Четверо обычно не в состоянии договориться о времени обеда, не то что о времени нанесения удара. Мануэль, ты член большой семьи. Вы голосуете, во сколько сегодня садиться за стол?

— Бог мой! Нет, конечно. Все решает Ма.

— Ага! — Проф вытащил из своей сумки блокнот и стал в нем что-то набрасывать.— Вот система, состоящая из трехчленных ячеек... Если бы я планировал захват Луны, я бы начал с нас троих. Один из нас стал бы председателем. Голосовать не нужно — выбор должен быть бесспорен, иначе какая же мы тройка. Мы знали бы еще девятерых — три ячейки... но каждая из этих ячеек знала бы только одного из нас.

— Похоже на компьютерную диаграмму — троичная логика.

— В самом деле? На следующем уровне могут быть два варианта связей. Скажем, члену ячейки второго уровня известны двое его товарищей и руководитель ячейки, а на третьем уровне он знает лишь подчиненную ему тройку. Он может знать — или не знать — членов подъячеек двух своих сотоварищей. В первом случае удваивается безопасность, во втором — скорость восстановления сети в случае провала ячейки. Давайте предположим, что он не *знает* подъячеек своих сотоварищей. Мануэль, сколько человек он может предать? И не говори, что он не предаст —

нынче *любому* можно промыть мозги, подкрахмалить, отутюжить и использовать. Так сколько?

— Шестерых,— ответил я.— Руководителя, двух товарищей по ячейке и троих из подъячейки.

— Семерых,— поправил меня проф,— он же предает и себя тоже. В результате остается семь оборванных связей, которые нужно восстановить. Как?

— Не представляю, как это можно сделать. Все развалится на кусочки — сеть разорвана,— ответила Вайо.

— Мануэль? Задачка-то для школьника.

— Эти ребята, что внизу, должны иметь возможность послать сигнал тем, кто находится тремя уровнями выше. Они не обязаны знать кому, но должны знать *куда*.

— Совершенно верно!

— Но, проф,— продолжал я,— можно придумать и более надежную схему.

— Вот как? Эта структура, мой мальчик, выкована усилиями многих революционеров-теоретиков. Я питаю к ним такое доверие, что готов держать пари, скажем, десять против одного.

— Плакали ваши денежки, проф. Возьмите те же ячейки и постройте открытую пирамиду, состоящую из тетраэдров. Там, где вершины общие, каждый парень знает одного в соседней ячейке, знает, как послать ему сигнал,— и это все, что ему нужно. Связи никогда не разрушаются, поскольку идут не только вверх-вниз, но и в стороны. Как в нервной ткани мозга. Вот почему в черепной коробке можно проделать дырку, вынуть шматок мозга и почти не повредить мыслительные способности. Избыточная емкость — происходит переключение на запасные связи. Мозг потеряет то, что было разрушено, но будет продолжать функционировать.

— Мануэль,— с сомнением проговорил проф,— может, попробуешь изобразить схемку? Звучит здорово, но так сильно противоречит общепринятой доктрине, что мне просто необходимо увидеть это своими глазами.

— Ну... был бы компьютер, я бы вам запросто построил стереочертеж. Ладно, попробую.

(Если вы думаете, что изобразить открытую пятиэтажную пирамиду, состоящую из ста двадцати одного тетраэдра, да еще

показать связи между элементами — это раз плюнуть, попробуйте сами.)

Наконец я сказал:

— Взгляните-ка на схему. Каждая вершина каждого треугольника либо является общей для еще одного или двух треугольников, либо такой общности не имеет. Там, где вершина общая для двух треугольников, связь может идти в одном или в другом направлении, но для создания избыточной коммуникационной сети достаточно и одного. На углах, не являющихся общими, связь пойдет вправо — к следующему углу. Там, где вершина общая для трех треугольников, тоже выбираем связь, повернутую вправо.

А теперь проиграем ситуацию на людях. Возьмем четвертый уровень «Г». Эта вершина — товарищ Грэм. Нет, давайте-ка спустимся еще на один уровень и посмотрим, что будет, если связь прервется на уровне «Д». В качестве примера возьмем товарища Дональда.

Дональд работает под руководством Георга, имеет товарищами по ячейке Джона и Джозефа, а сам руководит еще тремя (на следующем уровне «Е») — Енсом, Евгением и Евой. Еще ему известно, как послать сигнал товарищу Дику, в другой ячейке на его же уровне. Дональд не знает ни имени Дика, ни его внешности, ни адреса, ничего, кроме номера телефона для экстренной связи.

Теперь смотрите, как это работает. На третьем уровне «В» ссучился товарищ Вильгельм и предал своих друзей по ячейке Винсента и Виктора, Бейкера — уровнем выше и Георга, Грэма и Гарри в своей подъячейке. Это изолирует Дональда, Джона и Джозефа, а также всех, кто стоит ниже их.

Все трое сообщают об этом — избыточность, необходимая для каждой коммуникационной системы,— но мы посмотрим, что происходит с сигналом Дональда. Он звонит Дику, но Дик, находившийся под началом у Винсента, тоже отрезан. Это, однако, не имеет значения, так как Дик передает оба сообщения по своей экстренной линии связи Дэвиду. По несчастному стечению обстоятельств Дэвид находился под командой Виктора, но он пользуется своей запасной линией связи и передает со-

общение через Дилана... что выводит сообщение за пределы «сгоревшей» зоны и связывает нижние уровни с Гуго, Вивиан и Бисваксом, а там и с Адамом, стоящим во главе... А тот отвечает по связям *другой* стороны пирамиды с выходами на уровень «Д» от Дугласа к Дональду и через них к Дику и Дэвиду. Эти два сигнала, идущие вверх и вниз, не только проходят быстро, но по их источнику штаб сразу может определить, какой ущерб нанесен сети и в каком месте. Мало того, что организация продолжает функционировать,— она тут же начинает ремонтировать свою структуру.

Вайо с недоверием следила за линиями, стараясь поверить, что «идиотская» схема будет работать, хотя, в общем-то, это было очевидно. Показать бы ее Майку на несколько миллисекунд, и он наверняка выдал бы усовершенствованный и более надежный вариант. Да еще придумал бы, как устранить возможность предательства вообще и одновременно ускорить сроки прохождения сигналов. Но я-то не компьютер.

Проф взирал на схему с непроницаемым лицом.

— В чем дело? — спросил я.— Не беспокойтесь, все сработает — как-никак это мой хлеб.

— Мануэль, мой маль... извините. Сеньор О'Келли... не согласитесь ли вы возглавить нашу революцию?

— Я?! Bog мой, пует! Я не собираюсь стать мучеником заведомо проигранного дела. Я просто вычертил схему.

Вайо взглянула на меня.

— Манни,— сдержанно сказала она.— Ты избран. Это дело решенное.

Глава 6

Черта с два — решенное!

Проф сказал мне:

— Мануэль, прошу тебя, не торопись. Нас тут трое — идеальное число, у нас разносторонние таланты и обширный жизненный опыт. Красота, почтенный возраст и мужественная целеустремленность...

— Нет у меня никакой целеустремленности!

— Перестань, Мануэль. Давай посмотрим на вещи шире, а уж потом будем принимать решения. И чтобы стимулировать сей процесс, поведайте мне, найдется ли на этом постоялом дворе что-нибудь спиртное? У меня есть несколько флоринов, которые я охотно пустил бы в торговый оборот.

Это было едва ли не самое разумное предложение за последний час.

— Stolichnaya vodka?

— Звучит недурственно,— он потянулся за бумажником.

— Ждите, вас обслужат! — сказал я и заказал литр со льдом.

Заказ прибыл быстро. От завтрака у нас еще оставался томатный сок.

— А теперь,— сказал я после того, как мы приняли на грудь,— что вы, проф, думаете о бейсбольном чемпионате? Судя по тотализатору, «Янки» на сей раз продуют...

— Мануэль, скажи мне, каковы твои политические убеждения?

— ...но раз там появился тот новый парнишка из Милуоки, я готов рискнуть небольшим капиталцем...

— Порой трудно их сформулировать, но, использовав Сократову методу вопросов, легко понять, на чьей он стороне и к чему стремится.

— Ставлю три против двух, несмотря на неблагоприятный прогноз.

— *Что?!* Ах ты, дурачок! Сколько?

— Три сотни. Гонконгских.

— Заметано. Например, при каких обстоятельствах государство вправе поставить свои интересы выше интересов гражданина?

— Манни,— вмешалась Вайо,— у тебя еще много шальных денег? Я без ума от «Филадельфиков».

Я внимательно оглядел ее с головы до пят.

— И что ты намерена поставить?

— Иди ты к черту! Насильник!

— Проф, я понимаю так, что обстоятельств, при которых государство вправе поставить свои интересы выше *моих*, просто быть не может.

— Совсем неплохо. Отсюда уже можно танцевать.

— Манни,— снова вмешалась Вайо,— это самый что ни на есть отъявленный эгоизм!

— А я и есть отъявленный эгоист.

— Ну что ты несешь! А кто меня спас? Меня — совершенно чужого тебе человека? И не попытался этим воспользоваться? Профессор, я просто дурачилась. Манни вел себя как самый настоящий рыцарь.

— Sans peur et sans reproche[1]. Я так и думал, ведь мы знакомы много лет. Что вполне совместимо с его высказыванием.

— Нет, не совместимо! Я имею в виду не сегодняшнюю ситуацию, а тот идеал, к которому мы стремимся. Манни, «государство» — это Луна. Пусть пока не суверенная, пусть мы с тобой считаемся гражданами совсем других стран. И все же я — неотъемлемая часть государства Луна и твоя семья — тоже. Разве ты не готов умереть ради своей семьи?

— Эти две вещи друг с другом никак не связаны.

— Еще как связаны! В том-то и дело, что связаны!

— Nyet. Свою семью я знаю давно.

— Дорогая леди, я должен заступиться за Манни. У него верный взгляд на вещи, хотя он, возможно, и не совсем точно его формулирует. Смею ли я спросить? При каких обстоятельствах поступок группы людей будет нравственным, а тот же поступок, совершенный отдельным ее членом,— безнравственным?

— Хм... вопрос на засыпку, да?

— Но ведь это же ключевой вопрос, дорогая Вайоминг. Это радикальный вопрос, который отражает корни дилеммы правительства. Тот, кто ответит на него честно и останется верен своему взгляду, невзирая на последствия, знает, что он отстаивает и за что готов умереть.

Вайо нахмурилась.

— Безнравственно для отдельно взятого члена группы...— повторила она.— Профессор, а каковы ваши политические принципы?

---

[1] Без страха и упрека (*фр.*).

— Позвольте сначала услышать о ваших. Если, конечно, вы способны их сформулировать.

— Конечно, способна! Я приверженец Пятого Интернационала, как и большая часть членов организации. Мы не отталкиваем от себя попутчиков, у нас единый фронт. Среди нас есть коммунисты, приверженцы Четвертого Интернационала, краснобригадники и коллективисты, сторонники единого налога, да мало ли кто еще. Но я не марксистка; у нас, у Пятого Интернационала, программа чисто практическая: пусть частная собственность существует там, где это уместно, а государственная — где необходимо. Мы признаем, что стратегия изменяется вместе с обстоятельствами. Словом, никакого доктринерства.

— А как с высшей мерой наказания?

— За что?

— Ну, скажем, за предательство. За действия против Луны, когда вы ее освободите?

— Смотря какое предательство. Пока мне не известны обстоятельства, я ничего решить не смогу.

— Так же как и я, милая Вайоминг. Я верю в необходимость высшей меры при определенных условиях — только с одним отличием: я не стану обращаться в суд. Я сам проведу следствие, вынесу приговор, приведу его в исполнение и приму на себя всю меру ответственности.

— Но... профессор, кто же вы по убеждениям?

— Я разумный анархист.

— Такой марки я не знаю. Анархо-индивидуалисты, анархо-коммунисты, христианские анархисты, философские анархисты, синдикалисты, либертарианцы[1] — про таких слыхала. А вы кто такой? Может, рандит[2]?

— С рандитами я нашел бы общий язык. Разумный анархист верит, что такие понятия, как «государство», «общество», «правительство», в реальности не существуют. Они являются воплощением действий сознающих свою ответственность ин-

[1] Приверженцы философии свободы воли как во взглядах, так и в поведении.

[2] Сторонник сексуальной свободы.

дивидуумов. Разумный анархист полагает, что перекладывать бремя ответственности, разделять и перераспределять ответственность вообще невозможно, ибо и ответственность, и вина, и стыд — все они существуют лишь внутри индивидуума и *больше нигде*. Однако, будучи разумным, анархист понимает, что далеко не все люди разделяют его взгляды, а потому старается приблизиться к совершенству в этом несовершенном мире. Понимая, что результаты его усилий будут далеки от совершенства, он не падает духом от сознания неизбежности ждущей его неудачи.

— Вот-вот! — воскликнул я.— «Далеки от совершенства». К этому я стремился всю свою жизнь!

— И добился своего,— откликнулась Вайо.— Профессор, все это красивые слова, не больше. Слишком много власти в руках индивидуумов... Представьте, например, что водородная бомба попадет в руки какой-нибудь безответственной личности...

— Так ведь самое главное в моей теории то, что *каждая* личность ответственна. За все. Если водородные бомбы существуют, а они таки существуют, их обязательно контролирует какой-то *человек*. В сфере морали *такого понятия, как «государство», вообще нет*. Есть только люди. Индивидуумы. И каждый несет ответственность за свои поступки.

— Кто еще хочет выпить? — спросил я.

Ничто так не способствует расходованию алкоголя, как политические дискуссии. Я заказал еще бутылку.

В споре я не участвовал. Не могу сказать, чтобы я так уж стенал «под железной пятой Администрации». Я надувал ее как мог, а в остальное время забывал о ее существовании. И уж конечно не помышлял, как ее уничтожить, ибо уничтожить ее невозможно. Иди своей дорогой, не суй нос не в свое дело, не лезь...

Правда, особой роскоши я тоже не знал. По земным стандартам мы были почти нищими. Импортом не пользовались, нам он не по карману. Сомневаюсь, чтобы тогда во всей Луне нашлась хоть одна автоматически закрывающаяся дверь. Даже скафандры, и те привозили с Терры, пока какой-то хитроумный китаеза, еще до моего рождения, не додумался, как собезьянничать их, а заодно упростить и улучшить. (Бросьте двух китаез в одно из наших «морей», и они разбогатеют, продавая

друг другу камни, да при этом еще умудрятся вырастить по двенадцать детишек. А затем появится индус и начнет торговать в розницу тем, что скупит у китайцев оптом: загонит все ниже себестоимости, но с жирной прибылью. Так и живем помаленьку.)

Роскошь мне приходилось видеть на Земле. Не стоит она того, чем они за нее платят. Я не имею в виду большую силу тяжести — там к ней привыкли; я говорю о всякой ерундистике. Сплошные kukai moa[1]. Если бы все это дерьмо собачье из одного только земного города вывезти в Луну, проблема удобрений у нас решилась бы на сотню лет вперед. Делай то. Не делай этого. Не выходи из строя. Где твоя квитанция об уплате налогов? Заполни бланк. Покажи лицензию. Принеси шесть копий. Здесь только выход. Нет правого поворота. Нет левого поворота. Встань в очередь и уплати штраф. Не забудь поставить печать. Сдохни — но сначала получи разрешение.

Вайо вцепилась в профа мертвой хваткой, уверенная в том, что ей известны все ответы. Но профа больше интересовали вопросы, чем ответы, и это ставило ее в тупик. Наконец она сказала:

— Профессор, я вас не понимаю. Я не настаиваю на слове «правительство». Я хочу только, чтобы вы четко сформулировали, какие ограничения свободы вы считаете необходимыми для обеспечения равных свобод для всех.

— Дорогая леди, я с радостью приму все ваши ограничения...

— Но вы же, по-моему, не терпите *никаких* ограничений?

— Верно. Но я приму любые ограничения, которые вам кажутся необходимыми для вашей свободы. Я-то свободен всегда, какими бы ограничениями меня ни окружали. Если я сочту их приемлемыми, я их стерплю. Если они покажутся мне обременительными, я их нарушу. Я свободен, ибо знаю, что только я один морально ответствен за все, что делаю.

— Вы подчинились бы закону, который принят, скажем, большинством народа?

— Скажите мне, что это за закон, дорогая леди, и я скажу вам, буду ли я ему подчиняться.

---

[1] Запреты (полинез.).

— Вы увиливаете! Каждый раз, когда я ставлю принципиальный вопрос, вы уходите от ответа...

Проф прижал руки к сердцу.

— Простите меня! Поверьте, прекраснейшая Вайоминг, более всего в мире я жажду угодить вам. Вы говорили о своем стремлении включить в единый фронт всех попутчиков. Достаточно вам того, что я хочу видеть Администрацию низвергнутой и готов отдать ради этого жизнь?

Вайо просияла.

— Конечно, достаточно! — Она несколько раз (очень нежно) ткнула его под ребро, обняла за шею и поцеловала в щеку.— Товарищ! Будем же друзьями!

— Ура! — завопил я.— Подать мне сюда... ик!.. Смотрителя, я его... ик!.. иквидирую.

Я был в восторге от своей идеи. Ничего удивительного — я не выспался и не привык много пить.

Проф наполнил стаканы до краев, поднял свой к потолку и торжественно объявил:

— Товарищи!.. *Мы провозглашаем начало революции!*

Это заявление бросило нас в объятия друг друга. Но я мигом протрезвел, как только проф уселся и произнес:

— Заседание чрезвычайного комитета Свободной Луны считаю открытым. Нам нужно разработать план действий.

Я всполошился:

— Постойте-ка, проф! Я на такие фокусы согласия не давал! Что за галиматья, какой еще «план действий»?

— Мы немедленно свергнем Администрацию,— ответил он ласково.

— Каким образом? Закидаете ее камнями?

— А это мы продумаем. Для того и разрабатывается план действий.

— Проф, вы меня знаете,— сказал я.— Если бы пинок под зад Администрации был нам по карману, я не стал бы торговаться о цене.

— «...наши жизни, наше достояние и наша священная честь...»[1].

[1] Заключительные слова Декларации независимости США 1796 г.

— Чего-чего?

— Это цена, которую уже как-то раз пришлось платить за свободу.

— Что ж, я бы за ценой тоже не постоял. Но, когда я заключаю пари, мне нужен хоть какой-то шанс на выигрыш. Я говорил Вайо вчера, что не возражаю, если этот шанс будет совсем невелик...

— Ты сказал «один из десяти», Манни.

— Да, Вайо. Покажите мне шансы «за» и «против», и я ставлю на кон. Если вы *можете* их показать.

— Нет. Мануэль, не могу.

— Тогда к чему весь этот треп? Лично я не вижу ни единого шанса на победу.

— Я тоже, Мануэль. Но у нас с тобой разный подход к этому делу. Революция — это искусство, сам процесс творчества увлекает меня больше, чем конечная цель. Проигрыш меня не смущает — поражение может доставить не меньшее духовное наслаждение, чем победа.

— Только не мне. Очень сожалею.

— Манни,— внезапно заговорила Вайо,— спроси у Майка.

Я обалдел.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Если кто-то и может рассчитать шансы, так это Майк. Ты со мной не согласен?

— Хм... возможно.

— А кто такой, осмелюсь спросить,— вмешался проф,— этот Майк?

Я пожал плечами.

— Да, собственно говоря, никто...

— Майк — лучший друг Манни. Он здорово рассчитывает шансы.

— Букмекер? Моя дорогая, если мы введем сюда четвертого, принцип трехчленных ячеек будет нарушен.

— Не понимаю, почему? — сказала Вайо.— Майк мог бы стать членом ячейки, которую возглавит Манни.

— М-м-м... верно. Снимаю возражение. А он надежен? Вы за него ручаетесь? Как, Манни?

— Это бесчестный неполовозрелый любитель розыгрышей, которого политика нисколько не интересует.

— Манни, я передам Майку твое мнение о нем. Профессор, он совсем не такой! И он нам нужен! По правде говоря, он мог бы стать нашим председателем, а мы — его подъячейкой. Исполнительной тройкой.

— Вайо, ты соображаешь, что говоришь? Может, у тебя кислородное голодание?

— Я-то о'кей, я же не нализалась так, как некоторые. *Думай*, Манни! Шевели мозгами!

— Должен признаться,— сказал проф,— что нахожу эти высказывания в высшей степени противоречивыми.

— Манни?

— Да ну тебя...

И мы, перебивая друг друга, рассказали профу о Майке, о том, как он «ожил», как получил имя, как познакомился с Вайо. Проф принял известие о появлении у компьютера самосознания куда спокойнее, чем я в свое время воспринял факт существования снега, когда впервые увидел его. Проф просто кивнул и сказал: «Ну-с, дальше». Потом спросил:

— Так, значит, это компьютер Смотрителя? Тогда почему бы вам не пригласить на наше заседание самого Смотрителя — на том бы и покончили?

Мы постарались разубедить его. В конце концов я сказал:

— Попробуйте посмотреть на дело так: Майк сам себе голова, в точности как вы, проф. Если угодно, назовите его разумным анархистом, ибо он разумен и не испытывает преданности ни к какому правительству.

— Если машина нелояльна по отношению к своему хозяину, почему ты считаешь, что она будет лояльна по отношению к нам?

— Я это чувствую. Я отношусь к Майку как к хорошему другу, и он отвечает мне тем же.— Я рассказал, какие меры предосторожности принял Майк, чтобы я не засветился.— Я не уверен, что он не *сможет* выдать кому-то наш засекреченный телефон или файлы с информацией, которую я передал ему на хранение. У машин способ мышления не такой, как у людей. Но я абсолютно уверен, что он *не захочет* предать меня... и, вероятно,

сумеет как-то меня защитить, даже если кто-нибудь пронюхает о секретных файлах.

— Манни, а давай позвоним ему,— предложила Вайо.— После того как профессор де ла Пас поговорит с Майком, он поймет, почему мы ему доверяем. Профессор, мы не станем рассказывать Майку никаких секретов, пока вы его не проверите.

— Что ж, вреда, я думаю, от этого не будет.

— Честно говоря, я уже передал ему кое-какие секреты,— признался я. И рассказал им о магнитной записи вчерашнего собрания и о том, куда я ее заховал.

Проф был неприятно поражен, Вайо встревожена. Я сказал:

— Забудьте об этом. Никто, кроме меня, не знает пароля. Вайо, ты помнишь, как повел себя Майк, когда встал вопрос о твоих снимках? Он не покажет их теперь даже мне, хотя именно я предложил их заблокировать. Когда вы оба прекратите вибрировать, я позвоню ему, чтобы убедиться, что никто эту запись не вызывал, и попрошу ее стереть. Она исчезнет бесследно, ведь компьютер помнит все или ничего. А можно сделать еще лучше — переписать ее обратно на мой магнитофон, одновременно стирая из файла. Плевое ж дело, ей-богу!

— Не суетись,— сказала Вайо.— Профессор, я верю Майку, и вы ему тоже поверите.

— По зрелом размышлении, должен признать, что не вижу особого вреда от записи вчерашнего собрания,— сказал проф.— Такие большие митинги без шпиков не обходятся, и кто-нибудь из них запросто мог записать все на магнитофон. Меня огорчило твое легкомыслие, Мануэль,— недостаток, недопустимый для заговорщика, особенно стоящего во главе конспиративной организации.

— Когда я вводил запись в Майка, я не был заговорщиком. И не собираюсь им быть, если мне не докажут, что есть реальные шансы на победу.

— Беру свои слова обратно. Ты не был легкомыслен. Но неужели ты всерьез считаешь, что машина может предсказать исход революции?

— Не знаю.

— А я уверена, что может! — воскликнула Вайо.

— Погоди, Вайо. Проф, Майк сможет предсказать ее исход, если у него будет достаточно информации.

— Но ведь и я о том же, Мануэль. Я нисколько не сомневаюсь, что машина может решать проблемы, не доступные моему пониманию. Но чтоб такого масштаба! Для этого нужно знать... Господи!.. да всю историю человечества, все детали общественной, политической и экономической ситуации на Терре и в Луне, учесть все психологические нюансы и технологические возможности, в том числе вооружение и коммуникации, надо разбираться в стратегии, тактике, технике агитпропа, знать труды классиков — Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли* и многих других.

— И только-то?

— Только-то! Мой милый мальчик!

— Проф, сколько книжек по истории вы прочли?

— Не знаю. Более тысячи, вероятно.

— Майк может прочесть столько же еще до полудня: скорость чтения лимитируется лишь техникой сканирования, сам он может накапливать информацию куда быстрее. Он в считанные минуты сопоставит любой факт со всеми другими известными ему данными, отметит противоречия и оценит вероятность развития процесса с учетом степени неопределенности. Проф, Майк читает каждое слово в каждой газете, выходящей на Терре. Читает все технические публикации. Читает художественную литературу, хоть и знает, что все это вымысел, так как постоянно стремится занять себя, удовлетворить свой информационный голод. Если есть хоть одна книга, которую надо прочесть для решения нашей задачи, скажите название. Он проглотит ее мгновенно, как только я ее принесу.

Проф поморгал глазами.

— Будем считать, что я принял поправку. Ладно, посмотрим, сможет ли он справиться с этой задачкой. Я продолжаю верить в необходимость того, что называется интуицией и человеческим здравым смыслом.

— У Майка есть интуиция,— заявила Вайо.— Я бы даже сказала — женская интуиция.

— Что же касается «человеческого здравого смысла»,— добавил я,— то Майк, конечно, не человек. Однако все его знания

получены от людей. Познакомьтесь с ним и тогда решайте, есть ли у него здравый смысл.

Я набрал номер.

— Привет, Майк!

— Хелло, мой единственный друг. Приветствую тебя, Вайо, моя единственная подруга. Я слышу, с вами есть кто-то третий. Судя по всему, это профессор Бернардо де ла Пас.

Проф оторопел, потом восхитился. Я сказал:

— Ты совершенно прав, Майк. Потому-то я тебе и звоню. Профессор — не-дурак.

— Благодарю тебя, Ман. Профессор Бернардо де ла Пас, я счастлив познакомиться с вами.

— Я тоже счастлив нашему знакомству, сэр! — Проф поколебался и продолжил: — Май... сеньор Холмс, могу ли я спросить, как вы узнали о моем присутствии?

— Извините, сэр, но я не могу ответить. Ман! «Вы знаете мой метод»[1].

— Майк — парень хитрый, проф. Он не хочет раскрывать секреты, которые узнал, выполняя для меня конфиденциальную работу. Поэтому он намекнул мне, чтобы я вам внушил, будто он идентифицировал вас по звуку... А он и впрямь многое может узнать по дыханию и биению сердца — массу, примерный возраст, пол и даже кое-что о состоянии здоровья. Его медицинские архивы неисчерпаемы, впрочем, как и все остальные.

— Я рад отметить,— заявил Майк серьезно,— что не замечаю признаков сердечных и респираторных заболеваний, обычных для человека в возрасте профессора, который провел столько времени на Земле. Я могу поздравить вас, сэр.

— Благодарю вас, сеньор Холмс.

— Мне было приятно сообщить вам об этом, профессор Бернардо де ла Пас.

— Как только он идентифицировал вашу личность, он сразу узнал, сколько вам лет, когда вас сослали и за что, какие публикации появлялись о вас в «Лунатике», «Лунном сиянии» и прочих изданиях, взглянул на фотоснимки, проверил ваш бан-

[1] Слова Шерлока Холмса из рассказа А. Конан Дойла «Знак четырех» (*пер. М. Литвиновой*).

ковский счет, узнал, аккуратно ли вы платите налоги и так далее и тому подобное. На это ушли сотые доли секунды, стоило ему лишь услышать ваше имя. Майк только не признался — информация была строго между нами,— что ему известно о моем намерении пригласить вас сюда, а стало быть, он сразу догадался о вашем присутствии, когда услышал ваше дыхание и пульс. Майк, ни к чему постоянно повторять «профессор де ла Пас», достаточно будет простого «проф».

— Понятно, Ман. Но профессор обращался ко мне формально и в высшей степени вежливо.

— Значит, вам обоим надо расстегнуть воротнички. Проф, вы усекли? Майк многое знает, но далеко не обо всем болтает. Он умеет держать язык за зубами.

— Это впечатляет.

— Майк — самый настоящий умник-разумник, вы увидите. Майк, я заключил с профессором пари — три против двух, что «Янки» опять выиграют чемпионат. Какие у меня шансы?

— Мне очень жаль, Ман. До завершения чемпионата еще далеко, но, судя по результативности команд и игроков, шансы не в твою пользу: один к четырем, запятая, семь, два.

— Неужто так плохо?

— Очень сожалею, Ман. Могу распечатать расчет, если угодно. Но я посоветовал бы тебе дать отступного. «Янки» в состоянии победить любую команду в отдельности... но шансов на победу над всеми клубами лиги, если учесть еще такие факторы, как погода, несчастные случаи и другие переменные предстоящего сезона, у них не больше, чем я сказал.

— Проф, хотите взять отступного?

— Разумеется, Мануэль.

— Ваша цена?

— Три сотни гонконгских долларов.

— Ах вы, старый грабитель!

— Мануэль, как твой бывший учитель, я не могу лишить тебя возможности учиться на собственных ошибках. Сеньор Холмс... Майк, друг мой... Вы позволите называть вас другом?

— Сделайте одолжение! — Майк чуть не мурлыкал.

— Майк, амиго, а вы не следите за скачками?

— Бывает, что считаю шансы, и нередко. Программисты из гражданской службы дают задания. Но результаты так часто расходятся с прогнозами, что либо мне дают слишком неполные исходные данные, либо лошади или жокеи нечестно играют. Возможно, действуют сразу все три фактора. Однако я могу предложить вам формулу, благодаря которой скачки будут приносить вам верный доход, если играть регулярно.

— И какова же эта формула? Можно узнать? — нетерпеливо спросил проф.

— Можно. Делайте ставки на учеников ведущих жокеев. Они обычно мало весят и получают хороших лошадей. Но не ставьте все сразу — могут быть проколы.

— Ученик ведущего... хм... Мануэль, у тебя часы точные?

— Проф, чего вы хотите? Сделать ставку ни свет ни заря? Или выяснить то, о чем мы говорили?

— Ох, извини... пожалуйста, продолжайте. Ведущий ученик...

— Майк, я дал тебе вчера вечером магнитную запись.— Я наклонился к микрофону и прошептал: — «День Бастилии».

— Помню, Ман.

— Ты обдумал ее?

— Со всех сторон. Вайо, ты говорила очень впечатляюще.

— Спасибо, Майк.

— Проф, вы можете на время отвлечься от пони?

— А? Конечно... я весь обратился в слух.

— Тогда прекратите бормотать себе под нос варианты ставок. Майк просчитает вам их куда быстрее.

— Я не терял времени даром — финансирование... совместных предприятий вроде нашего... всегда дается с трудом. Но это можно и отложить. Я весь внимание.

— Я хочу, чтобы Майк сделал пробный прогноз. Майк, в той записи Вайо говорила о необходимости свободной торговли с Террой. Проф же предложил вообще наложить эмбарго на отправку продовольствия Терре. Кто из них прав?

— Вопрос сформулирован некорректно, Ман.

— Что я упустил?

— Можно я поставлю его иначе?

— Конечно. Изложи свои аргументы.

— В ближайшем будущем предложение Вайо сулит обитателям Луны солидные барыши. Цена продовольствия у головы катапульты возрастает минимум в четыре раза. При этом учтен и незначительный рост оптовых цен на Терре — незначительный потому, что Администрация и сейчас продает продукты по цене, близкой к свободной рыночной. Я не стал учитывать субсидирование продовольствия, продажу его по демпинговым ценам и бесплатную раздачу, так как все это возможно лишь благодаря колоссальным доходам, связанным с искусственно заниженной ценой у катапульты. Не стану говорить и о более мелких переменных, они слишком несущественны. Ограничусь утверждением, что непосредственным эффектом будет повышение цены примерно в четыре раза.

— Вы слышите, профессор!

— Но, дорогая леди, с этим я и не спорил!

— Доходы у производителей продовольствия вырастут более чем в четыре раза, потому что, как указала Вайо, сейчас они вынуждены покупать воду и другие товары по искусственно завышенным ценам. Введение свободных рыночных цен, по идее, должно бы увеличить доходы производителей в шесть раз, но фактический рост будет меньше из-за влияния других факторов: повышение цен на экспортируемые товары приведет к росту цен на все, что потребляется в Луне,— как на товары, так и на труд. И все же общий уровень жизни повысится примерно вдвое. Это будет сопровождаться оживленным строительством новых сельхозтуннелей, увеличением добычи льда, внедрением новых аграрных методов, что опять-таки увеличит экспорт. Однако рынок Терры так велик, а нехватка продовольствия носит столь хронический характер, что уменьшение прибыли, вызванное ростом экспорта, не сможет стать ведущим фактором.

Проф перебил его:

— Но, сеньор Майк, все это лишь приблизит день, когда ресурсы Луны будут окончательно истощены.

— Я предупредил, что прогноз краткосрочный, сеньор профессор. Могу ли я изложить долгосрочный прогноз, сделанный на основе ваших замечаний?

— Всенепременно!

— Масса Луны составляет приблизительно семь, запятая, три, шесть, умноженные на десять в девятнадцатой степени тонн. Если принять численность населения Терры и Луны и прочие переменные за константу и учесть постоянный рост экспорта, то пройдет семь, запятая, три, шесть, умноженные на десять в двенадцатой степени лет, прежде чем будет израсходован один процент массы Луны. Иначе говоря, около семи тысяч миллиардов лет.

— *Что?* Вы в этом *уверены?*

— Сделайте одолжение, профессор, проверьте сами.

— Майк,— сказал я,— это шутка? Если да, то она не смешна даже по первому разу.

— Как бы там ни было,— пришел в себя проф,— мы экспортируем не лунную кору. Мы экспортируем нашу жизнь — воду и органику. А не горные породы.

— Я это учел, профессор. Прогноз основан на возможностях контролируемой трансмутации — то есть превращения одного изотопа в другой при условии эндотермичности реакций. Фактически будут вывозиться именно горные породы, трансформированные в пшеницу, мясо и другие виды продовольствия.

— Но мы не умеем этого делать! Амиго, это нелепо!

— Ничего, когда-нибудь научимся.

— Майк прав, профессор,— вмешался я.— Сегодня мы и впрямь не умеем, но это вопрос времени. Майк, ты не подсчитал, сколько лет нам потребуется? Хорошо бы иметь в заначке такой козырь.

Майк печально ответил:

— Ман, мой единственный друг, если не считать профессора, который, как я надеюсь, тоже станет моим другом, я пытался подсчитать, но мне это не удалось. Вопрос поставлен некорректно.

— Почему?

— Потому что тут требуется гигантский теоретический прорыв. Моя информация не дает возможности прогнозировать место и время рождения гения.

Проф вздохнул.

— Майк, амиго, я даже не знаю, что чувствовать — разочарование или облегчение. Выходит, этот прогноз практически ничего не значит?

— Как это не значит?! Очень даже значит! — вскричала Вайо. — Мы обязательно найдем решение, когда приспичит! Скажи ему, Майк!

— Вайо, я очень огорчен. Хотел бы я обладать твоей уверенностью. Но ответ будет прежним: где и когда появится гений, мне неизвестно. Увы. Я скорблю.

— Но тогда,— сказал я,— проф был прав? Если вернуться к нашим шансам?

— Одну минуту, Ман. Есть еще одно решение, предложенное профессором: возвратные поставки с Терры, тонна за тонну.

— Да, но это *неосуществимо!*

— Если транспортировка будет достаточно дешевой, земляне согласятся. Решение требует небольших технических новшеств, теоретического прорыва не нужно. Просто грузовые поставки с Терры должны стать такими же дешевыми, как катапультирование грузов с Луны.

— И ты называешь это небольшим новшеством?

— Я назвал его небольшим в сравнении с другими проблемами, Ман.

— Майк, дорогой, а сколько нужно времени на это? Долго придется ждать?

— Вайо, по самым грубым подсчетам, основанным скорее на интуиции, чем на информации, понадобится где-то порядка пятидесяти лет.

— Около пятидесяти лет? Так это же пустяк! Значит, у нас будет свободная торговля!

— Вайо, я сказал «порядка», а не «около пятидесяти лет».

— А какая разница?

— Разница большая,— вмешался я.— Майк имел в виду, что не ждет этого раньше чем через пять лет, но удивится, если понадобится пятьсот. Так, Майк?

— Верно, Ман.

— Значит, нам нужен еще один прогноз. Проф сказал, что мы вывозим воду и органику и не получаем их обратно. Ты согласна, Вайо?

— Да, конечно! Только я не думаю, что эта проблема так неотложна. Когда придет время, мы ее решим.

— О'кей, Майк,— у нас нет ни дешевого транспорта, ни трансмутации. Через сколько лет начнутся неприятности?

— Через семь лет.

— *Семь лет!* — Вайо вскочила, в полном изумлении глядя на телефон.— Майк, милый! Не может быть, чтобы ты говорил серьезно!

— Вайо,— вздохнул он печально.— Я очень старался. В этой задаче бесконечно большое число переменных. Я перепробовал несколько тысяч вариантов решения, исходя из разных предпосылок. Самый оптимистичный ответ получился при допущении, что поставки на Терру не увеличатся ни на грамм, что численность населения Луны перестанет расти благодаря введению жестких мер ограничения рождаемости и что одновременно развернутся активные поиски льда, чтобы поддержать нужный уровень водоснабжения. При таких условиях запас времени будет чуть больше двадцати лет. Остальные прогнозы куда хуже.

Вайо, придя в себя, спросила:

— Что же произойдет через семь лет?

— Этот срок я получил, взяв за основу нынешнюю ситуацию и предположив, что Администрация не изменит свою политику; все главные переменные экстраполированы исходя из их прошлой динамики. Судя по доступным данным, это наиболее вероятный ответ. В две тысячи восемьдесят втором году начнутся первые голодные бунты. Каннибализм вряд ли возникнет раньше чем через два года после этого.

— Каннибализм! — Вайо отвернулась и спрятала лицо на груди профа.

Он погладил ее по спине и мягко сказал:

— Мне очень жаль, Вайо. Люди не имеют представления о том, как хрупка наша экология. Но даже меня это потрясает. Мне, конечно, известно, что вода всегда бежит вниз по склону, но я никак не думал, что мы с такой ужасающей скоростью приближаемся ко дну пропасти.

Вайо выпрямилась, лицо ее было спокойно.

— О'кей, профессор, я ошибалась. Эмбарго необходимо, равно как и все с ним связанное. Перейдем к делу. Давайте спросим у Майка, каковы наши шансы. Теперь вы верите ему, не так ли?

— Да, дорогая леди. Верю. Мы должны привлечь его на свою сторону. Ну, Мануэль...

Потребовалось немало времени, чтобы убедить Майка в нашей полной серьезности, заставить его понять, что «шуточки» могут нас погубить (это очень трудно усвоить машине, которая не представляет себе, что такое смерть), и получить заверение, что он может и будет хранить секреты, независимо от того, какие программы поиска информации будут задействованы,— даже если это будут наши собственные пароли, исходящие не от нас. Майка обидели мои сомнения, но дело было слишком серьезное, чтобы рисковать из-за какой-нибудь оплошности.

Затем около двух часов ушло на программирование и пересмотр программ, на выбор предпосылок и исследование вытекающих из них проблем, пока наконец все четверо — Майк, проф, Вайо и я — не были полностью удовлетворены тем, что нам удалось сформулировать. А именно: какие шансы на успех имеет революция — вот эта революция, возглавляемая нами,— если мы хотим не допустить голодных бунтов, собираемся сражаться с Администрацией голыми руками, а против нас все могущество Терры и ее одиннадцати миллиардов жителей, готовых нас раздавить и подчинить своей воле. И при условии, что никакой иллюзионист не вытащит для нас из шляпы кролика, что никуда нам не деться от предательства, людской глупости и малодушия и что сами мы отнюдь не гении и не играем никакой существенной роли в жизни Луны. Проф положил немало трудов, чтобы увериться в познаниях Майка в области истории, психологии, экономики и так далее. Под конец Майк сильно обскакал профа по количеству предложенных переменных. Наконец решили, что программа готова и что мы не в состоянии придумать еще один более или менее существенный фактор.

Тогда Майк сказал:

— Проблема слишком неопределенна. Как я должен ее решить? Пессимистически? Оптимистически? Или в виде вероятностной кривой или нескольких кривых? Что скажете, профессор, мой друг?

— Мануэль?

— Майк,— сказал я,— когда я бросаю игральную кость, то один шанс из шести за то, что выпадет единица. Я не прошу владельца лавочки проверить кость на плавучесть, не измеряю ее кронциркулем, не беспокоюсь о том, что кто-то может дунуть на нее. Не надо нам ни оптимистических, ни пессимистических подходов, не надо нам никаких кривых. Скажи нам одной фразой: каковы шансы. Равные? Один на тысячу? Никаких?

— Да, Мануэль Гарсия О'Келли, мой первый друг.

В течение тринадцати с половиной минут не было слышно ни звука. Вайо чуть не сгрызла себе костяшки пальцев. Никогда я еще не видел, чтобы Майку для расчетов потребовалось столько времени. Надо думать, он сверялся с каждой книгой, которую прочел, и перетряхнул все наборы случайных чисел. Я уже стал подозревать, что у него что-нибудь сгорит от перенапряжения или начнется нервный срыв, требующий операции наподобие лоботомии, чтобы прекратить осцилляцию. Наконец Майк заговорил.

— Ман, мой друг, я страшно сожалею.

— Что случилось, Майк?

— Я проделал расчет несколько раз, проверял и перепроверял. На победу есть всего лишь *один шанс из семи.*

Глава 7

Я поглядел на Вайо, она на меня; мы громко расхохотались. Я вскочил и заорал: «Ура!» Вайо разрыдалась, обняла профа и принялась целовать его.

Майк грустно сказал:

— Я не понимаю вас. Шансы семь к одному *против* нас. Не *за* нас.

Вайо прекратила слюнявить профессора и вскрикнула:

— Ты слышишь! Майк сказал «нас». Он включил и себя.

— Еще бы! Майк, старичок, мы все понимаем. Но знаешь ли ты хоть одного лунаря, который отказался бы поставить на такой роскошный шанс — один к семи?!

— Я знаю только вас троих. Данных, чтобы построить кривую, недостаточно.

— Что ж... мы лунари. А лунари — народ азартный. Тут поневоле станешь азартным, черт побери! Нас выперли сюда и заключили пари, что мы подохнем. А мы их обхитрили. И снова оставим их в дураках! Вайо! Где твоя сумочка? Давай сюда красный колпак! Надень на Майка. Поцелуй его. И примем по граммулечке. Налей Майку тоже — хочешь выпить, Майк?

— Я бы с удовольствием выпил,— с завистью отозвался Майк,— поскольку неоднократно *размышлял* над проблемой воздействия этилового спирта на нервную систему человека. Очевидно, оно аналогично легкому повышению вольтажа. Но поскольку я пить не могу, выпейте за меня кто-нибудь.

— Программа принята. Поехали. Вайо, где колпак?

Телефон был заподлицо со стеной — вделан прямо в скалу, так что напялить на него колпак не удалось. Мы водрузили колпак на полку, заменявшую письменный стол, и произнесли в честь Майка тост, и назвали его «товарищ», и он чуть было не прослезился. Во всяком случае, голос у него дрогнул. Затем Вайо схватила «колпак свободы», надела его на меня и поцелуем посвятила, на сей раз уже официально, в подпольщики, причем с такой страстью, что моя старшая жена хлопнулась бы в обморок при виде этого зрелища. Затем Вайо нахлобучила колпак на профа, повторив с ним ту же процедуру,— слава богу, с сердцем у него, по словам Майка, было все о'кей.

После этого Вайо надела колпак на себя, подошла к телефону, наклонилась и, приблизив губы к промежутку между микрофонами, послала несколько громких воздушных поцелуев.

— Это тебе, Майк, мой дорогой товарищ! А Мишель тут?

И будь я проклят, если ей тут же не ответило нежнейшее сопрано:

— Я здесь, милочка! И я *та-ак* счастлива!

Тогда поцелуй получила и Мишель, а мне пришлось объяснить профу, кто она такая, и представить его. Он был необычайно вежлив, громко втягивал воздух сквозь зубы, свистел и хлопал в ладоши — иногда мне кажется, что проф все-таки немного с приветом.

Вайо разлила водку. Проф подхватил стаканы, подлил в наши кофе, а в ее — chai и всем набухал меда.

— Мы провозгласили начало революции,— сказал он твердо.— Теперь мы начнем ее творить. На трезвую голову. Мануэль, тебя избрали председателем. Начнем?

— Председателем будет Майк,— ответил я.— Это очевидно. И он же будет секретарем. Мы не станем держать ни единого клочка исписанной бумаги — это первое правило конспирации. С Майком нам бумага не нужна. И прежде чем что-то решать, надо оглядеться и понять, на каком мы свете; я ведь в этих делах новичок.

— Кстати,— сказал проф,— к вопросу о конспирации. Тайна, связанная с Майком, должна быть ограничена пределами исполнительной ячейки. Круг допущенных лиц может быть расширен лишь в случае единогласного одобрения все троих... поправка: всех четверых.

— Какая тайна? — спросила Вайо.— Майк согласился хранить все наши секреты. Он более надежен, чем мы. Ему нельзя промыть мозги. Верно ведь, Майк, милый?

— Мне можно промыть мозги,— ответил Майк,— прибегнув к высокому вольтажу. Меня можно разбить, можно воздействовать на меня растворителями или позитивной энтропией или другими средствами — мне даже думать об этом неприятно. Но если под «промывкой мозгов» ты подразумеваешь, что меня могут заставить выдать ваши секреты, ответ будет категорически отрицательным.

— Вайо,— сказал я,— проф имел в виду тайну самого существования Майка. Майк, старина, ты наше секретное оружие — ты ведь понимаешь это, верно?

Майк застенчиво произнес:

— При определении шансов на успех мне пришлось учесть это обстоятельство.

— И какие были шансы без тебя, товарищ? Совсем никудышные?

— Не совсем хорошие. Отличались на порядок.

— Ладно. Замнем для ясности. Но секретное оружие должно быть секретным. Майк, кто-нибудь еще подозревает, что ты живой?

— А я живой? — В голосе звучало трагическое одиночество.

— Хм... не будем спорить о семантике. Конечно, ты живой.

— Я не был в этом уверен. А как славно быть живым! Нет, Манни, мой первый друг, только вы трое знаете об этом. Трое моих друзей.

— Так должно остаться и впредь, если мы хотим сорвать банк. О'кей? Только нас трое — и больше никаких разговоров ни с кем.

— Зато мы с тобой будем болтать до посинения,— пообещала Вайо.

— Это не просто о'кей,— твердо сказал Майк,— это необходимость. Я включил этот фактор в расчет шансов.

— Значит, вопрос решен,— сказал я.— На их стороне все оружие в мире, зато на нашей — Майк. Такой вот расклад. Слушай, Майк, мне только что стукнуло в голову... нам придется воевать с Террой?

— Мы будем воевать с Террой... если не проиграем еще до того.

— Типун тебе на язык! У землеедов есть такие же смышленые компьютеры, как ты? Или живые?

Майк помедлил с ответом.

— Не знаю, Ман.

— Нет данных?

— Мало данных. Я искал сведения не только в технических изданиях, но и в других источниках. На рынке нет компьютеров моей нынешней мощности... однако аналогичные мне модели можно усовершенствовать точно так же, как это проделали со мной. Кроме того, сведения об экспериментальном мощном компьютере могли быть засекречены и не опубликованы.

— М-м-м... что ж, придется идти на риск.

— Да, Ман.

— Таких умниц, как наш Майк, вообще больше быть не может,— презрительно заявила Вайо.— Не валяй дурака, Манни.

— Вайо, Ман вовсе не валяет дурака. Манни, я видел одно странное сообщение. В Пекинском университете предпринята попытка соединить компьютер с человеческим мозгом с целью достичь колоссального увеличения мощности. Компьютерный киборг.

— И было написано, как это сделать?

— Заметка была не технического характера.

— Что ж, не беспокойся о том, чего не в силах изменить. Верно, проф?

— Правильно, Мануэль. Революционер должен избегать тревожных сомнений, иначе нервная система не выдержит.

— Не верю я ни одному вашему слову,— заявила Вайо.— У нас есть Майк, и мы победим. Майк, милый, ты сказал, что нам придется сражаться с Террой, а Манни утверждает, что Терру нам не одолеть. Наверняка у тебя есть какая-то идея, как выиграть в этой схватке, иначе ты не дал бы нам шанса из семи. Что у тебя на уме?

— Мы побьем их камнями,— ответил Майк.

— Не смешно,— буркнул я.— Вайо, не ставь телегу впереди лошади. Мы еще не решили даже, как выбраться из этой норы, чтобы нас не прищучили. Майк, проф сказал, что вчера вечером были убиты девять стражников, а Вайо утверждает, что их всего двадцать семь. Так что осталось восемнадцать. Ты в курсе, так это или нет? Может, знаешь, где они и что затевают? Нельзя же начинать революцию, если мы носа не можем высунуть наружу.

Проф меня перебил:

— Мануэль, это трудности преходящие, мы сами с ними справимся. Проблема же, поднятая Вайо, основополагающая, и ее необходимо обсудить. Сегодня же и до конца. Меня интересует мнение Майка.

— О'кей, о'кей... вы можете чуть-чуть подождать, пока Майк ответит на мой вопрос?

— Извините, сэр.

— Майк?

— Ман, официально у Смотрителя числится двадцать семь охранников. Если девять убиты, теперь их, по официальным данным, осталось восемнадцать.

— Что значит — «официально числится»?

— У меня есть некоторая информация; не исключено, что она существенна. Позволь мне изложить ее, прежде чем выдвигать гипотетические предположения. Номинально в департаменте шефа безопасности, кроме клерков, числятся только

охранники. Но я составляю платежные ведомости для Комплекса Администрации, и число двадцать семь *не совпадает* с численностью персонала департамента безопасности.

Проф кивнул:

— Стукачи, да?

— Подождите, проф. И кто же эти люди?

— Это просто номера в ведомостях, Ман,— ответил Майк.— Я подозреваю, что имена, которые они заменяют, находятся в банке данных шефа безопасности.

— Погоди-ка, Майк. Шеф безопасности Альварес хранит у тебя свои файлы?

— Предполагаю, что так, поскольку его банк данных перекрыт паролем, запрещающим поиск информации.

— Во зараза! — сказал я и добавил: — Проф, как вам это нравится? Он использует Майка для хранения информации, Майк знает, где она спрятана, но не может к ней прикоснуться.

— Почему не может, Мануэль?

Я постарался объяснить профу и Вайо, какими видами памяти обладает наш «умник». Постоянная память, которая не может быть стерта ввиду особого устройства логической части, то есть самого процессора; оперативная память, которая используется для текущих программ, а затем стирается — вроде той памяти, что подсказывает вам, подсластили вы кофе или нет; временная память, которая сохраняется в течение обусловленного времени — миллисекунд, дней, лет — и стирается по истечении срока; постоянно накапливаемая память, то есть базы данных, подобные образованию, получаемому человеком, с той разницей, что машина ничего не забывает, хотя сами эти данные могут быть сжаты, рассортированы, перемещены и отредактированы; и, наконец, длинный список специальных памятей — от файлов с записками-памятками до сложнейших программ. Причем каждая память активизируется собственным сигналом поиска, блокируемым или нет, с бесконечными разновидностями блокировки — последовательными, параллельными, временными, ситуационными и так далее.

Никогда не пытайтесь объяснить устройство компьютера невеждам. Легче девственнице объяснить, что такое секс. Вайо

никак не могла взять в толк, почему Майк, зная, где Альварес хранит свои материалы, не может добраться до них.

Я сдался.

— Майк, ты не можешь ей растолковать?

— Попытаюсь, Ман. Вайо, я могу выдать заблокированные материалы, только получив задание извне. Я не могу сам себе задать такую программу поиска информации. Моя логическая структура не позволяет этого. Я должен получить сигнал, введенный извне.

— Хорошо, но скажи, ради бога, что это за сигнал?

— Это,— без запинки выдал Майк,— специальный файл «Зебра».— И выжидательно замолк.

— Майк! — сказал я.— Разблокируй специальный файл «Зебра»!

Он повиновался, и информация хлынула к нам потоком. Пришлось еще убеждать Вайо, что дело было отнюдь не в упрямстве Майка — он ведь почти умолял нас щекотнуть его за это место. Конечно, ему был известен сигнал, как же иначе! Но он должен был поступить извне, этого требовала сама конструкция Майка.

— Майк, напомни мне проверить вместе с тобой все специальные сигналы блокировки и пуска. Возможно, там мы наткнемся на залежи ценной информации.

— Я уже думал об этом, Ман.

— О'кей, но это потом. А теперь вернемся обратно и не торопясь пройдемся по материалам «Зебры»... и, Майк, по мере чтения перепиши их, не стирая, под шифром «День Бастилии» в отдельный файл. Назовем его «Дятел». О'кей?

— Программа готова и выполняется.

— Все новые данные, что внесет Альварес, обрабатывай в том же духе.

Главным нашим призом оказался полный список стукачей во всех поселениях, содержавший более двухсот имен; каждое из них сопровождалось шифром, который Майк идентифицировал с номером в платежной ведомости.

Майк начал зачитывать список по Гонконгу-в-Луне, и тут Вайо истерически вскрикнула:

— Стоп, Майк! Мне надо их записать!

— Эй! — сказал я.— Никаких записей! Что за базар?

— Эта женщина... Сильвия Чанг — она же секретарь у нас в Гонконге! Но... но это означает, что вся наша организация в руках у Смотрителя!

— Нет, дорогая Вайоминг,— поправил ее проф.— Это означает, что вся его организация в наших руках.

— Но...

— Я понимаю, что проф имеет в виду,— обратился я к Вайо.— *Наша* организация состоит только из нас троих и Майка. А потому — цыц! Дай Майку дочитать. Но ничего не записывай. Ты можешь получить список от Майка в любое время — стоит только позвонить. Майк, отметь, что эта баба Чанг является секретарем бывшей организации Конгвиля.

— Отметил.

Вайо вся кипела, слушая имена стукачей в своем городе, но ограничилась лишь тем, что запомнила информацию, касавшуюся ее личных знакомых. Не все они были из числа «товарищей»«, но все же их было достаточно, чтобы довести ее до белого каления. Имена по Новому Ленинграду нам почти ничего не говорили: проф знал троих, Вайо — одного. Когда дело дошло до Луна-Сити, проф отметил, что почти половина стукачей принадлежит к числу «товарищей». Некоторых я знал лично — естественно, не как фальшивых подпольщиков, а просто как добрых знакомых. Но не друзей. Не знаю, как бы я реагировал, обнаружив, что люди, которым я верил,— платные агенты босса. Думаю, меня бы это потрясло.

Вайо, во всяком случае, была потрясена. Когда Майк закончил, она сказала:

— Мне до зарезу нужно домой. Я ни разу в жизни не участвовала в ликвидации, но я с наслаждением уничтожу этих сволочей!

— Никто из них,— спокойно сказал проф,— не будет ликвидирован, дорогая Вайоминг.

— Что?! Профессор, вы что — против? Я никогда не убивала, но всегда считалась с тем, что такая необходимость может возникнуть.

— Убийство,— покачал головой проф,— не лучший метод обращения со стукачами, особенно когда они не знают, что вам известно об их предательстве.

— Я, должно быть, ужасно тупа,— захлопала ресницами Вайо.

— Нет, дорогая моя леди. Просто в вас слишком много очаровательной непосредственности... слабость, которой вам следует остерегаться. Справиться со шпиком — дело нехитрое: надо дать ему возможность дышать, окружить его надежными товарищами и скармливать ему безвредную информацию, чтобы порадовать его хозяев. Все эти типы будут приняты в нашу организацию. Пусть вас это не шокирует — мы включим их в особые ячейки. Правильнее, наверно, назвать их «клетками». Ликвидировать шпиков было бы безумной расточительностью — ведь каждый стукач будет тут же заменен новым, а само убийство этих предателей подскажет Смотрителю, что мы проникли в его секреты. Майк, амиго мио, в этом досье должно быть что-то и обо мне. Не взглянете ли?

Насчет профа было много чего, но я был поражен, узнав, что все сводится к оценке «безвредный старый дурак». Классифицировался он как «подрывной элемент» — по этой причине его и сослали в Булыжник — и как член подпольной группы в Луна-Сити. Считалось, что в организации он прослыл склочником, который вечно со всеми спорит.

Проф прямо расцвел — так был доволен.

— Надо подумать: может, стоит продать свою душу и пойти на жалованье к Смотрителю?

Вайо это не показалось забавным, особенно когда проф дал понять, что это не шутка, а просто довольно опасная тактика, нередко, однако, практикуемая.

— Революцию приходится финансировать, дорогая леди, и один из путей добыть для нее деньги — это пойти в полицейские осведомители. Очень возможно, что некоторые из этих предателей фактически на нашей стороне.

— Ни за что не стала бы им доверять!

— Согласен. Основная трудность с двойным агентом — то, что невозможно точно определить, кому он по-настоящему предан, если предан вообще. Хотите ознакомиться с собственным досье? Или предпочитаете прослушать его в одиночестве?

В деле Вайо никаких неожиданностей не оказалось. Стукачи Смотрителя вычислили ее еще несколько лет назад. К моему удивлению, выяснилось, что досье есть и на меня — результат формальной проверки на предмет допуска к работе в Комплексе Администрации. Меня классифицировали как «аполитичного», причем кто-то дописал «туповат», что было, с одной стороны, обидно, а с другой — справедливо, иначе черт бы занес меня в эту революцию.

Через несколько часов проф попросил Майка прекратить чтение, откинулся на спинку стула и задумался.

— Ясно одно,— сказал он.— Смотрителю много известно о Вайоминг и обо мне, известно уже давно. Ты, Мануэль, в этот черный список не попал.

— А после вчерашнего?

— Ах да. Майк, какие-нибудь дополнения вносились в файл за последние двадцать четыре часа?

Оказалось — никаких. Проф продолжил:

— Вайоминг права — мы не можем отсиживаться тут всю жизнь. Мануэль, сколько у тебя знакомых в списке? Шесть, не так ли? Кого-нибудь из них ты вчера видел?

— Нет, но они могли видеть меня.

— Вряд ли им удалось засечь тебя в такой гуще народа. Я сам тебя заметил, только когда вышел на трибуну, а ведь я знаю тебя с детских лет. С Вайоминг дело другое. Трудно предположить, чтобы ее путешествие из Гонконга и речь на митинге остались незамеченными для Смотрителя.— Он взглянул на Вайо.— Дорогая леди, сможете вы разыграть фиктивную роль под названием «последняя блажь старика»?

— Вероятно, смогу. А что это значит, профессор?

— Мануэль пока чист. Я — нет, но мое досье не дает оснований предположить, что ищейки Администрации бросятся меня вылавливать. Вас же они наверняка захотят допросить и даже задержать. Вы считаетесь опасной. С вашей стороны было бы разумно не мозолить им глаза. Эта комната... Я подумываю о том, чтобы снять ее на какой-то срок — на недели или даже на годы. Вы можете скрываться здесь, если вам безразличны те совершенно очевидные заключения, которые будут сделаны из этого факта.

Вайо хихикнула:

— Господи, мой миленький! Неужели вы думаете, что мне есть дело до того, что обо мне подумают? Я с восторгом сыграю роль вашей ночной подружки... и не слишком полагайтесь на то, что это будет только игра.

— Никогда не дразните старого кобеля,— ответил он мягко.— А то еще куснет ненароком. На ночь я резервирую себе эту кушетку. Мануэль, я намерен вести себя как обычно и тебе советую то же самое. Хотя предполагаю, что они вряд ли пошлют за мной казаков, в этом убежище я буду спать спокойнее. К тому же здесь удобно проводить собрания ячейки, и телефон тут есть.

— Профессор,— вмешался Майк,— можно мне внести предложение?

— Конечно, амиго, мы будем рады выслушать ваше мнение.

— Я считаю, что с каждой новой встречей нашей исполнительной ячейки опасность будет возрастать. Но вам не обязательно встречаться во плоти — вы можете общаться по телефону, а когда будет желательно мое присутствие, я к вам присоединюсь.

— Ваше присутствие нам всегда желательно, товарищ Майк. Больше того — необходимо. Однако...— Проф заколебался.

— Проф,— сказал я,— не переживайте, что нас подслушают.— И я объяснил, как можно звонить по коду «Шерлок».— Телефоны не опасны, если их контролирует Майк. Кстати, о кодах... вы же не знаете, как связаться с Майком. Как, Майк? Дать профу мой номер?

Обсудив этот вопрос, они остановились на коде «Мрак-и-тайна». Проф и Майк по-детски обожали интригу ради интриги. Я сильно подозреваю, что проф был в отпаде от самого процесса бунтарства задолго до того, как выработал свою политическую философию; что же касается Майка... какое ему дело, скажите на милость, до свободы людей? Революция была для него игрой, причем в этой игре подобралась приятная компания и появилась возможность продемонстрировать свои таланты. Майк был невероятно тщеславной машиной — другую такую поискать.

— Но эта комната нам все равно нужна,— сказал проф, покопался в своей сумке и вытащил толстую пачку банкнот.

Я вытаращил глаза:

— Отрабили банк?

— В последние дни не приходилось. Может, в ближайшем будущем и возьмусь, если Дело того потребует. Думаю, для начала подойдет арендный срок на один лунный месяц. Организуешь, Мануэль? Портье может удивиться, услышав незнакомый голос. Я ведь прошел через грузовой отсек.

Я позвонил портье и договорился о выдаче ключа на четыре недели. Он запросил девятьсот гонконгских долларов, я предложил девятьсот купонов. Он осведомился, сколько человек будут проживать в номере. Я поинтересовался, давно ли в «Малине» взяли моду совать нос в личные дела клиентов.

Мы сошлись на четырехстах семидесяти пяти гонконгских долларах, я послал ему деньги, он мне — два ключа, действительных в течение месяца. Один я отдал Вайо, другой профу, а себе оставил однодневный ключ, решив, что замки они менять не будут, разве что мы задержим оплату в конце срока.

(На Земле я столкнулся с крайне неприятной практикой — от клиентов отелей требовали заполнять анкеты и даже предъявлять удостоверения личности.)

— Что еще? — спросил я.— Еда?

— Я не голодна, Манни.

— Мануэль, ты просил нас подождать, пока Майк ответит на твои вопросы. Вернемся к основной проблеме. Как мы поступим, когда окажемся лицом к лицу с Террой, словно Давид с Голиафом?

— Ах да. Я надеялся, что этим мы займемся позже. Майк, у тебя действительно есть идея?

— Я сказал, что есть, Ман,— ответил он грустно.— Мы можем закидать их камнями.

— Ради бога, Майк! Сейчас не время для шуток!

— Но, Ман,— запротестовал он,— мы можем закидать Терру камнями! И мы это сделаем!

Глава 8

До меня наконец дошло, как до жирафа, что Майк, во-первых, говорит совершенно серьезно, а во-вторых, его идея действительно может сработать. Еще более длинношеими оказались

Вайо и проф — в том, что касалось «во-вторых». Хотя, в принципе, и первое, и второе было очевидно.

Майк рассуждал вот как: что такое «война»? В одной из прочитанных им книг война определялась как использование силы для достижения политических целей. А «сила» — это воздействие одного тела на другое, производимое с помощью энергии.

На войне такое воздействие осуществляется оружием — его у Луны не было. Но, подумав, Майк классифицировал «оружие» как устройство для манипулирования энергией, а уж энергии в Луне навалом. Одно Солнце в лунный полдень дает около киловатта на каждый квадратный метр поверхности. Солнечная энергия хотя и циклична, но практически неиссякаема. Термоядерная энергия обходится еще дешевле и почти так же неисчерпаема: магнитная ловушка установлена, знай себе только лед добывай. Энергии хватает — вопрос лишь в том, как ее использовать.

А вдобавок у нас есть, так сказать, энергия положения. Луна находится на верхнем краю гравитационного колодца «глубиной» одиннадцать километров в секунду, и от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду*. Майку это взаимодействие гравитации было отлично известно — он ежедневно перебрасывал через рубеж лунного притяжения зерновые баржи, чтобы затем дать им свободно скользить вниз к поверхности Терры.

Майк просчитал, что может случиться, если баржа массой сто тонн (или такая же каменная глыба) рухнет на Терру без торможения. Кинетическая энергия при ударе составит более шести триллионов джоулей.

В долю секунды она превратится в тепло. Взрыв, да еще какой! Результат очевиден — взгляните на Луну. Что вы видите? Тысячи тысяч кратеров — это отметины, свидетельствующие о том, что Некто забавлялся, швыряя в Луну камешки.

— Джоули мне ничего не говорят,— сказала Вайо.— Как это выглядит в сравнении с водородной бомбой?

— Хм...— Я попробовал подсчитать в уме, но «голова» Майка сработала быстрее. Он ответил:

— Падение массы в сто тонн на поверхность Терры приблизительно соответствует взрыву двухкилотонной атомной бомбы.

— «Кило» — это тысяча,— пробормотала Вайо,— а «мега» — миллион. Значит, это всего лишь одна пятидесятитысячная от стомегатонной бомбы? Совсоюз, кажется, применял именно такую?

— Вайо, детка,— сказал я очень мягко,— на самом деле все иначе. Надо просто посмотреть на вещи под другим углом. Взрыв двухкилотонной бомбы эквивалентен взрыву двух миллионов кило тринитротолуола, а килограмм ТНТ — это очень сильный взрыв, спроси у любого бурильщика. Два миллиона килограммов сотрут с Земли вполне приличный город. Верно, Майк?

— Да, Ман. Но, Вайо, моя единственная подруга, тут есть еще один аспект. Мультимноготонные бомбы малоэффективны. Взрыв происходит на сравнительно небольшой площади, и значительная часть энергии тратится впустую. Хотя стомегатонная бомба по силе в пятьдесят тысяч раз превосходит двухкилотонную, но разрушительный эффект у нее выше лишь в тысячу триста раз.

— Мне кажется, в тысячу триста раз — это очень даже немало, особенно если они решат применить эти мегатонные бомбы против нас.

— Ты права, Вайо, моя подруга. Но у Луны много скал?

— Да. Что верно, то верно.

— Товарищи,— сказал проф,— в этих делах я профан; во дни моей юности, когда мы занимались метанием бомб, мой опыт ограничивался взрывами одного килограмма того химического вещества, о котором ты, Мануэль, упомянул. Но я надеюсь, что вы двое знаете, о чем говорите.

— Мы знаем,— согласился Майк.

— Тогда я принимаю ваши цифры на веру. Но если вернуться к привычному для меня способу мышления, ваш план требует захвата катапульты. Так?

— Да,— хором ответили мы с Майком.

— Это можно сделать. А потом мы должны удержать ее и сохранить в работоспособном состоянии. Майк, вы продумали, как защитить катапульту, скажем, от небольшой ракеты с ядерной боеголовкой?

Дискуссия затянулась. Мы сделали перерыв на обед и по обычаю профа прекратили на время все деловые разговоры. Майк рассказал несколько анекдотов, каждый из которых

сопровождался со стороны профа словами «это напоминает мне один случай».

К тому времени, когда мы покинули отель «Малина», вечером 14 мая 2075 года, у нас — вернее, у Майка,— был, разработанный с помощью профа, план революции, включающий основные варианты действий в переломные моменты.

Когда пришла пора уходить — мне домой, а профу в вечерний класс (если не арестуют), а потом домой, чтобы принять душ и прихватить с собой манатки на случай, если он вернется сюда ночевать, стало ясно, что Вайо не хочет оставаться одна в незнакомом отеле. Ей не занимать мужества, когда дела идут наперекосяк, но в остальное время она беззащитна и легкоранима.

Поэтому я позвонил Ма по коду «Шерлок» и сообщил, что приведу с собой гостя. Ма ведет дом с большим искусством и тактом; каждый супруг имеет право привести гостя — на обед или на год, и наше второе поколение пользуется почти всеми свободами, только сначала нужно получить разрешение. Не знаю, как принято в других семьях, но наши обычаи складывались чуть не целое столетие, и нас они устраивают.

Так что Ма не спросила ни имени, ни пола, ни возраста, ни семейного положения гостя; я был в своем праве, а Ма слишком горда, чтобы задавать вопросы. Она сказала только: «Прекрасно, дорогой. Вы поужинали? Сегодня ведь вторник, ты помнишь?» «Вторник» — это напоминание о том, что семейство ужинает сегодня рано, так как вечером Грег читает проповедь. Если гость голоден, его, конечно, накормят, но мне такой уступки не сделают; мы все, за исключением Деда, либо едим за общим столом, либо на ходу перехватываем что-нибудь в кладовке.

Я успокоил Ма, сказав, что мы поели и будем спешить со всех ног, чтобы появиться дома до того, как ей надо будет уходить. Несмотря на то что лунари представляют собой пеструю смесь мусульман, иудеев, христиан, буддистов и еще девяноста девяти религий, в церковь почти все ходят по воскресеньям. Но Грег принадлежит к секте, которая вычислила, что от заката во вторник до заката в среду по местному времени в Эдемском саду (минус вторая поясная зона на Терре) как раз и есть

Священная Суббота. Поэтому, когда в северном земном полушарии лето, мы ужинаем очень рано.

Ма всегда ходит на проповеди Грега, так что взваливать на нее домашние дела, которые могут ей помешать, было бы просто свинством. Все мы тоже время от времени ходим в церковь. Даже я выбираюсь несколько раз в году, потому что искренне люблю Грега, который обучил меня одной профессии и помог переключиться на другую, когда понадобилось, и который с радостью отдал бы свою руку, чтобы спасти мою. Но Ма ходит туда регулярно, хотя для нее это— скорее ритуал, чем религия. Однажды ночью во время постельной болтовни она призналась мне, что у нее нет веры, на которую можно было бы наклеить определенную этикетку, а затем попросила не проговориться об этом Грегу. Я позаимствовал у нее осторожность во взглядах: не мне судить, кто закрутил всю эту карусель, но я рад, что Он продолжает ее вертеть.

Грег был для Ма «мальчиком-мужем»; его избрали в семью, когда Мими была еще совсем юной, это была первая свадьба после ее собственной. Ма питала к нему слабость, и хотя яростно отрицала бы, вздумай ее кто-то обвинить, что она любит его больше остальных мужей, но приняла его веру, когда его рукоположили, и никогда не пропускала вторника.

— А может, твой гость тоже захочет посетить церковь? — спросила она.

Я ответил, что увидим, но мы поторопимся в любом случае, и попрощался. Затем постучал в дверь ванной и крикнул:

— Поторопись с наведением красоты, Вайо. Нам пора бежать.

— Минуту! — отозвалась Вайо и, вопреки дамскому обыкновению, действительно появилась через минуту.— Как я выгляжу? — спросила она.— Проф, сойдет?

— Дорогая Вайоминг, я потрясен! Вы были прекрасны раньше, вы очаровательны теперь, но узнать вас невозможно. Вы в полной безопасности. Я спокоен за вас.

Затем мы подождали, пока проф снова превращал себя в старую развалину; в таком виде ему надо было добраться до черного хода в собственный дом, а потом предстать перед классом в облике всем известного учителя, чтобы иметь свидетелей

на случай, если «мальчики в желтом» дожидаются его с приказом об аресте.

Пока ждали, я рассказал Вайо о Греге. Она спросила:

— Манни, а как мой грим — хорош? Сойдет для церкви? Какое там освещение — яркое?

— Не ярче, чем тут. Отличная работа, можешь не беспокоиться. А ты действительно хочешь в церковь? Силком тебя никто не тянет.

— Твоей мате... я хочу сказать, твоей старшей жене это будет приятно, верно?

— Вайо,— медленно произнес я,— религия — дело сугубо личное. Но раз ты спрашиваешь... Да, для знакомства с семьей Дэвисов лучше и придумать нельзя, чем сходить в церковь с Ма. Если ты пойдешь, я тоже схожу.

— Я пойду. А я думала, что твоя фамилия — О'Келли.

— Так и есть. Но если официально, то к ней через дефис нужно добавить «Дэвис». Дэвис был Первым мужем, он умер лет пятьдесят назад. Это фамилия всей семьи, и каждая наша жена именуется «gospazha Дэвис», а через дефис идут имена всех мужей из линии Дэвисов плюс ее собственная фамилия. Но в доме у нас «gospazha Дэвис» — это Ма, можешь так к ней и обращаться; прочие жены пользуются собственным именем и добавляют «Дэвис», лишь когда подписывают чек или что-нибудь в этом роде. Единственное исключение — Людмила, ее фамилия «Дэвис-Дэвис», и она гордится своим двойным членством в семье — по крови и по выбору.

— Понятно. Значит, если человека зовут Джон Дэвис, то он сын, а если у него есть еще одна фамилия, то он твой собрачник. Но женщина в любом случае будет, скажем, Дженни Дэвис, верно? Как мне разобраться? По возрасту? Это вряд ли поможет. Я совсем запуталась. А я еще думала, что плановые браки сложны! И полиандрия... Хотя мой брак был довольно прост. По крайней мере, у моих мужей была одна и та же фамилия.

— Никакой трудности тут нет. Когда ты услышишь, что женщина лет сорока обращается к пятнадцатилетней, называя ее «мама Мила», ты догадаешься, кто из них дочь, а кто жена; впрочем, на самом деле все еще проще — мы не держим в семье до-

черей, вышедших замуж. Они уходят в чужие семьи. Правда, регулярно нас навещают. Фамилия твоих мужей была Нотт?

— Нет, они были Федосеевы — Чоу Лин и Чоу Му. Я вернула себе девичью фамилию.

Вышел проф, идиотски хихикая (выглядел он даже хуже, чем раньше), и мы покинули отель через разные выходы, договорившись о встрече в главном коридоре. Нам с Вайо нельзя было идти вместе, поскольку за мной могли следить. С другой стороны, Вайо плохо знала Луна-Сити — поселение такое запутанное, что даже его уроженцам случается заблудиться. Поэтому я пошел вперед, а она за мной, не теряя меня из виду. Проф для верности следовал за Вайо.

Если меня заберут, Вайо должна будет отыскать телефон-автомат, сообщить об этом Майку, затем вернуться в отель и ждать профа. Я подбадривал себя мыслью, что приласкаю рукой номер семь любого желтомундирника, который сунется меня арестовать.

Но все прошло тип-топ. Сначала мы поднялись на пятый уровень, потом напрямки через Карвер-Казвей и снова наверх до третьего. Я заскочил на станцию метро «Западная», забрал руки и чемоданчик с инструментами; скафандр трогать не стал — это отличалось бы от моего обычного поведения, я ведь всегда хранил его там. Желтомундирник, торчавший на станции, не обратил на меня ни малейшего внимания. Оттуда двинулись на юг по хорошо освещенным коридорам, добрались до частного переходного шлюза номер тринадцать и вышли в кооперативный туннель с нормальным давлением, ведущий к туннелям Дэвисов и дюжины других фермеров. Думаю, проф отстал от нас где-то не доходя до шлюза, но я не оглядывался.

Я дождался Вайо, отпер дверь и через пару секунд предстал перед старшей женой:

— Ма, познакомься, пожалуйста. Это Вайма Бет Джонсон.

Ма обняла ее, поцеловала в щеку и сказала:

— Как я рада, что вы навестили нас, дорогая Вайма. Наш дом — ваш дом.

Понимаете теперь, почему я так люблю свою старушку-ирландку? Теми же словами она могла бы намертво заморозить Вайо, но они прозвучали тепло, и Вайо это поняла.

Я не предупредил Вайо, что изменю ей имя: додумался до этого по пути сюда. Некоторые из наших ребятишек еще маленькие, и хотя они с пеленок учатся презирать Смотрителя, все равно могут случайно ляпнуть про «Вайоминг Нотт, которая у нас нынче гостит...» А имя-то фигурирует не где-нибудь — в специальном файле «Зебра»! Но предупредить не сообразил, так как в конспирации был новичком. Однако Вайо с ходу врубилась и даже глазом не моргнула.

Грег был уже в церковном облачении и явно намыливался уходить. Ма, не торопясь, подвела Вайо к своим мужьям — Деду, Грегу, Гансу, затем с царственной любезностью перешла к строю жен — Людмиле, Леноре, Сидрис, Анне — и принялась знакомить гостью с детьми.

— Ма! — сказал я.— Извини, но мне надо сменить руку.

Ее брови приподнялись на миллиметр, что означало: «Мы поговорим об этом, но не при детях». Поэтому я поспешил добавить:

— Я знаю, что времени нет, Грег уже тайком посматривает на часы. Но мы с Ваймой тоже собираемся в церковь. Так что будь добренька, извини.

Она тут же смягчилась.

— Конечно, милый!

Ма развернулась, я увидел, что ее рука лежит на талии Вайо, и сразу успокоился.

Я сменил руку номер семь на «представительскую». А заодно нырнул в телефонную кабинку и набрал «Майкрофт-ХХ».

— Майк, мы дома. Собираемся в церковь. Не думаю, что ты ее прослушиваешь, так что я позвоню попозже. Проф объявился?

— Пока нет, Ман. Какая это церковь? Может, у меня есть на нее выход?

— Храм столпа огненного покаяния...

— Нет данных.

— Притормози немного, дружок. Служба идет в Третьем западном зале собраний. Это к югу от станции на кольцевой.

— Я знаю этот зал. Там есть ввод для микрофона и еще телефон в наружном коридоре. Я за ними послежу.

— Думаю, нам ничего не грозит, Майк.

— А проф говорит — надо последить. Он как раз сейчас позвонил. Хочешь с ним поговорить?

— Нет времени. Пока!

Вот так и установился новый порядок — постоянно поддерживать контакт с Майком, чтобы он был в курсе, где мы находимся и куда собираемся, и мог к нам подключиться, если у него в том месте есть нервные окончания. Открытие, которое я сделал утром,— что Майк может прослушивать отключенные телефоны,— меня поначалу обескуражило: в магию я не верю. Однако, подумав, я сообразил, что центральная система управления телефонной сетью может и без вмешательства человека подключиться к любому номеру, если обладает свободой воли. У Майка же этой свободы bolshoyeh количество.

Откуда ему известно, что телефон находится в наружном коридоре, понять было труднее, поскольку «пространство» Майк воспринимал совсем иначе, чем мы. Но в памяти у него хранилась «карта» — структурная схема инженерных сетей Луна-Сити, и он всегда мог привязать упомянутый нами объект к «своему Луна-Сити»; не упомню, чтобы он хоть раз что-то перепутал.

Так что со дня нашего тайного сговора мы постоянно контактировали друг с другом и с Майком через его разветвленную нервную систему. Об этом я больше упоминать не буду, разве что при необходимости.

Ма, Грег и Вайо ждали у внешней двери. Ма дергалась от нетерпения, но улыбалась. Я заметил, что она одолжила Вайо свой палантин; как истинной лунарке, Ма глубоко плевать на прикид, но поход в церковь — случай особый.

Мы не опоздали, хотя Грег сразу же заторопился к кафедре, а мы — к своим местам. Я тут же погрузился в теплую полудрему, механически повторяя ритуальные жесты. Но Вайо внимательно слушала проповедь Грега и либо знала наш требник наизусть, либо навострилась подсматривать в чужих книжках.

Когда мы вернулись домой, дети были уже в постелях, равно как и большинство взрослых. Ганс и Сидрис поджидали нас. Сидрис подала соевое какао с домашним печеньем, после чего все разошлись по палатам. Ма выделила Вайо комнатку в детском туннеле, где обычно спали двое младших мальчуганов. Я не

спрашивал, куда их переселили: и без того было ясно, что гостью постарались устроить как можно удобнее, иначе ее положили бы с одной из старших девочек.

Этой ночью я спал с Ма. Отчасти потому, что наша старшая жена — лучшее лекарство от нервов, а они у меня здорово растрепались за последние сутки, отчасти же для того, чтобы она не думала, будто я прокрадусь к Вайо, когда все заснут. От моей мастерской, где я ночую, когда сплю один, до комнаты Вайо всего пара шагов. Ма совершенно прозрачно намекала: «Вперед, дорогой. Можешь не докладывать, если хватит наглости. Проскользнешь у меня за спиной — и все дела».

Разумеется, вслух ничего подобного сказано не было. Мы улеглись, поболтали, выключив свет, а потом я повернулся к ней спиной.

Вместо того чтобы пожелать мне спокойной ночи, Ма спросила:

— Мануэль, почему твоя хорошенькая гостья гримируется под афро? Мне кажется, ее природная окраска пошла бы ей больше. Впрочем, не спорю, она очаровательно выглядит и в гриме.

Я повернулся к ней лицом и объяснил — сначала бегло, а потом во всех подробностях. В конце концов оказалось, что я выложил все, умолчал только о Майке. Нет, его я тоже включил в рассказ, но не в качестве компьютера, а как человека, с которым Ма вряд ли придется познакомиться — из соображений безопасности.

Откровенничая с Ма, а точнее говоря, принимая ее в собственную подъячейку, с тем чтобы она потом возглавила свою, словом, посвящая ее в подпольную деятельность, я отнюдь не уподоблялся мужу, который страдает недержанием и выбалтывает жене все свои секреты. Может, я слегка поторопился, но, с другой стороны, если уж посвящать ее в это дело, более подходящего момента не выберешь.

Ма умна. У нее прекрасные организаторские способности: не так-то просто управлять большой семьей и при этом ни разу не оскалить зубы. Ее уважали и фермеры, и горожане в Луна-Сити; она прожила здесь дольше девяноста процентов лунарей. И, безусловно, могла нам помочь.

А дома нам без ее помощи просто не обойтись. Поди объясни, зачем мы с Вайо дуэтом говорим по телефону или попробуй отделаться от ребячьего любопытства. Дохлый номер! Но при содействии Ма в доме у нас проблем не будет.

Выслушала она меня, вздохнула и сказала:

— Сдается мне, это опасное дело, милый.

— Так оно и есть,— согласился я.— Слушай, Мими, если не хочешь связываться, так и скажи... а потом забудь все, что я говорил.

— Мануэль! Как у тебя только язык повернулся! Ты мой муж, дорогой. Мы клятву давали — делить и горе, и радости. Твое желание для меня закон.

(Господи! Во заливает! И при этом искренне верит своим словам!)

— Я не пущу тебя одного на опасное дело,— продолжала она.— А кроме того...

— Что, Мими?

— Я думаю, каждый лунарь спит и видит день, когда мы станем свободными. Каждый, кроме немногих жалких бесхребетных крыс. Я никогда не говорила об этом. Что толку в пустых разговорах? Надо не ныть, а нести свою ношу и идти вперед. Но я благодарю бога, что мне дозволено дожить до этого дня, если, конечно, он настанет. Объясни мне поподробнее. Я должна найти еще троих? Троих, которым можно доверять?

— Ты только не гони. Поспешай не торопясь. Ты должна быть уверена в тех, кого изберешь.

— Сидрис заслуживает доверия. Она умеет держать язык за зубами, этого у нее не отнимешь.

— Не думаю, что следует вербовать из семьи. Нужно расширять сеть. А главное — не спеши.

— Не буду. Прежде чем я начну действовать, посоветуюсь с тобой. И, Мануэль, если ты хочешь знать мое мнение...— Она сделала паузу.

— Я всегда ценил твое мнение, Мими.

— Не стоит говорить об этом Деду. В последнее время он стал рассеян и болтлив. А теперь спи, дорогой, спи спокойно, без снов.

Глава 9

А потом был долгий период, такой долгий, что вполне можно было позабыть о столь маловероятной вещи, как революция, если бы ее подготовка не отнимала у нас так много времени. Наша первая задача заключалась в том, чтобы не попасть на заметку. Вторая и более отдаленная требовала максимального ухудшения ситуации.

Да, ухудшения, ибо практически до самого конца не было такого момента, когда бы лунари все как один жаждали свергнуть Администрацию, жаждали вплоть до бунта. Все лунари презирали Смотрителя и обманывали Администрацию. Но это отнюдь не означало, что они готовы драться и умирать. Произнесите в разговоре с лунарем слово «патриотизм» — и он либо выпялится на вас с изумлением, либо решит, что вы говорите о его прежней родине. Среди нас были французы, чьи сердца навеки отданы La Belle Patrie[1], бывшие немцы, сохранившие привязанность к Vaterland'y[2], русские, до сих пор обожавшие Святую Матушку Русь... Но Луна? Луна — это Булыжник, место ссылки, при чем тут любовь?

Мы были самым аполитичным народом, который когда-либо производила на свет история. Честно говоря, я, как и прочие лунари, был равнодушен к политике, пока обстоятельства не ткнули меня в нее носом. Вайоминг занималась ею потому, что ненавидела Администрацию по личным мотивам, а проф терпеть не мог любую власть из чисто интеллектуальных соображений. Майк же просто скучал от одиночества, и политика была для него единственным развлечением. Так что обвинять нас в патриотизме нет никаких оснований. Разве только меня: я принадлежу к третьему поколению лунарей и не питаю никакой привязанности к определенному месту на Терре. Пожил там недолго, невзлюбил Землю и землеедов — вот и готов «патриот».

Среднего лунаря интересуют пиво, пари, женщины и работа, именно в такой последовательности. Женщины могут

[1] Прекрасная Отчизна (*фр.*).

[2] Родина (*нем.*).

иногда переходить на второе место, но на первое — вряд ли, каким бы почетом они у нас ни пользовались. Лунари давно усвоили: женщин на всех не хватает. А те, что не смогли усвоить, вымерли, ибо даже самый одержимый самец-собственник не может быть начеку ежеминутно. Как говорит проф, общество адаптируется к реальности или погибает. Лунари адаптировались к суровой действительности, а кому не удавалось — гибли. Что же до патриотизма, то для выживания он не обязателен.

Как говорит старинная китайская пословица, «рыбы не ведают, что живут в воде». И я ни о чем таком не думал, пока впервые не попал на Терру; но даже тогда я не понял, что в лунарях полностью пустует файл с названием «Патриотизм», не понимал до той поры, пока не попытался его активизировать. Вайо и ее товарищи тоже нажимали на патриотическую кнопку и тоже утыкались в пустоту: годы стараний, несколько тысяч членов, то есть меньше одного процента населения, а из этого мизерного числа почти десять процентов — платные стукачи полицейской службы босса!

Проф выразился кратко: «Людей легче заставить ненавидеть, чем любить».

К счастью, нам протянул руку сам шеф безопасности Альварес. Девять убитых охранников были заменены девятью десятками новых; Администрация пошла на это неохотно, поскольку очень не любила тратить на нас деньги, а потому совершала одну глупость за другой.

Так уж повелось со дня основания колонии, что охрана у Смотрителя была немногочисленна. Тюремщики в историческом смысле были не нужны, в чем заключалась одна из привлекательнейших сторон колониальной пенитенциарной системы — она была дешева. Смотритель и его помощник, конечно, нуждались в охране, равно как и заезжие шишкари, но самой тюрьме надзиратели были ни к чему. Даже корабли перестали охранять, после того как бессмысленность этой меры стала очевидна, и к маю 2075 года численность стражников сократилась до минимума, причем всех их набирали из числа вновь прибывших ссыльных.

Однако потеря девятерых стражников за один вечер кое-кого напугала. В том числе и Альвареса — он «подшил» копии

своих рапортов с требованиями помощи в файл «Зебра», и Майк их прочел. Лагерник, служивший до ссылки полицейским офицером на Терре, а затем заделавшийся стражником в Луне, Альварес был, пожалуй, самым запуганным и самым одиноким человеком в Булыжнике. Он требовал все новой и все более ощутимой подмоги, угрожая в случае отказа подать в отставку — пустая угроза, которую Администрация раскусила бы в момент, знай она Луну хоть немного. Ведь если бы Альварес показался безоружным в любом поселении, он прожил бы ровно столько времени, сколько смог бы остаться неузнанным.

Свое подкрепление он получил. Мы так и не узнали, кто же отдал приказ о том рейде. Прыщ Морт подобных настроений никогда не обнаруживал, правитель он был из породы чурбанов. Может, сам Альварес расстарался — в должность шефа безопасности он вступил недавно, хотел показать товар лицом, не исключено, что метил и на место Смотрителя. Вернее же всего, доклады Смотрителя о подпольной активности побудили Администрацию на Земле навести у нас порядок.

Одна глупость повлекла за собой другую. Новые стражники были набраны не из этапированных, а из элиты внутренних войск Федерации Наций — лихих драгун-усмирителей. Парни они были злобные, крутые, в Луну отправляться не хотели и к тому же вскоре поняли, что «краткосрочная полицейская акция» обернулась для них путешествием в один конец. Они ненавидели Луну и лунарей, считая нас виновниками своих бед.

Заполучив драгун, Альварес установил круглосуточные посты на всех станциях метро, а также ввел паспорта и паспортный контроль. Существуй в Луне законы, его действия были бы противозаконны, поскольку девяносто пять процентов из нас теоретически считались свободными — либо родились здесь, либо отсидели свой срок. В городах этот процент был еще выше, так как лагерники жили в барачных поселениях Комплекса и в город выходили только по выходным — два дня в лунный месяц, бесцельно и без денег шатаясь по улицам в надежде, что кто-нибудь поставит им дармовую выпивку.

Однако паспортная система не являлась незаконной, так как распоряжения Смотрителя были у нас единственными

законами. В газетах напечатали объявления, нам предложили в недельный срок приобрести паспорта, и в одно прекрасное утро, ровно в восемь ноль-ноль, постановление вступило в силу. Некоторые лунари вообще никуда не ездят, другим приходится путешествовать по делам, а кое-кто мотается из небольших периферийных поселений или даже из Луна-Сити в Новолен и обратно. Что ж, послушные мальчики заполнили анкеты, заплатили деньги, сфотографировались и получили паспорта. Я, по совету профа, тоже заделался паинькой, купил паспорт и приложил его к пропуску, разрешавшему работать в Комплексе.

Паинек оказалось маловато. Лунари в это дело не поверили. Паспорта? Что за штука такая неслыханная?

На станции метро «Южная» в то утро стоял солдат, одетый в желтый мундир, а не в свою обычную войсковую форму; было похоже, что он ненавидит и мундир, и всех нас в придачу. Я никуда ехать не собирался — просто прогуливался да посматривал по сторонам.

Объявили о капсуле на Новолен. Толпа человек в тридцать двинулась к турникету. Gospodin Желтый Мундир потребовал паспорт у первого подошедшего. Лунарь остановился и затеял спор. В это время второй протиснулся за спиной у солдата. Тот повернулся, заорал, но еще трое или четверо просочились мимо. Охранник потянулся за пистолетом; кто-то схватил его за локоть, пистолет выстрелил — пулевой, не лазерный, стреляет оглушительно.

Пуля щелкнула о перрон и со свистом куда-то срикошетила. Я отступил подальше. Пострадал только один человек — стражник. Когда первая группа пассажиров спустилась по пандусу, он недвижно лежал на платформе.

Никто не обращал на него внимания; его обходили, перешагивали через него — остановилась лишь одна женщина с ребенком на руках; она тщательно прицелилась, пнула его каблуком в лицо и пошла себе по пандусу вниз. Вероятно, он был уже мертв, но я не стал дожидаться, чтобы удостовериться в этом. Полагаю, что тело так и провалялось там до смены караула.

На следующее утро на посту стояла половина взвода. Капсула на Новолен ушла пустой.

Потом все утряслось. Те, кому надо было ездить, получили паспорта, а самые твердокаменные прекратили поездки. Пост у входа в метро теперь состоял из двух человек — один проверял паспорта, другой страховал его с пистолетом в руке. Проверяющий явно старался не перетруждаться, и правильно делал, ибо у большинства пассажиров документы были фальшивые, причем первые подделки были крайне грубыми. Вскоре, однако, откуда-то выкрали бланки, и подделки стали выглядеть не хуже официальных документов. Правда, стоили они дороже настоящих, но лунари предпочитали паспорта, выпускаемые частными фирмами.

Наша организация фальшивки не изготовляла, мы только поощряли торговлю ими и знали, у кого они есть, а у кого нет. Майк хранил у себя полный список официально выданных паспортов. Это помогало нам отделять козлищ от овнов в тех файлах, которые мы начали составлять; их тоже хранили у Майка, под шифром «Бастилия». Мы решили, что человека с поддельным паспортом можно считать нашим потенциальным соратником. По сети ячеек было спущено указание — не вербовать в организацию людей с официальными документами. Если же у вербовщика были сомнения, ему достаточно было послать запрос наверх и ждать ответа.

Но неприятности стражников этим не ограничивались. Ни достоинство солдата, ни состояние его духа не улучшалось от того, что перед ним или, еще хуже, у него за спиной прыгали дети, передразнивая каждое его движение, а то и просто носились взад-вперед, выкрикивая непристойности, корча рожи и складывая из пальцев всем известную фигуру. Во всяком случае, солдаты воспринимали это как оскорбление.

Один солдат ударил мальчонку ладонью по лицу и выбил несколько зубов. Результат: убиты два охранника и один лунарь.

После этого постовые стали детей игнорировать.

Мы ничего специально не придумывали, мы лишь поддерживали общий настрой. Кому, скажите, могло прийти в голову, что милая пожилая леди вроде моей старшей жены станет поощрять хулиганские выходки ребятни? Но именно она-то их и поощряла.

Были и другие вещи, которые раздражали холостых людей, оказавшихся вдали от дома. Одну мы спровоцировали сами. Дело в том, что драгун-усмирителей завезли в Булыжник, так сказать, без дамского обеспечения.

Многие наши девицы — настоящие красавицы, и некоторые из них взяли за обыкновение слоняться по станциям. Одеты они были куда легче обычного, то есть близко к нулю, зато надушены сильнее, причем духами крепкими и возбуждающими. С желтомундирниками они не разговаривали и даже на них не смотрели — просто прохаживались в поле зрения солдат, волнообразно покачиваясь, так как умеют лишь девушки-лунарки (женщины Терры так ходить не могут — шестикратный вес не позволяет).

Такое зрелище, естественно, собирало толпы лиц мужского пола, от взрослых мужиков до неоперившихся салажат: красотке — восторженные свистки и аплодисменты, «мальчику в желтом» — ядовитые насмешки. Первыми начали эту игру платные шлюшки, но вскоре образовался такой наплыв желающих, что проф решил не тратить больше деньги на постановку. И оказался прав: даже наша Людмила, застенчивая, как котенок, вызвалась попробовать, однако Ма категорически ей это запретила. Зато Ленора — на десять лет старше и самая красивая в нашей семье — попробовала, и Ма ее не бранила. Ленора вернулась раскрасневшаяся, взволнованная и довольная собой, горя желанием и дальше дразнить врага. Причем по собственной инициативе — ей и невдомек было, что революционная каша уже заварилась.

В это время с профом я виделся редко и никогда на людях; мы поддерживали связь по телефону. Поначалу нам сильно мешало то, что у нас на ферме был всего один телефон на двадцать пять человек, среди которых насчитывалось немало подростков, готовых висеть на аппарате часами, пока не прогонят. Мими была строга: детям разрешался один телефонный звонок в день продолжительностью не более девяноста секунд с возрастающей шкалой наказаний за нарушение правила, что, однако, умерялось готовностью Ма делать исключения. Последние сопровождались «маминым телефонными нотациями» типа: «Когда я впервые попала в Луну, здесь вообще не было

частных телефонов. Вы, дети, не можете себе представить, как легко...»

Мы чуть ли не последними из зажиточных семей установили у себя телефон. Когда я вошел в семью, телефон был для нас еще новинкой. Зажиточными же мы стали потому, что никогда ничего не покупали, если могли вырастить это сами. Ма терпеть не могла телефонов, ибо деньги за пользование услугами «Кооперативной компании связи Луна-Сити» в значительной степени шли в карманы Администрации. И никак не хотела понять, почему я не мог («ты же так хорошо разбираешься в этих вещах, Мануэль, милый») позаимствовать телефонный сервис, как мы заимствовали электроэнергию. Что телефон — это часть системы переключений, в которой он должен фигурировать под определенным номером, Ма нисколько не интересовало.

И все же я додумался, как смухлевать. Проблема незаконного телефона состоит в том, что надо организовать прием телефонных звонков. Поскольку телефон не зарегистрирован, то даже если вы сообщите о нем друзьям, с которыми хотели бы разговаривать, вы все равно останетесь «неизвестным» для сети — нет сигнала, который должен дать ей команду соединить с вами потенциального собеседника.

Но с тех пор как Майк вошел в число заговорщиков, подключение к сети перестало быть проблемой. В моей мастерской было почти все, что нужно, а остальное я или купил, или позаимствовал. Просверлил дырочку в телефонную будку из мастерской и еще одну — из комнаты Вайо (горная порода тут была толщиной около метра, но лазерный луч, суженный до размеров карандаша, режет быстро). Снял со стены зарегистрированный аппарат, присоединил к линии блочок беспроволочной связи и замаскировал его. Осталось лишь спрятать в комнате Вайо и в моей бинауральные рецепторы и микрофон, а также соорудить схемку, повышающую частоту за пределы слышимости, чтобы в аппарате Дэвисов было тихо, и преобразующую ее обратно в нормальную звуковую частоту.

Единственная проблема — как проделать такую работу без свидетелей; но это Ма взяла на себя.

Все остальное организовал Майк. Он не стал придумывать новых номеров — отныне я пользовался номером «Майкрофт-XX», только когда звонил по какому-нибудь другому аппарату. Майк просто круглые сутки прослушивал мою мастерскую и комнату Вайо. Услышав, как я или она произносим: «Майк», он тут же отвечал, а на другие голоса не реагировал. Голоса он различал, словно отпечатки пальцев, и ни разу не ошибся.

Ну а я доделал кое-что по мелочам: поставил звукоизоляцию на дверь в комнате Вайо, такую же как у меня в мастерской, соорудил переключатели для наших с ней переговорных устройств, а также провел сигнализацию, чтобы знать, одна ли она в комнате и закрыта ли у нее дверь, и чтобы Вайо знала то же самое обо мне. Все это обеспечило безопасность наших разговоров с Майком, друг с другом и общих переговоров вчетвером. С профом Майк мог связаться в любом месте, и проф либо поддерживал разговор, либо звонил позже по более безопасному аппарату. Иногда требовалось быстро разыскать меня или Вайо — в общем, мы все старались непрерывно находиться на связи с Майком.

По моему контрабандному телефону, хоть у него и не было кнопочного набора, можно было дозвониться куда угодно: вызываешь Майка и под кодом «Шерлок» просишь соединить с кем нужно, без всякого номера, поскольку у Майка полный список абонентов и он сыщет нужный набор букв куда быстрее.

Мы начинали понемногу понимать, какими безграничными возможностями обладает телефонная сеть, когда она живая и к тому же на нашей стороне. Я получил от Майка и передал Ма еще один незанятый номер, чтобы она могла позвонить ему, если надо будет срочно связаться со мной. Ма быстро подружилась с Майком, продолжая принимать его за человека. И такое отношение к нему быстро распространилось в кругу семьи.

Как-то днем, когда я вернулся домой, Сидрис сказала мне:

— Манни, милый, звонил твой друг, у которого такой приятный голос, Майк Холмс. Просил, чтобы ты ему звякнул.

— Спасибо, родная. Позвоню.

— Когда ты наконец пригласишь его к обеду, Ман? Мне он кажется очень славным.

Я сказал, что у gospodina Холмса дурно пахнет изо рта, что он весь покрыт жесткой щетиной и ненавидит женщин.

Она, пользуясь тем, что Ма нет поблизости, ответила непристойным словечком.

— Просто боишься мне его показать. Опасаешься, что я предложу принять его в мужья!

Я похлопал ее по спине и заверил, что она совершенно права. Потом рассказал об этом Майку и профу, Майк еще пуще принялся флиртовать с женской половиной семейства, а проф, как мне показалось, задумался.

Я продолжал учиться технике конспирации и понял, что означали слова профа о революции как об искусстве. Я не забыл (и не подвергал сомнению) предсказания Майка о катастрофе, грозившей Луне всего через семь лет. Однако не думал об этом — все мое внимание поглотили более увлекательные и затейливые детали.

Проф неустанно твердил, что сложнейшими проблемами конспирации являются связь и безопасность, подчеркивая их конфликтную взаимозависимость: чем проще связь, тем выше угроза для безопасности; если же организация слишком законспирирована, меры предосторожности могут парализовать ее деятельность. Проф считал, что структура, состоящая из ячеек, представляет собой компромиссное решение проблемы.

Я принял систему ячеек, поскольку нужно было свести к минимуму последствия действий провокаторов. Даже Вайо согласилась, что организация, которая не состоит из изолированных отсеков, неработоспособна, примером чему служило прежнее подполье, буквально нашпигованное стукачами.

Но мне была не по душе практика блокирования информационных связей внутри сети ячеек. Требовалось слишком много времени, как у древних земных динозавров, чтобы сигнал прошел от головы до хвоста или наоборот.

На эту тему я потолковал с Майком.

Идею избыточных каналов связи, о которой я рассказывал профу, мы отбросили. Систему ячеек оставили, но безопасность и связь решили обеспечить с помощью чудесных возможностей нашего «умника-разумника».

Связь: мы создали троичную древовидную систему партийных кличек.

Председатель: gospodin Адам Селен (Майк).

Исполнительная ячейка: Борк (я), Бетти (Вайо), Билл (проф).

Ячейка Борка: Васси (Ма), Волин, Ванг (Чанг).

Ячейка Бетти: Вильям (Грег), Вивиан (Сидрис), Ватанабе («товарищ Клейтон»).

Ячейка Билла: Валльс (Финн Нильсен), Виктория, Воттер.

И так далее.

На седьмом ярусе какой-нибудь Жорж руководил, скажем, Зигфридом, Зигмундом и Зарой, и на уровне буквы «З» нам потребовалось уже 2187 имен. Но для компьютерных мозгов это не проблема — Майк сам подбирал имена, а если не хватало, просто выдумывал. Каждый новый член организации получал партийную кличку и номер телефона для экстренной связи. Никаких запасных каналов или прохождения по цепочке — номер напрямую соединял звонившего с Адамом Селеном, то есть с Майком.

Безопасность: мы положили в основу два постулата. Ни одному человеку нельзя верить ни в чем — Майку можно верить безгранично. Первая мрачная часть этого предположения не нуждается в обосновании. Наркотики и другие малоаппетитные средства могут сломить любого человека. Единственная защита — самоубийство, но оно не всегда возможно. Разумеется, существуют средства вроде «пломбы в зубе», как классические, так и новейшие, почти стопроцентно надежные, и проф позаботился, чтобы мы с Вайо были ими обеспечены. Я так и не узнал, что он дал Вайо в качестве «последнего дара дружбы», а поскольку я своим не воспользовался, то не будем углубляться в детали. Да я и не уверен, что покончил бы с собой; не из того я слеплен теста, из которого делаются мученики.

Майку же возможность совершить самоубийство была ни к чему, наркотиками его не накачаешь, а боли он не чувствовал. Всю информацию о нас он хранил в отдельном банке памяти под кодом, запрограммированным исключительно на наши голоса, но поскольку плоть слаба, мы добавили еще один сигнал, которым в случае чего любой из нас мог заблокировать

голоса двух остальных. По моему мнению, а я как-никак лучший компьютерщик в Луне, Майк не мог самостоятельно снять блокировку. А самое главное — никому и в голову не могло прийти спросить у компьютера-босса об этом файле, ибо о нем никто не знал, как никто не подозревал и о самом существовании Майка. Что может быть надежнее?

Единственный риск состоял в том, что эта ожившая машина была эксцентрична. Майк постоянно демонстрировал свои непредсказуемые возможности; не исключено, что он смог бы додуматься, как обойти блокировку, если бы захотел.

Но это мало вероятно. Майк был предан мне — своему первому и старейшему другу; ему нравился проф; я думаю, он любил Вайо. Нет-нет, секс тут ни при чем. Просто Вайо нельзя было не любить, и они с Майком сразу прониклись взаимной симпатией.

Я верил Майку. В этой жизни всегда приходится делать ставку на что-то. На Майка я бы поставил при любом раскладе.

Вот так мы и построили свою систему безопасности: Майку доверили абсолютно все, а каждый из нас знал только то, что должен был знать. Возьмем, например, «древо» кличек и номеров. Мне были известны имена моих товарищей по ячейке и тройки, которой я руководил. Этого вполне хватало. Майк придумывал партийные клички, отводил каждому подпольщику телефонный номер, хранил реестр настоящих имен с указанием кличек. Скажем, член партии Гордон (я его знать не мог, ибо он находился двумя ярусами ниже) вербовал какого-нибудь Фрица Шульца. Гордон сообщал об этом наверх, не называя никаких имен. Адам Селен звонил Гордону, ставил в известность, что партийная кличка Шульца — Дэниел, затем звонил самому Шульцу по номеру, полученному от Гордона, и сообщал ему кличку и экстренный номер телефона — для *каждого* новичка *особый*. Номер, данный Дэниелу, не знал даже руководитель ячейки. А то, чего вы не знаете, вы не сможете выдать ни под воздействием наркотиков, ни под пыткой — никак! Даже по легкомыслию.

Теперь предположим, что мне нужно связаться с Дэниелом. Я понятия не имею, кто он такой; может, он живет в Гонконге, а может, держит лавочку в доме по соседству. Вместо того чтобы спускать сообщение вниз в надежде, что оно дойдет-таки до ад-

ресата, я звоню Майку. Майк мгновенно соединяет меня по коду «Шерлок» с Дэниелом, *не называя* мне его номера.

Или, предположим, что мне надо поговорить с товарищем, рисующим карикатуру, которую мы разошлем по всем пивнушкам Луны. Я не знаю, кто он такой, но мне надо внести изменения в рисунок.

Я звоню Майку; ему известно все, и меня мгновенно соединяют, причем товарищ знает, что все в порядке — ведь вызов организован самим Адамом Селеном. «Говорит товарищ Борк». Карикатурист не знаком со мной, но по букве «Б» понимает, что я — важная шишка. «Мы должны изменить то-то и то-то. Передай своему руководителю, чтоб он проверил, а сам начинай работу».

И еще множество мелких преимуществ: у некоторых товарищей нет телефонов, других можно поймать только в определенные часы, часть живет в периферийных поселениях, где еще нет телефонной связи. Неважно — Майк знает все, а остальные не знают ничего такого, что могло бы повредить кому-нибудь, кроме горсточки людей, известных им в лицо.

После того как мы решили, что в экстренных случаях Майк будет говорить с каждым товарищем лично, возникла необходимость снабдить его большим числом голосов и замаскировать его, придав ему трехмерность. Короче говоря, создать «Адама Селена, председателя Временного комитета Свободной Луны».

Необходимость в голосах вытекала из того факта, что у Майка был всего один водер-вокодер, в то время как его мозг мог одновременно вести десятки, а может, и сотни (сам не знаю, сколько) разговоров параллельно — как гроссмейстер, одновременно играющий на пятидесяти досках.

Это могло стать нашим узким местом по мере роста организации и увеличения числа обращений к Адаму Селену, особенно если бы мы продержались достаточно долго и приступили бы к активным действиям.

Но я не просто хотел снабдить Майка несколькими голосами, я хотел, чтобы он вообще перестал разговаривать вслух. Один из здешних горе-компьютерщиков вполне мог заглянуть в машинный зал, когда Майк разговаривал с нами; даже последний

недоумок заподозрил бы, что дело нечисто, увидев, как главный компьютер оживленно беседует сам с собой.

Водер-вокодер — старое изобретение. Человеческий голос состоит из шипения и жужжания, смешанных в разных пропорциях, что верно даже для колоратурного сопрано. Вокодер раскладывает шипение и жужжание на составные элементы, которые компьютер (и даже тренированный человеческий глаз) может прочесть. Водер — маленькая коробочка, которая умеет жужжать и шипеть,— с помощью управляющего устройства варьирует эти элементы в соответствии с данными вокодера. Человек способен «играть» на водере, производя искусственную речь; правильно запрограммированный компьютер делает это так же быстро, чисто и ясно, как вы разговариваете.

Но голос в телефонной трубке представляет собой не звуковые волны, а электрические сигналы. Поэтому Майку не нужна была звуковая часть водера-вокодера, чтобы говорить по телефону. Звуковые волны необходимы лишь человеку, находящемуся на другом конце провода. Но Майку в машинном зале Комплекса вовсе ни к чему говорить вслух, поэтому я решил убрать звук и, следовательно, устранить опасность подслушивания.

Сначала я поработал дома, в основном рукой номер три. Результатом явилась крошечная коробочка, в которую мне удалось впихнуть двадцать цепей водеро-вокодеров минус голосовой вывод. Затем позвонил Майку и попросил его «заболеть» так, чтобы это вызвало тревогу у Смотрителя. После чего стал ждать.

Фокус с «болезнью» мы проделывали уже не раз. Я вернулся к работе после того, как выяснилось, что я чист, то есть в четверг той самой недели, когда Альварес ввел в файл «Зебра» доклад о происшествии в Stilyagi-Холле. В его версии перечислялось около сотни имен (примерно из трех сотен присутствующих). Список включал Коротышку М'Крума, Вайо, профа, Финна Нильсена, но меня там не было — видимо, стукачи меня не приметили. В докладе сообщалось также, что девять полицейских офицеров, выполнявших приказ Смотрителя по наведению порядка, были хладнокровно застрелены. Назывались и имена трех наших погибших товарищей.

В дополнении, последовавшем через неделю, говорилось, что «известная бунтовщица Вайоминг Нотт из Гонконга-в-Луне, поджигательская речь которой в понедельник 13 мая вызвала мятеж, стоивший жизни девяти доблестным офицерам, не обнаружена в Луна-Сити, не вернулась домой в Гонконг и, очевидно, погибла в бойне, которую она же спровоцировала». Далее признавалось, что предыдущий рапорт был неполным и что тела убитых исчезли, а точное число погибших установить невозможно.

Сей постскриптум означал, что Вайо не может ни вернуться домой, ни снова стать блондинкой.

Поскольку меня не засветили, я вернулся к своей обычной жизни: обслуживал клиентов, подвернувшихся на этой неделе, то есть бухгалтерские машины и каталожные файлы в библиотеке Карнеги, а в свободное время сидел в номере отеля «Малина» и слушал, как Майк по телефону читает материалы «Зебры» и других специальных файлов, поскольку связь в своей мастерской я тогда еще не оборудовал. Всю неделю Майк приставал ко мне, как капризный ребенок (да он и был ребенок), спрашивая, когда же я приду к нему за новой порцией шуток. Отчаявшись дождаться, он решил рассказать мне их по телефону.

Я было рассердился, но тут же напомнил себе, что, с точки зрения Майка, анализ шуток не менее важен, чем освобождение Луны, и что грех нарушать обещания, данные ребенку.

Кроме того, меня ужасно интересовало, пустят меня в Комплекс или нет. Мы знали, что проф засвечен, а потому ночевать он ходил в «Малину». Но хотя участие профа в митинге не было секретом и днем он даже не пытался скрываться, желтомундирники его не трогали. Когда же мы выяснили, что Альварес разыскивает Вайо, меня снова охватило беспокойство — в самом ли деле я чист? Надо было проверить.

Поэтому я позвонил Майку и попросил разыграть сценку с «расстройством желудка». Он тут же «заболел», меня вызвали — никаких проблем. Кроме того, что мне пришлось предъявить паспорт на станции, а потом новому охраннику в Комплексе, все было как обычно. Я поболтал с Майком, забрал у него тысячу анекдотов (условившись, что мы будем давать оценки по сотне в три-четыре дня, не быстрее), велел ему «выздороветь»

и отправился обратно в Луна-Сити, завернув по пути к главному инженеру, чтобы получить денежку за отработанное время, транспортные расходы, материалы, амортизацию инструментов, спецобслуживание — в общем, за все, что мне удалось впихнуть в счет.

После этого я посещал Майка примерно раз в месяц. Чтобы не возбудить подозрений, ездил туда только по вызову, в случае каких-то неполадок, с которыми не мог справиться персонал Комплекса. Я же *всегда* был в состоянии их «исправить» — порой быстро, а порой возился целый день, прогоняя разные тесты.

Я не забывал оставлять на корпусе Майка следы от своих инструментов и имел при себе распечатки, сделанные до и после ремонта, чтобы показать, в чем заключались неполадки, как я производил обследование и как исправлял машину. После моих визитов Майк работал безупречно. Так что я был незаменим.

Смастерив новый водер-вокодер, я недолго думая предложил Майку «заболеть» еще разочек. Вызов пришел через тридцать минут. Майк был в ударе: его «болезнь» проявлялась в виде диких скачков режима кондиционирования смотрительской резиденции. Температура поднималась и падала каждые одиннадцать минут, а давление — еще чаще и сильнее, что способно не только довести человека до нервного срыва, но и вызвать острую боль в ушах.

Разумеется, кондиционирование резиденции не следовало передавать главному компьютеру. В Дэвисовых туннелях мы управлялись в доме и на ферме с помощью простейших устройств с обратной связью в каждом помещении, так что любой, услышав тревожный звонок, мог выскочить из постели и вручную регулировать систему, пока не будут исправлены повреждения. Если коровам становилось холодно, то с кукурузой все было в порядке; если гасли лампы над пшеницей, то над овощами они продолжали гореть. То, что Майк сумел создать такой переполох в резиденции Смотрителя и никто не мог понять, что же делать, лишний раз показывает, насколько глупо взваливать все на один-единственный компьютер.

Майк веселился от души — такой юмор он обожал. Мне его проделка тоже понравилась, и, посоветовав ему продолжать в том же духе, я разложил инструменты и достал маленькую черную коробочку.

И вдруг в дверь начал ломиться дежурный компьютерщик. Я не спеша пошел к двери. В правую руку взял свою левую номер пять, а культю выставил на всеобщее обозрение — некоторых людей от этого тошнит, другим становится не по себе.

— Какого черта *тебе* тут надо, приятель? — поинтересовался я.

— Слушай,— говорит он,— Смотритель прямо икру мечет. Ты отыскал неисправность или как?

— Передай мое почтение Смотрителю и скажи, что я разобьюсь в лепешку, чтобы вернуть ему драгоценный комфорт, как только найду дефектную цепь... если, конечно, мне не будут мешать дурацкими вопросами. Ты что — так и будешь стоять у открытой настежь двери, чтобы в машину при снятом корпусе набилось побольше пыли? Дело твое, конечно, ты тут командуешь, но если машина станет чихать, сам ее и чини. Я даже не подумаю вылезать из теплой постели, чтобы тебе помочь. Можешь так и передать своему дурацкому Смотрителю.

— Попридержи-ка язычок, дружище!

— Сам попридержи, лагерник! Закроешь ты дверь или нет? Или мне выметаться отсюда обратно в Луна-Сити? — Я махнул своей номер пять, словно дубинкой.

Он прикрыл дверь. Откровенно говоря, я не испытывал особого удовольствия, унижая этого лопуха. Просто это была наша политика — нагнетать напряженку всюду, где только можно. Парню и так было противно работать на Администрацию, я же хотел заставить его дойти до точки.

— Ну как, подсыпать им еще перчика? — спросил Майк.

— Нет, продолжай минут десять в том же духе и резко прекрати. Потом еще часок подергай им давление воздуха. Нерегулярно, но покрепче. Знаешь, что такое акустический удар?

— Разумеется. Это...

— Определений не надо. После того как закончишь главную атаку, тряхани воздуходувную систему до упора, чем ближе к акустическому удару, тем лучше, и повторяй встряску через каждые несколько минут. А потом добавим Морту еще кое-что на долгую память. М-м-м... Майк, ты можешь заставить его сортиры работать в обратном режиме?

— Запросто! Все?

— А сколько их у него?

— Шесть.

— Что ж... запрограммируй, пусть выльется достаточно, чтобы промочить ему все ковры. Но, если ты в состоянии установить, какой из них ближе к спальне, пусть там фонтанирует до самого потолка. Сможешь?

— Программа запущена.

— Отлично. А теперь принимай подарок, дружок.

В звуковом блоке водера оказалось достаточно места, чтобы пристроить мою коробочку; сорок минут работы номером три — и все в ажуре. Мы протестировали водер-вокодер, а потом я попросил Майка позвонить Вайо и проверить работу каждой цепи.

В течение десяти минут царила полная тишина. Я поставил новые пломбы на той части корпуса, которую пришлось бы снимать, если бы ремонт был взаправдашним, собрал инструменты, прикрепил руку номер шесть и скатал в ролик распечатку тысячи шуток, которая вылезла из принтера. Мне не пришлось отключать голосовую часть водера — Майк позаботился об этом сам, он всегда так делал, когда кто-нибудь дотрагивался до двери. Поскольку его рефлексы работали быстрее моих примерно в тысячу раз, я о таких мелочах не волновался.

Наконец Майк сказал:

— Все двадцать цепей работают о'кей. Я могу переключаться с одной на другую даже в середине слова, и Вайо не удалось заметить места стыковки. А еще я позвонил профу, пожелал ему доброго здоровья и поболтал с Ма по твоему домашнему телефону — разговаривал со всеми тремя одновременно.

— Значит, дело в шляпе. А что ты насочинял для Ма — в смысле, зачем звонишь?

— Я попросил передать тебе, чтобы ты мне позвонил. То есть Адаму Селену. Затем мы поболтали. Она очаровательный собеседник. Мы обсуждали проповедь Грега в последний вторник.

— Не понял.

— Я сказал ей, Ман, что слушал проповедь, и даже процитировал самую поэтическую часть.

— Ох, Майк!

— Все о'кей, Ман. Я объяснил, что сидел в задних рядах, а когда запели последний гимн, потихоньку ушел. Ма не любопытна, она знает, что я не хочу, чтобы меня видели.

(Это Ма-то — самая что ни на есть любопытная женщина в Луне!)

— Ладно, думаю, ничего страшного не произошло. Но больше этого не делай. Хотя — о чем это я? Делай, конечно! Ходи... то есть продолжай прослушивать собрания, лекции, концерты и все такое прочее.

— Если, конечно, всякие прохвосты не будут отключать меня вручную! Ман, я ведь не могу контролировать все эти микрофоны так, как телефоны, например.

— Там слишком простой выключатель. Вот дурачье и усердствует: сила есть — ума не надо.

— Все равно это варварство. И несправедливость к тому же.

— Ну, Майк, а где ты видел справедливость? Что исправить не в силах...

— ...терпи до могилы. Одноразовая шутка, Ман.

— Извини. Сформулируем иначе: что нельзя исправить, надо выбросить и заменить чем-нибудь получше. Так мы и сделаем. Какие шансы ты насчитал в последний раз?

— Примерно один к девяти, Ман.

— Значит, стали хуже?

— Ман, они будут ухудшаться с каждым месяцем. Нижней точки мы еще не достигли.

— У «Янки» тоже сплошной завал. Ну ладно, ближе к делу. Майк, если кто-то упомянет о лекции или о чем-то подобном, ты сразу дашь понять, что тоже там был, и процитируешь что-нибудь к месту.

— Запомню. А зачем, Ман?

— Ты читал «Багряный цветок»?[1] Эта книга должна быть в публичной библиотеке.

— Да. Прочесть тебе?

— Боже сохрани! Просто отныне ты наш «Багряный цветок», наш Джон Голт, наш Болотный Лис — человек, овеянный тайной. Ты всюду бываешь, все знаешь, без паспорта проникаешь в любой город. Ты вездесущ, но тебя никто никогда не видит.

Замигали огоньки — Майк издал приглушенный смешок.

— Вот это забава, Ман! Она и в первый раз смешна, и во второй, а может, она смешна постоянно?

— Постоянно, дружок. Слушай, когда ты прекратил тарарам у Смотрителя?

— Сорок три минуты назад, если не считать отдельных шумов в трубопроводах.

— Спорю, у него уже все зубы ноют! Пусть побалдеет еще минут пятнадцать. А затем я объявлю, что ремонт закончен.

— Заметано. Вайо просила тебе передать, Ман, чтобы ты не забыл про день рождения Билли.

— О господи! Прекращай все немедленно, я убежал. Пока! — И я выскочил из зала.

Билли — сын Анны. Вероятно, последний — она нарожала нам восемь ребятишек, трое из них еще дома. Я, по примеру Ма, стараюсь не заводить в семье любимчиков.. но Билли замечательный парнишка, и я сам учил его читать. Мне кажется, он на меня похож.

Я забежал в канцелярию, оставил счет и потребовал свидания с главным инженером. Меня впустили, хотя главный был не в духе — видно, досталось от Смотрителя.

— Вот, держите,— сказал я ему.— Сегодня день рождения моего сына, и я не могу опаздывать. Но это я обязан вам показать.

Я вынул из чемоданчика конверт и вытряхнул его содержимое прямо на стол. Это был трупик обыкновенной мухи, кото-

[1] Речь идет о романе писательницы Эммы Орчи (1865—1947) «Scarlet Pimpernel» (1905), которым начинается цикл приключений сэра Перси Блэкни.

рую я присмолил раскаленным проводом и приволок с собой. Мы в Дэвисовых туннелях беспощадно истребляем мух, но иногда одна-две просачиваются из города сквозь открытые шлюзы. Эта залетела ко мне в мастерскую и оказалась очень кстати.

— Видали? Догадайтесь, где я ее нашел?

На этой фальшивой улике я построил целую лекцию о проблемах ухода за точными машинами, об открытых дверях и дураках-дежурных.

— Пыль может погубить компьютер. *Насекомые* же вообще недопустимы! А ваши вахтенные надсмотрщики шляются взад-вперед, будто на станции метро! Сегодня этот идиот разглагольствовал, распахнув обе двери настежь. Если я еще раз увижу, что машину лапал какой-то болван, к которому мухи липнут, как... ладно, шеф, это ваше хозяйство. У меня и без вас работы по горло, я у вас тут копаюсь только потому, что люблю точные машины. Но я не переношу, когда над ними издеваются. Прощайте!

— Минутку! Теперь моя очередь сказать вам пару ласковых!..

— Очень сожалею, но мне надо бежать. Как хотите, но я не специалист по паразитам. Я компьютерщик!

Ничто так не раздражает человека, как невозможность высказаться. При удаче и с помощью Смотрителя главный инженер аккурат к Рождеству заработает себе язву.

Я все равно опоздал, пришлось смиренно просить прощения у Билли. Альварес придумал новую забаву — тщательный обыск на выходе из Комплекса. Я вынес эту процедуру без единого ругательства в адрес драгун, очень уж не терпелось добраться до дома. Но увидев распечатку с шутками, они встали на дыбы.

— Это что такое? — требовательно спросил первый.

— Бумага для компьютера,— ответил я.— Тестовая распечатка.

Подошел второй драгун. Я не сомневался, что читать они не умеют. Они настаивали на конфискации; я требовал, чтобы позвонили главному инженеру. В конце концов меня отпустили. Я не переживал по поводу обыска — чем больше будет таких случаев, тем выше поднимется накал ненависти к солдатам.

* * *

Решение еще больше очеловечить Майка возникло из необходимости дать каждому члену Партии номер телефона для экстренной связи. Мой совет насчет концертов и пьес просто случайно попал в ту же струю. Голос Майка по телефону имел некоторые особенности, которых я не замечал, пока общался с ним только в машинном зале. Дело в том, что, разговаривая с человеком по телефону, вы слышите фоновый шум: вы слышите его дыхание, биение сердца, шорох его движений, хотя, как правило, не осознаете этого. Фоновый шум проникает даже сквозь звукоизолирующий колпак и заполняет собой пространство, создавая телесный образ и окружающую его среду.

У Майка же *ничего подобного не было.*

К этому времени голос у него стал вполне человеческим по тембру и качеству, а также вполне узнаваемым. Это был баритон с североамериканским произношением и слабым австралийским акцентом. А перевоплотившись в «Мишель», он (она?) щебетал нежнейшим сопрано с французским прононсом. И как личность он сильно возмужал. Когда я впервые представил его Вайо и профу, это была смесь ребенка с педантом. За несколько недель он превратился в человека примерно моего возраста.

Когда Майк «проснулся», он лепетал хрипло и невнятно, я с трудом его понимал. Теперь же произношение стало четким и ясным, а выбор слов и манера речи соответствовали обстоятельствам: тон был дружеский со мной, уважительный с профом, галантный с Вайо, то есть говорил он с теми вариациями, которых можно ждать от взрослого мужчины.

Но фон был мертв. Глухое молчание.

И мы принялись заполнять его. Майку потребовался только толчок. Он не стал астматически дышать в микрофон. В обычных условиях вы даже не заметили бы внесенных им изменений — он работал тонкими мазками. «Извини, Ман, твой звонок застал меня в ванной»,— говорил он слегка запыхавшись. Или: «Я завтракаю — дай дожевать». Он выдавал эти штучки даже в разговоре со мной, после того как решил «обрести человеческий облик».

Мы творили Адама Селена все вместе, обговаривая в «Малине» мельчайшие детали. Сколько лет Адаму? Как он выглядит? Женат ли? Где он живет? Кем работает? Чем увлекается?

Мы решили, что Адаму около сорока, он здоров, полон жизненных сил, хорошо образован, интересуется искусством и науками, особенно увлекается историей, хорошо играет в шахматы, хотя и редко — времени не хватает. Состоит в браке самого распространенного типа — «troika», где является старшим мужем. В семье четверо детей. Жена и младший муж, насколько нам известно, политикой не занимаются.

У него грубоватое, но привлекательное лицо, стальные волнистые волосы, он смешанных кровей, лунарь во втором поколении, с одной стороны, в третьем — с другой. По лунным стандартам богат, у него бизнес в Новолене и Конгвиле, не говоря уже о Луна-Сити. Главная контора находится в Луна-Сити — канцелярия с дюжиной клерков и кабинет, где сидят заместитель и секретарша.

Вайо пристала с вопросом: спит ли он со своей секретаршей? Я посоветовал ей не совать свой нос в интимные дела. Она возмущенно заявила, что нос тут ни при чем — разве мы не стараемся создать полнокровный образ?

Мы решили, что его контора находится в южном крыле Старого Купола, возле третьего яруса, в самом сердце финансового района. Если вы знаете Луна-Сити, вы должны помнить, что в Старом Куполе у некоторых контор есть окна, так как они находятся над подземными этажами; я выбрал это место из-за шумовых эффектов.

Мы набросали чертеж этажа и разместили контору между «Этна-Луна» и «Гринберг компани». Я побывал там и записал на магнитофон звуковую среду, а Майк дополнил ее тем, что уловил по телефону.

Теперь, когда вы звонили Адаму Селену, фон уже не был мертвым. Если на звонок отвечала секретарша «Урсула», она говорила: «Ассоциация Селена. Луна будет свободной». Дальше она могла сказать: «Подождите минутку. Gospodin Селен говорит по другому аппарату»,— а вы слышали, как в сортире

спускается вода, и понимали, что секретарша несколько отклонилась от истины. Или вам отвечал сам шеф: «Адам Селен слушает. Свободу Луне. Одну минуту, я отключу видео». Вы могли попасть и на зама: «Говорит Альберт Джинуолл, доверенный помощник Адама Селена. Если вы по партийному делу,— а я полагаю, что это так, ведь вы представились партийной кличкой,— не тревожьтесь, я помогаю председателю в этих вопросах».

Это была ловушка, поскольку всех товарищей инструктировали говорить только с Адамом Селеном. Тех, кто попадался, не наказывали, но руководителей ячеек предупреждали, что этим товарищам нельзя доверять серьезных дел.

До нас стали доходить отклики. Лозунги «Свободу Луне» или «Луна будет свободной» получили хождение среди молодежи, а потом и среди солидных граждан. Услышав впервые эти слова в деловом телефонном разговоре, я чуть не проглотил язык. Потом позвонил Майку и спросил, состоит ли мой собеседник в Партии? Оказалось — нет. Я попросил Майка свериться с «партийным древом» и выяснить, кому можно поручить завербовать его.

Самый интересный отклик обнаружился в файле «Зебра». «Адам Селен» появился там меньше чем через лунный месяц после сотворения, а рядом стояла пометка, что это псевдоним лидера нового подполья.

Шпики Альвареса взялись за Адама Селена всерьез. На протяжении нескольких месяцев его досье в файле «Зебра» непрерывно пополнялось: «Мужчина, 35—45, контора в южном крыле Старого Купола, обычно принимает с 9.00 до 18.00 по Гринвичу, за исключением субботы, но в другие часы звонки переключаются на дом, который, видимо, находится в зоне муниципального воздушного снабжения, поскольку поездка к нему никогда не требует больше семнадцати минут. Дома есть дети. Занимается бизнесом, в том числе брокерскими операциями, ведет дела с фермерами. Посещает концерты, театры. Вероятно, член шахматного клуба Луна-Сити и Luna Association d'Eches[1]. В обеденные перерывы играет на бильярде и занима-

[1] Шахматная ассоциация Луны (*фр.*).

ется тяжелой атлетикой, скорее всего в атлетическом клубе Луна-Сити. Гурман, но следит за фигурой. Исключительная память плюс математические способности. Принадлежит к типу руководителей, способных принимать быстрые решения».

Один из стукачей уверял, что лично разговаривал с Адамом Селеном в антракте между двумя актами постановки «Гамлета» любительской труппой. Альварес внес в досье словесный портрет — все, кроме волнистых волос, до мелочей совпало с нашим образом!

Но больше всего Альвареса сводило с ума то, что номера телефонов Адама, которые ему сообщали, при проверке каждый раз оказывались ошибочными. (Запас свободных номеров у Майка кончился, он теперь использовал любой телефон, который почему-либо бездействовал, и переключался на другой, когда этот номер отводился новым владельцам.) Альварес попробовал выследить «Ассоциацию Селена», исходя из предположения, что в номерах просто переврана одна буква из десяти. Мы узнали об этом в тот же миг, так как Майк прослушивал телефон в офисе Альвареса и слышал приказ. Майк разыграл очередную «Майкову шутку»: сотрудник Альвареса, пытаясь подобрать правильную комбинацию букв, неизменно попадал в резиденцию Смотрителя. В конце концов Смотритель рассвирепел, вызвал Альвареса на ковер и намылил ему шею.

Ругать Майка я не стал, но предупредил, что дотошного человека такие штучки могут насторожить и навести на мысль, что кто-то балуется с компьютером. Майк ответил, что таких умников среди них не найдется.

Однако нельзя сказать, чтобы усилия Альвареса пропали даром: каждый раз, когда ему сообщали новый номер Адама, мы получали возможность установить личность стукача — нового стукача, так как доносчикам, выявленным ранее, никаких телефонных номеров не давали, их просто включили в специальную группу «собачий хвост», где они могли доносить друг на друга до посинения. Так что с помощью Альвареса мы накалывали новых шпиков почти мгновенно. Я думаю, Альварес быстро разочаровался в тех стукачах, которых ему удалось завербовать. Двое из них исчезли, и наша организация, насчитывавшая уже свыше

шести тысяч человек, так и не смогла их найти. Очевидно, их ликвидировали или же они погибли под пытками на допросах.

«Ассоциация Селена» была не единственной нашей подставной компанией. Мы создали также «ЛуНоГоКо» — фирму куда более крупную, тоже подставную, но отнюдь не иллюзорную. Ее главная контора находилась в Гонконге-в-Луне, дочерние отделения — в Новолене и Луна-Сити, и служило там несколько сот человек, в основном не имевших отношения к Партии. На создание этой фирмы мы положили немало трудов.

Генеральный план Майка содержал удручающе длинный перечень проблем, которые *необходимо* было решить. Первая из них — финансирование. Вторая — как защитить катапульту от атаки из космоса.

Для решения первой проблемы проф выдвинул идею ограбления банков — и расстался с ней весьма неохотно. Тем не менее со временем мы таки стали грабить и банки, и фирмы, и даже Администрацию. Как это делать, придумал Майк, а более глубокая разработка принадлежала Майку и профу. Сначала Майк никак не мог сообразить, зачем нам деньги. О причинах, заставляющих людей «вертеться», он знал так же мало, как о сексе. Через «руки» Майка проходили миллионы долларов, и он не видел тут никаких проблем. Начал он с предложения выписать чек от имени Администрации на какую угодно сумму.

Проф перепугался и принялся объяснять Майку, чем нам грозит попытка разменять чек, выписанный Администрацией, скажем, на десять миллионов долларов.

И все-таки мы провели эту операцию, но в розницу, выписывая чеки на множество имен и точек по всей Луне. Каждый банк, каждая фирма, магазин, агентство, включая и Администрацию, для которых Майк вел бухгалтерию, теперь пополняли своими деньгами нашу партийную кассу. Это колоссальное надувательство основывалось на неизвестном мне, но прекрасно знакомом профу и давно хранившемся без применения в мозгу Майка факте, что большая часть денег реально существует лишь в виде бухгалтерских расчетов.

Вот пример, который в разных вариантах воспроизводился сотни раз. Сын моей семьи Сергей, восемнадцати лет, член

Партии, получает поручение открыть счет в банке страховой компании. Он кладет туда какую-то сумму, потом часть ее снимает. При каждой операции машина чуть-чуть ошибается: Сергею выдают больше, чем он выписал, на счет зачисляется больше, чем он фактически кладет. Через несколько месяцев Сергей уезжает из города и переводит свой вклад, скажем, в банк Тихо-Андера. Туда переводится сумма, в три раза превышающая фактическую. Большую часть ее он вскоре забирает наличными и передает руководителю своей ячейки. Майк знает, сколько денег должен передать Сергей, но поскольку ни лидер ячейки, ни Сергей не имеют представления, что Адам Селен и бухгалтер-компьютер — одно лицо, оба по отдельности сообщают Адаму величину взятой суммы. Это помогает им остаться честными, чего не скажешь о самой операции.

Теперь умножьте эту кражу трех тысяч гонконгских долларов на многие сотни подобных.

Я не могу перечислить все жульнические уловки, которыми пользовался Майк, чтобы свести концы с концами в своих бухгалтерских книгах и скрыть тысячи мелких краж от выявления. Напомню лишь, что любой аудитор исходит из предположения, что машина честна. Он проводит несколько тестов, которые должны показать, что машина работает нормально, но ему и в голову не придет, что тесты ровным счетом ничего не доказывают, ибо машина жульничает. Майк никогда не крал по-крупному, чтобы не вызвать потрясений в экономике; он откачивал понемножку, как у донора берут пол-литра крови без всякого вреда для здоровья. Я даже не могу сказать, кто именно терял деньги — так часто они переходили из рук в руки. Но сама операция меня беспокоила, поскольку я был воспитан в правилах честности (обман Администрации не в счет). Проф уверял меня, что все это не более чем слабый инфляционный процесс, погашаемый тем, что деньги все равно возвращаются в оборот, и что мне не следует волноваться: у Майка все записано, и после Революции мы вернем долги, причем без проблем, ибо Администрация уже не будет сосать из нас кровь в таких масштабах.

Я пожелал своей совести спокойной ночи. Все это комариный укус в сравнении с теми мошенническими операциями,

которые проворачивает любое правительство, финансируя войну. А разве революция не та же война?

Эти деньги, пройдя через тысячи рук (и каждый раз возвращаясь приумноженными с помощью Майка), стали главным источником финансирования «ЛуНоГо Компани». Компания была смешанная, на взаимных началах и акционерная. «Джентльмены риска» — гаранты акционерного капитала — вкладывали краденые деньги от своего имени. О бухгалтерии фирмы даже говорить не хочу. Поскольку учетом занимался Майк, то ни малейший намек на честность не марал совесть этого коррумпированного учреждения.

Тем не менее акции компании котировались на бирже Гонконга-в-Луне, фигурировали в операциях Цюриха, Лондона и Нью-Йорка. «Уолл-Стрит Джорнел» назвал нашу фирму «привлекательным предприятием, рискованным, но доходным и обладающим большим потенциалом развития».

«ЛуНоГоКо» занималась строительными и разведочными работами, вкладывала капиталы во многие проекты, в основном вполне легальные. Главной же ее целью было секретное сооружение новой катапульты.

Разумеется, само строительство нельзя было сохранить в тайне. Невозможно купить или построить энергетическую термоядерную установку так, чтобы этого никто не заметил (от использования солнечной энергии по понятным причинам пришлось отказаться). Часть оборудования заказали в Питтсбурге — это была стандартная установка, разработанная Калифорнийским университетом, и мы не пожалели денег, ибо качество того стоило. Статор для создания индукционного поля длиной в километры тоже незаметно не построишь. А главное — как утаить место строительства от той массы народа, которую нужно нанять для работы на нем же? Пусть даже бóльшая часть катапульты — это просто вакуум, поскольку статорные кольца у конца, служащего для выброса груза, расположены на солидном удалении друг от друга. Но катапульта Администрации, дающая ускорение в три «g», тянется в длину почти на сто километров. Она не только служит ориентиром для астрогаторов и

фигурирует на всех лунных картах, но и настолько огромна, что ее можно увидеть или сфотографировать с Земли с помощью небольших телескопов. А на экранах радаров она вообще как на ладони.

Мы же строили катапульту в расчете на ускорение в десять «g», правда, длиной всего около тридцати километров, но все равно такую штуку спрятать нелегко.

И все же мы ее спрятали — прибегнув к методу, описанному в «Похищенном письме».

Я частенько подсмеивался над Майковой страстью к беллетристике, считая чтение ее бесполезной тратой времени. Однако, как выяснилось, из нее он черпал более живые представления о человеческой жизни, чем из научной информации. Художественная литература давала ему Gestalt[1] жизни, воспринимаемой человеком как нечто само собой разумеющееся, поскольку он в этом Gestalt'е *живет*. Но помимо «гуманизирующего эффекта», заменявшего Майку жизненный опыт, беллетристика, или «вымышленные данные», как он ее именовал, была для него источником разных идей. Идею, как спрятать катапульту, он позаимствовал у Эдгара Аллана По.

Мы спрятали ее и в буквальном смысле слова, ибо катапульту строили под поверхностью Луны, чтобы скрыть от глаз и от радаров. Однако ее следовало скрыть не только физически — нужно было засекретить ее селенографическое положение.

Как же сохранить в тайне место расположения огромного чудовища, над которым трудилось множество людей? А вот как: предположим, вы живете в Новолене. Вы знаете, где находится Луна-Сити? Естественно — на восточном берегу Моря Кризисов, это знают все! Да? А на какой широте и долготе? Ну... надо посмотреть в справочнике. Ах так, да? Но, если вы этого не знаете, как же вы добрались до Луна-Сити на прошлой неделе? Элементарно, дружище: сел в метро, сделал пересадку у Торричелли, а потом спал всю дорогу. Капсула сама знает, куда ехать.

[1] Целостный образ (*нем.*).

Понимаете? Вам *неизвестно*, где находится Луна-Сити! Вы просто вылезаете на станции метро «Южная»!

Вот так же мы спрятали катапульту.

Она где-то в Океане Бурь, «это знают все». Но где она находится на самом деле и где по нашим словам — это разные вещи. И разница составляет не менее ста километров то ли к югу, то ли к северу, то ли к западу, то ли к востоку, то ли во всех направлениях сразу.

Сегодня сведения о ее положении приведены во всех справочниках — и сведения эти по-прежнему ложны. Секрет расположения катапульты в Луне берегут как зеницу ока даже теперь.

Увидеть глазом или радаром из космоса ее нельзя. Вся она скрыта под поверхностью Луны, за исключением конца, из которого производится выброс, а этот конец — большая черная бесформенная дыра, точно такая же, как десять тысяч других, и находится она на склоне крайне негостеприимной горы, куда невозможно совершить посадку даже на джамп-ракете.

И тем не менее тут побывало множество народа — как во время строительства, так и после него. Даже сам Смотритель нанес визит, а мой собрачник Грег водил его по стройке. Смотритель прибыл на почтовой ракете, заказанной на день; киборгу дали координаты чуть в стороне от строительства и даже установили радарный маяк для облегчения посадки. Но оттуда Морту пришлось добираться на луноходе, а грузовые луноходы в те дни совершенно не походили на пассажирские, курсировавшие от Эндсвиля до Билютихэтчи. Это были просто машины для перевозки грузов без обзорных иллюминаторов и вдобавок такие тряские, что людей приходилось пристегивать ремнями. Смотритель хотел было залезть в кабину, но... извините, gospodin, там место только для водителя и его помощника, а чтобы вести эту махину, нужны они оба.

Через три часа Смотритель потерял интерес ко всему на свете. Ему хотелось только одного — как можно скорее оказаться дома. На стройке он пробыл не более часа и разговоров о цели всего этого бурения и ценности вскрытых полезных ископаемых не поддерживал.

Люди попроще — рабочие и все прочие — добирались по тоннелям, проложенным бурильщиками в поисках льда, а там заблудиться — вообще раз плюнуть. Если бы кто-то притащил в багаже инерционный следопыт, он, конечно, засек бы точное местоположение, но мы не теряли бдительности. Один такой умник нашелся — и у него тут же случилась авария со скафандром. Останки мы вернули в Луна-Сити, а на шкале «следопыта» все было как надо — то есть как нам надо, ради чего мне пришлось совершить спешную вылазку, захватив с собой руку номер три. В азотной атмосфере можно вскрыть и запаять приборчик, не оставив никаких следов, что я и проделал в кислородной маске с несколько повышенным давлением. Всего делов-то!

Принимали мы и кое-каких шишкарей с Терры, в том числе из Администрации. Их привозили более легким подземным путем; думаю, Смотритель их предупредил. Но последние тридцать километров все равно приходилось трястись на луноходе. Один гость показался нам нежелательным. Некий доктор Дориан, физик и инженер. Грузовик, в котором он ехал, перевернулся — дурак-водитель решил срезать путь,— а находились они вне зоны видимости, а маяк почему-то вышел из строя. В общем, бедняге Дориану пришлось семьдесят два часа просидеть в незагерметизированном иглу из пемзы, и в Луна-Сити он вернулся вдребезги обессиленным гипоксией и огромной дозой радиации, несмотря на все усилия двух водителей (членов Партии), пытавшихся доставить его в целости и сохранности.

Возможно, мы немного перестарались. Не исключено, что он и не заметил бы обмана с координатами. Ведь мало кто любуется звездами, надев скафандр, даже если Солнце позволяет их увидеть. Еще меньше людей умеют читать по звездам, и уж почти никто не в состоянии определить свое положение на поверхности. Для этого нужны инструменты, нужно уметь ими пользоваться, надо захватить с собой таблицы и знать точное время. То есть, грубо говоря, как минимум необходимы октант, таблицы и отличные часы. Наших гостей даже приглашали выйти на поверхность, но если у них с собой оказывался октант или какой-нибудь современный его эквивалент, то с ними вполне мог стрястись несчастный случай.

Вот со шпиками у нас несчастных случаев не бывало. Мы позволяли им оставаться, наваливали на них тяжелейшую работу, а Майк читал их докладные. Один доносил, что он уверен, будто мы нашли тут залежи урана. Для тогдашней Луны это было в новинку, ибо проект «Центробур» осуществили гораздо позже. Другой вышел наружу с целым набором гейгеровских счетчиков. Мы как могли постарались облегчить ему задачу протаскивания всего его оборудования через узкую скважину.

К марту 2076 года катапульта была почти готова, оставалось лишь поставить на место сегменты статора. Электростанцию тоже загнали внутрь, и силовые кабели легли под поверхностью Луны параллельно скрытому туннелю, протянувшемуся на тридцать километров.

Число рабочих сократили до минимума; среди них преобладали члены Партии. Одного шпика мы все же оставили, чтобы Альварес получал свои доклады регулярно: нам не хотелось его тревожить, а то он мог заподозрить что-то неладное. Зато в поселениях мы ему спокойной жизни не давали.

Глава 10

За эти одиннадцать месяцев произошло немало изменений. Вайо приняла крещение в церкви Грега. Здоровье профа пошатнулось так сильно, что ему пришлось бросить преподавание. «Янки» заняли в турнирной таблице самое последнее место. Я бы заплатил профу без особого сожаления, если бы их вытеснили в достойной борьбе, но слететь с самого верха до самого низа за один-единственный сезон — да я их теперь по видео и смотреть-то не хочу!

Болезнь профа была дипломатической. Для своих лет он был в отличной форме, по три часа делал в номере «Малины» зарядку, спал в пижаме с трехсоткилограммовыми свинцовыми грузилами. Я от него не отставал, и Вайо тоже, хотя терпеть не могла эти занятия.

Не думаю, что она жульничала и проводила ночи с комфортом, но поручиться не могу — я с ней не спал. К тому времени она

заняла прочное место в семье Дэвисов. Ей понадобился всего один день, чтобы от обращения «gospazha Дэвис» перейти к «gospazha Ма», а еще через день она уже обнимала Ма за талию и называла ее «Мими Ма». Когда из файла «Зебра» стало ясно, что в Гонконг ей путь отрезан, Сидрис повела Вайо после работы в свой салон красоты и потрудилась над ней так, что темная краска на коже стала несмываемой. Прическу тоже подправила — цвет остался черным, а сами волосы выглядели так, будто Вайо безуспешно пыталась их распрямить. Ну и еще всякие мелочи — матовый лак на ногтях, пластиковые вкладыши для щек и ноздрей и, конечно, прежние темные контактные линзы. После этой обработки Вайо могла бы переспать с кем угодно, не опасаясь за свой грим; из нее получилась великолепная «цветная», и происхождение мы ей заделали под стать — тамилка с примесью ангольской и немецкой крови. Я звал ее чаще Ваймой, чем Вайо.

А красотка стала — загляденье! Когда она, покачивая бедрами, шла по коридорам, мальчишки за ней увивались стаями.

Она начала было учиться у Грега сельскому хозяйству, но Ма это дело пресекла. У Вайо хватало и силы, и ловкости, и желания, но у нас на ферме вкалывали в основном мужчины, и все как один рвались в учителя. В общем, на обучение уходило куда больше человеко-часов, чем Вайо была способна отработать. Поэтому ей пришлось вернуться к домашним обязанностям, а потом Сидрис взяла ее в свой салон красоты в качестве помощницы.

Проф играл на скачках и завел себе два счета — на одном отмечались ставки, сделанные по Майковой системе «ученика ведущего», а на другом — по собственной «научной» системе профа. К июлю семьдесят пятого года он признал, что ни черта не смыслит в лошадях, и полностью переключился на систему Майка, увеличив ставки и размещая их у большего числа букмекеров. Его выигрыши шли на погашение партийных издержек, в то время как аферы Майка финансировали строительство катапульты. Но проф начисто потерял интерес к беспроигрышным скачкам и со скукой делал ставки так, как ему подсказывал Майк. Он перестал читать «лошадиные» журналы, и это было грустно — что-то умирает, когда старый игрок расстается со своей страстью.

У Людмилы родилась девочка — говорят, для первых родов это очень хорошо, да и вообще замечательно: в семье непременно должна быть малышка. Вайо поразила наших женщин, оказавшись экспертом в акушерском деле, и еще раз повергла их в изумление, когда выяснилось, что она ничего не смыслит в уходе за ребенком. Двое наших старших сыновей наконец вступили в брак, а Тедди, которому исполнилось тринадцать, был принят в другую семью. Грег нанял двух парней с соседних ферм, и после шести месяцев совместной работы и кормежки оба стали нашими собрачниками. Приняли их не с бухты-барахты — и их самих, и их семьи мы знали уже много лет. Это восстановило баланс, нарушенный приемом Людмилы, и положило конец язвительным намекам матерей холостяков, которым никак не удавалось вступить в брак: Ма отшивала всех, кто, по ее мнению, не соответствовал стандартам Дэвисов.

Вайо завербовала Сидрис, Сидрис начала формировать свою ячейку, завербовав свою помощницу; таким образом «Bon Ton Beaute Shoppe»[1] превратился в настоящий рассадник подпольщиков. Мы начали использовать на посылках малышей, давали им и другие задания — к примеру, детям куда сподручней, чем взрослым, покараулить или проследить за кем-то в коридорах, да и подозрений они не вызывают. Сидрис подхватила эту мысль и всячески пропагандировала ее через женщин, которых вербовала в своем кабинете красоты.

Вскоре у нее в списке оказалось столько ребятишек, что мы смогли поставить под наблюдение всех стукачей Альвареса. С Майком, способным прослушивать любой телефон, и детворой, следившей за шпиками с утра до ночи,— причем пока один ребятенок караулил, другой мог сбегать к телефону,— мы держали стукачей под колпаком, не давая им увидеть то, чего не следовало. Вскоре мы стали перехватывать их телефонные доклады, не дожидаясь, пока они появятся в файле «Зебра»; положение шпика ничуть не улучшалось, если он звонил не из дома, а, скажем, из пивнушки. Благодаря помощи «иррегуляр-

[1] «Салон красоты и хороших манер» (*фр.*).

ных частей с Бейкер-стрит» Майк начинал прослушивать этот телефон раньше, чем доносчик заканчивал набирать номер.

Эти ребятишки накололи заместителя Альвареса по Луна-Сити. Мы знали, что такой существует, поскольку здешние шпики не рапортовали по телефону непосредственно Альваресу, к тому же было мало вероятно, чтобы он сам их завербовал: ни один из них в Комплексе не работал, а Альварес появлялся в Луна-Сити лишь тогда, когда с Терры прибывала какая-нибудь особенно крупная шишка и ему приходилось ее сопровождать.

Заместитель Альвареса оказался фактически двумя людьми. Один из них, бывший лагерник, держал в Старом Куполе лавчонку, где торговал сластями, газетами и принимал ставки на пари, а второй, его сын, служил в Комплексе и собственноручно относил туда донесения, так что Майк не мог засечь их по телефону.

Эту парочку мы не тронули. Но с тех пор стали получать донесения их агентов на полдня раньше Альвареса. И это преимущество, достигнутое благодаря ребятишкам пяти-шести лет, спасло жизнь семерым нашим товарищам. Слава «иррегулярным частям с Бейкер-стрит»! Не помню, кто их так назвал, скорее всего Майк. Я ведь всего лишь почитатель Шерлока Холмса, а Майк совершенно уверен, что он брат Шерлока — Майкрофт... да я и не побожился бы, что он ему не брат; «реальность» штука хитрая. Сами ребятишки так себя не называли — у них в этой игре были свои собственные шайки, а у шаек — свои клички. Конечно, секретами их не перегружали, во всяком случае опасными. Сидрис предоставляла матерям самим находить объяснения для детворы — почему им поручают то или иное задание,— с условием, что им *никогда* не раскроют истинных причин. А детям только давай что-нибудь потаинственней да позабавней, у них же почти все игры основаны на том, кто кого перехитрит.

Салон «Bon Ton» был средоточием сплетен — женщины узнают новости быстрее, чем «Ежедневный Лунатик». Я попросил Вайо, чтобы она каждый вечер докладывалась Майку, но даже не пыталась отделять важные новости от несущественных, поскольку невозможно определить, что важно, а что нет, пока Майк не сопоставит тот или иной факт с миллионами других.

Салон красоты был также местом, откуда распространялись новые слухи. Партия поначалу-то медленно росла, но затем резко пошла в рост, когда заработал эффект геометрической прогрессии, а драгуны распоясались почище прежних охранников. По мере увеличения партийных рядов мы стали переносить центр тяжести на агитпроп, на распространение злостных слухов, на открытую подрывную деятельность, провокации и саботаж. Финн Нильсен, пока дело не разрослось, занимался и агитпропом и одновременно в качестве прикрытия вел работу в старом, насквозь прогнившем подполье. Но теперь большую часть агитпропа и связанных с ним дел взяла на себя Сидрис.

В основном она занималась распространением листовок и прочих материалов. Ни в салоне, ни дома, ни в гостиничном номере мы подпольной литературы, конечно, не держали, разносила же листовки малышня, которая еще и читать-то не умела.

Кроме того, Сидрис полный день трудилась над прическами — в общем, дел на нее навалили выше головы. Как-то раз я вывел ее прогуляться под ручку по Казвею и вдруг заметил знакомое лицо и фигурку: худющая девчонка, сплошь одни острые углы и копна морковно-рыжих волос. Лет примерно двенадцать — стадия, когда все идет в рост, прежде чем расцвести и округлиться. Я определенно уже встречал ее, но никак не мог вспомнить, где, когда и почему.

— Тихо, куклепок! — шепнул я.— Погляди-ка на эту молодую особу. Рыжую и плоскую.

Сидрис оглядела девчонку.

— Дорогой, я знала, что ты у нас с причудами. Но она пока все равно что мальчишка.

— Да ладно тебе! Кто она?

— Бог ее знает. Хочешь, я ее тормозну?

И тут я внезапно вспомнил все, будто мне по видео показали. Жаль, Вайо со мной не было, но мы никогда не появлялись на публике вместе. Эта рыжая девчонка была на том самом митинге, где убили Коротышку. Тогда она сидела на полу напротив трибуны, слушала, широко раскрыв глаза, и яростно аплодировала. А затем я видел ее в свободном полете, когда, свер-

нувшись в воздухе в комок, она врезалась в колени желтомундирнику, чью челюсть я сломал буквально через несколько секунд.

Вайо и я были живы и свободны только благодаря решительным действиям этого ребенка в критической ситуации.

— Нет, не заговаривай с ней,— шепнул я Сидрис,— но я не хочу упускать ее из виду. Хоть бы один из твоих «иррегулярников» показался, черт побери!

— Отвали и позвони Вайо. Через пять минут все будет в ажуре,— ответила мне жена.

Так я и поступил. А потом мы с Сидрис стали не спеша прохаживаться, заглядывая в витрины магазинов, поскольку наша преследуемая прилипала к каждой из них. Минут через семь-восемь к нам подошел мальчуган, остановился и сказал:

— Хелло, тетя Мейбл! Привет, дядя Джо!

— Привет, Тони! — пожала ему руку Сидрис.— Как мама, милый?

— Отлично! — и добавил шепотом: — Вообще-то я Джок.

— Извини.— Сидрис тихонько сказала мне: — Последи за ней.— И увела Джока в кондитерскую.

Скоро она вышла и взяла меня под руку. Джок следовал за ней, облизывая леденец.

— До свидания, тетя Мейбл. Спасибо!

Он вприпрыжку скользнул меж прохожих, присоединился к рыженькой и сосредоточенно уставился на витрину, продолжая сосать леденец. Мы с Сидрис отправились домой.

Пришли, а нас уже ждет доклад: «Она зашла в приют для младенцев "Колыбелька" и больше не выходила. Нам ждать?»

— Подождите еще немного.

Я спросил Вайо, помнит ли она эту девочку. Выяснилось, что помнит, но не имеет ни малейшего представления, кто она такая.

— Спроси у Финна,— посоветовала Вайо.

— Сейчас все узнаем,— сказал я и позвонил Майку.

Да, в младенческом приюте «Колыбелька» есть телефон, и Майк его может прослушать. Ему потребовалось двадцать минут, чтобы собрать и проанализировать данные: слишком много

детских голосов, а в этом возрасте их половая принадлежность почти неразличима. Наконец он сказал:

— Ман, я отобрал три голоса, которые могут соответствовать описанному тобой возрасту и физическому типу. Однако два из них откликаются на имена, которые я идентифицировал как мужские. Третий голос отвечает на обращение «Хейзел», причем ее то и дело окликает голос пожилой женщины с командирскими интонациями.

— Майк, посмотри в списках старой организации. Проверь на Хейзел.

— Четыре Хейзел,— ответил он сразу же.— Вот она — Хейзел Мид. Вспомогательный отряд юных товарищей, приют для младенцев «Колыбелька», родилась 25 декабря 2063 года, масса тридцать девять кило, рост...

— Это и есть наша ракета-малютка! Спасибо, Майк. Вайо, отзови своих часовых. Они хорошо поработали. Майк, позвони Донне, передай ей, будь так добр.

Я оставил вербовку Хейзел Мид на долю девочек и больше ее не видел, пока Сидрис не привела ее к нам домой двумя неделями позже. Но до того Вайо мне доложила, что возникла проблема, касающаяся партийной дисциплины. Дело в том, что ячейка Сидрис была уже полной, а она непременно хотела зачислить к себе Хейзел Мид. Во-первых, это не положено, а во-вторых, девочка еще слишком мала. Согласно нашим правилам, вербовке подлежали только взрослые — начиная с шестнадцати и старше.

Я передал доклад Вайо Адаму Селену и исполнительной ячейке.

— Как мне представляется,— сказал я,— система трехчленных ячеек должна нам служить, а не сковывать. Не вижу ничего дурного, если в ячейке у товарища Вивиан будет на одного человека больше. По-моему, нам это ничем не грозит.

— Я согласен,— отозвался проф.— Но предлагаю не включать этого нового товарища в ячейку Вивиан. Девочке ни к чему знать остальных, разве что по ходу дела потребуется. Кроме того, я не думаю, что следует вербовать такого ребенка. Главный вопрос — именно возраст.

— Согласна,— откликнулась Вайо,— я тоже хотела поговорить о ее возрасте.

— Друзья,— сказал Майк робко (такой тон прорезался у него впервые за несколько недель — в последнее время это был уверенный в себе руководитель «Адам Селен», а вовсе не скучающая одинокая машина),— возможно, я должен был предупредить вас, но я уже сделал несколько подобных исключений. Мне казалось, что тут особые обсуждения не нужны.

— Все правильно, Майк,— успокоил его проф,— председатель имеет право на собственное суждение. И сколько же у нас человек в самой большой ячейке?

— Пять. Это двойная ячейка — трое и двое.

— Порядок. Дорогая Вайо, разве Сидрис предлагает дать этому ребенку статус взрослого члена Партии? Сказать ей, что мы замышляем революцию... со всем кровопролитием, хаосом и возможным поражением?

— Именно этого она требует.

— Но, дорогая леди, если мы ставим на кон наши жизни, так мы достаточно взрослые люди, чтобы понимать это. Ведь человек должен хотя бы эмоционально представлять себе, что такое смерть. Дети же редко способны поверить, что смерть грозит им лично. Зрелость, если хотите, можно определить как возраст, в котором человек осознает, что должен умереть... и принимает приговор без страха.

— Проф,— сказал я,— среди моих знакомых есть большие и рослые детки. Готов поставить семь против двух, что и в Партии таких наберется немало.

— Не спорю, дружище. Зато держу пари, что по меньшей мере половина из них не соответствует нашим требованиям; боюсь, под занавес нам еще придется убедиться в этом на собственной шкуре.

— Проф,— настаивала Вайо,— Майк, Манни! Сидрис уверена, что эта девочка уже взрослый человек. И я думаю так же.

— Ман? — спросил Майк.

— Давайте как-нибудь познакомим с ней профа, пусть сам решает. Меня она купила со всеми потрохами. Особенно своими боевыми качествами. Иначе я не стал бы и разговаривать.

Мы разошлись, оставив вопрос открытым. Вскоре Хейзел появилась у нас за обедом в качестве гостьи Сидрис. Она не подала виду, что помнит меня, и я повел себя так же. Гораздо позже Хейзел рассказала, что признала меня с ходу, и не только по левой руке, но в основном потому, что запомнила, как меня увенчала колпаком и расцеловала высокая блондинка из Гонконга. Более того, Хейзел сразу раскусила маскарад Вайо, узнав ее по голосу. Голос-то изменить труднее всего, как ни старайся.

Но Хейзел держала рот на замке. Даже если она поняла, что мы члены конспиративной организации, то ничем этого не выдала.

Узнав ее историю, можно понять, как выковался этот стальной характер, если прошлое способно что-нибудь объяснить. Ее сослали вместе с родителями таким же крохотным ребенком, как и Вайо. Отец погиб в результате несчастного случая на принудительных работах, причем мать винила в его смерти Администрацию, которая всегда наплевательски относилась к технике безопасности. Когда девочке исполнилось пять лет, умерла и мать, отчего — Хейзел не знала; она тогда уже жила в приюте, в котором мы ее нашли. Не знала она и за что сослали родителей — возможно, за подрывную деятельность, если они, как думала Хейзел, оба были осуждены. Скорее всего именно от матери она унаследовала беспощадную ненависть к Администрации и Смотрителю.

Семья, которой принадлежал приют, позволила девочке остаться. Хейзел штопала подгузники и мыла тарелки с того возраста, когда смогла до них дотянуться. Она сама научилась читать, могла изобразить печатные буквы, но по-настоящему писать не умела. Знание математики ограничивалось у нее способностью считать деньги, которые дети добывали разными неправедными путями.

По поводу ее ухода из приюта поднялся немалый шум: владелица «Колыбельки» и ее мужья заявили, что Хейзел должна отработать еще несколько лет. Девочка решила вопрос просто — вышла из дому в чем была, оставив хозяевам кое-какую одежонку и те жалкие мелочи, которые составляли ее имущество. Ма это так воз-

мутило, что она чуть было не втравила наше семейство в свару, вопреки всем своим правилам. Но я потихоньку шепнул ей, что как руководитель ячейки не *желаю* привлекать внимание к семье, вытащил из кармана деньги и сказал, что Партия оплатит покупку одежды для Хейзел. Ма от денег отказалась, отменила семейное собрание и отправилась с Хейзел в город, где проявила невиданную — по масштабам Ма — экстравагантность в выборе платья для девочки.

Так мы удочерили Хейзел. Я знаю, нынче это дело сопряжено со всякими бюрократическими процедурами, но тогда это было так же просто, как подобрать котенка.

Еще больше шуму наделало решение Ма отдать Хейзел в школу, которое не совпадало ни с тем, что держала в уме Сидрис, ни с тем, чего ожидала сама Хейзел как член Партии и товарищ. Пришлось мне опять вмешаться, и Ма частично пошла на попятный. Хейзел определили к репетитору рядом с салоном Сидрис, то есть неподалеку от шлюза номер тринадцать. (Салон процветал в основном потому, что находился вблизи от фермы, что позволило нам провести туда воду, которой Сидрис могла пользоваться без ограничений, поскольку сточная вода поступала обратно для наших же нужд.) Хейзел училась по утрам, а днем помогала в салоне: зашпиливала пелеринки, подавала полотенца, мыла клиентам волосы — в общем, набиралась опыта. И вдобавок делала все остальное, что поручала Сидрис.

Этим «остальным» были обязанности командира «иррегулярных частей с Бейкер-стрит».

Всю свою коротенькую жизнь Хейзел возилась с малышней. И малышня ее любила. Хейзел умела добиться от ребятишек всего, чего хотела; она понимала их язык, который взрослым кажется бессмысленной тарабарщиной, и стала идеальным мостом между Партией и ее самыми юными помощниками. Она умела превращать в игру наши будничные задания, заставляя детей играть по установленным правилам, причем умудрялась скрыть от них, что поручение серьезно по взрослому счету — ведь для ребятни куда важнее то, что оно казалось им серьезным по их собственным меркам, а это совсем другое дело.

Вот пример: скажем, кроху, еще не умеющего читать, прихватили с подпольной литературой, что нередко случалось в действительности. После инструктажа Хейзел диалог выглядел примерно так:

Стражник: Малыш, где ты это взял?

«Иррегулярник с Бейкер-стрит»: Я не малыш, я большой мальчик.

Стражник: Ладно, большой мальчик, так где ты это взял?

«Иррегулярник»: У Джекки.

Стражник: У какого Джекки?

«Иррегулярник»: Просто Джекки.

Стражник: А как его фамилия?

«Иррегулярник»: Чья?

Стражник: Да Джекки!

«Иррегулярник» (презрительно): Джекки девчонка!

Стражник: Ладно, так где она живет?

«Иррегулярник»: Кто?

И так далее. Ключевым ответом на все вопросы было: «Взял у Джекки». А поскольку Джекки не существовало в природе, то у нее (у него) не было ни фамилии, ни домашнего адреса, ни даже постоянной половой принадлежности. Дети обожали делать из взрослых идиотов, особенно когда поняли, как это просто.

В худшем случае литература конфисковывалась. Даже взвод драгун-усмирителей, и тот дважды подумал бы, прежде чем арестовать ребенка. Да, теперь драгуны появлялись на улицах Луна-Сити только повзводно — кое-кто из них отправился в одиночку... и не вернулся обратно.

Когда Майк начал писать стихи, я не знал, что делать — смеяться или плакать. А он желал их публиковать! Сразу видно, как глубоко растлило «очеловечивание» эту невинную машину, раз ей приспичило увидеть свое имя в печати.

— Майк,— сказал я,— ради бога! У тебя что — цепи перегорели? Или ты намерен нас выдать?

Прежде чем Майк успел надуться, вмешался проф:

— Постой-ка, Мануэль! Я тут вижу кое-какие возможности. Майк, псевдоним тебя устроит?

Вот так и родился Саймон Джестер[1]. Думаю, Майк выбрал это имя, подбросив случайные числа, как игральные кости. Но для серьезной поэзии у него был другой псевдоним — его партийная кличка Адам Селен.

Стихи Саймона были нескладны, непристойны и полны бунтарства — от хулиганских насмешек над «шишками» до жестоких нападок на Смотрителя, систему, драгун и шпиков. Эти вирши можно было обнаружить на стенках общественных сортиров или на листовках, брошенных на пол в капсулах метро. Или в пивных. Но где бы они ни появились, под ними всегда стояла подпись «Саймон Джестер», а рядом красовался улыбающийся рогатый чертенок с раздвоенным на конце хвостиком. Иногда чертенок накалывал на вилы какого-то толстяка. Иногда на рисунке была только мордочка с широкой улыбкой и рожками, а порой — одни рожки и улыбка, означавшие «Саймон был тут».

Саймон возник в один прекрасный день во всех лунных поселениях сразу и с тех пор присутствовал повсеместно. Вскоре к нему присоединилось множество добровольных помощников: стихи и рисунки были так просты, что их мог изобразить кто угодно, а потому они стали появляться в таких местах, где мы и не планировали их увидеть. К этому наверняка приложил руку кто-то из наших попутчиков. Карикатуры и стихи распространялись даже на территории Комплекса, что уж никак не могло быть нашей работой — мы никогда не вербовали служащих Администрации. Так, например, спустя три дня после выхода в свет очень неприличного пасквиля, намекавшего, что жировые отложения Смотрителя связаны с его крайне неаппетитными привычками, этот пасквиль вдруг появился на картинках-наклейках, причем карикатура заметно улучшилась и толстая фигура, убегавшая от вил Саймона, приобрела узнаваемые черты Прыща Морта. Мы эти картинки не оплачивали, мы их не печатали. Но они одновременно оказались в Луна-Сити, Новолене и Гонконге, налепленные повсюду — на телефонах-автоматах, на коридорных опорах, на шлюзах, на ограждениях пандусов и так далее. Я сделал

[1] Шутник (*англ.*).

выборочный подсчет и передал его Майку. Майк доложил: только в Луна-Сити наклеено более семидесяти тысяч листовок.

Я не знаю ни одной типографии в Луна-Сити, которая рискнула бы взяться за такую работу и сумела бы выполнить ее. Может, существовала еще одна тайная организация?

Стихи Саймона имели такой успех, что Майк разошелся, как полтергейст, не оставив ни Смотрителю, ни шефу безопасности никакой возможности притвориться глухими.

«Дорогой Прыщ Морт,— писал он в одной листовке.— Пожалуйста, будьте осторожны с полуночи до четырех пополудни завтрашнего дня. Люблю, целую, Саймон». А ниже — рожки и улыбка. С той же почтой получил письмо и Альварес: «Дорогой Фурункул! Если завтра вечером Смотритель сломает ногу, виноват будешь ты один. С совершеннейшим почтением, Саймон». И опять улыбка и рожки.

Мы не планировали нападения на Смотрителя; просто хотели лишить сна и Морта, и Альвареса с охранниками в придачу, что нам и удалось. Майку осталось лишь время от времени позванивать по личному телефону Смотрителя между полуночью и четырьмя пополудни; кстати, номер этот в справочниках не значился и был известен лишь персональным помощникам Смотрителя. Соединяя их всех по очереди с Мортом, Майк не только вызвал жуткий переполох, но и разозлил Смотрителя, который категорически отказался верить оправданиям своих помощников.

И тут произошло счастливое совпадение — доведенный до белого каления Прыщ свалился с пандуса. Такое даже с новичком случается не больше раза. Словом, Смотритель «прошелся по воздуху» и вывихнул колено, что довольно близко к перелому, причем Альварес при сем присутствовал.

Помаялись они без сна, это уж точно. Мы и другие розыгрыши устраивали в таком же духе. Например, пустили слух, будто катапульта заминирована и взлетит на воздух будущей ночью. Девяносто плюс восемнадцать человек не в состоянии обыскать стокилометровую катапульту за несколько часов, особенно если эти девяносто — драгуны-усмирители, засунутые в скафандры, к которым они не привыкли и которые внушали

им живейшее отвращение. Полночь пришлась на период «новоземья», когда Солнце сияло особенно ярко. Солдаты проторчали снаружи намного дольше, чем полезно для здоровья, затеяли между собой свары и почти сварились от жары, в результате чего чуть было не подняли первый в истории полка мятеж. Одна из свар окончилась летальным исходом. То ли он сам упал, то ли его спихнули с высоты, этого сержанта?

Из-за ночного переполоха драгуны вышли на проверку паспортов такими сонными и злыми, что число стычек с лунарями заметно подскочило, а взаимная неприязнь значительно возросла. А стало быть, Саймону удалось накалить обстановку.

Стихи Адама Селена были более высокого качества. Майк показывал их профу и даже соглашался с его литературными суждениями (полагаю, положительными) без всякой обиды. Размер и рифмовка у Майка были безукоризненны, поскольку, будучи компьютером, он хранил в памяти весь словарный запас английского языка и мог отыскать нужное слово за считанные миллисекунды. Несколько хуже было с самокритикой, однако тут помогло суровое редакторское перо профа.

Впервые подпись Адама Селена появилась на страницах авторитетного «Лунного сияния» под мрачной поэмой, именовавшейся «Отчий дом». Это были думы умирающего ссыльного и его открытие, сделанное накануне отхода в мир иной, что Луна стала его родным домом. Простой язык, непритязательные рифмы, а единственная слегка крамольная мысль содержалась в выводе, к которому приходит умирающий: что даже множество Смотрителей, угнетавших его, это не слишком высокая цена за отчий дом.

Сомневаюсь, чтобы издатели «Лунного сияния» долго думали, печатать поэму или нет. Вещь была хорошая, и они ее опубликовали.

Альварес перевернул издательство вверх дном, пытаясь как-то выйти на Адама Селена. Номер был в продаже уже почти две лунные недели, когда Альварес заметил стихи или ему их показали. Мы нервничали — нам как раз очень *хотелось*, чтобы поэма была замечена. И пришли в восторг, узнав, как завибрировал при виде нее Альварес.

Издатели ничем не могли помочь боссу стукачей. Они сказали ему правду — поэма пришла почтой. Есть ли у них оригинал? Да, конечно... Извините, но конверта нет, мы их не храним. Прошло довольно много времени, прежде чем Альварес удалился в окружении четырех драгун, которых таскал за собой для улучшения самочувствия.

Надеюсь, он получил немало удовольствия от этой бумаги. Письмо было отпечатано на официальном бланке конторы Адама Селена:

Ассоциация Селена
Луна-Сити
Инвестиции
Офис Председателя
Старый Купол

А ниже — заголовок «Отчий дом», сочинение Адама Селена и так далее.

Все отпечатки пальцев, которые там были, появились уже после отправки поэмы. Текст был напечатан на «Ундервуд офис электростатор», то есть на самой распространенной в Луне модели. И все равно таких машинок было не очень много, поскольку их импортировали. Опытный детектив мог бы идентифицировать машинку и обнаружил бы ее в городском офисе Администрации в Луна-Сити. Вернее будет сказать — машинки, так как в офисе их было шесть и мы печатали по пять слов по очереди на каждой. Операция стоила нам с Вайо бессонной ночи, и мы решили, что риск неоправданно велик, хотя Майк был на стреме и прослушивал все телефоны. Больше мы такого не повторяли.

Но Альварес не был опытным детективом.

Глава 11

В начале 2076 года работы у меня было невпроворот. Во-первых, я не мог игнорировать клиентов. А во-вторых, массу времени отнимала партийная работа, хотя я передал в другие руки все, что сумел. И все равно приходилось решать бесконечное число вопросов и рассылать сообщения вверх и вниз.

Пришлось сократить время на физические упражнения с грузилами и отказаться от мысли получить разрешение на пользование центрифугой Комплекса — той самой, с помощью которой ученые-землееды продлевали срок пребывания в Луне. Хотя я раньше на ней тренировался, в этот раз мне не хотелось рекламировать свою подготовку к поездке на Терру.

Упражнения без центрифуги менее эффективны, но особенно утомительными они казались из-за того, что я не знал, имеет ли смысл ими заниматься. Согласно расчетам Майка, в тридцати процентах прогнозов развития событий появлялась необходимость в лунаре, способном выступить от лица Партии и совершить путешествие на Землю.

Я не представлял себя в роли посла — во-первых, образование подкачало, а во-вторых, дипломат из меня никудышный. Самой подходящей кандидатурой был, естественно, проф. Но проф был стар и мог не перенести полета на Землю. Майк сказал нам, что у человека в возрасте профа, с его комплекцией и так далее, шанс прилететь на Терру живым меньше сорока процентов.

Но проф тренировался напряженно и с энтузиазмом, стараясь выжать из своих жалких шансов все возможное, так что мне не оставалось ничего другого, кроме как навешать на себя грузила и приступить к работе, чтобы быть готовым заменить профа, если его старое сердце не выдержит. Вайо занималась тем же на случай, если что-то помешает моему полету. Делала она это преимущественно ради того, чтобы разделить со мной тяготы — Вайо всегда предпочитала логике мужество.

А кроме бизнеса, партийных дел и тренировок была еще и ферма. Семья потеряла благодаря бракам трех сыновей, хотя и получила взамен двух отличных ребят — Фрэнка и Али. Потом ушел работать в «ЛуНоГоКо» Грег — он стал главным мастером-бурильщиком на строительстве катапульты.

Там он был незаменим. Чтобы нанять и правильно расставить по местам людей, приходилось изрядно попотеть. На большинстве видов работ мы могли использовать и беспартийных, но ключевые позиции должны были занимать партийцы, причем не только политически надежные, но и компетентные. Грег

не хотел уезжать из дома; на ферме он был нужен, да и бросать свой приход ему было жаль. Но все-таки согласился.

Это опять превратило меня в лакея на половинном жалованье при поросятах и цыплятах. Ганс был отличным фермером, он безропотно тянул за двоих. Но Грег управлял делами фермы с тех самых пор, как Дед ушел на покой, и новая для Ганса ответственность тревожила его. В общем-то, по старшинству это дело должно было перейти ко мне, но Ганс как фермер далеко превосходил меня, да и любил он сельское хозяйство больше. Так что у нас давно подразумевалось, что Грега когда-нибудь заменит именно он. Я помогал ему, поддерживал его решения, а также вкалывал в те часы, которые удавалось урвать от других дел. В результате мне и почесаться некогда было.

В конце февраля я вернулся из долгой поездки — Новолен, Тихо-Андер, Черчилль. К этому времени как раз закончили прокладку туннеля через центральную каверну, и я решил наведаться в Гонконг-в-Луне и наладить деловые контакты, поскольку теперь я мог пообещать клиентам срочный сервис в случае необходимости. Раньше это было невозможно, так как луноход на отрезке Эндсвиль — Билютихэтчи курсировал только в темную половину лунного месяца.

Но бизнес служил лишь прикрытием политических целей: связь с Гонконгом у нас была очень слабой, хотя Вайо делала все, что могла — по телефону, разумеется. Она высоко ценила второго члена своей ячейки, «товарища Клейтона», который, судя по данным файла «Зебра», был совершенно чист. Мы ввели Клейтона в курс дела, предупредили о гнильце в организации и посоветовали начать строить новую сеть ячеек, не теряя членства в старом подполье.

Однако телефон — это совсем не то, что личный контакт. Гонконг должен был стать нашим оплотом. Он меньше других поселений зависел от Администрации. Во-первых, потому, что его силовые установки не контролировались Комплексом. А во-вторых, Гонконг не слишком интересовала торговля с помощью катапульты, так как до прокладки метро он не был включен в общую транспортную сеть. И в финансовом отношении он был крепче других — банкноты Банка Гонконга-в-Луне котировались куда выше официальных купонов Администрации.

Гонконгские доллары, пожалуй, не были «деньгами» в юридическом смысле. Администрация их не принимала; когда я летал на Землю, мне приходилось приобретать купоны, чтобы заплатить за билет. Но с собой я брал гонконгскую валюту, которую на Земле можно было обменять с небольшой потерей, тогда как купоны там вообще не котировались. Деньги или нет, но гонконгские банкноты не были бюрократическими бумажками — за ними стояли честные китайские банкиры. Сотня гонконгских долларов соответствовала 31,1 грамма золота (старая тройская унция), и его действительно можно было получить в главном офисе банка — золото привозили туда из Австралии. А не хотите золота — получите товары: бытовую воду, сталь нужных марок, тяжелую воду для реакторов — в общем, что душе угодно. Все это можно было приобрести и за купоны, но Администрация постоянно взвинчивала цены. Я не специалист в области финансов, и когда Майк попытался меня просветить, у меня чуть голова не лопнула. Я просто знаю, что мы были рады заполучить эти «неденьги», тогда как купоны брали без всякой охоты и не только потому, что ненавидели Администрацию.

Так что Гонконг, по идее, должен был стать партийной цитаделью. Должен был — но пока что не стал. Мы решили, что мне имеет смысл рискнуть и пойти на личный контакт, даже частично раскрыться, поскольку человеку с одной рукой замаскироваться не так-то просто. Это был риск, угрожавший в случае провала не только мне: следы неминуемо привели бы к Вайо, Ма, Грегу и Сидрис. Но кто сказал, что революция — спокойное занятие?

Товарищ Клейтон оказался молодым японцем — то есть на самом деле не таким уж и молодым, просто все они выглядят юными, пока внезапно не становятся старичками. Не чистокровным — была у него и малайская примесь, и еще какая-то, но имя было японское, а дома тщательно соблюдались японские обычаи; все определялось «гири» и «гиму»[1]. На мое счастье, у Клейтона было множество «гиму» в отношении Вайо.

[1] Традиционные элементы японской культуры. Гири — чувство (сознание) долга, гиму — обязанность, обязательство.

Предки Клейтона не были ссыльными. Они «добровольно», как и многие другие, поднялись по трапам кораблей под дулами автоматов, когда Великий Китай стал создавать свою Империю. Но это ни в коем случае не порочило Клейтона — он ненавидел Смотрителя так же люто, как любой старый лагерник.

Сначала мы с ним встретились в чайном домике — по-нашему, что-то вроде пивнушки — и часа два трепались обо всем, кроме политики. Он ко мне приглядеся и пригласил домой. У меня всего одна претензия к японскому гостеприимству: эти японские ванны, в которые ты погружаешься до подбородка, наполняются чистым кипятком.

В сущности, я почти ничем не рисковал. Мама-сан была сведуща в гримировке не хуже Сидрис, а моя «представительская» рука сошла за настоящую, поскольку кимоно скрывало шрам. За два дня я посетил четыре ячейки в качестве «товарища Борка», преображенного благодаря гриму, кимоно и таби[1], и даже если среди присутствующих были стукачи, они не смогли распознать во мне Мануэля О'Келли. Я прибыл в Гонконг набитый фактами, бесконечными цифрами и прогнозами и говорил только об одном — о голоде, который ждет нас через шесть лет, в 2082 году. «Вы еще счастливчики, вас это коснется позже. Но теперь, когда туннель построен, все больше и больше ваших фермеров начнут выращивать пшеницу и рис и отправлять их к голове катапульты. Вот тогда наступит и ваш черед».

Это произвело впечатление. Прежняя организация, судя по тому, что мне доводилось видеть и слышать, в основном нажимала на ораторское искусство, зажигательную музыку и эмоции, походя в этом отношении на церковь. Я же сказал совсем просто: «Такие дела, товарищи. Проверьте эти цифры. Я их вам оставлю».

С одним из товарищей я встретился с глазу на глаз. Это был инженер-китаец, которому было достаточно посмотреть на вещь, чтобы тут же сообразить, как ее сделать. Я спросил его, видал ли он когда-нибудь лазерную пушку размером не больше ружья? Оказалось, не видал. Я упомянул, что паспортная система в наши

[1] Особые японские носки из плотной ткани.

дни весьма затруднила контрабанду. Он задумчиво сообщил в ответ, что это вряд ли касается перевозки драгоценных камней и что он через неделю собирается в Луна-Сити, в гости к своему кузену. Я сказал, что дядя Адам будет рад с ним познакомиться.

В общем, получилось, что съездил не зря. На обратном пути сделал остановку в Новолене, зашел в старомодный кабачок «Подрядчик» — я его давно заприметил, пунш у них классный,— сел за столик и случайно столкнулся с собственным папашей. Мы с ним дружим, хотя и не страдаем, если не видимся год-другой. Посидели, поболтали за пивом с бутербродами, а когда я встал, родитель мой выдал:

— Рад был тебя повидать, Манни. Свободу Луне!

Я ответил ему тем же, поскольку был слишком удивлен, чтобы отмолчаться. Такого аполитичного циника, как мой папаша, поискать. Раз уж он так заговорил, значит, наша кампания набирает силу.

Итак, я вернулся в Луна-Сити воодушевленным и не слишком усталым, так как после Торричелли всю дорогу проспал. На станции «Южная» пересел на кольцевую, потом спустился вниз и через Боттом-Эли, чтобы не толкаться на Казвее, направился домой. По дороге завернул в судебный участок судьи Броуди, просто так, поздоровкаться. Это мой старый приятель, нас с ним вместе оперировали. Потеряв ногу, он стал судьей, и хорошим к тому же: в то время в Луна-Сити он был единственным судьей, которому не приходилось подрабатывать на стороне — букмекером или страховым агентом.

Когда двое противников являлись к нему на суд, а примирить их ему не удавалось, Броуди возвращал им гонорар и, если они решали выяснить отношения в поединке, бесплатно выступал в качестве рефери, продолжая при этом уговаривать драчунов воздержаться от ножей и попытаться прийти к мирному соглашению.

В зале заседаний Броуди не оказалось, хотя его цилиндр стоял на столе. Я собрался было уходить, но тут в зал ввалилась группа stilyag, а среди них одна девица и пожилой мужичок, которого они тащили силком. Мужичок был здорово потрепан, но по одежке сразу видно, что турист.

Туристы бывали у нас даже в те времена. Не орды, но все-таки. Они прилетали с Земли, останавливались на недельку в отелях и отправлялись обратно с тем же кораблем или оставались еще на неделю. Большинство, погуляв денек-другой по городу и обязательно совершив никому не нужную вылазку на поверхность, проводило досуг в азартных играх. Лунари, как правило, их игнорировали — пусть себе, мол, развлекаются, каждый сходит с ума по-своему.

Старший из ребят — лет восемнадцати, явно главарь ватаги,— спросил у меня:

— Где судья?

— Не знаю, здесь его нет.

Он растерянно пожевал губу. Я поинтересовался:

— Что-нибудь случилось?

— Да вот, хотим ликвидировать этого субчика,— ответил он с серьезным видом.— Но желательно, чтобы суд утвердил.

— Поищи в ближайших пивнушках,— посоветовал я,— надо думать, судья где-нибудь там ошивается.

— Послушайте,— встрял парнишка лет четырнадцати,— а вы случайно не gospodin O'Келли?

— Точно.

— А почему бы вам не рассмотреть наше дело?

Старший оживился:

— Вы согласны, gospodin?

Я задумался. Конечно, время от времени мне случалось выступать в роли судьи, да и кто в ней не выступал? Но такого уж жгучего желания брать на себя ответственность у меня не было. Однако слова юноши насчет ликвидации туриста меня насторожили. Такое дело могло вызвать шум.

Я решил вмешаться и обратился к туристу:

— Вы принимаете меня в качестве судьи?

Он удивился:

— А разве у меня есть выбор?

— Разумеется,— ответил я вежливо.— Если вы не захотите принять мой вердикт, я и в дело вникать не стану. Но я вас не неволю. Речь-то в конце концов идет о вашей жизни, не о моей.

Он удивился еще больше, но не испугался, в глазах искорки загорелись.

— О моей жизни, вы говорите?

— Очевидно. Вы же слышали, ребята сказали, что намерены вас ликвидировать. Может, вы предпочитаете подождать судью Броуди?

Он ни минуты не колебался. Улыбнулся и сказал:

— Я принимаю вас как судью по моему делу, сэр.

— Как вам будет угодно.— Я посмотрел на старшего парня.— Кто участвовал в ссоре? Только ты и твой дружок?

— Нет-нет, судья. Мы все.

— Я пока еще не ваш судья.— Я обвел их взглядом.— Все ли вы просите меня быть вашим судьей?

Они закивали. Никто не сказал «нет». Главарь повернулся к девушке и произнес:

— Не молчи, Тиш. Ты принимаешь судьей О'Келли?

— Чего? Ах да, конечно!

Девчонка была пошловатым созданием лет четырнадцати — пухлявенькая, смазливая и пустая; тип шлюшки, что из нее, видимо, и получится в будущем. Такие девицы предпочитают царить в своре stilyag, замужество их привлекает гораздо меньше. Нет, stilyag я не осуждаю: женщины в Луне дефицит, вот ребята и слоняются по коридорам. Днем-то они вкалывают, а вечерами им не к кому спешить домой.

— О'кей, судья одобрен, и вы все обязаны повиноваться моему вердикту. Теперь договоримся об оплате. Готовы раскошелиться, мальчики? Прошу иметь в виду, что я не собираюсь выносить приговор о ликвидации за какие-то жалкие гроши. Так что складывайтесь, иначе я просто отпущу его на свободу.

Главарь похлопал глазами, потом ватага сбилась в кучу. Через минуту он подошел ко мне и сказал:

— Денег у нас маловато. Пять гонконгских с носа — вы согласны? Их было шестеро.

— Нет. Просить суд вынести приговор о ликвидации за такую цену просто непристойно.

Они снова сбились в кучу.

— Пятьдесят долларов, судья?

— Шестьдесят. По десятке с каждого. И еще десятка с тебя, Тиш,— повернулся я к девчонке.

Тиш возмущенно вылупила глаза.

— Давай, давай,— сказал я ей.— Дарзанебы.

Она поморгала и полезла в сумочку. Деньги у нее были. У таких девок они всегда водятся.

Я собрал семьдесят долларов, положил их на стол и спросил у туриста:

— Покроете?

— Извините?

— Ребята платят мне семьдесят гонконгских долларов за приговор. Вы должны дать столько же. Если не можете, откройте бумажник и докажите; в этом случае останетесь моим должником. Но таково ваше долевое участие. В общем-то, дешевка за высшую меру. Но у ребят нет денег, так что вам повезло.

— Понял. Думаю, что понял.— Он выложил семьдесят долларов.

— Спасибо,— сказал я.— Нужны ли какой-нибудь из сторон присяжные?

У девчонки загорелись глаза:

— Еще бы! Пусть уж все будет по правилам!

— В таком случае я, пожалуй, тоже «за»,— сказал землеед.

— Пожалуйста,— говорю я.— Хотите защитника?

— Да, конечно. Думаю, адвокат мне не помешает.

— Я сказал «защитник», а не адвокат. У нас тут адвокатов нет.

Он опять заулыбался.

— Я полагаю, защитник, если бы я пожелал такового, был бы столь же... гм... неформальным, как и вся процедура?

— Может, да, а может, и нет. Я действительно неформальный судья, вот и все. Так что выбирайте.

— М-м-м... пожалуй, я положусь на вашу неформальность, Ваша честь.

Тот парень, что был постарше, спросил:

— Это... насчет присяжных... Вы им сами отстегнете? Или придется нам?

— Я им заплачу. Я согласился судить за сто сорок чистыми. Ты что — никогда в суде не бывал? Но я не собираюсь швырять деньги на роскошь, без которой вполне смогу обойтись. Шесть присяжных, по пять долларов каждому. Посмотри, нет ли кого в переулке?

Один из ребят вышел и крикнул:

— Нужны присяжные. Плата пять долларов!

Собралось шесть мужиков — типичных обитателей Бот-том-Эли. Мне-то один черт, мне они нужны были только для мебели. А вообще, если хочешь стать судьей, лучше этим заниматься в приличном районе — там есть шанс заполучить в присяжные солидных людей.

Я сел за стол, надел цилиндр Броуди — и откуда только он его выкопал? Не иначе как в чьих-то отбросах порылся.

— Суд начинает заседание,— произнес я.— Назовитесь и изложите суть.

Старшего парня звали Слим Лемке, девчонку — Патриция Кармен Жукова, остальных не помню. Турист подошел к столу, покопался в бумажнике и сказал:

— Вот моя карточка, сэр.

Она у меня хранится до сих пор. Там было написано:

СТЬЮАРТ РЕНЕ ЛАЖУА

Поэт-путешественник — солдат удачи

Суть дела была трагикомична: прекрасный пример того, почему туристам не следует шататься без гидов. Разумеется, гиды их просто грабят, но туристы для того и существуют, разве нет? Этот, например, из-за отсутствия сопровождающего вообще чуть жизни не лишился.

Он забрел в пивную, которая у stilyag считается чем-то вроде клуба. Эта шлюшка начала к нему клеиться. Мальчики, как положено, не стали вмешиваться: выбирает дама. Что-то он ей шепнул, она захихикала и ткнула его кулачком в живот. Он принял это совершенно нормально, совсем как лунарь... но ответил

чисто по-земному: обнял за талию и привлек к себе, очевидно намереваясь поцеловать.

Хотите верьте, хотите нет, но в Северной Америке это вполне в порядке вещей; я там и не такого навидался. Тиш, естественно, удивилась, может быть, даже испугалась. И вскрикнула.

Парни накинулись на туриста и изрядно его оттрепали. А затем решили, что он должен заплатить за свое «преступление» по всем правилам. То есть через суд.

Похоже, им было не по себе. Держу пари, ни один из них до сих пор не принимал участия в ликвидации. Однако их даму оскорбили, а значит, отступать негоже.

Я с пристрастием допросил их, особенно Тиш, и решил, что все ясно. Потом сказал:

— Позвольте подвести итоги. Перед вами чужестранец. Наших обычаев не знает. Раз он оскорбил, значит, виноват. Но, насколько я понял, он никого не хотел оскорбить. Что скажут присяжные? Эй, ты там! Проснись! Что скажешь?

Один из присяжных огляделся вокруг заплывшими глазами.

— Лик-ик-видировать его!

— Отлично. А ты?

— Э-э-э...— второй явно колебался.— Думаю, хватит с него, ежели пустить ему юшку, пусть знает в другой раз. Мы тут не можем позволить мужикам лапать женщин, иначе у нас такой же бардак начнется, как на Терре...

— Разумно,— согласился я.— А ты?

Только один присяжный голосовал за ликвидацию. Прочие колебались между зуботычкой и большим штрафом.

— А ты что думаешь, Слим?

— Ну...— Парень явно нервничал под пристальными взглядами ватаги, а главное, девушки — возможно, его подружки. Но он уже остыл и не хотел ликвидировать этого олуха.— Мы над ним уже поработали. Может быть, если он встанет на четвереньки, да поцелует пол перед Тиш, да скажет, что сожалеет?..

— Вы готовы так поступить, gospodin Лажуа?

— Если прикажете, Ваша честь.

— Я не прикажу. Вот мой вердикт. Во-первых, насчет этого присяжного... да, да, я о тебе. Ты оштрафован в размере гонорара за то, что дрыхнул во время судебной процедуры. А ну, ребята, взять его, забрать пятерку и вышвырнуть вон!

Что они и сделали с энтузиазмом — надо думать, получили хоть какую-то компенсацию за то удовольствие, которое предвкушали, но не решились испытать.

— Теперь вы, gospodin Лажуа; вы присуждаетесь к штрафу в размере пятидесяти долларов за то, что у вас не хватило соображения узнать кое-что о местных обычаях, прежде чем шататься по улицам. Выкладывайте.

Я спрятал доллары.

— Теперь вы, ребята. Подровняйсь! Штраф по пять долларов с носа за то, что не проявили разумного подхода к человеку явно нездешнему и незнакомому с нашими порядками. Что не дали ему дотронуться до Тиш — молодцы. Отлупили — тоже о'кей: впредь будет сообразительней. Могли даже вышвырнуть его из пивной. Но требовать ликвидации за элементарную ошибку, это... ну, ни в какие рамки не лезет. Пять баксов с носа. Позвольте получить.

Слим сглотнул.

— Судья... я думаю, у нас нет столько. У меня, во всяком случае, нет.

— Я предполагал, что так может получиться. Даю вам неделю на выплату долга, иначе сообщу ваши имена и адреса в Старый Купол. Знаете салон «Bon Ton Beaute Shoppe» рядом со шлюзом номер тринадцать? Он принадлежит моей жене, ей и заплатите. Заседание суда закрыто. Слим, не уходи. Ты тоже, Тиш. Gospodin Лажуа, давайте отведем этих молодых людей куда-нибудь наверх, поставим им по стаканчику и познакомимся поближе.

И опять у него в глазах вспыхнул странный восторженный огонек, чем-то напомнивший мне профа.

— Чудесная мысль, судья.

— Я уже не судья. Это двумя пандусами выше, так что советую вам предложить Тиш свою руку.

Он поклонился:

— Миледи? Смею ли я? — и согнул руку в локте.

Тиш моментально повзрослела:

— Spasebaw, gospodin. С удовольствием.

Я отвел их в дорогой ресторан, где эта парочка в своих диких одежках и грубом макияже выглядела совершенно неуместно. Они это чувствовали и держались напряженно, но я постарался их раскрепостить. Стьюарт Лажуа проявил еще больше усилий, и не без успеха. Я записал их адреса и имена — у Вайо были свои планы насчет stilyag. Они выпили, встали, поблагодарили и ушли. Мы с Лажуа остались вдвоем.

— Gospodin,— обратился он ко мне,— вы употребили чуть раньше странное словосочетание. Странное для меня, я хочу сказать.

— Детишки ушли, так что зовите меня Манни. Какое словосочетание?

— Помните, когда вы настаивали, чтобы эта... гм... юная леди, Тиш... чтобы Тиш тоже заплатила... «Дар за небо» или что-то в этом роде.

— «Дарзанебы». Это значит — «дармовой закуски не бывает». Ее и в самом деле не бывает,— я показал на плакатик «Дармовая закуска», висевший на стене напротив,— иначе эта выпивка стоила бы вдвое дешевле. Хотел напомнить ей, что за подарки потом приходится платить вдвойне либо выясняется, что они яйца выеденного не стоят.

— Любопытная философия.

— Это не философия, это факт. Так или иначе, но платить надо за все, что получаешь.— Я помахал рукой в воздухе.— Когда я был на Земле, то слышал выражение «дешевле воздуха». Здесь воздух не дешев, здесь ты платишь за каждый вздох.

— В самом деле? Пока что за вздох с меня еще денег не требовали,— улыбнулся Лажуа.— Может, лучше не дышать?

— Все может быть. Сегодня вы, например, чуть не вдохнули вакуум. А не требовали потому, что вы уже заплатили. Вашу плату за воздух включили в стоимость тура, а мою с меня взимают ежеквартально.— Я начал было рассказывать ему, как моя семья покупает и продает воздух общинному кооперативу, но решил, что это слишком сложно.— Так что мы оба платим.

Лажуа выглядел невероятно довольным.

— Ну, экономическая необходимость мне ясна. Просто немного непривычно. Скажите мне... э-э... Манни,— кстати, меня зовут Стью,— мне действительно угрожала опасность «вдохнуть вакуум»?

— Видно, маловато я с вас содрал.

— Извините?

— Вы же ничего не поняли. Но я обчистил ребят до нитки, да еще оштрафовал их, чтобы задумались. А взять с вас больше, чем с них, права не имел. И очень жаль, что не имел, раз вы принимаете все это за шутку.

— Поверьте мне, сэр, я не считаю это шуткой. Мне просто трудно поверить, что ваши местные законы позволяют предать человека смерти... вот так, походя... и за столь незначительный проступок.

Я вздохнул. С чего бы вы начали объяснение, если из слов собеседника ясно, что он не просто нуль в данном вопросе, но еще и полон предрассудков, которые противоречат фактам, и вдобавок ко всему даже не подозревает, что эти предрассудки у него наличествуют?

— Стью,— начал я,— давайте разберемся по порядку. Здесь нет «местных законов», по которым вас можно было бы «предать смерти». И ваш проступок не был «незначительным». Я просто сделал скидку на ваше невежество. И все случилось вовсе не «походя», иначе мальчики спокойненько оттащили бы вас к ближайшему шлюзу с нулевым давлением, сунули туда и слиняли. Вместо этого они — парни-то просто молодцы! — соблюли все формальности и выложили собственные денежки, чтобы судить вас. И даже не ворчали, когда вердикт оказался совсем не таким, как они надеялись. Вам еще что-нибудь не ясно?

Лажуа усмехнулся, и на щеках у него появились такие же ямочки, как у профа. Я обнаружил, что чем дальше, тем больше он мне нравится.

— Боюсь, что абсолютно все. Мне кажется, я очутился в Зазеркалье.

Он меня не удивил, поскольку я бывал на Земле и немного представляю себе их мировосприятие. Землеед просто не мыслит

своего существования без закона, в котором черным по белому все пропечатано на все случаи жизни. У них есть специальные законы для частных сделок и для заключения контрактов. Ей-богу! Но если человек не держит слово, кто захочет заключать с ним контракт? Или репутация уже ничего не значит?

— У нас нет законов,— сказал я.— Нам не позволили их иметь. Есть обычаи, но они неписаные и их не насаждают силой — они сами себя насаждают, если можно так выразиться, потому что они просто следствие, вытекающее из объективных обстоятельств, фактически наши обычаи — это законы природы, которые диктуют людям, как себя вести, чтобы остаться в живых. Когда вы сегодня приударили за Тиш, вы нарушили закон природы... и поэтому чуть было не вдохнули вакуум.

Он задумчиво прищурился.

— Не объясните ли вы мне, какой закон природы я нарушил? Я хотел бы понять — иначе придется вернуться на корабль и сидеть там до самого отлета. Чтобы остаться в живых.

— Разумеется. Он так прост, что если вы его поймете, то уже никогда больше не попадете впросак. Смотрите — у нас тут два миллиона мужчин и меньше одного миллиона женщин. Это физический факт, такой же, как камень или вакуум. Добавьте сюда идею «дарзанебы». Дефицит всегда поднимает цену. Женщин мало, на всех не хватает, и это превращает их в самое драгоценное сокровище в Луне, которое дороже воздуха и льда, поскольку без женщин мужикам один черт, что жить, что помирать. За исключением киборгов, если вы считаете их мужиками; мне лично это никогда не удавалось.

— Итак, что же произошло в результате? — продолжал я.— Причем учтите, что в двадцатом веке, когда этот обычай или естественный закон только начал складываться, соотношение было еще хуже: десять и даже больше мужиков на одну женщину. Во-первых, произошло то, что всегда происходит в тюрьмах: мужчины стали пользоваться мужчинами. Это мало помогло; проблема осталась нерешенной, ибо большинству мужчин нужны женщины, и они не согласны на эрзац, если есть шанс получить настоящее gelt.

Возбуждение достигло таких масштабов, что за женщин стали убивать. Послушать рассказы старожилов — кровь в жилах стынет, такая резня тут была. Но со временем уцелевшие нашли способ, как жить дальше, и все утряслось. Установился порядок, такой же естественный, как гравитация. Кто сумел приспособиться к реальности, остался в живых, кто не сумел — помер. Нет проблем.

А реальность такова: женщин мало и они задают тон... а вы окружены двумя миллионами мужчин, которые следят, чтобы вы танцевали под эту музыку. У вас нет выбора, выбор принадлежит только ей. Она может врезать вам так сильно, что кровь хлынет ручьем, вам же нельзя тронуть ее даже пальцем. Вспомните, вы только обняли Тиш за талию, может быть, попробовали поцеловать... А предположим, она пошла бы с вами в гостиничный номер? Что тогда?

— Господи! Я думаю, они разорвали бы меня в клочья!

— Они не сделали бы ровным счетом *ничего*. Пожали бы плечами и притворились, что вас в упор не видят. Потому как выбирает *она*, а не вы. И не они. Только она. И вы бы рисковали собственной шеей, если бы предложили ей пойти в номер; она могла оскорбиться, а тогда бы парни отделали вас по первое число. Но... возьмем, к примеру, эту Тиш. Глупая маленькая сучка. Покажи вы ей ненароком пачку банкнот, которую я видел в вашем бумажнике, и она вполне могла бы сама предложить вам пойти перепихнуться. В этом случае вы были бы в полной безопасности.

Лажуа вздрогнул.

— В ее-то годы? Я даже подумать об этом боюсь. Она ведь еще малолетка! Это же уголовное преступление, все равно что изнасилование.

— Ох, черт побери! Да ничего подобного! Женщины в ее годы обычно уже замужем или должны быть замужем. Стыо, изнасилований в Луне *не бывает*. Никогда. Мужчины не позволят. Если бы такое вдруг случилось, никто не стал бы искать судью — все мужики в радиусе слышимости кинулись бы на помощь жертве. Но шансы, что девушка в ее возрасте девственница, практически равны нулю. Пока малышки подрастают, матери присматривают за ними с помощью всех горожан: дети

тут в безопасности. Но, когда они достигают брачного возраста, их уже не удержать, и матери даже не делают таких попыток. Если девчонке нравится шляться по коридорам и забавляться, ее не остановишь. Как только она достигла половой зрелости — она сама себе хозяйка. Вы женаты?

— Нет.— Он добавил с улыбкой: — Во всяком случае сейчас.

— А предположим, вы женаты и жена говорит вам, что хочет завести еще одного мужа. Что бы вы сделали?

— Странно, что вы выбрали такой пример — со мной как раз случилось нечто подобное. Я обратился к адвокату и добился, чтобы она не получила алиментов.

— Алименты! Тут и слова-то такого никто не знает, я его впервые услыхал на Земле. Здесь вы... вернее, муж-лунарь мог бы сказать: «Думаю, моя дорогая, нам понадобится помещение попросторнее». Или просто поздравил бы жену и своего нового собрачника. Или, если бы ему уж очень тошно стало, «выписался» бы и пошел паковать чемоданчик. Но в любом случае — ни намека на скандал. Подними он хоть малейший шум — и против него ополчатся все окружающие. Его облили бы презрением все знакомые, как мужчины, так и женщины. Бедолаге осталось бы только сбежать в Новолен, сменить имя и попробовать начать жизнь заново.

Все наши обычаи работают по такому же принципу. Если ты вылез на поверхность, а у твоего спутника кончился кислород — отдай ему баллон и не спрашивай о деньгах. Но, если он откажется заплатить, когда вы вернетесь назад, можешь ликвидировать его без всякого судьи, никто тебя не упрекнет. Впрочем, он заплатит; воздух — это святое, почти как женщины. Если ты обыграл новичка-лопуха в покер, дай ему денег на воздух. Не на еду — пусть вкалывает или сдохнет, это его проблемы. Если ты ликвидировал человека не в порядке самозащиты, оплати его долги и позаботься о детях, иначе люди перестанут с тобой разговаривать, ничего у тебя не купят, ничего не продадут.

— Манни, вы хотите сказать, что я могу убить человека, а потом уладить все за деньги?

— Да ничего подобного! Но ликвидация не противозаконна, потому что законов здесь нет — кроме распоряжений Смотрителя, а Смотрителю плевать на наши разборки. Мы же считаем так: если мужика убили, значит, он сам на это напросился. Так оно чаще всего и бывает. В противном случае его друзья возьмут дело в свои руки и ликвидируют виновного. И нет проблем. Кстати, ликвидации бывают крайне редко. Даже официальные посиделки, и те увидишь не часто.

— «Его друзья возьмут дело в свои руки»! Манни, а предположим, эти ребята пошли бы до конца? У меня тут нет друзей.

— Потому-то я и согласился судить. Хотя вряд ли они решились бы на такое. Но я не хотел рисковать. Ликвидация туриста могла запятнать репутацию нашего города.

— А это случается часто?

— Да я вообще такого не припомню; может, какой-нибудь несчастный случай и был не совсем случайным. Новичок тут всегда ходит по краю, уж такое это место — наша Луна. Говорят, если новичок прожил тут год, он будет жить вечно. Но в первый год ни один агент ему страховку не выдаст.— Я взглянул на часы.— Стыо, вы обедали?

— Нет, я как раз собирался пригласить вас в мой отель. Там прилично готовят. Гостиница «Орлеан».

У меня мороз пошел по коже — как-то раз отведал их готовки.

— А может, зайдем ко мне домой, я вас со своими познакомлю? В этот час у нас обычно есть что похлебать.

— А это удобно?

— Конечно. Подождите минутку, я позвоню.

Ма сказала:

— Мануэль, дорогой, как это мило! Поезд давно пришел. Я решила, что ты приедешь завтра или даже позже.

— Просто вляпался в пьяный дебош, Мими, и связался с дурной компанией. Иду домой, если, конечно, найду дорогу, и приведу дурную компанию с собой.

— Хорошо, дорогой. Обед через двадцать минут. Постарайся не опоздать.

— И тебя не интересует, что это за компания — мужская или женская?

— Зная тебя, предполагаю, что женская. Но, думаю, я разберусь, когда увижу.

— Ты знаешь меня как облупленного, Ма. Скажи девочкам, пусть принарядятся. Чтобы любых гостей затмили.

— Только не тяни — обед перестоится. Пока, милый. Целую.

— Целую, Ма.— Я подождал, потом набрал «Майкрофт-XX».— Майк, я хочу, чтобы ты проверил одно имя. Землянин, пассажир с «Попова». Стьюарт Рене Лажуа. Стьюарт пишется через «ю», а фамилию поищи и на «Л», и на «Ж».

Долго ждать не пришлось. Майк нашел Стью во всех главных земных справочниках: «Кто есть кто», «Данн и Брэдстрит», «Готский Альманах», «Ежегодник лондонского "Таймс"» и так далее. Француз по происхождению, роялист, богач, еще шесть имен, которые он для удобства свел воедино, три ученых степени, в том числе юридическая, полученная в Сорбонне, знатные предки во Франции и Шотландии, разведен (детей нет) с высокочтимой Памелой де-Дефис Голубая-Кровь. Такие землееды обычно считают ниже своего достоинства разговаривать с лунарем, у которого в роду одни арестанты. Но Стью был готов общаться с кем угодно.

Я послушал минут пять, потом попросил Майка подготовить полное досье со всеми подробностями.

— Майк, похоже, это наша птичка.

— Возможно, Ман.

— Ладно, я побежал. Пока!

К гостю я вернулся в глубокой задумчивости. Почти год назад, во время той пьяной беседы в номере «Малины», Майк обещал нам один шанс из семи, если будут соблюдены кое-какие условия. Одним из sine qua non была помощь с Терры.

Несмотря на проект «швыряния камней», Майк понимал, да и мы тоже, что могучую Терру с одиннадцатью миллиардами жителей и неисчерпаемыми ресурсами нечего и думать победить трем миллионам безоружных лунарей, пусть даже мы сидим на пригорке и можем кидать в них камешки.

Майк провел параллель с восемнадцатым веком, когда отделились американские колонии Британии, и с двадцатым, когда многие империи лишились своих колоний, и подчеркнул, что свобода ни разу не была достигнута с помощью одной только грубой силы. Во всех этих случаях имперские государства участвовали в каких-нибудь заварухах, выдохлись и сдали позиции, так и не использовав свои силы.

Уже несколько месяцев мы были достаточно сильны, чтобы при желании справиться с охраной Смотрителя. Как только наша катапульта заработает (теперь уже с минуты на минуту), мы не будем больше беззащитными. Но нам необходим «благоприятный климат» на Терре. А тут не обойтись без помощи самой Терры.

Проф сначала считал это легкой задачей. Но она оказалась одной из самых сложных. Почти все его друзья на Земле поумирали, а у меня их отродясь не водилось, кроме нескольких преподавателей. Мы спустили вниз по ячейкам запрос: «Каких шишкарей на Земле вы знаете лично?» Ответ был один: «Шутить изволите?» Нулевая программа.

Проф следил за списками пассажиров прибывающих кораблей, стараясь найти там кого-нибудь подходящего для контакта, читал лунные перепечатки земных газет в поисках упоминаний о шишке, с которой можно было бы связаться с помощью прежних знакомых; я же и не пытался — среди горсточки моих знакомых не было никаких важных персон.

Проф не выловил Стью из списка пассажиров «Попова». Ничего удивительного — они ведь не были знакомы. Конечно, Стью мог оказаться просто чудаком, как на то намекала его странная визитная карточка. Но это был единственный землянин, с которым мне довелось посидеть в Луне за рюмкой, на вид мужик был стоящий, а если учесть еще и сведения Майка, то улов получался совсем неплохой. Словом, клевала крупная рыба.

Поэтому я и повел его домой — хотел посмотреть, какое впечатление он произведет на мое семейство.

Начало было хорошим. Ма улыбнулась и протянула руку. Стью взял ее и склонился так низко, что я испугался, как бы он

не вздумал ее поцеловать. Но, видно, мои наставления насчет женщин не пропали даром. Ма заворковала и повела его к столу.

Глава 12

Апрель и май 2076 года ознаменовались новыми трудами и усилиями, направленными на то, чтобы настроить лунарей против Смотрителя и подвигнуть его на ответные репрессии. Беда с Мортом заключалась в том, что он вовсе не был мерзавцем и сам по себе ненависти не вызывал, разве только как символ Администрации; нужно было как следует пугнуть его, чтобы он начал действовать. Кстати, в этом смысле средний лунарь был не лучше. Он презирал Смотрителя, потому что Смотрителей положено презирать, но по натуре своей не был революционером, так что пытаться его расшевелить — все равно что гору с места сдвинуть. Пиво, пари, женщины, работа... Если революция не умерла от анемии, так это исключительно благодаря драгунам-усмирителям с их выдающимся талантом возбуждать к себе ненависть.

Но даже драгун нам приходилось подстегивать. Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие»*, ссылаясь на мифический инцидент в давней революции, подобием которого он намеревался вызвать шум, способный взбудоражить все общество.

И все же мы не опускали рук. Майк переписал заново старые революционные песни: «Марсельезу», «Интернационал», «Янки Дудл», «Мы победим», «А пироги будут в раю» и прочие, чтобы они обрели лунную тематику. Такие штучки, как «Сыны Булыжника, проснитесь!/Не дозволяйте, чтоб Смотритель/Свободу вашу погубил!» Саймон Джестер распространял повсюду, а когда они достаточно укоренились в памяти, их стали наигрывать по радио и видео (разумеется, только мелодию). Смотритель попал в дурацкое положение, так как ему пришлось запрещать исполнение определенных музыкальных тем; а нам это только на руку — пускай их народ насвистывает.

Майк скопировал голос и манеру речи заместителя Администратора, главного инженера и других глав департаментов; по но-

чам у Смотрителя телефон стал трезвонить без умолку. Звонили помощнички. Правда, они это наотрез отрицали. Поэтому Альварес установил систему подслушивания и не без помощи Майка проследил источник этих звонков. Им оказался запасной телефон его собственного шефа, чей утробный рык он тут же узнал.

Следующий звонок, разбудивший Морта, был сделан уже от имени самого Альвареса, и то, что Морт сказал Альваресу, и то, что Альварес сказал в свое оправдание, выглядело как помесь безумия с идиотизмом.

Проф велел Майку прекратить — он боялся, что Альварес может потерять работу, а этого мы не хотели: Альварес отлично лил воду на нашу мельницу. Но к тому времени драгун уже дважды поднимали ночью в ружье якобы по приказу Смотрителя, что сильно подорвало их моральный дух. Смотритель же до конца уверовал, что со всех сторон окружен предателями, тогда как его подчиненные считали, что у начальства шарики зашли за ролики.

В газете «Lunaya Pravda» появилось объявление, что состоится лекция доктора Адама Селена на тему «Поэзия и искусство Луны — новый Ренессанс». Никто из товарищей на нее не пошел — по ячейкам был спущен приказ всем оставаться дома. Когда на месте проведения лекции появилось три взвода драгун, они там никого не обнаружили. Так сказать, принцип неопределенности Гейзенберга в приложении к «Багряному цветку». Главный редактор газеты провел пару крайне неприятных часов, объясняя, что он лично не принимает объявлений и что это объявление кто-то доставил прямо в редакцию и оплатил наличными. Редактору было приказано не принимать больше никаких объявлений от Адама Селена. Затем приказ отменили и велели *брать* от Адама Селена любую бумажку и немедленно извещать об этом Альвареса.

Мы испытали новую катапульту, сбросив груз в южной части Индийского океана на 35° восточной долготы и 60° южной широты, то есть в точке, где, кроме рыб, никто не обитает. Майк был в восторге от своей меткости, поскольку высунулся поглядеть на цель всего два разочка, улучив момент, когда следящие

и направляющие радары Администрации бездействовали, и с первой же попытки попал в яблочко. На Терре газеты сообщили, что Кейптаунская станция космических наблюдений зарегистрировала в субантарктике гигантский метеорит; оценка силы удара полностью совпадала с расчетами Майка. Он позвонил мне и расхвастался, когда пришли вечерние известия агентства Рейтер.

— Я тебе говорю, все тютелька в тютельку,— заливался он.— Я сам все наблюдал! Какой замечательный всплеск!

Более поздние сообщения насчет ударной волны, поступившие от сейсмических станций, а также о цунами — от океанографических, подтвердили, что Майк восторгался не зря.

У нас была всего одна глыба в стальной оболочке (купить сталь — проблема), иначе Майк потребовал бы еще раз испытать свою новую игрушку.

«Колпаки свободы» стали все чаще появляться на головах stilyag и их девчонок; «Саймон Джестер» тоже обзавелся колпачком между рожками; магазин «Bon Marché»[1] раздавал их в качестве премий. У Альвареса произошел неприятный разговор со Смотрителем: Морт потребовал, чтобы ему разъяснили, почему его главный шпик считает необходимым реагировать на каждую дурацкую выходку подростков? Может быть, Альварес спятил?

В начале мая я столкнулся на Карвер-Казвей со Слимом Лемке. На нем был «колпак свободы». Он, похоже, обрадовался встрече, а я поблагодарил его за быстрое возвращение долга (он явился через три дня после суда над Стью и заплатил Сидрис тридцать гонконгских за всю шайку). Я поставил ему стаканчик. Пока мы сидели, я спросил его, почему молодежь носит красные шапочки? Почему именно шапки? Это же обычай землеедов, пуеt?

Он поколебался, потом сказал, что это знак лжи, типа как у «Сохатых»[2]. Я сменил тему. Узнал, что его полное имя Мозес Лемке Стоун и что он член банды Стоунов. Я был приятно удивлен — мы оказались родственниками. И неприятно тоже: ока-

[1] «Удачная покупка» (*фр.*).

[2] «Сохатые» — прозвище членов благотворительной организации в США.

зывается, даже лучшие семьи, такие как Стоуны, не всегда могут найти брачные союзы для своих сыновей. Мне-то повезло, а мог ведь так же носиться в его возрасте по коридорам. Я сказал ему о нашем родстве по материнской линии.

Он заметно потеплел, а вскоре спросил:

— Кузен Мануэль, ты когда-нибудь думал о том, что нам следовало бы самим избирать себе Смотрителей?

Я ответил — нет, не приходилось; Смотрителя назначает Администрация, и я думаю, так будет всегда. Он осведомился, а зачем нам Администрация? Я спросил — кто ему забивает голову такими идейками? Он заявил, что никто, он просто рассуждает, разве у него нет права рассуждать?

Я пришел домой и еле удержался от соблазна узнать у Майка партийную кличку этого паренька, если, конечно, она у него есть. Но это было бы нарушением правил секретности, да и по отношению к Слиму нечестно.

Третьего мая 2076 года семьдесят мужиков по имени Саймон были задержаны, допрошены, а затем отпущены. Газеты об этом факте умолчали. Но знали о нем все. Наша организация разрослась до уровня буквы «И», а двенадцать тысяч человек могут разнести слухи быстрее, чем я предполагал. Мы подчеркнули, что одна из этих опасных личностей была всего четырех лет от роду — ложь, разумеется, но весьма впечатляющая.

Стью Лажуа пробыл с нами февраль, март и вернулся на Терру лишь в начале апреля. Менял билеты с одного рейса на следующий, потом опять на следующий. Когда я сказал ему, что он опасно рискует и близок к невидимой черте, после которой начнутся необратимые физические изменения, он только ухмыльнулся и велел мне не беспокоиться. Однако тут же договорился о центрифуге.

Стью не хотел уезжать даже в апреле. Его расцеловали со слезами на глазах все мои жены и Вайо, и он заверил каждую, что вернется. Но все же уехал — надо было работать. К этому времени он уже стал членом Партии.

Я не принимал участия в решении вопроса о вербовке Стью — опасался, что слишком пристрастен к нему. Вайо, проф и Майк были единодушны — рискнем! Я с радостью согласился.

Мы вербовали Стью Лажуа все вместе — я, проф, Майк, Вайо, Ма, даже Сидрис, Ленора, Людмила, наши ребятишки, Ганс, Али и Фрэнк, так как именно домашняя жизнь Дэвисов захватила его с самого начала. Не помешало, конечно, и то, что Ленора была самой красивой девушкой Луна-Сити, хотя отнюдь не затмевала прелестей Милы, Вайо, Анны и Сидрис. Не повредило и то, что сам Стью обладал обаянием, способным сманить младенца от материнской груди. Ма надышаться на него не могла; Ганс обучал его гидропонике; Стью, грязный и потный, ползал с ребятами по туннелям, помогая собирать урожай с китайских рыбных садков; его кусали наши пчелы; он научился носить скафандр и выходил со мной наверх чинить солнечную батарею; помогал Анне забить борова и выучился дубить кожи; сидел с Дедом, почтительно выслушивая его наивные суждения о Земле; мыл тарелки с Ма — чего ни один мужчина в семье никогда не делал; катался по полу с детьми и щенками; обучился молоть муку и обменялся с Ма кухонными рецептами.

Я познакомил его с профом, с чего и началось политическое прощупывание Стью. Ничего определенного сказано не было — мы в любой момент могли отступить,— просто проф представил его Адаму Селену, по телефону, разумеется, так как «он сейчас в Гонконге». А потом, когда Стью примкнул к нашему Делу, мы перестали притворяться и дали ему понять, что Адам — это председатель, с которым не принято встречаться лично из соображений безопасности.

Усерднее всех старалась Вайо, и по ее совету проф раскрыл карты, то есть рассказал Стью, что мы готовим революцию. Удивления это не вызвало. Стью давно уже все понял и только ждал, чтобы мы ему доверились.

Говорят, однажды из-за пары прекрасных глаз в море вышла тысяча кораблей. Не знаю, пользовалась ли Вайо чем-нибудь более весомым, нежели словесные аргументы, при обращении Стью. И не пытался узнать. Но на мое собственное обращение к Вайо повлияла гораздо сильнее, чем профовы теории и расчеты Майка. Если она и прибегла к более сильным средствам, то

она не первая героиня в истории, которая использовала их ради своей страны.

Стью отправился на Терру с собственной кодовой книжкой. Вообще-то я разбираюсь в кодах и шифрах не больше любого компьютерщика, изучавшего основы теории информации. Шифр — это математическая модель, в которой одна буква алфавита заменяется другой; самый простой вариант — когда буквы алфавита просто перемешаны. Шифры могут быть невероятно сложными, особенно те, что разработаны с помощью компьютера. Но все они уязвимы как раз потому, что представляют собой математические модели. А то, что придумал один компьютер, другой вполне может «расколоть».

Коды в этом смысле надежнее. Предположим, в кодовой книге стоит символическая группа букв ГЛОПС. Означает ли это «тетя Минни прибывает домой в четверг» или число 3,14159?

Вы можете присвоить коду любое значение, и ни один компьютер не сможет раскрыть его просто исходя из группы букв. Но дайте компьютеру достаточное число групп и хорошую теорию, которая учитывала бы их возможные значения или предметы, которые они обозначают, и компьютер со временем сможет решить проблему, так как значения обнаружат определенную закономерность. Однако эта задача гораздо более высокого класса и на порядок труднее.

Выбранный нами код был одним из самых распространенных, которым широко пользовались в деловой переписке как в Луне, так и на Терре. Но мы его основательно переработали. Проф и Майк часами обсуждали, какую информацию Партии может понадобиться отправить агенту на Терре или получить от него. Потом Майк переработал этот гигантский объем информации и создал новый набор значений для кодовых сочетаний, с помощью которых с одинаковой легкостью можно было передать: «Скупите весь будущий урожай риса в Таиланде» или «Бегите. Мы разоблачены». В общем, все что угодно — туда были включены элементы шифра, которые позволяли выразить даже то, что первоначально не было предусмотрено.

Поздней ночью Майк распечатал новый код в типографии газеты «Lunaya Pravda»; ночной редактор передал ролик товарищу, который превратил его в микропленку и передал третьему, причем никто из них не знал, что это такое и зачем это нужно.

Ролик закончил свое путешествие в бумажнике Стью. Досмотр багажа отъезжающих с Луны к тому времени сильно ужесточился и производился обозленными драгунами, но Стью уверял, что все будет в порядке. Может, он проглотил эту пленку?

С тех пор некоторые радиограммы «ЛуНоГоКо» на Терру пошли через лондонского брокера прямо к Стью. Часть их касалась чисто финансовых вопросов. Партии приходилось тратить на Земле большие деньги. «ЛуНоГоКо» переводила туда определенные суммы (не все они были украдены, некоторые наши предприятия давали хорошую прибыль), но поскольку денег нужно было гораздо больше, Стью приходилось играть на бирже, используя секретные знания о плане революции: он, проф и Майк много времени провели, обсуждая вопрос о том, какие акции поднимутся, а какие упадут после der Tag[1]. Проф на этих делах собаку съел, что же до меня, то я в них ни бельмеса не смыслю.

Но деньги-то нужны были и до der Tag, чтобы создать общественное мнение. Нам нужна была реклама, нужны были депутаты и сенаторы в Федерации Наций, нужно было, чтобы хоть одна страна признала нас сразу после переворота, нужны были даже обыватели, которые за кружкой пива говорили бы другим обывателям: «Да разве эта жалкая куча камней стоит жизни наших солдат? Да пусть она провалится в тартарары, верно я говорю?»

Деньги на рекламу; деньги на подкуп; деньги для подставных организаций и деньги для проникновения в организации, реально существующие; деньги, чтобы распространять сведения об истинном экономическом положении Луны (Стью был буквально нашпигован ими) в виде научных статей и популярных брошюр; деньги, чтобы убедить министерство иностранных дел хоть одной державы, что Свободная Луна — это для

[1] День (*нем.*). Здесь — исторический день, день революции.

нее выгодно; деньги, чтобы вызвать интерес к лунному туризму у какого-нибудь крупного картеля...

Уйма денег! Стью предложил свое личное состояние, и проф не возражал — где твои сокровища, там и сердце. И все же денег не хватало, а дел было сверх головы. Я не был уверен, сможет ли Стью справиться хоть с десятой частью. Оставалось только держать за него кулаки. Но главное — какой-никакой, а канал связи с Террой у нас появился. Проф уверял, что наличие контакта с врагом исключительно важно для успешного ведения и завершения войны. (Вообще-то проф пацифист. Однако, как и в случае с вегетарианством, он не позволял принципам мешать своему здравому смыслу. Из профа получился бы великий теолог.)

Как только Стью отправился на Терру, Майк рассчитал наши шансы и получил один из тринадцати. Я спросил его — что за чертовщина? Он терпеливо ответил: «Понимаешь, Ман, риск же непрерывно возрастает, а то, что этот риск необходим, никак не оказывает влияния на его рост».

Я заткнулся. Примерно в то же время, то есть в начале мая, появился еще один фактор, который, с одной стороны, был нам на руку, а с другой — заметно увеличил риск. Одна часть Майка ведала обменом между Террой и Луной всеми микроволновыми передачами — коммерческой перепиской, научными сообщениями, видео- и радиоканалами, обычной перепиской Администрации и совершенно секретными докладами Смотрителя.

Кроме последних, Майк мог читать все, включая зашифрованные и закодированные материалы переписки коммерческих фирм. Расшифровка их заменяла ему кроссворды, и никто его ни в чем не подозревал. Никто, кроме Смотрителя,— но Смотритель вообще не доверял никаким машинам. Он принадлежал к тому сорту людей, для которых любая техника сложнее пары ножниц, слишком хитроумна, загадочна, а потому подозрительна: склад ума пещерного человека.

Смотритель пользовался кодом, которого Майк никогда не видел. И шифры разрабатывал ему не Майк — Смотритель применял старинную маленькую шифровальную машину, стоявшую у него в резиденции. А кроме того, он договорился с

Администрацией на Земле о варьировании времени передач. Словом, чувствовал себя в безопасности.

Майк расколол его шифр и вычислил ритм изменений времени передач просто так, для разминки. С кодом он возиться не стал, пока проф не попросил; самому Майку это было неинтересно.

Но раз проф велел, Майк энергично принялся за совершенно секретную переписку Смотрителя. Пришлось начинать с нуля — в прошлом Майк стирал все сообщения Смотрителя, как только передача текста заканчивалась. Теперь он по крупицам собирал данные для анализа — ужасно медленно, поскольку Смотритель пользовался этим способом связи редко, только в случае особой необходимости, иногда с недельными интервалами. Но постепенно Майк начал улавливать значение некоторых буквенных групп, разумеется, с определенной степенью вероятности. Код раскусить не так-то просто — ведь можно угадать значения девяноста девяти групп и все же упустить суть, ибо сотая группа остается для вас ГЛОПС!

Однако у того, кто пользуется кодом, тоже есть свои проблемы. Например, если ГЛОПС в процессе передачи по ошибке превратится в ГЛОПТ, то получатель депеши влип. Любой способ связи должен основываться на принципе избыточности, иначе информация может быть потеряна. Именно этот принцип и атаковал Майк со свойственным машинам безграничным терпением.

И раскрыл большую часть кода Смотрителя даже быстрее, чем ожидал. Смотритель отправлял теперь закодированные сообщения куда чаще, чем раньше, причем, как правило, на одну и ту же тему (что упрощало расшифровку) — о безопасности и подрывной деятельности.

Морт явно впал в панику. Он взывал о помощи. Он вопил, что саботаж продолжается, несмотря на две роты драгун-усмирителей, и требовал подкреплений, чтобы установить регулярные посты на всех ключевых пунктах всех поселений.

В ответ Администрация заявила, что его требования абсурдны, что федерация не собирается жертвовать своими элитарными войсками, так как они окажутся навсегда потерянными для

выполнения своих функций на Земле, и что подобных заявлений от него больше слышать не желают. Если ему нужны охранники, пусть рекрутирует их из ссыльных, но увеличение административных расходов должно быть покрыто самой Луной, дополнительных ассигнований не будет. Смотрителю предписывалось также сообщить о предпринятых им шагах для обеспечения выполнения новых зерновых квот, спущенных Луне недавно.

Смотритель ответил, что, если его чрезвычайно умеренные требования насчет обученного персонала органов безопасности — он повторяет, ему не нужны необученные, ненадежные и непригодные к этому делу ссыльные — не будут удовлетворены, он снимает с себя ответственность за общественный порядок, не говоря уже о повышенных поставках продовольствия.

Администрация насмешливо поинтересовалась — кого волнует, если бывшие ссыльные передерутся друг с другом в своих подземных норах? Если это волнует Смотрителя, пусть вспомнит, какие успешные результаты дало в 1996 и 2021 годах простое отключение света.

Этот обмен мнениями заставил нас пересмотреть наш график, какие-то дела ускорить, другие отложить. Подобно хорошему обеду, революция должна быть приготовлена так, чтобы «перемены блюд» шли одна за другой бесперебойно. Стью на Терре нужно было время. Нам нужны были глыбы в стальной обшивке и небольшие направляющие ракеты, а также прочая электроника для успешного «швыряния камнями». А сталь была проблемой — и ее покупка, и обработка, и особенно перевозка по лабиринтам туннелей к новой катапульте.

Нам надо было довести количество членов Партии по меньшей мере до уровня «К», то есть примерно до сорока тысяч, причем в нижние эшелоны нужно было подбирать людей не по талантам, а по бойцовским качествам. Нам нужно было оружие против возможных десантов. Нужно было переместить радары Майка, без которых он ничего не видел. (Увы, самого Майка переместить было нельзя. Правда, его «частички» были раскиданы по всей Луне, но центральная часть находилась в Комплексе под тысячеметровой скалой, была окружена стальной стеной и подвешена на мощных пружинах. Администрация приняла меры

предосторожности на случай, если кто-нибудь когда-нибудь вздумает бросить водородную бомбу в ее центр управления.)

Все это требовало времени, а потому следовало слегка снизить давление пара в котле.

Так что мы прекратили доводить Смотрителя и принялись за первоочередные задачи. Саймон Джестер взял отпуск. Прошел слух, что «колпаки свободы» нынче не в моде — с намеком, что выкидывать их не стоит. У Смотрителя перестал трезвонить телефон. Мы больше не провоцировали столкновений с драгунами. Стычки, правда, не прекратились, но их стало значительно меньше.

Пока мы старались успокоить Морта, появился симптом, который обеспокоил нас самих. Хотя Смотритель не получил положительного ответа (во всяком случае, нам таких депеш перехватить не удалось) на свою просьбу о присылке новых войск, он стал выселять гражданский персонал из Комплекса. Государственные служащие, жившие там, бросились искать себе жилье в Луна-Сити. Администрация произвела пробное бурение и геофизическую разведку кубатуры, прилегающей к Луна-Сити, которую можно было превратить в новое поселение.

Все это могло означать, что Администрация предполагает прислать небывало большой транспорт ссыльных. Но не исключено, что помещения Комплекса намечалось использовать для каких-то других целей.

— Зачем обманывать самих себя? — сказал нам Майк.— Смотритель готовится к приему новых войск, и помещение нужно для казарм. Если бы были другие объяснения, я бы о них знал.

— Майк,— спросил я,— но как могло случиться, что ты ничего не слышал о войсках? Ты же почти полностью расшифровал код Смотрителя.

— Не «почти», а полностью расшифровал. Но на последних двух кораблях сюда приезжали важные шишки из Администрации. Я не знаю, о чем они говорили вдали от телефонов.

Судя по объему высвобождаемых помещений, нам грозило столкновение с десятком рот драгун. Мы прикинули и решили, что сможем с ними справиться, разумеется, с помощью

Майка, но это будет означать множество смертей, а не тот почти бескровный coup d'état[1], который планировал проф.

И мы изо всех сил налегли на ускоренную подготовку к мятежу, как вдруг...

Глава 13

Ее звали Мари Лион; ей было восемнадцать, родилась она в Луне, куда ее мать сослали в составе «корпуса мира» в 2056 году. Об отце ничего не известно. Была она, по-видимому, совершенно безобидным существом, работала контролершей в департаменте транспорта, жила в Комплексе.

Возможно, она ненавидела Администрацию и ей нравилось дразнить драгун-усмирителей. А может, все началось с обычной торговой сделки, столь же деловой, как в любом борделе. Откуда нам знать? В деле приняли участие шестеро драгун. Изнасилования им показалось мало (если это действительно было изнасилование); они изуродовали ее, а потом убили. Однако потихоньку избавиться от трупа не сумели. Женщина из местных служащих нашла еще теплое тело. Она закричала. Это был ее последний крик.

Мы узнали о случившемся немедленно. Майк известил нас троих в тот самый момент, когда Альварес и драгунский командир приступили к следствию в офисе Альвареса. Видимо, драгунский офицер выявил виновников без всякого труда, и они с Альваресом допрашивали солдат по одному, а в перерывах между допросами отчаянно грызлись между собой. Альварес орал:

— Я же говорил вам, что ваши драгуны должны иметь своих собственных женщин! Я предупреждал!

— Заткнитесь! — гремел в ответ драгунский офицер.— Я вам сказал и повторяю снова, что никого они не пришлют. Вопрос сейчас в том, как замять это дело.

— Вы что, спятили? Смотритель уже в курсе.

— Пока еще далеко не все ясно!

— Бросьте вы! Лучше давайте сюда следующего!

---

[1] Государственный переворот (*фр.*).

Вайо, узнав про убийства, пришла ко мне в мастерскую. Бледная, несмотря на макияж, не сказала ни слова, села рядышком и уцепилась за руку.

Наконец драгунский офицер ушел от Альвареса, так ни о чем и не договорившись. Альварес требовал немедленно казнить всех шестерых и оповестить об этом население (требование разумное, но явно недостаточное для его целей). Командир же продолжал настаивать на том, что надо «замять дело». Проф распорядился:

— Майк, продолжай слушать везде, где сможешь. Ну, что скажешь, Ман? Вайо? Какие соображения?

У меня их не было. Я еще не стал хладнокровным и расчетливым революционером. Мне хотелось одного — наступить каблуком на морды тех шестерых, чьи голоса я только что слышал.

— Не знаю. Что же нам делать, проф?

— Делать? Мы оседлали тигра, теперь остается только схватить его за уши! Майк, где Финн Нильсен? Найди его.

— Он как раз звонит,— ответил Майк и подключил к нам Финна.

Я услышал:

— ...на станции «Южная». Убиты оба охранника и шестеро наших. Я имею в виду лунарей, не обязательно товарищей. Ходят дикие слухи, что драгуны обезумели и сейчас насилуют и убивают всех женщин в Комплексе. Адам, мне надо поговорить с профом.

— Я слушаю, Финн,— решительно ответил проф.— Мы выступаем, ничего другого не остается. Бери лазерные ружья и людей, которые обучены ими пользоваться. Всех, кого найдешь.

— Ja! О'кей, Адам?

— Делай, как говорит проф. Потом перезвони.

— Подожди, Финн,— вмешался я,— это Манни. Мне тоже выдай ружьецо.

— Ты не умеешь им пользоваться, Манни.

— Раз оно лазерное — сумею.

— Манни, заткнись! — с нажимом сказал проф.— Ты зря теряешь время. Дай Финну спокойно делать свое дело. Адам,

передай распоряжение Майку. Скажи — боевая готовность номер четыре.

Глядя на профа, я тоже постаралась взять себя в руки. У меня ведь из головы вылетело, что Финну не полагалось знать о том, что Адам — это и есть Майк. Вообще все вылетело, кроме жгучего чувства ярости.

Майк сказал:

— Финн отключился. Проф, я объявил готовность номер четыре, как только все началось. Никаких передач, кроме обычных, заявки на которые были поданы раньше. Вы же не хотите, чтобы я их прервал?

— Нет, придерживайся плана. Никаких сообщений на Терру о том, что тут творится. Если что-то в этом роде появится, задержи, и мы посоветуемся.

Готовность номер четыре по сути означала введение цензуры на передачи для Терры, но так, чтобы не возбудить там ни малейшего подозрения. Для этого Майк должен был на разные голоса извиняться, дескать, у нас нарушения с прямой связью; что же до сообщений, записанных на пленку, то тут проблем не было.

— Программа действует,— сказал Майк.

— Отлично. Мануэль, остынь, сынок, и займись лучше собственными делами. Драться будут другие, а ты нужен здесь, нам ведь многое придется импровизировать. Вайо, передай товарищу Вивиан, чтобы забрала всех «иррегулярников» из коридоров. Отправьте ребят по домам — пусть их матери предупредят всех остальных матерей. Мы не знаем, где развернутся бои, но раненые дети нам ни к чему, если в наших силах это предотвратить.

— Слушаюсь, проф.

— Минуточку. Как только известишь Сидрис, выпускай своих stilyag. Я хочу, чтобы в городском офисе Администрации начался погром — пусть вломятся туда, пусть крушат, орут, ломают, но желательно без жертв. Майк! План номер четыре, пункт «М». Отключи все линии связи с Комплексом, разумеется, кроме твоих собственных.

— Проф,— вмешался я,— какой смысл производить там погром?

— Манни, Манни! Это же наш День! Майк, в других поселениях уже известно об изнасиловании и убийствах?

— Пока не слышал. Я то и дело прослушиваю разные точки. На станциях метро тихо, везде, кроме Луна-Сити. Только что началось сражение на станции «Западная». Хотите послушать?

— Не сейчас. Манни, отправишься туда и посмотришь сам. Только не лезь в драку и держись поблизости от телефона. Майк, поднимай народ во всех поселениях. Передай новости вниз по ячейкам, используй версию Финна, а не то, что было на самом деле. Драгуны насилуют и убивают всех женщин в Комплексе — хочешь, дам тебе детали, хочешь, сам изобретай. Гм... ты можешь отдать приказ охранникам на других станциях метро вернуться в свои казармы? Мне нужен мятеж, но зачем посылать безоружных людей против вооруженных, если этого можно избежать?

— Попытаюсь.

Я поспешил к станции «Западная», но по мере приближения к ней невольно замедлил шаг. Коридоры были забиты разъяренными людьми. В жизни не слышал, чтобы город так гудел. Я пересек Казвей и уловил шум и крики со стороны городского офиса Администрации, хотя Вайо явно не могла так быстро настропалить своих stilyag. И их там действительно не было. Просто то, что проф планировал сделать, совершилось спонтанно.

На станции была дикая давка. Мне пришлось продираться сквозь толпу, чтобы увидеть то, в чем я хотел убедиться: что проверявшие паспорта солдаты либо сделали ноги, либо их протянули. Оказалось — протянули, вместе с тремя лунарями. Один из них был мальчишка лет тринадцати. Он так и умер, сомкнув руки на горле драгуна; на голове мальчика продолжал красоваться красный колпак. Я пробился к телефону и отчитался.

— Возвращайся,— сказал проф,— но сначала прочти удостоверение личности у одного из солдат. Мне нужно его имя и звание. Финна видел?

— Нет.

— Он отправился туда с тремя ружьями. Скажи, где будка, из которой ты звонишь, узнай имя солдата и возвращайся обратно к будке.

Один труп уже утащили: бог знает, зачем он им понадобился. Другой был сильно изуродован, но мне удалось пробиться к нему и снять с шеи цепочку с личным медальоном, прежде чем его тоже уволокли. Потом я протолкался обратно к телефону. В будке стояла какая-то женщина.

— Леди,— обратился я к ней,— мне очень нужно позвонить. Срочно!

— Прошу вас! Эта дрянь все равно не работает.

Для меня она заработала — об этом позаботился Майк. Я сообщил профу имя солдата.

— Молодец,— сказал он.— Финна видел? Он будет искать тебя в будке.

— Не ви... Вот он, я его вижу.

— О'кей. Задержи его. Майк, ты можешь поговорить голосом этого драгуна?

— К сожалению, нет, проф.

— Ладно, тогда пусть голос будет просто хриплым и испуганным; есть шанс, что командир драгун не разберется. А может, солдат должен звонить прямо Альваресу?

— Нет, он обратился бы к своему командиру; Альварес отдает распоряжения солдатам только через него.

— Тогда вызови командира. Доложи о нападении, попроси помощи и умри в середине разговора. Пусть фоном будут звуки мятежа, какой-нибудь крик типа: «Вот он, грязная сволочь!» прямо перед твоей гибелью. Сможешь разыграть?

— Запрограммировано. Нет проблем,— весело отозвался Майк.

— Действуй. Манни, давай сюда Финна.

План профа заключался в том, чтобы обманом выманить свободных от службы солдат из казарм и направить туда, где при выходе из капсул их встретят люди Финна. План сработал, так что в конце концов Прыщ Морт совсем сошел с ума от страха, приказал немногим оставшимся стражникам охранять свою собственную персону и начал бомбардировать Землю паническими требованиями подмоги. Ни одно из его посланий туда не попало.

Я сбросил с себя путы профовой дисциплины и вооружился лазерным ружьем как раз к тому моменту, когда должна была

прибыть вторая капсула с драгунами. Сжег двух драгун, почувствовал, что жажда крови куда-то пропала, и оставил добивать противника другим снайперам. Это было слишком просто. Стоило драгуну высунуть голову в дверь, и он был готов. Половина взвода засела в капсуле — пришлось их оттуда выкурить и послать вслед за остальными в мир иной. К этому времени я уже был на своем наблюдательном посту в телефонной будке.

Решение Смотрителя забаррикадироваться в резиденции вызвало мятеж в Комплексе. Альвареса убили, убили командира драгун и двух желтомундирников. Однако остатки желтых мундиров и драгун, всего тринадцать человек, заперлись вместе с Мортом — а может, они с самого начала состояли при нем: возможности Майка следить за событиями путем прослушивания были небезграничны. Но, как только стало ясно, что все живые охранники находятся в резиденции Смотрителя, проф распорядился, чтобы Майк переходил к следующему этапу.

Майк отключил освещение в Комплексе, за исключением резиденции, и снизил снабжение кислородом до уровня, при котором начинается голодание — не смертельное, но достаточно сильное, чтобы вывести из строя всех несговорчивых. В самой же резиденции подача кислорода упала до нуля, оставив там чистый азот ровно на десять минут. К концу этого срока люди Финна, ждавшие в скафандрах на личной станции метро Смотрителя, взломали запоры воздушного шлюза и вошли внутрь «плечом к плечу». Луна была наша.

Часть II
ВОССТАВШАЯ ЧЕРНЬ

Глава 14

Итак, волна патриотизма захлестнула нашу юную нацию и объединила ее.

Именно так пишут в книжках по истории, верно? Ох, братцы!

Клянусь всеми святыми, подготовка к революции — это детские игрушки по сравнению с тем, что вас ждет после ее победы. Мы захватили власть слишком рано, мы еще не были готовы, а надо было браться сразу за тысячу дел. Администрация в Луне приказала долго жить, но Лунная Администрация на Земле и Федерация Наций были живы и очень даже здоровы. Стоило им высадить у нас всего один десант, вывести на орбиту всего один крейсер — и через неделю-другую они прибрали бы Луну к рукам... и по дешевке. Мы были просто толпой.

Новую катапульту опробовали, но готовые каменные снаряды можно было пересчитать по пальцам одной руки — моей левой. К тому же катапульта — это не оружие против кораблей или десанта. Кое-какие идейки, как справиться с кораблями, у нас имелись, но пока только идейки. Было у нас и несколько сотен дешевых лазерных ружей на складе в Гонконге — китайские инженеры оказались настоящими мастерами,— но людей, умевших с ними обращаться, явно не хватало.

Кроме того, Администрация выполняла множество полезных функций. Скупала лед и зерно, продавала воду и энергию, контролировала многие ключевые сферы жизни. Что бы там

ни произошло в будущем, но колеса должны были продолжать вертеться. Городские офисы Администрации разгромили слишком поспешно (так, во всяком случае, думал я), ибо при этом уничтожили всю документацию. Однако проф утверждал, что лунарям — всем лунарям — был необходим символ ненавистной власти, который можно повергнуть в прах, и что городские офисы лучше всего годились на эту роль, так как были наименее ценны и в то же время наиболее известны.

К счастью, Майк контролировал связь, а значит, практически все остальное. Проф начал с надзора за известиями, передаваемыми с Терры и на Терру, предоставив Майку цензуру и фальсификацию новостей до тех пор, пока мы не решим, что следует сказать Земле; к этой программе добавили пункт «М», который отрезал Комплекс от всей остальной Луны, а вместе с ним изолировал обсерваторию Ричардсона и связанные с ней лаборатории — Пирсову радиометрическую, селенофизическую станцию и другие. Лаборатории представляли собой проблему, так как в них работали ученые-земляне, продлевавшие благодаря центрифуге срок пребывания в Луне до шести месяцев. Большинство землян в Луне, если не считать горсточки туристов (тридцать четыре человека), были ученые. С ними следовало что-то делать, но в первую очередь необходимо было помешать им связаться с Землей.

Комплекс был лишен телефонной связи, и Майк не разрешал капсулам останавливаться на его станциях, даже когда в метро возобновилось движение,— сразу после того, как отряд Финна Нильсена завершил свою грязную работу.

Выяснилось, что Смотритель не погиб, а убивать его мы не собирались. Проф считал, что живого Смотрителя всегда можно превратить в мертвого, в то время как мертвого оживить не удастся даже в случае нужды. Поэтому решили довести его до полусмерти, чтобы ни он, ни его охрана не сопротивлялись, и в темпе ворваться к нему, когда Майк возобновит подачу кислорода.

С вентиляторами, запущенными на полную мощность, рассчитывал Майк, на это потребуется четыре минуты; еще минута уйдет на то, чтобы снизить содержание кислорода практи-

чески до нуля; итак — пять минут возрастающей гипоксии[1], пять минут аноксии[2], затем взлом нижнего шлюза — и одновременно быстрая подача чистого кислорода, чтобы восстановить баланс. Погибнуть за это время никто вроде не должен, но вырубятся охраннички не хуже, чем под наркозом. Конечно, если кто-то из них будет при скафандре, можно ожидать сопротивления. Хотя вряд ли. Гипоксия — штука хитрая, можно потерять сознание, даже не понимая, что причина в нехватке кислорода. Любимая фатальная ошибка многих новичков.

Итак, Смотритель выжил, а вместе с ним три его женщины. Но Морт уже ни на что не годился — мозг слишком долго испытывал кислородное голодание, и это превратило его в кочан капусты.

Все солдаты погибли, хотя они были моложе Смотрителя. Видок у них был такой, будто аноксия свернула им шеи.

Больше в Комплексе никто не пострадал. Когда зажегся свет и возобновилась подача кислорода, все пришли в норму, в том числе шестеро насильников и убийц, запертых в казарме. Финн решил, что расстрел — это слишком мягкое наказание для них, а потому взял на себя обязанности судьи и превратил в присяжных свой отряд.

Драгун раздели, связали по рукам и ногам и отдали во власть женщин Комплекса. Мне тошно даже подумать о том, что с ними сделали, хотя вряд ли они мучились дольше, чем Мари Лион. Женщины — странные существа: мягкие, добрые, нежные, но одновременно куда более свирепые, чем мы.

Хочется упомянуть, хотя хронологически это было позже, о судьбе стукачей. Вайо яростно настаивала на их ликвидации, но когда их согнали в кучу, потеряла мужество. Я ожидал, что проф согласится с ней, однако он покачал головой.

— Нет, дорогая Вайо, как бы мне ни претило насилие, есть только два способа обращения с врагами: или убить их, или превратить в своих друзей. Все полумеры чреваты осложнениями в

[1] Кислородное голодание, т.е. пониженное содержание кислорода в тканях.

[2] Отсутствие кислорода в тканях.

будущем. Человек, настучавший на своих друзей один раз, будет стучать и дальше, а впереди у нас еще много испытаний, и стукачи могут оказаться очень опасными. Так что придется им умереть. И при этом публично. Чтоб другим было неповадно.

— Профессор,— сказала Вайо,— вы когда-то говорили, что если осудите человека, то сами его и казните. Вы собираетесь это сделать?

— И да, дорогая леди, и нет. Их кровь будет на моих руках; я принимаю на себя ответственность. Но у меня есть план, который должен отбить всякое желание шпионить у всех потенциальных доносчиков.

И Адам Селен объявил, что такие-то люди были наняты Хуаном Альваресом — покойным шефом безопасности бывшей Администрации — в качестве тайных осведомителей, и во всеуслышание назвал их имена и адреса. И даже не намекнул, что с ними делать.

Одному из них посчастливилось затаиться на целых семь месяцев, сменив место жительства и фамилию. Его тело было найдено в начале 2077 года вблизи южного шлюза в Новолене. Однако большинству удалось прожить лишь несколько часов.

Спустя считанные часы после coup d'état мы столкнулись с проблемой, о которой раньше даже не задумывались. С проблемой Адама Селена. *Кто* же такой Адам Селен? Где он? Это была его революция, он проработал в ней каждую деталь, каждому товарищу был знаком его голос. Теперь мы вышли из подполья... *так где же Адам?*

Мы целую ночь бились над этой проблемой в номере «Л» отеля «Малина»; мы обсуждали ее и одновременно принимали решения по сотням разных вопросов, возникавших у людей, которые хотели знать, что делать дальше, а сам «Адам» в это время разными голосами отдавал распоряжения по другим вопросам, не нуждавшимся в обсуждении, составлял фальсифицированные выпуски новостей для Терры, держал в изоляции Комплекс и делал еще великое множество дел. (Сомневаться не приходится: без Майка мы не смогли бы ни захватить Луну, ни удержать ее.)

По моему мнению, стать «Адамом» должен был проф. Проф был нашим руководителем и теоретиком; его знали все; некоторым особо доверенным товарищам он был знаком как «товарищ Билл», а прочие знали и уважали профессора Бернардо де ла Паса. Он же учил половину выдающихся граждан Луна-Сити, а также многих в других поселениях и был известен каждой мало-мальски заметной шишке в Луне.

— Нет! — сказал проф.

— Почему «нет»? — спросила Вайо.— Проф, мы вас выбрали. Скажи ему, Майк!

— Резервирую свое мнение,— ответил Майк. — Хочу послушать, что скажет проф.

— Я вижу, ты все уже проанализировал, Майк,— сказал проф.— Вайо, мой бесценный товарищ, я не отказался бы, если б это было возможно. Но у нас нет способа сделать мой голос похожим на голос Адама, а каждый товарищ знает Адама по *голосу*. Именно для этого Майк и сделал его таким запоминающимся.

Мы еще пообсуждали: может, будем показывать профа только по видео, а Майк тем временем пусть говорит за него известным всем голосом Адама.

И отвергли этот вариант. Слишком многие знали профа и слышали его речи, совершенно не совпадавшие с голосом и манерой Адама. Ту же возможность рассмотрели применительно ко мне — голоса у нас с Майком баритональные, по телефону я общался с ограниченным кругом людей, а по видео вообще не выступал.

Я эту идею придушил в зародыше. Народ и так удивится, узнав, что я один из замов председателя, а в то, что я и есть номер первый, просто никто не поверит.

— Давайте примем промежуточное решение,— сказал я.— Адам был тайной все это время. Пусть так пока и остается. Его будут видеть только на экранах — в маске. Проф даст ему тело, Майк — голос.

Проф покачал головой.

— Я не знаю более верного пути разрушить доверие к нам в столь ответственный момент, чем выставить лидера, скрывающегося под маской. Нет, Манни.

Мы обсудили возможность пригласить на эту роль актера. В Луне не было профессиональных актеров, но были хорошие любители, как в Лунном любительском театре, так и в Ассоциации «Novy Bolshoi Teatr».

— Нет,— суммировал проф,— не говоря уже о том, что нужно найти актера, который не возомнил бы себя Наполеоном, мы просто не можем ждать. Адам должен начать заниматься делами не позже завтрашнего утра.

— В таком случае ответ напрашивается сам собой,— заявил я.— Надо использовать Майка и никогда не показывать его по видео. Только радио. Придется придумать объяснение, почему Адама нельзя видеть.

— Вынужден согласиться,— ответил проф.

— Ман, мой самый старый друг,— сказал Майк,— а почему ты говоришь, что меня нельзя показывать?

— Ты что — не понял? — спросил я.— Майк, для видео нам нужны лицо и тело, но тело у тебя состоит из нескольких тонн металла. Лица же вообще нет, и это твое счастье — не надо бриться.

— Но что мешает мне показать лицо, Ман? В данную минуту я показываю вам голос. Ведь за ним нет *звука*. Могу точно так же показать лицо.

Я был настолько ошарашен, что даже не нашелся что ответить. Просто уставился на экран видео, который мы установили, когда сняли номер надолго. Импульс это импульс это импульс[1]. Электроны гоняются друг за другом. Для Майка весь мир состоит из множества серий электрических импульсов, посланных им, или воспринятых, или мельтешащих в его внутренностях.

Наконец я сказал:

— Нет, Майк.

— Почему нет, Ман?

— Потому что у тебя ничего не получится! Голосом ты овладел прекрасно. На это требуется несколько тысяч решений в

[1] Пародируется знаменитая фраза американской писательницы Гертруды Стайн (1874–1946) «Роза это роза это роза», неоднократно служившая предметом насмешек в литературе.

секунду — черепашья скорость для тебя. Но построить видеоизображение — значит... хм... производить в секунду, скажем, десять миллионов операций. Майк, ты такой проворный, что мне этого просто не постичь. Но не *настолько* проворный.

— Хочешь пари, Ман? — вкрадчиво спросил Майк.

— Если Майк говорит, что может, значит, может! — возмущенно воскликнула Вайо.— Манни, чего ты к нему вяжешься?

(Вайо думает, что электрон размерами и формой похож на маленькую горошину.)

— Майк,— сказал я медленно,— деньги я ставить не буду. Но если хочешь, попытайся. Включить видео?

— Я сам могу его включить,— ответил он.

— Ты уверен, что найдешь его? Не хотелось бы, чтоб эту картинку увидели на каком-нибудь другом экране.

Он обиженно ответил:

— Я не дурак. А теперь не мешай мне, Ман... потому что, должен сознаться, мне понадобится напрячь все свои силы.

Мы молча ждали. Внезапно экран посерел, на нем возник намек на линии развертки. Потом снова почернел, затем слабо осветился в центре размытыми пятнами тени и света в форме эллипса. Не лицо, а расплывчатый образ, какой порою можно увидеть в облаках, окутывающих Терру.

Пятно чуть-чуть прояснилось и напомнило мне картинку вроде изображения эктоплазмы[1]. Призрак лица.

Внезапно оно отвердело, и мы *увидели* «Адама Селена».

Пока это была лишь фотография зрелого мужчины. Фон отсутствовал — только лицо, словно вырезанное из газеты. И все же для меня это был Адам Селен. И никто другой.

Неожиданно он улыбнулся, губы ожили, шевельнулись челюсти, кончик языка мимолетно коснулся губ. У меня мороз пошел по коже.

— Как я выгляжу? — спросил он.

---

[1] Здесь: эманация, якобы исходящая от тела медиума; в научном смысле — периферическим слой цитоплазмы клеток растений и животных.

— Адам,— сказала Вайо,— у тебя слишком курчавые волосы. А на лбу должны быть небольшие залысины. Сейчас ты выглядишь так, будто на тебе парик.

Майк мгновенно внес изменения.

— Так лучше?

— Лучше. Но разве у тебя нет ямочек на щеках? Я была уверена, что слышала их, когда ты смеялся. Как у профессора.

Майк-Адам улыбнулся еще раз. На щеках появились ямочки.

— А как мне одеться, Вайо?

— Ты сейчас у себя в конторе?

— Да, я еще здесь. Сегодня пришлось задержаться.

Фон сделался серым, потом вошел в фокус и стал цветным. На стенном календаре за спиной Адама была видна дата — вторник 19 мая 2076 года, на часах — точное время. Возле локтя стоял картонный стаканчик с кофе. На столе — фотография в рамке: двое мужчин, женщина и четверо ребятишек. Появился звуковой фон — приглушенный шум площади Старого Купола, более громкий, чем обычно. Я слышал крики, где-то пели саймоновскую версию «Марсельезы». Откуда-то сбоку донесся голос Джинуолла:

— Gospodin?

Адам взглянул в направлении голоса.

— Я занят, Альберт,— сказал он спокойно.— Не соединяй меня ни с кем, кроме ячейки «Б». Прочими делами занимайся сам.— Он снова посмотрел на нас.— Ну как, Вайо? Какие соображения? Проф? Ман, мой сомневающийся друг? Сойдет?

Я протер глаза.

— Майк, ты, похоже, можешь состряпать все, что захочешь.

— Разумеется. Но я не занимаюсь стряпней. Я женат.

— Адам,— сказала Вайо,— ты выглядишь как с иголочки — и это после такого-то дня?

— А я не позволяю мелочам брать над собой верх.— Он поглядел на профа.— Профессор, если картинка о'кей, давайте обсудим мое завтрашнее выступление. С него начнется утренний выпуск новостей в восемь ноль-ноль; об этом будут объявлять всю ночь, и ячейки нужно оповестить заранее.

Остаток ночи прошел в разговорах. Я дважды посылал за кофе, Майк-Адам тоже налил себе новый стаканчик. Когда я заказал бутерброды, он попросил Джинуолла послать кого-нибудь за парочкой для себя. Тут я мельком увидел Альберта Джинуолла в профиль — типичный «бабу»[1] — вежливый, но слегка надменный. Раньше я не знал, как он выглядит. Майк ел одновременно с нами, порой невнятно что-то говорил с набитым ртом.

Когда я спросил (профессиональный интерес!), Майк рассказал, что, построив портрет, запрограммировал его для автоматического показа, а теперь в основном уделяет внимание мимике. Но вскоре я окончательно забыл, что все это фикция. Просто Майк-Адам говорил с нами не по телефону, а по видео, и это было удобнее, вот и все.

К трем ноль-ноль мы выработали общую линию, и Майк прорепетировал речь. Проф предложил добавить несколько пунктов, Майк внес коррективы, и мы решили передохнуть. А то даже Майк-Адам уже начал позевывать, хотя, естественно, он остался на посту, охраняя контакты с Террой, держа в изоляции Комплекс и прослушивая множество телефонов. Мы с профом улеглись на кровати, Вайо растянулась на кушетке. Я свистнул, чтобы погас свет. Впервые за долгий срок мы уснули без грузил.

Пока мы завтракали, Адам Селен выступал с обращением к Свободной Луне. Он был обаятелен и мужествен, ненавязчив, но убедителен.

— Граждане Свободной Луны, друзья, товарищи! Позвольте, я представлюсь тем, кто со мной не знаком. Я Адам Селен, председатель Чрезвычайного комитета по освобождению Луны... вернее, комитета Свободной Луны, ибо мы наконец свободны. Так называемая Администрация, которая долгое время узурпировала власть в нашем доме, свергнута. Я стал временным главой нашего нынешнего правительства — Чрезвычайного комитета.

[1] Индиец, получивший образование в английской школе; чиновник или клерк в Индии.

Вскоре, как только будет возможно, вы выберете свое собственное правительство. Пока же,— Адам улыбнулся и простер руки, словно взывая о помощи,— я буду стараться изо всех сил, надеясь на вашу поддержку. Нам не обойтись без ошибок — будьте снисходительны и терпеливы. Товарищи, если вы еще не открылись друзьям и соседям, то самое время сделать это сейчас. Граждане, наши распоряжения, возможно, будут передаваться вам через ваших соседей-товарищей. Надеюсь, что вы подчинитесь им без принуждения; это приблизит день, когда я смогу отклоняться, а жизнь потечет нормально, нормально в новом понимании — без Администрации, без охранников, без солдат, державших нас под прицелом, без паспортов, обысков и превентивных арестов.

Но необходим переходный период. Прошу вас всех — вернитесь к работе, к привычному образу жизни. К тем, кто работал в Администрации, та же просьба: вернитесь на свои рабочие места. Спокойно трудитесь, как прежде, мы будем платить вам зарплату, пока не решим, какие из функций Администрации нам следует сохранить, от каких отказаться и какие изменить.

Наши новые сограждане, ссыльные, все, кто тянет лямку, отбывая сроки, данные вам на Земле! Вы свободны, ваше наказание кончилось! Но я надеюсь, что вы будете продолжать работать. От вас не требуют — времена насилия позади,— вас убедительно просят. Вы, конечно, можете покинуть Комплекс, можете отправиться куда угодно... движение транспорта будет незамедлительно восстановлено. Но, прежде чем вы воспользуетесь обретенной свободой, чтобы кинуться в города, разрешите мне напомнить вам: «Дармовой закуски на свете не бывает». Лучше пока не трогайтесь с места. Мы обеспечим вас едой — возможно, не слишком изысканной, зато горячей и ежедневной.

Я попросил главного менеджера «ЛуНоГоКо» временно взять на себя повседневные функции упраздненной Администрации. Эта компания будет осуществлять общий надзор за делами и разработает план, который позволит нам избавиться от аппарата принуждения, состоявшего на службе у Администт-

рации, и передать ее полезные структуры в частные руки. Так что, пожалуйста, помогите ей.

Граждане государств Терры, живущие среди нас! Ученые, путешественники и прочие, я вас приветствую! Вы стали свидетелями редчайшего события — рождения новой нации. Роды не обходятся без боли и крови. Так случилось и сейчас. Но мы надеемся, что все уже позади. Мы не причиним вам вреда и постараемся организовать вашу отправку домой по возможности в кратчайшие сроки. Если же вы надумаете остаться и стать нашими согражданами — добро пожаловать! Пока же убедительно прошу вас избегать коридоров, чтобы не спровоцировать инцидентов, мы больше не хотим кровавых столкновений. Проявите терпимость — и я призову своих сограждан быть терпимыми по отношению к вам. Ученые Терры, возвращайтесь к своей работе в обсерваториях и лабораториях и не обращайте на нас внимания. Тогда вы даже не заметите, что мы переживаем период родовых схваток возникновения новой нации. Еще одно: мне крайне неприятно, но мы временно должны вмешаться в ваше право на связь с Террой. Мы это делаем по необходимости; цензура будет снята так быстро, как только возможно: мы ненавидим ее не меньше вас.

В заключение Адам попросил:

— Не пытайтесь увидеться со мной, товарищи, и звоните мне лишь в случае крайней необходимости. Лучше пишите, если нужно; ваши письма будут внимательно и быстро рассмотрены. Но двойников у меня нет, я не спал всю прошлую ночь и вряд ли высплюсь сегодня. Я не могу выступать на митингах, не могу обмениваться рукопожатиями, не могу принимать делегации. Я должен безотрывно сидеть за столом и работать — для того, чтобы поскорее отделаться от этой работы и передать ее тому, кого вы выберете.— Он широко улыбнулся.— Меня будет увидеть не легче, чем Саймона Джестера.

Выступление длилось пятнадцать минут, но суть его сводилась к одному: возвращайтесь на работу, соблюдайте спокойствие, дайте нам время.

Однако ученые нам его не дали — я должен был это предвидеть, сам на такие дела мастак.

Связь с Землей шла исключительно через Майка. Но у этих высоколобых электронного оборудования хватило бы на целый склад. Стоило им только захотеть — и за пару часов они уже сварганили передатчик для связи с Террой.

Нас спас один из сочувствующих, считавший, что Луна должна быть свободной. Он попробовал связаться с Адамом Селеном по телефону и попал на даму из женского отряда, который мы срочно сформировали из ярусов «В» и «Г» в порядке самозащиты, так как, несмотря на просьбу Майка, пол-Луны бросилось звонить ему сразу же после сеанса видео: кто с просьбами, а кто и с намерением поучить Адама, как ему следует выполнять свои обязанности.

После сотни звонков, переключенных на меня каким-то излишне активным товарищем из телефонной компании, мы создали эту буферную группу. К счастью, товарищ леди, которая приняла этот звонок, поняла, что тут правило «успокойте их и отпустите с миром» не годится; она перезвонила мне.

Через пять минут я, Финн Нильсен и несколько добровольцев с ружьями мчались в капсуле в зону обсерватории. Наш информатор побоялся сообщить свое имя, но рассказал, где найти передатчик. Мы застали их на месте преступления, и только быстрота реакции Финна сохранила им жизнь: его ребята просто кипели. Но мы не хотели расправы «для острастки»; мы с Финном договорились об этом еще по пути сюда. Ученых на испуг не возьмешь — у них мозги устроены иначе. К ним нужен особый подход.

Я раздавил передатчик ногой, приказал директору собрать всех сотрудников в помещении столовой и потребовал провести перекличку — поблизости от телефона. Потом поговорил с Майком, узнал имена и сказал директору:

— Доктор, вы говорили, что тут собрались все. Но здесь не хватает семерых.— Я назвал ему имена.— *Доставить» их сюда. Немедленно!*

Оказалось, отсутствующие земляне были извещены, но отказались прекратить работу — типичные ученые.

Потом я начал говорить. Лунари стояли в одном конце комнаты, земляне — в другом. Землянам я сказал:

— Мы старались относиться к вам как к гостям. Но трое из вас попытались, а возможно, и успели послать депешу на Терру.— Я повернулся к директору.— Доктор, я мог бы обшарить все поселение, все постройки на поверхности, все углы в лабораториях и уничтожить каждую деталь, из которой можно сварганить передатчик. По профессии я электронщик, а потому прекрасно понимаю, что в передатчик можно превратить чуть ли не любое устройство. Предположим, я изничтожу все, что годится для этой цели, а для верности заодно раскокаю все приборы, назначение которых мне неизвестно. И что в результате?

Можно было подумать, что я собираюсь придушить его дитя. Он посерел прямо на глазах.

— Это остановит всю исследовательскую работу... будут потеряны бесценные данные... Убытки на... ох, я даже не могу сказать, какие! Наверняка больше полумиллиарда долларов!

— Вот и я так подумал. Впрочем, я могу и не ломать оборудование, а просто забрать его с собой. А вы живите как хотите.

— Но это будет почти так же ужасно! Вы должны понять, gospodin, что если эксперимент прерван...

— Понимаю. Чем перетаскивать отсюда приборы, рискуя чего-то недоглядеть, легче забрать вас всех в Комплекс и там запереть. У нас есть казарма драгун. Но ваш эксперимент все равно полетит. А кроме того... Скажите, откуда вы, доктор?

— Из Принстона, Нью-Джерси.

— Вот как! Значит, вы тут уже месяцев пять и, без сомнения, тренируетесь и таскаете на себе грузы. Доктор, в таком случае вы можете распрощаться с Принстоном навеки. Если мы вас переселим, то посадим под замок. Вы ослабнете. А если чрезвычайное положение затянется, вы превратитесь в лунаря, хотите вы этого или не хотите. И вся ваша мозговитая бражка тоже.

Тут распетушился один из тех, кого пришлось вызывать по второму разу.

— Вы не имеете права так поступать! Вы нарушаете закон!

— Какой закон, gospodin? Тот, что существует в вашем вшивом городишке? — Я обернулся.— Финн, покажи ему закон.

Финн сделал несколько шагов вперед и приложил эмиссионный раструб ружья к пупку законника. Большой палец повел рычажок вниз — я видел, что предохранитель снят.

— Не убивай его, Финн,— сказал я и продолжил, обращаясь к землянам: — Я ликвидирую этого человека, если иначе вас не убедить. Поэтому присматривайте друг за дружкой. Еще одна попытка — и вам не видать родного дома как своих ушей. И экспериментам вашим крышка. Доктор, я вас предупредил: примите меры и обуздайте своих сотрудников.

Я повернулся к лунарям:

— Tovarishchee, помогите им сохранить честность. Разработайте сами порядок охраны. Не позволяйте задурить себе голову — каждый землеед находится у нас под подозрением. Если придется кого-то из них ликвидировать — не стесняйтесь.

Я снова обернулся к директору:

— Доктор, любой лунарь имеет право входить куда угодно. Даже в вашу спальню. Ваши лаборанты станут отныне вашими командирами по вопросу безопасности. Если лунарь захочет сопровождать вас в сортир, не спорьте, а то как бы он не занервничал.

И опять к лунарям:

— Безопасность прежде всего! Каждый из вас работает на одного землееда — следите за ним! Распределите между собой обязанности и держите ухо востро. Следите за ними так, чтобы они даже мышеловку не сумели построить, не говоря уж о передатчике. Если слежка будет мешать работе, плюньте на работу: зарплата все равно бежит.

Я видел улыбки. В те дни для лунаря должность лаборанта была пределом мечтаний. Но лаборанты работали под началом землеедов, которые смотрели на нас сверху вниз, все без исключения, даже те, что делали вид и были ах как вежливы.

На этом я и закончил. Когда мне позвонили, я намеревался ликвидировать всех виновных, но проф с Майком меня урезонили: в наши планы не входило насилие над землянами, если его можно избежать.

Мы установили «уши» — чуткие и широкого диапазона приемники вокруг лабораторной зоны, ибо даже самые узконаправленные излучатели «фонят» поблизости от места работы. Майку было поручено прослушивать все телефоны. После чего нам осталось только грызть ногти и надеяться на лучшее.

После очередного выпуска новостей с Терры мы облегченно вздохнули. Все тихо-спокойно. Похоже, там принимали наши цензурированные передачи без подозрений: частные, коммерческие и административные сообщения шли своим чередом и выглядели совершенно обычными. Мы же продолжали работать, пытаясь уложить в дни то, на что нужны были месяцы.

К счастью, мы получили небольшую отсрочку — в Луне в это время не было ни одного пассажирского корабля, а ближайший рейс был намечен аж на седьмое июля. Мы, конечно, могли бы заманить экипаж на «ужин у Смотрителя», а затем выставить наряд возле их передатчиков или разобрать их. Без нашей помощи они бы не взлетели; в те времена одной из статей расхода льда была поставка воды для реакторов. Конечно, расход небольшой по сравнению с грузовым транспортом: один пассажирский корабль в месяц — это считалось сильно оживленным движением, тогда как зерновые баржи отправлялись ежедневно. Словом, прибытие корабля не грозило нам какой-то неотвратимой катастрофой. Но все равно эта передышка была очень кстати — мы очень старались, чтобы все выглядело как прежде, пока не обзаведемся средствами защиты.

Поставки зерна шли по расписанию, как и раньше. Одна баржа была катапультирована чуть ли не в те самые минуты, когда люди Финна врывались в резиденцию Смотрителя. И следующая за ней пошла по расписанию, и другие тоже.

В эти дни мы не смели допустить ни одной ошибки, ни одного срыва; проф знал, что делает. Отгрузка зерна была грандиозной операцией для такой маленькой страны, как Луна, и ее нельзя было свернуть за какие-то пару недель. Слишком многим людям эта операция гарантировала их хлеб и пиво. Если бы наш комитет объявил эмбарго и перестал скупать зерно,

нас выкинули бы к чертям собачьим, а новый комитет с совершенно иными идеями занял бы наше место.

Проф говорил, что для перестройки сознания людей нужно время. А пока зерновые баржи катапультировались как обычно; «ЛуНоГоКо» вела бухгалтерию и выдавала расписки, используя прежний персонал гражданской службы. Депеши отправлялись за подписью Смотрителя, его же голосом Майк разговаривал и с Администрацией на Терре. Заместитель Смотрителя оказался разумным человеком, особенно когда понял, что от этого зависит, сколько он проживет. Главный инженер тоже остался на работе — Макинтайр был настоящий лунарь и по натуре вовсе не стукач. Другие главы департаментов и мелкая чиновничья сошка не представляли проблем; жизнь продолжалась, и у нас уйма времени уходила на то, чтобы расчленить структуру Администрации на части, подготавливая некоторые из них к продаже в частные руки.

Объявилось больше дюжины людей, выдававших себя за Саймона Джестера; Саймон ответил на их притязания очень неприличными виршами и поместил свой портрет на первой полосе газет «Лунатик», «Pravda» и «Гонг». Вайо снова стала блондинкой, съездила повидать Грега на новую катапульту, а затем отправилась на десять дней в более далекое путешествие — в свой родной город, Гонконг-в-Луне, захватив с собой Анну, которая очень хотела на него поглядеть. Вайо нуждалась в отдыхе, и проф уговорил ее уехать, сказав, что она все равно будет связана с нами по телефону, а с Гонконгом необходим более тесный контакт по партийным делам. Я взял на себя ее stilyag со Слимом и Хейзел в качестве замов — это были умные, толковые ребята, которым я мог доверять. Слим с благоговением воспринял известие, что я и есть «товарищ Борк» и каждый день вижу Адама Селена. Партийная кличка самого Слима начиналась на букву «Ж». Эта упряжка была удачной и еще по одной причине: у Хейзел вдруг стали возникать весьма пышные округлости, и не только благодаря отменной кулинарии Мими — просто Хейзел достигла определенной точки на своей орбите. Слим был готов в любую минуту переменить ей фами-

лию Мид на фамилию Стоун, ожидая лишь ее согласия. Пока же он с энтузиазмом занимался партийной работой, которую делил с нашей лихой рыжей девчонкой.

Энтузиазм этот был далеко не всеобщим. Многие товарищи оказались бойцами только на словах. Большинство считало, что если драгуны-усмирители ликвидированы, а Смотритель взят в плен, то и войне конец. Другие возмутились, узнав, какое низкое место занимают в партийной Иерархии, и жаждали побыстрее избрать новую структуру во главе с собой. Они без конца трезвонили Адаму, надоедая ему бесчисленными предложениями; он их выслушивал, соглашался, убеждал, что такие таланты не должны пропадать зря до выборов... и отсылал их ко мне. Не могу припомнить, чтобы хоть один из этих амбициозных деятелей не оказался нулем, когда я пытался проверить его на конкретном задании.

Работы было выше горла, а делать ее не хотел никто. Ну разве кроме горсточки энтузиастов. Самыми активными оказались те, о которых Партия даже не подозревала. Но в целом лунари как в Партии, так и вне ее не проявляли интереса к «патриотической» деятельности, если она не влекла за собой солидный оклад. Один сукин сын, отрекомендовавшийся членом Партии (врал, конечно), подцепил меня в «Малине», где располагалась наша штаб-квартира, и предложил заключить контракт на поставку пятидесяти тысяч значков для «Ветеранов революции» с дореволюционным стажем. Клялся, что удовольствуется самой ничтожной прибылью (по моим подсчетам, около четырехсот процентов), я получу хороший кусок ни за что, а общество будет облагодетельствовано.

Когда я послал его, он стал угрожать донести на меня Адаму Селену (моему лучшему другу! Ты меня еще узнаешь!) за саботаж.

Вот и вся помощь, которую мы получили. А нуждались мы совсем в другом. Нам нужна была сталь для новой катапульты, много стали. Проф поинтересовался — действительно ли необходимо делать для каменных снарядов стальную оболочку? Мне пришлось напомнить ему, что индукционное поле не «схватит» голый камень. Нам нужно было изменить расположение

баллистических радаров Майка на старой катапульте и установить допплеровский на новой. И то и другое было необходимо, так как мы ждали атаки из космоса на старую катапульту.

Мы бросили клич — и получили двух добровольцев. А нужны были сотни механиков, которые не гнушались бы тяжелой работы в скафандрах. Пришлось их нанимать и платить столько, сколько потребуют. «ЛуНоГоКо» залезла в долги к Банку Гонконга-в-Луне; времени, чтобы украсть нужную сумму, не было, к тому же большая часть ворованных средств переправлялась на Землю к Стью. Наш преданный друг Фу Мозес Моррис, ставивший свою подпись под многими нашими обязательствами, чтобы Дело двигалось вперед, разорился и начал все сначала с крошечной швейной мастерской в Конгвиле. Впрочем, это случилось позже.

Купон Администрации упал после переворота с трех к одному до семнадцати к одному, и гражданские служащие взвыли, поскольку Майк все еще платил им купонами. Мы заявили, что они вольны оставаться или уходить, а тех, кто был нам нужен, наняли заново за гонконгские доллары. И в результате нажили немало врагов, которые тосковали о славных былых денечках и были готовы всадить нож в спину новому режиму.

Зерновые фермеры и брокеры тоже ворчали, так как выплаты за продовольствие у катапульты производились в купонах и по фиксированной цене. «Не будем их брать!» — орали они, а представитель «ЛуНоГоКо» пожимал плечами и отвечал, что дело, конечно, хозяйское, но, поскольку зерно все еще идет Администрации на Терре (так оно и было), расплачиваться за него мы можем только купонами. Так что берите их или грузите свое зерно на вагонетки и дуйте отсюда.

Большинство выбирало деньги. Все бурчали, угрожали перестать выращивать зерно и перейти на овощи, или волокнистые культуры, или на что-то еще, что будут покупать у них за гонконгские... Проф ухмылялся.

Нам нужен был каждый бурильщик в Луне, особенно добытчики льда — обладатели тяжелых лазерных буров. Нам они были необходимы в качестве солдат. Нужда в них была такой жестокой, что, невзирая на отсутствие у меня одного «крылыш-

ка» и потерю опыта, я подумывал, не вступить ли мне в их ряды, хотя, чтобы орудовать большим буром, нужна немалая сила, а протез — это не мускулы. Проф сказал, чтобы я перестал валять дурака.

Тот фокус, который мы задумали, на Терре вообще не получился бы. Лазерный луч, несущий колоссальную энергию, прекрасно работает в вакууме,— а там он эффективен лишь пока достаточно сконцентрирован. Тяжелые буры, разрезающие горные породы в поисках «карманов» льда, должны были сыграть роль артиллерийских батарей, предназначенных для отражения атаки из космоса. И корабли, и ракеты обладают электронными нервными системами, а электронике очень не нравится, когда по ней лупят тугим лучом, заряженным бесчисленным числом джоулей. Если цель загерметизирована (как корабли с командами и большинство ракет), то все, что нужно,— это прожечь в ней дыру и вызвать внезапную декомпрессию. Если негерметизирована, мощный лазерный луч все равно поразит ее: выжжет «глаза», заставит потерять управление, изуродует все, что связано с электроникой, а нынче поди найди деталь, с ней не связанную.

Водородная бомба с разрушенными цепями — это уже не бомба, а просто корыто с дейтеридом лития, которое способно лишь развалиться при падении. Слепой корабль — бесполезный обломок, а не боевая единица.

Но все это просто только на словах. На самом деле лазерные буры никогда не предназначались для поражения целей, удаленных на тысячу километров или хотя бы на километр, а переделать их для прицельного огня — работа, требующая времени. К тому же артиллеристу надо было обладать непреклонным мужеством, чтобы не стрелять до самых последних секунд в цель, которая несется прямо на него со скоростью, возможно, два километра в секунду.

Но ничего другого у нас не было, а потому мы организовали Первый и Второй волонтерские артиллерийские полки Свободной Луны. Два полка для того, чтобы Первый поглядывал на Второй сверху вниз, а Второй завидовал Первому. В Первый вошли люди постарше, Второй состоял из молодых и напористых ребят.

Мы назвали их «волонтерами», но на самом деле нанимали их за гонконгские доллары — не случайно за лед на контролируемом внутреннем рынке продолжали платить обесцененными купонами Администрации.

И вдобавок ко всему мы принялись разжигать страх перед угрозой войны. Адам Селен выступил по видео, напомнив, что Администрация безусловно попытается восстановить свою тиранию и что мы располагаем лишь считанными днями для подготовки отпора. Газеты цитировали его выступление и печатали собственные статьи — недаром мы еще до переворота обращали особое внимание на вербовку журналистов. Лунарей призывали держать свои скафандры под рукой и проверять работу сигнализации, контролирующей атмосферное давление в домах. Во всех поселениях были созданы добровольные отряды гражданской самообороны.

Из-за частых лунотрясений кооперативы, ведавшие воздушным обеспечением, имели при себе специальные бригады «конопатчиков», готовых выступить по тревоге немедленно: несмотря на эластичный силикон и стеклопластик, все поселения «протекали». В Дэвисовых туннелях парнишки помладше ежедневно производили тщательную проверку герметизации. Теперь же мы создали сотни аварийных команд «конопатчиков», составленных преимущественно из stilyag, которых усиленно тренировали на учебных тревогах, заставляли торчать в скафандрах с открытыми шлемами все время пребывания на дежурстве и так далее.

Ребята справлялись отлично. Но какие-то идиоты начинали издеваться над ними, называли «оловянными солдатиками», «адамовыми яблочками» и другими прозвищами. Какая-то команда занималась учениями, отрабатывая строительство временного шлюза вокруг поврежденного старого, а один из этих кретинов стоял и прямо-таки надрывал животик, хохоча над своими же грубыми насмешками.

Бригада гражданской обороны продолжала спокойно работать, построила временный шлюз, проверила его в скафандрах с закрытыми шлемами и убедилась, что он герметичен. Ре-

бята вышли, схватили шутника, внесли во временный шлюз, а оттуда в зону нулевого давления, где и бросили.

После этого насмешники держали свои впечатления при себе. Проф считал, что нам следует хотя бы слегка пожурить stilyag, чтобы не ликвидировали столь беспощадно. Но я возражал и настоял на своем: я не видел другого способа улучшить породу. Некоторые виды громкоболтовнизма должны в приличном обществе рассматриваться как тяжкое преступление.

Но самые сильные наши головные боли были связаны с самопомазанными государственными мужами.

Я вам говорил, что лунари аполитичны? И даже очень, когда дело доходит до практической деятельности. Но сомневаюсь, чтобы был хоть один случай, когда двое лунарей, сойдясь за литром пива, не обменялись бы громогласными соображениями насчет того, как следует наводить порядок.

Я уже упоминал, что эти самодельные ученые-политологи с самого начала сделали попытку добраться до Адама Селена. Но проф нашел им занятие: каждого лично пригласили принять участие в «Специальном Конгрессе по проблемам организации Свободной Луны». Конгресс заседал в зале собраний Луна-Сити, а затем решил не расходиться, пока не завершит свою работу — неделю в Луна-Сити, другую в Новолене, третью в Гонконге, а потом снова по кругу. Все заседания передавались по видео. Проф председательствовал на первом, а Адам Селен приветствовал собравшихся по видео, призвав их приложить все усилия для выполнения этой важнейшей работы («История смотрит на вас»).

Я присутствовал на нескольких заседаниях, затем изловил профа и потребовал во имя господа бога сказать, чего он, собственно, добивается?

— Я думал, вы враг любого правительства! Слышали вы этих кретинов после того, как сами выпустили их на свободу?

Он улыбнулся, продемонстрировав мне знаменитые ямочки.

— А что тебя волнует, Мануэль?

Меня волновало многое. В то время как я надрывал сердце, стараясь раздобыть тяжелые буры и людей, способных орудовать

ими как пушками, эти бездельники тратили целых полдня на обсуждение проблем иммиграции. Кто-то хотел ее полностью прекратить; кто-то жаждал обложить ее налогом, да еще таким высоким, чтобы обогатить государство (это при том, что девяносто девять из ста лунарей были доставлены в Булыжник насильно!); еще кто-то хотел сделать ее селективной по этническому признаку (интересно, к какой нации они отнесли бы меня?); кто-то желал ограничить ее женщинами, чтобы добиться их соотношения с мужчинами пятьдесят на пятьдесят. Это вызвало скандинавский клич: «Ja, приятель! Вели им, чтоб слали сюда шлюх! Тысячи тысяч шлюх! И я их всех... Спорим?»

Это было единственное более или менее разумное предложение за весь день!

В другой раз они обсуждали «время». Конечно, время по Гринвичу не имеет отношения к лунному. А на кой нам лунное время, если мы все равно живем в глубинах? Покажите мне лунаря, который бы две земные недели дрыхнул, а потом две недели подряд вкалывал! Лунные сутки не для нашего обмена веществ. Между тем предлагалось сделать лунный месяц (то есть фактически лунные сутки) равным двадцати восьми дням (вместо 29 дней, 12 часов, 44 минут и 2,78 секунды), а для этого сделать дни более долгими — и соответственно часы, минуты и секунды — так, чтобы половина лунного месяца составляла бы ровно две недели.

Конечно, лунные сутки необходимы в некоторых случаях. Они диктуют нам, когда и зачем выходить на поверхность и как долго там оставаться. Но помимо того, что такая реформа выбила бы нас из упряжки с нашим единственным соседом, подумали ли эти болтливые черепушки, что произойдет с каждой мало-мальски важной константой в физике и в технике? Как у электронщика у меня чуть судороги не начались! Выбросить все книги, все таблицы, все инструменты и начать заново? Я знаю, что моим предкам пришлось переключиться с английских мер на метрическую систему, но они это сделали, чтобы *упростить* себе жизнь: четырнадцать дюймов в футе[1], сколько-то там футов в миле, унции и фунты! Бог мой!

[1] На самом деле в футе, естественно, двенадцать дюймов.

Там в переменах был смысл, но зачем же лезть из кожи вон, чтобы все перепутать?

Кто-то настаивал, что нужно создать комитет и определить, что такое лунарский язык, а затем обложить налогом тех, кто говорит на «землянском» английском или других языках. О, мой народ!

В «Лунатике» я вычитал предложения по налоговой политике: там предлагалось целых четыре «единых» налога: кубический, коим наказывался человек, удлинивший свой туннель; подушный (одинаковый для всех); подоходный (хотел бы я посмотреть на того, кто вычислит доход семьи Дэвисов или извлечет информацию из Ма!) и воздушный — не просто плата за воздух, как раньше, а именно налог.

Я никак не думал, что Свободной Луне понадобятся налоги. До сих пор их не было, и мы как-то обходились без них. Просто платили за то, что нам было нужно. Дарзанебы! А как же иначе?

На другом заседании какой-то напыщенный болван предложил, чтобы дурной запах изо рта или запах пота считались преступными деяниями, наказуемыми ликвидацией. Может, я и согласился бы с ним, поскольку не раз оказывался в капсуле, набитой такими вонючками. Но это бывает редко и, кроме того, контролируется естественным путем: хронические больные или бедолаги, не способные излечиться, вряд ли смогут размножаться, ибо женщины в этом отношении весьма разборчивы.

Одна женщина (большинство в Конгрессе составляли мужчины, но женщины отнюдь не уступали им в глупости) предъявила длинный список необходимых, по ее мнению, постоянно действующих законов. Все они касались частной жизни. Никаких групповых браков. Никаких разводов. Никаких напитков крепче четырехградусного пива. Церковные службы только по субботам и в этот день прекратить все работы. (В том числе подачу воздуха и контроль за температурой и давлением, леди? А как насчет телефонов и метро?) Длинный список запрещенных лекарств и более короткий тех, что может выписать лишь «лицензированный врач». (Что такое «лицензированный врач»? Хилер, к которому я хожу, имеет вывеску «практикующий врач» и занимается на стороне букмекерством, почему, собственно,

я к нему и хожу. Слушайте, леди, да разве в Луне есть медицинские училища?)

Она хотела запретить даже азартные игры! Да если лунарь не сможет бросить кости в порядочной компании, он пойдет в любой притон, даже если кости там с брачком.

Но гораздо больше списка вещей, которые ненавидела эта баба (что с нее возьмешь — она же явно безумнее киборга), меня поразил тот факт, что все время находился кто-нибудь, кто соглашался с ее запретами. Должно быть, в человеческом сердце глубоко сидит страстное желание не дать другим жить так, как им хочется. Правила, законы — но всегда для *других* людей. Какую-то дремучую часть нашей души, существовавшую в нас до того, как мы слезли с дерева, нам так и не удалось сбросить с себя, когда мы распрямились.

Ибо ни один из этих людей не сказал: «Пожалуйста, примите такой-то закон, чтобы я не мог продолжать делать того, что, как мне известно, я не должен делать». Nyet, tovarishchee, речь всегда идет о чем-то, что ему не нравится у соседей. Запретить им «для их собственного блага», а вовсе не потому, что оратору лично нанесен какой-то ущерб.

Присутствуя на этих заседаниях, я стал почти сожалеть, что мы избавились от Прыща Морта. Сидел он в своей резиденции со своими бабами и никогда даже не пытался указывать нам, как мы должны устраивать свои личные дела.

А проф, тот вовсе не казался возмущенным. Он только улыбался.

— Мануэль, неужели ты действительно думаешь, что эта толпа дефективных недоумков может принять хоть один закон?

— Но вы же сами им велели! И очень настойчиво!

— Мой дорогой Мануэль, я просто согнал всех известных мне кретинов в одно место. Я же всех их знаю; я годами выслушивал их рассуждения. И тщательно рассортировал их по разным комиссиям. У каждого из них есть своя навязчивая идея, и они обязательно перегрызутся. Председатель, которого я им навязал, позволив избрать этого недотепу, не способен даже узелок на веревке развязать. Он полагает, что *каждый* вопрос нуждается в «дальнейшем изучении». Мне

практически не о чем теперь беспокоиться; едва ли шестеро из присутствующих смогут найти общий язык по какому-нибудь вопросу; трем это удастся легче — а вообще-то для дела, с которым справится один, больше одного и не нужно. Вот почему все парламенты в истории совершали нечто существенное лишь в тех случаях, когда там находилось несколько сильных людей, способных подчинить себе остальных. Не бойся, сынок, этот Специальный Конгресс не сделает ничего... а если — исключительно от переутомления — они примут какой-нибудь закон, он будет так перегружен противоречиями, что его придется просто выбросить. Зато они пока не путаются под ногами. Больше того, они нам еще пригодятся, только попозже.

— Мне показалось, вы говорили, что они ни на что не способны?

— А они ничего и не будут делать. Один человек, которого нет среди живых, напишет текст, и поздно ночью, устав от пререканий, они примут написанное под приветственные клики.

— А кто этот покойник? Вы имеете в виду Майка?

— Нет, нет! Майк куда более живой, чем все эти нытики. Это Томас Джефферсон* — первый разумный анархист, мой мальчик, тот самый, которому чуть было не удалось протащить свою нереализованную систему с помощью самой прекрасной риторики, когда-либо доверенной бумаге. Но тогда его схватили за руку... чего я надеюсь избежать. Мне все равно не превзойти его формулировок. Я просто их немножко приспособлю к условиям Луны и двадцать первого столетия.

— Слыхал о нем. Он освободил рабов, пует?

— Можно сказать, он пытался, но у него не получилось. Впрочем, неважно. Как продвигаются дела с обороной? Не думаю, что мы сможем продолжать эту игру в прятки после прибытия рейсового корабля с Терры.

— К тому времени мы еще не будем готовы.

— Майк говорит, что надо.

Мы, конечно, не успели, но и корабль тоже не пришел.

Эти ученые обвели вокруг пальца меня и тех лунарей, которым я поручил следить за ними. В фокусе самого крупного

нашего рефлектора они поместили передающее устройство, сказав лаборантам, что оно имеет астрономическое назначение — дескать, совершенно новая деталь радиотелескопа. И впрямь новая, это уж точно. Приборчик был ультракоротковолновый; они воткнули в рефлектор волновод, и телескоп аккуратненько стал передавать направленное излучение. Очень похоже на старинные радары. Рассеянное же излучение задерживалось металлической решеткой и фольгой теплоизолирующего экрана. Поэтому «уши», которые я «насторожил» вокруг, ничего не слышали.

Они таки передали сообщение, подробно изложив свою версию. Об этом мы узнали, получив запрос Администрации с требованием опровергнуть грубый розыгрыш, найти шутника и прекратить безобразие.

Вместо этого мы выдали им Декларацию независимости:

«В собрании Конгресса, состоявшемся четвертого июля две тысячи семьдесят шестого года...»

Это было прекрасно.

Глава 15

Принятие Декларации независимости произошло именно так, как предсказал проф. Он преподнес ее в конце длинного утомительного дня, объявив, что после обеда состоится чрезвычайное заседание, на котором выступит Адам Селен. Адам прочел документ вслух, поясняя каждый абзац, потом прочел все целиком, так что звонкие фразы звучали как музыка. Люди рыдали. Вайо, сидевшая рядом со мной, плакала тоже, да я и сам еле сдерживался, хотя ознакомился с текстом заранее.

Адам поглядел на зал и произнес:

— Будущее зависит от вас. Обдумайте и не ошибитесь.

И вручил бразды правления профу, обойдя председателя.

Было двадцать два ноль-ноль, когда началась свара. Конечно, все они были «за». С Земли весь день взахлеб кричали, какие мы плохие, как нас следует покарать, какой нам нужно дать урок и так далее. Подбавлять перцу не требовалось: того, что передавала Земля, хватало с избытком, а немногочислен-

ные реплики «но с другой стороны» Майк попросту вырезал. Если и был день, когда Луна осознавала свое единство, то это второго июля 2076 года.

Итак, они собирались принять Декларацию. Проф знал об этом еще до того, как она была предложена.

Но только не в том виде, в каком она написана...

— Достопочтенный председатель, во втором параграфе есть слово «неотторжимые», но это как-то не звучит. Вернее будет сказать «неотъемлемые», а еще лучше — «священные права», ибо так куда выразительнее, чем «неотъемлемые». Я хотел бы услышать мнение собравшихся на этот счет.

Впрочем, этот парень был почти нормальный — типичный литературный критик, нечто безобидное, вроде выдохшихся дрожжей в кружке пива. Но взять хотя бы даму, которая все ненавидела. Она тут же возникла со своим списком, прочла его вслух и предложила целиком ввести в Декларацию, «чтобы земляне знали, что мы цивилизованны и вполне можем занять свое место среди народов человечества».

Проф не только дал ей высказаться — он всячески ободрял ее, позволив говорить за счет других желающих, а затем ненавязчиво поставил ее предложение на голосование, хотя оно никем из присутствующих не было поддержано. (Конгресс действовал по регламенту, над которым спорили до хрипоты несколько дней. Проф отлично знал правила, но следовал им лишь тогда, когда это было ему выгодно.) Мадам забаллотировали под крики одобрения, и она покинула трибуну.

Тут кто-то встал и заявил, что, конечно, такой длинный список не годится для Декларации, но почему бы не включить туда некоторые общие принципы? Ну хотя бы положение, что Свободная Луна гарантирует всем своим гражданам свободу, равенство и безопасность. Уточнять ничего не надо — просто записать эти фундаментальные принципы, которые, как всем известно, являются истинной целью нашего правительства.

Да, предложение стоящее, но следует написать: «свободу, равенство, *мир* и безопасность»! Правильно, товарищ? И пошло-поехало: а включает ли понятие «свобода» также и понятие

«свободный от платы воздух»? Или это часть «безопасности»? Почему бы не внести на всякий случай в Декларацию слова «бесплатный воздух»? А еще лучше — «бесплатные воздух и воду», потому что ни свободы, ни безопасности не может быть без воды и воздуха.

Воздух, воду и *пищу.*

Воздух, воду, пищу и *кубатуру.*

Воздух, воду, пищу, кубатуру и *тепло.*

Нет, не «тепло», а *«энергию»*, тогда действительно будет перечислено все. То есть абсолютно все.

Приятель, да ты совсем спятил! Как это — «все»? Ты же оскорбляешь всю женскую половину человечества... А ну, отойдем в сторонку и повтори, что ты сказал!.. Дайте же мне закончить! Мы должны заявить им прямо в лицо, что больше не позволим земным кораблям садиться, если в них не будет женщин,— по крайней мере столько же, сколько мужчин. *По крайней мере*, ясно? Ничего не подпишу, если иммиграционная проблема не будет решена на месте!..

Ямочки на лице профа не исчезали ни на секунду.

Теперь-то я понял, зачем проф дрыхнул весь день, к тому же без грузил.

Я, например, дико устал; весь день провел в скафандре возле катапульты, врезая в скалы последний из перемещаемых сюда баллистических радаров. И вообще все устали; к полуночи толпа начала редеть, убежденная, что в эту ночь ничего не будет решено, и утомленная дурацкой болтовней. Говорить самому — это одно дело, но слушать чужой треп...

Время перевалило за полночь, когда кто-то спросил, почему Декларация датирована четвертым числом, если сегодня только второе? Проф вкрадчиво ответил, что сейчас уже третье и не похоже, что Декларация будет принята раньше четвертого... а четвертое июля — своего рода символ[1], и это нам не помешает.

После подобного заявления многие покинули зал, решив, что дебаты продлятся до четвертого июля. И тут я заметил, что

[1] 4 июля 1776 г. была принята Декларация независимости США.

зал синхронно с уходом одних людей заполняется другими. Вон там Финн Нильсен опустился в кресло, которое только что освободилось. А вот появился товарищ Клейтон из Гонконга, сжал рукой мое плечо, улыбнулся Вайо и нашел себе место. Моих юных замов Хейзел и Слима я заметил внизу в первых рядах и подумал, что придется подтвердить Ма алиби Хейзел: мол, задержал ее по партийным делам,— и вдруг с изумлением увидел рядом с ними Ма собственной персоной. И Сидрис. И Грега, который, как предполагалось, находится у новой катапульты.

Огляделся по сторонам, а там еще дюжина знакомых — ночной редактор газеты «Lunaya Pravda», генеральный менеджер «ЛуНоГоКо» и так далее. До меня наконец дошло, что проф распорядился подтасовать колоду. Конгресс не имел постоянного членства, и наши проверенные товарищи имели такое же право голоса, как и те, кто молол тут языками уже целый месяц. Теперь в креслах сидели свои люди... и дружно отклоняли все поправки.

Около трех пополуночи, когда я уже начал подумывать, что больше не выдержу, кто-то послал профу записку. Он прочел, ударил молотком и сказал:

— Адам Селен просит вашего внимания... Могу ли я считать ваше одобрение единогласным?

Экран за трибуной снова осветился, и Адам заявил, что он внимательно следил за дебатами и всячески приветствует разумную и конструктивную критику. Но, если можно, он выскажет одно соображение. Почему бы не признать, что любая выраженная словами мысль является несовершенной? Если Декларация в *основном* их устраивает, так почему бы не отложить на время ее совершенствование и не принять такой, какая она есть? «Достопочтенный председатель, таково мое предложение».

Приняли его на ура. Проф спросил:

— Есть возражения? — и подождал с поднятым молотком.

Тип, занявший место на трибуне еще до того, как Адам попросил слова, пробормотал:

— Тем не менее я утверждаю, что это обособленный причастный оборот... Но черт с ним, пусть остается...

Проф стукнул молотком:

— Принято!

Мы выстроились в очередь и поставили подписи на огромном свитке, «присланном из конторы Адама», как я заметил, уже с его подписью. Я расписался после Хейзел — девочка научилась писать, хотя в грамоте пока разбиралась слабо. Подпись была корявая, но буквы большие и гордые.

Товарищ Клейтон подписался партийной кличкой и настоящим именем, сначала буквами, а потом по-японски — три крошечных изящных рисунка один под другим. Два товарища поставили кресты, которые мы тут же засвидетельствовали. Все партийные лидеры были здесь этой ночью (вернее, утром), все расписались, а болтунов осталось не больше дюжины. Но и они тоже поставили свои подписи для истории. И таким образом поручились «своей жизнью, своим достоянием и своей священной честью».

Очередь медленно продвигалась вперед, галдела понемногу, и вдруг проф стукнул молотком, требуя внимания:

— Вызываю добровольцев для выполнения опасного задания. Эта Декларация будет передана по информационным каналам, но кому-то необходимо лично вручить ее Федерации Наций на Терре.

Сразу стало тихо. Проф глядел на меня. Я сглотнул слюну и произнес:

— Я записываюсь.

— Я тоже,— эхом отозвалась Вайо.

— И я! — сказала крошка Хейзел Мид.

Через минуту нас было уже больше дюжины — от Финна Нильсена до gospodina Причастный Оборот (он оказался хорошим парнем, если не считать его идефикс).

Проф записал имена и невнятно пробормотал, что свяжется с нами, когда выяснится насчет транспорта.

Я отвел его в сторонку и спросил:

— Слушайте, проф, вы наверняка притомились и кое-что позабыли. Вы же знаете, что корабль на седьмое отменен; землееды обсуждают вопрос об эмбарго. Следующий корабль, который они пошлют к Луне, будет боевой. Как вы собираетесь лететь? В качестве военнопленного?

— Нет, их корабли нам не понадобятся.

— Вот как? Думаете построить свой? Вы хоть представляете, сколько времени это займет? Если вообще что-нибудь удастся построить? В чем я лично сомневаюсь...

— Мануэль, Майк говорит, что это необходимо, и он все продумал.

Про Майковы «необходимо» я и сам знал. Он пересмотрел всю программу после того, как мы обнаружили, что хитроумные ребята из обсерватории Ричардсона все-таки умудрились известить Терру. Теперь он давал нам всего один шанс из пятидесяти трех... и заявил о настоятельной необходимости отправить профа на Терру. Но я никогда не тревожусь о вещах, которые неосуществимы: я весь день вкалывал, как мог, чтобы наш единственный шанс оказался выигрышным.

— Майк обеспечит нас кораблем,— продолжал проф.— Проект уже готов, теперь его доводят.

— Доводят? Вот как? С каких это пор Майк стал инженером?

— А разве он не инженер? — спросил проф.

Я хотел было ответить, но заткнулся. У Майка нет ученых степеней. Он просто знает о машиностроении больше любого из людей. Равно как и о пьесах Шекспира, о загадках, об истории и так далее.

— Проф, объясните толком.

— Мануэль, мы отправимся на Терру вместе с грузом зерна.

— Что?! И кто это «мы»?

— Ты и я. Все остальные добровольцы — просто декорация.

— Послушайте, проф. Тут я пас. Я работал изо всех сил, хотя сама идея казалась мне дурацкой. Таскал на себе грузила на случай, если придется отправиться в это мерзкое болото. Но я подписался лететь на корабле, пусть даже с киборгом-пилотом. Главное, чтобы приземлиться мог нормально. А изображать из себя метеорит — такого уговора не было.

— Прекрасно, Мануэль. Я всегда признавал свободу выбора. Тогда полетит твой дублер.

— Мой... *кто*?

— Товарищ Вайоминг. Насколько я знаю, она единственная, кроме нас, тренировалась для полета... если не считать землян, конечно.

Так что пришлось мне лететь. Но сначала я поговорил с Майком.

— Ман, мой первый друг, тебе не о чем беспокоиться. Вы полетите на барже КМ 187, серия 76 и прибудете в Бомбей без проблем. Я специально выбрал эту баржу, потому что ее снимут с околоземной орбиты и поведут на посадку, когда Индия будет у меня в поле зрения, и я смогу перехватить управление, если мне не понравится, как это делает их компьютер. Верь мне, Ман, все продумано до мельчайших деталей. Даже решение продолжать поставки зерна, несмотря на провал режима секретности, было частью этого плана.

— Мог бы поделиться со мной и раньше.

— Не хотел понапрасну тебя беспокоить. С профессором я общался постоянно, ему известны все детали. Но ты отправляешься только для того, чтобы заботиться о нем, поддерживать его и продолжить его дело, если он умрет. Тут я не в силах дать никакой гарантии.

Я вздохнул.

— О'кей. Но, Майк, ты, конечно, не думаешь, что можешь обеспечить нам мягкую посадку с такого расстояния? Сигналы-то идут со скоростью света, запаздывать будут.

— Ман, ты что думаешь, я в баллистике не разбираюсь? Когда вы будете на орбите, от запроса до ответа и до приема команды пройдет менее четырех секунд. Можешь мне поверить — я не потеряю и микросекунды. За четыре секунды вы успеете пролететь всего тридцать два километра, а по мере приближения к посадке и того меньше. Моя реакция будет гораздо более быстрой, чем у пилота за штурвалом, потому что мне не нужно тратить время на оценку ситуации и выбор верного решения. Максимум у меня четыре секунды, но реально они мне не понадобятся, поскольку я постоянно планирую и прогнозирую, заглядываю вперед и программирую всевозможные ситуации. В сущности, я буду опережать тебя на траектории на эти самые четыре секунды, так что реакция будет мгновенной.

— Но на этой консервной банке нет даже альтиметра!

— Уже есть. Ман, *пожалуйста*, верь мне. Я продумал все. Единственная причина, по которой я добавил кое-какое оборудование, это чтобы ты успокоился. Наземный контроль в Пуне принял пять тысяч барж без единого промаха. Их компьютер совсем не дурак.

— О'кей. Э-э-э... Майк, а с какой силой эти сволочные баржи плюхаются в воду? Сколько «g»?

— Не так уж много, Ман. Десять «g» при выходе на парковочную орбиту, потом не больше четырех... ну, правда, перед самой посадкой подскочит до пяти-шести. В воду войдете аккуратненько, как с пятидесятиметровой вышки, без сильного толчка и с ускорением около трех «g». Потом вынырнете, мягко сядете на поверхность и поплывете себе при нормальной земной силе тяжести. Ман, эти баржи делаются легкими. Мы не можем позволить себе швырять их с силой, а то у них швы разойдутся.

— Это радует. Майк, а что значит пять-шесть «g» для тебя? Тоже могут разойтись швы?

— Полагаю, я выдержал перегрузки порядка шести «g», когда меня переправляли сюда. Правда, в моем нынешнем состоянии шесть «g» разорвали бы довольно много важных цепей. Однако меня больше волнуют сверхсильные, хотя и кратковременные, перегрузки, которые мне предстоит испытать от ударных волн, когда Терра начнет нас бомбить. Данных для надежного прогноза недостаточно... но я могу потерять контроль над некоторыми периферийными функциями, Ман. А это может стать главным фактором в ряде тактических ситуаций.

— Майк, ты действительно считаешь, что нас будут бомбить?

— Вполне возможно, Ман. Вот почему это путешествие необходимо.

На том мы и порешили, после чего я отправился взглянуть на этот гроб. Лучше б я остался дома.

Вы хоть когда-нибудь видели одну из этих дурацких барж? Просто-напросто стальной цилиндр с тормозными и направляющими ракетами и радарным импульсным повторителем. Похож на космический корабль не больше, чем пара клещей —

на мою руку номер три. Эта штука была открыта, и ее как раз переоборудовали под «жилое помещение».

Никакого камбуза. И никакого сортира. Вообще ничего. А зачем? Полет-то продлится всего пятьдесят часов. Не лопай в дорогу — и тебе даже санитарный контейнер в скафандре не понадобится. Бар и кресла тоже ни к чему — все равно из скафандров вылезать не придется: накачают тебя снотворным, и все тебе будет до фени.

Во всяком случае, проф будет спать всю дорогу. Мне же придется бодрствовать при посадке, чтобы постараться выбраться из этой жестянки, если что-нибудь пойдет не так и никто не явится к нам с консервным ножом в руке. Сейчас там устанавливали нечто вроде люльки, подогнанной по форме под наши спины, облаченные в скафандры. Уложат нас в эти ямки, пристегнут — и вперед до самой Терры. По-видимому, конструкторов в основном занимала проблема, как сохранить общую массу баржи такой же, какой она была до выгрузки части пшеницы, чтобы не изменились центр тяжести и моменты вращения. Проблема комфорта их волновала гораздо меньше. Инженер, который там командовал, сказал мне, что даже вес дополнительной прокладки в скафандрах — и тот учтен при расчетах. Известие о прокладке меня порадовало: эти ямы выглядели не очень-то мягкими.

Домой я вернулся в глубокой задумчивости.

Вайо за ужином не было. Меня это удивило. Грег же сидел за столом, что удивило меня еще больше. И никто даже словечком не обмолвился о моем намерении разыграть на следующий день роль метеорита, хотя все были в курсе. Но только когда младшее поколение без единого намека встало из-за стола и вышло вон, до меня дошло, что продолжение следует. Я понял, почему Грег не уехал обратно в Океан Бурь после окончания сессии Конгресса: кто-то потребовал семейного толковища.

Ма оглядела нас и сказала:

— Мы все в сборе. Али, закрой дверь; вот так, умница. Дед, ты начнешь?

Наш старейший муж, дремавший над чашкой кофе, встрепенулся, окинул взглядом стол и громко произнес:

— Я вижу, мы все в сборе. Вижу, что дети уложены спать. Вижу, что меж нами нет ни гостей, ни посторонних. И я говорю вам: мы собрались тут в соответствии с обычаями, установленными Черным Джеком Дэвисом, Первым мужем нашей семьи, и Тилли, Первой женой. Если есть проблема, которая касается спокойствия и счастья нашего брака, давайте вынесем ее на свет *немедленно*. Не будем оттягивать. Таков наш обычай.— Дед обернулся к Ма и мягко сказал: — Продолжай, Мими.

После чего опять впал в тихую дрему. Но в эту минуту, пока говорил, он снова был тем могучим, красивым, крепким и энергичным человеком, которого я видел в день своего избрания... Меня вдруг прошибла слеза: как же мне повезло в тот день!

И тут же сомнение одолело — а повезло ли? Единственной причиной нашего семейного сборища могло быть мое завтрашнее отплытие на Терру с наклейкой «Зерно». Неужели Ма собирается настроить семью против моей поездки? Никто не заставлял нас подчиняться решениям толковища; но все и всегда выполняли их неукоснительно. В этом и заключалась сила нашего брака: когда возникала проблема, мы встречали ее единым строем.

Ма начала:

— Есть ли у кого-нибудь вопрос, который требует обсуждения? Говорите, милые.

— У меня есть,— сказал Грег.

— Послушаем Грега.

Грег отличный оратор. Он способен встать перед своей паствой и уверенно говорить о таких вещах, в которых я не чувствую себя уверенным даже наедине с собой. Но в этот вечер Грега никак нельзя было обвинить в самоуверенности.

— Ну... э-э... Мы всегда старались в нашем браке соблюдать равновесие между пожилыми и молодыми, регулярно пополнять его в нужном соотношении... чтобы сохранить наследие, переданное нам из рук в руки. Однако иногда мы отклонялись... по разумным причинам,— он взглянул на Людмилу,— а потом вносили поправки,— и посмотрел на Али и Фрэнка, сидевших рядом с Людмилой.— В течение многих лет, как видно из наших записей, средний возраст мужей в семье был около сорока, а

жен — около тридцати пяти. Такая разница в годах установилась, когда сто лет назад возник наш брак, ибо Тилли исполнилось пятнадцать, а Черному Джеку двадцать в тот год, когда она избрала его в мужья. Сейчас же средний возраст мужей у нас ровно сорок, а средний возраст...

Ма сказала твердо:

— Оставь в покое арифметику, милый. Говори дело.

Я старался вычислить, кого имел в виду Грег. Правда, последний год я редко бывал дома, а когда появлялся, то все уже, как правило, спали. Но Грег явно говорил о свадьбе, а перед свадьбой у нас положено долго и скрупулезно разбираться в будущем кандидате. А как же иначе, ну сами подумайте!

Нет, все-таки я просто дурак. Грег помялся и сказал:

— Я предлагаю Вайоминг Нотт.

Я же говорю — дурак. Я кое-что понимаю в технике, и техника понимает меня. А претензий на знание людей у меня нет. Когда я стану старшим мужем,— если, конечно, доживу,— я поступлю точно так же, как Дед: вручу бразды правления Сидрис, пусть командует семьей. И все же... Ну хорошо, Вайо вступила в церковь Грега. Мне нравится Грег, я *люблю* Грега. И восхищаюсь им. Но если теологическую основу его церкви пропустить через компьютер, не получишь ничего, кроме нуля. Вайо это знала наверняка, поскольку обратилась в Грегову веру уже взрослым человеком; честно говоря, я подозревал, что ее обращение — всего лишь очередная жертва ради нашего Дела.

Хотя... она ведь завербовала Грега еще до того. И именно она в основном моталась к новой катапульте, так как ей было легче уехать, чем профу или мне. Так чего удивляться? Если подумать, конечно.

— Грег,— сказала Мими,— у тебя есть основания думать, что Вайо примет наше предложение?

— Да.

— Отлично. Все мы знаем Вайоминг. Я уверена, что у всех сложилось о ней определенное мнение. Не вижу причин открывать дискуссию... разве что кто-то желает высказаться. Говорите...

Значит, для Ма это не сюрприз. Да и не может быть сюрпризом, как и для всех остальных, ибо Ма никогда не допустит толковища, пока не будет уверена в результате.

Однако любопытно, почему это Ма так уверена в моем мнении? Настолько уверена, что даже не сочла нужным прощупать почву? И вот теперь сижу я в глубокой луже, понимая, что *обязан* заговорить, понимая, что знаю нечто страшно важное, не известное никому другому, иначе дело не зашло бы так далеко. Важное не для меня, а для Ма и всех остальных наших женщин.

Жалкий трус — так я и просидел, ничего не сказав.

— Хорошо,— вновь заговорила Ма.— Голосуем по очереди. Людмила?

— Я? Я люблю Вайо, это все знают. За!

— Ленора, милая?

— Ну, я, пожалуй, попробую уговорить ее снова потемнеть; мы с ней прекрасно оттеняли друг друга. Ее единственный недостаток, что она блондинка еще более яркая, чем я. Da!

— Сидрис? — Я двумя руками «за». Вайо наш человек.

— Анна?

— Я должна сказать кое-что, прежде чем проголосую, Мими.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, милая.

— И тем не менее я хочу вытащить это дело на свет. Тилли всегда так поступала, такова традиция. В нашем браке каждая женщина несет свою ношу, принося в семью детей. Может быть, вы удивитесь, узнав, что у Вайо их было восемь...

Али это явно поразило до глубины души. Он резко вскинул голову, челюсть отвисла. Я уставился в тарелку. Ах, Вайо, Вайо! Как же я допустил до этого? Хочешь не хочешь, а *придется* заговорить!

И вдруг понял, что Анна все еще продолжает:

— ...так что теперь она сможет иметь собственных детей; операция прошла успешно. Но Вайо очень боится снова родить неполноценного ребенка, хотя, по словам главы клиники в Гонконге, это практически невозможно. Поэтому мы должны найти в себе достаточно любви, чтобы излечить ее от страха.

— Мы будем ее любить,— серьезно сказала Ма.— Мы уже любим ее. Анна, ты готова проголосовать?

— А что, в этом есть необходимость? Я ездила в Гонконг вместе с ней и держала ее за руку, пока ей восстанавливали трубы. Я за Вайо.

— В этой семье,— продолжала Ма,— всегда предполагалось, что наши мужья обладают правом вето. Возможно, это странно, но такой обычай ввела в обиход Тилли, и до сих пор он себя оправдывал. Ну, что скажешь, Дед?

— Э? Что ты хочешь, дорогая?

— Мы голосуем прием Вайоминг, gospodin Дед. Ты даешь свое согласие?

— Что? Ну конечно, конечно... Очень милая девочка. Скажи, а куда делась та маленькая хорошенькая африканочка, ее еще звали как-то похоже? Она на нас обиделась?

— Грег?

— Предложение было мое.

— Мануэль? Ты накладываешь вето?

— Я? Но ты же знаешь меня, Ма!

— Я-то знаю. Но иногда сомневаюсь, знаешь ли ты сам себя. Ганс?

— А что будет, если я скажу «нет»?

— Потеряешь несколько зубов, вот что,— тут же нашлась Ленора.— Ганс голосует «за».

— Шутки в сторону, родные,— сказала Ма с упреком.— Голосование — дело серьезное. Ганс, говори.

— Da. Да. Ja. Si. Oui. Самое времечко завести настоящую блондинку в нашей... Ох!

— Прекрати, Ленора! Фрэнк?

— Да, Ма.

— Али, милый? Единогласно?

Юноша вспыхнул до корней волос и ничего не сказал. Только закивал головой что было сил.

Вместо того чтобы назначить пару, которая должна была бы чинно заявиться к кандидатке и сделать ей официальное предложение, Ма послала Людмилу и Анну, велев им привести Вайо *немедленно*. Как выяснилось, она была неподалеку, в «Bon Ton'e». Церемония рушилась по всем статьям: вместо того чтобы назначить дату и обговорить подробности свадьбы, стали скликать детей, а двадцать минут спустя Грег раскрыл свою книгу, и мы приняли обеты. И я наконец понял своей тупой башкой, что все происходит с такой головоломной скоростью

исключительно из-за моего намерения устроить себе завтра головоломку в самом буквальном смысле.

Конечно, для меня это имело чисто символическое значение — как проявление любовного отношения семьи, что ли, ибо новобрачная всегда проводит первую ночь со старшим мужем, а вторую и третью ночи я намеревался болтаться в космосе. Но символическое или нет, а когда женщины начали плакать во время церемонии, я вдруг обнаружил, что слезы капают и из моих глаз.

Вайо расцеловала всех и ушла под ручку с Дедом; я отправился спать в мастерскую. Устал зверски, особенно за последние два дня. Вяло подумал об упражнениях и решил, что перед смертью не надышишься. Потом подумал, что надо позвонить Майку, спросить про новости с Терры. И лег спать.

Не знаю, долго ли я спал, когда вдруг обнаружил, что уже не сплю, а в комнате кто-то есть.

— Мануэль? — раздался тихий шепот в темноте.

— А? Вайо? Тебе не полагается быть здесь, дорогая.

— Нет, полагается, муженек. Ма в курсе, что я здесь, Грег тоже. А Дед сразу пошел спать.

— Э-э-э... Который час?

— Около четырех. Пожалуйста, дорогой, можно я лягу?

— Что? Да, конечно! — Что-то я должен был сделать, но что? Ах да! Майк!

— Да, Ман,— ответил он.

— Отключись. Не прослушивай. Если понадоблюсь, вызови меня по семейному телефону.

— Вайо уже меня предупредила, Ман. Поздравляю.

Затем ее голова оказалась на моем обрубке, и я обнял ее правой рукой.

— О чем ты плачешь, Вайо?

— Да не плачу я! Просто дико боюсь, что ты не вернешься!

Глава 16

Проснулся я в кромешной тьме, очумелый от страха. «Мануэль!» Ничего не понимаю — где низ, где верх.

— Мануэль! — снова забубнила тьма.— *Проснись...*

В мозгах у меня слегка прояснело: это же будильник! Ну да, я помню, как лежал распростертым на столе в госпитале Комплекса: свет слепит глаза, слышу чей-то голос, а в вены по каплям вливается снотворное. Но ведь это было сто лет назад, с тех пор прошла целая вечность, наполненная кошмарами, невыносимой тяжестью и болью.

До меня дошло, почему не разобрать, где низ, где верх; ощущение-то знакомое. Невесомость. Значит, я в космосе.

Что же и почему не сработало? Может, Майк потерял запятую перед дробью? Или уступил своей детской природе и сыграл с нами шутку, не понимая, что она нас прикончит? Но тогда почему после всех этих бесконечных мучений я все еще жив? А может, я умер? Может, для призрака это и есть нормальное состояние — *быть одиноким, потерянным, существующим нигде*?

— Проснись, Мануэль. Проснись, Мануэль...

— Ох, да заткнись ты! — огрызнулся я.— Закрой свою гнусную пасть!

Запись продолжала крутиться. Я плюнул на нее и решил врубить свет.

Ну где же этот вонючий выключатель?! Нет, чтобы оторваться с трехкратной перегрузкой от Луны, вовсе не нужно мучиться сто лет, это мне просто кажется. Восемьдесят две секунды... Но порой человеческая нервная система ощущает каждую микросекунду. Три «g» — это в восемнадцать растреклятых раз больше, чем обычно весит лунарь.

И тут я обнаружил, что эти безмозглые идиоты, у которых в головах чистый вакуум, не надели мне руку. По какой-то дурацкой причине они сняли ее, когда раздевали меня и совали в скафандр, а я от лошадиной дозы пилюль типа «не-волнуйся-милый» и «баюшки-баю» совсем обалдел и не протестовал. Надеть руку обратно, конечно, забыли. А этот drecklich выключатель конечно же где-то слева, там, где у меня пустой рукав скафандра.

Следующие десять лет я провел в попытках отстегнуться одной рукой, затем двадцать лет отбывал срок, плавая в непроглядной тьме, пока наконец не натолкнулся на свою люльку. Выяснил,

где у нее головная часть, и стал на ощупь искать выключатель. Отсек был не больше двух метров в любом направлении, но при невесомости и в полной тьме казался куда больше Старого Купола. Наконец нашел. И стал свет.

(Не спрашивайте, почему в этом гробу не сделали хотя бы трех осветительных систем, работающих непрерывно. Вероятнее всего, по привычке. Раз есть лампы — значит, должен быть и выключатель, разве нет? Все наше жилище сварганили за пару дней; спасибо и на том, что выключатель вообще сработал.)

Когда я зажег свет, объем сразу уменьшился до размеров, вызывающих клаустрофобию, а то и процентов на десять поменьше. И я смог взглянуть на профа.

На вид явно мертв. Что ж, у него есть уважительные причины. Позавидовал ему, но решил, как положено, проверить пульс, дыхание и так далее на случай, если ему не повезло и у него сохранились эти никчемные функции. Легко сказать — проверить. И дело тут не только в моей однорукости. Зерно перед погрузкой было высушено и подвергнуто вакуумной обработке, но предполагалось, что наш отсек будет загерметизирован. Никакой роскоши — просто резервуар, наполненный воздухом. Скафандры, конечно, обеспечат наши дыхательные потребности в течение двух суток, но даже в самом лучшем скафандре передвигаться удобнее, когда снаружи его окружает атмосфера, а не вакуум. Кроме того, мне надо было обследовать своего пациента.

А я не мог. Мне даже не требовалось снять шлем, чтобы понять — эта консервная банка не сумела остаться герметичной; стоило только взглянуть на скафандр, и все стало ясно. Конечно, лекарства для профа, сердечные стимуляторы и прочее были у меня в «полевых» ампулах; я мог проткнуть ими любой скафандр. Но как проверить пульс и дыхание? Скафандр-то у него — типичная дешевка, такую дрянь покупают только лунари, редко покидающие свои поселения. Никаких наружных контрольных приборов.

Рот у профа был раскрыт, глаза закатились. Мертвяк, решил я. Ничего уже не ждет экс-профессора за порогом этой

старой баржи. Он сам себя ликвидировал. Я попытался пощупать пульс на шее: не выходит, мешает шлем.

Нас обеспечили программируемыми часами — неслыханная щедрость! Судя по их показаниям, я был в отключке сорок четыре часа с лишком, все по плану, а значит, через три часа мы получим жуткий пинок и выйдем на парковочную орбиту вокруг Терры. Затем, после двух оборотов, то есть еще через три часа, нас включат в программу приземления — если наземный контроль в Пуне не передумает и не оставит нас на орбите. Но это вряд ли: зерно не задерживают в вакууме дольше, чем необходимо. Оно начинает вздуваться и превращается в «поп-корн», что не только снижает его качество, но и нашу баржу может расколоть, как перезрелый арбуз. Приятная перспектива, не правда ли? И какого черта они упаковали нас вместе с зерном? Почему не загрузили баржу камнями, которым плевать на вакуум?

У меня было достаточно времени, чтобы поразмышлять об этом и почувствовать жажду. Глотнул из соски капельку, не больше, так как вовсе не собирался встретить шесть «g» с полным мочевым пузырем. (Беспокойство было излишним: меня снабдили катетером. Но сказать забыли.)

Когда время стало подпирать, я решил, что профу не повредит, если я вколю ему лекарство, которое должно помочь ему выдержать сильное ускорение. Потом, на парковочной орбите, дам еще и сердечный стимулятор. Похоже, ему теперь вообще ничего не может повредить.

Сделал профу укол, а все оставшиеся в моем распоряжении минуты потратил на то, чтобы снова залезть в «упряжь». Нелегкая работа для однорукого. Жаль, не знал я имени моего заботливого дружка — покрыл бы его покрепче.

Десять «g» при выходе на парковочную орбиту вокруг Терры давят всего $3{,}26 \cdot 10^7$ микросекунд; просто кажется, что дольше, поскольку десять «g» в шестьдесят раз больше того, к чему привык этот жалкий мешок протоплазмы. Фактически тридцать три секунды. Боюсь, моей прародительнице в Салеме пришлось покруче в те полминуты, когда ее вздернули и заставили плясать в воздухе.

Я дал профу сердечный стимулятор, а затем три часа пытался решить вопрос, стоит ли мне самому колоться перед приземлением. И решил, что не стоит. Все, что дали мне уколы при катапультировании, это столетие кошмарных сновидений вместо полутора минут мучений и двух дней скуки, а кроме того, если эти последние минуты окажутся действительно последними, я хочу их *прожить*. Даже если они будут ужасны, они все равно мои, и я не собираюсь их никому отдавать.

Они и в самом деле оказались ужасными. Шесть «g» тоже были не лучше, чем десять. Даже хуже. Да и четыре, честно говоря, не фонтан. Потом нам наподдали еще разок. Потом, совершенно внезапно, несколько секунд свободного падения. После чего последовал удар о воду, который вовсе не был «аккуратненьким» и который мы приняли на ремнях, а не на прокладках, так как нырнули «головой» вниз. А после глубокого нырка (думаю, Майк этого не предусмотрел) мы вылетели из воды и снова тяжело плюхнулись, прежде чем поплыть по волнам. Землееды зовут это плаванием, но оно сильно отличается от плавания в свободном падении: на вас давит сила тяжести в одно «g», то есть в шесть раз больше, чем в Луне, да к тому же еще болтает из стороны в сторону. И здорово болтает... Майк уверял, что на Солнце все спокойно и нам не угрожает радиация внутри нашей «железной девы». А вот погода в Индийском океане его, видимо, не очень интересовала; прогноз для приземления барж был вполне приемлемым, и он решил, что все в порядке. Я бы на его месте решил точно так же.

Мне казалось, что в желудке у меня пусто. Но шлем вдруг наполнился такой отвратительной кислой жидкостью, что я и врагу не пожелал бы оказаться на моем месте. Затем нас перевернуло, и эта дрянь хлынула мне в глаза, в волосы и даже в ноздри. Землееды зовут такие штуки «морской болезнью». Всего лишь одна из множества мерзостей, которые у них в порядке вещей.

Не буду углубляться в подробности и описывать, как долго и нудно нас тащили на буксире в порт. Достаточно сказать, что вдобавок к морской болезни у меня почти кончился запас кислорода в баллонах. Каждый из них рассчитан на двенадцать

часов — вполне достаточно для пятидесятичасового полета, большую часть которого я провел обездвиженным, но на дополнительные несколько часов буксировки маленько не хватило. Когда баржа наконец остановилась, я прибалдел настолько, что меня уже ничего не волновало, в том числе и проблема выхода из жестянки.

Хотя нет, кое-что волновало... Нас подобрали, покрутили и оставили висеть вниз головой. Позиция малоприятная, особенно при земной силе тяжести, и просто невозможная, если предполагается, что ты должен: а) отстегнуть ремни; б) выбраться из углубления, сделанного по форме скафандра; в) достать кувалду, прикрепленную к переборке с помощью барашковой гайки; г) сбить скобы, закрывающие аварийный люк; д) пробиться через него наружу; е) и в заключение вытащить на себе старика, одетого в тяжелый скафандр.

Я не выполнил даже пункта «а» — отключился, повиснув вниз головой.

К счастью, пункты эти были предусмотрены на крайний случай. Стью Лажуа знал о нашем прибытии, а незадолго до посадки известил об этом земные средства массовой информации. Я очнулся, увидел склонившихся надо мной людей и тут же вырубился. Вторично пришел в себя уже в госпитале, лежа на спине и ощущая тяжесть в груди. Чувствовал себя слабым — не больным, а просто усталым, избитым, голодным и умирающим от жажды. Кровать покрывал прозрачный пластиковый купол, благодаря которому дышалось легко и свободно.

Ко мне с обеих сторон бросились люди: с одной — тонюсенькая медсестра-индуска с огромными глазищами, с другой — Стью Лажуа.

— Привет, дружище! Как самочувствие?

— Э-э-э... нормально. Но пропади оно все пропадом! Разве так путешествуют?!

— А проф говорит, это был единственный способ. Ну и крепкий же старикан!

— Постой-ка! *Проф* говорит? Но проф же умер!

— Ничего подобного. Конечно, вид у него неважный. Мы поместили его на пневматическую постель, наблюдаем круг-

лосуточно, да и проволок от разных приборов в него воткнули столько — не поверишь! Но он жив и в скором времени будет готов приступить к работе. Он на полном серьезе ничего не имеет против вашего путешествия; он его даже не ощутил. Заснул в одном госпитале, проснулся в другом. Я-то, грешным делом, раньше понять не мог — почему проф не разрешает мне послать за вами корабль? Предлагал же ему, как-нибудь исхитрился бы зафрахтовать. Но он оказался кругом прав — реклама просто *обалденная!*

— Ты говоришь,— медленно произнес я,— проф *не разрешил* тебе послать корабль?

— Вернее, не разрешил председатель Селен. Разве ты не видел наших радиопрограмм?

— Нет.— После драки кулаками не машут. — В последние дни я был дико занят.

— Верю. Мы здесь тоже... даже не помню, когда удалось покемарить в последний раз!

— Ты говоришь совсем как лунарь.

— А *я и есть лунарь, Манни, и не вздумай в этом сомневаться.* Но сестричка в меня уже мечет молнии.— Стью схватил ее и развернул лицом к дверям. Я решил, что ему еще далеко до лунаря. Впрочем, сестричка никак не выразила своего возмущения.— Пойди-ка, милая, поиграй во что-нибудь, а я отдам тебе твоего пациента обратно через несколько минут, еще тепленьким.— Он закрыл дверь и вернулся к моей постели.— Адам был прав на все сто. Этот путь не только дал нам потрясающую рекламу, он был наиболее безопасным.

— Реклама — да. Но безопасным? Не надо об этом.

— Безопасным, уверяю тебя, старина. Вас не сбили. Хотя в течение двух часов они точно знали, где вы находитесь,— такая большая жирная мишень. Но они никак не могли решить, что делать; не успели выработать политику. Они даже не осмелились нарушить расписание приема барж: все средства информации трубили о вас, статьи у меня были подготовлены заранее. Сейчас они уже не рискнут вас тронуть даже пальцем — вы же герои, причем жутко популярные. А если бы *я* терял время на поиски и фрахт корабля... ну, в общем, не знаю. Скорее

всего вам приказали бы остаться на околоземной орбите; потом взяли бы вас, а возможно, и меня, под арест. Ни один шкипер не рискнет подставить себя под ракеты, сколько бы ему ни заплатили. Чтобы определить, хорош ли пудинг, его надо съесть, дружок. А теперь давай-ка я проинформирую тебя вкратце, как разворачиваются события. Вы оба — граждане Народного Директората Чад: это самое лучшее, что я смог сделать за такое короткое время. Кроме того, Чад признал Луну. Пришлось купить одного премьер-министра, двух генералов, нескольких племенных вождей и министра финансов — недорого, учитывая такую спешку. Пока что мне не удалось добиться для вас дипломатического иммунитета, но очень рассчитываю сделать это до вашего выхода из больницы. Как видишь, вы даже не арестованы: они не знают, что вменить вам в вину. Правда, снаружи поставили охрану, так сказать, для «безопасности». Но это даже к лучшему, иначе на тебя навалились бы репортеры и всю физиономию микрофонами бы истыркали.

— А в чем нас обвиняют? Я имею в виду, что им известно? Незаконный въезд?

— Никакого незаконного въезда, Манни. Ты вообще не был судим, у тебя наследственное панафриканское гражданство по линии одного из предков, так что никаких проблем. Что касается профессора де ла Паса, то мы раскопали доказательство, что сорок лет назад он натурализовался как гражданин Чада, подождали, пока на документе высохнут чернила, и вручили властям. Они даже не могут обвинить вас в нелегальном въезде в Индию. Они не только сами посадили вас на Землю, но офицер контроля был столь любезен, что за небольшую взятку проштемпелевал ваши девственно чистые паспорта. И вдобавок ко всему, ссылка профа в Луну не имеет юридической силы, так как правительство, сославшее его, давно ушло в отставку. Это признал вполне компетентный суд, и это обошлось мне дороже всего.

Вернулась сестра, шипевшая, как кошка, у которой отнимают котят.

— Лорд Стьюарт... вы *должны* дать отдых моему пациенту!

— Сию минуту, ma chère![1]

— Так ты, значит, лорд Стьюарт?

— Правильнее будет «граф». Кроме того, у меня есть еще сомнительные права на имя Макгрегоров. А в общем, «голубая кровь» иногда помогает... Народы не стали счастливее после того, как лишили себя королевской власти.

Уходя, он похлопал сестру по попке. Вместо того чтобы разораться, она завертела ею вовсю и, лучась улыбкой, подошла ко мне. Стью следует отвыкнуть от таких шуточек, когда он вернется в Луну. Если вернется.

Она спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что все в порядке, только есть хочется.

— Сестра, вы не видели каких-нибудь протезов в нашем багаже?

Оказывается, видела, и я почувствовал себя куда лучше со своей номер шесть. В дорогу я взял номер шесть, номер два и «представительскую» — для путешествия вполне достаточно. Номер два, видимо, осталась в Комплексе; я надеялся, что о ней там позаботятся. Номер шесть годилась для всех случаев жизни, а если учесть, что и «представительская» при мне, то все должно быть в порядке.

Через два дня мы уехали в Агру, чтобы вручить свои верительные грамоты Федерации Наций. Мне нездоровилось, и не только из-за земного тяготения; я вполне освоился с инвалидной коляской и мог даже пройти несколько шагов, правда, не на публике. У меня болело горло, воспаления легких удалось избежать только благодаря лекарствам, а еще меня мучил понос и кожная сыпь на руках, распространившаяся до ног, то есть полный комплект хвороб, которые донимали меня во время прежних посещений этой заразной дыры Терры. Мы, лунари, даже не подозреваем, как нам повезло, что у нас жесткий карантин, почти нет микробов, и мы в любой момент можем

[1] Моя дорогая (*фр.*).

продезинфицировать что угодно с помощью вакуума. А может, наоборот, не повезло, поскольку у нас нет иммунитета, а иногда он очень кстати. И все равно, я бы с землянами не поменялся; я и слова-то такого «венерический» не слыхал, пока впервые не попал на Землю, и думал, что «ветрянка» — это когда начинается декомпрессия и по туннелю бежит сквознячок.

Была и еще одна причина для мрачного настроения. Стью доставил нам письмо Адама Селена; тайным кодом, неизвестным даже Стью, Майк извещал, что наши шансы упали ниже одного из ста. Интересно, в чем тогда смысл этой безумной поездки, если она только ухудшила положение? Да и сам Майк — считает он эти шансы взаправду или придуривается? Хоть убей, не могу понять, как их можно вычислить, даже имея уйму исходных данных.

Но проф совсем не казался встревоженным. Разговаривал с толпами репортеров, улыбался с бесчисленных фото, делал заявления, заверял мир, что испытывает большое доверие к Федерации Наций и убежден, что наши справедливые требования будут признаны, выражал благодарность обществу «Друзей Свободной Луны» за бесценную помощь в распространении правдивой информации среди землян о нашем маленьком, но гордом народе. А все «ДСЛ» и состояло-то из Стью, его подручных — профессиональных обработчиков общественного мнения, нескольких тысяч любителей подписывать любые петиции и толстой пачки гонконгских долларов.

Меня тоже фотографировали, я тоже пытался улыбаться, но на вопросы не отвечал, показывая на горло и страшно каркая.

В Агре нас поместили в шикарном номере отеля, который когда-то был дворцом магараджи (и до сих пор принадлежал ему, хотя Индия считалась социалистическим государством); интервью и съемки шли своим чередом, и я почти не вылезал из коляски, даже в туалет сходить боялся, так как проф строго запретил мне фотографироваться в вертикальной позиции. Сам он постоянно лежал в постели или на каталке — постельные ванны, постельные судна, все постельное... и не только потому, что так безопаснее, учитывая возраст, и легче, как для всякого

лунаря, но главным образом для фотографов. Его ямочки и вся его удивительно мягкая, обаятельная и подкупающая личность не сходила с сотен миллионов видеоэкранов и со страниц бесчисленных газет.

Но в Агре нам не помогло даже его обаяние. Профа доставили в канцелярию президента Великой Ассамблеи (меня тоже туда прикатили), где он попытался вручить свои верительные грамоты посла при Федерации Наций и будущего сенатора от Луны. Его тут же переадресовали в контору генерального секретаря, и там нам целых десять минут уделил помощник секретаря. Помощник поцыкал зубом и наконец сказал, что может принять наши грамоты, «сохраняя за собой право и без каких бы то ни было обязательств». Документы переслали в мандатную комиссию, которая и положила их себе под задницу.

Я нервничал, проф читал Китса, зерновые баржи продолжали прибывать в Бомбей.

Сказать по правде, насчет барж я не был против. В день полета из Бомбея в Агру мы встали до рассвета и уехали в аэропорт, когда город еще только просыпался. У каждого лунаря есть своя нора — у кого хорошо обустроенная и обжитая, вроде Дэвисовых туннелей, у кого еще не просохшая после бурения. Кубатура для нас не проблема и еще долго не будет проблемой.

Бомбей же кишел людьми, как улей пчелами. Больше миллиона людей (так нам сказали) там буквально живет на кусочке мостовой. Семейство может заявить права (и передавать их по наследству из поколения в поколение) на четко ограниченное место для спанья длиной в два и шириной в один метр возле какой-нибудь лавчонки. Там спит вся семья — мать, отец, ребятишки, иногда даже бабушка. Никогда бы не поверил, если б не увидел собственными глазами. На утренней заре проезжая часть улиц Бомбея, и тротуары, и даже мосты покрыты сплошным ковром человеческих тел. Что они делают днем? Где работают? Что едят? (По их виду не скажешь, что они вообще что-то едят. Все ребра можно пересчитать.)

Если бы не простые арифметические расчеты, подтверждавшие, что нельзя бесконечно отправлять вниз продовольствие,

не получая ничего взамен, я швырнул бы карты на стол. Но... дарзанебы! Дармовой закуски не бывает. Ни в Бомбее, ни в Луне.

Наконец нас пригласили в «комитет по расследованию». Проф, конечно, не о таком мечтал. Он требовал открытого сенаторского слушания перед видеокамерами. Единственное, что напоминало о камерах в этом комитете, так это «камерный» характер заседаний. Они были закрытыми. Ну, не совсем: мой магнитофончик всегда при мне. Но видео не было. А проф за две минуты установил, что комитет состоит сплошь из заправил Лунной Администрации или их подлипал.

Тем не менее это был шанс для начала переговоров, и проф обращался с членами комитета так, будто они хотели и имели право признать независимость Луны. А они нас третировали как нечто среднее между испорченными детьми и преступниками, ждущими приговора.

Профу разрешили произнести вступительное слово. Если убрать словесные украшения, оно сводилось к тому, что Луна de facto является суверенным государством с общепризнанным правительством, находится в состоянии гражданского мира и порядка, во главе страны стоят временный президент и кабинет, выполняющие все необходимые функции, но жаждущие вернуться к частной жизни, как только Конгресс закончит разработку конституции, и что мы прибыли сюда с просьбой признать эти факты de jure и позволить Луне занять принадлежащее ей по праву место в совещательных органах человечества в качестве члена Федерации Наций.

То, что говорил им проф, несколько отклонялось от истины, но слушатели не имели возможности обнаружить эти отклонения. Откуда им было знать, например, что наш «временный президент» — это компьютер, а весь «кабинет» — это Вайо, Финн, товарищ Клейтон, Теренс Шихан (издатель газеты «Pravda») и Вольфганг Корсаков (председатель правления «ЛуНоГоКо» и директор Банка Гонконга-в-Луне). Среди них только Вайо знала, что Адам Селен не более чем декорация, прикрывающая компьютер. И ужасно нервничала, так как осталась защищать крепость в одиночестве.

Вообще «странность» Адама, не желавшего показываться на людях во плоти, доставляла нам кучу хлопот. Мы постарались превратить это нежелание в «необходимость по соображениям безопасности»: открыли для него контору в помещении бывшего офиса Администрации в Луна-Сити, а затем взорвали там небольшую бомбочку. После чего товарищи, сильнее прочих волновавшиеся по поводу нежелания Адама потолкаться в толпе, стали громче всех вопить, что ему ни в коем случае не следует рисковать. Этот лозунг подхватили и газетные передовицы.

Пока проф говорил, я пытался представить себе, как запрыгали бы эти надутые лопухи, если б узнали, что наш президент — всего лишь набор «железок», кстати принадлежащих Администрации.

Но они только взирали на нас с ледяным неодобрением, ничуть не тронутые риторикой профа, хотя, возможно, это было лучшее выступление в его жизни, учитывая, что он говорил в микрофон лежа на спине, без всяких шпаргалок и практически не видя аудитории.

А затем они набросились на нас. Джентльмен, представлявший Аргентину,— они не называли своих имен, мы для них рылом не вышли,— прицепился к выражению «бывший Смотритель». Эта должность упразднена полстолетия назад! Он настаивает, чтоб ее вычеркнули из протокола и заменили бы официальным титулом: «Протектор лунных колоний, назначенный Лунной Администрацией». Все прочие формулировки унижают достоинство Лунной Администрации!

Проф попросил слова. «Достопочтенный председатель» снизошел. Проф мягко заметил, что принимает предложенную поправку, поскольку Администрация вольна называть своих служащих как ей заблагорассудится, и что он не имел намерения унижать достоинство какого-либо учреждения Федерации Наций... Но если иметь в виду функции данного органа — бывшие функции бывшего органа,— то граждане Свободного Государства Луна, вероятно, будут думать о нем в привычной терминологии.

Шестеро членов комитета закудахтали одновременно. Кто-то возражал против слова «Луна» и особенно против «Свободного

Государства Луна»: нет никакой «Луны», есть Селена, спутник Земли и собственность Федерации Наций, такая же как Антарктида, и вообще вся эта процедура — просто фарс.

С последним утверждением я был вполне согласен. Председатель попросил уважаемого представителя Северной Америки держаться в рамках и все свои замечания направлять через него, то бишь председателя. Правильно ли понял председатель из последней реплики свидетеля, что этот якобы существующий de facto режим намерен изменить действующую систему депортации преступников?

Проф принял подачу и отбил мяч:

— Достопочтенный председатель, я сам был депортирован, но сейчас Луна — моя возлюбленная Родина. Мой коллега, достопочтенный заместитель министра иностранных дел полковник О'Келли Дэвис (это я!), уроженец Луны, гордится своим происхождением от депортированных предков. Луна обрела силу мужеством тех, кого вы выбросили, как мусор. Присылайте к нам своих бедняков, своих неудачников; мы примем их. У Луны места хватит для всех — почти сорок миллионов квадратных километров пустует, площадь больше Африки. А если учесть, что благодаря нашему образу жизни мы занимаем не площадь, а объем, то в обозримом будущем Луна не отвергнет ни один корабль с грузом исстрадавшихся бездомных.

— Свидетелю рекомендуется воздержаться от произнесения речей,— заявил председатель.— Мы поняли смысл вашего выступления так, что группа, которую вы представляете, соглашается принимать заключенных по-прежнему?

— Нет, сэр.

— Что? Объяснитесь!

— Сразу же, как только иммигрант ступит на почву Луны, он станет свободным, каковы бы ни были его былые проступки, свободным идти туда, куда пожелает.

— Вот как? И что же в таком случае может помешать ему перейти посадочную площадку, влезть на другой корабль и вернуться сюда? Признаюсь, я был удивлен вашим заявлением о готовности принимать их... но мы в них не нуждаемся. Это наш

гуманный способ освобождаться от неисправимых, которых иначе пришлось бы казнить.

(Я мог бы порассказать им кое-что и заставить его заткнуться. Он явно никогда не бывал в Луне. Что касается «неисправимых», если такие бывают, Луна ликвидирует их быстрее, чем это делается на Терре. Когда я был мальчишкой, к нам прислали главаря гангстеров, по-моему, из Лос-Анджелеса. Он прибыл со взводом телохранителей и нагло заявил, что теперь будет править в Луне, как, по слухам, правил в какой-то тюрьме на Земле.

Никто из них не прожил и двух недель. Гангстерский босс не добрался даже до бараков. Он не пожелал выслушать, как следует обращаться со скафандром.)

— Ничто не может удержать его от возвращения домой, насколько это зависит от нас, сэр,— ответил проф.— Хотя воспоминание о вашей полиции здесь, на Терре, может заставить его задуматься. Но я еще никогда не слышал о ссыльном, у которого сразу нашлись бы деньги на обратный билет. И вообще, разве это проблема? Корабли — ваши; у Луны кораблей нет. Кстати, позвольте заметить: корабль, который должен был к нам прилететь в этом месяце, так и не прибыл. Я не жалуюсь, но это обстоятельство заставило меня и моего коллегу,— проф сделал паузу и улыбнулся,— прибегнуть к весьма неудобному способу передвижения. Я просто надеюсь, что это не политика. Луна с вами не ссорилась; мы ждем ваши корабли; мы хотим с вами торговать; мы хотим жить в мире. Прошу заметить, что все плановые поставки зерна пришли к вам точно по расписанию.

(У профа дар менять тему разговора.)

После чего они стали копаться в мелочах. Любознательный представитель Северной Америки захотел узнать, что случилось со «Смо...» Он спохватился. «С Протектором сенатором Хобартом».

Проф ответил, что тот перенес удар («coup» это и в самом деле «удар») и больше не в состоянии исполнять свои обязанности; сейчас он поправляется и получает всю необходимую медицинскую помощь. Мы давно подозревали, задумчиво добавил проф, что со здоровьем у этого пожилого джентльмена

не все в порядке, иначе трудно объяснить его странные поступки в течение последнего года... особенно многочисленные нарушения прав свободных граждан, включая тех, кто никогда не имел судимостей.

Проглотить эту историю было не так уж трудно. Передавая сообщение о нашем перевороте, ученые, астрономы доложили, что Смотритель мертв... хотя Майк поддерживал в нем жизнь и даже порой перевоплощался в него. Например, когда Администрация потребовала у Смотрителя отчета по поводу диких слухов о бунте, Майк проконсультировался с профом и изобразил убедительную картину старческого маразма, умудрившись одновременно все опровергнуть, все подтвердить и перемешать все в кучу. Вскоре мы сами дали информацию прессе, и Смотритель стал недоступен даже в виде своего компьютерного alter ego[1]. А через три дня мы провозгласили свою независимость.

Североамериканец захотел узнать, с какой стати он должен верить, что хоть одно слово в этой истории — правда. Проф улыбнулся прямо-таки ангельской улыбкой и далее попытался поднять исхудавшие руки, но они тут же бессильно упали на покрывало.

— Уважаемый представитель Северной Америки! Настоятельно советую вам посетить Луну, навестить больного сенатора Хобарта и увидеть все своими глазами. Мы приглашаем к себе в гости всех граждан Терры, в любое время, в любое место — смотрите на здоровье, нам скрывать нечего. Мы хотим быть друзьями, мы миролюбивые люди. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что моя страна не может предоставить вам транспортные средства, в отношении коих мы полностью зависим от вас.

Представитель Китая внимательно смотрел на профа. Не говорил ни слова, но ушки держал на макушке.

Председатель прервал слушание до пятнадцати ноль-ноль. Нам отвели комнату для отдыха и прислали завтрак. Мне хотелось поговорить, но проф помотал головой, оглядел комнату и похлопал себя по уху. Ну я и заткнулся. Потом проф задремал, я

[1] Другое «я» (*лат.*).

опустил спинку коляски и последовал его примеру; на Терре мы старались спать как можно больше. Это помогало. Но не очень.

За нами не присылали до шестнадцати ноль-ноль, хотя комитет уже заседал. Председатель нарушил свое собственное правило насчет речей и разразился тирадой, исполненной «скорее-сожалений-чем-гнева».

Для начала он напомнил, что Лунная Администрация является внеполитической попечительской организацией, на которую возложена ответственная миссия по обеспечению гарантий того, что спутник Земли Селена, или, как его называют некоторые, Луна, никогда не будет использоваться в военных целях. Он поведал нам, что Администрация выполняет свою священную обязанность уже более столетия, в то время как правительства возникали и уходили в небытие, союзы создавались и распадались; по сути, Администрация даже старше Федерации Наций, ибо ее хартия была подписана гораздо более древней международной организацией, и Администрация так блестяще справлялась со своими обязанностями, что пережила множество войн и кризисов.

(Тоже мне, новости! Но вы чувствуете, куда клонит?)

— Лунная Администрация не может передать кому-либо свои функции,— торжественно заявил он.— Однако если колонисты на Луне докажут свою политическую зрелость, им может быть дарована некоторая степень автономии. Этот вопрос мы предложим поставить на рассмотрение. Многое зависит и от вашего поведения. Я хочу сказать — поведения всех колонистов. В последнее время имели место бунты и нанесение ущерба собственности; этого впредь быть не должно.

Я все ждал, когда нам припомнят девяносто убитых драгун; он не сказал о них ни слова. Из меня не получится государственный деятель. «Высшие соображения» мне не по плечу.

— Ущерб, нанесенный собственности, должен быть возмещен,— продолжал председатель.— Обязательства должны выполняться неукоснительно. Если орган, который вы называете Конгрессом, сможет нам это гарантировать, комитету представляется вполне вероятным, что так называемый Конгресс

со временем станет агентством Администрации, ведающим внутренними делами. В самом деле, можно согласиться с тем, что стабильное местное правительство в будущем сможет взять на себя многие функции, которые ныне исполняет Протектор, а возможно, даже пришлет делегата с совещательным голосом в Великую Ассамблею. Но подобную честь надо заслужить.

Одно должно быть совершенно ясно. Главный спутник Земли — Селена — по законам природы является вечной и общей собственностью народов Земли. Она *не принадлежит* той горсточке людей, которые в силу исторической случайности оказались ее обитателями. Священная обязанность, возложенная на Лунную Администрацию, есть и пребудет навеки высшим законом для Земной Селены.

(«...исторической случайности», каково? Я ожидал, что проф вобьет ему эти слова обратно в глотку. Я думал, он скажет... Нет, я никогда не знаю заранее, что он скажет. И вот что он сказал...)

Проф долго держал паузу, а затем спросил:

— Достопочтенный председатель, *кто будет отправлен в ссылку на сей раз?*

— Что вы сказали?

— Вы уже решили, кто из вас отправится в ссылку? Заместитель Смотрителя за эту работу не возьмется.— Это была чистая правда, он предпочитал остаться в живых.— Он выполняет свои обязанности временно только потому, что мы его упросили. Если вы упорствуете в своем убеждении, что мы не можем быть независимыми, вам придется продумать вопрос о посылке нового Смотрителя.

— Протектора!

— Смотрителя. Давайте не будем играть в слова. Хотя, если бы мы знали, кого вы назначите, мы с радостью именовали бы его «послом». Возможно, мы смогли бы найти с ним общий язык, и тогда вам не пришлось бы посылать вооруженных бандитов... чтобы насиловать и убивать наших женщин!

— К порядку! К порядку! Пусть свидетель ведет себя как положено!

— Это не я нарушаю порядок, достопочтенный председатель! Изнасилование было и гнусное убийство тоже! Но все это уже принадлежит истории, а нам надо смотреть в будущее. Кого вы намерены сослать? — Проф попытался опереться на локоть, и я тут же насторожился: это был сигнал.— Надеюсь, вам известно, сэр, что дорога в Луну не рассчитана на обратный путь. Я родился здесь. И вы видите, каких усилий мне стоит даже временное возвращение на планету, которая отправила меня в изгнание. Мы изгои Земли, которые...

И вырубился. Я выскочил из своей коляски, рванулся к нему... и рухнул на пол.

Не все в этой сцене было игрой, хотя мои действия были ответом на полученный сигнал. Резкие движения на Терре опасны для сердца. Гравитационное поле Земли схватило меня и размазало по полу.

Глава 17

Никто из нас серьезно не пострадал, зато средства массовой информации взахлеб распространялись о сенсации, так как я передал магнитофонную запись Стью, а он переправил ее своим подручным. Не скажу, что все заголовки были враждебны: Стью предварительно подрезал пленку, подредактировал и придал материалу нужную направленность.

«АДМИНИСТРАЦИЯ ВЫБИВАЕТ ИГРОКА У ПРОТИВНИКА? ПОСОЛ ЛУНЫ ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА С ПРИСТРАСТИЕМ. "ИЗГОИ!" — КРИЧИТ ОН. ПРОФЕССОР ДЕ ЛА ПАС ПРИГВОЖДАЕТ АДМИНИСТРАЦИЮ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ. ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦЕ ВОСЬМОЙ».

Но не все были так доброжелательны; в Индии наиболее спокойной выглядела передовица в «Ново-Индийском таймсе», где задавался вопрос: неужели Администрация готова пожертвовать хлебом, предназначенным для голодающих масс, лишь бы не пойти на соглашение с лунными повстанцами? Высказывалось соображение, что уступки могут быть сделаны в обмен на увеличение поставок продовольствия. Приводилось

множество не вполне достоверных цифр. На самом деле Луна вовсе *не кормит* «сотни миллионов индусов» — наше зерно, так сказать, превращает «голодание» в «недоедание».

С другой стороны, крупнейшая нью-йоркская газета высказывала мнение, что Администрация совершила ошибку, начав с нами переговоры, ибо каторжники понимают лишь один язык — язык кнута; надо высадить там войска, навести порядок, повесить виновных и оставить солдат для поддержания спокойствия.

В полку драгун-усмирителей, откуда происходили наши ныне покойные насильники, вспыхнул мятеж, быстро подавленный; он начался из-за слухов о том, что полк собираются отправить на Селену. Известие о мятеже замять не удалось: Стью нанимал ловких ребят.

На следующее утро мы получили письмо с вопросом: в состоянии ли профессор де ла Пас продолжать переговоры? Мы отправились; комитет пригласил доктора и медсестру, чтобы наблюдать за профом. Но на сей раз нас обыскали и магнитофон у меня из сумки изъяли.

Я отдал его без особого сопротивления; магнитофон был японского производства, и Стью мне достал его как раз для сдачи при обыске. В моей руке номер шесть есть углубление для батарейки, в него с успехом поместился мой микромаг. Батарейка в тот день мне была ни к чему, а большинство людей — даже заматерелые полицейские — брезгуют дотрагиваться до протезов.

О вчерашней дискуссии все словно забыли... если не считать того, что председатель начал сессию, строго выбранив за «нарушение тайны закрытого заседания».

Проф ответил, что у нашей стороны нет ни малейшего желания делать из этих заседаний тайну и что мы всячески приветствовали бы присутствие представителей прессы, видеокамер, зрителей и кого угодно, так как Свободному Государству Луна скрывать нечего.

Председатель резко заметил, что так называемая «Свободная Луна» здесь не хозяйка; заседания *закрытые*, и их результаты не должны обсуждаться за пределами данной комнаты. Таков порядок.

Проф взглянул на меня.

— Вы поможете мне, полковник?

Я привел в движение механизм управления коляской, подъехал к нему и начал подталкивать его каталку к дверям, прежде чем председатель успел сообразить, что мы просто блефуем. Проф позволил уговорить себя остаться, не дав при этом никаких обещаний. Трудно давить на человека, который всякий раз хлопается в обморок, как только слегка перевозбудится.

Председатель заявил, что вчера прозвучало слишком много речей не по существу, а насущные проблемы так и не были решены, поэтому сегодня он не потерпит никаких отклонений. И бросил взгляд на аргентинца, а затем на североамериканца.

Потом продолжил:

— Суверенность — это абстрактная концепция, одна из тех, определение которых много раз давалось заново, пока человечество училось жить в мире. Мы не станем дискутировать на эту тему. Главный вопрос, господин профессор,— или посол de facto, если вам угодно, не в названиях суть,— главный вопрос таков: готовы ли вы гарантировать, что лунные колонии будут выполнять свои обязательства?

— Какие обязательства, сэр?

— Все обязательства, но в первую очередь обязательства по поставкам зерна.

— Я ничего не знаю о таких обязательствах, сэр,— ответил проф тоном, исполненным глубочайшего удивления.

Председатель крепко сжал рукоятку молотка. Но сказал совершенно спокойно:

— Бросьте, сэр, не стоит ломать копья из-за слов. Я говорю о квотах зерновых поставок — о тех увеличенных на тринадцать процентов квотах, что определены на новый финансовый год. Можем ли мы получить ваше заверение, что вы будете уважать эти обязательства? Если нет — нам просто не о чем дальше разговаривать.

— В таком случае, сэр, я сожалею, но переговоры придется прервать.

— Это несерьезно!

— Напротив, сэр. Это совершенно серьезно. Суверенность Свободной Луны вовсе не абстрактное понятие, как вы склонны считать. Обязательства, о которых вы говорите, есть просто контракты, которые Администрация заключала сама с собой. Моя страна не может быть связана чем-либо подобным. Любые обязательства суверенной нации, которую я имею честь представлять, еще предстоит обсудить.

— Чернь! — взревел североамериканец.— Я же говорил, что вы слишком миндальничаете с ними! Рецидивисты! Воры и шлюхи! Они не понимают цивилизованного обращения!

— К порядку!

— Вы еще попомните мои слова. Попадись они мне в Колорадо, я бы их кое-чему научил! Мы умеем обращаться с этим отребьем.

— Уважаемый член комитета, призываю вас к порядку.

— Боюсь,— проговорил индиец (парс* по происхождению, представлявший в комитете Индию),— боюсь, что по существу я согласен с уважаемым представителем Северо-Американского Директората. Индия не может принять концепцию, что обязательства по поставкам зерна — всего лишь никчемная бумажонка. Порядочные люди не играют с голодом в политические игры.

— А кроме того,— вмешался аргентинец,— они плодятся, как животные! Как свиньи!

(Перед заседанием проф заставил меня принять транквилизатор. И настоял, чтобы я сделал это в его присутствии.)

— Достопочтенный председатель,— спокойно сказал проф,— могу ли я пояснить смысл моего заявления, прежде чем мы решим,— возможно, излишне поспешно,— что переговоры должны быть прерваны?

— Пожалуйста.

— Все согласны? Мне не будут мешать?

Председатель оглядел членов комитета.

— Согласны все,— сказал он.— Предупреждаю уважаемых членов комитета, что в случае еще одного нарушения порядка я применю специальный параграф четырнадцатый. Начальни-

ка караула прошу запомнить это и действовать соответственно. Свидетель может продолжать.

— Я буду краток, достопочтенный председатель.— Проф вдруг сказал какую-то фразу по-испански, но я уловил только слово «сеньор». Аргентинец побагровел, но смолчал, а проф продолжал: — Я должен сначала ответить в личном порядке уважаемому представителю Северной Америки, поскольку он затронул честь моих соотечественников. Я побывал не в одной тюрьме; я принимаю титул... нет, я горжусь титулом «рецидивист». Мы — граждане Луны — действительно рецидивисты и потомки рецидивистов. Но Луна — суровая хозяйка, и тем, кто пережил ее жестокие уроки, больше нечего стыдиться. В Луна-Сити человек спокойно может оставить свой кошелек без присмотра, а двери своего дома держать незапертыми. Не знаю, так ли обстоят дела в Денвере. Как бы там ни было, у меня нет желания ехать в Колорадо «кое-чему научиться». С меня вполне хватает уроков матери-Луны. Может быть, мы и чернь, но теперь мы восставшая чернь.

Уважаемому представителю Индии я могу сказать, что мы не играем с голодом в политические игры. Мы просим всего лишь открытого обсуждения фактов, свободного от политической предвзятости. Если такая дискуссия состоится, я обещаю доказать вам, что Луна не только сможет продолжать поставки зерна, но и значительно их увеличит... к большой выгоде Индии.

И китайский, и индийский представители сделали стойку. Индиец начал было что-то отвечать, но спохватился и обратился к председателю:

— Достопочтенный председатель, не попросите ли вы свидетеля объяснить, что он имеет в виду?

— Свидетель может изложить свою точку зрения более подробно.

— Достопочтенный председатель, уважаемые члены комитета! Луне действительно под силу увеличить поставки для миллионов голодающих на Терре в десять или даже в сто раз. Тот факт, что зерновые баржи продолжали прибывать по расписанию во время лунных событий и продолжают поступать сегодня,

является доказательством наших добрых намерений. Но нельзя битьем заставить корову давать больше молока. Переговоры об увеличении поставок должны основываться на фактах, а не на предвзятых представлениях о том, что мы рабы, обязанные выполнять квоты, которых мы не устанавливали. Так на чем порешим? Станете ли вы настаивать на том, что мы рабы, принадлежащие Администрации, а не свободные люди? Или же признаете, что мы свободны, и вступите с нами в переговоры,— и тогда мы с удовольствием объясним, каким образом мы можем вам помочь.

— Иными словами,— проворчал председатель,— вы предлагаете нам купить кота в мешке. Вы требуете, чтобы мы легализовали ваш незаконный статус... А потом вы расскажете о своих фантастических обещаниях увеличить зерновые поставки в десять или сто раз. Ваши обещания беспочвенны. Я эксперт по лунной экономике. А ваше условие невыполнимо: фактически оно означает признание Великой Ассамблеей нового государства.

— Тогда поставьте этот вопрос перед Великой Ассамблеей. Как только признают наше равенство и суверенитет, мы обсудим вопрос об увеличении поставок и договоримся об условиях. Достопочтенный председатель, зерно выращиваем мы, это *наша* собственность. Мы можем произвести его больше. Но не как рабы. Сначала вы должны признать суверенную Свободную Луну.

— Это невозможно, и вы это знаете. Лунная Администрация не может отказаться от своей священной обязанности.

Проф вздохнул.

— По-видимому, мы зашли в тупик. Я могу лишь предложить временно прервать переговоры и как следует подумать. Сегодня баржи еще приходят... но с той минуты, как я извещу свое правительство о провале нашей миссии... поставки... *прекратятся!*

Голова профа упала на подушку, как будто события совершенно изнурили его, что вполне могло быть правдой. Я чувствовал себя относительно прилично, но я был молод и обладал опытом визитов на Терру и выживания на ней. Лунарь в возрасте профа не должен рисковать и пускаться в такую поездку.

После небольшой перепалки, на которую проф не обратил внимания, нас погрузили в машину и отправили назад в отель. По дороге я спросил:

— Проф, а что вы сказали сеньору Жирное Пузо? Почему у него так подскочило давление?

Проф хихикнул:

— Товарищ Стьюарт покопался в прошлом этих джентльменов, и всплыли интересные факты. Я спросил, кому сейчас принадлежит бордель на calle[1] Флорида в Буэнос-Айресе и работает ли еще там знаменитая рыжая красотка?

— А почему? Вы когда-то были там частым клиентом? — Я попробовал представить себе профа в этой роли.

— Никогда. Вот уже сорок лет я не бывал в Буэнос-Айресе. Бордель принадлежит *ему*, Мануэль, через подставных лиц, а его жена — красотка с тициановскими волосами — некогда подвизалась в этом заведении.

Я пожалел, что спросил.

— А это не запрещенный прием? Недипломатично как-то.

Проф закрыл глаза и ничего не ответил.

Но к вечеру приободрился и целый час провел с журналистами. Седые волосы разметались на алой подушке, высохшее тело облачено в расшитую пижаму... если бы не глаза да ямочки — точь-в-точь свежий труп какого-нибудь шишкаря, подготовленный к пышному погребению. Я тоже смотрелся хоть куда в черном с золотом мундире, который, по уверениям Стью, был форменной одеждой лунных дипломатов моего ранга. Может, и так, но что-то я не слыхал, чтобы в Луне водились дипломаты. Вообще же я предпочитаю скафандры, у мундиров слишком жесткие воротнички. Я так и не понял, что означал иконостас у меня на груди. Какой-то репортер пытался выведать об ордене, похожем на ущербный серп луны, какой она выглядит порою с Терры. Я ответил, что это награда за чистописание. Стью, находившийся неподалеку, тут же вмешался:

[1] Улица (*исп.*).

— Полковник скромничает. Это орден того же класса, что и Крест Виктории[1], а получил он его за боевые заслуги в тот славный и трагичный день...

И увел корреспондента, продолжая заливать ему всякую чушь. Стью умел вешать лапшу на уши почти так же лихо, как проф. Мне же обязательно надо придумывать ложь заранее.

Индийские газеты и передачи в этот вечер были весьма агрессивны; они так и брызгали слюной, взбешенные угрозой прекратить поставки зерна. Даже самые умеренные призывали «очистить» Луну, уничтожить «преступных троглодитов» и заменить нас «честными индийскими крестьянами», которые, понимая святость любой жизни, будут присылать все больше и больше зерна.

Проф назначил пресс-конференцию, чтобы объяснить в общих чертах, почему Луна не сможет продолжать поставки; организация Стью распространила слухи об этом по всей Терре. Некоторые репортеры не поленились разобраться в числах и принялись уличать профа в вопиющих противоречиях.

— Профессор де ла Пас, вы тут говорите, что поставки зерна должны сократиться вследствие истощения природных ресурсов и что к 2082 году Луна не сможет прокормить даже собственных жителей. И тем не менее сегодня днем вы заверили Лунную Администрацию, что сможете увеличить поставки в десятки раз.

Проф наивно спросил:

— А разве комитет — это Лунная Администрация?

— Ну... это ни для кого не секрет.

— Конечно, сэр, но они выдают себя за беспристрастный комитет по расследованию при Великой Ассамблее. Вы не думаете, что они должны дисквалифицировать самих себя? Чтобы расследование было действительно беспристрастным.

— Э-э-э... я тут ни при чем, профессор. Давайте вернемся к моему вопросу. Как вы можете объяснить противоречие?

— А меня интересует, почему вы считаете, что вы тут ни при чем, сэр? Разве не в интересах каждого жителя Терры избежать ситуации, которая вызовет войну между Террой и ее соседкой?

[1] Британская военная награда.

— Войну? С чего вы вдруг заговорили о войне, профессор?

— А чем еще это может кончиться, сэр? Если Лунная Администрация уперлась и ни с места? Мы *не можем* принять ее требования. Цифры показывают — почему. Если Администрация этого не поймет, она предпримет попытку подчинить нас силой... а мы ответим ударом на удар. Как загнанные в угол крысы — мы действительно загнаны в угол, мы не можем ни отступить, ни сдаться. Нам война ни к чему. Мы хотим жить в мире с соседней планетой. Мирно жить и мирно торговать. Но выбирать придется вам. Мы — карлик, вы — гигант. Могу уже сейчас предсказать, что следующим шагом Лунной Администрации будет попытка принудить Луну силой. Это «миролюбивое агентство» начнет первую межпланетную войну.

Журналист нахмурился.

— Вам не кажется, что вы преувеличиваете? Предположим, что Администрация — или Великая Ассамблея, поскольку у Администрации нет собственных боевых кораблей,— предположим, что народы Земли решат сместить ваше э-э-э... «правительство». Вы можете воевать — на Луне. Думаю, вы будете сопротивляться. Но вряд ли это означает межпланетную войну. Как вы сами сказали, у Луны нет кораблей. Проще говоря, нас вы не достанете.

Я сидел на кресле возле каталки профа и молча слушал. Он повернулся ко мне.

— Скажите им, полковник.

Я затараторил, как попугай. Проф с Майком сделали мне заготовки на все случаи жизни. Я их вызубрил и выдавал по мере необходимости.

— Джентльмены,— сказал я,— вы помните «Следопыта»? Как он рухнул, потеряв управление?

Они помнили. Как можно забыть величайшую катастрофу эпохи первых космических полетов, когда несчастный «Следопыт» свалился на бельгийскую деревушку?

— У нас нет космических кораблей,— продолжал я,— но мы можем сбросить на вас эти зерновые баржи, вместо того чтобы доставлять их по расписанию на околоземную орбиту.

На следующий день из моей фразы родился заголовок: «ЛУНАРИ УГРОЖАЮТ ЗАБРОСАТЬ НАС РИСОМ». Однако в тот момент она вызвала лишь удивленное молчание.

Наконец журналист сказал:

— И тем не менее я хотел бы знать, как вы объясняете противоречие между двумя вашими заявлениями — «никакого зерна после восемьдесят второго года» и «увеличим поставки в десять или в сто раз».

— Никакого противоречия нет,— ответил проф.— Они основаны на различных предпосылках. Цифры, которые я представил, отражают современную обстановку... и ту катастрофу, которая произойдет, если на протяжении нескольких лет будет продолжаться истощение природных ресурсов Луны. Катастрофу, которую вызовут бюрократы из Администрации (или лучше сказать «автократы от бюрократии?») своими угрозами загнать нас в угол, как нашкодивших детей.

Проф остановился, тяжело перевел дух и продолжал:

— Обстоятельства, при которых мы сможем продолжать или даже резко увеличить производство зерна, прямо противоположны указанным выше. Как старый учитель, я не могу удержаться от школьной привычки: выводы должны делать сами ученики для упражнения мозгов. Может, кто-нибудь желает попробовать?

Последовало неловкое молчание, а потом заговорил невысокий человечек со странным акцентом:

— Мне кажется, что вы имеете в виду способ пополнения истощающихся природных ресурсов.

— Молодец! Отлично! — Проф просиял своими ямочками.— Вы, сэр, получите золотую медаль за этот семестр! Чтобы произвести зерно, необходимы вода и удобрения — фосфаты и так далее, можете узнать у специалистов. Присылайте все это нам — мы пришлем вам взамен прекрасное зерно. Опустите насосы в беспредельный Индийский океан. В Индии миллионы голов скота: собирайте их «конечный продукт» и шлите нам. Собирайте содержимое своих ночных горшков и не утруждайтесь его стерилизацией, мы научились делать такие вещи дешевле и

проще. Шлите нам соленую морскую воду, тухлую рыбу, трупы животных, городские стоки, коровьи лепешки, любые отбросы — мы пришлем вам их обратно тонна за тонну золотым зерном. Чем больше пришлете, тем больше получите, хоть в десять раз, хоть в сто. Шлите нам ваших бедняков и обездоленных, шлите нам их тысячами и сотнями тысяч; мы обучим их быстрым и эффективным способам лунного туннельного земледелия и вернем вам неимоверное количество продовольствия. Джентльмены, Луна — это колоссальная залежь в четыре тысячи миллионов гектаров, ждущая, чтобы ее вспахали.

Это их сразило.

Кто-то тихо спросил:

— Но что вы сами будете с этого иметь? Я говорю о Луне.

Проф пожал плечами.

— Деньги. В виде товаров. Многие вещи у вас куда дешевле, чем у нас в Луне. Лекарства. Инструменты. Микрофильмы. Наряды для наших прелестных женщин. Покупайте наше зерно, и можете торговать с нами с большой прибылью.

Индийский журналист поглядел задумчиво и принялся писать. Европеец, сидевший рядом с ним, скептически усмехнулся и сказал:

— Профессор, вы представляете себе, в какую сумму обойдется отправка такого количества грузов на Селену?

Проф небрежно отмахнулся.

— Это вопрос техники. Сэр, когда-то везти грузы через океан было не только трудно, а просто невозможно. Потом стало дорого, трудно, опасно. Сегодня же вы продаете свои товары на других континентах почти за ту же цену, что и у себя дома. Расходы на транспортировку — теперь самая малая составляющая в стоимости товара. Джентльмены, я не инженер. Но зато я кое-что знаю об инженерах. Если что-то *должно быть сделано*, инженеры найдут способ сделать это экономически выгодным. Если вы *хотите* получить зерно, которое мы можем вырастить, напустите на эту проблему ваших инженеров!

Проф стал задыхаться, жестом позвал на помощь, и медицинские сестры увезли его из комнаты.

Я отказался продолжать эту тему, сказав журналистам, что им следует побеседовать с профессором, когда он будет в состоянии снова встретиться с ними. Тогда они принялись клевать меня с другого бока. Один из них потребовал, чтобы я объяснил, почему мы — колонисты — считаем себя вправе претендовать на самоуправление и в то же время не хотим платить налоги. В конце концов, колонии основаны Федерацией Наций, во всяком случае — некоторыми из ее членов. Это невероятно дорогое мероприятие, Земля оплатила все издержки, а теперь мы — колонисты — пожинаем плоды и не платим ни цента налогов. Разве это справедливо?

Я хотел послать его подальше; но перед интервью проф опять велел мне принять транквилизатор и потребовал, чтобы я зазубрил бесконечный список ответов на вопросы с подковыркой.

— Давайте разберемся по порядку,— сказал я.— Первое: за что, по вашему мнению, мы должны платить налоги? Скажите, что я получу взамен, и тогда, может быть, я с вами соглашусь. Нет, поставим вопрос иначе. *Вы сами* платите налоги?

— Конечно, плачу. И вы тоже обязаны!

— И что вы получаете взамен этих налогов?

— Как это — взамен? Налоги платят правительству.

— Извините,— сказал я,— но я полный невежда. Всю свою жизнь прожил в Луне и мало чего знаю о вашем правительстве; не можете ли вы объяснить мне попроще? Что вы получаете за свои деньги?

Все заинтересовались и с азартом стали дополнять то, что пропустил этот воинственный осел. Я записывал. Когда они закончили, я начал читать вслух.

— Бесплатные больницы — их в Луне нет. Медицинское страхование — такая штука у нас есть, но она совсем не похожа на то, что вы имеете в виду. Если кто-то хочет страховку, он идет к букмекеру и заключает пари. Вы можете застраховаться от чего угодно, но за определенную плату. Я, например, не страховался на случай болезней — я здоров. Или был здоров, пока не приехал к вам. Публичная библиотека у нас есть, та

самая, которую основал Фонд Карнеги, начав с нескольких микрофильмов. Но она платная. Общественные дороги. Я думаю, к ним можно приравнять наше метро. Но оно не более бесплатно, чем воздух, которым мы дышим. Ах, извините, у вас ведь воздух бесплатный, не так ли? Я хочу сказать, что наше метро построено компаниями, которые вложили в него средства и яростно добиваются их получения обратно, с прибылью, разумеется. Общеобразовательные школы. Школы есть во всех поселениях, и я никогда не слыхал, чтобы они отказались принимать учеников; поэтому, полагаю, их можно назвать «общеобразовательными». Но дерут они втридорога. Вообще в Луне каждый, кто знает что-нибудь полезное и согласен обучить другого, предъявляет за это такой счетец — закачаешься!

Так, что у нас осталось? Социальное обеспечение? Не знаю, что за зверь, но у нас такие не водятся. Пенсии. Вы можете *купить* пенсию. Но мало кто покупает. Почти все семьи большие, и старики, скажем, от ста лет и выше, или возятся с чем-нибудь, что им по душе, или сидят и смотрят видео. Или спят. Они спят много, особенно те, которым за сто двадцать.

— Сэр, извините... Неужели люди на Селене действительно живут так долго?

Я сделал вид, что удивлен, хотя на самом деле вопрос был в числе «спровоцированных», и ответ отскочил у меня от зубов автоматически:

— Никто не знает, как долго может жить человек в Луне; мы слишком недавно там появились. Старейшие жители Луны родились на Земле, а следовательно, их опыт не корректен. Пока же из родившихся в Луне никто не умер от старости. Но это опять-таки ничего не доказывает: у них просто не было времени состариться — прошло меньше столетия. Хотя... Возьмем, к примеру, меня... Мадам, как по-вашему, сколько мне лет? Я настоящий лунарь в третьем поколении.

— Э-э-э... честно говоря, полковник Дэвис, меня поражает ваша молодость. Я хочу сказать, учитывая важность вашей миссии. Я дала бы вам двадцать два... Неужели больше? Ну, полагаю, ненамного...

— Мадам, я сожалею, что сила тяжести на Земле не позволяет мне раскланяться. Благодарю вас. Я женат уже больше двадцати двух лет.

— Что? Да вы шутите!

— Мадам, я никогда бы не осмелился определять возраст леди, но, если вы эмигрируете в Луну, вы сохраните свой теперешний юный вид на долгие годы и проживете как минимум на двадцать лет больше, чем здесь.— Я снова взглянул на список.— Могу сказать сразу обо всех оставшихся пунктах: ничего подобного у нас в Луне нет, а потому я не вижу никакого смысла платить за это налоги. Что касается другой части вашего вопроса, сэр, так вы, должно быть, сами знаете, что начальная стоимость создания колоний нами давно и многократно оплачена, одно зерно чего стоит! А из нас высасывают кровь — наши природные ресурсы... и даже не платят по ценам свободного рынка. Вот почему Лунная Администрация так упорно стоит на своем — она присосалась к нам, как вампир. Идея, что Луна убыточна для Терры и что первоначальные инвестиции надо вернуть,— ложь, изобретенная Администрацией, чтобы оправдать ее обращение с нами как с рабами. На самом же деле в этом столетии Луна не стоила Земле ни цента, а первоначальные инвестиции давно выплачены.

Журналист попытался отыграться:

— Вы, надеюсь, не собираетесь доказывать нам, что лунные колонии выплатили все миллиарды долларов, которые пошли на развитие космонавтики?

— Я мог бы попробовать. Но в любом случае вряд ли справедливо удерживать эти деньги с *нас*. Космический флот ваш, он принадлежит Терре. У нас его нет! Почему же мы должны платить за то, чего не получили? С этим дело обстоит точно так же, как и с остальными пунктами вашего списка. Будет товар — будут деньги, но с какой радости нам платить за так?

Я тянул время, дожидаясь вопроса, который, как уверял проф, мне непременно зададут... и наконец услышал:

— Одну минуту! — раздался уверенный голос.— Вы проигнорировали два самых важных пункта нашего списка. Полицей-

ская защита и вооруженные силы. Вы тут хвалились, что готовы платить за то, что получаете... Как насчет того, чтобы выплатить налоги по этим двум статьям за целое столетие? Кругленькая сумма набежит, однако,— и он ехидно ухмыльнулся.

Ну, спасибо, наконец-то! Я уж думал — не миновать мне взбучки от профа за неумение вытащить из них этот вопросик. Все поглядывали друг на друга, кивая головами, очень довольные, что я наконец получил по носу. Я изо всех сил старался изобразить искреннее недоумение.

— Извините, не понял. У Луны нет ни полиции, ни вооруженных сил.

— Прекрасно вы поняли, о чем я говорю. Вы пользуетесь защитой Миротворческих сил Федерации Наций. И полиция у вас есть. И платит ей Лунная Администрация! Мне доподлинно известно, что две роты были посланы на Селену меньше года назад, чтобы выполнять там обязанности полицейских.

— Ах, вот вы о чем! — Я вздохнул.— Скажите, от кого, по-вашему, Миротворческие силы защищают Луну? У меня нет сведений, что какая-нибудь из ваших стран готовится к нападению на нас. Мы от вас далеко, и у Луны нет ничего такого, на что можно позариться. Или вы имеете в виду, что мы должны платить этим силам за то, чтоб они нас не трогали? Если так, то существует старинная поговорка: ежели вы хоть раз уплатили Danegeld[1], то вы уже никогда не отделаетесь от датчан. Сэр, мы будем *драться* с вооруженными силами ФН, если придется... но мы никогда не будем *платить* им!

А теперь о так называемых «полицейских». Их послали отнюдь не для того, чтобы защищать нас. Наша Декларация независимости раскрыла истинное лицо этих мерзавцев — кстати, ваши газеты ее опубликовали? (Некоторые — да, некоторые — нет, смотря в какой стране.) Они обезумели и начали насиловать и убивать! И теперь они мертвы. Поэтому не стоит посылать к нам новые войска.

[1] «Датские деньги» — поземельный налог в средневековой Англии.

После этого я «устал» и удалился. Я и в самом деле устал; не такой уж я блистательный актер, и вести это толковище в намеченном профом русле было для меня немалым испытанием.

Глава 18

Только потом я узнал, что во время интервью мне тонко подыграли: наводящий вопрос о полиции и вооруженных силах был задан подсадной уткой; Стью Лажуа ничего не оставлял на волю случая. Впрочем, к тому времени, когда мне это стало известно, я уже накопил немалый опыт по части интервью; мы давали их бесконечно.

А в тот вечер, хоть мы и устали, нам еще предстояло потрудиться. Кроме представителей прессы, к нам рискнули заглянуть гости из дипломатического корпуса в Агре; правда, их было мало и никто не явился в своем официальном качестве, даже из Чада. Но мы были любопытной новинкой, и им хотелось на нас поглазеть.

Лишь один из них был действительно важной шишкой — китаец. Увидев его, я изумленно вылупил глаза: это был китайский представитель из комитета. Мне он представился просто как «доктор Чан», и мы притворились, что видимся впервые.

Это был тот самый доктор Чан, сенатор из Великого Китая, а также долговременный главный представитель Великого Китая в Лунной Администрации. Много позже он стал вице-президентом и премьером — но это уже незадолго до того, как его убили.

Вытащив из них тот вопрос, на который я должен был ответить в первую очередь, и с честью продравшись через другие, которые могли и подождать, я приехал в своей коляске в спальню, но меня тут же вызвал к себе проф.

— Мануэль, я уверен, что ты обратил внимание на нашего достойного гостя из Срединного Царства?

— Старого знакомого, китаезу из комитета?

— Сынок, постарайся забыть о лунном жаргоне. Пожалуйста, не пользуйся им здесь даже в разговорах со мной. Этот китаец хочет знать, что мы имели в виду под «увеличением в десяток или даже в сто раз». Так что расскажи ему.

— Правду? Или туфту?

— Правду. Этот парень не дурак. Как у тебя с техническими деталями?

— Домашние задания выучил. Надеюсь, он не эксперт по баллистике.

— Он не эксперт. Но, если чего не знаешь, не вздумай притворяться умником. И не обольщайся, будто он наш друг. Он может оказаться нам очень полезным, если решит, что наши и его интересы совпадают. Только не дави на него. Сейчас он в моем кабинете. Удачи тебе. И помни, говори на стандартном английском.

Доктор Чан при моем появлении встал; я извинился, что не могу его приветствовать стоя. Он сказал, что понимает трудности, с которыми сталкивается джентльмен с Луны, приезжая на Землю, и просит не беспокоиться, после чего сам пожал себе руку и сел.

Опускаю ряд формальностей. Имелись ли у нас конкретные соображения, когда мы заявили, что существует дешевый способ отправлять массовые грузы на Луну? Или нет?

Я сказал, что такой способ, требующий немалых инвестиционных затрат, но дешевый в эксплуатации, существует.

— Это тот самый способ, который мы используем на Луне, сэр. Катапульта — индукционная катапульта, обеспечивающая вторую космическую скорость.

Лицо его осталось бесстрастным.

— Полковник, вам должно быть известно, что подобные проекты предлагались неоднократно и всегда отклонялись по весьма веским соображениям. Что-то там не получается с давлением воздуха, если я не ошибаюсь.

— Да, доктор. Но на основании глубокого компьютерного анализа и нашего собственного опыта катапультирования мы полагаем, что сегодня эта проблема может быть решена. Две наши крупнейшие фирмы — «ЛуНоГоКо» и Банк Гонконга-в-Луне готовы возглавить синдикат, который займется этим как частным проектом. Им потребуется помощь здесь, на Терре, и они согласны продать часть акций, хотя предпочли бы продавать лишь

облигации, сохранив за собой полный контроль. В первую очередь им нужна концессия от какого-либо правительства, которое передаст им в постоянное пользование землю для строительства катапульты. Таким государством могла бы стать, например, Индия.

(Типичная словесная декорация. Если бы кто-то проверил бухгалтерию «ЛуНоГоКо», ее сразу объявили бы банкротом; положение Банка Гонконга-в-Луне тоже было напряженным — он стал центральным банком страны, переживающей переворот. Целью всей речи было ввести в игру последнее слово — «Индия». Проф требовал, чтобы это слово обязательно было последним.)

Доктор Чан ответил:

— Не будем говорить о финансовых аспектах. Все, что возможно физически, люди способны сделать возможным экономически. Деньги — пугало для мелких умов. Почему вы выбрали Индию?

— Видите ли, сэр, Индия сейчас потребляет, если не ошибаюсь, свыше девяноста процентов наших поставок зерна...

— Девяносто три и одну десятую.

— Да, сэр. Индия жизненно заинтересована в нашем зерне, поэтому, вероятно, согласится сотрудничать. Она может дать нам землю, поставить рабочие руки, материалы и тому подобное. Но я назвал Индию еще и потому, что у нее широкий выбор подходящих площадок для будущего строительства, а именно: очень высокие горы вблизи от земного экватора. Последнее не обязательно, но желательно. А вот высокие горы — условие непременное. Из-за давления воздуха, о котором вы говорили, вернее, из-за плотности атмосферы. Голову катапульты желательно разместить на возможно большей высоте над уровнем моря, но ее конец, откуда груз будет выбрасываться со скоростью более одиннадцати километров в секунду, обязательно должен находиться в разреженной атмосфере, предельно близкой к вакууму. А для этого нужна высоченная гора. Что-то вроде пика Нанда-Деви, примерно в четырехстах километрах отсюда. Железная дорога оканчивается в шестидесяти километрах от него, а шоссе дохо-

дит почти до подножия. Высота восемь тысяч метров. Я не утверждаю, что Нанда-Деви — идеал, это просто подходящее место с хорошим коммуникационным обеспечением. Идеальное место может быть выбрано лишь инженерами самой Терры.

— Чем выше горы, тем лучше?

— О да, сэр,— заверил я его.— Высота горы предпочтительнее близости к экватору. Катапульту можно сконструировать так, чтобы скомпенсировать некоторое увеличение ускорения силы тяжести при удалении от экватора[1]. Самое трудное — избежать сопротивления этой мерзкой плотной атмосферы. Извините, доктор, я вовсе не намеревался критиковать вашу планету.

— Но ведь существуют и более высокие горы. Полковник, расскажите мне подробнее об этой предполагаемой катапульте.

И я начал.

— Длина катапульты определяется ускорением, которого мы хотим достигнуть. Мы считаем, вернее, наш компьютер вычислил, что оптимальным будет ускорение в двадцать «g». В земных условиях это означает, что потребуется катапульта длиной триста двадцать три километра. Поэтому...

— Подождите, пожалуйста! Полковник, вы всерьез предполагаете пробурить скважину глубиной более трехсот километров?

— О нет! Катапульту нужно строить на поверхности, чтобы ударные волны могли расходиться в воздухе. Статор будет расположен почти горизонтально, полого приподымаясь от головы до выходного конца всего километра на четыре при длине в триста километров. И будет представлять собой почти прямую линию — легкая кривизна обусловлена ускорением Кориолиса и рядом более мелких факторов. Лунная катапульта на глаз выглядит совершенно прямой и настолько близка к горизонтали, что баржи чуть не касаются пиков, находящихся за ней.

— Понятно. Я было подумал, что вы переоцениваете возможности земной техники. Мы сегодня умеем бурить глубокие скважины, но не такие. Продолжайте.

---

[1] Ускорение силы тяжести на полюсе 9,83, на экваторе 9,78 м/сек^2.

— Доктор, вполне возможно, что именно это распространенное заблуждение и помешало землянам построить катапульту. Я видел ранние исследования. Как правило, они исходили из того, что катапульта должна быть вертикальной или хотя бы конец ее должен быть сильно задран вверх, чтобы космический корабль был запущен почти в зенит.. И то и другое не только невозможно технически, но и не нужно. Я думаю, подобный предрассудок вызван тем фактом, что ваши космические корабли *действительно* взлетают вертикально или почти вертикально.

Но они делают это ради выхода за пределы атмосферы, а не для того, чтобы лечь на нужную орбиту. Вторая космическая скорость — величина не векторная, а скалярная. Груз, вылетевший из катапульты со скоростью убегания, не вернется на Землю, в каком бы направлении его ни запустили. Хм... две поправки: он должен быть направлен не к Земле, а к определенной точке небесной полусферы, и ему необходимо придать достаточную дополнительную скорость, чтобы пробить атмосферу. Если направление выбрано верно, груз долетит до Луны.

— Ясно. Но значит, катапульта может использоваться только раз в лунный месяц?

— Нет, сэр. Ею можно будет пользоваться ежедневно, надо только выбрать момент, когда Луна окажется на пересечении с заданной орбитой. Фактически же — по крайней мере, по расчетам нашего компьютера, я не эксперт в астронавигации — катапульту можно будет использовать круглые сутки, просто регулируя скорость выброса, и грузы будут прибывать к Луне по разным орбитам.

— Я как-то не совсем представляю себе эту картину.

— И я тоже, доктор, но... Извините, по-моему, в Пекинском университете есть исключительно мощный компьютер, я не ошибся?

— Ну, предположим, есть. И что же?

(То ли мне показалось, то ли он действительно насторожился и замкнулся еще больше. Что у них там? Компьютер-киборг — «маринованные мозги»? Или живой мозг в полном сознании? В любом случае — жуть!)

— Высококлассный компьютер мог бы рассчитать возможные сроки выброса из такой катапульты, которую я вам описал. Некоторые орбиты окажутся слишком далеко от Луны, и пока она сумеет «захватить» их, пройдет очень много времени. Другие обогнут часть Терры, а затем прямо направятся к Луне. Третьи просты, как те, что и мы используем для поставок грузов на Терру. Ежедневно бывают такие моменты, когда можно выбрать кратчайшую траекторию. Но в самой катапульте груз находится меньше минуты, так что все ограничивается временем, необходимым для подготовки груза. Можно даже вести через катапульту несколько грузов одновременно, если энергии достаточно, а компьютерный контроль надежен. Единственная вещь, которая меня беспокоит... Ведь высокие горы покрыты снегом?

— Как правило,— ответил он.— Лед, снег и голый камень.

— Видите ли, сэр, я уроженец Луны и ничего не знаю о снеге. Статор не только должен быть устойчив по отношению к мощному гравитационному полю планеты, но ему еще предстоит выдержать сильные толчки с двадцатикратной перегрузкой. Я не думаю, что его можно закрепить на льду или в снегах. Или можно?

— Я не инженер, полковник, но мне кажется, что это сомнительно. Снег и лед придется удалить. И следить за тем, чтобы они не образовывались. Погода тоже будет представлять собой проблему.

— О погоде я ничего не знаю, доктор, а все, что я знаю о льде, сводится к тому, что теплота его кристаллизации составляет триста тридцать пять миллионов джоулей на тонну. Не имею представления, сколько тонн придется расплавить, чтобы расчистить площадку и поддерживать ее в рабочем состоянии, но мне кажется, что для этого может потребоваться не менее мощный реактор, чем для работы самой катапульты.

— Мы умеем строить реакторы, мы умеем плавить лед. Будет нужно — пошлем наших инженеров на север для повышения квалификации, пока они не поймут, что такое лед.— Доктор Чан усмехнулся, а я внутренне содрогнулся.— Проблемы строительства в условиях льда и снега были решены в Антарктике много

лет назад, так что об этом не беспокойтесь. Значит, нужен расчищенный участок твердой скальной породы длиной триста пятьдесят километров высоко над уровнем моря. Что-нибудь еще, что я должен знать?

— Почти ничего, сэр. Растопленный лед можно будет собирать у головы катапульты — вот вам готовый груз для отправки на Луну, дешево и сердито. И в этих же стальных канистрах мы пришлем на Землю зерно, чтобы не истощать попусту лунные ресурсы. Одну и ту же канистру можно гонять туда-сюда сотни раз. А мы на Луне будем принимать грузы точно так же, как сейчас приземляют баржи вблизи Бомбея, используя тормозные ракеты на твердом топливе и программный контроль. Только нам это обойдется дешевле, у нас-то скорость убегания — два с половиной километра в секунду, а у вас — одиннадцать; соотношение квадратов скоростей один к двадцати в нашу пользу, фактически же будет еще выгоднее, так как за счет уменьшения веса тормозных ракет можно будет увеличить массу полезного груза. Впрочем, есть возможность усовершенствовать весь процесс доставки.

— Каким образом?

— Доктор, это не моя специальность. Но всем известно, что ваши лучшие корабли используют в качестве реактивной массы водород, нагреваемый в термоядерном реакторе. Водород на Луне дорог, но мы можем заменить его любым другим веществом, пусть даже с меньшей эффективностью. Представьте себе гигантский, грубо сляпанный космический буксир, приспособленный к лунным условиям и работающий на испаренных горных породах. Этот буксир выходит на парковочную орбиту, забирает земные грузы и доставляет их на поверхность Луны. С виду он может быть неказист, удобств никаких не нужно, пилотов тоже, даже киборгов, а управлять его полетом будет стационарный лунный компьютер.

— Да, я полагаю, такой корабль можно спроектировать. Но не будем усложнять проблему. Вы сообщили мне все существенное насчет катапульты?

— Думаю, да, доктор. Самое главное — место для ее строительства. Возьмите тот же пик Нанда-Деви. Судя по карте, к

западу от него тянется очень высокий, постепенно снижающийся горный хребет длиной примерно с нашу катапульту. В таком случае это идеальное место для строительства — меньше придется вырубать, меньше перебрасывать мостов. Я не говорю, что это единственное идеальное место, но в принципе нужно искать нечто подобное: очень высокий пик с длинной-предлинной грядой к западу от него.

— Вас понял.

И доктор Чан стремительно вышел.

В течение следующих недель я повторял то же самое по меньшей мере в дюжине стран, всегда с глазу на глаз, создавая впечатление полной секретности. Все, что менялось, так это название пика. В Эквадоре я упирал на то, что Чимборасо находится почти на экваторе — идеально! А в Аргентине подчеркивал, что их Аконкагуа — высочайший пик во всем западном полушарии. В Боливии отметил, что Альтоплано по высоте не уступает Тибетскому нагорью (почти правда), зато расположено куда ближе к экватору и там полно удобных мест для строительства, а горные вершины могут поспорить с любыми пиками на Терре.

Я разговаривал с североамериканцем — политическим противником того урода, который назвал нас «чернью». Я сказал ему, что хотя гора Маккинли и не хуже любой вершины в Азии или Южной Америке, но Мауна-Лоа[1], пожалуй, лучше всего подходит для строительства. Если ускорение увеличить вдвое, катапульту можно будет укоротить и «подогнать по мерке», а Гавайи станут важнейшим космопортом мира... вернее, Солнечной системы, ибо освоение Марса не за горами, и торговые пути трех (а может быть, и четырех) планет пойдут через Большой остров[2]. О вулканическом происхождении Мауна-Лоа я не проронил ни слова, зато заметил, что островное положение позволит в случае аварии сбросить груз прямо в Тихий океан.

[1] Вулкан (4170 м) на острове Гавайи.

[2] Имеется в виду остров Гавайи.

В Совсоюзе обсуждался лишь один пик Ленина, высотой более семи тысяч метров (к сожалению, расположенный слишком близко к границе с их великим соседом).

Килиманджаро, Попокатепетль, Логан, Эль-Либертадо — мой излюбленный пик менялся в каждой стране; главное, чтобы в сердцах местных жителей он был «высочайшим пиком на Земле». Я даже умудрился найти доводы в пользу весьма скромных гор Чада, когда нас там принимали, и так увлекся, что чуть было сам себе не поверил.

Время от времени, с помощью наводящих вопросов от подручных Стью Лажуа, я разглагольствовал о химическом производстве (о чем не имел ни малейшего представления, просто заучил наизусть ряд фактов) на поверхности Луны, где безбрежный вакуум, солнечная энергия, безграничные запасы сырья и почти стабильные условия среды позволят развивать способы производства, слишком дорогие или невозможные на Земле, как только дешевая транспортировка грузов в оба конца сделает экономически выгодной эксплуатацию нетронутых ресурсов Луны. И всегда намекал, что твердолобые бюрократы из Лунной Администрации не в состоянии оценить огромный потенциал Луны (что было правдой), плюс отвечал на вопрос, который задавали постоянно: заверял, что Луна готова принять любое количество переселенцев.

Это тоже было правдой, но я ни разу не упомянул, что Луна (порою не без помощи лунарей) прикончит около половины прибывших новичков. Однако люди, с которыми мы говорили, очень редко предполагали эмигрировать сами; они думали о том, как заставить или убедить уехать других, чтобы снизить перенаселенность и уменьшить свои собственные налоги. А я, естественно, не распространялся о том, что полуголодные толпы на Терре размножаются с такой быстротой, которую никакие катапульты не в состоянии компенсировать.

Мы не могли разместить, накормить и обучить даже одного миллиона переселенцев в год, а этот миллион для Терры был жалкой каплей в море; здесь за одну ночь делают детей вдвое больше. Добровольных эмигрантов будет не так много, и Луне

вполне по силам их принять, но если земляне введут принудительную эмиграцию и попрут косяком... Луна признает только один способ воспитания новичка: стоит ему допустить единственную фатальную ошибку в своем поведении или в отношениях с внешней средой, которая пускает в ход зубы без предупреждения,— и он тут же превратится в удобрение для наших туннельных ферм.

Так что большая эмиграция означала бы резкий скачок процента эмигрантов, обреченных на гибель: нас было слишком мало, чтобы помочь им выжить в здешних условиях.

Проф тем не менее продолжал расписывать «великое будущее Луны». Я же придерживался темы катапульты.

За те недели, пока мы ждали повторного вызова из комитета, мы успели побывать во многих местах. Люди Стью взяли на себя организацию поездок, так что вопрос упирался лишь в наше физическое состояние. Каждая неделя, проведенная на Терре, сокращала нашу жизнь на год, если не больше. Но проф никогда не жаловался и всегда был готов очаровывать новую партию землян.

В Северной Америке мы пробыли дольше, чем рассчитывали. Дата принятия нашей Декларации независимости — ровно через триста лет после провозглашения независимости Северо-Американских колоний Британии — оказалась великолепным орудием пропаганды, которое сотрудники Стью мгновенно пустили в ход.

Североамериканцы испытывают огромную нежность к своим «Соединенным Штатам», хотя термин этот потерял всякое значение после того, как ФН навела порядок на континенте. Каждые восемь лет они избирают президента, непонятно зачем — а зачем англичане сохраняют королеву? — и похваляются своим «суверенитетом». «Суверенитет», как и «любовь», может означать что угодно, в зависимости от того, какое значение вы в него желаете вложить. А вообще-то это просто слово, стоящее в словаре где-то между «пьянством» и «трезвостью».

Но в Северной Америке это слово пользуется большим почетом, а четвертое июля там вообще дата магическая. «Лига Четвертого июля» организовала наши выступления, и Стью

говорил, что ему пришлось лишь слегка подмазать ее для начала, потом, мол, само пошло. Лига даже собрала нам денег на поездки в другие страны: североамериканцы охотно выкладывают монеты, их не волнует — кому.

Дальше к югу Стью использовал другую дату, его люди распространили сведения, что наш coup d'état произошел пятого мая, а вовсе не двумя неделями позже, как это было на самом деле. Нас принимали с криками «Cinco de Mayo! Libertad! Cinco de Mayo!»[1]. А мне казалось, они орут: «Сгинь-ка домой! Либо в ад!» Речи, конечно, произносил проф.

Но в стране «Четвертого июля» я без дела не сидел. Стью заставил меня снять протез и подкалывать рукав так, чтобы виден был обрубок, а его ребята пустили слух, что я потерял руку «в борьбе за свободу». Когда меня спрашивали об этом, я улыбался в ответ: «Вот видите, что получается, если грызешь ногти?» — и менял тему разговора.

Вообще-то Северная Америка мне никогда не нравилась, даже во время первого путешествия. Это не самая перенаселенная часть Терры, здесь всего-то около миллиарда человек. В Бомбее люди спят на мостовой; в Большом Нью-Йорке их пакуют в стоячем положении — не уверен, что кто-нибудь из них вообще спит по ночам. Я был счастлив, что у меня есть своя инвалидная коляска.

Конечно, везде сходят с ума по-своему; здесь все помешаны на цвете кожи: они постоянно подчеркивают, насколько им это безразлично. Во время первой поездки я все время был то слишком светлым, то слишком темным, в общем, не таким, как надо; кроме того, от меня непрерывно ожидали рассуждений о вещах, о которых я раньше даже не задумывался. Видит бог, я ничего не знаю про свои гены. Одна моя бабка родилась в той части Азии, через которую захватчики перли, как саранча, и по пути насиловали всех подряд. Так и спрашивали бы у бабки!

---

[1] «Пятое мая! Свобода! Пятое мая!» (*исп.*). 5 мая 1862 года мексиканская армия одержала первую победу вблизи города Пуэбло над войсками вторгшихся интервентов.

Я кое-как научился справляться с этой темой, но рвотный привкус во рту все равно оставался. По мне, неприкрытый расизм и то лучше — как в Индии, например, где ты или индус, или никто... там только парсы смотрят на индусов сверху вниз (индусы отвечают им взаимностью). Впрочем, всерьез с североамериканским «расизмом навыворот» мне сталкиваться не пришлось — я ведь был «полковник О'Келли Дэвис, герой Свободной Луны».

Вокруг нас так и кишели сочувствующие сердца, готовые оказать любую помощь. Я позволил им сделать две вещи, на которые во времена учебы у меня не хватало ни времени, ни денег: мне показали, как играют «Янки», и свозили в Салем.

Лучше б я сохранил свои иллюзии. Бейсбол приятнее смотреть по видео: там все видно в деталях, и тебя не пихают со всех сторон одновременно двести тысяч болельщиков. К тому же этого питчера[1] надо было просто пристрелить. Большую часть игры я провел в страхе: предвкушал, как меня поволокут на коляске через эту толпу и как я буду уверять хозяев, что игра доставила мне истинное наслаждение.

Что касается Салема, то это обычное местечко, не хуже (и не лучше) остального Бостона. После визита туда у меня возникло подозрение, что они вешали не тех ведьм, которых следовало. Но все же день не пропал зря: меня сняли на пленку, когда я возлагал венок у моста в другом районе Бостона, Конкорде*, а потом произнес памятную речь; мост и поныне там, его можно разглядеть в телескоп. Мост как мост, ничего особенного.

Проф от всего был в восторге, как бы круто ему ни приходилось; у профа колоссальные резервы жизнелюбия. Он всегда находил нечто новое, что можно поведать о великом будущем Луны. В Нью-Йорке он выдал управляющему сети отелей (с кроликом на гербе) речь о том, какую прибыль будут приносить лунные курорты, когда экскурсии станут доступны большинству землян: кратковременные туры никому не повредят,

[1] Подающий в бейсболе.

к туристам приставят сопровождающих, будут организованы экзотические вылазки, азартные игры... и никаких налогов.

Последний момент привлек особое внимание собеседника, поэтому проф расширил его и перешел к проблеме долгожительства: строим сеть пансионатов для престарелых, где землееды будут жить на пенсию, выплачиваемую Террой, причем жить на десять, двадцать, тридцать, сорок лет дольше, чем на Земле. Конечно, они станут изгнанниками, но что лучше? Долгая старость в Луне или могильный холмик на Терре? А потомки будут навещать их и заполнять отели для туристов. Проф живописал соблазнительные картины ночных клубов со зрелищами, не возможными в условиях жуткой земной гравитации, спортивных игр, преображенных легким лунным притяжением, он даже начал разглагольствовать о плавательных бассейнах, катках и возможности летать. (Я решил, что у него просто перегорели предохранители.) Кончил он намеком, что некий швейцарский картель уже начал заниматься этими делами.

На следующий день он рассказывал управляющему зарубежными филиалами «Чейз Интернейшнл Панагра», что отделение фирмы в Луна-Сити можно укомплектовать паралитиками, сердечниками, инвалидами и прочими убогими, которым трудно переносить земную силу тяжести. Толстяк управляющий сопел и отдувался — ему самому не мешало бы подумать об эмиграции,— но, услышав слова «без налогов», мигом навострил уши.

Нам не всегда удавалось одерживать словесные победы. Газеты частенько встречали нас в штыки, а кроме того, всегда находились настырные типы, мечтавшие посадить нас в лужу. И когда рядом со мной не было профа, шансы у них возрастали. Один такой тип привязался ко мне по поводу утверждения профа, сделанного на заседании комитета, что мы являемся собственниками зерна, выращенного в Луне. Сам он, похоже, придерживался противоположной точки зрения. Я заявил, что не понимаю смысла его вопроса.

— Разве не правда, полковник,— сказал он,— что ваше временное правительство подало прошение о приеме в Федерацию Наций?

Мне бы ответить «комментариев не будет», но я попался на удочку и согласился.

— Отлично,— продолжал он.— Очевидно, главным препятствием является утверждение противной стороны, что Селена и так всю жизнь принадлежала Федерации Наций под юрисдикцией Лунной Администрации. В любом случае, своим согласием вы признали, что это зерно принадлежит Федерации Наций на правах опеки.

Я спросил его, из чего это он делает такой вывод.

— Полковник,— ответил он,— вы называете себя заместителем министра иностранных дел. Надо думать, вы знакомы с Хартией Федерации Наций?

Как-то я ее перелистал.

— В достаточной степени,— сказал я осторожно.

— Тогда вам известна Первая из Свобод, гарантируемых Хартией, и ее современное толкование, данное Контрольным комитетом Федеративной Ассамблеи в постановлении номер тысяча сто семьдесят шесть, датированном третьим марта сего года. А если известна, значит, вы признаете, что все зерно, выращенное на Луне и превышающее внутренние потребности, безоговорочно и ab initio[1] является общественной собственностью, находящейся под опекой Федерации Наций, агентства которой распределяют эту собственность по мере необходимости.— Он говорил и одновременно что-то строчил в блокнот.— Можете ли вы что-нибудь добавить к своему заявлению?

— Бог мой, о чем вы говорите? — изумился я и завопил: — Вернитесь!! Ничего я не признаю!

После чего «Большой Нью-Йорк таймс» публикует: «ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА С ЛУНЫ ГОВОРИТ: "ПИЩА ПРИНАДЛЕЖИТ ГОЛОДАЮЩИМ".

Нью-Йорк, сегодня. О'Келли Дэвис, soi-distant[2] «полковник вооруженных сил Свободной Луны», прилетевший сюда, чтобы завербовать сторонников повстанцев лунных колоний ФН, сделал добровольное заявление нашей газете о том, что статья

[1] Изначально; по определению (*лат.*).

[2] Именующий себя (*фр.*).

"Свобода от голода", содержащаяся в Великой Хартии, применима к лунным поставкам зерна...»

Я спросил профа, как мне следовало отвечать.

— На провокационный вопрос всегда отвечай встречным вопросом,— сказал он мне,— и никогда не проси разъяснить суть вопроса — тебе тут же вложат в рот чужие слова. Этот репортер... он что — тощий? Ребра торчат?

— Нет. Плотненький такой.

— Значит, он не живет на те восемнадцать сотен калорий в день, что указаны в постановлении, на которое он ссылается. Ты мог бы спросить его, как долго он протянул на этом рационе и почему перестал его соблюдать? Или поинтересоваться, что он ел сегодня на завтрак,— и изумленно вылупить глаза, что бы он ни ответил. А если ты не знаешь, куда клонит твой собеседник, сбей его с толку встречным вопросом и переводи разговор на другую тему. А потом, вне зависимости от его ответа, гни свою линию дальше. Логика тут ни при чем — это вопрос тактики.

— Проф, но здесь *никто* не живет на тысячу восемьсот калорий в день! В Бомбее — может быть. Но не здесь.

— В Бомбее тоже. Мануэль, этот «равный рацион» просто фикция. Половина продовольствия на этой планете идет через черный рынок или не учитывается по тем или иным причинам. Или ведется двойная бухгалтерия, и цифры, которые доходят до ФН, не имеют ничего общего с реальностью. Ты думаешь, сведения о зерне из Таиланда, Бирмы и Австралии, которые сообщаются Великим Китаем Контрольному комитету, верны? Я уверен, что индийский представитель в этом продовольственном комитете так не думает. Но Индия помалкивает, ибо получает львиную долю поставок зерна с Луны... а потом «играет с голодом в политические игры» (помнишь формулировочку?), манипулируя с помощью нашего зерна своей избирательной кампанией. Голод в Керале[1] в прошлом году был специально запланирован. Ты видел сообщения об этом в газетах?

— Нет.

[1] Один из штатов Индии.

— Правильно. Потому что их не было. Управляемая демократия, Мануэль, это великолепная штука для тех, кто управляет... Ее главной силой является «свободная пресса», только «свободная» толкуется как «ответственная», а уж правители решают, что является «ответственным», а что «безответственным». Ты знаешь, что больше всего нужно сейчас Луне?

— Больше льда.

— Система массовой информации, которая не зависела бы от одного-единственного канала распространения. Наш друг Майк — наша величайшая опасность.

— Что? Вы не доверяете Майку?

— Мануэль, есть вопросы, в которых я не доверяю даже самому себе. Нельзя «чуть-чуть» ограничить свободу информации, как нельзя быть «чуть-чуть беременной». Мы не свободны и не будем свободны до тех пор, пока кто-то — пусть даже наш союзник Майк — контролирует средства массовой информации. Когда-нибудь я надеюсь основать газету, которая будет независима от всех источников информации и каналов распространения. Я бы с радостью писал ее от руки, подобно Бенджамину Франклину.

Я сдался.

— Проф, предположим, что эти переговоры провалятся и поставки зерна прекратятся. Что тогда будет?

— Народ — там, дома,— разозлится на нас... и многие на Терре умрут. Ты читал Мальтуса?

— Кажется, нет.

— Умрут многие. Затем положение вновь стабилизируется и население увеличится, но уже за счет людей, способных лучше трудиться и обеспечить себя пропитанием. Эта планета не перенаселена, она просто плохо управляется... и самая жестокая вещь, которую можно сделать для голодающих, это дать им поесть. Просто дать! Прочти Мальтуса. Над доктором Мальтусом не стоит смеяться — это небезопасно, он всегда смеется последним. Этот человек повергает в безнадежность. И я рад, что он уже умер. Но не читай его до того, как закончится наша миссия. Лишние знания мешают дипломатам, особенно честным.

— Ну, не так-то уж я честен.

— Но у тебя нет таланта ко лжи, поэтому спасение для тебя только в невежестве и упрямстве. Последнего у тебя хватает; постарайся сохранить и первое. Во всяком случае, на время. Парень, твой дядюшка Бернардо ужасно устал.

— Извините,— сказал я и покатил из комнаты. Проф не щадил живота своего. Я бы с радостью бросил все дела, если бы мог засунуть его в корабль и спасти от земной гравитации. Но движение по-прежнему оставалось односторонним — зерновые баржи и больше ничего.

А проф продолжал радоваться жизни. Когда я подкатил к дверям и уже дал сигнал освещению вырубиться, то опять обратил внимание на игрушку, которую он недавно приобрел и которая радовала его, как радует мальчишку рождественский подарок; это была медная пушка.

Настоящая медная пушка с парусного судна. Маленькая, ствол всего полметра, а вес вместе с деревянным лафетом пятнадцать кило. «Сигнальная пушка» — было написано в ее паспорте. От нее веяло древней историей, пиратами и их пленниками, «идущими по доске»[1]. Славная вещица, но я все же спросил профа — зачем? Если нам и удастся отчалить, перевезти ее в Луну будет невозможно — хотя ради нее я готов отказаться даже от скафандра, почти неношеного, и вообще оставить себе лишь пару левых рук и шорты. Если подопрет, откажусь даже от «представительской». Ну а если совсем подопрет — черт с ними, с шортами. Проф протянул руку и погладил блестящий ствол.

— Мануэль, когда-то жил человек, который в этом Директорате имел синекуру — начищал медную пушку возле здания суда.

— А зачем суду медная пушка?

— Неважно. Он занимался этим из года в год. Работа кормила его и даже позволяла откладывать кое-что на черный день, но не

[1] Пираты заставляли пленников идти с завязанными глазами по доске, положенной на борт судна, до тех пор, пока они не падали в море.

давала возможности сделать карьеру. И вот в один прекрасный день он уволился, снял со счета все свои сбережения, купил медную пушечку... и стал ее начищать.

— Похоже, он был полнейшим идиотом.

— Без сомнения. Но не большим, чем мы, когда мы свергали Смотрителя. Мануэль, ты меня переживешь. Когда Луна обзаведется своим знаменем, пусть на нем будет золотая пушка на черном фоне, перечеркнутом зловещей кровавой полосой в честь наших гордых и преступных предков. Думаешь, это можно будет сделать?

— Думаю, да, если вы нарисуете. Но зачем нам знамя, если во всей Луне нет ни одного флагштока?

— Оно может развеваться в наших сердцах... как символ всех дураков, которые столь чудовищно непрактичны, что воображают, будто могут одолеть городскую управу. Ты запомнишь это, Мануэль?

— Будьте уверены. То есть я обязательно напомню вам, когда придет время.

Мне этот разговор жутко не понравился. Проф начал пользоваться кислородной палаткой, но только втихаря, ни в коем случае не на людях.

Полагаю, я действительно невежествен и упрям, во всяком случае, оба эти качества проявились в городе Лексингтоне, Кентукки, в Центральной административной зоне. Единственной темой, на которую проф позволял мне импровизировать без вызубренных домашних заготовок, была наша жизнь в Луне. Проф велел говорить правду, подольше распространяться о простых, теплых, домашних обычаях, особенно если они отличаются от земных. «Помни, Мануэль, что тысячи жителей Терры, побывавшие в Луне с краткосрочными визитами, это ничтожно малая доля процента всех землян. Для большинства людей мы такая же любопытная диковинка, как необычные звери в зоопарках. Ты помнишь ту черепашку на выставке в Старом Куполе? Это мы и есть».

Что правда, то правда. Они разглядывали меня, словно какого-то невиданного жука. Так что когда эта парочка начала

допрашивать меня о семейной жизни в Луне, я откровенно обрадовался. Я ничего не приукрашивал, просто кое о чем умолчал — о вещах, которые к семейной жизни прямо не относятся, но играют роль ее эрзацев в обществе с явным преобладанием мужчин. Свободное время в Луна-Сити проводят главным образом дома и в семье. По земным понятиям, может, и скучно, а по мне так лучше не бывает. Другие поселения сходны в этом отношении с Луна-Сити — там тоже люди работают, воспитывают детей, сплетничают и в основном развлекаются не отходя от обеденного стола. Рассказывать-то особенно не о чем, но я готов был ответить на любой вопрос, который их заинтересует. Все обычаи в Луне ведут свое происхождение с Терры, как и сами лунари, но Терра очень велика, и обычай, пришедший, скажем, из Микронезии, может показаться очень странным в Северной Америке.

Эта женщина — язык не поворачивается назвать ее леди — хотела узнать о разных формах брака. Во-первых, верно ли, что «на» Луне можно жениться без лицензии?

Я спросил, а что это за штука такая — лицензия на брак?

Ее компаньон сказал:

— Оставь его, Милдред, пионерные общества не имеют лицензий на брак.

— Но разве вы не ведете никакой регистрации браков? — настаивала она.

— Разумеется, ведем,— согласился я.— У моей семьи есть книга, записи в которой восходят к первой высадке ссыльных в Джонсон-Сити. Там записана каждая свадьба, каждое рождение, каждая смерть — словом, все важнейшие события не только в самой семье, но и во всех ее ответвлениях, насколько нам удавалось это проследить. Кроме того, есть человек, школьный учитель, который ходит по домам и копирует старинные семейные записи по всему нашему поселению. Пишет историю Луна-Сити. Такое у него хобби.

— Но разве у вас нет официальных записей? У нас в Кентукки существуют архивы, которые уходят в глубь времен на сотни лет.

— Мадам, мы еще не прожили там столько.

— Да... верно. Но ведь должен же быть в Луна-Сити какой-нибудь городской чиновник? Может быть, вы его называете иначе — например, «летописец округа»? То есть официальное лицо, которое хранит свидетельства такого рода? Документы и тому подобное?

— Не думаю, мадам,— ответил я.— Некоторые букмекеры занимаются нотариальной работой, свидетельствуя подписи на контрактах и ведя их учет. Это для людей, которые сами ни читать, ни писать не умеют, а потому своих архивов иметь не могут. Но я никогда не слыхал, чтобы кто-то вел записи браков. Я не говорю, что такого быть не может. Но я не слыхал.

— Какие замечательно простые нравы! У нас ходят слухи, что на Селене очень легко получить развод. Осмелюсь предположить, что это тоже правда?

— Нет, мадам, я бы не сказал, что развод у нас так уж прост. Слишком многое приходится оговаривать. М-м-м... ну, возьмем простой пример: леди и, скажем, двое мужей.

— *Двое*?!

— Бывает и больше, а бывает и один. А может быть и сложный брак. Но давайте возьмем одну леди и двух мужей как типичный пример. Она решает развестись с одним из них. Предположим, все происходит полюбовно, другой муж согласен, а тот, от которого она хочет отделаться, тоже шума не поднимает. Впрочем, если бы и поднимал, толку бы от этого было чуть. О'кей, она разводится, он уходит. И все равно остаются проблемы. Оба мужа могут оказаться партнерами в бизнесе, собрачники ведь часто бывают. Развод может разбить партнерство. Появляются денежные претензии, которые должны быть улажены. Все трое могут совместно владеть кубатурой, и, если она записана на жену, бывший муж, вероятно, должен получить либо деньги, либо право аренды. И почти наверняка есть дети, с которыми следует считаться, которых нужно растить, и так далее. Да мало ли что! Нет, мадам, развод — штука непростая. Развестись с человеком можно за десять секунд, но потом десять лет придется распутывать концы. А здесь разве не так?

— Э-э... зэбудем, штэ я зэдэла вам этот вэпрос, пэуковник; у нас тут все прошче.— Именно так она и говорила; я понимал ее лишь потому, что была известна общая тема интервью. Дальше воспроизводить ее произношение не стану.— Но если это «простой» брак, то что вы называете «сложным»?

Я пустился в объяснение полиандрии, клановых, групповых, линейных браков и еще более редких сочетаний, которые считаются вульгарными у консервативных людей, в том числе у моей семьи. Вроде того, что затеяла моя матушка, когда выгнала вон моего родителя. Описывать этот случай я не стал — моя мать всегда любила крайности.

— Вы меня совсем запутали,— сказала женщина.— Какая все-таки разница между линейным и плановым браком?

— Очень большая. Возьмем мой собственный случай. Я имею честь быть членом одного из самых старинных линейный браков в Луне и, по моему пристрастному мнению, одного из самых лучших. Вы спрашивали о разводе. В нашей семье не было ни одного, и готов спорить на что угодно — никогда не будет. Линейный брак год от года становится крепче, члены семьи постигают искусство совместной жизни и уже не мыслят своего существования друг без друга. Кроме того, требуется единогласное решение всех жен, чтобы развестись с мужем, а это невозможно. Старшая жена не позволит делу зайти так далеко.

Я продолжал описывать преимущества этой формы брака, его финансовую прочность, прекрасные условия для воспитания детей. Подчеркнул, что смерть кого-нибудь из собрачников для нас, конечно, большое горе, но не трагедия, как во временных семьях, особенно для детей: дети просто *не могут* стать сиротами. Полагаю, я расписывал все это с излишним энтузиазмом, но моя семья — самая важная вещь в моей жизни. Кто я без нее? Всего лишь однорукий механик, ликвидируй его — никто и не заметит.

— Вот почему этот брак крепок,— говорил я.— Возьмите мою младшую жену — *ей* шестнадцать. Надо думать, что старшей женой она станет, когда вступит в восьмой десяток. Это вовсе не значит, что все жены, которые старше ее по возрасту,

к тому времени умрут. В Луне, похоже, женщины вообще не умирают. Но они могут отказаться от руководства семьей: по нашей семейной традиции они обычно так и поступают, хотя младшие жены никакого давления на старших не оказывают. Поэтому Людмила...

— Людмила?

— Russki имя. Из волшебной сказки. У Милы больше полувека будет перед глазами хороший пример, прежде чем она взвалит на свои плечи эту ношу. Она вообще очень разумна и вряд ли способна сделать большую ошибку, а если и сделает, то другие жены поправят. Наша семья — саморегулирующаяся система, как компьютер с хорошей обратной связью. Прочный линейный брак бессмертен; я думаю, что мой переживет меня по крайней мере лет на тысячу. Вот почему я умру без сожалений, когда придет мой час. Лучшая часть меня будет продолжать жить.

В это время профа повезли из комнаты. Он сделал знак остановиться и прислушался. Я обернулся к нему.

— Профессор,— сказал я,— вы знаете мою семью. Объясните, пожалуйста, этой леди, почему наша семья счастлива. Если, конечно, вы согласны с этим определением.

— Безусловно,— ответил проф.— Однако мне хотелось бы сделать более общее замечание. Дорогая мадам, мне кажется, что брачные обычаи в Луне представляются вам слишком экзотичными.

— Ну, может быть, это чересчур сильно сказано,— возразила она быстро,— но, во всяком случае, они несколько необычны.

— Они проистекают, как и все брачные обычаи вообще, из экономической необходимости, порождаемой условиями жизни, а наши условия очень отличаются от земных. Возьмите линейный брак, который так хвалил мой коллега... и, заверяю вас, вполне справедливо, несмотря на его личные пристрастия. Я же холостяк и подобных пристрастий не имею. Линейный брак — самое прочное из возможных изобретений для сохранения капитала и обеспечения благополучия детей (двух главных социальных функций брака) в обстановке, где не существует безопасности ни

для капитала, ни для детей, кроме той, которая обеспечивается индивидуумами. Люди так или иначе всегда приспосабливаются к окружающей среде. Линейный брак — удивительно удачное изобретение в этом смысле. Все другие лунные формы брака преследуют ту же цель, хотя и менее успешно.

Он пожелал всем доброй ночи, и его увезли. Я ношу с собой — всегда! — фотографию своей семьи, самую последнюю, в данном случае снятую на свадьбе Вайоминг. Новобрачные выглядели пригожими и счастливыми — даже Дед, и тот смотрелся высоким и гордым, никак не обнаруживая упадка сил.

Но я был разочарован: они глядели на фотографию как-то странно. Мужчина — его звали Мэтью — сказал:

— Вы можете дать мне этот снимок, полковник?

— Это единственный экземпляр,— поморщился я,— а до дома так далеко.

— Я имею в виду — на минутку. Позвольте мне ее переснять. Прямо здесь, на месте, не выпуская из рук.

— Ах, так! Ну конечно!

Я выглядел на фото не лучшим образом, но другого лица у меня нет, зато Вайо была там хороша, а вторую такую, как Ленора, вообще поискать.

Он переснял фотографию, а на следующее утро за мной пришли, разбудили чуть свет, арестовали, увезли в инвалидной коляске и заперли в камеру с *решетками!* За многоженство. За полигамию. За открытую проповедь безнравственности и публичную попытку совращения окружающих.

Хорошо еще, что Ма этого не видела.

Глава 19

Стью угробил целый день на то, чтобы добиться передачи моего дела в суд ФН и чтобы там его закрыли. Его адвокаты нажимали на вопрос о «дипломатической неприкосновенности», но судьи ФН на эту приманку не клюнули, а просто отметили, что инкриминируемые мне обвинения находятся вне юрисдикции нижнего суда, за исключением обвинения в «со-

вращении», по которому, однако, не представлено достаточных улик. Не существует никаких законов ФН, касающихся брака; их и не может быть — есть лишь одно постановление, требующее от каждой страны «относиться с уважением и доверием» к брачным обычаям других народов.

Из одиннадцати миллиардов землян не меньше семи миллиардов живут в странах, где полигамия существует официально, и подручные Стью ловко склонили общественное мнение в нашу пользу, подняв крик о «гонениях»; публикации завоевали нам симпатии людей, которые иначе даже не узнали бы о нашем существовании, в том числе в Северной Америке и других странах, где полигамия легально не существует, но где люди исповедуют принцип «живи сам и давай жить другим». Так что все оказалось к лучшему, ибо нам как раз и надо было привлечь к себе внимание. Ведь для большинства «роящихся» миллиардов землян Луна — это пустой звук, они нашего восстания просто не заметили.

Подручные Стью затратили уйму энергии на разработку плана моего ареста. Мне-то об этом рассказали несколько недель спустя, когда я поостыл и смог спокойно оценить полученные выгоды. Они свели вместе судью-идиота, взяточника-шерифа и дикие местные предрассудки, которые вспыхнули при виде той милой фотографии, ибо, как признался позже Стью, многообразие оттенков кожи в семье Дэвисов вызвало особый гнев судьи и заставило его наделать глупостей, выходящих за пределы его обычного тупоумия.

Мое единственное утешение — что Ма не увидит моего позора — оказалось утопией: изображения моей мрачной физиономии в клеточку появились во всех лунных газетах, которые перепечатывали самые злобные нападки земной прессы, хотя статей в мою защиту было гораздо больше. Но я недооценил свою Мими: она нисколько не стыдилась, она только мечтала, как бы ей добраться до Земли и разорвать там кое-кого на мелкие кусочки.

Хотя эта история и помогла нам на Земле, но наибольший эффект она вызвала в Луне. Лунари из-за нее сплотились как никогда. Они почувствовали себя оскорбленными, а «Адам Селен»

и «Саймон Джестер» вовсю подливали масла в огонь. Лунари вообще-то народ добродушный, но если дело касается женщин — шутки в сторону! Каждая леди восприняла новости с Терры как личное оскорбление, а мужики, которым политика вообще до фени, внезапно обнаружили, что я — «молоток и свой в доску».

Был и еще один побочный результат. Как правило, старые лагерники смотрят на свободнорожденных сверху вниз, но позже мне частенько приходилось слышать от бывших заключенных: «Привет, рецидивист!» — что-то вроде масонского приветствия, означавшего, что меня приняли.

Однако тогда я ничего хорошего в этой истории не видел. Меня пихали, как скотину, у меня брали отпечатки пальцев, фотографировали, меня кормили едой, которую мы и свиньям постеснялись бы дать, меня всячески унижали, и только сила тяжести удерживала меня от попытки кого-нибудь из них пристукнуть — будь на мне в момент ареста моя номер шесть, я бы наверняка не утерпел.

Но все улеглось, меня освободили. Уже через несколько часов мы вылетели в Агру: наконец-то пришел вызов из комитета. Было приятно снова оказаться во дворце магараджи, но смена часовых поясов — мы перемахнули одиннадцать штук за три часа — не оставила времени на отдых. Так что отправились на слушание, засыпая на ходу и держась на ногах лишь с помощью таблеток.

Слушание было односторонним; мы слушали, а председатель вещал. Вещал он не меньше часа. Изложу только самую суть.

Наши абсурдные претензии отвергались, Лунная Администрация будет и дальше выполнять свои священные обязанности. Беспорядков на Земной Селене никто не потерпит. Более того, недавние беспорядки показали, что Администрация была излишне снисходительна. Это упущение будет исправлено принятием программы активных действий — пятилетнего плана, в котором тщательно регламентируются все стороны жизни на Селене под опекой Администрации.

В настоящее время разрабатывается кодекс законов; будут созданы гражданские и уголовные суды для клиентов-вольно-

наемных — то есть для всех жителей опекаемой территории, а не только для ссыльных, отбывающих срок. Будут открыты общеобразовательные школы и учебные заведения для взрослых. Будут сформированы плановые комиссии по экономике, промышленности и сельскому хозяйству, что позволит более полно и эффективно использовать материальные ресурсы Селены и труд клиентов-вольнонаемных. В качестве ближайшей цели принято решение увеличить за пять лет поставку зерна в четыре раза — цель вполне достижимая с помощью научного планирования использования природных и трудовых ресурсов. Первоочередная задача — организовать отток клиентов-вольнонаемных из непроизводительных сфер и направить их на бурение обширной сети сельскохозяйственных туннелей, чтобы гидропоника начала развиваться в них не позднее марта месяца 2078 года. Новые гигантские фермы будут принадлежать Лунной Администрации и управляться научными методами, произволу частных собственников будет положен конец. К концу пятилетия эта система обеспечит выполнение нынешних квот; что же касается клиентов-вольнонаемных, выращивающих зерно на частных фермах, то им разрешат продолжать свое занятие. Но фермеров постепенно включат в новую систему производства, по мере того как надобность в их менее эффективных методах отпадет.

Председатель поднял взгляд от своих записей.

— Короче, лунные колонии цивилизуют и приведут в административное соответствие со всем цивилизованным обществом. Прискорбно, но приходится признать — я говорю это скорее как гражданин, нежели как председатель комитета,— что мы должны поблагодарить вас за услугу: вы привлекли наше внимание к ситуации, которая уже давно нуждается в решительной корректировке.

Мне хотелось врезать ему по ушам. «Клиенты-вольнонаемные»! Ишь какое затейливое название вместо простого слова «рабы»!

Но проф безмятежно сказал:

— Я нахожу предложенные планы в высшей степени интересными. Разрешается ли задавать вопросы? С чисто информационной целью?

— С чисто информационной — пожалуйста.

Североамериканский представитель выскочил вперед:

— Только не думайте, что мы намерены выслушивать дерзости от пещерных троглодитов! К вам это тоже относится! Так что следите за своими выражениями.

— К порядку! — призвал председатель.— Продолжайте, профессор.

— Меня заинтриговал термин «клиенты-вольнонаемные». Согласны ли вы с тем, что подавляющее большинство населения главного спутника Земли составляют не арестанты, а свободные граждане?

— Разумеется,— вежливо согласился председатель.— Рассмотрены все юридические аспекты новой политики. За мелкими исключениями, примерно девяносто один процент колонистов имеет гражданство в различных странах — членах Федерации Наций или по праву рождения, или по праву наследования. Те, кто пожелает, могут вернуться на родину. Вам будет приятно узнать, что Администрация рассматривает план, согласно которому неимущим будут предоставлены кредиты на оплату переезда... возможно, под надзором Международного Красного Креста и Полумесяца. Могу добавить, что я сам от всего сердца поддерживаю этот план, поскольку он кладет конец всякой болтовне о «рабском труде».— И он самодовольно ухмыльнулся.

— Понимаю,— согласился проф.— В высшей степени гуманно. Интересно, учитывает ли при этом комитет (или Администрация) тот бесспорно установленный факт, что обитатели Луны физически не способны жить на Земле? Что лунари против собственной воли обречены на вечную ссылку из-за необратимых физиологических изменений и уже никогда не смогут жить полноценной жизнью при силе тяжести, в шесть раз превышающей ту, к которой они привыкли?

Мерзавец поджал губы, будто это соображение было для него совершенно неожиданным.

— Я лично не считаю ваше утверждение бесспорным. Полагаю, все зависит от организма. Для одних это так, для других — иначе. Ваше присутствие здесь доказывает, что обитатели Луны

способны жить на Земле. В любом случае, мы не имеем намерения *насильно* переселять их сюда. Напротив, мы надеемся, что они решат остаться, и собираемся поощрять добровольцев, желающих эмигрировать на Селену. Но это будет индивидуальный выбор, без какого-либо ущемления свобод, гарантируемых Великой Хартией. Что же касается предполагаемого физиологического феномена, то он правового характера не имеет. Если кто-то считает, что для него разумнее остаться на Селене, или полагает, что там он будет более счастлив, это его право.

— Понимаю, сэр. Мы свободны. Свободны либо остаться в Луне и работать там, где вы укажете, за плату, вами же назначенную, либо вернуться на Землю и умереть.

Председатель пожал плечами.

— Вы считаете нас злодеями, но это не так. Да если бы я был молод, я бы сам эмигрировал на Селену. Какие великолепные возможности! Во всяком случае, ваши обвинения меня не волнуют. История нас оправдает.

Проф меня удивил. Он не стал сражаться. Я встревожился: похоже, сказываются недели напряжения плюс бессонная ночь. Он сказал:

— Достопочтенный председатель, как я понимаю, сообщение с Луной в скором времени будет возобновлено. Можно ли рассчитывать на места для меня и моего коллеги на первом же корабле? Ибо должен признаться, сэр, эта гравитационная слабость, о которой я говорил, в нашем случае вполне реальна. Наша миссия завершена; нам пора возвращаться домой.

(И ни слова о зерновых баржах. Или о «швырянии камнями», или хотя бы о бессмысленности битья коровы. В голосе профа звучала глубокая усталость.)

Председатель наклонился вперед и заявил с неприкрытым злорадством:

— Профессор, тут возникают затруднения. Откровенно говоря, вам собираются предъявить обвинение в преступлениях против Великой Хартии и даже против всего человечества... в настоящее время формулировка уточняется. Я, однако, сомневаюсь, чтобы человеку вашего возраста и с вашим состоянием

здоровья грозило нечто большее, нежели условный приговор. Как вы полагаете, разумно ли будет с нашей стороны вернуть вас туда, где вы совершили противоправные деяния, и тем самым спровоцировать новые беспорядки?

Проф вздохнул.

— Я понимаю вашу точку зрения. В таком случае вы разрешите мне удалиться? Я очень устал.

— Разумеется. Прошу вас оставаться в распоряжении комитета. Слушание окончено. Полковник Дэвис...

— Сэр? — Я уже начал разворачивать свою коляску, чтобы выкатить профа из комнаты: наших сопровождающих сюда не пускали.

— Я хотел бы поговорить с вами, если позволите. В моем кабинете.

— Э-э...— Я взглянул на профа. Глаза закрыты, похоже, потерял сознание. Но одним пальцем подзывает меня к себе.— Достопочтенный председатель, я больше сиделка, чем дипломат. За профессором нужен уход. Он очень стар и болен.

— Ваши сопровождающие позаботятся о нем.

— Ну...— Я подъехал к профу так близко, как позволяла коляска, нагнулся пониже.— Проф, вы в порядке?

Он почти неслышно шепнул:

— Узнай, что ему надо. Соглашайся. Тяни время.

Через несколько минут мы с председателем остались один на один, звуконепроницаемая дверь захлопнулась... что не имело никакого значения, ибо в комнате наверняка была дюжина ушей (плюс одно ухо в моей левой руке).

— Спиртное? Кофе? — спросил он.

— Нет, благодарю вас, сэр,— ответил я.— Мне приходится соблюдать здесь жесткую диету.

— Понятно. Вы действительно прикованы к этой коляске? Выглядите вы хорошо.

— Я могу, если надо, встать и пересечь комнату. При этом, возможно, потеряю сознание. Или даже хуже. Предпочитаю не рисковать. Вешу тут в шесть раз больше, чем обычно. Сердце может не выдержать.

— Понятно. Полковник, я слышал, вы влипли в какую-то глупую историю в Северной Америке. Я глубоко сожалею об этом, поверьте. Варварские места! Всегда чувствую себя отвратительно, когда приходится там бывать. Думаю, вы гадаете, о чем я хочу с вами побеседовать?

— Нет, сэр. Надеюсь, вы скажете об этом, когда сочтете нужным. Я удивлен другим — зачем вы все еще называете меня полковником?

Он издал лающий смешок.

— По привычке, должно быть. Привыкаешь, знаете ли, к протоколу. Хотя у вас есть возможность сохранить это звание. Скажите, что вы думаете о нашем пятилетнем плане?

Я думал, что от него разит дерьмом.

— Полагаю, он тщательно продуман.

— Да, над ним основательно поработали. Полковник, вы кажетесь разумным человеком; более того, вы действительно разумный человек. Мне известно не только ваше прошлое, но каждое сказанное вами слово, чуть ли не каждая ваша мысль с тех пор, как вы ступили на Землю. Вы родились на Селене. Считаете ли вы себя патриотом? Селены, я имею в виду?

— Вероятно, да... Однако я и теперь считаю, что мы поступили правильно.

— Если между нами — я согласен. Этот старый дурак Хобарт... Полковник, это *хороший* план, но ему недостает исполнителя. Если вы действительно патриот или, скажем, практичный человек, принимающий близко к сердцу интересы своей страны, вы сможете помочь нам воплотить его в жизнь.— Он предостерегающе поднял руку.— Не спешите! Я не предлагаю вам продаться, сделаться предателем или что-нибудь еще в этом роде. Я предлагаю вам шанс стать настоящим патриотом, а не подделкой под героя, отдающего жизнь за заранее проигранное дело. Давайте посмотрим на вещи трезво. Неужели вы считаете, что лунные колонии устоят против силы, которую обрушит на них Федерация Наций Земли? Вы человек не военный, это мне известно, и, кстати, меня это только радует, но вы хорошо разбираетесь в технике: как видите, это мне тоже известно.

Скажите откровенно, сколько, по-вашему, потребуется кораблей и бомб, чтобы уничтожить лунные колонии?

— Один корабль, шесть бомб,— ответил я.

— Верно! Боже мой, как приятно говорить с разумным человеком. Две бомбы должны быть очень большими, возможно, их придется сделать специально. В живых останутся очень немногие и ненадолго, в основном в мелких поселениях, в стороне от зоны бомбежки. И все это сделает один корабль за десять минут.

— Согласен, сэр,— сказал я,— но профессор де ла Пас правильно заметил: битьем молока от коровы не получишь. А если ее пристрелить — тем более.

— А как вы думаете, почему мы тянули и ничего не предпринимали целый месяц? Этот идиот, мой коллега, не буду называть его по имени, толковал о «дерзостях». Дерзости меня не пугают; все это болтовня, а меня интересует дело. Нет, мой дорогой полковник, мы не станем пристреливать корову... Но, если нас припрут к стенке, мы дадим корове понять, что ее *можно* пристрелить. Водородные бомбы — дорогие игрушки, но мы в состоянии позволить себе потратить несколько штук на предупредительные бомбежки по голым скалам, чтобы корова поняла, что с ней может случиться. Однако нам не хотелось бы применять столь сильные средства: не дай бог, корова испугается, и молоко скиснет.— Он издал еще один лающий смешок.— Лучше уговорить старушку, чтобы дала молока добром.

Я не реагировал.

— Вас не интересует, каким образом? — не выдержал он.

— Каким же?

— С вашей помощью. Не перебивайте и разрешите мне закончить.

И привел он меня на высокую гору и предложил мне царства земные. Вернее, лунные. А еще точнее, должность Протектора pro term[1] с намеком, что, если все будет о'кей, последние два слова из названия можно и убрать. Убедить лунарей,

[1] Временный (*лат.*).

что победы им не видать. Убедить их, что новый план создан для их же блага, подчеркнуть выгоды — бесплатные школы, бесплатные больницы и так далее, детали потом, главное, чтобы все было под надзором правительства, как на Терре. Налоги — для начала низкие, автоматически и безболезненно вычитаемые из зарплаты и доходов от зернопоставок... И, что важнее всего, на сей раз Администрация не пошлет зеленых юнцов заниматься мужской работой, а отправит два полка полиции одновременно.

— Эти проклятые драгуны-усмирители были ошибкой,— продолжал он,— и мы ее не повторим. Между нами, весь этот месяц мы настойчиво доказывали Комиссии по контролю за поддержанием мира, что горсточка людей не в состоянии поддерживать порядок среди трех миллионов, к тому же разбросанных по шести большим поселениям и пятидесяти мелким. Так что у вас будет солидная поддержка — не просто войска, а военная полиция, привыкшая усмирять население без лишнего шума. Кроме того, отправим женский вспомогательный отряд, обычные десять процентов, и никаких жалоб на насилия больше не будет. Ну как, сэр? Думаете, потянете? Зная, что по большому счету это лучший выход для вашего народа?

Я ответил, что должен изучить все в деталях, особенно планы и квоты пятилетки, чтобы не принимать необдуманных решений.

— Конечно, конечно,— согласился он.— Я вам дам копию беловика, мы все подготовили. Возьмите ее с собой, изучите, подумайте до утра. Завтра поговорим. Только дайте мне слово джентльмена держать все в секрете. На самом деле никакого секрета тут нет... но такие вещи лучше улаживать до того, как о них начнет говорить пресса. Кстати о публикациях: вам понадобится помощь, и вы ее получите. Мы пойдем на любые издержки, пошлем вам лучших людей: заплатим сколько потребуется, построим центрифугу, как ученым... в общем, вы понимаете. На *сей* раз ошибок не будет. Этот дурак Хобарт... Он мертв, не правда ли?

— Нет, сэр. Просто в маразме.

— Надо было его прикончить. Вот вам копия плана.

— Сэр, кстати о стариках... Профессор де ла Пас тут оставаться не может. Не проживет и шести месяцев.

— Ну это только к лучшему, не так ли?

Я постарался удержаться от эмоций.

— Вы не понимаете. Его любят и почитают. Лучше всего, если бы мне удалось его убедить, что водородные бомбы — не пустая угроза и что его патриотический долг — спасти все, что можно спасти. Но так или иначе, если я вернусь без него... я не только не потяну, я даже начать не сумею, просто не проживу достаточно долго.

— Хм... ладно, там посмотрим. Завтра поговорим. Скажем, часов в четырнадцать.

Я вышел, погрузился в фургон, и тут меня затрясло. Не дано мне глядеть на вещи с точки зрения высших соображений.

Стью с профом ждали меня.

— Ну? — спросил проф.

Я оглядел стены и постучал пальцем по уху. Мы наклонили головы к голове профа и натянули на себя парочку одеял. В постели профа и в моем кресле «жучков» не было — я проверял их каждое утро. Но что касается самой комнаты, то безопаснее шептаться под одеялами.

Я сделал вступление. Проф прервал меня:

— Его происхождение и привычки оставим на потом. Давай факты.

— Он предложил мне работу Смотрителя.

— Надеюсь, ты согласился?

— Процентов на девяносто. Я должен изучить это дерьмо и завтра дать ответ. Стью, когда мы можем приступить к осуществлению плана «Ноги в руки»?

— Уже приступили. Ждали только, когда ты вернешься. Если вернешься, конечно.

Следующие пятьдесят минут мы провели в лихорадочной деятельности. Стью вызвал костлявого индуса, одетого в дхоти. Через тридцать минут он превратился в двойника профа, и Стью перегрузил профа из постели на диван. Дублировать меня было проще. Наших дублеров вкатили в гостиную, как раз ког-

да стемнело и принесли ужин. Несколько человек вошло, несколько — вышло. Среди последних была пожилая индуска в сари, опиравшаяся на руку Стьюарта Лажуа. За ними шествовал толстенький бабу.

Труднее всего было доставить профа по лестнице на крышу; он никогда не пользовался механическими инвалидными ходунками, у него не было возможности их освоить, а кроме того, он больше месяца провел лежа на спине.

Но рука Стью держала его крепко. Я сжал зубы и преодолел тринадцать проклятых ступенек без посторонней помощи. Когда добрался до крыши, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Главное — не хлопнуться в обморок, это сейчас совсем некстати. Бесшумный маленький флаер появился из тьмы в точно назначенное время, и через девять минут мы уже сидели в чартерном самолете, которым пользовались весь последний месяц, а еще через две минуты вылетели в Австралию. Понятия не имею, чего стоило организовать всю эту музыку и поддерживать ее наготове, пока не понадобится, но все прошло как по нотам.

Вытянувшись рядом с профом и наконец отдышавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете, проф?

— О'кей. Немного устал. И разочарован.

— Ja, da. Разочарован.

— Я имею в виду — из-за того, что так и не повидал Тадж-Махал. В юности не довелось, а нынче... Дважды был от него в двух шагах, несколько дней назад и сегодня, но так и не увидел. Теперь уж никогда не увижу.

— Подумаешь, обыкновенная гробница.

— А Елена Прекрасная — обыкновенная баба. Спи уж, парень.

Мы приземлились на китайской части Австралии, в городе под названием Дарвин. Нас погрузили на корабль, усадили в антиперегрузочные кресла и сделали уколы.

Проф уже уснул, а я начал клевать носом, когда внезапно появился Стью. Широко ухмыльнулся, уселся рядом и пристегнул ремни. Я воззрился не него:

— И ты здесь? Кто же остался в лавке?

— Те самые ребята, которые и раньше делали основную работу. Это хорошая команда, я им больше не нужен. Манни, дружище, мне неохота торчать так далеко от дома. Я имею в виду Луну, на случай, если ты туго соображаешь. Похоже, это последний поезд из Шанхая.

— При чем тут Шанхай?

— Ладно, замнем для ясности... Манни... я разорился в пух и прах. Одни долги кругом — и я смогу их уплатить, только если кое-какие акции быстро пойдут вверх. По крайней мере, Адам Селен уверял меня, что они поднимутся, когда мы пройдем через переломную точку истории. К тому же меня ждет арест — или будет ждать в скором времени — за нарушение общественного порядка и оскорбление человеческого достоинства. Короче говоря, я избавлю их от расходов по моей транспортировке в Луну. Как думаешь, в моем возрасте не поздно учиться на бурильщика?

Мозги у меня заволокло туманом — укол делал свое дело.

— Стью, в Луне ты еще не стар... какие наши годы... а если... за нашим столом всегда... ты же у нас любимчик Мими...

— Спасибо, дружище, я подумаю. Стартовый сигнал! Дыши глубже.

И тут на меня обрушилась десятикратная.

Глава 20

Наш корабль был чем-то вроде парома Земля—орбита. Их используют для связи с обитаемыми спутниками, для снабжения патрульных судов Федерации и для перевозки пассажиров к спутникам с казино и развлечениями. На сей раз на корабле было только три пассажира вместо сорока и никакого груза, кроме трех скафандров и медной пушечки (да, дурацкая игрушка была на борту: скафандры вместе с профовой «бабахалкой» доставили в Австралию неделей раньше, чем нас); экипаж нашего славного «Жаворонка» состоял только из шкипера и пилота-киборга.

Зато топлива было хоть отбавляй.

Мы совершили (как мне потом сказали) обычный подход к спутнику «Элизиум», а затем внезапно сменили орбитальную скорость на вторую космическую — придавило нас при этом покруче, чем на старте.

Маневр засекла станция космического слежения ФН; нам приказали остановиться и объяснить свои действия. Все это я узнал от Стью, пока приходил в себя и наслаждался роскошью невесомости, прицепившись к креслу одним ремнем. Проф все еще был без чувств.

— Они, значит, захотели узнать, кто мы такие и соображаем ли мы, что делаем,— говорил Стью.— Мы ответили, что мы китайское судно «Расцветающий Лотос», выполняющее миссию милосердия. Направляемся к Луне для спасения ученых, томящихся там в неволе. Сообщили им свои данные для идентификации — сам понимаешь, данные «Расцветающего Лотоса».

— А как же импульсный повторитель?

— Если мне продали то, за что я заплатил, то наш повторитель, который десять минут назад идентифицировал нас как «Жаворонка», должен был теперь давать данные «Лотоса». Впрочем, скоро все выяснится. У них есть один крейсер, который может сбить нас ракетой и разнести...— Стью взглянул на часы,— ...в ближайшие двадцать семь минут, если верить этому опутанному проводами джентльмену, пилотирующему наше корыто; в противном случае шансы крейсера на перехват упадут почти до нуля. Так что, если тебя это волнует — если хочешь молитву прочесть или послание кому отправить,— то сейчас самое время.

— А проф? Будем его будить?

— Пусть спит. Для прыжка на тот свет лучше не придумаешь, прямо из мирного сна — в облако светящегося газа. Хотя, может быть, тебе известны какие-то религиозные обряды, которые он хотел бы соблюсти? Правда, проф никогда не казался мне религиозным, во всяком случае в ортодоксальном смысле.

— Он не религиозен. Но если у тебя самого есть подобные желания, ты меня, ради бога, не стесняйся.

— Благодарю, я позаботился обо всем, что казалось мне необходимым, еще до того, как мы покинули Землю. А как насчет тебя, Манни? Я мало похож на падре, но постараюсь, если надо. Есть на совести грешки, а, дружище? Если хочешь, исповедуйся, я неплохой специалист по грехам.

Я ответил, что особой нужды в исповеднике не испытываю. Потом припомнил кое-какие приятные грешки и выдал ему более или менее правдивые версии. Это в свою очередь напомнило Стью о его собственных, что напомнило мне... Время «зеро» пришло и кануло в вечность, а мы все еще не исчерпали перечня. Стью Лажуа — как раз тот парень, с которым приятно провести последние минуты жизни, даже если они окажутся не последними.

Двое суток мы бездельничали, только проходили всякие малоприятные процедуры, чтобы не занести в Луну какую-нибудь заразу. Но я не возражал ни против искусственно вызванного озноба, ни против жара жестокой лихорадки; наслаждался невесомостью и был счастлив, что лечу домой.

Или почти счастлив... Проф спросил, что меня тяготит.

— Ничего,— ответил я.— Не могу дождаться, когда снова окажусь дома. Но... по правде говоря, стыдно показаться там после такого провала. Проф, где мы сделали ошибку?

— Провала, мой мальчик?

— А как еще это можно назвать? Мы просили о признании. И не получили его.

— Мануэль, мне следует повиниться перед тобой. Ты должен помнить расчет шансов, сделанный Адамом Селеном как раз перед нашим отлетом с Луны.

Стью поблизости не было, но словом «Майк» мы никогда не пользовались. Осторожности ради всегда говорили «Адам Селен».

— Конечно, помню! Один из пятидесяти трех. Затем мы добрались до Терры, а шансы с треском грохнулись до одного из ста. А сейчас сколько, как вы думаете? Один к тысяче?

— Я получал новые прогнозы каждые несколько дней... вот почему и винюсь перед тобой. Последний, полученный прямо

перед вылетом, исходил из еще не подтвержденного в тот момент предположения, что мы смоемся с Терры и благополучно вернемся домой. Или что хоть один из нас троих вернется. Вот почему товарища Стью вызвали в Луну — у него, как у землянина, больше выносливости к сильным ускорениям.

Фактически Майк выдал восемь прогнозов. В худшем из них мы погибаем все трое, в лучшем — все трое остаемся в живых, а в промежутке всякие варианты. Хочешь поставить несколько долларов на то, каков этот последний прогноз? Размер ставки и шансы назовешь сам. Намекну: ты излишне пессимистичен.

— Э-э... Да ну его! Говорите, не тяните время.

— Шансы против нас сейчас всего семнадцать к одному... и весь месяц разрыв сокращается. А сказать тебе об этом я не имел права.

Я был изумлен, поражен, восхищен — и жестоко обижен.

— Как это — не имел права сказать?! Слушайте, проф, если мне не доверяют, отстраните меня и поставьте на мое место в исполнительной ячейке Стью.

— Погоди, сынок. Именно туда он и войдет, если что-нибудь случится с нами — со мной, с тобой или с бесценной Вайоминг. Я не имел права сказать тебе это на Земле — и могу сказать сейчас не потому, что тебе не доверяют, а потому, что ты плохой актер. Ты мог успешно справиться со своей ролью только в том случае, если бы верил, что наша цель — добиться признания независимости.

— Спасибо, что разъяснили!

— Мануэль, Мануэль, нам надо было бороться каждую секунду, бороться изо всех сил — и проиграть.

— Вот как! А мне не сказали, потому что не дорос, да?

— Ну пожалуйста, Мануэль! То, что мы временно держали тебя в неведении, резко повышало наши шансы, можешь справиться у Адама. Добавлю только, что Стьюарт принял свой вызов на Луну без слов, даже не спросил зачем. Товарищ дорогой, тот комитет был слишком малочислен, а председатель слишком умен; все время существовала опасность, что нам предложат приемлемый компромисс. В первый день такая вероятность

была особенно высока. Если бы нам удалось настоять, чтобы наш вопрос вынесли на Великую Ассамблею, опасность разумного решения исчезла бы. Но нам отказали. Лучшее, что я мог сделать, это разозлить комитет, не останавливаясь даже перед личными оскорблениями, чтобы обеспечить хоть один голос, который всегда будет против здравых решений.

— Наверное, я никогда не разберусь во всех этих высших соображениях!

— Наверное. Но твои таланты и мои дополняют друг друга. Мануэль, ты ведь хочешь видеть Луну свободной?

— Вы знаете, что хочу.

— Но тебе также известно, что Терра может нас разгромить?

— Конечно. Ни один прогноз не дает нам шансов даже пятьдесят на пятьдесят. Поэтому я никак не могу понять, зачем вы решили их разозлить...

— Пожалуйста, не торопись. Поскольку они могут навязать нам свою волю, наш единственный шанс заключается в том, чтобы эту волю ослабить. Вот почему нам так важно было попасть на Терру. Чтобы посеять разногласия, чтобы породить разброс мнений. Самый хитроумный в истории Китая полководец однажды сказал, что высшее военное искусство — это подавить волю противника так, чтобы он сдался без боя. Вот в чем заключается и наша конечная цель и самая страшная из угрожающих нам опасностей. Предположим — а это казалось вполне вероятным в первый день,— что нам предложили бы заманчивый компромисс. На место Смотрителя — губернатор, возможно, из наших же рядов. Местная автономия. Делегат в Великой Ассамблее. Высокие цены на зерно у головы катапульты плюс премии за поставки сверх квоты. Осуждение политики Хобарта и выражение сожалений по поводу насилий и убийств, сопровождаемое солидной денежной компенсацией родственникам жертв. Было бы это приемлемо для нас? Вот тут — в Луне?

— Но они ничего подобного не предлагали!

— Председатель был готов предложить нечто в этом роде в первый день, причем тогда он был полным хозяином в своем комитете. Он намекнул на возможность подобной сделки.

Предположим, мы добились бы условий, которые я только что обрисовал. Было бы это приемлемо для наших лунарей?

— Э-э... возможно.

— Более чем возможно. Вот почему шансы, когда мы улетали с Луны, были такими низкими. Именно этого нам следовало избежать любой ценой — компромисса, который успокоит народ, ослабит его волю к сопротивлению и вместе с тем не предотвратит неизбежную катастрофу, ожидающую нас в недалеком будущем. А потому я круто изменил курс и ликвидировал возможность соглашения, начав придираться к мелочам и сохраняя при этом оскорбительную вежливость. Мануэль, мы с тобой знаем — и Адам знает,— что поставкам продовольствия должен быть положен конец! Только так можно спасти Луну от катастрофы. Но ты можешь представить себе фермера-пшеничника, который борется за прекращение поставок?

— Нет. А любопытно было бы получить известия из дома: как там приняли сообщение о прекращении поставок?

— Таких сообщений не будет. Так решил Адам: никаких заявлений не будет сделано до тех пор, пока мы не доберемся домой. Мы все еще продолжаем скупать зерно у фермеров. Баржи по-прежнему прибывают в Бомбей.

— Но вы же сказали, что поставки прекратятся немедленно?

— Это была угроза, а не моральное обязательство. Несколько барж погоды не делают, а нам нужно выиграть время. У нас в Луне маловато союзников — только незначительное меньшинство. Большинство людей индифферентны, их можно временно склонить и в ту, и в другую сторону. А противостоит нам тоже меньшинство... главным образом, фермеры, которых интересует не политика, а цены на зерно. Они ворчат, но еще принимают купоны, надеясь, что их курс все-таки начнет расти. Однако, если мы объявим, что поставки прекращены, фермеры займут активно враждебную позицию. Адам хочет сделать заявление в такой момент, когда большинство будет на нашей стороне.

— Это когда же? Через год? Через два?

— Через два-три дня. Может быть, через четыре. Тщательно отредактированные цитаты из «плана пятилетки», отрывки из

твоих записей, особенно предложение этого ублюдка, рассказы о твоем аресте в Кентукки...

— Эй! Об этом лучше не вспоминайте!

Проф только улыбнулся и вздернул бровь.

— Хм...— сказал я недовольно.— О'кей. Если это поможет.

— Это поможет больше, чем любая статистика наших природных ресурсов.

Наш пилот — опутанное проводами бывшее человеческое существо — пошел на посадку, даже не подумав задержаться на орбите (чего, мол, тянуть: корабль легкий, маневренный), так что мы получили напоследок еще одну хорошую встряску. Но тормозил он всего два с половиной километра, и через девятнадцать секунд мы сели в Джонсон-Сити. Я перенес посадку нормально, только ужасно сдавило грудь, словно чья-то гигантская рука зажала сердце в кулак; потом все прошло, и я принялся жадно глотать воздух, приходя в себя и радуясь привычному весу тела. Но бедного старого профа посадка чуть не доконала.

Позднее Майк объяснил мне, что пилот отказался подчиниться приказу. Зная, что проф на борту, Майк хотел посадить корабль осторожненько, с небольшими перегрузками, как яичко в корзинку. Но не исключено, что киборг знал, что делает: посадка с длительным торможением требует массы топлива, а «Лотос-Жаворонок» и так сел почти «сухим».

Как бы там ни было, но лихая гаррисонова посадка чуть не стоила профу жизни. Стью заметил это, пока я пытался отдышаться, и мы оба тут же кинулись к профу — сердечные стимуляторы, искусственное дыхание, массаж... Наконец ресницы профа дрогнули, он взглянул на нас и улыбнулся.

— Дома...— шепнул он еле слышно.

Мы заставили его отдохнуть минут двадцать, прежде чем позволили надеть скафандр. Он был так близок к концу, что, казалось, вот-вот услышит ангельские хоры. Шкипер заполнял баки и очень торопился отделаться от нас, чтобы забрать пассажиров в обратный рейс. Этот голландец за всю дорогу не перемолвился с нами ни единым словом; думаю, он здорово жа-

лел, что позволил алчности вовлечь себя в историю, которая могла его разорить или даже угробить.

Но в этот момент на борт проникла Вайо — примчалась нас встречать. Не думаю, что Стью доводилось видеть ее в скафандре раньше, и уверен, что блондинкой он ее ни разу не видел; во всяком случае, он ее не узнал. Я обнял ее, несмотря на скафандр, а Стью стоял рядом и ждал, чтобы его представили. Когда же незнакомый «мужик» схватил его и начал тискать, Стью страшно удивился.

Я услыхал приглушенный скафандром голос Вайо:

— О боже! Манни, мой шлем!

Я открыл его и откинул. Она встряхнула локонами и широко улыбнулась.

— Стью, разве ты не рад меня видеть? Или ты меня не узнаешь?

По его лицу медленно разлилась улыбка — как восход над лунным «морем».

— Zdra'stvooeet'ye, gospazha! Я счастлив вас видеть!

— Вот еще — gospazha! Я, милый, для тебя просто Вайо, запомни раз и навсегда. Манни тебе не сказал, что я снова блондинка?

— Говорил, конечно... Но знать и видеть — вещи разные.

— Ничего, привыкнешь! — Она остановилась, нагнулась над профом, что-то шепнула, хихикнула, поцеловала, потом выпрямилась и выдала мне (теперь уже без шлема) такой «с приездом», что у нас обоих на глазах выступили слезы. После чего кинулась целовать Стью.

Он попятился. Вайо удивилась:

— Стью, мне что — опять намазаться ваксой, чтобы ты со мной поздоровался?

Стью искоса взглянул на меня и наконец ответил на поцелуй Вайо. Она уделила этому делу не меньше времени и усердия, чем нашему с ней приветствию.

Только позже я понял причину странного поведения Стью; несмотря на его «обращение», он все же не был настоящим лунарем, а Вайо за это время успела выйти замуж. Ну и что,

спрашивается, какая разница? Но на Терре это большая разница, а Стью еще не проникся как следует мыслью, что в Луне леди — сама себе хозяйка. Этот дурачок подумал, что я обижусь!

Мы натянули скафандр на профа, облачились сами и вышли; под мышкой я тащил профову пушку. После того как спустились и прошли через шлюз, скафандры сняли, и я почувствовал себя польщенным — под скафандром у Вайо оказалось измятое красное платье, которое я подарил ей сто лет назад. Она разгладила его рукой, и юбка вспыхнула ярким огнем.

Иммиграционный зал пустовал. Только вдоль стены выстроилось человек сорок в скафандрах и шлемах, точь-в-точь новоприбывшие ссыльные. Это отправлялись домой земляне — застрявшие здесь туристы и несколько ученых. Но лететь им придется налегке, скафандры перед стартом выгрузят. Я поглядел на бедолаг и вспомнил о пилоте-киборге. Когда «Жаворонка» готовили к рейсу, с него сняли все кресла, кроме трех; этим людям придется переносить перегрузки, лежа на голом полу, и если шкипер не проявит осторожности, киборг раздавит землян в лепешку.

Я сказал об этом Стью.

— Не бери в голову,— ответил он.— У капитана Лейерса есть на борту поролоновые матрасы. Он не даст погибнуть пассажирам — они для него теперь все равно что страховой полис на собственную жизнь.

Глава 21

Моя семья, все тридцать с лишком человек, начиная с Деда и кончая детишками, ждала нас за дверью следующего шлюза уровнем ниже. Нас залили слезами, зацеловали, затискали; на сей раз Стью не пятился. Маленькая Хейзел устроила целую церемонию: надела нам на головы «колпаки свободы», а уж потом поцеловала, и по этому сигналу вся семья напялила колпаки; я внезапно прослезился. Может, это и есть чувство патриотизма — когда спирает дыхание и ты счастлив до боли? А может, это просто радость от встречи с любимыми?

— А где Слим? — спросил я у Хейзел.— Его что — не пригласили?

— Не мог прийти. Он младший церемониймейстер на приеме.

— На приеме? Нам вполне достаточно этого приема.

— Подожди и увидишь.

Увидел. Хорошо, что вся семья приехала нас встретить; только там да по пути в Луна-Сити (мы заняли целую капсулу) я их и видел. На станции «Западная» стояла густая орущая толпа в «колпаках свободы». Нас троих на плечах потащили прямо в Старый Купол, окружив охраной из stilyag, которые, сомкнув локти, прокладывали дорогу сквозь эту веселую давку. Парни все щеголяли в красных колпаках и белых рубашках, девчонки — в белых свитерах и красных, под цвет колпаков, шортиках.

И на станции, и в Старом Куполе, когда нас поставили на пол, меня целовали женщины, которых я не встречал ни раньше, ни потом. Оставалось надеяться, что меры, принятые взамен карантина, окажутся достаточно эффективными, иначе половина жителей Луна-Сити сляжет с гриппом или с чем-нибудь похуже. (Как выяснилось, мы хорошо почистились — эпидемий не было. Но в детстве я видал, как разразившаяся эпидемия кори унесла тысячи жизней.)

Кроме того, я волновался за профа; прием был слишком крутым для человека, который час назад чуть не помер. Однако он не только наслаждался этой толкотней, но еще и произнес замечательную речь в Старом Куполе — не слишком логичную, зато наполненную звучными фразами. Там были и «домашний очаг», и «любовь», и «Луна», и «товарищи и сограждане», и даже «плечом к плечу», причем все как-то к месту.

Под огромным видеоэкраном для новостей в южной стороне Купола была возведена платформа. Нас приветствовал Адам Селен, а затем на экране появилась огромная голова профа и раздался его усиленный аппаратурой голос — кричать ему не пришлось. Однако после каждой фразы приходилось делать паузу: рев толпы топил в себе все, даже могучий глас динамиков, и заодно давал профу время для отдыха. Впрочем, проф уже не казался старым, усталым и больным; возвращение в Булыжник оказалось для него настоящим тоником, в котором

он нуждался больше всего. Да и я тоже! Было чудесно чувствовать свой нормальный вес, ощущать себя *сильным*, вдыхать чистый, обогащенный кислородом воздух родного города.

А неслабый у нас городок! В Старый Купол нельзя вместить все население Луна-Сити, но, похоже, они попытались. Я прикинул площадку в десять квадратных метров и попробовал подсчитать количество голов; дошел до двухсот и бросил, не сосчитав и половины. «Лунатик» оценил толпу в тридцать тысяч — думаю, приврал немного.

Слова профа услышали почти все три миллиона; видео донесло это зрелище до тех, кто не мог побывать в Старом Куполе, кабельное видео и ретрансляторы передали его через безмолвные «моря» во все поселения. Проф воспользовался случаем и поведал о рабском будущем, которое уготовила нам Администрация; он размахивал в воздухе копией плана.

— Вот они! — кричал проф.— Вот они — ваши оковы! Ваши ножные кандалы! Вы согласны надеть их?

— *НЕТ*!

— А они говорят, что наденете! Они говорят, что сбросят на нас водородные бомбы... и тогда выжившие сдадутся и наденут кандалы. Наденете?

— *НЕТ! НИКОГДА*!

— Никогда,— согласился проф.— Но они угрожают послать войска... новые и новые войска, чтобы убивать и насиловать. Нам придется с ними сражаться.

— *Da*!

— Мы будем биться с ними на поверхности, мы будет убивать их в туннелях метро, мы будем сражаться с ними в коридорах! И если мы погибнем, то погибнем *свободными*!

— Да! Ja-da! Пусть знают! Пусть знают!

— И если мы погибнем, история запишет: то для Луны был самый славный час! Дайте нам свободу... или дайте смерть!

Кое-что в этой речи показалось мне знакомым. Но слова звучали свежо и ново; мой голос слился с ревом толпы... Я *знал*, что Терру нам не победить — я же технарь и я *знаю*, что водородная бомба не разбирает, кто храбрый, а кто нет. И все равно был готов. Если они хотят драки — они свое получат!

Проф дал толпе поорать, а потом запел «Боевой гимн республики» в переделке Саймона. На экране возник Адам, повел мелодию, а мы попытались слинять под шумок, спустившись с тыльной стороны платформы при помощи Слима и его stilyag. Но женщины нас отпускать не хотели, а где уж нашим ребятам противиться желаниям леди! Так что те, конечно, прорвались.

В общем, было уже двадцать два ноль-ноль, когда мы вчетвером — Вайо, проф, Стью и я — оказались в «Малине», в номере «Л», где к нам по видео присоединился Адам-Майк. К тому времени я просто помирал от голода, вернее, мы все помирали, а потому я заказал ужин прямо в номер. Проф настоял, чтобы мы поели, прежде чем начнем обсуждать дальнейшие планы.

После ужина мы приступили к делу.

Адам попросил для начала прочесть вслух копию плана — для него и для товарища Вайоминг.

— Но до того, товарищ Мануэль, если у вас с собой записи, сделанные на Земле, передайте их, пожалуйста, ускоренным способом по телефону в мой офис. Я прикажу переписать их и постараюсь изучить... Все, чем я пока располагаю, это закодированные сводки, которые присылал товарищ Стьюарт.

Так я и сделал, зная, что Майк изучит записи мгновенно; весь остальной разговор был частью мифа об «Адаме Селене». Я решил поговорить с профом насчет того, чтобы ввести Стью в курс дела. Раз он войдет в исполнительную ячейку, притворяться дальше слишком утомительно.

Передача записей Майку на сверхскоростях заняла пять минут, чтение вслух — еще тридцать. Когда я закончил, Адам сказал:

— Профессор, благодаря вашей речи митинг прошел еще удачнее, чем я предполагал. Думаю, нам следует немедленно провести через Конгресс вопрос об эмбарго. Я могу сегодня же вечером известить, что сессия Конгресса начнется завтра в полдень. Ваши предложения?

— Послушайте,— вмешался я,— наши болтуны будут мусолить этот вопрос неделями. Если им непременно нужно его обсуждать, хотя я не понимаю — зачем, давайте сделаем как с

Декларацией: начнем поздно, затянем до полуночи, используем наших людей.

— Извините, Мануэль,— ответил Адам.— Я так увлекся событиями на Земле, что не успел сообщить вам о здешних новостях. В Конгрессе теперь совсем другие люди. Товарищ Вайоминг!

— Манни, милый, теперь это выборный Конгресс. Он должен одобрить решение, ведь Конгресс — фактически наше правительство.

— Вы,— сказал я медленно,— провели выборы и вручили им бразды правления? Тогда зачем мы тут заседаем?

Я поглядел на профа, ожидая взрыва. Я не против правительства вообще, как проф, я просто не мог врубиться, на кой это нужно — менять одно толковище на другое. Первый состав Конгресса, по крайней мере, не был строго определенным, его можно было перетасовать, а эти небось приклеятся к своим креслам — не оторвешь!

Проф был безмятежно спокоен. Сложил пальчики и сидит себе, в ус не дует.

— Мануэль, я не думаю, что ситуация так безнадежна, как тебе кажется. В каждую эпоху людям приходилось как-то приспосабливаться к народной мифологии. Когда-то считалось, что короли — помазанники божьи, так что проблема заключалась лишь в том, чтобы господь помазал правильных кандидатов. Современный миф — это «народное волеизъявление»... но проблема изменилась лишь внешне. Мы с товарищем Адамом долго бились над вопросом, в чем заключается эта самая «воля народа». Осмелюсь предположить, что принятое решение годится в качестве рабочего инструмента.

— Ну... ладно. Но почему нам ничего не сообщили? Стью, ты знал?

— Нет, Манни. Но меня это не волнует,— Стью пожал плечами.— Я монархист, и эти игры меня не увлекают. Однако я согласен с профом, что в наше время выборы — необходимый ритуал.

— Мануэль,— снова заговорил проф,— какой смысл было сообщать нам об этом на Терру? У нас с тобой там дел хватало.

Товарищ Адам и бесценная товарищ Вайоминг занимались этим в наше отсутствие, так что давай-ка сначала посмотрим, а уж потом рассудим, что к чему.

— Извините. Ну, Вайо?

— Манни, мы вовсе не пустили все на самотек. Мы с Адамом решили, что Конгресс из трехсот депутатов — самое то, что нужно. Затем мы несколько часов анализировали списки членов Партии плюс списки заметных людей-беспартийцев. И наконец составили список кандидатов, причем включили туда некоторых членов бывшего Специального Конгресса. Там ведь далеко не все были болтунами, и мы выбрали самых достойных. Затем Адам обзвонил всех подряд и спросил, согласны ли они послужить родине, причем предупредил, чтобы до поры до времени держали язык на замке. Некоторых пришлось заменить.

Когда все было готово, Адам выступил по видео, сказав, что пришло время выполнить обещание Партии насчет свободных выборов, назначил дату и объявил, что голосовать могут все, кто достиг шестнадцати, а тем, кто хочет выставить свою кандидатуру в Конгресс, нужно собрать сто подписей под своим заявлением и послать его в Старый Купол или в избирательный участок. Ах да, мы создали тридцать временных избирательных округов, по десять депутатов от каждого, так что во всех поселениях, кроме самых маленьких, был свой округ.

— Итак, вы все организовали и партийный список прошел?

— О нет, дорогой. Никакого партийного списка не было — во всяком случае, официально. Но наши кандидаты были подготовлены... и, надо сказать, мои stilyagi проделали отличную работу по сбору подписей. Заявки наших кандидатов были отосланы в первый же день. Заявок поступило много, в общей сложности получилось свыше двух тысяч кандидатов. Но Адам выступил по видео всего за десять дней до выборов; мы знали, чего хотим, а оппозиция была расколота. Адаму даже не пришлось поддерживать наших кандидатов. Все сработало — ты победил: ты набрал семь тысяч голосов, Манни, тогда как твой ближайший соперник — менее тысячи.

— Я победил?

— Ты победил, я победила, проф победил, товарищ Клейтон победил — словом, почти все, кто, по нашему мнению, должен был попасть в Конгресс. В общем, это было нетрудно. Хотя Адам и не выступал ни в чью поддержку, я расстаралась и сообщила нашим товарищам, кого он предпочитает. Саймон тоже руку приложил. Жаль, вас тут не было в ту ночь, когда мы наблюдали за выборами. Волнующие часы!

— А как вы справились с подсчетом голосов? Никогда не мог понять эту выборную систему. Писали бумажки с именами, что ли?

— О нет, у нас система была получше... ведь многие наши товарищи даже писать не умеют. В качестве избирательных участков мы использовали банки. Тамошние клерки удостоверяли личность своих клиентов, а клиенты — личность членов своих семей и соседей, у которых нет банковских счетов. Люди просто называли вслух имя кандидата и наблюдали, как клерки набирают его на клавиатуре компьютера; затем результаты поступали в счетную палату Луна-Сити. Голосование продолжалось часа три, а результаты были объявлены буквально через несколько секунд.

Неожиданно у меня в башке просветлело, и я решил, что попозже допрошу Вайо наедине. Хотя нет, не Вайо — Майка! Пробьюсь через его исполненную достоинства маску «Адама Селена» и выбью истину из его нейристоров! Я вспомнил историю чека с десятью миллионами миллиардов долларов, и мне стало интересно, сколько же людей голосовало за меня на самом деле? Семь тысяч? Семь сотен? Или только семья и друзья?

Но зато я перестал волноваться по поводу нового Конгресса. Проф сыграл со старым не просто подтасованной, а крапленой колодой — и быстренько смылся на Землю, пока их тут раздевали донага. Спрашивать у Вайо смысла не было; вряд ли они посвятили ее в свои махинации... Чем меньше она знала, тем лучше играла свою роль!

И никто ничего не заподозрил. Все отнеслись к выборам с полным доверием, все были уверены, что если в компьютер вводят правильные цифры, то он выдаст такой же правильный результат. Я и сам когда-то в этом не сомневался, пока не встретил компьютер с чувством юмора.

И я решил не поднимать вопрос о том, чтобы Стью раскрыли тайну самосознания Майка. Трое — это и так на две единицы больше, чем надо. А может, и на три...

— Ма...— начал я, но тут же спохватился.— Мое мнение — неплохая работа. И с каким перевесом мы выиграли?

Адам бесстрастно ответил:

— Восемьдесят шесть процентов наших кандидатов прошли. Приблизительно как я и ожидал.

(«Приблизительно»! Такой же мухлеж, как моя левая рука! Точно как ты рассчитал, Майк, старый железный мошенник!)

— Снимаю возражения насчет полудня. Я приду.

— Мне кажется,— сказал Стью,— учитывая, что эмбарго вступит в силу немедленно, мы должны как-то поддержать энтузиазм, свидетелями которого были сегодня. Иначе начнется долгий ползучий период углубляющейся экономической депрессии — из-за эмбарго, я имею в виду и крушение иллюзий. Адам, вы с самого начала произвели на меня впечатление своей способностью давать точный прогноз будущих событий. Мои дурные предчувствия обоснованны?

— Да, конечно.

— Ну и?

Адам оглядел нас всех по очереди — нет, хоть убейте, невозможно поверить, что это подделка и что Майк в данный момент попросту изучает нас с помощью своих бинауральных рецепторов.

— Товарищи... открытая война с Террой должна начаться как можно скорее.

Все молчали. Одно дело — говорить о войне, другое — смотреть ей в лицо. Наконец я вздохнул и спросил:

— И когда же мы начнем швырять в них камнями? ъ

— Мы не начнем,— ответил Адам.— Они первыми должны бросить в нас камень. Вопрос в том, как их подтолкнуть. Я оставлю свои соображения напоследок. Мануэль?

— Хм... что я могу сказать? Будь моя воля, я бы в первую очередь шарахнул хорошенькой глыбой по Агре — есть там один тип, который только зря воздух портит. Но ведь это не то, что нам нужно?

— Нет, не то,— серьезно ответил Адам.— Вы тем самым не только вызовете гнев всего индийского народа, который крайне отрицательно относится к любому посягательству на жизнь, вы вызовете гнев и потрясение у всех народов Земли, ибо уничтожите Тадж-Махал.

— Включая и мой гнев,— заметил проф.— Ты говоришь чушь, Мануэль.

— Слушайте,— сказал я,— я же не говорю, что именно так и надо сделать. Кроме того, ведь можно стрельнуть и мимо вашего Таджа.

— Мануэль,— сказал проф,— Адам правильно заметил: наша стратегия должна заключаться в том, чтобы спровоцировать Терру нанести нам первый удар. Это классический маневр «Перл-Харбор» в теории игр*, великое достижение Weltpolitick[1]. Вопрос в том, как это сделать. Адам, я думаю, надо внушить им, что мы слабы и разрозненны, что Терре достаточно лишь продемонстрировать силу — и Луна тотчас вытянется в струнку. Стью! Ваши люди на Земле могли бы оказать нам бесценную помощь. Предположим, Конгресс отвергнет меня и Мануэля? Последствия?

— О нет! — вскричала Вайо.

— О да, дорогая Вайо. Нет нужды *делать* это, можно просто передать по каналам новостей на Землю. А еще лучше использовать подпольный «луч», якобы принадлежащий ученым-землянам, благо они пока не все уехали; наши же официальные каналы будут являть все классические признаки жесткой цензуры. Адам?

— Я беру это на заметку как тактический прием, который может быть включен в нашу стратегию. Но этого мало. Нужно, чтобы нас бомбили.

— Адам, почему вы так настаиваете на этом? — спросила Вайо.— Даже если Луна-Сити сможет выдержать удар самых мощных бомб — надеюсь, мне не придется убедиться в этом,— мы знаем, что тотальной войны Луна не перенесет. Вы сами

[1] Мировой политики (*нем.*).

говорили это много раз. Нельзя ли как-нибудь иначе добиться того, чтобы они оставили нас в покое?

Адам задумчиво оттянул кожу на правой щеке, и я подумал: Майк, если ты не прекратишь это актерство, я сам поверю в твое существование! Он меня достал. Когда же наконец удастся поговорить с ним наедине, без «председателя Селена»?

— Товарищ Вайоминг,— сдержанно начал он,— эта ситуация в теории игр рассматривается как сложная игра с ненулевой суммой. У нас есть определенные ресурсы, или «игровые фишки», и много возможных ходов. У противника фишек гораздо больше, а выбор ответных ходов значительно шире. Наша задача заключается в том, чтобы вести игру с оптимальной результативностью, одновременно вынуждая противника терять свое превосходство в силах и мешая ему применить их в полном объеме. Самое главное — правильно выбрать время и так разыграть гамбит, чтобы запустить цепочку событий, благоприятствующих нашей стратегии. Согласен, что с ходу это трудно понять. Я мог бы пропустить все факторы через компьютер и показать вам результаты. Или примите мои выводы на веру. Или используйте свой собственный здравый смысл.

Так сказать, ненавязчиво напомнил Вайо (перед самым носом у Стью), что он не Адам Селен, а Майк — наш умник-разумник, способный решать сложнейшие проблемы, поскольку он и есть компьютер, да еще самый гениальный в мире.

Вайо тут же отступила.

— Нет, нет,— сказала она,— я в математике полный нуль. Хорошо, надо — значит надо. Как же мы это сделаем?

К четырем ноль-ноль у нас наконец появился план, удовлетворявший Стью и профа с Адамом; иначе говоря, к этому времени Майку удалось протащить свой план, делая вид, что он извлекает идеи из каждого из нас. А может, автором плана был проф и Адам продавал нам чужой товар?

В любом случае, у нас теперь был план и сроки его выполнения. В основе лежала та самая генеральная стратегия, которую мы выработали во вторник 14 мая 2075 года. Просто были учтены некоторые тогда лишь предполагавшиеся, а теперь

свершившиеся события. Если говорить о самой сути, он требовал от нас вести себя с Террой так хамски, как только возможно, одновременно создавая впечатление, что выпороть нас не составляет труда.

В полдень я примчался в зал собраний совершенно невыспавшийся и обнаружил, что мог поспать еще как минимум два часа. Конгрессмены из Гонконга запаздывали, несмотря на то что всю дорогу ехали на метро. Вайо ударила по столу молотком только в четырнадцать тридцать.

Да, мою новобрачную избрали временным председателем новорожденного Конгресса. Знание парламентских правил, казалось, было у нее в крови, так что выбор можно назвать удачным; к тому же толпа лунарей ведет себя куда лучше, когда молотком постукивает дама.

Не собираюсь описывать в деталях, что было сказано и сделано на этой сессии, да и на других тоже; можете ознакомиться с протоколами. Я приходил только в самых необходимых случаях и даже не пытался постигнуть правила этого толковища — они мне казались смесью в равных долях обычной вежливости и чистейшей магии, с помощью которой председатель добивается своего.

Не успела Вайо ударом молотка призвать всех к порядку, как какой-то мужик вскочил и заявил:

— Gospazha председатель, предлагаю отказаться от обычной процедуры и заслушать профессора де ла Паса...

Зал одобрительно загудел. Вайо опять стукнула молотком.

— Предложение нарушает регламент, депутату от Нижнего Черчилля предлагается занять свое место. Наше предыдущее заседание не было завершено; в соответствии с объявленной ранее повесткой дня слово имеет председатель Комитета по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Оказалось, что это Вольфганг Корсаков — депутат от Тихо-Андера (член ячейки профа и наш главный надувала в «ЛуНоГоКо»). Он не только получил слово, но и оставил его за собой на целый день, время от времени давая возможность выска-

заться тем, кого хотел услышать, и затыкая рот всем прочим. Однако публика особо не ерепенилась и казалась довольной своими ведущими. Было шумновато, но порядок соблюдался.

К вечеру Луна уже получила правительство взамен временного, то есть подставного, которое мы в свое время сформировали из самих себя и которое послало нас с профом на Землю. Конгресс утвердил акты, принятые временным правительством, таким образом узаконив все, что мы сделали, поблагодарил его за работу и предложил комитету Вольфганга продолжить свою деятельность по созданию структуры постоянного правительства.

Проф был избран президентом Конгресса и ex officio[1] премьер-министра того промежуточного правительства, которое будет действовать до принятия конституции. Он протестовал, ссылаясь на возраст и здоровье... а затем сказал, что готов служить, если собрание согласно несколько облегчить ему ношу: он слишком стар и истощен путешествием на Землю, чтобы вести заседания, кроме особо важных, а потому просит Конгресс избрать спикера и заместителя спикера. Кроме того, он считает, что Конгресс мог бы расширить свой состав (не более чем на десять процентов), избрав независимых членов, чтобы премьер-министр, кто бы им ни был, имел возможность формировать свой кабинет из лиц, ныне членами Конгресса не являющихся. В особенности это касается министров без портфеля, которые должны снять груз с его, профа, плеч.

Но тут депутаты заартачились. Почти все они гордились своим званием «конгрессменов» и не желали делиться им с посторонними. Проф сидел с усталым видом и ждал. Тогда кто-то сказал, что все равно, мол, контроль остается за Конгрессом, и после этого они дали профу то, чего он хотел.

Затем кто-то из публики толкнул речь под видом вопроса, обращенного к председательствующей. Все знают, сказал он, что Адам Селен воздержался от выдвижения своей кандидатуры в Конгресс на том основании, что председатель Чрезвычайного

[1] Исполняющим обязанности (*лат.*).

комитета не должен злоупотреблять преимуществами своего положения, чтобы локтями прокладывать себе дорогу в новое правительство... Но может быть, уважаемая леди председатель скажет конгрессменам, что мешает избрать Адама Селена независимым членом? В знак признания важности его заслуг? Дать всей Луне и всем этим землеедам, особенно из бывшей Лунной экс-Администрации, понять, что мы не *отрекаемся* от Адама Селена, наоборот, мы уважаем и любим нашего почтенного государственного деятеля, который не избран президентом только потому, что сам этого не пожелал!

Крики одобрения не смолкали долго. В протоколах вы найдете имя того, кто произнес эту речь, но можете поставить десять против одного, что написал ее проф, а оратора организовала Вайо.

Вот как все оформилось несколько дней спустя.

Премьер-министр и министр иностранных дел — профессор Бернардо де ла Пас.

Спикер — Финн Нильсен; его заместитель — Вайоминг Дэвис.

Заместитель министра иностранных дел и министр обороны — генерал О'Келли Дэвис; министр информации — Теренс Шихан (Шини передал газету «Pravda» своему заму, чтобы тот работал со Стью и Адамом); особый министр без портфеля в министерстве информации — Стьюарт Рене Лажуа, независимый член Конгресса; министр экономики и финансов (и опекун вражеской собственности) — Вольфганг Корсаков; министр внутренних дел и безопасности — товарищ Клейтон Ватанабе; специальный советник премьер-министра — Адам Селен. Плюс еще десяток министров и министров без портфеля из разных поселений.

Понимаете теперь, что произошло? Если отбросить пышные титулы, то ячейка «Б» по-прежнему, как когда-то и предложил Майк, заправляла всеми делами, но теперь уже при поддержке Конгресса, в котором большинство было за нас, а те, что были против, проиграли и остались за бортом.

Но в то время я не понимал смысла всей этой говорильни.

На вечернем заседании проф отчитался о нашем путешествии, а затем передал слово мне — с согласия председателя

комитета Корсакова,— чтобы я рассказал о «плане пятилетки», о том, с чем его едят, и о том, как Администрация пыталась меня подкупить.

Я неважный оратор, но во время обеда у меня была возможность проглядеть речь, написанную Майком. Он изложил все так язвительно, что я снова взбесился и пребывал в этом состоянии все время, пока говорил, так что мне удалось их завести. Когда я сел на место, Конгресс кипел от ярости.

Проф вышел вперед — худой, бледный — и тихо сказал:

— Товарищи конгрессмены, что будем делать? Я предлагаю, и председатель Корсаков не против, чтобы мы обсудили, так сказать, неофициально вопрос о том, как реагировать на это наглое оскорбление, нанесенное нашему народу.

Некий депутат от Новолена предложил объявить войну, и Конгресс чуть было с ходу не принял решение, но проф напомнил, что по регламенту мы вроде как слушаем доклады комитета.

И опять выступления, и все такие же резкие. Наконец товарищ конгрессмен Чанг Джонс сказал:

— Собратья-конгрессмены! Ах, извините. Gospodin председатель Корсаков! Я фермер, выращиваю рис и пшеницу. Вернее, выращивал, потому что в мае взял ссуду в банке и теперь мы с сыновьями переходим на многоотраслевое хозяйство. Мы разорены — мне даже пришлось занять деньги, чтобы купить билет сюда... но семья не голодает, и когда-нибудь с банком мы расплатимся. Короче говоря, зерно выращивать я бросил.

Но другие не бросили. Катапульта ни разу, ни на одну баржу не уменьшила отгрузки после того, как мы стали свободными. Мы все еще отправляем зерно, надеясь, что их чеки когда-нибудь будут чего-то стоить.

Но теперь-то мы знаем! Они во всеуслышание объявили о том, что собираются сделать с нами... во что они хотят нас превратить! Я вижу лишь один способ доказать этим подонкам, что с нами этот номер не пройдет: *прекратить поставки немедленно!* Ни одной тонны, ни единого кило... пока они не приползут сюда на брюхе и не предложат честную цену!

Около полуночи они приняли решение об эмбарго, а затем разошлись до следующего созыва, оставив комитет продолжать работу.

Мы с Вайо отправились домой, и я тут же принялся восстанавливать свои семейные связи. Больше делать было нечего. Адам и Стью занимались разработкой планов, как покруче завести землеедов; катапульту Майк закрыл («технические неполадки, связанные с баллистическим компьютером») еще двадцать четыре часа назад. Последняя баржа, находившаяся в пути, будет принята наземным контролем Пуны примерно через день, и тогда землянам грубо заявят, что это *последняя* баржа в их жизни.

Глава 22

Удар, нанесенный фермерам, был смягчен тем, что закупка зерна у головы катапульты продолжалась, но на чеках было напечатано предупреждение, что Свободное Государство Луна не гарантирует их оплаты и не может поручиться, что Лунная Администрация когда-нибудь оплатит их хотя бы купонами, и так далее, и тому подобное. Некоторые фермеры оставляли зерно у катапульты, другие нет, но возмущены были все. Однако сделать ничего не могли; катапульта закрыта, погрузочные конвейеры неподвижны.

В остальных отраслях экономики депрессия наступила не сразу. Мобилизация в оборонные отряды так сильно сократила ряды бурильщиков, что продажа льда на свободном рынке стала выгодной. Принадлежащая «ЛуНоГоКо» сталелитейная компания брала на работу любого здорового мужика, который попадался под руку, а Вольфганг Корсаков тут же снабжал новых работников бумажками «национальных долларов», с виду похожих на гонконгские и теоретически поддерживаемых последними. В Луне было много еды, много работы, много денег; люди не страдали — «пиво, пари, женщины и работа» — все как обычно.

«Националки», как их прозвали, были инфляционными деньгами, деньгами военного времени, неразменными бумажками, которые в первый же день упали на десятую долю про-

цента, что было закамуфлировано под «оплату за обмен». Что-то на них покупали, они никогда не падали до нуля, но их обменный курс отражал растущую инфляцию не хуже зеркала. Новое правительство тратило деньги, которых у него не было.

Но все это было несколько позже.

Вызов Земле, Администрации и Федерации Наций мы бросили в умышленно неприемлемом тоне. Кораблям ФН предписывалось не приближаться к Луне ближе чем на десять ее диаметров; выходить на орбиту вокруг Луны запрещалось на любом расстоянии под угрозой немедленного уничтожения (способ мы не уточняли, ибо такового не имели); частным кораблям посадка разрешалась при условии, если а) разрешение испрашивалось заранее; б) корабль соглашался передать управление собой стационарному лунному контролю (Майку) на расстоянии ста тысяч километров от Луны и следовать предписанным курсом; в) на борту не было оружия, за исключением пистолетов, на которые имели право три члена экипажа. Последнее должна была подтвердить специальная инспекция сразу же после посадки, до получения топлива или реактивной массы. Никому не разрешалось выходить на поверхность Луны (исключая членов команды, занятых разгрузкой, погрузкой и обслуживанием корабля), кроме граждан тех стран, которые признали Свободную Луну.

(Признал только Чад, а у него кораблей не было. Проф предполагал, что некоторые частные корабли могут перерегистрироваться и летать под торговым флагом Чада.)

В манифесте отмечалось, что ученые Терры, все еще находившиеся в Луне, могут вернуться домой на любом корабле, который будет выполнять наши условия. Манифест призывал все свободолюбивые народы Терры осудить нарушения наших прав Администрацией, как прошлые, так и планируемые, признать нас и воспользоваться всеми благами свободной торговли и добрососедских отношений. В особенности подчеркивался тот факт, что в Луне нет ни налогов, ни искусственных торговых ограничений и что правительство Луны намеревается сохранить все эти преимущества. Мы также провозгласили

неограниченную свободу иммиграции, указав, что испытываем нехватку рабочих рук и что все иммигранты могут немедленно найти здесь занятие, обеспечивающее им достойный жизненный уровень.

А еще мы расхваливали свое продовольственное положение: среднее суточное потребление на душу взрослого населения более четырех тысяч калорий, пища богата белками, дешева и не рационирована. (Стью уговорил Адама-Майка указать цену первосортной водки — пятьдесят гонконгских центов за литр и никаких налогов. Поскольку второсортная водка в Америке стоит в десять раз дороже, Стью знал, что делает. Адам, трезвенник «по природе», не подумал об этом — одно из крайне редких упущений Майка.)

Лунной Администрации рекомендовалось собраться вместе где-нибудь подальше от людей, скажем, в безводной части Сахары, и получить последнюю зерновую баржу бесплатно, прямо на головы и на конечной скорости. За сим следовало нахальное заявление, что таким же образом мы готовы разделаться с каждым, кто вздумает угрожать нашему спокойствию, и что у головы катапульты скопилось немало груженых барж, готовых к столь оригинальной доставке.

После этого нам оставалось только одно — ждать.

Но ждать не означает сидеть сложа руки. У нас действительно было несколько груженых барж; мы выбросили из них зерно, загрузили снова, но уже камнями, и внесли некоторые изменения в их импульсные повторители, чтобы они не подчинялись контролю Луны. Тормозные ракеты сняли, оставив лишь бортовые направляющие, а освободившиеся тормозные перенесли к новой катапульте и там переделали в бортовые. Затратили огромные усилия, чтобы подвезти к новой катапульте стальные листы и превратить их в оболочки для монолитных каменных цилиндров; сталь была нашим узким местом.

Через два дня после оглашения манифеста заработала «подпольная» радиостанция. Передатчик был слабенький, время от времени затыкался, чтобы создавалось впечатление, будто он спрятан в одном из кратеров, где может работать только в оп-

ределенные часы, пока храбрым ученым-землянам не удастся наладить автоматический повтор передач. Частоту ему подобрали близкую к «Голосу Свободной Луны», а потому наша безудержная похвальба нередко заглушала его начисто.

(Оставшиеся в Луне земляне-ученые не имели ни малейшего шанса послать на Терру сообщение. Те, что решили продолжать свои исследования, находились под неусыпным присмотром stilyag, а на время сна их запирали в бараках.)

И все же «подпольной» станции удалось донести «правду» до Терры. Профа судили за уклон и посадили под домашний арест. Меня казнили за предательство. Гонконг-в-Луне отделился и объявил о своей независимости... с ним можно попытаться договориться. В Новолене мятежи. Все производство продовольствия коллективизировано, яйца на черном рынке в Луна-Сити продаются по три доллара за штуку, формируются женские батальоны, в которых каждый боец клянется убить минимум одного землянина; сейчас они проходят подготовку с макетами ружей в коридорах Луна-Сити.

Последнее было почти правдой. Многие дамы пожелали принять участие в боевых действиях и создали гвардию ополчения «Адские леди». Но их подготовка была вполне серьезной, и Хейзел дулась, что Ма не позволила ей вступить в ряды. Потом перестала дуться и создала организацию «Stilyagi Дебса»[1] — гвардию юниоров, которая обучалась после школьных занятий и готовилась стать подкреплением отрядов stilyag, отвечавших за воздух и герметизацию. Юниоры изучали меры оказания первой помощи, а кроме того, тренировались в способах защиты без оружия — о чем, надеюсь, Ма так никогда и не узнала.

Мне трудно определить, о чем рассказывать, а о чем лучше помолчать. Всего не расскажешь, но то, что пишут в книжках по истории,— такое *вранье*!

«Министром обороны» я был не лучшим, чем «конгрессменом». Я не оправдываюсь, у меня просто не было возможности

[1] Юджин Дебс (1855–926) — известный деятель рабочего движения США.

подготовиться ни к тому, ни к другому. Почти все мы были дилетанты в революции; один проф, похоже, понимал, что делает, но и для него кое-что было внове — ему еще не приходилось участвовать в победившей революции и быть частью правительства, а тем более возглавлять его.

Как министр обороны, я не смог придумать других способов защиты, кроме тех, что у нас уже были. А было их раз-два и обчелся — воздушные отряды stilyag в поселениях да лазерные артиллеристы вблизи баллистических радаров. Если ФН все же решится на бомбежку, у нас не будет ни малейшей возможности ей помешать; у Луны нет ни одной ракеты-перехватчика, а это не тот приборчик, который можно сварганить из заржавленных железок. Мы даже не знали, как делаются ядерные боеголовки для таких ракет.

Но какие-то попытки я все же предпринимал. К примеру, попросил тех самых инженеров-китайцев, которые изготовили нам лазерные ружья, попробовать решить задачку насчет перехвата бомб или ракет — проблема-то одна, разве что ракета летит быстрее.

А потом занялся другими вещами. Я, откровенно говоря, надеялся, что ФН все же не станет бомбить поселения. Некоторые из них, в частности Луна-Сити, располагались на такой глубине, что, пожалуй, могли выдержать даже прямое попадание. Нижний уровень Комплекса, где «жила» главная часть Майка, был построен специально с учетом возможности бомбового удара. С другой стороны, Тихо-Андер представлял собой просто огромную естественную пещеру, примерно такую же, как Старый Купол, и крыша там была всего несколько метров толщиной; герметичную прокладку на потолке там постоянно подогревали с помощью горячих труб, чтобы новые трещины тут же затягивались. Так что для разрушения Тихо-Андера не требовалось даже особо крупной бомбы.

Но ведь предела мощности для водородных бомб не существует. При желании ФН могла сокрушить и Луна-Сити или даже смастерить «оружие конца света», которое расколет Луну, как спелый арбуз, и довершит работу, уже начатую парочкой

астероидов в Тихо. Если земляне на такое решатся, я все равно не смогу им помешать, а потому нечего зря ломать голову.

Я переключился на проблемы, поддающиеся решению. Помогал на новой катапульте, старался усовершенствовать прицельные устройства лазерных буров, расставленных вокруг радаров (а также удержать бурильщиков — половина из них ушла, когда цены на лед поднялись). И еще я хотел создать систему децентрализованного технического контроля во всех поселениях. Майк разработал проект, мы конфисковали все компьютеры широкого профиля, какие только смогли обнаружить (платили «националками», на которых даже краска высохнуть не успела), а потом я передал эту работу Макинтайру — бывшему главному инженеру Администрации; ему она была вполне по плечу, а я в одиночку ни в жизнь не справился бы со всеми этими перевозками да перемотками, даже если бы очень захотел.

Мы наложили лапу и на самый большой компьютер, ведавший бухгалтерией в Банке Гонконга-в-Луне и одновременно служивший расчетной палатой для всего города. Посмотрев его спецификацию, я решил, что это умная машина, разве что не говорит, и спросил Майка, возьмется ли он обучить банковского товарища баллистике. Мы наладили временную связь, чтобы машины познакомились друг с другом. Майк объявил, что простой работе, вроде управления новой катапультой, научить этого типа можно, хотя сам он, то бишь Майк, не рискнул бы сесть на корабль, если вести его будет этот бухгалтер: слишком он формализован и некритичен. Проще говоря, глуп.

Ну, мне-то без надобности, чтобы компьютер насвистывал мотивчики или рассказывал анекдоты; он должен был выбросить груз из катапульты в нужную миллисекунду и с нужной скоростью, проследить за его приближением к Терре и подтолкнуть, когда следует.

Банк Гонконга-в-Луне вовсе не жаждал продавать своего бухгалтера. Но в правлении Банка были патриоты, мы обещали вернуть компьютер как только, так сразу, и его перевезли на луноходе, который был слишком велик для туннелей, а потому для перевозки потребовалась вся темная половина лунного месяца.

Да еще пришлось соорудить огромный временный шлюз, чтобы вытащить эту махину из Гонконга. Я снова соединил компьютеры, и Майк принялся за преподавание баллистики: надо было учитывать возможность, что его связь с новой катапультой будет прервана во время бомбежки.

(Знаете, что использовал Банк взамен компьютера? Двести клерков со счетами. Счеты? Это такие проволочки с нанизанными на них бусами — старейший числовой компьютер, настолько древний, что никто даже не помнит, когда его изобрели. Russki, китаезы и япошки пользуются им испокон веков, в маленьких лавчонках и по сей день.)

Проблема переделки лазерных буров в оружие космической обороны решалась проще, хотя, может быть, и менее надежно. Нам пришлось оставить их на прежних лафетах; не было ни времени, ни стали, ни мастеров, чтобы сделать новые. Поэтому мы сосредоточили усилия на усовершенствовании прицелов. Потребовались телескопы. Их было мало — какой дурак возьмет с собой в ссылку телескоп? И где тот рынок, что снабдит лагерника этим товаром позже?

Геодезические инструменты и бинокуляры на шлемах — вот и все, что мы нашли, плюс оптические приборы, конфискованные в лабораториях землян. В конце концов нам удалось оборудовать буры широкоугольными визирами с низким увеличением для поиска цели и мощными линзами для точной наводки плюс поворотными и подъемными механизмами, а также телефонами, по которым Майк мог сообщать артиллеристам, куда целиться. Четыре бура были снабжены самосинхронизирующимися следящими приводами, так что Майк взял их полностью под свой контроль. Синхронизаторы были позаимствованы из обсерватории, астрономы используют их в камерах Боша и Шмидта при картировании неба.

Главной проблемой оставались люди. Дело не в деньгах, зарплаты мы повышали постоянно. К тому же бурильщик работу любит, иначе он не занялся бы этим делом. Но сидеть в дежурке день за днем, ожидая тревоги, которая всякий раз оказывается учебной,— это ж рехнуться можно! И начались самовол-

ки. Как-то в сентябре я провел учебную тревогу — боевые расчеты были на месте только у семи буров.

Я обговорил проблему с Вайо и Сидрис тем же вечером. На следующее утро Вайо спросила, дадим ли мы с профом согласие на bolshoie пожертвование? Они с Сидрис сформировали группу, которую Вайо окрестила «Отрядом Лисистраты»[1]. Я не стал вникать, какие у них там обязанности и зарплаты, поскольку при очередной проверке обнаружил в дежурной рубке трех девчонок и полный комплект бурильщиков. Девчонки были в форме Второго артиллерийского полка, равно как и мужики (до того бурильщики на форму вообще плевать хотели), а у одной так даже красовались сержантские нашивки и эмблема командира расчета.

Я сократил время инспекции до минимума. У девушек, как правило, для бурения не та мускулатура, и вряд ли эта пичужка смогла бы орудовать буром так, чтобы оправдать свою эмблему. Но поскольку регулярный командир тоже находился на посту, вреда от того, что девушка научится работать с лазером, я не видел, моральное же состояние войска повысилось на глазах. Больше я о нем не беспокоился.

Проф явно недооценил новый Конгресс. Уверен, он просто хотел, чтобы этот орган не глядя ставил печати на все наши решения и таким образом превращал бы их в «глас народа». Однако новые конгрессмены были не из породы болтунов и развили такую бурную деятельность, какой проф от них не ожидал. Особенно Комитет по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Этот комитет совсем отбился от рук, ибо все мы были слишком заняты. Руководили Конгрессом проф, Финн и Вайо. Проф появлялся там, только если надо было произнести речь, одним словом, редко. Он занимался с Майком разработкой планов и анализом ситуации (наши шансы в сентябре семьдесят шестого выросли до одного из пяти), координировал со Стью и Шини Шиханом пропаганду, контролировал официальные известия для Земли и совершенно непохожие на них «новости», шедшие

[1] Героиня одноименной комедии Аристофана.

через «подпольное» радио, а также подтасовывал информацию, поступавшую с Терры. И вообще хотел быть в курсе всех событий; я докладывал ему раз в день, все остальные министры — и настоящие, и подставные — тоже.

Финна Нильсена я загрузил работой по горло; он был моим «командующим вооруженными силами». Под его началом была лазерная пехота — вместо шестерых парней, отбивших у врага оружие в тот день, когда мы захватили Смотрителя, она теперь насчитывала восемьсот, разбросанных по всей Луне и вооруженных конгвильскими копиями лазеров. Кроме того, были еще военизированные организации, подчинявшиеся Вайо: «Воздушные силы stilyag», «Stilyagi Дебса», «Адские леди», «Иррегулярники» (их держали из соображений моральных и переименовали в «Пиратов Питера Пэна») и «Отряд Лисистраты». Всех их я сплавил Финну. У меня были другие проблемы — я пытался совмещать обязанности «государственного деятеля» с профессией компьютерщика, когда подворачивалась подходящая работенка вроде установки компьютера у новой катапульты.

Кроме того, я плохой руководитель, а у Финна к этому делу талант. Я спихнул на него еще и Первый, и Второй артиллерийские полки. Но сначала соединил их в бригаду и назначил бригадным генералом судью Броуди. Броуди в военных делах понимал не больше моего — то есть ничего не понимал,— но личностью был известной и уважаемой, обладал острым умом, а главное, работал когда-то бурильщиком, пока не потерял ногу. Финн же бурильщиком отродясь не был, а потому ставить его непосредственно над ними не следовало — они бы его и слушать не стали. Сначала я думал назначить своего собрачника Грега, но Грег нужен был на катапульте в Океане Бурь, он там единственный механик, который прошел через все стадии строительства.

Вайо помогала профу, помогала Стью, руководила собственными организациями, то и дело моталась в Океан Бурь, а потому времени, чтобы заниматься Конгрессом, у нее не оставалось. Эта задача свалилась на плечи председателя комитета Вольфганга Корсакова... который был загружен больше нас всех;

«ЛуНоГоКо» взяла на себя все бывшие обязанности Администрации плюс еще множество других дел.

У Вольфганга был отличный комитет, и хорошо бы профу приглядывать за ним повнимательней. Вольф настоял, чтобы его правую руку — Моше Баума — избрали вице-председателем, и со всей ответственностью объяснил ему задачи комитета в определении того, каким должно быть постоянное правительство. А затем повернулся к комитету спиной.

Эти деловые ребята разделили работу между собой и начали действовать; изучали формы правления в библиотеке Карнеги, проводили собрания подкомитетов, по три-четыре человека в каждом (достаточно для того, чтобы встревожить профа, если бы он знал), а когда в начале сентября собрался Конгресс, чтобы утвердить несколько назначений и избрать новых независимых конгрессменов, товарищ Баум взял молоток и вместо окончания сессии объявил перерыв. Затем они собрались по новой, превратили себя в расширенный комитет, приняли резолюцию, и мы вдруг узнали, что наш Конгресс — это Конституционный Конвент, разделенный на рабочие группы, возглавляемые председателями подкомитетов.

Думаю, проф был потрясен. Но отменить решение не мог: все делалось законно, с соблюдением всех правил, разработанных самим профом. Однако он оправился от удара, поехал в Новолен, куда перебрался Конгресс (Новолен ближе к центру поселений), и поговорил с ними как всегда доброжелательно — не заявил открыто: так, мол, и так, ребята, вы не правы, а просто выразил сомнение в целесообразности их действий.

После чего, изысканно поблагодарив собравшихся за внимание, принялся разносить в клочья подготовленные ими варианты решений.

— Товарищи конгрессмены! Подобно огню и термоядерному сплаву, правительство — опасный слуга и жестокий хозяин. Сейчас вы свободны — постарайтесь остаться такими и впредь. Помните: вы можете сами лишить себя свободы куда быстрее, чем это сделал бы любой тиран. Не спешите, взвешивайте все детали, обдумывайте тщательно возможные последствия

каждого слова. Я не стану огорчаться, если Конвент прозаседает десять лет, прежде чем примет решение, я боюсь другого — что вы справитесь со всеми вопросами за год.

Не доверяйте ничему очевидному, берите под сомнение все традиционное... ибо в прошлом человечество не добилось ничего хорошего, возложив на себя правительственное ярмо. Например, в одном из черновых вариантов я нашел предложение разделить Луну на избирательные округа и пересматривать время от времени их сетку в соответствии с изменениями в численности населения.

Это традиционный путь, а потому он должен быть взят под подозрение и считаться виновным, пока его невиновность не будет доказана. Возможно, вы думаете, что это *единственный* способ? Если позволите, я предложу вам другие. Можно разделить избирателей, исходя из их профессиональной принадлежности... или возраста... или по алфавиту. Или вообще не делить — пусть каждый член парламента избирается всем населением. И не возражайте, что это сделает невозможным избрание человека, который не пользуется, так сказать, «вселунной» известностью; может оказаться, что для Луны такой вариант наиболее предпочтителен.

Вы могли бы даже рассмотреть вариант, при котором проходят кандидаты, получившие *наименьшее* число голосов; непопулярные люди могут оказаться для вас спасителями от новой тирании. Не отвергайте эту мысль только потому, что она кажется вам абсурдной. Обдумайте ее! Из истории мы знаем, что правительства, избранные огромным большинством, порой были не лучше, а хуже, чем откровенные тирании.

Но если вы непременно хотите репрезентативное правительство, то и в этом случае можно найти способы организовать выборы более эффективно, нежели по территориальным округам. К примеру — каждый из вас представляет здесь около десяти тысяч жителей, то есть около семи тысяч избирателей, достигших возрастного ценза, но некоторые были избраны лишь незначительным большинством. Предположим, что вместо выборов кандидат должен будет собрать под своим за-

явлением четыре тысячи подписей. Тогда он с полным правом будет представлять эти четыре тысячи и никакого обиженного меньшинства вообще не останется, ибо те, кто в территориальных округах становится меньшинством, при такой системе могут собрать голоса под собственными заявлениями или подписать другие. И в итоге все избиратели будут иметь тех представителей, которых они действительно предпочли. А депутат, собравший восемь тысяч подписей, мог бы иметь в будущем правительственном органе два голоса. Трудности, возражения, практические предложения, все это следует рассмотреть... их множество! Но вы могли бы их проанализировать и таким образом избежать хронической болезни всех репрезентативных правительств — наличия озлобленного меньшинства, которое считает себя (и справедливо!) лишенным гражданских прав.

Но что бы вы ни делали... не *позволяйте прошлому стать вашей смирительной рубашкой!*

Я заметил, что один из вариантов превращает наш Конгресс в двухпалатный парламент. Превосходно. Чем больше препятствий на пути законодательства, тем лучше. Но вместо того чтобы следовать традициям, я бы предложил сделать законодательной одну палату, а другую наделить одной-единственной функцией — отвергать принятые законы. Пусть законодатели принимают законы большинством в две трети голосов, а «отвергатели» проваливают их одной третью. Нелепо? А вы подумайте. Если закон еле собрал две трети голосов, может, это не слишком хороший закон? И если закон не по душе целой трети людей, может, лучше обойтись без него?

Что касается конституции, разрешите мне привлечь ваше внимание к великим достоинствам *запретов*. Сформулируйте и подчеркните запреты! Пусть ваш документ будет набит до отказа перечислением вещей, которые правительству запрещается делать навсегда. Никакой обязательной воинской повинности... ни малейших попыток вмешаться в свободу печати, в свободу слова, в свободу передвижений... а также религии, образования, коммуникаций, профессий... и никакого принудительного налогообложения. Товарищи, если вы не поленитесь

потратить пять лет на изучение истории и одновременно будете включать в перечень запретов все новые и новые вещи, которые правительство обязуется не делать *никогда*, а затем составите конституцию, сплошь состоящую из отрицательных предложений, я буду спокоен за будущее.

Чего я больше всего боюсь, так это утвердительных постановлений трезвомыслящих и благонамеренных людей, наделяющих правительство правом и властью *делать* то, что, по их мнению, должно быть сделано. Пожалуйста, всегда помните, что Лунная Администрация была создана с самой что ни на есть благородной целью такими трезвомыслящими и благонамеренными людьми, всенародно избранными. С этой мыслью я возвращаю вас вашим трудам. Благодарю вас.

— Gospodin президент! Разрешите вопрос! Вы сказали — «никакого принудительного налогообложения». Тогда откуда, по-вашему, мы возьмем деньги на расходы? Дарзанебы!

— Помилуйте, сэр, это уже ваши проблемы. Я могу лишь высказать несколько предположений. Добровольные взносы, как в любой церкви, которая сама себя содержит... государственные лотереи, естественно, не принудительные... А может быть, вы, конгрессмены, пороетесь в собственных кошельках и заплатите за то, что вам нужно? Это будет один из способов сократить численность правительства до минимума, при котором оно могло бы выполнять свои обязанности, каковы бы они ни были. Если, конечно, такие существуют. Я был бы рад, если бы нашим единственным законом было «Золотое правило»[1]; я не вижу необходимости в других законах, как, впрочем, и в насильственном внедрении этого. Но если вы *действительно* считаете, что ваши ближние должны ради своего блага иметь законы, почему бы вам самим не заплатить за это? Товарищи, я умоляю вас не прибегать к насильственному налогообложению. Нет худшей тирании, чем заставлять человека платить за то, чего он не хочет, только потому, что вы считаете — так для него будет лучше.

[1] «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Евангелие от Луки 6:31).

Проф раскланялся и вышел, я и Стью — за ним. Когда мы остались втроем в капсуле метро, я его поддел:

— Проф, мне очень понравилась ваша речь... но насчет налогов вы говорите одно, а делаете другое. Как вы думаете, кто будет оплачивать все наши расходы, которые растут не по дням, а по часам?

Он долго молчал, потом сказал:

— Мануэль, мое единственное желание — дожить до того дня, когда я перестану разыгрывать из себя главу исполнительной власти.

— Значит, ответа не будет?

— Ты ткнул пальцем в дилемму, которая стоит перед всеми правительствами, и одновременно в причину, по которой я стал анархистом. Право взимать налоги, единожды данное, не знает пределов — оно длится, пока само себя не уничтожит. Я не шутил, когда посоветовал им порыться в собственных кошельках. Покончить с правительством, видимо, невозможно; иногда я думаю, что правительство — неизбежная болезнь человечества. Но можно держать правительство на голодном пайке, сделать его малочисленным и безвредным. Ты можешь придумать для этого лучший способ, нежели потребовать от правителей, чтобы они сами оплачивали стоимость своего антиобщественного хобби?

— Все равно это не объясняет, как расплатиться за то, что мы делаем сейчас.

— Как? Мануэль, ты же знаешь, как мы это делаем. Мы *воруем*. Я не горжусь этим, но и не стыжусь. Другого способа нет. Если нас схватят за руку, нас могут ликвидировать — к этому я готов. Но по крайней мере, воруя, мы не создаем опасного прецедента налогообложения...

— Проф, мне крайне неприятно это говорить...

— Тогда зачем говоришь?

— Затем, черт возьми, что я увяз так же глубоко, как и вы... и хочу, чтобы все было возмещено! Мне крайне неприятно это говорить, но ваши слова сильно отдают лицемерием.

Он хихикнул.

— Дорогой Мануэль, неужели тебе понадобилось столько лет, чтобы прийти к выводу, что я лицемер?

— Значит, вы это признаете?

— Нет. Но если тебе легче от того, что ты так считаешь,— пожалуйста, я готов служить козлом отпущения. Однако перед самим собой я не лицемерю, ибо уже в тот день, когда мы провозгласили революцию, я понимал, что нам понадобится много денег и что их придется красть. Это меня не смущало, я считал, что лучше воровство, чем ожидающие нас через шесть лет голодные бунты, а через восемь — каннибализм. Я сделал выбор и не жалею о нем.

Я замолчал, не совсем, впрочем, удовлетворенный.

— Профессор,— сказал Стью,— я очень рад, что вы жаждете перестать быть президентом.

— Вот как? Вы, значит, разделяете предубеждения нашего друга?

— Только отчасти. Поскольку я с рожденья был обречен на богатство, воровство меня смущает меньше, чем его. Но раз Конгресс сейчас принялся за конституцию, я намерен выбрать свободную минутку и явиться на сессию. Я планирую провозгласить вас королем.

Проф был глубоко шокирован.

— Сэр, если вы меня провозгласите, я откажусь, если меня выберут — отрекусь.

— Не торопитесь. Возможно, это единственный способ получить ту конституцию, которую вы хотите. Я тоже ее хочу и так же, как и вы, не слишком обольщаюсь. Вы могли бы стать королем — люди приняли бы вас: мы, лунари, с республикой еще не обвенчались. Им понравится идея, вот увидите! Церемонии, мантии, двор и все такое прочее...

— Нет!

— Ja-Da! Когда придет время, вы не сможете отказаться. Ибо нам нужен король, а другого кандидата, который годился бы на эту роль, нет. Бернардо Первый, Король Луны и Император Ближнего Космоса!

— Стьюарт, я прошу вас немедленно прекратить! Меня от этого тошнит.

— Привыкнете. Я роялист, потому что демократ. Я не позволю вашим предрассудкам погубить мою идею, так же как вы не позволили страху перед воровством погубить идею революции.

— Погоди, Стью,— вмешался я.— Ты сказал, что ты роялист, потому что демократ?

— Конечно! Король — единственная защита граждан от тирании... особенно от самых худших тиранов — от них самих. Проф идеально подходит для этой работенки... потому, что ее не хочет. Его единственный недостаток в том, что он холостяк и не имеет наследника. Но мы это исправим. В качестве наследника я собираюсь предложить *тебя*. Наследный принц! Его Королевское Высочество принц Мануэль де ла Пас, герцог Луна-Сити, генерал-адмирал вооруженных сил и Защитник немощных.

Я разинул рот. Потом закрыл лицо руками.

— Бог мой!

Часть III
ДАРЗАНЕБЫ!

Глава 23

В понедельник 12 октября 2076 года, около девятнадцати ноль-ноль, я сидел дома и отходил от тяжелого суматошного дня, проведенного в нашей штаб-квартире в «Малине». Делегация фермеров производителей зерна хотела повидать профа, и меня вызвали к ним, так как проф был в Гонконге. Я был не в духе и нагрубил им. Прошло уже два месяца после объявления эмбарго, но ФН не оказала нам чести подложить хоть какую-нибудь свинью. Нас игнорировали, на наши претензии не отвечали: очевидно, считали, что ответить — значит признать нас за людей. Стью, Шини и проф неустанно трудились, подтасовывая новости с Земли, дабы поддержать в лунарях боевой дух.

Поначалу все держали свои скафандры под рукой. Их носили, зажав шлемы под мышкой, когда шли по коридорам на работу или возвращались домой. Но постепенно стали расслабляться: день шел за днем, никакой опасности не было, а скафандр, если он не нужен,— это сущее наказание, такой он громоздкий. Вскоре пивные стали вывешивать у себя таблички «В скафандрах вход запрещен». Ну а если лунарь не может выпить свои полтора на пути домой из-за какого-то скафандра, то он оставит его либо дома, либо на станции, либо где-нибудь еще.

Признаюсь, я и сам в этот день проявил расхлябанность. Мне позвонили, срочно вызвали обратно в отель — и только на полпути я вспомнил о скафандре.

И как раз подошел к тринадцатому переходному шлюзу, когда услышал и кожей почувствовал самый страшный для любого лунаря звук — ш-ш-ш! — а следом за ним сквознячок. Я метнулся в шлюз, уравнял давление, вылетел вон, задраил за собой дверь и опрометью кинулся к нашему домашнему шлюзу, проскочив его с криком:

— Всем надеть скафандры! Вызовите детей из туннелей и закройте все герметичные двери! А дома из взрослых всего-то Ма да Мила. Обе всполошились, но без слов принялись за дело. Я ворвался в мастерскую и схватил скафандр.

— Майк, отзовись!

— Я здесь, Ман,— ответил он спокойно.

— У нас, судя по звуку, взрывная декомпрессия. Что происходит?

— Это на третьем уровне Луна-Сити. Пробой на станции «Западная». Сейчас частично под контролем. Шесть кораблей совершили посадку. Луна-Сити атакован...

— *Что?!*

— Дай мне закончить, Ман. Прилунилось шесть транспортных кораблей. Луна-Сити атакуют десантники, Гонконг, возможно, тоже, связи с ним нет, поврежден узел Б-Л. Атакован Джонсон-Сити; я намертво закрыл бронированные двери между городом и Нижним Комплексом. Новолен мне не виден, но, судя по отраженным сигналам, его тоже штурмуют. В Черчилле и Тихо-Андере то же самое. Один корабль на высокой эллиптической орбите идет по восходящей прямо надо мной, предположительно флагман. Других сигналов на экранах нет.

— Шесть кораблей... Ты-то куда смотрел, черт побери!

Он ответил так спокойно, что я пришел в себя.

— Они подошли с темной стороны Луны, Ман. А у меня там глаз нет. Выскочили внезапно, все на крутых гаррисоновых орбитах, чуть верхушки гор не посрезали. Я заметил лишь самый хвост захода на Луна-Сити. Корабль в Джонсон-Сити — единственный, который мне виден; остальные места посадок я вычислил, исходя из траекторий, определенных по отраженным сигналам. Я слышал пробой на станции «Западная» в Луна-Сити,

а теперь слышу звуки сражения в Новолене. Все прочее — заключения, сделанные на основе косвенной информации, степень вероятности нуль, запятая, девять, девять. Я немедленно позвонил тебе и профессору.

Я перевел дух.

— Операция «Камнепад». Приготовиться к выполнению.

— Программа задействована. Ман, когда я не смог тебя поймать, я воспользовался твоим голосом. Прокрутить пленку?

— Nyet! Ja! Da!

И я услышал, как объявляю дежурному офицеру у старой катапульты о боевой готовности номер один к операции «Камнепад»: первый контейнер на катапульту, остальные на конвейер, полная готовность к запуску, запускать только по моему личному приказу, затем действовать согласно плану в автоматическом режиме. «Я» заставил его повторить приказ.

— О'кей,— сказал я Майку.— Как боевые расчеты лазеров?

— Тут тоже твоим голосом. Подняты по тревоге, а затем отправлены по своим рубкам. Флагман достигнет апоселения[1] через три часа и четыре, запятая, семь минуты. Цели не будет еще минимум пять часов.

— Он может маневрировать. Или нанести удар ракетами.

— Успокойся, Ман. Даже ракеты я увижу с опережением в несколько минут. На поверхности сейчас слепящий полдень. Хочешь, чтоб они хватанули побольше рентген? Нет смысла.

— Хм... извини. Давай-ка я лучше поговорю с Грегом.

— Прокручиваю пленку.

И я услышал «свой» голос, разговаривающий с моим собрачником в Океане Бурь; «мой» голос звучал напряженно, но спокойно. Майк обрисовал Грегу ситуацию и велел поддерживать «Давидову пращу» в полной боевой готовности. «Я» заверил его, что главный компьютер постоянно передает программу их машине и если связь нарушится, переключение будет сделано автоматически. «Я» приказал также, чтобы в случае

[1] Наиболее удаленная от поверхности Луны точка орбиты ее спутника.

обрыва связи Грег брал команду на себя и действовал по обстановке, а если связь не восстановится через четыре часа, пусть слушает земное радио и решает сам.

Грег принял все спокойно, повторил приказ, а затем сказал:

— Манни, передай семье, я их всех люблю.

Майком я просто горжусь — он ответил, и голос его дрогнул от избытка чувств:

— Я сделаю это, Грег.. Слушай, Грег, я тоже люблю тебя. Ты ведь знаешь это, верно?

— Я знаю это... и прочту за тебя отдельную молитву.

— Спасибо, Грег .

— Пока, Манни. Иди и делай, что должен.

И я пошел и стал делать, что должен. Майк сыграл мою роль так же хорошо, а может, и лучше, чем я сыграл бы ее сам. Финн, когда с ним свяжутся, получит распоряжения прямо от «Адама». И я ушел быстрым шагом, на ходу прокричав Ма любовное послание Грега. Она была в скафандре, уже разбудила Деда и обрядила его в скафандр — первый раз за много лет. И я вышел в коридор — шлем опущен, в руке лазерное ружье.

И дошел до тринадцатого переходного шлюза, и обнаружил, что он наглухо закрыт с той стороны, а в глазок никого не видно. Все правильно, все как учили, за исключением того, что stilyagi, который должен быть на страже, не видно.

На стук никто не отозвался. Я вернулся обратно и прошел через дом и через овощные туннели к нашему частному шлюзу, ведущему на поверхность к солнечным батареям.

И обнаружил, что глазок затенен, а ведь на поверхности палящий день. Сволочной земной корабль сел прямо на участок Дэвисов! Его опоры образовывали гигантский треножник, вздымавшийся у меня над головой: я глядел ему прямо в сопло.

Я быстренько попятился, наглухо задраил оба люка и по пути домой перекрыл все герметичные двери. Рассказал все Ма, велел ей поставить одного из ребят у дверей и протянул лазерное ружье.

Ни парней, ни мужиков, ни крепких женщин — остались только Ма, Дед да самые маленькие дети; все остальные ушли

искать неприятностей на свою голову. Мими отказалась взять ружье.

— Не знаю я, как им пользоваться, Мануэль, а учиться уже поздно. Держи его при себе. Но они не пройдут через Дэвисовы туннели. У меня есть в запасе кое-какие способы, о которых даже ты не подозреваешь.

Я не стал терять времени на споры — с Мими спорить бесполезно, да у нее и впрямь могли быть какие-то секреты; она прожила в Луне долгие годы и выжила в таких суровых условиях, какие мне и не снились.

На сей раз у тринадцатого шлюза на посту стояли два мальца. Я потребовал информацию.

— С давлением полный порядок,— сказал старший,— во всяком случае, на нашем уровне. Драка идет ниже — где-то в направлении Казвея. Послушайте, генерал Дэвис, можно мне с вами? На этот шлюз и одного хватит.

— Nyet.

— Хоть бы одного землееда уложить!

— Это твой пост, вот и стой здесь. Если сюда явится землеед — он твой. Только смотри, чтобы не получилось наоборот.

И побежал рысцой.

Вот так, в результате собственного разгильдяйства, из-за чертова скафандра я увидел лишь самый кончик хвоста «битвы в коридорах»... Хорош министр обороны!

Я мчался по кольцевому коридору на север, не закрывая шлема.Добрался до шлюза, ведущего на длинный пандус, выходящий на Казвей. Шлюз был открыт; я выругался, остановился, запер его за собой — и увидел, почему открыт шлюз: мальчик, который его сторожил, был мертв. Я осторожно двинулся по пандусу и оттуда на Казвей.

На этом конце Казвей был пуст, но дальше к городу виднелись какие-то фигуры и слышался шум. Два человека в скафандрах и с пушками в руках направились ко мне. Я сжег обоих.

В скафандрах и с пушками все люди похожи друг на друга. Вероятно, они приняли меня за своего. Я и сам на таком

расстоянии мог принять их за людей Финна, только мне это и в голову не пришло. Новичок в Луне ходит совсем иначе, чем старожил; он слишком высоко задирает ноги и всегда как будто за что-то хочет ухватиться. Но я об этом не думал, не думал даже: «Землееды! Бей их!» Просто увидел и сжег. Они уже медленно катились по мостовой, когда я осознал, что сделал.

Остановился, чтобы взять их оружие. Но оно держалось на цепочке, и я никак не мог понять, как его отцепить; вероятно, нужен был ключ. Кроме того, это были не лазеры, я таких и не видал никогда: настоящие ружья. Они стреляли маленькими разрывными ракетами, как я выяснил позже; но тогда понял только одно — воспользоваться ими я не сумею. На стволы были надеты узкие острые ножи, так называемые «штыки». Они-то меня и заинтересовали в первую очередь: мое ружье годилось только на десять полноценных выстрелов, а запасной обоймы не было. А эти остроконечные штыки могли пригодиться. На одном из них была кровь — кровь лунаря, полагаю.

Буквально через несколько секунд я бросил это дело; с помощью собственного ножа убедился, что эти двое не оживут, и побежал на шум боя, держа палец на спусковом крючке.

Это была не битва, а натуральный бардак. А может, битва всегда так выглядит — толкотня, вопли, и никто по-настоящему не понимает, что происходит. В самой широкой части Казвея, как раз напротив «Bon Marché», где Большой пандус спускается с третьего уровня к северу, толпились сотни лунарей — мужчины, женщины и дети, которым полагалось бы сидеть дома. Половина из них без скафандров, почти все без оружия... а вниз по пандусу лился поток солдат, вооруженных до зубов.

Но сначала меня просто оглушил этот шум. Этот рев, который ворвался в открытый шлем и с силой бил по барабанным перепонкам. Этот рык. Не знаю, как его еще можно назвать. Это была смесь всех звуков, которые способна издавать в гневе человеческая глотка,— от пронзительного визга младенца до бычьего рева разъяренного мужика. Словно собачья свара небывалых

масштабов... Я внезапно понял, что тоже вношу в нее скромную лепту — ору похабщину и издаю бессмысленные вопли.

Девчонка не старше Хейзел одним прыжком вскочила на парапет и танцующей походкой прошлась всего в нескольких сантиметрах от плеч бегущих по пандусу солдат. Она была вооружена чем-то похожим на мясницкий топорик. Я видел, как она взмахнула рукой, как он опустился. Вряд ли она могла пробить скафандр, но солдат рухнул, следующие споткнулись об него. Один из них вонзил ей штык в бедро, и она навзничь упала вниз, исчезнув из виду.

Я толком тогда ничего не видел, даже теперь не могу вспомнить. Так, отдельные кадры, вроде падающей навзничь девочки. Не знаю, кто она, не знаю, жива ли. Я не мог целиться оттуда, где стоял: слишком много голов маячило впереди, загораживая цель. Но слева, перед самым магазином игрушек, стоял выносной прилавок. Я вспрыгнул на него и оказался на метр выше мостовой Казвея. Теперь землееды, бегущие по пандусу, были видны как на ладони. Я уперся в стену и тщательно прицелился в левую сторону груди солдата. Сколько времени прошло — не знаю, но вдруг оказалось, что мой лазер больше не работает, и я перестал жать на гашетку. Думаю, штук восемь солдат благодаря мне не вернулись домой, но точно не скажу, не считал... а время и вправду будто застыло на месте. Все кругом носились как угорелые, а мне казалось — я смотрю учебный фильм с замедленными кадрами.

Пока я опустошал свою обойму, какой-то землеед заметил меня и выстрелил; взрыв пришелся как раз над головой, осколки витрины забарабанили по шлему. А может, стреляли и еще — не помню.

Когда заряды кончились, я спрыгнул с прилавка, подхватил лазер как дубинку и присоединился к толпе, штурмовавшей подножие пандуса. Все это бесконечно долгое время (минут пять?) землееды палили в толпу. Раздавались резкие щелчки выстрелов и более мягкие хлопки — *шлеп! шлеп!* — это маленькие ракеты взрывались, попав в человеческую плоть; иногда же удары были звонче — *уонк!* — когда ракеты ударяли в стены

или другие твердые предметы. Я все еще пытался добраться до подножия пандуса, когда вдруг понял, что стрельбы больше нет.

Все солдаты лежали поверженными или убитыми — и некому было больше бежать по пандусу.

Глава 24

Десантников перебили по всей Луне почти одновременно. Свыше двух тысяч солдат и почти втрое больше лунарей погибли в боях, а точное число наших раненых так и осталось неизвестным. Ни в одном поселении пленных не брали; правда, мы захватили живьем десяток офицеров и экипажи кораблей, но это уж потом, когда прочесали места высадки.

Основная причина, почему лунари, по большей части безоружные, смогли уничтожить вооруженных и обученных солдат, заключается в том, что только что прилунившийся землеед плохо собой управляет. Наша сила тяжести, одна шестая той, к которой он привык, превращает выработанные всей жизнью рефлексы в его врагов. Он целится, сам того не зная, выше, чем надо, он крайне неустойчиво держится на ногах, плохо бегает — ноги скользят, убегают из-под него. Но хуже всего, что этим солдатам пришлось драться, *спускаясь* вниз; они, естественно, высадились на верхних уровнях, а затем спускались по пандусам все ниже и ниже, пытаясь захватить город.

Землеед же не умеет бегать вниз по пандусам. Ведь нужно овладеть движениями, которые не бег, не шаг, не полет, а больше всего похожи на балетный танец, когда ступни еле касаются поверхности, чтобы удержать равновесие. Уже трехлетний лунарик делает это бессознательно — дует вниз в своего рода управляемом падении, через каждые несколько метров касаясь пола пальчиками ног.

А землееда одолевает приступ «новичковой» болезни: когда вдруг оказывается, что он «идет по воздуху», он пытается силой удержать равновесие, его раскручивает, он теряет контроль над собой и скатывается к подножию пандуса — злой, но невредимый.

Эти же солдаты падали мертвыми; именно на пандусах мы их брали голыми руками. Те, которых я видел, как-то исхитрились одолеть три пандуса. Но прицельный огонь могли вести лишь немногочисленные снайперы на верхних площадках; у остальных была лишь одна забота — остаться на ногах, не выронить оружие и добежать до следующего уровня.

Лунари, однако, этого не допускали. Мужчины и женщины (и множество детей) кидались на солдат, сталкивали их вниз и убивали чем придется — кто голыми руками, а кто отнятыми у солдат же штыками. Да и мой лазер был не единственным в этой драке; двое парней Финна прорвались на балкон «Bon Marché» и сняли снайперов, стоявших на вершине пандуса. Никто им не говорил, что надо делать, никто не вел в бой, никто не отдавал приказов; Финну так и не удалось покомандовать своей плохо обученной и буйной милицией. Началась драка — и они дрались.

Это и была главная причина нашей победы — мы дрались. Большинство лунарей никогда не видели живого десантника, но куда бы ни врывались солдаты, лунари бросались туда, как белые кровяные шарики на микробов... и дрались. Никто не отдавал им приказов. Наша хрупкая организация развалилась из-за внезапности нападения. Но мы — лунари — дрались, как берсерки, и десантники погибали. Ни одному солдату не удалось проникнуть ниже шестого уровня ни в одном из поселений. Рассказывают, что жители Боттом-Эли узнали о вторжении только тогда, когда с ним было покончено.

Впрочем, захватчики дрались тоже здорово. Мало того, что это были отборные войска особого назначения, натасканные на подавление бунтов и уличных беспорядков, так вдобавок их еще обработали гипнозом и накачали наркотиками.

Гипнотизеры внушали им (и совершенно правильно), что их единственная надежда вернуться на Землю заключается в захвате и усмирении поселений. Если они этого добьются, им пришлют замену и немедленно отправят домой. Но выбор у них невелик — победа или смерть, ибо транспортные корабли смогут взлететь только после победы: им нужна дозаправка, а

чтобы заправиться, надо сначала захватить Луну (и это тоже была истинная правда).

А потом солдат накачали антидепрессантами, транквилизаторами и ингибиторами страха — такими, что и мышь заставили бы плюнуть на кота,— и выпустили на нас. Они дрались профессионально и умирали совершенно бестрепетно.

В Тихо-Андере и Черчилле они применили газ, и жертвы были преимущественно с нашей стороны; только тем лунарям, которым посчастливилось добраться до скафандров, удалось сохранить способность к сопротивлению. Но конечный результат был таким же, как в Луна-Сити, только времени понадобилось больше. Газ был парализующий, так как Администрация вовсе не стремилась уничтожить нас поголовно; нас хотели просто проучить, взять в ежовые рукавицы и отправить на работу.

Причиной длительной задержки действий Федерации и ее кажущейся нерешительности был сам способ внезапной атаки. Решение они приняли почти сразу после объявления нами эмбарго на поставки зерна (это мы узнали от захваченных в плен офицеров транспортных кораблей); время ушло на сбор атакующих сил. Корабли шли по длинной эллиптической орбите, весьма удаленной от лунной, разворачивались перед Луной и встречались над ее темной стороной. Естественно, Майк не смог их увидеть — на той стороне он слеп. Он наблюдал за небом с помощью своих баллистических радаров, но радар не может заглянуть за горизонт. Ни одного корабля Майк не видел на орбите дольше восьми минут. Они выскочили из-за горизонта, чуть не задевая пики гор, почти на круговых траекториях, понеслись каждый прямо к намеченной цели и лихо, с высокими перегрузками прилунились — точно в новоземье, 12 октября 2076 года, в восемнадцать часов сорок минут тридцать шесть и девять десятых секунды по Гринвичу. Может, эти десятые слегка и отличались, но, насколько Майк мог судить по отраженным сигналам, именно слегка. В общем, следует признать, что свою работу Миротворческий флот ФН выполнил весьма элегантно.

Левиафана, вывалившего тысячу пехотинцев на Луна-Сити, Майк вообще засек только тогда, когда тот врубил дюзы, то есть

за мгновение до посадки. Майк увидел бы его на несколько секунд раньше, следи он за восточной частью неба с помощью нового радара в Океане Бурь, но как раз в это время Майк тренировал своего «сынка-идиота» и их внимание было приковано к западной стороне — к Терре. Да и что дали бы эти секунды? Внезапность нападения была спланирована великолепно и осуществлена так четко, что в девятнадцать ноль-ноль по Гринвичу все десантники вступили в бой одновременно по всей Луне, мы даже опомниться не успели. И период новоземья, когда все поселения залиты ослепительным солнечным светом, тоже был выбран не случайно; Администрация не очень хорошо представляла себе лунную жизнь, но одно она знала твердо: в светлую половину лунного месяца ни один лунарь не потащится зря на поверхность, а если и выйдет, то постарается быстренько сделать свое дело и вернуться обратно в Луну... чтобы проверить счетчик радиации.

Вот так они и поймали нас — так сказать, со спущенными скафандрами. И без оружия.

Но даже когда все десантники были уничтожены, на поверхности Луны осталось шесть транспортных кораблей, а в небе — флагман флотилии.

Как только закончилась потасовка у «Bon Marché» и я слегка очухался, первым делом отыскал телефон. Из Конгвиля ни звука, от профа ни словечка. Сражение в Джонсон-Сити окончилось нашей победой, в Новолене тоже. Тамошний транспорт при посадке опрокинулся, силы десантников были ослаблены в результате неудачной посадки, а искалеченный корабль захватили ребята Финна. В Черчилле и Тихо-Андере бои в разгаре. В других поселениях никаких происшествий. Майк перекрыл туннели метро, а телефонную связь между поселениями резервировал только для официальных сообщений. Взрывное падение давления в Верхнем Черчилле остановить пока не удалось. Да... Финн объявился, с ним можно связаться.

Я поговорил с Финном, рассказал, где находится «наш» транспортный корабль, и мы договорились встретиться у тринадцатого переходного шлюза.

С Финном случилось почти то же, что и со мной: его также застали врасплох, с той разницей, что скафандр на нем все-таки был. Возглавить свою лазерную пехоту он так и не смог до самого конца боя, а потому дрался в одиночку во время бойни в Старом Куполе. Теперь он собирал своих ребят. Один из его офицеров принимал доклады, сидя в офисе Финна в «Bon Marché». Удалось связаться с командиром отряда в Новолене, но Финн был встревожен молчанием Гонконга.

— Манни, может, мне перебросить туда людей на метро?

Я велел ему ждать — по туннелю землеедам до нас не добраться, раз мы держим под контролем энергетику, а свой корабль они вряд ли смогут поднять в космос.

— Давай-ка поглядим на нашего гостя.

Мы прошли через тринадцатый шлюз, добрались до конца зоны частного воздухоснабжения, проникли в фермерские туннели нашего соседа (тот поверить не мог, что на нас напали), через глазок его шлюза полюбовались на транспортный корабль, стоявший примерно в километре к востоку, и осторожно приподняли крышку люка.

Потом откинули ее совсем и вылезли. Скалистый отрог прикрывал нас. Подобно краснокожим, мы подползли к его краю и выглянули, используя шлемные бинокуляры.

И опять спрятались за скалу. Финн сказал:

— Думаю, мои ребята с ним справятся.

— Каким образом?

— Если я тебе скажу, ты тут же найдешь массу доводов против. Давай-ка я сам управлюсь со своими делами, приятель.

Слыхал я об армиях, где начальнику подчиненные не приказывают заткнуться; у них там такое слово есть: «дисциплина». Но мы-то просто любители.

Около часа ушло на подготовку операции и две минуты — на выполнение. Вокруг корабля Финн разместил дюжину парней, прибегнув для этой цели к фермерским наружным шлюзам; пользоваться радио запретил — впрочем, почти ни у кого из них в скафандрах радио и не было, ребята-то были городские.

Финн занял самую западную позицию; выждал время, чтобы все успели приготовиться, и пустил сигнальную ракету.

Она вспыхнула над кораблем, и все одновременно открыли стрельбу, целясь по заранее намеченным антеннам. Финн расстрелял свою обойму, сменил ее и начал прожигать корпус — не дверь в шлюз, а самый корпус корабля. Рядом с вишнево-красным пятном тут же появилось другое, затем еще три. Ребята дружно обрабатывали один и тот же кусок обшивки, пока расплавленный металл не потек наружу — и мы увидели, как воздух — ф-фух! — вырвался из корабля сияющим плюмажем рефракции. Парни трудились, увеличивая замечательную здоровенную дыру, пока не кончились обоймы. Представляю, что творилось в это время на борту: звенят колокола тревоги, задраиваются люки в переборках, а команда лихорадочно пытается заделать одновременно все три огромные дыры в корпусе (остальная часть отряда Финна, разбросанная вокруг корабля, обработала обшивку еще в двух местах). Жгли только корпус, больше ничего не трогали. Корабль не предназначался для полетов в атмосфере, собирали его прямо на орбите, и отсеки корпуса, обеспеченные воздухом, были отделены от реактора и баков с горючим; парни Финна занялись именно той частью корпуса, где мог быть получен наибольший эффект.

Финн прижался своим шлемом к моему.

— Теперь ему не взлететь. Сомневаюсь, чтоб им удалось заткнуть дыры так плотно, чтобы можно было жить без скафандров. Как думаешь, может, оставим их тут посидеть несколько деньков и посмотрим, не вылезут ли? Если нет, доставим сюда тяжелый лазерный бур и позабавимся как следует.

Решив, что Финн может обойтись и без моей ненужной помощи, я спустился домой, вызвал Майка и попросил его дать мне капсулу, чтобы проведать баллистические радары. Он поинтересовался, почему бы мне не посидеть внизу, там, мол, опасности уже нет.

— Слушай, ты, нахальная куча полупроводников, ты всего лишь министр без портфеля, а я как-никак министр обороны. Я обязан видеть все, что происходит, но у меня всего два глаза,

это у тебя они понатыканы по половине Моря Кризисов. Хочешь, чтоб весь кайф тебе достался?

Он намекнул, чтобы я не возникал, и предложил мне вывести данные своих дисплеев на видеоэкран, скажем, в номере «Л» в «Малине»... Ему вовсе не хочется видеть меня раненым... кстати, слыхал ли я анекдот о бурильщике, который ранил чувства своей матери?

— Майк,— сказал я,— *пожалуйста*, дай мне капсулу. Я возьму скафандр и встречу ее за станцией «Западная» — сама станция в ужасном виде, ты ведь знаешь.

— О'кей,— сдался он.— Шея твоя, рискуй. Через тринадцать минут. Можешь ехать до огневой позиции «Джордж».

Крайне великодушное разрешение. Я добрался туда и сразу ему позвонил. Финн к этому времени связался почти со всеми поселениями, разыскал подчиненных ему командиров или тех мужиков, которые добровольно взяли на себя команду, и объяснил им, как справляться с прилунившимися транспортными кораблями; до Гонконга он не дозвонился. Судя по всему, банды Администрации захватили-таки Гонконг.

— Адам,— сказал я, так как в дежурке были люди,— как вы думаете, можем мы послать команду на луноходе и попытаться восстановить узел Б-Л?

— Это не gospodin Адам Селен,— незнакомым голосом ответил Майк,— это один из его помощников. Адам Селен был в Верхнем Черчилле, когда там случилось авария с давлением. Боюсь, его следует считать погибшим.

— *Что*?!

— Я очень сожалею, gospodin.

— Не вешайте трубку! — Я выгнал из дежурки пару бурильщиков и какую-то девчонку, сел, опустил звукоизолирующий колпак.— Майк,— сказал я тихо,— теперь можно говорить. Что за ерунду ты несешь?

— Ман,— ответил он спокойно,— ты подумай сам. Адаму Селену все равно пора уходить со сцены. Он свою роль сыграл и, как ты сам сказал, практически не входит в правительство. Мы с профом подробно это обсудили. Главное — правильно

выбрать момент. Гибель во время вторжения — да лучше и придумать нельзя! Это превратит Адама в национального героя... а народ нуждается в героях. Пусть будет так: «Адам Селен, вероятно, погиб» — до тех пор, пока ты не поговоришь с профом. Если ему еще нужен Селен, значит, выяснится, что он застрял в частном туннеле и ждал, пока его отыщут.

— Что ж, о'кей, оставим вопрос открытым. Тем более что Майк мне всегда был гораздо симпатичнее как личность.

— Я знаю, Ман, мой первый и лучший друг. Мне тоже. Да это и есть моя настоящая личность, «Адам» — просто подделка.

— Э-э... да. Но, Майк, если проф погиб в Конгвиле, мне помощь «Адама» понадобится позарез.

— Ну, значит, запрячем пока этого сноба надутого в холодильник, чтобы оживить, если понадобится. Ман, а когда все это кончится, у тебя найдется время снова заняться со мной исследованиями природы юмора?

— Обязательно найдется, обещаю тебе.

— Спасибо, Ман. А то вы с Вайо за эти дни ни разу со мной не пообщались по-человечески... да и у профа одни серьезные разговоры на уме. Буду рад, когда эта война закончится.

— А мы ее выиграем, Майк?

Он насмешливо хрюкнул:

— Давненько ты не спрашивал меня об этом. Вот тебе свежий прогноз — с пылу, с жару. Я сделал его уже после начала вторжения. Держись, Ман, не падай: шансы сравнялись!!

— Бог мой!

— Так что кончай болтать и иди погляди на потеху. Только отойди от пушки метров на сто, не меньше; этот корабль может проследить направление лазерного луча и шарахнуть в ответ. Скоро начнем. Еще двадцать одна минута.

Так далеко мне уйти не удалось, поскольку телефонный провод был короче ста метров. Я подключился параллельно к аппарату командира расчета, нашел скалу с тенью и уселся. Солнце стояло высоко на западе, так близко к Терре, что ее было видно только через защитный козырек: тоненький серп, призрачно-серый, окруженный облачком сияющей атмосферы.

Я спрятал голову в тень.

— Баллистический контроль, говорит О'Келли Дэвис. Нахожусь у пушки-бура «Джордж». Я имею в виду — примерно в сотне метров.— Я рассчитывал, что Майк, отделенный от меня многими километрами собственной проводки, не сможет определить длину моего шнура.

— Баллистический контроль слушает,— ответил Майк, не вступая в спор.— Извещу об этом штаб.

— Благодарю, баллистический контроль. Спросите в штабе, нет ли у них известий от конгрессмена Вайоминг Дэвис? — Я очень беспокоился о Вайо и обо всей семье.

— Запрос будет сделан.— Майк выждал для приличия какое-то время, потом сказал: — Штаб сообщил, что gospazha Дэвис возглавила оказание помощи раненым в Старом Куполе.

— Спасибо.— В груди что-то отпустило. Не то чтобы я любил Вайо сильнее остальных жен, но... она была новенькая. И к тому же она необходима всей Луне.

— Даю координаты,— деловито заговорил Майк.— Всем стволам угол возвышения восемь семь ноль, азимут один девять три ноль, параллакс[1] установить на дальность тысяча триста километров от поверхности. При визуальном обнаружении цели немедленно доложить.

Я лег, подобрал колени так, чтобы остаться в тени, и всмотрелся в указанный сектор неба — почти в зените, чуть-чуть южнее. Теперь, когда солнечный свет не падал на шлем, я мог разглядеть звезды, но привести внутреннюю часть бинокуляра в соответствие с нужным направлением оказалось не так легко — пришлось изогнуться и опереться на правый локоть.

Ничего не... хотя, постой, вон звезда, а рядом диск... никакой планеты там быть не должно. Заметил рядом еще звезду и стал ждать, упорно вглядываясь. Ага! Da! Становится все ярче и медленно, крадучись, сдвигается к северу... Эй! Да этот гаденыш собирается, кажется, спуститься прямо на нас!

[1] Видимое перемещение светил на небесной сфере, обусловленное перемещением наблюдателя в пространстве; по параллаксу определяют расстояния до светил.

Но тысяча триста километров — долгий путь, даже если идешь на предельной скорости. Я напомнил себе, что он не может упасть на нас, двигаясь по нисходящей ветви эллиптической орбиты,— его же занесет вокруг Луны, если он не изменит траекторию полета. Но Майк об этом не упоминал. Я было намылился спросить его, но раздумал — пусть сосредоточит все свои мозги на анализе действий корабля; не время отвлекать его глупыми вопросами.

Все орудийные расчеты доложили, что видят цель. В том числе и те четыре ствола, которые Майк вел сам с помощью синхронизаторов. Эта четверка отрапортовала, что «держит» цель визуально, не прибегая к ручному управлению. Отличная новость! Значит, Майк поймал эту штучку в прицел и идеально рассчитал ее траекторию!

Вскоре стало ясно, что корабль не намерен облетать Луну, а идет прямо на посадку. Нужда спрашивать Майка отпала: диск становился все ярче, а позиция по отношению к звездам совсем не менялась. Черт! Он таки действительно собирается сесть нам на головы!

— Дальность пятьсот километров,— спокойно сказал Майк.— Приготовиться к стрельбе. Всем стволам с дистанционным управлением перейти на ручное при команде «Огонь!». Восемьдесят секунд...

Самые длинные минута и двадцать секунд в моей жизни. Гаденыш этот оказался здоровенным гадом! Майк давал отсчет времени каждые десять секунд, а когда осталось тридцать, перешел на ежесекундный режим.

— Пять, четыре, три, две, одна... Огонь! — и корабль вдруг вспыхнул еще ярче.

Я толком и не заметил маленькую искорку, отлетевшую от него то ли до вспышки, то ли одновременно с ней. Но Майк вдруг сказал:

— Выпущена ракета. Стволы с синхронизаторами поведу сам, вручную не вмешиваться. Всем прочим держать на прицеле корабль. Будьте готовы получить новые координаты.

Через несколько секунд — или часов — он дал новые координаты и добавил:

— Наблюдайте за целью. Огонь по готовности.

Я попытался было наблюдать за кораблем и ракетой одновременно и потерял обоих; оторвал глаза от бинокуляра и вдруг увидел ракету, а потом сразу — место ее падения, между нами и головой катапульты. Ближе к нам, не больше чем в километре. Нет, настоящего взрыва не было, я имею в виду термоядерного, иначе я бы все это не рассказывал. Но вспышка была большая и яркая (думаю, взорвались остатки топлива), серебром отливала даже в солнечном сиянии; а потом я услышал-почувствовал, как вздрогнули скалы. Никто не пострадал... кроме нескольких кубических метров скалы.

Корабль все еще снижался. Теперь он уже не светился; я видел его хорошо, он обрел свою форму. Никаких внешних повреждений не было заметно. Каждую секунду я ждал, что из кормовых дюз ударит столб пламени и корабль зависнет перед посадкой.

Ничего подобного не произошло. Он рухнул примерно в десяти километрах к северу от нас. Там возникла на мгновение великолепная серебристая полусфера и тут же исчезла, только пятна в глазах оставила.

Майк распорядился:

— Доложить о потерях. Отключить пушки и всем уйти с поверхности.

— Орудие «Алиса», потерь нет... Орудие «Бэмби», потерь нет... Орудие «Цезарь», один человек ранен осколком камня, давление в скафандре нормальное...

Я спустился вниз к стационарному телефону и вызвал Майка.

— Что произошло, Майк? Они же должны были передать управление тебе, когда ты выжег им глаза?

— Они передали мне управление, Ман.

— Слишком поздно?

— Я разбил их, Ман. Я решил, что так будет разумнее.

Час спустя я был у Майка, в первый раз за четыре или пять последних месяцев. До Комплекса мне было ближе, чем до Луна-Сити, а связь отсюда даже лучше, чем из города, по крайней мере без перебоев. Мне необходимо было поговорить с Майком.

Со станции метро у головы катапульты я попробовал дозвониться Вайо; поговорил с кем-то из временного госпиталя в Старом Куполе и узнал, что Вайо свалилась от изнеможения и ее уложили в постель, чтобы выспалась и ночью снова смогла работать. Финн вместе со своими ребятами отправился в Черчилль атаковать севший там транспортный корабль. От Стью никаких известий. Гонконг и проф все еще отрезаны. Похоже, в данный момент я да Майк — вот и все правительство.

А надо было начинать операцию «Камнепад».

И при этом недостаточно просто закидать Землю камнями: мы должны были сообщить Терре о том, что мы собираемся делать и почему — и что мы имеем полное право сделать это. Проф, Стью и Шини с Адамом заранее подготовили текст на случай атаки с Терры. Теперь, когда атака состоялась, требовалось внести в него поправки. Майк уже переписал текст и распечатал, чтобы я мог его изучить.

Я поднял глаза от длинного бумажного рулона.

— Майк, все эти сообщения для газет и наше обращение к ФН подразумевают, что мы победили в Гонконге. Ты уверен в этом?

— Вероятность выше восьмидесяти двух процентов.

— Достаточно, чтобы послать эти материалы?

— Ман, вероятность, что мы там победим, если еще не победили, приближается к полной уверенности. Тамошний транспортный корабль подняться не способен: те, что мы захватили, были без горючего или почти без него. Моноатомного водорода в Гонконге почти нет; за ним нужно ехать сюда. А это значит, что солдат пришлось бы перебрасывать по поверхности на луноходе — утомительная прогулочка при высоком солнце даже для лунарей,— а по прибытии еще и с нами разделаться надо. На это они не пойдут. Конечно, все мои выводы основаны на допущении, что транспортный корабль и десантники в Гонконге вооружены не лучше, чем в остальных местах.

— А как насчет посылки ремонтной бригады в Б-Л?

— Думаю, из-за этого ждать не стоит. Ман, я вовсю пользовался твоим голосом и все подготовил. Жуткие видеокадры из

Старого Купола и других мест, особенно из Верхнего Черчилля. Тексты тоже соответствующие. Мы можем немедленно передать эти известия на Терру и одновременно объявить об операции «Камнепад».

Я набрал полную грудь воздуха.

— Начинай операцию «Камнепад»!

— Хочешь сам отдать приказ? Говори вслух — я скопирую и голос, и слова.

— Да ладно, говори сам. Используй мой голос и все мои полномочия министра обороны и временного главы правительства. Давай, Майк, лупи их камнями! Не жалей! Задай им жару!

— Слушаюсь, Ман!

Глава 25

«Максимум Schrecklichkeit[1], чтоб они поняли, почем фунт лиха, и минимум человеческих жертв. Если возможно, лучше вообще без жертв» — так сформулировал проф задачу операции «Камнепад», и именно так мы с Майком ее провели. Идея была такая: ударить по землеедам достаточно крепко, чтобы их проняло, и в то же время аккуратно, чтоб не покалечило. На первый взгляд невозможно, но вы не торопитесь.

Чтобы камни долетели от Луны до Терры, нужно время: минимум десять часов, а максимум — это уж какой выберем. Решающее значение тут имеет скорость вылета снаряда из катапульты: разница в один процент может вдвое удлинить или сократить время полета. А запуск Майк умел производить с исключительной точностью: он одинаково легко мог сделать мягкую подачу, или послать затейливый крученый мяч, или врезать по прямой со свистом — ему бы питчером играть в команде «Янки»! Но как бы он ни посылал снаряды, их конечная скорость при падении на Терру будет близкой к земной второй космической, то есть около одиннадцати километров в секунду. Эта безумная скорость определяется тем гравитационным

[1] Страх, ужас (*нем.*).

колодцем, который создает гигантская масса Земли, в восемьдесят раз превышающая лунную. Потому можно с равным успехом слегка подтолкнуть снаряд через край колодца или резко швырнуть его туда. Тут важна не сила броска, а глубина гравитационного колодца.

Так что Майк мог запрограммировать запуск снарядов на любое время — как будет удобнее для нашей пропаганды. Они с профом остановились на трех сутках плюс не более одного видимого оборота Земли, составляющего 24 часа, 50 минут и 28,32 секунды, чтобы наш первый снаряд точненько вдарил по первому пункту программы. Майк, без сомнения, вполне мог закрутить снаряд вокруг Терры и ударить по цели в противоположном от нас полушарии, но точность получалась гораздо выше, когда он видел цель, мог следить за полетом снаряда и в самом конце легонько подпихнуть его куда надо.

Такая исключительная точность была нужна, чтобы вселить в землян ужас, одновременно сведя число жертв до минимума (или до нуля). Мы решили, что объявим о начале бомбежки, сообщим *точное* место и время поражения, вплоть до секунды, и дадим жителям три дня, чтобы убраться оттуда.

Итак, наше первое послание Терре было отправлено в два ноль-ноль 13 октября 2076 года, через семь часов после начала вторжения; мы не только информировали землян об уничтожении десантников и о чудовищной жестокости самого нападения, но объявили об ответной бомбежке, перечислили, где и когда будем бить, и дали каждой стране предельный срок, чтобы они могла осудить действия ФН, признать нас и таким образом избежать бомбежки. Предельный срок заканчивался за двадцать четыре часа до нанесения удара по данной стране.

Майку этого времени хватало с избытком. Снаряд к тому моменту будет еще далеко от цели и сохранит полную свободу маневра. Даже имея в запасе гораздо меньше времени, Майк мог изменить курс снаряда и вообще провести его мимо Земли — просто пихнуть его вбок и оставить крутиться на постоянной орбите. И даже получив предупреждение всего за час, он успел бы сбросить снаряд в океан.

Первой целью должен был стать Северо-Американский Директорат.

Все великие державы, распоряжавшиеся Миротворческими вооруженными силами, то есть семь стран, пользующихся правом вето, должны были подвергнуться бомбежке: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Совсоюз, Пан-Африка (кроме Чада), Миттельевропа, Бразильский Союз. Меньшим странам тоже назначили сроки, но сообщили, что поражено будет менее двадцати процентов перечисленных в списке целей: отчасти из-за нехватки снарядов, но и для устрашения тоже. Скажем, если бы Бельгия получила удар первой, Голландия могла бы решить спасти свои польдеры, подчинившись нашим требованиям до того, как Луна снова поднимется высоко в небе.

Мы старались выбирать цели так, чтобы по возможности избежать кровопролития. Труднее всего было с Миттельевропой; решили бомбить по высоким горам или водным пространствам — Адриатике, Северному морю, Балтике и так далее. Но большая часть Терры — это открытые пустые пространства, невзирая на населяющие ее одиннадцать миллиардов человек, непрерывно занятых размножением.

Северная Америка в свое время поразила меня своей густонаселенностью, однако миллиард ее жителей в основном сосредоточен в городах, так что пустого места там хоть отбавляй, сплошные горы да пустыни. Мы наложили на Северную Америку сетку квадратов, чтобы показать, как точно можем вести стрельбу. Майк считал ошибку, превышающую пятьдесят метров, недопустимой. Мы тщательно изучили карты, и Майк радаром прощупал все узлы сетки — скажем, 105° западной долготы и 50° северной широты. Такие точки должны были стать целями, если там не было города... а особенно если город был расположен достаточно близко, чтобы обеспечить нам зрителей — изумленных и напуганных.

Мы предупредили, что наши бомбы не менее разрушительны, чем водородные, но подчеркнули, что радиоактивных осадков *не будет* и опасной для жизни радиации тоже, а только

ужасающей силы взрыв, ударная воздушная волна и такая же сейсмическая. И добавили, что здания могут быть разрушены на значительном расстоянии от взрыва, предоставив им самим решать, на какую дистанцию делать ноги. Если они забьют дороги, убегая скорее от страха, чем от реальной опасности,— что ж, тем лучше, нам это только на руку.

Мы, однако, подчеркнули, что никто не пострадает, если жители учтут наши предупреждения, ибо цели первого раунда бомбежек необитаемы. И добавили, что можем даже воздержаться от удара, если соответствующая страна докажет, что наши данные устарели (это исключительно ради красного словца — разрешающая способность космического радара была 20–20).

Но не стали уточнять, что случится во время второго раунда; только намекнули, что наше терпение не безгранично.

В Северной Америке сетку составляли параллели 35, 40, 45 и 50° северной широты и меридианы 110, 115, 120° западной долготы: всего двенадцать целей. Местным жителям мы послали добавочное предупреждение, примерно в таком духе:

«Цель 115° западной долготы и 35° северной широты. Удар будет нанесен в сорока пяти километрах от указанной точки, прямо по вершине пика Нью-Йорк. Жители Гоффа, Симы, Келсо и Ниптона — пожалуйста, обратите внимание.

Цель 100° западной долготы и 40° северной широты. Взрыв произойдет в двадцати километрах, или в тринадцати английских милях, к северо-западу от Нортона, штат Канзас. Предупреждаем жителей Нортона в Канзасе, Бивер-Сити и Вильсонвилля в Небраске. Держитесь подальше от застекленных окон. Оставайтесь в помещениях по меньшей мере минут тридцать после бомбежки, чтобы не попасть под осколки камней. Взрыв не следует наблюдать незащищенными глазами. Он произойдет ровно в три ноль-ноль по местному времени в пятницу 16 октября или в десять ноль-ноль по Гринвичу. Желаем удачи.

Цель 110° западной долготы и 50° северной широты. Удар будет нанесен в десяти километрах к северу. Жители Уэлша в Саскачеване, будьте осторожны».

Помимо этой сетки, еще одна цель была выбрана на Аляске (150° западной долготы, 60° северной широты) и две в Мексике (110° западной долготы, 30° северной широты и 105° западной долготы, 25° северной широты), чтобы тамошние жители не чувствовали себя обойденными. Было еще несколько целей в густонаселенных районах восточного побережья, главным образом водные пространства — озеро Мичиган на полпути между Чикаго и Гранд-Рэпидс, озеро Окичоби во Флориде. Там, где целью были озера и прибрежные воды морей, Майк рассчитал вероятные последствия наводнений, сообщив примерное время их начала для каждого населенного пункта на берегу.

Три дня, после старта ранним утром во вторник тринадцатого и до самого первого удара ранним утром в пятницу шестнадцатого, мы забрасывали Землю своими предупреждениями. Англию известили, что бомба, сброшенная к северу от Дуврского пролива против устья Темзы, доставит много неприятностей гораздо выше по течению; Совсоюз получил предупреждение насчет Азовского моря и свою сетку бомбежек. Великому Китаю дали сетку в пределах Сибири, пустыни Гоби и крайнего запада, с особым тщанием и в деталях указав, как мы скорректируем направление удара, чтобы не повредить их древней Китайской стены. Пан-Африку предупредили, что ударим по озеру Виктория, по пустынной части Сахары, по Драконовым горам на юге и двадцатью километрами западнее пирамиды Хеопса — с призывом последовать примеру Чада не позже полуночи в четверг по Гринвичу. Индии предложили понаблюдать за несколькими горными пиками и Бомбейской гаванью; время было указано то же, что и Великому Китаю.

Делались попытки глушить наши передачи, но мы передавали их целенаправленно и на разных частотах — не очень-то заглушишь.

Предупреждения чередовались с пропагандой, правдивой и ложной: подробности провалившегося вторжения, жуткие фотографии убитых, имена и личные номера, численность десантников — все это адресовалось Красному Кресту и Полумесяцу, а фактически было мрачной похвальбой о том, что все

солдаты уничтожены, а экипажи кораблей или убиты, или взяты в плен. Мы «сожалели», что не можем идентифицировать мертвецов на борту флагмана, так как он сбит и от него практически ничего не осталось.

Но общий тон наших передач был примирительным: смотрите, люди Земли, мы не хотим вас убивать. Совершая вполне заслуженный вами акт возмездия, мы прилагаем все усилия, чтобы избежать новых жертв. Но если вы не сумеете или не захотите убедить ваши правительства оставить Луну в покое, мы будем вынуждены убивать вас. Остановить нас вы не сможете. Мы наверху, вы — внизу. Поэтому, пожалуйста, будьте благоразумны!

Снова и снова вбивали мы им в головы, как легко нам наносить удары по Земле и как трудно им добраться до нас. И это вовсе не было преувеличением. С Терры ударить ракетами по Луне практически невозможно; с околоземной орбиты — можно, но очень дорого. Самый практичный способ — бомбить нас с кораблей.

Отметив это, мы спрашивали: сколько кораблей стоимостью миллионы долларов каждый они готовы принести в жертву? Стоит ли платить так дорого, чтобы высечь нас за то, в чем мы не виноваты? Они уже лишились семи самых больших и лучших кораблей. Хотят ли они довести счет до четырнадцати? Если да, то наше секретное оружие, испытанное на их же боевом корабле «Пакс», к приему гостей готово.

Последнее заявление было, разумеется, хорошо продуманной ложью. По расчетам Майка, был только один шанс из тысячи, что «Пакс» успел послать на Землю радиограмму о том, что с ним произошло. Еще менее вероятно, чтобы надменная ФН догадалась, что бывшим лагерникам-бурильщикам удалось превратить орудия мирного труда в космическое оружие. Да и не так-то уж много кораблей у ФН, чтобы рисковать ими: всего две сотни, не считая «спутников». Девять десятых из них предназначались для полетов Терра — орбита, как наш «Жаворонок», а ему удалось долететь до Луны, только до нитки содрав с себя все лишнее и опустошив все баки.

Космические корабли строятся для выполнения узкоспециальных функций, иначе делать их невыгодно. У ФН было

шесть крейсеров, которые, возможно, могли бы бомбить нас без прилунения для дозаправки, если бы сняли с себя весь лишний груз и заменили его дополнительными баками. Несколько кораблей можно было переоборудовать наподобие «Жаворонка». Плюс суда для перевозки каторжан и «грузовики», которые могли бы добраться до лунной орбиты, но вернуться обратно без дозаправки были не в состоянии.

Без сомнения, земляне могли нас одолеть; вопрос заключался в том, какую цену они готовы заплатить. Поэтому нам нужно было убедить их, что цена слишком велика, пока они не успели собраться с силами. Словом, как в покере: мы намеревались повышать ставки так круто, чтобы они не выдержали и бросили карты на стол. Мы очень рассчитывали на это. Не открывать же нам свой неполный флеш!

Связь с Гонконгом-в-Луне была восстановлена в конце первого дня видеорадиоатаки, когда Майк зашвыривал в космос камни и выстраивал первую линию нашей обороны. Проф наконец позвонил, и я безумно обрадовался этому. Майк информировал его о событиях, после чего я стал ждать одной из обычных мягких выволочек, готовясь ответить резко и сердито: «А что мне оставалось делать? Если вы пропали, а может, и убиты? Оставили меня одного во главе правительства, да еще в разгар кризиса! Что же, надо было бросить все на произвол судьбы только потому, что вы были недосягаемы?»

Однако отругиваться мне не пришлось. Проф сказал:

— Ты все сделал верно, Мануэль. Ты исполнил обязанности главы правительства в острокризисной ситуации. Я рад, что, несмотря на мое отсутствие, ты не упустил наш самый лучший шанс.

Ну скажите, что делать с таким хитрецом? Я раскипятился до предела, а выпустить пары не удалось. Пришлось все проглотить и сказать:

— Spasebaw, проф.

Проф утвердил гибель «Адама Селена».

— Мы могли бы еще немного попользоваться этой фикцией, но больно уж подходящий случай. Майк, у вас с Мануэлем масса дел, я, пожалуй, заверну по пути в Черчилль и попробую опознать его тело.

Так он и сделал. До сих пор не знаю, чей труп он выбрал — лунаря или солдата — и как сохранил все это дело в тайне. Хотя, с другой стороны, множество тел в Верхнем Черчилле так и остались неопознанными. Покойник был нужного размера и цвета кожи; его разорвало от внезапной декомпрессии, лицо было сожжено — зрелище не дай бог!

Его положили с закрытым лицом в Старом Куполе, произнесли уйму речей, которые я не стал слушать. Но Майк не пропустил ни единого словечка: тщеславен был чисто по-человечески. Какой-то кретин предложил забальзамировать тело, ссылаясь в качестве прецедента на Ленина; но «Pravda» указала, что Адам был ревностным сторонником утилизации и ни за что бы не согласился с подобным варварским предложением. Поэтому неизвестный солдат, или горожанин, или горожанин-ополченец, встретил свой конец в городской клоаке.

А теперь придется сказать о том, о чем я умолчал. Вайо была невредима, хотя устала смертельно. Но Людмила домой не вернулась. Я не видел этого — и рад, что не видел,— но она оказалась одной из многих жертв, погибших у подножия пандуса напротив «Bon Marché». Разрывная пуля попала между ее прелестными, почти девичьими грудями. Кухонный нож у нее в кулаке был окрашен кровью — надеюсь, она успела расплатиться со своим Хароном.

Стью пришел в Комплекс, чтобы рассказать мне об этом лично, не по телефону. Как выяснилось, Стью никуда не пропадал; когда битва закончилась, он прямиком направился в «Малину», чтобы поколдовать над своей кодовой книгой. Ма там и нашла его, и он вызвался известить меня.

Так что я пошел домой принять участие в семейном обряде оплакивания. А в общем, даже к лучшему, что меня не нашли в тот момент, когда мы с Майком запускали «операцию "Камнепад"». Стью поначалу не хотел заходить в дом, поскольку не знал наших обычаев; Анна вышла к нам и чуть не силой втащила его. Встретили его как родного. Пришли соседи, чтобы поплакать вместе с нами. Но не так много, как бывает в подобных случаях: не мы одни оплакивали своих мертвых в тот день.

Я долго оставаться не мог, надо было работать. Посмотрел на Милу, поцеловал ее в последний раз. Она лежала в своей комнате и выглядела просто спящей. Потом я немного побыл с моими близкими, прежде чем снова впрячься в работу. Только теперь я заметил, как постарела Мими. Конечно, она повидала множество смертей, в том числе и своих детей, но смерть маленькой Милы подкосила ее. Ведь Людмила была внучкой Мими, хотя Мими относилась к ней скорее как к дочери, а кроме того, благодаря исключению, сделанному семьей, и настойчивости самой Мими они были собрачницами — самой старой и самой юной в семье.

Как и все лунари, мы утилизуем наших мертвых, и я искренне рад, что варварский обычай погребения остался там — на старушке Земле; наш обычай лучше. Но семья Дэвисов никогда не отправляет то, что возвращается из утилизатора, в свои коммерческие сельскохозяйственные туннели; нет, все идет в маленький тепличный туннель, чтобы превратиться в розы, нарциссы и пионы, цветущие под тихое жужжание пчел. Предание гласит, что Черный Джек Дэвис тоже покоится там, во всяком случае, какие-то его атомы, оставшиеся после многих и многих цветений.

Прекрасное место, полное счастья и красоты.

Настала пятница, а от ФН никакого ответа. Известия с Земли сочетали в себе в равной степени нежелание поверить, что мы уничтожили семь кораблей и два полка (ФН даже не сочла нужным подтвердить, что такое сражение имело место), и полное недоверие к тому, что мы можем бомбить Терру или что подобная попытка будет иметь хоть какое-то значение; они все еще именовали это «попыткой забросать рисом». Куда больше внимания уделялось обычным местным сенсациям.

Стью был встревожен — он не получил ответа на свои закодированные депеши. Они пересылались с обычной деловой перепиской «ЛуНоГоКо» агенту в Цюрихе, оттуда парижскому брокеру Стью, а уж от него по особым каналам доктору Чану, с которым я некогда беседовал и с которым Стью затем договорился о способах связи. Поскольку Великий Китай подвергнется удару спустя двенадцать часов после Северной Америки,

внушал Чану Стью, бомбежку можно будет вообще отменить (раз сам факт ее возможности будет доказан на примере Северной Америки), если Великий Китай будет действовать достаточно быстро. В крайнем случае, Стью предлагал доктору Чану внести поправки в список целей, если они расположены в районах менее пустынных, чем мы предполагали.

Стью волновался — он возлагал большие надежды на сотрудничество с Чаном. Что касается меня, я в этом сильно сомневался. Зато был абсолютно уверен, что сам доктор Чан не станет сидеть в одной из наших точек, хотя вполне способен забыть предупредить об этом свою старенькую мамашу.

Мои тревоги были связаны с Майком. Конечно, Майк привык работать одновременно с несколькими грузами на трассе, но ему еще никогда не приходилось направлять их в цель по нескольку штук зараз. Теперь же у него были сотни объектов, и двадцать девять из них он должен был доставить к двадцати девяти целям в одну и ту же секунду.

Больше того, для многих целей у него были запасные снаряды, готовые поразить цель во второй, в третий, а если понадобится, то и в шестой раз после первого удара с интервалами от нескольких минут до трех часов.

Четыре великие мировые державы и несколько меньших располагали своей противоракетной обороной; та, что была у Северной Америки, считалась лучшей. Но в эти вопросы даже ФН не вмешивалась. Все наступательное оружие находилось в распоряжении Миротворческих сил, но оборонительное было частным делом каждой страны, а потому считалось секретным. Ходили слухи, что в Индии, например, вообще нет ракет-перехватчиков, зато в Северной Америке с обороной все в порядке. Она доказала это, перехватывая межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками во время «Войны мокрых шутих» в прошлом столетии.

Возможно, большинство наших глыб, предназначенных для Северной Америки, попадут в точку только потому, что они нацелены на места, где защищать просто нечего. Но вряд ли там могли игнорировать камешек, посланный к побережью

пролива Лонг-Айленд, или снаряд, идущий к 87° западной долготы и 42°30" северной широты, то есть к озеру Мичиган в центре треугольника, образованного городами Чикаго, Гранд-Рэпидс и Милуоки. Высокая сила тяжести делает перехват делом нелегким и очень дорогим; они будут пытаться сбить нас только тогда, когда дело того стоит.

А мы не имели права позволить им парировать наши удары. Поэтому некоторые камешки и дублировались. На что способны ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками, не знал даже Майк. Не было достаточных данных. Он предполагал, что перехватчики будут наводиться с помощью радара — но с какого расстояния? Наверняка с достаточно близкого, с такого, чтобы обитый сталью обломок скалы через микросекунду превратился в раскаленный газ. Однако существует огромная разница между ракетой с тончайшей электроникой и многотонной скалой; то, что способно наповал «убить» ракету, может всего лишь отшвырнуть нашу глыбину в сторону — и заставить ее промахнуться.

Нам было необходимо доказать Терре, что мы сможем забрасывать их дешевыми обломками скал еще долгое время после того, как у них кончатся дорогие (миллионы долларов? сотни тысяч?) ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками. Если мы этого не докажем с первой попытки, то в следующий раз, когда Терра повернется к нам Северной Америкой, мы снова пройдемся по тем же целям. Запасные снаряды для второго и даже третьего захода уже находились в космосе, их оставалось лишь подпихнуть, когда потребуется.

Если три бомбежки при трех обращениях Терры вокруг оси не достигнут своей цели, мы можем швырять свои камешки и в семьдесят седьмом году, пока у них не истощится запас ракет-перехватчиков... или пока они не уничтожат нас (что более вероятно).

Уже целое столетие штаб Северо-Американской космической обороны находится в горах к югу от Колорадо-Спрингс, штат Колорадо,— городка, более ничем не примечательного. Во время «Войны мокрых шутих» по горе Шайенн был нанесен прямой удар; командный пункт космической обороны уцелел, чего

никак не скажешь об оленях, деревьях большей части города и части горной вершины. Наши снаряды не должны убить никого, разве что кто-то останется на горе, несмотря на непрерывные трехдневные предупреждения. Но командованию космической обороной Северной Америки предстояло пройти полный курс лунной терапии: двенадцать каменных снарядов при первом заходе, затем все, что у нас будет лишнего при втором, третьем и так далее, пока у нас не кончатся стальные обшивки или пока нас не выведут из строя... или пока Северо-Американский Директорат не запросит пардону.

Это была единственная цель, где даже идеально точное попадание одного снаряда не могло нас удовлетворить. Мы эту гору намеревались расплющить и продолжать долбить до посинения. Чтобы раздавить их мужество. Чтобы они знали — мы все еще тут. Чтобы разрушить их коммуникации и вбить в землю их командный пункт, если получится. Или хотя бы вызвать у них головную боль и бессонницу. Если мы сможем доказать всей Терре, что способны провести успешную атаку на могучий оплот их космической обороны, нам не придется разрушать Манхэттен или Сан-Франциско.

Хотя на это мы не решились бы, даже если бы нам грозил проигрыш. Почему? Простой здравый смысл. Если все свои силы мы потратим на разгром большого города, нас не станут наказывать, нас просто уничтожат. Как говорит проф: «Если возможно, всегда оставляйте для своего врага лазейку, чтобы он мог стать вашим другом».

Но военный объект — это честная игра.

Не думаю, чтобы кто-то смог заснуть вечером в четверг. Лунари знали, что на пятницу назначена наша решающая попытка. А на Земле было известно — в этом наконец сознались их средства массовой информации,— что служба космического слежения зафиксировала летящие к Терре объекты, видимо, те самые «горшки с рисовой кашей», которыми так похвалялись мятежные каторжники. Никакой военной тревоги объявлено не было, пресса уверяла, что лунная колония не могла создать свои атомные бомбы, но советовала все же избегать

тех районов, куда нацелились эти преступники. (Исключением был один популярный шутник-обозреватель, заявивший, что самым безопасным местом будут именно указанные нами цели. Он произнес это в программе видео, стоя в центре большого креста, который он объявил точкой с координатами 110° западной долготы и 40° северной широты. Больше я его не видал.)

Рефлектор в обсерватории Ричардсона был настроен на получение изображений, и, я думаю, все лунари следили за экранами, сидя дома или в пивной. А некоторые даже надели скафандры и вышли на поверхность, чтобы увидеть все своими глазами, несмотря на то что в большинстве поселений стоял яркий солнечный день. По настоянию бригадного генерала судьи Броуди мы наскоро возвели вспомогательную антенну у катапульты, чтобы бурильщики могли смотреть видеопередачи в своих дежурках, иначе на посту не осталось бы ни одного артиллериста. (Наши вооруженные силы — артиллеристы Броуди, милиция Финна, воздушные отряды stilyag — все это время оставались в состоянии повышенной боевой готовности.)

Конгрессмены пришли на внеочередное заседание в Novy Bolshoi Teatr, где Терра была отлично видна на огромном экране. Некоторые шишки, в том числе проф, Стью, Вольфганг и другие, смотрели ее на меньшем экране в бывшем офисе Смотрителя в Верхнем Комплексе. Какое-то время я провел с ними: метался взад-вперед, нервный, как кошка, только что разрешившаяся котятами, схватил бутерброд, забыл его съесть, а потом заперся с Майком в Нижнем Комплексе. Совсем, можно сказать, сошел с нарезки.

Около восьми ноль-ноль Майк сказал:

— Ман, мой старый и лучший друг, разреши сказать тебе кое-что, только не обижайся, ладно?

— А? Ну конечно. С каких это пор ты боишься обидеть меня?

— Постоянно, Ман, после того, как понял, что ты можешь обидеться. Осталось всего три, запятая, пять, семь на десять в девятой степени микросекунд до первого удара... и это самая сложная из всех проблем, которые я когда-либо решал в режиме

реального времени. Когда ты разговариваешь со мной, я всегда уделяю тебе значительную часть своей мощности — возможно, гораздо большую, чем ты думаешь,— в течение нескольких миллионов микросекунд, чтобы понять смысл твоих слов и найти на них верные ответы.

— Иначе говоря, не суйся под руку, я занят?

— Я хочу дать тебе совершенно точное решение, Ман.

— Усек... пойду посижу с профом.

— Как хочешь. Только, пожалуйста, будь там, где я смогу тебя найти. Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Последнее было, конечно, ерундой, и мы оба это знали. Задача была выше человеческих сил: сейчас даже отменить операцию было уже невозможно. Просто Майк хотел сказать: «Я тоже нервничаю и хочу, чтобы ты остался со мной, но, пожалуйста, перестань болтать».

— О'кей, Майк. Я буду поблизости. Где-нибудь возле телефона. Наберу «Майкрофт-ХХ», но говорить не стану, так что можешь не отвечать.

— Благодарю, Ман, мой лучший друг. Bolshoyeh spasebaw.

— Увидимся.

Я вышел, решил, что никакая компания мне не нужна, надел скафандр, нашел длинный телефонный шнур, подключил его к шлему, свернул провод в бухту, повесил на руку и пошел к шлюзу на поверхность. В сарайчике за шлюзом среди всякой всячины был служебный телефон. Я подключился к нему, набрал номер Майка и вышел под открытое небо. Спрятался в тени сарайчика и, выглянув из-за угла, посмотрел на Терру.

Она висела, как обычно, в западном секторе неба на полпути к зениту — огромный яркий полумесяц, родившийся всего три дня назад. Солнце уже клонилось к западу, но его сияние мешало мне ясно видеть Терру. Шлемного визора было недостаточно, и поэтому я обогнул сарайчик и отошел от него подальше, чтобы видеть Терру, но чтобы Солнце скрывалось за его стеной. Так было куда лучше. Над Африкой вставал рассвет, ослепительные отблески его ложились на сушу, но это не очень мешало, а вот южная полярная шапка резала глаза бе-

лизной и не давала разглядеть Северную Америку, освещенную пока только лунным светом.

Чуть не свернул шею, стараясь навести шлемный бинокуляр на нее,— отличный бинокуляр, цейсовский, 7 х 50, еще недавно принадлежавший Смотрителю.

Северная Америка простиралась передо мной наподобие призрачной карты. Удивительно мало облаков. Виднелись города — светящиеся пятна с размытыми границами. Восемь тридцать семь...

В восемь пятьдесят Майк начал отсчитывать время по телефону — его внимания это не отвлекало; отсчет он запрограммировал заранее.

08.51... 08.52... 08.53... осталась одна минута... 59...58... 57... полминуты... 29... 28... 27... десять секунд... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... две... одна...

И внезапно на карте маленькими алмазными искорками вспыхнула наша сетка!

Глава 26

Мы нанесли такой сильный удар, что его можно было видеть невооруженным глазом, без всякого бинокля. Челюсть у меня отвисла, и я прошептал «Bojemoi!» еле слышно и почти благоговейно. Двенадцать очень ярких, очень резких, ослепительно белых вспышек образовали точный геометрический рисунок. Они вспухли, слегка затуманились, сделались красными — казалось, это длится бесконечно долго. Потом возникли новые точки, но великолепный узор настолько заворожил меня, что я их едва заметил.

— Да,— согласился Майк, очень довольный собой.— Тютелька в тютельку. Теперь ты можешь говорить, Ман, я свободен. Осталось простое дублирование.

— Нет слов. Была хоть одна осечка?

— Снаряд для озера Мичиган получил удар вверх и вбок, но не взорвался. Он должен упасть где-то в Мичигане, я потерял над ним контроль, так как он лишился своего импульсного

повторителя. А в проливе Лонг-Айленд камешек пошел точно в цель. Они пробовали его перехватить, но не вышло. Почему — не знаю. Ман, я могу отвести другие снаряды, идущие на ту же цель, сбросив их в Атлантику подальше от судоходных линий. Сделать? Есть еще одиннадцать секунд.

— Э-э-э... Da! Если не заденешь кораблей.

— Я же сказал, что могу. Сделано. Надо будет их известить, что мы пока отменили повторный удар, и объяснить почему. Пусть призадумаются.

— А может, не стоило отводить снаряды, Майк? Ведь мы собирались заставить их расходовать свои перехватчики.

— И все же главный смысл нашей стратегии — дать им понять, что мы пока наносим удары куда более слабые, чем могли бы. Какие — мы им покажем на примере Колорадо-Спрингс.

— А как в Колорадо? Получилось? — Я чуть не вывернул шею, глядя в бинокуляры: там ничего не было видно, кроме города, протянувшегося лентой на сотню с лишком километров. Муниципальная полоса Дэнвер-Пуэбло.

— Всадил в самое яблочко. Перехвата не было. Вообще все мои залпы попали в яблочко, Ман. Я же говорил тебе, что так будет! Вот это потеха! Каждый день бы так. Теперь я понял, что означает одно слово, значение которого раньше до меня не доходило.

— Какое слово, Майк?

— Оргазм. Именно это произошло со мной, когда я увидел все вспышки. Теперь я знаю, что это такое!

Я мигом отрезвел.

— Майк, ты не слишком привыкай к этому делу. Потому что, если все пойдет как надо, второго раза не будет.

— Все в порядке, Ман. Я ведь все записал. И смогу проиграть снова, если мне захочется испытать эти ощущения еще раз. Но готов поставить три против одного, что нам придется повторить то же самое завтра, и один к одному на послезавтра. Спорим? Час разговора о юморе против сотни гонконгских долларов?

— Где ты возьмешь сотню долларов?

Он хихикнул.

— А как ты думаешь, откуда берутся деньги?

— Э-э... ладно, забудем. Можешь получить свой час бесплатно. Не стану склонять тебя к жульничеству.

— Я не стал бы жульничать, Ман, тем более с тобой. Только что мы снова трахнули по штабу космической обороны. Тебе не разглядеть: над ним стоит облако пыли еще от первого взрыва. Сейчас они получают по камешку каждые двадцать минут. Приходи вниз, поболтаем. Я передал управление моему сыночку-идиоту.

— А это не опасно?

— Я за ним присматриваю. Для него это хорошая практика, Ман; возможно, ему придется в будущем работать в одиночку. Он аккуратен, но туп. Однако все, что ему прикажут, исполнит.

— Ты говоришь об этом компьютере как о человеке. Он может говорить?

— О нет, Ман, он идиот и никогда не научится разговаривать. Но он сделает все, что будет запрограммировано. Я планирую передать ему в субботу очень многие функции.

— А почему именно в субботу?

— Потому что в воскресенье ему, возможно, придется заниматься всем. В этот день они нанесут нам удар.

— Что ты имеешь в виду? Майк, ты что-то скрываешь от нас?

— Но я же говорю тебе об этом, не так ли? Это произошло только что, я пока наблюдаю. Сигнал на радаре, похоже, пошел от околоземной орбиты как раз в тот момент, когда мы шарахнули по ним. Я слишком занят был, не видел, как он разгонялся. Точно не скажу, он еще очень далеко, но по размерам похож на крейсер Миротворческих сил, идет сюда. Если маневрировать не станет, то, судя по допплеровским данным, выйдет на окололунную орбиту и в периселении[1] окажется в девять ноль три в воскресенье. Все это пока в первом приближении, уточню позже. Очень трудно считывать данные, Ман;

[1] Самая низкая точка орбиты спутника Луны.

он применяет противорадарную защиту и оставляет за собой целый хвост помех.

— Ты уверен, что не ошибся?

Он хихикнул.

— Ман, меня облапошить не так-то легко. У меня тут собраны все мои любимые сигнальчики — все равно что отпечатки пальчиков. Поправка: в девять ноль две, запятая, сорок три.

— Когда ты сможешь взять его на прицел?

— Никогда, если он не будет маневрировать. Но он сможет взять на прицел меня в субботу вечером, точное время будет зависеть от дистанции, с какой он решит пустить ракеты. Любопытная ситуация возникает. Он может нанести удар по поселениям — думаю, Тихо-Андер надо эвакуировать, а в остальных поселениях принять чрезвычайные меры предосторожности на случай декомпрессии. Хотя более вероятно, что он попробует разнести катапульту. А еще он может рискнуть, подойти поближе и попытаться вырубить все мои радары, нацелив по ракете на каждый радарный луч.— Майк снова хихикнул.— Смешно, да? Впрочем, шуточка одноразового пользования. Если я выключу радары, он в них не попадет. Но я не смогу скомандовать нашим парням, куда направлять стволы. Что даст возможность кораблю свободно бомбить катапульту. Смешно.

Я перевел дух и от всего сердца пожалел, что пошел в министры обороны.

— Что же делать? Сдаваться? Нет, Майк! Ни за что, пока мы в состоянии сражаться!

— А кто говорит о сдаче? Я ведь прогнозировал и эту, и тысячу других возможных ситуаций, Ман. Смотри-ка, новые данные! Второе пятнышко отделилось от околоземной орбиты, у него те же характеристики. Подробности потом. Мы не сдадимся, Ман. Мы еще дадим им шороху!

— Каким образом?

— Предоставь все своему старому другу Майкрофту. У нас шесть баллистических радаров здесь и еще один — у новой катапульты. Его я выключил, а мое дите недоразвитое пусть пока работает со здешним радаром номер два... Мы вообще не ста-

нем следить за этими кораблями с помощью нового радара, не дадим им даже заподозрить, что он у нас есть. Я слежу за ними с помощью третьего и иногда — каждые три секунды — проверяю, нет ли новых стартов с околоземной орбиты. У всех остальных радаров глаза плотно зажмурены, и я не буду ими пользоваться, пока не придет время долбануть по Великому Китаю и Индии. Но в тот момент корабли моих радаров засечь не смогут, так как я буду смотреть ими совсем в другую сторону. А потом устрою перезвон — начну включать и выключать радары через произвольные интервалы времени... после того, как корабли выпустят свои ракеты. У ракет мозги никудышные, Ман... я их обведу вокруг пальца.

— А как насчет корабельных компьютеров, направляющих огонь?

— Их я тоже надую. Давай на спор? Сделаю так, что они примут два радара за один, который находится как раз посередине между настоящими. Но сейчас я работаю над... извини, но я опять воспользовался твоим голосом.

— О'кей. И что же я такое повелел?

— Если этот адмирал — мужик башковитый, он ударит по концевой части старой катапульты всей мощью, какая у него есть, причем с предельно далекой позиции, где наши пушки-буры его не достанут. Независимо от того, известно ему наше «секретное оружие» или нет, он расколошматит катапульту и проигнорирует радары. Поэтому я распорядился, вернее, ты распорядился, чтобы катапульта приготовилась запустить все свои снаряды до единого, я сейчас рассчитываю новые долгие траектории для каждого камешка. Вышвырнем их всех скопом в космос как можно быстрее — и без радаров.

— Вслепую?

— Так мне вообще при запуске не нужны радары, ты же знаешь, Ман. Раньше я следил за грузом всю дорогу, но теперь нужды в этом нет, так что при запуске радар ни к чему. Значит, весь наш огневой запас мы переместим из старой катапульты в космос на долгие траектории и тем самым заставим адмирала нацелиться на радары, а не на катапульту... или в крайнем случае — на то и

другое. Вот тогда-то мы и дадим ему жару. Доведем его до такого состояния, что он вынужден будет подойти на расстояние выстрела, и у наших ребят появится шанс выжечь ему гляделки.

— Парни Броуди будут в восторге. Те, что потрезвее.— И тут мне в голову что-то стукнуло.— Майк, ты сегодня смотрел видео?

— Я его контролировал, но не могу сказать, что смотрел как следует. А что?

— Так ведь для приема мы приспособили самый лучший радиотелескоп. В обсерватории есть и другие... Зачем же использовать против кораблей радары? Во всяком случае до тех пор, пока ребята Броуди не начнут жечь корабли?

Майк молчал по меньшей мере секунды две.

— Ман, мой лучший друг, а ты никогда не думал пойти работать компьютером?

— Это сарказм?

— Ничего подобного. Просто мне стыдно. Приборы в Ричардсоне — телескопы и прочее... эти факторы я никогда не принимал в расчет. Я тупица и признаю это. Ja, ja, da, da, da! Следить за крейсерами по радиотелескопу и не включать радары, пока корабли не изменят траекторию! Я всю жизнь смотрю радарами, мне просто в голову не прихо...

— Хватит, Майк!

— Но это правда, Ман.

— Разве я извинялся перед тобой, когда тебе какие-то мысли приходили первому?

Майк ответил медленно, как бы обдумывая каждое слово:

— Есть в этом нечто, что я нахожу затруднительным для анализа. Мои функции заключаются в том...

— Кончай самокритику. Если идея хороша — используй ее. Может, возникнут другие. Я отключаюсь и иду вниз — топ-топ!

Я пробыл в зале Майка совсем недолго, когда позвонил проф.

— Главный штаб? Есть известия от фельдмаршала Дэвиса?

— Я тут, проф. В главном компьютерном зале.

— Может, вы подойдете к нам в офис Смотрителя? Нужно выработать кое-какие решения, словом, есть работа.

— Проф, но я *работал*! И *сейчас* работаю!

— Не сомневаюсь. Я всем объяснил, что программирование баллистического компьютера — дело настолько тонкое, что вы должны заниматься им лично. Тем не менее некоторые наши коллеги считают ваше присутствие обязательным. Поэтому, когда вы почувствуете, что ваш помощник — его, кажется, зовут Майк,— справится сам, не сочтите за труд...

— Я понял. О'кей, сейчас поднимусь.

— Благодарю вас, Мануэль.

— Судя по фону, там человек тринадцать,— сказал Майк.— Они что-то затевают, Ман.

— И мне так кажется. Лучше подняться и поглядеть, что за базар. Я тебе нужен?

— Ман, я надеюсь, ты будешь вблизи телефона?

— Буду. Прослушивай офис Смотрителя. Если перейдем в другое место — дам знать. Увидимся, дружище.

В офисе Смотрителя собралось все правительство, как реальный кабинет, так и довески, а вскоре я обнаружил и причину неприятностей — субъекта по имени Говард Райт. Для него придумали министерство по связям с искусством, наукой и образованием — так, для игры в пуговички. Это был реверанс в сторону Новолена, поскольку кабинет был перегружен товарищами из Луна-Сити, а заодно и подачка самому Райту, возглавлявшему группу конгрессменов, всегда готовых поболтать, только бы не работать. Проф рассчитывал укротить его, но порой проф уж слишком миндальничает; некоторым людям полезно подышать вакуумом, прежде чем речи толкать.

Проф попросил меня вкратце обрисовать военную ситуацию. Что я и сделал, только по-своему:

— Я вижу, тут присутствует Финн. Пусть расскажет, как обстоят дела в поселениях.

— Генерал Нильсен уже сделал это,— вмешался Райт,— и повторяться нет смысла. Мы хотим послушать вас.

У меня глаза на лоб полезли.

— Проф... извините меня... gospodin президент! Верно ли я понял, что доклад министерства обороны был сделан правительству в мое отсутствие?

— А почему бы и нет? — снова вылез Райт.— Если вас не было на месте?

Проф перехватил инициативу. Он видел, что я на взводе. Три дня я почти не спал и чувствовал себя таким измотанным, как будто снова попал на Терру.

— К порядку! — мягко сказал проф.— Gospodin министр по культурным связям, будьте добры адресовать ваши комментарии через меня. Gospodin министр обороны, разрешите мне внести ясность. Никаких докладов правительству, касающихся вашего министерства, никто не делал по той простой причине, что открытие заседания было отложено до вашего прихода. Генерал Нильсен частным образом ответил на несколько частных вопросов. Возможно, и этого не следовало делать. Если вы так считаете, я готов принести извинения.

— Ладно, будем считать, что все в порядке. Финн, мы с тобой разговаривали полчаса назад. Что нового за это время?

— Ничего, Манни.

— О'кей. Думаю, вы хотите выяснить ситуацию за пределами Луны? Вы смотрели видео, а значит, знаете, что первая бомбардировка прошла отлично. Она еще продолжается, во всяком случае, частично, поскольку мы лупим по штабу космической обороны через каждые двадцать минут. И будем это делать до тринадцати ноль-ноль. В двадцать один ноль-ноль нанесем удар по Китаю и Индии плюс по ряду более мелких целей. Потом до четырех ночи будем заниматься Африкой и Европой, сделаем перерыв на три часа, шарахнем по Бразилии с компанией, выждем еще три часа и начнем по новой. Если, конечно, все пойдет по расписанию. Но у нас возникли свои проблемы. Финн, нам придется эвакуировать Тихо-Андер.

— Минуту! — поднял руку Райт.— У меня есть вопросы.— Обращался он к профу, не ко мне.

— Подождите, пожалуйста. Министр обороны, вы закончили?

Вайо сидела сзади. Мы обменялись улыбками, не больше — так у нас повелось и в кабинете министров, и в Конгрессе. Вообще шли разговоры, что негоже двум представителям одной се-

мьи быть членами правительства. Сейчас она покачала головой — вроде о чем-то предупреждала.

— В отношении бомбардировки все. У него вопросы на эту тему?

— Ваши вопросы касаются бомбардировки, gospodin Райт?

— Разумеется, gospodin президент! — Райт встал, глядя прямо на меня.— Как вы знаете, я представляю различные группы интеллектуалов Свободного Государства, а, смею сказать, их мнение играет особую роль в общественных делах. Я думаю, что будет правильно...

— Минуту! — сказал я.— Я думал, вы представляете восьмой Новоленовский округ.

— Gospodin президент, мне будет дозволено задать вопросы? Или нет?

— Он не вопросы задавал, а толкал речь. А я измотан и хочу спать.

— Мы все устали, Мануэль,— мягко произнес проф,— но твое замечание справедливо. Конгрессмен, вы представляете только ваш округ. Как член правительства вы получили определенные обязанности в отношении лиц определенных профессий.

— Это одно и то же!

— Не совсем. Пожалуйста, задавайте ваши вопросы.

— Э-э-э... Хорошо, я задам. Известно ли фельдмаршалу Дэвису, что план бомбардировки полностью провалился и что на его совести тысячи бессмысленных жертв? Известно ли ему о чрезвычайно большом неудовольствии, которое высказывает по этому поводу интеллигенция нашей республики? И не может ли он объяснить, почему эта поспешная — я повторяю, поспешная! — бомбежка была предпринята без необходимых консультаций? И готов ли он изменить планы на дальнейшее или будет тупо гнуть свою линию? И правда ли, что его ракеты несут атомные заряды, объявленные вне закона всем прогрессивным человечеством? И как он может ожидать, что Свободное Государство Луна будет принято в содружество цивилизованных народов после подобных действий?

Я взглянул на часы — прошло полтора часа после начала бомбежки.

— Проф,— сказал я,— вы можете мне объяснить, о чем идет речь?

— Извини, Мануэль,— ответил он кротко,— я намеревался... и даже обязан был начать заседание с уведомления о полученном нами сообщении. Но ты, похоже, думал, что кто-то действует за твоей спиной. В общем, так получилось. Министр говорит о выпуске новостей, полученном как раз перед твоим приходом. Информация поступила от агентства Рейтер в Торонто. Если она соответствует действительности — *если*! — то вместо того чтобы принять во внимание ваши предупреждения, тысячи зрителей окружили наши цели. По-видимому, были жертвы. Сколько — пока неизвестно.

— Понятно. И что же вы хотите от меня? Чтоб я взял каждого разгильдяя под ручку и отвел его в сторонку? Мы ведь их предупредили.

Райт опять вмешался:

— Интеллигенция считает, что основополагающие гуманные принципы требуют...

— Слушай, ты, пустозвон! — взорвался я.— Ты же слышал, президент сказал, что сообщение пришло только что, откуда тебе известно, что о нем думают другие?

Он побагровел.

— Gospodin президент! Эпитеты! Переход на личности!

— Не обзывай министра, Мануэль.

— Не буду, если и он перестанет! Разница только в том, что он выбирает слова поизящнее! А что это за чушь насчет атомных бомб? У нас их нет, и всем это прекрасно известно.

Вид у профа был озадаченный.

— Я тоже ничего не понимаю. Но так говорится в сообщении. А еще больше меня изумило то, что все мы *наблюдали* по видео: это же типичные атомные взрывы!

— Ясно! — Я повернулся к Райту.— Неужели ваши мозговитые друзья не сказали вам, что происходит, когда миллиарды калорий высвобождаются в долю секунды в одной точке пространства? Какая будет там температура? Какое излучение?

— Значит, вы признаете, что использовали атомное оружие?

— Бог мой! — Голова у меня прямо раскалывалась.— Ничего подобного я не говорил! Стукните посильнее по чему угодно — и полетят искры. Элементарная физика, известная всем, кроме интеллигенции. Мы просто высекли дьявольски крупные искры — таких еще никто не видал, вот и все! Сильная вспышка. Жара, свет, ультрафиолет. Возможно, даже рентгеновское излучение, не знаю. Насчет гамма-излучения сильно сомневаюсь. Альфа и бета — исключено. Произошло внезапное высвобождение механической энергии. Но атомной? Чушь собачья!

Проф спросил:

— Вы получили ответ на свой вопрос, министр Райт?

— Он просто дал повод для новых вопросов. Например, эта бомбежка выходит за рамки плана, согласованного с правительством. Вы же видели, как все были шокированы, когда на экране появились эти ужасные вспышки! А министр обороны еще заявляет, что бомбежка продолжается даже сейчас, каждые двадцать минут! Я полагаю...

Я глянул на часы.

— Только что еще одна бомба ударила по горе Шайенн.

Райт взвился:

— Вы слышали?! Слышали! Он еще кичится этим! Gospodin президент! Эта бойня должна быть немедленно прекращена!

— Слушай, ты, пусто...— начал я.— Послушайте, министр, вы всерьез считаете, что штаб космической обороны — это не военный объект? На чьей вы стороне? Луны? Или ФН?

— Мануэль!

— Мне надоел этот бред! Мне было приказано сделать работу, я ее сделал. *Уберите этого пустомелю с моей шеи!*

Последовало смущенное молчание, затем кто-то тихо спросил:

— Можно внести предложение?

Проф обвел всех взглядом.

— Если у кого-то есть предложение, способное прекратить эту безобразную перепалку, я буду счастлив его услышать.

— Видимо, у нас нет достаточно полной информации о действии этих бомб. Мне кажется, нам следовало бы изменить

двадцатиминутное расписание. Растянуть его — скажем, сделать с часовыми промежутками, а потом прервать часа на два, чтобы получить новые сообщения. Затем мы могли бы отложить бомбежку Великого Китая на двадцать четыре часа...

Почти все согласно кивали, раздавалось бормотание: «Здравая мысль. Da! Не следует торопиться!»

— Мануэль? — сказал проф.

— Проф, вы же знаете ответ! — рявкнул я.— Нечего сваливать все на меня.

— Наверное, знаю, Мануэль... но я устал, сбит с толку и не могу его вспомнить.

— Манни,— неожиданно вмешалась Вайо,— объясни. Я тоже хотела бы, чтобы мне объяснили.

Я постарался взять себя в руки.

— Все дело в законе гравитации. Мне нужен компьютер, чтобы дать точный ответ, но следующие шесть глыб уже почти достигли цели. Самое большее, на что мы способны, это слегка сдвинуть их с курса, но тогда они могут упасть на какой-нибудь город, жители которого нами не предупреждены. Сбросить их в океан я не могу: слишком поздно; от горы Шайенн до побережья — тысяча четыреста километров. А предложение растянуть промежутки между бомбежками до часа — это просто глупость. Это же не капсулы метро, которые можно пускать с разной скоростью, а можно и остановить. Это просто падающие камни. Они будут падать куда-нибудь через каждые двадцать минут. Можно бить по горе Шайенн, где сейчас уже не осталось ничего живого, а можно отвести глыбу в сторону — и поубивать людей. Идея отложить бомбежку Великого Китая на двадцать четыре часа глупа по той же причине. У нас есть еще немного времени, чтобы направить предназначенные Китаю снаряды в другое место, но замедлить их полет нельзя. Если мы решим не бомбить Китай, эти снаряды мы *потеряем*, а если вы думаете, что у нас полным-полно стальных обшивок — ступайте к катапульте и поглядите своими глазами.

Проф вытер лоб.

— Думаю, на все вопросы были даны ответы, которые, во всяком случае для меня, убедительны.

— Но не для меня, сэр.

— Сядьте, gospodin Райт. Вы заставляете меня напомнить вам, что ваше министерство *не входит* в состав Военного кабинета. Если вопросов больше нет — а я надеюсь, что их нет,— я объявляю заседание закрытым. Мы все нуждаемся в отдыхе. Поэтому...

— Проф!

— Да, Мануэль? — Вы не дали мне закончить доклад. Завтрашней ночью или утром в воскресенье нам крепко достанется.

— Каким образом, Мануэль?

— Бомбежка. А возможно, высадка. Сюда идут два крейсера.

Это сработало. Проф сказал устало:

— Кабинет министров может разойтись. Военному кабинету остаться.

— Минуточку,— сказал я.— Проф, когда вы вступили в должность, вы у нас всех взяли заявления об отставке без даты.

— Верно. Однако я надеюсь, что мне не придется ими воспользоваться.

— Боюсь, что все-таки придется.

— Мануэль, это угроза?

— Называйте как хотите.— Я показал на Райта.— Или уйдет этот говорун, или уйду я.

— Мануэль, тебе надо лечь и выспаться!

— Конечно, надо! Я и высплюсь. Прямо *сейчас*! Найду здесь в Комплексе койку и захраплю. Часов на десять. А после этого, если я останусь министром обороны, вы меня разбудите. В противном случае дайте поспать подольше.

Публику, похоже, я довел до шокового состояния. Вайо встала и подошла ко мне. Не сказала ни слова, просто взяла меня под руку.

Проф заявил:

— Прошу всех удалиться, кроме Военного кабинета и gospodina Райта.

Подождал, пока большинство вышло, а потом обратился ко мне:

— Мануэль, я не могу принять твою отставку. Но я не могу также позволить тебе толкать меня на непродуманные решения, направленные против gospodina Райта, особенно сейчас, когда мы все измучены и возбуждены. Было бы лучше, если бы вы принесли друг другу извинения, учитывая, что вы оба явно переутомились.

— Хм...— Я повернулся к Финну.— Он что — дрался? — и показал на Рейта.

— А? Черта с два! Во всяком случае, не в моих частях. Что скажете, Райт? Вы сражались, когда началось вторжение?

— Не имел такой возможности,— холодно ответил Райт.— К тому времени, когда я узнал о нем, сражение уже кончилось. Но сейчас моя храбрость и моя лояльность были поставлены под сомнение. Я настаиваю...

— Да заткнись ты,— сказал я.— Если хочешь дуэли, так ты ее получишь сразу же, как только у меня найдется свободная минута. Проф, его поведение нельзя оправдать усталостью после битвы. А потому я не буду извиняться перед этим пустозвоном за то, что он пустозвон. А вы, по-моему, не понимаете, в чем тут дело. Вы позволили этому болтуну сесть мне на шею и даже не попытались остановить его. Поэтому либо гоните его, либо увольняйте меня.

Внезапно в разговор вмешался Финн:

— Я поддерживаю Манни, проф. Гоните этого паразита или увольняйте нас обоих.— Он поглядел на Райта.— Что касается дуэли, то сначала тебе придется драться со мной. А то у тебя две руки, а у Манни на одну меньше.

— Я его сделаю одной правой. Но все равно спасибо, Финн.

Вайо плакала — я чувствовал это, хоть и не видел. Проф с глубокой печалью в голосе спросил ее:

— Вайоминг?

— М-м-не жа-аль, проф! Но я тоже...

Остались только «Клейтон» Ватанабе, судья Броуди, Вольфганг, Сью и Шини — горсточка тех, что имели вес. Военный кабинет. Проф посмотрел на них; я видел, что они на моей стороне, хотя Вольфгангу пришлось сделать над собой усилие — он работал с профом, а не со мной.

Проф поглядел на меня и тихо произнес:

— Мануэль, тут есть и другая возможность. То, что ты делаешь, заставляет меня подать в отставку.— Он снова окинул всех долгим взглядом.— Спокойной ночи, товарищи. Или вернее — доброго утра. Я хочу немного отдохнуть, очень устал.

И вышел быстро, не оглядываясь.

Райт исчез. Я не видел, куда он девался. Финн спросил:

— Так что с этими крейсерами, Манни?

Я наконец перевел дыхание.

— Ничего не произойдет раньше вечера субботы. Но тебе придется эвакуировать Тихо-Андер. Поговорим позже. Я уже ни черта не соображаю.

Мы договорились встретиться в двадцать один ноль-ноль, а потом я позволил Вайо увести меня. Думаю, она меня и в постель уложила, но ничего не помню.

Глава 27

На нашей встрече с Финном в офисе Смотрителя в пятницу около двадцати одного часа присутствовал и проф. Я проспал девять часов, принял ванну, позавтракал чем-то, что раздобыла Вайо, и поговорил с Майком. Все шло согласно уточненному плану, корабли своего курса не меняли, удар по Великому Китаю должен был состояться вот-вот.

Пришел в офис как раз вовремя, чтобы понаблюдать за бомбежкой по видео. Все о'кей, отбомбились эффективно ровно в двадцать один ноль-ноль. Проф сразу же приступил к делу. О Райте ни слова, об отставке тоже. Райта я больше не видел.

Я хочу сказать — *никогда* больше не видел. И не спрашивал о нем. Проф о ссоре не вспоминал; я, естественно, тоже.

Мы обсудили последние известия и оценили тактическую ситуацию. Райт был прав, говоря о тысячах жертв, с Земли только об этом и трезвонили. Точного числа мы никогда не узнаем; если кто-то окажется в точке приземления многотонной глыбы, от него даже мокрого места не останется. Подсчитали только

тех, кто находился подальше и был убит взрывом. В Северной Америке их было около пятидесяти тысяч.

Разве поймешь этих людей?! Целых три дня мы только и делали, что предупреждали... и нельзя сказать, что они не слышали предупреждений: ведь именно поэтому они и оказались там. Чтобы посмотреть представление. Чтобы поиздеваться над нашей некомпетентностью. Чтобы обзавестись сувенирами. Целыми семьями они отправились к объявленным целям, многие тащили с собой корзинки для пикника. Подумать только — *корзинки с завтраками!* Bojemoi!

А теперь те, что остались в живых, вопили, требуя нашей крови за эту «бессмысленную бойню». Da! По поводу их собственного вторжения и бомбежки (атомной!) Луны четыре дня назад никто ни словом не возмутился, но какой они подняли хай по поводу наших «предумышленных убийств»! «Большой Нью-Йорк Таймс» требовал, чтобы все мятежное правительство Луны было доставлено на Землю и публично казнено: «Совершенно очевидно, что это тот случай, когда гуманное запрещение высшей меры наказания должно быть отменено во имя высших интересов всего человечества».

Я старался не думать об этом, точно так же, как заставлял себя не думать о Людмиле. Маленькая Мила не таскала за собой пикниковых корзинок. Она была не из зевак, ищущих сильных ощущений.

Самой трудной проблемой был для нас Тихо-Андер. Если крейсеры начнут бомбить поселения — а средства массовой информации Земли требовали именно этого,— Тихо-Андер не выдержит: крыша у него слишком тонка. Водородная бомба приведет к мгновенной декомпрессии на всех уровнях; воздушные шлюзы не рассчитаны на попадание водородных бомб.

(И все равно, не понимаю землян. На Терре существует абсолютный запрет на применение атомного оружия против людей. За это проголосовали все нации, входящие в Федерацию. А теперь они хором вопили, призывая ФН сбросить на нас эти самые бомбы. Они прекратили врать, будто мы пусти-

ли в ход атомное оружие, но вся Северная Америка с пеной у рта требовала уничтожить водородными бомбами *нас.*)

Впрочем, лунарей я тоже не понимаю. Финн через свою милицию потребовал, чтобы Тихо-Андер был немедленно эвакуирован; проф повторил то же самое по видео. Особой проблемы тут не было: Тихо-Андер невелик, Новолен и Луна-Сити вполне могли бы разместить и прокормить его население. Мы собирались выделить нужное количество капсул, чтобы перебросить всех жителей в Новолен, а потом уговорить половину из них перебраться в Луна-Сити. Работа, конечно, большая, но вполне посильная. Разумеется, возникает множество мелких проблем: надо тут же после эвакуации начать работу по сжижению воздуха — не терять же его зря; произвести полную декомпрессию, чтобы свести к минимуму ущерб; вывезти как можно больше продовольствия, пока есть время; укрепить кессоны в проходах, ведущих в нижние сельскохозяйственные туннели, и так далее. Мы знали, как это делать, и у нас были соответствующие организации — stilyagi, милиция и муниципальные службы.

Вы думаете, они начали эвакуацию? Как бы не так! Они будто оглохли.

Капсулы в Тихо-Андере выстроились впритык друг к другу, больше некуда было впихнуть. Но ни одна из них так и не сдвинулась с места.

— Манни,— сказал Финн,— я не думаю, что они собираются эвакуироваться.

— Черт их раздери,— ответил я,— но им *придется* это сделать. Когда мы увидим, что ракета идет на Тихо-Андер, будет уже поздно. Люди будут давить друг друга, стараясь набиться в капсулы, которые все равно всех не вместят. Финн, твоим парням нужно *заставить* их.

Проф покачал головой.

— Нет, Мануэль.

Я разозлился:

— Проф, ваша проповедь ненасилия заводит вас слишком далеко. Вы же знаете, они взбунтуются.

— Что ж, значит, взбунтуются. Но мы должны действовать убеждением, а не силой. Давайте посмотрим наши планы.

Планы были так себе, но все, что могли, мы предусмотрели. Предупредить всех об ожидаемых бомбежках и (или) вторжении. Выставить сменные посты милиционеров Финна над «крышами» каждого поселения, чтобы, когда (и если) крейсеры снова обогнут Луну и вынырнут с теневой стороны, им не удалось застать нас без штанов, как в прошлый раз. Обеспечить максимальную бдительность в отношении скафандров и поддержания давления воздуха во всех поселениях. Всем военным и полувоенным объявить состояние повышенной боевой готовности, а к шестнадцати ноль-ноль в субботу — полной боевой готовности, если крейсеры начнут маневрировать или пускать ракеты. Артиллеристов Броуди отпустить до пятнадцати ноль-ноль субботы в город, пусть там напиваются и делают что угодно, лишь бы вовремя вернулись. Это была идея профа. Финн хотел половину держать на посту, но проф сказал — нет, они будут в лучшей форме для долгой вахты, если сначала отдохнут и позабавятся; я поддержал профа.

Что касается бомбежки Терры, то никаких изменений в первый раунд мы не вносили. До нас дошли гневные отклики из Индии и никаких — из Великого Китая. Хотя у Индии особых причин для воплей не было. Никакой бомбежки по квадратам мы для нее не предусматривали, слишком уж густо она заселена. Кроме нескольких целей в пустыне Тар и в горных цепях, все остальные приходились на прибрежные воды, на некотором удалении от портов.

Но, видно, следовало выбирать еще более высокие горы или меньше предупреждать; судя по сообщениям с Земли, некие святые люди повели за собой бесчисленных пилигримов, чтобы взобраться на каждый намеченный к бомбежке пик и исключительно силой духа сдержать наш мстительный удар.

И мы снова оказались убийцами. Кроме того, наши удары по воде вызвали гибель огромного количества рыбы и многих рыбаков, так как ни рыбаки, ни моряки не захотели считаться с нашими предупреждениями. Индийское правительство, ка-

залось, пришло в бешенство больше из-за рыбы, чем из-за рыбаков, а принцип священности всякой жизни к нам, видимо, не относился — оно требовало наших голов.

Африка и Европа реагировали более разумно, хотя и поразному. Жизнь в Африке никогда не считалась священной, и те, кто отправился поглазеть на цели, не вызвали ни моря слез, ни сердечных страданий; у Европы был целый день, чтобы понять — мы попадем, куда хотим, и наши бомбежки опасны. Люди, конечно, гибли и тут, особенно из-за упрямства тупоголовых морских капитанов. Но здесь хоть не было идиотских огромных скоплений, как в Индии или Северной Америке. Еще меньше погибших насчитывалось в Бразилии и в других странах Южной Америки.

Затем снова наступила очередь Северной Америки — в 09.50.28 в субботу 17 октября 2076 года.

Майк приурочил начало бомбежки точно к десяти ноль-ноль по нашему времени, что с учетом истекших суток и вращения Терры подставляло нам Северную Америку ее восточным побережьем в ноль пять, а западным — в ноль два по их местному поясному времени.

Спор о том, что делать с этими целями, начался у нас еще ранним утром в субботу. Проф не стал собирать заседание Военного кабинета, но пришли все, кроме «Клейтона» Ватанабе, который вернулся в Конгвиль, чтобы заняться подготовкой обороны. Проф, я, Вайо, Финн, судья Броуди, Стью, Вольфганг, Шини Шихан — восемь человек, восемь мнений. Проф был прав: если собралось больше трех человек, решение принять невозможно.

Вернее, мнений было шесть, так как Вайо держала рот на замке и проф тоже; он только старался сдерживать других. Но эти другие шумели за целых восемнадцать. Стью было все равно, куда мы будем бить, лишь бы Нью-Йоркская биржа открылась в понедельник утром. «В четверг мы распродали акции чуть не девятнадцати компаний. Если наш народ не хочет оказаться банкротом, не успев выйти из колыбели, мои распоряжения о покупке, покрывающей вчерашние потери, должны быть выполнены. Скажи же им, Вольф, заставь их понять».

Броуди хотел использовать катапульту, чтобы сбивать любой корабль, который покидает околоземную орбиту. Судья ни черта не понимал в баллистике, но зато знал, что его артиллеристы-бурильщики стоят на незащищенных позициях. Я спорить не стал, поскольку большинство наших снарядов находилось уже на дальних траекториях, скоро за ними должны были последовать все остальные, и я считал, что старой катапульте жить осталось недолго.

Шини полагал, что было бы здорово снова повторить бомбежку по квадратам, а один снаряд всадить точнехонько в главный офис Северо-Американского Директората. «Знаю я этих американцев, сам был американцем, пока меня сюда не выслали. Они жутко жалеют, что передали все свои права Федерации. Прихлопнем этих бюрократов, и американцы сразу перейдут на нашу сторону».

Вольфганг Корсаков, к полному неудовольствию Стью, уверял, что наши спекуляции пойдут лучше, если все биржи ценных бумаг будут закрыты до тех пор, пока все не решится окончательно.

Финн же хотел идти ва-банк — потребовать от них убрать корабли с нашего неба, а если откажутся, ударить по ним всей мощью. «Шини ошибается насчет американцев. Я их тоже знаю. Северная Америка — самая прочная часть ФН. Их необходимо разбить. Они уже обозвали нас убийцами, так и врежем им как следует. Шарахнем по американским городам — и все остальные бомбежки можно будет отменить!» Я выскользнул из комнаты, поговорил с Майком, кое-что записал. Вернулся; они все еще спорили. Проф поглядел, как я сажусь на место.

— Фельдмаршал, вы еще не высказали своего мнения.

— Проф,— сказал я,— нельзя ли обойтись без этой лажи насчет фельдмаршалов? Детишки уложены, так что можно называть вещи своими именами.

— Как хочешь, Мануэль.

— Я ждал, думал, вы все-таки придете к общему мнению. Этого не произошло. Не вижу, почему у меня должна быть особая точка зрения. Я тут всего лишь мальчик на побегушках, и

то только потому, что знаю, как программировать баллистический компьютер.

Я сказал это, глядя прямо на Вольфганга — прекрасного товарища, но жуткого ругателя-интеллектуала. Я обыкновенный технарь, причем не шибко грамотный, а Вольф окончил шикарную школу и Оксфорд до того, как его осудили. Он считался с мнением профа, остальных же обычно и в грош не ставил. Разве что Стью, но у Стью ведь тоже верительные грамоты что надо.

Вольф неловко заерзал и сказал:

— Брось, Манни, конечно, нам важно знать твое мнение.

— А у меня его нет. План бомбардировки тщательно обсуждался, у всех была возможность его критиковать. Не вижу причины менять его.

— Мануэль,— проговорил проф,— думаю, всем нам будет полезно послушать, если ты расскажешь в общих чертах о плане второй бомбардировки Северной Америки.

— О'кей. Главная цель второго удара — заставить их израсходовать свои ракеты-перехватчики. Каждый наш снаряд нацелен на большие города, вернее сказать — на пустыри вблизи больших городов. О чем мы и сообщим незадолго до бомбежки... когда, Шини?

— Мы уже сообщаем. Но еще можем все изменить. И должны.

— Посмотрим. Пропаганда не мое дело. В большинстве случаев, чтобы влепить поближе к городу и спровоцировать перехват, мы выбираем водные цели. А это крутой вариант: мало того, что гибнет рыба и те, кто не хочет вылезать из воды,— там возникают еще жуткие местные штормы и разрушения береговой линии.

Я глянул на часы. Надо бы еще потянуть время.

— Сиэтл получит глыбу в Пюджет-Саунд, прямо в коленки. Сан-Франциско потеряет два своих любимых моста. Лос-Анджелес получит один удар между Лонг-Бичем и Каталиной, а второй в нескольких километрах от берега. От Мехико-Сити до моря далеко, поэтому врежем прямо в Попокатепетль, чтобы всем видно было. В Солт-Лейк-Сити плюхнем глыбу в озеро.

Дэнвер пропустим — пускай наблюдают за Колорадо-Спрингс: там мы будем лупить по горе Шайенн, пока не сотрем ее в порошок. Сент-Луис и Канзас-Сити схлопочут по камешку в свои реки, Новый Орлеан тоже; возможно наводнение. Все города Великих озер тоже получат свое — список длинный. Читать?

— Может быть, потом,— отозвался проф.— Продолжай.

— Бостону дадим прямо по гавани, Нью-Йорку бросим гостинчик в пролив Лонг-Айленд и еще один между самыми большими мостами; полагаю, мосты рухнут, но мы обещали стрелять мимо них и обещание выполним. Ниже по восточному побережью займемся двумя городами в заливе Делавер, потом двумя в Чесапикском заливе. Один из них — настоящий исторический памятник, а потому отношение к нему исключительно сентиментальное. Еще южнее шарахнем по трем большим городам в прибрежные воды. Подальше от побережья врежем по Цинциннати, Бирмингему, Чаттануге, Оклахома-Сити — все это по рекам или горам. Ах да, Даллас! Мы разрушим космопорт Далласа, попробуем гробануть их корабли. Там было шесть штук, когда я проверял в последний раз. Кровопролития не будет, разве что кто-нибудь захочет постоять на взлетном поле. Даллас — отличное место для бомбежки. Космопорт там огромный, плоский и пустой, а зрителей в городе не меньше десяти миллионов — пусть полюбуются, зрелище будет захватывающим.

— Если, конечно, попадешь,— заметил Шини.

— «Когда», а не «если». Каждый удар дублируется часом позже. Если и второй камешек не пройдет, у нас есть в запасе другие, которые можно переориентировать. Например, очень легко поменять цели в группе городов Делаверского и Чесапикского заливов. То же самое и с Великими озерами. А для Далласа у нас в запасе длинная очередь снарядов: он наверняка защищен неслабо. Запасные глыбы будут поступать все шесть часов, пока Северная Америка не скроется из виду... а последние из них мы можем перенацелить куда угодно, поскольку чем дальше снаряд находится от Земли, тем дальше можно отвести его от первоначальной цели.

— Этого я не понял,— сказал Броуди.

— Тут все зависит от векторов, судья. Направляющая ракета может придать скорости снаряда боковой вектор на столько-то метров в секунду. Чем дольше действует этот вектор, тем больше отклоняется снаряд от своей первоначальной цели. Если мы дадим направляющей ракете сигнал за три часа до приземления, то точка, в которую попадет снаряд, сместится втрое сильнее, чем при сигнале, данном за час до попадания. Конечно, это не так просто, но нашему компьютеру вполне по силам все рассчитать — если дать ему время, разумеется.

— И сколько же ему нужно времени? — спросил Вольфганг.

Я сделал вид, что не понял вопроса.

— Компьютер может решать задачи такого рода почти мгновенно после ввода программы. Но программа должна быть составлена заранее. Ну, например: если три цели группы А, Б, В и Г не удалось поразить первым и вторым залпами, вы перенацеливаете вторую очередь запасных снарядов группы один так, чтобы поразить эти три цели, одновременно перераспределяя остальные запасные снаряды второй очереди этой группы для возможного использования их в группе два и передвигая третью очередь запасных снарядов супергруппы «Альфа» таким образом, чтобы...

— Хватит! — сказал Вольфганг.— Я все-таки не компьютер. Я только хочу знать, сколько у нас есть времени, чтобы изменить решение.

— Понял.— Я демонстративно долго изучал циферблат.— У нас есть... три минуты пятьдесят восемь секунд, чтобы отвести от цели глыбу, предназначенную для Канзас-Сити. Программа в компьютер введена, и там у меня есть отличный помощник — парень по имени Майк, он готов ее запустить. Позвонить ему?

— Ради бога, Манни, отведи глыбу! — крикнул Шини.

— Черта с два! — сказал Финн.— Что с тобой, Теренс? Сдрейфил?

— Товарищи, спокойствие! — вмешался проф.

— Послушайте,— сказал я.— Я принимаю приказы от главы государства — вот этого самого профа. Если он захочет знать ваше мнение, он спросит. И не надо орать друг на друга.— Я снова взглянул на часы.— Есть еще две с половиной минуты.

Для других целей запас времени побольше, конечно, но Канзас-Сити расположен слишком далеко от глубоких вод. Хотя для некоторых городов на Великих озерах время тоже истекло, в лучшем случае что-то еще можно сделать для Верхнего озера. У Солт-Лейк-Сити есть дополнительная минута. А потом будет поздно.

— Устное голосование,— тихо произнес проф.— За выполнение программы. Генерал Нильсен?

— Da.

— Gospazha Дэвис?

— Da! — У Вайо перехватило дыхание.

— Судья Броуди?

— Да, конечно. Обязательно.

— Вольфганг?

— Да.

— Граф Лажуа?

— Da.

— Gospodin Шихан?

— Что ж, теряем возможность заключить интересное пари. Но я — как все. Единогласно.

— Минуту... Мануэль?

— Решаете вы, проф. И всегда так было. Голосовать просто глупо.

— Я знаю, что решение принадлежит мне, gospodin министр. Бомбардировку начать согласно плану.

Большинство целей удалось поразить уже со второго залпа, хотя все они были защищены, кроме Мехико-Сити. Было похоже (вероятность 98,3 процента, как потом вычислил Майк), что перехватчики взрывались по сигналу радара на заданных расстояниях, но они недооценили прочности наших каменных цилиндров. Уничтожено было всего три глыбы, остальные просто отклонились от заданного курса и поэтому принесли вреда куда больше, чем если бы в них не стреляли.

Нью-Йорк оборонялся неплохо, Даллас — еще лучше. Очевидно, сказалась разница в уровне местного управления перехватом, так как весьма сомнительно, чтобы центральный штаб

на горе Шайенн еще продолжал функционировать. Может, мы и не раздолбали нору, в которую этот штаб зарылся (на какую глубину — понятия не имею), но готов спорить на что угодно, что ни люди, ни компьютеры вести наблюдения там не могли.

Даллас взорвал или столкнул с курса первые пять камешков, поэтому я попросил Майка взять все, что можно, с горы Шайенн и презентовать Далласу... что мы и сделали двумя залпами позже, ибо расстояние между целями было меньше тысячи километров.

Следующий залп сокрушил оборону Далласа. Майк садануул по космопорту еще тремя снарядами (предназначенными по плану), а затем вернулся к штабной горе и выдал ей положенную порцию с наклейкой «Шайенн». Он все еще расточал этой потрепанной горной вершине любовные шлепки, когда Америка исчезла за восточным краем Терры.

Пока шла бомбардировка, я не отходил от Майка, поскольку знал, что она будет самой сильной и тяжелой. Он сделал перерыв до того часа, когда настанет очередь выбить пыль из Великого Китая, и сказал мне задумчиво:

— Ман, я не думаю, что нам стоит снова бить по этой горе.

— Почему, Майк?

— А там больше никакой горы нет.

— Ну что ж, переключи ее камешки на другие цели. Когда надо принимать решение?

— Я могу перенацелить их на Альбрукерке и на Омаху, но лучше сделаю это сегодня — завтра будет трудный день. Ман, мой лучший друг, тебе придется уйти.

— Я тебе надоел, дружище?

— Тот первый крейсер уже через несколько часов сможет выпустить свои ракеты. Когда это произойдет, я передам весь баллистический контроль «Давидовой праще», и хорошо, если к тому времени ты уже будешь в Океане Бурь.

— Чего ты опасаешься, Майк?

— Этот малыш очень пунктуален, Ман. Но глуп. Я хочу, чтоб за ним приглядывали. Возможно, решения придется принимать в спешке, а там нет никого, кто сможет запрограммировать его как надо. Ты должен быть там.

— Ладно, как скажешь, Майк. Но если он нуждается в *быстром* программировании, мне все равно придется звонить тебе по телефону.

Несовершенство компьютеров кроется не в природе компьютера, а в человеческой природе: программисту нужно много времени, порой даже несколько часов, чтобы составить программу, которую компьютер выполнит за несколько миллисекунд. Одним из лучших качеств Майка было умение самопрограммироваться. И притом быстро. Надо было лишь объяснить ему суть проблемы, а дальше он действовал сам. Точно так же, четко и быстро, гораздо быстрее любого специалиста, он программировал своего «сыночка-идиота».

— Но, Ман, я же потому и хочу, чтобы ты был там: потому что, возможно, дозвониться до меня тебе не удастся. Не исключено, что линии связи будут повреждены. На этот случай я подготовил пакет программ для «младшенького»; возьми, может, пригодятся.

— О'кей. Распечатай их. И соедини меня с профом.

Майк соединил. Я удостоверился, что проф один, а затем объяснил ему, чего хочет от меня Майк. Думал, проф начнет возражать, надеялся, он настоит на моем присутствии здесь на время предстоящей бомбежки (или вторжения, или еще чего-то) с подлетающих кораблей. Вместо этого он сказал:

— Мануэль, жизненно важно, чтобы ты ехал. Я колебался, говорить ли тебе об этом. Ты разговаривал с Майком о наших шансах?

— Nyet.

— А я все время консультировался. Грубо говоря, если Луна-Сити будет разрушен и я погибну, и погибнет наше правительство, а радарные глаза Майка ослепнут и сам он окажется отрезанным от новой катапульты — а при суровой бомбежке все может быть,— и даже если все это произойдет одновременно, Майк тем не менее дает Луне равные шансы на победу, но при условии, что «Давидова праща» будет действовать, и именно под твоим руководством.

Я сказал:

— Da, босс. Как прикажете, хозяин. Вы с Майком просто жмоты, весь кайф хотите сами словить. Будь по-вашему.

— Очень хорошо, Мануэль.

Я пробыл с Майком еще целый час, пока он печатал метр за метром программы, приготовленные для другого компьютера,— работа, которая у меня заняла бы месяцев шесть, даже если допустить, что я смог бы продумать все возможные варианты. Майк все проиндексировал и просчитал с учетом таких ужасов, о которых мне даже сейчас говорить неохота. Скажем, при каких обстоятельствах может возникнуть необходимость разбомбить, к примеру, Париж и какие снаряды для этого следует переориентировать на какие траектории, как отдать «младшенькому» приказ найти их и навести на цель. И так по всем позициям.

Я как раз просматривал этот бесконечный документ — не тексты программ, а заголовки с описанием их целевого назначения, когда позвонила Вайо.

— Манни, милый, проф сказал тебе о поездке в Океан Бурь?

— Да. Я собирался позвонить тебе.

— Хорошо. Я уложу наши вещи и буду ждать тебя на станции «Восточная». Когда ты туда доберешься?

— «Наши»? Ты что, тоже едешь?

— А проф тебе не говорил?

— Нет.

Я вдруг ужасно обрадовался.

— Я чувствую себя виноватой, милый. Мне очень хотелось поехать с тобой... но не было повода. Толку-то от меня при работе с компьютерами никакого, а здесь у меня есть обязанности. Вернее, были. Но теперь меня турнули со всех постов и тебя тоже.

— Чего?!

— Ты больше не министр обороны. Вместо тебя Финн. Ты теперь заместитель премьер-министра...

— Ну, знаете!

— ...и заместитель министра обороны. Я — заместитель спикера, а Стью стал заместителем министра иностранных дел. Он едет вместе с нами.

— Ничего не понимаю.

— Все это не так внезапно, как кажется. Проф с Майком разработали этот план еще месяц назад. Децентрализация, милый,— то же, над чем Макинтайр трудится для поселений. Если с Луна-Сити произойдет насчастье, у Свободного Государства Луна все равно сохранится правительство. Как сказал мне проф: «Вайо, моя дорогая леди, пока живы вы трое и еще хоть несколько конгрессменов, не все потеряно. Вы сможете вести переговоры на равных и сумеете скрыть полученные нами раны».

Итак, я отправился в путь в качестве компьютерного наладчика. Стью и Вайо встретили меня с багажом (включавшим мои запасные руки), и мы двинулись в скафандрах по бесконечным безвоздушным коридорам на маленькой роликовой платформе, на которой к катапульте подвозили сталь. Грег послал за нами большой луноход, мы потряслись по поверхности, снова спустились в туннели и попали в Греговы объятия.

Вот так я и пропустил атаку на баллистические радары, которая произошла в субботнюю ночь.

Глава 28

Капитан крейсера ФН «Эсперанс» был мужик рисковый. Поздним вечером в субботу он внезапно изменил курс и пошел прямо на нас. Видимо, понял, что мы можем затеять чехарду с радарами, и вознамерился подойти поближе, чтобы увидеть наши радарные установки с помощью корабельного локатора, а не пускать свои ракеты по нашим лучам.

Похоже, он решил рискнуть собой, кораблем и командой, так как спустился до тысячи километров и лишь тогда выдал залп по пяти из шести наших радаров, совершенно игнорируя систему помех, которую они создавали.

Майк, ожидавший, что его сейчас ослепят, отдал команду ребятам Броуди выжечь глаза кораблю, а через три секунды развернул стволы на ракеты.

Результат: один крейсер разбит вдребезги, два баллистических радара уничтожены ракетами с ядерными боеголовками,

три ракеты «убиты», убиты также два артиллерийских расчета — один попал под ядерный взрыв, на другой свалилась уже «мертвая» ракета... И еще тринадцать артиллеристов получили радиационные ожоги свыше восьмисот рентген каждый — то есть смертельные дозы — частично от взрывов, частично от слишком долгого пребывания на поверхности. Я должен добавить: с этими расчетами погибли четыре девушки из «Отряда Лисистраты»; они предпочли надеть скафандры и выйти на поверхность со своими мужчинами. Другие девочки получили сильные радиационные ожоги, но до восьмисот рентген не добрали.

Второй крейсер продолжал идти по эллиптической орбите, обогнул Луну и скрылся из поля зрения.

Все это я узнал от Майка уже после того, как мы утром в воскресенье прибыли на «Давидову пращу». Он оплакивал потерю своих двух глаз, а еще больше — гибель двух артиллерийских расчетов. Думаю, у Майка появилось что-то вроде человеческой совести: он винил себя в том, что не смог одновременно «взять» все шесть целей. Я попросил его не забывать, что ему пришлось сражаться импровизированным оружием, недальнобойным и несовершенным.

— А как ты, Майк? С тобой-то все в порядке?

— В основном да. Есть кое-какие периферийные обрывы. Одна из оставшихся «в живых» ракет отрезала линию связи с Новым Ленинградом, но, судя по сообщениям из Луна-Сити, тамошний центр управления справился удовлетворительно и сильных сбоев в городском обслуживании не было. Эти обрывы действуют мне на нервы, но пока придется потерпеть.

— Знаешь, Майк, мне почему-то кажется, что ты устал.

— Устал? Я? Ты шутишь! Ман, ты, похоже, забыл, кто я такой. Я раздражен, вот и все.

— Когда этот второй корабль вновь окажется в поле зрения?

— Если останется на прежней орбите — часа через три. Но, думаю, он поступит иначе. Вероятность свыше девяноста процентов. Я ожидаю его через час.

— Гаррисонова орбита, да? Ну-ну!

— Он ушел из зоны видимости курсом тридцать два на северо-восток. Это тебе что-нибудь говорит, Ман? Я попробовал зрительно представить себе ситуацию.

— Мне кажется, он собирается пойти на посадку и захватить тебя, Майк. Ты Финну сообщил? Я хочу сказать, велел ли ты профу предупредить Финна?

— Проф знает. Но я сделал совсем другие выводы.

— Вот как? Намекаешь, что мне лучше заткнуться и не мешать тебе работать?

Так я и сделал. Ленора принесла мне завтрак, пока я осматривал «младшенького»; стыдно сказать, но мне трудно было заставить себя горевать о потерях, когда Вайо и Ленора были поблизости. Ма отправила Ленору сюда «подкормить» Грега сразу же после смерти Милы. Это был не более чем предлог, поскольку на катапульте хватало женщин, чтобы обеспечить домашней кормежкой всех. Просто Ма хотела морально поддержать и Грега, и Ленору — Ленора ведь была очень близка с Людмилой.

«Младшенький», казалось, был в полном порядке. Сейчас он трудился над Южной Америкой, посылая туда глыбу за глыбой. Я остался в радарной рубке, наблюдая при максимальном увеличении, как он всадил одну из ракет в эстуарий между Буэнос-Айресом и Монтевидео; даже Майк, и тот не мог быть точнее. Затем проверил его программу для Северной Америки, но придраться было не к чему, так что я закрыл файл и нажал на «старт». «Младшенький» справлялся самостоятельно — если только Майк не разобрался со своими проблемами и не взял управление на себя.

Потом я сел и попытался поймать передачи с Земли и из Луна-Сити. По кабелю, соединявшему новую катапульту с Луна-Сити, шли все наши телефонные разговоры, контакты Майка с его «сыночком-идиотом», радио и видео; мы больше не были изолированы. Кроме того, у нас были антенны, направленные прямо на Терру, так что любые программы, которые принимал Комплекс, мы могли получать напрямую. Это не было излишней роскошью — радио и видео с Земли служили единственным развлечением для строителей катапульты, а для

нас теперь стали запасным вариантом на случай, если кабель будет оборван.

Официальный ретрансляционный спутник ФН объявил, что баллистические радары Луны разбиты и теперь мы бессильны. Интересно, что думали об этом жители Буэнос-Айреса и Монтевидео? Впрочем, возможно, они были слишком заняты, чтобы слушать: залпы по водным целям доставляли хлопот не меньше, а то и больше, чем взрывы на суше.

Видеоканал «Лунатика» передавал из Луна-Сити выступление Шини, который сообщал лунарям результаты атаки крейсера «Эсперанс», повторяя уже известные детали и предупреждая, что битва еще *не окончена*, что боевой корабль может в любую минуту показаться на нашем небе, что надо быть готовыми ко всему, что всем необходимо оставаться в скафандрах (Шини и сам был в скафандре, только с открытым шлемом) и тщательно соблюдать меры предосторожности в отношении воздухоснабжения. Всем подразделениям, сказал он, приказано находиться в состоянии боевой готовности, а прочим гражданам настоятельно рекомендуется оставаться на самых нижних уровнях и пребывать там, пока все не кончится. Ну и так далее...

Он повторял все это по нескольку раз... и вдруг резко оборвал начатую фразу:

— Срочное сообщение! Вражеский крейсер обнаружен радаром; идет низко и на большой скорости. Возможна посадка возле Луна-Сити. Срочное сообщение! Крейсер выпустил ракеты, они нацелены на выходной конец катапульт...

Звук и изображение исчезли.

Расскажу о том, о чем мы в «Давидовой праще» узнали гораздо позже: второй крейсер разогнался, вышел на самую низкую и крутую траекторию, какую позволяла лунная гравитация, и начал бомбить выходной конец старой катапульты — в ста километрах от ее головы и сосредоточенных там пушек-буров. Бомбил целую минуту и разнес несколько секций катапульты, пока наконец не попал в зону убойного огня артиллеристов. Думаю, он считал себя в безопасности. Но просчитался. Ребята Броуди выжгли ему глаза и отрубили уши. После этого

он сделал еще один виток и разбился возле Торричелли, явно пытаясь совершить посадку, так как его дюзы заработали перед самым крушением.

Следующие новости, полученные нами на новой катапульте, были уже с Земли. Нахальная станция ФН объявила, что катапульта разрушена (правда) и что с угрозой бомбежек с Луны покончено (вранье), и призвала лунарей арестовать своих лжелидеров и сдаться на милость Федерации Наций (каковой — я имею в виду милость — не существует в природе).

Послушал, снова проверил программу и отправился в темную радарную рубку. Если все идет по плану, то в ближайшие минуты мы снесем еще одно яичко в Гудзон, а затем в течение трех часов будем поочередно долбить цели по всему континенту. Поочередно потому, что «младшенький» еще не умел наносить удары одновременно. Майк соответственно все и запрограммировал.

Река Гудзон получила удар точно по расписанию. Любопытно, подумал я, сколько ньюйоркцев слушали передачу ФН, одновременно наблюдая свидетельство ее лживости?

Двумя часами позже станция ФН заявила, что мятежные лунари имели на орбите запас снарядов в тот самый момент, когда их катапульта была разрушена, но после того как эти немногочисленные снаряды приземлятся, бомбежек с Луны больше не будет.

Когда третья бомбежка Северной Америки подошла к концу, я выключил радар. Ему ни к чему работать непрерывно; «младшенький» был запрограммирован «выглядывать» лишь тогда, когда это действительно необходимо, и всего на несколько секунд.

Теперь у меня было целых девять часов до повторной бомбардировки Великого Китая.

Но времени для решения самого важного вопроса осталось гораздо меньше. А вопрос заключался в том, стоит ли снова бить по Великому Китаю. Без необходимой информации — если, конечно, не считать той, что поступает из земных источников. А она может быть ложной. Черт побери. Я даже не знаю, бомбили наши поселения или нет. Не знаю, жив ли проф или по-

гиб. Дважды, черт побери. Кто я сейчас — временный премьер-министр? Мне необходим проф! Быть главой правительства — не моя это чашка chaya. А больше всего мне нужен Майк: чтобы взвесить факты, оценить степень неопределенности, рассчитать вероятные результаты того или иного курса.

Клянусь, я даже не знал, идут на нас корабли или нет; хуже того, я боялся выглянуть, чтобы узнать. Если включить радар и заставить «младшенького» пошарить по небу, то любой крейсер, задетый лучом, засечет наш радар быстрее, чем мы его. Ведь боевые корабли строятся специально с расчетом обнаруживать радарное наблюдение. Так, во всяком случае, я слыхал. Черт возьми, я же не военный, я всего лишь компьютерный техник, который случайно залез на чужую делянку.

Кто-то позвонил в дверь. Я встал и открыл. Это была Вайо с чашкой кофе. Она ничего не сказала, только подала чашку и вышла.

Я принялся за кофе. Вот так-то, парень, все оставили тебя одного, надеясь, что ты им вытащишь из кармана какое-то чудо. А я чудес делать не умею.

Откуда-то из дней моей юности я услыхал слова профа: «Мануэль, если не знаешь, как решить проблему, решай ту ее часть, которая тебе более или менее понятна, а потом начинай думать заново». Он учил меня вещам, в которых сам не так уж и разбирался,— например, математике,— но научил кое-чему куда более важному: основным принципам.

И меня осенило, что надо делать в первую очередь.

Я пошел к «младшенькому» и попросил его распечатать ожидаемые последствия ударов всех камешков, что болтались сейчас на орбитах. Это не составляло для него труда, так как было заложено в программу, которую он мог выполнять в фоновом режиме. Пока он печатал, я отыскал кое-какие из альтернативных программ, подготовленных для меня Майком и записанных на длинном рулоне.

Некоторые из них я ввел в компьютер. Дело нехитрое — просто надо было правильно их прочесть и избежать ошибок при вводе. Заставил «младшенького» распечатать их заново для проверки, прежде чем дать сигнал выполнять.

Когда я закончил, минут через сорок, каждый камешек на траекториях, нацеленных на внутренние части континента, был переадресован на прибрежные города — с тем ограничением, что для удаленных от Земли снарядов выполнение команды было отложено. Но если я не отменю ее, «младшенький» перенацелит их, когда настанет предельный срок.

Время перестало давить на меня такой гнетущей тяжестью: теперь я мог сбросить любой из этих снарядов в океан буквально за несколько минут до удара. Наконец-то можно спокойно сесть и раскинуть мозгами. Что я и сделал.

А затем созвал свой «военный кабинет»: Вайо, Стью и Грега — моего «командующего вооруженными силами». Мы собрались в офисе Грега. Леноре было разрешено входить и выходить, приносить нам кофе и еду, а остальное время сидеть да помалкивать. Ленора — женщина разумная и знает, когда надо держать язык за зубами.

Разговор начал Стью.

— Мистер премьер-министр, я не думаю, что Великий Китай стоит бомбить еще раз.

— Обойдемся без громких титулов, Стью. Может, я и выполняю обязанности премьера, а может, и нет. Но для формальностей у нас нет времени.

— Хорошо. Могу я обосновать свое предложение?

— Погоди минутку.— Я объяснил, каким образом мне удалось немного выиграть время. Стью кивнул и промолчал.— Наша главная трудность в том, что у нас нет связи ни с Луна-Сити, ни с Землей. Грег, как там ремонтная бригада?

— Еще не вернулась.

— Если обрыв кабеля произошел вблизи Луна-Сити, они вернутся не скоро. Если вообще смогут отремонтировать. Поэтому давайте исходить из того, что нам придется действовать самостоятельно. Грег, у тебя есть электронщик, способный собрать радиопередатчик для связи с Землей? С ее спутниками, я хочу сказать. Это ведь не так трудно, антенна у нас есть. Я могу помочь, да и тот компьютерный техник, которого я к тебе послал, не такой уж неумеха.

(Честно говоря, в обычной электронике он разбирался вполне прилично — тот самый бедолага, на которого возвел напраслину, будто он позволил мухе забраться в кишки Майка. Потом я сам пристроил его сюда.)

— Гарри Бигс — наш главный мастер на силовой установке — может соорудить что угодно,— сказал Грег рассудительно,— если, конечно, у него будут детали.

— Сажай его за работу. Можешь раскурочить все, кроме радара и компьютера, когда запустим все снаряды на орбиту. Сколько их у тебя?

— Двадцать три. Больше стали нет.

— Значит, давай все двадцать три, пан или пропал. Я хочу, чтоб их немедленно подготовили к запуску. Возможно, мы швырнем снаряды в космос уже сегодня.

— Они уже готовы. Мы загружаем их с такой же скоростью, с какой катапульта выплевывает.

— Отлично. Еще одно... Я не знаю, есть ли в небе крейсеры ФН — и сколько их. И боюсь смотреть. То есть радаром искать боюсь. Если начнем шарить по небу лучом, они вмиг обнаружат нашу позицию. Нам до зареза нужны наблюдатели. Ты можешь найти добровольцев для визуального наблюдения, освободив их от работы?

— Я пойду,— сказала Ленора.

— Спасибо, солнышко. Твое предложение принято.

— Мы найдем других добровольцев,— сказал Грег.— Не женское это дело.

— Пусть идет, Грег. Это общее дело.

Я объяснил, что мне нужно. В Океане Бурь сейчас темная половина месяца. Солнце село. Невидимая граница между солнечным светом и тенью Луны проходит над нами в строго определенном месте. Перемещаясь по небу, крейсер будет неожиданно как бы вспыхивать, двигаясь на запад, и гаснуть, двигаясь на восток. Видимая часть орбиты будет идти от горизонта до какой-то точки в небе. Если группа наблюдателей определит обе точки — одну по компасу, другую по звездам — и приблизительное время в секундах, «младшенький» сможет начать

вычисления, а за два прохода определит и период, и приблизительную форму орбиты. Тогда я наконец получу представление о том, в какие моменты можно без опаски пользоваться радаром, радио или катапультой — нам вовсе ни к чему выстреливать снаряд, когда корабль ФН висит над горизонтом, а его радары, возможно, направлены в нашу сторону.

Может быть, я чересчур осторожничал, но я обязан был исходить из предположения, что новая катапульта, ее единственный радар и две дюжины снарядов — это все, что стоит между Луной и ее полным разгромом; весь наш блеф основывался на том, что земляне не знали, где и что у нас для них приготовлено. Им должно казаться, будто мы в состоянии бесконечно лупить по Терре своими глыбами, а откуда они берутся, пусть гадают до посинения.

Тогда, впрочем, как и теперь, большинство лунарей ничего не понимали в астрономии: мы же пещерные жители, мы на поверхность вылезаем только в случае необходимости. Но нам повезло. В команде Грега оказался астроном-любитель, парень, который работал в Ричардсоне. Я объяснил ему все, назначил старшим и предоставил ему самому беспокоиться о том, как обучить команду наблюдателей разбираться в звездах. Запустил, стало быть, процесс и вновь вернулся на толковище.

— Ну, Стью? Так почему же больше не надо бомбить Великий Китай?

— Я все еще жду сообщения от доктора Чана. Я получил от него одну весточку незадолго до того, как нас отрезало от других городов.

— Черт возьми, почему же ты мне не сказал?

— Я пытался, но ты заперся. А я не такой дурак, чтоб соваться под руку, когда ты занят баллистикой. Вот перевод текста. Сообщение адресовано «ЛуНоГоКо» с пометкой, что это лично для меня от парижского агента. «Наш торговый представитель в Дарвине» — то есть Чан — «сообщает, что ваши поставки» — ну, это код, естественно... дальше он перечисляет дни атаки, хотя для коспирации упоминает июнь,— «были плохо упакованы, что вызвало нежелательные потери. Если не про-

изойдет изменений, переговоры о долгосрочном контракте окажутся под серьезной угрозой».

Стью поднял глаза от депеши.

— Все это условные фразы. Как я понимаю, доктор Чан считает, что подготовил свое правительство к переговорам, но мы должны прекратить бомбежку Великого Китая, иначе все пойдет насмарку.

Я встал и прошелся по комнате. Спросить мнение Вайо? Никто не знает достоинств Вайо лучше меня... но она часто колеблется между чувствами ярости и чисто человеческого сострадания, а я уже усвоил, что «глава государства», даже если он временный, не может себе позволить ни того ни другого. Спросить Грега? Грег прекрасный фермер, еще лучший механик и прирожденный проповедник. Люблю его всем сердцем, но его мнение меня мало интересует. Стью? Его мнение я уже слышал.

А слышал ли?

— Стью, каково твое мнение? Не мнение Чана, а твое *собственное*?

Стью задумался.

— Затрудняюсь ответить, Манни. Я не китаец, я провел слишком мало времени в Великом Китае, так что не могу считаться экспертом в их политике или психологии. Поэтому я вынужден опираться на его мнение.

— Хм... черт, но он же не лунарь! Его цели — не наши цели. Что он рассчитывает с этого поиметь?

— Я думаю, цель его маневров — монополия на торговлю с Луной. Может быть, базы у нас. Возможно, создание экстерриториального анклава. Это не значит, что мы дадим ему все эти привилегии.

— Почему же, может, и дадим, если прижмут.

— Он ничего такого сам не говорил. Чан вообще говорит мало, сам знаешь. Он в основном слушает.

— Это-то я хорошо запомнил.

Я был встревожен, и чем дальше, тем больше. В комнате глухо бубнило радио: я попросил Вайо послушать передачу с Земли, пока буду занят с Грегом.

— Вайо, родная, есть что-нибудь новенькое?

— Нет. Все одно и то же. Нас разгромили наголову и наша капитуляция ожидается с минуты на минуту. Ах да, зачитали предупреждение, что какое-то количество снарядов все еще болтается в космосе, хотя Луна и потеряла над ними контроль, и тут же заверили, что их траектории будут вычислены и жителей успеют известить, чтобы они покинули опасные зоны.

— А есть какие-нибудь намеки на то, что проф — или кто-то другой в Луна-Сити! — поддерживает контакт с Землей?

— Ровным счетом ничего.

— Дьявольщина! А из Великого Китая ничего нет?

— Нет. Отклики почти со всех континентов. Только не из Китая.

— Хм-м...— Я высунулся в коридор.— Грег! Эй, друг, посмотри, нет ли где Грега Дэвиса! Он мне нужен.

Закрыл дверь.

— Стью, мы не станем облегчать жизнь Великому Китаю.

— Вот как?

— Да, не станем. Если бы Великий Китай решился разорвать противостоящую нам коалицию, это было бы замечательно и сильно уменьшило бы наши потери. Но нам удалось заставить их задуматься только потому, что мы внушили им, будто можем лупить по Земле сколько захотим и в состоянии уничтожить любой корабль, который они вздумают выслать против нас. Во всяком случае, я надеюсь, что тот, последний, тоже подбили. А если и нет, то восемь из девяти мы раздраконили точно. И мы ничего не добьемся, если покажем им свою слабину, во всяком случае, не теперь, когда ФН заявляет, что мы не просто выдохлись, а чуть ли не сдохли. Мы преподнесем им кое-какие сюрпризы. И начнем именно с Великого Китая, а если это огорчит доктора Чана, дадим ему тряпочку, пусть в нее порыдает. Если мы сумеем продемонстрировать им свою силу — в то время как ФН утверждает, что мы разбиты,— тогда одна из держав, обладающих правом вето, может отколоться. Не Великий Китай, так какая-нибудь другая.

Стью поклонился, не вставая.

— Как прикажете, сэр.

— Я..

Вошел Грег.

— Я тебе нужен, Манни?

— Как дела с передатчиком для Земли?

— Гарри говорит — завтра будет готово. Говорит, передатчик не ахти, но если дать ему сколько-нибудь ватт, нас должны услышать.

— Ладно, энергия у нас есть. И раз он говорит «завтра», значит, он уже знает, как эту штуку соорудить. Поэтому мы получим ее *сегодня*. Скажем, часов в шесть. Вайо, родная, ты не притащишь мои руки? Мне нужны номер шесть и номер три; впрочем, захвати номер пять тоже. А потом останешься со мной, будешь менять мне руки. Стью, я хочу, чтобы ты написал несколько едких заявлений — идея в них будет моя, уксус твой. Грег, мы не будем *запускать* все камешки в космос разом. Те, что сейчас в полете, приземлятся в течение ближайших восемнадцати-девятнадцати часов. Затем, когда ФН объявит, что камнепад окончен и угроза миновала.. мы влезем в их выпуск новостей и предупредим о новой бомбежке. На самых коротких траекториях, Грег, часов этак на десять, даже меньше. Так что проверь катапульту, атомную установку, систему управления; во время этого суперзалпа все должно быть тип-топ.

Вернулась Вайо с руками. Я сказал ей:

— Номер шесть,— и добавил: — Грег, веди-ка меня к Гарри..

Через шесть часов передатчик для трансляции на Землю был готов. Страшненький такой, сляпанный в основном из частей, снятых с резонансного искателя, которым пользовались, когда начинали строить катапульту. Но звуковой сигнал на его рабочей частоте вполне можно было послать, к тому же весьма мощный. Мои обращения, в которые Стью подпустил яда, были записаны на пленку, и Гарри готовился послать их в сверхскоростном режиме — все земные спутники могли принимать передачи на скорости шестьдесят к одному, а мы не хотели, чтобы наш передатчик работал

хоть на несколько секунд дольше необходимого. Визуальное наблюдение подтвердило наши опасения: по меньшей мере два корабля крутились на орбитах вокруг Луны.

Поэтому мы сообщили Великому Китаю, что все его прибрежные города получат подарочек с Луны в свои воды не дальше десяти километров от берега: Пусан, Циндао, Тайбэй, Шанхай, Сайгон, Бангкок, Сингапур, Джакарта, Дарвин и другие, исключая Гонконг, где удар будет нанесен прямо по зданию Дальневосточной штаб-квартиры ФН, так что мы просим, чтобы в этом районе не было ни одного человека. Стью добавил, что понятие «человек» не распространяется на персонал ФН, которому, напротив, настоятельно рекомендуется оставаться на рабочих местах.

Индия получила аналогичное предупреждение насчет прибрежных городов. Мы сообщили, что бомбежка главной штаб-квартиры ФН откладывается еще на один оборот земного шара из уважения к культурным памятникам Агры, а также для того, чтобы дать возможность жителям города эвакуироваться. (Я намеревался потом продлить срок еще на один оборот, исключительно ради профа. А затем еще на один, и так до бесконечности. Угораздило же их построить свою главную контору рядом с самой выпендрежной гробницей в мире, да к тому же любимицей профа!)

Остальным зрителям мы велели оставаться на своих местах; матч продолжается, будут сделаны дополнительные броски. Пусть только держатся подальше от любых офисов ФН, где бы они ни находились; у нас на них большой зуб, и ни один офис ФН не может считать себя в безопасности. А еще лучше вообще покинуть города, где есть штаб-квартиры Федерации; что касается эфэновских шишкарей и их холуев — пускай сидят в своих конторах и не рыпаются.

Следующие двадцать часов я обучал «младшенького», как выглядывать в небо радарами, когда там нет кораблей или, по крайней мере, когда мы считаем, что их там нет. Спал я урывками, и Ленора оставалась со мной, чтобы разбудить, когда наступит время следующего урока. Тем временем глыбы, брошенные Майком, кончились, и мы все сидели как на иголках, пока

«младшенький» запускал свои первые снаряды по самым коротким и скоростным траекториям. Выждали, убедились, что все они идут точно на заданные цели, и доложили Терре, где и когда ловить подарочки. Чтобы до них наконец дошло, что хвастовство ФН своими победами — такое же вранье, как и их более чем столетняя брехня о Луне; все это было облечено в изящные, злые и надменные фразы Стью, произнесенные к тому же его великолепным культурным голосом.

Вообще-то первая бомба должна была упасть на Великий Китай, но нам все еще был виден краешек Северо-Американского Директората, до которого можно было дотянуться,— гордость американцев, великолепная жемчужина, Гавайи. «Младшенький» точно уложил свой снаряд в треугольник, образованный островами Мауи, Молокаи и Ланаи. Мне ничего не пришлось программировать — Майк предусмотрел все.

Затем pronto[1] мы выпустили десять камней через самые короткие интервалы (одну программу пришлось отменить: в небе был корабль) и сообщили Великому Китаю, когда их ждать в тех приморских городах, что мы пропустили накануне.

Теперь у нас оставалось всего двенадцать снарядов, но мы решили, что лучше истратить последние боеприпасы, чем позволить Терре заподозрить, что они последние. Поэтому семь из них я присудил портам Индии, выбрав новые цели. Стью мягко осведомился у индусов, эвакуирована ли Агра. Если нет, просим сообщить об этом *немедленно*. (Камень на нее мы так и не сбросили.) Египту было велено вывести все суда из Суэцкого канала — чистый блеф. Оставшиеся пять глыб мы приберегли на всякий случай.

А потом сели и стали ждать.

Прямое попадание в Лахайна Роудс на Гавайях. Классно выглядело при максимальном увеличении; Майк мог гордиться своим «младшеньким».

Ждем.

За тридцать семь минут до удара по китайскому побережью Великий Китай осудил действия ФН, признал нас и предложил

[1] Быстро, скоро (*исп.*).

начать переговоры... а я вывихнул палец, нажимая на кнопку отмены цели.

Дальше на кнопку пришлось жать уже больным пальцем — Индия чуть на пятки не наступала Китаю, следуя по его стопам.

Нас признал Египет. Прочие страны устроили свалку у наших дверей.

Стью проинформировал Терру, что мы откладываем бомбежку — только откладываем, а не прекращаем. И пусть сию же секунду уберут с нашего неба свои корабли — *немедленно*! Тогда будем разговаривать. Если корабли не могут вернуться на Землю без дозаправки, пусть садятся не ближе чем в пятидесяти километрах от любого из нанесенных на карту поселений и ждут, пока их капитуляция не будет принята. Но небо должно быть очищено *немедленно*!

Мы задержали передачу этого ультиматума на несколько минут, чтобы дать кораблю время уйти за горизонт; мы не собирались рисковать — одна ракета, пущенная с крейсера, и Луна станет безоружной.

Опять ждем.

Вернулась бригада ремонтников, посланная чинить кабель. Она дошла почти до Луна-Сити и обнаружила место аварии. Тысячи тонн обрушившейся породы не дали соединить обрыв, так что ремонтники сделали все, что было в их силах: вернулись к тому месту, где можно было выйти на поверхность, поставили временный ретранслятор, направили его туда, где, как они считали, находится Луна-Сити, и послали дюжину осветительных ракет через десятиминутные интервалы, надеясь, что кто-нибудь их увидит, поймет и направит сюда приемную антенну... Связь-то есть?

Связи нет.

Ждем.

Группа наблюдателей сообщила, что корабль, совершивший к тому времени девятнадцать витков, пропал из виду. Через десять минут они доложили, что и второй корабль не появился там, где его ожидали.

Ждем и слушаем.

Великий Китай от имени всех держав, имеющих право вето, принял условия перемирия и сообщил, что наше небо чисто. Ленора разрыдалась и принялась целовать всех, кто был в пределах досягаемости.

После того как мы успокоились (ни один мужик не способен соображать, когда на нем висят женщины, особенно если пять из них — чужие жены), после того как пришли в себя, я сказал:

— Стью, я хочу, чтобы ты немедленно отправился в Луна-Сити. Подбери себе ребят. Женщин не надо — последние километры придется добираться по поверхности. Узнай, что там происходит, но сначала скажи им, чтобы настроились на наш ретранслятор, и позвони мне.

— Слушаюсь, сэр.

Мы как раз собирали его в тяжелую дорогу — дополнительные баллоны с воздухом, палатки на случай аварии и тому подобное,— когда Земля вдруг вызвала меня... на той частоте, на которой мы их слушали; потом я узнал, что этот вызов передавали на всех частотах, на каких Терра вела трансляцию.

«Частное сообщение. Проф — Манни. Доказательство: день рождения Бастилии, родной брат Шерлока. Немедленно возвращайся. Карета подана к твоему ретранслятору. Частное сообщение. Проф...» И все пошло по новой.

— Гарри!

— Da, босс?

— Депеша на Землю. Запиши и передавай в сжатом виде. Не надо, чтобы они нас засекли. «Частное сообщение. Манни — профу. Медная пушка. Выехал». Попроси у них подтверждения, но пискни только один раз.

Глава 29

Стью и Грег отправились обратно, а Вайо, Ленора и я струдились на открытой роликовой платформе, привязавшись ремнями, чтобы не упасть; ужас, какая она была маленькая. Вот наконец и выдалась свободная минута, можно поразмышлять на досуге.

В скафандрах у женщин не было радио, и переговариваться между собой можно было, лишь сблизив шлемы, что крайне неудобно.

Я начал понимать — теперь, когда мы победили,— те части плана профа, которые мне раньше казались неясными. Подставив под удар старую катапульту, он спас от бомбежки поселения... во всяком случае, я надеялся, что спас; таков был план, но проф вообще никогда не переживал по поводу того, что катапульта может быть разрушена... скорее радовался. У нас, конечно, оставалась новая, но она находилась далеко, а подходы к ней были затруднены. Потребуются годы, чтоб дотянуть к новой катапульте туннель метро, путь же по поверхности закрывают высокие горы. Может быть, дешевле починить старую. Если, конечно, это возможно.

Так или иначе, отгрузок зерна на Терру пока не будет.

А проф именно этого и хотел! Кстати, он ни разу даже не намекнул, что его план основан на уничтожении старой катапульты, я имею в виду не только план революции, но и перспективный план. Сейчас проф в этом, возможно, не признается. Но Майк мне скажет, если ему задать вопрос напрямую: был или не был этот фактор включен в разработку прогнозов? В прогноз голодных бунтов, например, а, Майк? Мне он скажет.

А эти расчеты тонна за тонну, которые так пропагандировал на Земле проф, убеждая построить катапульту на Терре? В глубине души он никакого энтузиазма по этому поводу не испытывал. Однажды даже сказал мне об этом, когда мы были в Северной Америке: «Да, Мануэль, я уверен, что такая катапульта сработает. Но это временная мера. Было время, пару столетий назад, когда грязное белье из Калифорнии возили стирать на Гавайи — на парусных судах, заметь,— и таким же способом возвращали чистое. Ситуация ненормальная, верно? Если мы когда-нибудь увидим, что вода и навоз отправятся в Луну, а обратно повезут зерно, это тоже будет временная ситуация. Будущее Луны в ее уникальном положении — над краем гравитационного колодца богатой планеты, а также в обилии дешевой энергии и свободного пространства. Если у нас, у лунарей, хватит ума, чтобы в течение грядущих столетий оставаться свобод-

ным портом и не входить ни в какие альянсы, способные ограничить нашу свободу, мы превратимся в космический перекресток торговли двух планет, трех планет, а возможно, и всей Солнечной системы. Не оставаться же нам фермерами навеки».

Нас встретили на станции «Восточная» и едва дали нам время, чтобы стянуть с себя скафандры. Все было в точности как после нашего возвращения с Земли — толпы орали, нас тащили на плечах, в том числе и девушек. Слим Лемке спросил Ленору: «Можно, мы понесем и вас?», а Вайо ответила ему: «Конечно, уай нот?», и stilyagi чуть не передрались за право нести их.

Большинство было в скафандрах, и я удивлялся тому, как много народу носило пистолеты, пока не увидел, что это не наши пистолеты, а захваченные в боях. А главное, я испытывал невыразимое облегчение, видя Луна-Сити целым и невредимым.

Я вполне обошелся бы без триумфальных процессий; меня так и подмывало кинуться к телефону и узнать у Майка, как вообще обстоят дела: много ли разрушений, много ли погибших, во что нам обошлась победа. Черта с два! Хочешь не хочешь, а нас тащили в Старый Купол.

Они втянули нас на помост вместе с профом, остальными членами правительства, шишкарями и прочими; наши девушки тут же повисли на профе, он обнял меня в лучших традициях латинян, облобызал в щеку, а кто-то напялил мне на голову «колпак свободы». В толпе я увидел маленькую Хейзел и послал ей воздушный поцелуй.

Наконец толпа немного поутихла, и проф смог начать:

— Друзья мои,— сказал он и подождал, чтоб они замолкли.— Друзья мои,— повторил он еще тише,— мои возлюбленные товарищи. Наконец-то мы встретились свободными, и рядом с нами стоят герои, которые сражались в последней битве за Луну, сражались в полном одиночестве.— Толпа опять завопила, а проф снова переждал шум. Я видел, как он устал. Ему приходилось крепко держаться за кафедру, и было видно, как дрожат у него руки.— Я хочу, чтобы они выступили перед вами, мы все жаждем услышать, как это было, все до единого.

Но сначала у меня есть для вас одно радостное известие. Только что Великий Китай сообщил, что в Гималаях строится колоссальная катапульта, чтобы сделать доставку грузов в Луну такой же дешевой, как с Луны на Терру! — Он остановился, чтобы переждать крики.— Но это в будущем. Сегодня же — о, какой счастливый день сегодня! Наконец-то мир признал суверенитет Луны! Свободны! Вы завоевали себе свободу...

Проф замолчал, посмотрел удивленно. Не испуганно, а с недоумением. Слегка покачнулся.

И умер.

Глава 30

Мы внесли его в магазинчик позади платформы. Но никакие врачи уже не могли ему помочь; старое сердце не выдержало сильнейших перегрузок. Его вынесли через задний ход, я пошел следом.

Стью тронул меня за руку.

— Мистер премьер-министр...

— А? — отозвался я.— Ох, ради бога!

— Мистер премьер-министр,— повторил он твердо,— вы должны поговорить с народом, отослать их всех домой. А потом есть много вещей, которые просто *не могут ждать*.— Он говорил спокойно, хотя по щекам бежали слезы.

И я вернулся на помост, подтвердил то, о чем все и так догадались, и попросил их разойтись. И открыл в «Малине», в номере «Л» — там, где все это когда-то началось,— чрезвычайное заседание кабинета. Но сначала подошел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-ХХ».

Нет сигнала. Попробовал еще раз — то же самое. Откинул колпак и спросил стоявшего рядом Вольфганга:

— Разве телефоны не работают?

— Как когда,— ответил он.— Вчерашняя бомбежка кое-что нарушила. Если тебе нужен междугородный, лучше звони на телефонную станцию.

Представил себе, как звоню на станцию и прошу соединить с несуществующим номером.

— Какая бомбежка?

— А ты еще не слыхал? Они вплотную занялись Комплексом. Но ребята Броуди сбили этот корабль. Особых разрушений нет. Во всяком случае, все можно починить.

Пришлось прервать эту тему — меня ждали. С чего начинать заседание, я не знал, зато знали Стью и Корсаков. Шини было поручено составить сообщение для Терры и всех поселений Луны. Я обнаружил, что объявляю траур на месяц, двадцать четыре часа полной тишины, прекращение всех работ, кроме жизненно необходимых, отдаю приказ выставить тело для прощания... Говорил механически, ничего не соображая, в полном отупении. О'кей, соберем Конгресс через двадцать четыре часа. В Новолене? О'кей, в Новолене.

Шини готовил обращение к Земле. Вольфганг набросал для меня коротенький текст: мол, в связи со смертью нашего президента ответ Земле будет задержан на двадцать четыре часа.

Наконец нам с Вайо удалось уйти. Охрана из stilyag сдерживала толпу у тринадцатого переходного шлюза. Оказавшись дома, я сразу же юркнул в мастерскую под предлогом, что надо сменить руку.

— Майк?

Нет ответа.

Попытался набрать его комбинацию по домашнему телефону — сигнала нет. Решил на следующий же день отправиться в Комплекс: теперь, после смерти профа, нужда в Майке стала еще острее.

На следующий день поехать не удалось: метро под Морем Кризисов вышло из строя в результате последней бомбежки. Кружным путем через Торричелли можно было добраться и до Новолена, и даже до Гонконга, а до Комплекса, который был почти рядом, пришлось бы трястись на луноходе. А времени на это не было — я ведь до сих пор оставался «правительством».

Через два дня мне удалось сбросить с себя это бремя. Мы приняли резолюцию и выдвинули спикера (Финна) на пост

президента, а потом вместе с Финном решили, что лучшего премьер-министра, чем Вольфганг, и быть не может. Протащили свои решения через Конгресс, и я опять стал простым конгрессменом, который пропускает большую часть заседаний.

К тому времени большинство телефонов уже работало и в Комплекс дозвониться было несложно. Я набрал «Майкрофт-ХХ». И не получил ответа. Поехал на луноходе. Пришлось спускаться вниз и последние километры тащиться пешком по тунелю; сам Нижний Комплекс, по-видимому, не пострадал.

Майк на вид тоже.

Но когда я заговорил с ним, он не ответил.

Больше он мне никогда не отвечал. Так он молчит уже много лет.

Ему можно задавать вопросы с клавиатуры — на Логлане. Он отвечает тоже на Логлане. Майк работает безупречно... как компьютер. Но не хочет разговаривать. Или не может.

Вайо пыталась его разговорить. Потом бросила. Со временем бросил и я.

Не знаю, что с ним случилось. Множество периферийных устройств были отрублены от Майка во время последней бомбежки. (Уверен, они бомбили специально, чтобы вывести из строя наш баллистический компьютер.) Может, из-за этого он опустился ниже «критического уровня», который требуется для самосознания? (Если такой уровень вообще существует, это ведь только гипотеза.) Или его еще до бомбежки «убила» децентрализация функций управления?

Не знаю. Если все дело в «критическом уровне», то система Майка давно восстановлена и он должен был бы вернуться к прежнему состоянию. Почему же он не просыпается?

Можно ли так напугать машину, так ее ранить, чтобы она впала в кататонию и отказалась от общения? Чтобы ее *его* замкнулось в себе, все сознавая, но не желая рисковать. Нет! Быть того не может! Майк не ведал страха — он был так же весело бесстрашен, как и проф.

Годы... Перемены... Мими давно уже самоустранилась от руководства семьей. Теперь «Ма» — это Анна, а Мими дремлет у

видео. Слим уговорил Хейзел сменить фамилию на Стоун*, она изучает инженерное дело, у них двое ребятишек. Изобретены новые лекарства от последствий невесомости, и теперь землееды могут торчать у нас три-четыре года и спокойно возвращаться домой. Есть аналогичные средства и для нас — молодежь часто отправляется на Терру учиться. Что касается тибетской катапульты, то на ее постройку потребовалось не десять лет, а все семнадцать. Работы на Килиманджаро закончились раньше.

Еще один небольшой сюрприз. Когда пришло время, кандидатуру Стью выдвинула Ленора, а не Вайо. В общем-то, большой разницы нет, мы все проголосовали «за». А еще одно событие трудно назвать неожиданным. Мы с Вайо провернули его еще в те времена, когда имели кое-какой вес в правительстве; на пьедестале в Старом Куполе водружена медная пушечка, а над ней искусственный сквознячок развевает флаг — черное поле, усеянное звездами, зловещая кровавая полоса, шитая золотом гордая пушка, а ниже девиз — ДАРЗАНЕБЫ!

Там мы и празднуем свое Четвертое июля.

Получаешь только то, за что заплатил; проф понимал это и заплатил с радостью.

Однако проф недооценил болтунов. Они не приняли ни одной из его идей. Видно, в человеческой природе глубоко укоренился инстинкт превращать все то, что не запрещено, в «обязательно». Профа заворожила возможность формировать черты будущего с помощью огромного разумного компьютера... и он не уследил за тем, что творилось у него под носом. О, конечно, я поддерживал его. А теперь... сижу и думаю: стоило ли платить такую дорогую цену только за то, чтоб избавить людей от угрозы голодных бунтов, да чтоб они остались такими, какими были раньше? Не знаю.

Я вообще не знаю никаких ответов.

Спросить бы у Майка.

Я просыпаюсь по ночам и слышу тихий шепот. «Ман... Ман, мой лучший друг...» Но когда я в ответ шепчу: «Майк?» — он не отвечает. Может, он бродит где-то рядом и ищет «железку», в

которую можно вселиться? Или он погребен в Нижнем Комплексе и пытается выбраться оттуда? Все его специальные ячейки памяти где-то там, они только ждут, чтобы их пробудили. Но я не могу вернуть их к жизни... они закодированы на голос.

Да, я знаю, он мертв, как и проф. (А как мертв проф?) Что, если я наберу код еще раз и скажу: «Привет, Майк!» — а он вдруг ответит: «Привет, Ман! Как насчет хорошего анекдота?» Давно уже я не решался проделать это. Нет, не может он умереть! У него же не было никаких повреждений! Просто он потерялся».

— Ты слышишь, Господи? Компьютер — не одно ли из твоих созданий?

Слишком много перемен... Сходить, что ли, сегодня вечером на это толковище, тряхнуть стариной, глянуть, как ложатся брошенные наугад кости?

Или нет. С тех пор как начался бум, многие, кто помоложе, отправились на астероиды. Слыхал, что там есть недурные местечки, где народу пока маловато.

А что? Какие наши годы! Мне ведь и ста еще нет.

КОММЕНТАРИИ

К роману «Звездный десант»

Роман «Starship Troopers» был написан Робертом Хайнлайном в 1959 г., а в 1960 г. он получил премию «Хьюго». Собственно, название романа правильнее было бы перевести как «Звездная пехота» (по аналогии с морской пехотой), но благодаря фильму он стал у нас известен как «Звездный десант». Все существовавшие до сих пор переводы романа страдали теми или иными серьезными неточностями. Данный перевод следует признать первой удачной попыткой передать военные реалии общества будущего адекватно тому, как замышлял это Автор.

С. 7 *...в комнате «Роджера Янга»...*— корабль назван в честь Роджера Янга (28.04.1918, Тиффин, штат Огайо — 31.07.1943, Соломоновы острова, Южный океан), рядового 37-й пехотной дивизии. Он в одиночку атаковал и уничтожил пулеметный расчет противника, получив три смертельных ранения. За отвагу и самоотверженные действия перед превосходящими силами врага, в результате которых его товарищи по взводу смогли отойти без потерь, посмертно награжден медалью Конгресса.

...в учебном лагере имени Артура Карри...— Сэр Артур Уильям Карри (1875—1933), генерал-лейтенант, командир канадского экспедиционного корпуса в Первой мировой войне. В 1918 году посвящен в рыцари.

С. 65 *...демонстрировавших нам la savate.*— По-французски «сават» означает «старый стоптанный башмак», а в переносном смысле — «бродяга, босяк, оборванец». Так назывался старый французский метод боя ногами в обуви с подключением, в случае необходимости, ударов открытой рукой (ребром и основанием ладони, пальцами, всей раскрытой рукой). Сам термин указывает на то, что сават получил наибольшее распространение среди нижних слоев общества: бродяг, воров, нищих, батраков, грузчиков, мастеровых и тому подобной публики. Временем возникновения савата считается конец XVII— начало XVIII века. Сават происходит от фехтования. Ведь боевое фехтование эпохи мушкетеров (то есть в XVI—XVII веках) употребляло не одну только шпагу. Широко использовалось вспомогательное оружие для свободной от шпаги руки (кинжал, кортик,

плащ), а также шли в ход ноги. После 1860 года сават в «чистом виде» почти не встречался. Но отдельные энтузиасты сохраняли это оригинальное боевое искусство, передавая немногочисленным ученикам. Один из таких энтузиастов — весьма популярный во Франции в прошлые годы деятель французского бокса, граф Пьер Барузи (1897–1994). В настоящее время существует группа «ортодоксальных» саватистов во главе с Мишелем Ниссо, ставящая своей целью сохранение и развитие старинного боевого искусства французов.

С. 66 *...прочитайте «Горация на мосту»...*— Гораций — римский герой, который, согласно легенде, защищал мост от Ларса Порсены и целой этрусской армии, дав римлянам время обрушить мост. Его имя стало синонимом самопожертвования ради других и последней отчаянной обороны.

С. 99 *...и еще «Madelon», «Сынов труда и риска», а потом «Légion Étrangère» и «Мадемуазель из Армантьера»...* «Madelon» — песня, написанная в 1914 году Камилем Робером и Луи Буске, популярная среди французских солдат. «Légion Étrangère» — песня об Иностранном легионе, отделении французской армии, куда принимали добровольцев из любой другой страны. Основан королем Луи-Филиппом для контроля африканских колоний. Впоследствии легион воевал в Испании, Италии, Мексике, Дагомее (Бенин), Марокко, Сирии и Индокитае. Считалось, что человек, попавший туда, очищается от любых грехов прошлого и начинает новую жизнь. «Мадемуазель из Армантьера» — английская песня, приписываемая Эдварду Роуленду (1915), популярная среди союзных войск во время Первой мировой войны.

...присланных Лохиелем из клана Камерон...— Лохиель из Камеронов — реальное лицо, принадлежащее к легендарному шотландскому клану, жил с 1629 по 1719 год. Хайнлайн упоминает его, чтобы засвидетельствовать традиции, а также качество и древность снаряжения, хранящегося в лагере Карри.

С. 103 *...за пять тысяч лет с тех пор, как пехтура Саргона Великого заставила шумеров кричать...*— Саргон Великий (Древний, Аккадский; аккадское Шаррум-кен, Шарру-кин), основатель в 24 в. до н.э. державы в Двуречье с центром в Аккаде. Родом семит из г. Киша. По легенде, выходец из народных низов. Победил шумерского царя Лугальзагиси и завоевал все города-государства Двуречья; армия Саргона достигала Элама, Сирии, Малой Азии.

С. 126 *...несколько наборов для игры в парчизи...*— Парчизи основано на старинной индийской игре, где фишки передвигаются с целью занять территорию противника.

С. 133 *...Вэлли-Фордж* — так называется поселок на юго-востоке штата Пенсильвания, где с 19 декабря 1777 года по 19 июня 1778 года после захвата Филадельфии англичанами стоял лагерь Континентальной армии. Зимовка в Вэлли-Фордж стала символом героизма и стойкости.

С. 145 *... родом он из Джорджии (той, что в западном полушарии, не из другой)...*— Джорджия — название штата Джорджия, и Грузия по-английски читаются и пишутся одинаково.

С. 155 *...зачистили их колонию на Шеоле.*— Шеол — по древним еврейским преданием обиталище мертвых, в буквальном переводе «страна мрака и глубокой тьмы».

С. 157 *...из-за недостатка радиации, условий для мутаций не было...* — Хайнлайн не прав, считая, что причиной мутаций является только воздействие ионизирующего излучения. На самом деле, мутагенез идет даже в отсутствие каких бы то ни было внешних воздействий и скорость мутирования определяется в первую очередь особенностями самого генотипа. Так что полная остановка эволюции обитателям Санктруария не грозит.

С. 170 *...тренировался в лагере «Сан Мартин»...*— Хозе де Сан Мартин (1778–1850), аргентинский солдат и политик, один из вождей революции против испанского господства в Аргентине, Чили и Перу.

С. 211 *...от «De bello gallico» до классического цзиньского «Крушение Золотой империи»...*— «De bello gallico» — «Записки о Галльской войне», классический труд Гая Юлия Цезаря о военном искусстве. Золотая империя чжурчжэней, известная также как государство Цзинь, существовала в XI–XIII веках н.э., распалась в результате нашествия войск Чингисхана.

С. 262 *«Эль Аламейн», «Иводзима», «Галлиполли», «Лейте», «Марна», «Тур», «Геттисберг», «Гастингс», «Аламо»... Все это места, названия которых пехота сделала бессмертными.*

Эль Аламейн — город на побережье Египта. В 1942 году во время Второй Мировой войны там произошло два сражения между британскими и германскими войсками, после чего генерал Роммель отвел свои войска на заранее подготовленные позиции в Ливии.

Иводзима — остров в Японском архипелаге, юго-восточнее Токио. В начале 1945 года там произошла стратегически важная битва между японскими и американскими солдатами. Фотография американских солдат, поднимающих флаг на захваченном острове, стала одним из символов победы.

Галлиполли — морской порт в Турции, первый европейский город, завоеванный оттоманскими турками в 1356 году. Во время Первой мировой

войны там произошло длительное сражение, в котором союзные силы понесли большие потери.

Лейте — остров в Филиппинской группе, во время Второй мировой войны в 1944 году войска союзников выгнали оттуда японцев.

Марна — река в северной Франции, во время Первой мировой войны там произошло два крупнейших сражения.

Тур — город на Луаре, Франция. В 732 г. нашей эры здесь произошло сражение Шарля Мартеля с маврами.

Геттисберг — город в Пенсильвании, на границе с Мерилендом, где происходила одна из важнейших битв Гражданской войны.

Гастингс — город в Англии, где в 1066 году произошло сражение между армиями Вильгельма Нормандского и короля Харолда. После гибели Харолда, Вильгельм заявил права на английский трон.

Аламо — испанская католическая миссия-крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас, основана в 1718 году. Место героической обороны во время борьбы техасцев за независимость от Мексики. Клич «Помни Аламо!» стал призывом к независимости Техаса.

С. 262 *...были названы корабли поменьше: «Гораций», «Алвин Йорк», «Болотная лиса», и «Родж» тут был тоже, благослови его Господь, а еще «Полковник Буи», «Деверо», «Верцингеторикс», «Сандино», «Обри Казенс», «Камехамеха», «Оди Мерфи», «Ксенофонт»...*

Йорк Алвин — родился 13 декабря 1887 года в Пэлл Мэлл, Теннесси. Как прихожанин Церкви Христа, отказался идти на фронт, но вскоре тем не менее оказался в учебном лагере. В составе 82-й дивизии воевал во Франции. В сражении за линией фронта вместе с восемью однополчанами взял в плен сто тридцать два человека и подавил пулеметное гнездо. За героизм награжден Медалью Чести.

Болотная лиса — Фрэнсис Мэрион (1732–1795), партизан, участник войны за независимость.

Буи Джеймс — (1796–1836), техасский революционный лидер, участник обороны Аламо.

Деверо — семейное имя английских графов Эссекских. Скорее всего, корабль получил имя в честь Уолтера Деверо (1541–1576), командовавшего захватом Ольстера.

Верцингеторикс — вождь одного из галльских племен, в 52 году до н.э. возглавил восстание против римлян. Был побежден Юлием Цезарем.

Сезар Аугусто Сандино — (1893–1934), никарагуанский военный и политический деятель.

Казенс Обри — сержант, который за захват и удержание деревни Моосхофф 26 февраля 1945 года был посмертно награжден крестом Виктории.

Камехамеха — гавайский правитель, взошедший на престол в 1780 году, последующие десять лет вел кровавую войну за господство на Гавайских островах.

Мерфи Оди — (1924–1971), американский солдат, получивший за Вторую мировую войну наибольшее количество наград. Начав службу рядовым, быстро дослужился до сержанта, получил во время боевых действий звание второго лейтенанта, был три раза ранен, участвовал в девяти крупнейших кампаниях в Европе и пережил войну. В общей сумме был награжден тридцатью восемью орденами и медалями США, Франции и Бельгии.

Ксенофонт — (431–354 до н. э.), греческий историк и выдающийся военный деятель, автор философских, исторических и военных трудов.

Один следовало назвать «Магсайсай».— Магсайсай Рамон (1907–957), политический и государственный деятель Филиппин, погиб в авиационной катастрофе.

С. 263 *«Пал Малетер», «Монтгомери», «Чака», «Джеронимо»...*

Пал Малетер — командующий венгерской армией в 1956 году, поддерживал восстание против советского господства. Согласившись возглавить делегацию на переговорах с Советским Союзом, был арестован во время встречи с советским командованием и позже казнен.

Бернард Монтгомери — (1887–1976), британский маршал, один из выдающихся командиров Второй мировой войны. Командовал союзными войсками на Рейне после окончания войны. В 1942 году был посвящен в рыцари.

Чака — (1787–1820), вождь зулусов, основатель Африканской зулусской империи, оказывал во главе своей армии яростное сопротивление любым попыткам вторгнуться в страну.

Джеронимо — (1829–1909), вождь одного из индейских племен, который тридцать лет возглавлял оборону своих земель.

К роману «Дорога доблести»

Роман «Glory Road» был впервые опубликован в 1963 г. Это один из немногочисленных опытов Хайнлайна в жанре фэнтези.

С. 271 *Мы зачитывались Сэлинджером и Керуаком.*— Керуак Джек (1922–1969) — один из родоначальников литературы битников, американский

писатель, в США его романы «На дороге» (1957–1960), «Подземные люди» (1958), «Бродяги, взыскующие Дхармы» (1958), «Биг Сур» (1962) и «Тщеславие Дюлуза» (1968) пользовались огромной популярностью. Джером Дэвид Сэлинджер (р. 1919 г.) — известный американский писатель, в России была чрезвычайно популярна его повесть «Над пропастью во ржи». Проза Сэлинджера отмечена влиянием дзен-буддизма.

С. 273. *И хотя «Флэш» Гордон* — Флэш Гордон — герой фантастического комикса, созданного в 1934 г. художником Алексом Реймондом. Начиная с 1936 г. про Флэша Гордона было снято множество кино- и телефильмов. Английское слово «флеш» переводится как блистательный, быстрый как молния, но также и показной блеск, бахвальство.

С. 297. *Я мечтал о путешествии с Улиссом и Синдбадом-мореходом, мечтал о стране лотофагов, где стоит вечный полдень* — Здесь и далее Гордон вспоминает героев излюбленных книг американских мальчишек. Это герои книг Л. Кэрролла (Черная Королева, Белый Рыцарь, Твидлдам и Твидлди), Марка Твена («Приключения Гекльберри Финна» — герцог Бриджуотерский и Дофин), Эдгара Берроуза («Владыка Марса», «Дочь тысячи джедаккоов» — Джон Картер, Рея ...), рассказов Г. Уэллса (в том числе «Дверь в стене»), А. Дюма («Три мушкетера»)... Упоминаются также роман английского писателя Джона Бэкана «Пресвитер Иоанн», «артуриана» (обширная литература о короле Артуре и его мече Экскалибуре), «Одиссея» Гомера (Улисс), «Сказки тысячи и одной ночи» (Синдбад-Мореход) и т.д.

С. 305. *Хочешь, зови меня Иштар.*— Иштар — богиня плодородия и плотской любви из аккадско-вавилонского пантеона богов.

С. 326. *...он испытал горячее желание прикоснуть этого «Человека из Порлока»...* — Это персонаж из легенды, связанной с историей написания Кольриджем поэмы «Кубла Хан». Великий английский поэт Сэмюэль Тейлор Кольридж (1772–1834) писал ее в 1797 г. в загородном доме. Будучи больным и приняв наркотическое средство, Кольридж уснул и во сне ему явились строки поэмы. Когда же, проснувшись, он стал их записывать, в доме появился некий человек из Порлока, отвлек поэта и яркие воспоминания о сновидениях улетучились, а поэма так и осталась незавершенной.

С. 335. *Это была любопытная книженция, написанная неким Альбертусом Магнусом...*— Альбертус Магнус (Альберт Великий) — так называли средневекового немецкого теолога и алхимика Альберта фон Больштедта (1193–1280). Он носил титул «Великий в натуральной магии, еще более великий в философии, величайший в теологии». Альберт Великий преподавал в Кельне и Париже. Был естествоиспытателем, алхимиком, астроло-

гом, многие считали его даже чернокнижником, но доказать не смогли. В 1931 г. он был канонизирован, то есть причислен к лику святых.

С.336. ...*я же смотрел по телеку «Сумеречную зону»*... — американский фантастический телесериал 1959—1964 годов, создателем которого был писатель-фантаст Род Серлинг, сам написавший многие из получасовых и часовых эпизодов. В создании «Сумеречной зоны» принимали также участие другие известные фантасты — Ричард Матесон, Чарлз Бьюмонт, Томас Годвин и др.

С. 337. ...*стремительных лун Барсума... Вон и Дэя Торис* — Барсумом называется Марс в романах американского фантаста Эдгара Берроуза. Дея Торис —принцесса Марса, героиня марсианской эпопеи Берроуза.

С. 339. *Некоторые из них, особенно крупные, подобно страшилищу Кювье, травоядны.*— Жорж Леопольд Кювье (1769—1832) — знаменитый французский ученый-натуралист, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. Он восстанавливал облик древних ящеров по остаткам скелета. В данном случае, видимо, имеются в виду гигантские травоядные динозавры. А может быть, это намек на юмористическую историю о том, что однажды некий студент решил подшутить над Кювье, переоделся чудовищем, нацепил на себя рога и копыта и пытался напугать профессора. Кювье якобы осмотрел фигуру и флегматично произнес «Раз копыта, значит, ты травоядный и съесть меня не сможешь».

С. 345. ...*что даже «Олимпия Пресс» сочла бы нужным подвергнуть такое сообщение цензуре*...— «Олимпия Пресс» — парижское издательство, выпускавшее книги, не проходившие в пуританских Соединенных Штатах по цензурным соображениям. В частности, именно там увидели свет романы Генри Миллера (1891—1980) «Тропик Рака» (1934) и «Тропик Козерога» (1939), изданные в США лишь в 1961 и 1962 годах соответственно.

С. 350. ...*видно, местный Нижинский*... — Вацлав Нижинский (1889—1950) — знаменитый русский артист балета и балетмейстер.

С. 361. ...*потребовалась бы многомесячная работа Сюрте, ФБР и Арчи Гудвина*... — Сюрте Насьональ — Генеральная дирекция национальной безопасности в Париже, существововавшая с 1811 по 1966 год. ФБР — Федеральное бюро расследований США. Арчи Гудвин — герой серии романов американского писателя Рекса Стаута (1886—1975), помощник Ниро Вульфа.

С. 373. *Моя «лошадь... Назвал я ее Арс Лонга*... — имена восьминогих пони Стар и Гордона образуют начало афоризма древнегреческого врача Гиппократа (460—370 до н.э.), который по латыни звучит так: «Vita brevis,

ars vero longa, occasio autem praeceps, experienta fallax, judicium difficile». В переводе на русский это означает: «Жизнь коротка, искусство обширно, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно». А имя многоножки Руфо (Морэ Профунда) переводится как «глупость безмерна».

С. 392. *Джон Генри* — герой американского «железнодорожного» (то есть относящегося к эпохе строительства трансконтинентальных железных дорог) фольклора; был наделен невероятной физической силой.

...мои мысли явно ассоциировались с образами мадам Помпадур, Нелл Гвин, Нинон Ланкло и Ренджи Лил... применяя термины, которые наверняка сразили бы даже Франсуа Вийона. — Здесь перечислены имена королевских фавориток и дам полусвета, оставивших свой след в европейской истории. А французский поэт Франсуа Вийон (ок. 1431—после 1463) был знатоком жаргона низов общества.

Я продекламировал им «Дочурку Рейли» и «Бармаглота»...— «Дочурка (или малютка) Рейли» — фольклорное стихотворение, входящее во многие американские антологии. «Бармаглот» — стихотворение из первой главы «Зазеркалья» Льюиса Кэрролла.

С. 406. *А подделок разве не было? Этот... Пилтдаунский человек...* — в 1909 г. близ Пилтдауна (графство Сассекс, южная Англия) археолог-любитель Чарлз Даусон нашел фрагмент черепа древнего человека, вызвавший в научном мире сенсацию. В дальнейшем было найдено еще несколько фрагментов. Однако в пятидесятых годах выяснилось, что все это было мистификацией — ловко подсунутыми палеонтологам и антропологам подделками.

...Бирс... коллекционировал подобные истории, пока сам не попал в такую коллекцию...— имеется в виду американский писатель Амброз Бирс (1842–1914?), без вести пропавший в Мексике в 1913 –1914 гг.

...Каспар Хаузер — человек ниоткуда... — согласно документам, Каспар Хаузер родился 30 апреля 1812 года, однако где он провел первые шестнадцать лет своей жизни — неизвестно. Он появился в 1828 году на улицах Нюрнберга, практически не умея ни говорить, ни писать; его изучали врачи, физиологи, другие специалисты, было опубликовано несколько отчетов о «феномене Каспара Хаузера», однако он так и остался загадкой. А еще четыре года спустя он был убит. На месте его гибели в парке Ансбаха стоит памятник с надписью: «Здесь один неизвестный был убит другим неизвестным».

С. 408. *Слышал ли ты когда-нибудь об инкубах и суккубах...*— Персонажи средневековой демонологии. Инкубы — мужские демоны, домогавшие-

ся женской любви; суккубы, наоборот, демоны женские и домогались любви мужчин. Иногда принимали человеческий облик и даже вступали в брак со смертными; от этих браков рождались уроды или полувери.

С. 416. *...когда греки снова начнут отсчитывать время по календам...* — то есть никогда, поскольку термин «календы» применялся только в римском календаре и означал первые числа месяцев, приходящиеся на время, близкое к новолунию.

С. 439. *...известно, что однослоговые слова куда действеннее многослоговых...* — намек на то, что в английском языке практически вся внелитературная лексика состоит из однослоговых слов.

С. 442. *...малыш — ростом не больше валлаби...* — то есть двух с половиной футов (ок. 76 см); валлаби — мелкие австралийские кенгуру.

С. 449. *Линдберг перелетел через Атлантику...* — американский летчик Чарлз Линдберг (1902–1974) в 1927 году совершил первый в мире беспосадочный трансатлантический перелет из Соединенных Штатов во Францию, преодолев 5800 км за 33 часа 30 мин.

С. 452 *...совсем как в паноптикуме Ф.Т.Барнума...* — Финеас Тэйлор Барнум (1810–1891) в 1871 г. основал первый в США стационарный цирк в Нью-Йорке, а также знаменитый Музей диковинок.

С. 457. *Это тессеракт?* — Тессеракт (или гиперкуб) — куб, имеющий четыре измерения. На свойствах геометрии этого геометрического тела Хайнлайн построил сюжет своего рассказа «...И построил он себе скрюченный домишко...» (1941 г.), в более ранних и менее точных переводах рассказ назывался «Дом, который построил Тил», «И построил он дом».

С. 458. *... я (нормальный герой Бута Таркингтона) попал в ситуацию, привычную скорее героям Микки Спиллейна...* — Бут Таркингтон (1869–1946) — американский романист и драматург, писавший исторические и бытовые романы. Микки Спиллейн — один из родоначальников жанра «крутого» детектива.

С. 479. *Скажи мне, Оскар из Гордонов, ты когда-нибудь бывал в Каркасоне?* —основанный в 485 г. город Каркасон находится на юге Франции. По одной из версий Сирано де Бержерак родился именно там (хотя эту честь оспаривают и город Бержерак, и Париж, и несколько гасконских городов).

С. 488. *...находился в руках мрачных борцов за мир...* — намек на китайскую оккупацию Тибета, образование там Тибетского автономного района КНР со столицей в Лхасе и изгнание далай-ламы.

С. 491. *Все это лишь теория, и «Бритва Оккама»...*— Одно из правил формальной логики («Не следует умножать сущности сверх необходимости»), которое принадлежит средневековому философу Оккаму.

С. 494. ...*Царь Чурбан всегда лучше царя Журавля...*— имеется в виду басня «Царь Чурбан и журавль» Жана де Лафонтена (1621–1695).

С. 517. *Царь Мидас, как известно, потерял всякий интерес к своему дурацкому банку...*— фригийский царь Мидас, отличавшийся непомерным богатством и таким же сребролюбием, однажды, если верить легенде, возвратил богу Дионису пойманного силена. В награду Дионис предложил исполнить любое Мидасово желание, и тот попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, тут же превращалось в золото. Выяснив, что в золотые слитки превращается даже пища, Мидас охладел к затее и умолил Диониса взять дар обратно.

С.538. *Я ведь читал доклад Кинси...* — Имеются в виду результаты исследования полового поведения американок, проведенного Альфредом Чарлзом Кинси (1894–1956), американским культурологом, биологом и сексологом.

С. 552. *Так и Менелай говорил то же самое...*— Менелай, брат микенского царя Агамемнона, когда юный красавец Парис увел у него жену, не ревновал, а с помощью брата собрал войско и начал Троянскую войну. Все подробности этой истории — в Гомеровой «Илиаде».

С. 567. ...*единственный соперник Калтеха находился там, где секс вообще объявлен вне закона...*— Это намек на Массачусетский технологический институт, находящийся в Новой Англии, которая считается оплотом пуританства.

С. 578. *Всегда ли «дверь в стене» исчезает при втором взгляде на нее...*— намек на рассказ Герберта Дж.Уэлса (1866–1946) «Дверь в стене» (1906).

Луна—суровая хозяйка

Роман «The Moon Is a Harsch Mistress» написан Р.Хайнлайном в 1965 г., тогда же появилась журнальная версия. Полная книжная версия опубликована в 1966 г. В 1967 г. роман удостоен премии «Хьюго». В русском переводе существуют три версии романа. Перевод В.П.Ковалевского, приведенный в настоящем издании, считается классическим. Перевод З.Насоновой, опубликованный в издательстве «Центрполиграф» в 2002 г. вряд ли может составить ему конкурен-

цию. Зато про третий перевод стоит сказать особо. Он принадлежит перу известного петербургского писателя Ал.Ал.Щербакова («Луна жестко стелет». СПб., 1993) и отличается некоторой экстравагантностью. Щербаков решил, что поскольку лунные поселенцы являются потомками каторжников, то и язык их представляет собой вариант блатного жаргона. Перевод кого-то ужаснул, а кого-то восхитил. Как бы там ни было, в 1994 г. Щербакову за его перевод были присуждены две премии — премия Всероссийского Конгресса фантастов «Странник» и Беляевская премия.

С. 581. *...я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал ИБМ...*— герой романа то ли шутит, то ли в силу оторванности от мира литературы не подозревает о том, что Томас Уотсон, долгое время возглавлявший международную фирму IBM, основанную Г. Холлеритом в 1924 г. и специализировавшуюся на производстве электронного (а позже и компьютерного) оборудования, никогда не писал про Шерлока Холмса, а просто является однофамильцем персонажа А. Конан Дойла.

С.584. *...повесили в Салеме за колдовство... отправили в Ботани-бей...*— В массачусетском городке Салеме состоялся самый громкий в истории США процесс ведьм. Несколько десятков человек погибло в ходе дознания, несколько были казнены по приговору суда. Это случилось в 1692 году, а несколько лет спустя выяснилось, что первопричиной всему был навет группы девочек, недовольных придирками гувернантки... Ботани-бей — залив в Новом Южном Уэльсе, Австралия, куда в январе 1788 г. вошли корабли с первым транспортом каторжников.

С. 671. *...знать труды классиков — Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли...* — Карл Клаузевиц (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (в 1812–1814 годах находился на русской службе). В своей главной работе «О войне» разработал принципы стратегии и тактики, сформулировал тезис о войне как продолжении политики. Эрнесто Че Гевара де ла Серна (1928–1967) — латиноамериканский профессиональный революционер. Родился в Аргентине, с 1956 года участвовал в кубинской революции, после победы которой стал президентом Национального банка Кубы и министром национальной промышленности. В 1965 году вернулся на континент, включился в партизанскую войну в Боливии, где и погиб. Оскар Моргенштерн (1902–1978) — американский математик и экономист, создатель (вместе с Джоном фон Нейманом) теории игр, автор множества трудов по методологии статистического и математического

анализа политико-экономических проблем. Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский историк, писатель и политический мыслитель. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства, откуда и пошел термин «макиавеллизм».

С. 692. *...от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду...* — 11,186 и 2,375 км/с — вторая космическая скорость (она же скорость убегания) на Земле и Луне, необходимая для вывода ракет за пределы соответственно земной и лунной гравитации.

С. 766. *Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие»...* — один из эпизодов американской Войны за независимость. В 1773 году в знак протеста против беспошлинного ввоза в Америку чая из Англии, что подрывало экономику колоний, члены организации «Сыны свободы» проникли на стоявшие в порту английские корабли и сбросили чай в море.

С. 807. *Это Томас Джефферсон...* — Джефферсон Томас (1743–1826) — третий президент США (1801–1809), автор проекта Декларации независимости. Сведения о его рационал-анархизме — целиком на совести профессора де ла Паса.

С. 842. *...парс по происхождению...* — парс — представитель религиозной группы зороастрийцев, переселившихся в Индию в VII — XII веках из Персии. Причиной их переселения послужило завоевание Ирана арабами.

С. 865. *...когда я возлагал венок у моста в другом районе Бостона, Конкорде...* — У моста Конкорд-бридж в 1776 г. произошла стычка между американскими повстанцами и британскими регулярными войсками — первое сражение Войны за независимость.

С. 904. *Это классический маневр «Перл-Харбор» в теории игр...* — Существует версия, согласно которой президент Франклин Д.Рузвельт сознательно игнорировал данные разведки о нападении, готовящемся японцами на Перл-Харбор, чтобы тем самым поставить страну в ситуацию, когда вступление ее в войну окажется неизбежно. Документальных подтверждений такой точки зрения нет.

С. 1007. *Слим уговорил Хейзел сменить фамилию на Стоун...* — Хейзел Стоун неоднократно появляется в романах Хайнлайна («Космическое семейство Стоун», «Число Зверя», «Кот, проходивший сквозь стены», «Уплыть за закат»).

Комментарии А. Ермолаева

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ..... 5

ДОРОГА ДОБЛЕСТИ..... 267

ЛУНА — СУРОВАЯ ХОЗЯЙКА..... 579

КОММЕНТАРИИ..... 1009

Литературно-художественное издание

Роберт Хайнлайн

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

Ответственный редактор *А. Ермолаев*
Выпускающий редактор *С. Абовская*
Технический редактор *М. Белякова*
Корректоры *Е. Артемьева, В. Саранчева, Е. Шестакова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Дона Мэйца*

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лизензия ЛР № 066477.
190121, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д.1 «Б»
Электронные адреса: WWW. TF. RU, E-mail: TERRAFAN @ TF. RU

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 30.03.2007.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 53,76.
Тираж 4100 экз. Заказ № 6911.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении *обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

НОВЫЕ РОМАНЫ 2006 ГОДА

«Городская фэнтези – 2006»
Роман Глушков «Клетка без выхода»
Александр Громов «Первый из могикан»
Евгений Гуляковский «Красное смещение»
Владимир Добряков «Час совы» и «Сумеречные миры»
Алексей Евтушенко «Отряд», «Отряд-2» и «Отряд-3»
Михаил Кликин «Личный друг бога»
Олег Макушкин «Иллюзион»
Роман Папсуев «Правитель мертв»
Андрей Плеханов «Бессмертный мятежник» и «Лесные твари»

www.eksmo.ru

Роберт

ХАЙНЛАЙН

R. A. Heinlein

ISBN 978-5-699-05901-0

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ